Шк. В4
Полка 3
Ряд 1
№ 7

ПО ПОРУЧЕНІЮ Г. МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ.

Библіотека
Гидрографич. Экспедиціи
Вост.-Сиб. р-на Сѣв.
Ледовитаго Океана
№ 180

ОПИСАНІЕ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ.

(СЪ КАРТОЙ).

СОСТАВЛЕНО
Г. Е. ГРУМЪ-ГРЖИМАЙЛО
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
П. П. СЕМЕНОВА.

Главная морская библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія и переплетная С. М. Николаева. Васильевскій Островъ, 3-я линія, № 40.
1894.

Акт № 3

Шк В-4
Полка 3
Ряд 1
№ 7

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

М2		ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ		
З-Г.90-0				
				✓

Картотип. ГУРКВМФ. Зак. 476—20000

ПРОВЕРЕНА
1952 г.

Проверено 19 г.

ПРОВЕРЕНА-58

Проверено-85

Шк. В 4
Полка 3
Ряд 1
№ 7

ПО ПОРУЧЕНІЮ Г. МИНИСТРА ФИНАНСОВЪ.

Библіотека
Гидрографич. Экспедиціи
Вост.-Сиб. р-на Сѣв.
Ледовитаго Океана
№ 180.

ОПИСАНІЕ
АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ.

(СЪ КАРТОЙ).

10632

Инвентарь № 3124
23 мая 1929 г.

СОСТАВЛЕНО
Г. Е. ГРУМЪ-ГРЖИМАЙЛО
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
П. П. СЕМЕНОВА.

Главная морская библиотека

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія и переплетная С. М. Николаева. Васильевскій Островъ, 3-я линія, № 40.
1894.

Печатано по распоряженію Г. Министра Финансовъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При разсмотрѣніи вопроса о проведеніи Амурскаго участка Великой Сибирской желѣзной дороги отъ Покровской до Хабаровска, а равнымъ образомъ, при обсужденіи различныхъ мѣропріятій по заселенію Амурской области и развитію въ ней торгово-промышленной дѣятельности, представилось естественно необходимымъ имѣть возможно болѣе подробное описаніе физико-географическихъ и экономическихъ условій этой обширной, но еще недостачно извѣстной страны.

Хотя нынѣшнее состояніе имѣющихся объ Амурской области свѣдѣній и не дозволяетъ опредѣлить то или другое направленіе для Амурскаго участка Сибирской дороги безъ спеціальныхъ мѣстныхъ изслѣдованій, однако же, чтобы хотя отчасти выяснить цѣль, характеръ и даже направленіе этихъ изслѣдованій и вообще оріентироваться въ дѣлѣ, представлялось весьма полезнымъ извлечь изъ множества разнообразныхъ и отчасти не переработанныхъ научнымъ образомъ источниковъ всѣ имѣющіяся объ Амурской области географическія, геологическія, климатологическія, экономическія, статистическія и иныя данныя, подвергнуть ихъ сравнительной провѣркѣ, и сведя въ одно цѣлое, подвести этимъ самымъ, такъ сказать, итоги современнаго состоянія нашихъ знаній объ этомъ краѣ.

Составленіе указаннаго труда, по особой, выработанной мною при участіи П. М. Романова, В. И. Ковалевскаго и П. В.

Охочинскаго и одобренной Г. Министромъ Финансовъ программѣ, было поручено Г. Е. Грумъ-Гржимайло, а я принялъ на себя съ особеннымъ удовольствіемъ ближайшее руководство этимъ трудомъ и общую его редакцію.

Въ виду обширности матеріала, до крайности разбросаннаго какъ въ спеціальныхъ сочиненіяхъ и періодическихъ органахъ, такъ и въ мало доступныхъ оффиціальныхъ изданіяхъ и отчетахъ, а отчасти и совсѣмъ еще неизданныхъ матеріалахъ, срокъ выполненія означеннаго труда опредѣлялся годомъ и работа должна была быть представлена въ рукописи не позже апрѣля текущаго года.

Обязательство было выполнено Г. Е. Грумъ-Гржимайло съ свойственною ему быстротою и талантливостью, и нами было приступлено немедленно къ печатанію труда, принявшаго болѣе обширные, противъ предполагавшихся первоначально, размѣры, вслѣдствіе того, что матеріалы, къ пользѣ дѣла, оказались гораздо богаче и обширнѣе, чѣмъ мы предполагали, что благодаря усиліямъ мѣстныхъ изслѣдователей появилось въ печати нѣсколько весьма цѣнныхъ спеціальныхъ трудовъ по Амурской области въ теченіе 1893 и даже 1894 года и что, наконецъ, оказавшій свое просвѣщенное содѣйствіе къ предпринятому труду вновь назначенный генералъ-губернаторъ С. М. Духовской успѣлъ не только привести въ исполненіе въ высшей степени интересное обслѣдованіе всѣхъ населенныхъ мѣстностей области по составленной мною программѣ, но и доставить мнѣ подлинные переписные листы по каждому населенному пункту уже къ исходу прошедшедшаго 1893 года. По высокому интересу собраннаго матеріала статистическая его разработка была произведена лично мною и составила значительную часть самой обширной изъ главъ сочиненія—именно X-ой.

Согласно составленной мною программѣ, одна глава посвящалась исторіи Амурскаго края, три географическому описанію области, одна геологическому ея строенію, одна климату страны, одна растительному ея покрову, одна животному міру, въ ней обитающему, одна инородческому населенію области и, наконецъ, три русскому ея населенію и его экономической жизни, современному состоянію его сельского хозяйства, про-

мышленности и торговли. При разработкѣ превзошедшихъ всѣ наши ожиданія своимъ богатствомъ и разнообразіемъ матеріаловъ, Г. Е. Грумъ-Гржимайло, согласно моимъ указаніямъ, настойчиво придерживался правилу, усвоенному мною отъ незабвеннаго моего учителя, Карла Риттера—разработывать всѣ доступные автору матеріалы исчерпывающимъ образомъ, не выхватывая только нѣкоторые изъ нихъ на выдержку, а на оборотъ, не пропуская ни одного изъ показаній объ изслѣдуемой странѣ и сопоставляя ихъ между собой, приходить къ выводамъ не иначе, какъ по тщательной, сравнительной и критической ихъ оцѣнкѣ. Только подобный методъ въ географическомъ циклѣ наукъ и можетъ имѣть характеръ періодическаго подведенія итоговъ современнаго состоянія нашихъ знаній о той или другой странѣ. А такое подведеніе итоговъ болѣе всего способствуетъ успѣху географической науки, создавая изъ драгоцѣннаго матеріала, накопляемаго непосредственными наблюдателями — путешественниками и мѣстными изслѣдователями, хотя бы временныя, но стройныя зданія, которыя, сослуживъ свою службу наукѣ и практикѣ, подвергаются надстройкѣ или капитальному ремонту по накопленіи новыхъ матеріаловъ или при сильномъ измѣненіи въ предметахъ, ими разсматриваемыхъ.

Не нахожу нужнымъ перечислять здѣсь всѣ источники которыми мы пользовались при составленіи нашего труда, такъ какъ въ выноскахъ находятся вездѣ необходимыя на нихъ ссылки. Считаю однако же полезнымъ указать здѣсь, что источники эти можно раздѣлить на три главныя группы. Къ первой изъ нихъ относятся превосходные труды нашихъ путешественниковъ, составившихъ, можно сказать, всемірную себѣ извѣстность именно своими путешествіями и изслѣдованіями въ предѣлахъ Амурскаго края. Къ нимъ причисляются такія крупныя научныя силы, какими представляются Миддендорфъ, Шварцъ, Максимовичъ, Шренкъ, Шмидтъ, Маакъ, Радде, а въ новѣйшее время акад. Коржинскій, изучавшіе преимущественно природу страны. Ко второй категоріи относятся очень достойные мѣстные изслѣдователи, пребывавшіе въ краѣ болѣе или менѣе продолжительное время и дѣйствовавшіе въ немъ каждый по своей спеціальности, но вмѣстѣ съ тѣмъ доставившіе геогра-

фической литературѣ цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ для познанія края матеріаловъ. Сюда относятся, напримѣръ, Аносовъ, Усольцевъ, Свербеевъ, Надаровъ, Романовъ, Венюковъ, Шперкъ, Назаровъ, Боголюбскій, Бартоломей, кн. Дадешкаліани, Дыбовскій, Бацевичъ, Крюковъ и мн. др. Значительная часть ихъ трудовъ была опубликована въ мало доступныхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, въ прекрасномъ Сборникѣ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи, издаваемомъ Военно-Учебнымъ Комитетомъ Главнаго Штаба, а также въ періодическихъ изданіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и въ особенности Восточно-Сибирскаго его Отдѣла. Наконецъ, третья категорія заключается въ оффиціальныхъ источникахъ, какъ печатныхъ, такъ и рукописныхъ, къ которымъ принадлежатъ, напримѣръ, печатавшійся въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ генералъ-губернаторомъ Д. Г. Анучинымъ «Сборникъ главнѣйшихъ оффиціальныхъ документовъ по управленію Восточною Сибирью», приложенія ко всеподданнѣйшимъ отчетамъ губернаторовъ Амурской области, изданныя по распоряженію Приамурскаго генералъ-губернатора барона А. Н. Корфа труды III Хабаровскаго съѣзда, упомянутыя уже выше, собранныя по распоряженію нынѣшняго приамурскаго генералъ-губернатора С. М. Духовского драгоцѣнныя свѣдѣнія о населеніи и экономическомъ положеніи каждаго изъ селеній Амурской области. Съ глубокою признательностью передаетъ настоящее изданіе вниманію потомства имена всѣхъ дорогихъ Россіи дѣятелей по занятію, колонизаціи, изслѣдованію и изученію края и его управленію.

Не легко было собрать всѣ разнообразные и крайне разбросанные источники, о которыхъ было только что упомянуто, еще труднѣе было, не только внимательно изучивъ, но и исчерпавъ ихъ, согласно съ установленною программою, такъ быстро и добросовѣстно выполнить ее, какъ это было сдѣлано Г. Е. Грумъ-Гржимайло. Оказавшіеся въ его манускриптѣ пробѣлы и пропуски были тщательно пополняемы мною во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда, какъ напримѣръ по главамъ—исторической, географическимъ и этнографической, нѣкоторые источники

ускользнули отъ его вниманія или появилась вновь во время хода нашихъ работъ. Глава VI, климатологическая, была переработана мною по даннымъ, заключающимся въ лѣтописяхъ Главной Физической обсерваторіи, а составленіе главъ X, XI и XII, трудность котораго заключалась въ крайней неполнотѣ и недостаточности по нимъ печатныхъ матеріаловъ, я, по соглашенію съ Г. Е. Грумъ-Гржимайло, принялъ на себя, разумѣется, при дѣятельномъ его участіи. Особенно затруднительно представилась для насъ разработка такихъ цифровыхъ данныхъ, которыя не могутъ имѣть полной достовѣрности, при невозможности для мѣстной администраціи установить правильную регистрацію, поддающихся цифровымъ записямъ, данныхъ въ столь обширномъ и малолюдномъ краѣ. Вслѣдствіе того намъ приходилось пользоваться и такими цифрами, которыя далеки отъ точности, но при осторожномъ съ ними обращеніи могутъ служить для многихъ полезныхъ соображеній. На заключеніе же, представленное мною въ концѣ этой книги, я прошу смотрѣть только, какъ на выраженіе личныхъ моихъ мнѣній, возникшихъ уже послѣ внимательнаго изученія всѣхъ матеріаловъ, послужившихъ намъ для ея составленія.

Изданіе нашего труда закончено къ 1-му іюля текущаго 1894 года. При такой поспѣшности изданія читатели отнесутся, конечно, съ снисхожденіемъ къ нѣкоторымъ неизбѣжнымъ въ такой обширной, сложной и спѣшной работѣ недосмотрамъ, и если книга эта, подведеніемъ итоговъ нашихъ знаній о живо интересующемъ всю Россію краѣ замѣнитъ, до нѣкоторой степени, для лицъ, направляющихся въ Амурскую область на новыя изслѣдованія, а также для почтенныхъ мѣстныхъ дѣятелей края, цѣлую массу малодоступныхъ изданій и матеріаловъ, которыми мы пользовались, и тѣмъ самымъ подвинетъ впередъ знаніе края, то мы будемъ считать цѣль этого изданія вполнѣ достигнутою.

П. Семеновъ.

ГЛАВА I.

Историческій очеркъ судебъ Амурскаго края.

Древнѣйшая исторія Амурскаго края намъ почти совсѣмъ неизвѣстна; даже у китайскихъ историковъ мы не находимъ ничего, кромѣ фантастическихъ разсказовъ о народахъ, населявшихъ нѣкогда эту страну. И только послѣ смѣнившихся одна за другою династій—Ляо (916 — 1115) и Гинь (1115 — 1235), изъ которыхъ первая возникла при берегахъ Амура, а вторая—въ лѣсахъ Гириня, китайскія свѣдѣнія о сѣверныхъ окраинахъ Манджуріи получаютъ большую опредѣленность, истину и полноту.

В. Горскій [1]) полагаетъ, что большинство племенъ, соединенныхъ нынѣ подъ общимъ именемъ манджуровъ, принадлежатъ къ потомкамъ древнихъ Сушеней и что встрѣчающіяся въ китайской исторіи имена: Илоу, Уцзи, Мохэ, Бохай и Нью-Чжень относились къ могущественнымъ родамъ одного и того-же сушеньскаго племени. Совершенно тождественный взглядъ на сродство всѣхъ этихъ «восточныхъ варваровъ», какъ ихъ называли китайцы, встрѣчаемъ мы и у другого извѣстнаго синолога нашего, о. Іакинѳа Бичурина [2]). Такимъ образомъ, оказывается, что уже за двадцать семь вѣковъ до перваго знакомства русскихъ съ народами бассейна Амура, послѣдній былъ почти исключительно заселенъ представителями тунгузской народности.

---

[1]) «Труды членовъ Духовной Миссіи въ Пекинѣ». 1852, т. I.

[2]) «Еще во времена древней династіи Чжеу, въ нынѣшней Манджуріи царствовалъ домъ Сушень. Съ небольшимъ за два вѣка до Р. Х. мѣсто его заступилъ домъ Илоу, который въ IV в. по Р. Х. переименовался въ Уги (Уцзи) и раздѣлился на семь большихъ аймаковъ. Въ VI столѣтіи изъ семи угискихъ аймаковъ усилился аймакъ Хей-шуй-бу (т. е. Амурскій), а въ началѣ VII ст. онь отдѣлился отъ Уги, принялъ народное названіе Амурскихъ Мохэ и въ непродолжительномъ затѣмъ времени раздѣлился на шестнадцать новыхъ аймаковъ. Въ началѣ VIII в. бохайскій владѣтель покорилъ Мохэ». (См. Іакинѳа «Собраніе свѣдѣній о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена», I, 2. стр. 479 и болѣе подробно ib. II, 1, стр. III).

Ср. также Klaproth «Asia polyglotta»: «Die Mo-ho werden als Stammväter der Niudshi. von denen die Mandshu abstammen sollen, angesehen». Стр. 204, примѣчаніе 2.

Основываясь на китайскихъ источникахъ, Горскій очень бойко описываетъ намъ нравы этихъ первобытныхъ обитателей бассейна Амура [1]).

«Древній манджуръ», говоритъ онъ, «подобно скиѳамъ, готамъ и гуннамъ, съ самаго младенчества своего учился одному искусству—владѣть конемъ и тугимъ лукомъ. Стрѣла съ наконечникомъ, сдѣланнымъ изъ остраго и твердаго камня, была первою драгоцѣнностью дикаря, которую онъ освящалъ молитвами къ духамъ и представлялъ въ дань Китаю, какъ самое лучшее сокровище. Сила и мѣткость стрѣлка на значительномъ разстояніи дѣлали это слабое орудіе смертельнымъ, а ядъ, покрывавшій остріе, наносилъ неизбѣжную гибель при самой легкой ранѣ. Борясь за независимость или гоняясь за добычею, манджуръ не дорожилъ своею жизнью; препятствія на пути, дальность разстоянія, множество враговъ не могли положить предѣла его дерзости и мщенію. Сосѣднія владѣнія, нерѣдко испытывавшія грозную силу манджурскаго лука, страшились этого народа, дорожившаго только мужествомъ и отвагой и не преклонявшагося даже передъ самыми священными чувствами. Стариковъ мало уважали, и слеза, пролитая въ память родителей, считалась слабостью не только для мужчины, но и для женщины. Всѣ почести, какія только воздавались праху умершихъ, состояли въ томъ, что тѣла ихъ зарывались съ нѣсколькими, принесенными въ жертву усопшему, свиньями въ могилу, надъ которой строился деревянный навѣсъ для защиты покойниковъ отъ дождя. Самый бракъ, занимающій важное мѣсто въ обрядахъ всѣхъ народовъ, совершался безъ многочисленныхъ церемоній: воткнуть пучекъ разноцвѣтныхъ перьевъ въ косу дѣвицы—значило избрать ее въ невѣсты; прикоснуться рукою къ груди — служило неоспоримымъ доказательствомъ заключеннаго брака. За бѣдный калымъ каждый отецъ съ удовольствіемъ передавалъ свою дочь въ руки неограниченнаго супруга, для котораго слова жена и раба звучали почти одинаково». Жилищемъ манджуру служили: лѣтомъ — шалашъ, зимой — пещера или землянка [2]), въ которой рядомъ мѣстились люди и свиньи. Питался онъ сырымъ мясомъ, любилъ пить воду, настоенную золою (?). Зимой,

---

[1]) «Начало и первыя дѣла Манджурскаго дома» въ Трудахъ членовъ Духовной Миссіи въ Пекинѣ, I, стр. 10 и далѣе.

[2]) Горскій выражается въ этомъ мѣстѣ очень неясно: «зимою дѣлалъ онъ своими руками высокую насыпь, на днѣ (?) которой располагалъ свое жилище; нѣсколько лѣстницъ вело во внутренность мрачнаго логовища, куда не проникалъ солнечный лучъ и свѣтъ достигалъ только дымовою трубой». Стр. 12.

для защиты отъ вѣтровъ, мазалъ свое тѣло свинымъ жиромъ, одѣвался въ звѣриную или рыбью кожу, на головѣ носилъ шапку, украшенную хвостами тигра; а лѣтомъ — небольшой лоскутокъ прикрывалъ наготу дикаря.

«Таковы», продолжаетъ Горскій, «общія черты жизни сушеней[1]), илоу и даже древнихъ мохэ, которые дикими своими нравами приближались къ быту прочихъ народовъ, населявшихъ въ то время Среднюю Азію. Впрочемъ, уже и въ эти времена глубокаго невѣжества и варварства частныя свойства страны, щедро надѣленной дарами природы, сообщили тунгузскимъ племенамъ благотворное направленіе, рѣзко отдѣлившее ихъ отъ кочевыхъ народовъ и послужившее прочнымъ основаніемъ самобытной исторіи манджуровъ».

Въ самомъ дѣлѣ, Манджурія, взятая въ ея древнихъ границахъ, представляла по своему физическому характеру обширную, отчасти гористую страну, покрытую, кромѣ восточной захинганской части Гоби, сплошными лѣсами, изрѣзанную долинами и ущельями и хорошо орошенную, но суровую въ климатическомъ отношеніи, а потому представляющую нерѣдко трудно-одолимыя препятствія для развитія въ ней земледѣльческой, а тѣмъ болѣе пастушеской жизни. Вотъ почему древніе манджуры были по преимуществу звѣроловы и этотъ бытъ господствовалъ у нихъ съ до-историческихъ временъ до послѣдней эпохи, придавшей столь высокое значеніе этой странѣ. При полномъ почти отсутствіи въ Манджуріи условій, способствующихъ развитію пастушеской жизни, но при возможности постепеннаго развитія земледѣлія въ нѣкоторыхъ наиболѣе низкихъ и теплыхъ частяхъ ея, какъ, напримѣръ, въ долинѣ Гирини, а затѣмъ и во всей рѣчной области Черной рѣки (Хэшуя), т. е. Амура, часть населенія Манджуріи изъ состоянія блуждающихъ звѣролововъ постепенно, но уже непосредственно перешла въ состояніе осѣдлыхъ земледѣльцевъ, что и помогло манджурамъ организоваться въ прочное и до нѣкоторой степени могущественное государство.

Культура земли и съ незапамятныхъ временъ завязавшіяся торговыя сношенія съ сосѣдними странами[2]) должны были, безъ сомнѣнія, усложнить взаимныя отношенія между жителями

[1]) Повидимому, это не совсѣмъ такъ. Что уже Сушенцы должны были обладать культурой высшей, чѣмъ изображенный выше дикарь, видно изъ слѣдующихъ строчекъ китайской лѣтописи: «въ 30 ли отъ него находился городъ Сушень, столица древняго царства Сушень». О. Іакинфъ — «Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», II, 2. стр. 179.

[2]) Изъ Манджуріи уже въ древнія времена вывозили въ Китай: жемчугъ, соболей, кречетовъ и драгоцѣнный у китайцевъ корень «жень-шень».

Манджуріи и породить большее разнообразіе въ управленіи ихъ общинами, надъ которыми уже тогда стояли сначала выборные, а затѣмъ и наслѣдственные старшины. Такимъ образомъ возникъ и вскорѣ разросся штатъ чиновниковъ, изъ коихъ старшимъ присвоены были имена девяти планетъ, а младшимъ—двадцати восьми созвѣздій. Одновременно, общины, интересы коихъ сталкивались уже повсемѣстно, получили совершенно военную организацію—и слабѣйшія должны были уступить болѣе сильнымъ или стать подъ защиту послѣднихъ. Такимъ образомъ, мелкіе роды и поколѣнія соединились въ болѣе крупные союзы, въ которыхъ вскорѣ утратили свои частныя права и характеръ подъ вліяніемъ общаго устройства; изъ безчисленныхъ поселковъ образовалось нѣсколько владѣній, сильныхъ по народонаселенію и оружію. Могущество старѣйшинъ пало предъ верховною волей главы союза, неограниченно повелѣвавшаго въ своемъ родѣ и предписывавшаго законы всѣмъ владѣльцамъ, принужденнымъ вступить въ составъ союза. Наконецъ, соединеніемъ племени подъ единствомъ управленія нанесенъ былъ рѣшительный ударъ прежнему варварству и на развалинахъ древней, дикой независимости созидалось благополучіе жизни гражданской, общественной.

Въ VII в. одинъ изъ амурскихъ аймаковъ Мохэ, по имени Сумо, быстро усилился, и владѣтель его, бэйлы Цицикъ-Чжунсянъ, подчинивъ большинство манджурскихъ племенъ, положилъ основаніе первому манджурскому государству, извѣстному въ исторіи подъ именемъ Бохайскаго. Оно пало въ 924 г. въ борьбѣ съ киданьскимъ[1]) императоромъ Тай-Цзу-Ѣлюй-Амби-Гянемъ, сумѣвшимъ въ самый короткій срокъ изъ небольшого наслѣдственнаго аймака, земли котораго въ началѣ едва обнимали оба берега верхняго теченія Амура[2]), создать обширнѣйшую монархію, включившую, между прочимъ, въ предѣлы свои и всѣ манджурскія земли. Имперія эта, иначе имперія Ляо, просуществовала, однако, не болѣе двухъ столѣтій, т. е. до 1125 г., когда сѣверо-манджурскія племена (съ верховьевъ Амура?), извѣстныя въ исторіи подъ именемъ союза Нюй-

[1]) Національность киданей въ точности не установлена. Іакинѳъ считаетъ ихъ отраслью восточныхъ монголовъ—дунъ-ху («Записки о Монголіи», II, стр. 152), хотя и говоритъ дальше, что «обычаи были во многомъ сходны съ мохэскими» (Собраніе свѣдѣній о народахъ Средней Азіи», II, стр. 91); Klaproth же безъ оговорокъ причисляетъ ихъ къ народамъ тунгузскаго племени: «Vor den Niu-dshi war ein audere tungusisches Volk in jenen Gegenden mächtig gewesen, nämlich die K'itan, welche das Reich Liao gestiftet hatten» («Asia polyglotta», стр. 294).

[2]) А не тянулись-ли они вдоль береговъ Татарскаго пролива, носившихъ въ старину названіе земли Итанъ или Китанъ, что значитъ «красныхъ дикарей?» (См. Siebold. Nouveau journal asiatique, 1829, № 16).

Чжень (Нюй-Чжи), возстали и въ теченіе 12 лѣтъ, подъ предводительствомъ нѣкоего Агуды, успѣли не только завоевать независимость (1114 г.), но и уничтожить самое царство Киданей. Это была замѣчательная борьба, во время которой нюй-чженцы въ одно и то же время дрались за свою независимость, строили города и проводили элементы гражданственности въ среду полудикихъ племенъ. Еще до завоеванія Сѣвернаго Китая, они въ общемъ уже усвоили себѣ тамошній бытъ съ его многочисленными оттѣнками [1]). Устройство государства, управленія и властей, этикетъ двора, обряды вѣры, правила общественной жизни и народнаго воспитанія—все, чѣмъ Китайская имперія возвышалась надъ окружавшими ее владѣніями и народами, мгновенно перенесено было въ Манджурію и быстро принялось на ея благословенной почвѣ. Впослѣдствіи же, когда династія Гинь изъ сѣверной половины Китая, Монголіи и всей Манджуріи составила одну могущественную имперію, образованность достигла въ послѣдней такой высоты, что даже и въ этомъ отношеніи она сравнялась съ Южнымъ Китаемъ, находившимся въ то время подъ управленіемъ династіи Сунъ, знаменитой въ лѣтописяхъ Срединнаго царства своимъ просвѣщеніемъ. Но несмотря на свое военное могущество, имперія Гинь просуществовала немногимъ больше столѣтія. Уже въ 1234 г. городъ Цай-Чжоу, послѣдній нюйчженьскій оплотъ, былъ взятъ приступомъ Угэдеевымъ полководцемъ Тацикомъ, и императоръ въ отчаяніи сжегъ себя на кострѣ. «Симъ дѣйствіемъ», добавляетъ китайская лѣтопись [2]), «монголы довершили разрушеніе Дома Гинь и завоеваніе Сѣвернаго Китая».

Опустошенная изъ края въ край, утратившая большую часть своего народонаселенія, лишившаяся самобытности, Манджурія, въ періодъ господства въ Китаѣ Юаньской (Монгольской) династіи, погрузилась въ прежнее полудикое состояніе, и только однѣ развалины городовъ напоминали еще здѣсь недавнее величіе этой страны. Разслабленіе нравственныхъ силъ народа было такъ велико, что такое событіе, какъ изгнаніе монголовъ изъ Небесной Имперіи (1368 г.) не имѣло для него никакихъ благодѣтельныхъ результатовъ. Вотъ почему Минскій домъ, возвратившій свободу отечеству, такъ легко распространилъ свою власть на сѣверо-восточныя племена Застѣнной импе-

---

[1]) Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ Горскій (ib., стр., 24); однако, намъ кажется, слѣдуетъ относиться съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ подобнаго рода культурнымъ успѣхамъ.

[2]) Іакинѳъ—«Записки о Монголіи» II, стр. 180.

ріи, снова уже жившія въ это время отдѣльными группами, безъ единства управленія, а потому и безъ силы защищать родину отъ вліянія чужеземцевъ. Почти триста лѣтъ длилось время изнеможенія Манджуріи, и только въ концѣ XVI столѣтія состояніе страны начало принимать болѣе опредѣленную форму и на развалинахъ Гиньскаго царства стало созидаться могущество другого Дома, которому и суждено было въ третій періодъ исторіи восточныхъ племенъ возвести ихъ до апогея народной славы и могущества.

Въ 1558 г. во владѣтельномъ родѣ, по имени Гіоро, родился замѣчательный человѣкъ, положившій начало одной изъ величайшихъ въ мірѣ монархій—современной Китайской или, правильнѣе, Манджурской державѣ.

Какъ, однако, ни поучительна сама по себѣ исторія Нурхаци, прозваннаго Верховнымъ Предкомъ—Тай-цзу, она не можетъ служить предметомъ нашего изложенія: у насъ иная задача, чѣмъ у историковъ Манджурскаго Государства; мы пишемъ общій очеркъ исторіи Амурскаго края, какъ бывшей нѣкогда сѣверной части этого государства [1]), а потому для нашихъ цѣлей — правильной оцѣнки послѣдующихъ событій — достаточно только самыхъ общихъ указаній на крупнѣйшія изъ явленій въ жизни тунгузскихъ племенъ. И такими явленіями, безъ сомнѣнія, были: провозглашеніе независимости и объединеніе всѣхъ манджурскихъ аймаковъ отъ береговъ Великаго Океана до степей Монголіи и отъ границъ Китайской Имперіи до Амура подъ властью Тай-Цзу (1616 г.); война 1619 г., закончившаяся полнымъ разгромомъ китайскихъ армій и смертью даровитѣйшихъ изъ ея вождей; принятіе въ 1636 г. сыномъ Тай-Цзу, Тай-Цзуномъ императорскаго титула и основаніе Дайциньской династіи; наконецъ, паденіе Минской династіи и перенесеніе въ 1644 г. столицы въ Пекинъ.

Но одновременно съ этими событіями, совершавшимися на югѣ, въ Застѣнномъ Китаѣ, не меньшаго значенія событія происходили и на сѣверныхъ границахъ вновь возникшей державы: тамъ впервые появились лоча, т. е. русскіе. Такимъ обра-

[1]) Въ доказательство того, что Тай-Цзунъ считалъ себя властителемъ всего бассейна Амура, приводимъ нижеслѣдующій документъ: «Милостью Неба, мы, наслѣдовавши престолъ послѣ родителя нашего Тай-Цзу, распространили предѣлы нашего государства отъ сѣверо-восточнаго моря до сѣверо-западнаго. И племена, ѣздящія на собакахъ и оленяхъ, и ловцы черныхъ соболей и лисицъ, и люди, не сѣющіе хлѣба, но питающіеся мясомъ звѣрей и рыбъ, и аймаки Элютовъ (т. е. калмыковъ) и аймаки, обитающіе на берегахъ Онона и владѣнія Юаньскаго дома и Корея, всѣ соединились подъ нашею великою державою и всѣ, князья, вельможи и народъ, единодушно поднесли намъ титулъ и нашему правленію имя Чунъ-дэ». (Изъ письма Тай-Цзуна китайскому императору. См. «Труды членовъ Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ», I, стр. 179).

зомъ, началу новой эры въ жизни Дай-цинъскаго государства соотвѣтствуетъ и вступленіе въ новый фазисъ исторіи Амурскаго края.

Послѣднюю принято дѣлить на три періода: первый обнимаетъ собою время съ 1644 г. [1]) по 1689 г. и заключаетъ событія первоначальнаго ознакомленія русскихъ землепроходцевъ съ Амуромъ; второй—время господства въ краѣ манджуровъ; и третій — эпоху возвращенія, путемъ мирнаго соглашенія съ китайскимъ правительствомъ, долины лѣваго берега Амура обратно Россіи и наши попытки колонизировать этотъ край [2]).

Какъ ни скудны источники, изъ коихъ можно почерпнуть данныя для обстоятельнаго и связнаго изложенія событій перваго періода исторіи Амурскаго края [3]), тѣмъ не менѣе они довольно отчетливо рисуютъ намъ картину чрезвычайныхъ усилій, которыя нужны были русскимъ для того, чтобы не только проникнуть въ дикій и отдаленный край, но и удержать его за собой.

Еще до покоренія русскими Сибири, англичане, получивъ отъ царя Іоанна Грознаго торговыя льготы, пытались открыть изъ Московскаго Государства путь въ Китай и установить съ нимъ торговлю [4]). Съ этою цѣлью въ 1563 г. изъ Москвы ѣздилъ въ Бухару Дженкинсонъ, а въ 1567 г. посылали въ Зауральскія страны гонцовъ Бурнаша Янышева и Ивана Петрова. Но собранныя свѣдѣнія показывали, что отъ московскихъ предѣловъ еще слишкомъ далеко до Небесной Имперіи. Затѣмъ, когда Сибирь была покорена, то и тогда еще русскимъ не скоро довелось вступить въ прямыя сношенія съ китайскимъ народомъ: этому мѣшали могущественныя орды джунгаровъ (калмыковъ), монголовъ и манджуровъ, широкимъ поясомъ окружавшія тогда, вдоль сибирской границы, Китай. Къ тому же, направляясь на Востокъ Сибири якутскими и тунгузскими землями, по Ленѣ и ея притокамъ, русскіе почему-то

[1]) Романовъ («Русское Слово», 1859. IV) и д-ръ Шперкъ («Россія Дальняго Востока» въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», т. XIV, 1885) начало этого періода относятъ къ 1636 г., но на какомъ основаніи—неизвѣстно. Поярковъ, какъ мы ниже увидимъ, только ранею весною 1644 г., вышелъ на Зею у Брянды.

[2]) Шперкъ (ib., стр. 29) заключаетъ его 1858 годомъ.

[3]) Самымъ капитальнымъ изъ всѣхъ сочиненій, имѣющихъ отношеніе къ этому періоду, слѣдуетъ считать трудъ академика Миллера (G. F. Müller «Sammlung russischer Geschichte», 2 часть, 1736), которымъ, какъ справедливо замѣчаетъ Шперкъ, пользовались почти всѣ, писавшіе объ Амурѣ. Миддендорфъ («Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири», I, 1, примѣчаніе къ стр. 139) перечисляетъ даже тѣ сочиненія, въ которыхъ по его выраженію, Миллеръ былъ обобранъ.

Единственнымъ дополненіемъ къ труду послѣдняго можетъ служить только статья Спасскаго, помѣщенная въ «Вѣстникѣ Географическаго Общества» 1853, VII.

[4]) Балкашинъ. Трактаты Россіи съ Китаемъ.

долго не водворялись въ ближайшей къ Китаю Забайкальской странѣ. Наконецъ, съ 1636 г., по сибирскимъ городамъ разнеслись вѣрные слухи о р. Амурѣ и о даурахъ—земледѣльческомъ племени, торгующемъ съ китайцами и получающемъ отъ нихъ шелковыя ткани, чай, парчи и серебро.

Этими слухами незамедлилъ воспользоваться первый воевода Якутска Петръ Головинъ, снарядившій двѣ экспедиціи на Амуръ съ тѣмъ, чтобы, какъ говорилось тогда, «новыя землицы провѣдывать». Первая изъ двухъ партій, подъ начальствомъ Бахтіарова вернулась съ Витима безъ результатовъ, вторая, численностью въ 132 человѣка, подъ начальствомъ письменнаго головы Василія Пояркова, достигла своей цѣли и, послѣ невѣроятныхъ трудностей, ранней весной 1644 г. вышла на Зею у Брянды [1]). У устья р. Умлекана было встрѣчено первое даурское поселеніе и здѣсь же выстроено русское зимовье. Отсюда Василій Поярковъ отправилъ впередъ пятидесятника Юшку Петрова и съ нимъ 70 человѣкъ, приказавъ имъ добраться до р. Селимджы и заготовить здѣсь провіантъ для всей партіи. Петровъ выполнилъ порученіе, но на р. Селимджѣ имѣлъ несчастное для себя столкновеніе съ князьками городка Молдикичида и принужденъ былъ ни съ чѣмъ вернуться назадъ, потерявъ изъ своей партіи 10 человѣкъ убитыми и 40 умершими отъ голода и разныхъ болѣзней. Разгнѣванный неудачей, главное же, нарушеніемъ отданныхъ приказаній—всѣми силами стараться ладить съ туземцами, Поярковъ не захотѣлъ принять къ себѣ бѣглецовъ и вынудилъ этихъ несчастныхъ вернуться обратно въ Якутскъ. Сколькимъ изъ нихъ удалось достичь этого города—неизвѣстно, но лишенія, которыя имъ пришлось испытать, были ужасны. Дождавшись своего арьергарда, оставленнаго при судахъ еще на рѣчкѣ Кенамъ, Поярковъ двинулся дальше, спустился по Зеѣ къ Амуру и поплылъ внизъ по этой рѣкѣ. Миновавъ устье Сунгари, онъ остановился на отдыхъ,ославъ команду въ 25 человѣкъ впередъ—«провѣдать соленую воду». Но и эта развѣдочная партія была почти цѣликомъ перебита на одной изъ ночевокъ толпой инородцевъ. Тогда Поярковъ рѣшился самолично добраться до устьевъ Амура. Онъ прибылъ сюда позднею осенью и тотчасъ же принялся за устройство зимовья. Ранней весной 1645 г. Поярковъ, на выстроенныхъ зимою ладьяхъ, вышелъ въ открытое море

[1]) Вотъ краткій маршрутъ этой партіи: рѣки — Алданъ, Учуръ, Кенамъ, на лыжахъ по льду рѣчки Наумки, перевалъ черезъ Становой хребетъ, р. Брянда и, наконецъ, Зея.

(Тугурское) и, послѣ трехмѣсячнаго блужданья, добрался, наконецъ, до устья рѣчки Ульи, гдѣ еще въ 1636 г. былъ построенъ острогъ.

Прозимовавъ въ Улейскомъ посту и оставивъ здѣсь человѣкъ 20 казаковъ, Поярковъ, съ немногими изъ своихъ безстрашныхъ сподвижниковъ, предпринялъ обратный путь поперегъ Станового хребта и достигъ Якутска 12 іюля [1]).

Экспедиція Пояркова не имѣла завоевательнаго характера; на него была возложена миссія только «провѣдать» страну, о богатствѣ которой носились упорные слухи, и онъ съ честью исполнилъ эту задачу. Вернувшись, онъ доносилъ: для завоеванія Амура достаточно трехсотъ человѣкъ, изъ коихъ половину размѣстить по острогамъ въ земляхъ дауровъ и дучеровъ, а остальными сдерживать непокорныхъ. Но высказывая такой планъ, онъ давалъ и совѣтъ: не увлекаться легкимъ занятіемъ края, такъ какъ мѣстные инородцы уже платятъ ясакъ войскамъ какого-то хана, «имѣющаго и лучный, и огненный бой». Но на это предостереженіе своевременно не было обращено никакого вниманія; впослѣдствіи же оно было не только забыто, но Пояркову стали даже приписывать прямо противоположныя заявленія; такъ, напримѣръ, докторъ Шперкъ, резюмируя въ своемъ прекрасномъ трудѣ результаты первой русской экспедиціи на Амуръ, говоритъ, между прочимъ, что «встрѣченные Поярковымъ инородцы не были никому подвластны», а Н. Свербеевъ, стараясь какъ бы защитить перваго въ этихъ странахъ и замѣчательнаго землепроходца, объясняетъ будто бы «легкомысленно предложенный» Поярковымъ планъ его незнаніемъ края! [2])

На этомъ первомъ опытѣ не остановилась предпріимчивость сибиряковъ: за Поярковымъ послѣдовалъ Ерофей Павловъ Хабаровъ.

Этотъ замѣчательный человѣкъ, родомъ крестьянинъ Вологодской губерніи изъ Великаго Устюга [3]), прибылъ въ Сибирь (Енисейскъ) въ 1636 г.; въ 1638 г. онъ переселился на Лену, гдѣ и поселился при устьѣ Куты. Здѣсь сначала онъ завелъ было солеварню, но когда въ 1641 году ее отобрали въ казну, обратился къ земледѣлію и распахалъ крупные

---

[1]) Перевалъ, рѣки—Мая и Алданъ.

[2]) «Описаніе плаванья по р. Амуру экспедиціи генералъ-губернатора Восточной Сибири въ 1854 г.» (Записки С.-Петербургскаго Отдѣленія Императорскаго Географическаго Общества», III, 1857, стр. 8).

[3]) Такъ у Шперка, почерпнувшаго эти біографическія данныя изъ журнала «Сынъ Отечества», 1840, I; Свербеевъ же (l. c.) считаетъ его уроженцемъ Соли Вычегодской.

участки земли по берегамъ двухъ рѣкъ: Илиму и Киренгѣ. Но энергичная натура этого человѣка не могла удовольствоваться пассивною ролью пахаря—онъ организовалъ партіи охотниковъ и, промышляя пушниной, доходилъ въ своихъ поискахъ звѣря до верховій Олекмы.

Въ 1649 г. Хабаровъ явился въ Якутскъ (Илимскъ) къ воеводѣ Дмитрію Андрееву Франсбекову, прося разрѣшенія—на свой счетъ снарядить партію охочихъ людей, съ которыми и идти на Даурскую землю [1]). Разрѣшеніе было дано, и Хабаровъ, во главѣ партіи въ 70 человѣкъ, по однимъ даннымъ весной, по другимъ—лѣтомъ, тронулся въ путь.

Спустившись внизъ по Ленѣ, онъ достигъ Олекмы и поднялся вверхъ по этой рѣкѣ до устья Тугира. Здѣсь застигла экспедицію глубокая осень, что и побудило Хабарова переждать глубокаго снѣга. Только 18 января онъ тронулся дальше: поднялся вверхъ по рѣкѣ Тугиру (Тунгиру), перевалилъ черезъ Становой хребетъ, спустился въ долину Уркн и вышелъ къ верхнимъ селеніямъ князя Лавкая. Но какъ уркинскій городокъ, такъ и слѣдующіе четыре, оказались пустыми: жители покинули ихъ, узнавъ о приближеніи русскихъ. У третьяго городка Хабаровъ остановился. Къ нему въ тотъ же день выѣхалъ князь Лавкай, требуя категорическаго отвѣта: съ какой цѣлью пожаловали въ его владѣнія русскіе? Попытка Хабарова успокоить даурца не привела ни къ чему, и Лавкай ускакалъ съ явнымъ намѣреніемъ—съ оружіемъ въ рукахъ стать на защиту родныхъ очаговъ. Но въ этомъ году уже не суждено было даурцамъ доказать свое мужество русскимъ казакамъ: узнавъ, что ниже пятаго городка сосредоточены значительныя силы враговъ, Хабаровъ отступилъ къ Уркѣ, оставилъ здѣсь человѣкъ пятьдесятъ своихъ спутниковъ, а самъ съ остальными вернулся въ Якутскъ за помощью и боевыми припасами.

Вернувшись назадъ [2]), онъ тотчасъ же двинулся внизъ по Амуру и у третьяго городка, принадлежавшаго князьку Албазѣ,

---

[1]) Здѣсь опять у Шперка и Свербеева замѣчается разногласіе. Свербеевъ пишетъ: «цѣлью этого похода было приведеніе дауровъ въ ясачный платежъ» (l. c., стр. 8); Шперкъ же приписываетъ Хабарову болѣе своекорыстныя цѣли—желаніе сразу разбогатѣть на счетъ сказочныхъ богатствъ Силкарскаго князя Лавкая. Но послѣднее невѣроятно, такъ какъ уже Поярковъ доносилъ Якутскому воеводѣ, что никакихъ такихъ богатствъ у князя Лавкая не имѣется, а что если онъ и владѣетъ серебрянымъ рудникомъ, то ничего заманчиваго послѣдній не представляетъ; да этому противорѣчила бы и вся послѣдующая дѣятельность Хабарова.

[2]) О времени его возвращенія пишутъ разно. Надо думать однако, что онъ уже прибылъ въ долину Амура раннею весною 1651 г. (См. G. F. Müller. «Sammlung russischer Geschichte» 1736, «Военный Сборникъ» 1860, VIII, Stuckenberg «Hydrographie des russ. Reiches", II).

имѣлъ жаркую схватку съ толпой даурскаго ополченія. Разсѣявъ шайку и захвативъ значительные запасы хлѣба, онъ рѣшился укрѣпиться въ этомъ селеніи, переименовавъ его въ Албазинъ. Здѣсь онъ оставался до 2 іюня [1]), строя лодки и снаряжаясь въ новый походъ. Когда все было готово, онъ поплылъ внизъ по рѣкѣ, на третьи сутки добрался до сожженнаго самими жителями Дасаулова городка, миновалъ затѣмъ еще нѣсколько пепелищъ и, наконецъ, увидалъ впереди толпу инородцевъ, очевидно готовившихся дорого продать свою жизнь. Но на сторонѣ казаковъ было не только не меньшее мужество, но и превосходство оружія и дисциплины—дауры были разбиты, бѣжали и засѣли въ стѣнахъ Гогударова городка, обнесеннаго тройною защитой. Здѣсь впервые русскіе столкнулись лицомъ къ лицу съ партіей въ нѣсколько десятковъ китайцевъ, которые, не принявъ участія въ битвѣ, тотчасъ же отступили и скрылись. Вслѣдъ затѣмъ Хабаровъ штурмовалъ городъ и, несмотря на отчаянную защиту, взялъ его приступомъ [2]). Здѣсь Хабаровъ отдыхалъ шесть недѣль, послѣ чего снова перебрался на лодки и поплылъ внизъ по рѣкѣ, объясачивая попутно дауровъ. Верстахъ въ тридцати ниже устья Зеи захвативъ городокъ Толгинъ и найдя въ немъ запасы зерна, онъ рѣшилъ зимовать вблизи этого послѣдняго; но уже три недѣли спустя принужденъ былъ измѣнить такому намѣренію: толгинцы тайно, со всѣмъ своимъ имуществомъ, покинули городъ и скрылись неизвѣстно куда.

7 Сентября Хабаровъ поплылъ на низовье Амура. Сперва онъ всюду встрѣчалъ селенія гогуловъ, но за устьемъ Сунгари, которое ему удалось благополучно миновать 13 числа, гогуловъ уже смѣнили дучеры, стойбища которыхъ сопровождали теченіе рѣки вплоть до устьевъ Уссури. Здѣсь, въ свою очередь, ихъ смѣнили ачаны, племя, существовавшее почти исключительно рыболовствомъ. 29 сентября Хабаровъ присталъ къ значительному ачанскому поселенію, высадился на берегъ и, рѣшивъ здѣсь зимовать, построилъ острогъ. Нуждаясь въ припасахъ,

---

[1]) Благодаря неопредѣленности указаній о времени его возвращенія, не знаешь, къ какому времени отнести нѣкоторые изъ его наѣздовъ на владѣтельныхъ даурскихъ князьковъ. Такъ, напримѣръ, есть указаніе, что еще въ ноябрѣ 1650 г. онъ гдѣ-то ниже Албазина разсѣялъ даурскій конный отрядъ; но если эта дата вѣрна, то не могъ же онъ одновременно сражаться на Амурѣ и находиться въ Якутскѣ?

[2]) Эта замѣчательная побѣда обошлась русскимъ въ 4 человѣка убитыхъ и 45 раненыхъ. Со стороны же дауровъ пало 661. Одновременно захвачено было въ плѣнъ 243 женщины и 118 дѣтей. Кромѣ того, казакамъ достались запасы зерна, 113 головъ рогатаго скота и 237 лошадей.

5 октября Хабаровъ выслалъ на фуражировку вверхъ по рѣкѣ партію въ сто человѣкъ, оставивъ при себѣ почти столько же. Этимъ рѣшились воспользоваться окрестные жители и осадили острогъ. Но Хабаровъ, во главѣ 70 человѣкъ, сдѣлалъ отчаянную вылазку и прогналъ непріятеля, оставившаго на мѣстѣ болѣе ста человѣкъ (117); 7-го же октября вернулись назадъ и остальные казаки, что дало возможность Хабарову безбоязненно встрѣтить зиму. Дѣйствительно, она прошла безъ приключеній, зато по веснѣ, именно 24 марта, казаки вдругъ разбужены были усиленной пальбой изъ орудій. Наскоро вооружившись, они сбѣжались къ валу острога и только тутъ увидали, что они осаждены значительными силами не окрестныхъ жителей, а пришлыхъ манджуровъ. Это былъ отрядъ регулярныхъ войскъ нингутскаго князя Изинея, высланныхъ Пекинскимъ дворомъ въ помощь ачанцамъ и даурамъ. Успѣвъ сдѣлать брешь въ стѣнахъ острога, манджуры уже ворвались было въ послѣдній, но этотъ успѣхъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и единственнымъ. Русскіе быстро освоились съ грозившей имъ страшной опасностью, дружнымъ натискомъ опрокинули непріятеля и, преслѣдуя его мѣткими выстрѣлами, успѣли отбить у него двѣ желѣзныя пушки, съ помощью коихъ и докончили славное дѣло: два орудія, восемь знаменъ, множество оружія, 830 лошадей и 676 вражескихъ тѣлъ — вотъ трофеи горсти Хабаровскихъ охочихъ людей! Но какъ ни славна была сама по себѣ эта побѣда, Хабаровъ все же не могъ не сознавать всю безпомощность своего положенія. Вотъ почему онъ рѣшился покинуть Ачанскій острогъ и идти снова наверхъ, откуда было легче обороняться, да и ближе искать себѣ помощи, если бы въ ней встрѣтилась надобность.

День выступленія назначенъ былъ на 22 апрѣля, и ватага на лодкахъ бичевой потянулась вверхъ по Амуру. Благодаря попутному низовому вѣтру, устье Сунгари было пройдено на парусахъ, обстоятельство, избавившее отрядъ Хабарова, если не отъ гибели, то отъ битвы съ поджидавшимъ его здѣсь шеститысячнымъ корпусомъ манджурской милиціи. Счастливо миновавъ засаду, Хабаровъ былъ вскорѣ порадованъ встрѣчей съ партіей въ 140 человѣкъ, высланныхъ подъ командой Чечигина изъ Якутска, гдѣ уже давно не имѣли о немъ ни малѣйшихъ извѣстій [1]).

[1]) Достигнувъ Албазина, а затѣмъ, и Банбулаева городка, и не найдя нигдѣ Хабарова, Чечигинъ выслалъ впередъ Нагибу съ 26 товарищами для собранія свѣдѣній о русскихъ. Выдержавъ нападеніе дауровъ и будучи отрѣзанъ ими отъ отряда Чечигина, На-

Въ концѣ іюля Хабаровъ прибылъ къ устью Зеи, гдѣ и рѣшилъ строить острогъ. Но часть казаковъ этому воспротивилась, отдѣлилась и уплыла обратно въ Ачанскъ. Значительно ослабленный этимъ своевольнымъ уходомъ, Хабаровъ рѣшилъ просить о присылкѣ новой партіи людей изъ Якутска.

Посланцы Хабарова разнесли такую славу о неисчерпаемыхъ богатствахъ края, что все населеніе береговъ Лены пришло въ движеніе и бросилось въ долину этой рѣки, ставшей съ этого времени для приленскихъ жителей обѣтованною землей. Къ этому-то времени и слѣдуетъ отнести образованіе разбойничьихъ шаекъ, явившихся настоящимъ бичемъ Божьимъ для инородцевъ Амура. Начавшееся было, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, эмиграціонное движеніе среди этихъ послѣднихъ, теперь въ значительной мѣрѣ усилилось и прекратилось только тогда, когда послѣдній дауръ навсегда распростился съ великой Черной рѣкой [1]).

Благодаря богатому ясаку, въ разное время высланному съ Амура, Московское правительство очень заинтересовалось вновь захваченнымъ казаками краемъ и рѣшило, для окончательнаго закрѣпленія его за собой, послать туда войска подъ начальствомъ князя Лобанова-Ростовскаго. Но этотъ проектъ, къ сожалѣнію, такъ и остался проектомъ. Между тѣмъ, всѣ распоряженія по заготовкѣ на всемъ пути провіанта уже были сдѣланы, и приказомъ изъ Москвы былъ даже назначенъ, въ 1652 г., особый чиновникъ, нѣкто дворянинъ Дмитрій Зиновьевъ, для завѣдыванія этимъ передвиженіемъ.

Зиновьевъ, съ отрядомъ казаковъ, прибылъ на Амуръ въ 1653 г. и съ первыхъ же словъ сталъ во враждебныя отношенія къ Ерофею Хабарову. Онъ обвинилъ его въ нераспорядительности (!) и въ растратѣ казны и увезъ чуть не арестантомъ, въ Москву [2]). И хотя всѣ распоряженія Зиновьева

гиба рѣшился плыть къ низу, къ Ачанскому зимовью, гдѣ, какъ онъ слышалъ, долженъ былъ тогда находиться Хабаровъ. Но, по несчастью, онъ разминовался съ послѣднимъ и, достигнувъ устьевъ Амура, принужденъ былъ силой прокладывать себѣ путь. Выйдя изъ всѣхъ столкновеній съ гиляками побѣдителемъ и успѣвъ захватить значительные запасы вяленой рыбы, Нагиба пустился, по примѣру Ноярқова, въ открытое море, въ которомъ, однако, чуть не погибъ, встрѣтя громадныя массы плавучаго льда. Выброшенные на берегъ, казаки пять дней, питаясь ягодами и кореньями, шли берегомъ моря, затѣмъ выстроили новую лодку и на ней уже достигли устья р. Учалды. Здѣсь они прожили до 15 декабря, послѣ чего перебрались на р. Тугурь, гдѣ и обьясачили окрестныхъ тунгузовъ. Лѣтомъ 1653 г., сдавъ Уварову команду въ основанномъ имъ Тугурскомъ ясачномъ зимовьѣ, Нагиба отправился прямой дорогой въ Якутскъ, куда и прибылъ въ концѣ сентября.

[1]) Снисходя къ ихъ просьбѣ, императоръ приказалъ отвести имъ земли на р. Нонни.

[2]) Московское правительство не повѣрило, однако, навѣтамъ Зиновьева и отличило заслуги Хабарова, пожаловавъ ему достоинство сына боярскаго. Тѣмъ не менѣе, обратно на Амуръ его не вернуло, а назначило приказчикомъ всѣхъ поселеній на Ленѣ.

обнаруживали въ немъ человѣка энергичнаго и, пожалуй, талантливаго, тѣмъ не менѣе, благодаря своему незнакомству съ характеромъ и бытомъ промышленниковъ и казаковъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ, имѣвшихъ въ дальнѣйшемъ самые грустные результаты для нарождавшагося тогда русскаго могущества на Амурѣ. Не привлекая землепашцевъ въ долину Амура, онъ хотѣлъ силой заставить вольницу Хабарова взяться за плугъ. Тогда казаки, уже возмущенные несправедливымъ отношеніемъ къ нимъ, а главное, къ ихъ любимцу - атаману, перешли въ открытую опозицію, и такъ какъ Зиновьевъ не имѣлъ средствъ настоять на своемъ, то и долженъ былъ уступить, создавая тѣмъ самымъ опасный прецедентъ — безнаказанное нарушеніе дисциплины и потерю уваженія къ власти, и это въ отрядѣ, который только дружными усиліями и могъ удержать свою позицію въ завоеванномъ краѣ!

Ничего не достигнувъ, но лишивъ казаковъ ихъ главаря, Зиновьевъ, наконецъ, покинулъ Амуръ, поручивъ управленіе краемъ Степанову, на котораго и возложилъ трудъ по заведенію пашенъ въ долинѣ Амура и по заготовкѣ провіанта на шесть тысячъ людей.

Но подобное приказаніе легче было отдать, чѣмъ исполнить. Лишившись прежняго источника полученія жизненныхъ припасовъ—труда мѣстныхъ инородцевъ, которые распоряженіемъ пекинскаго правительства (манджурскаго цзянь-цзюня?) почти всѣ уже выселены были въ глубь Манджуріи, на берега р. Нонни, Степановъ вынужденъ былъ думать только о томъ, какъ и чѣмъ прокормить во всемъ уже тогда нуждавшихся людей своей партіи. И вотъ, мы видимъ казаковъ снова въ низовьяхъ Сунгари, гдѣ они грабятъ богатые поселки и города.

Благополучно выбравшись на Амуръ и перезимовавъ въ земляхъ дучеровъ, Степановъ раннею весной 1654 г. потянулся бичевой вверхъ по рѣкѣ, надѣясь въ низовьяхъ Сунгари снова запастись продовольствіемъ. Но здѣсь онъ встрѣтился съ манджурскимъ отрядомъ, передъ которыми казаки должны были отступить по неимѣнію боевыхъ припасовъ, распоряженіемъ Зиновьева недопущенныхъ на Амуръ.

Степановъ отбился, но безъ всякихъ продовольственныхъ рессурсовъ долженъ былъ плыть въ верховья Амура, гдѣ къ нему вскорѣ присоединился, искавшій его, сотникъ Бекетовъ. Вмѣстѣ они высадились въ Кумарскомъ острогѣ и, какъ могли, укрѣпились въ немъ, такъ какъ носились уже слухи о приближеніи значительнаго отряда манджуровъ. Дѣйствительно, 19 марта 1655 г. цѣлый корпусъ послѣднихъ, при 15 желѣз-

ныхъ пушкахъ и съ цѣлымъ арсеналомъ всевозможныхъ осадныхъ орудій, осадилъ Кумарскій острогъ. Но еще разъ, въ этой битвѣ одного противъ десятковъ, Степановъ успѣлъ отбиться безъ особенно крупныхъ потерь.

Недостатокъ продовольствія сказывался, однако, все сильнѣе и сильнѣе и побудилъ, наконецъ, Степанова, несмотря на явную опасность, снова плыть на Сунгари. Это новое предпріятіе увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: со значительными запасами хлѣба онъ ушелъ къ гилякамъ, у которыхъ и зимовалъ во вновь тогда основанномъ Косогорскомъ острогѣ. Но уже на обратномъ пути онъ на прежнихъ мѣстахъ жителей не засталъ— всѣ они ушли на берега рѣки Нонни; поэтому чѣмъ и какъ существовалъ онъ до іюня 1658 г., остается намъ неизвѣстнымъ. Послѣднее извѣстіе о немъ принесено было отрядомъ казаковъ, высланныхъ еще въ 1656 г. въ Якутскъ для представленія ясака. Потерявъ отъ голодной смерти $^4/_5$ своихъ, они однимъ своимъ видомъ могли служить краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ той крайней нужды, какую испытывали казаки Степанова; тѣмъ не менѣе власти Якутска не сдѣлали ничего, чтобы выручить несчастныхъ, обреченныхъ, въ еще недавно столь богатой странѣ, умирать голодною смертью.

30 іюня 1658 г. ниже Сунгари Степановъ окруженъ былъ превосходными силами непріятеля. Части его казаковъ удалось пробиться между манджурскими лодками и уплыть книзу, нѣкоторые сдались, самъ же Степановъ, съ 270 товарищами, палъ въ неравномъ бою.

Это была первая рѣшительная побѣда манджуровъ надъ обезсиленнымъ голодомъ и уже значительно деморализованнымъ, но все еще, попрежнему, дерзкимъ и храбрымъ врагомъ, о которомъ нѣсколько позже такъ писали китайцы: «Люди царства Лочэ всѣ съ впалыми глазами, высокимъ носомъ, зелеными зрачками и красными волосами. Оружіе въ ихъ рукахъ страшно. Они храбры какъ тигры и искусны въ стрѣльбѣ. У нихъ есть пушки, называемыя арбузами, потому что формой ихъ ядра напоминаютъ арбузъ; они изъ нихъ мѣтко попадаютъ во вражескій лагерь и послѣднія растрескиваются, хотя бы на разстояніи нѣсколькихъ ли [1]). Кто имъ ни попадался, того они убивали. Манджуры всѣ испугались. Цзяньцзюнь, донося о семъ государю, молилъ о спасеніи» [2])...

Разбитые манджурами казаки, въ числѣ 180 человѣкъ, про-

---

[1]) Китайская ли нѣсколько менѣе полуверсты.
[2]) Шперкъ, l. c., стр. 67.

брались въ устье Амура, собрали здѣсь съ гиляковъ богатый ясакъ и раннею весной 1659 г. поплыли обратно вверхъ по Амуру, гдѣ къ нимъ вскорѣ присоединилась партія человѣкъ въ 50 прежнихъ ихъ сотоварищей, успѣвшихъ, въ свою очередь, пробиться сквозь ряды непріятеля. Въ устьѣ Зеи казаки раздѣлились на два отряда, которые, разными путями, вскорѣ затѣмъ и достигли Якутска и Лены.

Съ возвращеніемъ на Лену остатковъ Степановскаго отряда Амуръ окончательно опустѣлъ и, можетъ быть, онъ еще долго не видѣлъ бы на своихъ берегахъ «страшныхъ людей царства Лочэ», если бы не одно случайное обстоятельство, давшее новый толчекъ появленію здѣсь этихъ послѣднихъ.

Сюда бѣжалъ отъ суда съ толпой искателей приключеній полякъ или литвинъ Никифоръ Черниговскій, убившій незадолго передъ тѣмъ илимскаго воеводу Обухова. Выйдя къ Албазину, который оказался въ развалинахъ, онъ возстановилъ его въ 1666 г., укрѣпилъ и даже, какъ говорятъ, завелъ въ его окрестностяхъ пашни. Что онъ дѣлалъ на Амурѣ первые три года, намъ неизвѣстно, но въ 1669 г. на него поступила жалоба изъ Пекина, въ которой сообщались свѣдѣнія о грабительскихъ наѣздахъ казаковъ.

Собирая ясакъ съ инородцевъ, Черниговскій имѣлъ ясную цѣль—своими заслугами и присылкой богатаго ясака снискать себѣ прощеніе за совершенное преступленіе. Онъ его добился въ 1672 г. Тѣмъ не менѣе, Московское правительство не сочло для себя возможнымъ вручить ему управленіе краемъ и замѣнило его Фадѣемъ Толбузинымъ. Но послѣдній почему-то не явился въ Албазинъ; тогда изъ Тобольска высланъ былъ сюда нѣкто Иванъ Осколковъ, пожелавшій оставить при себѣ, въ качествѣ прикашика, и Черниговскаго.

Осколковъ обратилъ большое вниманіе на устройство ввѣреннаго его управленію края. Въ Албазинѣ былъ выстроенъ монастырь, заведены пашни и заселены крестьянами слободы: Солдатово, Игнашино, Монастыршина, Озерная, Покровская, Андрюшкина и поселеніе Пашино; наконецъ, были основаны Селенбинскій (р. Селимджа) и Долонскій (р. Зея) остроги.

Всѣ эти распоряженія, вносившія благоустройство и, до извѣстной степени, обезпечивавшія мирное развитіе края, ясно, однако, показывали, что эпоха геройскихъ подвиговъ, эпоха Хабарова, миновала. Правда, время отъ времени дѣлались еще попытки, привести новые округа подъ державную руку Московскаго Государя, но всѣ онѣ были уже только жалкими отраженіями невозвратно канувшаго былого.

Такъ, хотя въ 1682 г. партія казаковъ, подъ начальствомъ сотника Фролова, обложивъ ясакомъ амгуньскихъ тунгусовъ, и укрѣпилась въ Усть-Дукичскомъ острогѣ, а затѣмъ, соединившись съ другой казачьей партіей изъ Якутска, разбила толпу гиляковъ и натковъ, но не рѣшилась воспользоваться своими успѣхами и бѣжала въ Якутскъ, смущенная слухами о грозящей Албазину осадѣ и о движеніи на Амуръ сильныхъ манджурскихъ отрядовъ.

Нѣкоему боярскому сыну Сѣнотрусову въ 1681 г. приказано было изслѣдовать и объясачить берега Охотскаго моря у устьевъ Амура. Онъ кликнулъ кличъ, и на его зовъ откликнулись только 18 охотниковъ!

Въ 1683 г. отправлена была новая партія казаковъ на низовья Амура; на пути она встрѣтила значительный манджурскій отрядъ и предводительствовавшій ими Мыльниковъ оказался настолько простъ, что далъ себя заманить ради какихъ-то переговоровъ въ Айгунъ! Самъ онъ попался въ плѣнъ, а партія его разсѣялась.

Въ томъ же году была отправлена другая партія изъ Албазина въ Селенбинскій острогъ. Узнавъ отъ бѣжавшихъ о судьбѣ Мыльниковскаго отряда, они покинули этотъ острогъ и черезъ Удскъ ушли на Якутскъ.

106 32

Единственнымъ отраднымъ явленіемъ среди всей этой безурядицы, порожденной казацкимъ своеволіемъ и ясно показывавшей, что узда, сдерживавшая нѣкогда казацкую вольницу и направлявшая ее на подвиги выше силъ человѣческихъ, теперь очутилась въ дряблыхъ рукахъ, было рѣшеніе казацкаго схода, собраннаго 27 ноября 1684 г. сотникамъ Алексѣемъ Толбузинымъ, — до послѣдней крайности защищать Албазинъ.

Для того, чтобы понять дѣйствія Пекинскаго правительства, оказавшагося столь слабымъ противникомъ горсти авантюристовъ, чуть не четыре десятилѣтія господствовавшихъ на всемъ громадномъ пространствѣ отъ Нерчинска до устьевъ Амура, мы должны вернуться назадъ, ко времени взятія Пекина [1]) и основанія манджуро-китайской державы подъ властью Дай-Цинскаго Дома.

Императоръ Тай-Цзунъ умеръ, не дождавшись этого, великаго въ исторіи Востока, момента. Ему наслѣдовалъ его мало-

[1]) Онъ былъ взятъ манджурами въ союзѣ съ китайцами, вступившими въ него ради спасенія столицы, попавшей въ руки узурпатора Ли-Цзы-Чинь. Но манджуры не оправдали довѣрія китайскаго главнокомандующаго У-Сань-Чуя и одни присвоили себѣ плоды общей побѣды.

лѣтній сынъ Шунъ-Чжи, совѣтники котораго не придали, да, пожалуй, и придать не могли особеннаго значенія первымъ извѣстіямъ о появленіи на Амурѣ небольшихъ отрядовъ какихъ-то, тогда еще никому невѣдомыхъ, «лочей», тѣмъ болѣе, что болѣе важныя дѣла отвлекали все ихъ вниманіе къ югу, гдѣ анархія, наслѣдіе Миновъ, успѣла пустить уже глубокіе корни. Тѣмъ не менѣе, кое-что дѣлалось и на сѣверѣ; но, какъ мы видѣли, всѣ операціи манджурскаго войска велись безъ опредѣленнаго плана, да, повидимому, и ввѣрялись людямъ неспособнымъ; иначе трудно понять, какимъ образомъ тысячи терпѣли постоянныя неудачи въ борьбѣ съ десятками и многомного, если ужъ съ сотнями удальцовъ. Болѣе сильнымъ ударомъ, чѣмъ вся эта безтолковая война, былъ для русскаго владычества въ краѣ приказъ цзянь-цзюня [1]) о переселеніи дауровъ и дучеровъ съ береговъ Амура въ долину р. Науна или Нонни. Это распоряженіе обратило завоеванную русскими область въ безлюдную пустыню, совершенно неспособную поддержать существованіе даже и тѣхъ нѣсколькихъ сотенъ казаковъ, которыя находились тогда подъ командой Степанова.

Не мало неопредѣленности во взаимныхъ отношеніяхъ китайцевъ и русскихъ внесли также и возникшія тогда дипломатическія сношенія между обоими государствами.

Эти сношенія, вызванныя желаніемъ Москвы завязать торговлю съ Небесной Имперіей, носили всегда почти случайный характеръ и кончались обыкновенно ничѣмъ, главнѣйшимъ образомъ потому, что манджурскій дворъ, переживавшій тогда апогей своей славы, обращался свысока съ московскими послами. Самый уже пріемъ этихъ послѣднихъ носилъ въ себѣ столько высокомѣрнаго и оскорбительнаго для престижа Московскаго государства, что русскимъ людямъ не оставалось ничего иного, какъ начинать переговоры протестами или же просьбой—ради высокой особы Московскаго государя измѣнить установленный при китайскомъ дворѣ пріемный церемоніалъ. Особенно же смущалъ ихъ всегда церемоніалъ кэ-тоу, обязывавшій каждаго, желающаго лицезрѣть богдыхана, совершить передъ особой послѣдняго въ три пріема девять земныхъ поклоновъ. И чѣмъ заносчивѣе держали себя мандарины, тѣмъ съ большею твердостью отстаивали свою честь и московскіе люди. Такъ, напримѣръ, не успѣлъ сынъ боярскій Федоръ Байковъ прибыть въ Пекинъ, какъ уже у него возникли пререканія съ мандаринами. Опасаясь отвѣтственности передъ воеводами и посольскимъ при-

[1]) Цзянь-цзюнь—званіе, соотвѣтствующее въ Россіи «военному губернатору».

казомъ за «поруху государевой чести», онъ настаивалъ, между прочимъ, на томъ, чтобы лично вручить богдыхану царскую грамоту и «любительные поминки», т. е. подарки, отъ земныхъ же поклоненій отказывался и вести переговоры въ трибуналѣ, не видавъ богдыхана, не соглашался [1]). Тогда мандарины обвинили его въ недостаточномъ благоговѣніи передъ «сыномъ неба» и выслали изъ Пекина.

Также неудачны были посольства Ивана Перфильева и, грека по происхожденію, Николая Спафарія (1675 г.); послѣднее потому, что Московское правительство наотрѣзъ отказалось положить въ основаніе переговоровъ выдачу князька Гантимура, въ то время скрывавшагося гдѣ-то въ Сибири.

Между тѣмъ Шунъ-Чжи умеръ, его сынъ Канъ-Си успѣлъ возмужать и мощною рукой взяться за управленіе государствомъ. Укрѣпивъ свою власть въ предѣлахъ Великой Стѣны, онъ поставилъ себѣ задачею окончательно подчинить Китаю Халху и не допустить водворенія русскихъ въ Манджуріи. Не имѣя возможности установить опредѣленныя отношенія къ Московскому царству, Канъ-Си рѣшился дѣйствовать силой. И вотъ, начиная съ 1682 г., манджурскія войска начинаютъ упорно вытѣснять русскихъ съ Амура и Зеи. Такъ, въ этомъ году раззоренъ былъ манджурами Долонскій острогъ, въ слѣдующемъ, оставленный казаками, Селенбинскій, а затѣмъ Верхне-Зейскій и Тугурскій. Въ 1684 г. китайское войско подплывало на лодкахъ и къ Албазину, но вернулось ни съ чѣмъ, успѣвъ, впрочемъ, забрать въ плѣнъ до 30 человѣкъ албазинскихъ казаковъ.

Наконецъ, 4 іюня 1685 г. появился у стѣнъ Албазина авангардъ, а недѣлю спустя и остальное китайское войско, простиравшееся, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, до 15,000 человѣкъ пѣхоты и конницы при 150 полевыхъ и 50 осадныхъ орудіяхъ [2]). Оно, однако, не испугало Толбузина, который, имѣя подъ командой всего 450 человѣкъ, гордо отвергъ предложеніе—сдаться. Тѣмъ не менѣе, ему вскорѣ пришлось возобновить переговоры съ китайскимъ главнокомандующимъ, манджуромъ Лангъ-Таномъ. Удачно отразивъ непріятеля, но потерявъ при этомъ чуть не четвертую часть всѣхъ защитниковъ, и терпя въ то же время недостатокъ въ огнестрѣльномъ оружіи и снарядахъ, Толбузинъ понялъ, что дальнѣйшее его упорство

[1]) Балкашинъ,—«Трактаты Россіи съ Китаемъ», стр. 6.

[2]) По другимъ извѣстіямъ 5 тысячъ человѣкъ при 15 пушкахъ (G. F. Müller «Sammlung russ. Geschichte», 1732, а также Шперкъ «Россія дальняго востока», стр. 69).

не поведетъ ни къ чему. Но, сдавая Албазинъ, онъ все же сумѣлъ выговорить его гарнизону и жителямъ безпрепятственный проходъ въ Забайкалье, — дипломатическая побѣда, на которую онъ едва-ли могъ и разсчитывать!

Нерчинскій воевода Власовъ, въ вѣдѣніи коего находился Албазинъ, не захотѣлъ такъ легко помириться съ потерей Амурскаго края и, немедленно по прибытіи Толбузина въ Нерчинскъ, приказалъ ему готовиться въ обратный походъ.

Въ Албазинъ Толбузинъ вернулся въ августѣ мѣсяцѣ и, найдя еще всюду хлѣба на корню, озаботился прежде всего уборкой послѣдняго. А къ осени и укрѣпленіе было готово. Его защищали пять мѣдныхъ и три чугунныхъ орудія и гарнизонъ въ 677 человѣкъ подъ командой Толбузина и нѣмца Бейтона. Такимъ образомъ, возстановленный изъ пепла Албазинъ былъ снова готовъ дать надлежащій отпоръ китайскимъ войскамъ.

Послѣднія явились сюда въ іюлѣ 1686 г. въ числѣ пяти тысячъ пѣхоты и трехъ тысячъ конницы, имѣя при себѣ до сорока пушекъ и цѣлую флотилію лодокъ. 1 сентября они рѣшились штурмовать Албазинъ, но были блистательно отбиты казаками, которые вслѣдъ затѣмъ не переставали безпокоить ихъ, всегда очень удачными, вылазками. Въ одной изъ такихъ вылазокъ, въ началѣ 1687 г., къ несчастью, мужественный защитникъ Албазина, герой Толбузинъ, былъ раненъ въ ногу осколкомъ ядра и вскорѣ умеръ отъ раны. Тогда мѣсто его заступилъ Бейтонъ, стяжавшій себѣ не меньшую славу при дальнѣйшей защитѣ Албазина и принадлежавшій, подобно своему предшественнику, къ самымъ свѣтлымъ личностямъ того времени [1]). Болѣе года албазинцы мужественно выдерживали осаду. Полные надежды на помощь изъ Нерчинска, казаки стойко держались въ стѣнахъ острога, несмотря даже на то, что вслѣдствіе частыхъ вылазокъ, а въ особенности отъ развившейся среди нихъ цынги, число защитниковъ Албазина уменьшилось въ январѣ 1687 г. до 150 человѣкъ, въ апрѣлѣ до 82, а въ маѣ до 66 [2]). Въ концѣ ноября манджуры перемѣнили осаду на блокаду, а 6 мая 1688 г., снявъ и послѣднюю, отступили изъ-подъ стѣнъ острога. Наконецъ, 30 августа, очень кстати получивъ приказаніе снять осаду вслѣдствіе начавшихся между Московскимъ правительствомъ и Пекинскимъ дворомъ

[1]) Слова Шперка (l. c., стр. 72).
[2]) Шперкъ (l. c., стр. 72).

мирныхъ переговоровъ, манджурское войско окончательно отступило и пошло обратно въ Айгунъ.

Узнавъ о положеніи дѣлъ на Амурѣ, руководившій въ Москвѣ государственными дѣлами князь Василій Васильевичъ Голицынъ поспѣшилъ отправить полномочнаго посла для переговоровъ съ Пекинскимъ правительствомъ объ урегулированіи границъ на крайнемъ Востокѣ. Выборъ его палъ на окольничаго Федора Головина, который, прибывъ въ сопровожденіи одного стрѣлецкаго и двухъ казачьихъ полковъ [1]) въ Забайкалье, мѣстомъ для переговоровъ назначилъ Селенгинскъ; но вслѣдствіе возникшихъ, будто бы по наущенію китайцевъ, серьезныхъ безпорядковъ въ Монголіи, Селенгинскъ пришлось замѣнить Нерчинскимъ острогомъ, куда и прибыли китайскіе уполномоченные [2]) въ сопровожденіи значительнаго корпуса войскъ, приблизительно около 10 тысячъ человѣкъ, при 50 орудіяхъ.

Послѣ долгихъ переговоровъ, страшась больше всего за судьбу Забайкалья, которое грозились занять своими войсками китайцы [3]), Головинъ, наконецъ, уступилъ, и по Нерчинскому трактату 27 августа 1689 г. Амуръ отошелъ къ Китаю. Рѣчка Горбица, лѣвый притокъ р. Шилки, и р. Аргунь назначены были границей обоихъ государствъ; на сѣверѣ же ее долженъ былъ составлять Становой Хребетъ. На востокѣ граница осталась неопредѣленной по незнанію въ точности этой мѣстности; а потому предположено было послать современемъ комиссію для изслѣдованія и опредѣленія этой послѣдней; но это такъ и осталось только въ предположеніи.

Доблестной защитой Албазина и Нерчинскимъ трактатомъ кончается первый періодъ исторіи Амурскаго края, и мы, пожалуй, были бы въ правѣ прямо перейти къ эпохѣ Муравьева-Амурскаго, «если бы», какъ справедливо замѣтилъ въ свое время Свербѣевъ, «полуторавѣковой промежутокъ не связывалъ неразрывно прошедшаго съ настоящимъ и мысль объ Амурѣ вовсе исчезла изъ памяти народной» [4]). Но она не исчезла, да и не могла исчезнуть, такъ какъ, хотя въ силу Нер-

[1]) То есть двухъ полковъ «сибирскихъ охочихъ людей».

[2]) Кромѣ окольничаго Федора Алексѣева Головина трактатъ подписали: русскіе — стольникъ Иванъ Власовъ и дьякъ Семенъ Корницкой; китайцы — сановникъ Санготу, начальникъ войскъ, расположеныхъ внѣ Великой Стѣны, Тунъ-Гуе-Ханъ, дядя императора, и упоминавшійся выше Лангъ-Танъ.

[3]) «Когда же онъ, (т. е. Головинъ) сталъ упорствовать, то китайскія войска двинулись на Нерчинскъ». Балкашинъ, «Трактатъ Россіи съ Китаемъ», стр. 9.

[4]) «Записки Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1857, III, стр. 19.

чинскаго договора, Амуръ и былъ уступленъ Китаю, но пограничные жители рѣкъ Аргуни и Шилки продолжали появляться въ его верховьяхъ, устраивали съ орочонами мѣновые торги, для добычи пушного звѣря пролагали тропинки въ Хинганскихъ лѣсахъ, наконецъ, бывали подчасъ и въ самомъ Айгунѣ и забирались даже на р. Уссури [1]). «Взаимныя отношенія пограничныхъ жителей, по самому роду ихъ образа жизни и занятій, не могли быть также строго подчинены тѣмъ пунктамъ Нерчинскаго договора, кои предписывали герметическую замкнутость обѣихъ сосѣднихъ странъ» [2]). Въ самомъ дѣлѣ, тунгузы, кочевавшіе въ отрогахъ Станового хребта, подчасъ не имѣли никакой возможности держаться пограничной черты и переходили ее или ради охоты на пушнаго звѣря или въ случаѣ лѣсныхъ пожаровъ, уничтожавшихъ иногда на огромномъ пространствѣ мохъ — единственный кормъ ихъ оленей. А эти безпрестанныя пограничныя недоразумѣнія въ связи съ тѣми стѣсненіями въ торговлѣ, которыя испытывали почти повсемѣстно наши торговые караваны, порождая взаимныя неудовольствія обоихъ государствъ, побуждали наше Правительство къ частымъ посылкамъ въ Пекинъ посольствъ и курьеровъ съ грамотами и нотами, приводившими рѣдко, однако, къ какимъ-нибудь результатамъ.

Несомнѣнно одно: русское правительство никогда не покидало мысли о возвращеніи Амура, и только ложный страхъ повредить кяхтинской торговлѣ побуждалъ его незыблимо хранить столь невыгодное для насъ statu quo. Это ясно видно, напримѣръ, изъ резолюціи, положенной въ 1823 г. Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ на проектъ генералъ-губернатора Восточной Сибири Лавинскаго—послать экспедицію на Амуръ, дабы выяснить степень ея судоходности: «сколь не кажутся основательными и мудро-придуманными всѣ предлагаемыя вами средства, но необходимость требуетъ, дабы приведеніе ихъ въ исполненіе было отложено до болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ» [3]). Такое же veto наложено было и на проекты генералъ-губернаторовъ Рупрехта, Ладыженскаго и др.

Впрочемъ, не одно Министерство Иностранныхъ Дѣлъ питало увѣренность, что нашъ энергичный образъ дѣйствій мо-

---

[1]) Шперкъ, «Россія дальняго Востока», стр. 76. См. также у Миддендорфа «Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири», т. I, стр. 151 и слѣд.

[2]) Ib., стр. 77. Миддендорфъ (l. c.) стр. 155.

[3]) Ib., стр. 83. «Политика наша смотрѣла на Китай, какъ на какую-то неприкосновенность. Купцы, торговавшіе въ Кяхтѣ, были напуганы примѣрами, отъ которыхъ (?) китайцы затворяли ворота Май-ма-чена, а потому боялись прикоснутся къ предѣламъ Китая съ которой бы стороны ни было». «Морской Сборникъ», X, 1861 (критика, стр. 43).

жетъ поколебать кяхтинскую торговлю; ту же ложную боязнь раздѣляло и Министерство Финансовъ, стараніями котораго въ 1843 г. была, напримѣръ, пріостановлена экспедиція контръ-адмирала Путятина для изслѣдованія устья Амура. Нерѣшительный образъ дѣйствій русскаго правительства, хорошо понятый въ Пекинѣ, былъ главною причиной неудачъ, постигшихъ всѣ наши миссіи на дальномъ востокѣ. Даже ясно выраженная воля Екатерины Великой, замѣтившей какъ-то, что «если бы Амуръ могъ намъ только служить какъ путь, черезъ который легко можно продовольствовать Камчатку, то и тогда обладаніе имъ имѣетъ уже значеніе»—не имѣла существеннаго вліянія на ходъ нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Небесною Имперіей. Надо думать, что драгоцѣнныя слова эти были въ скоромъ времени позабыты, потому что уже въ инструкціяхъ полковника Кропотова, ѣздившаго въ 1768 г. чрезвычайнымъ посломъ въ Пекинъ, мы не встрѣчаемъ никакихъ намековъ на желаніе выхлопотать исправленіе нашихъ границъ на Амурѣ.

Такъ какъ всѣ посольства періода 1689—1858 гг. имѣли на первомъ планѣ урегулированіе нашихъ торговыхъ отношеній съ Китаемъ и по отношенію къ Амуру ни въ чемъ не измѣнили постановленій Нерчинскаго договора, то ихъ обзоръ не можетъ входить въ нашу программу. Они могли бы еще представить для насъ интересъ если бы ими была подготовлена почва для Айгунскаго договора, но этого не было и послѣднимъ мы исключительно обязаны энергіи Н. Н. Муравьева, сумѣвшаго безъ войны, путемъ только мирныхъ переговоровъ, пріобрѣсти этотъ край для Россіи!

Но если дипломатическія сношенія наши съ Китаемъ и не имѣли существеннаго вліянія на положеніе вопроса объ Амурѣ, то совершенно иное слѣдуетъ сказать объ ученыхъ работахъ и о статьяхъ, въ разное время писавшихся о бассейнѣ этой рѣки и о научныхъ изысканіяхъ, производившихся въ Татарскомъ проливѣ и въ устьѣ послѣдней. Устранивъ разнорѣчивые толки о нижнемъ фарватерѣ Амура и доказавъ неизмѣримо-важное значеніе, какое могла бы имѣть для всей Восточной Сибири эта рѣка, они придали большую убѣдительность доводамъ Н. Н. Муравьева и помогли ему получить разрѣшеніе на веденіе переговоровъ съ китайскимъ правительствомъ.

Починъ печатно выраженнаго мнѣнія объ Амурѣ, принадлежитъ еще академику Миллеру. Изложивъ историческій ходъ событій на Амурѣ со времени перваго появленія на немъ русскихъ, онъ указалъ на важное значеніе этой рѣки и на крупный

недостатокъ Нерчинскаго договора, не выговорившаго намъ свободнаго на ней плаванія. Онъ же первый указалъ и на нѣкоторыя неточности, заключающіяся въ этомъ послѣднемъ по отношенію къ проведенію нашихъ границъ. Въ договорѣ сказано, что граница должна идти по р. Горбицѣ, но рѣкъ съ этимъ названіемъ двѣ: Большая и Малая Горбицы. Первая, иначе еще Амазаръ, впадаетъ въ Амуръ, вторая въ Шилку [1]). Китайцы воспользовались этой неточностью и, принимая ее вначалѣ по Большой Горбицѣ, перенесли затѣмъ границу на Малую Горбицу [2]). Также не обозначено въ договорѣ и сѣверное продолженіе этой послѣдней. Сказано, что она должна идти по каменнымъ горамъ, простирающимся до моря, но такихъ горъ, которыя упирались бы въ Охотское море, нѣтъ [3]).

Пять лѣтъ спустя, то есть въ 1746 г., Чириковъ, товарищъ Беринга по путешествію, посѣтивъ устье Амура, представилъ отчетъ, въ которомъ, излагая тѣ затрудненія, съ которыми приходится бороться русскому правительству для поддержки промысловъ у южныхъ береговъ Охотскаго моря, предлагаетъ построить здѣсь постъ и добиться у китайскаго правительства разрѣшенія на свободное плаваніе по Амуру, безъ котораго существованіе здѣсь послѣдняго едва-ли даже возможно. Но проектъ этотъ не былъ разсмотрѣнъ.

---

[1]) Шперкъ (l. c., стр. 82), приводитъ приблизительно точный разсчетъ устьевъ этихъ рѣкъ отъ Нерчинска: Большая Горбица впадаетъ въ Амуръ въ 480 верстахъ, Малая въ 250 ниже Нерчи.

[2]) На что, по смыслу трактата, они и имѣли полное право: «Рѣка именемъ Горбица, которая впадаетъ, идучи внизъ, въ рѣку Шилку съ лѣвыя стороны, близъ рѣки Черной (устье Малой Горбицы приходится на 23 версты ниже устья Черной), рубежъ между обоими Государствы постановить». Нѣтъ, эта китайская ошибка, мнѣ кажется, характерна въ другомъ отношеніи. Указывая на слишкомъ поверхностное знакомство китайскихъ уполномоченныхъ съ землями Амурскаго бассейна, она одновременно обнаруживала и наше явное неумѣніе воспользоваться своими преимуществами къ выгодѣ договора. Попытка Миллера отождествить р. Урку съ р. Черной Нерчинскаго договора (Урумъ—значитъ черный), не выдерживаетъ критики, такъ какъ Амазаръ больше Урки. Было бы, дѣйствительно, очень странно опредѣлять положеніе крупной рѣки ея близостью къ болѣе мелкой!

[3]) Шперкъ, l. c. Мнѣ кажется, что редакція договора болѣе ясна, чѣмъ это пожелали представить себѣ Миллеръ, Миддендорфъ и Шперкъ. Вотъ точныя слова договора: «такожде отъ вершины тоя рѣки (Горбицы) каменными горами, которыя начинаются вершины тоя рѣки и по самымъ тѣхъ горъ вершинамъ, даже до моря протягненныхъ, обоихъ Государствъ державу тако раздѣлить, яко всѣмъ рѣкамъ, малымъ и великимъ, которыя съ полудневныя стороны съ ихъ горъ впадаютъ въ р. Амуръ, быти подъ владѣніемъ Хинскаго Государства, такожде всѣмъ рѣкамъ, которыя съ другія стороны тѣхъ горъ идутъ, тѣмъ быть подъ Державою Царскаго Величества Россійскаго Государства!». Иными словами, что отъ верховій р. Горбицы граница должна проходить по водораздѣлу бассейновъ Амура и рѣкъ, въ него не впадающихъ. Что же касается до земель южнаго берега Охотскаго моря, то ихъ разграниченіе оставляется до болѣе «благополучнаго» времени: «прочія же рѣки, которыя лежатъ въ серединѣ межъ рѣкой Удью подъ Россійскаго Государства владѣніемъ и межъ ограниченными горами, которыя содержатся близъ Амура владѣнія Хинскаго Государства и впадаютъ въ море, и всякія земли посреди сущія межъ тою вышепомянутой Удью и межъ горами, которыя до границы надлежатъ, не ограничены нынѣ да пребываютъ».

Въ 1753 г. сибирскій генералъ-губернаторъ Мятлевъ подалъ въ Правительствующій Сенатъ проектъ о доставленіи по Амуру провіанта, необходимаго для Камчатки и Охотска. Проэктъ этотъ, утвержденный Сенатомъ, послужилъ поводомъ къ посылкѣ Василія Батрищева курьеромъ въ Пекинъ. Но тамъ отвѣтили отказомъ на предложеніе—соотвѣтствующимъ образомъ видоизмѣнить Перчинскій трактатъ, и русское правительство не нашло для себя возможнымъ настаивать долѣе.

Въ 1803 г. отправленъ былъ въ восточныя воды адмиралъ Крузенштернъ, которому, между прочимъ, повелѣвалось: описать берега Восточнаго океана, изслѣдовать Сахалинъ и устье Амура. Но изъ боязни встрѣтить китайцевъ и возбудить въ нихъ подозрѣніе, Крузенштернъ отнесся довольно поверхностно [1]) къ возложенному на него порученію и пришелъ къ неправильнымъ выводамъ, которые, подтверждая прежнія апріорныя заключенія Лаперуза и Браутона [2]), повліяли на тогдашнія правящія сферы въ самомъ нежелательномъ смыслѣ. Встрѣтивъ въ Татарскомъ проливѣ глубину 4 сажени, онъ заключилъ, что не только устье Амура забросано пескомъ и недоступно для судовъ даже мелкой осадки, но что и Сахалинъ въ сѣверной своей части соединяется съ материкомъ Азіи.

Прежде, однако, чѣмъ этотъ выводъ, столь противорѣчившій всему тому, что до Крузенштерна сообщалось объ этой рѣкѣ, сталъ извѣстенъ правительству, по настоянію министра торговли графа Румянцева было уже рѣшено отправить посольство въ Пекинъ съ офиціальною цѣлью извѣстить китайское правительство о вступленіи на престолъ Императора Александра I, на самомъ же дѣлѣ для того, чтобы добиться: 1) позволенія нашимъ судамъ приходить въ Кантонъ; 2) открытія торговли на сѣверо-западной границѣ Китая, на р. Бухтармѣ; 3) учрежденія въ Пекинѣ россійскаго консульства; 4) согласія на посылку съ калмыцкими богомольцами въ Тибетъ русскихъ приставовъ съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи завести сношенія и съ Тибетомъ; и, наконецъ, 5) уступки Амура [3]).

Императоръ Дао-Чуанъ, до нельзя польщенный такою безпримѣрною любезностью, изъявилъ немедленное согласіе на

---

[1]) Шперкъ (l. c., стр. 85). «Американская компанія убѣдила Крузенштерна не приставать къ берегамъ Манджуріи и онъ нашелъ доводы компаніи справедливыми» («Морской Сборникъ» 1861, X, отд. критики стр. 43).

[2]) Изъ промѣровъ, ими произведенныхъ, оба пришли къ заключенію, что изъ Татарскаго пролива нѣтъ выхода въ Охотское море.

[3]) «Посольство графа Головкина въ Китай въ 1805 г.», статья Вагина (Извѣстія Сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1872, III. № 3. стр. 133). Балкашинъ, не перечисляя всѣхъ пунктовъ, говоритъ, однако, что ихъ было 16 («Трактаты Россіи съ Китаемъ», стр. 58).

принятіе предложеннаго посольства. Къ сожалѣнію, въ то время во главѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ стоялъ у насъ князь Чарторыжскій, не только почти совсѣмъ незнакомый съ положеніемъ нашихъ дѣлъ на Востокѣ, но и личный врагъ графа Румянцева. Отнесясь непріязненно къ проекту послѣдняго, онъ сначала старался затормозить отправку посольства подъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что ему не на кого возложить такую сложную миссію, а затѣмъ назначиль на этотъ постъ своего родственника, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора, президента государственной коллегіи, оберъ-церемоніймейстера и дѣйствительнаго камергера, графа Ю. А. Головкина, котораго многіе современники аттестуютъ важнымъ бариномъ, но человѣкомъ съ поверхностнымъ образованіемъ, надменнымъ и до крайности тщеславнымъ. Графа Головкина сопровождали: три секретаря, шесть кавалеровъ посольства, все—молодежь лучшихъ фамилій Россіи, цѣлая ученая экспедиція изъ двѣнадцати членовъ подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника графа Потоцкаго [1]), духовная свита, чиновники, переводчики, казаки, драгуны и 127 человѣкъ прислуги. Ни одно посольство наше, ни до, ни послѣ, не имѣло такой свиты и не стоило такихъ громадныхъ суммъ русскому правительству, и, тѣмъ не менѣе, миссія Головкина не имѣла успѣха; мало того, рядомъ безтактныхъ поступковъ Головкинъ породилъ такое неудовольствіе въ китайцахъ [2]), что, прибывъ съ великою помпой въ Ургу, онъ дальше уже и не поѣхалъ. И при всемъ томъ миссія эта не осталась безъ вліянія на положеніе амурскаго вопроса, имѣя результатомъ особую записку о р. Амурѣ, въ которой, между прочимъ, предлагалось: за невозможностью и ненадобностью пріобрѣтенія территоріи цѣлой рѣки ограничиться въ своихъ требованіяхъ участкомъ между рѣками Зеей, Амуромъ и Удью [3]).

---

[1]) Ученую экспедицію составляли: астрономъ Шубертъ, профессоры—Довре, Паицперъ, Адамсъ, Редовскій, поручикъ Теслевъ, подпоручики — Тепперъ, Богдановичъ, Ивановъ, Шубертъ, студенты—Александровъ и Васильевъ. Кромѣ того, впослѣдствіи въ нее былъ включенъ знаменитый иностранецъ Клапротъ.

[2]) Вагинъ (l. c.). Балкашинъ болѣе снисходительно судитъ о Головкинѣ, хотя и онъ приводитъ первый параграфъ инструкціи, по которому Головкинъ, хотя и долженъ былъ стараться, чтобы церемоніалъ при представленіи его Богдохану не былъ унизителенъ для Россіи, однако, ему все же не слѣдовало жертвовать ради этого интересами этой послѣдней.

[3]) Шперкъ (l. c., стр. 85). «Полковнику Довре (d'Auvray) было поручено осмотрѣть Забайкальскій край, китайскую границу и, насколько возможно, Амуръ. Собранныя Довре свѣдѣнія, его проектъ укрѣпленія китайской границы и предположеніе о возможности тайной описи Амура на вооруженной шлюпкѣ, считались въ свое время едва-ли не лучшимъ плодомъ громадной экспедиціи графа Головкина». (Вагинъ, l. c., № 4, стр. 184). Цѣнныя свѣдѣнія собрали также и другіе члены этой экспедиціи: Игумновъ, графъ Ламбертъ, Адамсъ и др.

Въ 1842 г. выѣхалъ изъ Петербурга въ свое замѣчательное сибирское путешествіе академикъ Миддендорфъ. Собственно говоря, въ его программу вовсе не входило изслѣдованіе Амурскаго бассейна; тѣмъ не менѣе, онъ рискнулъ изъ Удской земли пробраться на Шилку, идя вдоль южныхъ склоновъ Станового хребта, и эта часть его маршрута, между прочимъ, имѣла своимъ результатомъ нижеслѣдующія открытія, получившія вскорѣ государственное значеніе: 1) гиляки, живущіе по берегамъ Восточнаго океана и въ низовьяхъ Амура, не подвластны Китаю, и 2) китайскіе пограничные знаки поставлены южнѣе гребня Станового хребта, чѣмъ владѣнія Россіи увеличиваются приблизительно на 50 тысячъ квадратныхъ верстъ.

Въ свое время обративъ вниманіе правительственныхъ сферъ на забытый Амуръ, а именно по возвращеніи Миддендорфа въ Петербургѣ въ 1845 г., эти извѣстія надѣлали много шуму, и, какъ мы ниже увидимъ, имѣли большое вліяніе на разрѣшеніе, въ благопріятномъ для насъ смыслѣ, Амурскаго вопроса.

Въ 1846 г., по Высочайшему повелѣнію, на бригѣ «Константинъ» былъ посланъ на низовья Амура подпоручикъ корпуса штурмановъ Гавриловъ. Онъ поднялся до гиляцкой деревни Чныраxъ и, вернувшись оттуда, доносилъ между прочимъ: «къ сѣверной части лимана Амура могутъ, но съ большимъ трудомъ, подходить парусные суда, сидящія въ водѣ не болѣе 16 футъ; дальнѣйшее плаваніе по лиману для парусныхъ судовъ невозможно; что же касается до входа въ самую рѣку, то можно подняться и найти проходъ въ нее, но только для пароходовъ, сидящихъ въ водѣ не болѣе 5 футъ» [1]).

Когда же 1847 г. назначенъ былъ генералъ-губернаторомъ въ Восточную Сибирь Н. Н. Муравьевъ, то, по ознакомленіи въ Петербургѣ съ современнымъ положеніемъ сибирскихъ дѣлъ, онъ обратилъ особенное вниманіе на вопросъ объ Амурѣ. Не довѣряя вполнѣ показаніямъ Гаврилова и находя, что въ Амурскомъ дѣлѣ дѣйствія правительства были недостаточно рѣшительны, Н. Н. Муравьевъ поставилъ себѣ первою задачею по прибытіи во ввѣренный ему край, обстоятельно изслѣдовать устье Амура. Для этого же нужно было не только пріискать отважнаго и рѣшительнаго морехода, который могъ бы выполнить трудную для того времени задачу, но и получить отъ правительства разрѣшеніе и средства на предположенное изслѣдованіе.

[1]) Шперкъ, l. c., стр. 89.

Подходящее для задуманнаго плана лицо скоро нашлось. Н. Н. Муравьевъ обратилъ свое вниманіе на капитанъ-лейтенанта Невельскаго, находившагося въ то время при постройкѣ въ Гельсингфорсѣ транспорта «Байкалъ», предназначеннаго для обыкновеннаго періодическаго доставленія въ Камчатку припасовъ отъ морского вѣдомства [1]). Сообщивъ Невельскому свои предположенія, Муравьевъ встрѣтилъ въ немъ человѣка, не только горячо заинтересовавшагося дѣломъ изслѣдованія устьевъ Амура, но и обладающаго всѣми качествами, необходимыми для выполненія предстоявшей трудной задачи, а именно, опытностью въ морскомъ дѣлѣ, безпредѣльною отвагою и упорною энергіею и настойчивостью.

Но не легко было обоимъ энергичнымъ людямъ добиться разрѣшенія и предоставленія средствъ на выполненіе задуманнаго предпріятія. Хотя Муравьевъ, немедленно по своемъ прибытіи въ Сибирь, и направилъ къ начальнику Главнаго Морского Штаба, князю А. С. Меньшикову, свое настоятельное ходатайство о предписаніи командиру посылаемаго изъ Кронштадта въ Камчатку транспорта «Байкалъ», Невельскому, по сдачѣ груза, отправиться на опись юго-восточнаго берега Сибири отъ Тугурскаго залива до устья Амура, и хотя Меньшиковъ нашелъ это ходатайство уважительнымъ, но при всемъ томъ Невельской вышелъ изъ Кронштадта въ августѣ 1848 г., не добившись еще полученія желаемаго предписанія.

Замедленіе произошло оттого, что только въ концѣ января 1849 г. открылся, по Высочайшему повелѣнію, особый комитетъ для разсмотрѣнія вопросовъ по амурскому дѣлу [2]). Вопросами этими были: 1) возникшее въ Главномъ Штабѣ Военнаго Министерства, вслѣдствіе поданной еще въ 1845 г. на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе академикомъ Миддендорфомъ записки, предположеніе объ отправленіи секретной сухопутной экспедиціи для топографическаго и геологическаго обслѣдованія Сѣверной окраины нынѣшней Амурской области; 2) возбужденное, настояніемъ генералъ-губернатора Муравьева, ходатайство объ изслѣдованіи устьевъ Амура со стороны моря и 3) открытіе сношеній съ живущими на устьяхъ Амура и, по свидѣтельству Миддендорфа, независимыми отъ китайцевъ, гиляками. Согласно съ заключеніемъ комитета, Высочайше разрѣшено было, со всѣми возможными оговорками объ осторожности по отношенію къ китай-

[1]) Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій. Матеріялы для его біографіи Ив. Барсукова. Москва, 1891, кн. I, стр. 172.

[2]) Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, l. c., стр. 195, 198.

скимъ пограничнымъ властямъ: Главному Штабу Военнаго Министерства снарядить секретную сухопутную экспедицію въ нынѣшнюю Амурскую область подъ руководствомъ подполковника Ахте; генералъ-губернатору Восточной Сибири сообщить Невельскому разрѣшеніе и инструкцію для изслѣдованія восточнаго нашего прибрежья до устьевъ Амура и острова Сахалина и разрѣшеніе выбрать къ сѣверу отъ этихъ устьевъ пунктъ, удобный для занятія и устройства тамъ торговаго поселенія; наконецъ, Россійско-Американской компаніи сдѣлать опытъ сношеній съ Гиляками сухимъ путемъ изъ Аяна.

Между тѣмъ, Муравьевъ и Невельской не теряли времени. Немедленно по полученіи разрѣшенія и инструкціи, Муравьевъ отправилъ ее къ Невельскому въ Камчатку съ однимъ изъ своихъ молодыхъ сотрудниковъ, штабсъ-капитаномъ М. С. Карсаковымъ (сдѣлавшимся впослѣдствіи преемникомъ Муравьева по генералъ-губернаторству). Сухопутную же экспедицію подполковника Ахте Муравьевъ пріостановилъ собственною властью, считая эту экспедицію преждевременною. Задержанный въ Охотскѣ льдами, Карсаковъ могъ выйти въ море на ботѣ «Кадьякъ» только въ іюнѣ, но, зная характеръ Невельского и предшествовавшія его сношенія съ Муравьевымъ, обнадежившимъ Невельского въ полученіи желаннаго разрѣшенія, Карсаковъ былъ увѣренъ, что уже не застанетъ Невельского въ Петропавловскѣ, а потому отправился отыскивать его къ берегамъ Сахалина, два раза заходилъ въ находившуюся тамъ Константиновскую гавань, безуспѣшно крейсировалъ между островомъ и сибирскимъ прибрежьемъ и, наконецъ, вернулся въ Аянъ, не встрѣтивъ Невельского. Сюда же прибылъ осенью и Н. Н. Муравьевъ, успѣвшій уже посѣтить Камчатку.

3 сентября Муравьевъ былъ неожиданно обрадованъ прибытіемъ въ Аянъ транспорта «Байкалъ», который начали считать уже погибшимъ. Оказалось, что Невельской вышелъ, не дождавшись инструкцій, изъ Петропавловска уже 31 мая. Начавъ свои изслѣдованія отъ мыса Головачева на Сахалинѣ, Невельской открылъ на материковой сторонѣ Татарскаго пролива удобный для стоянки судовъ заливъ Счастія, 28 іюня вошелъ въ Амурскій лиманъ и, ставъ тамъ на якорь, выслалъ двѣ шлюпки для промѣровъ. Одна изъ нихъ, подъ начальствомъ лейтенанта Казакевича (впослѣдствіи адмирала и кронштадтскаго военнаго губернатора), открыла устье Амура, вошла въ рѣку и поднималась до гиляцкой деревни Чабдахъ [1]). Вслѣдъ

[1]) Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, l. c., стр. 198.

затѣмъ и самъ Невельской заходилъ въ Амуръ, а 22-го іюля открылъ и изслѣдовалъ проливъ, отдѣляющій Сахалинъ отъ Азіатскаго материка, и 3 сентября уже вернулся въ Аянъ, гдѣ и донесъ лично генералъ-губернатору о результатахъ экспедиціи.

Изъ донесенія этого выяснилось: 1) что Сахалинъ не полуостровъ, а островъ; 2) что входъ въ Амурскій лиманъ изъ Татарскаго пролива, черезъ открытый Невельскимъ проливъ, доступенъ для морскихъ судовъ всѣхъ ранговъ, а съ сѣвера изъ Охотскаго моря для судовъ съ осадкою въ 23 фута; 3) что въ самое устье Амура изъ Татарскаго пролива, могутъ входить суда съ осадкою въ 15 футовъ, а изъ Охотскаго моря съ осадкою въ 12 футовъ[1]); 4) что гиляки, живущіе при устьѣ Амура, независимы отъ Китая, какъ на то указывалъ и Миддендорфъ.

Въ началѣ 1850 г. посланные Муравьевымъ съ донесеніями по Амурскому дѣлу Карсаковъ и Невельской были уже въ Петербургѣ; въ то же время состоялось Высочайшее повелѣніе объ основаніи зимовья на берегу Охотскаго моря и занятіи поста на Амурѣ. Во исполненіе этого повелѣнія, неутомимый Невельской 21 іюля 1850 г. прибылъ вторично къ устью Амура и, найдя въ заливѣ Счастія проѣхавшаго туда сухопутно зимнимъ путемъ, уполномоченнаго Русско-Американскою компаніей, прапорщика Орлова, выбралъ съ нимъ здѣсь, близь гиляцкой деревни Гинельво, мѣсто для основанія зимовья, названнаго Петровскимъ. Гиляки приняли русскихъ радушно и съ большимъ довѣріемъ, прося защиты и покровительства русскаго правительства. Затѣмъ Невельской поднимался на вельботѣ верстъ 100 по Амуру и въ 25 верстахъ выше устья рѣки устроилъ постъ, названный Николаевскимъ[2]).

Въ исходѣ 1850 г. самъ Муравьевъ съ Невельскимъ и Карсаковымъ были уже въ Петербургѣ, гдѣ встрѣтили полное противодѣйствіе утвержденію всѣхъ своихъ дѣйствій по Амурскому дѣлу. Для разсмотрѣнія этого дѣла былъ назначенъ особый комитетъ, подъ именемъ «Гиляцкаго». Единогласно принятый этимъ комитетомъ[3]) журналъ, въ которомъ доказывались неудобства занятія устьевъ Амура и выражались опасенія разрыва

[1]) Графъ Муравьевъ-Амурскій, l. c., стр. 224.

[2]) Графъ Муравьевъ-Амурскій, l. c., стр. 274 и 275.

[3]) Графъ Муравьевъ-Амурскій, l. c., стр. 281. 282. Гиляцкій комитетъ состоялъ изъ министра иностранныхъ дѣлъ графа Нессельроде, военнаго—князя Чернышева, министра финансовъ графа Вронченко, князя Меньшикова, министра внутреннихъ дѣлъ графа Перовскаго, начальника Главнаго Штаба графа Берга, тайнаго совѣтника Сенявина и Муравьева. Главными противниками Муравьева были Нессельроде, Чернышевъ, Вронченко и Сенявинъ.

съ манджурскою династіею, Муравьевымъ подписанъ не былъ. Особое, представленное имъ мнѣніе было доложено Императору Николаю I, назначившему для его разсмотрѣнія новое засѣданіе комитета, уже подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника. Только благодаря заступничеству Цесаревича (въ Бозѣ почившаго Императора Александра II), Муравьеву удалось добиться Высочайшаго повелѣнія объ оставленіи основаннаго Невельскимъ на Амурѣ Николаевскаго поста. Съ начала 1851 года Муравьеву удалось пріобрѣсти Амурскому дѣлу еще одного сильнаго покровителя въ лицѣ генералъ-адмирала Великаго Князя Константина Николаевича, вступившаго въ 1851 г. въ переписку съ Муравьевымъ и съ тѣхъ поръ постоянно поддерживавшаго представленія Муравьева.

Посланныя Муравьевымъ снова, въ 1851—52 гг., на устье Амура двѣ экспедиціи Невельского значительно подвинули впередъ Амурское дѣло. Въ августѣ 1851 г. Невельской окончательно занялъ мѣсто, на которомъ въ предшедшемъ году оставилъ слабый Николаевскій постъ, состоявшій всего только изъ 5 казаковъ. На зиму 1851—52 г. въ Николаевскѣ былъ оставленъ лейтенантъ Бошнякъ съ 25 казаками. Раннею весною 1852 г., въ то время какъ Бошнякъ, по порученію Невельского, ѣздилъ осматривать Сахалинъ, другой офицеръ команды, мичманъ Чихачевъ (нынѣ управляющій Морскимъ Министерствомъ), вмѣстѣ съ топографомъ Поповымъ, обслѣдовалъ весь правый берегъ Амура до мыса и селенія Каюсава. Самъ же Невельской прибылъ въ началѣ лѣта на устье Амура и, недождавшись разрѣшенія правительства, котораго въ 1852 г. совсѣмъ и не послѣдовало, устроилъ русское зимовье въ селеніи Кизи на Амурѣ и постъ въ заливѣ де-Кастри, занявъ, такимъ образомъ, фактически тотъ важный пунктъ теченія Амура, у котораго послѣднее такъ близко подходитъ къ Японскому морю[1]).

Въ 1852 же году Муравьевъ допустилъ впервые въ предѣлы нынѣшней Амурской области сухопутную геодезическую экспедицію подполковника Ахте. Экспедиція эта, работавшая въ теченіи всего 1852 г. къ югу отъ Станового Хребта до низовьевъ Амура, подтвердила то, что уже было выяснено экспедиціями Миддендорфа и Невельского, а именно, что китайцы не установили пограничныхъ знаковъ вдоль Станового Хребта, оставляя пространство отъ устья Горбицы до Восточнаго океана не разграниченнымъ, и что низовья Амура по обѣ стороны его теченія не состоятъ во владѣніи китайцевъ.

[1]) Графъ Муравьевъ-Амурскій, l. c., стр. 301, 306, 307.

Въ началѣ 1853 г. Муравьевъ уже былъ снова въ Петербургѣ для обсужденія мѣръ о защитѣ ввѣреннаго ему края въ случаѣ ожидавшагося разрыва съ западно-европейскими государствами. Результатомъ стараній Муравьева, встрѣчавшаго въ высшихъ административныхъ сферахъ трудно одолимыя препятствія своимъ предположеніямъ, было исходатайствованное имъ Высочайшее утвержденіе штатовъ Амурской экспедиціи, сдѣлавшейся, такимъ образомъ, уже правительственною, и разрѣшеніе занятія озера Кизи, залива де-Кастри и острова Сахалина [1]), что было, впрочемъ, только санкціею уже совершившагося факта. Ходатайство же Муравьева о сплавѣ по Амуру, въ видахъ защиты Камчатки и Восточнаго нашего побережья, было передано на разсмотрѣніе особаго комитета.

Состоявшееся Высочайшее повелѣніе дошло до Невельского только 20 іюля 1853 г., но, благодаря его предварительному исполненію, начиная съ 1852 г., было исполнено въ 10 дней до 1 августа. При этомъ Невельской занялъ и находящуюся почти на $2^1/_2{}^0$ южнѣе, по прибрежью Японскаго моря, гавань, названную имъ Императорскою. Занятъ былъ и весь островъ Сахалинъ и на южной его оконечности, въ заливѣ Анива, оставлена была, на зиму 1853 — 54 гг., команда подъ начальствомъ маіора Буссе [2]). Между тѣмъ, наступившая восточная война значительно ускорила развязку амурскаго дѣла. Въ январѣ 1854 г. Муравьеву было не только Высочайше разрѣшено вести непосредственные переговоры съ китайскимъ правительствомъ о разграниченіи нашей восточной окраины, но и «плыть по Амуру».

Во исполненіе этого Высочайшаго разрѣшенія, Муравьевъ, уже 14 мая 1854 г., выплылъ на выстроенномъ имъ пароходѣ «Аргунь» изъ Шилкинскаго завода, 18 мая достигъ Амура, а 28 прибылъ къ устью Зеи, откуда выслалъ въ Айгунъ своихъ чиновниковъ, извѣщая китайскія власти о своемъ прибытіи. По свидѣтельству состоявшаго при Муравьевѣ чиновника по дипломатической части Н. Д. Свербеева, извѣстіе это какъ громомъ поразило начальника Айгуна, который, не получивъ отъ своего Правительства никакого распоряженія о сплавѣ русскихъ по Амуру, сначала представлялъ свои доводы о невозможности пропуска, но, увидѣвъ пароходъ и множество плывущихъ за нимъ баржъ и лодокъ съ войсками, желалъ только удаленія русскаго отряда отъ стѣнъ ввѣреннаго ему города [3]).

[1]) Графъ Муравьевъ-Амурскій, l. c., стр. 324, 325.
[2]) Графъ Муравьевъ-Амурскій, l. c., стр. 327, 328.
[3]) Графъ Муравьевъ-Амурскій, l. c., стр. 372.

Пройдя, такимъ образомъ, благополучно мимо Айгуна, экспедиція 30 мая достигла устья Буреи, 2 іюня проплыла устье Сунгари, а 5 іюня устье Уссури. 9 іюня, ниже устья Уссури, налетѣвшая буря въ нѣсколько минутъ затопила суда экспедиціи и едва не лишила ее припасовъ. Два дня сушили провіантъ у низменнаго острова, названнаго островомъ св. Кирилла, а 9 іюня прибылъ на встрѣчу экспедиціи, съ письмомъ отъ Невельского, офицеръ Разградскій. Муравьевъ выслалъ впередъ пароходъ «Аргунь», прибывшій въ Маріинскій постъ 12 іюня, а затѣмъ, пріѣхавшій изъ де-Кастри Невельской встрѣтилъ Муравьева въ 7 верстахъ впереди Маріинска. Прибытіемъ въ Маріинскъ и посѣщеніемъ де-Кастри Муравьевъ закончилъ блистательно первую въ нашемъ вѣкѣ русскую экспедицію по Амуру[1]).

Между тѣмъ, восточная война была уже въ полномъ разгарѣ и дошла до отдаленной нашей восточной окраины. 19 іюня транспортъ Двина доставилъ сплавленную по Амуру команду, въ числѣ 300 солдатъ, съ боевыми запасами, изъ де-Кастри на защиту Петропавловска и Авачинской губы, куда къ 18 августа прибыла и англо-французская эскадра. Мужественное отбитіе непріятеля, 24 августа, было первымъ результатомъ амурскаго сплава[2]). Другимъ его результатомъ было свиданіе Муравьева въ Императорской гавани съ адмираломъ Путятинымъ, ведшимъ въ то время переговоры съ Японіею, и предложеніе ему ввести фрегатъ «Палладу» и суда, находившіяся въ то время въ Японіи, въ устье Амура. Самъ Муравьевъ вернулся въ Иркутскъ черезъ Аянъ и Якутскъ. Прибывъ въ Якутскъ 30 августа, Муравьевъ поручилъ здѣсь одному изъ самыхъ молодыхъ своихъ сотрудниковъ, М. С. Волконскому (нынѣ товарищъ министра народнаго просвѣщенія), дѣло о первомъ поселеніи русскихъ крестьянъ на Амурѣ. Позднею осенью М. С. Волконскій выбралъ въ Иркутской губерніи и Забайкальѣ изъ добровольно желавшихъ переселиться на Амуръ 51 семейство въ составѣ 480 душъ и къ веснѣ 1855 г. приготовилъ первую русскую переселенческую партію на Амуръ.

Весною 1855 г. Муравьевъ, ожидавшій новаго нападенія союзниковъ на Камчатку, принялъ геройскую рѣшимость, безъ Высочайшаго на то разрѣшенія, снять временно Петропавловскій портъ, переведя эскадру и всѣ учрежденія въ прочно занятое имъ устье Амура и отсюда уже оборонять нашу восточ-

[1]) Графъ Муравьевъ-Амурскій, l. c., стр. 374—380.
[2]) Графъ Муравьевъ-Амурскій, l. c., стр. 382.

ную окраину. Для этой цѣли Муравьевъ организовалъ съ ранней весны второй свой сплавъ по Амуру [1]). 5 мая самъ Муравьевъ съ первымъ эшелономъ сплава (26 баржъ, съ частью войскъ и военныхъ припасовъ) выплылъ изъ Усть-Стрѣлки, а 27 мая передовой пароходъ эшелона, Аргунь, съ лейтенантомъ Бошнякомъ, проплывъ все теченіе Амура, прибылъ къ Лазареву мысу Татарскаго пролива, гдѣ уже находилась команда фрегата Паллада подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Бутакова и гдѣ велось устройство оборонительныхъ батарей подъ руководствомъ капитанъ-лейтенанта Лѣсовскаго, бывшаго командира погибшаго фрегата Діана (впослѣдствіи адмирала и управляющаго морскимъ министерствомъ). Вся морская оборона была возложена, подъ главнымъ начальствомъ Муравьева, на контръ-адмирала Завойко, камчатскаго военнаго губернатора, перешедшаго съ своими судами на устье Амура. Суда эти въ заливѣ Де-Кастри встрѣтились съ англійскою эскадрою адмирала Элліота, который, впрочемъ, не рѣшился аттаковать ихъ и, обмѣнявшись нѣсколькими выстрѣлами съ состоявшимъ подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Назимова корветомъ Оливуцца, ушелъ въ море. Когда же союзная эскадра снова пришла въ Де-Кастри, она уже не нашла здѣсь русскихъ судовъ: всѣ они были убраны въ устье Амура, кромѣ ветхаго и разоруженнаго фрегата Паллада, котораго не было возможности провести черезъ проливъ и который былъ отведенъ въ Императорскую гавань [2]). Самъ же адмиралъ графъ Путятинъ съ капитаномъ 1-го ранга Посьетомъ, (впослѣдствіи адмиралъ и министръ путей сообщенія) проѣхалъ съ необыкновенной смѣлостью изъ Японіи въ устье Амура на парусной шхунѣ Хеда, удачно ускользнувъ отъ преслѣдованія англійскихъ судовъ, и поднялся съ большими затрудненіями вверхъ по Амуру до Забайкалья на маленькомъ слабосильномъ (въ 6 силъ) пароходѣ Надежда, наскоро построенномъ на сибирскихъ заводахъ. Этотъ переходъ не мало способствовалъ распространенію въ Петербургѣ неблагопріятныхъ слуховъ о значеніи Амура, какъ судоходной рѣки для русскаго Востока.

Второй эшелонъ Амурскаго сплава, подъ начальствомъ полковника Назимова, изъ 64 баржъ съ линейными войсками и тяжелыми орудіями, спустился по Амуру съ неимовѣрными трудностями. Въ третьемъ эшелонѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ полковника М. С. Карсакова изъ 35 баржъ, находи-

[1]) Графъ Муравьевъ-Амурскій, l. c., стр. 405 и др.
[2]) Графъ Муравьевъ-Амурскій, l. c., стр. 411—417.

лись, кромѣ аріергарда войскъ, вся партія амурскихъ переселенцевъ М. С. Волконскаго и ученая экспедиція, снаряженная Сибирскимъ отдѣломъ Русскаго Географическаго Общества и состоявшая изъ натуралиста Р. К. Маака, магистра Герстфельда, инженера Рожкова, топографа Зандгагена и чиновника министерства финансовъ Кочетова. Эшелонъ этотъ выплылъ изъ Шилкинскаго завода 14 мая, а 13 іюля уже добрался до Маріинска, потерявъ во время бури только двѣ баржи и пройдя теченіе Амура довольно благополучно, не смотря на проявившійся уже во время плаванія между переселенцами тифъ. Волконскій образовалъ изъ имѣвшихся въ его распоряженіи переселенцевъ пять поселковъ на нижнемъ теченіи Амура между Маріинскомъ и устьемъ Амгуни.

По водвореніи на мѣсто, эти первые піонеры русскаго заселенія Амура размѣстились въ землянкахъ и, прежде чѣмъ приступили къ расчисткѣ лѣса и постройкѣ домовъ, должны были выстроить въ каждомъ поселкѣ общественныя пекарню, больницу и баню. Къ осени 1855 г. избы переселенцевъ уже были готовы, а въ теченіи лѣта расчищены и земли подъ огороды и небольшой посѣвъ озимаго хлѣба. Но, не смотря на всѣ принятыя разумныя мѣры, на свѣжій хлѣбъ и достаточную мясную пищу [1]), на запасы хрѣна, лука и кислой капусты, тифозная эпидемія, открывшаяся среди переселенцевъ уже во время плаванія, не прекращалась въ переселенческихъ поселкахъ въ теченіи цѣлаго года и, переходя въ цынгу, уносила много жертвъ. Между послѣдними находились и оба фельдшера, состоявшіе при переселенцахъ и самоотверженно ходившіе за больными. Только въ послѣдующіе годы переселенцы обжились, устроились и достигли относительнаго благосостоянія.

Такимъ образомъ Амуръ, къ концу 1855 г., только благодаря упорной энергіи Муравьева былъ занятъ и сослужилъ незабвенную службу Россіи при оборонѣ ея восточной окраины, гдѣ союзники, благодаря принятымъ Муравьевымъ мѣрамъ, не могли сдѣлать Россіи существеннаго вреда.

Для довершенія занятія Амура оставалось однакоже выполнить еще одну трудную задачу: вырвать, безъ разрыва и войны съ Китаемъ, согласіе Пекинскаго правительства на уступку всѣхъ его притязаній на нынѣшнія Амурскую и Приморскую

---

[1]) Скотъ былъ сплавленъ съ переселенцами и оставленъ имъ въ количествѣ 170 лошадей, 217 штукъ крупнаго скота, 92 овецъ и достаточнаго количества домашней птицы. См. Графъ Муравьевъ-Амурскій, l. c., стр. 419—421.

области. Въ сентябрѣ 1855 г. Муравьевъ, въ силу данныхъ ему полномочій, открылъ въ Маріинскомъ посту первые переговоры по этому дѣлу съ присланными на Амуръ китайскими уполномоченными, но, конечно, переговоры эти могли имѣть только предварительный характеръ и не привели ни къ какому соглашенію въ виду категорическаго заявленія Муравьева, что только Амуръ до устья Уссури можетъ быть поставленъ граничною чертою между двумя государствами.

Въ октябрѣ 1855 г., когда непріятельская эскадра совершала неудавшуюся попытку высадки и нападенія на Де-Кастри, Муравьевъ, на зафрахтованномъ американскомъ баркѣ, «Пальметто», не смотря на преслѣдованіе англійскихъ кораблей и встрѣчу съ французскимъ, счастливо пробрался въ Аянъ, откуда вернулся въ Иркутскъ и въ началѣ 1856 г. былъ уже въ Петербургѣ.

1856 г. — годъ коронованія Императора Александра II и заключенія Парижскаго мира, Муравьевъ провелъ отчасти въ леченіи за-границею, отчасти въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ его отсутствіи, благодаря разумнымъ дѣйствіямъ назначеннаго Забайкальскимъ военнымъ губернаторомъ М. С. Карсакова, наши дѣла на Амурѣ хотя въ общемъ и не пошли назадъ, но мало подвинулись и впередъ. Карсакову удалось произвести третій сплавъ по Амуру,—которому, послѣ объясненій посланнаго Муравьевымъ въ началѣ 1856 г. въ Ургу М. С. Волконскаго съ китайскими пограничными властями, китайцы, впрочемъ, и не препятствовали,—и даже поставить три поста въ предѣлахъ нынѣшней Амурской области: Зейскій, Кумарскій и Хинганскій, но переговоры Карсакова съ манджурскимъ амбанемъ въ Айгунѣ не привели ни къ чему. Проплылъ безпрепятственно по Амуру въ Николаевскъ и назначенный губернаторомъ Приморской области Казакевичъ; а вслѣдъ затѣмъ, при возвращеніи нашихъ войскъ съ низовьевъ Амура, по случаю заключенія Парижскаго мира, китайцы даже оказывали транспорту этихъ войскъ посильную помощь. Къ сожалѣнію, возвращеніе это совершилось уже въ осеннее половодье Амура, въ очень тяжкихъ условіяхъ. При недостаточности перевозныхъ средствъ люди сильно утомлялись, между ними развились тифозныя болѣзни и потери оказались очень значительными (до 200 человѣкъ).

Муравьевъ вернулся въ Сибирь только въ исходѣ 1856 г. Между тѣмъ, начатые съ Китайскимъ правительствомъ переговоры уже не могли прекратиться, и въ 1857 г. Русское правительство рѣшилось послать въ Пекинъ, въ качествѣ уполномоченнаго, графа Путятина. Въ мартѣ Путятинъ прибылъ въ

Иркутскъ, а затѣмъ, безплодно прождавъ въ Кяхтѣ цѣлый мѣсяцъ намѣренно замедливаемаго пропуска черезъ монгольскія степи, рѣшился инымъ путемъ добраться до Пекина. Вмѣстѣ съ принявшимся за дѣло съ новою энергіею Муравьевымъ онъ направился по Амуру, выбрался въ море и на пароходѣ «Америка» достигъ устья р. Пейхо, куда прибылъ въ концѣ іюля, одновременно съ уполномоченнымъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, виргинскимъ сенаторомъ Ридомъ [1]). Въ Тянъ-цзинѣ, который былъ уже въ то время въ рукахъ англичанъ и французовъ, переговоры Путятина въ 1857 г. не имѣли, однако, никакого успѣха, и адмиралу, во главѣ его небольшой эскадры, оставалось только слѣдить за дѣйствіями западныхъ державъ по отношенію къ Китаю.

Уже къ началу 1858 г. дѣла Китайскаго правительства начали принимать неблагопріятный для Дай-цинской династіи оборотъ. Англо-французскія войска, овладѣвъ Кантономъ, проникли въ 1857 г. въ Бей-Чжилійскую провинцію по р. Пейхо и заняли Тянъ-Цзинъ, угрожая голодомъ сѣверной Китайской столицѣ. Въ то же время разгоравшееся возстаніе Тай-пиновъ [2]) принимало все болѣе и болѣе угрожающіе для династіи размѣры; Тай-пины овладѣли даже южною столицею Китая—Нанкиномъ. Тѣмъ важнѣе было для манджурской династіи обезпечить себѣ вѣрное убѣжище въ своемъ коренномъ отечествѣ Манджуріи, сѣверная граница которой оставалась, однако, не только въ положеніи совершенно неопредѣленномъ, но и необезпеченномъ отъ нападенія опаснаго манджурамъ своею отвагой и настойчивостью генералъ-губернатора Муравьева, такъ недавно еще успѣшно защитившаго ввѣренный ему край отъ надвигавшихся въ 1858 г. на сѣверную столицу Китайской имперіи англо-французскихъ войскъ. И Китайское правительство, котораго дипломатія въ теченіи тысячелѣтій держалась системы разъединенія своихъ враговъ, сознало, наконецъ, необходимость, какъ можно скорѣе, путемъ уступокъ, найти себѣ доброжелателей въ русскихъ и въ особенности въ страшномъ китайцамъ сосѣдѣ—Восточно-Сибирскомъ генералъ-губернаторѣ.

Этими обстоятельствами и воспользовался какъ нельзя лучше Н. Н. Муравьевъ съ весны 1858 г. Выѣхавъ изъ Иркутска 6 апрѣля, онъ 6 мая былъ уже, вмѣстѣ съ архіепископомъ Камчатскимъ

[1]) Балкашинъ. Трактаты Россіи съ Китаемъ, стр. 79.

[2]) Тай-пинъ значитъ «величайшее спокойствіе». Такъ назвалъ свое будущее царствованіе предводитель инсургентовъ Хунь-сянь-цюань, потомокъ династіи Минъ

Иннокентіемъ (впослѣдствіи митрополитомъ Московскимъ) въ устьѣ Зеи, а 10 мая прибылъ въ Айгунъ, гдѣ, въ теченіи 6 дней, при содѣйствіи П. Н. Перовскаго, и заключилъ съ китайскимъ уполномоченнымъ, Айгунскимъ цзянъ-цзюномъ (военнымъ губернаторомъ) И-шанемъ знаменитый Айгунскій договоръ. Вотъ текстъ условій этого договора:

1) Лѣвый берегъ Амура, начиная отъ р. Аргуни до морского устья Амура, да будетъ владѣніемъ Россійскаго Государства; отъ р. Уссури далѣе до моря находящіяся мѣста и земли, впредь до опредѣленія по симъ мѣстамъ границы между двумя государствами, какъ нынѣ, да будутъ въ общемъ владѣніи Дай-цинскаго и Россійскаго государствъ; всѣхъ же прочихъ иностранныхъ государствъ судамъ по симъ рѣкамъ плавать не должно; находящихся по лѣвому берегу Амура отъ р. Зеи на югъ, до деревни Хормолдзинъ, манджурскихъ жителей оставить вѣчно на мѣстахъ ихъ жительства подъ вѣдѣніемъ манджурскаго правительства, съ тѣмъ, чтобы русскіе жители обидъ и притѣсненій имъ не дѣлали.

2) Для взаимной дружбы подданныхъ двухъ государствъ дозволяется взаимная торговля проживающимъ по рр. Уссури, Амуру и Сунгари подданнымъ обоихъ государствъ, а начальствующіе должны покровительствовать на обоихъ берегахъ торгующимъ людямъ двухъ государствъ.

По полученіи въ Пекинѣ извѣстія о заключеніи Айгунскаго договора китайскіе уполномоченные поторопились 1 іюня заключить съ Гр. Путятинымъ договоръ въ Тянъ-цзинѣ, послужившій прекраснымъ дополненіемъ Айгунскому договору. 3 іюня китайскіе уполномоченные извѣстили графа о томъ, что богдыханъ утвердилъ послѣдовавшее у генералъ губернатора Муравьева съ Хейлунскимъ цзянъ-цзюномъ соглашеніе о проведеніи границъ отъ Уссури до морскихъ портовъ и объ учрежденіи торговли по Амуру [1]).

Заключеніе Айгунскаго и Тянъ-цзинскаго договоровъ развязало руки Н. Н. Муравьеву по занятію и колонизаціи на этотъ разъ уже окончательно пріобрѣтеннаго Россіею Амурскаго края. Въ 1858 же году Муравьевъ переименовалъ Усть-Зейскій постъ въ городъ Благовѣщенскъ, по имени перваго русскаго храма, заложеннаго тутъ въ присутствіи Муравьева архіепископомъ Иннокентіемъ, и поручилъ подполковнику Будогосскому устройство по лѣвому берегу Амура цѣлаго ряда станицъ, получившихъ свое названіе отъ именъ сподвижниковъ

[1]) Гр. Муравьевъ-Амурскій, l. c., стр. 506—512.

Муравьева по занятію и заселенію Амурскаго края. Такимъ образомъ были увѣковѣчены имена Карсакова (Карсакова и Михаило-Семеновская), Свербеева, Буссе, Венцеля (Иркутскаго губернатора, до 1859 г. исправлявшаго должность генералъ-губернатора во время отсутствія Муравьева), Кукеля (начальника штаба восточно-сибирскаго войска), Скобельцына, князя М. С. Волконскаго (Михайловская), Невельского, Казакевича, Будогосскаго, архіепископа Иннокентія, всѣхъ русскихъ храбрецовъ, дѣйствовавшихъ на Амурѣ въ XVII вѣкѣ (Хабарова, Пояркова, Бекетова, Пашкова, Бейтона), нѣкоторыхъ научныхъ изслѣдователей Амурской области (Радде, Аносова), наконецъ достойной супруги Гр. Муравьева-Амурскаго, сопровождавшей его въ его поѣздкахъ на отдаленную нашу восточную окраину (ст. Екатерино-Никольская).

Для окончанія великаго дѣла, совершеннаго Н. Н. Муравьевымъ, оставалось только завершить разграниченіе Россіи съ Китаемъ отъ устья Уссури по правую сторону Амура.

Въ 1859 г. для размѣна ратификацій по Айгунскому и Тянъ-цзиньскому трактатамъ и для дополнительныхъ условій къ нимъ въ Пекинъ отправленъ былъ, въ качествѣ уполномоченнаго со стороны Россіи, Н. П. Игнатьевъ.

Онъ былъ очевидцемъ осады Пекина англо-французскими войсками и недоумѣнія лорда Эльгина и барона Гро, какъ поступить съ отворившей передъ ними ворота китайской столицей при дальнѣйшемъ отказѣ удалившагося въ Монголію богдыхана Сянь-фына отъ удовлетворенія ихъ требованій. Представители Англіи и Франціи понимали, что, занимая Пекинъ, имъ не миновать въ немъ страшнаго кровопролитія, что разогнанное пекинское населеніе вынуждено будетъ опустошать сосѣднія области ради своего существованія и что чрезъ это возникнутъ смуты, которыя, вмѣстѣ съ возмущеніемъ Тай-пиновъ, надолго охватятъ внутренній Китай, при чемъ обширная торговая эксплоатація его англичанами и французами, составлявшая главную цѣль войны, не найдетъ себѣ мѣста. Равнымъ образомъ можно было ожидать, что въ случаѣ, если бы взятіе Пекина вызвало въ Китаѣ перемѣну династіи, то новый императоръ едва-ли пошелъ бы въ разрѣзъ съ вѣковыми предубѣжденіями китайцевъ и рѣшился бы сблизиться съ европейцами[1]). При всемъ томъ отступленіе отъ Пекина союзниковъ было совершенно немыслимо, такъ какъ тогда

[1]) Послѣднее тѣмъ болѣе вѣроятно, что Хунь-сю-цюань, владѣвшій только частью Южнаго Китая, велъ уже себя въ высшей степени высокомѣрно по отношенію къ европейцамъ и рѣшительно отказался принять британскаго уполномоченнаго сэра Бонгэма.

Пекинское правительство еще упорнѣе стало бы уклоняться отъ заключенія съ нимъ трактатовъ.

Графъ Игнатьевъ положилъ конецъ этимъ затрудненіямъ. Сопровождаемый всего нѣсколькими казаками, онъ въѣхалъ 4 октября 1860 г. въ Пекинъ, узналъ, что управленіе столицею возложено на богдыханова брата Гунъ-цинъ-вана, убѣдилъ прибывшихъ къ нему китайскихъ сановниковъ въ необходимости воспретить истязанія европейскихъ плѣнныхъ и подалъ совѣтъ Гунъ-цинъ-вану безотлагательно начать переговоры съ лордомъ Эльгиномъ и барономъ Гро. Въ то же время, по его ходатайству, союзнымъ войскамъ строго воспрещены были убійства и хищничества въ Пекинскихъ предмѣстьяхъ. Вліятельное содѣйствіе Игнатьева къ возстановленію мира вполнѣ оцѣнили какъ уполномоченные Франціи и Англіи, такъ и Гунъ-цинъ-ванъ. Французскіе архіепископы Апуйль и Мули благославляли его старанія—отвратить предстоявшее кровопролитіе въ Пекинѣ; ламы молились за него, какъ за охранителя неприкосновенности ихъ храмовъ, даже ургинскій кутухта прислалъ ему благодарственную грамоту, доказывая этимъ, что молва о его заслугахъ распространилась въ китайскихъ владѣніяхъ. Недѣлю спустя, 12 и 13 октября, лордъ Эльгинъ и баронъ Гро размѣнялись ратификаціями Тянъ-цзинскаго трактата съ Гунъ-цинъ-ваномъ и заключили съ ними дополнительныя конвенціи [1]). Тогда и Игнатьевъ, съ своей стороны, пользуясь признательностью Гунъ-цинъ-вана, заключилъ съ нимъ 2 ноября 1860 г. Пекинскій трактатъ, который не только подтвердилъ силу Айгунскаго и Тянъ-цзинскаго договоровъ, но и указалъ государственную границу на всемъ протяженіи смежныхъ китайскихъ и русскихъ владѣній, а именно: укрѣпилъ за Россіею весь Уссурійскій край, съ заливомъ Петра Великаго, до границъ Кореи.

Этотъ трактатъ былъ блестящимъ концомъ нашей, не всегда рѣшительной, политики на дальнемъ Востокѣ. Вотъ почему исторія Русскаго Востока навсегда, безъ сомнѣнія, сохранитъ для нея столь драгоцѣнныя имена русскихъ дѣятелей: Муравьева, Невельскаго, Путятина и Игнатьева, которые, каждый въ своей сферѣ, сдѣлали все, что предписывали имъ ихъ честь и интересы Россіи.

На немъ же кончается и исторія пріобрѣтенія нами Амура. Послѣдующая же, колонизаціонная наша дѣятельность въ этомъ краѣ, будетъ разсмотрѣна ниже, въ X главѣ.

---

[1]) Балкашинъ. l. c., стр. 88—89.

ГЛАВА II.

Амурская долина отъ сліянія Шилки съ Аргунью до устья Зеи и горная страна къ сѣверу отъ нея.

Амурскій край представляетъ, несомнѣнно, одну изъ самыхъ малоизслѣдованныхъ областей Россіи. Послѣ большихъ экспедицій пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, когда обиліе неописаннаго еще ботаническаго и зоологическаго матеріала привлекало туда научныя силы, онъ былъ до нѣкоторой степени забытъ учеными, и въ настоящее время немного найдется столь же обширныхъ частей Россіи, о которыхъ можно было бы составить себѣ такъ мало понятія по литературнымъ даннымъ[1]). Главное же, что поражаетъ при изученіи этихъ послѣднихъ, это—совершенная неравномѣрность въ распредѣленіи районовъ научныхъ изслѣдованій этой страны. Съ одной стороны прибрежная полоса Амура и нижнихъ частей немногихъ изъ его притоковъ изучена болѣе или менѣе обстоятельно, съ другой—вся масса горъ къ сѣверу отъ долины Амура, не говоря уже о манджурской части рѣчной области Амура, остается почти совсѣмъ неизслѣдованною.

Главную причину такой неравномѣрности новѣйшихъ изслѣдованій Амурской области академикъ Коржинскій видитъ, во-первыхъ, въ совершенной дикости и ненаселенности этой горной страны, во-вторыхъ, въ отсутствіи тамъ удобныхъ путей сообщенія. Однако же, при всѣхъ неудобствахъ и неблагопріятныхъ для путешественниковъ условіяхъ, страна эта все же не ставитъ непреодолимыхъ препятствій для своего детальнаго изученія, что уже и было высказано какъ Миддендорфомъ, такъ вскорѣ затѣмъ и Усольцевымъ[2]). Но, конечно, первые

---

[1]) «Отчетъ объ изслѣдованіи Амурской области» проф. Коржинскаго («Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», XXIII, № 4 и 5, стр. 73).

[2]) «Обнимая путь мой общимъ взглядомъ, я не могу сказать, чтобы вся пройденная мѣстность была недоступною для путешествія», etc. («Путешествіе къ вершинѣ р. Гилюя и на р. Зею», въ «Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1858, XXII, стр. 151).

изслѣдователи Амурскаго края, до извѣстной степени ограниченные временемъ и средствами, вынуждены были пересѣкать страну вдоль ея южной окраины, будучи и при этихъ условіяхъ подавлены громадностью лежащихъ на нихъ задачъ. Тѣмъ не менѣе, направленіе маршрутовъ преимущественно вдоль, а не поперекъ страны, имѣло своимъ результатомъ то, что Амурскій край почти во всемъ своемъ объемѣ и до сихъ поръ еще представляется намъ страною настолько невѣдомою, что едва-ли даже есть возможность отвѣтить на такой общій вопросъ, какъ: представляетъ ли вся ея площадь данныя для развитія сельскаго хозяйства и экономическаго процвѣтанія населенія?[1])

Особенно пагубно на изученіе Амура отразилось пріобрѣтеніе нами благодатнаго и въ научномъ отношеніи не менѣе интереснаго Туркестанскаго края. Пользуясь полнымъ содѣйствіемъ генералъ-губернатора Кауфмана, наличныя ученыя силы Россіи отхлынули въ эту страну и Амуръ былъ забытъ. Надо надѣяться поэтому, что интересъ, возбужденный нынѣ постройкой великаго сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, и основаніе Амурскаго Отдѣла Географическаго Общества—вновь привлекутъ эти силы на Амуръ, въ чемъ такъ настоятельно нуждается край; а пока мы стоимъ передъ довольно трудною задачей: изъ обрывковъ свѣдѣній создать болѣе или менѣе вѣрное и, гдѣ возможно, полное описаніе Области.

Историческій ходъ изслѣдованій Амура былъ слѣдующій.

Починъ въ дѣлѣ научнаго ознакомленія съ краемъ положенъ былъ полковникомъ Лодыженскимъ[2]), еще въ 1832 году посѣтившимъ Албазинъ, но такъ какъ результаты этой экспедиціи остались намъ неизвѣстными, то честь перваго изслѣдованія Амурскаго бассейна безспорно должна принадлежать академику Миддендорфу, на возвратномъ пути изъ своей замѣчательной экспедиціи на сѣверъ и востокъ Сибири прошедшему этотъ край вдоль южныхъ склоновъ Станового хребта по маршруту: р. Тугуръ, р. Немиленъ, р. Керби, перевалъ черезъ Бурейскія горы, внизъ по Буреѣ до устья р. Ниманъ, потомъ вверхъ по этой послѣдней и ея притоку Кебели;

[1]) Коржинскій (l. c.). Даже относительно самой южной части нашихъ владѣній на Амурѣ раздавались голоса, сомнѣвавшіеся въ ея пригодности къ сколько нибудь производительной культурѣ; такъ архимандритъ Палладій говоритъ, напримѣръ: «сомнительно, чтобы усилія, сдѣлать этотъ край (Южно-Уссурійскій, побережья оз. Ханка) производительнымъ, увѣнчались успѣхомъ». («Историческій очеркъ Уссурійскаго края», etc въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1879. VIII, 2, стр. 224). Впрочемъ самъ Коржинскій уже до нѣкоторой степени освѣтилъ этотъ вопросъ.

[2]) Впрочемъ до него еще, въ 1735 г., посѣщали верховья Амура геодезисты Скобельцынъ и Шетиловъ. Они съ вершины Горбицы Гиюмъ вышли на Зею (Миддендорфъ Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири» I, 2-ое прим. къ стр. 164).

далѣе, водораздѣломъ Бурен и Селимджи, вершинами горныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ эту послѣднюю, водораздѣломъ Селимджы и Зеи, Зейскимъ краемъ до устья Гилюя, вверхъ по этой рѣкѣ, водораздѣломъ между послѣднею и р. Олдоемъ, наконецъ, долиной Амура отъ устья Уричи къ Усть-Стрѣлочному посту. Употребивъ на этотъ переходъ четыре зимніе мѣсяца, Миддендорфъ вывезъ изъ него данныя, не только имѣвшія исключительно важное значеніе для географіи Амура, но и заслуживавшія вниманіе, какъ мы это видѣли, съ общегосударственной точки зрѣнія[1]).

Съ 1849 по 1853 г. работала въ сѣверной части бассейна Амура экспедиція подполковника Ахте, охватившая своими съемками громадную площадь отъ сѣверныхъ склоновъ Станового хребта до лѣваго побережья Амура. Къ сожалѣнію, съ иными результатами этой экспедиціи, въ составъ коей, между прочимъ, входили: астрономъ Шварцъ и горные инженеры Меглицкій и Кованько, кромѣ исправленія карты Амурскаго края, мы не знакомы[2]).

Съ 1854 по 1856 г. на Амурѣ работали двѣ экспедиціи: академика Леопольда фонъ Шренка, собравшая громадные матеріалы почти по всѣмъ отраслямъ естествознанія[3]), и К. И. Максимовича (впослѣдствіи академика), которому мы обязаны самымъ живымъ описаніемъ края[4]).

Въ томъ же году, въ составѣ военной экспедиціи, посѣтили долину этой рѣки Пермикинъ[5]), Аносовъ[6]), Поповъ и Свербеевъ[7]).

[1]) На русскомъ языкѣ соч. Миддендорфа «Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири» появилось въ 2-хъ томахъ, раздѣленныхъ на 7 выпусковъ (1860—1878).

[2]) Единственный отчетъ этой экспедиціи—сухой перечень произведенныхъ работъ—напечатанъ былъ г. Шварцемъ («Труды Сибирской Экспедиціи» Отдѣлъ математическій, глава III, § 47).

[3]) Результаты этой экспедиціи изданы въ четырехъ томахъ подъ общимъ заглавіемъ «Reisen u. Forschungen im Amur-Lande», in Verbindung mit mehreren Gelehrten herausgegeben von D-r. Leopold v. Schrenck.

[4]) «Primitiæ Floræ Amurensis» 1859. Извлеченіе изъ общей части этого обширнаго труда, озаглавленное «Амурскій край», помѣщено особымъ приложеніемъ ко второму тому «Записокъ Императорской Академіи Наукъ» 1862. «Primitiæ Floræ Amurensis» составляютъ IX томъ «Mémoires des savants étrangers», бывш. органа Императорской Академіи Наукъ.

[5]) «Путевой журналъ плаванія по р. Амуру» въ «Запискахъ Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1856, II.

[6]) «Краткій геогностическій очеркъ прибрежьевъ Амура». Очеркъ этотъ послужилъ основаніемъ для статьи П. П. Семенова—«Обозрѣніе Амура въ физико-географическомъ отношеніи». («Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». 1855. XV, стр. 227).

Начиная съ 1854 г., Аносовъ въ теченіе многихъ лѣтъ работалъ въ Амурскомъ краѣ. Его краткими отчетами мы не разъ будемъ пользоваться, а потому я считаю здѣсь неумѣстнымъ перечислять ихъ.

[7]) «Описаніе плаванія по р. Амуру экспедиціи генералъ-губернатора Восточной Сибири въ 1854 году» («Записки Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1857, III, стр. 8).

Въ 1855 г. Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ была организована и начала свои работы большая Сибирская экспедиція, въ составъ коей первоначально вошли: астрономъ Л. Шварцъ, какъ главный руководитель ея, натуралистъ Радде, офицеры: Орловъ, Усольцевъ, Рожковъ и Смирягинъ [1]) и художникъ Мейеръ, а впослѣдствіи Ѳ. Б. Шмидтъ (нынѣ академикъ). Одновременно Сибирскимъ Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества снаряжена была другая экспедиція, въ составъ коей вошли: Маакъ, Герстфельдъ, Кочетовъ, офицеръ корпуса топографовъ Зондагенъ и препараторъ Фурманъ. Экспедиція Маака вернулась въ слѣдующемъ году [2]), экспедиція же Шварца, съ нѣкоторыми измѣненіями въ составѣ участниковъ, работала вплоть до конца 1862 года.

Такъ какъ послѣдняя экспедиція захватывала въ своихъ изслѣдованіяхъ обширный районъ отъ Саянскихъ горъ на западѣ до Охотскаго моря, острова Сахалина и оз. Ханка на востокѣ, то мы не станемъ касаться всей ея дѣятельности, а укажемъ только на маршруты Усольцева, Радде и Шмидта, какъ на наиболѣе для насъ важные.

Усольцевъ, взявъ въ 1856 г. исходнымъ пунктомъ Усть-Стрѣлочный караулъ, направился вверхъ по Олдою и, достигнувъ истоковъ послѣдняго, верховьями Танды и Гилюя достигъ Атычана; отсюда добрался онъ до р. Иликана, спустившись по которому выбрался къ Зеѣ. Дальнѣйшій путь его шелъ внизъ по этой рѣкѣ до Амура [3]).

Радде въ 1857 г. спустился по Амуру до рѣчки Лагаръ (Раддевка), затѣмъ въ томъ же году достигъ устья Уссури и, вернувшись назадъ, цѣлый годъ провелъ въ недалекихъ экскурсіяхъ по Бурейскимъ горамъ [4]).

Ѳ. Б. Шмидтъ лѣтомъ 1862 г. поднялся вверхъ по Амгуни и Немилену, путемъ Миддендорфа достигъ устья р. Нюмана и отсюда спустился по Буреѣ внизъ до р. Амура [5]).

Послѣдующія изслѣдованія Приамурья, съ конца 60-хъ годовъ до ближайшаго къ намъ времени, не имѣли уже прямого

[1]) Въ томъ-же году убитъ инородцами.

[2]) Р. Маакъ. «Путешествіе на Амуръ», 1859.

[3]) «Путешествіе къ вершинѣ р. Гилюя и на р. Зею», въ «Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1858, XXII, стр. 143.

[4]) «Berichte über Reisen im Süden von Ost-Sibirien im Auftrage der Kaiserl. Russ. Geogr. Gesell. ausgeführt in den Jahren 1855—1859» въ Beitr. z. Kenntniss d. Russ. Reiches 1861. «Путешествіе въ ю.-в. Сибирь» въ «Запискахъ Импер. Русскаго Географическаго Общества», 1861, IV.

[5]) «Труды Сибирской экспедиціи». Физическій отдѣлъ, т. I (Историческіе отчеты), 1868, т. II (Ботаническая часть), 1874.

отношенія къ описываемой нами области; тѣмъ не менѣе, для полноты картины, я упомяну о болѣе важныхъ изъ нихъ.

Въ 1859 г. снаряжены были двѣ экспедиціи для изслѣдованія Уссури: Маака [1])—Сибирскимъ Отдѣломъ Географическаго Общества и Максимовича—Императорской Академіи Наукъ [2]).

Одновременно въ Уссурійскомъ краѣ, съ цѣлью изученія и опредѣленія демаркаціонной линіи, работала и правительственная экспедиція подъ начальствомъ полковника Будогосскаго. Кромѣ Гамова [3]), Усольцева [4]) и нѣсколькихъ топографовъ, въ ея составъ входили также художникъ Мейеръ и Шишмаревъ.

Этимъ экспедиціямъ еще въ 1857 г. предшествовала поѣздка на р. Уссури штабсъ-капитана Венюкова [5]).

Въ 1863—64 гг. Малевичъ произвелъ съемку пути отъ г. Благовѣщенска до городовъ Мергеня и Цицикара [6]), П. Кропоткинъ—отъ Цурухайтускаго караула черезъ Мэргень до Благовѣщенска [7]) и Усольцевъ—теченія р. Сунгари вверхъ до Гириня [8]).

Въ 1865 г. Гельмерсенъ занимался изслѣдованіемъ Южно-Уссурійскаго края [9]).

Въ 1866 г. вторично производилъ съемку Сунгари Хилковскій [10]).

Въ 1868 и 1869 гг. работалъ въ Уссурійскомъ краѣ столь прославившійся впослѣдствіи Н. М. Пржевальскій [11]).

---

[1]) «Путешествіе по долинѣ р. Уссури», 1861, т. I и II.

[2]) «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ», 1861, VI. Его письма къ Кистеру, Шренку и др. лицамъ напечатаны въ «Бюллетеняхъ Академіи Наукъ» и въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» соотвѣтствующихъ годовъ.

[3]) «Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1862, I и II.

[4]) «Заханкайскій край» въ «Морскомъ Сборникѣ», 1864, VI.

[5]) «Обозрѣніе р. Уссури и земель къ востоку отъ нея до моря», въ «Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1859, № 4.

[6]) «Записка о поѣздкѣ въ Цицигаръ въ 1863 году», въ «Сборникѣ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи», 1884, VII. «Поѣздка въ Цицигаръ», въ «Запискахъ Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1864, VII.

[7]) «Описаніе пути изъ Старо-Цурухайтуевскаго караула черезъ г. Мэргэнь на Айгунъ» въ «Запискахъ Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1865, VIII. «Поѣздка изъ Забайкалья на Амуръ, черезъ Манджурію», въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1865, VI.

[8]) «Свѣдѣнія о рѣкѣ Сунгари отъ устья до г. Гириня», въ «Запискахъ Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1865, VIII. Тамъ же, статья П. Кропоткина: «Сунгари отъ Гириня до устья»; затѣмъ см. также газ. «Голосъ» 1864 г. 3 дек.

[9]) «Плаваніе по р. Сунгари», въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1868, IV, 2, стр. 139 и слѣд.

[10]) Краткій отчетъ въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1868, IV.

[11]) «Путешествіе въ Уссурійскомъ краѣ», 1870. «Уссурійскій край», въ «Вѣстникѣ Европы», 1870. «О природѣ и жителяхъ Уссурійскаго края», въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1870. VI.

Въ 1870 г. снаряжена была Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ экспедиція архимандрита Палладія, одинъ изъ участниковъ коей, топографъ Нахвальныхъ, произвелъ съемку всего пути отъ Пекина до Айгуна по нижеслѣдующему маршруту: Шанъ-хай-гуань, Шень-Цзинъ, Мугдэнъ, Гиринь, Бэдунэ и Цицикаръ.

Въ 1872 году производила свои картографическія работы экспедиція полковника Барабаша, слѣдовавшая маршрутомъ: Сунгари, Мудань-Цзянъ, Нингута, село Никольское [1]).

Въ 1874 г. экспедиція подъ начальствомъ подполковника А. А. Большева прошла берегомъ Татарскаго пролива отъ залива Де-Кастри до залива Пластунъ, произведя инструментальныя и глазомѣрныя съемки до 30 верстъ вглубь страны [2]).

Въ 1878 г. пограничный комиссаръ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ Матюнинъ, вмѣстѣ съ переводчикомъ комиссарства Моссикомъ, проѣхалъ и представилъ описаніе пути изъ ур. Новокіевскаго черезъ Хунъ-чунъ въ Нингуту [3]).

Въ 1880 г. урядникъ Косяковъ съ переводчикомъ Ивачевымъ отъ гольдскихъ поселеній по Уссури выше ст. Видной добирался до перевала черезъ хребетъ между верховьями рѣкъ Норы и Серахана и составилъ описаніе пройденнаго пути [4]).

Въ 1881 г. Матюнинъ, въ сопровожденіи капитана Тарновскаго, совершилъ вторую поѣздку по Манджуріи по маршруту: Полтавскій караулъ, гор. Нингута, Хунъ-чунъ [5]). Въ томъ же году караванъ братьевъ Бутиныхъ прошелъ изъ Стараго Цурухайту въ Благовѣщенскъ по правой, китайской сторонѣ Амура [6]).

Въ томъ же году капитанъ Зборовскій производилъ рекогносцировку пути отъ станицы Екатерино-Никольской къ р. Сунгари [7]).

Въ 1881 и 1882 совершалъ поѣздки по Амуру полковникъ

[1]) «Записка о Манджуріи» въ «Сборникѣ статистическихъ, топографическихъ и географическихъ матеріаловъ по Азіи» 1884. VII.; «Сунгарійская экспедиція въ 1872 г.» въ «Военномъ Сборникѣ» 1875, 1, 2, 3.

[2]) «Русское прибрежье Тихаго океана» въ «Извѣстіяхъ Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1877; «Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1876, III.

[3]) «Сборникъ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи» 1884, VII.

[4]) Описаніе это, представленное штабсъ-капитаномъ Мельницкимъ, издано въ «Сборникѣ матеріаловъ по Азіи» 1884, VII, стр. 229.

[5]) «Поѣздка черезъ Нингуту въ Хунчунъ» въ «Сборникѣ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи» 1884, VII.

[6]) Описаніе къ маршрутамъ братьевъ Бутиныхъ въ «Сборникѣ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи 1884». вып. VII, стр. 212.

[7]) «Путь отъ Екатерино-Никольскаго до Сунгари» въ «Сборникѣ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи» 1884, VII.

Главнаго Штаба Назаровъ, замѣчательный трудъ котораго: «Матеріалы для военно-статистическаго обзора Амурскаго военнаго округа и Маньчжуріи» напечатанъ въ 1888 г. [1]).

Въ 1882—1883 гг. производилъ свои изслѣдованія въ Уссурійскомъ краѣ подполковникъ Генеральнаго Штаба И. Надаровъ [2]) и въ томъ же году вновь посѣтилъ Восточную Манджурію полковникъ Барабашъ [3]).

Въ 1884 г. совершилъ свою поѣздку изъ г. Благовѣщенска въ Цицикаръ штабсъ-капитанъ Евтюгинъ [4]).

Въ восьмидесятыхъ же годахъ совершены были небольшія поѣздки и по Амурской области. Къ сожалѣнію, въ литературѣ онѣ прошли совершенно безслѣдно [5]); по крайней мѣрѣ даже о такомъ замѣчательномъ путешествіи, какое было въ 1883 г. совершено Іосифомъ Мартэномъ (Joseph Martin), мы не имѣемъ сколько нибудь точныхъ свѣдѣній [6]).

Въ 1887 году изслѣдована кн. К. Н. Дадашкаліани часть Амурской области между Буреей и Амгунью [7]). Въ томъ же году полковникъ Гарпакъ прошелъ отъ Старо-Цурухайтускаго караула до Пекина вдоль Большого Хинганскаго хребта. Въ томъ же году капитанъ Репенъ прошелъ изъ Пекина черезъ Манджурію до Благовѣщенска [8]).

Въ 1889 г. проѣхалъ изъ Монголіи черезъ Манджурію въ Уссурійскій край подполковникъ Берновъ [9]).

Наконецъ, въ 1891 г. состоялась извѣстная поѣздка профессора Коржинскаго въ Амурскую область, снаряженная Восточно Сибирскимъ Отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Ге-

[1]) Сборникъ географическихъ и пр. матеріаловъ по Азіи 1888. XXXI, стр. 1—363.

[2]) «Сѣверно-Уссурійскій край» въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1887. XVII, № 1. «Южно-Уссурійскій край въ современномъ его состояніи» въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1889., XXV, 3.

[3]) «Записка о Манджуріи» въ «Сборникѣ статистическихъ, топографическихъ и географическихъ матеріаловъ по Азіи» 1883, I.

[4]) «Сборникъ географическихъ, топографическихъ и статистическихъ матеріаловъ по Азіи» 1885. XIV.

[5]) Если не считать изслѣдованій края, произведенныхъ преимущественно нѣмецкими энтомологами, изъ коихъ впрочемъ только двое напечатали свои мемуары (Hugo Christoph: «Nach und vom Amur» въ «Stettiner Ent. Zeitung» 1887, стр. 201, 405 и слѣд.; «Neue Lepidopteren des Amurgebiets» (Einleitung) въ «Bulletin de la Soc. Impér. des Naturalistes de Moscou» 1880, III, стр. 33; L. Graeser «Beiträge zur Kenntniss der Lepidopteren-Fauna des Amurlandes» (Einleitung) въ «Berliner Entomol. Zeitschrift» 1888, стр. 33).

[6]) Онъ прошелъ изъ Нохтуйска на Амуръ (близъ Албазина). Изъ личной бесѣды съ Г. Мартэномъ я знаю, что очеркъ его путешествія былъ напечатанъ въ одномъ изъ иллюстрированныхъ листковъ Парижа (я не припомню его названія).

[7]) Отчетъ Баркова см. «Сборникъ матеріаловъ по Азіи» вып. XLV, стр. 1—135

[8]) См. «Сборникъ матеріаловъ» вып. XXXII, стр. 234—286.

[9]) См. «Сборникъ матеріаловъ» вып. XXXIV, стр. 5—74, 75—128.

ографическаго Общества для изученія ея почвенныхъ отношеній и растительности [1]).

Въ томъ же году совершилась экспедиція въ Хинганъ Д. В. Путяты [2]), а въ 1889—93 г. работала въ Усурійскомъ краѣ экспедиція горн. инж. Д. Л. Иванова.

Изъ этого, далеко, впрочемъ, неполнаго, обзора научныхъ изслѣдованій Амурскаго бассейна [3]) легко видѣть, какъ ничтожны наши свѣдѣнія о сѣверной окраинѣ Амурской области—Становомъ хребтѣ. Въ самомъ дѣлѣ, только Миддендорфъ и Усольцевъ, и для крайняго востока—Шмидтъ, дали намъ описанія, могущія служить основаніемъ для общей характеристики площади, которую слѣдуетъ оцѣнивать не иначе, какъ десятками тысячъ квадратныхъ верстъ!

Но прежде, чѣмъ приступить къ орографическому обзору Амурскаго края, слѣдуетъ еще разобраться въ географической номенклатурѣ горъ, съ сѣвера окаймляющихъ долину Амура.

Какъ и слѣдовало ожидать, горы эти у туземцевъ не имѣютъ одного общаго названія. Оно, однако, явилось у русскихъ при первомъ знакомствѣ послѣднихъ съ восточною Сибирью. Русскіе промышленники и казаки, подымавшіеся по истокамъ Лены, назвали ея водораздѣлъ съ Амуромъ Становымъ хребтомъ, и впослѣдствіи названіе это [4]) распространено было на горы, служащія его продолженіемъ къ сѣверо-востоку до Берингова пролива и къ юго-западу до горной группы Кэнтэй. Въ полномъ объемѣ, т. е. для обозначенія всей массы горъ, протянувшихся изъ Забайкалья въ Чукотскую землю, оно удержалось и по настоящее время. Но если не существуетъ разногласій въ названіи всей горной системы, то того же нельзя сказать про номенклатуру отдѣльныхъ звеньевъ послѣдней, и здѣсь, на первомъ планѣ, выступаетъ та неопредѣленность, можно даже сказать: тотъ произволъ, который господствуетъ въ примѣненіи названія «Яблоновый хребетъ» то ко всей цѣпи горъ, то къ одной какой-нибудь ея части.

[1]) «Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1892, XXIII, № 4 и 5.

[2]) Д. М. Путята: «Экспедиція въ Хинганъ 1891 г.», Спб., 1893.

[3]) Сюда не были включены описанія нѣкоторыхъ иностранныхъ путешественниковъ (Мичи (Michie), Коллинса, Аткинсона, Отто Эше), менѣе важныя описанія русскихъ (Рубиновъ, Мельницкій и др.), письма и отчеты горныхъ инженеровъ (Аносовъ, Боголюбскій и Макеровъ), нѣкоторыя топографическія работы морскихъ офицеровъ и офицеровъ генеральнаго штаба, военно-топографическаго отдѣла Восточно-Сибирскаго Округа и Межеваго Управленія, и т. д.

[4]) См. Миддендорфъ «Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири», I, 2, стр. 200 Оно, однако, не встрѣчается еще въ текстѣ Нерчинскаго договора, въ рукописяхъ, оставленныхъ Милованомъ, и въ документахъ того же періода; впервые, какъ кажется, появляется оно у Палласа.

Первоначально подъ именемъ Яблоноваго хребта извѣстенъ былъ кряжъ, отвѣтвлявшійся отъ Кэнтэя въ верховьяхъ Кэрулена, Толы и Онони и шедшій отсюда на сѣверо-востокъ водораздѣломъ между Енисеемъ, Амуромъ и Леной (Витимъ) до истоковъ Нерчи и Олекмы. Въ «Nouvelle carte de l'Asie, dréssée par Fremin», etc. (revue par Klaproth), 1829, и въ «Генеральной картѣ Якутской Области и Охотскаго округа» названіе это пріурочивалось также только къ горному звену, незаходящему на сѣверо-востокъ далѣе истоковъ Читы и Каренги; но уже въ атласѣ Гримма, изданномъ въ 1853 г. Риттеромъ и Этцелемъ, мы встрѣчаемся съ двумя Яблоновыми хребтами: однимъ на крайнемъ юго-западѣ горъ Становой системы, другимъ на крайнемъ востокѣ. Въ своей книгѣ «Землевѣдѣніе Азіи», Риттеръ, вводя для горъ на всемъ протяженіи отъ Кентэя до истоковъ Олекмы названіе «Даурскаго водораздѣла», называетъ Яблоновымъ хребтомъ уже только дальнѣйшее его продолженіе на востокъ [1]), очень глухо ссылаясь при этомъ на русскихъ, остановившихся будто бы на этой номенклатурѣ. Его переводчикъ и комментаторъ, извѣстный географъ П. П. Семеновъ, хотя и говоритъ объ Яблоновомъ хребтѣ, принимая послѣдній въ его первоначальномъ объемѣ, однако, обходя совершеннымъ молчаніемъ всю массу горъ, лежащихъ въ верховьяхъ Гилюя и Зеи, и переходя непосредственно къ меридіанальному Бурейскому хребту, тѣмъ самымъ заставляетъ насъ думать, что названія Яблоноваго и Станового хребта, по крайней мѣрѣ въ участкѣ до верховій Удской рѣки, кажутся ему равнозначущими [2]). Кипертъ идетъ еще дальше, отождествляя Яблоновый хребетъ (Jablonnoj) съ Джукджуромъ, т. е. уже съ приохотскимъ звеномъ Станового хребта! Наконецъ, Миддендорфъ, столь энергично протестовавшій противъ такого неправильнаго распространенія имени Яблоноваго хребта на всю Становую горную цѣпь, допустилъ однако же въ картѣ, приложенной къ его сочиненію, надпись: «Яблоновый или Становой хребетъ, по-якутски Джукджуръ» (!).

Снова возвращается къ правильному опредѣленію Яблоноваго хребта К. Максимовичъ [3]). Но затѣмъ уже приходится снова наталкиваться или на безразличное употребленіе на-

---

[1]) «Землевѣдѣніе Азіи» II, стр. 225.

[2]) «Обозрѣніе Амура въ физико-географическомъ отношеніи» въ «Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1855. XV.

Въ «Географическо-Статистическомъ словарѣ», IV, при словѣ «Становой хребетъ» слово «Яблоновый» поставлено рядомъ и въ скобкахъ.

[3]) «Амурскій край», стр. 2.

именованій: Яблоновой—Становой (Радде, Усольцовъ, Шперкъ, картографическое заведеніе Ильина, Военно-топографическій Отдѣлъ Главнаго Штаба—карта Азіятской Россіи въ масштабѣ 100 верстъ въ дюймѣ на восьми листахъ, и др.) или на появленіе двухъ Яблоновыхъ хребтовъ, допущенное, напримѣръ, на картѣ, изданной Сибирскимъ Отдѣломъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества [1]) или же, наконецъ, на перенесеніе этого названія на самый крайній сѣверо-восточный членъ Становой системы [2]). Но это ужъ крайности, рѣзкимъ контрастомъ которымъ служатъ готскія изданія сибирскихъ картъ, удерживающія оба названія Станового и Яблоноваго хребтовъ для различныхъ частей одной и той же системы.

Ко всему сказанному слѣдуетъ добавить, что не только въ прошломъ, но и въ нынѣшнемъ вѣкѣ, согласно съ китайскою государственною географіей, Становой хребетъ нерѣдко назывался еще Большимъ Хинганомъ, въ томъ предположеніи, разумѣется, что Яблоновый хребетъ есть продолженіе хребта, отдѣляющаго Манджурію отъ Монголіи (Іакинфъ, Тимковскій, Риттеръ и др. [3]).

Въ виду всего вышесказаннаго и для того, чтобы остановиться на чемъ нибудь совершенно опредѣленномъ, [4]) я обратился за указаніями какъ къ главному редактору азіятскихъ картографическихъ изданій Военно-Топографическаго Отдѣла Главнаго Штаба, генералъ-майору А. А. Большеву, такъ и къ уважаемому русскому комментатору Риттера—П. П. Семенову. Со свойственной ему любезностью А. А. Большевъ отвѣчалъ мнѣ слѣдующее: «Яблоновымъ хребтомъ принято у насъ называть юго-западную часть Станового хребта отъ Кентея до 117^0 в. д. отъ Гр., т. е. до поворота р. Витима на сѣверъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ (иногда) Яблоновымъ или Становымъ хребтомъ мы называемъ также и слѣдующій участокъ горъ отъ поворота Витима до ихъ встѣчи съ Большимъ Ханганомъ.»

Съ своей стороны П. П. Семеновъ также выразилъ мнѣніе, что подъ Яблоновымъ хребтомъ, въ тѣсномъ смыслѣ, слѣдуетъ разумѣть только юго-западную часть Станового хребта отъ

---

[1]) Приложена къ «Очерку двадцатипятилѣтней дѣятельности Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», разосланному особымъ приложеніемъ къ «Извѣстіямъ» за 1877 г. VIII № 3, 4.

[2]) Карта Сибири атласа Ильина.

[3]) Бурятское названіе Яблоноваго хребта—«Дынсэ-даба», т. е. «Гора равновѣсія», названная такъ потому, что служитъ водораздѣломъ для трехъ бассейновъ.

[4]) Удивительно, что Шварцъ, положившій такую массу труда на установленіе точныхъ названій даже для ничтожныхъ рѣченокъ, впадающихъ въ второстепенные притоки Амура, (см. «Труды Сибирской Экспедиціи» Отдѣлъ математическій. Гл. III) упустилъ вовсе изъ виду существующее разногласіе въ наименованіи Станового хребта.

Кентея до поворота Витима на сѣверъ, т. е. именно ту часть хребта, которую Риттеръ разумѣлъ подъ именемъ Даурскаго водораздѣла, потому что именно эта часть хребта получила названіе Яблоновыхъ горъ отъ первыхъ прибывшихъ сюда русскихъ, которыхъ поразило присутствіе здѣсь яблони (Pyrus baccata Pall.), не растущей во всей Сибири и бросающейся въ глаза во время своего роскошнаго весенняго убранства, и что поэтому нѣтъ сомнѣнія, что русскіе картографы, распространивъ мѣстное это названіе на дальнѣйшія звенья Станового хребта до самой сѣверо-восточной его оконечности, а именно до верховьевъ Колымы, не совсѣмъ правильно отождествили названіе Яблоноваго и Станового хребтовъ.

Принимая же во вниманіе столь авторитетныя мнѣнія и имѣя въ виду безцѣльность такой двойной номенклатуры Станового хребта, мнѣ кажется, что слѣдовало бы впредь называть этимъ именемъ всю горную цѣпь отъ 117° до Чукотской земли, а названіе Яблоноваго хребта оставить только за юго-западною частью хребта отъ Кентея до поворота Витима, или, если составляющія Становой хребетъ звенья топографически и геологически отдѣлимы, то возвратиться къ номенклатурѣ, предложенной Миддендорфомъ.[1]).

Еще большая неопредѣленность въ названіяхъ существуетъ для горъ лѣваго побережья Буреи. Миддендорфъ, по праву перваго изслѣдователя этого края, предложилъ для нихъ названіе горъ Буреинскихъ (не правильнѣе-ли называть ихъ Бурейскими?[2]) и названіе это было тотчасъ же принято Максимовичемъ, Леопольдомъ ф.-Шренкомъ, Шмидтомъ и Радде; но Маакъ удержалъ за этими горами имя Малаго Хингана на томъ, главнѣйшимъ образомъ, основаніи, что въ его-де время онѣ не только носили это названіе на всѣхъ лучшихъ русскихъ картахъ, но такъ называли ихъ и всѣ русскіе, плававшіе тогда по Амуру[3]). По свидѣтельству Шперка[4]) имя Малый Хинганъ вошло нынѣ дѣйствительно во всеобщее употребленіе на Амурѣ. Если это такъ, то съ этимъ, разумѣется, нельзя не считаться. Однако, правильнѣе поступать такъ, какъ поступилъ

---

[1]) Какъ извѣстно, Миддендорфъ подраздѣлилъ Становой водораздѣлъ на слѣдующіе участки: Яблоновый, Олекминскій, Зеинскій (или Зейскій?), Алданскій или Джукджуръ. (l. c., стр. 200).

[2]) Шперкъ (l. c.) и проф. Коржинскій (l. c.) ошибочно приписываютъ это названіе Радде. Миддендорфъ даже выражаетъ свое сожалѣніе (l. c., 201) по поводу того, что натуралистъ этотъ въ первыхъ своихъ письмахъ придерживался въ то время столь употребительнаго имени «Хинганъ».

[3]) «Путешествіе на Амуръ», стр. 114.

[4]) Шперкъ (l. c.), стр. 118.

въ послѣднемъ своемъ изданіи Военно-Топографическій Отдѣлъ Главнаго Штаба, имя «Малый Хинганъ» оставивъ за горами праваго берега Амура, а «Буреинскимъ хребтомъ» назвавъ горы лѣваго побережья. Въ самомъ дѣлѣ, китайская государственная географія имя Малаго Хингана пріурочиваетъ только къ горамъ праваго и лѣваго побережья рѣки Нонни, не распространяя его вовсе на Бурейскій хребетъ [1]), который, какъ доказываетъ Аносовъ [2]), имѣетъ къ тому же совершенно иное происхожденіе, чѣмъ эти послѣднія, иными словами, что ущелье «Камнифынъ» черезъ которое проходитъ Амуръ—геологическая долина, а не долина промыва.

Бурейскому хребту П. П. Семеновымъ было предложено названіе Доуссэ-Алинь [3]), что, безъ сомнѣнія, лучше, чѣмъ совершенно безпочвенное Малый Хинганъ, но оно не удержалось въ литературѣ [4]).

Наконецъ, нѣкоторое сомнѣніе можетъ еще возбудить хребетъ (или плоскогоріе?) Ванда. Ни одинъ изъ первыхъ русскихъ изслѣдователей Амура не упоминаетъ о подобныхъ горахъ. Заимствованное изъ китайскихъ источниковъ, названіе это однако уже фигурируетъ на новѣйшихъ картахъ и имѣетъ, повидимому, всѣ данныя для того, чтобы перейти и на будущія изданія.

Такимъ образомъ изъ всего этого видно, что горная номенклатура Амурской рѣчной области далеко еще не окончательно установилась.

Теперь обратимся къ маршрутамъ.

Миддендорфъ шелъ съ востока на западъ. Вступивъ въ предѣлы Амурской области на перевалѣ, раздѣляющемъ истоки Керби отъ южной вершины Буреи, онъ отсюда, держась западо-сѣверо-западнаго направленія, достигъ р. Селимджи, которую и пересѣкъ близъ устья рѣчки Инканъ. До этого пункта онъ шелъ предгоріями Буреинскаго кряжа; отсюда же пошелъ вдоль хребта Джукдырь, который, можетъ быть, представляетъ не болѣе, какъ отрогъ Станового, всего же вѣроятнѣе подчиненную массу горъ, служащую перемычкой послѣднему

---

[1]) О. Іакинфъ. «Статистическое описаніе Китайской Имперіи» II, стр. 3. Китайское названіе этого хребта «Гомъ-ме-джанъ», что значитъ «Трехраздѣльныя горы». Гольды называютъ его «Пиратэ-готда» (Радде, «Путешествіе въ Юго-Восточную Сибирь» въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1861. IV, стр. 36).

[2]) «Ущелье Хингана», etc. въ «Горномъ Журналѣ» 1865, № 4.

[3]) «Обозрѣніе Амура въ физико-географическомъ отношеніи» (l. c.).

[4]) Единственное, какъ кажется, исключеніе въ этомъ смыслѣ составляетъ «Карта Амурской страны», etc, изданная въ масштабѣ 50 в. на д. Управленіемъ Генеральнаго Штаба Восточной Сибири въ Иркутскѣ.

и меридіанальному хребту Буреинскому. Такимъ образомъ все послѣдующее изложеніе его маршрута относится уже непосредственно къ Становому хребту. Оно такъ сжато и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ существенно важно для насъ, что я не считаю возможнымъ представить его въ извлеченіи, а привожу почти цѣликомъ [1]).

Оставивъ Селимджу, Миддендорфъ пустился на З.С.З., чтобы попасть на р. Зею. И на этомъ участкѣ пути онъ имѣлъ дѣло не съ крутыми гребнями горъ, а только съ отлогими и невысокими хребтами, которые дозволяли ему безъ всякихъ затрудненій перебираться изъ одной долины въ другую. Переѣзжая такимъ образомъ съ одного водораздѣла на другой, съ одного горнаго ручья къ другому, онъ уже не встрѣчалъ глубоко врѣзанныхъ рѣчныхъ долинъ, какъ на Буреѣ; когда же разстался съ Селимджой (возлѣ горной возвышенности Джараханъ), то сразу очутился на берегу ручейка Усоурдуръ, который текъ по долинѣ въ $1\frac{1}{4}$ версты ширины; долина же другого ручья была еще шире. При всемъ томъ здѣсь, на этомъ послѣднемъ ручьѣ (Усорѣ), Миддендорфъ былъ очень близко, по приблизительному разсчету верстахъ въ 60—70 къ Ю.З. отъ истоковъ рѣчки Шивили, впадающей въ Удь уже по ту сторону Станового водораздѣла. Единственными горными ручьями большей величины до самой Зеи были Нара и Дукда; и хотя первый считается главнымъ изъ нихъ, но Миддендорфъ нашелъ въ его руслѣ между невысокими, но крутыми берегами, только 60 саженъ ширины, а его воду въ то время убывшею, тогда какъ Дукда имѣла около 100 саженей ширины. Берега какъ этихъ, такъ и другихъ рѣчекъ (Дэнъ, Тымга, Тупси и др.) были покрыты густымъ лѣсомъ. Пока Миддендорфъ не подошелъ къ горной возвышенности Кюехъ-Кая, противъ Гилюйскаго устья, онъ безпрепятственно держался разъ уже принятаго направленія пути; но здѣсь, объѣздомъ къ югу, онъ долженъ былъ обогнуть эти высоты и выйти на Зею верстъ на 15 ниже Гилюя.

Зея течетъ ниже устья Гилюя по долинѣ только въ $1\frac{1}{2}$ версты шириной, сжатой высокими горами и крутыми спусками, которые изрѣзаны поперечными къ направленію рѣки оврагами. При средней ширинѣ въ сто саженъ, рѣка жмется то къ тому, токъ другому берегу, а потому то у одного, то у другого омываетъ утесистые склоны, а иногда и отвѣсные, или опять низменныя лѣсистыя покатости. На половину уже ея—Гилюй, по

[1]) l. c., стр. 182.

которому онъ и слѣдовалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней вверхъ, держась направленія къ С.З. Теченіе Гилюя сдавлено высокими, крутыми, скалистыми, даже иногда лишь скудно пріодѣтыми лѣсомъ спусками, такъ что ему приходилось рабски слѣдовать всѣмъ его излучинамъ, и только выше Кохана явилась наконецъ возможность сокращать путь перешздами поперегъ появившихся здѣсь отлогихъ покатостей.

Гилюй Миддендорфъ оставилъ, всего нѣсколько верстъ не дойдя до устья Дабукыти. Выйдя на среднее теченіе этой рѣчки, онъ свернулъ отсюда на югъ подъ острымъ угломъ къ ранѣе выполненному маршруту по р. Гилюю. Затѣмъ уже ничто не мѣшало ему взять истинное, западное, направленіе для того, чтобы безъ всякихъ помѣхъ выбраться къ началу Амура.

Еще на верхнемъ теченіи Аимкана, откуда началось это направленіе, экспедиція шла узкой долиной, хотя и съ невысокими берегами. Но съ Эракингры, впадающей въ Аимканъ, Миддендорфу вновь стала встрѣчаться стихія, о которой онъ было уже совсѣмъ позабылъ; не смотря на множество горъ, нерѣдко высокихъ, и не смотря на то, что онѣ нерѣдко были скалисты, дорога шла теперь, въ рѣчной области Ура, вновь по травянистымъ, болѣе или менѣе обширнымъ болотамъ и даже по небольшимъ озерамъ; причемъ, одновременно, и хребты и ихъ спуски становились все отложе и площе; рѣчка же Тенди оказалась раздѣленною на два рукава обширною низменностью.

Главное устье Ура въ томъ мѣстѣ, гдѣ на него вышелъ Миддендорфъ, имѣетъ до 45 саженей ширины: онъ течетъ очень извилисто и дѣлится на рукава. То идетъ онъ между крутыми, даже скалистыми склонами береговъ, среди волнистой горной мѣстности, то среди болотистыхъ низменностей съ небольшими озерами. «Когда поднимаешься по притокамъ Ура, какъ, напримѣръ, по Кераку, пишетъ далѣе Миддендорфъ, то видишь, что долины становятся все площе и шире. У истоковъ помянутаго ручья приходится подыматься даже по весьма легкому и безлѣсному наклону, заключенному между широкими возвышенностями, которыя простираются съ сѣвера къ югу»...

По этимъ склонамъ Миддендорфъ вышелъ изъ рѣчной системы Зеи, на перерѣзъ которой употреблено было около $2^1/_2$ мѣсяцевъ, и вступилъ уже въ область Амура, который отсюда вверхъ, до своего начала при сліяніи Шилки съ Аргунью, принимаетъ въ себя, особенно съ лѣвой стороны, лишь

рядъ незначительныхъ притоковъ. Впрочемъ, въ рѣчкахъ Олдоѣ и Уричи на мѣстѣ переправы экспедиціи оказалось до 40 саж. ширины, въ Амазарѣ же, который Миддендорфъ переѣхалъ въ его устьѣ—около 50 с. Всѣ три, по количеству воды, были равны и казались единственными крупными притоками Амура слѣва отъ его начала до устья Зеи. Да и свойство поверхности не позволяло ожидать здѣсь притоковъ изъ значительной дали: не смотря на то, что водораздѣлы состоятъ лишь изъ маловыпуклыхъ, иногда почти плоскихъ хребтовъ, всѣ рѣчки черезъ которыя онъ переѣхалъ: Неверъ, Кутумангра, Олдой и Уричи оказались заключенными между высокими и съ правой стороны иногда крутыми берегами.

Миддендорфъ шелъ зимой, причемъ маршрутъ его мѣстами далеко уходилъ къ югу отъ оси хребта; тѣмъ цѣннѣе кажется намъ записка Усольцева, путешествовавшаго лѣтомъ и къ тому же избравшаго путь вдоль истоковъ Олдоя, Гилюя и Брянды, т. е. вдоль подножія главнаго кряжа.

Исходнымъ его пунктомъ былъ Усть-Стрѣлочный караулъ, точнѣе устье р. Мангалей, откуда собственно уже и начинается его путешествіе по тайгѣ съ караваномъ и на лошадяхъ.

Первоначальное направленіе его маршрута было на р. Олдой, въ то мѣсто, гдѣ онъ раздѣляется на двѣ вѣтви: лѣвую по направленію къ сѣверо-западу и правую къ сѣверо-востоку. Отъ устья р. Мангалей до этого раздѣла было не болѣе 175 в., которыя можно было бы пройти дней въ 9, тѣмъ болѣе, что до Олдоя существуетъ тропа. Но непогода испортила все дѣло. Еще съ выѣзда изъ Горбицы начались дожди, и вслѣдствіе этого, не говоря уже о мѣстахъ топкихъ, каждая рѣчка представляла препятствіе; такъ что это небольшое пространство Усольцеву удалось пройти не меньше, чѣмъ въ мѣсяцъ. На этомъ пути экспедиція пересѣкла три значительныя рѣчки: Амазаръ, Урканъ, Уричи и кромѣ того три вѣтви р. Омутной, и каждую изъ нихъ пришлось переѣзжать на плотахъ!

Наконецъ, 10 Іюля, переплывъ и рѣку Олдой, Усольцевъ направился вверхъ по восточному его притоку.

Характеръ мѣстности видимо сталъ измѣняться: богатая приамурская луговая растительность изчезла совершенно. Густо разросшійся, мелкорослый лиственъ (Larix daurica) сдѣлался преобладающимъ. Одновременно отдѣльными купами или въ смѣси появились ель, березнякъ и кустарники, а изрѣдка, на крѣпкихъ мѣстахъ, и сосна; почва же почти всюду получала характеръ моховаго болота. Но и здѣсь, среди топей, и въ твердыхъ мѣстахъ по лѣсу, горнокаменная порода выступала довольно

часто то мелкимъ щебнемъ, то крупными обломками. Словомъ, мѣстность переходила въ дикую, безплодную пустыню.

Только одно обиліе бѣлки привлекаетъ въ эти мѣста дикихъ орочонъ, которые одни своимъ присутствіемъ оживляютъ безмолвную пустыню; да и то, какъ сами они сознаются, они боятся этихъ мѣстъ и быстро проходятъ ихъ, когда не заняты бѣлковымъ промысломъ.

Съ приближеніемъ къ вершинѣ Олдоя замѣтно повышеніе мѣстности; хребты становятся выше, круче, и во многихъ мѣстахъ, по сторонамъ, рѣзко выдлѣяются высокія, обнаженныя сопки — гольцы. Кормъ для лошадей уже приходится искать въ падяхъ боковыхъ рѣчекъ или вдоль береговъ Олдоя, почему и станціи должны быть согласованы не съ желаніями путниковъ, а съ присутствіемъ или отсутствіемъ хорошихъ кормовъ на пути.

21 Іюля экспедиція достигла вершины Олдоя и, переваливъ невысокій водораздѣлъ, вступила въ верховья р. Танды. Слѣдуя далѣе, верстъ 120, долиною р. Танды и оставивъ устье ея въ 10 верстахъ, она выбралась на р. Гилюй, которымъ и поднялась верстъ 47. Отсюда, оставивъ его въ сторонѣ и переправившись черезъ крупныя рѣки: Анамунганъ, Джубкохинъ и рѣку безъимянную, она приблизилась къ западной вершинѣ Гилюя, извѣстной у туземцевъ подъ именемъ Олгонгро. Направившись вверхъ по теченію сначала правымъ, а потомъ лѣвымъ берегомъ, она, наконецъ, 17 Августа подошла къ Атычану. Олгонгро удалился въ лѣвую сторону, гдѣ онъ и огибаетъ западное предгоріе хребта.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, маршрутъ Усольцева отъ р. Танды до Атычана, но онъ даетъ и описаніе пройденной мѣстности.

Съ самаго перевала, говоритъ онъ, мы уже вступили въ болотистую долину Танды. Здѣсь же началось и отсутствіе всякой луговой растительности; непрерывная цѣпь горъ и лощинъ загромождена чащею лѣса и лѣсными кустарными растеніями. Мѣстами эта чаща такъ непроницаема, что идти по ней можно не иначе, какъ прорубая дорогу топоромъ. Маленькія рѣчки, въ особенности по Гилюю, встрѣчаются безпрестанно. Приближаясь къ нимъ, еще за версту можно угадать ихъ присутствіе, потому что, лишь только начнется спускъ съ возвышенности, тотчасъ же являются топкія, сперва моховыя мѣста; съ приближеніемъ же къ рѣчкѣ, мохъ смѣняется кочковатымъ болотомъ, въ которомъ, хотя и не глубоко, повсюду есть вода, служащая источникомъ рѣчки, которая, наконецъ, является и

сама, шириною не болѣе двухъ саженъ, но въ обрывистыхъ, топкихъ кочкахъ и обсаженной чашею кустарниковъ. Безполезно искать здѣсь удобныя мѣста для переѣзда: вездѣ одинаковая топь. А за нею тотъ же характеръ—подъемъ на высоту, спускъ и снова рѣчка. Лѣсъ же не перемежается ни одною поляной; онъ только изрѣдка рѣдѣетъ и еще въ мѣстахъ, гдѣ огонь ходилъ по лѣсу и разрѣдилъ его, тамъ на обгорѣлой землѣ пробивается мелкая и рѣдкая кормовая трава; а то всюду, не только по склонамъ, но и на вершинахъ водораздѣловъ, мочажины изъ краснаго и желтаго моха. Долина же Гилюя располагается по склонамъ отлогихъ береговыхъ хребтовъ и вся состоитъ изъ цѣльныхъ мочажинъ, на которыхъ только мѣстами есть рѣдкій листвякъ. Такія мѣста туземцы называютъ «увалами».

Путешествіе по этой мѣстности, добавляетъ отважный изслѣдователь, было причиною, что у насъ погибло 7 лошадей, а остальныя были сильно изнурены. При переправѣ же черезъ рѣчки нельзя было предпринять никакихъ мѣръ, чтобы облегчить переѣздъ: лошади вязли въ грязи и уходили въ воду до того, что погружали и вьюки. Оттого сухари съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе портились и гнили; а между тѣмъ, чтобы высушить ихъ, весьма рѣдко случались ясные дни.

Какъ ни горѣлъ Усольцевъ желаніемъ взойти на хребетъ Атычанъ [1]) и барометромъ опредѣлить его высоту, но разлившіяся въ долинахъ рѣчки помѣшали выполнить ему этотъ планъ, вслѣдствіе чего онъ и долженъ былъ ограничиться однимъ его обозрѣніемъ издали. Вотъ какъ онъ его описываетъ:

Простираніе его отъ сѣверо-запада къ юго-востоку Двѣ крайнія сопки рѣзко окаймляютъ хребетъ; отъ нихъ покатости сливаются съ невысокими горами Станового хребта. Разстояніе между этими сопками 5 верстъ. Въ промежуткѣ между ними есть нѣсколько другихъ сопокъ различной высоты, соединяющихся узкими и глубокими лощинами. Форма сопокъ болѣе или менѣе пирамидальная. Отъ самой подошвы начинается крутой склонъ, мѣстами прерываемый небольшими террасами; чѣмъ ближе къ вершинѣ, тѣмъ онъ круче, подъ самой же вершиной онъ становится очень скалистымъ. Тамъ виднѣются гранитныя массы или въ видѣ стѣнъ, или нависшія; кое-гдѣ виднѣются глубокія трещины и впадины. У подножія хребта, въ лощинахъ и на террасахъ, еще есть отдѣльными деревьями лѣсъ и кустарники, но къ вершинѣ—хребетъ обнаженъ.

---

[1]) Усольцевъ, какъ кажется, ошибочно употребляетъ здѣсь слово хребетъ.

18 Августа экспедиція, оставивъ въ сторонѣ Атычанъ, направилась къ восточной вершинѣ Гилюя и 20 достигла ея. Затѣмъ, переправившись черезъ Гилюй, она направилась вверхъ по р. Кудули и такимъ образомъ добралась до вершины водораздѣльнаго кряжа. Здѣсь Усольцеву пришлось убѣдиться въ справедливости выраженныхъ проводникомъ его опасеній; ошибка въ выборѣ вѣрнаго направленія на р. Джалтулѣ была тѣмъ возможнѣе, что водораздѣлъ оказался плоскимъ хребтомъ, поросшимъ листвякомъ и покрытымъ множествомъ мочажинъ, изъ коихъ во всѣ стороны стекали ручьи. Вдали, и въ особенности къ юго-западу, мѣстность была закрыта; только на востокѣ показывался обнаженный хребетъ, который, какъ потомъ уже узналъ Усольцевъ, находился въ верхнемъ теченіи Брянды. Верховья рѣчекъ Джалтулы и Илкана имѣли одно направленіе — къ юго-востоку, и Усольцевъ направился правымъ изъ нихъ. Это было удачно взятое направленіе, такъ какъ впослѣдствіи оказалось, что онъ не ошибся и дѣйствительно вывелъ экспедицію къ вершинамъ р. Джалтулы. Джалтулой, а затѣмъ Гилюемъ, экспедиція хотѣла добраться до Зеи, но встрѣтившіеся ей здѣсь орочоны уговорили Усольцева взять другое направленіе: нижнее теченіе Гилюя порожисто, говорили они, а берега скалисты и трудно проходимы на лошадяхъ. Принявъ совѣтъ къ свѣдѣнію, Усольцевъ 27 Августа направился черезъ вершины рѣчекъ Гаюмкомъ и Дулясама и рѣчкой Джалтула вступилъ въ вершину р. Ики, которой и шелъ верстъ 20 до перевала на верхнее теченіе р. Иликана. Иликаномъ и рѣшено было спуститься на Зею.

Долина этой рѣчки раскидывалась по отлогостямъ береговыхъ хребтовъ, вся состоя изъ мочажинъ краснаго моха. Кое-гдѣ, на небольшія пространства, она съуживалась подошедшими къ самому руслу рѣки горами до того, что текла въ утесистыхъ берегахъ. Высокихъ горъ не встрѣчалось; на всемъ пространствѣ Усольцевъ только разъ перешелъ хребетъ (отрогъ?) Домбуко. Вообще, вся мѣстность при бѣгломъ взглядѣ, казалось, составляла одну непрерывную вершину высокаго хребта; только на юго-западѣ выказывались вдали обнаженныя сопки Гилюя, покрытыя снѣгомъ.

Пройдя 117 верстъ, Усольцевъ замѣтилъ, что направленіе Иликана видимо уклоняется на востокъ, а потому оставилъ его долину и направился къ юго-западу, имѣя въ виду голецъ Тукориндо, находящійся близъ устья Гилюя. Слѣдуя далѣе, близость р. Зеи стала замѣтнѣе, хребты изчезли и мѣстность получила равнинный характеръ. Появились большими площа-

дями луга съ высокою травой, обширныя озера, таловый, ивовый и березовый кустарникъ. Наконецъ, 12 Сентября, экспедиція неожиданно вышла къ берегу р. Зеи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ предѣловъ той области, которая подлежитъ нашему разсмотрѣнію.

Эти выписки изъ маршрутовъ, не рисуя общаго характера горнаго рельефа страны въ истокахъ Гилюя и Зеи, даютъ намъ однако такой богатый матеріалъ частностей, что по нимъ намъ не трудно уже составить себѣ и общее представленіе объ этихъ горахъ.

Южные склоны Станового хребта кажутся намъ широкими, въ большинствѣ случаевъ совершенно плоскими горами, въ которыя глубоко врѣзаны долины наиболѣе крупныхъ притоковъ Амура и Зеи. Они покрыты лѣсомъ и въ высокихъ горизонтахъ, ближе къ гребню хребта, мочажинами, среди коихъ и собираютъ свои воды всѣ эти рѣчки. Слѣдуя вверхъ по теченію любой изъ послѣднихъ, видимъ себя сначала въ узкой щели, среди отвѣсныхъ стѣнъ иногда значительной высоты, затѣмъ горизонтъ расширяется, и путникъ мало-помалу взбирается по кочковатымъ болотамъ, по которымъ во всѣхъ направленіяхъ сбѣгаютъ извилинами ручьи, на водораздѣльную линію гребня, съ которой далеко открывшійся горизонтъ только на своихъ окраинахъ позволяетъ ему еще различить группы гольцовъ. Такимъ образомъ, въ низшихъ зонахъ — тайга и въ высшихъ — моховыя болота и мочажины — вотъ суровая и вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени однообразная природа сѣверной полосы Амурскаго края, которую разнообразятъ развѣ только гольцы, разбросанно торчащіе по всѣмъ направленіямъ.

Имѣетъ-ли Становой хребетъ одинъ общій, вездѣ рѣзко выступающій гребень? На это въ приведенныхъ нами выпискахъ изъ мемуаровъ обоихъ изслѣдователей мы не находимъ прямого отвѣта. Вотъ что, однако, пишетъ Миддендорфъ во 2 отд. I ч. своего замѣчательнаго труда [1]).

Становой водораздѣлъ опускается къ долинѣ средняго теченія Лены очень скалистыми уступами; а эти уступы къ тому же изрѣзаны такими извилистыми и крутоярыми падями, что даже неудержимымъ завоевателямъ Сибири казались непроходимыми. Только однажды Алданъ послужилъ дорогою съ Лены черезъ Становой хребетъ къ Амуру [2]), и съ тѣхъ поръ

---

[1]) l. c., стр. 202.
[2]) Экспедиціи Пояркова.

никто изъ русскихъ не повторилъ этой дороги. Да и Витимъ вскорѣ былъ оставленъ по причинѣ чрезмѣрной трудности пути, и неоднократныя усилія Шварца съ товарищами, которые отказались даже отъ своей задачи добиться точнѣйшихъ свѣдѣній о чрезвычайно интересномъ озерѣ Оронѣ, вновь напомнили намъ, съ какими необычайными трудностями приходится тамъ бороться путнику и какой геройскій подвигъ совершили нѣкогда наши казаки-завоеватели только тѣмъ, что смогли пробиться черезъ этотъ хребетъ съ оружіемъ и обозомъ! Только однимъ путемъ, лежащимъ между обоими вышеупомянутыми, именно, вверхъ по Олекмѣ, во времена казаковъ пользовались сравнительно дольше. Это не значитъ однако, что въ той части хребта нѣтъ вовсе высокихъ вершинъ; но всего вѣроятнѣе, что Олекминскій хребетъ, точно также, какъ и западная половина Зейнскаго, представляетъ изъ себя по преимуществу плоскій хребетъ, изъ котораго, впрочемъ, тамъ и сямъ выдаются крутыя, коническія вершины, болѣе или менѣе ясно обозначающія протяженіе кряжа. Только въ виду такихъ вершинъ мы находимъ здѣсь альпійскую страну; а дальше отъ нихъ видимъ страну скалистыхъ хребтовъ, больше выровненныхъ, чѣмъ обрывистыхъ. Шварцъ перечисляетъ нѣсколько вершинъ, которыя находятся къ сѣверу (востоку?) отъ водораздѣла истоковъ Алдана, вѣнчаютъ этотъ водораздѣлъ и составляютъ вѣроятно высочайшія точки во всемъ Становомъ водораздѣлѣ, отъ 6 до 7,000 ф.; однако, не меньшей высоты вершины находятся также и на крайнемъ востокѣ плоскаго хребта Станового водораздѣла, у верховьевъ восточныхъ притоковъ Зеи, у истоковъ Норы и Селимджи, въ особенности же въ горной группѣ Кюехъ-кая.

Если горныя массы въ верховьяхъ Гилюя представляютъ всѣ особенности плоскихъ хребтовъ, то тотъ же характеръ сохраняютъ и горы лѣваго побережья Амура, между Усть-Стрѣлкой и рѣчкой Олдоемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы начнемъ свой обзоръ съ верховій Амура и направимся на востокъ, т. е. примемъ направленіе прямо противуположное тому, какимъ шелъ Миддендорфъ, то попадемъ прежде всего въ тайгу, сплошь одѣвающую горную страну умѣренной высоты, гдѣ ни одинъ хребетъ не выдается замѣтно надъ другими; причемъ всѣ они почти одинаково возвышаются и надъ рѣчными долинами, въ среднемъ не свыше 200 ф., что позволяетъ опредѣлить и высоту этихъ отроговъ, въ среднемъ едва-ли гдѣ превышающихъ 1500 ф. Тамъ, гдѣ Миддендорфъ съ Уричи перебрался на Обкань (Омутная), онъ перерѣзалъ хотя

довольно высокій, но все же еще плоскій хребетъ [1]); точно также онъ находилъ плоскіе хребты и во всѣхъ водораздѣлахъ, черезъ которые переѣзжалъ съ рѣчной области Амура на рѣчную систему Зеи, и именно на среднее теченіе Ура. Таковъ былъ, напримѣръ, водораздѣлъ между Олдоемъ и Невромъ, который своею ровною возвышенностью идетъ, какъ кажется, съ С.С.В. къ Ю.Ю.З., или водораздѣлъ между Тепаромъ и Бургали. На Урѣ Миддендорфъ былъ уже, очевидно, въ виду большой Амурской луговой равнины: цѣлый день безостановочно онъ ѣхалъ по травяному болоту; тѣмъ не менѣе и здѣсь водораздѣлъ между Уромъ и Зеей показался ему плоской возвышенностью.

Наконецъ, для того, чтобы покончить съ горами до-Зейскаго участка Амурской области, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о водораздѣлѣ Амура и Зеи. Кромѣ топографа Огнева, его никто не пересѣкалъ. Но описывали всѣ тѣ, кто писалъ вообще о верхней части Амурской долины. Суммируя все то, что извѣстно объ южныхъ его склонахъ, намъ кажется, что мы можемъ остановиться на слѣдующей характеристикѣ, данной этимъ горамъ профессоромъ Коржинскимъ. Выше Благовѣщенска, за заливными долинами Амура и Зеи, тотчасъ же начинаются низкія плоскогорія, покрытыя лѣсомъ изъ черной и бѣлой березы, дуба, осины и орѣшника. Эти плоскогорья имѣютъ на большей части своего протяженія грубопесчаную почву со скатанной галькой и притомъ весьма часто подвергаются заболачиванію. Но мѣстами на нихъ почва болѣе глубока, имѣетъ супесчаный характеръ и способна къ обработкѣ. Далѣе вверхъ по Амуру плоскогорія дѣлаются все выше и выше, а долина Амура значительно суживается. Участковъ земли, доступныхъ для культуры, становится все меньше и мѣстность быстро принимаетъ неприступный, негостепріимный для земледѣльца обликъ. Между станицей Черняевой и Покровской вся страна имѣетъ чрезвычайно суровый, угрюмый характеръ. Она состоитъ изъ высокихъ плоскогорій (плоскихъ хребтовъ), оканчивающихся къ Амуру непрерывнымъ рядомъ утесовъ, скалъ и обнаженій и раздѣленныхъ узкими и глубокими ущельями. Вершины плоскогорій одѣты неглубокой грубопесчаной почвой, нерѣдко покрытой болотами на большое

[1]) Очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь о сѣверной оконечности Большаго Хингана; однако, мы не знаемъ, какъ помирить это извѣстіе съ нашими географическими картами, гдѣ Большой Хинганъ показанъ не между Уричи и Омутной, а между Уричи и Олдоемъ. Ср. Шмидтъ, «Труды Сибирской экспедиціи» Физическій отдѣлъ I, стр. 12.

разстояніе. Какъ вершины, такъ и склоны ущелій покрыты сплошь рѣдкимъ лѣсомъ изъ сосны и лиственницы [1]).

Въ горныхъ странахъ, какой, безъ сомнѣнія, и должна считаться Амурская область, рѣки, точнѣе рѣчныя долины, составляютъ такую неотъемлемую принадлежность хребтовъ, что ни тѣ, ни другіе, не могутъ быть описаны независимо однѣ отъ другихъ; и если это еще допустимо для такихъ громадныхъ рѣкъ, какъ Амуръ или Зея, то едва-ли оно можетъ быть желательнымъ для рѣкъ второстепенныхъ, какими, безъ сомнѣнія, и должны считаться всѣ остальные притоки до—зейскаго участка Амурской области.

Въ вышеприведенныхъ выпискахъ изъ Усольцева и Миддендорфа положено уже основаніе такому совмѣстному описанію рѣкъ и горъ Амурскаго края, и намъ остается теперь только дополнить ихъ замѣчанія гидрографическимъ матерьяломъ другихъ изслѣдователей, который, по его обширности, мы выдѣляемъ въ двѣ послѣдующія главы, ограничиваясь здѣсь описаніемъ только одной Албазинской дуги Амура и впадающихъ въ него слѣва притоковъ.

Амуръ, по соединеніи съ Аргунью, становится немного шире Шилки [2]) и долина его вообще остается узкою, хотя многіе изъ ея участковъ и шире долины Шилки. Отъ устья Аргуни, около котораго возвышается довольно длинный утесъ до устья первой Мукунды, правый берегъ Амура представляетъ мѣстами высокіе, крутые береговые скаты, подступающіе, въ большинствѣ случаевъ, въ самой рѣкѣ [3]).

На этомъ пространствѣ вливаются въ Амуръ съ правой стороны маленькая рѣчки Богдойка и двѣ Широкія—верхняя и нижняя. Отъ первой Мукунды впадающей въ Амуръ справа 3 вер. ниже Покровской (см. ниже) тянется узкое, поросшее рѣдкими деревьями, плоское побережье, которое идетъ и за вторую Мукунду впадающую въ Амуръ справа въ 7 вер. ниже Покровской, но скоро за ней оканчивается, упираясь въ подходящія къ самой рѣкѣ крутыя скалы.

Напротивъ Богдоя, на лѣвомъ берегу, вливается маленькая рѣчка Кудиканъ, отъ устья которой далеко тянется береговой

---

[1]) Шперкъ (l. c., стр. 123) даетъ недурную общую характеристику этихъ горъ, основанную на очеркахъ Вялова и Бартоломея; мы воспользуемся ею ниже (см. главу 3).

[2]) Ширина Амурскаго русла колеблется здѣсь отъ 250 до 300 саженъ; глубина (весной?) отъ 12 до 20 футовъ; быстрота теченія равна 4 верст. въ часъ (Свербеевъ, Описаніе плаванія по р. Амуру», etc въ «Запискахъ Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1857, III).

[3]) Маакъ, «Путешествіе на Амурь», стр. 55.

лугъ, кончающійся въ одной верстѣ ниже впаденія рѣчки Японъ (Эпанъ у Свербеева), сосѣдя тамъ съ узкимъ, скалистымъ выступомъ берегового ската, круто уходящаго въ русло рѣки. Этотъ лугъ, по рѣчкѣ называемый Японскимъ лугомъ, служитъ Покровскимъ казакамъ мѣстомъ для пастьбы скота и сѣнокосомъ. При началѣ этого луга, гдѣ онъ еще узокъ, на немъ растутъ, большею частью, ивы и черемуха, а далѣе, гдѣ онъ дѣлается шире, встрѣчаются также бѣлая береза, лиственница и сосна; въ широкой его части, у подножія берегового ската, есть нѣсколько озеръ. На упомянутомъ луговомъ лѣвомъ прибрежьѣ Амура расположено въ 4 верстахъ ниже селеніе Шилки съ Аргунью первое селеніе Амурской области Покровскій поселокъ. Ниже упомянутаго скалистаго выступа вливается въ Амуръ въ $7^1/_2$ вер. ниже Покровскаго рѣчка Верхній Мангалей, и здѣсь же начинается второй лугъ, по названію Мангалейскій, посѣщаемый жителями Покровскаго для той же цѣли, какъ и первый. Этотъ лугъ тянется версты на четыре до Нижняго Мангалея, и во многихъ мѣстахъ шире Японскаго, а именно имѣетъ до 3 вер. ширины, но при этомъ болотистъ, отчасти покрытъ озерами и перерѣзанъ рѣкою Среднимъ Мангалеемъ, правымъ притокомъ Нижняго Мангалея. [1]). За этимъ лугомъ Амуръ бѣжитъ у подножія крутаго береговаго ската, который за рѣкой Ингричи дѣлается болѣе отлогимъ; онъ покрытъ горной осыпью и лишаями, между которыми встрѣчается и оленій мохъ (Cenomyce rangiferina).

За устьемъ двухъ, одинъ противъ другого впадающихъ въ Амуръ ручейковъ, по названію «Полосатики», вышеупомянутый береговой скатъ упирается въ отвѣсный утесъ, тянущійся по лѣвому берегу съ версту; его вершина увѣнчана соснами, придающими ландшафту мрачный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и живописный видъ. Это — такъ называемый Быркинскій утесъ, отъ тунгусскаго слова «бэркэ», въ переводѣ — «смѣлый», потому что у подошвы его Амуръ течетъ съ неимовѣрной быстротой. Два маленькіе ручья, текущіе по правому берегу и вливающіеся въ Амуръ: одинъ противъ самаго утеса на плоскомъ прибрежьи, а другой непосредственно ниже утеса, оба называются Бырка, и также получили свое названіе отъ утеса [2]).

---

[1]) Маакъ, ib. См. также Назаровъ Матеріалы для военн. статист. обзора Приамурскаго военнаго округа и Манчьжуріи, въ Сборникѣ геогр., топогр. и статист. матер. по Азіи Спб. 1888, стр. 85 и др.

[2]) Маакъ, ib, стр. 56. Бырка, по Свербееву лѣвый притокъ Амура; да это и вѣроятно, хотя я не нахожу этого названія ни на одной изъ большихъ картъ Амура. Сравни: Маакъ, ib, Спеціальная часть, стр. 10.

Нѣсколько далѣе, справа, открывается широкая, поросшая ивнякомъ, долина рѣчекъ Большой и Малой Сапожки [1]), которой слѣва соотвѣтствуетъ рядъ утесовъ, составляющихъ продолженіе Быркинскихъ скалъ. Затѣмъ лѣвый берегъ понижается, и далѣе Амуръ уже продолжаетъ течь среди отлогихъ береговъ, которые, однако-жъ, становятся все круче и круче по мѣрѣ приближенія къ рѣкѣ Амазару [2]), впадающему слѣва въ Амуръ. Передъ устьемъ Амазара, ближе къ лѣвому берегу, лежатъ два небольшихъ, поросшихъ кустарникомъ, островка. За ними лѣвый береговой скатъ опять состоитъ изъ скалъ, расположенныхъ очень живописными группами. Близь устья Амазара въ 31 верстѣ отъ Покровскаго по сухопутной дорогѣ расположено маленькое селеніе Амазарскій выселокъ расположенное на узкой луговинѣ, въ тылу которой, саженяхъ въ 150, поднимается крутой, лѣсистый нагорный берегъ. На всемъ 41 верстномъ своемъ теченіи до устья Амазара Амуръ имѣетъ общее направленіе къ востоку, но дѣлаетъ небольшіе изгибы, уклоняясь немного къ сѣверу. Ширину онъ имѣетъ обыкновенно 200 сажень, а въ рѣдкихъ мѣстахъ отъ 250 до 300. Глубина рѣки достаточна для прохода судовъ, сидящихъ въ водѣ до 5 футовъ, но въ мелкую воду, въ жаркое и сухое лѣто, образуются два переката, черезъ которые могутъ проходить только суда, сидящія въ водѣ не болѣе 2 и $2^1/_2$ футъ. Одинъ изъ этихъ перекатовъ находится еще непосредственно передъ устьемъ Шилки, другой, Мангалейскій, въ 12 верстахъ ниже Покровскаго; послѣдній опасенъ лежащими на днѣ рѣки камнями. Послѣ безснѣжной зимы и въ очень сухое лѣто судоходство здѣсь совсѣмъ прекращается на довольно значительное время, за невозможностью пройти мелководныя мѣста, какъ это было, напримѣръ, въ 1882 и 1885 годахъ. Отъ Усть-Стрѣлки, сліянія Шилки съ Аргунью, до устья Амазара наибольшая глубина фарватера достигаетъ 30 футовъ тамъ, гдѣ теченіе рѣки сжимается горами. Дно русла состоитъ преимущественно изъ мелкой гальки съ незначительнымъ количествомъ песку, который иногда образуетъ песчаныя отмели. До устья Амазара

---

[1]) Здѣсь мы должны отмѣтить не опечатку, а совершенно необъяснимую ошибку Маака, представившаго первое подробное описаніе береговъ Амура отъ Усть-Стрѣлки до Албазина. Онъ перепуталъ притоки Амура до такой степени, что къ его тексту требуются значительныя поправки. Мы имѣли уже случай говорить о рѣчкахъ Быркѣ; то же слѣдуетъ сказать и объ обоихъ Сапожкахъ, присоединяемыхъ Маакомъ къ числу лѣвыхъ притоковъ Амура. Кстати замѣтимъ, что упомянутыя рѣчки пишутся авторами различно: Сапожокъ (Свербеевъ), Сапожка (Маакъ и Назаровъ), Сапошка (Шварцъ) или, наконецъ, Сопошка (Военно-топографическій Отдѣлъ Главнаго Штаба)?

[2]) Амазаръ иначе называется Большой Горбицей (по бурятски Кэрбэчи).

Амуръ течетъ однимъ русломъ и только въ трехъ мѣстахъ русло это разбивается тремя небольшими островами, а именно: тотчасъ по сліяніи Шилки съ Аргунью, въ 3 и въ 6 верстахъ ниже Покровскаго. Послѣдній островъ расположенъ у китайскаго берега, отъ котораго отдѣленъ узкою протокою. Уровень воды Амура при сліяніи Шилки съ Аргунью превышаетъ уровень океана на 1180 футъ. Нагорные берега рѣки на описываемомъ пространствѣ образуются Даурскимъ плоскогоріемъ, превышающимъ уровень Амура отъ 700 до 1500 футъ [1]). Между Усть-Стрѣлкой и устьемъ верхняго Мангалея лѣвая береговая возвышенность отстоитъ отъ Амура въ $1^1/_2$ верстахъ, а далѣе, то подходитъ къ самой рѣкѣ, то снова отходитъ отъ нея, причемъ на послѣднихъ 25-ти верстахъ до устья Амазара Амуръ течетъ какъ бы въ ущельѣ.

Верстахъ въ 7 ниже устья Амазара въ Амуръ впадаетъ съ лѣвой сторонѣ р. Алгаканъ, а съ правой р. Вяткина. Лѣвый берегъ до устья Алгакана продолжаетъ быть возвышеннымъ, но отъ Алгакана онъ понижается и горы уходятъ на задній планъ, оставляя между собой и рѣкой широкую полосу луга, который къ востоку тянется за р. Большую Урку, впадающую въ Амуръ въ 14 вер. ниже устья Амазара. Берегъ этотъ во всѣхъ направленіяхъ перерѣзанъ болотистыми низменностями и усѣянъ маленькими озерами, между которыми, на болѣе сухихъ мѣстахъ, встрѣчаются рощицы лиственницы и сосны и маленькими группами растутъ лиственныя деревья [2]).

Непосредственно ниже устья ручья Тумача (у Назарова онъ названъ Туманъ, у Свербеева Кумача), т. е. не болѣе, какъ въ четырехъ верстахъ ниже Урки, Амуръ снова несется у скалъ, изъ коихъ Тумачскій носъ всего сильнѣе вдается въ русло рѣки, между тѣмъ, какъ, вообще, возвышенность лѣваго берега держится отъ ложа отъ 200 до 400 саж., оставляя между собою и этимъ послѣднимъ долину очасти луговую, отчасти покрытую лиственнымъ лѣсомъ и кустарникомъ. Правый же берегъ отъ устья р. Вяткиной, впадающей противъ устья Амазара, версты на 4, до устья Безымянной рѣчки, отступаетъ на 400 саж. отъ ложа Амура, образуя низменную долину. За Безымянною рѣчкой правый нагорный берегъ снова приближается къ руслу Амура на протяженіи $6^1/_2$ верстъ, послѣ чего отступаетъ, давая просторъ долинѣ до самой станицы Игнашиной. Станица эта расположена на лѣвой сторонѣ рѣки, при впаденіи въ нее рѣчки

---

1) Назаровъ, Воен. статист. обзоръ Амурской обл., стр. 86, 87.
2) Маакъ, l. c., стр. 57.

Игнашиной, тамъ, гдѣ, ниже Тумачскаго носа, нагорья отступаютъ отъ Амура. Станица *Игнашина* находится по сухопутной дорогѣ въ 32 верстахъ отъ Амазара.

Отъ устья Амазара до Игнашиной ширина Амура колеблется отъ 200 до 400 саж. Глубина рѣки вполнѣ достаточна для судоходства, но въ 7 верстахъ выше станицы есть перекатъ, хотя не особенно мелководный, но узкій по фарватеру и неудобный для пароходовъ, тянущихъ баржи. Дно рѣки галечное, песчаное. Острова на Амурѣ: два въ верстѣ ниже Амазарскаго поселка, у лѣваго берега Иринея, большій изъ коихъ имѣетъ до 1 версты длины, при 150 саженяхъ ширины; въ $9^1/_2$ в. ниже Амазара, у лѣваго берега, противъ устья р. Малой Урки, и въ 12 в. ниже Амазара, у лѣваго берега, въ $3^1/_2$ версты длины и $3^3/_4$ ширины; наконецъ, въ 2 верстахъ выше станицы Игнашиной (нижній конецъ острова) въ $2^1/_4$ версты длины и 150 саженъ ширины, поросшій черемухой, ивою и другими деревьями. Отъ устья Амазара до малой Урки Амуръ течетъ на с.-в.; далѣе, между устьями Малой Урки и Тумача, теченіе его дѣлаетъ отлогую дугу, обращенную выпуклостью къ югу [1]).

Отъ станицы Игнашиной до поселка Свербеева, расположеннаго близъ устья р. Олдоя, Амуръ течетъ на разстояніи 64 верстъ въ восточномъ направленіи, дѣлая только незначительные изгибы. Преобладающая ширина рѣки отъ 200 до 350 саж. Лѣвый берегъ Амура, на пространствѣ по крайней мѣрѣ первыхъ трехъ верстъ, остается скалистомъ попрежнему; но затѣмъ, съ приближеніемъ къ устью рѣки Омутной [2]), впадающей въ Амуръ 13 верстъ ниже Игнашиной, скалы болѣе и болѣе понижаются и удаляются отъ воды. Близъ устья р. Омутной находится складъ, или, по выраженію золотопромышленниковъ, «резиденія» золотопромышленной компаніи. Отъ этого мѣстнаго управленія до главнаго пріиска въ верховьяхъ р. Уричи считается 58 верстъ вьючнаго пути.

Вверхъ по рѣкѣ Омутной проложена конная тропа, пересѣкающая Яблоновый хребетъ и спускающаяся къ Алдану. Дорога эта, весьма затруднительная и опасная, не только для ѣзды, но даже и для ходьбы, была счастливо пройдена отъ устья Аукана до Удскаго отрога топографомъ Карликовымъ, представившимъ и съемку всего имъ пройденнаго пути [3]).

---

[1]) Назаровъ, l. c., стр. 92.

[2]) Маакъ называетъ ее Мутная, Свербеевъ Умутна, Миддендорфъ — Омутной или Обканъ, Усольцевъ, Назаровъ и послѣдняя карта Военно-Топографическаго Отдѣла Главнаго Штаба также Омутной.

[3]) Маакъ, l. c., стр. 58, гдѣ ошибочно сказано: «отъ Удскаго остр. до устья Аукана». Карликовъ—участникъ экспедиціи Ахте.

За Омутной лѣвый берегъ становится ниже праваго, хотя и послѣдній кажется выше, можетъ быть, потому, что круче и сильнѣе подмытъ; впрочемъ, и то не вездѣ: такъ, напримѣръ, въ устьѣ рѣки Ельничной онъ до того низокъ и болотистъ, что едва-ли тамъ сыщется даже и небольшой клочекъ сухого грунта. Но уже немного ниже устья Ельничной снова начинаются скалы, частью поросшія хвойнымъ лѣсомъ.

Тотчасъ ниже рѣчки Ельничной, можетъ быть, не болѣе какъ въ $1^1/_2$ верстахъ отъ нея, и 28 верстъ ниже Игнашиной, слѣва, въ Амуръ впадаетъ довольно значительный притокъ его—Уричи (Уруши), вверхъ по которому идетъ тропа, выводящая на верхнюю Зею и оттуда въ долину Алдана. По словамъ орочоновъ и манягровъ, дорога эта довольно наѣзжена и, вѣроятно [1]), та самая, которою пользовались казаки во время своихъ походовъ въ XVII вѣкѣ. Близъ устья рѣки Уричи находится нынѣ, на лѣвомъ берегу Амура, маленькое селеніе—*Сибневскій* поселокъ.

Въ $6^1/_2$ верстахъ ниже устья Уричи начинается самый большой изъ 12 острововъ, встрѣчающихся между устьями Уричи и Олдоя. Островъ этотъ отдѣляется отъ праваго, китайскаго, берега узкой протокой. Онъ имѣетъ $7^1/_2$ верстъ длины и до версты ширины; около нижняго его конца имѣются еще 4 острова. Всѣ острова наносные; поверхность ихъ поросла лѣсомъ: черемухой, ивой и вязомъ. На нижнемъ ихъ концѣ часто бываютъ видны огромныя массы водой нанесеннаго бурелома, своей высотой ясно показывающія и ту высоту, какой достигаютъ здѣсь воды Амура, иногда затопляющія упомянутые острова.

За двумя рѣчками Сестрянками, ближайшими къ Уричи, берега Амура на пространствѣ шести верстъ продолжаютъ носить все тотъ же скалистый характеръ. Правый изъ нихъ и выше и гуще покрытъ лѣсомъ, чѣмъ лѣвый. Вообще же характеръ береговыхъ стѣнъ на всемъ пространствѣ до устья р. Олдоя очень разнообразенъ. Такъ, хотя береговыя горы здѣсь и не высоки (въ особенности участокъ до р. Монастырки), однако, среди нихъ нерѣдки неожиданныя, обрывистыя поднятія и конусообразныя вершины, примѣромъ чему можетъ служить Медвѣжья Сопка—конусообразная, покрытая густымъ лѣсомъ гора, возвышающаяся на правомъ берегу Амура. Гора эта обязана своимъ названіемъ множеству водящихся на ней

---

[1]) Маакъ (l. c., стр. 53) пишетъ—«нѣтъ сомнѣнія». Кстати замѣчу, что Свербеевъ называетъ это рѣчку Урусы, Усольцевъ Уруси, Миддендорфъ и карта Военно-топографическаго Отдѣла Главнаго Штаба—Уричи, золотопромышленники и Назаровъ Уруши.

медвѣдей, за которыми охотятся здѣсь какъ орочоны, такъ и казаки ближайшихъ станицъ.

Противъ Медвѣжьей Сопки вливается въ Амуръ рѣчка Кудиканъ, извѣстная солончаками, тянущимися верстъ на тридцать вверхъ по ея широкой долинѣ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ: два въ 4 верстахъ отъ Амура и одинъ въ 20 служатъ излюбленнымъ пристанищемъ лосей и мараловъ, благодаря чему и берега этой рѣчки обыкновенно довольно оживлены собирающимися сюда отовсюду охотниками.

Здѣсь, а отчасти и выше этого мѣста, долина Амура замѣтно расширяется, и въ руслѣ послѣдняго, непосредственно ниже Кудикана, появляются острова. Между рядомъ этихъ острововъ, расположенныхъ ближе къ правому берегу, и лѣвымъ, круто изъ воды подымающимся береговымъ скатомъ, идетъ главное русло верстъ на $6^1/_2$ до рѣчки Монастырки, впадающей въ Амуръ слѣва. Эти острова отдѣлены одинъ отъ другого только при полой водѣ; при низкой же они составляютъ одинъ большой островъ, который начинается у Кудикана и кончается немного ниже Монастырки. Въ началѣ іюня, когда весенняя вода начинаетъ спадать, на этомъ островѣ временно селятся орочоны и казаки ради ловли рыбы (осетръ, калуга), которая особенно хорошо держится подъ скалами лѣваго берега.

Въ полуверстѣ выше устья Монастырки береговые утесы постепенно понижаются и, наконецъ, совершенно уходятъ изъ вида, оставляя мѣсто болотистому прибрежью, поросшему лиственницей, сосной и березой.

Названіе свое рѣчка эта получила отъ монастыря, еще въ 1671 году построеннаго здѣсь казаками во имя Спаса Всемилостиваго. Названіе «Монастырка» нигдѣ не встрѣчается въ древнихъ рукописяхъ и вѣроятно дано уже въ позднѣйшее время [1]). Монастырь этотъ, говорятъ, стоялъ вблизи такъ называемаго Брусянаго Утеса, но въ настоящее время и это имя утеряно, какъ было утеряно множество другихъ казацкихъ именъ на Амурѣ.

Близъ своего устья Монастырка течетъ въ довольно открытой долинѣ, замкнутой выше амфитеатромъ средней высоты скалъ. Ниже ея, версты на четыре, тянется вдоль Амура низменное побережье, за которымъ опять слѣдуетъ, подымающійся прямо изъ воды, скалистый береговой скатъ. Въ этомъ мѣстѣ тянущійся отъ самаго Кудикана рядъ острововъ прекращается и русло Амура дѣлается сплошнымъ. Одновременно

---

[1]) Слова Маака, которыя мы здѣсь приводимъ буквально.

и характеръ береговъ измѣняется, и въ то время, какъ правый берегъ то повышается, то снова понижается, лѣвый получаетъ почти вертикальное паденіе и образуетъ очень высокія стѣны на всемъ протяженіи отъ р. Кудикана до рѣчки Яра. Только за Бургали, первымъ ручьемъ послѣ Яра, лѣвый берегъ еще разъ понижается и утесы его отступаютъ, амфитеатромъ обступая дельту Олдоя [1]).

Въ 2 вер. выше устья Олдоя расположенъ поселокъ, названный, въ честь одного изъ дипломатическихъ сподвижниковъ графа Муравьева-Амурскаго—*Свербеевскимъ*. Разстояніе его отъ Сгибневскаго поселка по сухопутной дорогѣ 37 верстъ.

Въ $1^1/_2$ верстахъ выше Свербеевскаго поселка образуется въ мелководье, такъ называемый, Свербеевскій перекатъ, который проходятъ при $4^1/_2$ фут. глубины. Фарватеръ его узокъ, и если судно немного уклонится въ сторону, то попадаетъ на мель. Дно рѣки галечно-песчаное.

Олдой, вѣроятно, та самая рѣка, которая въ древнихъ рукописяхъ упоминается подъ названіемъ Ольдекона и немного выше устья которой находилось въ XVII столѣтіи выстроенное казаками поселеніе подъ названіемъ Паново [2]). Въ прежніе годы берега Олдоя оживлялись присутствіемъ орочоновъ, которые добывали здѣсь во множествѣ бѣлокъ, соболей и другихъ звѣрей. Но съ того времени, какъ всѣхъ этихъ звѣрей стало здѣсь меньше, а въ особенности соболи почти совсѣмъ вывелись, орочоны ужъ не прикочевываютъ къ этой рѣкѣ. Олдой течетъ въ широкой долинѣ.

Отъ устья Олдоя, по лѣвому берегу Амура, тянется, версты на четыре, широкій низменный лугъ, частью поросшій кустарникомъ, частью болотистый, со множествомъ озерковъ и незначительныхъ лужъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ лугъ снова упирается въ прибрежныя скалы, послѣднія въ верхнихъ своихъ зонахъ поросли сосной, а ниже лиственницей и березой.

Здѣсь Амуръ вступаетъ въ узкую долину, въ которой, на протяженіи 23 верстъ, онъ дѣлаетъ три дугообразныя извилины до Кутомангды, впадающей въ него слѣва. Отсюда онъ снова вступаетъ въ открытую долину и удерживаетъ свое главное направленіе къ юго-востоку до Албазина.

---

[1]) Свербеевъ перечисляетъ между прочимъ еще слѣдующія рѣчки, пропущенныя нами между Амазаромъ и Олдоемъ: слѣва — Безымянную, впадающую въ Амуръ ниже Олдоя, и Монастырскую Нижнюю; но можетъ быть эта Нижняя Монастырская у насъ называется Яромъ, точно также, какъ р. Ульдыгича Свербеева ничто иное, какъ Бургали Маака? И справа—верхнюю, среднюю и нижнюю Родіоновки, среднюю и нижнюю Дагачанъ, Безымянную, большую и малую Монастырскія.

[2]) Маакъ, l. c., стр. 61.

Первая изъ названныхъ извилинъ начинается тотчасъ за Ходучею—маленькимъ ручьемъ, вытекающимъ изъ одного изъ Олдойскихъ луговыхъ озеръ; Амуръ течетъ здѣсь сначала въ юго-восточномъ направленіи, потомъ образуетъ полукругъ къ востоку и отсюда уже заканчиваетъ извилину, протекая параллельно первому направленію, почти на сѣверо-западъ. Правый береговой откосъ этой дуги, называемой Чарпэлъ [1]), въ началѣ покрытъ лѣсомъ и на большее или меньшее разстояніе удаленъ отъ русла рѣки. Береговые откосы кругообразной, къ юго-востоку направленной дуги, въ нижнихъ частяхъ своихъ часто круты и скалисты; между тѣмъ какъ въ верхнихъ зонахъ они обросли лиственницами и сосновымъ лѣсомъ. На пространствѣ разсматриваемой дуги теченіе чрезвычайно быстро и особенно у подножія скалъ праваго берега, гдѣ масса воды, напирая на твердыя породы, образуетъ часто новыя обнаженія. Это излюбленное мѣсто калуги, которая излавливается здѣсь орочонами и казаками въ громадномъ количествѣ. Лѣвый берегъ тянется между обѣими параллельными частями рѣки и вообще является въ видѣ узкаго и плоскаго мыса, поросшаго лиственницей, березой и осиной и носящаго названіе «Черный Кривунъ».

Другая излучина, которую описываетъ Амуръ, извѣстна здѣсь подъ названіемъ Дунона. Она представляетъ полукругъ почти въ шесть верстъ длиною и имѣетъ тотъ же самый характеръ, какъ и Чарпэлъ, съ тою, однако, разницей, что тутъ лѣвый береговой откосъ скалистъ и крутъ, тогда какъ правый пологъ, постепенно возвышается по направленію отъ русла рѣки и покрытъ лѣсомъ: черемухой, ивой и березой вдоль береговъ и лиственницей въ болѣе возвышенныхъ точкахъ. Въ серединѣ Дунонской излучины, слѣва, въ одномъ глубокомъ оврагѣ, протекаетъ горный ключъ, извѣстный подъ именемъ Ельничнаго или Асиничи (тунг.).

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончаются скалы лѣваго берега, начинается третій изгибъ Амура, называемый Гонанъ. Амуръ течетъ здѣсь сначала около трехъ верстъ въ направленіи къ юго-юго-западу и, покуда не поворачиваетъ къ востоку, имѣетъ по обѣ свои стороны плоскіе и лѣсистые берега. Въ этомъ же послѣднемъ изгибѣ правый берегъ, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, является высокимъ и скалистымъ, но потомъ онъ снова понижается и дѣлается плоскимъ. Наконецъ, еще далѣе отсюда, Амуръ, какъ было это уже замѣчено выше, поворачиваетъ на сѣверо-востокъ къ Кутомангдѣ. Здѣсь, справа, въ Амуръ вли-

[1]) Всѣ три излучины вмѣстѣ носятъ названіе «Чарпэльскій Кривунъ».

вается стокъ прибрежнаго озерка, окруженнаго соляною накипью. Такихъ озеръ въ этихъ мѣстахъ много и всѣ они окружены солончаковыми болотами, соединяющимися съ Амуромъ посредствомъ временныхъ или постоянныхъ стоковъ, называемыхъ здѣсь «сіекъ».

Отъ конца Гонанской излучины до урочища Кутомангда съ рѣчкой, носящей то же названіе, оба берега состоятъ изъ мощныхъ толщъ намывного песку. Правый изъ нихъ возвышается на шесть саженъ и представляетъ перемежаемость пластовъ песку и глины, густо поросшихъ сосновымъ боромъ. Казаки называютъ мѣсто это Краснымъ Яромъ, а тунгусы Халаринъ-Экша.

Кутомангда течетъ въ довольно открытой долинѣ [1]); по ея берегамъ разстилается прекрасный береговой лугъ, покрытый густою и высокою травой. Здѣсь расположенъ *Орловскій* поселокъ—послѣднее изъ 6-ти селеній растянутаго вдоль Амура Игнашинскаго станичнаго округа. Береговой откосъ является въ видѣ незначительнаго, но скалистаго выступа, круто подымающагося непосредственно изъ рѣки. Четыре версты ниже, справа, впадаютъ въ Амуръ два ручья Бургали. Здѣсь Амуръ, оставивъ свое прежнее, южное, направленіе, поворачиваетъ болѣе на востокъ и сохраняетъ это направленіе до устья вливающагося въ него слѣва Невира [2]).

Правый берегъ Невира скалистъ и имѣетъ чрезвычайно крутое паденіе; лѣвый, наоборотъ, очень пологъ и представляетъ прекрасный лугъ около версты шириной. Въ устьѣ этой значительной рѣчки, имѣющей до 30 саж. въ ширину, лежитъ островокъ, густо поросшій ивами и кустарникомъ.

Недалеко отъ Невира, ниже его по Амуру, береговые уступы обѣихъ сторонъ удаляются отъ русла рѣки, которая замѣтно увеличивается въ ширинѣ и образуетъ множество острововъ, въ большинствѣ случаевъ продолговатыхъ и разсѣянныхъ безъ всякаго порядка. Отсюда, внизъ по теченію, глазамъ путника открывается прекрасная картина: Амуръ течетъ въ открытой долинѣ среди множества острововъ, поросшихъ пышною растительностью, которая какъ бы сливается съ богатыми пажитями и лѣсами обоихъ его береговъ; и вся эта масса зелени и воды окаймлена дикими скалами, длинными, расходящимися цѣпями, уходящими въ даль. Въ началѣ упомянутаго

---

[1]) Изъ долины этой рѣки имѣется прямая дорога въ долину Асишичи и оттуда на береговой лугъ, лежащій ниже Олдоя.

[2]) Пишутъ также Неверъ, Невѣръ и Невыръ. Это та самая рѣка, которую Миддендорфъ называетъ Ливеръ.

расширенія Амура, ниже устья Невира, расположенъ верстахъ въ 18 выше Албазина, принадлежащій уже къ Албазинскому станичному округу *Рейновскій* поселокъ.

Передъ Албазиномъ Амуръ вступаетъ въ весьма расширенную долину, и число острововъ въ немъ замѣтно увеличивается. Кое-гдѣ острова эти достигаютъ значительныхъ размѣровъ, напримѣръ, передъ рѣчкою Ульдекитомъ или передъ Албазихою — значительнымъ правымъ притокомъ Амура, сливающимся съ нимъ на небольшой отлогости противъ селенія Албазинъ [1]). Кочующіе здѣсь манягры и орочоны называютъ Албазиху—Эмыръ или Умуръ. Нынѣшняя станица, носящая громкое и историческое названіе *Албазина*, состоитъ изъ 111 дворовъ и 616 жителей. Въ ней находится станичное правленіе *Албазинскаго* станичнаго округа.

Ниже Албазина, на нѣкоторомъ разстояніи, все еще продолжаетъ ширіться русло Амура, заключая попрежнему множество острововъ, поросшихъ либо лѣсомъ, либо покрытыхъ поемною растительностью, либо, наконецъ, представляющихъ болота, внутри которыхъ заключены нерѣдко озера и плоскіе водоемы въ видѣ незначительныхъ лужъ. Нерѣдко также они имѣютъ крутые берега, подмытые быстрымъ теченіемъ; слагаются же главнѣйшимъ образовъ изъ глины и песка, покрытыхъ слоемъ перегнойной почвы неодинаковой вездѣ толщины.

Отъ Албазина Амуръ течетъ $3^1/_2$ версты въ ю.-в. направленіи, потомъ поворачиваетъ къ С.-В., а черезъ 8 верстъ довольно круто поворачиваетъ опять къ Ю.-В. и въ этомъ направленіи продолжаетъ течь вплоть до устья рѣчки Панго. Ниже изгиба Амура расположено крестьянское селеніе *Воскресенское*; противъ же устья Панго, въ 40 верстахъ ниже Албазина, выселокъ, получившій названіе *Бейтоновскаго*, въ честь храбраго защитника стараго Албазина.

Отъ Албазина до устья Панго ширина главнаго русла рѣки отъ 300 до 400 саж., рѣже 250, ширина же всего теченія съ островами и протоками отъ 500 до 700 и изрѣдка до 1000 саж. Главное русло слѣдуетъ непосредственно у праваго нагорнаго берега, командующаго лѣво-береговою долиною. Въ 10 верстахъ ниже Албазина находится Ангойскій перекатъ; его проходятъ

---

[1]) «...Широкими долинами и лугами раздвигается на обѣ стороны вся окрестность; горы, тянувшіяся доселѣ по берегамъ рѣки, принимаютъ новое направленіе, развѣтвляясь на нѣсколько цѣпей къ югу и сѣверу. Недалеко отъ перваго пункта тройственнаго раздѣленія рѣки, на лѣвомъ берегу лѣваго протока увидали мы холмистую мѣстность, господствующую надъ всею окрестностью. Позади нея тянулись еловыя рощи, оставляя у берега чистое мѣсто и уходя во внутрь страны. Тутъ за 200 лѣтъ стоялъ русскій крѣпостной городъ Албазинъ или Якса по-китайски» (Свербеевъ, l. c., стр. 36).

въ низкое стояніе воды при 4 фут. глубины. Въ 19 вер. ниже Албазина, противъ Воскресенскаго, есть еще перекатъ въ 8 фут. глубины, а въ $2^1/_2$ верстахъ выше Бейтоновскаго выселка, всего только 100 саж. выше склада братьевъ Бутиныхъ, перекатъ Бейтоновскій, также проходимый при 4 фут. глубины [1]).

Отъ устья Панго Амуръ поворачиваетъ къ востоку, уменьшается въ ширинѣ, и острова попадаются на немъ рѣже. При впаденіи въ Амуръ, съ лѣвой стороны, рѣчки Ирмы расположенъ въ 60 верстахъ ниже Албазина поселокъ, названный въ честь одного изъ почтенныхъ дѣятелей въ Восточной Сибири *Пермикинскимъ*.

Отъ Бейтоновой до Пермикиной ширина рѣки съ островами и протоками измѣняется отъ 500 до 1500 саж., но въ 6 вер. выше Пермикиной Амуръ раздробляется на такъ называемыя Пермикинскія протоки и разливается на $2^1/_2$ вер. шир., въ 3 же вер. выше этого селенія опять суживается до 1 вер.; рѣка усѣяна островами и отмелями, почему здѣсь легко сбиться съ настоящаго фарватера и попасть на мель. Ширина рѣчной долины между Бейтоновой и Пермикиной отъ 2 до 3 вер., причемъ главное русло держится непосредственно у праваго нагорнаго берега, который только за $5^1/_2$ вер. выше Пермикиной отступаетъ на 1 версту отъ рѣки. Ниже Пермикиной верстъ на 12, какъ рѣчная долина, такъ и главное русло, съ островами и протоками, сохраняютъ ту же ширину. Въ $13^1/_2$ верстахъ ниже Пермикиной находится такъ называемый «Пермикинскій перекатъ»; фарватеръ рѣки здѣсь извилистъ, почему особенно опасенъ для пароходовъ съ баржами [2]).

Ниже устья небольшого праваго притока Койкукана, Амуръ снова собираетъ въ одно русло всѣ свои воды. Вблизи Койкукана Амуръ дѣлаетъ петлю и, круто измѣнивъ свое восточное направленіе на с.-с.-з., продолжаетъ затѣмъ уже течь почти прямо на сѣверъ. Правый берегъ Амура, покрытый здѣсь лѣсомъ, образуетъ постепенно возвышающіеся откосы, а передъ ними береговые луга и болота. Но ниже Койкукана берегъ этотъ быстро поднимается изъ русла рѣки и становится скалистымъ. Въ началѣ упомянутаго выше изгиба Амура лѣвый берегъ высокъ и на многихъ мѣстахъ образуетъ крутыя, скалистыя стѣны. Койкуканъ представляетъ незначительную рѣчку, которая при устьѣ своемъ течетъ по болотистому лугу, а выше его прокладываетъ себѣ путь въ довольно широкой долинѣ. Устье

---

[1]) См. Назарова, l. c., стр. 105.
[2]) См. Назарова, l. c., стр. 106.

Койкукана лежитъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Амуръ дѣлаетъ изгибъ къ с.-с.-з.

Около 10 верстъ ниже, съ лѣвой стороны, въ Амуръ впадаетъ другая, также незначительная, рѣчка Чалбуытъ, у которой расположенъ (въ 31 вер. ниже Пермикиной) выселокъ, названный *Бекетовскимъ*, въ честь одного изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ Амурской эпопеи XVII вѣка. Поселокъ этотъ послѣднее изъ приамурскихъ селеній Албазинскаго станичнаго округа. Отсюда ширина Амура снова увеличивается, острова попадаются чаще, теченіе поворачиваетъ сначала къ востоку, а потомъ снова къ юго-востоку. Послѣднее направленіе Амуръ удерживаетъ на пространствѣ 40 верстъ, т. е. до урочища Алавъ. На протяженіи отъ Бекетова до Алава то правый, то опять лѣвый береговой откосъ приближаются къ руслу рѣки. Однако же чаще случается это съ лѣвымъ берегомъ, въ которомъ то тамъ, то сямъ обнажаются основныя породы. Въ 6 вер. отъ Бекетовой находится перекатъ «Бекетовскій», проходимый при 4 фут. глубины.

Около 20 верстъ ниже Бекетовой въ Амуръ впадаетъ справа рѣчка, извѣстная у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Силярки. Правый берегъ Амура до этого мѣста образуетъ невысокія и не особенно крутыя стѣны, поросшія лѣсомъ. Откосы ихъ во многихъ мѣстахъ покрыты осыпью обломковъ горныхъ породъ. Выше Силярки береговыя стѣны правой стороны Амура опять постепенно удаляются отъ воды и смѣняются довольно обширнымъ береговымъ лугомъ, тянущимся до самаго устья упомянутой рѣчки. Противуположный, лѣвый, берегъ Амура скалистъ, состоитъ изъ толщъ конгломератовъ и мѣстами очень обрывистъ.

Около 8 верстъ ниже Силярки въ Амуръ слѣва впадаетъ крупная рѣчка Буринда, по обѣ стороны устья которой, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, тянется такъ называемый Буриндскій или Змѣиный лугъ. Этотъ лугъ сопровождаетъ далеко вверхъ теченіе рѣчки и заключаетъ не мало мелкихъ озеръ и болотъ. Въ 4 вер. отъ устья Буринды, въ 2 вер. отъ Амура и около 30 вер. ниже Бекетовой, расположенъ, принадлежащій уже къ Черняевскому станичному округу, *Толбузинскій* поселокъ.

Противъ этого поселка и немного выше его находится Толбузинскій перекатъ. Амуръ разливается здѣсь болѣе, чѣмъ на версту, образуя острова и отмели, но далѣе собирается въ русло, шириною не превышающее 200 саж. Немного ниже устья Буринды лѣвый нагорный берегъ, сопровождавшій съ лѣвой стороны долину Буринды, приближается къ Амуру са-

женъ на 150, затѣмъ, постепенно отходя отъ рѣки, образуетъ у Толбузиной и на 6 верстѣ ниже ея низменную лѣво-береговую долину, имѣющую до 4 вер. ширины; долина болотиста, усѣяна озерами и частью покрыта кустарникомъ, между тѣмъ какъ горные скаты лѣваго берега поросли высокими соснами, лиственницами, ильмами, черною березою и мелкимъ дубомъ. Правый нагорный берегъ на этомъ протяженіи опускается въ рѣку относительно пологими лѣсистыми скатами. На 6-й верстѣ ниже Толбузиной лѣвый нагорный берегъ подходитъ къ рѣкѣ скалистымъ обнаженіемъ и заставляетъ ее уклониться къ югу.

Ниже устья Буринды береговой откосъ, поднимающійся непосредственно изъ воды, сначала является довольно крутымъ и покрытымъ высокими соснами, лиственницами, ильмами, черною березой и мелкимъ дубомъ; потомъ откосы становятся еще круче и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ раскрываютъ большія обнаженія песчаника.

На 11-й верстѣ ниже Буринды въ Амуръ, справа, впадаетъ вышеупомянутая рѣчка Алавъ [1]), выше устья которой правая стѣна долины рѣзко отдѣляется отъ берега и образуетъ на небольшомъ пространствѣ скалистую, обнаженную стѣну. Потомъ стѣна эта понижается, описываетъ дугу и въ разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ устья снова возвышается почти прямо изъ русла. Вдающійся противъ устья Алава мысъ лѣваго берега пологій и имѣетъ не болѣе $1^1/_2$ вер. шир.

Отъ Алава Амуръ поворачиваетъ къ сѣверо-востоку и течетъ въ этомъ направленіи около восьми верстъ, постоянно сопровождаясь довольно отдаленными стѣнами рѣчной долины, которая мѣстами поросла здѣсь лиственнымъ лѣсомъ. Въ этой части теченія русло Амура суживается до 150 саж. Затѣмъ Амуръ поворачиваетъ на Ю.-В. и въ этомъ послѣднемъ направленіи течетъ около 18 верстъ, орошая берега открытой широкой долины и множества острововъ. На поворотѣ Амуръ разливается на 2 версты, обнимая своими рукавами островъ въ 1 вер. шир. и 3 вер. длины. Главное русло, въ 150 саж. шир., идетъ у лѣваго берега. На всемъ разсматриваемомъ пространствѣ правый береговой откосъ Амура не высокъ, пологъ и вообще болѣе или менѣе удаленъ отъ русла, между тѣмъ какъ лѣвый только рѣдко отдѣляется отъ воды береговою равниною, хотя, вообще говоря, онъ не скалистъ, покрытъ осыпями или хвойнымъ и лиственнымъ лѣсомъ.

---

1) См. Малкъ, l. c. II, стр. 17, и Назаровъ—Военно-статистическій очеркъ Амурской области, стр. 103 и далѣе.

На картѣ Военно-топографическаго отдѣла Главнаго Штаба—Аллавъ, а не Алавъ.

Ширина рѣки измѣняется здѣсь отъ 200 до 500 саж., причемъ ложе рѣки усѣяно отмелями и островками, расположенными ближе къ лѣвому берегу, а ширина собственно главнаго русла колеблется между 100 и 200 саженями, но достигаетъ иногда и 400 саженъ.

На 27 верстѣ отъ устья Алава Амуръ снова дѣлаетъ дугообразный поворотъ къ юго-западу и здѣсь, справа, его русло всюду сопровождаютъ луга. Береговыя горы приближаются только на крайнемъ юго-востокѣ петли, гдѣ русло Амура принимаетъ сѣверо-восточное направленіе. Здѣсь онѣ непосредственно омываются водами Амура и представляютъ совершенно оголенныя скалы песчаниковъ и конгломератовъ. Здѣсь же, на сѣверо-восточной оконечности упомянутой петли, впадаетъ въ Амуръ маленькая рѣчка Исяканъ (Амаканъ), близъ устья которой расположенъ *Ольгинскій* поселокъ.

Противъ Ольгина оба главныхъ русла Амура соединяются въ одно, шириною до 200 саж., и далѣе рѣка течетъ однимъ русломъ. Въ 3 вер. ниже Ольгина теченіе изъ восточнаго измѣняется въ юго-юго-в—ное, а рѣка разбивается тремя островами (отъ $1^1/_2$ до 2 вер. дл. и отъ $^1/_2$ до 1 вер. шир.) на четыре рукава, изъ которыхъ главнымъ русломъ (не болѣе 100 саж. шир.) служитъ второй отъ лѣваго берега. Здѣсь разстояніе между материковыми нагорными берегами достигаетъ 2-хъ верстъ. Лѣвый нагорный берегъ, приблизившись къ рѣкѣ уже въ $2^1/_2$ вер. выше Ольгина, передъ устьемъ Аяна, т. е. на $1^1/_2$ вер. выше Ольгиной, опять отступаетъ отъ ложа Амура на 1 версту. Ниже устья Аяна, у Ольгиной, и до поворота теченія изъ в—наго въ юго-юго-в—ное, на протяженіи $3^1/_2$ верстъ, лѣвый нагорный берегъ находится въ $2^1/_2$ вер. отъ рѣки, образуя болотистую долину (тунгузы называютъ ее Кольтою). На концѣ ея, какъ-разъ на поворотѣ, въ Амуръ впадаетъ слѣва р. Бугули. Она течетъ съ сѣвера на югъ; сопровождающія ея долину слѣва горы, обусловивъ поворотъ Амура къ юго-юго-востоку дѣлаются лѣвымъ нагорнымъ берегомъ Амура, непосредственно спускающимся въ ложе рѣки. Направленіе къ юго-юго-востоку Амуръ сохраняетъ на протяженіи 17 в.рстъ. На 2-ой вер. этого направленія четыре рукава Амура сливаются въ одно русло (шир. до 200 саж.), сжатое съ обѣихъ сторонъ нагорными берегами. На 5-й верстѣ въ Амуръ впадаетъ слѣва р. Ольга, довольно значительный притокъ, текущій изъ хребта Нюкжа по долинѣ, имѣющей $^1/_2$ версты ширины; непосредственно передъ ея устьемъ русло Амура суживается до 100 саж., причемъ правый берегъ опускается непосредственно въ рѣку, а

лѣвый отстоитъ отъ нея въ 200 саж. Ниже впаденія Ольги русло рѣки достигаетъ уже 300 саж., а еще 6 вер. ниже—1 версты, несмотря на то, что на этомъ протяженіи острововъ мало. Одинъ маленькій съ отмелью находится противъ устья Ольги, другой—у лѣваго берега, до 1 вер. дл. и 150 саж. шир., начинается въ 3 вер. ниже устья Ольги и отдѣляется отъ берега узкою, пересыхающею протокою; наконецъ, начинающаяся въ $^1/_2$ вер. ниже устья Ольги, у праваго берега, отмель съ островками, поросшими кустарникомъ на верхнемъ концѣ, тянется на $4^1/_2$ версты. Далѣе Амуръ разливается еще шире (болѣе 2 верстъ), разбиваясь островками на два главныхъ русла и нѣсколько второстепенныхъ протоковъ, причемъ главное русло слѣдуетъ у лѣваго берега. Два изъ этихъ острововъ, отдѣленные одинъ отъ другого узкимъ поперечнымъ протокомъ, тянутся по теченію рѣки на $5^1/_2$ верстъ. На всемъ протяженіи отъ устья Ольги лѣвый и правый нагорные берега отступаютъ отъ рѣки на значительное разстояніе (лѣвый на 2 версты), и Амуръ течетъ здѣсь по широкой долинѣ между низменными берегами. Оба эти берега въ сѣверной половинѣ разсматриваемаго направленія поросли кустарникомъ и лѣсомъ, а въ южной представляютъ мокрые луга. Послѣ 17 вер. ю.-ю.-в-наго теченія Амуръ поворачиваетъ на С.-В. и въ этомъ направленіи течетъ 9 верстъ. При поворотѣ рѣки къ С.-В. нагорные берега Амура снова приближаются къ рѣкѣ; правый крутыми скатами падаетъ въ рѣку до станицы Черняевой; лѣвый, приблизившись къ рѣкѣ нѣсколько выше станицы, сопровождаетъ русло на короткомъ разстояніи, а затѣмъ, отступя версты на 2, а у Черняевой на $3^1/_2$ вер. отъ русла, образуетъ, начиная уже за $2^1/_2$ вер. до Черняевой, низменность, поросшую кустарникомъ. Послѣ поворота рѣки къ С.-В. ширина ея уменьшается до 125 саж., но въ 3 вер. выше Черняевой островъ въ 3 вер. длины и 1 ширины разбиваетъ рѣку на два рукава, изъ коихъ главный идетъ у лѣваго, низменнаго, берега, а менѣе значительный у праваго, нагорнаго. Островъ разбитъ протоками; между нимъ и лѣвымъ берегомъ есть широкая, песчаная отмель съ островкомъ. Ширина главнаго лѣваго русла у Черняевой 150 саж., а всей рѣки съ островами и протоками—$1^1/_2$ версты. *Черняевская* станица,—главная въ станичномъ округѣ, растянутомъ по Амуру на 115 верстъ.

Отъ Черняевой Амуръ течетъ на Ю.-В. 6 вер., при ширинѣ съ отмелями отъ 200 до 400 саж. Съ лѣвой стороны рѣки тянется низменная, болотистая долина въ $3^1/_2$ вер. шириною, замыкаемая съ С.-В. лѣсистымъ нагорнымъ берегомъ, падающимъ въ долину отлогими скатами. Долина эта пересѣкается

рѣкою Гирбаланомъ (у Назарова Горбалянъ), берущею начало въ хребтѣ Нюкжа и впадающею въ Амуръ въ $2^1/_2$ вер. ниже Черняевой. Противъ устья этого притока крутой, правый, нагорный берегъ удаляется отъ рѣки въ ю.-з. направленіи, рѣка же течетъ на Ю.-В. еще $3^1/_2$ версты, послѣ чего, приблизившійся лѣвый нагорный, крутой и лѣсистый, берегъ заставляетъ рѣку повернуть круто на З. Въ этомъ направленіи Амуръ течетъ $3^1/_2$ версты въ одномъ руслѣ, въ 250 саж. ширины; встрѣтивъ же правый нагорный берегъ, тянущійся въ южномъ направленіи, вмѣстѣ съ нимъ направляется, послѣ крутого поворота, къ Югу и течетъ въ этомъ направленіи $7^1/_2$ верстъ, при ширинѣ въ первой половинѣ этого теченія отъ 125 до 250 саж., а во второй отъ 250 до 400 саж., считая въ томъ числѣ и два острова, поросшіе кустарникомъ и тянущіеся по теченію на $3^1/_2$ версты, при ширинѣ въ 125 саж. На этомъ протяженіи правый берегъ круто падаетъ въ рѣку, а лѣвый спускается пологимъ скатомъ, оставляя между своею подошвою и ложемъ рѣки узкую, низменную долину, расширяющуюся только у устьевъ рѣкъ Тороя и Кадовли. Въ 3 вер. ниже устья Кадовли лѣвый нагорный берегъ становится крутымъ, а правый понижается и становится пологимъ. Это обстоятельство заставляетъ рѣку повернуть къ З. и течь въ этомъ направленіи $4^1/_2$ версты. При изгибѣ Амуръ разливается до 2 верстъ вслѣдствіе образованія въ его руслѣ трехъ острововъ, тянущихся на 3 версты, причемъ противолежащій имъ лѣвый берегъ падаетъ въ русло круто и обрывисто до устья р. Буйвуликана, противъ котораго рѣка течетъ однимъ русломъ. Отъ устья Буйвуликана лѣвый нагорный берегъ спускается пологимъ скатомъ къ берегу Амура, зато правый падаетъ въ рѣку крутыми утесами, измѣняя ея теченіе въ юго-западное, а черезъ 3 версты—въ южное, въ которомъ Амуръ и течетъ $5^1/_4$ верстъ. На всемъ этомъ протяженіи правый нагорный берегъ обрывистъ; лѣвый спускается пологими скатами къ рѣкѣ, текущей въ одномъ руслѣ, сначала имѣющемъ 125 саж. шир., а въ концѣ южнаго теченія — 400 саж. Затѣмъ Амуръ поворачиваетъ къ ю.-в. и разливается сначала на 1, потомъ на 2 версты, наполняясь 8 островами и отмелями На всемъ 4-хъ верстномъ теченіи рѣки въ этомъ направленіи оба нагорные берега отступаютъ отъ нея, образуя по обѣ стороны луговыя долины. При поворотѣ затѣмъ рѣки на 2 версты къ С.-В. и далѣе къ Ю.-В., сначала правый, а потомъ лѣвый берегъ прижимаются къ рѣкѣ, заставляя ее течь въ послѣднемъ направленіи въ одномъ руслѣ 7 верстъ до поселка *Кузнецова*, расположеннаго въ $1^1/_2$ верстахъ ниже устья рѣки Мората. Ши-

рина рѣки здѣсь около 250 саж.; правый нагорный берегъ противъ устья Мората отступаетъ отъ рѣки саженъ на 300, образуя противъ Кузнецова луговую долину. Лѣвый нагорный берегъ отъ устья Мората также отступаетъ отъ рѣки саженъ на 200, затѣмъ приближается къ рѣкѣ и скоро снова отдаляется, образуя узкую долину, въ которой и расположенъ поселокъ, въ 35 вер. ниже станицы Черняевой.

Ниже Кузнецова долина Амура сильно расширяется, принимая въ себя съ лѣвой стороны долины двухъ небольшихъ притоковъ Ангана и Ангачана. До Ангачана на 4 версты отъ Кузнецова Амуръ все еще течетъ къ Ю.-В., а ниже Ангачана поворачиваетъ къ Ю.-З. Въ 1/2 верстѣ ниже Кузнецова узкая протока отрѣзаетъ отъ лѣваго низменнаго берега два узкихъ (въ 100 саженъ ширины) лѣсистыхъ острова, тянущихся вдоль теченія на 3 версты. Отъ устья Ангачана Амуръ поворачиваетъ къ Ю.-З. и течетъ въ этомъ направленіи верстъ 7 однимъ русломъ въ 250 саженъ ширины. Въ 1 1/2 верстахъ отъ устья Ангачана лѣвый берегъ приближается къ водѣ и круто опускается въ рѣку на протяженіи 4 верстъ; правый же нагорный берегъ тянется отъ нея въ 3/4 версты, но къ концу юго-западнаго направленія приближается къ рѣкѣ и заставляетъ ее повернуть къ В. Въ этомъ восточномъ направленіи Амуръ течетъ 5 верстъ однимъ русломъ, при ширинѣ въ 250 саженъ, затѣмъ поворачиваетъ на Ю.-В. и течетъ въ этомъ направленіи 8 1/2 верстъ до поселка Ермакова. На этомъ протяженіи, какъ и на предыдущемъ, лѣсистые нагорные берега своимъ отступленіемъ отъ русла образуютъ незначительной ширины низменныя прибрежныя долины, рѣка же, текущая въ одномъ руслѣ, расширяется до 400 саженъ. Въ 1 1/2 верстѣ ниже Ермакова впадаетъ въ Амуръ р. Ононъ, крупный лѣвый притокъ Амура. Противъ этой рѣки, текущей въ широкой долинѣ, впадаетъ въ Амуръ справа небольшая рѣчка Первая Бургали [1]).

Ниже устья Онона Амуръ разливается до 1 вер. и поворачиваетъ къ Ю.-Ю.-З.; на немъ появляется множество острововъ. Правый берегъ рѣки отлогъ и поросъ лѣсомъ, тогда какъ лѣвый, немного ниже Онона, непосредственно приближается къ Амуру своими скалами и крутыми откосами. Здѣсь въ Амуръ, справа, впадаетъ еще одна рѣчка съ именемъ Бургали—«Вторая», по счету [2]), а нѣсколько ниже ручеекъ Улёкча. Между устьями

---

1) Нижній Мурджаликъ? Надо замѣтить, что въ этомъ участкѣ названія, даваемыя Маакомъ для многихъ урочищъ, отличаются отъ тѣхъ, которыя приняты на послѣдней картѣ Военно-топографическаго отдѣла Главнаго Штаба. Но это разногласіе не касается важныхъ пунктовъ.

2) Рѣки, соотвѣтствующей Второй Бургали, вовсе нѣтъ на вышеупомянутой картѣ.

этихъ рѣчекъ, на правой сторонѣ Амура, изъ рѣчного русла подымается не очень высокая, поросшая лѣсомъ, береговая стѣна, которая и образуетъ при устьѣ Улёкчи выдающуюся гранитную скалу. Скала эта и находящійся у ея подошвы водоворотъ пользуются плохою репутаціей, будучи причиной многихъ несчастій какъ съ людьми, такъ и съ ходящими здѣсь небольшими судами. Она находится въ 10½ вер. ниже устья Онона; между этимъ устьемъ и «Водоворотнымъ утесомъ» въ руслѣ Амура находится 13 острововъ, поросшихъ лѣсомъ и кустарникомъ. Лѣвыя береговыя высоты долины Онона, въ 1 вер. ниже его устья, приближаясь къ руслу Амура, падаютъ въ рѣку крутою гранитною стѣной; правый же нагорный берегъ, отступивъ отъ рѣки, образуетъ широкую и лѣсистую правобереговую долину, которая оканчивается у подошвы «Водоворотнаго утеса».

Отъ устья Улёкчи Амуръ, повернувъ на В., не имѣетъ острововъ и течетъ на протяженіи 3-хъ верстъ въ этомъ направленіи до устья Третьей Бургали въ одномъ руслѣ, до 250 саж. шир. На лѣвомъ его берегу, у почтовой станціи Цагаянъ, открывается обширное луговое пространство, которое, ниже упомянутой рѣчки, смѣняется высокою береговою стѣной, поднимающеюся непосредственно изъ русла рѣки. Стѣна эта образуетъ скалистый выступъ, состоящій изъ гранита и на гладкой вершинѣ своей поросшій мохомъ. По сходству съ коротко обстриженной головой ламы манягры называютъ его «Лама-хадаръ», т. е. скалой Ламы.

Берега Амура отъ Лама-хадаръ на протяженіи 1½ версты имѣютъ крутые откосы. Мѣсто это называется Цагаянъ[1]) и почитается у всѣхъ приамурскихъ народовъ, не выключая и китайцевъ, мѣстомъ священнымъ.

Цагаянъ имѣетъ до 200 ф. высоты надъ уровнемъ рѣки и состоитъ изъ грязно-желтаго песчаника горизонтальнаго напластованія[2]). На двухъ третяхъ его высоты (среди этого песчаника) проходятъ два, невысоко одинъ надъ другимъ лежащіе, горизонтальные же и тонкіе слои буро-чернаго цвѣта—бурый

---

[1]) По Мааку «Ча-ха-янь-хада» (кит.), что значитъ—«мѣсто пограничной скалы».

[2]) Относительная высота Цагаяна около 250 ф. Дыма на этихъ горахъ не удалось видѣть ни одному изъ первыхъ изслѣдователей страны. Шперкъ пишетъ однако: «...живописный Цагаянъ, о которомъ каждый путешественникъ не опускаетъ случая поговорить, такъ какъ это дѣйствительно одно изъ самыхъ живописныхъ мѣстъ верховій Амура. Рѣка течетъ очень быстро у подножія скалы, имѣющей полукруглую форму и представляющей отвѣстную стѣну въ нѣсколько (?) сотъ футъ, состоящую изъ бѣлыхъ и желтыхъ пластовъ песчаника съ черными, въ верхней своей части, полосками торфа (бураго угля), очень часто дымящагося» (l. c., стр. 172). Ср. также Шмидтъ—«Труды Сибирской экспедиціи», Физическій отдѣлъ I, стр. 64 и Кеппенъ—«Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго Общества» 1873, VI, № 4, стр. 165.

каменный уголь. У Цагаяна Амуръ дѣлаетъ замѣчательную дугу, измѣняя свое теченіе изъ восточнаго сначала въ южное, а потомъ въ западное и огибая этимъ 6 верстнымъ теченіемъ мысообразно вдающуюся въ его извилину право-береговую долину. На этомъ изгибѣ ширина рѣки измѣняется отъ 250 саж. до $1\frac{1}{4}$ версты; въ наиболѣе широкихъ мѣстахъ отъ береговъ отдѣляются острова. Отъ изгиба своего Амуръ течетъ къ юго-западу на протяженіи 11 верстъ. Правый нагорный берегъ здѣсь невысокъ, лѣсистъ и спускается къ рѣкѣ террасовидными уступами. Лѣвый же нагорный берегъ, закончивъ Цагаянъ гранитнымъ выступомъ въ рѣку тамъ, гдѣ она мѣняетъ свое направленіе изъ западнаго въ юго-западное, слѣдуетъ еще близко отъ воды версты на двѣ, а затѣмъ отступаетъ отъ ея русла сажень на 100 и продолжается такъ, то отступая отъ рѣки, то подступая къ ней на всемъ протяженіи ея теченія къ юго-западу. Правый же берегъ на этомъ протяженіи невысокъ и довольно близко подходитъ къ плёсу Амура. Онъ или покрытъ лѣсомъ, или представляетъ террасовидные уступы, по которымъ къ руслу рѣки Амура тянутся береговые луга, покрытые высокою травой и заключающіе на днѣ своихъ корытообразныхъ углубленій небольшія болота и, вообще, разныя скопленія болѣе или менѣе чистой воды.

Послѣ упомянутыхъ 11 верстъ теченія къ юго-западу, Амуръ поворачиваетъ къ юго-востоку и въ этомъ направленіи течетъ 15 верстъ до поселка *Аносова* и еще 4 версты далѣе, до устья лѣваго своего притока Улмына. Въ началѣ юго-восточнаго теченія Амура ширина его 250 саж.; съ 3-й версты рѣка начинаетъ расширяться, и русло ея наполняется островами, такъ что на 10 верстахъ дальнѣйшаго теченія насчитывается 15 острововъ, изъ которыхъ 7 значительныхъ. На 4-й верстѣ юго-восточнаго теченія ширина рѣки 500 саж. на 7-й—$1\frac{1}{2}$ версты, противъ Аносова, гдѣ рѣка течетъ въ одномъ руслѣ—400 саж., а немного ниже даже только 300 саж. Правый нагорный берегъ на всемъ юго-восточномъ теченіи опускается непосредственно въ воду террасовидными уступами, но, вообще, невысокъ и поросъ лиственными и хвойными деревьями. Противъ Аносова онъ сразу отступаетъ отъ ложа Амура, образуя обширную право-береговую долину. Лѣвый нагорный берегъ на первыхъ 7 вер. юго-восточнаго теченія, слѣдуя въ 200—400 саж. отъ рѣки, ниже приближается къ самому руслу, но версты за 2 выше Аносова сразу отступаетъ отъ ложа Амура, образуя широкую лѣво-береговую долину, изрѣзанную заливами. По ней прокладываютъ себѣ путь три лѣвые притока Амура: Безы-

мянная, Улмынъ и Инноканъ. Такимъ образомъ у Аносова, по обоимъ берегамъ рѣки образуются обширныя луговыя долины, поросшія высокою, травяною растительностью, и горы видны здѣсь только на дальнемъ горизонтѣ. Верстахъ въ 6 отъ Аносова на р. Инноканѣ расположено крестьянское селеніе *Ново-Воскресенское.*

Отъ устья Иннокана Амуръ поворачиваетъ на юго-юго-западъ и въ этомъ направленіи течетъ 12 верстъ по широкой, открытой долинѣ изрѣзанной какъ справа, такъ и слѣва отъ рѣки, логами, протоками, наполняющимися водою при прибыли и высыхающими въ мелководье, озерами, удлиненными въ направленіи теченія рѣки, рѣками и ручьями. Въ большую воду сухопутное сообщеніе по этимъ мѣстамъ очень затруднительно: вся мѣстность обращается въ архипелагъ острововъ; нагорные берега долины видны только въ отдаленіи. Ширина теченія Амура здѣсь—$3^1/_2$ версты, при ширинѣ главнаго русла отъ 150 до 300 саж.. Небольшіе острова отрѣзаются преимущественно отъ праваго берега; нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ до 2 саж. высоты; меньшіе изъ острововъ заросли ивами; рѣдко растутъ на нихъ небольшія сосны и лиственницы, а чаще—осины, тополи, ясени, ильмы, дикія яблони и черемуха.

Послѣ 12 верстнаго юго-юго-западнаго теченія, лѣвый нагорный берегъ приближается къ ложу Амура, поворачивающаго на западъ и текущаго въ этомъ направленіи 5 вер. однимъ русломъ, шир. отъ 250 до 300 саж. На этомъ протяженіи лѣвый берегъ, выдавшись на 1-й верстѣ гранитною скалою въ воду, затѣмъ нѣсколько отступаетъ отъ русла, слѣдуя отъ него далѣе уже въ разстояніи отъ 100 до 200 саж. Мысъ этотъ, вѣроятно, тотъ самый, который на прежнихъ картахъ названъ мысомъ Козакевича, а у туземцевъ назывался Иликанъ. Правый же нагорный берегъ на этомъ западномъ теченіи, проходя въ отдаленіи, образуетъ широкую, низменную долину, прорѣзываемую длинными и узкими протоками. Послѣ 5 вер. западнаго теченія Амуръ поворачиваетъ на югъ и въ этомъ направленіи течетъ 10 верстъ однимъ русломъ, отъ 200 до 400 саж. шириной. На половинѣ этого протяженія, на лѣвомъ берегу Амура, находится станція *Кольцова.* Двѣ версты выше станціи подходитъ близко къ рѣкѣ правый нагорный берегъ, а за 1 версту—и лѣвый; такъ что на одной верстѣ теченія Амуръ стѣсненъ нагорными берегами, но у Кольцовой лѣвый берегъ отходитъ отъ рѣки на $3^1/_2$ версты, образуя широкую низменную долину, изрѣзанную логами, наполняющимися водою при высокомъ ея стояніи и сопровождающую теченіе Амура до конца его юж-

наго направленія. Правый же нагорный берегъ, подойдя близко къ рѣкѣ на 3-й верстѣ южнаго ея теченія и образуя здѣсь такъ называемую нынѣ Масличную гору, слѣдуетъ и далѣе близко отъ русла, отходя лишь отъ него саж. на 150 противъ станціи Кольцовой; въ полуверстѣ ниже ея онъ снова приближается къ руслу и падаетъ въ него скалистыми обнаженіями, на послѣднихъ же трехъ верстахъ южнаго теченія отступаетъ отъ рѣки на разстояніе отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ версты. Пять вер. ниже Кольцовой Амуръ поворачиваетъ къ юго-юго-востоку и течетъ въ этомъ направленіи 23 версты, затѣмъ снова—въ южномъ направленіи 13 верстъ и, наконецъ,—въ юго-западномъ 5 верстъ, до устья большого праваго притока Кумары. Лѣвый нагорный берегъ находится на всемъ этомъ притяженіи въ отдаленіи отъ рѣки. Въ самой широкой части лѣво-береговой долины, на 3-й вер. теченія Амура къ ю-ю-з. имѣется на ней нѣсколькихъ озеръ особенно значительныхъ по длинѣ (до $2\frac{1}{2}$ верст.). На 7 верстѣ этого теченія (на 14-й отъ Кольцовой) на лѣвомъ берегу Амура расположенъ поселокъ *Ушаковскій*, а верстахъ въ 24 ниже его—станція *Александровка,* отъ которой до Старо-Кумарской станицы, расположенной немного ниже устья большого праваго притока Амура, Кумары — 21 верста. Прямо противъ устья Кумары лѣвый нагорный берегъ, подходя къ руслу рѣки упирается въ воду высокимъ скалистымъ утесомъ, носящимъ названіе мыса Карсакова. У туземцевъ этотъ мысъ называется Лангоперъ, у манджуровъ Дашихада; на вершинѣ его стоитъ крестъ. Правый нагорный берегъ въ 8 верстахъ ниже Кольцовой, т. е. въ 3 отъ поворота рѣки къ ю-ю-в., приближается къ водѣ и опускается въ нее на протяженіи 4 верстъ крутыми возвышенными и поросшими лѣсомъ скатами, затѣмъ, то слегка отступая то опять приближаясь, сопровождаетъ рѣку такимъ образомъ около 7 верстъ, а затѣмъ отступаетъ отъ нея на $\frac{3}{4}$ версты, а черезъ 4 версты на такое значительное разстояніе, что право-береговая долина, недоходя устья Кумары, имѣетъ уже отъ 4 до 8 верстъ ширины. Нагорные берега покрыты лѣсомъ; на долинѣ разсѣяны группы лиственныхъ деревьевъ. На 23-й верстѣ отъ Кольцовой Амуръ разливается въ ширину до версты слишкомъ, при чемъ у праваго берега образуется группа въ 4 островка, изъ которыхъ два значительныхъ по величинѣ оставляютъ для главнаго русла только 250 сажень. На 25-й верстѣ Амуръ сливается въ одно русло, шириной въ 450 сажень, а на 28-й суживается до 300 сажень, но затѣмъ на 32-й, подойдя подъ лѣвый нагорный берегъ, разбивается большимъ числомъ громадныхъ острововъ на множество протокъ и руслъ, при

чемъ главное изъ нихъ имѣетъ ширину отъ 200 до 400 саж., а вся ширина теченія—отъ $2^1/_2$ до 4 верстъ; острововъ насчитываютъ здѣсь 21; 7 изъ нихъ имѣютъ отъ 2 до 4 вер. длины, поросли они лиственнымъ лѣсомъ или кустарникомъ. За 5 верстъ выше устья Кумары рѣка собирается въ одно русло до $^3/_4$ версты ширины.

Правый высокій берегъ, подходя къ Амуру, упирается въ него, самая же рѣка отъ мыса Карсакова измѣняетъ свое направленіе изъ юго-западнаго въ восточное, которое и сохраняетъ на протяженіи 15 верстъ. Отъ мыса Карсакова лѣвый берегъ нѣсколько отступаетъ отъ рѣки, образуя здѣсь луговую долину, въ 1 версту ширины, на которой, въ 2 верстахъ ниже мыса Карсакова, расположена *Старо-кумарская* станица, а въ 9 верстахъ ниже ея при устьѣ рѣчки Береи — *Ново-кумарскій* выселокъ. Между станицею и поселкомъ, въ 5 верстахъ отъ перваго, лѣвый нагорный, лѣсистый берегъ подступаетъ къ рѣкѣ, но потомъ опять отступаетъ отъ нея Берея беретъ начало въ хребтѣ Нюкжа и въ своей южной части течетъ по широкой долинѣ. При впаденіи Береи и ниже, у праваго берега имѣется 6 маленькихъ острововъ.

Отъ устья Береи Амуръ круто поворачиваетъ къ Ю.-Ю.-З. и въ этомъ направленіи течетъ $11^1/_2$ верстъ. На этомъ протяженіи имѣются три значительные острова: одинъ изъ нихъ на 4-й верстѣ отдѣляется отъ лѣваго берега узкимъ протокомъ и имѣетъ до $2^1/_2$ верстъ длины, при 250 саженъ ширины, два другіе, отдѣленные отъ праваго берега и между собою узкими протоками, имѣютъ отъ $1^1/_2$ до 2 верстъ длины, при ширинѣ отъ 50 до 200 саженъ; главное русло имѣетъ ширины 200 саженъ. При концѣ упомянутаго направленія рѣка собирается въ одно русло, шириною не болѣе 150 саженъ, поворачиваетъ къ Ю.-В. и въ этомъ направленіи течетъ 9 верстъ однимъ русломъ шириною отъ 200 до 400 саженъ. Лѣвый нагорный берегъ, сопровождавшій русло рѣки при ея теченіи къ Ю.-Ю.-З., послѣ поворота ея къ Ю.-В., отходитъ отъ рѣки версты на $1^1/_2$, давая нѣкоторый просторъ луговой долинѣ, которую, впрочемъ, опять суживаетъ при концѣ Ю.-В. теченія, подходя близко къ рѣкѣ. На срединѣ этой луговой долины расположенъ поселокъ *Симоновскій,* отстоящій въ 22 верстахъ отъ Старо-Кумарской станицы. Правый же нагорный берегъ, отъ самаго устья Кумары сопровождающій русло Амура, на всемъ протяженіи его юго-восточ. теченія слѣдуетъ у воды, большею частію, крутою скалистою стѣною, мѣстами же представляетъ уступообразные откосы, поросшіе березою, дубомъ и разнообраз-

нымъ кустарникомъ. Кое-гдѣ изъ скалистаго гребня выдѣляются конусообразныя сопки; откосы прорыты глубокими и красиво обросшими зеленью оврагами. За полторы версты до конца Ю.-В. теченія правый нагорный берегъ отступаетъ отъ русла рѣки какъ разъ противъ того мѣста, гдѣ къ рѣкѣ подходитъ лѣвый. Это обстоятельство и обусловливаетъ тотъ крутой поворотъ рѣки, которымъ начинается замѣчательная Улусомодонская петля. Петля эта двойная; теченіе Амура уподобляется здѣсь сдавленному сверху и снизу вопросительному знаку, при чемъ Амуръ однимъ русломъ, шириною отъ 250 до 400 саженъ, обтекаетъ два полуострова: одинъ изъ нихъ принадлежащій лѣвому русскому побережью, другой правому китайскому. Каждый изъ нихъ имѣетъ въ окружности или, лучше сказать, въ обхватѣ его рѣкою, отъ 30 до 35 верстъ и соединяется со своимъ материкомъ узкимъ перешейкомъ: русскій въ одну, китайскій въ $^1|_2$ версты ширины. На перешейкѣ перваго, т.-е. русскаго полуострова расположенъ поселокъ *Карсаковскій*, а противъ перешейка второго—китайскаго, на русскомъ, лѣвомъ берегу—поселокъ *Буссе*. Оба полуострова возвышены, поросли мѣшаннымъ лѣсомъ и опускаются къ рѣкѣ иногда высокими и крутыми берегами, а въ перешейкѣ сильно понижаются. Въ руслѣ рѣки, на всей Улусо-модонской петлѣ встрѣчается мало острововъ; лѣвая береговая возвышенность между Карсаковскимъ и Буссевскимъ поселкамъ тянется у самой воды, раскрываетъ многія обнаженія и только въ верстѣ выше Буссе отступаетъ отъ рѣки, давая мѣсто рѣчкѣ Громотухѣ, впадающей въ Амуръ слѣва, въ $^1|_2$ верстѣ отъ Буссевскаго поселка. На 200-верстномъ разстояніи, отъ Цагаяна до Буссе, глубина рѣки вездѣ достаточна для судоходства, даже въ мелководье, и перекатовъ нигдѣ нѣтъ, глубина же колеблется отъ 8 до 16 футовъ, иногда достигая 20—25 футовъ и очень рѣдко падая до 8—9 футовъ.

Ниже поселка Буссе Амуръ продолжаетъ течь къ Ю.-Ю.-З. 5 вер. однимъ русломъ имѣющимъ отъ 300 до 400 саж. ширины. При концѣ этого теченія отъ праваго берега отдѣляется узкимъ протокомъ островъ въ $2^1|_2$ вер. длины. Лѣвый нагорный берегъ отъ Буссе тянется близко отъ рѣки, но $2^1|_2$ вер. ниже отступаетъ отъ нея на 1 — 2 вер. и держится на этомъ разстояніи не только до конца Ю.-Ю.-З. теченія, но и по перемѣнѣ направленія рѣки. Правый нагорный берегъ опускается прямо въ рѣку обнаженными порфировыми утесами. Измѣнивъ свое направленіе, Амуръ течетъ къ Ю.-Ю.-В. на протяженіи 16 вер. однимъ русломъ, шириною отъ 300 до

400 саж. Въ руслѣ этомъ встрѣчаются только мелкіе островки, то у праваго, то у лѣваго берега. На этомъ теченіи лѣвый нагорный берегъ отстаетъ отъ русла на $1^1/_2$—2 вер., образуя луговую долину. Правый нагорный берегъ на первыхъ 4 вер. Ю.-Ю.-В. теченія продолжаетъ опускаться круто въ воду, а затѣмъ также отступаетъ отъ рѣки, образуя право-береговую низменную долину. Нагорныя высоты имѣютъ округленную поверхность. Въ $2^1/_2$ вер. выше перемѣны направленія Амура, въ него впадаетъ справа р. Ганъ. Ниже ся правый нагорный берегъ приближается къ самому руслу рѣки, которая измѣняетъ свое направленіе въ Ю.-В-ное, въ коемъ и течетъ 5 верстъ, до выселка *Сухотина* (Степанова), затѣмъ — 32 вер., до поселка *Бибикова* и далѣе еще 11 вер. все въ томъ же направленіи и въ одномъ руслѣ, отъ 300 до 400 саж. ширины. Начавшаяся еще въ $2^1/_2$ вер. ниже Буссе и изборожденная логами лѣво-береговая долина прекращается на 7-й вер. Ю.-В. теченія, гдѣ лѣвый нагорный берегъ подходитъ къ рѣкѣ, между тѣмъ какъ правый дѣлаетъ тоже самое уже 7 вер. выше. Отсюда Амуръ течетъ на протяженіи свыше 15 вер., обставленный нагорными берегами, представляющими обнаженія вулканическихъ породъ (базальтъ). Далѣе правый нагорный берегъ рѣки отступаетъ сначала саж. на 150, а потомъ—на 250 саж. и, наконецъ,—на цѣлую версту, образуя долину, которая тянется на $15^1/_2$ верстъ и прекращается только вновь подступившимъ къ рѣкѣ правымъ берегомъ лишь въ верстѣ ниже Бибиковой, по впаденіи справа рѣчки Кырулукъ. Лѣвый же нагорный берегъ съ тѣхъ поръ, какъ подошелъ къ рѣкѣ, далѣе все время уже слѣдуетъ у рѣки, отходя отъ нея только въ 5 вер. отъ Бибиковой. У Бибиковой лѣво-береговая долина имѣетъ уже 1 вер. ширины. а ниже — 4 вер., а при поворотѣ Амура изъ ю.-в-наго направленія въ ю.-ю.-в-ное, лѣвыя береговыя возвышенности теряются въ видѣ холмовъ на отдаленномъ горизонтѣ. Правый нагорный берегъ, подойдя ниже Бибиковой къ рѣкѣ, далѣе слѣдуетъ у самой воды на протяженіи $4^1/_2$ вер. Далѣе правый нагорный берегъ отступаетъ отъ воды, а поворотъ рѣки отъ Ю.-В. къ Ю. - Ю. - В. образуетъ мысообразную, луговую долину. На всемъ 47-верстномъ теченіи къ Ю.-В. острова въ руслѣ рѣки встрѣчаются такъ рѣдко, что ихъ можно насчитать только 7. На концѣ Ю.-В. теченія расположены: въ $9^1/_2$ вер. ниже Бибиковой маленькое селеніе *Сергіевское,* а 2 вер. далѣе духоборское—*Ново-покровское.*

Въ Ю.-Ю.-В. направленіи Амуръ течетъ 18 вер. до станицы *Екатерининской,* однимъ русломъ, отъ 250 до 350 саж.

шир. Правый нагорный берегъ, подойдя къ водѣ на 5-й верстѣ Ю.-Ю.-В. теченія, слѣдуетъ у самой воды 11 вер. и только въ $2^1/_2$ вер. выше Екатерининской отступаетъ отъ рѣки. Лѣвая же прибрежная долина, начавшись у Бибиковой и постепенно расширившись до 10 вер., затѣмъ у поворота рѣки къ Ю.-Ю.-В. суживается до 4 вер. и тянется такимъ образомъ до Екатерининской. Долина въ иныхъ мѣстахъ поросла рощами лиственныхъ деревьевъ и кустарниковъ, на большемъ же пространствѣ представляетъ довольно возвышенныя луговыя площади На склонахъ нагорныхъ береговъ растетъ дубовый и орѣховый кустарникъ, строевые же лѣса отдалились въ глубь материка.

Отъ Екатерининской станицы Амуръ поворачиваетъ къ Ю.-Ю.-З. и въ этомъ направленіи течетъ $15^1/_2$ верстъ, разбиваясь многими островами. Ширина главнаго русла отъ 200 до 400 саж., полная же ширина рѣки съ островами и протоками здѣсь—до 2 верстъ. Острововъ здѣсь насчитывается 12; изъ нихъ три значительныхъ (до 2 вер. длины). Какъ справа, такъ и слѣва Амуръ сопровождается здѣсь широкими низменными долинами. Тутъ лѣваго берега долины съ рѣки и не видно. Долина изборождена логами, въ половодье наполняющимися водою; въ верстѣ ниже Екатерининской расположено Долгое озеро, имѣющее 6 вер. длины, при ширинѣ отъ 20 до 30 саж. Долина имѣетъ, по преимуществу, луговую растительность, но мѣстами поросла и кустарникомъ. Правый нагорный берегъ, отстоящій отъ русла рѣки отъ $1^1/_2$ до $3^1/_2$ вер., довольно возвышенъ и поросъ смѣшаннымъ лѣсомъ. Изъ Ю.-Ю.-З. направленія Амуръ поворачиваетъ къ Ю.-Ю.-В. и въ этомъ направленіи течетъ 5 вер., до поселка *Игнатьева* и еще 2 вер., до впаденія рѣчки Грязнухи. Въ первой половинѣ теченія въ этомъ направленіи Амуръ течетъ однимъ русломъ, шириною въ 250 саж., затѣмъ расширяется до 350 саж., при чемъ у лѣваго берега образуется островъ, а противъ Игнатьевой ширина теченія уже доходитъ до 2 верстъ вслѣдствіе того, что отъ праваго берега отдѣляется нешироким протокомъ островъ, до $1^1/_2$ вер. длины, при ширинѣ $^3/_4$ версты. Характеръ долины на всемъ 7-верстномъ протяженіи не измѣняется, и она сохраняетъ ту же ширину.

Отъ устья Грязнухи Амуръ поворачиваетъ къ Ю.-Ю.-З. и течетъ въ этомъ направленіи 11 вер. Ниже устья Грязнухи отъ лѣваго берега отдѣляется островъ протокою въ 100 саж. шир., между тѣмъ какъ главное русло имѣетъ здѣсь отъ 250 до 300 саж. шир. За этимъ островомъ Амуръ течетъ уже однимъ русломъ, достигая въ концѣ описываемаго направленія

1 вер. шир. Отъ впаденія Грязнухи лѣвый нагорный берегъ этой рѣчки становится лѣвымъ нагорнымъ берегомъ Амура и мѣстами обрывается въ рѣку утесами, сопровождая ея русло на 9 вер., а затѣмъ, уперщись въ рѣку въ послѣдній разъ высокой скалой, отступаетъ отъ нея. Правый же нагорный берегъ долины продолжаетъ отстоять отъ рѣки на $3^1|_2$ версты и только за 12 верстъ до ея поворота, т.-е. прямо противъ того мѣста, гдѣ отступаетъ отъ рѣки лѣвый нагорный берегъ, приближается къ рѣкѣ. Подъ вліяніемъ этого приближенія, Амуръ поворачиваетъ на Ю.-В. и течетъ въ этомъ направленіи 8 вер. до поселка *Верхне-Благовѣщенскаго,* отъ него—7 вер. до города Благовѣщенска и, наконецъ, еще $7^1|_2$ вер, до устья Зеи, почти все время однимъ русломъ, шириною до Благовѣщенска отъ 300 до 350 саж., у нижняго конца города—400, передъ сліяніемъ съ Зеею—500, у самаго сліянія—700, а ниже сліянія—1000 саж. Острова имѣются выше и противъ Верхне-Благовѣщенскаго; въ этомъ послѣднемъ пунктѣ одинъ за другимъ—три острова, длиною до 1 вер., шириною 50 саж. Далѣе острова находятся уже ниже города, предъ сліяніемъ Амура съ Зеею: три изъ нихъ значительны и расположены у манджурскаго берега а одинъ небольшой—передъ устьемъ Зеи, посреди рѣки. Острова поросли высокою травою, а, отчасти, и кустарникомъ. Правый нагорный берегъ, подошедшій къ руслу рѣки уже за 2 вер. ранѣе ея поворота къ Ю.-В., слѣдуетъ у самой воды, изрѣдка оставляя передъ собою маленькія луговины. Противъ Верхне-Благовѣщенскаго правый нагорный берегъ представляется значительной высоты хребтомъ, иногда обнаженнымъ отъ лѣсной растительности. Въ $1^1|_2$ верстѣ отъ Благовѣщенска правый нагорный берегъ, понизившись, отступаетъ отъ рѣки на далекое разстояніе, образуя на десятки верстъ широкую луговую долину. Лѣвый нагорный берегъ, отступивъ, за 2 версты отъ поворота рѣки къ Ю.-В., отъ ея русла саж. на 200, послѣ поворота рѣки держится отъ ея русла отъ $^3|_4$ до 1 вер., образуя отчасти луговую, отчасти нѣсколько возвышенную и сухую, а отчасти болотистую долину. Лѣвый нагорный берегъ долины имѣетъ малое возвышеніе надъ нею, представляя собою какъ бы уступъ плоскогорія, которымъ оканчивается хребетъ Нюкжа въ трехугольникѣ, образуемомъ нижнимъ теченіемъ Зеи и Амуромъ. Уступъ поросъ дубовымъ и березовымъ кустарникомъ и орѣшникомъ, растущимъ, впрочемъ, и на возвышенныхъ мѣстахъ долины. Въ $1^1|_2$ вер. выше Благовѣщенска лѣво-береговая долина расширяется такъ, что оконечность трехугольника между Зеею и Амуромъ за Благовѣщенскомъ

представляетъ уже низменность, поросшую высокимъ кустарникомъ.

Глубина рѣки на всемъ 135-верстномъ протяженіи отъ Буссе до Благовѣщенска вполнѣ достаточна для судоходства (отъ 8 до 17 ф. и даже до 20 ф.) и перекатовъ здѣсь нѣтъ, но въ мелководье въ рѣкѣ образуется значительное число отмелей, вслѣдствіе чего при плаваніи необходимо соблюдать большую осторожность.

Этому обстоятельному описанію теченія Амура, отъ сліянія Шилки съ Аргунью до устья Зеи, мы можемъ противопоставить развѣ только самыя поверхностныя свѣдѣнія объ его главныхъ притокахъ. Изъ вышеприведенныхъ маршрутовъ Усольцева и Миддендорфа мы отчасти уже познакомились, если не съ теченіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, то съ характеромъ мѣстности въ ихъ вершинахъ и среднихъ теченіяхъ; и къ сожалѣнію кромѣ этихъ отрывковъ должны удовольствоваться еще слѣдующими весьма немногими свѣдѣніями.

Амазаръ. Значительная, но почти совершенно не изслѣдованная рѣка. У Шварца мы находимъ слѣдующее замѣчаніе о мѣстности въ верховьяхъ этой рѣки: «мы перешли Амазаръ и его лѣвый притокъ Могочу и по отлогой покатости взошли на Становой хребетъ, совершенно не имѣющій здѣсь вида поднимающихся гребнемъ горъ; въ этомъ мѣстѣ, скорѣе, онъ представляетъ обширное плоскогоріе, на которомъ въ разныхъ мѣстахъ поднимаются то группами, то отдѣльно, болѣе высокія скалы. При истокахъ Амазара показались такимъ образомъ на Ю.-З. и Ю.-Ю.-З. отдѣльныя группы горъ; по всѣмъ остальнымъ направленіямъ горизонтъ былъ свободенъ»... [1])

Въ общемъ Амазаръ течетъ параллельно Шилкѣ. Вершина его находится въ Становомъ хребтѣ по сѣверо-восточную сторону отъ Верхне-Урюмскихъ золотыхъ пріисковъ, на вѣроятной высотѣ 3.000 ф. Справа онъ принимаетъ множество ручьевъ но ни одной значительной рѣчки; за-то слѣва онъ имѣетъ нѣсколько крупныхъ притоковъ: вышеупомянутую Могочу, Малую Чичатку, Нальды и Утяни. Въ низовьяхъ течетъ среди крутыхъ береговъ и въ долинѣ, стѣсненной горами. Общее, вѣроятное, его протяженіе около 300 верстъ.

Недалеко отъ устьевъ его открыты минеральные ключи [2]).

Урка, Омутная, Уричи—лѣвые притоки Амура, намъ вовсе

---

[1]) «Труды Сибирской Экспедиціи», Отдѣлъ математическій, III, § 47.

[2]) Шперкъ (l. c., стр. 180). На картѣ Амурской области, составленной въ 1890—1891 г. чинами Амурской областной чертежной, минеральные ключи показаны въ низовьяхъ р. Урки (Уркана), а не Амазара.

почти, неизвѣстны. Шперкъ [1]) замѣчаетъ, что въ главныхъ чертахъ долина Урки носитъ тотъ же характеръ, что и долина Олдоя; мы же не знакомы ни съ однимъ описательнымъ маршрутомъ по этой рѣкѣ [2]).

Олдой изслѣдованъ лучше, чѣмъ всѣ остальные притоки Верхняго Амура. Къ сожалѣнію мы располагаемъ только самымъ общимъ описаніемъ долины этой рѣки. Одинъ изъ участниковъ Сибирской экспедиціи, капитанъ Орловъ, прослѣдилъ ее вверхъ почти до самыхъ ея истоковъ изъ Яблоноваго хребта; но, не имѣя его письменныхъ донесеній, мы поневолѣ должны довольствоваться коротенькимъ извлеченіемъ изъ отчета астронома Шварца: «Путешествіе капитана Орлова въ 1856 г.».

Долина нижняго Олдоя, ограниченная не очень высокими горами, въ общемъ очень узка; она расширяется только изрѣдка и представляетъ то болотистыя, то сухія, покрытыя роскошной растительностью, низменности. Долина становится очень узкою нѣсколько ниже точки сліянія Олдоя съ его притоками: правымъ Модоланомъ [3]) и лѣвымъ—Аяномъ. Выше этого пункта на маршрутной картѣ Орлова не видно ни одной луговой полосы вплоть до самаго крайняго изъ истоковъ Олдоя. Низменности всѣ болотисты; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ имѣютъ верстъ пять ширины, но большею частью по обѣимъ сторонамъ очень близки къ рѣкѣ, и чѣмъ ближе къ Аиктѣ, тѣмъ круче становятся ограничивающія ихъ горы. Аикта—правый притокъ верхняго Олдоя. Оставивъ его влѣво, Орловъ продолжалъ путь свой далѣе вверхъ по главной рѣкѣ, однако не дошелъ до ея истоковъ и, переваливъ водораздѣлъ, вышелъ въ бассейнъ рѣки Лены. Береговыя горы въ истокахъ Олдоя были уже не такъ круты, какъ въ участкѣ Модоланъ—Аикта; долина рѣки тоже расширилась, хотя и сохраняла попрежнему болотистый характеръ.

Вверхъ по р. Аяну шелъ, какъ извѣстно, Усольцевъ. Въ сравненіи съ природой долины верховьевъ Амура, характеръ послѣдней измѣнился здѣсь сильно. Обильныя травою поляны

---

[1]) Шперкъ (l. c., стр. 180).

[2]) О маршрутѣ Карликова вверхъ по р. Омутной см. выше, стр. 66. Сохранилось-ли гдѣ-либо описаніе его маршрута намъ неизвѣстно. Достовѣрно неизвѣстно намъ даже слѣдовалъ-ли Карликовъ изъ Удскаго вдоль Станового хребта до Омутной или наоборотъ, такъ какъ относительно этого имѣются противурѣчивыя показанія.

[3]) На картѣ Амурской области—Мудаланъ. Объ этой рѣчкѣ читаемъ у Шварца: «Судя по показанной г. Орловомъ ширинѣ русла Модолна, это, должно быть, очень значительная рѣка, но не легко опредѣлить, какое она должна взять направленіе для того, чтобы сдѣлаться большою рѣкой, ибо Уричи течетъ такъ близко къ западу отъ Олдоя, что между ними нѣтъ мѣста для третьей рѣки. Карты гг. Усольцева и Миддендорфа даютъ этой рѣкѣ весьма короткое теченіе. (l. c., стр. 36).

между высокими лѣсами изъ хвойныхъ и лиственныхъ деревьевъ, покрывающихъ отлогія покатости горъ, вовсе изчезли; густой, но низкій листвякъ (Larix dahurica) сдѣлался господствующимъ; изрѣдка только попадались небольшія береговыя рощи, кое-гдѣ кустарники и сосны на открытыхъ мѣстахъ. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ истоку Олдоя (Аяна), тѣмъ болѣе поверхность земли возвышалась (?) [1]), находившіяся на ней горы становились круче и вдали иногда были видны гольцы.

Верховья Аяна описываетъ и другой изслѣдователь Амура Аносовъ: «Отъ сѣвера къ югу проходитъ здѣсь кряжъ, составляющій линію раздѣла водъ Амура и главнѣйшаго притока его—рѣки Зеи. Съ сѣвера площадь Васильевскихъ золотыхъ пріисковъ окружена отлогостями двухъ отдѣльно стоящихъ гольцовъ изъ сіенита. За ними, къ сѣверу, идетъ сплошная цѣпь гольцовъ до Яблоноваго хребта, раздѣляющихъ вершины рѣкъ Олдоя (Аяна), Ура и Гилюя. Вышеописанная площадь разсѣчена множествомъ долинъ, которыя, соединяясь, образуютъ къ западу Аянъ, а къ востоку рѣку Джилинду, притокъ Ура, впадающаго въ Зею» [2]).

Общая длина теченія рѣки Олдоя не превышаетъ 250 верстъ.

Въ новѣйшее время (1888—92 г.) только горный инженеръ Бацевичъ предпринималъ, неудавшуюся впрочемъ, экскурсію изъ поселка Свербееваго на Олдой. Экскурсія это была предпринята въ срединѣ мая, когда шли непрерывные дожди, вслѣдствіе чего проводники отказались вести партію Бацевича по долинѣ Олдоя, и предложили ему болѣе западный и параллельный съ Олдоемъ путь по водораздѣлу между рѣками Бургали и Олдоемъ черезъ гору Осколконъ. Съ террасы, состоящей изъ рѣчныхъ осадковъ, на которой расположенъ поселокъ Свербеевскій, мѣстность круто поднимается. Возвышенности между Свербеевскимъ и горою Осколкономъ понижаются террасами къ Олдою и пересѣчены многочисленными широкими падями, въ ложахъ которыхъ струятся рѣчки и ручьи, изливающіеся въ Олдой справа. По упомянутымъ возвышенностямъ идетъ къ Осколкокону среди сплошной тайги тропа, служившая прежде для пріискателей, а нынѣ по ней ходятъ только хищники. Широкія съ пологими стоками пади, по которымъ многочисленными ручьями струится вода, заливающая мѣстами

---

[1]) Въ этомъ не могло быть сомнѣній, а потому трудно сказать, что хотѣлъ выразить этимъ г. Шварцъ.

[2]) «Горный Журналъ» 1866, № 10.

значительныя площади, представляла чрезвычайныя препятствія для движенія экспедиціи. По мѣрѣ того, какъ Бацевичъ подвигался къ сѣверу, путь все болѣе и болѣе затруднялся болотами, черезъ которыя иногда саженъ на сто приходилось переносить на рукахъ вещи и инструменты, а лошадей переводить. На второй день путешественники не могли перейти одной болотистой площади, залитой многочисленными ручьями, текущими въ р. Бургали, причемъ едва удалось спасти завязшихъ лошадей. Такъ какъ по заявленію проводниковъ дальше дорога была еще хуже, и по случаю дождей не представлялось никакой возможности перейти р. Модоланъ, правый притокъ Олдоя, то путешественнику пришлось вернуться съ неудавшейся экскурсіи.

Болѣе удачною оказалась поѣздка Бацевича по слѣдующему значительному притоку Амура—Невиру, по которому онъ пробирался на Джилиндскіе золотые пріиски, находящіеся на р. Джилиндѣ (притокъ Ура), принадлежащіе уже къ рѣчной области Зеи. Исходнымъ пунктомъ Бацевича былъ поселокъ Рейновскій, расположенный на Амурѣ близъ устья р. Большаго Невира. Рядомъ съ поселкомъ находится бывшая резиденція Джилиндскихъ золотыхъ пріисковъ, отъ которой проведена на Джилинду прекрасно трассированная и шоссированная дорога, нынѣ уже приходящая въ упадокъ вслѣдствіе окончанія на Джилиндѣ работъ Верхне-Амурской компаніи. Дорога эта, до пріисковъ, имѣетъ 106 верстъ и пересѣкаетъ водораздѣлъ между Невиромъ и бассейномъ р. Ура. Водораздѣлъ этотъ представляетъ плоскую возвышенность, состоящую изъ ряда располагающихся въ широтномъ направленіи (т.-е. отъ З. къ В.) высотъ, которыя отдѣляются одна отъ другой широкими падями. Въ этихъ падяхъ струятся ручьи, образующіе верховья рѣчекъ Большаго и Малаго Невира, Бѣлой, Путаки и др. Дорога отъ резиденціи идетъ прямо къ С. верстъ на 60 и на этомъ протяженіи имѣетъ два зимовья или станціи для перемѣны лошадей: одно—на лѣвомъ берегу рѣчки Мал. Невира, другое, на такомъ же берегу Больш. Невира. Отсюда дорога поворачиваетъ на С.-З., пересѣкая широкія пади рѣчекъ Бѣлой, Б. и М. Невира и двѣ Путаки, переходитъ плоскогоріе и выходитъ на Джилинду. О геогностическомъ составѣ этого плоскогорія мы будемъ говорить ниже, въ V главѣ.

О другихъ лѣвыхъ притокахъ Амура: Буриндѣ и Ононѣ, намъ ничего, почти, неизвѣстно; что же касается до китай-

---

[1]) Бацевичъ. Матеріалы для изученія Амурскаго края въ геологическомъ и горнопромышленномъ отношеніи. С. П. Б. 1894. Стр. 40.

скихъ рѣкъ: Албазихи, Панго и Кумары, то онѣ уже не подлежатъ нашему изученію.

Изъ сдѣланнаго нами обзора мы можемъ однако же придти къ нѣкоторымъ заключеніямъ о томъ какія удобства представляетъ разсматриваемая часть Амурской области для земледѣльческой колонизаціи. На всемъ протяженіи полной дуги, образуемой теченіемъ Амура отъ сліяніе Шилки съ Аргунью до Черняевской станицы, откуда Амуръ уже болѣе рѣшительно поворачиваетъ къ югу или точнѣе къ юго-юго-востоку, долина Амура не представляетъ большихъ удобствъ для колонизаціи. Небольшія площади, незатопяемыя наводненіями и способныя для колонизаціи, вкраплены между теченіемъ Амура и надвигающейся на его долину съ сѣвера горною страной, состоящею еще изъ сплошной тайги съ ея непроходимыми лѣсами и болотами и выдающимися изъ нихъ кое гдѣ гольцами. Понятно, что въ такихъ условіяхъ на всемъ пространствѣ отъ начала Амура до Черняевской станицы нашли себѣ мѣсто не болѣе 2600 русскихъ переселенцевъ изъ забайкальскихъ казаковъ, а въ глубь страны, въ сторону отъ Амурской долины колонизація проникать и не пыталась. Въ несравненно лучшихъ условіяхъ находится вторая половина Амурской долины на разсмотрѣнномъ нами протяженіи ниже поворота Амура за Черняевской станицей и въ особенности все пространство между Зеей и Амуромъ, ниже устья р. Кумары.

Но о разселеніи и экономическомъ положеніи населенія этого пространства мы будемъ имѣть еще случай говорить подробнѣе въ 10 главѣ. А теперь закончимъ свой обзоръ нѣсколькими гипсометрическими данными въ предѣлахъ разсмотрѣннаго въ этой главѣ пространства.

Усть-Стрѣлочный караулъ	1279,2 ф.	[1]).
Уровень Амура у Усть-Стрѣлки. . .	1180 »	[2]).
Албазинъ.	830 »	[3]).
Уровень Амура у Албазина (53°,22 с. ш. 141°,57 в. д.)	795 »	[4]).
Станица Кумарская	600 »	[5]).

---

[1]) «Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Географическаго Общества» III, 1872, № 4. (Фритше—Шварцъ).

[2]) Назаровъ, Воен.-Ст. Оп. и пр., стр. 270. Высоту Амурскаго уровня Боголюбскій опредѣляетъ въ 1180′ (Очеркъ Амурскаго края); у Риттера находимъ цифру нѣсколько большую—1200′.

[3]) Крапоткинъ («Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1873, III), по указанію Боголюбскаго; однако, у Крапоткина (стр. 678) мы нашли только цифру 795′ для ур. Амура у Албазина.

[4]) Назаровъ, l. c., стр. 271.

[5]) Боголюбскій, l. c.

Уровень Амура у Кумары	580	»	[1]).
Г. Благовѣщенскъ	390	»	[2]).
Уровень Амура у гор. Благовѣщенска	360	»	[3]).
Олдой въ устьѣ р. Аяна (54°,26 с. ш. 148°18 в. д.)	1180	»	[4]).
Средняя высота долины р. Аяна . .	1200	»	[4]).
Прибрежныхъ откосовъ долины Олдоя	1400	»	[4]).
Мѣстность близь перев. съ Аяна на р. Танду (54°,36 с. ш. 141°,33 в. д. отъ Ферро)	2160	»	[4]).
Истоки Олдоя (55°03 с. ш. 141°,15 в. д.).	1800	»	[4]).
Окрестныя возвышенности	2900	»	[4]).
Среднее теченіе р. Уричи (54° с. ш. 140°,23 в. д. отъ Ферро)	1150	»	[4]).
Р. Омутная (53,°,58 с. ш. 140°,04 в. д. отъ Ферро)	1544	»	[4]).
Р. Урка при устьѣ Иньямы (53°,44 с. ш. 139°,47 в. д.)	1152	»	[4]).
Р. Амазаръ (53°,43 с. ш. 137°,45 в. д. отъ Ферро)	1710	»	[4]).
Р. Могочу (Амазаръ) при устьѣ р. Безымянной	2680	»	[4]).
Средняя высота долины лѣваго притока р. Амазара—Амазаркана	2020	»	[4]).
Вершина р. Амазаркана (53°,52 с. ш. 137°24 в. д.)	2870	»	[4]).

[1]) Крапоткинъ, l. c., стр. 673.
[2]) Крапоткинъ, l. c., на картѣ военно-топографическаго отдѣла Главнаго Штаба, 400′;
[3]) Уровень воды въ рѣкѣ—величина въ высшей степени не постоянная; вотъ почему разницы въ опредѣленіяхъ должны быть значительны. Дѣйствительно, Боголюбскій опредѣляетъ его 330′, Фритше 223′ (68 метр.) Шмидтъ между 400′ и 500′; наша цифра заимствована у Крапоткина (l. c., стр. 639).
[4]) Крапоткинъ, l. c.

ГЛАВА III.

Бассейнъ р. Зеи съ его горною страною и низменностью и рѣчная долина Амура между устьями Зеи и Буреи.

Въ предъидущей главѣ мы не только возможно подробнѣе изучили долину верхняго теченія Амура отъ его начала до устья Зеи, но познакомились на всемъ сказанномъ его протяженіи и съ оро-и гидрографическими особенностями всей области его лѣвыхъ притоковъ до водораздѣла между притоками Амура и Зеи. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако, ради полноты картины, которую оставляютъ въ нашемъ воображеніи живыя описанія Усольцева и Миддендорфа, мы не хотѣли расчленять эти послѣднія на двѣ главы, а потому и должны были захватить вмѣстѣ съ ними вершины многочисленныхъ вѣтвей системы р. Зеи. Въ этой же главѣ намъ предстоитъ изучить на сколько позволяютъ источники все громадное пространство занимаемое бассейномъ р. Зеи составляющее среднюю и наибольшую по пространству часть области, а затѣмъ окончить главу описаніемъ небольшой части теченія Амура между устьями значительнѣйшихъ лѣвыхъ притоковъ Амура, Зеи и Буреи.

Сѣверной окраиной разсматриваемой здѣсь части Амурской области, въ формѣ гигантскаго зигзага или нѣсколько выпрямленнаго русскаго *г*, упирающагося своими концами въ долготы 94° и 104° отъ Пулкова, служатъ хребты: Становой, Джукдыръ, горная группа Кёхъ-кая и водораздѣлъ р. Уди и Селимджы; восточную же ея окраину образуютъ водораздѣлы бассейновъ Зеи и Буреи — хребетъ Ямъ-алинь и малоизвѣстный хребетъ Турана.

Хребтами Тукурингра и Джагду эта обширная площадь дѣлится на двѣ неравныя части: меньшую—сѣверную, заключающую бассейны верхней Зеи и Гилюя, и южную — бо́льшую, обнимающую бассейны нижней Зеи и Селимджы. Этотъ южный остовъ Зейскаго бассейна дополняется множествомъ плоскихъ отроговъ и отдѣльно торчащихъ гольцовъ, многочисленныхъ на сѣверѣ и совершенно исчезающихъ къ югу

отъ Селимджы, гдѣ горы, въ видѣ плоскихъ уваловъ, представляютъ уже постепенный переходъ къ громадной равнинѣ, спускающейся къ Амуру и Зеѣ.

Уже Миддендорфъ замѣтилъ, что сѣверные склоны Станового хребта круче южныхъ [1]). Аносовъ, подтверждая слова Миддендорфа, въ свою очередь приводитъ мѣткую характеристику, даваемую тунгусами этимъ горамъ:

«На Алданской сторонѣ множество кряжей и маленькихъ рѣчныхъ долинъ, а какъ только перевалишь за Джугджуръ, т. е. Становой хребетъ, въ покати Зеи, пойдутъ мари да мари [2]), маленькихъ рѣчекъ совсѣмъ не станетъ и хребты стоятъ далеко одинъ отъ другого» [3]).

Здѣсь, кажется, умѣстно выразить наше глубокое сожалѣніе по поводу того, что Аносовъ, по его же собственному выраженію, прошедшій по мѣстностямъ, по которымъ «едва-ли кто другой въ скоромъ времени рѣшится вторично пройти» [4]), не оставилъ въ литературѣ никакого слѣда своихъ изслѣдованій, если не считать кое-какихъ замѣтокъ и писемъ, имѣющихъ скорѣе спеціальный, чѣмъ географическій интересъ. Все, что мы можемъ извлечь изъ его отчета, это коротенькое общее описаніе поверхности Амурскаго края, а затѣмъ нѣсколько строкъ, посвященныхъ спеціально Становому водораздѣлу.

«Когда побываешь внутри Амурскаго края, пишетъ Аносовъ, первое, что кидается въ глаза, это преобладаніе плоскостей, т. е. весьма пологихъ хребтовъ, представляющихъ въ общей массѣ одну общую плоскость, составляющую склонъ нашего азіатскаго материка къ Восточному Океану. Затѣмъ невольно замѣчаешь быстрое возвышеніе надъ этими плоскостями хребтовъ, весьма высокихъ и крутыхъ. Хребты эти не вездѣ имѣютъ между собой видимую связь, напротивъ, они иногда имѣютъ видъ совершенно отдѣльно стоящихъ цѣпей горъ, а иногда просто сопокъ». Вообще, самая характерная орографическая особенность Амурскаго края выражается въ томъ, что всѣ хребты, за исключеніемъ Станового, стоятъ здѣсь отдѣльно, не имѣютъ побочныхъ отроговъ и поэтому рѣзко отдѣляются отъ плоскогорій, стелящихся у ихъ подножій. Рѣки, бѣгущія съ нихъ, только въ верховьяхъ

---

[1]) См. 2-ую главу.

[2]) Мѣстное названіе болотистыхъ мѣстностей, имѣющихъ незначительное паденіе.

[3]) «Отчетъ о дѣйствіи по исковой партіи въ Амурской области» («Горный Журналъ» 1861, № 4, стр. 9)

[4]) l. c., стр. 7.

окружены съ обѣихъ сторонъ горами, но далѣе онѣ бѣгутъ уже по плоскогоріямъ (въ долинахъ, иногда очень узкихъ и глубоко врѣзанныхъ), и вскорѣ теряютъ свой таежный характеръ.

Кромѣ Аносова и Миддендорфа въ верховьяхъ Зеи черезъ Копури, Токо и Брянду къ Атычану проходилъ Шварцъ и нѣкоторые члены экспедиціи полковника Ахте, но отчеты ихъ не были опубликованы. Такимъ образомъ о сѣверныхъ частяхъ бассейна Зеи, не смотря на то, что ихъ изслѣдованіемъ занималось нѣсколько русскихъ ученыхъ, мы знаемъ столько же, сколько и о самыхъ глухихъ мѣстахъ Манджуріи или Тибета [1]). Вотъ почему и предлагаемое ниже описаніе Становыхъ горъ не можетъ имѣть притязанія не только на полноту, но даже и на совершенную точность.

Становой хребетъ отъ условнаго пограничнаго пункта съ Забайкальской областью до встрѣчи съ Джукдыромъ почти совпадаетъ съ $55^0,5$ параллелью. Вѣчно снѣговыхъ пиковъ онъ не имѣетъ, но вступая въ предѣлы области плоскимъ хребтомъ, по которому только кое-гдѣ разбросаны группами сопки, онъ далѣе къ востоку, за Атычаномъ, пріобрѣтаетъ очень дикія формы. Группа гольцовъ Атычанъ расположена къ Ю.-В. отъ перевала черезъ Становой хребетъ, ведущаго съ верховьевъ р. Гонама (Алданской системы), на верховья Гилюя (Зейской системы). Высота этого перевала опредѣлена Шварцомъ въ 3410 фут., но высота гольцовъ не была опредѣлена. Между тѣмъ, группа Атычанъ служила Шварцу единственнымъ указателемъ его пути къ Гилюю, такъ значительно она возвышается надъ всѣми окрестными горами на южномъ склонѣ Станового хребта, который тунгузы съ р. Брянды, притока Зеи, называли Шварцу Улу-Сиссъ. На своемъ маршрутѣ Шварцъ означилъ 5 вершинъ горной группы при помощи многихъ засѣчекъ изъ мѣстъ, географическое положеніе которыхъ хорошо опредѣлено. Всѣ 5 вершинъ расположены почти на одной прямой линіи, направленной съ С.-З. на Ю.-В., слѣдовательно параллельно теченію Гилюя, ниже со-

[1]) До какой степени мало точны наши свѣдѣнія о Становыхъ горахъ и какъ вообще трудна здѣсь роль географа, обязаннаго изъ отрывочныхъ данныхъ создать нѣчто цѣльное, видно изъ той ошибочной характеристики, какую даетъ Становому хребту докторъ Шперкъ (l. c., стр. 113). Ссылаясь на Аносова, онъ дѣлаетъ выводъ изъ отрывочныхъ фразъ послѣдняго и пишетъ, что къ востоку отъ Атычана (Гилюя) «Становой хребетъ принимаетъ свой прежній характеръ плоскаго хребта и тянется къ Удскому краю», т. е. утверждаетъ нѣчто совершенно обратное тому, что въ дѣйствительности хотѣлъ сказать самъ Аносовъ (Ср. «Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1866, II, 2, стр. 153.

единенія его верхнихъ истоковъ. Двѣ крайнія вершины группы удалены одна отъ другой на 12,4 версты; онѣ самыя низкія въ цѣпи, 2-я же и 4-я, удаленныя одна отъ другой на 4,2 версты—самыя высокія. Вторая оканчивается крутымъ конусомъ и въ верхней своей половинѣ совершенно обнажена. Четвертая представляетъ обнаженный куполъ [1]).

Съ вышеупомянутаго перевала, окруженнаго только низкими горами, на югѣ виденъ Атычанъ, поднимающійся какъ бы съ необозримой равнины; на З. же и С.-З. горизонтъ совершенно свободенъ. На сѣверѣ возвышается кряжъ Бурпала и немного менѣе высокія цѣпи горъ близъ озеръ Токориканъ, между рѣками Тымтенемъ и Гонаномъ. Эти же горы тянутся на С.-В. На В., вдоль Станового хребта, Шварцъ видѣлъ только одну очень высокую цѣпь Эвета, возвышающуюся въ отдаленіи. По всей вѣроятности, это та самая цѣпь, которая тянется высокимъ гребнемъ до истоковъ Зеи, гдѣ и достигаетъ, по словамъ Аносова, «наивозвышенной точки, расширяясь въ то же время и представляя по гребню сплошныя массы гольцовъ» [2]). Здѣсь, между рѣкой Половинной и Зеей отъ Станового хребта отвѣтвляется кряжъ, массивныя формы котораго получаютъ наибольшее развитіе южнѣе, въ горной группѣ Кёхъ-Кая. Такимъ образомъ высота Станового хребта отъ 3.000 футовъ въ истокахъ р. Амазара идетъ постепенно увеличиваясь къ востоку, гдѣ, въ верховьяхъ Зеи и Копури, и достигаетъ 6—7000 футовъ поднятія надъ уровнемъ воды въ океанѣ [3]). Впрочемъ, эти цифры относятся къ высшимъ точкамъ хребта; средняя же высота послѣдняго едва-ли много превосходитъ 3.500 ф., такъ какъ средняя высота, выведенная нами изъ извѣстныхъ намъ трехъ переваловъ въ Становомъ хребтѣ и одного въ сѣверной части Буреинскаго, составляетъ 3.560 ф.

Въ области Зейскаго бассейна Становой хребетъ только однажды теряетъ свой основной характеръ—скалистаго гребня на широкомъ основаніи, состоящемъ изъ плоскихъ предгорій—къ западу отъ Атычана, въ верховьяхъ Гилюя, гдѣ онъ вдругъ понижается, разсыпаясь на отдѣльныя куполообразныя сопки; выдѣливъ однако водораздѣльный отрогъ Гукурингра, онъ снова вытягивается въ одинъ гребень, пока, въ верховьяхъ уже Амазара, т. е. въ предѣлахъ бассейна верхняго Амура, не опускается вторично до степени плоскаго увала, очень поло-

---

[1]) См. Назаровъ Военн. стат. опис. Амурс. обл. стр. 268.

[2]) l. c., стр. 9. Ср. также Миддендорфъ «Путешествіе на Сѣверъ и Востокъ Сибири», I, 2, стр. 203.

[3]) По даннымъ Шварца.

гаго къ сѣверу (900 футовъ относительнаго поднятія) и съ нѣсколько болѣе крутымъ (1600 футовъ) паденіемъ къ югу.

Мѣстность, окружающая главный гребень этого хребта, представляетъ нагорную болотистую страну, мшистая почва которой тянется въ горы по рѣчнымъ долинамъ почти до самыхъ рѣчныхъ истоковъ. Въ наружномъ видѣ большей части горныхъ отроговъ Станового хребта преобладающей и характерной формой является усѣченный конусъ. Вездѣ въ прилегающей къ этому хребту мѣстности, куда бы мы ни бросили нашъ взглядъ, мы видимъ то вдругъ поднимающіяся изъ равнинъ и стоящія какъ-бы отдѣльно, то сплоченныя вмѣстѣ конусообразныя горы, составляющія ближайшіе короткіе отроги главной цѣпи[1]). Всѣ они поросли лѣсомъ, елью по преимуществу, и только по марямъ, на ихъ окраинахъ, виднѣется корявый, низкорослый лиственъ (Larix dahurica). Чѣмъ ближе, однако, къ гольцамъ, тѣмъ скуднѣе растительность, которая только тамъ и принимаетъ не тундровый, а альпійскій характеръ. Здѣсь же въ бассейнѣ Зеи гольцы непосредственно уходятъ подъ мягкій покровъ изъ краснаго мха. Вершины гольцовъ, т. е. обнаженныхъ горныхъ высотъ, поднимающихся за предѣлы лѣсной растительности, состоятъ изъ скалъ, по всѣмъ направленіямъ изрытыхъ трещинами, въ которыхъ снѣгъ иногда держится цѣлое лѣто. Обыкновенно онѣ изукрашены только разноцвѣтными лишаями и рѣже кедровымъ сланцемъ, который ютится тутъ кое-гдѣ, да и то почти всегда подъ защитою скалъ. Вообще, характеръ Становыхъ горъ угрюмъ, а ихъ отроги, вдаваясь между притоками Амура и Зеи, придаютъ и берегамъ этихъ рѣкъ, въ верхнемъ ихъ теченіи, тотъ же мрачный характеръ и дѣлаютъ ихъ трудно доступными[2]).

До верховьевъ Олдоя Становой хребетъ тянется параллельно и очень близко къ Амуру, наполняя, совокупно съ Хинганомъ, своими отрогами все промежуточное пространство. Здѣсь онъ уклоняется въ сторону, отдѣляя по направленію къ Зеѣ, горный массивъ Тукурингра, служащій водораздѣломъ Гилюю и Аяну, притоку Олдоя. Въ 1856 г. его пересѣкъ поручикъ Усольцевъ, но все, что мы узнаемъ о немъ изъ отчета послѣдняго, ограничивается словами: «онъ не высокъ»[3]). На меридіанѣ Албазина отъ этого хребта отвѣтвляется массивный кряжъ, водораздѣльный между Аяномъ и Уромъ и извѣстный

[1]) Шперкъ (l. c.), стр. 113.
[2]) Шперкъ (l. c.), стр. 114.
[3]) «Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1858, XXII стр. 146. Ср., однако, Миддендорфъ (l. c., стр. 204).

подъ именемъ «Янканскій голецъ». Благодаря богатымъ золотымъ розсыпямъ, открытымъ на обоихъ его склонахъ—западномъ и восточномъ, онъ, безъ сомнѣнія, хорошо знакомъ мѣстнымъ жителямъ; но въ литературѣ о немъ, кромѣ уже приведенныхъ нами выше отрывочныхъ сообщеній Аносова[1]), и довольно неопредѣленныхъ указаній Миддендорфа, нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Можно только подозрѣвать, что еще достаточно высокій въ истокахъ Невира, онъ далѣе къ югу, къ Амуру, понижается и расширяется въ узкое плоскогоріе, обрывисто падающее въ сторону Олдойской долины. На этомъ плоскогоріи горой Ильтивусъ начинается кряжъ Нюкжа, южные склоны котораго мы уже описывали нѣсколько выше[2]). Ось этого, покрытаго густымъ лѣсомъ, хребта, приближается къ Амуру, какъ, напримѣръ, у горы Цагаянъ или въ томъ мѣстѣ, гдѣ отроги хребта Нюкжа заставляютъ Амуръ сдѣлать Улусумодонскую излучину. Вообще, высота этого хребта незначительна, такъ что отдѣльныя вершины его едва-ли превосходятъ гдѣ-нибудь 1000 футовъ надъ поверхностью Амурской долины[3]). На крайнемъ востокѣ онъ еще болѣе понижается и мало-по-малу переходитъ въ холмистую мѣстность, которая круто обрывается въ Зейскую низменность утесами Бѣлыхъ горъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ хребетъ Тукурингра круто обрывается въ долину Зеи, на противоположномъ берегу послѣдней, возвышается горная группа Кёхъ-кая (Быки), находящаяся, какъ кажется, въ ближайшей связи съ горами Джагду, природа которыхъ, къ сожалѣнію, намъ мало извѣстна. Джагду считается тунгузами въ числѣ четырехъ главныхъ хребтовъ Амурскаго края[4]) — едва-ли говорящее намъ много извѣстіе! Впрочемъ, южные его склоны издали наблюдалъ Миддендорфъ, который въ такихъ выраженіяхъ описываетъ намъ свое впечатлѣніе:

---

[1]) Глава 2, стр. 91.

[2]) Глава 2, стр. 61.

[3]) Шперкъ (l. c., стр. 124). Намъ кажется, что его опредѣленіе относительной высоты высшихъ точекъ хребта не можетъ быть вѣрнымъ. Шперкъ могъ заимствовать описаніе этихъ горъ изъ двухъ источниковъ: отчета Вялова («Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1868 г. IV, стр. 143) и статьи Бартоломея «Описаніе Амурскаго края» («Военный Сборникъ», 1860, № 8). Вяловъ ничего не говоритъ объ относительной высотѣ Нюкжинскихъ горъ, Бартоломей же выражается такъ: «Мѣстами отроги хребта Нюкжа тянутся на нѣсколько десятковъ верстъ, въ видѣ отвѣсныхъ скалистыхъ стѣнъ или крутыхъ скатовъ до 300 ф. вышины, съ посаженными на нихъ голыми вершинами». И далѣе: «Хотя хребетъ этотъ не высокъ, хотя вершины его не превышаютъ 1000 ф.»... и т. д. (стр. 332). Шперкъ прибавляетъ къ послѣдней цифрѣ слова—«надъ ур. моря», что сразу понижаетъ гребень Нюкжи очень значительно. Докторъ Шперкъ жилъ въ Благовѣщенскѣ, наблюдалъ не разъ эти горы, и потому мы не можемъ объяснить себѣ этой ошибки. Мы исправили текстъ Шперка цифрой Бартоломея.

[4]) Аносовъ, («Горный Журналъ» 1861, № 4, стр. 9).

«плоскостной характеръ страны предугадывался и дальше ввверхъ по р. Зеѣ, благодаря озерамъ, которыя, какъ говорятъ, распространены въ долинѣ Дункани (не Уркана-ли?), лѣв. притока Зеи. Кромѣ исторически извѣстнаго озера Бебяки, тунгузы называли мнѣ и другія озера: Гулигилянъ, Люнгинъ и Уленкитъ. Такой видъ поверхности простирается вплоть до истоковъ Дэпа, который вытекаетъ изъ большого озера Огорона, окруженнаго множествомъ мелкихъ озеръ, лежащихъ въ той же равнинѣ (?). Эта равнина (плоскогоріе?), какъ я видѣлъ издали, оканчивается крутымъ обрывомъ у праваго берега Дэпа: она такъ высока, что едва поросла рѣдкимъ лѣсомъ [1])... У истоковъ р. Секеке (?) она казалась мнѣ еще выше, но здѣсь она представляла переходъ къ горной группѣ Быки. И на лѣвомъ берегу Дэпа, между нимъ и Нарой, вся страна представляла только видъ очень плоскихъ, сильно поросшихъ лѣсомъ хребтовъ, чтобы не сказать плоскогорій, которые тянутся въ направленіи З.-С.-З., переходя на крайнемъ юго-западѣ въ высокое нагорье Аргыбчунъ, увѣнчанное вдоль края гольцами Табыярханъ, Табыяръ, Асыгинъ...» [2]). Миддендорфъ видѣлъ хребетъ Джагду съ плоскогорія Аргыбчунъ и онъ показался ему очень значительнымъ: «я видѣлъ, пишетъ онъ, вдоль лѣваго берега Тукси (Джагды), вдали, на сѣверѣ, очень высокій хребетъ съ цѣпью безлѣсныхъ сопокъ, которыя имѣли совершенно одинаковый видъ съ трахитовымъ конусомъ въ Алданскихъ горахъ. Его направленіе З.-С.-З., т. е. параллельное Становому водораздѣлу [3])». И дальше: «Къ западу отъ Кёхь-Кая, у истоковъ Бома [4]), хребетъ очень крутъ. Почти 40 верстъ выше своего впаденія въ Дукду рѣка Бомъ, какъ говорятъ, тѣснится черезъ разсѣлину скалы, имѣющую только отъ $1^1/_2$ до 2 футовъ (sic!) ширины между стѣнами вышиной сажень до десяти! Хотя мѣсто это не велико по пространству, но, по словамъ тунгузовъ, въ высшей степени живописно, тѣмъ болѣе, что Бомъ, успѣвшій уже принять рѣчку Наль, здѣсь многоводенъ [5]). Да и выше Бомъ шумнымъ потокомъ проносится среди скалъ — дикое мѣсто, вполнѣ характеризующее неприступный и крутой характеръ южныхъ склоновъ Джагду».

Хребетъ Джагду упирается въ величественную горную

---

[1]) Миддендорфъ подмѣтилъ въ горахъ Амурскаго края строгое соотношеніе между высотой даннаго мѣста и густотой одѣвающаго его лѣса.

[2]) l. c., стр. 203.

[3]) l. c., стр. 204.

[4]) Притокъ Дукды, въ свою очередь впадающей въ Нару.

[5]) l. c., стр. 209, 1.

группу Кёхъ-кая, которую Миддендорфъ не описываетъ, называя ее, тѣмъ не менѣе, «знаменитой». Повидимому, это горный узелъ, явившійся результатомъ столкновенія двухъ господствующихъ здѣсь направленій хребтовъ: меридіональнаго и З.-Ю.-З. Такой же горный узелъ, и въ зависимости отъ тѣхъ же причинъ, находится и въ истокахъ Зеи на Становомъ водораздѣлѣ. Вотъ что о послѣднемъ сообщаетъ намъ Миддендорфъ.

У истоковъ Зеи, гдѣ они сближаются съ истоками Алгамы [1]) и Половинной, мы имѣемъ узелъ подъема всего Станового хребта. Отъ этого узла Становой водораздѣлъ идетъ къ западу, Алданскій къ востоку, восточная часть Зеинскаго кряжа [2]) на югъ. Но послѣдній, въ хребтѣ Селимджи, у самой высокой своей вершины Кехъ-кая, на югъ отъ Уди, изгибается въ видѣ буквы S къ востоку до тѣхъ поръ, пока, поровнявшись съ западнымъ берегомъ Охотскаго моря, не поворачиваетъ круто еще разъ на югъ, послѣ чего, подъ именемъ Буреинскихъ горъ достигаетъ Амура [3]).

О природѣ горъ Джукдыръ, служащихъ водораздѣломъ Зеи и Уди, намъ очень мало извѣстно. Тунгусы причисляютъ этотъ хребетъ къ высочайшимъ горамъ Амурскаго края [4]). То же подтверждаютъ Аносовъ и Миддендорфъ.

На большой картѣ Шварца [5]) хребетъ этотъ приведенъ очень неопредѣленно. Можетъ быть такой способъ его изображенія и вѣренъ въ томъ отношеніи, что горы эти, имѣющія болѣе крутое паденіе на востокъ [6]), при массивности своихъ формъ и абсолютной высотѣ, сравнительно очень значительной, сохраняютъ плоскостной характеръ на всемъ почти протяженіи между вышеупомянутыми узлами и, расплываясь въ ширину, несутъ на своей спинѣ не сплошной рядъ гольцовъ, а группы послѣднихъ. Такое воззрѣніе на этотъ хребетъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ картѣ Аносова [7]), гдѣ область его простиранія отмѣчена болѣе свѣтлой краской, отличающей преобладаніе плоскостного типа горъ надъ альпійскимъ.

Еще меньше извѣстны намъ хребты Селимджинскій и Ямъ-алинь [8]), про которые Миддендорфъ замѣчаетъ, что издали

---

[1]) Притокъ Учара, впадающаго въ Алданъ.
[2]) Т. е. хребетъ Джукдыръ.
[3]) l. c., стр. 205.
[4]) Аносовъ, l. c.
[5]) 40 верстъ въ дюймѣ. Изд. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.
[6]) Миддендорфъ, l. c., стр. 205.
[7]) Приложена къ № 4 «Горнаго Журнала» за 1861 г.
[8]) Это названіе было Миддендорфу неизвѣстно. Эту меридіональную складку онъ называетъ Буреинскимъ хребтомъ.

они показались ему высокими и крутыми. Отдѣльные гольцы подымались даже выше и круче, чѣмъ въ Алданскомъ хребтѣ, имѣющемъ между тѣмъ всѣ характерныя особенности альпійскаго кряжа [1]).

О водораздѣлѣ между Селимджой и Нюманомъ мы можемъ судить лишь по слѣдующей выпискѣ изъ маршрута академика Миддендорфа: «Поднимаешься по извилистому, шириной саженъ въ 30, Кебели, вдаешься вверхъ по ручью еще меньшей величины — Кочулыну и видишь себя въ долинѣ, увеличившейся уже въ ширину до $2^1/_2$ верстъ и окаймленной очень пологими скатами. Только къ сѣверу горизонтъ здѣсь заслоняютъ гольцы; за то между Кочулыномъ и Селимджой ѣдешь все время по низменнымъ и ровнымъ хребтамъ и пересѣкаешь множество рѣчекъ и водораздѣловъ вмѣсто того, чтобы по прежнему робко держаться глубокихъ впадинъ главнѣйшихъ рѣчныхъ долинъ» [2]).

Къ сожалѣнію, сказанное относится къ горной области, еще непосредственно примыкающей къ хребту Турана; какой же характеръ носитъ водораздѣлъ сѣвернѣе—намъ неизвѣстно. Трудно даже сказать, ему ли принадлежатъ видѣнные Миддендорфомъ гольцы?

О хребтѣ Турана мы находимъ кое-какія свѣдѣнія въ отчетѣ Усольцева, который, къ сожалѣнію, намъ извѣстенъ только въ извлеченіи Шварца [3]).

Между Монмалту и Монмалтуканомъ, его правымъ притокомъ, на гребнѣ хребта, находится высокій утесъ Шеваки (1,270′), имѣющій видъ высокаго круглаго купола. Манегры считаютъ его священнымъ и совершаютъ здѣсь свои молитвы и жертвоприношенія. Шеваки громоздится на южномъ отрогѣ Турана, простирающагося на сѣверъ до Селимджы и представляющаго на всемъ своемъ протяженіи сплошной, совершенно обнаженный въ высшихъ своихъ горизонтахъ, хребетъ, рѣшительно къ тому же господствующій надъ всѣми отрогами, сильно поросшими хвойнымъ лѣсомъ. Эти отроги въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся перевалы, едва-ли возвышаются болѣе чѣмъ на 500 футовъ надъ уровнемъ рѣкъ, между которыми они образуютъ водораздѣлъ. Общее свойство этихъ отроговъ состоитъ въ томъ, что южная ихъ покатость имѣетъ растительность долины нижней Буреи — мелкій дубнякъ, оба вида

---

[1]) l. c., стр. 208.
[2]) l. c., стр. 181.
[3]) «Труды Сибирской Экспедиціи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», «Математическій отдѣлъ», стр. 53.

березы, кленъ, вязъ и осину; на сѣверныхъ же ихъ склонахъ густо ростутъ, вмѣстѣ съ елью, лиственница, какой-то кустарникъ и ольха. Такое явленіе наблюдается вплоть до водораздѣла Томи и Гальчина, притока Амура. Далѣе къ западу отроги Турана все болѣе и болѣе сглаживаются и превращаются наконецъ въ песчаные, низкіе холмики, которые, въ видѣ плоскихъ грядъ, бороздятъ степи между Амуромъ, Зеей и Селимджой.

Уньма, притокъ Селимджы, отдѣляется отъ Томи только низкою цѣпью горъ; на сѣверъ же отъ этой рѣки простирается плоская долина рѣки Селимджы. При истокахъ Уньмы находится и сѣверный конецъ Турана. Здѣсь онъ встрѣчается съ цѣпью горъ, имѣющею направленіе съ востока на западъ и составляющею на востокъ линію водораздѣла между Иссе, Кевели (Кебели) и Тупномъ. Эта цѣпь, о которой уже выше упоминалось, составляетъ, вѣроятно, отрогъ горной страны (?), имѣющей, безъ сомнѣнія, болѣе 5,000 футовъ высоты (Ямъ-алинь?) надъ поверхностью моря и въ которой берутъ начало самыя верхнія части рѣкъ—Селимджы и Буреи.

Если мы закончимъ орографическій очеркъ верхней части бассейна Зеи указаніемъ на то, что всѣ промежуточныя пространства между описанными хребтами заполнены подчиненными массами горъ и отдѣльными массивами, которые, подобно островамъ, встаютъ среди безбрежныхъ пространствъ всхолмленной поверхности [1]), то, кажется, есть основаніе, не смотря на господствующій здѣсь плоскостной типъ, считать эту часть территоріи по преимуществу горной страной и принять слѣдующую характеристику, даваемую ей Миддендорфомъ [2]): «близъ гребня крутизны ея обрывистѣе, почти альпійскія, такъ что въ одномъ пресловутомъ мѣстѣ тѣснота ущелья, сжимающаго рѣчную долину, доходитъ уже до того, что заставляетъ даже тунгузовъ развьючивать оленей для провода послѣднихъ черезъ тѣснину; по мѣрѣ же удаленія отъ гребня, она становится площе и ея хребты отлого опускаются къ вытянутымъ въ длину долинамъ; но все же изрѣдка на ней господствуютъ, хотя не высокіе, но крутые гребни хребтовъ, попадающіеся всего чаще въ области Селимджа-Зейскаго водораздѣла.

---

[1]) Таковы, напримѣръ, Атычанъ, Тукуриканъ и Тупгуръ, служившіе въ качествѣ маяковъ астроному Шварцу во время его путешествія въ 1852 вдоль южныхъ склоновъ Становаго хребта (см. «Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1855 г., XV, «смѣсь» стр. 46), таковы горы Собяки и Иликанъ и короткій хребетъ Бору-Кая между Селимджой и ея лѣвымъ притокомъ Быси (см. у Миддендорфа, l. c., стр. 203 и 204), таковы, наконецъ, и многіе другіе горные массивы (хр. Джараханъ—отрогъ (?) Кёхъ-кая и гольцы, Чочохоръ, напримѣръ), о которыхъ намъ не пришлось упомянуть въ настоящемъ обзорѣ.

[2]) l. c., стр. 209.

Выше горной группы Быки (Кёхъ-кая), Зея бѣжитъ среди широкой равнины, о существованіи которой мы узнаемъ изъ отчета Усольцева. Мы вернемся къ ней ниже, при обзорѣ береговъ этой рѣки; теперь же перейдемъ къ описанію такъ называемой «амурской преріи», которая занимаетъ необъятныя пространства ниже устья Ура между Зеей, низовьями Селимджы и хребтомъ Турана до Амура, и впервые открывается взору спутника по выходѣ изъ ущелья, въ которомъ сжимаютъ Зею двѣ надвинувшіяся сюда съ противоположныхъ сторонъ горныя массы—Кёхъ-кая и Тукурингра.

Прозваніе «амурской преріи» заслуживаетъ только самая южная часть Зейской низменности между Амуромъ и Томью; выше же страна представляетъ иную картину и рѣдко гдѣ можетъ доставить достаточно данныхъ для осѣдлаго существованія человѣка.

Если взять ея границами на западѣ Зею, на югѣ—Амуръ, на востокѣ—хребетъ Турана и на сѣверѣ—неопредѣленную линію отъ устьевъ Нары къ низовьямъ Дэпа и Ура, то въ такихъ предѣлахъ Шперкъ вычисляетъ ея пространство въ 2.000 кв. миль [1]), а Венюковъ—въ 1.600 [2]).

Какъ бы то ни было, все же это громадная площадь, которая можетъ прокормить десятки и болѣе тысячъ осѣдлаго населенія [3]), и уже въ виду только этого обстоятельства желательно было бы ввести въ ея описаніе возможно больше деталей. Къ сожалѣнію мы располагаемъ для этой цѣли слишкомъ скудными матерьялами, которые, хотя и даютъ общее понятіе о странѣ, но потеряютъ всякое значеніе при болѣе детальномъ ея изученіи, которое, безъ сомнѣнія, будетъ сдѣлано въ недалекомъ будущемъ. Къ тому же, во избѣжаніе повтореній, безъ особой нужды могущихъ только увеличить объемъ этой книги, мы вынуждены часть имѣющихся въ нашемъ распоряженіи данныхъ выдѣлить въ 10-ю главу настоящаго сочиненія, посвященную разселенію русскаго населенія въ Амурской области и его экономическому положенію.

Вся сѣверная часть Зейской низменности, обнимающая, во-первыхъ, въ вышеуказанныхъ границахъ весь правый берегъ рѣки, а во-вторыхъ, пространство между низовьями Дэпа и

---

[1]) l. c., стр. 127.

[2]) «Военный Сборникъ» 1872, LXXXV, стр. 261.

[3]) Но не 2 милліона, какъ это полагалъ еще въ 70-хъ годахъ полковникъ Венюковъ (l. c.). Сравни—Коржинскій «Отчетъ объ изслѣдованіи Амурской области» въ «Извѣстіяхъ Вост.-Сиб. Отд. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1892. XXIII, № 4 и 5, стр. 130—131.

устьемъ Тенди, заключаетъ въ общемъ 5650 кв. верстъ и состоитъ преимущественно изъ невысокихъ плоскихъ увaловъ, прорѣзанныхъ множествомъ ручьевъ и овраговъ, ограниченныхъ во многихъ мѣстахъ обрывисто-каменистыми спусками и поросшихъ сплошнымъ мѣшаннымъ лѣсомъ. Вообще, характеръ этой мѣстности все еще представляетъ тайгу, неудобную пока къ заселенію [1]).

О слѣдующемъ участкѣ между Дэпомъ и Селимджой мы знаемъ не болѣе того, что о немъ сообщаетъ намъ Шперкъ [2]). По его словамъ, эта часть равнины все еще представляетъ холмистую и болотистую мѣстность, перерѣзанную во многихъ мѣстахъ болотистыми логами и мелкими рѣчками, со множествомъ разбросанныхъ по ней озеръ и покрытую изрѣдка березовыми рощицами.

Повидимому, тотъ же характеръ имѣетъ и мѣстность къ югу отъ Селимджы, между рр. Уньмой и Томью, потому что и о ней мы читаемъ еще, что это—волнистая, мѣстами даже холмистая равнина, болѣе или менѣе богатая рощами дровянаго лѣса [3]).

Наконецъ, послѣдній и вмѣстѣ съ тѣмъ въ колонизаціонномъ отношеніи самый важный участокъ между Амуромъ и Томью, о которомъ профессоръ Коржинскій высказался, между прочимъ, въ такихъ выраженіяхъ: «если говорятъ объ Амурскомъ краѣ, какъ о земледѣльческой колоніи, то всегда подразумѣваютъ именно этотъ районъ» [4]), извѣстенъ намъ сравнительно больше другихъ.

Его пространство въ границахъ: Зея, Томь, Завитая, Амуръ — Вяловъ опредѣляетъ свыше 15.000 кв. верстъ, изъ коихъ на долю тайги (т.-е. горныхъ лѣсовъ) приходится 3.000 кв. верстъ; все же остальное пространство занято мѣстностью вполнѣ пригодною для культуры [5]). Коржинскій, присоединяя сюда и небольшой участокъ отъ р. Завитой до Буреи, увеличиваетъ его до 20.900 кв. верстъ приблизительно.

Такъ какъ въ программу Коржинскаго входило, между прочимъ, и болѣе детальное изученіе этого крупнѣйшаго во всемъ Приамурьѣ земледѣльческаго района, то его статью мы и положимъ въ основаніе общаго обзора сказанной территоріи.

---

[1]) Отчетъ Вялова въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1868, IV, 2, стр. 144.
[2]) l. c., стр. 128.
[3]) Вяловъ, l. c.
[4]) l. c., стр. 104.
[5]) l. c.

Если провести прямую линію отъ верховьевъ р. Бѣлой къ устью Буреи, то получится отрѣзокъ почти квадратной формы, вмѣщающій въ себѣ наиболѣе типичныя мѣстности даннаго района. Онъ представляетъ какъ бы родъ котловины, наклонной къ западу и къ югу и имѣющей стокъ въ Амуръ и Зею. Окраины этой котловины къ сѣверу и востоку быстро повышаются, переходя въ гористую страну, надъ широкими же долинами Зеи и Амура, она возвышена лишь на двѣ, три сажени; поверхность ея или ровная, или полого-холмистая, или представляетъ пологія впадины, въ серединѣ которыхъ располагаются озера или болота. Рѣки, орошающія эту мѣстность, впадаютъ въ Зею или Амуръ; тѣ изъ нихъ, которыя проходятъ въ серединѣ описываемой страны, какъ Димъ, Гальчинъ, имѣютъ тихое теченіе и окружены широкими низменными долинами, покрытыми болотами. Въ общемъ, она вполнѣ заслуживаетъ названіе средне-амурской преріи, потому что на всемъ своемъ протяженіи покрыта преимущественно травянистою растительностью и почти лишена лѣсовъ. Зато увалы и всѣ сколько-нибудь значительныя возвышенія покрыты сплошь зарослями кустарнаго орѣшника съ лугово-лѣсной растительностью.

Если изъ центра [1]) этого района передвигаться къ востоку, то легко подмѣтить быстрое измѣненіе въ общемъ характерѣ мѣстности. Уже по дорогѣ между Ильиновкой и селомъ Михайловскимъ поверхность дѣлается неровной, долины суживаются и раздѣляются болѣе высокими увалами, усѣянными сколками [2]) и остатками лѣсовъ, состоящихъ изъ бѣлой и черной (даурской) березы, обыкновенной липы и орѣшника. Дубъ встрѣчается нѣсколько рѣже. Въ долинахъ и падяхъ находятся обширныя болотистыя низины, но и на вершинахъ возвышенностей, а нерѣдко и на скатахъ—болота, поросшія голубикой, занимаютъ обширныя пространства [3]). Вдоль р. Завитой, на увалахъ, сравнительно недавно находились огромные лиственные лѣса, нынѣ почти истребленные; въ долинѣ же названной рѣки, на песчаной почвѣ, были крупные сосновые боры, ко-

---

[1]) Отъ восточной его окраины, вѣроятно?

[2]) Коры и заболони? Стало быть лѣсъ существовалъ здѣсь еще очень недавно?

[3]) Вяловъ, производившій здѣсь въ 1865 и 1866 годахъ инструментальную съемку, вовсе не упоминаетъ о болотахъ; предположить, что онъ ихъ просмотрѣлъ, едва ли возможно; а потому можно было бы допустить, что эти болотистые луга вошли въ его рубрику «луговъ» вмѣстѣ съ заливными лугами Зеи, Бѣлой, Завитой и другихъ рѣкъ и рѣчекъ сказаннаго района; но и въ послѣднемъ случаѣ не нужно забывать, что всѣ луга по пространству занимаютъ, по показанію топографа Вялова, только 1/15 часть территоріи; показанія эти не сходятся съ показаніями Коржинскаго и остается допустить, что дѣса въ послѣднее 25-лѣтіе подверглись значительному истребленію, нынѣ обнажившему находившіяся между ними болотныя пространства

торыхъ постигла таже участь [1]). Далѣе къ Буреѣ (Иннокентьевка, Бахарева) происходятъ все въ томъ же направленіи дальнѣйшія измѣненія мѣстности. Пространства съ луговою растительностью дѣлаются все меньшихъ и меньшихъ размѣровъ, сохраняются лишь на склонахъ, наконецъ, почти изчезаютъ, и вся страна покрывается сплошными, хотя и рѣдкими, лиственными лѣсами изъ бѣлой и черной березы и дуба, среди которыхъ не рѣдкость обширныя луговыя болота. Ближе къ Буреѣ, гдѣ мѣстность пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе гористый характеръ, появляется изрѣдка и лиственница. Наконецъ, на противоположномъ высокомъ ея берегу лиственница вмѣстѣ съ березой покрываетъ уже всю территорію.

Измѣненіе характера мѣстности къ сѣверу происходитъ въ томъ же направленіи, какъ и къ востоку. Уже за рѣкой Бѣлой лѣсовъ довольно много, точно также, какъ по Томи, гдѣ страна по своему облику напоминаетъ мѣстности по рѣкѣ Завитой. Къ сѣверу отъ Томи поверхность пріобрѣтаетъ холмистый характеръ; лѣса, болота и болотистые луга встрѣчаются чаще; но видъ типичной лѣсной полосы принимаетъ мѣстность все же не ближе р. Селимджы [2]).

Отъ орографіи мы переходимъ теперь къ гидрографіи описываемаго бассейна.

Зея [3]) беретъ начало на южныхъ склонахъ Станового хребта. Верхнее ея теченіе мало извѣстно [4]). Принявъ рѣчки Копури, Токъ и Арги, она выбѣгаетъ изъ горной долины на плоскогоріе [5]), послѣ чего прибрежные хребты отходятъ въ стороны и исчезаютъ, а ихъ мѣсто заступаютъ луга, испещренные озерами, обросшими ивовыми и тиссовыми (Taxus baccata L.) кустарниками [6]). Здѣсь (при устьѣ р. Тока) абсолютная высота

---

[1]) Вяловъ (l. c.) вовсе не упоминаетъ о сосновыхъ лѣсахъ, потому ли, что онъ ихъ не видѣлъ или потому, что не считалъ это обстоятельство достойнымъ вниманія?

[2]) Сравни съ тѣмъ, что объ этомъ участкѣ говорилось выше.

[3]) Дже-юрэхъ у Якутовъ, Чжи-оникань у Тунгусовъ, Изиикири или Чикири у Манджуровъ, Чжи-бира у Орочоновъ и Манягровъ, Хуань-хэ у Китайцевъ, Азія-рѣка въ запискѣ Милованова. («Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1853, VII, 2, стр. 18). Въ китайской государственной географіи 1818 г.—Джинь-кири; въ другихъ литературныхъ памятникахъ Дзинь-и-ли, Дзинь-дзи-ли.

[4]) Его изслѣдованіемъ занимались однако Шварцъ и Аносовъ.

[5]) Шперкъ (l. c., стр. 181).

[6]) Шперкъ (l. c.). Что Taxus baccata можетъ встрѣчаться на берегахъ верхней Зеи, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго: она встрѣчается и у насъ на Литвѣ и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Мнѣ неизвѣстно однако, откуда могъ Шперкъ почерпнуть эту подробность? Очевидно, что въ основаніе его очерка рѣки Зеи легли—отчетъ Усольцева и статья Вялова; въ нихъ ни слова о Taxus baccata. Усольцевъ упоминаетъ о тальникѣ, ивнякѣ и березѣ. Ужъ не подъ тальникомъ-ли разумѣлъ Шперкъ ягодный тиссъ? Но тальникъ происходитъ отъ тюркскаго «талъ», слова, прилагаемаго къ всевозможнымъ породамъ и видамъ рода Salix; и, вѣроятно, якуты называли такъ Усольцеву какой-нибудь видъ лозы. Впрочемъ, черезъ нѣсколько страницъ (186) и у него попадается это слово.

Зейской долины не превышаетъ 1,000 футовъ. Почти всѣ притоки верхняго теченія р. Зеи можно характеризировать такъ: находясь верховьями своими въ отрогахъ Станового хребта, они текутъ по ущельямъ среди мочажинъ и кочкарника, обросшаго краснымъ мхомъ; пробираясь въ этихъ мѣстахъ, необходимо ступать съ кочки на кочку, чтобы не очутиться по колѣно въ водѣ. Всюду вокругъ взору представляются другъ на друга награможденныя горы, прорытыя глубокими ущельями, по щекамъ которыхъ темными пятнами спускается хвойный лѣсъ. Лѣсъ мѣстами здѣсь до того густъ, что путнику приходится съ топоромъ въ рукѣ прокладывать себѣ путь. По мѣрѣ приближенія къ Зеѣ, горы понижаются и превращаются въ болѣе плоскіе хребты, долины рѣкъ расширяются и вдоль русла послѣднихъ появляются узкія полоски луговъ, которыя при дальнѣйшемъ движеніи внизъ все болѣе и болѣе ширятся, захватывая уже не только цѣликомъ всю долину, но и всѣ сосѣднія покати холмовъ. Впрочемъ, послѣднее справедливо только для притоковъ Зеи ниже впаденія Тока [1]); выше же, какъ главная рѣка, такъ и притоки ея несутся въ ложбинахъ, вымытыхъ въ рѣчникѣ третичнаго воднаго бассейна [2]). Ниже Брянды Зея катитъ свои воды по необозримой, слегка, впрочемъ, волнистой равнинѣ, поросшей высокою травой и испещреной мелкими водоемами и озерами [3]). Но отъ устья Монгди [4]) у береговъ Зеи появляются горы, сначала на правомъ берегу, а затѣмъ и на лѣвомъ, стѣсняющія мало-по-малу ложе рѣки и преграждающія ей путь цѣпью пороговъ. Съ востока это массивъ Кёхъ-кая, съ запада — хребетъ Тукурингра. Теченіе рѣки въ образованномъ ими ущельи такъ живо описано Усольцевымъ, что мы считаемъ полезнымъ привести разсказъ его цѣликомъ.

«Теченіе становилось быстрѣе. У береговъ и въ серединѣ появились камни, они обозначались періодическими всплесками воды; и чѣмъ далѣе мы плыли, тѣмъ обозначалось ихъ болѣе; а наконецъ, рѣка во всю ширину заволновалась, во многихъ мѣстахъ камни высовывались изъ воды, и послѣдняя, пѣнясь, съ шумомъ билась о нихъ. Плотъ нашъ несло съ чрезвычайною быстротой. Мы ожидали порога. Глаза не отрывались отъ

---

[1]) Или Брянды? Ср. Боголюбскій «Очеркъ Амурскаго края», стр. 10.

[2]) Боголюбскій (l. c.), стр. 9.

[3]) Усольцевъ «Путешествіе къ вершинѣ Гилюя и на Зею» («Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1858, XXII, 2, стр. 151, 153); а также Шперкъ (l. c.) стр. 181.

[4]) Боголюбскій (l. c.) стр. 10.

воды, и мы едва успѣвали увертываться отъ камней, которые на каждомъ шагу угрожали разорвать плотъ на части. Такъ пронеслись мы мимо такого же горнаго ущелья, въ которомъ стремился Гилюй. Еще 22 версты мы плыли такими же мѣстами, встрѣтивъ на пути слѣва рѣчку Алгаю, а справа Барамаконъ и Илачумру, послѣ чего горы круто отклонились вправо и влѣво, и передъ нами открылась широкая долина, покрытая высокою травой [1]). Рѣка раздвинулась, и теченіе сдѣлалось тихо, такъ тихо, что долгое время казалось, будто плотъ нашъ стоитъ на мѣстѣ» [2]).

Затѣмъ, придерживаясь его текста, мы продолжаемъ дальнѣйшее описаніе Зеи.

До устья р. Селимджы рѣка пробѣгаетъ только небольшія совершенно открытыя пространства; она или сжата скалами, или жмется къ горамъ, которыя то справа, то слѣва подходятъ къ руслу рѣки, «оступаясь небольшими утесами въ ея тихо катящіяся воды» [3]). Но приближаясь къ Селимджѣ, горы отходятъ въ сторону и, сначала на правомъ берегу уклоняются по направленію р. Хабайкана, а потомъ вскорѣ и на лѣвомъ онѣ отступаютъ къ востоку и теряются въ долинѣ р. Селимджы. На вершинахъ горъ и кое-гдѣ по небольшимъ склонамъ виднѣется рѣдкій лѣсъ: сосна, ель, лиственъ и береза [4]). Съ устьевъ же Селимджы характеръ страны, по которой продолжаетъ течь Зея, измѣняется рѣзко; на обоихъ берегахъ открывается плоская степная равнина. Густая и высокая трава, перемѣшиваясь съ кустарниками шиповника, покрываетъ необозримое пространство; въ болѣе же низкихъ мѣстахъ виднѣются болота и небольшіе резервуары воды. Такъ протекаетъ Зея 107 верстъ [5]). Отсюда, т.-е. верстахъ въ 15 выше устья р. Томи, цѣпь горъ съ правой стороны постепенно приближается къ рѣкѣ и, наконецъ, составляетъ ея утесистый берегъ. Послѣ Тукурингра это — первая гряда горъ, круто упирающихся въ рѣку Зею. Миловановъ [6]) назвалъ ихъ еще въ 1681 г. «Бѣлыми», и названіе это удержалось за ними. Издали онѣ представляютъ волнистую линію съ невысоко подымающимися отдѣльными сопками. Верстъ на 9 горы эти идутъ у самаго

---

[1]) Боголюбскій между р.р. Монедп и Илачумру насчитываетъ 100 верстъ, что не вполнѣ согласуется съ данными Усольцева.

[2]) l. c., стр. 153.

[3]) Шперкъ, l. c., стр. 182.

[4]) Шперкъ пишетъ: «строевой хвойный лѣсъ» (ib).

[5]) Это показаніе вполнѣ совпадаетъ съ данными Аносова («Горный Журналъ» 1861, № 4, стр. 19).

[6]) «Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1853, VII, 2.

русла рѣки, потомъ отходятъ нѣсколько въ сторону, оставляя между берегомъ и подножіемъ узкую полоску луговъ, послѣ чего снова подходятъ къ рѣкѣ, а потомъ, еще прервавшись версты на три, составляютъ третій выступъ, который тянется версты на двѣ. Противъ конца второго выступа раскинуто нѣсколько низменныхъ острововъ [1]), между которыми скрывается устье р. Томи. Далѣе Бѣлыя горы отступаютъ нѣсколько отъ русла рѣки, окаймленнаго и справа и слѣва лугами, и въ такомъ отдаленіи тянутся на многія версты. Верстъ на 60 отъ устья Томи, на вершинахъ горъ праваго берега и кое-гдѣ по скатамъ виднѣется лѣсъ, но далѣе онъ постепенно исчезаетъ. Горы то подходятъ къ рѣкѣ, то удаляются, и какъ онѣ, такъ и прибрежная равнина, покрыты травой. Болѣе далекія ихъ цѣпи теряются въ дали и также лишены древесной растительности: только на осыпяхъ виднѣются кое-гдѣ отдѣльныя деревья. Долина лѣваго берега, между тѣмъ, тянется непрерывно; кое-гдѣ, однако же, виднѣются вдоль берега холмы, да и въ отдаленіи мѣстность зачастую принимаетъ волнистыя очертанія. Берега повсюду здѣсь низменные, хотя мѣстами и обрываются невысокимъ яромъ въ русло рѣки. Грунтъ земли суглинистый, иловато-песчаный, но кое-гдѣ виднѣется и черноземъ [2]), образующій мѣстами довольно значительныя толщи. Разливъ Зеи при устьѣ Томи, едва ли не шире мѣста впаденія р. Селимджы [3]). «Я не могъ, пишетъ Усольцевъ, перечесть острововъ; они загромоздили собой и устье и всю Зею, такъ что мы долгое время путались между ними. Теченіе же, въ особенности у Бѣлыхъ горъ, такъ тихо, что намъ казалось будто плотъ двигался вверхъ по рѣкѣ» [4]).

Не доходя восьми верстъ до Благовѣщенска, Бѣлыя горы оканчиваются пологими спусками, съ которыхъ открывается прелестный видъ на сліяніе двухъ огромныхъ водныхъ потоковъ—Амура и Зеи, съ расположеннымъ на мысу городомъ и синѣющими вдали горами Манджуріи [5]).

Это довольно общее описаніе рѣки Зеи мы можемъ дополнить слѣдующими подробностями.

До устьевъ Тока Зея течетъ въ одномъ руслѣ, глубоко

---

[1]) Такіе же острова встрѣчаются и выше по Зеи.

[2]) Ниже мы увидимъ, что по своему образованію эта черная почва ничего общаго съ черноземомъ русскихъ степей не имѣетъ.

[3]) Разливъ Зеи у Селимджы ровенъ приблизительно 5 верстамъ (Усольцевъ, l. c., стр. 155).

[4]) l. c., стр. 157.

[5]) Шперкъ, l. c., стр. 183.

врѣзанномъ въ толщи третичныхъ наносовъ [1]). Ниже Тока она разбивается на нѣсколько рукавовъ, изъ коихъ нѣкоторые переполняются водой только позднею весной. Ниже Брянды она продолжаетъ течь нѣсколькими протоками [2]), хотя мѣстами, вѣроятно, и собирается въ одно русло, такъ какъ Усольцевъ [3]), опредѣляя ширину послѣдняго въ 300 саж., одновременно вовсе не упоминаетъ объ ея рукавахъ. Ниже р. Монеди (Монгди) долина Зеи сужается сходящимися съ запада и востока горами, и рѣка вступаетъ въ ущелье, увеличивая значительно быстроту теченія своихъ водъ. Это послѣднее обстоятельство, а также и шиверы, пороги и перекаты дѣлаютъ опаснымъ, если только не вполнѣ невозможнымъ, поднятія даже мелкосидящихъ и сильныхъ пароходовъ по Зеѣ выше устья р. Илачумру [4]). Ниже ущелья Зея расширяется до устья р. Ура, послѣ чего, попеременно, то сжимаясь, то снова расширяясь, течетъ непрерывно въ одномъ руслѣ, образуя небольшіе острова только при устьяхъ: Мокчо, Ура, Уланга и Дэпа. Далѣе возвышаются скалистые берега на всемъ теченіи Зеи до Селимджы, которые и заставляютъ рѣку бросаться изъ стороны въ сторону. Фарватеръ, однако, всюду глубокъ, и рѣка, благодаря тихому теченію, представляетъ всѣ данныя для развитія здѣсь пароходства. Ниже Селимджы Зея вступаетъ въ широкую луговую долину, по которой и течетъ до самаго устья. Ширина долины—отъ 4 до 12, а мѣстами и болѣе верстъ. Вся долина, представляя какъ бы огромный сѣнокосный лугъ, изрѣзана впадинами и озерами. Берега рѣки очень низки и состоятъ изъ рыхлаго песчанаго грунта. Русло рѣки отъ устья Ура состоитъ изъ крупнаго камня (валуновъ?) и гальки; отъ Селимджы до Томи—изъ одной гальки и коегдѣ—дресвы [5]), а отъ Томи до устья—изъ мелкаго песка. Съ устья Селимджы Зея загромождается островами, которые ниже Томи становятся особенно частыми. Въ протокахъ набросанныя безчисленныя банки, отмели и карчи значительно затрудняютъ плаваніе [6]). Ширина Зеи отъ р. Ура до Бѣлыхъ горъ колеблется между 200 и 450 саж.; отсюда же ширина ея увеличивается и при устьѣ Малой Бѣлой доходитъ до $3^1/_2$ вер.; впрочемъ, далѣе рѣка снова суживается, такъ что при своемъ

---

[1]) Боголюбскій, l. c., стр. 9.
[2]) Боголюбскій, l. c., стр. 10.
[3]) l. c., стр. 153.
[4]) Какъ мы ниже увидимъ пароходы поднимаются до Брянды.
[5]) Вяловъ («Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1868, IV, 2, стр. 145). Авторъ называетъ, вѣроятно, дресвой гравій, крупный песокъ.
[6]) Вяловъ (ib), Боголюбскій, l. c., стр. 12.

устьѣ, даже въ полую воду, едва достигаетъ 1 вер. 200 саж. Глубина Зеи непостоянна. Между Селимджой и Томью ее опредѣляютъ приблизительно въ 10 саж. Но отсюда внизъ, съ расширеніемъ Зеи, и глубина ея значительно уменьшается и при этомъ, благодаря множеству переносныхъ мелей,—очень неправильно, что въ высшей степени затрудняетъ судоходство по этой части рѣки, даже при условіи очень мелкой посадки (до 4 фут.) судовъ[1]). Начиная отъ Томи, по обѣимъ сторонамъ Зеи и по лѣвымъ ея притокамъ пріютилась новѣйшая русская колонизація Зейскаго бассейна, о которой мы будемъ говорить ниже.

Воды Зеи нѣсколько разъ прибываютъ и скатываются. Иногда рѣка бываетъ въ очень большомъ разливѣ, затопляя всю луговую долину и представляя тогда цѣлое море воды[2]). Вообще же каждая прибыль воды идетъ въ ней быстро и сопровождается почти всегда сильнымъ размывомъ праваго берега. Боголюбскому, напримѣръ, не разъ случалось наблюдать сильное подмываніе наносовъ въ Бѣлыхъ горахъ, которыя, по его мнѣнію, въ недалекомъ будущемъ должны будутъ исчезнуть, а Зея, вслѣдствіе общаго закона передвиженія русла рѣкъ (законъ Бэра), направиться болѣе къ западу. Особенно опасны эти подмывы Благовѣщенску, расположенному на песчаномъ мысѣ между Амуромъ и Зеей. «Если жители не укрѣпятъ береговыя улицы прочнымъ валомъ (дамбами?)», говоритъ Боголюбскій, «то при первомъ же большомъ наводненіи большая часть береговыхъ построекъ будетъ, безъ сомнѣнія, смыта[3])».

Нѣкоторыя подробности о характерѣ лѣваго берега Зеи мы находимъ и въ отчетѣ Аносова[4]). Изъ него приведемъ все существенное.

«...Зея скрылась. Влѣво отъ нея тянулись длинныя озера; мѣстность же представляла вообще сухіе, прекрасные луга; группы разнородныхъ деревьевъ, преимущественно мелкаго дуба и черной березы, попадались цѣлыми рощами или шли полосою вдоль Зеи[5]). Сдѣлавъ 30 вер., мы остановились на ночлегъ у небольшой болотистой рѣчки.

Дальше характеръ мѣстности тотъ же. Остановились ночевать на большой рѣчкѣ, впадающей въ Зею (Большая Бѣлая). Долина ея имѣетъ видъ весьма плоскій. Горы весьма пологи, покрыты черноземомъ и состоятъ изъ тѣхъ же на-

---

[1]) Вяловъ (ib), Боголюбскій (ib).
[2]) Вяловъ (ib).
[3]) Боголюбскій, l. c., стр. 12.
[4]) «Горный Журналъ», 1861, № 4.
[5]) Нынѣ рощи эти уже вырублены.

носовъ, какъ и Бѣлыя горы по Зеѣ. Сама рѣчка имѣетъ весьма тихое теченіе и бѣжитъ по песку. Нигдѣ не видно ни утесовъ, ни крутыхъ каменистыхъ горъ.

Мы незамѣтно поднялись на довольно возвышенную мѣстность, съ которой виднѣлись за кустарниками русло Зеи, а за ней—полоса Бѣлыхъ горъ. Мы продолжали держать курсъ на сѣверъ. Мѣстность по прежнему очень однообразная. Мы нѣсколько разъ замѣчали, что, чѣмъ болѣе удаляемся въ сторону отъ берега Зеи, тѣмъ болота становятся чаще; самые же берега Зеи совершенно сухи. Такъ дошли мы до значительной р. Томь.

За Томью дорога пошла лиственичнымъ боромъ. Каково же было наше удивленіе, когда мы, пройдя этимъ послѣднимъ около 3 вер., вышли на другой рукавъ Томи, за которымъ виднѣлся еще одинъ протокъ!

Дальше мы пошли по небольшимъ плоскимъ возвышенностямъ, поросшимъ мелкимъ дубнякомъ и орѣшникомъ. Спустившись въ весьма плоскую долину, мы встрѣтили болотистую рѣчку, бѣжавшую въ крутыхъ и высокихъ черноземныхъ ярахъ. Всѣ встрѣчавшіеся намъ впослѣдствіи ручьи имѣли тотъ же характеръ береговъ.

Болота увеличивались. Мы должны были очень часто сворачивать къ Зеѣ. Ночевали у озера.

Вышли на Зею и рѣшились не отходить отъ ея береговъ, которые повсемѣстно были здѣсь сухи.

Справа подошелъ первый утесъ. Онъ состоялъ изъ глинистаго сланца и почти отвѣсно возвышался надъ лугомъ. Съ него виднѣлись обширные луга, рощи, сосновый боръ, и лиственничный лѣсъ. Горизонтъ представлялся весьма обширнымъ, кое-гдѣ виднѣлись горки, но весьма небольшія. Хребтовъ же нигдѣ не было видно, а между тѣмъ, вѣдь, мы находились чуть не на берегахъ Селимджы!

Подошли къ стрѣлкѣ Селимджы. На ней виднѣлась небольшая гора. Сдѣлали много верстъ, но подались впередъ мало, вынужденные слѣдовать многочисленнымъ здѣсь изгибамъ р. Зеи.

Осмотръ мѣстности, лежащей при сліяніи рѣкъ Зеи и Селимджы, показалъ, что здѣсь есть горы, которыя оканчиваются какъ надъ Зеей, такъ и надъ Селимджой крутыми уступами, представляющими рядъ скалъ одинаковой высоты, но самыя горы весьма пологи и залегающія между ними долины весьма плоски, болотисты и окружены марями, т.-е. болотистыми же откосами. Обнаженій внутри страны никакихъ. Судя же по

береговымъ утесамъ, возвышающимся надъ Зеей и Селимджой, нужно предполагать, что основу всей вышеописанной мѣстности составляетъ гранитъ, мѣстами слоистый. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь выклинивается хребетъ, идущій отъ горъ Джагду; но вѣтвь эта, достигнувъ Селимджы, потеряла совершенно свой, если можно такъ выразиться, горный характеръ. Нѣтъ ни крутыхъ сопокъ, ни глубокихъ долинъ, ни каменистыхъ рѣчекъ, ни, наконецъ, каменныхъ осыпей. Зато здѣсь тянутся безконечныя, плоскія, нагорныя болота, долины всюду весьма болотисты, и рѣки бѣгутъ спокойно въ глубокихъ руслахъ по мелкому песку и черноземy».

Площадь бассейна Зеи Вяловъ опредѣляетъ въ 186.000 кв. верстъ; но цыфру эту мы должны принять только какъ приблизительную. Равнымъ образомъ мало точны и опредѣленія длины этой рѣки, колеблющіяся въ предѣлахъ 900 [1]) — 1100 верстъ [2]).

Изъ притоковъ Зеи заслуживаютъ особеннаго вниманія: правые—Токъ, Брянда, Гилюй и Уръ; лѣвые—Копури, Арги, Урканъ, Дэпъ, Селимджа, Томь и, пожалуй, Большая Бѣлая и Будинда: послѣдніе не столько по своей величинѣ, сколько благодаря тому, что протекаютъ по наиболѣе культурной части Амурской области. Но изъ всѣхъ этихъ рѣкъ только нѣкоторыя извѣстны на столько, что о нихъ есть возможность написать хотя нѣсколько строкъ.

Брянда—извѣстна по походу Пояркова [3]), но изъ новѣйшихъ русскихъ изслѣдователей не описывалась никѣмъ. У Усольцева мы находимъ только нѣсколько строкъ, посвященныхъ ея правому притоку — Иликану: «Долина этой рѣчки раскидывалась по отлогостямъ береговыхъ хребтовъ, вся состоя изъ мочажинъ краснаго моха; кое-гдѣ на небольшія пространства она суживалась подошедшими къ самому руслу рѣки горами до того, что текла въ утесистыхъ берегахъ. Высокихъ горъ не встрѣчалось; на всемъ пространствѣ мы только разъ пересѣкли хребетъ Домбуко», хотя и прошли этой долиной 117 верстъ.

Гилюй. [4]) Низовья этой рѣки посѣтилъ Миддендорфъ, вершину—Усольцевъ. Съ ихъ маршрутами въ области этой рѣки мы уже познакомились выше, [5]) а потому, не возвращаясь еще

---

[1]) Вяловъ (id).

[2]) Геогр.-Статист. Словарь Россійской Имперіи, подъ ред. Семенова.

[3]) Шперкъ, l. c., стр. 183 упоминаетъ еще о какой-то Нижней Брандѣ. Намъ вовсе неизвѣстна эта рѣка.

[4]) Собственно Гилю, по-китайски Килэ.

[5]) См. стр. 52—59.

разъ къ сказанному, мы дадимъ ей лишь нѣкоторую характеристику, вполнѣ, впрочемъ, исчерпывающую имѣющійся въ нашемъ распоряженіи фактическій матерьялъ.

Гилюй беретъ начало съ южныхъ склоновъ Станового хребта двумя истоками (Гилюй, Олонгро), съ З. и В. охватывающими горный массивъ Атычана. Ихъ долины представляютъ обширныя мочажины, по которымъ множествомъ извилистыхъ ручьевъ первоначально и текутъ эти рѣчки. Ниже долины ихъ становятся уже, а ограничивающіе ихъ горные скаты—круче. Появляется лѣсъ: сперва кустарники, потомъ береза и хвоя. Лѣсъ этотъ мѣстами до того густъ, что пробираться черезъ него приходится не иначе, какъ при помощи топора. Онъ прерывается только глубокими падями, скалами и мочажинами, по которымъ стекаютъ въ Гилюй его многочисленные притоки. И при всемъ томъ трава имѣется только тамъ, гдѣ огонь успѣлъ выжечь лѣсъ и подстилающій его мохъ. Еще дальше русло рѣки углубляется, берега ея становятся выше, обрывистѣе. Отъ множества стекающихъ въ нее справа притоковъ она выигрываетъ значительно въ глубинѣ и ширинѣ и мало по малу выростаетъ въ значительный потокъ, который, соединившись съ Тандою и измѣнивъ свое первоначальное юго-западное направленіе на юго-восточное, несется отсюда уже крупной рѣкой черезъ пороги и въ щекахъ, сжимающихъ ее до того, что тамъ уже нѣтъ мѣста для сколько нибудь широкой долины; послѣдняя, впрочемъ, почти изчезаетъ къ устью рѣки. Здѣсь тѣснящія ее скалы такъ круты, что мѣстами лишены даже вовсе растительнаго покрова. Крупнѣйшій изъ притоковъ Гилюя—вышеупомянутая Танда.

Уръ. Если не самая рѣка, то одинъ изъ самыхъ верхнихъ правыхъ притоковъ ея — Джилинда, беретъ начало на плоскогоріи (плоскомъ хребтѣ), полого спускающемся въ сторону Удской долины и вытягивающемся въ цѣпь гольцовъ (Янканскій Голецъ) далѣе къ сѣверу, къ истокамъ Ура [1]). Вообще долина Ура, несмотря на множество скалъ, прорывающихъ растительные покровы ея пологихъ склоновъ, имѣетъ по преимуществу плоскій характеръ. Теченіе рѣки извилисто, русло загромождено островами. При устьѣ своего лѣваго притока Тенди, впадающаго въ Уръ двумя рукавами, изъ коихъ каждый имѣетъ до 25 саженей ширины, главное русло этой рѣки достигаетъ 45 саженей ширины. Долина Ура чрезвычайно болотиста, пестритъ озерами и покрыта травой, пред-

[1]) Миддендорфъ, l. c., стр. 185.

ставляя въ общемъ постепенный переходъ отъ моховыхъ болотъ Становыхъ горъ къ заливнымъ и болотнымъ лугамъ Зеи и Томи.

Селимджа. Верховья Селимджы, можетъ быть, совершенно точно нанесенныя на наши карты, тѣмъ не менѣе совершенно намъ неизвѣстны. Позволительно только догадываться, что, такъ какъ она беретъ начало съ высокаго Ямъ-Алиня, а затѣмъ нѣкоторое время течетъ въ области распространенія особенно крутыхъ горъ, то здѣсь она должна имѣть характеръ горной рѣчки. У Инканской часовни на нее вышелъ академикъ Миддендорфъ. Онъ сообщаетъ только, что рѣка дѣлится здѣсь на нѣсколько рукавовъ, огибающихъ лѣсистые острова и что вообще берегъ ея въ этомъ мѣстѣ крутъ, хотя и не высокъ[1]). Гораздо ниже на Селимджу вышелъ Усольцевъ. О его пути внизъ по этой рѣкѣ мы находимъ слѣдующія подробности въ книгѣ Шварца[2]). Рѣка Селимджа имѣетъ уже до 300 саженъ ширины въ томъ мѣстѣ, гдѣ на нее вышелъ Усольцевъ, т.-е. въ 35 верстахъ выше впаденія Нары. По ней можно плыть на большомъ плоту безъ всякой опасности до того мѣста (выше Нары), гдѣ рѣка течетъ среди множества острововъ съ чрезвычайною быстротой[3]). Берега ея круты, но не высоки; горъ не видно ни на одной изъ сторонъ ея. Только впереди, на западѣ, показывается очень высокая горная цѣпь (?), простирающаяся съ сѣвера на югъ; отвѣтвляясь отъ горъ Джагду[4]), она проходитъ между Дэпомъ и Тукси (Джагда), неся на своемъ гребнѣ вершины Ассыни, Табицаръ и Табыярханъ[5]); далѣе на югъ, между Зеей и Селимджой, горы эти сглаживаются и образуютъ низкое плоскогоріе, оканчивающееся крутымъ мысомъ при сліяніи двухъ названныхъ здѣсь большихъ рѣкъ[6]). Правая сторона Селимджы почти на всемъ пространствѣ отъ устья Нары до Зеи также представляетъ живописный скалистый берегъ въ нѣсколько сотъ футовъ вышины. Кое-гдѣ его скаты поросли сосновымъ лѣсомъ, впервые встрѣ-

---

1) l. c., стр. 182.

2) «Труды Сибирской Экспедиціи», Математическій отдѣлъ, стр. 54.

3) Мѣсто это очень не ясно. Если упоминаютъ о плотѣ, то предполагается, что на немъ спускаются, а не подымаются по рѣкѣ. На основаніи какихъ же данныхъ утверждаетъ Шварцъ, что спускъ плотовъ внизъ по рѣкѣ до острововъ, находящихся выше Нары, безопасенъ?

4) Шварцъ называетъ ихъ Кюэхъ-Кая.

5) Все сказанное Шварцъ основываетъ на данныхъ Миддендорфа. Но онъ, очевидно, это мѣсто въ книгѣ Миддендорфа не вполнѣ понялъ, если говоритъ о горной цѣпи, увѣнчанной вершинами Ассыни и др. Послѣднія подымаются на южной оконечности плоскогорія Аргыбчунъ. См. выше, стр. 101 и Миддендорфъ, l. c., стр. 203.

6) Ср. стр. 114 Описаніе береговъ Зеи и Селимджы, представленное Аносовымъ.

ченнымъ здѣсь Усольцевымъ, который, какъ извѣстно, шелъ сначала вверхъ по Буреѣ, потомъ хребтомъ Турана до р. Селимджы. Лѣвый берегъ представляетъ необозримую степную равнину, и только въ одномъ мѣстѣ подступаютъ къ рѣкѣ два соединенные мыса. Сперва степь мѣстами покрыта лѣсомъ, но, недоходя 20 верстъ до устья Селимджы, въ ней уже не встрѣчается ни одного дерева; только высокая трава и безчисленные кусты шиповника покрываютъ ее. Начиная отъ устья Нары, Селимджа становится шире, глубже и течетъ уже менѣе быстро; по ней здѣсь, безъ сомнѣнія, очень хорошо можно ходить на пароходахъ. Самымъ крупнымъ притокомъ Селимджы является много разъ выше упомянутая Нара; но долина ея намъ почти совсѣмъ неизвѣстна.

Томь. Рѣка эта намъ мало извѣстна. Въ своихъ низовьяхъ она орошаетъ равнину, занятую въ настоящее время русскими поселками и деревнями, изъ коихъ девять расположено на лѣвомъ, высокомъ, и только одинъ на правомъ ея берегу, низменномъ и болотистомъ. Ея долина на всемъ своемъ протяженіи поросла строевымъ лѣсомъ, сосной въ верховьяхъ и лиственницей въ низовьяхъ; впрочемъ, извѣстія эти относятся ко временамъ первыхъ поселеній на рѣкѣ Томи; весьма возможно, что лѣса эти уже уничтожены, какъ были они уничтожены въ другихъ культурныхъ округахъ Зейской низменности.

Рѣка Зея вливается въ Амуръ широкимъ устьемъ, передъ которымъ лежатъ многіе острова и песчаныя отмели. По сліяніи съ Зеей, Амуръ[1]), слѣдуя направленію Зеи, измѣняетъ свое теченіе изъ ю.-в-наго въ южное; въ этомъ направленіи течетъ Амуръ 7 вер., затѣмъ поворачиваетъ къ Ю.-Ю.-З. и въ новомъ направленіи течетъ 23 вер., а затѣмъ только въ 1 вер. выше китайскаго города Айгуна поворачиваетъ къ Ю.-Ю.-В. Ширина Амура на всемъ упомянутомъ 30-верстномъ отъ устья Зеи протяженіи — отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 вер., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ островами расширяется до 3 вер. и только въ одномъ пунктѣ суживается до одной съ небольшимъ версты (на 21-й ниже устья Зеи). Повернувъ передъ Айгуномъ, рѣка течетъ къ Ю.-Ю.-В. 9 вер., затѣмъ къ Ю.—13 вер., на Ю.-В.—6 верстъ, на В.—7 вер., и, наконецъ, на Ю., до поселка Низменнаго—5 вер. и еще далѣе 3 версты, сохраняя ту же ширину и тотъ же характеръ теченія. По впаденіи Зеи, лѣвый берегъ Амура кажется громадною и притомъ безлѣсною равниною, теряющеюся на отдаленномъ горизонтѣ. Вообще на В. отъ нижней Зеи,

---

[2]) Назаровъ, l. c., стр. 157.

на далекое разстояніе, горъ совсѣмъ нѣтъ и материкъ представляетъ незначительно возвышенную надъ уровнями Зеи и Амура, весьма мало волнистую и бѣдную лѣсомъ равнину, которая постепенно возвышается на С.-С.-В., но падаетъ къ долинамъ нижней Зеи и Амура рѣзкимъ крутымъ откосомъ или уступомъ, ограничивающимъ съ С. лѣво-береговую долину Амура. Уступъ этотъ подходитъ къ самому Амуру лишь у станицы Поярковой, расположенной вер. въ 115 ниже Благовѣщенска и, слѣдовательно, лѣво-береговая долина, не прерываясь, протянута вдоль Амура на 115 вер., при ширинѣ отъ 7 до 20 верстъ. Долина эта слегка волниста, имѣетъ множество луговыхъ пространствъ и ложбинъ, изрѣзывающихъ ее по всѣмъ направленіямъ и связывающихся протоками и логами, какъ между собою, такъ отчасти съ Амуромъ и Зеею. Во время прибыли воды всѣ эти ложбины заливаются водою и представляютъ обширныя озерныя группы, связанныя протоками, которые дѣлаютъ сообщеніе по долинѣ не только колесное, но и верховое, почти невозможнымъ. По сбытіи воды, большая часть долины состоитъ изъ мокрыхъ луговъ и непроходимыхъ болотъ съ тростниками и многочисленными озерами, тянущимися на значительныя протяженія, въ особенности же подъ самымъ уступомъ болѣе возвышенной террасы. Наиболѣе значительныя болотистыя пространства встрѣчаются между русскимъ селеніемъ Владимірскимъ и манджурскими деревнями Будинда и Мал. Хонирха; по обѣимъ берегамъ впадающей въ 21 вер. ниже устья Зеи рч. Айгуна или Манга, противъ манджурскихъ деревень Больш. Алинь и Тугдунъ-Алинь; между манджурскими деревнями Сыдъ-чаза, Чинъ-Дунъ-шань, Норъ-токсо и Фе-токсо; между манджурскими деревнями Бордо, Манго, Худунъ-шань и Тушхулу; близъ манджурской деревни Хату-Бирганъ; между деревнями Була-Мунга, Алинь-токсо, Больш. Гильчинъ и Дайре; между манджурскими деревнями Тулхада, Мал. Гильчинъ, Дапауза и казачьимъ поселкомъ Низменнымъ. Возвышенныя мѣста долины, не затопленныя водою, разбросаны небольшими островами по всему ея пространству, а болѣе обширная, нѣсколько возвышенная площадь, находится подъ уступомъ высокой террасы передъ поселкомъ Низменнымъ; она составляетъ какъ бы нисшую террасу нагорнаго уступа, разрѣзываемую пополамъ долиною рѣчки Больш. Гильчинъ, впадающей въ Амуръ въ $6\frac{1}{2}$ вер. ниже поселка Низменнаго и заселена манджурскими деревнями Норъ-токсо, Алинь-токсо, Больш. Гильчинъ, Фе-токсо, Тайпингу, Мал. Гильчинъ и Дапауза.

Сѣверо-восточною границею описываемой долины служитъ, какъ мы уже сказали, отстоящій отъ 7 до 20 вер. отъ Амура уступъ террасы или плоскогорія, возвышающагося отъ 50 до 200 ф. надъ уровнемъ долины и круто падающій къ ней подъ угломъ отъ 40° до 45°. Уступъ этотъ въ низовьяхъ Зеи и при сліяніи ея съ Амуромъ образуетъ ихъ нагорные берега, затѣмъ идетъ параллельно теченію Амура верстахъ въ 7 или 8 отъ его русла, а отъ манджурской деревни Чинъ-да-Шенъ поворачиваетъ на Ю.-В., отдаляясь отъ Амура верстъ на 10 и выходя на него опять близъ поселка Низменнаго. На этомъ пространствѣ скатъ описываемаго уступа прорѣзывается въ 6 пунктахъ лощинами, на значительное разстояніе вдающимися въ террасу или плоскогоріе, а именно, у манджурскихъ деревень Малой и Большой Алинь, у Тухулу, въ 2 вер. южнѣе Чинъ-Дунъ-Шанъ, у русской дер. Гильчинъ (долиною рч. Б. Гильчинъ) и у русскаго выселка Уртуй (долиною рч. М. Гильчинъ или Уртуй). Значительно углубляясь въ плоскогоріе, лощины эти, при весьма маломъ паденіи къ долинѣ, имѣютъ характеръ болотистый. Лощины, по которымъ протекаютъ обѣ рѣчки Гильчинъ, ограничены крутыми берегами. Самая же терраса или плоскогоріе имѣетъ характеръ открытой ровной степи, очень мало склоняющейся къ низкой долинѣ Амура, но падающей къ ней сразу крутымъ скатомъ. Такое строеніе даетъ возможность удерживаться на равнинѣ дождевымъ водамъ и потому въ болѣе углубленныхъ мѣстахъ почва ея всегда влажная, но столь обширныхъ болотъ, какъ на низкой долинѣ, на террасѣ нѣтъ. По составу почвы она также отличается отъ низменности; на послѣдней высшія мѣста состоятъ изъ смѣси глины, песку и небольшого количества перегноя, а на террасѣ почва имѣетъ характеръ чернозема. При почти совершенномъ отсутствіи сплошныхъ лѣсовъ на долинной низменности и на верхней террасѣ, древесныя группы, рѣзко очерченныя на горизонтѣ, являются преимущественно только около манджурскихъ деревень, всегда осѣненныхъ деревьями. Другое дѣло на самыхъ берегахъ Зеи и Амура. Здѣсь нѣтъ недостатка въ древесной растительности. На береговыхъ скатахъ и островахъ рѣки произрастаютъ ивы, черемуха, яблонь, мелкая береза, шиповникъ, смородина, а противъ Низменнаго являются впервые пробковое дерево (Phellodendron amurense), дикій виноградъ (Vitis amurensis) и мелкій орѣшникъ. Вообще же населеніе описываемой равнины терпитъ отъ недостатка лѣса, особливо строеваго. Между устьемъ Зеи и Низменнымъ впадаютъ въ Амуръ съ лѣвой стороны рѣчки: Хони-Хорха, Айгунъ (или Манга),

Бирганъ и Б. Гильчинъ. Русла этихъ рѣкъ чрезвычайно болотисты и для судоходства почти недоступны, теченіе ихъ слабо, мѣстами онѣ то разливаются въ озера, то скрываются въ травѣ. Озеръ въ долинѣ насчитываютъ до 65; берега ихъ болотисты и только изрѣдка круты. Въ послѣднемъ случаѣ они представляютъ собою старицы, удлиненныя въ направленіи теченія Амура. Въ большинствѣ же случаевъ озера эти посредствомъ стоковъ входятъ въ связь съ Амуромъ.

Правый нагорный берегъ Амура, отойдя отъ рѣки въ $1\frac{1}{2}$ вер. выше Благовѣщенска, тянется внизъ по Амуру верстъ на 75, а затѣмъ, нѣсколько выше поселка Низменнаго, упирается въ самую воду высокою скалистою стѣною, составляющею отрогъ Илхури-Алинскаго хребта, а затѣмъ отрогъ этотъ противъ самаго Низменнаго поднимается круто надъ водою футовъ на 600. Холмъ этотъ имѣетъ форму усѣченнаго, стиснутаго конуса. Съ вершины его раскрывается обширный видъ на низменную долину Амура, разстилающуюся на подобіе раскрытой географической карты. По долинѣ отъ манджурской деревни Сахалинъ, расположенной здѣсь прямо противъ Благовѣщенска, проходитъ на протяженіи около 40 вер. дорога въ Айгунъ. За Айгуномъ дорога эта отходитъ отъ Амура и уходитъ въ глубь Манджуріи на Мергенъ въ Цицикаръ. За Айгуномъ до Низменнаго право-береговая долина сохраняетъ тотъ же характеръ.

Между устьемъ Зеи и Низменнымъ ширина Амура, вообще, отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 вер. Острововъ много, а именно около 30, иногда очень большихъ. Въ мелководье у острововъ и береговъ много отмелей. Противъ поселка Низменнаго, по впаденіи справа въ Амуръ рѣчки Бѣлой, есть у праваго берега рѣки группа острововъ, изъ которыхъ одинъ имѣетъ до $2\frac{1}{2}$ вер. длины и $1\frac{1}{2}$ ширины. Острова эти расположены подъ высокимъ гористымъ правымъ берегомъ и отдѣляются отъ него протокою, которая, по разсказамъ, была прежде главнымъ русломъ Амура, а нынѣ, при мелководьѣ, пересыхаетъ, образуя, однако же, глубокій заливъ, служащій гаванью и зимовьемъ для манджурскихъ военныхъ лодокъ. Здѣсь же зимуютъ иногда и русскіе амурскіе пароходы.

Въ 3 вер. ниже поселка Низменнаго, Амуръ изъ южнаго направленія принимаетъ юго-восточное, въ которомъ и течетъ верстъ 14. На этомъ протяженіи правый нагорный берегъ, подходившій къ рѣкѣ противъ Низменнаго, держится отъ нея въ 5—7 вер. разстоянія, а на лѣвой сторонѣ равнина разстилается до видимаго горизонта, ограничиваясь вер. въ 20 отъ

рѣки уступомъ верхней террасы. Изъ ю.-в-наго направленія рѣка принимаетъ сначала в-ное, на протяженіи 9 вер., а затѣмъ, сѣверное — 4 вер., причемъ на 3-й верстѣ отъ рѣки отдѣляется къ Ю.-В. «Заносная протока», отъ 200 до 500 саж. ширины. Главное же сѣверное русло отъ поселка Константиновскаго поворачиваетъ къ Ю.-В. и только на 13-й верстѣ этого теченія сливается съ упомянутою протокою, образуя цѣлый архипелагъ большихъ и малыхъ острововъ (числомъ до 25). Ширина Амура на всемъ упомянутомъ протяженіи отъ 500 саж. до 2, 3 и даже до 4 вер., съ островами и протоками. При восточномъ теченіи право-береговая долина суживается до 3 и 2 вер., а по впаденіи рѣчки Лѣсной, на 3-й верстѣ правой Ю.-В. протоки, правый нагорный берегъ подходитъ непосредственно къ руслу рѣки, послѣ чего опять отдаляется верстъ на 6. По образованіи архипелага острововъ на 13-й верстѣ ю.-в. теченія, Амуръ суживается до 2 вер. и, при этой ширинѣ течетъ въ томъ же направленіи 5 вер., имѣя по срединѣ русла острова; затѣмъ снова разбивается массою острововъ на множество протокъ и разливается послѣдними въ 6 верстахъ выше поселка Сычевскаго на 7—8 вер. Правый нагорный берегъ противъ этого мѣста подходитъ отлогими увалами близко къ рѣкѣ, затѣмъ снова отдѣляется. Въ 4 вер. ниже Сычевскаго Амуръ суживается до 2 вер. и течетъ далѣе при такой ширинѣ 10 вер. къ С.-В., имѣя острова то у праваго, то у лѣваго берега, послѣ чего поворачиваетъ на В. и въ этомъ направленіи течетъ 15 вер., при ширинѣ отъ 500 до 1000 саж., причемъ также, то у праваго, то у лѣваго берега имѣются значительной величины острова, а противъ устья впадающей справа рѣчки Горной, въ 12 вер. выше станицы Поярковой—цѣлая группа острововъ (14). По впаденіи рѣчки Горной правый нагорный берегъ приближается къ водѣ выдающимся мысомъ, но затѣмъ снова отступаетъ и отдаляется отъ рѣки вер. на 6. Противъ этого мѣста на лѣвомъ берегу Амура, между рѣками Димомъ (Грязнухой) и Завитой, появляются увалы, отстоящіе, впрочемъ, отъ Амура верстъ на 5. Передъ впаденіемъ р. Завитой, въ $4\frac{1}{2}$ вер. выше станицы Поярковой, Амуръ раздѣляется на два русла, шириною каждое въ 400 саж. Лѣвое русло течетъ къ С.-В. до станицы Поярковой, оттуда — на В.-Ю.-В. $3\frac{1}{2}$ вер., послѣ чего разбивается на 2 русла, обнимающія островъ въ $2\frac{1}{2}$ вер. длины и $1\frac{3}{4}$ шир. Правое же русло направляется на В.-Ю.-В. 7 вер., далѣе на Ю.—3 вер., на Ю.-В., В. и С.-В.—3 вер. и, наконецъ, на С.—$5\frac{1}{2}$ вер., послѣ чего соединяется съ лѣвымъ русломъ. Такъ

называемый, Полуденный островъ, образуемый двумя протоками, имѣетъ 10 вер. длины, при $4^1/_2$ вер. ширины. Соединившись въ одно русло, шириною $1^3/_4$ вер., Амуръ течетъ къ В. 5 вер., но при этомъ теченіи образуетъ островъ въ $2^1/_2$ вер. длины и $1^1/_2$ ширины. При концѣ восточнаго теченія рѣка суживается до 200 саж. Далѣе Амуръ течетъ къ Ю.-Ю.-З. 11 вер., причемъ сначала отъ праваго берега отдѣляется узкою протокою островъ въ 4 версты длины и $1^1/_2$ ширины, а затѣмъ, отъ лѣваго берега узкою же протокою—островъ въ $2^1/_2$ вер. длины и $1^1/_2$ ширины. Ширина рѣки при этомъ теченіи отъ 1 до 2 вер. У станицы Поярковой возвышенная терраса приближается къ Амуру, затѣмъ снова отдаляется до 3 вер. отъ рѣки, въ началѣ же ея поворота къ Ю. приближается еще разъ къ послѣдней, возвышаясь надъ нею холмами. Правый же нагорный берегъ, приблизившись къ Амуру при устьѣ рѣчки Горной и тотчасъ же отдалившись, держится въ 4—6 вер. отъ русла на всемъ южномъ теченіи. Затѣмъ Амуръ, на протяженіи 8 вер., течетъ къ В., а далѣе на протяженіи $12^1/_2$ вер.—къ В.-Ю.-В. до поселка Купріянова, расположеннаго при впаденіи въ Амуръ слѣва р. Купріяновки. На поворотѣ изъ восточнаго въ в.-ю.-в-ное теченіе ширина рѣки—500 саж., а далѣе—отъ 750 до 1500 саж. Правый нагорный берегъ находится здѣсь въ разстояніи 300—400 саж. отъ русла рѣки, а при концѣ поворота двумя горными мысами приближается къ самой водѣ, но потомъ постепенно отходитъ отъ ложа Амура версты на 3, давая просторъ обширной дельтѣ впадающей здѣсь справа въ Амуръ рѣчки Хурки. Въ самомъ Амурѣ противъ дельты образовался цѣлый архипелагъ острововъ, числомъ 10, изъ коихъ 5 бо̀льшихъ имѣютъ отъ 1 до 3 вер. ширины и отъ $^1/_2$ до 1 вер. длины.

Отъ поселка Купріянова Амуръ поворачиваетъ на Ю.-В. и въ этомъ направленіи течетъ 12 вер., при ширинѣ отъ 500 до 750 саж. Ниже Купріянова въ 3 вер. отъ рѣки отдѣляется влѣво нешироκая протока (20—50 саж. шир.), которая соединяется съ главнымъ русломъ лишь въ концѣ его ю.-в. теченія, отдѣляя отъ лѣво-береговой долины обширный островъ въ 9 вер. дл. и 4 вер. шир. Правый нагорный берегъ въ 6 вер. ниже поселка Купріянова подходитъ къ самой рѣкѣ и сопровождаетъ ее до конца ю.-в.-наго теченія, между тѣмъ какъ холмы лѣваго нагорнаго берега на всемъ этомъ теченіи остаются далеко отъ рѣки. Далѣе Амуръ течетъ къ В. 4 вер., къ С.-В.—10 вер., къ Ю.-В.—8, мимо поселка Никольскаго, какъ разъ находящагося на половинѣ этого теченія, затѣмъ снова къ В. — 4 вер., къ С. — 8 вер. и, наконецъ, къ С.-В. и В. —

12 вер., до устья Буреи и поселка Скобельцина, расположеннаго при этомъ устьѣ. Ширина рѣки на всемъ этомъ 46-верстномъ протяженіи—отъ 1 до 2 вер. (противъ Никольскаго—1 вер.), но передъ впаденіемъ Буреи расширяется съ островами и протоками до 3 вер. Острововъ на всемъ протяженіи теченія мало: передъ пос. Никольскимъ отдѣляется одинъ островъ ($2^1/_2$ вер. дл. и $^3/_4$ шир.) отъ лѣваго берега, а другой (7 вер. дл. и до 1 вер. шир.) отъ праваго. Затѣмъ ниже попадаются мелкіе острова то у праваго, то у лѣваго берега, но при поворотѣ рѣки въ восточное направленіе, передъ впаденіемъ Буреи, и у праваго, и у лѣваго берега отдѣляется по острову, каждый въ $3^1/_2$ вер. дл. и до $^1/_2$ шир.; главное же русло, проходящее по срединѣ между этими островами, имѣетъ все-таки не менѣе 1 в. шир. Ниже этихъ острововъ впадаетъ въ Амуръ Бурея двумя рукавами, образуя дельту, имѣющую въ основаніи, по Амуру—6 вер. а вглубь материка, по Буреѣ—3 вер. Амуръ противъ конца дельты имѣетъ $1^1/_2$ вер. шир. Правый нагорный берегъ уже ниже поселка Купріянова подходитъ близко къ рѣкѣ и слѣдуетъ при дальнѣйшемъ теченіи до поселка Скобельцына на протяженіи около 50 вер. близко отъ ложа Амура, отступая, за 5 вер. до поселка Никольскаго, версты на $2^1/_2$ отъ русла рѣки и сохраняя это разстояніе на протяженіи 10 вер., послѣ чего опять подходитъ къ рѣкѣ. Въ 11 вер. выше устья Буреи правый нагорный берегъ Амура снова отходитъ отъ рѣки, образуя правобереговую долину въ $3^1/_2$ вер. шир., суживающуюся постепенно къ устью Буреи до 1 вер. шир. Лѣвый нагорный берегъ отъ Купріянова держится очень далеко отъ рѣки и приближается къ Амуру лишь въ 10 вер. выше устья Буреи, причемъ образуемая имъ низменная долина имѣетъ и здѣсь все-таки отъ 3 до 4 вер. шир.

Глубина Амура на всемъ 262-верстномъ протяженіи отъ Благовѣщенска до Скобельцына вполнѣ удовлетворяетъ требованіямъ рѣчного судоходства; только по впаденіи Зеи, Амуръ, разливаясь на 3 вер. въ ширину, наполняется песчаными отмелями, такъ что мѣстами глубина здѣсь въ мелкую воду бываетъ отъ 3 до 5 ф. Это происходитъ отъ того, что Зея приноситъ въ Амуръ столько песку, что образуетъ по своемъ впаденіи какъ бы баръ, послѣ котораго глубина рѣки опять достигаетъ 14 ф. и рѣдко уменьшается до 11 ф. Отъ Айгуна же до Низменнаго глубина—отъ 20 до 35 ф. и рѣдко—отъ 13 до 18 ф., отъ Низменной до Константиновскаго — отъ 20 до 35 ф., также какъ и между Константиновскимъ и Сычевскимъ, и только выше этого послѣдняго поселка, тамъ, гдѣ

рѣка разбивается на множество протоковъ, противъ Сычевскаго, уменьшается до 12 ф. Отъ Сычевскаго до ст. Поярковой глубина Амура снова очень значительна (20—38 фут.), а отъ Поярковой до Скобельцына отъ 20 до 45 ф. и только противъ поселка Куприянова уменьшается до 12 — 19 ф. Дно русла преимущественно песчаное съ незначительною примѣсью гальки и гравія.

При всемъ томъ плаваніе по Амуру въ мелкую воду требуетъ знанія фарватера для прохожденія между встрѣчающимися въ руслѣ рѣки отмелями.

Заканчивая этимъ 3-ю главу нашего описанія Амурской области, мы приводимъ здѣсь еще нѣсколько гипсометрическихъ данныхъ, относящихся до описанной въ ней средней части области.

Перевалъ черезъ Становой хребетъ по зап. стор. горы Атычанъ, въ верховьяхъ Кочахина, изъ долины Кудули въ долину Кёнама (55° 49′ с. ш. и 143° 53′ в. д. отъ Ф.).	3230 ф.[1]).
Западная подошва горы Атычанъ (55°35′ с. ш. и 143°35′ в. д.).	2430 »
Верхнее теченіе р. Иликана, ниже Брянды впад. въ Зею (54°45′ с. ш. и 144°3′ в. д.).	2220 »
Впаденіе р. Усмана въ Танду, притокъ Гилюя (54°44′ с. ш. и 141°39′ в. д.). . .	2110 »
Перевалъ между двумя рѣчками Бурпала, притокомъ Танды, и притокомъ Геткана, впадающаго въ Гилюй (55°3′ с. ш. и 141°50′ в. д.)	2080 »
Перевалъ между Гетканомъ и Амнундактою (55°15′ с. ш. и 142°13′ в. д.). . .	2080 »
Верхнее теченіе Кудули, лѣв. пр. Гилюя (55°8′ с. ш. и 143°49′ в. д.).	1930 »
Астрономическій пунктъ Усольцева въ долинѣ Иликана, прит. Унаха, впад. въ Брянду справа (54°40′ с. ш. и 144°11′ в. д.).	1930 »
Верхній истокъ Гилюя (55°19′ с. ш. и 143°4′ в. д.).	1890 »
Долина р. Кудули 54°19′ с. ш. и 143°50′ в. д.).	1840 »

[1]) См. Крапоткина, Отчетъ Олекм. Витимс. экспедиціи, въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1873, III, и Назаровъ Военно-статистич. очерки Амурскаго края. въ Сборн. Геогр. Матер. 1888, стр. 265 и т. д.

Р. Сыикта правый пр. Гилюя (55°35′ с. ш. и 142°34′ в. д.). . . . . 1690 ф.
Нижнее теченіе р. Геткана, праваго пр. Гилюя (55°10′ с. ш. и 142°18′ в. д.). . . 1660 »
Верховье Арги, лѣв. пр. Зеи (54°30′ с. ш. и 148°38′ в. д.). . . . . 1660 »
Правый берегъ Зеи, ниже устья р. Купури (54°51′ с. ш. и 148°12′ в. д.). . . . 1610 »
Среднее теченіе р. Иликана (54°30′ с. ш. и 144°30′ в. д.). . . . . 1580 »
Среднее теченіе р. Амнундакта, лѣваго пр. Танды (55°17′ с. ш. и 142°17′ в. д.). . . 1570 »
Р. Безымянка между Шеваки и Томью (водораздѣлъ Томи и Буреи подъ 51° с. ш. и 148°30′ в. д.). . . . . 1440 »
Уровень Зеи при устьѣ р. Купури (54°44′ с. ш. и 148°18′ в. д.) . . . . . 1190 »
Впаденіе р. Иликана въ р. Унаху, прит. Брянды (54°28′ с. ш. и 144°5′ в. д.). . . 1020 »
Уровень Зеи при устьѣ ея праваго притока р. Токъ, (54°44′ с. ш. и 146°52′ в. д.). 980 »
Переправа черезъ Унаху, пр. Брянды (54°37′ с. ш. и 144°42′ в. д.). . . . . 935 »
Точка на р. Селимджѣ (55°40′ с. ш. и 146°20′ в. д.). . . . . 820 »
Равнина р. Томи (51°41′ с. ш. и 148°25′ в. д.). . . . . 820 »
Уровень Зеи при устьѣ р. Томи (50°50′ с. ш. и 145°40′ в. д.). . . . . 550 »
Долина къ Ю.-В. отъ устья Зеи . . . 390 »

ГЛАВА IV.

Буреинскій хребетъ, Буреинская рѣчная область и пространство между Буреею и восточною границею Амурской области.

Къ наиболѣе рѣзко выраженнымъ меридіональнымъ поднятіямъ Амурской области относится, безъ сомнѣнія, *Буреинскій хребетъ*. Академикъ Шмидтъ [1]) началомъ Буреинскаго хребта считаетъ горныя массы въ истокахъ Буреи, гдѣ, по его мнѣнію, «хребты измѣняютъ свое направленіе и гдѣ, вѣроятно, Буреинскій хребетъ примыкаетъ къ отрогу Станового хребта».

Отрогъ этотъ есть *Джуджуръ*—вѣтвь Станового хребта, служащая водораздѣломъ бассейна Уди съ одной стороны и бассейновъ Зеи и Селимджы съ другой. Простирающійся же отъ истоковъ Селимджы до истоковъ Буреи водораздѣлъ, отдѣляющій воды Селимджы и Буреи съ одной стороны отъ водъ Тугура и Амгуни съ другой и извѣстный подъ именемъ *Ямъ-Алиня*, связываетъ Джукджуръ съ Буреинскимъ хребтомъ и служитъ скорѣе отрогомъ его сѣверной оконечности, чѣмъ отрогомъ Джукджура. Съ другой, восточной стороны, сѣверной оконечности Буреинскаго хребта, какъ и отъ Ямъ-Алиня, отдѣляются отроги къ В.-С.-В., отбрасывающіе теченіе Амгуни и обусловливающіе ея направленіе къ Татарскому проливу.

Все, что мы знаемъ о хребтѣ Ямъ-Алинь и о горахъ *Турана*, меридіональнаго кряжа, параллельнаго Буреинскому хребту и служащаго водораздѣломъ Буреи и притоковъ Зеи, было нами исчерпано въ предыдущей главѣ. Здѣсь же намъ остается собрать и освѣтить матеріалы, касающіеся собственно Буреинскаго хребта и побочныхъ его отроговъ, примыкающихъ съ запада и востока къ главному гребню, обозрѣть, на сколько позволяютъ источники, долины и подгорья Буреинскихъ горъ, а также окружающія ихъ равнины, разстилающіяся въ особенности около нижнихъ теченій значительнѣй-

[1]) «Труды Сибирской экспедиціи». Физическій Отдѣлъ. I, стр. 68.

шихъ въ разсматриваемой части Амурской области притоковъ Амура, а именно Буреи, Биръ-Ара, Кильмена (Большой Биры) и Тунгузки, и, наконецъ, описать и теченіе Амура отъ устья Буреи до восточной границы Амурской области.

Для удобства обозрѣнія Буреинскаго хребта мы находимъ возможнымъ раздѣлить его на три звена. *Первое* изъ нихъ отъ сѣверной оконечности хребта, т.-е. истоковъ Буреи, простирается до горнаго узла, служащаго водораздѣломъ верховьевъ Амгуни отъ Сутура и Гуджала, большихъ правыхъ притоковъ *Тырмы*, Буреинской системы. Узелъ этотъ, который мы назовемъ *Амгуньскимъ*, замѣчателенъ тѣмъ, что отъ него отходитъ въ верховьяхъ Сутура отрогъ, простирающійся къ Ю.-З. и служащій водораздѣломъ между Сутуромъ и Буреею. Такъ какъ отрогъ этотъ непосредственно продолжаетъ преобладающее Ю.-З. направленіе перваго звена Буреинскаго хребта, то на него можно, пожалуй, смотрѣть, какъ на южную оконечность этого звена. Другой же отрогъ, отдѣляющійся отъ хребта близъ верховьевъ Гуджала на противоположную сторону, т.-е. къ С.-В., и служащій водораздѣломъ водъ Амгуни съ одной стороны и бассейновъ Горина и Тунгузки съ другой, служитъ по своему направленію какъ бы продолженіемъ второго, средняго звена Буреинскихъ горъ. Такимъ образомъ, на Амгуньскій узелъ можно смотрѣть или какъ на извилину главнаго гребня Буреинскаго хребта съ отрогами на ея оконечностяхъ или какъ на соединительный узелъ двухъ параллельныхъ, но близко стоящихъ одна отъ другой цѣпей, изъ которыхъ одна, соотвѣтствующая нашему первому звену Буреинскаго хребта, носитъ на картѣ Главнаго Штаба имя Доуссэ-Алиня, а другая, соотвѣтствующая второму нашему звену, на той же картѣ носитъ названіе Буреинскаго хребта. Это второе звено отъ Амгуньскаго узла продолжается до большого изгиба главнаго гребня Буреинскаго хребта, начинающагося въ истокахъ Тырмы, значительнѣйшаго притока Буреи и оканчивающагося близъ главнаго истока Кильмена или Кирми, притока Амура, извѣстнаго въ нижнемъ своемъ теченіи подъ названіемъ Большой Биры, между тѣмъ, какъ истокъ этой рѣки на картѣ Главнаго Штаба названъ Жотаръ (по нѣкоторымъ источникамъ Сутаръ). Извилину же эту мы можемъ назвать *Кильменскимъ* узломъ. На картѣ Главнаго Штаба извилина вмѣстѣ съ отрогами, продолжающими на картѣ ея направленія къ востоку и западу, обозначена названіемъ хребта Ванда. При такомъ изображеніи хребетъ Ванда служитъ на В.-Ю.-В. отъ Буреинскаго хребта водораздѣломъ между бассейнами

Тунгузки и Кильмена (Большой Биры), а къ З.-С.-З. отъ него между верховьемъ Пурына, большого лѣваго притока Тырмы, и мелкими притоками Амура. Къ вопросу о существованіи въ такомъ видѣ хребта Ванда мы возвратимся ниже. Южнѣе Кильменскаго узла простирается до самаго Амура третье, южное звено Буреинскаго хребта, носящее въ значительной части своего протяженія частное названіе Лагаръ-Аулъ, но называемое также, какъ и заамурское его продолженіе, и Малымъ Хинганомъ въ тѣсномъ смыслѣ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію *перваго*, т.-е. сѣвернаго звена Буреинскаго хребта, и для ознакомленія, какъ съ нимъ, такъ и бассейномъ верхней Буреи и большого верхняго ея притока Нюмана, до впаденія въ нее рѣки Тырмы, обратимся къ маршруту академиковъ Миддендорфа и Шмидта, переѣхавшихъ Буреинскій хребетъ въ истокахъ Буреи и прошедшихъ весь верхній ея бассейнъ.

«Съ Немилена [1]), пишетъ Миддендорфъ, перешли мы на притокъ его Керби, который своими истоками сходится съ истоками Селимджы и Буреи. Чѣмъ дальше подвигались мы по долинѣ Керби, тѣмъ труднѣе становился нашъ путь, потому что намъ преграждалъ дорогу вележникъ столько же, сколько и крутыя скалы, трудные подъемы и спуски». Безъ сомнѣнія, путешествуй Миддендорфъ не въ концѣ октября, еще бо́льшія затрудненія встрѣтилъ бы онъ въ болотахъ, весьма распространенныхъ въ этихъ мѣстахъ; теперь же онъ переѣзжалъ ихъ безъ всякихъ хлопотъ. Такъ, напримѣръ, онъ добрался до перевала очевидно по болотистой поверхности, хотя вслѣдъ затѣмъ и принужденъ былъ почти тотчасъ же въ узкомъ оврагѣ карабкаться со скалы на скалу со всѣмъ караваномъ, чтобы взобраться на плоскій перевалъ черезъ хребетъ.

Сдѣлавъ три версты по этому перевалу, Миддендорфъ [2]) сталъ спускаться по долинѣ въ 50 саж. ширины, изъ которой выбѣгаетъ южная изъ двухъ верховыхъ вѣтвей Буреи. Голыя возвышенности спускаются въ долину крутыми, высокими и лѣсистыми спусками. Сначала долина идетъ въ среднемъ направленіи къ Ю.-В., потомъ—къ Ю.-З. Въ 18 вер. ниже выхода Миддендорфа на Бурею, впадаетъ въ нее съ лѣвой стороны Большой Алынъ, а $7\frac{1}{2}$ верстъ далѣе—Малый Алынъ, текущій съ В.-Ю.-В. Въ 25 вер. отъ перевала и въ 5 ниже Большого Алына Бурея уже имѣла до 25 саж. шир. и огибала лѣси-

[1]) Немиленъ—лѣвый притокъ Амгуни.
[2]) Миддендорфъ, «Путешествіе на с. и в. Сибири», I, стр. 180, примѣчаніе.

стые острова въ долинѣ, не превышавшей шириною 100 саж. Долину то стѣсняли отвѣсныя скалы, то одна изъ стѣнъ ущелья нѣсколько отступала, и тогда рѣка прижималась къ противоположному крутому откосу, частью поросшему лѣсомъ, частью обнажающему значительные каменные утесы. Можно принять вообще, что правый берегъ рѣчной долины Буреи крутыми скатами, градусовъ до 35 наклоненія, и узкими ущельями достигаетъ высотъ, поднимающихся за предѣлы распространенія хвойнаго лѣса. На лѣвомъ берегу рѣки горныя высоты находятся отъ нея въ большомъ разстояніи, да и вообще берегъ этотъ отложе, хотя мѣстами и представляетъ крутые спуски и скалистые обрывы.

29 вер. ниже Малаго Алына въ Бурею впадаетъ также слѣва ручей Ымганахъ, а 8 вер. ниже—сливающійся изъ двухъ вѣтвей ручей Балганахъ. Еще три версты ниже вливается въ Бурею, и на этотъ разъ съ правой стороны, ручей Севангра. Здѣсь уже Бурея имѣетъ 50 саж. шир. и протекаетъ по долинѣ въ 300 саж. ширины [1]).

Въ 16 вер. ниже устья Севангры сливаются обѣ вѣтви Буреи. Правая, болѣе сѣверная вѣтвь, течетъ съ С.-С.-В. Соединенная рѣка расширяется до 60 саж. въ одномъ руслѣ, затѣмъ разбивается весьма часто на множество мелкихъ протоковъ и рукавовъ, которые разбѣгаются почти по всему дну долины, остающейся попрежнему узкой, а потому неудобной для заселенія и вообще мало доступной. Въ 6 верстахъ ниже сліянія обѣихъ вѣтвей въ Бурею впадаетъ справа рѣчка Умалькитъ, текущая съ С.-З., а въ 4 вер. ниже, справа же—ручей Онкондже. Въ 7 вер. далѣе въ Бурею слѣва впадаетъ Тасъ-Хандавытъ, текущій съ Ю.-В., а 8 вер. далѣе—Науканитъ и 3 вер. ниже — ручей Усминъ. Уже нѣсколько выше устья Науканита рѣка суживается до 40 саж., долина принимаетъ характеръ ущелья, стѣсненнаго утесами горнаго ската Теллахъ, вслѣдствіе чего безпрестанно извивается, пробивая себѣ путь между скалами. Вотъ почему Миддендорфу пришлось слѣдовать уже не вдоль теченія рѣки, а по горному скату Теллахъ и черезъ горные луга, послѣ чего, сдѣлавъ $17\frac{1}{2}$ вер., онъ достигъ устья Малаго Тастаха, впадающаго въ Бурею справа, съ С.-С.-В. Въ 26 вер. далѣе путешественникъ пересѣкъ Людиканъ, до устья котораго Бурея продолжаетъ течь въ узкомъ ущельѣ. Въ $4\frac{1}{2}$ вер. ниже Людикана впадаетъ въ Бурею Умальтинъ, самый значительный до Нюмана ея правый притокъ, текущій съ С.-С.-В.;—здѣсь долина Буреи

[1]) Миддендорфъ, l. c., стр. 179.

расширяется до $2^1/_2$ вер., крутыя горы удаляются отъ рѣки и отдѣляются отъ нея предгоріями, кажущимися пологими спусками къ рѣчной долинѣ отъ волнистаго нагорья[1]). Сама же рѣка разбивается здѣсь на рукава, отстоящіе иногда одинъ отъ другого версты на 2. Въ $3^1/_2$ вер. ниже Умальтина въ Бурею впадаетъ правый притокъ ея, Улангру, 7 вер. ниже — Дженкосъ и 50 вер. еще ниже—Іорахъ. Между Дженкосомъ и Іорахомъ и далѣе теченіе рѣки сопровождается небольшими озерами.

Нѣсколько ниже соединяется съ Буреей самый значительный ея притокъ (съ правой стороны) или, лучше сказать, равносильная Буреѣ вѣтвь—Нюманъ, вверхъ по которой Миддендорфъ и направился, продолжая свое путешествіе. Свѣдѣнія, сообщаемыя Миддендорфомъ о Нюманѣ довольно скудны. Въ нижнемъ своемъ теченіи рѣка эта протекаетъ въ столь же тѣсной долинѣ, какъ и Бурея, мѣстами ея теченіе стѣснено даже отвѣсными скалами, такъ что скалы эти непосредственно образуютъ берега рѣки. Несмотря на это, горы, ограничивающія долину рѣки, невысоки, спускаются отлого, а иногда замѣняются лѣсистыми, слегка наклонными плоскогоріями. Первый значительный (лѣвый) притокъ Нюмана—Нюманакъ, впадаетъ въ него недалеко отъ устья Нюмана. Въ 21 вер. выше Нюманака впадаетъ въ Нюманъ справа рѣка Олонку, еще 17 вер. выше, справа же—р. Малая Аимка, 9 вер. далѣе Большая Аимка, 7 вер. выше, слѣва—р. Аклынь, а 18 вер. еще выше—довольно значительная рѣка Кебели[2]). Выше Кебели Миддендорфъ на Нюманѣ не былъ, такъ какъ, продолжая свой путь черезъ Амурскую область къ Западу, онъ отъ устья Кебели свернулъ съ Нюмана. О верховьяхъ же этой рѣки мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній. Изъ карты извѣстно, однако же, что Нюманъ беретъ начало въ сосѣдствѣ правой, т.-е. сѣверной вѣтви Буреи, что онъ направляется сначала къ С.-З., потомъ къ З., а затѣмъ къ Ю.-З., образуя до устья Кебели обширную и крутую дугу, хордой которой служитъ 52^0 с. ш., и что въ с.-з. углу дуги онъ принимаетъ свой значительнѣйшій правый притокъ Акашма. На дугѣ, образуемой Нюмаканомъ, находятся золотые пріиски, а въ центрѣ ихъ—складочный пунктъ, носящій названіе *Нюманскаго собранія*, къ которому и проложены нынѣ торговые пути, какъ съ Амура, такъ и изъ Якутска. О путяхъ этихъ и способахъ передвиженія по нимъ мы будемъ говорить

[1]) Миддендорфъ, l. c., I, стр. 180.
[2]) Миддендорфъ, l. c., I, стр. 182.

ниже, въ своемъ мѣстѣ; здѣсь же приведемъ характеристику мѣстности по верхнему теченію Нюмана, сообщенную посѣтившимъ Нюманскіе пріиски зимою Михайловымъ [1]): «утомительное однообразіе мѣстностей, черезъ которыя я ѣхалъ, говоритъ Михайловъ, смѣнилось вдругъ совершенно иною картиной: отвѣсныя скалистыя горы, покрытыя зеленью пихты, конусообразныя сопки, одна другой выше, амфитеатромъ расположились по берегамъ р. Нимана и, окутавшись въ сплошной зеленый коверъ пихтоваго лѣса, уходили въ синеватую даль. Красота этихъ горъ, покрытыхъ зеленью, рельефно выдѣлялась среди ярко бѣлаго снѣжнаго покрова». Далѣе Михайловъ говоритъ: «недоѣзжая до пріисковъ, примѣрно верстъ 50, отвѣсныя горы, окаймляющія долину Нюмана, отходятъ отъ береговъ рѣки въ даль; плоскіе берега ея расползаются въ ширь, переходя незамѣтно въ нагорныя возвышенности».

Отсюда можно заключить, что характеръ теченія Нюмана и Буреи совершенно тождественный.

Приведенныя нами свѣдѣнія о Буреѣ могутъ быть до нѣкоторой степени пополнены отчетомъ Шмидта, шедшаго, какъ извѣстно, до рѣки Нюмана путемъ Миддендорфа. Вотъ что онъ пишетъ [2]).

Оба южные кряжа, черезъ которые мы перешли въ долину Керби, имѣли отъ двухъ до трехъ тысячъ футовъ высоты, но повсюду были покрыты лѣсомъ. Съ вершины послѣдняго кряжа былъ виденъ зубчатый гребень Буреинскихъ горъ, отчасти покрытый еще снѣгомъ.

Вскорѣ долина р. Керби, имѣвшая первоначально нѣсколько верстъ ширины, сузилась до полуверсты; мы поднялись еще на тысячу футовъ. Рѣка текла здѣсь по явнымъ ступенямъ, то въ быстрыхъ порогахъ, переливаясь черезъ мощные валуны, то принимая снова болѣе правильное теченіе. Признакомъ первоначально болѣе возвышеннаго уровня воды, высота котораго и нынѣ еще иногда достигается ею, можетъ служить видѣнный Шмидтомъ на высотѣ тридцати футовъ слой, состоящій весь изъ щебня и простирающійся вдоль берега. Достигнувъ устья Арты, притока Керби, экспедиція направилась вверхъ по этой рѣкѣ, имѣющей уже вполнѣ характеръ горнаго потока и текущей въ узкой долинѣ, переливаясь черезъ крупные валуны. Не дойдя до ея верховьевъ, путешественники свернули въ небольшую боковую долину, изъ которой поднялись на крутой гре-

---

[1]) «Горн. Журн.», 1879, іюль, стр. 13 и 14.
[2]) Труды Сибир. эксп., l. c., стр. 49—58.

бень Буреинскихъ горъ, имѣющій здѣсь около 4,000 фут. высоты. Перевалъ представляетъ поросшую лѣсомъ ложбину, ограниченную двумя высокими сопками. Съ правой изъ этихъ послѣднихъ узкой полосой въ глубоко врѣзавшейся долинѣ стекаетъ рѣчка Арты. Переваливъ черезъ гребень, путешественники ѣхали къ Буреѣ по болотистой, покрытой лѣсомъ равнинѣ, имѣющей очень слабое паденіе къ западу; лишь растущій здѣсь въ изобиліи Rhododendron chrysanthum ясно свидѣтельствовалъ о значительной высотѣ мѣстности. Пройдя отъ трехъ до четырехъ верстъ, Шмидтъ вышелъ къ ручью, имѣвшему всего только одинъ шагъ въ ширину. Онъ вытекалъ изъ только что оставшагося позади лѣса. Это и была вершина Буреи.

Поднявшись, пишетъ далѣе Шмидтъ, на лежавшую отъ насъ къ югу вершину, мы очутились на высотѣ около 6.000 ф. Сперва мы шли высокоствольнымъ хвойнымъ лѣсомъ, но вскорѣ онъ смѣнился густымъ кедровымъ сланцемъ. Миновавъ и его, мы должны были карабкаться по голому камню, поросшему лишаями [1]), или по каменной осыпи, среди которой изрѣдка попадались намъ альпійскія травы. Сколько мы могли замѣтить, крутой скатъ горнаго кряжа выдавался на востокѣ, пологій же склонъ—на западѣ [2]). На сѣверѣ и на востокѣ отъ насъ вытекали притоки Керби; на югѣ находились верховья рѣки Нилянъ [3]), и только на юго-западѣ видно было извилистое теченіе Буреи, пересѣкающей различные горные отроги [4]), которые, по мѣрѣ своего удаленія отъ занятаго нами пункта, становились все ниже и ниже. «Мнѣ не удалось, замѣчаетъ изслѣдователь, прослѣдить правильное протяженіе кряжа въ видѣ цѣпи. Мнѣ казалось, однако, что я находился на мѣстѣ поворота главнаго кряжа, какъ это показывается и на картахъ вблизи верховій Буреи».

4 іюля экспедиція продолжала свой путь внизъ по Буреѣ, которая отсюда течетъ уже по долинѣ, имѣющей весьма слабый наклонъ. Мѣстами долина эта такъ суживается, что оленей приходилось сворачивать въ русло рѣки. Ниже же Алына пришлось ихъ окончательно бросить, выстроить плотъ и на плоту уже продолжать дальнѣйшее путешествіе внизъ по Буреѣ, до такой степени рѣка была здѣсь сжата горами!

Мѣстность, въ которой рѣшился остановиться Шмидтъ

---

1) У Шмидта «бѣлымъ мхомъ».
2) Сравни Миддендорфъ, (l. c.), стр. 205, строка 7.
3) Одинъ изъ притоковъ Амгуни.
4) У Шмидта—«горные кряжи», (l. c., стр. 51).

съ своими товарищами находилась у подошвы горнаго кряжа до тысячи футъ высотой, вблизи болотистаго лиственнаго лѣса. Лѣсная растительность подымалась до двухъ третей горы; выше слѣдовалъ кедровый сланецъ и, наконецъ, еще выше и на самой вершинѣ находилась масса бѣлаго мха съ альпійскими травами. Въ весьма небольшомъ числѣ пунктовъ обнажалась коренная порода; по большей же части при восхожденіи на горы Шмидту приходилось идти по рыхлой осыпи, на которую отъ дѣйствія атмосферныхъ агентовъ, распадалась основная порода.

Въ высоты горъ ему представился отличный видъ на весьма высокій зубчатый гребень Буреинскаго кряжа; ясно было видно, какъ Бурея и Алынъ берутъ начало на этомъ хребтѣ. Далѣе къ югу кряжъ становится ниже, представляется въ видѣ округленнаго вала и простирается отъ сѣверо-востока на юго-западъ, параллельно Буреѣ. Горная вершина, на которую для своихъ наблюденій взобрался Шмидтъ, представляла отрогъ этой второй, болѣе низкой части Буреинскаго кряжа[1]). Но кромѣ отрога, на которомъ онъ находился, Шмидтъ видѣлъ множество другихъ, такихъ же узкихъ, отроговъ (Шмидтъ говоритъ—кряжей), между которыми въ глубокихъ ущельяхъ стекали въ Бурею ручьи.

25 іюля экспедиція покинула мѣсто своей долгой стоянки и на слѣдующій день достигла мѣста сліянія праваго и лѣваго истоковъ Буреи. Хотя Бурея почти совершенно теряла здѣсь характеръ горной рѣки, тѣмъ не менѣе русло ея продолжало понижаться уступами, которые въ значительной степени мѣшали правильному теченію. Мѣстами рѣка была глубока и текла довольно медленно; въ порогахъ теченіе ея становилось стремительнымъ; но затѣмъ, разбившись на рукава, она успокаивалась и текла снова такъ медленно, что лодку приходилось тянуть бичевой. Одновременно голыя бѣлыя вершины горъ постепенно стали изчезать, покрываясь также лѣсомъ.

При сліяніи обоихъ истоковъ, уровень рѣки понизился приблизительно на 700 футовъ. Миновавъ же его, члены экспедиціи на югѣ, за передовыми контрфорсами горъ, снова увидали высокую цѣпь гольцовъ, подобныхъ тѣмъ зубчатымъ вершинамъ, которыя поднимались въ истокахъ Буреи. По показанію проводника, тамъ находились истоки Амгуни.

---

[1]) Очевидно, что здѣсь идетъ рѣчь о двухъ хребтахъ: Ямъ-Алинь и Буреинскомъ, можетъ быть, дѣйствительно, составляющихъ лишь части одного и того же хребта. Названіе «Ямъ-Алинь», также какъ и «Доуссэ-Алинь», неизвѣстно мѣстнымъ жителямъ и заимствовано изъ китайскихъ источниковъ (Миддендорфъ, l. c., стр. 201).

За рѣчкой Успунъ окрестная мѣстность совсѣмъ измѣнилась. До нея экспедиція плыла постоянно между горами, между высокими, полого спускающимися къ рѣкѣ скатами ихъ, въ которыхъ изрѣдка только, въ изгибахъ рѣки, являлись обнаженія; теперь же горы далеко разступились, оставивъ мѣсто высокой равнинѣ, въ которой по глубоко врѣзанному ложу катила свои воды рѣка. Нѣсколько далѣе мѣстность еще болѣе измѣнилась: она становилась все болѣе и болѣе ровною; скалы попадались уже только на правомъ берегу, да и то изрѣдка, лѣвый же сталъ совсѣмъ низменнымъ и изрѣзаннымъ множествомъ рѣчныхъ рукавовъ и протоковъ. Ниже устья Умальтина экспедиція благополучно спустилась съ полусаженнаго водопада и, наконецъ, безъ дальнѣйшихъ приключеній достигла устья Нюмана, лежащаго отъ 600 до 700 футовъ выше ур. Амура.

Начиная отъ устья Нюмана, Бурея становится значительною рѣкой, теряетъ характеръ горной рѣки и пороги въ ней почти совсѣмъ исчезаютъ. Здѣсь Шмидтъ еще разъ изучалъ окрестную мѣстность, поднявшись на выжженный лѣснымъ пожаромъ сосѣдній бугоръ: впереди все еще виднѣлся Бурейнскій хребетъ, но на этотъ разъ и весь югъ былъ уже занятъ горами.

Около ста верстъ ниже устья Нюмана, на южной половинѣ горизонта, ясно обрисовались высокія, округленныя горныя вершины, а нѣсколько верстъ дальше рѣка вступила черезъ высокія каменныя ворота—въ горную страну, являющуюся совершенно внезапно и сопровождающую теченіе рѣки приблизительно на протяженіи двухсотъ верстъ. Окрестная мѣстность еще разъ кореннымъ образомъ измѣнилась: съ обѣихъ сторонъ подымались крутыя, высокія горы, достигающія 800 футовъ относительной высоты и весьма часто представляющія отвѣсныя скалы однороднаго краснаго гранита, который всюду преобладаетъ въ этихъ горахъ. Горы до самаго верха были покрыты лѣсомъ — гольцовъ вовсе не было видно. По мѣрѣ движенія къ югу горы стали постепенно возвышаться. Ручьи, впадавшіе въ Бурею, съ шумомъ перескакивали черезъ гигантскіе валуны и пѣнились въ массѣ обломковъ гранита. Одна только рѣка Тырма прорыла себѣ въ гранитѣ правильное русло и была настолько глубока, что, по словамъ туземцевъ, допускала возможность плаванія въ лодкѣ. Пересѣченный здѣсь кряжъ тянулся въ направленіи то отъ С. къ Ю., то отъ С.-В. къ Ю.-З., по всей вѣроятности, параллельно Бурейнскому кряжу. «Нѣкоторое время рѣка, многократно извиваясь, текла между двумя параллельными горными хребтами, идущими отъ С. къ

Ю., затѣмъ къ западу пробивалась черезъ кряжъ. Явленіе это повторялось нѣсколько разъ и потому слѣдуетъ думать, что здѣсь рѣка пробивается черезъ нѣсколько параллельныхъ между собой горныхъ цѣпей»[1]).

Очевидно что кряжъ этотъ и есть тотъ самый отрогъ Буреинскаго хребта, который, отдѣляясь отъ Амгуньскаго горнаго узла, простирается между Сутуромъ, правымъ притокомъ Тырмы, и Буреею. Дѣйствительно, онъ имѣетъ параллельное направленіе со вторымъ звеномъ Буреинскаго хребта, такъ какъ продолжаетъ непосредственно направленіе праваго, сѣвернаго его звена. Р. Тырма въ нижней своей части, повидимому, пробивается черезъ гранитную ось этого отрога. Южнѣе Тырмы отрогъ продолжается еще, повидимому, двумя параллельными цѣпями. Одна изъ нихъ, какъ бы продолжающая направленіе главной оси отрога, носитъ, судя по картѣ Главнаго Штаба, нѣсколько мѣстныхъ названій (Боруль, Агимунъ, Осинда) и служитъ водораздѣломъ Пурыну, большому лѣвому притоку Тырмы, и Биръ-Ару, значительному притоку Амура, параллельному съ Буреей. Другая, болѣе коренная цѣпь, раздѣляетъ верхнюю часть теченія Биръ-Ара отъ параллельной съ нимъ Буреи.

Объ этомъ Биръ-Арѣ и о нижнемъ теченіи Буреи мы будемъ говорить далѣе, въ своемъ мѣстѣ, а теперь перейдемъ къ общей характеристикѣ сѣвернаго звена Буреинскаго хребта, руководствуясь показаніями объ этомъ предметѣ академиковъ Миддендорфа и Шмидта.

Мы уже видѣли, что и Шмидтъ и Миддендорфъ согласно заявляютъ о томъ, что западные склоны сѣвернаго звена Буреинскаго хребта, вопреки общепринятому положенію[2]), положе восточныхъ. Миддендорфъ въ доказательство приводитъ, напримѣръ, свой маршрутъ съ Керби на Бурею. Водораздѣлъ спускался вообще очень отлого на западъ, говоритъ онъ [3]), сначала градусовъ на 10 склоненія, а потомъ, отъ самыхъ истоковъ Буреи, градусовъ на 15. Бурея въ самыхъ крайнихъ своихъ верховьяхъ течетъ вольнѣе, чѣмъ далѣе книзу. Верстъ десять ниже перевала она идетъ между крутыми берегами по долинѣ около версты шириной, къ которой правые спуски были кру-

---

[1]) Шмидтъ, l. c., стр. 56.

[2]) Положеніе это выведено было на основаніи фактовъ, наблюдаемыхъ въ Америкѣ и Европѣ, гдѣ всѣ меридіональные хребты, за исключеніемъ Аллеганскихъ горъ, имѣютъ западные склоны крутые, восточные пологіе. Рихтгофенъ (China, I) далъ совершенно удовлетворительное объясненіе этому факту.

[3]) Миддендорфъ, l. c., стр. 207, примѣч. 1-е.

тые, а лѣвые—пологіе и лѣсистые. Таковы же были края долины и ниже рѣчки Алынъ: правый откосъ высокъ, крутъ и раздробленъ на отдѣльныя глыбы скалъ, тогда какъ лѣвый хотя и скалистъ, но отлогъ. Совершенно иное встрѣчаемъ мы, продолжаетъ далѣе Миддендорфъ, на восточныхъ склонахъ Буреинскаго кряжа. Въ ложбинѣ долины Джаэра [1]) мы должны были взбираться по скаламъ на перевалъ по наклону въ 35^0. Нѣсколько верстъ ниже этого перевала ложбина долины была еще такъ узка, что высокіе края ея, то скалистые, то покрытые лѣсомъ, сходясь книзу, оставляли подошву открытою сажень на 50 ширины. Долина Джаэра постоянно сжата такимъ образомъ стѣнами скалъ, за исключеніемъ шести верстъ передъ соединеніемъ ея съ долиною Керби. И долина Керби при устьѣ Джаэра хотя уже и имѣетъ около версты ширины, однако все еще сжата съ обѣихъ сторонъ очень высокими и крутыми, хотя и поросшими лѣсомъ, горами. При устьѣ Токолана долина Керби имѣетъ только $^3|_4$ версты ширины и стѣснена спусками горъ, которые въ среднемъ имѣли около 35^0 паденія. Къ ней примыкаютъ глубоко врѣзанныя поперечныя долины, имѣющія вполнѣ характеръ ущелій. Дальше внизъ, между Токоланомъ и Котю, долина Керби расширяется постепенно отъ 1 до $1^1|_2$ верстъ, но лѣвый берегъ все-таки продолжаютъ еще ограничивать утесистые спуски и онъ круто поднимается къ высокимъ, безлѣснымъ гребнямъ, увѣнчаннымъ сопками. Ручей Котю ограничивается справа гористымъ берегомъ, который имѣетъ до 35^0 склоненія и изъ котораго среди густаго лѣса тамъ и сямъ выдаются обнаженныя части скалъ. На Чжалабулѣ справа склоны также еще болѣе покаты, нежели слѣва.

Характеръ гребня Буреинскаго кряжа Миддендорфъ описываетъ слѣдующимъ образомъ. Буреинскій хребетъ, пишетъ онъ [2]), на всемъ своемъ протяженіи узокъ, высокъ и усаженъ коническими вершинами. Не только близъ перевала съ Керби на Бурею встаютъ справа и слѣва гольцы, но и 5 верстъ ниже впаденія Алына въ Бурею еще виднѣются повсюду коническія, остроконечныя голыя вершины. На югѣ онѣ вытягиваются въ гряду и нѣкоторыя видны еще съ Тисъ-Хандывыта и даже 10 верстъ дальше, у истоковъ этого ручья. Вообще изъ долины Керби главный гребень хребта кажется безлѣсною цѣпью, уса-

---

1) Какъ Джаэръ, такъ и всѣ остальныя рѣчки, о которыхъ здѣсь говорится—притоки Керби.

2) Миддендорфъ l. c., стр. 207, примѣч. 1-е.

женною рядомъ коническихъ вершинъ, которыя, идя съ З., казалось, описывали дугу, направленную съ С.-В. къ Ю.-З. Кромѣ того, этотъ кряжъ [1]), и именно мѣсто соединенія его съ хребтомъ Меванджа [2]), Миддендорфъ видѣлъ уже за 9 дней до того съ одного холма верстахъ въ $2^1/_2$ отъ урочища Хамыканъ. Какъ гребень хребта, такъ и его вершины, безлѣсны, но перевалы, какъ и тотъ, по которому онъ его перешелъ, покрыты лѣсами.

У Шмидта мы также встрѣчаемъ неоднократныя указанія на характеръ гребня Буреинскаго кряжа, въ общемъ совершенно согласныя съ тѣми, которыя дѣлаетъ Миддендорфъ. Но всѣ эти указанія не идутъ южнѣе истоковъ Амгуни, и относятся, слѣдовательно, исключительно къ нашему первому, сѣверному звену Буреинскаго хребта.

Переходя затѣмъ ко *второму*, *среднему* звену хребта, мы должны замѣтить, что собственно о гребнѣ его между Амгуньскимъ и Кильменскимъ узлами мы не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній. Объ отрогѣ же, продолжающемъ его направленіе къ С.-В. и служащемъ водораздѣломъ между рѣчными системами Амурскихъ притоковъ — Амгуни съ одной стороны, Тунгузки и Горыни съ другой, кн. Дадешкаліани [3]) сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія. Горная вѣтвь эта слѣдуетъ вдоль долины р. Амгуни до самаго Чукчагирскаго озера (лежащаго нѣсколько восточнѣе границы Амурской области), но здѣсь понижается и разрушается, забрасывая въ безпорядкѣ своими обломками всю мѣстность между Гориномъ и Амуромъ съ одной стороны и Амгунью съ другой. Въ началѣ описываемая вѣтвь имѣетъ такой же характеръ какъ и Буреинскій хребетъ, т.-е. состоитъ изъ непрерывнаго ряда конусовъ (гольцовъ) съ глубокими между ними сѣдловинами. Только конусы эти, повидимому, несравненно выше, чѣмъ въ Буреинскомъ хребтѣ и, несомнѣнно, входятъ въ альпійскую зону, но, конечно, не достигаютъ предѣла вѣчныхъ снѣговъ. Отроги хребта, вторгающіеся въ долину Амгуни, очень коротки, и теченіе рѣки не удаляется отъ хребта болѣе чѣмъ на 15—20 вер.; коротки, слѣдовательно, и текущія между ними правые притоки Амгуни: Аякитъ (Уяки), Инягли, Лаха (Лака), Орокотъ (Уравъ?),

---

[1]) Миддендорфъ говоритъ здѣсь уже о хребтѣ Ямъ-Алинь, который онъ, впрочемъ, не отдѣляетъ отъ Буреинскаго.

[2]) Такъ Миддендорфъ называетъ водораздѣлъ между Тугуромъ и Немиленомъ, лѣвымъ притокомъ Амгуни.

[3]) Кн. Дадешкаліани, въ Сборникѣ Географическихъ Матеріаловъ, выпускъ XXXII, 1888, стр. 236.

Керби, Галиджанъ, Курхапту, Баджалъ, Убкаканъ и Омогунъ (послѣдній уже на границѣ области).

На юго-восточномъ же склонѣ, какъ отроги, такъ и рѣки достигаютъ большихъ размѣровъ. Многочисленныя эти рѣки принадлежатъ къ системамъ Урми (Унома), правой вѣтви Тунгузки, Кура—лѣвой ея вѣтви и Горина, притока Амура. Куръ и Горинъ текутъ по двумъ разнымъ спускамъ одной и той же огромной вершины, извѣстной у инородцевъ подъ именемъ Большаго Яна (*янъ*, по-тунгузски значитъ то же, что голецъ). Можетъ быть, что Большой Янъ есть высшая точка во всей Буреинской горной системѣ и во всякомъ случаѣ заслуживаетъ спеціальнаго изслѣдованія. Отъ описанной горной вѣтви, которую кн. Дадешкаліани называетъ Амгуньскою, къ Ю.-В. отдѣляются значительные отроги. Въ предѣлахъ Амурской области простирается одинъ изъ нихъ, образующій широкое и чрезвычайно расщелистое нагорье, разстилающееся между обѣими вѣтвями Тунгузки—Урмой и Куромъ, и прорѣзанное въ разныхъ направленіяхъ притоками этихъ рѣкъ. Другой большой отрогъ Амгуньской вѣтви, простирающійся между Горыномъ и озеромъ Боланъ, прикасается только въ южной своей части къ предѣламъ Амурской области и оканчивается недалеко отъ впаденія въ Амуръ Тунгузки горами, видными въ ясную погоду изъ Хабаровска, отъ котораго онѣ отстоятъ къ С.-В. верстахъ въ 50. Эти-то горы, по свидѣтельству Дадешкаліани[1]), и носятъ у туземцевъ названіе Ванда, которое распространяется и на весь отрогъ; перенесеніе же на картахъ названія Ванда на водораздѣлъ Кильмена и Урмы. Дадешкаліани признаетъ тѣмъ болѣе неправильнымъ, что между Кильменомъ и Урмой простирается только сплошная равнина.

Соображая всѣ скудныя показанія, имѣющіяся о среднемъ звенѣ Буреинскаго хребта и его отрогахъ, мы представляемъ себѣ, что это среднее звено хребта съ обѣихъ сторонъ, восточной и западной, сопровождается высокими плоскогоріями или террасами, южную окраину которыхъ къ Амурской низменности и приняли за нанесенный на карту Главнаго Штаба и пересѣкающій направленіе Буреинскаго гребня хребетъ, на который и перенесли названіе видныхъ изъ Хабаровска горъ Ванда. Терраса, прилегающая къ гребню Буреинскаго хребта и его Амгуньской вѣтви съ востока, прорѣзана, какъ мы уже сказали, многочисленными притоками двухъ вѣтвей Тунгузки—Кура и Урмы, текущими въ ложбинахъ, прорытыхъ ими въ террасѣ.

---

[1]) Кн. Дадешкаліани, l. c., стр. 237.

По Куру и его притокамъ можно, вслѣдствіе постепенности ихъ паденія, подниматься на лодкахъ очень далеко и съ ихъ верховьевъ, благодаря характернымъ для средняго и сѣвернаго звеньевъ Буреинскаго хребта сѣдловинамъ, безъ труда переваливать черезъ Буреинскую горную вѣтвь на любой, соотвѣтствующій притокъ Амгуни. Тѣ же самыя удобства представляетъ и другая вѣтвь Тунгузки, Урма, съ своими правыми притоками; съ этихъ послѣднихъ точно также легко переваливать на соотвѣтствующіе притоки Тырмы черезъ главный гребень Буреинскаго хребта, который, во всякомъ случаѣ, не выше Амгуньской вѣтви и едва ли чѣмъ отличается отъ нея какъ въ отношеніи строенія, такъ и своей доступности.

Терраса, прилегающая къ главному гребню Буреинскаго хребта съ запада, прорѣзана многочисленными вѣтвями и притоками р. Тырмы, и о ней мы имѣемъ самыя скудныя свѣдѣнія, сообщаемыя въ упомянутомъ выше трудѣ кн. Дадешкаліани. Тырма беретъ начало въ углу, образуемомъ Кильменскимъ изгибомъ Буреинскаго хребта, течетъ съ Ю.-В. къ С.-З.—принимаетъ справа три значительные притока (Куджана, Кюджаль и Сутаръ), текущіе съ Буреинскихъ горъ, а слѣва—самый значительный свой притокъ Пурынъ и вливается въ Бурею въ 245 верстахъ выше ея устья. Не смотря на обиліе водъ, Тырма имѣетъ характеръ шумнаго горнаго потока, съ трудомъ доступнаго инородческимъ лодкамъ, берега ея вездѣ гористы, каменисты и непривѣтливы. Только по притокамъ Тырмы попадаются изрѣдка юрты оленныхъ тунгузовъ, но на самой рѣкѣ трудно встрѣтить даже одиночнаго звѣро-промышленника. Единственною приманкою, привлекающею людей на берега Тырмы, служитъ превосходный горячій источникъ, расположенный на ея берегу, при впаденіи въ нее р. Сутара. По словамъ инородцевъ, источникъ этотъ имѣетъ видъ озернаго бассейна, въ которомъ вода бьетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ [1]).

Переходя затѣмъ къ третьему, южному, звену Буреинскаго хребта, простирающемуся къ югу отъ Кильменскаго узла до самаго теченія Амура, мы также не можемъ похвалиться достаточною полнотою свѣдѣній и объ этомъ звенѣ, хотя оно и было посѣщено многими изслѣдователями, какъ напримѣръ: Радде, Аносовымъ и др. Вполнѣ обстоятельныя свѣдѣнія имѣемъ мы только о той части этого звена Буреинскаго хребта, которое упирается въ Амуръ или, точнѣе сказать, че-

---

[1]) Кн. Дадешкаліани, l. c., стр. 235.

резъ которое прорывается эта рѣка, такъ какъ и на правомъ его берегу видны обнаженія, соотвѣтствующія обнаженіямъ лѣваго, да и направленіе хребта, вторгающагося далеко въ Манджурію подъ именемъ Малаго Хингана, представляетъ только такой уклонъ отъ прежняго направленія Буреинскаго хребта, что въ общемъ линія гребня Буреинско-Хинганскаго хребта образуетъ дугу, пробитую Амуромъ въ ея вершинѣ съ внутренней ея стороны на наружную. Здѣсь мы приведемъ сначала свѣдѣнія, имѣющіяся о южной части Буреинскаго хребта, а затѣмъ разсмотримъ все теченіе Амура между устьями Буреи и восточной границею Амурской области, причемъ, конечно, обратимъ особое вниманіе на ту часть Амура, которая омываетъ разсматриваемое нами южное звено Буреинскаго хребта.

Вотъ что сообщаетъ объ этомъ южномъ звенѣ членъ Сибирской экспдиціи Географическаго Общества, извѣстный натуралистъ Радде[1]).

Въ южной, сосѣдней съ Амуромъ части Буреинскихъ горъ, возвышаются два горныхъ узла, соединенныхъ между собой кряжемъ, служащимъ водораздѣломъ Кильмену и рѣкамъ, текущимъ съ Буреинскихъ горъ и впадающимъ въ Амуръ на протяженіи между поселкомъ Пашковскимъ и устьемъ Сунгари. Первый изъ нихъ извѣстенъ у мѣстныхъ жителей, бираръ-тунгусовъ, подъ именемъ Лагаръ-аулъ, второй подъ именемъ Мургиль.

Удиръ или Хинганъ—самая западная ихъ упомянутыхъ рѣчекъ. Ея устье представляетъ болотистую низменность, на востокѣ упирающуюся въ скалы первыхъ уступовъ береговыхъ горъ. Это одна изъ значительнѣйшихъ рѣчекъ, сбѣгающихъ съ этой части Буреинскихъ горъ. Паденіе ея долины очень крутое, а потому даже въ низовьяхъ своихъ она имѣетъ стремительное теченіе и въ этомъ отношеніи составляетъ совершенную противуположность своему правому притоку—рѣкѣ Мутной (Кульдуръ), въ низовьяхъ своихъ протекающей по равнинѣ. Противъ устья Удира русло Амура до такой степени загромождено песчаными отмелями, что фарватеръ рѣки уклоняется вправо и бѣжитъ здѣсь подъ крутыми откосами праваго берега (гора Дабталь).

Прямо противъ Пашковскаго поселка открывается устье ущелья ручья Чалбукчи, которое замѣчательно тѣмъ, что именно здѣсь пролегаетъ самая удобная прямая дорога черезъ хребетъ Лагаръ-аулъ, обходящая ущелье Камнифынъ (т.-е. про-

---

[1]) Radde въ Beiträge zur Kenntniss des Russ. Reiches XXIII 509—527.

рывъ Амура черезъ Буреинскій хребетъ)[1]) и выходящая въ долину Кильмена. Радде не имѣлъ возможности изслѣдовать эту дорогу, въ будущемъ могущую играть немаловажную роль въ виду того, что по ней можетъ быть проведенъ прямой путь по хордѣ Амурской дуги, соединяющій Пашковскій поселокъ съ Хабаровскомъ. Но разспросами Радде собралъ о ней необходимыя свѣдѣнія. Какъ ближайшія стѣны ущелья, по которой проходитъ сказанная дорога, такъ и слѣдующія за ними, а также и тѣ, которыя непосредственно у рѣчки круто обрываются въ долину Амура, всѣ носятъ слѣды сильнаго разрушенія и мѣстами представляютъ такую подвижную осыпь, что по ней нѣтъ возможности взобраться на верхъ. Всего по этому ущелью $3^1|_2$ дня пути: два—подъема на водораздѣлъ и $1^1|_2$—спуска къ рѣчкѣ Жотаръ, главному верховью Кильмена.

Крутые утесы, отдѣляющіе ручей Чалбукчи отъ долины рѣчки Надъянъ-Кадала, носятъ названіе Чи-по-чанъ, т. е. «горъ семи матерей», названныхъ такъ потому, что семь большихъ голыхъ скалъ, собранныхъ въ одну группу, рѣзко выдѣляются здѣсь изъ общей массы остальныхъ горъ. Правый берегъ Надъянъ-Кадалы, въ особенности ея устья, обставленъ также крупными и голыми скалами, единственнымъ украшеніемъ коихъ служитъ зеленоватый лишай. Наконецъ, и горы, потянувшіяся отсюда верстъ на десять или двадцать внизъ по Амуру, хотя въ общемъ уже положе и менѣе изборождены обрывами, тѣмъ не менѣе и онѣ довольно еще круто упираются въ рѣку, оставляя между собою и русломъ Амура очень узкую полосу луга.

Съ Лагаръ-Аула стекаютъ въ Амуръ еще рѣки Лагаръ и Верхній Дичунъ. Лагаръ-Аулъ, судя по картѣ Главнаго Штаба, въ своемъ направленіи къ югу образуетъ съ юго-западнымъ продолженіемъ Мургиля колѣно и связанъ съ нимъ горнымъ узломъ. На внутренней, западной, сторонѣ этого колѣна и берутъ начало упомянутыя рѣчки, текущія, начиная отъ Средняго Дичуна, уже съ Мургиля. Отъ Мургильскаго пика тянется кряжъ, который мы называемъ Мургильскимъ и который крутыми и длинными склонами, носящими названіе *Мо-хада*, что значитъ—Худая гора, обрывается въ русло Амура. Нижній Дичунъ и Карповка берутъ начало съ западнаго склона Мургильскаго кряжа. Вершина Нижняго Дичуна находится въ трехъ дняхъ пути отъ

---

[1]) См. Арх. Палладій Зап. И. Р. Г. О. 1879 г. VIII, 2, стр. 221. Радде утверждаетъ, что официальное манджурское названіе Буреинскихъ горъ «Камни». Шперкъ также пишетъ что въ донесеніяхъ своихъ, первые завоеватели, казаки, называли этотъ хребетъ «Камнемъ», l. c., стр. 117.

Амура. Отъ узла, соединяющаго Лагаръ-Аульское и Мургильское колѣна южнаго звена Буреинскаго хребта, отдѣляется отрогъ, по направленію своему служащій какъ бы продолженіемъ направленія Лагаръ-Аула. Сѣвернѣе этого отрога, съ восточной стороны Лагаръ-Аула, стекаетъ Жотаръ, верховье р. Кильмена (Кирми). Оконечности отрога образуютъ высокія сопки Дауръ-Аулъ и Суркинъ-Аулъ; съ послѣдней стекаетъ въ Амуръ рѣчка Наокъ. Южнѣе упомянутаго отрога, съ восточнаго склона Мургильскаго кряжа, текутъ въ Амуръ р. Биджаръ и Хой-Яръ или Самара съ своими притоками. Долина р. Хой-Яръ отдѣляетъ отъ Мургильской оконечности южнаго звена Буреинскаго хребта отрогъ, который, простираясь отъ С. къ Ю., постепенно теряется по равнинѣ, растилающейся восточнѣе прорыва Амура черезъ Буреинскій хребетъ. Въ верховьяхъ вѣтвей р. Самары находятся тѣ рудныя мѣсторожденія, ради изслѣдованія которыхъ Аносовъ посѣтилъ здѣшнее нагорье. Къ геологическимъ изслѣдованіямъ Аносова мы обратимся ниже, въ слѣдующей главѣ, здѣсь же приведемъ изъ его отчета только тѣ данныя, которыя относятся къ орографіи страны.

Мѣстность по р. Самарѣ (Хой-яру), пишетъ Аносовъ [1]), весьма живописна. Отъ частыхъ сдвиговъ и переломовъ пластовъ известняка здѣсь образовались ряды и группы острыхъ сопокъ и холмовъ, покрытыхъ каменными глыбами самыхъ разнообразныхъ формъ. Все это перерѣзано рядами логовъ, составляющихъ вершины правыхъ притоковъ р. Самары. Въ мѣстахъ, близкихъ къ Амуру, мѣстность покрыта рѣдкими рощами дуба, липы и орѣшника, но далѣе къ вершинамъ р. Самары растутъ сплошь густые хвойные лѣса, состоящіе преимущественно изъ кедра, лиственницы и пихты; сосны же совсѣмъ нѣтъ. Долины побочныхъ рѣчекъ, каковы Столбовая, Озерная, Лиственная, весьма удобны для поселеній; самыя же рѣчки могутъ служить двигателями въ могущемъ здѣсь быть желѣзномъ производствѣ. Долина р. Самары тоже имѣетъ пережимы, весьма удобные для устройства заводскихъ плотинъ [2]). Въ устьѣ ея известняки обрываются крутыми скалами, какъ въ сторону Амурской долины, такъ и въ сторону ея русла. Восточное подножіе хребта образуетъ рядъ высокихъ, острыхъ и почти безлѣсныхъ

---

[1]) «Горный Журналъ», 1865, № 4, стр. 67.

[2]) Для того, чтобы эта выписка была ясна читателю, мы замѣтимъ, что вся замѣтка Аносова написана была съ цѣлью выяснить чрезвычайное значеніе окрытой имъ въ горахъ р. Самары желѣзной руды (пластъ слоистаго краснаго желѣзняка въ 4 саж. мощностью и въ 40 верстъ длины). Вотъ почему она имѣетъ настолько спеціальный характеръ, что изъ нея трудно выдѣлить строго географическій матеріалъ.

сопокъ, которыя тянутся тоже вдоль полосы известняковъ и рѣзко отдѣляются отъ другихъ горъ праваго берега рѣки Самары. Южная оконечность этого хребта образуетъ обнаженную сопку въ 12 верстахъ отъ ст. Екатерино-Никольской. Изъ подъ самой подошвы горы бьетъ замѣчательный по величинѣ ключъ. Ширина его русла при самомъ началѣ не менѣе 6 сажень. Ключъ не промерзаетъ въ теченіе зимы и содержитъ воды достаточно для устройства небольшого желѣзнаго завода. Отъ ключа Рудный хребетъ идетъ къ С.-С.-В., пересѣкаетъ долину небольшого притока Столбовой и идетъ по правому берегу рѣки Самары до рѣчки Лиственной. Здѣсь онъ мѣняется въ формѣ, покрывается густыми хвойными лѣсами, быстро поднимается и образуетъ высокую сопку, которая командуетъ всею окрестностью. Отъ нея тянется далѣе къ сѣверу, къ вершинамъ р. Самары, сплошная масса высокихъ и лѣсистыхъ горъ.

Полное понятіе о строеніи Буреинскаго хребта даетъ намъ прорывъ Амура черезъ его долины и ущелья. Но прежде чѣмъ перейти къ этой части теченія рѣки, мы разсмотримъ ея теченіе и нѣсколько выше этого прорыва, отъ того мѣста, гдѣ мы его оставили въ предшедшей главѣ, а именно отъ устья Буреи, руководствуясь при этомъ отчасти прекраснымъ трудомъ Р. К. Маака [1]), отчасти описаніемъ Назарова [2]).

При своемъ устьѣ Бурея образуетъ вилкообразное раздвоеніе и между обоими рукавами ея находится песчаный островъ, противъ котораго, на лѣвомъ берегу Амура, расположенъ поселокъ Скобельцынъ. Отсюда Амуръ течетъ къ Ю. $12\frac{1}{2}$ верстъ однимъ русломъ, въ версту шириною, а затѣмъ постепенно уклоняется къ Ю.-В., на протяженіи $3\frac{1}{2}$ верстъ, разбиваясь островами и разливаясь протоками на ширину до 3 верстъ, причемъ главное русло, шириною отъ 400 саж. до 1 версты, идетъ съ правой стороны. На 16-й верстѣ своего теченія отъ устья Буреи, Амуръ поворачиваетъ къ Ю.-В., черезъ 9 верстъ проходитъ мимо станицы Иннокентьевской, отстоящей по прямой, береговой, дорогѣ отъ Скобельцыной въ 20 верстахъ. Противъ Иннокентіевской Амуръ течетъ уже однимъ русломъ, въ $1\frac{1}{2}$ вер. ширины, 4 же вер. ниже Инокентіевской поворачиваетъ къ югу и въ этомъ направленіи течетъ верстъ 6 однимъ русломъ, шириною болѣе версты; затѣмъ опять поворачиваетъ на В., не измѣняя своего характера на протяженіи 5 верстъ до

---

[1]) Маакъ Путеш. на Амуръ. Спец. часть, стр. 35.

[2]) Назаровъ, Матеріалы военно-статистическаго обозрѣнія Амурскаго воен. окр. въ «Сборникѣ геогр., etc. матерьяловъ по Азіи». 1888, стр. 192—228.

устья большого лѣваго своего притока Биръ-Ара или Хара. На всемъ 44 верстномъ протяженіи Амура, между устьями Буреи и Биръ-Ара, правый берегъ рѣки нагорный, лѣвый— луговой. На первыхъ 12 вер. теченія Амура (въ направленіи къ Ю.) отъ устья Буреи нагорный берегъ, образуемый предгоріями М. Хингана, отстоитъ еще отъ рѣки версты на полторы, но отъ поворота къ Ю.-В. горы праваго берега, хотя и высокія (10 саж. надъ уровьемъ Амура), спускаются прямо въ воду и сплошь поросли мелкимъ дубнякомъ [1]). Когда же черезъ $3^1/_2$ вер. Амуръ поворачиваетъ на В., правый нагорный берегъ отступаетъ отъ рѣки и противъ станицы Иннокентьевской отстоитъ отъ Амура въ $4^1/_2$ вер.; затѣмъ, 4 версты ниже станицы, рѣка поворачиваетъ къ Ю., и въ концѣ этого 6-верстнаго направленія береговыя горы снова подступаютъ къ рѣкѣ и отступаютъ отъ нея постепенно только съ поворотомъ ея къ В. Лѣвый же берегъ на всемъ протяженіи между Буреею и Биръ-Аромъ плоскій, покрытъ лугами и весьма удобенъ для земледѣлія. Лѣво-береговыя возвышенности такъ удалены отъ Амура, что ихъ совсѣмъ не видно съ рѣки. Ближе къ Амуру разстилаются прекрасные луга, полные могучей растительности, далѣе же поверхность оживляется рощами широколиственныхъ деревьевъ; на окраинахъ этихъ живописныхъ лѣсовъ растетъ орѣшникъ, не встрѣчающійся въ Сибири до бассейна Амура.

На лѣвой сторонѣ Биръ-Ара, впадающаго въ Амуръ двумя рукавами, изъ коихъ главный имѣетъ 50 саж. ширины, недалеко отъ устья лѣваго рукава, расположенъ поселокъ *Михайловскій*, находящійся въ 19 вер. по прямому гужевому пути отъ окружной станицы Иннокентьевской. Ниже Михайловскаго Амуръ течетъ въ юго-восточномъ направленіи 46 верстъ. На протяженіи около 30 верстъ теченіе его разбивается множествомъ большихъ и малыхъ острововъ на нѣсколько протоковъ и имѣетъ ширины (съ островами) отъ $4^1/_2$ до 7 верстъ; главное русло рѣки идетъ сначала по срединѣ островного архипелага, а потомъ у праваго китайскаго берега. Нѣсколько выше поселка *Касаткина*, отстоящаго отъ Михайловскаго поселка по береговому пути въ 31 вер., Амуръ собирается въ одно русло, имѣющее до $1^1/_2$ верстъ ширины, причемъ незначительные острова встрѣчаются изрѣдка то у лѣваго, то у праваго берега. Непосредственно за Касаткиной впадаетъ въ Амуръ съ лѣвой стороны рѣка Горный Гануканъ, текущая съ горы Осинда, отстоящей отъ Амура верстахъ въ 50 и ограничивающей съ лѣ-

[1]) Въ обнаженіяхъ этой части берега Маакъ открылъ пласты бураго угля.

вой стороны долину Биръ-Ара. Отъ Касаткиной Амуръ течетъ еще верстъ 17 въ прежнемъ направленіи къ Ю.-В., затѣмъ отъ устья маленькаго праваго своего притока, рѣки Аянъ, поворачиваетъ къ С.-В. и течетъ верстъ 16 въ этомъ направленіи, на половинѣ котораго принимаетъ лѣвый, довольно значительный притокъ Урилъ, текущій съ отрога Буреинскихъ горъ. Отъ станціи *Сагибовой* (отстоящей по сухопутной, болѣе прямой дорогѣ отъ Касаткина въ 27 верстахъ) Амуръ поворачиваетъ постепенною дугою къ Ю.-В., течетъ въ этомъ направленіи 6 верстъ, принимая съ лѣвой стороны рѣчку Грязнуху, затѣмъ поворачиваетъ къ С.-В. и послѣ 10 верстнаго теченія въ этомъ направленіи, за *Пашковскимъ* поселкомъ, расположеннымъ близъ устья рѣки Хингана, верстахъ въ 19 отъ Сагибова, дѣлаетъ чрезвычайно крутой поворотъ къ югу, вступая здѣсь въ ущелье Камни-Фынъ, и, начиная отсюда, пробивается черезъ долины и ущелья Буреинскаго хребта. Правый берегъ Амура отъ устья Биръ-Ара до устья Хингана то приближается къ рѣкѣ, какъ напримѣръ: противъ Михайловскаго, въ 4 вер. ниже Касаткина, и, наконецъ, между устьемъ рѣчки Аянъ (т.-е. въ томъ мѣстѣ, гдѣ высоты праваго берега, подходя къ рѣкѣ, заставляютъ ее измѣнить свое юго-восточное направленіе въ сѣверо-восточное) и Пашковскимъ поселкомъ, то отдаляется отъ рѣки на 2, 4 и даже 6 верстъ, но не болѣе. На лѣвомъ же берегу, между устьями Биръ-Ара и Хингана, разстилается та же низменная, ближе къ рѣкѣ луговая, а далѣе лѣсистая долина, лѣвая береговая окраина которой проходитъ отъ 25 до 30 верстъ отъ Амура.

Версты $2^1/_2$ ниже устья рѣчки Хингана, за Пашковскимъ поселкомъ, отроги Буреинскаго хребта впервые подступаютъ къ самымъ водамъ Амура, такъ что рѣка, круто повернувъ къ Ю. и даже къ Ю.-Ю.-З., вступаетъ, по мѣстному выраженію, въ щеки, т. е. скалистые нагорные берега. Береговыя горы покрыты лѣсомъ, между которымъ попадаются и хвойныя деревья: ели, пихты и лиственницы; при подножіяхъ гористыхъ береговъ образовались каменныя осыпи, особенно замѣтныя, напримѣръ, на правомъ берегу противъ Пашковой. Это и есть ущелье Камни-Фынъ—прорывъ Амура черезъ Буреинское нагорье, черезъ которое онъ протекаетъ, на протяженіи около 130 вер., до Союзнаго поселка. На всемъ этомъ протяженіи рѣка течетъ быстро, суживаясь въ своемъ руслѣ до 250—300 саженъ. Въ направленіи къ Ю.-Ю.-З. Амуръ течетъ до устья р. Уй, своего праваго притока, болѣе 28 вер. На половинѣ этого пути правый берегъ представляетъ крутыя и скалистыя обнаженія полево-шпатоваго порфира. Противъ него на лѣвомъ, лѣсистомъ берегу распо-

ложено селеніе *Сторожевое*, отстоящее отъ Пашковой въ 15 вер. Характеръ лѣваго, русскаго побережья Амура, на разсматриваемомъ 28-вер. протяженіи его теченія, выражается въ томъ, что, за исключеніемъ двухъ небольшихъ озеръ и нѣсколькихъ незначительныхъ болотъ, все остальное пространство этой береговой полосы покрыто роскошною растительностью. Къ сожалѣнію, полоса эта вовсе непригодна для сколько-нибудь значительнаго поселка, во-первыхъ, по своей узкости, а затѣмъ и потому, что въ половодье часть ея заливается водами Амура, о чемъ ясно свидѣтельствуютъ корчаги, занесенныя сюда этою рѣкой. Этотъ береговой лугъ постепенно переходитъ въ волнистую покатость, которою упирается въ русло рѣки береговая горная цѣпь. Первая, встрѣчающаяся здѣсь рѣчка носитъ названіе Кайлакчи. Какъ и другія двѣ—Бутули и Янгирчи, она имѣетъ болотистое устье и, повидимому, несетъ много песку и гальки, такъ какъ противъ нея, на рѣкѣ, возвышается островъ Кайлакчи-Богачанъ, весь сложенный изъ подобнаго матеріала. Въ малую воду онъ соединяется съ берегомъ и тогда образуетъ прекрасную бухту—излюбленное пристанище рыбы. Ниже Кайлакчи берегъ становится довольно крутымъ, но затѣмъ горы еще разъ уходятъ въ глубь страны и на протяженіи 18 вер. оставляютъ между берегомъ и собою полосу луга. Тамъ, на краю горизонта, онѣ повышаются очень замѣтно, служа подножіемъ громадѣ Лагаръ-Аулъ, рисующейся отсюда синеватымъ пикомъ [1]).

Въ двухъ верстахъ отъ Кайлакчи въ Амуръ впадаетъ ручей Чалбукчи, протекающій частью въ луговой, частью болотистой долинѣ, отдѣленной отъ русла послѣдняго цѣпью поросшихъ лѣсомъ бугровъ. Противъ устья послѣдняго лежитъ значительный островъ Ашикта-Богочанъ.

За устьемъ значительнаго праваго своего притока, р. Уя, Амуръ, напирая на гору праваго берега Шахша-Хада, измѣняетъ круто свое направленіе изъ ю.-ю.-в-наго въ в.-ю.-в-ное и входитъ уже здѣсь изъ продольной долины въ ущелье Хингана.

Хинганскія горы кажутся состоящими изъ многихъ, одна параллельно другой тянущихся цѣпей, между которыми образуются продольныя нагорныя долины. Амуръ прорѣзываетъ эти горы такимъ образомъ, что, послѣ перваго своего прорыва, направленнаго къ В., онъ направляется къ Ю. между двумя параллельными цѣпями горъ; потомъ вторично поворачивается къ востоку и, пробивая лѣвую стѣну долины, снова вступаетъ въ другую продольную долину и отсюда уже направляется къ

---

1) Radde въ Beitr. z. Kentn. d. Russ. Reiches. XXIII, 509—527.

югу и юго-западу. Особенно поразительны эти внезапные изгибы въ верхней части ущелья, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ проходятъ подъ прямымъ угломъ къ предшедшему направленію; между тѣмъ какъ на юго-восточномъ склонѣ Хингана Амуръ течетъ въ горахъ, образуя хотя и частые, но уже не крутые изгибы[1]).

Отъ сильнаго отраженія воды отъ берега, береговые откосы обыкновенно являются въ видѣ крутыхъ, почти вертикальныхъ стѣнъ, такъ что между ними и русломъ рѣки часто не остается вовсе берегговой земли; но зато противуположная имъ сторона въ этихъ случаяхъ является всегда довольно пологою и нерѣдко опоясана даже неширокою полосой луга. Такое явленіе повторяется въ попеременной послѣдовательности быстро одинъ за другимъ слѣдующихъ изгибовъ рѣки, а потому часто кажется, что находишься въ каменной котловинѣ, стѣны которой образуются изъ скалистыхъ откосовъ берега. Нерѣдко крутые откосы бываютъ до нельзя обременены толстымъ слоемъ обломковъ горныхъ породъ и покрыты густымъ лѣсомъ; но нигдѣ они не переходятъ за предѣлы растительности. Почти на всей длинѣ ущелья, исключая нижней его части, считая отъ устья р. Уя, на протяженіи 80 верстъ, вовсе нѣтъ острововъ, кромѣ одной небольшой и голой отмели ниже рѣчки Чалбукчи.

Рѣка Уй вливается въ Амуръ довольно широкимъ устьемъ, въ которомъ находится нѣсколько плоскихъ острововъ, отчасти поросшихъ кустарникомъ. Нѣсколько ниже Амуръ поворачиваетъ къ востоку и течетъ въ такомъ направленіи около пяти верстъ. Правая стѣна долины снова быстро поднимается изъ русла рѣки. По мѣрѣ ея удаленія отъ устья Уя, она постоянно возвышается и, наконецъ, четыре версты ниже, достигаетъ наибольшей высоты, образуя гору, называемую туземцами Сикся-Хада и замѣчательную тѣмъ, что изъ главной массы ея отдѣляются голые, зубчатые утесы.

На всемъ пространствѣ отъ Уя до Сикся-Хада стѣны долины обнажены и образуютъ болѣе или менѣе крутые откосы, состоящіе главнѣйшимъ образомъ изъ кератитоваго порфира.

Противъ этого Сикся-Хада находится устье Лагара, значичительнаго лѣваго притока Амура. Недоходя до устья Лагара, Амуръ натыкается на крутой, покрытый каменными осыпями отрогъ горъ, раздѣляющій ключъ Илакчи отъ Лагара[2]).

Отъ устья Лагара Амуръ круто поворачиваетъ прямо на

---

[1]) Маакъ, l. c., Геогн. изсл., стр. 38.

[2]) Это послѣ рч. Хингана самая крупная изъ рѣчекъ, впадающихъ на разсматриваемомъ протяженіи въ Амуръ. Беретъ начало съ пика Лагаръ-Аула.

югъ и въ этомъ направленіи течетъ 11 верстъ. Здѣсь русло рѣки съ лѣвой стороны непосредственно ограничено отвѣсными скалами, сплошная цѣпь которыхъ прорвана четырьмя логами, изъ коихъ только два по своей значительности заслуживаютъ вниманія. Изъ нихъ западный носитъ названіе Ноку-Бирекань [1]). На седьмой верстѣ отъ устья р. Лагаръ эта береговая цѣпь сплошныхъ скалъ прекращается. Здѣсь открывается площадка версты въ 2 — $2^1/_2$ шириной, окаймленная отрогами горъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Хочіо. Это довольно значительный, но плоскій горный отрогъ, дающій начало множеству ручейковъ и заканчивающійся у Амура вышеупомянутою площадкой, на которой въ настоящее время расположена станица *Раддевка*, отстоящая отъ Сторожевой по сухопутной дорогѣ въ 21 верстѣ. За Раддевкой горы опять выступаютъ на лѣвомъ берегу отдѣльною стѣной. Она непосредственно упирается въ русло Амура, который течетъ здѣсь съ особенною быстротой. Здѣсь въ него впадаетъ значительная рѣчка Верхній Дичунъ, стекающая съ Лагаръ-Аула. Отсюда на протяженіи 5 верстъ Амуръ принимаетъ ю.-ю.-в. направленіе. Береговые откосы его очень круты и выше непосредственно переходятъ въ береговыя горы (скалы), имѣющія здѣсь вполнѣ дикій и неприступный характеръ. Съ этихъ скалъ въ Амуръ ниспадаютъ три рѣчки: Монголокчи, находящаяся всего въ двухъ верстахъ отъ Дичуна, отъ долины котораго она отдѣлена однимъ только крутымъ и высокимъ отрогомъ; Гуланъ-Бирекань—въ четырехъ и Хада-Бирекань—въ десяти. За Хада-Биреканомъ береговыя горы вдругъ обрываются и смѣняются узкою береговою полосой, густо поросшею лѣсомъ и всего на одну — двѣ сажени превышающею рѣчной уровень. Сюда полого спускаются прибрежныя горы, которыя, однако, чѣмъ далѣе внизъ по теченію, тѣмъ становятся круче. Въ особенности дикія формы принимаютъ эти горы близъ устьевъ Средняго Дичуна—послѣдней изъ рѣкъ, стекающихъ съ горнаго массива Лагаръ-Аулъ. Вдоль ея лѣваго берега тянутся площадки, еще годныя для поселеній, но уже далѣе внизъ по теченію, вплоть до выхода Амура изъ горъ, на лѣвомъ его берегу нѣтъ болѣе мѣстъ, хоть сколько-нибудь пригодныхъ для человѣческаго жилья. Здѣсь горы непосредственно упираются въ русло рѣки то отвѣсными и высокими скалами, то болѣе пологими скатами, увѣнчанными густо поросшими лѣсомъ вершинами. Только долины рѣчекъ сопровождаются узкими полосками луга, но

---

[1]) Radde, l. c., стр. 509—527.

по своей незначительности послѣднія едва-ли заслуживаютъ вниманія. Всѣ рѣчки, впадающія въ Амуръ ниже Средняго Дичуна, стекаютъ въ послѣдній уже съ горъ Мургиль.

Правый берегъ Амура до устья Средняго Дичуна или, лучше сказать, до впадающей почти противъ него съ правой стороны рѣчки Чалбачи (Чалбукчи)—луговой; лугъ имѣетъ здѣсь значительную ширину. Стѣны долины праваго берега ниже устья Чалбачи опять поднимаются прямо изъ воды и состоятъ изъ того же слюдяного сланца, который распространенъ и на лѣвомъ берегу рѣки, но выше маленькаго острова, находящагося противъ упомянутаго устья, переходитъ въ хлоритовый сланецъ. Слюдяной сланецъ, однако же, вездѣ остается преобладающею породой и можетъ быть выслѣженъ на обоихъ берегахъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ.

Въ обращенной къ юго-западу части лѣсной долины лѣвый берегъ, почти на протяженіи 17 верстъ отъ вышеупомянутой рѣчки Чалбачи, образуетъ довольно высокую стѣну и состоитъ изъ мелко-зернистаго гранито-гнейса. Ниже этихъ обнаженій, представляющихъ ось поднятія хребта, рѣка вступаетъ на юго-восточный склонъ Буреинскихъ горъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нижнюю часть ущелья.

Береговые откосы замѣтно здѣсь понижаются и крутыя, скалистыя стѣны являются рѣже. Откосы долины, покрытые большею частью густымъ лѣсомъ, на вершинахъ своихъ часто несутъ куполообразныя сопки, также поросшія хвойнымъ лѣсомъ. Рѣже появляются мѣста, засыпанныя обломками горныхъ породъ и покрытыя скудною растительностью. Вообще побочныя долины, впадающія въ главную, удерживаютъ свой особый характеръ: онѣ кажутся довольно открытыми, густо обросшими лѣсомъ, между тѣмъ, какъ въ верхней части ущелья Камни-Фынъ, онѣ являются скорѣе ущельями, ограниченными по большей части крутыми и скалистыми стѣнами.

На юго-восточномъ склонѣ хребта является слюдяной сланецъ, хотя и не въ такомъ развитіи, какъ на сѣверо-западномъ, но все-таки онъ и здѣсь играетъ существенную роль при образованіи главной массы горнаго кряжа. Стѣна долины лѣваго берега въ нижней части ущелья состоитъ изъ довольно значительныхъ обнаженій бѣловатаго известняка.

На мѣстѣ своего выхода изъ Буреинскихъ горъ, Амуръ

---

[1]) Это Самарскіе известняки, съ которыми насъ знакомитъ въ своемъ отчетѣ Аносовъ. См. выше, стр. 143.

достигаетъ южной своей границы, именно 47°42′18″ с. ш., и измѣняетъ свое, до сихъ поръ южное и юго-восточное, главное направленіе на восточное, къ устью р. Сунгари. Отсюда Буреинскій хребетъ кажется уже только волнистою горною грядой. При выходѣ Амура изъ ущелья находится поселокъ *Союзный*, расположенный въ 92 вер. ниже станицы Раддевской и въ 18 вер. выше находящейся, еще ниже по Амуру, уже въ широкой равнинѣ, станицы *Екатерино-Никольской.*

Амуръ, выйдя изъ горъ, по обѣ стороны ограничивается обширною и плоскою береговою равниною, имѣющею видъ широкой луговой степи, которая мѣстами покрыта группами деревьевъ, мѣстами образующихъ даже небольшіе лѣса, состоящіе преимущественно изъ дубовъ и вязовъ. Но та часть луговой степи, на которой нѣтъ вовсе деревьевъ, представляетъ необозримую долину, очень пригодную для земледѣлія, покрытую роскошною травой и мѣстами заключающую озера, обросшія камышомъ.

Въ руслѣ рѣки часто встрѣчаются острова. Рѣчные берега, достигающіе нѣсколькихъ саженъ высоты, большею частью имѣютъ крутое паденіе къ рѣкѣ и состоятъ изъ намывныхъ пластовъ песку и глины, которые нерѣдко подмываются водой и обваливаются въ рѣку. Послѣднее явленіе замѣчается только въ высокую воду; при низкой же, осенью, напримѣръ, берегъ представляетъ здѣсь плоскій, песчаный береговой уступъ, покрытый щебнемъ и гальками. Кромѣ того, на немъ нерѣдко встрѣчаются особыя береговыя насыпи въ видѣ валовъ, состоящихъ въ большинствѣ случаевъ изъ песку и глины и простирающихся въ перпендикулярномъ направленіи къ береговому уступу. Нѣкоторыя изъ нихъ тянутся поперекъ русла рѣки черезъ всю ширину этого послѣдняго. У многихъ изъ нихъ, вообще параллельныхъ между собой и состоящихъ изъ щебня и гальки, промежутки между которыми выполнены пескомъ, стороны и откосы, обращенные къ низу рѣки, являются всегда болѣе крутыми, чѣмъ противуположные скаты.

Ниже Буреинскаго кряжа, по обѣимъ сторонамъ рѣки, горы сначала совершенно исчезаютъ изъ глазъ, но потомъ, хотя и въ значительномъ разстояніи отъ русла рѣки, онѣ снова появляются съ лѣвой стороны въ видѣ отдаленныхъ голубоватыхъ высотъ. Число протокъ и острововъ, по мѣрѣ удаленія отъ Хингана, увеличивается очень замѣтно. Вездѣ обнаруживаются частые подмывы рѣчного берега, имѣющаго нѣсколько саженъ высоты и состоящаго здѣсь изъ рыхлаго, желтоватаго песку, въ которомъ нерѣдко, особенно въ ниж-

ней половинѣ его обнаженій, проходятъ довольно мощные пласты синеватой или желтоватой глины.

По выходѣ изъ горъ, ниже Союзнаго, Амуръ на всемъ почти 130-верстномъ своемъ протяженіи въ ущельи Камни-Фынъ, т.-е. отъ устья рѣчки Хингана или поселка Пашкова до Союзнаго сохранявшій ширину отъ 250 до 300 саж., разливается до 500 саж., но на незначительномъ протяженіи, причемъ какъ у праваго, такъ и у лѣваго берега образовались два небольшіе острова (длиною каждый въ 700 саж., шириною отъ 100 до 200 саж.). Далѣе же, до станицы Екатерино-Никольской, Амуръ течетъ въ одномъ руслѣ шириною отъ 350 до 400 саженъ[1]). Глубина рѣки во всей длинѣ прорыва Амура черезъ Буреинскій кряжъ, т.-е. отъ Пашкова до Екатерино-Никольской, преимущественно отъ 30 до 45 фут. и даже доходитъ до 50 фут., между тѣмъ какъ выше, между устьями Буреи и Хингана (отъ Скобельцына до Пашкова), глубина фарватера составляетъ отъ 20 до 35 фут. и рѣдко до 38 футовъ.

Мы не будемъ останавливаться здѣсь на различіи взглядовъ изслѣдователей Амура, прорываетъ-ли эта рѣка горный хребетъ, извѣстный подъ именемъ Буреинскаго, Доуссэ-Алиня или Малаго Хингана, или течетъ въ ущельи, образованномъ Буреинскими горами подступающими къ теченію Амура съ С.-В. и Малымъ Хинганомъ съ Ю.-З., который образуетъ, по гипотезѣ Аносова[2]), не одно поднятіе съ Буреинскимъ хребтомъ. Тождество горныхъ породъ, встрѣчаемыхъ на обѣихъ сторонахъ Амура въ Камни-Фынскомъ ущельѣ (см. выше) убѣждаетъ насъ въ томъ, что Малый Хинганъ, простирающійся отъ русла Амура далеко на Ю.-З., въ Манджурію, есть дальнѣйшее звено Буреинскаго хребта, а нѣкоторое небольшое измѣненіе въ направленіи гребня Малаго Хингана представляетъ явленіе, замѣченное нами въ Буреинскомъ хребтѣ и на русской сторонѣ Амура и послужившее для насъ поводомъ къ раздѣленію его на отдѣльныя звенья. Что Амуръ проложилъ себѣ путь не перпендикулярно къ оси хребта, а до нѣкоторой степени вкось, параллельно съ гребнемъ нѣсколько отдаленнаго отъ него Лагаръ-Аула, это объясняется тѣмъ, что въ этомъ направленіи онъ встрѣтилъ какую-нибудь долину или трещину, параллельную частной оси поднятія части Буреинскаго хребта, называемую Лагаръ-Ауломъ, и что эта трещина представляла наименьшее сопротивленіе для прорыва рѣки, причемъ, однако же,

---

[1]) См. Назаровъ въ Сб. географ. свѣдѣній, 1888, выпускъ XXXI, стр. 196.
[2]) Аносовъ въ Г. Ж. 1865, № 4.

встрѣчая подобныя же долины, параллельныя гребню Мургильскаго колѣна—южнаго звена Буреинскихъ горъ, она, временно (какъ напримѣръ, между устьями Хингана и Уя), уклонялась и въ ихъ направленіе, слѣдуя вездѣ мѣстами, гдѣ встрѣчала наименьшее сопротивленіе. Шмидтъ полагаетъ[1]), что въ прежнее время Амуръ, вѣроятно, образовывалъ выше Хингана значительное озеро и только постепенно проложилъ себѣ путь между горами. Между ними около Амура нѣтъ ни одной, возвышающейся болѣе 1000 фут. надъ уровнемъ рѣки, а гольцовъ, возвышающихся надъ зоною лѣсовъ, совсѣмъ не встрѣчается. Вся мѣстность холмиста, но холмы эти не выражаютъ видимой связи въ какомъ-либо опредѣленномъ направленіи. Хотя горныя породы внутренней части Малаго Хингана при прорывѣ его Амуромъ представляютъ мало разнообразія, но съ того мѣста, гдѣ послѣдній черезъ скалистыя ворота, называемыя щеками, близъ поселка Пашкова, вступаетъ въ хребетъ, исчезаютъ осадочныя породы, смѣняясь кристаллическими. Изрѣдка въ концѣ прорыва, между станц. Поликарповкою и поселкомъ Союзнымъ, встрѣчаются бѣлыя скалы крупнозернистаго известняка. Горные склоны поросли преимущественно дубнякомъ, деревья котораго выше и толще дубняка, растущаго выше по теченію Амура. На высотахъ изрѣдка встрѣчается ель, при подошвѣ растутъ огромныя развѣсистыя деревья клена, ясени, ильма и бѣлой березы; липа, ольха и черемуха распространены по берегамъ впадающихъ въ Амуръ рѣчекъ. Древесная растительность часто перевита вьющимися растеніями. Хотя въ щекахъ ущелья Камни-Фынъ и есть пади, но по узкости ихъ и незначительности береговыхъ окраинъ, нѣтъ удобныхъ мѣстъ для поселковъ и на всемъ 90-верстномъ протяженіи между станицею Раддевскою и Союзнымъ, кромѣ небольшихъ почтовыхъ станцій, селеній совсѣмъ не существуетъ. Зато мѣста эти, въ смыслѣ живописности, великолѣпны: разнообразные по своимъ формамъ каменные утесы перемежаются съ роскошною зеленью древесной и травяной растительности и окаймляются широкою водною полосою Амура.

Переходя къ дальнѣйшему теченію Амура замѣтимъ, что на 122-верстномъ протяженіи отъ Екатерино-Никольской до устья Сунгари общее направленіе теченія Амура восточное, а далѣе, на 203-верстномъ протяженіи отъ устья Сунгари до Хабаровска—восточно-сѣверо-восточное[2]). Впрочемъ, отъ станицы

---

[1]) Шмидтъ, «Труды Спб. Эксп. Физич. Отд.», I, стр. 15.

[2]) При описаніи теченія Амура между Екатерино-Никольскою и устьемъ Сунгари мы руководствовались изложеніемъ Назарова. См. Назаровъ, l. c., стр. 215 и дал.

Екатерино-Никольской Амуръ течетъ еще $2^1/_2$ вер. прямо на Ю. и здѣсь имѣетъ $1^1/_4$ вер. ширины, причемъ посреди русла образовался островъ длиною въ 1 вер. и шириною въ 150 саж. Затѣмъ, теченіе Амура поворачиваетъ къ В.-Ю.-В. и продолжается въ этомъ направленіи однимъ русломъ $8^1/_2$ вер., при ширинѣ около 1 вер. Далѣе рѣка течетъ въ восточномъ направленіи, разливаясь здѣсь до $1^1/_2$ вер. въ ширину, причемъ въ руслѣ рѣки появляется у праваго, китайскаго берега островъ, въ $1^1/_2$ вер. длины и 150 саж. ширины, отдѣляемый отъ берега нешироким протокомъ. Въ восточномъ направленіи рѣка течетъ $13^1/_2$ вер., до поселка *Пузина*, отстоящаго отъ Екатерино-Никольской по сухопутной дорогѣ въ 20 вер. Отъ Пузина Амуръ течетъ въ томъ же восточномъ направленіи 12 вер., послѣ чего круто поворачиваетъ къ Ю. До этого поворота, при устьи р. Самары, находится корейская деревня *Благословенная*. Во всей только что упомянутой части теченія Амура образуются какъ у лѣваго, такъ и у праваго его берега различной величины острова, отдѣляемые отъ материка нешироким протоками, а ширина Амура достигаетъ здѣсь (съ островами и протоками) до 2—3 вер., причемъ ширина главнаго русла уменьшается до 400, 200 и даже до 150 саж.; у береговъ же рѣки и острововъ, поросшихъ лиственнымъ кустарникомъ, встрѣчаются песчаныя отмели. На всемъ описанномъ протяженіи отъ станицы Екатерино-Никольской по обѣ стороны Амура тянутся обширныя низменности, а восточныя предгорія Буреинскихъ горъ на лѣвой сторонѣ рѣки и Малаго Хингана на правой, скрываются за горизонтомъ. Низменности эти представляютъ сначала луга, покрытые тучною, травяною растительностью, а далѣе болотистыя пространства, поросшія въ иныхъ мѣстахъ лиственными лѣсами и кустарниками.

Послѣ поворота своего къ Ю., Амуръ течетъ въ этомъ направленіи 10 верстъ, затѣмъ на В.-С.-В. 9 вер. Уже въ началѣ своего поворота къ Ю. Амуръ раздѣляется на два рукава, причемъ главный лѣвый имѣетъ ширины до 1 вер., а разстояніе между материковыми берегами доходитъ до $3^1/_2$ вер. Послѣ 6 верстъ теченія къ Ю. оба рукава рѣки сливаются въ одно русло шириною болѣе версты. При поворотѣ къ В.-С.-В. Амуръ отдѣляетъ влѣво узкую протоку, которая послѣ $2^1/_2$ вер. теч. сливается съ главнымъ русломъ, образуя, такимъ образомъ, поросшій высокимъ кустарникомъ островъ, поперекъ котораго разстояніе между материковыми берегами доходитъ до $2^1/_2$ верстъ. Ниже острова рѣка течетъ въ одномъ руслѣ, въ 2 вер. шириною, но имѣющемъ посрединѣ песчаную отмель съ не-

большимъ островомъ. Въ концѣ же в.-с.-в-наго направленія русло рѣки суживается до 1 версты.

Далѣе Амуръ поворачиваетъ на В.-Ю.-В. и течетъ въ этомъ направленіи на протяженіи 20 верстъ. Съ 3-й и 4-й версты отдѣляются отъ главнаго русла справа и слѣва протоки, которыя, то соединяясь, то разъединяясь съ главнымъ русломъ, образуютъ громадные низменные острова, отчасти луговые, отчасти поросшіе кустарникомъ, причемъ ширина всего разлива доходитъ до 1 версты, а главное русло отчасти проходитъ посединѣ острововъ, но чаще у праваго, китайскаго берега. Послѣ 20-верстнаго теченія къ В.-Ю.-В. Амуръ поворачиваетъ къ В.-С.-В. и въ этомъ направленіи течетъ 5 верстъ. На поворотѣ главное русло находится у китайскаго берега, ближайшая къ нему лѣвая протока сливается съ нимъ, но остаются еще двѣ лѣвыя протоки, отстоящія отъ праваго китайскаго берега одна на 4, другая на 7 верстъ. Острова поросли рѣдкимъ лиственнымъ лѣсомъ. Послѣ 5 вер. главное русло поворачиваетъ къ В.-Ю.-В., а крайняя, лѣвая протока, имѣющая 100 саж. шир., течетъ въ прежнемъ направленіи и принимаетъ въ себя лѣвый значительный притокъ Амура Биджанъ. На всемъ описанномъ протяженіи, до устья Биджана, по обѣ стороны Амура простираются обширныя низменности, поросшія кустарниками и лиственнымъ лѣсомъ; горъ совсѣмъ не видно и только около р. Биджанъ показываются гряды холмовъ, приближающихся къ крайней лѣвой протокѣ Амура на полверсты разстоянія. 18 верстъ не доходя до р. Биджана находится, въ сторонѣ отъ самаго Амура, у подножія холма, крупный *Венцелевскій* поселокъ, а 18 вер. далѣе, на берегу самаго Биджана — *Квашнинскій* поселокъ; 4 версты за нимъ, на лѣвой протокѣ, расположенъ *Дежневскій* поселокъ, въ 4 вер. за которымъ протока сливается съ главнымъ русломъ. Отъ этого сліянія Амуръ течетъ еще $9\frac{1}{2}$ верстъ въ томъ же, в.-ю.-в-номъ направленіи однимъ русломъ отъ 2 до $2\frac{1}{2}$ вер. ширины, но русло это наполнено мелкими островами со многими отмелями. Фарватеръ идетъ у лѣваго берега, а ширина свободнаго отъ острововъ и отмелей пространства составляетъ отъ 250 до 400 саж. Далѣе Амуръ течетъ 13 вер. къ В.-С.-В. и наполненъ также мелкими островами и отмелями. При этомъ рѣка на 6-й верстѣ этой части теченія отдѣляетъ отъ себя влѣво протоку Джало, соединяющуюся съ Амуромъ черезъ 2 версты; здѣсь вся ширина разлива доходитъ до $8\frac{1}{2}$ верстъ. Затѣмъ, когда черезъ 13 верстъ главное русло измѣняетъ свое направленіе въ ю.-в-ное, то до сліянія своего съ Сунгари, оно отдѣ-

ляетъ отъ себя три протоки, извѣстныя подъ именемъ Хэша, Мовшекъ и Тельма. Всѣ эти протоки соединяются съ Амуромъ уже значительно ниже впаденія Сунгари, и такъ какъ онѣ идутъ въ восточномъ направленіи, то противъ устья Сунгари образуется обширное пространство верстъ на 12 вдоль Амура, занятое островами, образовавшимися изъ наносовъ, отложившихся при сліяніи обѣихъ рѣкъ. Острова эти, отчасти обнаженные, отчасти покрытые растительностью, имѣютъ свои оси направленными не по теченію Амура, какъ это было большею частью до сихъ поръ, а скорѣе поперекъ его русла; у ближайшихъ же къ устью Сунгари острововъ ось направлена отъ Ю.-З. къ С.-В.[1]).

При переѣздѣ устья р. Сунгари, Маакъ замѣтилъ, что вода послѣдней имѣла грязно-мутный цвѣтъ, представляющій особенно рѣзкую противуположность чистой водѣ Амура, выше устья послѣдней. Грязный цвѣтъ Сунгари происходитъ отъ мельчайшихъ частицъ глины, которая поступаетъ въ рѣку какъ продуктъ размыванія горной породы, составляющей ея берегъ. Глинистыя частицы, какъ видно, весьма мало или даже вовсе не осаждаются на дно рѣки, потому что мели, поднимающіяся изъ русла, состоятъ изъ чистаго песку.

Если переѣзжать Амуръ съ одного берега на другой, ниже соединенія обѣихъ массъ текучей воды, то ясно можно видѣть линію или границу, происходящую отъ столкновенія мутной воды рѣки Сунгари съ чистою водою Амура; но послѣдняя занимаетъ только одну четверть всей ширины теченія Амура и ниже отсюда постоянно суживается до тѣхъ поръ, покуда совершенно не проникнется мутною водою Сунгари.

Вотъ какъ описываетъ устье Сунгари академикъ Максимовичъ, изслѣдовавшій въ 1859 г. нижнюю часть теченія этой рѣки[2]): «13 іюля приплыли къ устью Сунгари. Чтобы не пройти мимо его, мы плыли подлѣ самаго праваго берега Амура, который около этого мѣста заливается водою и сопровождается островами и песчаными отмелями. Пройдя послѣднюю отмель, мы увидѣли другой берегъ устья Сунгари, холмистый и лѣсистый, на которомъ расположена деревня и караулъ Джангъ-Джу-Гере. Тутъ наша лодка такъ быстро понеслась изъ темныхъ водъ Амура[3]) въ буровато-бѣлыя волны Сун-

[1]) Явленіе это должно приписать, конечно, вліянію болѣе сильнаго теченія Сунгари, которое китайцы и манджуры считаютъ за главную вѣтвь Амура. Во всякомъ случаѣ, правая вѣтвь (т.-е. Сунгари) многоводнѣе и приноситъ болѣе наносовъ, а лѣвая быстрѣе, да и теченіе ея длиннѣе.

[2]) «Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1861, кн. IV (письмо Максимовича къ Л. Шренку).

[3]) Отсюда понятно, почему лѣвую вѣтвь Амура китайцы стали называть Хэ-Шуи, т.-е. Черною рѣкою.

гари, что мои люди начали заботливо измѣрять глубину рѣки, думая что мы подошли слишкомъ близко къ какой-нибудь иловатой банкѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вода этой рѣки такъ мутна, что даже въ небольшомъ количествѣ, въ стаканѣ, она кажется не совсѣмъ прозрачною. При устьи Сунгари вода ея такъ рѣзко отдѣляется отъ воды Амура, что можно держать руку пальцами въ водѣ одной рѣки, а ладонью въ водѣ другой. Потокомъ грязной воды Сунгари движется по Амуру, а при отдаленіи лѣваго берега Амура кажется, какъ будто она увлекаетъ его за собою и совершенно поглощаетъ. Поразительная разность цвѣта потоковъ была еще усилена вѣтромъ и тѣнью отъ тяжелой грозовой тучи, которая разразилась надъ другимъ берегомъ Сунгари, между тѣмъ, какъ на другой сторонѣ, гдѣ я былъ, свѣтило надъ Амуромъ яркое полуденное солнце. Кажется, вода Сунгари была въ это время грязнѣе обыковеннаго».

Принявъ Сунгари, главное русло Амура направляется на С.-В. и въ этомъ направленіи течетъ 28 вер. до станицы *Михаило-Семеновской* [1]), сливаясь на 8-й и 13-й вер. съ своими лѣвыми протоками, а на 3-й вер., отдѣляя отъ себя вправо широкую, наполненную островами протоку Сильбу, такъ что и по впаденіи протокъ Новлинъ и Хэнса, т.-е. 13 вер. ниже, ширина теченія Амура съ низменными островами все-таки простирается до $6\frac{1}{2}$ вер., причемъ ширина главнаго русла достигаетъ $1\frac{1}{2}$ вер. На 19-й вер. теченія къ С.-З., Сильба сливается съ Амуромъ, но отдѣляетъ за 3 вер. до своего впаденія узкую протоку Бухачинъ. Бухачинъ этотъ впадаетъ въ Амуръ на 20-й вер., отдѣливъ отъ себя предварительно уже совершенно незначительную протоку, впадающую въ Амуръ на 21-й вер. теченія его къ С.-В. Здѣсь ширина русла Амура достигаетъ до $2\frac{1}{2}$ вер. Направляясь далѣе почти на сѣверъ къ Михаило-Семеновской станицѣ, Амуръ на 23-й вер. отдѣляетъ вправо нешироκую протоку Ангру, на 24-й верстѣ влѣво протоку Сюльгу (около 100 саж. ширины), а на 25-й вер. вправо протоку Маму (до 100 саж. ширины). На 26-й вер. ширина главнаго русла 1 вер., а ширина всего теченія съ островами 11 вер. На 28-й вер. протока Сюльга сливается съ главнымъ русломъ, ширина котораго противъ станицы Михаило-Семеновской около 600 саж., а разстояніе между обоими материковыми берегами $10\frac{1}{2}$ вер., причемъ острова рѣки низменны, болотисты, усѣяны озерами и въ большую воду заливаются.

---

[1]) См. Назаровъ, l. c., стр. 221 и дал.

Влѣво отъ лѣваго русла Амура, на всемъ протяженіи отъ устья Биджана до Михайло-Семеновской, замѣтны отдаленныя, сначала отдѣльныя, группы горъ, которыя постепенно сливаются въ непрерывный, ясно-видимый горный кряжъ, простирающійся сначала къ Ю.-В., а потомъ къ В., но нигдѣ близко не подходящій къ рѣкѣ. Горныя группы расположены въ верховьяхъ рѣкъ Солонечной (Дауръ-Аулъ) и Грязной (Преображенская)—небольшихъ притоковъ Амура. Дальнѣйшая часть кряжа извѣстна подъ именемъ Урекча, а ближе къ Амуру подъ названіемъ Чурки.

Отъ Михайло-Семеновской станицы главное русло Амура поворачиваетъ на В., а черезъ 5 вер. даже на Ю.-В., и въ этомъ направленіи течетъ еще 5 вер. При концѣ восточнаго теченія главное русло отдѣляетъ отъ себя вправо и влѣво по протокѣ. Правая протока Ауданъ, шириною до 200 саж., имѣя теченіе на Ю.-В., принимаетъ въ себя правыя же протоки Маму и Ангру и затѣмъ сливается съ главнымъ русломъ на 4-й верстѣ его восточнаго теченія. Лѣвая протока Калэ, шириною 200—250 саж., направляется къ С.-В., принимаетъ справа новую протоку, отдѣлившуюся отъ главнаго русла на 2-й верстѣ его ю.-в. теченія, течетъ далѣе подъ названіемъ Ка-Ку и затѣмъ поворачиваетъ на В., причемъ отдѣляетъ немного ниже этого поворота, влѣво, новую протоку — Чоза. Главное же русло, въ одной верстѣ ниже сліянія съ нимъ правой протоки Аудана, поворачиваетъ на С.-В. и въ этомъ направленіи, при ширинѣ въ 1 вер., течетъ 9 вер. Послѣ 3-вер. теченія главной протоки въ этомъ направленіи, въ Амуръ справа впадаетъ рѣчка Байджинъ или Гайджинъ (иначе Кайджи, Гай-Дже) однимъ устьемъ съ тою же протокою Бугачанъ, которая отдѣлилась отъ протоки Сильба еще выше станицы Михайло-Семеновской. Бугачанъ этотъ, имѣющій всего только 20 саж. ширины, течетъ на протяженіи 20 вер., въ нижней части своей называется Даринъ, и сливаясь, наконецъ, съ притокомъ Амура, Байджиномъ или Гайджиномъ, приводится его теченіемъ въ Амуръ. Противъ устья р. Гайджинъ ширина всего теченія Амура, съ многочисленными протоками и островами, 7 вер. По правому берегу Гайджина показываются горы, крутыми утесами падающія къ Гайджину и двумя пологими уступами спускающіяся къ главному руслу Амура. Нижній изъ этихъ уступовъ поросъ высокою травою, вьющимися растеніями и кустарниками, верхній—густымъ лѣсомъ лиственныхъ и хвойныхъ деревьевъ. Съ вершины этой возвышенности открывается прекрасный и обширный видъ.

Налѣво виденъ Гайджинъ, извивающійся по обширной равнинѣ, направо, между лѣсистыми островами, видно множество Амурскихъ протокъ, издали кажущихся сѣткою.

Отъ устья Гайджина Амуръ заворачиваетъ все болѣе къ С.-С.-В. и течетъ въ этомъ направленіи около восьми верстъ. Правая стѣна долины на этомъ разстояніи поднимается прямо изъ русла и представляетъ то отлогіе и покрытые дубовымъ лѣсомъ откосы, то опять неприступныя, почти отвѣсныя скалы. Первые называются Мангати, вторыя Кёму или Кёмангъ. Кромѣ скалъ Кёму подобныя же обнаженія виднѣются и дальше внизъ по теченію. Но здѣсь они представляютъ уже болѣе пологіе откосы, хотя и изрѣзанные рытвинами, но мѣстами поросшіе лѣсомъ; кое-гдѣ они увѣнчаны куполообразными сопками [1]).

Двѣ версты ниже Кёму, отъ горы Хунгари Амуръ дѣлаетъ изгибъ, обращенный къ юго-востоку. Откосы долины являются здѣсь удаленными отъ воды; но они снова приближаются къ ней въ той части нижняго конца извилины, гдѣ образуютъ родъ выступа, называемаго Эту. Въ этой рѣчной извилинѣ разстилается довольно открытая долина съ береговыми лугами, по дну которой течетъ маленькая рѣчка.

Противъ горы Хунгари съ Амуромъ соединяется лѣвый его протокъ, Калэ-Каку, и рѣка на короткомъ протяженіи течетъ однимъ русломъ, шириною до 2 верстъ, если не принимать въ разсчетъ узкой лѣвой протоки Чоза, отдѣлившейся отъ Ка-Ку, а съ правой стороны узкой протоки Урекчу. Здѣсь ширина низменной долины Амура уже не превышаетъ $3^1/_2$ верстъ, такъ какъ съ лѣвой стороны приближается къ Амуру гряда невысокихъ холмовъ, имѣющая направленіе отъ С. къ Ю.; однако холмы эти скоро отступаютъ отъ рѣки на далекое разстояніе, и снова по лѣвую сторону Амура разстилаются необозримыя равнины. Протока Урекча сливается съ Амуромъ вмѣстѣ съ рѣчкою Урекча, правымъ притокомъ Амура, въ 2 вер. выше горы Эту, а притока Чоза, слѣва, прямо противъ горы Эту.

Ниже Эту Амуръ течетъ въ принятомъ имъ направленіи къ В.-С.-В. и очень скоро дѣлится на многія протоки, омывающія берега острововъ. Главное русло, проходившее до сихъ поръ ближе къ правому берегу, теперь направляется влѣво, и въ то же время узкая, а въ малую воду едва проходимая, протока Амура отдѣляетъ правый берегъ рѣки отъ покрытаго лѣсомъ острова, длина котораго простирается почти на 12 верстъ. Здѣсь упомянутый выше хребетъ пропадаетъ совершенно изъ

---

[1]) Маакъ, l. c. Геогн. изсл., стр. 45.

вида и вмѣсто него разстилается во всю свою необъятную ширь луговая равнина.

На правомъ же берегу, ниже Эту, стѣна долины удаляется отъ рѣки почти на двѣ версты и пространство между ними замѣщается широкою береговою равниной. Но потомъ стѣна эта начинаетъ опять болѣе и болѣе приближаться къ водѣ и, наконецъ, около семи верстъ ниже Эту она образуетъ небольшой скалистый выступъ, который представляетъ отрогъ цѣлаго ряда высотъ, тянущихся параллельно рѣкѣ и называемыхъ туземцами Актаръ. Онѣ состоятъ изъ куполовидныхъ сопокъ, поросшихъ въ большинствѣ случаевъ лѣсомъ. Мысъ этотъ не особенно крутъ и поросъ роскошными деревьями и разнообразнымъ кустарникомъ. Отъ него берегъ опять понижается и образуетъ или луговыя равнины, или входитъ въ рѣку плоскими откосами. Далѣе Амуръ снова раздѣляется на множество протокъ, огибающихъ весьма различные по величинѣ острова. Фарватеръ тянется вдоль лѣваго берега, а многіе изъ побочныхъ мелкихъ рукавовъ осенью высыхаютъ или совершенно, или только отчасти. Берегъ поросъ здѣсь по преимуществу ивами, сибирскою яблонью и густымъ кустарникомъ; откосы его или круто падаютъ къ водѣ, или же тянутся въ видѣ широкой песчаной отлогости, вдающейся въ рѣчное русло.

Отъ горы Актаръ Амуръ поворачиваетъ къ В.-С.-В. и течетъ въ этомъ направленіи до 82 вер., сохраняя на всемъ этомъ протяженіи характеръ раздробленности на множество протокъ съ низменными островами всевозможной величины. Ширина теченія рѣки съ островами и протоками, отъ 5 до 8 вер., но мѣстами суживается, какъ напримѣръ, въ самомъ началѣ разсматриваемой части теченія, не много выше поселка *Головинскаго*, гдѣ ширина всего теченія отъ 2 до 3 вер. Головино (послѣдній казачій поселокъ Амурской области до Хабаровска) расположенъ почти противъ горы Актаръ, при впаденіи въ Амуръ слѣва р. Малой Биры, въ 55 вер. ниже Михаило-Семеновской станицы, но еще въ 162 вер. отъ Хабаровска, и на этомъ протяженіи лѣвый берегъ Амура, затопляемый разливами и наводненіями, нынѣ совсѣмъ незаселенъ, а на немъ имѣются только почтовыя станціи для сухопутныхъ сообщеній.

Первая изъ этихъ станцій, *Вознесенская*, находится въ 26 вер. отъ Головина. Нѣсколько далѣе по пути между станціями, на 15-й вер. теченія Амура отъ горы Актаръ, подходятъ къ самой водѣ главнаго русла, справа, горы, образуя выдѣляющуюся далеко на горизонтѣ высоту Киноли и сопровождая

теченіе рѣки на протяженіи $5^1/_2$ вер. Далѣе эти горы отхо дятъ отъ теченія, обращаясь въ холмы и скрываясь въ отда леніи, такъ что на дальнѣйшемъ, почти 60-вер. теченіи Амура, по обѣ его стороны уже простираются до видимаго горизонта низменныя равнины, поросшія кое-гдѣ отдѣльными листвен-ными деревьями и кустарниками и состоящія изъ луговыхъ и болотистыхъ пространствъ. Немного выше Вознесенской стан-ціи Амуръ суживается, имѣя здѣсь ширину отъ 2 до 3 вер., а ниже Вознесенской расширяется снова, и при этомъ глав-ное русло, придерживаясь праваго берега, дѣлаетъ большую излучину, въ концѣ которой въ Амуръ впадаетъ большой лѣ-вый притокъ—Кильменъ (Муэлэ), называемый также Боль-шою Бирою. Отъ *Петровской* до слѣдующей станціи *Луговой* 22 вер. Немного выше Луговой теченіе рѣки снова сужи-вается, занимая всего своею шириною отъ 2 до 3 вер., но далѣе оно еще расширяется и остается таковымъ на про-тяженіи 13 вер. отъ Луговой до *Забѣловой* и 17 вер., отъ Забѣловой до *Верхне-Спасской*. Ширина главнаго русла на этомъ протяженіи, также какъ и выше, до $1^1/_2$ вер. Извиваясь, оно приближается то къ правому, то къ лѣвому материковымъ бе-регамъ, то течетъ по срединѣ цѣлаго архипелага острововъ.

Противъ Верхне-Спасской, на правомъ берегу Амура, воз-вышаются крутые утесы, извѣстные подъ именемъ Хоррохо. Береговой скатъ тянется здѣсь почти возлѣ самаго рѣчного русла на С.-В.; онъ представляетъ частью скалистыя обнаженія, частью поросъ лѣсомъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прорѣзанъ ущельями, по которымъ стремятся въ Амуръ ручейки съ очень холодною водой. Маакъ былъ пораженъ роскошною и необык-новенно разнообразною растительностью, встрѣченною имъ въ этихъ сырыхъ ущельяхъ. Здѣсь, у подошвы береговыхъ скалъ, въ Амуръ впадаетъ небольшая побочная его протока, осенью особенно мелководная. На мѣстѣ соединенія этой по-бочной протоки съ главнымъ русломъ стѣна долины, до сихъ поръ лѣсистая, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ первый разъ рас-крываетъ обнаженныя части берега и потомъ образуетъ ска-листые утесы, прорѣзанные узкими оврагами, въ которыхъ растетъ густой кустарникъ. Далѣе отсюда скалистая стѣна, тя-нувшаяся по берегу почти двѣ версты, удаляется, дѣлаетъ изгибъ въ четыре версты длиною, занимаемый береговымъ лугомъ, послѣ чего опять приближается къ руслу рѣки, не представляя, впрочемъ, уже обнаженій. Нѣсколько ниже, въ русло Амура упи-рается мысъ Кырма, составляющій отрогъ прежде далекихъ, а теперь снова приблизившихся къ водѣ, горныхъ высотъ. От-

сюда главное русло рѣки прокладываетъ себѣ путь черезъ архипелагъ острововъ къ лѣвому материковому берегу, на которомъ расположена въ 20 вер. ниже Верхне-Спасской, *Нижне-Спасская* станція, а въ правую сторону отдѣляется тотъ правый рукавъ Амура, въ который впадаетъ р. Уссури.

Главное русло, при ширинѣ отъ 2 до 3 верстъ, слѣдуетъ направленію на В.-С.-В. на пространствѣ около 60 верстъ, т.-е., до мыса Быри, гдѣ оно сливается съ уссурійскимъ рукавомъ.

Въ 26 вер. ниже Нижне-Спасской станціи расположена на лѣвомъ берегу Амура еще станція *Новгородская*, отъ которой до Хабаровска уже остается только 20 вер.

Чтобы отъ мыса Кырма попасть къ устью Уссури, Маакъ [1]), долженъ былъ оставить главное русло Амура почти въ 2 верстахъ ниже вышеупомянутаго мыса и вступилъ въ широкую (около версты въ ширину) побочную протоку, гдѣ сначала плылъ около 8 вер. въ направленіи къ Ю.-В.; далѣе протока эта сдѣлала поворотъ къ С.-В., чтобы снова принять свое первое направленіе къ устью Уссури, которое отъ мыса Кырма, по изгибамъ, удалено на 37 вер. и лежитъ подъ $48^{0}16'$ с. ш. и $152^{0}37'$ в. д.

На лѣвомъ берегу рѣки, при ея впаденіи въ Амуръ поставленъ столбъ, обозначающій границу Россіи и Китая и самую с.-в. оконечность Китайской Имперіи. Обширный же архипелагъ острововъ, лежащій противъ устья Уссури, простирается по теченію Амура на 40 верстъ, при ширинѣ отъ 4 до 8 вер. и занимаетъ до 600 кв. вер. пространства нейтральнаго между обоими государствами. На правомъ горномъ берегу Уссури, у самаго ея устья расположена станица *Казакевича*, а далѣе поселокъ *Карсаковскій* Приморской области. Изъ острововъ только одинъ имѣетъ континентальную флору; всѣ же другіе поросли по преимуществу ивами, черемухой и сибирскою яблонью.

Устье Уссури имѣетъ около полуторы версты ширины. По правому ея берегу тянется довольно высокій хребетъ, простирающійся къ С.-В. и называемый туземцами Хухчиръ-Хуринъ. Онъ понижается къ рѣкѣ поросшими лѣсомъ, частью крутыми или пологими откосами и имѣетъ волнистое очертаніе; только мѣстами изъ общей массы хребта выдаются отдѣльныя сопки. Песчаные берега покрыты здѣсь толстымъ слоемъ обломковъ различныхъ горныхъ породъ: глинистаго сланца, гранита, яшмы и вулканической лавы. Многочисленныя гальки гранита, лежащія въ побочныхъ оврагахъ хребта Хухчиръ,

---

[1]) Маакъ, «Путеш. на Амуръ», l. c., стр. 162.

равно какъ и гранитный песокъ, покрывающій дно такихъ овраговъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что ось поднятія этого хребта должна состоять изъ гранита. Ниже устья Уссури правая стѣна долины Амура, образованная хребтомъ Хухчиръ, тянется въ большемъ или меньшемъ удаленіи отъ русла рѣки и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ спускается къ нему тремя довольно ясными уступами. Но далѣе она все болѣе и болѣе отходитъ отъ русла рѣки и, наконецъ, почти совсѣмъ теряется изъ вида. Уссурійская протока расширяется здѣсь также весьма замѣтно и представляетъ необозримое пространство воды, изъ уровня которой, по мѣрѣ движенія внизъ по теченію, начинаютъ появляться группы острововъ. Вмѣстѣ съ расширеніемъ эта протока Амура измѣняетъ также и свое направленіе болѣе къ С. и течетъ въ такомъ направленіи до Хабаровска.

Тамъ, гдѣ обѣ массы воды сливаются вмѣстѣ, правый береговой скатъ подступаетъ почти къ самой рѣкѣ и представляетъ нѣсколько обнаженій, изъ коихъ первое и носитъ названіе Быри. Вся масса воды главнаго русла Амура напираетъ на скалистый выступъ Быри и вслѣдствіе этого у подножія его образуется довольно опасный водоворотъ [1]). Отъ Хабаровска скалистый береговой скатъ на значительномъ пространствѣ тянется возлѣ самой рѣки и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отличающихся отъ прочихъ видомъ или большою высотой, носитъ отдѣльныя названія; такъ, напримѣръ, выступъ, находящійся въ трехъ верстахъ ниже мыса Быри, мѣстные жители называютъ Кхалфа́ и слѣдующій непосредственно за Кхалфа́—Холяльки, Начиная отсюда, стѣна долины нѣсколько понижается, откосы ея являются поросшими лѣсомъ и скалы попадаются все рѣже и рѣже. Между мысомъ Кхалфа́ и ниже его лежащею стѣной Фейерканъ находится небольшая ложбина, по которой стекаетъ въ Амуръ небольшая рѣчка Даусаманъ. Отъ мыса Фейеркана стѣна долины поворачиваетъ къ С.-С.-В., но три версты ниже она снова поворачиваетъ сначала къ сѣверу, а потомъ къ сѣвѣро-востоку. Начиная отсюда, стѣна эта представляетъ непрерывный рядъ скалъ, которыя, по мѣрѣ движенія внизъ по теченію, возвышаются довольно замѣтно. Крайнія скалы, отъ которыхъ береговая стѣна поворачиваетъ вглубь страны, носитъ названіе Кармысъ-Хонгкони. Здѣсь, нѣсколько наискось, впадаетъ въ Амуръ рѣка Тунгузка, состоящая изъ двухъ большихъ вѣтвей: Урми и Кура, а нѣсколько ниже ея впаденія упирается въ Амуръ административная граница области.

---

[1]) Маакъ, «Путеш. на Амуръ», l. c., Геогн. изсл., стр. 50.

Этимъ исчерпываются наши свѣдѣнія о теченіи Амура отъ устья Буреи до границы Амурской области, но для того, чтобы покончить съ Амуромъ, мы считаемъ умѣстнымъ сообщить здѣсь еще все, что мы знаемъ объ измѣненіяхъ въ уровнѣ Амура на всемъ его протяженіи въ предѣлахъ Амурской области, а также о времени его вскрытія и замерзанія. Затѣмъ мы сообщимъ еще нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній о лѣвыхъ притокахъ Амура, протекающихъ по Амурской области, начиная отъ Буреи.

Уровень Амура при сліяніи Шилки съ Аргунью возвышается на 1180 ф. надъ ур. ок. Такъ какъ возвышеніе это у Албазина составляетъ только 795 ф., то паденіе Амура на 220-верстномъ протяженіи отъ Усть-стрѣлки до Албазина составляетъ 1 саж. на 4 вер., т.-е., $^1/_{2000}$. Уровень Амура при устьѣ Кумары составляетъ еще 580 ф., такъ что на 410-верстномъ разстояніи отъ Албазина до устья Кумары паденіе составляетъ уже только 1 саж. на 13 вер., т.-е., $^1/_{6500}$. 210 верстъ, далѣе, близъ устья Зеи, т.-е., у Благовѣщенска, уровень Амура составляетъ 330 ф., а слѣдовательно на этомъ протяженіи паденіе Амура почти вдвое значительнѣе, а именно, составляетъ 1 саж. на 7 в. или $^1/_{3500}$. Паденіе Амура на протяженіи 262 вер. между устьями Зеи и Буреи очень незначительно и составляетъ всего только 1 саж. на 23 вер. или $^1/_{13500}$. Тоже паденіе въ общемъ сохраняется и на 585-верстномъ протяженіи отъ устья Буреи до Хабаровска, гдѣ уровень Амура возвышается только на 90 ф. надъ уровнемъ ок. Единственное исключеніе составляетъ на этомъ протяженіи ущелье прорыва Амура черезъ Буреинскій хребетъ или Малый Хинганъ (Камни-Фынъ), гдѣ паденіе рѣки между Пашковымъ и Союзнымъ несравненно сильнѣе. Въ этой части теченія колебаніе уровня воды, по наблюденіямъ Радде, достигаютъ 11 ф. и самое высокое стояніе ея между 10 и 16 іюля [1]); но въ наводненіе 1872 года вода въ этомъ ущельѣ поднималась до 40 футовъ противъ средняго ея уровня! [2])

Амуръ и всѣ вливающіяся въ нее рѣки имѣютъ ту особенность, что разливы ихъ бываютъ не весной, при вскрытіи рѣкъ отъ льда, а лѣтомъ, въ іюлѣ и августѣ. Эта особенность зависитъ оттого, что всѣ ихъ истоки находятся въ горахъ, на которыхъ окончательное таяніе снѣга, происходитъ

---

[1]) Это наблюденіе относится только къ 1857 г., такъ какъ въ слѣдующемъ году вотъ что писалъ Радде: in diesem Iahre aber erreichte schon am 15 Juni der Amur dieselbe Höhe wie am 10 Iuli 1857 und behielt sie mit Schwankungen von 2—3 bis zum Ende des Iuli Monats. («Berichte über Reisen im S. u. O. Sibiriens», стр. 532).

[2]) Шперкъ дѣлаетъ ссылку на «Биржевыя Вѣдомости» 1873, № 17.

не ранѣе іюля мѣсяца; къ тому же въ іюлѣ начинаются частые дожди, которые главнымъ образомъ и играютъ большую роль въ половодьѣ рѣкъ. Весной Амуръ не разливается и прибыль воды въ немъ незначительна; причина этого обстоятельства кроется въ томъ, что въ верховьяхъ рѣкъ количество выпавшаго снѣга бываетъ незначительно, но главное, вслѣдствіе того, что весна въ Пріамурскомъ краѣ начинается исподволь, — днемъ тепло и вѣтренно, ночью тихо и морозно. Вся вода, успѣвшая образоваться днемъ отъ таянья снѣга къ ночи отчасти подмерзаетъ, а отчасти скатывается, не производя особеннаго переполненія рѣчекъ и рѣкъ. Кромѣ того, такъ какъ Амуръ течетъ на значительномъ разстояніи изъ болѣе сѣверныхъ широтъ въ болѣе южныя, то въ южныхъ частяхъ своихъ онъ раньше освобождается отъ льда, чѣмъ верховья его притоковъ, даже и тѣхъ, которые текутъ съ юга, такъ какъ вершины рѣчекъ лежатъ въ гористыхъ, высокихъ мѣстахъ, гдѣ дѣйствіе тепла наступаетъ позже и медленнѣе. Около Благовѣщенска ледъ идетъ два раза; сначала въ серединѣ апрѣля въ мѣстности, прилежащей къ городу, Амуръ расходится незамѣтно; ледъ на рѣкѣ таетъ, какъ отъ дѣйствія весенняго тепла, такъ и отъ прибыли воды изъ небольшихъ ближайшихъ рѣчекъ, вслѣдствіе чего образуются громадныя полыньи, а остающійся ледъ становится тонкимъ, ноздреватымъ. Затѣмъ черезъ недѣлю или дней десять идетъ по рѣкѣ, такъ называемый, Кумарскій ледъ, что продолжается отъ 3 до 5 дней; ледъ же болѣе верхнихъ частей Амура не достигаетъ города и теченіе рѣки разбрасываетъ его по берегамъ и островамъ. Прибыль воды въ это время бываетъ вообще незначительною и быстро спадаетъ. Покрытіе льдомъ Амура совершается медленно: сначала, около среднихъ чиселъ октября, начинаютъ показываться по утрамъ небольшія, тонкія льдины, называемыя въ Сибири «шугой», которыя днемъ исчезаютъ, а во время вѣтровъ отгоняются къ одному изъ двухъ береговъ. Съ увеличеніемъ холодовъ, льда появляется больше и больше, послѣ чего онъ не исчезаетъ и днемъ; масса его дѣлается почти сплошною (сало), образуются забереги и, наконецъ, въ послѣднихъ числахъ октября Амуръ около города окончательно замерзаетъ.

Время вскрытія рѣки въ Благовѣщенскѣ наиболѣе связано съ температурой марта и апрѣля, а замерзанія съ средней температурой сентября, какъ видно изъ слѣдующей таблички, приводимой Назаровымъ [1]).

---

[1]) Назаровъ военно-статистическій очеркъ Амурской области, стр. 248—249.

годы	Средн. темп. марта и апр.	Время вскрытія.	Средн. темп. сент. и окт.	Появленіе льда.	Окончательное замерзаніе.
1867	— 0,15°	20 апр.	+ 1,65°	—	3 нояб.
1868	+ 0,25°	9 »	+ 2.00°	—	27 окт.
1869	— 0,90°	24 »	+ 1,50°	13 окт.	30 »
1870	— 1,20°	24 »	— 0,30°	14 »	25 »
1871	— 1,30°	29 »	+ 1,05°	18 »	28 »
1872	— 0,35°	14 »	+ 1,85°	14 »	1 нояб.
1873	+ 1,10°	20 »	+ 0,45°	18 »	27 окт.
1875	— 0°	22 »	+ 0,95°	18 »	28 »

Приведенныя наблюденія показываютъ, что ледоходъ у Благовѣщенска начинается около половины октября, но окончательно рѣка замерзаетъ только въ концѣ мѣсяца, а вскрывается въ 20-хъ числахъ апрѣля, такъ что Амуръ у города бываетъ покрытъ льдомъ въ среднемъ 173 дня, а свободенъ 192 дня. Но такъ какъ рѣка не одновременно вскрывается и замерзаетъ въ конечныхъ пунктахъ пороходства въ Срѣтенскѣ и Николаевскѣ, то навигація по Амуру продолжается всего только 5 мѣсяцевъ (съ 1 мая по 1 октября). Только въ концѣ октября рѣка въ городѣ Благовѣщенскѣ окончательно замерзаетъ. Въ Хинганѣ Амуръ вскрывается 10—16 апрѣля, замерзаетъ между 31 октября и 16 ноября, въ Хабаровкѣ вскрывается въ первой половинѣ апрѣля, замерзаетъ во 2-й половинѣ ноября, въ Николаевскѣ, вскрывается между 1 и 8 маемъ, замерзаетъ около половины ноября.

Со времени вторичнаго занятія края русскими, т.-е. съ 1855 г. было нѣсколько наводненій, изъ которыхъ самыми замѣчательными были слѣдующія:

Въ 1861 г. въ особенности велика была прибыль воды въ Зеѣ, вслѣдствіе чего наибольшіе убытки понесли крестьянскія поселенія расположенныя на правомъ берегу Зеи и станицы, лежашія по Амуру ниже города Благовѣщенска [1]). Въ этомъ же году было сильное наводненіе и по р. Уссури, повторившееся и въ 1863 г. Но особенно опустошительно было наводненіе 1872 г.

Въ 1876 г. было опять наводненіе въ верховьяхъ Амура въ августѣ мѣсяцѣ. Въ 1879 г. въ верхнемъ теченіи Амура вода поднималась мѣстами выше 5 саж. противъ ординара, затопила въ станицахъ 1-го и 2-го полка въ августѣ мѣсяцѣ 1451 десятину пашенъ съ неубраннымъ еще хлѣбомъ; а въ наводненіе 1881 г., бывшее особенно сильнымъ въ среднемъ

[1]) Назаровъ, l. c., стр. 246.

и нижнемъ теченіи Амура, все, что было посѣяно на поляхъ вблизи рѣки, было затоплено и унесено, и это на громадномъ пространствѣ между Екатерино-Никольской станицей и Николаевскомъ!

Изъ наводненій этихъ наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія имѣемъ мы о наводненіяхъ 1861, 1872 и 1881 гг. Наводненіе 1861 г., Шперкъ описываетъ слѣдующимъ образомъ[1]).

Такъ какъ въ этомъ году прибыль воды въ Амурѣ главнымъ образомъ зависѣла отъ большой воды, шедшей по р. Зеѣ, то верховья Амура не пострадали. Сильная прибыль воды въ низовьяхъ Зеи началась съ 28 іюня, и 1 іюля вода достигла $3^1/_2$ саж. высоты противъ своего средняго уровня, затопила покосы и огороды въ селеніяхъ, расположенныхъ по правому берегу рѣки, причемъ въ особенности сильно пострадало Бѣлогорье. Съ 3 іюля вода пошла на убыль, но въ августѣ прибыла снова и поднималась очень сильно два раза. Съ 8-го по 14-е и съ 19-го по 29-е Августа къ этой водѣ присоединилась еще довольно значительная вода, шедшая съ верховьевъ Амура, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Амурѣ, ниже г. Благовѣщенска, уровень воды поднимался на 4—5 саж.; а такъ какъ и въ р. Буреѣ замѣтна была сильная прибыль въ водѣ, то въ это наводненіе пострадали преимущественно мѣста, лежащія ниже устья Буреи, такъ что всѣ пашни и огороды въ станицахъ, за исключеніемъ только, да и то отчасти, вышележащихъ мѣстъ, принадлежащихъ Екатерино-Никольской станицѣ, были залиты водой и уничтожены.

Во время своихъ разливовъ Амуръ представляетъ мѣстами изъ себя цѣлыя озера мутной воды, въ нѣсколько верстъ ширины, изъ которыхъ кое-гдѣ торчатъ верхушки деревьевъ на затопленныхъ водою островахъ; береговыя скалы спускаются вездѣ своими отвѣсными стѣнами въ воды рѣки, которая возлѣ нихъ образуетъ сильные прибои (?); мимо нихъ стремительно несутся иногда столѣтнія деревья, обломки строеній, городьба, бревна, стоги сѣна, крестьянскія избы... При спадѣ водъ берега Амура представляютъ иное зрѣлище: гдѣ въ половодье береговыя скалы и скаты горъ прямо высились изъ воды, тамъ теперь тянутся песчаныя отмели, усыпанныя галькой и обломками и возвышаются песчаные же бугры; станицы же лежатъ вдали отъ воды, на краю крутыхъ, но теперь уже безводныхъ протокъ, такъ что, смотря на эти берега, какъ-то не вѣрится, чтобы разливы рѣки могли ихъ топить...

---

[1]) Шперкъ, l. c. Книга его вышла въ 1885 г.

Наводненіе 1872 года Шперкъ описываетъ, какъ очевидецъ.

Самое высокое стояніе воды въ Стрѣтенскѣ было 27 іюля; со 2-го же іюля вода начала идти на убыль; но въ концѣ іюля начала вновь прибывать. Въ поселкѣ Покровскомъ и въ Албазинѣ самая большая вторичная прибыль воды была 28 и 29 іюля, причемъ уровень воды поднялся на $7\frac{1}{2}$ саж. выше ординара. Эта неимовѣрная прибыль воды зависѣла главнымъ образомъ отъ большой воды, шедшей изъ Аргуни. Въ городѣ Благовѣщенскѣ высшая прибыль воды была съ 3-го на 4-е іюля, причемъ вода поднялась выше 5 саж. противъ своего средняго уровня, затопила половину города, по улицамъ котораго разъѣзжали на лодкахъ и даже небольшой пароходъ причаливалъ къ домамъ, стоящимъ на базарной площади (!). Съ 7-го іюля вода стала сбывать. Въ ущельѣ Камни-Фынъ вода поднялась на высоту 7 саж. противъ ординара. Изъ 27 станицъ и поселковъ, пострадавшихъ отъ наводненія въ первомъ полку Амурской конной казачьей бригады снесено почти совершенно водою десять и въ нихъ 207 домовъ, а въ 8-ми или 9-ти поселкахъ снесено до $\frac{2}{3}$ всѣхъ домовъ, т.-е., 142 [1]). Изъ поселковъ особенно сильно пострадали, начиная съ верховьевъ Амура, слѣдующіе: Покровскій, Амазаръ, въ которой уцѣлѣло только два дома, Игнашино— одинъ домъ, Сгибнева — два дома и телеграфная станція, и Орлова, разрушенная до тла. Въ Албазинѣ снесено водою 12 домовъ и разрушено 2. Въ селеніи Воскресенскомъ изъ 19 домовъ осталось только 9, да и то на половину разрушенныхъ. Поселокъ Бейтоновъ, въ 40 дворовъ, совершенно уничтоженъ водою, а въ поселкѣ Толбузиномъ уцѣлѣлъ всего одинъ домъ. Въ Черняевой изъ 80 домовъ уцѣлѣло только 15. Жители поселка Степанова, залитаго буквально водою, бѣжали на сосѣднюю гору, гдѣ и оставалися въ теченіе двухъ сутокъ безъ пищи, пока ихъ не розыскалъ и не снялъ пароходъ. Отъ нѣкоторыхъ поселковъ, какъ напримѣръ, Буссева, Корсакова и др. [2]) не осталось никакого слѣда, такъ что даже и мѣста ихъ расположенія можно было отыскать не иначе, какъ ориентируясь на сосѣднія мѣстности. Ниже города Благовѣщенска, казачьи станицы пострадали ужъ значительно меньше. Вторичная значительная прибыль воды въ Амурѣ въ этомъ же году была въ Благовѣщенскѣ съ 3-го на 4-е августа.

---

[1]) По другимъ извѣстіямъ 101. (Шперкъ, l. c., стр. 201).

[2]) Шперкъ пишетъ, что эти два поселка возстановлены не были, между тѣмъ, оба поселка существуютъ и нынѣ, какъ мы увидимъ въ главѣ X.

Свѣдѣнія о наводненіи 1881 г. находимъ мы у Назарова [1]). Лѣтомъ 1881 года уровень воды въ Амурѣ и Зеѣ повышался 6 разъ, изъ коихъ три въ такой степени, что Амуро-Зейская равнина затоплялась до прекращенія въ ней всякаго сообщенія. 20 мая вода въ Зеѣ была уже на возвышенномъ уровнѣ, 22 мая начала сбывать, что продолжалось до 24 мая. При наибольшемъ достигнутомъ ею уровнѣ, вода стояла однакоже позади дер. Владимировки сажени на 2 ниже берега, 25 мая вода снова начала прибывать въ Зеѣ, а съ 1 іюня и въ Амурѣ. 11 іюня она достигла наибольшаго своего уровня, окружила деревню Владимировку и затопила нѣкоторые ея дворы и огороды. 12 іюня вода начала сбывать, и къ 24 іюня сбыла до майскаго максимальнаго уровня ($2^1|_2$ саж. ниже берега у дер. Владимировки). Третья прибыль воды началась 12 іюля, и достигла наивысшаго уровня 17 іюля. Вода опять окружила Владимировку, затопила дворы и даже сѣни нѣкоторыхъ избъ. 19 іюля вода начала сбывать и сбывала до 6 ав., причемъ опустилась на $2^1|_2$ саж., ниже берега у поселка Низменнаго. 11 августа, вода опять начала прибывать, достигла того же высшаго стоянія какъ и 11 іюня, но затѣмъ начала убывать, а къ 23 августу у поселка Низменнаго была уже ниже берега на $2^1|_2$ саж. Два менѣе значительныя повышенія уровня Зеи были еще въ началѣ сентября. Очевидно, что всѣ эти явленія объясняются разнообразіемъ условій таянія снѣговъ на разныхъ высотахъ въ обширной рѣчной области Амура.

Переходимъ теперь къ притокамъ Амура. О р. Буреѣ и всей ея рѣчной области, до выхода рѣки изъ Буреинскаго нагорья, мы сообщили уже все, что намъ извѣстно, при описаніи Буреинскаго нагорья, и намъ остается здѣсь прибавить еще то немногое, что касается до нижняго теченія Буреи, по выходѣ ея изъ горъ.

Съ нижнею частью теченіе Буреи, знакомятъ насъ Усольцевъ [2]) и Бацевичъ [3]),—оба поднимавшіеся вверхъ по Буреѣ, отъ поселка Скобельцина. Близъ этой станицы, Бурея впадаетъ въ Амуръ двумя рукавами, и послѣднія 8 верстъ своего теченія течетъ между низменными берегами. Только у дер. Осташковой, расположенной на правомъ, нѣсколько возвышен-

---

[1]) Назаровъ l. c. стр. 246—247.
[2]) Труды Сибирск. экс. отд. матем. стр. 51—52.
[3]) Бацевичъ, Матер. для из. Амурск. кр. стр. 68.

номъ берегу рѣки, являются первыя обнаженія, состоящія изъ перемежающихся слоевъ песку и галешника. Вер. въ 20 выше Осташковой къ правому берегу подходитъ терраса, превышающая на 150 ф. уровень рѣки. Терраса эта по направленію къ Домикану удаляется отъ рѣки и снова приближается къ ней у дер. Каменки, т.-е. при впаденіи въ Бурею р. Первой Камы (второй рѣки этого имени). Эта Кама ограничиваетъ прилегающую къ Амуру въ низовьяхъ Буреи равнину, имѣющую верстъ 60 длины и до 40 ширины.

Въ восточной части этой степи находится много озеръ и болотистыхъ мѣстъ, но, впрочемъ, вездѣ почва покрыта самою роскошною травой и кое-гдѣ перелѣсками изъ дубняка, бѣлой и черной березы. Пря устьѣ второй Камы на островахъ Буреи встрѣчается иногда пробковое дерево между ольхой, осиной, ивой и тополемъ. Къ сѣверу отъ Камы второй мѣстоположеніе измѣняется; мѣстность становится холмистою; луга показываются только вдоль береговъ рѣкъ; горы возвышаются постепенно и состоятъ уже изъ гранита но еще кажутся разбросанными, нигдѣ не вытягивась въ хребетъ. Лѣса состоятъ изъ прекрасныхъ высокоствольныхъ деревьевъ различныхъ широколиственныхъ породъ. Мѣстами они представляли почти неодолимое препятствіе путнику. Весьма разнообразны и многочислены здѣсь также кустарники; множество различныхъ вьющихся растеній ползутъ съ нихъ на деревья и въ значительной мѣрѣ способствуютъ тому, чтобы путь по лѣсу сдѣлать еще болѣе труднымъ.

До устья р. Сектагли, праваго притока Буреи, лиственный лѣсъ очень постепенно замѣняется хвойнымъ; выше же Сектагли первый совсѣмъ изчезаетъ.

Сообщеніе долины нижней Буреи съ долиною ея верхнихъ частей производится только по самой Буреѣ, лѣтомъ въ легкихъ березовыхъ челнокахъ, зимою по льду. По разсказамъ тунгусовъ въ долинѣ нижней Буреи, на лѣвомъ ея берегу, находится непроходимо густой лѣсъ, кончающійся у рѣчки Сокже или рѣчки «Дикаго Оленя», получившей это названіе вслѣдствіе того обстоятельства, что она служитъ южною границей распространенія этого животнаго.

Этимъ и заканчивается сообщеніе Усольцева о нижней Буреѣ, но Бацевичъ поднимался по ней на пароходѣ на 400 верстъ, до Чинкундинскаго склада, расположеннаго при впаденіи слѣва въ Бурею р. Дульянкана.

На этомъ протяженіи, не смотря на быстроту теченія и частые перекаты, Бурея можетъ считаться судоходною въ сред-

ною воду. Иногда пароходы Нюманской компаніи поднимаются даже до устья Нюмана, въ малую же воду рѣка судоходна всего лишь на 220 верстъ до такъ называемаго Пайканскаго склада, расположеннаго на второй Камѣ. Обыкновенно послѣ дождей колебанія уровня воды въ Буреѣ доходятъ до 2 и 3 саж.; вода быстро прибываетъ, и рѣка, обращаясь въ бурный потокъ, сноситъ все на своемъ пути и сплошь покрывается карчами. Въ половодье Бурея въ нижнемъ теченіи, почти каждый годъ выступая изъ береговъ, затопляетъ прибрежную низменность.

О теченіи Биръ-Ара мы не имѣли бы никакихъ свѣдѣній, если бы кн. К. Н. Дадешкаліани въ своемъ описаніи Амурской области между Буреею и Амгунью не сообщилъ-бы намъ краткаго описанія долины Биръ-ара, заимствованнаго имъ изъ частнаго къ нему письма золотоискателя Сафонова[1]). По свидѣтельству Сафонова, р. Биръ-Аръ или Харъ въ нижней части своего протяженія, а именно ниже устья праваго притока своего Илги, течетъ по широкой низменной плоскости, не ограниченной съ боковъ никакими холмами и постепенно спускающейся къ Амуру. Выше впаденія Илги рѣка Биръ-аръ течетъ въ широкой долинѣ, ограниченной невысокими холмами, но чѣмъ далѣе вверхъ теченія, тѣмъ болѣе и болѣе суживается долина рѣки, а выше же впаденія притока Урика р. Биръ-Аръ течетъ уже въ ущельи между высокими гранитными утесами. Боковые притоки Хара, текутъ по «марямъ», т.-е. мѣстамъ, покрытымъ болотами и рѣдко-лѣсьемъ, состоящимъ изъ дуба, черной и бѣлой березы, осины, ильма и клена. Только кочки мѣшаютъ безпрепятственнымъ проѣздамъ по этимъ бездорожнымъ «марямъ» на лошадяхъ въ зимней упряжкѣ, иначе проѣздъ по нимъ былъ-бы очень легокъ. Въ верховьяхъ р. Биръ-Ара преобладаютъ уже хвойные лѣса, а горныя породы состоятъ изъ гранитовъ, гранито-сіенитовъ и кварцевыхъ породъ. На берегахъ Биръ-Ара попадаются камни и утесы, исписанные китайскими и манджурскими письменами. Общее съ рѣкою названіе Биръ-Аръ носитъ одно изъ мѣстныхъ тунгузскихъ племенъ.

О рѣчкахъ Горномъ Гануканѣ и Урилѣ, впадающихъ въ Амуръ между устьемъ Биръ-Ара и Пашковской станицей, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. О рѣчкахъ, текущихъ съ южнаго звена Буреинскаго хребта, черезъ который прорывается Амуръ въ ущельи Камни-Фынъ, а именно о Мутной, Хинганѣ, Лагарѣ, трехъ Дичунахъ, Самарѣ и Биджанѣ мы уже имѣли случай говорить выше.

---

1) Кн. Дадешкаліани, l. c., стр. 238.

Самыя же скудныя свѣдѣнія имѣемъ мы о рѣкахъ, впадающихъ въ Амуръ съ лѣвой стороны, между устьями Сунгари и Уссури, и изъ которыхъ самая значительная Кильменъ (иначе называемая Кирми, Кимнынъ и Муолэ) представляется для насъ самою загадочною, тѣмъ болѣе, что и теченіе ея на картѣ Главнаго Штаба было обозначено до настоящаго времени неправильно.

Изъ новѣйшихъ съемокъ, только что полученныхъ Главнымъ Штабомъ оказалось, что въ Амуръ впадаютъ выше устья Кильмена, обозначеннаго на картѣ Главнаго Штаба между Вознесенскою и Петровскою станціями, два значительные, до сихъ поръ ненанесенные на карты притока, а именно, Большая и Малая Бира изъ которыхъ, судя по съемкамъ, первая имѣетъ неменѣе 120, а вторая неменѣе 150 вер. длины.

Малая Бира упоминается въ доступныхъ намъ источникахъ, одинъ только разъ, а именно въ описаніи населенныхъ мѣстъ составленномъ для Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по благосклонному распоряженію генералъ-губернатора Духовскаго, въ описаніи поселка Головина сказано, что онъ расположенъ на р. Малой Бирѣ недалеко отъ ея устья. Никакихъ другихъ свѣдѣній объ этой рѣкѣ мы не имѣемъ. Судя по новѣйшимъ съемкамъ, теченіе въ общемъ параллельно Большой Бирѣ.

Эта Большая Бира, по тѣмъ же съемкамъ, впадаетъ въ Амуръ верстъ 8 ниже Малой, между тѣмъ какъ Кильменъ, по картѣ Главнаго Штаба, впадаетъ въ Амуръ двумя рукавами— однимъ ниже станціи Вознесенской, отстоящей отъ Головинскаго поселка въ 26 верстахъ, а другимъ еще ниже, а именно верстахъ въ 6 недоходя до станціи Петровской, которая расположена вер. въ 20 за Вознесенскою. На картѣ новѣйшихъ съемокъ на мѣстахъ, гдѣ, по картѣ Главнаго Штаба, должны впадать въ Амуръ рукава Кильмена изображено нѣсколько ложбинъ, наполненныхъ водою и направляюшихся къ нижнему теченію Биры, но недоходящихъ до нея. Если предположить, что въ полую воду ложбины эти соединяются съ Большою Бирою, то получится дельта, вер. въ 20 ширины, огибаемая Амурскою дугою, на 30 верстахъ, лѣвое русло которой и есть та рѣка, которая, по новѣйшимъ свѣдѣніямъ, названа Большою Бирою. Такъ какъ эта Бира, по упомянутымъ съемкамъ, имѣетъ, не считая мелкихъ извилинъ, не менѣе 150 вер., т.-е., приблизительно размѣры прежняго и нынѣ какъ бы исчезнувшаго на съемочныхъ планшетахъ Кильмена, и такъ какъ другой рѣки, параллельной Большой Бирѣ, но впадающей ниже ея въ Амуръ, умѣстить негдѣ, то мы не сомнѣваемся въ томъ, что Большая Бира тождественна

съ Кильменомъ. Различіе же въ названіяхъ объясняется тѣмъ, что «бира», есть имя нарицательное, на одномъ изъ туземныхъ нарѣчій, значащее «рѣка», вслѣдствіе чего одинъ изъ притоковъ Буреи, Нюмань, также называется Бирою, такъ что существуетъ Нюмань-бира, Макитъ-бира, а слѣдовательно можно назвать и разсматриваемую рѣку Кильменъ-бирою. Несогласіе же показанія картъ относительно мѣста впаденія рѣкъ объясняется тѣмъ, что въ дельтѣ, образуемой низовьемъ Кильмена, въ прежнія времена обращалъ на себя наибольшее вниманіе лѣвый рукавъ, а нынѣ, при наклонности рѣкъ тѣсниться къ правому берегу, правое русло сдѣлалось главнымъ, а лѣвые остались непостоянными и не всегда наполненными водою. Подобныя же явленія, какъ мы увидимъ ниже, замѣчаются и въ устьѣ Тунгузки, соединяющейся съ Амуромъ и постоянными и временными протоками. Такимъ образомъ, намъ остается только отождествить Большую Биру съ рѣкою, носящею у разныхъ авторовъ и на разныхъ картахъ названіе Кильмена, Кирми, Кимныня, къ которому на картѣ Главнаго Штаба присоединено еще названіе Муолэ. Отождествленіе это сдѣлано, впрочемъ, и на прилагаемой къ нашей книгѣ картѣ, и на картѣ, приложенной къ сочиненію Бацевича.

Единственныя свѣдѣнія объ этомъ Кильменѣ или Кирми находимъ мы у кн. Дадешкаліани, [1]) сообщающаго намъ объ этой рѣкѣ, что теченіе ея столь тихо, что инородческія лодки добираются до самой вершины рѣки, что лѣвый берегъ ея совершенно ровный, но что по правой сторонѣ отъ вершины ея до низовья тянется рядъ сопокъ, который составляетъ единственный большой отрогъ Буреинскаго нагорья къ востоку. Верховья Кильмена обозначаются у разныхъ авторовъ и на разныхъ картахъ названіями: Жотаръ, Жутаръ, Сутаръ. Съ верховьевъ этого Жотара, по свидѣтельству Дадешкаліани, есть удобный перевалъ къ впадающей въ Амуръ рѣкѣ Дичуну.

Нѣсколько больше свѣдѣній имѣемъ мы о рѣчной области двухъ вѣтвей Тнгузки..

Рѣка эта впадаетъ въ Амуръ верстахъ въ 17 ниже Хабаровска и извѣстна намъ отчасти изъ распросныхъ о ней свѣдѣній кн. Дадешкаліани [2]), отчасти изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ о ней горнымъ инженеромъ Бацевичемъ [3]).

Названіе Тунгузки относится туземцами (Гольдами и Яку-

---

[1]) Кн. Дадешкаліани, l. c., стр. 236.
[2]) Кн. Дадешкаліани, l. c., стр. 257.
[3]) Бацевичъ, Матер. для изуч. Амурскаго края, стр. 35.

тами), къ рѣкѣ на протяженіи 100 верстъ, т.-е. отъ устья до раздѣленія ея на двѣ большія составныя вѣтви, Куръ и Уньму или Урми. Тунгузка, вполнѣ судоходная рѣка, протекаетъ по низменности, заливаемой разливами Амура до такой степени, что въ половодье инородческія лодки свободно проходятъ, по залитымъ водою логамъ, изъ Амура въ Тунгузку. Такимъ образомъ, Тунгузка, какъ и большая Бира, при низкомъ стояніи впадаетъ въ Амуръ однимъ русломъ, а при высокомъ образуетъ цѣлую дельту временныхъ протоковъ. Отъ устья вверхъ Тунгузка течетъ между низкими, въ половодье затопляемыми берегами и только верстахъ въ 20 отъ него, у ея лѣваго берега, возвышается уединенная гора Алэ, которая, по изслѣдованію Бацевича, оказалась потухшимъ вулканомъ. На западномъ спускѣ Алэ, пріютилась китайская деревенька изъ 8 фанзъ, жители которой занимаются исключительно огородничествомъ. Выше и рядомъ съ горою Алэ возвышается площадка, называемая Хашихта и годная для поселенія, такъ какъ въ половодье она не заливается. Такъ какъ Бацевичъ полагаетъ, что основаніемъ площадки служитъ старый потокъ лавы, то онъ заключаетъ, что ея изліянія изъ вулкана Алэ происходили преимущественно на сѣверную его сторону. Выше Хашихты Тунгузка, извиваясь, течетъ среди низменныхъ береговъ, состоящихъ изъ песчаныхъ рѣчныхъ осадковъ и только между гольдскими деревнями Хулку и Джарма, верстахъ въ 2-хъ отъ праваго берега, находится уединенный, куполовидный холмъ, который, по мнѣнію Бацевича, также древній вулканъ. Выше послѣдняго Тунгузка извивается между низменными берегами и протекаетъ по равнинѣ. На соединеніи Кура и Уньмы Бацевичъ встрѣтилъ двѣ гольдскія юрты.

Изъ двухъ вѣтвей Тунгузки Уньма есть главная; во-первыхъ, потому, что истоки Уньмы отстоятъ далѣе, чѣмъ истоки Кура, во вторыхъ, потому, что при соединеніи обѣихъ вѣтвей Уньма вдвое шире и несетъ гораздо болѣе воды чѣмъ Куръ. Бацевичъ направился по Куру и поднимался на 70 верстъ вверхъ его теченія. Въ 6 вер. выше устья Кура впадаетъ въ него съ правой стороны рѣчка Улики, а въ 1 вер. ниже устья расположена гольдская деревня того же имени. Не доѣзжая до деревни Улики берега Кура нѣсколько возвышаются и правый представляетъ уже первыя на Курѣ обнаженія пройдя Улики, Бацевичъ видѣлъ на горизонтѣ отдѣльныя горныя вершины Шира и Эламбоцанъ, а слѣдуя далѣе къ С., вершины горъ Кэутырь. По геологическимъ признакамъ Бацевичъ принимаетъ всѣ упомянутыя горы за одинъ хребетъ, по формѣ и слагаю-

щимъ его породамъ походящій на простирающійся къ Ю.-В. и В.-Ю.-В. отъ Хабаровска, уже въ Приморской области, хребетъ Хехцыръ. Горы Шпра, Эламбоцанъ и Кэутыръ, появляющіяся у самыхъ береговъ Кура, въ 40 вер. выше его устья, сплошь покрыты лѣсомъ. Выше Кэутыра Куръ течетъ снова въ равнинѣ. Проѣхавъ вверхъ по Куру еще 30 вер., Бацевичъ вынужденъ былъ покончить свои наблюденія, такъ какъ время года было уже позднее (въ началѣ октября) и термометръ поутру опускался до 5-и-6° Р. Куръ продолжалъ быть судоходнымъ еще и далѣе, до сліянія двухъ своихъ вѣтвей, Дукель и Ойхонъ. По притоку правой изъ этихъ вѣтвей, Ярафу, отъ его истока, переваливъ черезъ хребетъ можно выйти на р. Баджанъ или Баджалъ, пр. пр. Амгуни. Съ лѣвыхъ притоковъ Кура вездѣ есть незатруднительные перевалы на притоки озерныхъ болотъ, а съ лѣвыхъ на протоки Уньмы.

Уньма судоходна на еще болѣе значительное протяженіе, чѣмъ Куръ, а именно, до лѣваго своего притока, Кукана. По расказамъ проводниковъ Бацевича—Гольдовъ нужно подниматься по Уньмѣ семь дней, чтобы достигнуть до невысокихъ горъ. Въ верхней части своего теченія Уньма принимаетъ въ себя много несудоходныхъ притоковъ, текущихъ въ болѣе или менѣе глубокихъ ложбинахъ, но по многимъ изъ этихъ притоковъ есть удобные перевалы черезъ Буреинское нагорье, съ одной стороны на систему Амгуни, на другой, на систему Тырмы, большого притока Буреи. Изъ такихъ (правыхъ) притоковъ Уньмы Дадешкаліани называетъ: Лахи (40 вер. длины до верховья), Севанда (20 вер.), Космунъ (50 вер.), Кирбичи (30 вер.), Бираиджи (70 вер.)[1]) Верхній изъ этихъ притоковъ, Лахи ведетъ къ одноименной рѣкѣ, впадающей въ Амгунь справа, Космунъ и Кирбичи къ притокамъ Тырмы, системы Буреи. Наконецъ съ правой вѣтви Бираиджи легко перейти на лѣвые притоки Кильмена или Кирми. Водораздѣлъ рѣчныхъ бассейновъ Уньмы и Кильмена хотя и носитъ на картахъ названіе хребта Ванда, но повидимому не представляетъ характера настоящаго горнаго хребта, а составляетъ, по всей вѣроятности, окраину или уступъ террасы, прислоненной къ восточному склону Буреинскаго хребта и постепенно склоняющейся къ нижнему теченію Амура[2]). Въ этой то террасѣ и

[1]) Кн. Дадешкаліани l. c. стр. 259.

[2]) Вотъ какъ выражаетъ свой взглядъ на нагорье Ванда М. И. Венюковъ: „Высоты на югъ и западъ отъ Гирина и на юго-востокъ отъ Малаго Хингана, ограничивающія съ сѣвера обширную равнину по Амуру, Кимнину (Кильмену) и Куру, на нѣкоторыхъ картахъ изображаются какъ отроги одного большого горнаго массива Ванды, примыкающаго къ Малому Хингану. Но эта орографія кажется сомнительною; скорѣе здѣсь

врѣзаны верховыя русла теченій Уньмы и ея правыхъ притоковъ такъ, что переходъ съ нижнихъ изъ нихъ на лѣвые притоки Кильмена не представляетъ затрудненій.

Всѣмъ изложеннымъ исчерпываются наши свѣдѣнія о бассейнахъ двухъ значительныхъ притоковъ Амура, занимающихъ ю.-в. уголъ Амурской области, но объ общемъ характерѣ этого угла сообщаетъ еще весьма интересныя данныя посѣтившій его въ недавнее время академикъ Коржинскій [1]).

Мѣстность между Хинганомъ (Буреинскимъ хребтомъ) и рѣкой Тунгузкой, впадающей въ Амуръ нѣсколько ниже Хабаровки, по мнѣнію Коржинскаго, представляетъ отдѣльный районъ, довольно однообразный по своему характеру и условіямъ для культуры. Здѣсь горы отходятъ отъ Амура, оставляя болѣе или менѣе широкую, довольно низменную полосу, которую Максимовичъ называетъ нижне-амурской преріей. Такое названіе справедливо лишь въ томъ смыслѣ, что эта долина покрыта преимущественно травянистою растительностью. Въ дѣйствительности же она не имѣетъ ни малѣйшаго сходства ни съ преріями Сѣверной Америки, ни вообще съ степными пространствами.

Разсматриваемую мѣстность Коржинскій дѣлитъ на три участка.

Первый участокъ—заливная долина Амура, представляющая прибрежную полосу различной ширины, отъ нѣсколькихъ верстъ до нѣсколькихъ десятковъ верстъ.

Эта полоса имѣетъ всѣ свойства послѣдней рѣчной террасы. Она сложена изъ песковъ, пересѣчена гривами, перерѣзана протоками, усѣяна озерками, старицами и болотами. Болѣе низменныя мѣста этой террасы заливаются почти ежегодно, другія рѣже, болѣе же возвышенныя только во время сильныхъ наводненій, которыя вообще случаются рѣдко. Около Хингана эта полоса возвышенна и узка; по направленію же къ Хабаровску она постепенно расширяется, а вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлается низменною, болѣе подверженною наводненіямъ, представляя все менѣе и менѣе удобствъ для культуры. Большая часть этой террасы покрыта травянистою растительностью, которая и видомъ, и общимъ характеромъ вполнѣ аналогична

можно видѣть повтореніе того же явленія, что и въ странѣ на сѣверъ отъ рѣки Гирина, т.-е., на Чаятынѣ, именно, что эта мѣстность есть плоскогоріе, изрытое рѣками, которыя и текутъ въ весьма разнообразныхъ направленіяхъ, чего бы не было, если бы надъ этой мѣстностью господствовала какая-нибудь рѣзко выдающаяся горная цѣпь». См. Военный Сборникъ 1872 VI, стр. 259.

[1]) Извѣст. Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, 1892, XXIII, № 4 и 5, стр. 79—88.

растительности заливныхъ луговъ. Но кромѣ того здѣсь встрѣчается и не мало лѣсовъ, разсѣянныхъ то небольшими рощицами, то перелѣсками, и состоящихъ преимущественно изъ дуба. Почва повсюду песчаная; на гривахъ замѣчается даже нерѣдко крупный рѣчной (?) песокъ. Въ болѣе же низкихъ мѣстахъ почва состоитъ изъ болѣе мелкихъ частицъ и доступна для культуры. Только въ низинахъ, такъ называемыхъ «падяхъ», она имѣетъ илистый характеръ и темный перегнойный верхній слой болотнаго происхожденія. Такія пади въ верхней половинѣ района, гдѣ описываемая терраса вообще низменна (напримѣръ, у Степановскаго поселка), не обработываются совсѣмъ, такъ какъ хлѣбъ на нихъ вымокаетъ, но въ западной, болѣе возвышенной части такія пади считаются наиболѣе удобными для пашенъ.

Но помимо этихъ частныхъ колебаній рельефа, въ общемъ для культуры доступны лишь тѣ сравнительно небольшія, возвышенныя части разсматриваемой полосы, которыя не подвергаются наводненіямъ Амура.

Описанная рѣчная терраса не рѣзко отдѣлена отъ второй, средней, полосы, къ описанію которой мы и переходимъ теперь.

Второй участокъ, начинающійся отъ заливной долины Амура и окамляющій подошвы грядъ или вдающійся между ними, простирается то узкою, то въ нѣсколько десятковъ верстъ ширины полосою, до подножія горной страны, которая, какъ мы видѣли, занимаетъ большую часть Амурской области.

Эта полоса болѣе возвышена; ее уже не захватываютъ современные разливы Амура; но подъемъ ея весьма слабъ и почти незамѣтенъ. Это ровная площадь, на которой отсутствуютъ, какъ гривы, такъ и углубленія въ видѣ старыхъ руслъ или озеръ, но наблюдаются лишь весьма незначительныя возвышенія или, по мѣстному—«релки» и пониженія — «пади». Она сложена изъ весьма вязкой глины, сверху бурой, снизу болѣе свѣтлой. Глина прикрыта темною, перегнойною почвой, лежащею на вышеупомянутыхъ возвышеніяхъ очень тонкимъ слоемъ, сантиметра въ 4—5, въ низинахъ же болѣе толстымъ, въ 10—15. Липкая подпочвенная глина задерживаетъ воду и способствуетъ заболачиванію мѣстности. Въ силу этого большая часть пространства данной полосы покрыта или болотистыми лугами, окрашенными въ концѣ мая въ ярко-желтый цвѣтъ отъ массы лютиковъ (Ranunculus acris), а въ началѣ іюня принимающими оранжевую окраску отъ Trollius asiaticus;

или же прямо кочковатыми болотами, поросшими осокой. На возвышеніяхъ же наблюдается особый типъ растительности, состоящій изъ мелкой поросли дуба и орѣшника и крупнолиственныхъ разнообразныхъ лѣсныхъ травъ.

Что болѣе всего бросается въ глаза при изученіи данной полосы—это ея замѣчательная ровность. Если взобраться на вершину Биджанской гряды [1]), то мы увидимъ, что къ сѣверу отъ нея до самаго хребта, т. е. до Хингана, верстъ на 40 въ ширину, простирается ярко-зеленая, гладкая, почти какъ зеркало, низменность. Кое-гдѣ лишь на этой послѣдней замѣтны небольшія шероховатости—это незначительныя повышенія, составляющія остатки разрушенныхъ водою или атмосферными дѣятелями грядъ: они покрыты рѣдкими дубовыми лѣсами и потому рѣзко выдѣляются на общемъ фонѣ. Они имѣютъ видъ острововъ среди ярко-зеленой равнины, окружающей ихъ, окаймляющей всѣ отроги горъ и вдающейся заливами между этими послѣдними. Такую же картину мы увидимъ и съ высотъ Бабстовой, [2]) хотя тамъ эта полоса имѣетъ меньшее протяженіе, а также съ другихъ возвышенныхъ пунктовъ этого района.

Интересно происхожденіе описанной низменности. Тѣ участки ея, которые расположены между грядами, можно принять сначала за обсохшее дно какихъ-то прѣсноводныхъ бассейновъ. Но въ такомъ случаѣ подобные участки имѣли бы и соотвѣтствующій рельефъ, т.-е. они имѣли бы углубленіе посрединѣ и постепенно повышались бы, по мѣрѣ ириближенія къ грядамъ. Но на самомъ дѣлѣ этого здѣсь вовсе не наблюдается: поверхность описываемой низменности, подходя къ горамъ, остается совершенно плоскою, подобно поверхности воды, омывающей берега. Болѣе вѣроятно предположеніе, что вся эта полоса представляетъ древнюю рѣчную террасу, образованную разливами Амура, врывавшимися и въ долины между горными грядами, нанося туда илъ.

Большая часть описываемой полосы покрыта кочковатыми болотами, поросшими осокой, а потому негодна къ обработкѣ. Надо замѣтить однако, что отъ паловъ, пускаемыхъ ежегодно, эти болота понемногу обсыхаютъ, кочки выгораютъ, мѣстность выравнивается и дѣлается пригодною для сѣнокошенія и пахоты. Можно поэтому надѣяться, что со временемъ эта полоса пред-

---

[1]) Это тотъ отрогъ Буреинскаго хребта, который простирается отъ верховья р. Биджана параллельно Амуру, по лѣвой его сторонѣ, т.-е. южнѣе р. Биджана.

[2]) Это поселокъ, находящійся у подошвы горы Преображенской близъ верховьевъ рч. Грязной, въ 24 вер. отъ Михаило-Семеновской станицы.

ставитъ значительную культурную площадь, въ особенности если ея осушеніе ускорить канализаціей.

Третій участокъ описываемаго района составляютъ горныя гряды. Хребетъ Малый Хинганъ, пересѣкаемый Амуромъ между станицами Пашковой и Екатерино-Никольской, далѣе къ востоку уже отходитъ отъ рѣки, разбиваясь на второстепенные хребты и отроги. Направленіе этихъ отроговъ и грядъ означается на картахъ гадательно. Сколько Коржинскій могъ вывести, какъ изъ своихъ личныхъ наблюденій, такъ и распросныхъ свѣдѣній, вѣрно лишь то, что на нѣкоторомъ разстояніи отъ Амура [1]) начинается сплошная горная страна, состоящая изъ пологихъ хребтовъ, пересѣченныхъ долинами и ущельями, между тѣмъ какъ ближе къ Амуру, среди вышеописанной древней рѣчной террасы, а также и среди заливной долины возвышаются отдѣльные холмы или гряды, проходящія въ различныхъ направленіяхъ. Послѣднія имѣютъ по большей части крутые откосы, нерѣдко представляютъ и выдающіеся утесы, вообще значительныя обнаженія камня, въ противуположность пологимъ очертаніямъ южной части Буреинскихъ горъ. Кромѣ того, лѣса, одѣвающіе ихъ, имѣютъ, какъ мы ниже увидимъ, совершенно иной характеръ, чѣмъ лѣса Буреинскихъ горъ. Однако это отличіе неглубоко. Всѣ горы, какъ Буреинскаго хребта, такъ и отдѣльныхъ грядъ, состоятъ изъ однихъ и тѣхъ же породъ мелкозернистаго гранита и песчаника, безпрестанно смѣняющихъ другъ друга на всемъ протяженіи между Хабаровскомъ и станицей Екатерино-Никольской.

Какъ далеко простирается къ сѣверу гористая полоса, еще способная къ культурѣ, Коржинскій сказать не можетъ, такъ какъ ему не удалось далеко проникнуть вглубь страны. Впрочемъ въ настоящее время этотъ вопросъ и не имѣетъ особеннаго значенія, такъ какъ колонизація этой страны, покрытой сплошными лѣсами, можетъ идти лишь весьма медленно и есть во всякомъ случаѣ дѣло будущаго.

Для полноты обзора восточной части Амурской области намъ оставалось бы еще упомянуть о верховьяхъ нижнихъ притоковъ Амура—Горыни и Амгуни, берущихъ начало на восточномъ склонѣ Буреинскаго хребта еще въ предѣлахъ Амурской области, но, къ сожалѣнію, объ этихъ верховьяхъ не имѣется никакихъ свѣдѣній.

Мы заканчиваемъ нашу послѣднюю изъ чисто географическихъ главъ спискомъ гипсометрическихъ данныхъ, относя-

[1]) По Биджану верстахъ въ 80, по Кильмену верстахъ въ 120 и болѣе.

щихся до разсмотрѣнной нами въ этой главѣ части Амурской области.

Гора у перевала черезъ Буреинскій хребетъ.	5950 ф. (по Шмидту, по Крапоткину 6000 ф.).
Самый перевалъ (52°5′ с. ш., 152° 30′ в. д. отъ ф.)	3568 ф. (по Крап. 3630 ф.).
Истокъ Буреи (52°4′ с. ш., 152° 30′ в. д.)	3380 ф. (по Крап. 3440 ф.).
Первый привалъ Шмидта на Буреѣ (52°3′ с. ш., 152°31 в. д.) .	2900 ф. (по Крап. 2960 ф.).
Второй привалъ (52° с. ш., 152°, 36′ в. д.)	2500 ф. (по Крап. 2550 ф.).
Устье р. большого Алына . . .	2316 ф.
Устье р. Алина, лѣваго притока верхней Буреи (51°58′ с. ш., 152°39′ в. д.)	2254 ф. (по Крап. 2316 ф.).
Перевалъ между Немиленомъ и притокомъ ея, р. Керби, (52°32′ с. ш., 153°11, в. д.)	2054 ф. (по Крап. 2100 ф.).
Привалъ Шмидта на р. Артѣ, притокѣ Керби (52°7′ с. ш., и 152°28′ в. д.)	1900 ф. (по Крап. 1950 ф.).
Сліяніе 2-хъ вершинъ Буреи (51°40′ с. ш., 151°58 в. д.)	1618 ф. (по Крап. 1670 ф.).
Устье р. Арты притока р. Керби (52°9′ с. и., 152°27′ в. д.). . .	1500 ф. (по Крап. 1550 ф.).
Вершины въ хребтахъ Джай и Урекче у Михайло-Семеновской станицы (48°18, с. ш., 150°45′ в. д.).	1500 ф.
Хабаровскъ.	350 ф.
Впаденіе Тырмы въ Бурею . . .	256 ф. (по Крап. 317 ф.).
Уровень Амура у Михайло-Семеновской	130 ф.
Уровень Амура у Хабаровска . .	90 ф.

ГЛАВА V.

Геологическое строеніе Амурской области и ея минеральныя богатства.

Чтобы вполнѣ разъяснить геологическое строеніе какой-либо мѣстности, необходимо прежде всего имѣть подробную топографическую съемку всей ея поверхности, съ точнымъ опредѣленіемъ высотъ. Между тѣмъ такой детальной съемки въ Амурской области вовсе не было сдѣлано. Изъ орографическаго очерка страны, предпосланнаго настоящей главѣ, видно, что въ ней извѣстно только теченіе Амура и двухъ главныхъ его притоковъ, а на остальномъ пространствѣ нѣкоторые маршруты сведены съ тѣмъ, чтобы составить общую карту края, безъ всякаго, впрочемъ, ручательства за ея безусловную точность. Вотъ это-то послѣднее обстоятельство и побуждаетъ насъ сразу поставить въ очень скромныя рамки содержаніе настоящей главы, которая даетъ читателю не геологическій очеркъ страны, а ряды данныхъ по ея геогнозіи, кое-гдѣ связанныя болѣе или менѣе надежными выводами. Даже о строеніи главнѣйшихъ хребтовъ области и о взаимномъ ихъ отношеніи, за неимѣніемъ вполнѣ точныхъ топографическихъ данныхъ, можно высказаться только гипотетически. Вотъ почему и всякая попытка начертать геологическую исторію области оказалась бы нынѣ еще несвоевременною и не заслуживающею особеннаго довѣрія.

Бассейнъ Амура, и въ частности Амурская область, геогностически хотя и недостаточно извѣстенъ, тѣмъ не менѣе, благодаря значительному однообразію своего сложенія, въ особенности на пространствѣ между Становымъ и Буреинскимъ хребтами и Амуромъ, онъ все же даетъ намъ нѣкоторую возможность судить въ общихъ чертахъ о геологическомъ его строеніи [1]). Свѣдѣнія, собранныя объ этомъ краѣ въ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ не съ цѣлью геологическаго изслѣ-

---

[1]) Шмидтъ. «Труды Сибирской экспед.» Физич. отд., стр. 63.

дованія, состоя изъ отдѣльныхъ, большею частью петрографическихъ замѣтокъ о различныхъ мѣстностяхъ, хотя и не представляютъ чего-нибудь цѣльнаго, тѣмъ не менѣе послужили драгоцѣннымъ матерьяломъ для пополненія собранныхъ Шмидтомъ, а впослѣдствіи Боголюбскимъ и Бацевичемъ, свѣдѣній, въ особенности о тѣхъ участкахъ страны, которыхъ имъ самимъ вовсе не удалось посѣтить. Въ совокупности своей они дали Шмидту даже возможность придти къ нѣкоторымъ выводамъ, которые и послужатъ намъ канвой для сгруппированія около нихъ тѣхъ деталей, которыя намъ удалось извлечь изъ отчетовъ различныхъ изслѣдователей Амурскаго края.

Становой хребетъ состоитъ преимущественно изъ кристаллическихъ породъ [1]). У верховьевъ рѣчекъ, изъ него вытекающихъ, находится нѣкоторое количество золотоноснаго песку, содержаніе котораго бѣднѣетъ по мѣрѣ приближенія къ Амуру [2]). На южномъ склонѣ хребта проходитъ известняковая полоса [3]), которой Шмидту видѣть не удалось, но о которой онъ судитъ по даннымъ другихъ путешественниковъ [4]). Затѣмъ, слѣдуетъ ясная, широкая полоса напластованныхъ глинистыхъ сланцевъ, песчаниковъ и конгломератовъ съ болѣе или менѣе толстыми пластами и прослойками каменнаго угля. Полосу эту Шмидтъ изслѣдовалъ у верховьяхъ Амура, отъ устьевъ Олдоя до станицы Черняевой, и у верховьевъ Буреи на сто верстъ вверхъ и внизъ отъ впаденія Нюмани. Образцы, привезенные Усольцевымъ, Баснинымъ и Аносовымъ, ясно свидѣтельствуютъ о переходѣ этой полосы черезъ Верхнюю Зею [5]).

Полоса эта, судя по богатымъ коллекціямъ отпечатковъ растеній, найденныхъ Шмидтомъ въ глинистыхъ сланцахъ, принадлежитъ къ юрской формаціи, и, по своимъ органическимъ остаткамъ, имѣетъ большое сходство съ угленосными пластами юрской формаціи на Кавказѣ и въ Сѣверной Персіи, изслѣдованными Абихомъ [6]). На верхней Буреѣ Шмидтъ нашелъ

---

[1]) Шмидтъ, ib.

[2]) Строго говоря, это, какъ мы ниже увидимъ, не совсѣмъ вѣрно.

[3]) Шмидтъ думаетъ, что эти известняки принадлежатъ девонской формаціи и тянутся къ верховьямъ Зеи отъ Аргуни сначала черезъ Шилку, а потомъ по верховьямъ Олдоя (l. c., стр. 62).

[4]) Въ виду того, что коллекція, собранная Аносовымъ въ верховьяхъ Зеи, была имъ дорогой утеряна, надо думать, что образчики этого известняка доставлены были Шмидту Усольцевымъ.

[5]) На сколько намъ извѣстно, Баснинъ сѣвернѣе устьевъ Дукды (Нара, Селимджа) не подымался, Аносовъ, потерявъ образчики породъ съ верхней Зеи, могъ доставить коллекцію только съ той же Дукды. Бацевичъ («Матерьялы для изученія Амурскаго Края» 1894) ведетъ ее черезъ Зею у Дэпа и черезъ Селимджу ниже р. Тукси.

[6]) По мнѣнію же Осв. Геера («Труды Сибирской экспедиціи» III, 2, стр. 17 и далѣе) съ нижнимъ оолитомъ Іоркшайра и Шпицбергена.

подъ пластами съ растеніями [1]) пластъ морского происхожденія съ аммонитами и белемнитами—единственный въ своемъ родѣ по всему Амурскому бассейну. Прежде, на верхнемъ Амурѣ, онъ принималъ эту формацію за тріасовую.

Отъ этой полосы къ югу пролегаетъ, отдѣленная отъ нея кристаллическими породами, мѣстность, состоящая изъ бѣлаго песчаника и глины съ прослойками угля низкаго качества. Эта мѣстность представляетъ общій бассейнъ средняго Амура отъ горы Цагаяна, выше впаденія Кумары, до Буреинскаго хребта, по Зеѣ на сѣверъ, до впаденія въ нее Селимджы, и по Буреѣ, на пространствѣ 100 верстъ отъ устья ея. Судя по часто попадающимся остаткамъ лиственныхъ деревьевъ и по множеству кусковъ окаменѣлаго дерева, мы должны отнести этотъ бассейнъ къ третичной формаціи [2]). Высокіе утесы бѣлой глины и песчаника, встрѣчающіеся на означенномъ пространствѣ, извѣстны подъ мѣстнымъ названіемъ «Цагаянъ». Амурскій «Цагаянъ», выше рѣки Кумары, замѣчателенъ тѣмъ, что иногда въ тихую, ясную погоду, днемъ на вершинѣ его показывается дымъ. Глену удалось доказать, что дымъ этотъ происходитъ отъ самовозгорающагося пласта бураго угля, залегающаго въ серединѣ горы. Какъ извѣстно, ископаемый уголь въ соприкосновеніи съ воздухомъ весьма медленно сгораетъ, и результатомъ этого горѣнія является нѣкоторое количество углекислоты. Вслѣдствіе медленнаго горѣнія, уголь постепенно согрѣвается и иногда на столько, что воспламеняется. Присутствіе же влаги способствуетъ этому явленію. Разсказы мѣстныхъ жителей, что дымъ усиливается послѣ дождей имѣютъ такимъ образомъ, свое объясненіе. На всемъ пространствѣ, занятомъ третичными отложеніями, мѣстами выступаютъ кристаллическія породы съ разнообразными переходами въ осадочныя, доказывающими, по мнѣнію Шмидта, нептуническое ихъ происхожденіе. Въ кристаллическихъ породахъ иногда можно узнать пласты угля, превращенные въ графитъ плохого качества, залегающій въ многихъ мѣстахъ ясными слоями незначительной, впрочемъ, мощности. Конгломератъ, встрѣчающійся въ юрской формаціи, доказываетъ нептуническое происхожденіе кристаллическихъ породъ, потому что глина, связывающая отдѣльные кругляки этого конгломерата, приняла во

---

[1]) Онъ называетъ эти растенія, приводя только родовыя названія: Pterophyllum, Taeniopteris, Pachypteris, Pecopteris и Equisetites; кромѣ того, встрѣчались пальмы, хвойныя деревья и другіе, менѣе поддающіеся точному опредѣленію остатки. Подробности въ приведенномъ выше сочиненіи Осв. Гера.

[2]) Пліоценъ, по мнѣнію Бацевича, (l. c., стр. 22).

многихъ мѣстахъ видъ гранита (?). Къ тому же, здѣсь нѣтъ нигдѣ признаковъ огненнаго дѣйствія. Слои конгломерата смѣняются пластами глины и песчаника съ хорошо сохранившимися остатками растеній. Только въ одномъ мѣстѣ, около поселка Бибикова, Шмидтъ нашелъ перловый камень въ соединеніи съ разновидностью обсидіана—кулибинитомъ, происхожденіе которыхъ уже нельзя объяснить воднымъ путемъ. Очевидно, что породы эти вулканическія. Впослѣдствіи вулканическія породы были найдены и въ другихъ мѣстахъ. Такъ, по изслѣдованію Бацевича, уединенная гора Алэ, находящаяся на лѣвомъ берегу р. Тунгузки въ 20 вер. отъ ея устья, оказалась древнимъ вулканомъ [1]). Она состоитъ изъ темнаго базальта, который слагается изъ авгита и магнитнаго желѣзняка, среди которыхъ выдѣляются зерна оливина. Схема распространенія въ Амурской области формацій третичной, юрской и девонской (известняки), а также кристаллическихъ породъ, принятая Шмидтомъ, требуетъ многихъ дополненій и объясненій [2]). Приводя ихъ, мы будемъ держаться порядка, принятаго у Шмидта.

Область распространенія кристаллическихъ породъ.

Первоначальную, господствующую, массивную породу Станового водораздѣла, пишетъ Миддендорфъ [3]), составляетъ, безъ сомнѣнія, гранитъ, которому и слѣдуетъ приписать плоско-возвышенное образованіе хребта. Но кромѣ гранита, онъ подозрѣваетъ существованіе въ этихъ горахъ и трахита: «Принимая въ соображеніе сдѣланное Усольцевымъ описаніе вершины Атычана, я не могу, говоритъ онъ, не признать за трахитовый конусъ эту пирамиду [4]), внизу еще имѣющую терасы, но кверху поднимающуюся очень круто. Вѣроятность, мнѣ кажется, увеличивается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Сибири, сколько я знаю, только діориты обнаруживаютъ въ себѣ подобныя, хотя, впрочемъ, и менѣе заостренныя формы; къ тому же и глубокія долины, о которыхъ говоритъ Усольцевъ, весьма характеризуютъ плотно-трахитовые конусы, которые, судя по ихъ виду, какъ будто прорѣзали только равнину у своей подошвы, нисколько не вынуждая къ подъему

---

[1]) См. Бацевичъ. «Матерьялы для изученія Амурскаго края въ геологическомъ и горнопромышленномъ отношеніи», стр. 36.

[2]) Карта, приложенная къ книгѣ Бацевича, почти повторяетъ карту Шмидта и столь же мало детальна, какъ и эта послѣдняя.

[3]) L. c., стр. 312.

[4]) Которую съ свой стороны Усольцевъ описываетъ, какъ состоящую изъ гранита («Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». 1858. XXII, стр. 148).

послѣднюю. Если мои предположенія справедливы, то сталобыть и водораздѣлъ Станового хребта не только сопровождается съ сѣвера хребтовою окраиной, но и здѣсь, какъ въ Алданскомъ хребтѣ, опять трахитъ же пробилъ себѣ разсѣлину параллельно оси главнаго подъема». Гипотеза эта до сихъ поръ, однако, остается безпочвенною, не имѣя за себя ничего, кромѣ остроумныхъ сближеній и догадокъ почтеннаго академика, тѣмъ болѣе, что діориты дѣйствительно найдены въ Становыхъ горахъ, хотя и много восточнѣе Атычана. Мы ссылаемся въ этомъ случаѣ на письмо Аргунова, одного изъ участниковъ Забайкальской экспедиціи полковника Ахте: «въ верховьяхъ одного изъ притоковъ, справа впадающихъ въ р. Копури, я замѣтилъ, пишетъ онъ, высокую гору, состоящую изъ діорита, прикрытаго бѣлымъ кварцемъ» [1]).

Замѣчательно, что, кромѣ Миддендорфа, никто изъ изслѣдователей Амурской области не упоминаетъ о существованіи въ Становомъ хребтѣ неовулканическихъ породъ (neovulkanische Ergussgesteine Rosenbusch'a) и, наоборотъ, всѣ они согласно указываютъ на исключительное господство въ этомъ хребтѣ, такъ называемыхъ, глубинныхъ или интрузивныхъ породъ (Tiefengesteine): гранитовъ, сіенитовъ и діоритовъ [2]). Такъ, напримѣръ, Аносовъ пишетъ, что на всѣхъ главныхъ водораздѣлахъ Амурской области и въ томъ числѣ, разумѣется, и въ Становомъ хребтѣ, центральныя горныя массы состоятъ, обыкновенно, изъ гранитовъ и сіенитовъ [3]). И только южнѣе [4]), тамъ, гдѣ гранитныя массы [5]) сталкиваются со сланцами и песчаниками, встаютъ, среди разрушенныхъ и размытыхъ сланцевыхъ горъ, сохранившіеся, благодаря крѣпости слагающихъ ихъ породъ, сіенитовые гольцы и остроконечныя вершины зеленокаменныхъ порфировъ (діабазовыхъ порфиритовъ?).

Боголюбскій дѣлаетъ еще слѣдующія указанія на распространеніе кристаллическихъ породъ [6]).

---

[1]) «Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1871. II, № 3, стр. 30.

[2]) Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ сообщеніе Бацевича, нашедшаго, что гора Бакуланъ въ Буреинскомъ хребтѣ сложена изъ сильно метаморфизованнаго кварцевого трахита. Впрочемъ, опредѣленіе это, по замѣчанію самого Бацевича, очень условно и требуетъ провѣрки подъ микроскопомъ («Матерьялы для изученія Амурскаго края», etc., 1894. Спб., стр. 25).

[3]) «Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1866, II, стр. 153 Рѣже изъ гнейсовъ, разсѣченныхъ жилами авгитовыхъ и полево-шпатовыхъ порфировъ («Горный Журналъ» 1861, № 4, стр. 25).

[4]) То-есть въ верховьяхъ р. Аяна, въ горахъ, среди которыхъ подымается, такъ называемый, Янканскій голецъ.

[5]) Аносовъ говоритъ—«гранитная формація».

[6]) «Очеркъ Амурскаго края» стр. 10 и 11.

Гилюйскій хребетъ представляетъ сплошной гранитный массивъ; гранитныя же обнаженія сопровождаютъ мѣстами теченіе р. Зеи: они встрѣчены на значительномъ протяженіи между рѣками Токомъ и Бряндой, выше р. Нарагды [1]), въ устьѣ Дэпа, въ устьѣ Дабкура [2]); наконецъ, выше устья р. Селимджы по обѣимъ сторонамъ рѣки Зеи проходитъ значительная горная цѣпь изъ гранитовъ, образующая здѣсь крутые скалистые берега, которые не только сжимаютъ ея русло, но и направляютъ часто его обратно на сѣверъ и сѣверовостокъ. Аносовъ къ этому добавляетъ [3]), что, судя по береговымъ утесамъ, возвышающимся надъ Зеей и Селимджой, нужно предполагать, что основа всей мѣстности состоитъ здѣсь изъ гранита же, мѣстами слоистаго; да и дальше, по направленію къ р. Нарѣ постелью многихъ долинъ служитъ тотъ же гранитъ. Наконецъ, гранитъ обнаруженъ былъ Аносовымъ и въ горахъ Джагду, по долинѣ р. Дугды [4]).

Выше р. Угана [5]), по свѣдѣніямъ Боголюбскаго, обнажаются кварциты и фельзитовые порфиры. Кварциты по Зеѣ, повидимому, имѣютъ довольно обширное распространеніе. Выше мы уже встрѣчались съ ними въ горахъ праваго берега Копури; далѣе же они обнаружены выше устья р. Дабкура. По берегамъ Зеи встрѣчаются также: гнейсы въ горахъ Тукурингра [6]), и близъ устья р. Иверъ [7]); сіенито-граниты, обнажающіеся на правомъ берегу, ниже устья р. Селимджы; порфириты, амфиболиты и, наконецъ, діориты, которые, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ, выступаютъ здѣсь только жилами незначительной мощности. Кромѣ того во всемъ бассейнѣ Зеи и въ особенности въ горахъ Тукурингра чрезвычайно распространены кристаллическіе сланцы. Тоже слѣдуетъ сказать и о Буреинскихъ горахъ, ось которыхъ состоитъ изъ гранитовъ и гнейсовъ, а склоны изъ сланцевъ.

Кристаллическія породы очень распространены также и въ долинѣ Амура, который, какъ извѣстно, проложилъ свое русло то вдоль, то поперекъ встрѣтившихся ему на пути горныхъ массивовъ. Долина Амура въ геогностическомъ отноше-

---

[1]) Ни на одной, изъ извѣстныхъ намъ картъ рѣчки съ подобнымъ названіемъ отыскать мы не могли. По смыслу замѣтки, ее слѣдуетъ искать либо въ предѣлахъ Зейскаго ущелья, либо выше послѣдняго.

[2]) Небольшой лѣвый притокъ Зеи, впадающій въ нее выше Селимджы.

[3]) «Горный Журналъ» 1861, № 4, стр. 19.

[4]) L. c., стр. 22.

[5]) Рѣчка Уганъ впадаетъ въ Зею справа, нѣсколько выше Гилюя.

[6]) Бацевичъ, l. c., стр. 53.

[7]) Бацевичъ, l. c., стр. 59.

ніи изучена полнѣе другихъ частей Амурской области. Къ ней поэтому мы и вернемся впослѣдствіи. Здѣсь же мы приводимъ указанія на мѣстонахожденіе кристаллическихъ породъ, а также породъ, имѣющихъ несомнѣнно вулканическое происхожденіе, на всемъ пространствѣ отъ Усть-Стрѣлки до устья Буреи.

Массивныя породы:

Разности гранита . . .	ниже мыса Полосатика, ниже устья Онона, выше и ниже горы Цагаянъ, ниже р. Гокана[1]), въ томъ мѣстѣ, гдѣ Амуръ образуетъ Улусу-Модонскую излучину, наконецъ, на правомъ его берегу верстъ 35 выше устья Буреи.
Гранито-сіенитъ	между р.р. Ольгой и Онономъ, ниже горы Цагаяна, въ Улусу-Модонской излучинѣ.
Сіенитъ	выше Онона и въ предѣлахъ Улусу-Модонской излучины.
Грейзенъ	ниже Улусу-Модона.
Діоритъ	ниже р. Гоканъ, Улусу-Модонъ.
Кварцевый діоритъ . . .	ниже устья Онона.
Безкварцевый порфиръ	ниже р. Керленга.
Полевошпатовый »	ниже Албазина, ниже Улусу-Модона, ниже устья Керленга, выше дер. Дагыча (выше устья р. Зеи).
Фельзитовый »	въ Улусу-Модонской излучинѣ.
Каратитовый »	выше устья р. Зеи.
Сіенито-порфиръ . . .	въ Улусу-Модонской излучинѣ.
Базальтъ	Иликанъ (Мысъ Козакевича), 13 верстъ ниже Улусу-Модона.
Мелафиръ	выше и ниже устья р. Кумары.
Перлитъ и кулибинитъ.	ниже Керленга (пос. Бибиковъ).
Гнейсъ[3])	ниже р. Амазара и выше устья р. Урки, въ Улусу-Модонской излучинѣ.

---

[1]) Рѣчка Гоканъ или Гоханъ находится нѣсколько ниже Цагаяна и впадаетъ въ Амуръ слѣва, противъ Буссули. Эту рѣчку можно найти только на картѣ Шварца.

[3]) Указаніе на мѣстонахожденіе гнейса находимъ мы у Аносова («Горный журналъ» 1861, № 4, стр. 25).

Сланцы, происшедшіе изъ массивныхъ породъ путемъ энергичныхъ дислокаціонныхъ процессовъ:

Діоритовый	ниже р. Гоканъ
Кварцитовый	у станціи Цагаянъ, въ 6 вер. выше горы Цагаянъ.

и, можетъ быть:

Слюдяной.	выше р. Уричи и выше р. Гоканъ, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ діоритовымъ сланцемъ.
Хлоритовый	р. Алгаконъ и р. Омутная.

Область распространенія известняковъ.

На геологической картѣ, приложенной къ отчету Шмидта, известняки показаны идущими широкою полосой вдоль праваго берега Гилюя и по обѣимъ сторонамъ Зеи, ниже устья послѣдняго. Такимъ образомъ, по даннымъ Шмидта, горы Тукурингра и вѣроятное ихъ продолженіе—горная группа Кёхъ-Кая (Быки) должны состоять изъ известняковъ, можетъ быть, девонской формаціи.

Горный инженеръ Боголюбскій говоритъ намъ совершенно иное. Со свойственною ему краткостью онъ замѣчаетъ [1]): «Хребетъ Тукурингра состоитъ ихъ хлоритовыхъ и слюдяныхъ сланцевъ, въ ущельѣ же Зеи послѣдовательно обнажаются сперва фельзитовые порфиры и кварциты, затѣмъ граниты и гранитовый конгломератъ, наконецъ, слюдяные сланцы, къ которымъ уже и примыкаютъ осадочныя породы, относимыя Шмидтомъ къ юрской формаціи» [2]). Только нѣсколько выше устья рѣки Селимджы сначала онъ, а затѣмъ и Бацевичъ нашли обнаженія известняковъ (мраморовъ), но есть ли возможность поставить ихъ въ связь съ Нерчинскимъ поясомъ кристаллическихъ известняковъ [3]), это вопросъ, на который пока еще не существуетъ отвѣта. Мы имѣемъ и еще одно, косвенное, впрочемъ, указаніе на существованіе въ Становыхъ горахъ кристаллическихъ известняковъ. Это—жила серебряно-свинцовыхъ рудъ, открытая Аргуновымъ на правомъ берегу рѣки

---

[1]) l. c., стр. 10 и 11.

[2]) Бацевичъ (l. c. стр.53.) нѣсколько подробнѣе описываетъ сложеніе хребта Тукурингра: хребетъ этотъ, судя по обнаженіямъ въ отвѣсныхъ скалахъ береговъ Зеи, слагается цѣлою свитой пластовъ гнейса, амфиболита, кварцита и кристаллическихъ сланцевъ: тальковаго, хлоритоваго, слюдянаго и кремнистаго съ пропластками и жилами кварца, которые образуютъ здѣсь рядъ складокъ, антиклинальныя и синклинальныя оси которыхъ слѣдуютъ главному направленію хребта.

[3]) Бацевичъ ихъ, впрочемъ, связываетъ.

Копури[1]). Наконецъ, при описаніи золотыхъ пріисковъ въ верховьяхъ Аяна очень глухо упоминаетъ объ известнякахъ и Аносовъ[2]), но, вѣроятно, распространеніе ихъ тамъ незначительно, потому что въ своемъ письмѣ въ Географическое Общество[3]), говоря о томъ же предметѣ, онъ уже не называетъ ихъ болѣе въ числѣ тѣхъ породъ, которыя слагаютъ Янканскій голецъ. Столь же незначительно распространеніе известняковъ (мраморовъ) и на Амурѣ (близъ ст. Ермаковой[4]).

Область распространенія другихъ осадочныхъ породъ.

Въ предѣлахъ Амурской Области, какъ это и выше уже было замѣчено, Шмидтъ, кромѣ юрскихъ и третичныхъ, не нашелъ другихъ осадочныхъ формацій. Ненахожденіе въ большей части напластованныхъ породъ окаменѣлостей не позволяетъ намъ впрочемъ раздѣлить встрѣчающіяся въ Амурской области осадочныя породы по формаціямъ и вынуждаетъ насъ разсматривать ихъ только съ петрографической точки зрѣнія.

Сѣверо-западною границей распространенія въ Амурской области сланцевъ являются верховья Гилюя.

Въ Амурскомъ краѣ, пишетъ Аносовъ[5]), подъемъ сланцевъ на главные водораздѣлы есть явленіе рѣдкое; обыкновенно приходится наблюдать сланцы въ низовьяхъ главныхъ рѣчекъ, выше же они смѣняются гранитами и сіенитами, слагающими, обыкновенно, сердцевину хребтовъ. Есть, впрочемъ, одна замѣчательная мѣстность, которая, не смотря на то, что занимаетъ весьма высокое положеніе и находится, такъ сказать, среди наибольшаго развитія гранитныхъ и сіенитовыхъ породъ, заключаетъ въ себѣ также и сланцы. Это—верховье рѣки Гилюя,

---

[1]) «Извѣстія Спб. Императорскаго РусскагоГеографическаго Общества» 1871.. II, № 3, стр. 30. Аргуновъ объ известнякахъ не упоминаетъ, но такъ какъ свое письмо онъ напечаталъ 20 лѣтъ спустя послѣ произведенныхъ имъ изысканій, то можно допустить, что въ данномъ случаѣ онъ уже не совсѣмъ отчетливо помнилъ объ условіяхъ залеганія серебряно-свинцовыхъ рудъ.

[2]) «Горный Журналъ» 1866, № 10 стр. 162.

[3]) «Извѣстія Императорскаго Русскаго Географичеекаго Общества» 1866, II, стр. 151—153. У Боголюбскаго мы встрѣчаемъ указаніе, что известнякъ встрѣчается на восточныхъ склонахъ Янканскаго гольца въ видѣ прослоекъ между толщами глинистыхъ и тальковыхъ сланцевъ (l. c., стр. 51.). Приложенная карта показываетъ распространеніе известняковъ однако болѣе значительнымъ, чѣмъ это можно было ожидать, взявъ за исходную точку вышепреведенное замѣчаніе.

[4]) О мраморныхъ мѣсторожденіяхъ будетъ сказано ниже подробнѣе.

[5]) «Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1866, II, стр. 152. Такъ какъ вопросъ о происхожденіи кристаллическихъ сланцевъ далеко еще не выясненъ, да, къ тому же и, писавшіе о горныхъ породахъ, слагающихъ хребты Амурской области, не всегда ясно отдѣляли кристаллическіе отъ другихъ сланцевъ, то и здѣсь мы будемъ говорить о всѣхъ сланцахъ вообще, не раздѣляя ихъ по возрасту и происхожденію.

текущаго изъ Яблоноваго (Станового) хребта и впадающаго въ Зею. Тамъ, у самого подножія Яблоноваго хребта, лежитъ площадь изъ сланца и, что всего замѣчательнѣе, она со всѣхъ сторонъ какъ бы замкнута породами плутоническаго происхожденія и имѣетъ видъ котловины, изрѣзанной множествомъ долинъ и логовъ, которые, соединяясь, образуютъ долины рѣкъ Геткана [1]), Сигикты и Маготъ, впадающихъ въ Гилюй съ правой стороны.

Аносовъ не называетъ этихъ сланцевъ. Если мы, однако, вспомнимъ, что водораздѣломъ Гилюю и Олдою служитъ хребетъ Тукурингра, сложенный, если не цѣликомъ, то въ восточныхъ своихъ частяхъ, изъ хлоритоваго и слюдяного сланцевъ, то можно думать, что по крайней мѣрѣ Гетканъ пролагаетъ свое русло среди этихъ послѣднихъ. Но, если не хлоритовые, то слюдяные сланцы считаются [2]) метаморфозированными (динамо-метаморфизмъ) массивными породами, а это, свидѣтельствуя о бывшихъ здѣсь нѣкогда энергичныхъ дислокаціонныхъ процессахъ, въ то же время не позволяетъ намъ считать залеганіе ихъ на водораздѣлахъ противорѣчіемъ общему характеру расположенія осадочныхъ породъ, подмѣченному Аносовымъ въ Амурской области. Впрочемъ, тотъ же Аносовъ упоминаетъ и о другомъ случаѣ подъема сланцевъ на водораздѣлъ, на этотъ разъ въ верховьяхъ Аяна (Уро-Олдойскій водораздѣлъ) «Тѣ же сланцы и песчаники, говоритъ онъ далѣе, тянутся и по берегамъ Амура, но тамъ они ничего въ себѣ не содержатъ, здѣсь же, будучи приподняты на самый водораздѣлъ и прорѣзаны жилами зеленокаменныхъ порфировъ и сіенитовъ, содержатъ въ себѣ золото» [3]). Какъ мы ниже увидимъ, на Амурѣ, между устьемъ Уричи и Албазиномъ, обнажаются, кромѣ песчаниковъ и глинистыхъ, черныхъ и сѣрыхъ, сланцевъ, также сланцы—слюдяной и кремнисто-хлоритовый, а потому ссылка Аносова на Амуръ ни въ какомъ смыслѣ не рѣшаетъ вопроса. Но зато для даннаго случая важно указаніе Боголюбскаго на мощное развитіе тальковыхъ и глинистыхъ сланцевъ на восточныхъ склонахъ Уро-Олдойскаго водораздѣла [4]). Наконецъ, объ этомъ же водораздѣлѣ сообщаетъ намъ нѣкоторыя подробности и Бацевичъ [5]). Вотъ, что онъ пишетъ: «Цѣлая свита пластовыхъ конгломератовъ, глини-

---

[1]) Гетканъ притокъ р. Танды, а не Гилюя.
[2]) Мушкетовъ «Физическая геологія» ч. I.
[3]) «Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1866. II, стр. 152.
[4]) L. c., 51.
[5]) L. c., стр. 42—43.

стыхъ сланцевъ и сланцеватыхъ песчаниковъ съ тончайшими прослойками ископаемаго угля, обнажающихся у р. Олдоя, слагаетъ лѣвый склонъ долины р. Амура на всемъ протяженіи отъ станицы Свербеевой до станціи Рейновой и значительно далѣе, на востокъ. Тѣже породы съ общимъ паденіемъ на югъ слагаютъ, приблизительно, верстъ на десять къ сѣверу и ближайшія къ станицѣ Рейновой возвышенности. У устья р. Ульдугичи[1]) юрскія отложенія замѣняются мощною свитою азойскихъ осадковъ, которые здѣсь обнажаются и состоятъ изъ чередованія черныхъ глинистыхъ и аспидныхъ сланцевъ; эти послѣдніе нѣсколько сѣвернѣе покоятся, повидимому, на тальковыхъ, хлоритовыхъ и слюдистыхъ сланцахъ, которые по направленію къ сѣверу, въ свою очередь, замѣняются гнейсами, постепенно переходящими въ граниты, обнажающіеся южнѣе сліянія Большого и Малаго Невира. Отсюда же до пересѣченія дорогою р. Б. Невира во всѣхъ обнаженіяхъ, хотя и не очень часто попадающихся, наблюдались только сіенито-граниты въ различныхъ видоизмѣненіяхъ. Всюду далѣе обнажаются тѣже массивныя породы, и только, по спускѣ въ глубокую долину Джилинды, снова наблюдается азойская, кристаллически—сланцевая группа породъ».

Комбинируя всѣ эти данныя, кажется, мы будемъ вправѣ сказать, что основу хребта «Янканскій голецъ» составляютъ граниты, на которые налегаютъ глинистые и тальковые сланцы съ прослойками известняковъ; что мѣстами эти сланцы прорваны выходами сіенитовъ и діоритовъ, мѣстами же смыты настолько, что обнажаютъ основную породу; что, наконецъ, къ югу, съ пониженіемъ горъ, въ то время, какъ характеръ послѣднихъ становится болѣе мягкимъ, массивныя породы выступаютъ все рѣже и рѣже, и сланцы, къ которымъ теперь присоединяются уже и юрскіе песчаники, получаютъ преобладающее развитіе.

По Зеѣ осадочныя породы и аллювій расположились въ такой послѣдовательности.

Верховье Зеи между устьями Купури и Тока образуетъ равнину, заполненную новѣйшими наносами и рѣчниками вплоть до предгорій Станового хребта, какъ это замѣтно въ горахъ Эмегальясъ и Чочогаръ[2]). Уже съ середины р. Ирякана замѣчаются бѣлые наносы по склону Чочогара, тождественные

---

[1]) Ульдугичи—притокъ Большого Невира.

[1]) Эмегальясъ—отрогъ Станового хребта, идущій между рѣками—Большимъ и Малымъ Ириканомъ; Чочогаръ—южная оконечность его, настолько возвышающаяся надъ гребнемъ, что имѣетъ видъ отдѣльной горы.

съ бѣлыми наносами Бѣлыхъ горъ по р. Зеѣ, амурскаго Цагаяна и горъ Цагаянъ по Буреѣ. Далѣе же они смѣняются рѣчниками третичнаго бассейна[1]). Ниже Тока, какъ мы видѣли выше, обнажаются прежде всего граниты, но кромѣ того песчаники и кварциты; отъ устья Угана[2]) до Тунгильгина тянутся песчаники съ отпечатками растеній. Далѣе долина замѣтно суживается; все ближе и ближе подступаютъ горы съ обѣихъ сторонъ и Зея вступаетъ въ область распространенія массивныхъ породъ и слюдянаго и хлоритоваго сланцевъ. Въ устьѣ Ура все еще господствуетъ слюдяной сланецъ, но далѣе къ Дэпу, появляются: сначала песчаники, а потомъ и конгломераты, которые являются преобладающей породою на всемъ пространствѣ до устья Дабкура. За Дабкуромъ снова выступаютъ сланцы — глинистый и слюдяной, перемежающіеся съ гранитомъ, сіенитомъ и известнякомъ. Сплошными массами, какъ мы это уже имѣли случай замѣтить, выступаетъ гранитъ по Зеѣ, выше Селимджы и на правомъ берегу этой послѣдней, а затѣмъ Зея уже продолжаетъ течь среди третичныхъ наносовъ (Бѣлыя горы) и новѣйшихъ отложеній вплоть до своего устья[3]).

---

[1]) Боголюбскій, l. c., стр. 9. Нмаъ неизвѣстно, на какомъ основаніи Боголюбскій принимаетъ эти рѣчники за образованія третичныя.

[2]) Рѣчки съ подобнымъ названіемъ мы не могли отыскать ни на одной изъ извѣстныхъ намъ картъ.

[3]) Боголюбскій, l. c., стр. 10 и 11. Эти свѣдѣнія, начиная съ южныхъ склоновъ хр. Тукурингра, Бацевичъ пополняетъ такими подробностями: «Ниже рѣки Гуликъ у обоихъ береговъ Зеи возвышаются утесы, называемые нынѣ Шипка и Плевна, которые слагаются гранитомъ, представляющимъ крупно-кристаллическій агрегатъ, состоящій изъ стекловиднаго кварца, розоватаго ортоклаза, зеленоватаго и бѣловатаго олигоклаза и чернаго, кое-гдѣ шестиугольнаго, біотита. Ниже слѣдуютъ утесы: Желтый и Полосатый; оба они слагаются глинистыми и кремнистыми сланцами, мѣстами переходящими въ лидитъ. Пласты этихъ породъ, слагая утесы, являются частями синклинальной складки. Въ утесѣ «Желтомъ» пласты въ общемъ падаютъ на югъ, а въ «Полосатомъ» на сѣверо-западъ Со сланцами чередуются кристаллическіе, тонко-зернистые, весьма плотные песчаники, которые на плоскостяхъ наслоенія и трещинъ окрашены водною окисью желѣза въ буровато-красный цвѣтъ, съ различными оттѣнками, обусловившими названія утесовъ. Отсюда до устья Ура горы отходятъ довольно далеко отъ Зеи и только у помянутаго притока снова приближаются къ самому руслу описываемой рѣки, гдѣ въ отвѣсныхъ скалахъ праваго берега обнажаются вертикально-стоящіе пласты зеленовато-сѣраго кристаллическаго песчаника, простирающагося на С.-З. 1½ h. Таже порода обнаруживается и ниже р. Ура во многихъ мѣстахъ, такъ что можно предположить, что и всѣ окрестныя горы, вплоть до р. Умлеканъ слагаются изъ нея. Ниже устья р. Уланга въ лѣвомъ крутомъ склонѣ долины наблюдается выходъ діорита (порфира), состоящаго изъ бѣлаго плагіоклаза, ортоклаза, стекловиднаго кварца и черныхъ, призматическихъ кристалловъ роговой обманки. Ниже, въ кривунахъ, берега Зеи слагаютъ сначала темнозеленые песчаники съ паденіемъ на С.-З., а затѣмъ розово-сѣрые тонко-кристаллическіе песчаники, въ одномъ мѣстѣ прорѣзанные вертикальною жилою олигоклазоваго порфирита; въ послѣдней породѣ въ небольшомъ количествѣ находится біотитъ. Всѣ эти кристаллическіе песчаники Бацевичъ относитъ къ азойскимъ образованіямъ; дальше же начинаютъ попадаться и отложенія юрской системы: сѣрые песчаники съ отпечатками растеній и пропластками угля (выше р. Джало). Юрскіе песчаники непрерывно тянутся до р. Тыгда, только однажды прорываясь выходами олигоклазоваго порфирита (ниже р. Дэпа). У Тыгда они падаютъ на С.-В. 7 h., подъ угл. 10°.

Почти всѣ береговыя обнаженія, а равно и вся мѣстность около города Благовѣщенска покрыты различной толщины слоями песку. Пески эти имѣютъ цвѣтъ желтый или бѣлый и состоятъ изъ чистаго кварцеваго песку и весьма окатанныхъ галекъ. Между послѣдними попадаются кварцы, яшмы, сердолики, порфиры и сіениты. Такіе же точно пески покрываютъ всю долину Зеи, отъ ея устья до впаденія Селимджы. Зея буквально прокладываетъ себѣ русло въ этихъ удобоподвижныхъ наносахъ, дѣлая въ нихъ сильныя извилины. Бѣлыя горы по Зеѣ представляютъ не болѣе не менѣе, какъ весьма высокій яръ изъ тѣхъ же песковъ, ежегодно подмываемыхъ р. Зеею. Эти же пески встрѣчаются и въ верховьяхъ Амура; даже около станицы Албазинской и поселка Свербеева замѣтны подобные же наносы не только на гребнѣ высокихъ прибрежныхъ горъ, но и въ горахъ, лежащихъ въ 60 верстахъ отъ Амура, напримѣръ, около горы Солгоконъ, гдѣ найдены золотыя розсыпи. Здѣсь эти пески найдены въ шурфахъ, гдѣ они залегаютъ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: сначала черный торфъ, потомъ вышеупомянутые пески, потомъ опять торфъ, ниже котораго шурфъ идетъ обыкновеннымъ порядкомъ. Нерѣдко въ такихъ пескахъ встрѣчаются знаки золота весьма мелкіе и притомъ имѣющіе толщину не болѣе сусальнаго золота. Кромѣ того въ нихъ попадаются и окаменѣлыя деревья.

Нѣсколько выше устья р. Тымъ-Тапиръ выступаютъ плотные конгломераты, имѣющіе паденіе на С.-В. 11 h подъ угл. 40°. Ниже р. Орочи они горизонтальны и прорываются выходами протогиноваго гранита, съ мясо-краснымъ ортоклазомъ. Обнаженія гранита по теченію р. Зеи наблюдаются сажень на сто, а затѣмъ снова появляются конгломераты, слагающіе оба склона долины до устья р. Тэну. Ниже снова обнажаются юрскіе песчаники, а далѣе выступаютъ еще разъ конгломераты. Ниже устья р. Ту, въ лѣвыхъ утесахъ, наблюдается сильно-желѣзистые, красные и зеленые песчаники съ пропластками кварца, которые имѣютъ паденіе на Ю.-В. 1 h, подъ угломъ 55°. Ниже устья р. Оно выступаетъ гранитъ, который вблизи устья р. Чукчуканъ замѣняется юрскими песчаниками, слагающими склоны долины на небольшомъ протяженіи, такъ какъ далѣе по теченію вновь появляются граниты. Ниже по Зеѣ юрскихъ отложеній уже болѣе не встрѣчается. Вверхъ по р. Чукчукану обнажаются мощныя толщи цвѣтныхъ мраморовъ, къ которымъ мы ниже вернемся; здѣсь же только замѣтимъ, что мраморы эти пересѣкаютъ ложе р. Зеи и выступаютъ значительной величины скалами на противуположномъ ея берегу, у р. Саванъ, ниже которой они, однако, уже прерываются пропластками глинистыхъ сланцевъ. Выше устья рѣки Дыма появляются снова граниты, массивы котораго слагаютъ не только оба склона описываемой долины до р. Дабукиръ (у Боголюбскаго—Дабкиръ) и далѣе внизъ по теченію, но и принимаютъ существенное участіе въ строеніи острова, извѣстнаго подъ именемъ «Купецъ». Это единственный примѣръ на всемъ среднемъ и нижнемъ теченіи р. Зеи, что островъ состоитъ изъ породъ in situ, такъ какъ остальные исключительно наносного образованія. Островъ этотъ возвышается на 130 ф. надъ уровнемъ рѣки; гранитъ его слагающій, состоитъ изъ розоватаго ортоклаза, чернаго біотита и кварца съ небольшою примѣсью олигоклаза и роговой обманки. Близъ устья р. Иверъ появляются гнейсы, которые вмѣстѣ съ кристаллическими сланцами и песчаниками и участвуютъ въ строеніи обоихъ склоновъ долины на всемъ протяженіи между притоками Иверъ и Оёръ. Ниже устья Ивера, въ правомъ утесѣ наблюдается среди гнейсовъ жила амфиболита 5 саж. мощностью. Близъ устья Селимджы обнажаются граниты. Ниже послѣдней лѣвый берегъ Зеи слагаютъ постпліоценовыя образованія, правый—сіенито-граниты, l. c., стр. 54—59.

Горы Цагаянъ на Амурѣ и Буреѣ состоятъ также изъ этихъ песковъ. Такимъ образомъ распространіе ихъ въ Амурской области громадно, и это неизбѣжно ведетъ къ предположенію о существованіи здѣсь въ отдаленныя времена сильныхъ водотеченій. А такъ какъ пески встрѣчаются лежащими на черномъ торфѣ, то слѣдуетъ думать, что отложеніе ихъ происходило тогда, когда поверхность Амурскаго бассейна уже была покрыта растительнымъ слоемъ земли[1]).

Основаніемъ Бѣлыхъ горъ служатъ болѣе плотные песчаники. Тѣже песчаники и третичные наносы выполняютъ южнѣе хребта Тукурингра и всю область правыхъ притоковъ Зеи, не исключая и нижняго Ура[2]). Впрочемъ, область эта еще мало изучена.

Сказаннымъ исчерпывается весь тотъ скудный матеріалъ, которымъ мы располагали для того, чтобы представить общую картину простиранія и взаимнаго расположенія массивныхъ породъ, метаморфическихъ сланцевъ и, наконецъ, осадочныхъ породъ и новѣшихъ образованій на всемъ обширномъ пространствѣ бассейна Зеи и верхнихъ притоковъ Амура; теперь мы обратимся къ долинѣ послѣдняго, въ общемъ геогностически изслѣдованной гораздо полнѣе.

Долина Амура отъ Усть-Стрѣлочнаго караула до Албазина.

На этомъ пространствѣ слѣдуетъ прежде всего обратить вниманіе на то измѣненіе, какому подвергалось ложе рѣки въ теченіе долгаго времени. Почти на всемъ этомъ пространствѣ съ обѣихъ сторонъ поднимаются здѣсь отъ уровня рѣки болѣе или менѣе отвѣсныя стѣны на высоту отъ 100 до 200 футовъ; ясно, что эти отвѣсные берега, ограждающіе нынѣ равнину, образовались весьма постепенно, съ урегулированіемъ теченія рѣки, которая сначала то прудилась, то рвалась черезъ скалы, какъ это и теперь нерѣдко можно видѣть въ любой горной странѣ.

Весьма трудно опредѣлить, въ какомъ именно мѣстѣ Амуръ прорываетъ Большой Хинганъ[3]). Даурскія горы такъ тѣсно примыкаютъ къ Хингану, что пока невозможно раздѣлить ихъ, несмотря на то, что первыя имѣютъ направленіе преимущественно отъ С.-В. къ Ю.-З., а второй тянется почти съ юга

---

[1]) Аносовъ («Горный Журналъ», 1861, № 4, стр. 10—11).

[2]) Боголюбскій, l. c., стр. 50. Боголюбскій видитъ въ этихъ песчаникахъ также отложенія третичной эпохи.

[3]) Шмидтъ, l. c., стр. 12.

на сѣверъ. И топографія, а также изученіе геогностическаго строенія горъ очень мало способствуютъ разъясненію этого темнаго вопроса.

Въ устьѣ Аргуни, справа, обнажается кремнистый сланецъ [1]).

Ниже устья Второго Мангалея, слѣва, возвышается скала крупно-зернистаго гранита, представляющаго тѣсную смѣсь красновато-желтаго полевого шпата, черной слюды и дымчатаго кварца.

Еще ниже, такъ называемый «Быркинскій утесъ», состоитъ изъ плотнаго темно-сѣраго глинистаго сланца, прорѣзаннаго жилами кварца.

Противъ устья Сапожки, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ тянутся скалы плотного кремнисто-глинистаго сланца, имѣющаго зелено-сѣрый цвѣтъ и неровный изломъ. Онъ также прорѣзанъ жилами кварца. Въ нижнихъ горизонтахъ онъ прослаивается съ мелко-зернистымъ песчаникомъ, которымъ вскорѣ затѣмъ и смѣняется.

Ниже устья Алгакана высятся скалы кремнисто-хлоритоваго сланца, покрытато налетомъ желѣзной охры. Онѣ тянутся до станицы Игнашиной и снова выступаютъ выше р. Омутной. Въ тоже время на правомъ берегу Амура поднимаются скалы, сложенныя изъ плотнаго кварцеваго песчаника, имѣющаго раковистый изломъ [2]). Этотъ кварцевый песчаникъ переходитъ и на лѣвый берегъ Амура, гдѣ и тянется на протяженіи многихъ верстъ. Мѣстами, напримѣръ, выше Монастырки, его переслаиваютъ сѣрые глинистые сланцы, мѣстами же его пласты, имѣющіе вообще уголъ паденія 45° 3, являются сжатыми, переломленными и волнообразно приподнятыми.

Ниже Свербеевскаго поселка, находящагося близъ Олдоя, упомянутые песчаники получаютъ темно-зеленую, а отчасти зелено-сѣрую окраску и одновременно примѣсь зеренъ

---

[1]) Какъ это, такъ и всѣ нижеприводимыя свѣдѣнія, заимствуемъ мы по преимуществу изъ прекраснаго труда Маака «Путешествіе на Амуръ». Маакъ говоритъ: «свои обращики бралъ я, откалывая отъ коренныхъ породъ; между тѣмъ нѣкоторые другіе путешественники, какъ мнѣ это, къ сожалѣнію, достовѣрно извѣстно, не такъ строго относились къ своей задачѣ» (см. Введеніе). Кого разумѣлъ Маакъ? Аносова? Пермикина? Но о геогностической карточкѣ послѣдняго, приложенной къ «Запискамъ Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». 1856, II, едва ли и говоритъ стоитъ; что же касается до данныхъ Аносова, то они заключаютъ такія подробности, которыя исключаютъ всякую возможность подозрительнаго къ нимъ отношенія. Правда, у Аносова много пробѣловъ, но надо и то сказать, при какихъ условіяхъ приходилось ему собирать коллекцію и производитъ наблюденія!

[2]) Подобный же песчаникъ встрѣченъ былъ Маакомъ и на р. Шилкѣ (l. c., стр. 9).

черной роговой обманки. Пласты этихъ песчаниковъ имѣютъ паденіе къ З.-С.-З.

На Черпельскомъ кривунѣ берега его состоятъ изъ того же кварцеваго песчаника, прикрытаго кое-гдѣ толщами бураго песку, вѣроятнаго продукта вывѣтриванія подстилающихъ ихъ песчаниковъ.

Ниже р. Котомангды лѣвый берегъ состоитъ изъ перемежающихся пластовъ глинистаго сланца и кварцеваго песчаника, прорѣзаннаго мѣстами жилами кварца. Близъ устья Невира песчаникъ этотъ переходитъ въ кварцитъ.

Ниже Невира [1]) скалы лѣваго берега, состоящія снова изъ перемежающихся наклонныхъ пластовъ глинистаго сланца и песчаника, имѣющаго паденіе къ сѣверо-западу, по приближеніи къ развалинамъ Албазина, понижаются, а у самаго Албазина скрываются подъ пустымъ песчанымъ наносомъ. Пласты глинистаго сланца и песчаника падаютъ здѣсь попрежнему на западъ подъ угломъ 45°. Пласты перваго преобладаютъ, имѣя синевато-черный цвѣтъ. Слюдисто-сѣрый песчаникъ мѣстами окрашенъ здѣсь охрою и заключаетъ неясные оттиски древесныхъ стволовъ. Между пластами песчаника находятся слои болѣе рыхлаго чернаго глинистаго сланца, заключающаго въ себѣ несмѣтное количество отпечатковъ изъ морскихъ водорослей. Песчаникъ по направленію слоеватости заключаетъ прослойки кварца, распадающагося на кристаллическія зерна.

Долина Амура отъ Албазина до мыса Козакевича, то-есть до Иликана.

Уже выше Албазина Амуръ выходитъ изъ горъ. Сначала онъ протекаетъ среди осадочныхъ образованій юрской системы, которыя тянутся на многіе десятки верстъ внизъ по теченію; затѣмъ онъ упирается въ горы, сложенныя изъ массивныхъ породъ, и, прорывая ихъ, входитъ уже въ область распространенія вулканическихъ лавъ и вообще изверженныхъ породъ.

Существующія карты не даютъ намъ возможности рѣшить, даже гипотетически, въ какомъ отношеніи кряжъ, изъ вышеупомянутыхъ кристаллическихъ и отчасти метаморфическихъ породъ, находится къ горамъ обѣихъ системъ: Большого Хингана и Станового хребта.

---

[1]) П. Семеновъ. «Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ.», 1885, XV, стр. 231.

Ниже Албазина плоскіе, невысокіе и обрывистые берега состоятъ изъ перемежающихся горизонтальныхъ пластовъ песку и разноцвѣтной глины, лежащихъ непосредственно на дресвѣ или гравіи [1]).

Сперва въ 10, а потомъ и въ 20 верстахъ ниже Албазина обнажаются полево-шпатовый порфиръ, глинистый сланецъ и песчаникъ. Полево-шпатовый порфиръ, безъ сомнѣнія, поднявшій и измѣнившій осадочныя образованія, состоитъ изъ краснаго полево-шпатоваго тѣста съ желтыми полуразрушенными кристаллами полевого шпата; нѣкоторые изъ послѣднихъ превратились уже въ каолинъ. Къ числу осадочныхъ образованій, какъ выше было замѣчено, принадлежатъ глинистый сланецъ и песчаникъ. Обѣ эти породы представляютъ ясное напластованіе; пласты имѣютъ то вертикальное положеніе, то падаютъ къ З. подъ угломъ отъ 10^0 до 15^0. Во многихъ мѣстахъ они имѣютъ много-различные, одинъ за другимъ повторяющіеся изгибы, которые или переходятъ въ зигзаги, или же опять являются волнообразными. Далѣе отсюда, внизъ по теченію, песчаникъ представляетъ особенно большое развитіе и переходитъ въ особаго рода конгломератъ, содержащій гальки и валуны кварца, величиною отъ вершка до четверти аршина и даже болѣе. Въ видѣ постороннихъ примѣсей въ глинистомъ сланцѣ находятся тонкія прослойки бураго угля. Тѣже осадочныя породы описываетъ и Шмидтъ [2]). Здѣсь открывается большая система песчаника, глинистаго сланца, конгломерата и угля въ тонкихъ, впрочемъ, слояхъ и, кромѣ того, всѣ переходы отъ конгломератовъ къ песчанику. Песчаникъ часто является въ видѣ аркоза, такъ какъ въ немъ встрѣчается кристаллизованная слюда и полевой шпатъ [3]). При этомъ въ мелкихъ конгломератахъ, какъ и въ аркозѣ, часто встрѣчаются сплюснутые стволы (обугленные) деревьевъ, которые не допускаютъ мысли объ огненномъ пути образованія пластовъ. Въ глинистыхъ сланцахъ и песчаникахъ, въ 8 вер. выше поселка Толбузина, на правомъ берегу Амура, найдены отпечатки растеній: Padozamites lanceolatus, Anomoza-

---

[1]) П. Семеновъ, ib.
[2]) L. c., стр. 13.
[3]) Маакъ встрѣтилъ аркозъ и въ песчаникахъ Шилки (l. c., стр. 9).

mites Schmidtii, Phoenicopsis speciosa и много различныхъ родовъ папоротника, Pecopteris, Taeniopteris, съ сохранившимся, отчасти, на оборотѣ листьевъ спорами, далѣе виды Pterophyllum, различныя хвойныя деревья и разнородныя односѣмянодольныя. Эти органическіе остатки указываютъ на вѣроятность нахожденія здѣсь угольнаго бассейна юрской формаціи, по времени соотвѣтствующаго такому же въ Закавказскомъ краѣ, изслѣдованному академикомъ Абихомъ. Упомянутая углесодержащая система простирается до станицы Черняевой.

Ниже Кокуйкена снова обнажаются скалы кварцеваго песчаника, содержащія небольшіе обломки темно-сѣраго глинистаго сланца и лидита.

Ниже Чалбуыта[1]) описанные песчаники перемежаются съ глинистыми сланцами. Паденіе пластовъ попрежнему направлено къ З., при общемъ ихъ простираніи отъ С.-В. къ Ю.-З.[2]). Вскорѣ они прерываются выступамъ конгломератовыхъ скалъ, составленныхъ изъ валуновъ глинистаго сланца и песчаника отъ 2 до 5 вершковъ въ діаметрѣ. И затѣмъ эти юрскія отложенія снова тянутся книзу.

40 верстъ ниже Первой Бусули, т.-е. нѣсколько выше Ольги песчаники и конгломераты круто подымаются, обнаруживая большіе изгибы и сдвиги. Здѣсь впервые выступаютъ массивныя породы, а именно сіенитъ. Онъ состоитъ изъ тѣсной смѣси красноватаго и бѣлаго полевого шпата, непрозрачнаго сѣраго кварца, черноватой или зеленой роговой обманки. На правомъ берегу, сначала только тамъ-и-сямъ, выступаютъ на дневную поверхность незначительныя обнаженія. Но ниже они учащаются, становятся больше, выше и, наконецъ, образуютъ крутыя стѣны, покрытыя иногда лѣсомъ. Одновременно и на лѣвомъ берегу встаетъ высокая, крутая, сіенитовая стѣна, тянущаяся на протяженіи двухъ верстъ, послѣ чего, образовавъ нѣсколько зубчатыхъ вершинъ, она понижается къ руслу рѣки. Еще далѣе, внизъ по теченію, то на правомъ, то на лѣвомъ берегу, въ нижнихъ частяхъ береговыхъ откосовъ являются обнаженія, состоящія изъ того же сіенита.

---

[1]) Чалбуытъ впадаетъ въ Амуръ 10 верстъ ниже предыдущей.
[2]) Послѣднее наблюденіе принадлежитъ Аносову.

Ниже небольшой рѣчки Хадачи береговая стѣна круто подымается надъ русломъ и въ обнаженіи своемъ обнаруживаетъ мелко-зернистый сіенитъ, состоящій изъ бѣлаго полевого шпата, сѣраго кварца и черновато-зеленой роговой обманки.

Ниже станицы Черняевой, въ кривунѣ, въ отвѣсныхъ склонахъ лѣваго берега, наблюдаются темно-зеленые, тонкослоистые песчаники юрской формаціи съ общимъ паденіемъ на С.-З., 8 h., подъ угломъ въ 45°. Эти песчаники съ тѣмъ же паденіемъ обнажаются и въ концѣ кривуна, и въ правомъ берегѣ. Ниже устья р. Торой юрскіе зеленые песчаники склоняются къ Ю.-В., 2 h., причемъ, въ 3 вер. ниже устья Тороя, они слагаютъ правый отвѣсный склонъ, обнаруживая паденіе на Ю.-В., 8 h., подъ угломъ 50° [1]).

Въ 8 вер. выше поселка Кузнецова Амуръ встрѣчаетъ вертикально стоящіе пласты зеленыхъ песчаниковъ, имѣющіе простираніе къ С.-З., 2 hor. На кривунахъ до Кузнецовой возвышаются утесы, сложенные изъ юрскихъ пластовъ, образующихъ здѣсь рядъ складокъ. Ниже Кузнецовой въ обнаженіяхъ появляется сіенито - гранитъ, который, не доходя версты двѣ до поселка Ермакова, замѣняется тонкими пластами юрскихъ песчаниковъ, падающихъ на Ю.-В., hor. 7, подъ угломъ 25° — 30°. Эти тонко-слоистые, весьма плотные зеленые песчаники у самаго поселка Ермакова обнаруживаютъ паденіе на В.

Ниже устья р. Онона, на протяженіи пяти верстъ, возвышается нагорный берегъ, состоящій, по преимуществу, изъ гранита, который слагается изъ бѣлаго полевого шпата, сѣраго кварца и черноватой слюды. Въ одномъ мѣстѣ, а именно, въ 3 вер. ниже поселка Ермакова (т.-е. въ $1\frac{1}{2}$ вер. ниже устья Онона) Бацевичъ [2]) открылъ подступающую къ самому руслу Амура гору, состоящую изъ бѣлаго мрамора. Ниже мраморной горы, въ утесѣ лѣваго берега, обнажается кварцевый діоритъ, состоящій изъ кристалловъ бѣловатаго олигоклаза съ двойниковою штриховатостью, темно-зеленой роговой обманки и бѣлаго кварца. Нѣсколько ниже и на правомъ берегу поднимается скала крупно-зернистаго гранита,

---

[1]) Бацевичъ, l. c., стр. 20.
[2]) Бацевичъ, l. c., стр. 20.

представляющаго смѣсь полевого шпата грязно-желтаго цвѣта, бѣлаго кварца [1]) и черной слюды; послѣдняя не представляетъ непремѣнной принадлежности всей массы гранита, но образуетъ въ немъ мѣстныя, неправильныя скопленія. Означенный гранитъ на нѣкоторыхъ мѣстахъ весьма сильно подвергается вывѣтриванію и, вообще, напоминаетъ финляндскій раппакиви.

Скала «Лама-Хадаръ» также состоитъ изъ гранита. У почтовой станціи Цагаянъ обнаруживаются кварцитовые сланцы, которые ниже, минуя устье р. Мѣловатихи, замѣняются слабыми песчаниками и песками, относимыми Бацевичемъ къ пліоценовой формаціи. Эти то песчаники или пески и слагаютъ Бѣлыя горы, т.-е. «Цагаянъ». «Цагаянъ» состоитъ изъ цѣлой свиты бѣлыхъ и желтыхъ песковъ, чередующихся со слоями пластичной глины, которой подчинены два тонкихъ пласта ископаемаго угля, замѣтныхъ на двухъ третяхъ высоты всего разрѣза. По Аносову, ниже угля песчаникъ желтѣе и имѣетъ бо́льшую плотность, чѣмъ въ слояхъ вышележащихъ. Тамъ онъ не только мягокъ, но и сыпучъ; у подошвы онъ также не особенно плотенъ и легко разрушается. Въ массѣ этого песка содержится множество халцедоновъ, агатовъ, сердоликовъ и яшмъ. Ниже этихъ песковъ или песчаниковъ, тянущихся на протяженіи нѣсколькихъ верстъ вдоль и въ концѣ образуемаго Амуромъ кривуна, въ скалистомъ утесѣ обнажается уже гранито-сіенитъ [2]).

На правомъ берегу противъ «Цагаяна» поднимаются невысокія скалы чернаго слюдянаго сланца.

Далѣе, на томъ же берегу, ниже «Цагаяна» встаютъ стѣны, составленныя, главнѣйшимъ образомъ, изъ гранитнаго гравія, покрытаго тонкимъ слоемъ чернозема, въ которомъ мѣстами видны куски неразрушившагося гранита. Послѣдніе отличаются присутствіемъ въ нихъ большихъ кристалловъ полевого шпата отъ $^1/_2$ до

---

[1]) По наблюденіямъ Пермикина не только бѣлый, но и дымчатый кварцъ, который встрѣчается въ немъ нерѣдко друзами. Онъ вовсе не обнаружилъ въ этомъ гранитѣ слюды (Семеновъ, l. c.).

[2]) Сосѣдство гранита съ песчаными образованіями дало поводъ академику Шмидту объяснять образованіе выступающихъ гранитовъ изъ песчаниковъ (см. Шмидтъ, l. c., стр. 14). Но едва ли возможно согласиться съ этимъ объясніемъ. Наоборотъ можно полагать, что здѣшніе граниты и сланцы и дали матерьялъ для песковъ и пластичныхъ глинъ, отлагавшихся въ здѣшнемъ прѣсноводномъ бассейнѣ въ третичную эпоху. См. Бацевичъ, l. c., стр. 22.

1 дюйма величиною. Гранитъ нѣсколько ниже опять смѣняется толщами слюдяного сланца, въ которомъ попадаются гнѣзда и жилы кварца. Волнообразные и зигзагообразные изгибы во многихъ мѣстахъ измѣняютъ его слоистое сложеніе. Кромѣ кварца, въ этомъ метаморфическомъ сланцѣ, повидимому, нѣтъ другихъ включеній; вмѣстѣ со слюдой онъ придаетъ всей породѣ то желтоватый, то бѣловатый цвѣтъ.

Ниже рѣчки Гокана скалистыя стѣны праваго берега состоятъ, главнѣйшимъ образомъ, изъ мелко-зернистаго діоритоваго сланца весьма плотнаго, почти сливнаго сложенія и темно-зеленоватаго или сѣраго цвѣта; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его попадаются черные длинные кристаллы роговой обманки. Въ породѣ этой весьма часто встрѣчаются жилы, гнѣзда и неправильныя скопленія кварца.

Далѣе отсюда, внизъ по теченію, отдѣльными скалами среди вышеописанныхъ высотъ праваго берега выступаютъ толщи зернистаго кварца, прослоеннаго слюдянымъ сланцемъ. Поднятыя толщи діорита, равно какъ и частыя проникания его сплошнымъ кварцемъ указываетъ на присутствіе здѣсь воздымающей силы, которая, впрочемъ, вскорѣ и обнаруживается: появляется гранитъ, состоящій изъ желтоватаго и бѣлаго полевого шпата, сѣраго кварца и серебристо-бѣлой слюды. Распредѣленіе слюды въ массѣ этого гранита чрезвычайно различное — она является въ немъ спорадическими скопленіями.

Почти напротивъ вышеописаннаго гранитнаго выступа на лѣвомъ берегу поднимается скала Иликанъ (мысь Козакевича), состоящая изъ весьма твердой и черной породы съ значительномъ къ тому же вѣсомъ, относимой Маакомъ къ базальтамъ; она содержитъ весьма мало зеренъ черновато-зеленаго оливина. Здѣсь мы уже входимъ въ область вулканическихъ образованій, которыя хотя и встрѣчаются въ другихъ мѣстностяхъ внизъ по Амуру, но здѣсь имѣютъ полнѣйшее развитіе и простираются болѣе чѣмъ на семьдесятъ верстъ.

Долина Амура отъ Иликана до Улусу-Модонской излучины.

Длина Амура въ этихъ предѣлахъ не велика, но за то онъ пробѣгаетъ здѣсь по замѣчательной мѣстности, сложенной

исключительно изъ палеовулканическихъ эффузивныхъ породъ. Тотъ фактъ, что главная масса горъ и выходовъ послѣднихъ приходится на правый берегъ рѣки, можно объяснить только тѣмъ, что Амуръ частью пересѣкаетъ, частью омываетъ здѣсь сѣверные склоны хребта Ильхури, хотя и сложеннаго, какъ кажется, исключительно изъ метаморфическихъ и интрузивныхъ породъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательнаго и обширнымъ распространеніемъ въ его области эффузивныхъ породъ.

Профессору Васильеву удалось открыть нѣсколько интересныхъ китайскихъ документовъ, а именно: записку современника и пять донесеній Императору Канъ-си, свидѣтельствующихъ о довольно энергично проявившейся въ 1721 году вулканической дѣятельности въ горахъ къ сѣверо-западу отъ города Мергэня. Документы эти были переведены В. П. Васильевымъ и опубликованы въ изданіяхъ Импер. Русскаго Географическаго Общества 1855 года[1]). Первый изъ геологовъ обратившій вниманіе на научную важность открытыхъ Васильевымъ документовъ былъ П. П. Семеновъ. Въ статьѣ своей «о вулканическихъ явленіяхъ во Внутренней Азіи» появившейся въ Вѣстникѣ Русскаго Географическаго Общества въ 1856 году[2]), комментируя реляціи китайскихъ чиновниковъ объ изверженіяхъ, происходившихъ въ найденной имъ на картѣ атласа д'Анвиля мѣстности Уюнъ-Холдонги, сравненіями съ обстоятельствами изверженія Везувія въ 1855 г., П. П. Семеновъ доказалъ, что обстоятельныя китайскія описанія не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ области Уюнъ-Холдонги въ 1791 и 1792 гг. происходилъ рядъ несомнѣнныхъ вулканическихъ изверженій, сопровождаемыхъ обильными изліяніями лавы. Высокій научный интересъ этой новооткрытой вулканической области усиливался еще и тѣмъ, что она находится въ разстояніи по прямой линіи 1.000 верстъ отъ Японскаго моря и 1.200 вер. отъ Байкала а за неподтвержденіемъ существованія дѣйствовавшихъ въ историческое время, какъ то полагалъ Гумбольдтъ, вулкановъ въ Центральной Азіи, представляетъ самую континентальную изъ вулканическихъ областей, дѣйствовавшихъ въ историческое время на земномъ шарѣ. П. П. Семеновъ указывалъ на возможность уже и въ то время для предпріимчиваго изслѣдователя проникнуть въ вулканическую область Уюнъ-Холдонги, отстоящую

---

[1]) («Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». 1855. XV, 5 стр. 3).

[2]) См. Семеновъ о вулканическихъ явленіяхъ въ Внутренней Азіи въ Вѣстн. Имп. Русск. Геогр. Общ. 1856. Изсл. и мат., стр. 243—258; гдѣ приведены и комментированы во всей подробности донесенія китайскихъ чиновниковъ объ изверженіяхъ 1721 и 1722 гг

всего только вер. въ 150 отъ Амура[1]). Само собою разумѣется, что вызовъ этотъ не могъ быть осуществленъ въ 1856 году, когда мы не стояли еще прочною ногою на Амурѣ и только въ 1864 г. извѣстному изслѣдователю Восточной Сибири, Крапоткину, удалось проникнуть въ вулканическую область Уюнъ-Холдонги[2]), осмотрѣть тѣ вулканическіе конусы, на которые обратилъ вниманіе П. П. Семеновъ (ихъ оказалось нѣсколько) и констатировать обширное распространеніе въ краѣ пузыристыхъ базальтовъ съ зернами оливина и другихъ лавъ. Такимъ образомъ и происхожденіе болѣе древнихъ мелафировъ, объясняющееся продолжавшеюся и въ позднѣйшія времена вулканическою дѣятельностью Ильхури-Алиня, не должно было бы, кажется, подвергаться никакому сомнѣнію. Между тѣмъ Шмидтъ, нашедшій ниже Кумары обсидіанъ и перлитъ, все же сомнѣвается въ огненномъ происхожденіи мелафировъ Амура, и это потому только, что порода эта съ нѣсколькими своими разностями занимаетъ, по его мнѣнію, слишкомъ большое пространство[3]).

Ниже Иликана, справа поднимается утесъ, извѣстный подъ именемъ Вангана (мысъ Корсакова). Онъ состоитъ изъ миндалевиднаго мелафира, который представляетъ весьма плотную породу чернаго и красновато-чернаго цвѣта, содержащую въ себѣ элипсоидальные кругляки плотнаго известняка, нерѣдко являющагося въ разрушенномъ состояніи. Утесъ этотъ далѣе вытягивается въ стѣну, которая кажется грязно-сѣрою и покрытою оранжевыми пятнами (отъ лишаевъ). Три версты ниже она понижается, дѣлается отлогою, обнаженія становятся рѣже и откосы образуютъ терасообразные уступы. Далѣе внизъ по теченію, до устья рѣки Кумары, весь правый берегъ возвышенъ; его обнаженія состоятъ также изъ миндалевиднаго мелафира.

Ниже устья р. Кумары, справа же, поднимаются высокія скалы, состоящія изъ ноздреватаго мелафира; онъ темно-сѣраго цвѣта, иногда съ краснобурымъ оттѣнкомъ; нѣкоторыя изъ его полостей наполнены землистымъ веществомъ зеленаго цвѣта, по всей вѣроятности, делесситомъ, другія же халцедономъ.

---

[1]) Вулканическая область Уюнъ-Холдонги находится верстахъ въ 90 къ Ю. В. отъ города Мергена, между рѣкою Немэрью лѣв. пр. Нонни и правымъ ея притокомъ Лулака, вер. въ 15 къ С. отъ расположенной на Немэри манджурской деревни Томочинь.

[2]) «Записки Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1865, VIII.

[3]) L. c., стр., 14.

Далѣе тянутся мелафиры краснобураго цвѣта, отличающіеся содержаніемъ многочисленныхъ, хотя и небольшихъ пустотъ.

Долина Амура отъ начала Улусу-Модонской излучины до устья Зеи.

Эта часть долины изучена не такъ полно, какъ предыдущія. Гребни Уро-Амурскаго водораздѣла и хребта Ильхури-Алинь ближе подходятъ къ руслу рѣки и отроги ихъ образуютъ здѣсь мѣстами высокіе и крупные откосы. Въ геогностическомъ отношеніи она характеризуется чрезвычайнымъ разнообразіемъ породъ, ее составляющихъ.

При началѣ Улусу-Модонской излучины возвышаются скалы изъ сіенита, который состоитъ изъ желтоватаго полевого шпата, бѣлаго кварца, небольшого количества черной слюды и большихъ кристалловъ черной роговой обманки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ порода казалась сильно вывѣтрившеюся и превратилась въ дресву. Сіенитъ этотъ образуетъ довольно толстую жилу. Вмѣстѣ съ сіенитами въ Улусу-Модонской излучинѣ наблюдаются сіенито-граниты, граниты и гнейсы.

Далѣе внизъ по теченію сіенитъ смѣняется фельзитовымъ порфиромъ. Какъ этотъ порфиръ, такъ и нѣкоторые другіе, встрѣчающіеся ниже, состоятъ изъ красноватаго, слегка, обыкновенно, разрушеннаго полево-шпатаго тѣста, въ которомъ разсѣяны бѣлые кристалы полевого шпата.

Пять верстъ ниже начала излучины береговыя скалы все еще состоятъ изъ фельзитоваго порфира. Онъ смѣнятся ниже мелко-зернистымъ зеленовато-сѣрымъ, богатымъ слюдою, песчаникомъ, прорѣзаннымъ во всѣхъ направленія жилами кварца; слои его круто приподняты кверху. Онъ тянется на нѣсколько верстъ и при поворотѣ рѣки на сѣверъ, въ свою очередь, смѣняется чернымъ кремнистымъ сланцемъ, содержашимъ въ себѣ гнѣзда полево-шпатоваго сіенито-порфира. Этотъ послѣдній подвергается сильному вывѣтриванію и состоитъ изъ желтаго полево-шпатового тѣста, съ разсѣянными въ немъ кристаллами и зернами полевого же шпата сѣраго кварца и черной роговой обманки.

12 верстъ ниже Улусу-Модона, справа, поднимаются скалы полевошпатоваго порфира, состоящаго изъ бѣлаго полевого шпата, сѣраго кварца и черной роговой об-

манки. Эта порода имѣетъ большое сходство съ упомянутыми выше порфирами и отличается отъ нихъ заключающимися въ ней разнородными обломками другихъ горныхъ породъ. Между послѣдними всего чаще встрѣчается зеленоватый кератитовый порфиръ.

Еще 6 верстъ ниже порфиръ смѣняется грейзеномъ. Онъ свѣтло-зеленаго цвѣта и имѣетъ совершенно особенный видъ такъ, что съ перваго взгляда едва можетъ быть принятъ за грейзенъ, хотя въ немъ и имѣются обѣ составныя его части, т.-е. кварцъ и слюда. Послѣдняя въ свѣжемъ состояніи имѣетъ почти черный цвѣтъ, но отъ химическаго разложенія она превращается въ свѣтло-зеленую глинистую массу, окрашивающую кварцъ и такимъ образомъ придающую и всей породѣ зеленоватый оттѣнокъ. Сложеніе грейзена мелко-зернистое, распредѣленіе въ немъ слюды правильное.

Въ 30 верстахъ отъ Улусу-Модона, справа же, снова появляются обнаженія, принадлежащія къ вулканическимъ образованіямъ, а именно—базальтъ. Онъ представляетъ черную, кристаллическую, авгитовую массу, изъ которой выдѣляются авгитовые кристаллы чернаго же цвѣта и небольшіе стекловидные, зеленоватые кристаллы оливина. Породу эту можно отнести къ находящимся выше базальтамъ и мелафирамъ и, вѣроятно, она будетъ одновременнаго съ ними происхожденія.

Четыре версты ниже базальтоваго обнаженія подымаются скалы мелко-зернистаго гранита сѣраго цвѣта, содержащаго въ себѣ желтый полевой шпатъ, кварцъ и мелкіе листочки черной слюды.

Еще далѣе гранитъ смѣняется кремнистымъ сланцемъ, представляющимъ мѣстами весьма замѣчательные изгибы и переломы. Порода эта образуетъ призматическія отдѣльности, которыя дѣлаютъ ее трещиноватою и ломкою.

Въ тоже время на лѣвомъ берегу встаютъ горы, состоящія изъ тонко-зернистаго кварцита.

У Керленга, справа, горные откосы состоятъ изъ темно-сѣраго глинистаго сланца (метаморфическаго?), пласты котораго замѣтно приподняты.

Отсюда до манджурской деревни Дагыгу часто встрѣчаются обнаженія, замѣчательныя по своему разнообразію; а именно, они состоятъ изъ перемежающихся плутоническихъ породъ и метаморфическихъ сланцевъ. Ниже

Керленга Амуръ дѣлаетъ изгибъ, обращенный къ С.-В. На нижнемъ концѣ этого изгиба, въ 10 верстахъ отъ Керленга, на правомъ берегу, встрѣчаются обнаженія, состоящія изъ полевошпатовыхъ порфировъ, переходящихъ въ глиняный (?) порфиръ. Послѣдній состоитъ изъ вывѣтрившейся массы, въ которой заключены бѣловатыя зерна кварца и желтоватые кристаллы полеваго шпата. Замѣчательно, что порфиры эти представляютъ различную степень химическаго разрушенія, начиная отъ свѣжей полевошпатовой массы до каолина. Нѣкоторые изъ нихъ просто покрыты буроватою вывѣтрившейся корой; тѣсто другихъ обратилось въ бѣловатую землистую массу; наконецъ, нѣкоторые представляютъ совершеннѣйшій переходъ въ каолинъ, являющійся мѣстами въ толщахъ, пригодныхъ для разработки. Далѣе въ этихъ порфирахъ, особенно въ разрушенныхъ, замѣчаются сростки роговика, который или представляетъ сфероиды лучистаго сложенія, величиной отъ $^1/_4$ вершка до $^1/_2$ аршина, или же является въ видѣ жилъ. Въ этой каолинизированной массѣ, на протяженіи сотни футовъ, тянется обнаженный пластъ перлита, который мѣстами представляетъ такой ясный переходъ въ первую породу и такъ тѣсно съ нею связанъ, что безъ всякаго сомнѣнія, соединяется съ развитымъ здѣсь порфировымъ образованіемъ и долженъ быть разсматриваемъ, какъ членъ этого образованія. Перлитъ состоитъ изъ маленькихъ сфероидальныхъ шариковъ, величиною съ горошину или изъ мелкихъ концентрическихъ зеренъ, имѣющихъ видъ эмали грязно спаржево-зеленаго или буро-краснаго цвѣта. Изъ постороннихъ примѣсей въ немъ чаще всего попадаются желваки и гнѣзда халцедона.

Ниже вышеупомянутыхъ порфировъ поднимаются скалы желтосѣраго безкварцеваго порфира. Поверхность и трещины этой породы покрыты налетомъ зеленаго цвѣта. Кромѣ того она прорѣзана по всѣмъ направленіямъ жилами гнѣздами и желваками голубоватаго халцедона, который мѣстами встрѣчается въ такомъ количествѣ, что почти вытѣсняетъ основную породу.

Нѣсколько выше отсюда, въ урочищѣ Міэта, Маакъ открылъ выходъ бураго каменнаго угля, но ни характера его залеганія, ни отношенія къ сосѣднимъ породамъ выяснить ему не удалось.

Немного ниже ур. Адунъ-Геринъ стѣна рѣчной долины, поднимающаяся прямо изъ воды, образуетъ то довольно высокіе и скалистые берега, круто обрывающіеся въ русло рѣки, то опять болѣе или менѣе пологіе откосы, состоящіе изъ кератитоваго порфира съ мелкими кристаллами полевого шпата и прозрачнаго кварца.

Далѣе на всемъ пространствѣ до деревни Дачыга, встрѣчаются различныя видоизмѣненія порфировъ, тѣсто которыхъ состоитъ изъ полевошпатовой массы съ вкрапленными въ нее кристаллами того же минерала и кварца.

Ниже обнаженій кератитоваго порфира (ур. Эньи-Хидаръ) появляется также обнаженіе полевошпатового порфира; тѣсто его имѣетъ зеленовато-сѣрый цвѣтъ, а разсѣянные кристаллы представляютъ разложившійся розовый полевой шпатъ; кромѣ того въ немъ разсѣяны кристаллы кварца и черной роговой обманки.

Долина Амура отъ устья Зеи до устья Буреи.

На этомъ пространствѣ обнаженій немного, да и тѣ встрѣчаются только на правомъ берегу.

Около деревни Хормольдженгъ обнажаются скалы изъ темно-сѣраго, весьма кварцеватаго, плотнаго и однороднаго глинистаго сланца, въ которомъ заключены мельчайшіе листочки слюды.

Около деревни Кадиканъ поднимаются скалы изъ плотной роговиковой брекчіи, цементъ которой имѣетъ желтовато-сѣрый цвѣтъ, а обломки темный, синевато-сѣрый.

Чѣмъ ближе къ устью Буреи, тѣмъ чаще виднѣются обнаженія, состоящія изъ перемежающихся плутоническихъ и осадочныхъ образованій. Около 35 верстъ выше Буреи плутоническія породы становятся преобладающими. Наибольшее пространство занимаетъ однородный, мелко-зернистый гранитъ, въ которомъ господствующую составную часть представляетъ желтый полевой шпатъ, а черноватая слюда и кварцъ являются ей подчиненными. Гранитъ этотъ смѣняется далѣе мелко-зернистымъ грязно-желтымъ кварцитомъ. Изломъ послѣдняго занозистый, неровный.

Отъ устья р. Удагана Амуръ течетъ по пластамъ песчаника, уже потому достойнаго вниманія, что въ немъ встрѣчаются слои бураго угля и желѣзной руды. На правомъ берегу Удагана, при его устьѣ, стѣна долины

возвышается почти на 100 футовъ и представляетъ крутые, обнаженные откосы. Песчаникъ и сыпучій песокъ представляютъ главный матерьалъ такихъ обнаженій. Первый изъ нихъ бываетъ то мелко-зернистый, то крупно-зернистый и часто образуется изъ сыпучаго песку, а именно, въ томъ случаѣ, когда онъ связывается желѣзисто-глинистымъ цементомъ. Песчаники эти имѣютъ преимущественно свѣтложелтый цвѣтъ, который, впрочемъ, отъ примѣси обугленныхъ частей растеній переходитъ въ свѣтло и темно-сѣрый. Нижніе слои песчаника отъ примѣси желѣзной окиси принимаютъ буроватый оттѣнокъ. Наслоеніе пластовъ особенно ясно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они окрашены различными цвѣтами. Вся эта перемежаемость, повидимому, не подвергалась никакимъ особенно сильнымъ позднѣйшимъ измѣненіямъ [1]). Въ толщахъ песку, а также песчаника, замѣчаются иногда слои кварцевыхъ галекъ и сланцеватой глины пепельно-сѣраго цвѣта, заключающей въ себѣ обугленные и разрушенные растительные остатки. Ниже устья Удагани, въ нижней части песчаниковыхъ обнаженій, тянущихся на двѣ версты, весьма часто залегаетъ глинистый желѣзнякъ, который образуетъ слой до 3-хъ и болѣе футовъ и часто состоитъ изъ валуновъ и желваковъ. Цвѣтъ его красновато-сѣрый и бурый, изломъ плоско-раковистый или неровный и, вообще, по всѣмъ признакамъ онъ имѣетъ поразительное сходство съ глинистымъ желѣзнякомъ Вилюйской долины, который тамошнимъ якутамъ служитъ матерьаломъ для выдѣлки прекраснаго и пользующагося извѣстностью ихъ желѣза.

Двѣ версты ниже устья Удагана эти песчаники смѣняетъ красноватый, мелко-зернистый кварцевый порфиръ, содержащій мелкіе кристаллы частью каолинизированнаго полевого шпата.

Ниже этого, впрочемъ, весьма незначительнаго порфироваго обнаженія слѣдуетъ до верхней части устья Буреи гранитъ, составляющій тутъ цѣлую стѣну долины которая удалена отъ воды и отдѣляется отъ нея лугомъ и песчаными косами. Стѣна долины покрыта здѣсь лѣсомъ, изъ-за котораго мѣстами выступаютъ

[1]) Очевидно, что мы встрѣчаемся здѣсь снова со столь типичными третичными отложеніями Цагаяна.

скалистые утесы, придающіе всему откосу очень оригинальный видъ какъ бы нагроможденныхъ башенъ. Эту породу съ большою вѣроятностью можно причислить къ гранитовому конгломерату, потому что она состоитъ изъ валуновъ и большихъ глыбъ крупнокристаллическаго гранита, соединенныхъ или, точнѣе, сплавленныхъ съ полевошпатовою, мелко-зернистою массою гранита. Послѣдняя разновидность мѣстами переходитъ въ гранулитъ.

За Буреей мы вступаемъ въ область главнаго меридіональнаго поднятія въ Амурской области; поэтому, прежде чѣмъ продолжать обзоръ береговъ Амурской долины, мы на время должны покинуть ее и подняться къ верховьямъ Буреи, а затѣмъ, насколько возможно, познакомиться и съ общимъ геогностическимъ строеніемъ той системы складокъ, которая во всей своей совокупности носитъ названіе Буреинскихъ горъ. Здѣсь мы еще разъ встрѣчаемся съ изслѣдованіями академика Шмидта.

Буреинскій хребетъ изслѣдованъ лучше всего на перевалѣ съ Керби на Бурею и по теченію Амура, отъ станицы Пашковской до станицы Екатерино-Никольской. Онъ состоитъ почти исключительно изъ массивныхъ породъ—гранита, порфира, и метаморфическихъ—слюдянаго и глинистаго сланцевъ. Только вдоль западныхъ склоновъ прибрежныхъ къ Амуру складокъ Буреинскихъ горъ наблюдается подъемъ третичныхъ пластовъ, прикрытыхъ аллювіальными конгломератами, въ толщѣ которыхъ найдены крупные обломки костей млекопитающихъ [1]); впрочемъ, органическіе остатки (растенія) найдены и на восточныхъ склонахъ упомянутыхъ горъ, но они относятся уже, повидимому, къ типамъ юрской формаціи [2]). Но вообще Шмидтъ того мнѣнія, что строеніе Буреинскихъ горъ настолько загадочно, что о нихъ преждевременно высказываться въ какомъ бы то ни было смыслѣ. Этого мнѣнія всецѣло придерживаемся и мы, а потому наша дальнѣйшая роль и будетъ заключаться лишь въ томъ, чтобы собрать въ одно цѣлое разбросанныя данныя о геогностическомъ строеніи этихъ горъ.

Долина Буреи и восточные склоны хребта въ ущелье Керби [3]).

Въ долинѣ Керби обнаженія часты и состоятъ преимущественно изъ метаморфическихъ—глинистаго и слюдянаго слан-

[1]) Близъ Халтынской станицы (нынѣ Касаткина).
[2]) Открыты близъ Поликарповки.
[3]) Эта часть главы составлена, преимущественно, по Шмидту.

цевъ; граниты попадаются рѣдко. Ось же хребта состоитъ изъ гранита. Въ долинѣ верхнейя Буреи снова встрѣчаются обнаженія слюдянаго и глинистаго сланцевъ, проникнутыхъ кое-гдѣ кремнеземомъ; на высотахъ же виднѣется повсюду гранитъ. Ниже лѣваго своего притока Успуна Бурея течетъ мимо обширныхъ обнаженій гранита, представляющихъ здѣсь почти вертикальныя стѣны, изборожденныя вертикальными трещинами; никакихъ слѣдовъ наслоенія замѣтно здѣсь не было; но далѣе появились все болѣе и болѣе ясные пласты песчаника, падающіе на западъ, внизъ по теченію рѣки. Порода дѣлалась мергелистою и, наконецъ, Шмидту удалось собрать первыя окаменѣлости по Буреѣ; а именно, найдены были здѣсь животные остатки вмѣстѣ съ отпечатками растеній. Остатки эти представляютъ единственный случай нахожденія въ Амурской области морскихъ окаменѣлостей, могущихъ служитъ къ опредѣленію заключающей ихъ формаціи [1]). Мергельный сланецъ, содержащій эти окаменѣлости, въ верхнихъ слояхъ переходитъ въ аркозъ, заключающій еще неизмѣненные обломки сланца и имѣющій столбчатое сложеніе, на подобіе обнажающагося нѣсколько выше гранита. Во всѣхъ послѣдующихъ обнаженіяхъ ясно были видны породы осадочныя, а именно: глинистый сланецъ и песчаники, содержащіе слѣды растеній и Avicula; въ нихъ снова показались червеобразные отпечатки, найденные также вмѣстѣ съ Modiola и близъ устьевъ р. Горина. Нѣсколько ниже вышеупомянутыхъ напластованій находится образованіе, въ которомъ Миддендорфъ открылъ мощный пластъ угля. Миддендорфъ посѣтилъ это мѣсто зимою и полагалъ, что здѣсь находится вертикальный пластъ угля, имѣющій ширины до 10 саженей. Изслѣдованія Шмидта, произведеныя въ болѣе благопріятное время, показали, что въ этомъ обнаженіи выступаетъ отъ трехъ до четырехъ вертикально стоящихъ угольныхъ пластовъ, принявшихъ такое положеніе вслѣдствіе сильнаго сгиба всего напластованія. Каждый изъ угольныхъ пластовъ имѣетъ отъ одного до двухъ футовъ толщины; заключающійся въ нихъ уголь хорошаго качества. Между пластами угля залегаетъ песчаникъ и глинистый сланецъ; въ послѣднемъ найдены хорошо сохранившіеся отпечатки хвойныхъ растеній, Pterophyllum, Pachypteris, Pecopteris, Taeniopteris и тростника. Остатки эти показываютъ, что развитые здѣсь пласты принадлежатъ къ юрской формаціи и тождественны съ пластами, являющимися въ вер-

---

[1]) Это Ammonites, Belemnites и двустворчатыя раковины, доказывающія существованіе здѣсь юрской формаціи.

ховьяхъ Амура, въ окрестностяхъ Албазина (ниже его). Ниже встрѣчено было нѣсколько подобныхъ же обнаженій, но въ нихъ уголь былъ менѣе развитъ (пласты менѣе фута мощностью). Тутъ въ большинствѣ случаевъ находились только растительные остатки и только однажды въ мергельномъ слоѣ Шмидтъ нашелъ множество экземпляровъ Dentalium, сопровождаемыхъ двустворчатыми раковинами и плохо сохранившимися экземплярами Belemnites. Пласты все еще имѣли паденіе на западъ, но кое гдѣ уже лежали и горизонтально; нигдѣ не встрѣчались также пласты изогнутые черезчуръ сильно.

Ниже Нюмани,[1]) вдоль праваго берега, высятся обнаженія «весьма поучительныя по обнаруживающемуся въ нихъ метаморфизму». Въ составъ обнаженій входятъ глинистый, угольный песчаникъ, пласты угля и глинистый сланецъ. Пласты лежатъ «горизонтально». Отъ появленія кристалловъ полеваго шпата и роговой обманки песчаникъ теряетъ здѣсь свою слоеватость и замѣняется сіенитомъ; въ мѣстахъ прикосновенія измѣненнаго песчаника уголь дѣлается плотнѣе; глинистый сланецъ дальше всѣхъ сохраняетъ свою слоеватость; при всемъ томъ, слои совершенно горизонтальны.

Далѣе внизъ по Буреѣ являются конгломераты съ перемежающимся съ ними песчаникомъ, подобные тѣмъ, что мы видѣли на верхнемъ Амурѣ; и здѣсь также вещество, связывающее крупныя гальки, имѣетъ сходство съ гранитомъ.

Ниже пласты имѣютъ слабое паденіе къ югу. Наверху лежитъ песчаникъ, ниже глинистый сланецъ съ тонкими прослойками угля; далѣе сіенитъ, представляющій весьма странныя отдѣльныя формы, подобно тому, какъ и близъ Уксами на Амурѣ[2]). Ниже снова глинистый сланецъ съ углемъ и, наконецъ, опять сіенитъ.

Далѣе, въ особенности на правомъ берегу, обнаженія угольнаго песчаника, глины и угля являются часто. Песчаникъ заключаетъ иногда довольно значительныя массы глинистаго желѣзняка[3]). Какъ въ песчаникахъ, такъ и въ сланцахъ попадаются попрежнему папортники, но одновременно съ ними и другія растенія; такъ, напримѣръ: водяныя растенія, иглы и части шишекъ хвойныхъ деревьевъ, отлично сохранившіеся экземпляры Equesetites, а въ песчаникѣ даже и цѣлые сдав-

---

[1]) Долина этой рѣки почти совсѣмъ неизслѣдована. Въ верховьяхъ ея горы, повидимому, состоятъ изъ метаморфическихъ талько-хлоритовыхъ слинцевъ («Горный Журналъ» 1879, VII, стр. 21.), Бацевичъ (l. c., стр. 72).

[2]) Уксами находится 100 верстъ ниже Хабаровска. Сравни Шмидтъ, l. c., стр., 20.

[3]) Сравни съ Удаганскими отложеніями по Амуру (см. выше, стр. 208).

ленные стволы нѣкоторыхъ древесныхъ породъ. Ниже, на лѣвомъ берегу рѣки, осадочныя образованія представляютъ значительное обнаженіе около 60 футовъ высоты. Оно состоитъ изъ горизонтальныхъ наслоеній глинистаго сланца и песчаника. Въ глинѣ часто попадаются экземпляры Equisetites. Нѣсколько верстъ далѣе внизъ по рѣкѣ обнаженія имѣютъ тотъ же характеръ, хотя здѣсь уже глина становится болѣе твердою и песчаникъ получаетъ гранитовидное сложеніе. Ниже рѣчки Туинъ Бурея вступаетъ, наконецъ, черезъ какъ бы каменныя ворота въ гористую страну, являющуюся внезапно и сопровождающую долину рѣки верстъ на 200. Окрестная мѣстность измѣняется: съ обѣихъ сторонъ поднимаются высокія и отвѣсныя скалы однороднаго краснаго гранита, который сначала не имѣетъ и слѣдовъ слоеватости, а только лишь вертикальныя трещины; но затѣмъ, съ повышеніемъ стѣнъ ущелья, появляется и незамѣчавшаяся раньше слоистость. При выходѣ изъ этого ущелья въ гранитѣ была замѣчена мощная жила известковаго шпата; она оказалась прорѣзанной прожилками роговой обманки и содержала мѣстами тонкіе слои графита. Уже по выходѣ изъ горъ мѣстами показываются обнаженія краснаго, нѣсколько вывѣтрившагося порфира, представляющаго отвѣсныя скалы. А дальше уже снова появляются осадочныя породы. На правомъ берегу тянется длинное обнаженіе свѣтлыхъ глинъ и песковъ (около 100 ф. высоты), несущее здѣсь, какъ и на Амурѣ, названіе Цагаянъ; оно прикрыто аллювіальнымъ конгломератомъ. Въ пескѣ находятся цѣлые стволы окаменѣлыхъ деревьевъ, а глины сохранили отпечатки листьевъ живущихъ и нынѣ деревьевъ: тополя и березы.

Долина рѣки Самары.

Долина этой рѣки изучена невполнѣ и приэтомъ довольно односторонне. Главное вниманіе Аносова, которому мы и обязаны свѣдѣніями о ней, обращено было на известняки и желѣзныя руды; всѣ же остальныя особенности геогностическаго строенія этой долины казались ему сравнительно такъ мало существенными, что о нихъ онъ упоминаетъ или вскользь или совсѣмъ не упоминаетъ. Такимъ образомъ яснаго понятія объ этомъ замѣчательномъ ущельѣ его отчетъ къ сожалѣнію намъ не даетъ; зато мы довольно полно знакомимся съ формаціей, какъ онъ выражается [1]), «рудныхъ известняковъ» въ

[1]) «Ущелье Хингана и формація рудныхъ известняковъ въ Амурскомъ краѣ» Горный Журналъ», 1865, № 4, стр., 67—70.

долинѣ рѣки Самары, и это, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ поставить въ заслугу Аносову.

Полоса известняковъ начинается прямо отъ берега Амура и занимаетъ весь правый берегъ Самары. Прерываясь на нѣкоторое пространство въ верховьяхъ рѣки выходами гранита, она снова появляется въ долинѣ рѣчки Помпеевки, но незначительными обнаженіями. Такими же незначительными массами она встрѣчается и на лѣвомъ берегу Самары, гдѣ ее окончательно вытѣсняютъ граниты близко подходящаго здѣсь главнаго хребта. Очень можетъ быть, что по лѣвому берегу Самары, къ ея устью, вновь залегаютъ известняки, но Аносову изслѣдовать его не пришлось.

На берегахъ Амура формація известняковъ оканчивается отвѣсными утесами, на обнаженіяхъ коихъ легко слѣдить за породами, ее составляющими. Верстахъ въ семи ниже Поликарповки находится прекрасное обнаженіе известняка, отличающагося мягкостью, чистотою и крупно-зернистымъ кристаллическимъ сложеніемъ. Онъ весьма хорошъ для выжиганія извести. Начиная отъ пос. Союзнаго и вплоть до ст. Екатерино-Никольской идетъ сплошная масса известняковыхъ сланцевъ, содержащихъ мѣстами мраморовидныя массы известняка. Нѣкоторыя разновидности этихъ сланцевъ весьма легко дѣлятся на плиты и потому могутъ быть годны, какъ строительный матеріалъ. По удаленіи отъ берега внутрь страны сланцы переходятъ въ толщи известняковъ, имѣющихъ крупно-слоистое сложеніе. Паденіе пластовъ отличается крутизной и непостоянствомъ. Между пластами известняковъ встрѣчаются почти повсемѣстно жилы кварца, заключающаго полости, усѣянныя кристаллами горнаго хрусталя. Жилы эти кромѣ того носятъ характеръ явно натечнаго образованія. Въ известнякахъ Самары нерѣдко попадаются пропластки пахучаго известняка и жилы аррагонита, а также жилы известковаго шпата. Вмѣстѣ со всѣми этими минералами известняки изобилуютъ желѣзными рудами, которыя и придаютъ огромную практическую важность этой формаціи.

Впрочемъ, рудоносность является не повсемѣстно. Признаки ея въ видѣ разнородныхъ прожилковъ и пропластковъ встрѣчаются на каждотъ шагу. Слои дресвяныхъ глинъ, покрывающіе склоны здѣшнихъ горъ, также содержатъ въ изобиліи рудныя частицы и, кромѣ того, не рѣдко глины окрашены яркими красными и желтыми охрами. Но мѣсторожденіе желѣзныхъ рудъ составляетъ свою отдѣльную полосу, которая тянется вдоль полосы известняковъ, т.-е. съ Ю. на С.-С.-З. Кромѣ

того полоса желѣзныхъ рудъ лежитъ у восточнаго подножія упомянутаго уже выше ряда сопокъ, которыя тянутся тоже вдоль полосы известняковъ. Отъ южной оконечности упомянутаго ряда рудный хребетъ простирается къ С.-С.-В., пересѣкаетъ долину небольшой рѣчки Столбовой и идетъ по правому берегу Самары до р. Листвянной. Здѣсь онъ мѣняется въ формѣ, быстро поднимается и образуетъ высокую сопку, которая командуетъ всею окрестностью. Отъ нея тянется къ вершинамъ Самары сплошная масса высокихъ и лѣсистыхъ горъ. Если провести разрѣзъ поперекъ хребта, то окажется, что верхнюю грань руднаго хребта составляютъ края почти вертикально приподнятыхъ пластовъ известняка. Подъ нимъ лежатъ слои известковаго, мягкаго и тонко-слоистаго сланца, затѣмъ опять пласты известняковъ и наконецъ граниты, составляющіе склоны главнаго хребта. Въ спаю сланца и известняка лежитъ пластъ слоистаго краснаго желѣзняка, толщиною въ 4 сажени, а мѣстами и болѣе. Въ вершинахъ р. Озерной, праваго притока Самары, находится въ особенности надежное мѣсторожденіе желѣзныхъ рудъ. У восточнаго подножія сопки, возвышающейся въ верховьяхъ р. Лиственной, открыто четыре обнаженія желѣзныхъ рудъ. Руды здѣсь тоже богаты и чисты, но мѣсторожденія не имѣютъ той правильности, которую они имѣли въ болѣе южныхъ частяхъ руднаго хребта. Эту сопку Аносовъ назвалъ «Рудною горой», потому что около нея въ особенности развита рудоносность. Отъ нея къ сѣверу продолжаютъ попадаться признаки желѣзныхъ рудъ, а равно и признаки мѣдныхъ рудъ, принадлежащихъ къ типу окисловъ.

Страна на востокъ отъ Буреинскаго хребта (хребетъ Ванда и долины Кильмена и Кура) намъ совсѣмъ почти неизвѣстна, и все, что о ней мы имѣемъ право сказать, ограничивается сообщеніемъ о преобладаніи въ ней породъ кристаллическихъ [1]).

Окончивъ обзоръ Бурейскихъ горъ, мы возвратимся къ долинѣ Амура.

Долина Амура отъ устья Буреи до поселка Пашковскаго.

Эта часть Амурской долины ни въ чемъ существенно не отличается отъ вышележащаго участка долины. Лѣвый берегъ по прежнему остается луговымъ и если здѣсь и открываются обнаженія, то они представляютъ разрѣзы рыхлыхъ и рѣчныхъ почвъ. Настоящія обнаженія замѣчаются на правомъ берегу,

---

[1]) Шмидтъ (l. c., стр. 65).

но и здѣсь они носятъ тотъ же характеръ, что и отложенія, описанныя уже раньше, книзу отъ р. Удаганъ.

Верстахъ въ 12 ниже устья Бурен, на правомъ берегу Амура, раскрывается обнаженіе, состоящее изъ осадочныхъ образованій. При высотѣ въ 10 сажень обнаженіе имѣетъ около 100 сажень въ длину и образуетъ довольно крутую скалу, состоящую изъ трехъ ярусовъ, изъ коихъ верхній имѣетъ наибольшее развитіе и состоитъ изъ песчаника. Сложеніе его мелко-зернистое, цементомъ служитъ глина, придающая особую рыхлость всей массѣ породы; мѣстами онъ раздѣляется на слои, мѣстами же разсыпается въ песокъ. Очень часто въ массѣ песчаника замѣчаются пропластки угля и скопленія серебристо-бѣлой слюды. Въ нижней половинѣ песчаника довольно часто проходятъ слои мелкихъ кремнистыхъ галекъ, которыя мѣстами скопляются какъ бы гнѣздами. Самая нижняя часть пластовъ песчаника, составляющаго висячій бокъ слѣдующимъ подъ нимъ пластамъ бураго угля, содержитъ довольно часто остатки ископаемыхъ растеній или же куски древесныхъ породъ, проникнутые кремніемъ, а иногда и лидійскимъ камнемъ. Судя по сохранившимися признакамъ, нужно думать, что всѣ эти растенія принадлежатъ двусѣмянодольнымъ. Подъ песчаникомъ слѣдуютъ два пласта слоистаго бураго угля, отъ двухъ до трехъ футовъ мощностью. Цвѣтъ угля измѣняется отъ темно-бураго до смольно-чернаго. Блескъ жирный или его вовсе нѣтъ, изломъ ровный, твердость незначительная [1]). Пластъ сланцеватой глины мягокъ, удобно раздѣляется на слои и имѣетъ пепельно-сѣрый цвѣтъ. Глина эта образуетъ лежачій бокъ обоихъ угольныхъ пластовъ. Наконецъ, нижній ярусъ этого обнаженія состоитъ изъ весьма кварцеватой, отвердѣлой глины, имѣющей явственную слоеватость и желтовато-сѣрый цвѣтъ. Изъ посторонниxъ примѣсей въ ней находятся мелкія чешуйки слюды и зерна халцедона. Ярусъ этотъ имѣетъ небольшое развитіе и при высокомъ стояніи воды со-

[1]) Уголь этотъ состоитъ изъ стволовъ хвойныхъ деревьевъ; въ глинистомъ же песчаникѣ, его настилающемъ, находятся листья, плоды и другія растенія, ясно свидѣтельствующія, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ отложеніями третичными (Шмидтъ. «Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». 1860, стр. 213).

вершенно покрывается ею. Всѣ эти пласты подняты и падаютъ отъ рѣки къ Ю.-З., подъ угломъ около 30°. Верхняя часть обнаженія изрыта оврагами и трещинами; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ текутъ источники желѣзистой воды, изъ которой во многихъ углубленіяхъ образуется осадокъ желѣзной руды. Подобныя же обнаженія попадаются по Амуру и ниже, но они не столь значительны по занимаемой ими площади; видоизмѣняются только выступами конгломератовъ, обыкновенно представляющихъ пласты въ двѣ и болѣе саженъ толщины и состоящихъ изъ галекъ, цементированныхъ желѣзными охрами. Въ нихъ также нерѣдко попадаются какъ обломки, такъ и почти цѣлые древесные стволы, совершенно проникнутые желѣзною окисью [1]).

Долина Амура отъ поселка Пашковскаго до ст. Екатерино-Никольской (ущелье Камни-фынъ).

Здѣсь Амуръ пересѣкаетъ Буреинскія горы. Онъ суживается и течетъ одною трубой. Быстрота его значительно увеличивается, потому-ли, что его русло суживается, или потому также, что и паденіе послѣдняго здѣсь значительнѣе? Вопросъ, остающійся пока безъ отвѣта. Какъ бы то ни было, но Амуръ, какъ и въ верховьяхъ своихъ, течетъ здѣсь среди средней высоты скалъ, съ геогностическимъ строеніемъ коихъ мы и знакомимъ ниже читателя.

Ниже поселка Пашковскаго на правомъ берегу поднимаются скалы, состоящія изъ полево-шпатоваго порфира, тѣсто коего отчасти разрушилось, хотя нѣкоторые кристаллы ортоклаза, въ особенности же кристаллы кварца еще хорошо сохранились. Немного ниже отсюда находится второе обнаженіе, представляющее тотъ же порфиръ, но еще болѣе вывѣтрившійся и покрывшійся желѣзною окисью.

На всемъ пространствѣ отъ р. Уй до горы «Сякса-хада» стѣны праваго берега обнажены и образуютъ болѣе или менѣе крупные откосы, состоящіе главнѣйшимъ образомъ изъ

---

[1]) И одновременно кости мамонтовъ. (См. выше. стр. 209; а также «Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Ообшества; стр. 215 гдѣ говорится, что не въ конгломератахъ, а въ новѣйшихъ песчаныхъ образованіяхъ). Боголюбскій, очевидно, выпустилъ это изъ вида, когда писалъ, что въ Амурской области до сихъ поръ не было найдено третичныхъ толстокожихъ (l. c., стр. 82).

кератитоваго порфира, тѣсто котораго имѣетъ сѣрватый цвѣтъ, неровный и занозистый изломъ; кристаллы ортоклаза мелки и настолько хорошо сохранились, что прямоугольная ихъ спайность ясно видна.

Ниже «Сякса-Хада» лѣвый берегъ на всемъ протяженіи слѣдующей затѣмъ рѣчной извилины состоитъ сплошь изъ слюдянаго сланца бураго цвѣта; кварца въ немъ мало, сложеніе мелко-чешуйчатое, напластованіе въ большинствѣ случаевъ ровное. Въ дальнемъ концѣ его простиранія въ немъ появляются жилы и гнѣзда кварца, который часто спутываетъ и даже уничтожаетъ слоистое сложеніе слюдяного сланца. Плиты являются круто поднятыми.

Стѣны долины праваго берега ниже устья Чалбукчи опять поднимаются прямо отъ воды и состоятъ изъ того же слюдяного сланца, который выше маленькаго острова переходитъ въ хлоритовый сланецъ. Онъ состоитъ изъ листочковъ зеленаго хлорита, въ которомъ вкраплены кристаллы ортоклаза. Слюдяной сланецъ вездѣ однако остается преобладающею породой и можетъ быть прослѣженъ на обоихъ берегахъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ.

Въ обращенной къ Ю.-З. части рѣчной извилины лѣвый берегъ почти на протяженіи около 17 верстъ образуетъ довольно высокую стѣну и состоитъ изъ мелко-зернистаго гранито-гнейса. Главную составную его часть представляетъ блестящій, бѣлый ортоклазъ; кромѣ него въ значительныхъ количествахъ черная слюда и въ малыхъ кварцъ и графитъ, являющійся въ этой породѣ въ видѣ блестокъ.

Далѣе внизъ по теченію, но уже на правомъ берегу, возвышаются скалы, состоящія также изъ гнейсо-гранитовъ, въ которыхъ составныя ихъ части распредѣляются весьма различно. А именно: ортоклазъ—бѣлаго, желтоватаго и красноватаго цвѣтовъ составляетъ во всѣхъ случаяхъ по прежнему главнѣйшій матерьалъ; кварцъ, хотя распредѣленъ и различно, но вобше очень бѣдно представленъ; наконецъ, слюда—чернаго, бураго или сѣраго цвѣтовъ, то является въ значительныхъ массахъ, то въ ничтожныхъ количествахъ въ видѣ небольшихъ чешуекъ.

Ниже обнаженій гранито-гнейсовыхъ породъ, представляющихъ ось поднятія хребта, рѣка вступаетъ на юго-

восточный его отклонъ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ нижнюю часть рѣчнаго прорѣза. Береговые откосы здѣсь замѣтно понижаются и очень рѣдко представляютъ крутые, скалистые выступы. Прежде всего обнажается здѣсь слюдяной сланецъ. Хотя и не въ такихъ массахъ, какъ на сѣверо-западныхъ склонахъ хребта, онъ однако и здѣсь играетъ существенную роль при образованіи горныхъ толщъ послѣдняго.

Семь верстъ ниже Поликарповки стѣна долины лѣваго берега состоитъ изъ довольно значительныхъ обнаженій бѣловатаго известняка. Этотъ известнякъ, о которомъ такъ пространно говоритъ Аносовъ, имѣетъ мѣстами кристаллическое сложеніе. Зерна его очень мелки и, судя по спайности, представляютъ отдѣльные ромбоэдры известковаго шпата. Цвѣтъ его бѣлый, желтоватый и сѣрый; послѣдній зависитъ отъ примѣси графита, разбросаннаго въ немъ чешуйками или образующаго прослойки. Интереснѣе же всего присутствіе въ немъ слюды, придающей породѣ странный видъ. Въ иныхъ мѣстахъ видна перемежаемость слюдянаго сланца и известняка, который въ мѣстахъ прикосновенія представляетъ переходную породу; въ другихъ опять же слюдяной сланецъ змѣеобразно изгибается между слоями известняка или же образуетъ зигзаги, сѣдлообразныя и корытообразныя прослойки. Вслѣдствіе такихъ прониканій слои известняка, слѣдуя изгибамъ слюдяняго сланца, испытываютъ различныя искривленія. Далѣе внизъ по Амуру количество слюды уменьшается и, наконецъ, выше устья Самары, слюда совсѣмъ исчезаетъ. Здѣсь стѣна долины состоитъ изъ мелко-зернистаго, но въ тоже время и разбитаго на тонкія плиты мрамора. Общій цвѣтъ его сѣрый; благодаря же примѣси известково-глинистаго сланца, его мѣстами прослаивающаго, онъ получаетъ кое-гдѣ болѣе темную, полосатую окраску.

Ниже Самары являются пласты кремнисто-хлоритоваго сланца, имѣющаго здѣсь довольно большое развитіе. Онъ тянется нѣсколько верстъ внизъ по теченію и слагаетъ подножіе ю.-з. склона хребта. Сланецъ этотъ имѣетъ тонко-листоватое сложеніе, зеленовато-сѣрый цвѣтъ, довольно тощь на ощупь и вообще представляетъ весьма кварцеватую породу, имѣющую естественное напластованіе. Пласты почти всегда круто

приподняты, мѣстами сдвинуты и сильно изогнуты. Жилы и прожилки кварца часты и пересѣкаютъ ихъ во всевозможныхъ направленіяхъ.

Долина Амура отъ ст. Екатерино-Никольской до устья Тунгузки.

По выходѣ изъ ущелья Камни-фынъ, Амуръ вступаетъ въ широкую равнину, въ которой, мѣстами, хотя и проложилъ себѣ довольно глубокое русло, но крутыя стѣны послѣдняго всецѣло состоятъ здѣсь изъ рыхлыхъ наносовъ—глинъ и песковъ. Только изрѣдка, да и то вдоль праваго берега, подходятъ сюда отроги далекихъ горъ и обрываются скалами въ долину рѣки. Но этихъ обнаженій такъ мало, что по нимъ едва-ли есть возможность составить себѣ понятіе о геогностическомъ строеніи горъ Манджурскаго побережья[1]) Съ первымъ обнаженіемъ коренныхъ породъ мы встрѣчаемся ниже устья Сунгари. Это метаморфическій сланецъ; такіе же сланцы составляютъ господствующую породу и далѣе внизъ по теченію, до Хабаровска.

Противъ устья р. Гайджина поднимается небольшой, но скалистый островъ, состоящій изъ вывѣтрившагося глинистаго сланца, прорѣзаннаго жилами весьма кварцеватаго фельзита грязно-желтаго цвѣта. Въ массѣ его разсѣяны небольшіе кусочки зеленовато-сѣраго роговика и кромѣ того вся порода до такой степени проникнута кремнеземомъ, что легко даетъ искру при ударѣ о сталь и передъ паяльною трубкою плавится по краямъ только съ большимъ трудомъ.

Ниже Гайджина изъ русла рѣки поднимаются скалы, носящія туземное названіе:Мингати, Дёрки, Кемў; всѣ онѣ состоятъ изъ чернаго, отчасти блестящаго, глинистаго сланца, разбитаго на ясныя отдѣльности и вообще имѣющаго тонко-сланцеватое сложеніе.

Ниже Дёрки возвышаются скалы Эту, сложенныя изъ однороднаго гранулита красноватаго цвѣта.

Около семи верстъ ниже Эту въ русло Амура упирается скалистый мысъ, представляющій отрогъ цѣлаго ряда высотъ, тянущихся параллельно рѣкѣ и называемыхъ

---

[1]) Что же касается до горъ лѣваго побережья—Чурки и Урекча, то о нихъ мы находимъ лишь краткое извѣстіе у Шмидта (l. c., стр. 20), гласящее, что онѣ состоятъ главнѣйшимъ образомъ изъ гранита, глинистаго сланца и роговика. Жаль, что результатомъ экскурсіи Шмидта явилось такое неопредѣленное указаніе на строеніе этихъ и топографически непзвѣстныхъ высотъ.

туземцами Актаръ. Породу его составляетъ плотный, темно-зелено-сѣроватый кремнисто-хлоритовый сланецъ, имѣющій явственное, толсто-слоистое сложеніе.

Вблизи устья р. Букача открывается обнаженіе, состоящее изъ того же кремнисто-хлоритоваго сланца. Отъ него тянется крутой откосъ Кунэли, увѣнчанный глыбами бѣловатаго кварца; кварцъ подстилаетъ кремнистый сланецъ, содержащій прослойки жировика и прорѣзанный во всѣхъ направленіяхъ жилами кварца.

Слѣдующее обнаженіе открывается въ горахъ Хорролко. Оно состоитъ изъ тѣмно-сѣраго глинистаго сланца, который во многихъ мѣстахъ прорѣзанъ жилами кварца. Тотъ же сланецъ обнажается и въ ур. Кырма.

При устьѣ, на правомъ берегу Уссури, поднимаются, какъ извѣстно, горы Хехциръ или Хухчиръ-Хуринъ, представляющія одинъ изъ западныхъ отроговъ хребта Сихота-Алинъ. Въ мѣстахъ наиболѣе доступныхъ обнажается въ нихъ всюду сѣрый глинистый сланецъ. Однако множество всюду валяющихся галекъ гранита и гранитный песокъ, устилающій дно всѣхъ здѣшнихъ овраговъ, ясно свидѣтельствуютъ, что основой Хехциру служитъ гранитъ.

Около четырехъ верстъ ниже Хабаровска [1]) возвышается скала Холяльки, состоящая изъ роговика. Нѣкоторыя его полости выполнены зеленовато-чернымъ миндальнымъ камнемъ съ мелкими кристаллами полуразрушеннаго известковаго шпата; далѣе же проходитъ черезъ роговикъ цѣлая жила миндальнаго камня, содержащая зерна молочнаго опала [2]).

Немного ниже Холяльки поднимается отъ рѣки скалистая стѣна Кхалори, состоящая преимущественно изъ темно-сѣраго глинистаго сланца, разсѣченнаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ жилами и прожилками кварца. Въ послѣднемъ въ свою очередь снова проходятъ прожилки свѣтло-зеленоватаго глинистаго сланца. Глинистый сланецъ тянется до мыса Фейеркана, но здѣсь онъ переслаивается уже съ брекчіевиднымъ песчаникомъ, ко-

---

[1]) Маакъ ничего не пишетъ объ окрестностяхъ Хабаровска. О нихъ сообщаетъ намъ кое-что Шмидтъ: здѣсь встаютъ высоко-приподнятые (Шмидтъ пишетъ—«крупно-поднятые») пласты глинистаго и слюдянаго сланцевъ и роговика, а между ними замѣчаются и массы мраморовиднаго известняка, который, повидимому, выдѣлился изъ глинистыхъ пластовъ, потому что въ немъ незамѣтно даже слѣдовъ наслоенія.

[2]) Боголюбскій (l. c., стр. 79) упоминаетъ объ изверженныхъ породахъ и къ Юго-Западу отъ Хабаровска, между этимъ городомъ и ст. Казакевича.

торый далѣе книзу переходитъ въ темно-красный песчаникъ, содержащій растительные остатки. Наконецъ, конечныя высоты той же береговой стѣны, извѣстныя подъ названіемъ Кырмысъ-Хонгкони, образуетъ грязно-желтый песчаникъ, пласты котораго подняты и приэтомъ частью сдвинуты, частью изогнуты. Употребляется мѣстными жителями на изготовленіе точильныхъ брусковъ. Изрытъ пещерами.

Долина Тунгузки[1]).

Въ то время, какъ правый высокій берегъ Амура ниже Хабаровска на значительномъ протяженіи слагается преимущественно изъ сланцеватыхъ метаморфическихъ песчаниковъ и глинистыхъ сланцевъ, лѣвый низкій берегъ является, такъ сказать, прибрежною окраиной низменной равнины, цротягивающейся вдоль Амура едва-ли не отъ самыхъ восточныхъ отроговъ Буреинскаго хребта. Подмывая правый, возвышенный берегъ, Амуръ съ лѣвой стороны отдѣляетъ отъ себя протоки, въ одну изъ которыхъ, приблизительно верстахъ въ 18, и впадаетъ Тунгузка.

Отъ устья вверхъ Тунгузка течетъ между низкими, въ половодье затопляемыми берегами, и только верстахъ въ 20 отъ устья, у лѣваго ея берега, возвышается уединенная гора, называемая Алэ, которая, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказалась древнимъ вулканомъ. Горною породою, слагающею эту гору, является темный базальтъ, который состоитъ изъ авгита съ магнитнымъ желѣзнякомъ, среди которыхъ выдѣляются зерна оливина. Изъ прикрытыхъ аллювіальными наносами базальтовъ состоитъ и площадка, называемая Хашихта, о которой было говорено выше (стр. 174). Тамъ же упоминаемая невысокая, уединенная горка куполообразной формы представляетъ на одномъ изъ своихъ склоновъ сильно метаморфизованную породу, состоящую изъ свѣтло-сѣраго, а иногда изъ кирпично-краснаго кварца, среди сплошной кристаллической массы котораго включено аморфное, бѣлое, каолиновое вещество, вѣроятный продуктъ разрушенія полевого шпата. Близъ рѣчки Улики, правого притока Кура, впадающаго въ послѣдній въ 6 верстахъ выше его соединенія съ Уньмой, на нѣсколько сотъ сажень наблюдается обнаженіе постпліоценовыхъ буровато-желтыхъ рыхлыхъ песчаниковъ, которымъ подчинены

[1]) Изложено по Бацевичу (l. c., стр. 35—37).

пластъ темнаго песчаника, непоминающаго издали своимъ видомъ каменный уголъ. При ближайшемъ осмотрѣ оказалось однако, что темнымъ цвѣтомъ своимъ порода обязана зернамъ магнитнаго желѣзняка и роговой обманкѣ или авгиту.

Горы Шира, Эламбоцанъ и Кэутыръ, появляющіяся у самыхъ береговъ Кура, верстахъ въ 40 выше его устья, слагаются, повидимому, преимущестсенно изъ весьма плотныхъ, метаморфическихъ песчаниковъ. Выше же горъ Кэутыръ по Куру геологическихъ наблюденій еще не производилось.

Суммируя всѣ эти отрывочныя данныя, въ большинствѣ случаевъ геогностическаго и петрографическаго характера, нельзя, разумѣется, не признать, что геологическое строеніе Амурскаго края еще недостаточно выяснено. Поэтому, какъ мы и замѣтили это еще въ началѣ главы, составленіе общаго геологическаго очерка страны было бы преждевременно. Это не исключаетъ однако же возможности сдѣлать нѣкоторые выводы изъ совмѣстнаго изученія, какъ рельефа страны, такъ и имѣющихся уже о ней геологическихъ данныхъ; и въ этомъ отношеніи попытка, сдѣланная Боголюбскимъ, кажется намъ заслуживающею вниманія [1]).

Въ общемъ бассейнъ Амура поражаетъ насъ прежде всего своею бѣдностью въ ископаемыхъ остаткахъ животныхъ, а затѣмъ и своимъ однообразіемъ въ строеніи и составѣ почвы. Не только однообразіе рельефа, но и однообразіе кристаллическихъ и осадочныхъ породъ простирается тамъ на тысячи верстъ. Гранитъ составляетъ основу большинства горныхъ цѣпей и нагорій. Склоны послѣднихъ состоятъ преимущественно изъ сланцевъ: слюдяного, тальковаго, хлоритоваго, кремнистаго, глинистаго, изъ роговиковъ и частью гнейсовъ и известняковъ. Наконецъ, плоскогорія и низменности состоятъ изъ конгломератовъ, пуддинговъ, песчаниковъ, рѣчника и наносовъ. Изверженныя породы встрѣчаются по Амуру — ниже и выше р. Кумары, у поселка Буссе, наконецъ, ниже и выше Хабаровска. Діоритъ и діоритовый порфиръ являются толщами на правомъ берегу мыса Улусу-Модонъ и ниже устья р. Гоканъ. Порфиры очень распространены въ Амурской долинѣ. Наконецъ, сіениты выступаютъ значительными массами по Амуру и въ горахъ Станового водораздѣла (напримѣръ—Янканскій голецъ).

Повидимому, главныя цѣпи горъ и нагорья по бассейну Амура образовали материкъ еще до начала палеозойскаго пе-

---

[1]) См. упомянутый трудъ, ст. 79—85.

ріода, когда выступили громадныя толщи гранита по трещинамъ въ первозданныхъ осадочныхъ породахъ. Общее направленіе трещинъ отъ Ю.-З. къ С.-В. вездѣ, гдѣ онѣ находятся вблизи гранитныхъ цѣпей и плоскогорій (около 45°). Такимъ образомъ, въ Амурской области всѣ главные выходы гранита направляются по діагоналямъ, болѣе или менѣе наклоненнымъ къ параллельнымъ кругамъ широтъ, между которыми расположенъ весь бассейнъ Амура. Теченіе главныхъ рѣкъ направляется по трещинамъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: по Шилкѣ, Аргуни, Аяну, верхней Зеѣ между Копури и Уромъ, по Дэпу, Селимджѣ, Дугдѣ, по нижнему теченію Зеи отъ устья Селимджы, по Буреѣ, Албазихѣ, Кумарѣ, Сунгари, Уссури, Куру и по нижнему теченію Амура отъ Сунгари до Амгуни.

Вкрестъ главнаго сѣверо-восточнаго простиранія гранитныхъ цѣпей и плоскогорій произошли поднятія, сопровождавшіяся трещинами по сѣверо-западному направленію или одновременно съ выхожденіемъ гранитовъ или вслѣдъ за ними. Эти второстепенныя поднятія сопровождались выходомъ сіенитовъ, діоритовъ и діоритоваго порфира. Главное простираніе трещинъ заполненныхъ толщами этихъ горныхъ породъ, отъ С.-З., къ Ю.-В., Теченіе самого Амура и второстепенныхъ рѣкъ бассейна слѣдуетъ этому направленію: Амазаръ, Урка, Уричи, Олдой, Буринда, Гилюй, Брянда, вершина Тока; вершина Зеи до устья Копури, Биджанъ, Уньма (притокъ Кура), Горинъ и др.

Такимъ образомъ, около восточной оконечности древняго материка—Средне-Азіатскаго плоскогорья — возникли еще въ весьма раннія геологическіе періоды параллельные подъемы и валы, между которыми были неглубокія впадины, представляемыя нынѣ равнинами Зейско-Амурскою, Сунгарійскою, Уссурійско-Ханкайскою, Амгуньскою и проч.

Въ бассейнѣ Амура пока не открыто силурійской, девонской, каменно-угольной, пермской и тріасовой формацій. Песчаники и сланцы, находящіеся здѣсь, относятся Шмидтомъ къ юрскимъ, судя по найденнымъ окаменѣлостямъ. Сколько извѣстно почти всѣ песчаники и наносы въ Зейско-Амурской низменности лежатъ прямо на гранитѣ или на кристаллическихъ сланцахъ. Окаменѣлостей вообще очень мало; главнѣйшимъ образомъ встрѣчаются только отпечатки растеній и только въ двухъ мѣстахъ встрѣчены пласты, заключающіе въ себѣ морскія раковины юрской формаціи. Въ равнинахъ Амура, Зеи, Уссури и ихъ притоковъ глина бѣлая, сѣрая и зеленая, обнажаясь подъ наносами по берегамъ рѣкъ, залегаетъ прямо на

гранитѣ тонкимъ, до $^1/_2$ аршина толщины, слоемъ въ уровнѣ средняго горизонта воды. Эта же глина встрѣчена была Аносовымъ на глубинѣ отъ одной до двухъ саженей въ шурфахъ, пробитыхъ имъ по р. Модалану, Аяну и по притокамъ Селимджы. Тотчасъ за слоемъ глины слѣдуетъ дресва и въ самой почвѣ гранитъ. Наносы въ Бѣлыхъ горахъ по Зеѣ лежатъ на тонкомъ пласту бѣлой и зеленой глины, которая чрезвычайно вязка, чиста и можетъ служитъ для гончарныхъ издѣлій. Ключи, просачивающіеся въ спаю глины и песчанаго наноса, до такой степени распускаютъ ее, что вода кажется молочною. Самые наносы «Бѣлыхъ горъ», какъ это уже говорилось выше, состоятъ изъ перемежающихся слоевъ бѣлаго хряща и песку, расположенныхъ горизонтально; на высотѣ 10—15 саженъ обнажаются тонкія прослойки бураго угля, состоящаго изъ слегка обугленныхъ стволовъ нынѣ растущихъ деревьевъ. Тоже самое наблюдается въ Буреинскомъ и Амурскомъ Цагаянахъ, а также на Амурѣ ниже устья Буреи. Интересно бы узнать приблизительно высоту слоевъ наноса и бураго угля надъ уровнемъ моря; тогда возможно было бы опредѣлить и уровень воды въ бассейнѣ Амура за предшествовавшіе періоды, и границы тогдашняго материка. Теперь необходимо было бы установить мѣты для наблюденія: происходитъ-ли поднятіе материка Сибири въ нашу эпоху и на какую величину? Приблизительно пласты бураго угля въ бассейнѣ Амура находятся на абсолютной высотѣ, равной 800-1000, а наносныя горы достигаютъ и 1500′. Значитъ, вода покрывала всѣ мѣста до этой абсолютной высоты. Тогда бассейнъ Амура и Зеи отъ Онона и Аргуни до хребтовъ Тукурингра, Кёхъ-Кая и Буреинскаго представлялъ большой резервуаръ, повидимому, прѣсноводный. Съ нимъ сообщался Верхне-Зейскій бассейнъ между Тукурингра, Кёхъ-Кая, Джагду и Становыми горами. Между Буреинскими горами и Сихота-Алинемъ, отъ Охотскаго моря до предгорій Чань-бо-шаня существовалъ третій бассейнъ. За Сихота-Алинемъ былъ уже Океанъ, затоплявшій большую часть береговъ Охотскаго и Японскаго морей. Продольною грядою полуострововъ и острововъ выступали среди этихъ бассейновъ возвышенныя точки Джукджура, Тукурингра, Кехъ-Кая, Джагду и Буреинскихъ горъ. Такое распредѣленіе суши и водъ Амурскаго бассейна обусловливало обиліе воды падающей въ видѣ дождя и снѣга. Судя по бѣдности Амурской сухопутной фауны въ третичную и послѣтретичную эпоху и почти полному отсутствію остатковъ большихъ толстокожихъ: мамонтовъ, носороговъ, а также быковъ и друг.

третичныхъ животныхъ, можно думать, что окраины Среднеазіатскаго нагорья — Даурская и Тунгузская, были тогда пустынны: по причинѣ ли большихъ ледниковъ, или вообще благодаря сильному холоду, который, безъ сомнѣнія, нѣкогда господствовалъ въ Восточной Сибири[1]). Большое количество воды, сбѣгавшей съ Даурскаго и Гобійскаго нагорья дѣлало воды Амурскихъ резервуаровъ если не вовсе прѣсными, то слабосоленными и заполняло ихъ наносами и валунами. Такъ образовались песчаники и конгломераты, заполнившіе неглубокія котловины теперешнихъ низменностей Амурскаго бассейна. Послѣ того воды медленно прорыли себѣ путь, размыли наносы и коренныя породы и очертили нынѣшній видъ рѣкъ: Аргуни, Шилки, Зеи, Сунгари, Уссури и Амгуни, которыя еще незадолго до того прудились и образовывали систему сообщавшихся между собою протоками большихъ и малыхъ озеръ[2]).

Металлоносность Амурской области можно опредѣлить вообще направленіемъ нагорій, гдѣ изверженныя породы вблизи гранитныхъ толщъ прикасаются съ кристаллическими и метаморфическими породами. За общее правило для руководства поисковыхъ партій можно принять, что сіенитъ, діоритъ, діоритовый и полевошпатовый порфиры на прикосновеніи съ слюдянымъ, глинистымъ, тальковымъ, известковымъ сланцами и кристаллическими известняками—металлоносны. Въ горныхъ узлахъ, напримѣръ: Янканскомъ, Тукурингра, Верхне-Зейскомъ, Селимджинскомъ и Буреинскомъ съ вѣроятностью можетъ открыться присутствіе золота, серебро-свинцовыхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ рудъ. Золотоносныя мѣсторожденія расположились повсюду въ бассейнѣ Амура около уступовъ нагорій и горныхъ узловъ, т.-е. тамъ, гдѣ было нѣсколько послѣдовательныхъ поднятій, сопровождавшихся растрескиваніемъ горныхъ породъ, заполненіемъ ихъ металлоносными толщами изъ нѣдръ земли или снаружи и метаморфизаціей на обширныхъ пространствахъ—явленія, свойственныя всей Сибири и сообщившія ей названіе «золотое дно». Особеннаго вниманія заслуживаютъ въ бассейнѣ Амура—кварцитъ и его разности: роговикъ, эвритовый порфиръ, лидитъ, оруденѣлый кварцъ, происшедшіе отъ метаморфизаціи песчаниковъ, богатыхъ кварцемъ. Они

---

[1]) Въ Восточной Сибири вѣчно-мерзлая почва имѣетъ большое распространеніе, не исключая Забайкалья («Соображенія о порядкѣ сооруженія Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути», etc., приложеніе II, стр., 21») и Амурской Области («Горный Журналъ 1879, Іюль, статья Михайлова).

[2]) Однимъ изъ такихъ притоковъ вѣроятно былъ и Амуръ отъ своей вершины до Албазина; здѣсь, какъ мы видѣли, онъ пересѣкаетъ Хинганъ.

вообще проникнуты колчеданами и рудными прожилками, содержащими мѣдь, желѣзо, серебро, мышьякъ, сюрьму и цинкъ въ соединеніяхъ съ сѣрою и кислородомъ.

О металлоносности Становыхъ горъ и Буреинскаго кряжа существуютъ пока весьма неопредѣленные слухи. Въ верховьяхъ Зеи, по сообщенію штейгера Аргунова, открыты имъ сребро—свинцовыя руды; къ сѣверу отъ ст. Екатерино-Никольской въ горахъ Ванда существуетъ, повидимому, также богатое мѣсторожденіе серебряныхъ рудъ. Желѣзо является въ такомъ изобиліи, что руды желѣзняка составляютъ какъ бы подпочву Амурскаго бассейна [1]). Желѣзныя руды находятся вообще большими массами и пластами въ известнякѣ, діоритѣ и мелафирѣ. Извѣстно, что впадина между Даурскимъ нагорьемъ, Становыми горами и Буреинскимъ хребтомъ имѣетъ сильную магнитную напряженность, что Боголюбскій всецѣло относитъ къ обилію желѣза близко отъ земной поверхости. Въ теченіи $1\frac{1}{2}$ лѣтъ (1873—1874), наблюдая колебанія магнитной стрѣлки въ дорожномъ компасѣ, онъ рѣдкій день не замѣчалъ, чтобы послѣдняя не качалась впродолженіи нѣсколькихъ часовъ. Стрѣлка наклонялась по всей плоскости на С.-З., какъ будто магнитный токъ шелъ оттуда. «Мнѣ кажется, говоритъ Боголюбскій, что присутствіе магнитнаго полюса между 64^0 и 65^0 с. ш., около 130^0 в. д. отъ Ферро, оказываетъ на органическую жизнь Восточной Сибири очень большое вліяніе». Далѣе онъ пишетъ: «не сильному ли напряженію магнетизма слѣдуетъ хотя бы отчасти приписать почти полярный климатъ и мерзлоту почвы Восточной Сибири?».

Не смотря на такое почти феноменальное богатство желѣзомъ, руды этого металла остаются въ Амурской области почти совсѣмъ неизслѣдованными. До настоящаго времени, насколько намъ это извѣстно, существуетъ всего только одно описаніе подобнаго рода. Это вышеприведенное описаніе мѣстонахожденія желѣзныхъ рудъ въ долинѣ Самары. Вотъ, что, между прочимъ, о нихъ сообщаетъ Аносовъ.

Его изслѣдованія показали, что общее протяженіе рудной полосы составляетъ здѣсь слишкомъ 40 верстъ. Конечно, не на всемъ этомъ пространствѣ находятся желѣзныя руды, годныя къ обработкѣ, но по крайней мѣрѣ природныя обнаженія рудъ тянутся почти непрерывно на всемъ означенномъ протяженіи. Судя по напластованію толщъ, можно предполагать,

---

[1]) Вода колодцевъ въ г. Благовѣщенскѣ содержитъ много желѣза. См. Шперкъ, l. c., стр. 209.

что всѣ подобныя обнаженія составляютъ выходъ на дневную поверхность одного общаго пласта краснаго желѣзняка. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить о той части рудной полосы, которая тянется отъ «Рудной горы» къ Ю., основываясь на непрерывности обнаженій, одинаковости свойствъ рудъ и тождественности самаго напластованія. Къ сѣверу отъ «Рудной горы» развѣдки произведены были неполныя и потому трудно пока составить себѣ опредѣленное заключеніе о положеніи тамошнихъ мѣсторожденій.

Образцы рудъ съ рѣки Озерной отличаются чистотой и, по изслѣдованію Эйхвальда, относятся къ чистѣйшему красному желѣзняку, содержащему желѣза до 70%. Мѣсторожденіе означеннаго рудника имѣетъ видъ почти вертикальнаго пласта, мощностью въ 4 сажени и болѣе. Руда имѣтъ ясно слоистое сложеніе. Висячій бокъ мѣсторожденія составляютъ пласты известняка; лежачій бокъ—известковаго сланца свѣтло-сѣраго цвѣта. Протяженіе мѣсторожденія развѣдано на 2 версты. На всемъ этомъ разстояніи идетъ пластъ не прерываясь, но мѣстами онъ заключаетъ прослойки роговика, которыя превращаютъ пластъ въ перемежающіеся слои роговика и краснаго желѣзняка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поперекъ пласта идутъ трещины, заполненныя обломками руды, связанными охристымъ цементомъ. Въ подобныхъ брекчіяхъ встрѣчаются зерна самородной мѣди; а ровно и мелкіе кристаллы красной мѣдной руды. Эти брекчіи не подвергались изслѣдованію (разложенію) и очень можетъ быть, что весь ихъ цементъ состоитъ изъ мѣдныхъ окисловъ. Вообще, представляется вѣроятнымъ существованіе и мѣдныхъ рудъ въ Самарскихъ известнякахъ. По крайней мѣрѣ, кое-гдѣ имѣются ихъ признаки.

Образцы желѣзныхъ рудъ, взятые у подошвы «Рудной горы», представляютъ уже красный желѣзнякъ съ переходами въ бурый. Онъ содержитъ желѣза отъ 50% до 70%[1]).

На обоихъ концахъ двухверстнаго простиранія желѣзняковаго пласта по р. Озерной Аносовъ заложилъ два рва: одинъ на сѣверномъ концѣ по простиранію пласта длиной въ 5 саж., шириной въ 1 саж. и глубиной также въ 1 саж.; другой на южномъ концѣ пласта вкрестъ его простиранія и такихъ же размѣровъ; кромѣ того въ 4 саж. отъ послѣдняго 1 шурфъ въ 22 четв. глубины. Положеніе и размѣры пласта оказались почти одинаковыми. Пластъ желѣзныхъ рудъ, при длинѣ 1000 саж. и средней ширинѣ въ 1 арш., заключаетъ годныхъ къ

---

[1]) «Горный Журналъ» 1865, № 4, стр. 70—71.

плавкѣ рудъ на глубинѣ 1 сажени $333^1/_3$ куб. саж. Полагая въ каждой куб. саж. желѣзняка 3 тыс. пуд. руды, въ $333^1/_3$ куб. саженяхъ получимъ 1 мил. пуд. руды. Даже при 40% содержаніи желѣза въ рудахъ, будетъ въ нихъ заключаться чистаго желѣза:

на глубинѣ	1 сажени	—	400,000 пуд.
»	10 саженей	—	4.000,000 »
»	50 »	—	20.000,000 » [1])

Такимъ образомъ этого количества желѣза, при условіи добычи ежегодно желѣза до ста тысячъ пудовъ, хватило бы на 200 лѣтъ; вопросъ стоитъ за топливомъ. По близости мѣсторожденій желѣзной руды лѣсъ, въ большинствѣ случаевъ дубовый, вырубленъ или выжженъ палами, почему на древесное топливо нельзя разсчитывать; да и палы, пущеные въ Бурейнскихъ горахъ въ 1869 г., истребили въ окрестностяхъ такъ много лѣсовъ, что прогнали даже пушныхъ звѣрей далеко на сѣверъ. Вотъ почему полученіе въ большомъ количествѣ желѣза можетъ быть выгоднымъ здѣсь въ томъ только случаѣ, если въ долинѣ Самары отыщется каменный уголь. Въ случаѣ же полнаго отсутствія минеральнаго топлива въ мѣстности ближайшей къ мѣстонахожденію желѣзныхъ рудъ, послѣднія останутся надолго тунележащими. А жаль, потому что изъ рудъ, столь богатыхъ желѣзомъ, можно было бы въ маломъ видѣ получать непосредственно сталеватое желѣзо, проплавляя ихъ на древесномъ углѣ въ контуазскихъ или каталанскихъ горнахъ.

Совершенно въ иномъ положеніи находится добыча золота въ Амурскомъ краѣ. Не смотря на то, что золото-промышленность впервые заявила свою дѣятельность въ 1868 г. уже въ настоящее время Амурская Область по количеству добытаго золота занимаетъ среди губерній и областей второе мѣсто въ имперіи.

Перечень золотоносныхъ площадей, разработывавшихся или только заявленныхъ въ Амурской области, мы находимъ въ двухъ брошюрахъ Боголюбскаго [2]). Одна изъ нихъ вышла въ 1876 г., другая десять лѣтъ позже. Слѣдовательно, списокъ этотъ далеко нельзя считать полнымъ. Существенными къ нему дополненіями служатъ: книга Бацевича и «Обзоры Амурской Области» за періодъ времени съ 1885 по 1891 г. [3]).

---

[1]) Этотъ расчетъ находимъ мы въ книжкѣ Боголюбскаго (l. c.), стр. 14.

[2]) «Очеркъ Амурскаго края» и «Золотопромышленность въ Амурской и Приморской Областяхъ».

[3]) Приложеніе къ Всеподданнѣйшему Отчету Военнаго Губернатора Амурской Области.

Мѣстоположеніе розсыпей.	Годы эксплоатаціи.	Песковъ.	Въ 100 пудахъ.		Золота.			
			Зол.	Дол.	П.	Ф.	З.	Д.
Бассейнъ Верхняго Амура.								
Урка. По Уркѣ и ея лѣвымъ притокамъ: Урульмути и Омудичи заявлено 13 площадей. Разработывался пріискъ Никольскій по р. Урульмути.	1885	134.200	5	83 1/8	2	2	—	—
Омутная 1) Пр. Пантелеймоновскій по р. Сивагли . .	1882	633.500	—	18 1/3	—	12	61	48
	1885	368.700	3	71 7/8	3	23	88	31
» 2) Пр. Отрадный по р. Омутной	1879	—	—	55	3	—	—	16
Уричи 1) Пр. Воскресенск. [1])	1870	259.137	1	53 1/4	1	1	93	46 1/2
	1871	579.250	—	84 3/4	1	13	30	87
	1873	33.200	—	70 1/4	—	2	51	—
	1880	444.600	—	52	—	25	15	—
	1882	438.750	2	5 1/4	2	13	71	24
	1883	981.635	1	32 1/4	3	16	57	—
	1884	483.500	—	27 1/2	—	14	44	—
	1885	757.000	3	69 1/4	7	13	88	—
» 2) Пр. Николаевскій по р. Кунгураку .	1885	49.200	5	81 3/4	—	30	—	—
» 3) Пр. Преображенскій по ключу слѣва	1870	400	1	82	—	—	7	20
	1871	108.120	—	92 3/4	—	10	84	78
	1881	—	1	20	7	34	—	—
	1882	—	—	—	8	5	—	—
» 4) Пр. Успенскій по р. Уричи . . .	1889	405.000	—	86	—	38	—	—
	1890	330.000	1	—	—	34	—	—
	1891	528.000	—	85	1	11	—	—
Олдой. По Олдою слѣдующіе его правые притоки золотоносны: 1) р. Монголи, имѣющая 6 заявокъ, изъ коихъ въ площади, принадлежащей								

[1]) Пріискъ этотъ заливаетъ водой.

Мѣстоположеніе розсыпей.	Годы эксплоатаціи.	Песковъ.	Въ 100 пудахъ.		Золота.			
			Зол.	Дол.	П.	Ф.	З.	Д.
г. Бутину въ 1 шурфѣ найдено золота до $^{3}/_{4}$ ф. Золото оказалось гнѣздовымъ и по отдаленности отъ Амура невыгоднымъ для разработки; остальныя площади не развѣданы детально; 2) р. Модоланъ съ притоками Модолаканомъ и Ульдикитомъ; обѣ розсыпи открыты Аносовымъ и содержатъ отъ $^{1}/_{2}$ до $1^{1}/_{2}$ з. въ 100 п.; но золото здѣсь гнѣздовое и пластъ узокъ; 3) р. Сивагли — содержитъ только знаки золота; 4) Шекшаунъ—два пріиска; въ обоихъ знаки золота.								
По Аяну золотоносность болѣе развита; по р. Янкану заявлено четыре площади и по его притоку — Бальдыжанъ—двѣ площади, съ убогимъ, впрочемъ, содержаніемъ золота въ этихъ послѣднихъ.								
Изъ всѣхъ этихъ золотыхъ пріисковъ разрабатывались:								
1) Пр. Сомнительный по р. Янкану	1872	4.800	—	30	—	—	15	—
	1886	—	—	94	2	—	—	—
	1887	—	—	64	1	32	—	—
	1888	—	—	61	2	7	66	—
	1889	592.000	—	67	1	13	15	—
	1890	500.000	—	60	—	39	12	—
	1891	802.000	—	60	1	12	24	—
2) Пр. Янканскій по р. Янкану.	1872	1.920	—	51½	—	—	10	—
	1881	1.881.000	—	70¼	2	26	—	—
	1890	—	—	—	—	28	54	2
	1891	150.000	—	62	—	16	20	74

Мѣстоположеніе розсыпей.	Годы эксплоатаціи.	Песковъ.	Въ 100 пудахъ.		Золота.			
			Зол.	Дол.	П.	Ф.	З.	Д.
3) Пр. Успенскій по р. Янкану.	1881	2.495.500	1	20	7	34	—	—
	1882	3.440.000	—	87	8	5	—	—
	1888	—	—	94	1	10	—	—
4) Пр. Вознесенскій по р. Перевальной (Янканъ). . .	1871	3.402.700	3	26 1/6	39	—	3	—
	1872	6.900.000	2	26 7/8	40	39	—	—
	1873	4.302.000	2	58	29	7	—	—
	1874	3.500.000	1	94 1/2	19	3	—	—
	1875	4.720.000	1	75 3/4	22	4	—	—
	1876	5.013.000	1	45 2/5	19	9	—	—
	1877	5.910.000	1	49 3/4	23	15	—	—
	1878	4.430.000	1	50 1/2	17	24	—	—
	1879	5.180.000	1	41	17	1	—	—
	1880	4.313.500	1	47	16	32	—	—
	1881	1.873.800	—	88	4	21	—	—
	1887	—	—	83	—	30	—	—
	1888	—	—	94	2	28	—	—
	1889	1.548.000	—	89	3	20	—	—
	1890	1.300.000	—	92	3	11	—	—
	1891	934.000	—	91	2	13	—	—
5) Пр. Иннокентьевскій по р. Янкану	1889	—	—	41 1/2	2	74	—	—
Невиръ. По Невиру и его притоку Ульдигича заявлено 6 площадей, содержащихъ знаки золота.								
Бургали: 1) Пр. Александро-Невскій . . .	1882	2.802.000	—	88	6	27	77	—
	1883	4.628.000	—	71	8	38	77	—
	1884	136.800	—	74	—	11	7	48
	1886	—	—	57	—	3	16	—
	1887	—	—	50 3/4	—	39	75	—
	1888	—	—	30 1/2	—	28	76	—
	1889	825.000	—	39	—	34	90	72
	1890	—	—	23	—	20	39	—
» 2) Пр. Капитолинскій	1879	3.257.750	1	51 1/5	11	3	26	—
	1880	5.488.500	1	28 1/8	17	11	56	—
	1881	5.255.000	1	25	17	10	93	—

Мѣстоположеніе розсыпей.	Годы эксплоатаціи.	Песковъ.	Въ 100 пудахъ.		Золота.			
			Зол.	Дол.	П.	Ф.	З.	Д.
	1882	—	1	6½	7	19	—	—
	1883	—	—	95	3	18	—	—
	1884	—	—	—	—	15	30	—
	1886	—	2	37	3	37	60	—
	1887	—	1	3	2	6	14	—
	1888	—	—	67	2	—	77	—
Бургали: 3) Пр. Иннокентьевскій по р. Бургали	1884	194.100	—	71	—	15	3	—
» 4) Пр. Иннокентьевскій по ручью Безымянному . . .	1883	1.388.000	—	95½	3	18	—	—
	1886	—	—	67	—	4	50	—
» 5) Пр. Воскресенскій по р. Бургали .	1889	740.000	—	94	1	35	53	—
	1890	?	—	?	—	17	10	—
Бассейнъ р. Зеи.								
Брянда. Въ нее справа впадаетъ Иликанъ, по системѣ котораго въ 1873 г. открыто нѣсколько розсыпей, а именно: по правому притоку Ульдикиту, въ который впадаетъ слѣва — Мал. Ульдикитъ и справа — Безымянный ключъ, Колбачи и Больш. Джалта съ Мал. Джалтою; здѣсь въ то время заявлено было 5 площадей. Затѣмъ открыты были розсыпи и по Джалону, прав. прит. Иликана.								
Джалонъ: 1) Пр. Леоновскій	1883	23.000	1	24¼	—	4	26	—
	1884	4.070.700	3	36½	35	33	16	—
	1885	7.071.600	2	50⅔	46	22	68	—
	1886	—	2	50	70	11	95	—
	1887	—	2	45½	56	30	77	—
	1888		2	82	69	39	69	—
	1889	11.552.000	4	41	133	7	59	—
	1890	10.218.600	5	42¼	144	30	75	—
	1891	10.214.250	2	57⅝	83	—	80	—

Мѣстоположеніе розсыпей.	Годы эксплоатаціи.	Песковъ.	Въ 100 пудахъ. Зол.	Дол.	Золота. П.	Ф.	З.	Д.
» 2) Пр. Алексѣевскій по р. Джалону.	1884	4.226.400	1	52	16	38	80	—
	1885	2.055.600	1	23½	6	26	56	—
» 3) Пр. Каменистый тоже	1887	—	1	86	20	3	—	—
	1888	—	3	32	49	25	—	—
	1889	6.410.000	2	35	39	20	—	—
	1890	6.563.000	1	77	30	30	78	—
	1891	6.089.000	1	37	22	—	—	—
» 4) Пр. Петровскій тоже	1890	10.500	1	4	—	1	13	48
» 5) Пр. Екатеринен-скій-Иликанскій тоже (?) . . .	1890	3.063.000	—	70⅝	5	35	4	—
	1891	2.205.400	1	23½	7	39	75	—
» 6) Пр. Гороблагодатскій тоже .	1887	—	2	26	20	3	—	—
Джалта: 1) Пр. Гораціевскій	1883	4.759.000	2	36	36	38	—	—
	1884	5.691.000	3	19	47	15	—	—
	1885	4.168.000	3	73	40	35	—	—
	1886	—	3	45	91	19	—	—
	1887	—	3	51	75	16	—	—
	1888	—	2	81	64	19	—	—
	1889	12.702.000	2	49	83	10	—	—
	1890	14.632.000	1	76	68	10	—	—
	1891	16.423.000	1	44	62	20	—	—
» 2) Пр. Иннокентьевскій	1884	4.424.000	1	69	19	35	—	—
	1885	8.580.000	1	25	28	8	—	—
	1886	—	1	16	29	32	—	—
	1887	—	—	81¼	13	4	—	—
» 3) Пр. Благодатный	1889	561.000	1	51	2	10	—	—
	1890	6.186.000	1	31	21	10	—	—
» 4) Пр. Владимировскій	1889	5.342.000	1	68	23	36	—	—
	1890	8.588.000	1	14	25	27	—	—
	1891	9.927.000	1	11	28	36	—	—

Мѣстоположеніе розсыпей.	Годы эксплоатаціи	Песковъ.	Въ 100 пудахъ.		Золота.			
			Зол.	Дол.	П.	Ф.	З.	Д.
» 5) Пр. Егоровскій [1]).	1890	2.245.200	1	21¼	7	5	69	—
» 6) Пр. Снѣжный. .	1891	452.500	—	82¼	1	8	50	—
» 7) Пр. Восточный по р. Джалтѣ (Уругучи?)	1889	4.933.000	1	19	15	20	—	—
» 8) Пр.Михайло-Константиновскій по р. Джалтѣ (Уругучи).	1890	314.400	1	35	1	4	68	—
» 9) Пр. Вѣрный по ключу Уругучи .	1884	4.247.000	3	33	37	—	—	—
	1885	3.442.000	2	74	24	36	—	—
	1886	—	2	46	29	5	—	—
	1887	—	3	39	31	37	—	—
	1888	—	—	50	14	4	—	—
Ульдикитъ: 1) Пр. Алексѣевскій	1877	3.707.000	1	84⅛	18	4	59	—
	1878	4.141.000	1	78⅝	19	22	77	—
	1879	4.311.250	1	76	22	34	66	—
	1880	5.812.000	—	94⅔	14	34	47	—
	1881	5.797.250	1	15½	17	20	92	—
	1882	5.645.000	1	61	24	1	52	—
	1883	2.450.000	—	91	6	3	36	—
» 2) Пр. Неожиданный . .	1890	?	?	?	?	?	—	—
	1891	6.383.000	1	34	22	18	—	—
Иликанъ: 1) Пр. Иликанскій. . . .	1891	170.000	4	28	1	36	—	—
Рѣчки, текущія въ Зею на пространствѣ Брянда—Гилюй, оказались золотоносными. Заявлены были площади на слѣдующихъ рѣчкахъ: Уленкитъ-Улагиръ, Джагда - Улагиръ,								

[1]) У Бацевича ошибочно показанъ работавшимъ въ 1889 г.

Мѣстоположеніе розсыпей.	Годъ эксплоатаціи.	Песковъ.	Въ 100 пудахъ. Зол.	Дол.	Золота. П.	Ф.	З.	Д.
Ушакта-Улагиръ, Конгамуни, Моготъ съ Безымянной и Уганъ. Изъ нихъ разработывались пріиски по рѣкамъ:								
М. Битки (?): 1) Пр. Сомнительный .	1890	1.324.000	—	71	2	22	—	—
	1891	3.435.000	—	66 3/4	6	9	—	—
» 2) Пр. Васильевскій	1889	818.000	1	94	4	9	48	—
	1890	456.600	1	30 3/4	1	22	80	—
Манголи: 1) Пр. Рождественскій. .	1889	283.200	—	77 3/5	—	23	77	—
	1890	1.921.200	—	63 3/4	3	13	—	—
Моготъ: 1) Пр. Аполлинаріевскій . .	1885	340.800	1	26 1/6	1	—	—	—
	1889	46.800	1	4	—	5	8	6
	1890	48.000	—	93 1/4	—	4	82	48
	1891	84.000	—	92	—	8	38	—
» 2) Пр. Николаевскій	1880	8.320.000	1	18 3/4	25	34	85	—
	1881	13.361.000	—	94 3/4	34	13	37	—
	1882	15.224.000	—	93	38	16	38	72
	1883	14.958.000	—	87 1/3	35	17	61	—
	1884	9.843.700	—	86	23	—	59	—
	1885	3.264.000	1	14 1/2	9	31	54	—
» 3) Пр. Михайловскій	1883	220.200	—	51 1/2	—	12	33	—
Конгамуни: Пр. Троицкій	1883	3.096.200	—	70 1/3	5	36	21	—
Джагда-Улагиръ: 1) Пр. Ивановскій	1878	2.909.300	—	73 1/4	5	31	18	—
	1879	5.813.100	—	79 1/4	13	26	70	—
	1880	8.202.000	—	85 2/3	19	2	62	—
	1881	6.524.700	—	72 1/2	12	32	70	—
	1882	—	—	57 1/2	5	33	9	72
	1883	—	—	60	1	5	65	—
» 2) Пр. Спасскій . .	1891	303.000	1	4 7/8	1	5	—	—
» 3) Пр. Серафимовскій	1878	606.000	2	25 1/4	3	23	22	—

Мѣстоположеніе розсыпей.	Годы эксплоатаціи.	Песковъ.	Въ 100 пудахъ.		Золота.			
			Зол.	Дол.	П.	Ф.	З.	Д.
Уганъ: 1)Пр.Иннокентьевск.	1876	2.941.300	1	39¾	10	33	14	—
	1877	5.361.600	1	16	16	12	15	—
	1878	3.612.100	—	75⅕	7	15	18	—
	1879	5.090.600	—	77¾	10	16	7	—
	1880	177.500	—	78	—	15	7	—
» 2) Пр. Еленинскій .	1879	2.362.000	1	10½	6	33	81	—
Гилюй. По правымъ его притокамъ—Моготу и Танды до 1876 г. заявлено было 5 площадей и на р. Желтулакъ 4 площади. Разрабатываются же:								
1) Пр. Анатольевскій по р. Хухдеръ, впадающей въ Дамбукитъ	1882	3.906.750	—	89	9	18	—	—
	1883	4.783.500	—	83	10	32	50	—
	1884	3.120.500	1	—	8	5	—	—
	1885	4.162.500	—	55	6	33	—	—
	1886	—	—	54	5	6	—	—
2) Пр. Богоявленскій по р. Хухдеръ.	1883	4.111.500	1	15	12	16	22	—
	1884	4.541.000	1	7	12	27	—	—
	1885	3.948.500	1	9	9	39	26	—
	1886	—	1	12	12	10	—	—
	1887	—	—	82½	14	15	—	—
	1888	—	—	70	12	18	—	—
	1889	4.702.000	—	93	11	37	—	—
	1890	5.153.000	1	1	13	25	—	—
	1891	1.552.000	—	93	3	37	—	—
3) Пр. Полуденный по р. Хухдеръ	1889	2.708.000	2	22	15	31	—	—
	1890	4.283.000	1	20	13	19	—	—
	1891	3.097.000	—	85⅕	7	8	—	—
4) Пр. Сергіевскій по ключу, вп. въ р. Хухдеръ, пр. прит. р. Дамбукитъ	1884	640.500	1	50¼	2	21	52	—
	1885	1.501.800	1	73½	6	36	28	—
	1889	1.801.000	—	52	2	21	—	—
	1890	2.009.000	—	64	3	19	—	—
	1891	3.609.000	1	22	11	24	—	—

Мѣстоположеніе розсыпей.	Годы эксплоатаціи.	Песковъ.	Въ 100 пудахъ.		Золота.			
			Зол.	Дол.	П.	Ф.	З.	Д.
5) Пр. Василисинскій по р. Хухдеръ.	1891	—	1	—	—	11	94	—
Уръ. Въ его верховьяхъ открыты розсыпи по правымъ притокамъ: Ингагли и Джалиндѣ. Въ послѣдней было заявлено до 20 площадей въ пользу Верхне-Амурской К°. Разрабатываются:								
Джалинда: 1) Пр. Верхне-Дмитріевскій	1883	3.393.000	2	26	20	4	—	—
	1884	4.138.250	1	82	20	—	—	—
	1885	2.581.000	1	44	9	25	—	—
	1886	—	—	90	3	26	—	—
	1890	1.243.000	—	60	2	17	9	—
	1891	403.000	—	60	—	26	24	—
» 2) Пр. Верхне-Ивановскій .	1871	900	2	26 2/3	—	—	20	48
	1873	2.735.750	1	20 1/4	8	25	—	—
	1874	4.046.750	1	14 1/2	12	17	—	—
	1875	4.493.000	1	55 1/2	18	18	47	—
	1876	5.468.000	1	63 1/2	23	26	—	—
	1877	5.946.000	1	54 3/4	24	13	—	—
	1878	5.864.000	1	44 1/2	22	14	—	—
	1879	5.205.750	1	52	20	34	—	—
	1880	6.436.000	1	56	26	4	—	—
	1881	6.615.250	1	84	32	12	—	—
	1882	9.944.500	2	4	52	38	—	—
	1883	9.679.000	1	16	29	20	—	—
	1884	6.730.750	—	85	15	19	—	—
	1885	4.810.000	1	3	12	27	—	—
	1886	—	1	35	19	7	—	—
	1890	—	3	54	11	11	—	—
	1891	—	3	11 1/4	9	35	—	—
» 3) Пр. Васильевск.	1868	6.100.300	3	15 3/4	50	11	7	—
	1869	10.991.900	3	25 1/4	93	15	30	—
	1870	13.626.700	2	9 1/2	104	17	79	—
	1871	16.801.500	2	10	92	12	29	—
	1872	24.884.250	1	67 1/3	110	11	11	—

Мѣстоположеніе розсыпей.	Годъ эксплоатаціи.	Песковъ.	Въ 100 пудахъ.		Золота.			
			Зол.	Дол.	П.	Ф.	З.	Д.
	1873	16.550.500	1	61 1/3	70	26	—	—
	1874	18.627.000	2	42	91	14	—	—
	1875	24.900.000	1	48 1/8	97	14	—	—
	1876	29.255.000	1	9	83	10	—	—
	1877	19.884.500	1	1	52	11	—	—
	1878	22.229.510	1	5 1/4	61	3	—	—
	1879	17.817.250	1	50	56	29	—	—
	1880	16.342.500	1	36 ?	58	30	—	—
	1881	10.807.500	1	61 1/2	46	8	—	—
	1882	12.116.500	—	85	28	5	—	—
	1883	5.341.000	—	88	12	31	—	—
	1890	—	1	28	7	7	59	93
	1891	—	1	23	11	17	64	24
» 4) Пр.Нижне-Дмитріевскій . . .	1871	3.600	1	2 2/3	—	—	37	—
	1872	3.300	—	69 3/4	—	—	24	—
	1873	1.000	1	—	—	—	10	—
	1879	11.043.750	—	73	22	2	—	—
	1881	—	—	57 3/4	15	12	—	—
	1884	7.258.500	—	92	18	6	—	—
	1885	11.042.000	—	95	28	24	—	—
	1886	—	—	67	23	18	—	—
	1887	—	—	71	26	—	—	—
	1888	—	—	91	10	1	—	—
	1889	5.442.000	—	86 1/2	12	30	—	—
	1890	5.734.000	—	65	10	5	—	—
	1891	5.637.000	—	65	9	35	59	—
» 5) Пр.Нижне-Ивановскій . . .	1883	4.366.500	—	79	9	17	—	—
	1884	5.184.000	—	53	7	21	—	—
» 6) Пр. Николаевскій	1869	1.127.600	3	11	8	21	61	—
	1870	4.044.900	2	11 1/2	22	13	36	72
	1871	4.491.000	3	29 3/4	38	37	—	—
	1872	6.649.500	2	55 3/8	44	24	67	—
	1873	7.221.250	2	80	53	16	4	—
	1874	4.875.015	2	16	27	17	32	—
	1875	5.603.750	1	52 1/3	22	22	—	—
	1876	6.425.750	—	89 1/6	15	21	83	—

Мѣстоположеніе розсыпей.	Годъ эксплоатаціи.	Песковъ.	Въ 100 пудахъ.		Золота.			
			Зол.	Дол.	П.	Ф.	З.	Д.
	1877	5.841.500	1	24¾	19	12	9	—
	1878	5.138.000	1	20⅝	16	10	42	—
	1879	4.430.500	1	2	14	8	28	—
	1880	4.291.500	1	24½	14	2	—	—
	1881	6.027.750	—	91¾	15	—	63	—
	1882	4.565.750	—	81¾	10	6	—	—
	1891	—	—	—	1	5	—	—
» 7) Пр. Полезный .	1870	1.094.500	3	18⅘	9	4	29	41
	1871	396.500	—	83¾	—	36	1	—
» 8) Пр. Аннинскій.	1887	—	—	63	—	11	—	—
Ингагли 1) Пр. Надежный	1870	900	2	30½	—	—	20	81
» 2)Пр.Николаевскій	1868	100	—	45	—	—	—	45
	1873	3.500	—	18½	—	—	6	66
» 3) Пр. Вечерній .	1884	447.000	1	13	1	13	—	—
	1885	611.000	—	91	1	20	24	—
	1891	845.000	—	72	1	26	2	—

Лѣвые притоки Верхней Зеи мало изслѣдованы. При устьѣ Копури найдены знаки золота (20 д. въ 100 п.); по лѣвому притоку Копури—Кинлянжаку Аносовъ нашелъ розсыпь въ 1½ з. въ 100 п. Ниже Копури не оказалось розсыпей до впаденія Селимджы, за исключеніемъ р. Нугу (?), въ которой Аносовъ нашелъ знаки золота.

Селимджа имѣетъ нѣсколько свитъ розсыпей, расположенныхъ по ея прав. притокамъ: Нару и его лѣв. прит. Бурундѣ(12 площадей),Нижн. Мыну съ прит.Тыксянъ (4 площади)и др.; всего по Нижн. Мыну заявлено 11 площадей, длиною въ 50½ в. (ср. сод. 19½ т. въ 100 п.); Инкану и его притокамъ заявлено 6 площадей,

Мѣстоположеніе розсыпей.	Годы эксплоатаціи.	Песковъ.	Въ 100 пудахъ.		Золота.			
			Зол.	Дол.	П.	Ф.	З.	Д.
длиною въ 29 в. (ср. сод. 18 д. въ 100 п.); Верхнему Мыну и притокамъ заявлено 12 площадей, длиною въ 51 1/2 в. (ср. сод. 21 3/4 д. въ 100 п.).								
Въ верховьяхъ Селимджы также обнаружены признаки золота (р. Большой Маэргинъ —4 площади, ср. сод. 94 1/2 д. въ 100 п.) Разработывались:								
Верхній Мынъ (Бакаджа):								
1) Пр. Первый . .	1875	6.309.000	—	77 3/4	12	25	50	—
	1876	42.300	—	93	—	4	26	—
	1877	2.810.000	—	80 1/4	6	14	14	36
	1891	26.800	—	80	—	2	31	88
2) Пр. Еленинскій.	1876	4.632.000	1	6 3/4	12	36	20	84
	1877	26.000	—	88	—	2	47	12
	1889	1.475.000	—	84 1/2	3	15	—	—
	1890	—	—	66 1/2	3	2	42	—
	1891	96.000	1	—	—	10	—	—
3) Пр. Аннинскій.	1891	608.000	—	71,8	1	7	40	—
Бассейнъ Буреи.								
Нюманъ. Его верховья золотоносны. Розсыпи открыты по его прав. притокамъ: Олгѣ съ притоками Агды, Конакъ, Салары, Олгаканъ и др. Учугей-Елгѣ, Топко-бирѣ, Еланъ-бирѣ и Тоенъ-Олгѣ. Всего заявлено здѣсь Набоковымъ 50 площадей. Разрабатывается:								
Олга: 1) Пр. Александровскій (по ея притоку Агдѣ)	1883	962.500	1	45	3	27	—	—
	1884	2.918.000	—	74	5	34	28	—
	1885	1.473.000	—	61 1/2	2	18	32	—
	1889	252.000	—	95	—	26	—	—
	1890	463.600	—	73,9	—	35	—	—
	1891	3.345.600	—	55,4	5	1	36	—

Мѣстоположеніе розсыпей.	Годъ эксплоатаціи.	Песковъ.	Въ 100 пудахъ.		Золота.			
			Зол.	Дол.	П.	Ф.	З.	Д.
» 2) Пр. Тимофеевскій (по ея притоку Агдѣ)	1876	621.000	3	43 2/3	5	23	48	—
	1877	1.052.000	3	32 7/8	9	6	28	—
	1878	115.000	1	65 3/4	—	20	26	72
	1879	40.000	2	35	—	16	7	15
	1880	1.839.000	2	35 1/4	11	14	80	65
	1881	1.769.000	1	51 3/4	7	3	89	6
	1884	1.711.829	—	58	2	28	4	—
	1885	5.410.000	—	52	7	26	42	—
	1889	4.441.800	1	72	20	13	—	—
	1890	5.603.400	2	21 1/4	33	25	29	—
	1891	7.555.800	2	53	50	9	82	70
» 3) Пр. Іоанно-Крестительскій по той же р. Агдѣ.	1889	327.600	3	69	3	4	60	—
	1890	1.632.400	2	35 3/4	10	17	82	—
» 4) Пр. Сергіевскій по ключу, впадающему въ р. Олгу . . .	1888	—	1	38	10	6	16	—
	1889	3.824.500	1	26 1/2	12	33	—	—
	1890	3.770.100	—	95 3/5	9	31	—	—
	1891	553.500	—	58,1	—	35	—	—
Алга: Пр. Софійскій . . .	1876	45.200	4	78 1/2	—	22	68	—
	1877	155.500	7	44 1/4	3	—	81	48
	1878	115.500	1	65 3/4	—	20	26	72
	1886	—	1	89 3/4	—	9	53	44
	1887	—	4	24	59	2	10	48
	1888	—	4	77	74	18	—	—
	1889	3.034.500	4	36	30	24	75	48
	1890	123.700	1	49	—	20	—	—
	1891	960.900	2	63	6	25	75	28
Канакъ: Пр. Николаевскій.	1876	2.500	—	23 1/2	—	—	6	12
	1878	1.318.400	3	52 3/4	12	7	47	64
	1879	2.968.800	3	22	29	35	81	66
	1880	4.023.600	2	86 1/2	30	16	50	24
	1881	4.564.800	2	53	28	39	49	48
	1882	6.270.000	1	87	31	5	77	48
	1883	5.240.000	2	12	29	3	20	48
	1884	7.029.900	1	36	25	6	—	—

Мѣстоположеніе розсыпей.	Годъ эксплоатаціи.	Песковъ.	Въ 100 пудахъ. Зол.	Дол.	Золота. П.	Ф.	З.	Д.
	1885	7,177.800	1	17	22	3	59	48
	1886	—	1	30	22	6	89	24
	1887	—	1	35	2	12	47	—
	1888	—	1	58	1	23	53	—
	1889	392.400	1	44	1	13	14	—
	1890	1.546.700	2	35½	9	23	77	—
	1891	2.009.700	1	84¾	9	34	5	92
Учугей-Елга: 1) Пр. Якутскій . .	1884	1.018.200	1	24	3	17	78	—
	1885	5.555.700	1	50	22	—	59	—
	1886	—	1	53	27	37	70	—
	1887	—	2	3	24	—	—	—
	1888	—	3	82	12	11	59	—
	1889	2.367.000	1	53	9	24	18	48
	1890	1.592.100	—	70¾	3	2	48	—
» 2) Пр. Тунгузскій .	1880	29.100	3	88	—	11	83	64
	1881	1.635.800	5	16½	22	1	45	—
	1882	4.173.600	2	66⅜	29	10	5	—
	1883	2.480.100	3	1	19	19	45	76
	1884	4.012.000	1	83	19	22	50	—
	1887	—	1	5	9	—	—	—
	1888	—	1	78	17	28	—	—
	1889	4.460.700	1	47	17	13	24	—
	1890	6.049.800	—	92¾	15	8	76	—
	1891	5.943.600	2	1	31	3	24	75
Нюманъ: 1) Пр. Справедливый	1891	878.400	1	45,5	3	14	86	—
» 2) Пр. Надежный (по безымянному притоку)	1890	3.927.000	—	82⅗	8	32	—	—
	1891	2.486.400	1	9,6	7	5	—	—
» 3) Пр.Генриховск.	1889	Правильной промывки не было.	—	—	1	24	52	
Буреинскія горы, повидимому, небогаты золотомъ; до настоящаго времени здѣсь разрабатывались только два пріиска:								

Мѣстоположеніе розсыпей.	Годъ эксплоатаціи.	Песковъ.	Въ 100 пудахъ.		Золота.			
			Зол.	Дол.	П.	Ф.	З.	Д.
1) Пр. Михайло-Архангельскій	1889	242.500	—	28⅕	—	7	40	—
	1890	2.741.500	—	35,8	2	26	45	—
	1891	265.583	—	54,8	—	15	77	8
2) Пр. Любавинскій	1889	912.500	—	62½	1	22	3	—
	1890	3.583.000	—	51¾	5	1	—	—
	1891	2.741.750	—	61,1	4	22	6	—
Кромѣ вышеупомянутыхъ, работало еще нѣсколько пріисковъ, мѣстонахожденіе коихъ намъ не удалось въ точности опредѣлить:								
1) Пр. Николаевскій (Аристархова)	1889	37.300	—	74	—	3	—	—
	1890	182.600	—	48	—	9	48	—
2) Пр. Песковскій (Глотова).	1889	22.000	—	37,7	—	9	—	—
	1890	129.500	—	91,23	—	12	78	68
3) Пр. Надежный (Родственной).	1890	?	—	?	—	22	48	—
	1891	396.400	—	?	—	35	26	—
4) Пр. Вознесенскій (Лаптевой)	1889	36.480	—	25	—	—	94	93
5) Пр. Евграфьевскій (Яковкиной)	1890	193.500	1	—	—	20	14	—
	1891	322.500	—	67	—	23	63	—
6) Пріискъ Вознаграждающій (Шварцберга). . .	1890	?	—	?	—	13	49	59
7) Пр. Васильевскій (Лаптевой)	1891	115.075	1	—	—	11	94	64
8) Пр. Казанскій (Тюменцева)	1891	191.000	—	42,1	—	13	81	69
9) Пр. Преображенскій (Титова)	1891	1.360.000	—	55½	2	2	7	—
10) Пр. Николаевскій (Мыльникова)	1891	270.000	—	63,61	—	18	63	48
11) Пр. Вознесенскій (Селимджа?)	1891	8.410	2	—	—	1	72	20
12) Пр. Сергіевскій (Селимджа?)	1890	20.000	—	72	—	1	54	—
	1891	423.000	—	85,7	—	39	33	48

Свѣдѣнія о положеніи золотопромышленности въ 1892 г. еще не появились въ печати. Одно, что извѣстно—это что общее количество въ операціи этого года намытаго золота равнялось 428 п. 16 ф.

Сводя въ одинъ итогъ данныя о количествѣ добытаго въ Амурской области шлихового золота по годамъ, мы получимъ слѣдующую таблицу[1]):

Годъ эксплоатаціи.	Число пріисковъ.	Золота. П.	Ф.	З.	Д.	Годъ эксплоатаціи.	Число пріисковъ.	Золота. П.	Ф.	З.	Д.
1868	1	50	10	65	—	1883	20	248	38	65	4
1869	2	101	37	15	—	1884	22	323	25	90	—
1870	2	127	33	23	66	1885	22	302	3	48	79
1871	3	170	9	56	—	1886	20	356	38	66	32
1872	3	195	34	78	—	1887	24	362	16	45	—
1873	12	161	37	32	81	1888	24	385	16	73	75
1874	4	150	11	32	—	1889	33	458	13	23	31
1875	8	173	6	31	85½	1890	44	486	10	25	6
1876	10	171	28	49	27	1891	45	426	31	33	82
1877	10	172	1	62	—						
1878	11	167	7	33	40	Всего съ					
1879	12	226	2	78	81	1868 по					
1880	13	235	35	6	57	1892	—	5973	19	47	8½
1881	14	263	36	58	54	а вкл.					
1882	14	254	12	8	72	1892 г.	—	6401	35	47	8½

Изъ этихъ таблицъ видно, что наибольшимъ богатствомъ отличаются пріиски въ верховьяхъ Ура, по Иликану и Нюману. Пріиски по р. Джилиндѣ мало-по-малу забрасываются, и дѣятельность крупныхъ компаній сосредотачивается нынѣ уже главнѣйшимъ образомъ на верхней Зеѣ и Нюманѣ. Обзоромъ этихъ богатѣйшихъ мѣсторожденій золота мы и закончимъ поэтому наше общее знакомство съ золотоносностью горъ Амурской области.

Присутствіе золота въ розсыпяхъ по притокамъ Зеи было

---

[1]) Таблица эта составлена по слѣдующимъ источникамъ: данныя съ 1868 по 1886 г. заимствованы изъ вышеупомянутой брошюры Боголюбскаго; данныя съ 1886 года по 1892 г. изъ «Обзоровъ Амурской Области». Должно, однако, замѣтить, что данныя Боголюбскаго, этихъ «Обзоровъ» и, наконецъ, «Сборника статистическихъ свѣдѣній о горнозаводской промышленности въ Россіи» различно показываютъ, какъ число пріисковъ, такъ и количество выработаннаго золота. Въ еще бо́льшой степени замѣчаніе это справедливо для книги Бацевича, въ которой наблюдаются значительные пропуски.

обнаружено во многихъ мѣстахъ, какъ это видно изъ приведенныхъ выше таблицъ. Главная же его добыча, а слѣдовательно и самыя богатыя мѣсторожденія, сосредоточены на небольшой площади, ограниченной съ юга Гилюемъ, съ востока Зеей и съ сѣвера самымъ нижнимъ теченіемъ р. Брянды и ея правымъ притокомъ, р. Иликаномъ. Эта золотоносная площадь представляетъ въ высшей степени пересѣченную плоскую возвышенность, склоняющуюся къ сѣверу и замѣчательную тѣмъ, что здѣсь нѣтъ почти ни одной рѣчки, гдѣ бы не было богатыхъ золотоносныхъ розсыпей. Мѣстность эта была также указана Аносовымъ, хотя ему лично и не довелось принимать непосредственнаго участія въ открытіи и развѣдкахъ золотоносныхъ ея розсыпей [1]).

Первыя работы начались здѣсь въ 1876 г. на Иннокентьевскомъ пріискѣ, по р. Угану, правому притоку Зеи, на которомъ въ первую же операцію получено было 10 п. 33 ф. шлихового золота. Затѣмъ, въ слѣдующіе годы постепенно началась разработка по рѣкамъ: Джагдѣ, Моготу, Дамбукиту и по другимъ притокамъ Зеи, а также по рѣчкамъ: Ульдекиту, Джалтѣ, Джалону и другимъ правымъ притокамъ Иликана. Розсыпи, разработывавшіяся, начиная съ 1883 г., по р.р. Джалону и Джалтѣ, оказались богатѣйшими.

Хребетъ Тукурингра, омываемый съ двухъ сторонъ притоками Зеи—Гилюемъ и Уромъ, обращенъ отвѣсными своими склонами къ Зеѣ и протягивается въ направленіи съ Ю.-В. на С.-З. Тукурингра, въ предѣлахъ нижнихъ теченій названныхъ рѣкъ, въ общемъ слагается изъ круто-падающихъ пластовъ (уг. пад. около 60°) породъ азойской эпохи, которые здѣсь, образуя складки, преимущественно состоятъ изъ гнейсо-гранитовъ, рогово-обманковыхъ гнейсовъ съ подчиненными имъ пластами амфиболита и слюдистыхъ, тальковыхъ, хлоритовыхъ и глинистыхъ сланцевъ. Какъ гнейсамъ, такъ и сланцамъ подчинены жилы кварца и кварцита [2]).

Что же касается до плоскогорія, которое простирается къ сѣверу отъ Гилюя [3]), то въ его строеніи, какъ мы это уже знаемъ [4]), принимаютъ главное участіе граниты, а азойскія образованія—лишь второстепенное, такъ какъ послѣднія появляются лишь прерывисто, заполняя, въ видѣ круто падающихъ пластовъ, пониженныя части въ гранитномъ массивѣ.

---

[1]) Бацевичъ. l. c., стр. 60.
[2]) Бацевичъ, l. c., стр. 61.
[3]) Бацевичъ, ib. Не плато, а плоскостной или плоскій хребетъ, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ о Гилюйскомъ кряжѣ.
[4]) См. выше, стр. 186.

Отъ этого общаго обзора перейдемъ теперь къ болѣе частному описанію нѣкоторыхъ изъ наиболѣе золотоносныхъ долинъ.

Рѣчка Хухдеръ. Въ послѣдніе годы разработка розсыпей въ предѣлахъ хребта Тукурингра производилась только на сѣверномъ его склонѣ, по рѣчкѣ Хухдеръ, впадающей въ р. Дамбукитъ, которая въ свою очередь изливается въ Гилюй. По Хухдеру и его истоку, называемому Сергіевскимъ ключомъ, расположены Богоявленскій и Воскресенскій пріиски, принадлежащіе Верхне-Амурской К°. Съ рѣзко выраженными контурами мѣстность представляетъ здѣсь узкое, глубокое ущелье съ отвѣсными, скалистыми склонами. Въ теченіи Хухдера замѣчаются два общихъ направленія: широтное отъ истоковъ до впаденія слѣва Рождественскаго ключа и меридіональное на остальномъ его протяженіи. Золото встрѣчается здѣсь не сплошь, а спорадически. Такъ, его находили въ розсыпяхъ Сергіевскаго ключа, а затѣмъ по Хухдеру, отъ устья Плотинскаго ключа. Ущелье Хухдера представляетъ долину размыва, слагающуюся по преимуществу тонкими пластами рогово-обманковаго гнейса, которые здѣсь падаютъ подъ угломъ въ 60° на Ю.-В. $2^1/_2$ h. Гнейсамъ подчинены пласты и пропластки амфиболита, равно и жилы и пропластки кварца. Въ строеніи Сергіевскаго ключа главнѣйшимъ образомъ участвуютъ кристаллическіе сланцы, представляющіе верхній горизонтъ азойской группы породъ. Въ долинѣ Хухдера ширина золотоноснаго пласта достигаетъ 33 саж., при отношеніи толщины торфа къ пласту, какъ 4,5 : 2,5 (цыфры эти представляютъ толщины пластовъ въ аршинахъ); процентное содержаніе золота колебалось отъ 70 долей до 1 з. 15 д. на 100 пуд. породы. Высоко-пробное золото, являясь здѣсь въ розсыпяхъ въ видѣ мельчайшихъ пластинокъ и блестокъ, называется «хозяйскимъ», такъ какъ ничтожные размѣры его исключаютъ возможность полученія подъемнаго золота, т.-е. тѣхъ самородковъ, которые поднимаютъ рабочіе при добычѣ золотоноснаго песка. Песчано-глинистая порода торфа и пласта отличается обиліемъ значительной величины обломковъ гнейса и другихъ, здѣсь распространенныхъ, породъ. Кромѣ того, въ торфахъ попадаются и лежачіе стволы деревьевъ. Розсыпь находится въ предѣлахъ вѣчной мерзлоты.

Джалта представляетъ небольшую рѣчку, текущую съ Ю.-З., на С.-В., и только близъ устья измѣняющую направленіе на восточное. Почти подъ прямымъ угломъ къ направле-

нію теченія Джалты въ нее впадаетъ, такъ называемый, Гораціевскій ключъ, отъ котораго почти до устья описываемая рѣчка золотоносна, равно какъ и упомянутый ключъ.

По ложу Джалты, направляясь сверху внизъ, расположены слѣдующія, частью уже вырабатывающіяся розсыпи пріисковъ: Иннокентьевскаго, Владимирскаго, Восточнаго; затѣмъ, на правой отлогости находится выработанный пріискъ Благодатный, а на лѣвой — Вѣрный. Наконецъ, по Гораціевскому кл. залегали очень богатыя, нынѣ почти выработанныя, розсыпи того же названія.

Эксплоатація Джалтинскихъ розсыпей началась съ 1883 г., когда на Гораціевскомъ пріискѣ въ первую же операцію намыли 36 п. 38 ф. шлихового золота, при среднемъ содержаніи $2^1/_2$ зол. на 100 п. породы. Долина Гораціевскаго ключа имѣетъ довольно крутой правый и пологій лѣвый склоны, которые сложены изъ гнейсовъ съ подчиненными имъ пластами и жилами кварца и кварцита. Эти же породы, падая на Ю.-З.h 4, подъ угломъ 65^0—70^0, наблюдаются и въ почвѣ золотоносной розсыпи. Такъ какъ простираніе круто падающихъ пластовъ гнейсовъ почти перпендикулярно къ направленію оси долины, то здѣсь, какъ напримѣръ, на среднемъ станѣ Гораціевскаго пріиска, наблюдаются въ почвѣ, поперекъ долины, гнейсовые пороги, обусловливающіе изгибъ или даже разрывъ золотоноснаго пласта. Какъ на особенность нижняго стана Гораціевскаго пріиска здѣсь указываютъ на присутствіе второго, верхняго золотоноснаго пласта, обнаруженнаго въ лѣвомъ борту и идущаго изъ лѣвой покати. Этотъ верхній пластъ, болѣе бѣдный содержаніемъ золота ($^1/_2$ зол.) по сравненію съ первымъ, протягивающимся вдоль русла Гораціевскаго ключа, представляетъ болѣе древнюю розсыпь[1]). Ширина разрѣза золотоноснаго пласта здѣсь колеблется отъ 40 до 50 саж., при среднемъ отношеніи толщины торфовъ къ пласту—4:2, и при среднемъ содержаніи золота отъ 1 з. 73 д. до 3 зол. 73 д. на 100 п. Пластъ и торфъ представляютъ здѣсь глинистый песокъ, переполненный частью угловатыми обломками породъ, обнажающихся по сосѣдству: гнейсовъ, гранитовъ, сланцевъ и пр.

Золото крупно-зернистое; размѣры отдѣльныхъ зеренъ и пластинокъ уменьшаются внизъ по теченію. Иногда здѣсь встрѣчались самородки до $^1/_2$ ф. вѣсомъ.

Какъ было выше замѣчено, золотыя розсыпи по Джалтѣ

---

[1]) Бацевичъ, l. c., стр. 63.

находятся въ ея нижнемъ теченіи, гдѣ въ обнаженіяхъ всюду наблюдаются граниты и гранито-сіениты. На «Благодатномъ» пріискѣ, по ключу Игакъ, отношеніе толщины пласта къ торфу—$2^1/_2$: 2; при среднемъ содержаніи въ 2 зол. и болѣе въ 100 п. породы. Наибольшая ширина разрѣза не превосходитъ 27 саж. Эксплоатація розсыпи здѣсь затрудняется громадными гранитными валунами, разсѣянными въ торфѣ и наносѣ, достигающими иногда до 2 саж. въ поперечникѣ. При снятіи торфовъ эти валуны приходится взрывать динамитомъ.

«Владимирскій» пріискъ расположенъ почти при устьѣ Джалты. Ширина разрѣза золотоноснаго пласта здѣсь достигаетъ 60 саж., при отношеніи торфа къ пласту=3 : 2, Среднее содержаніе золота въ $1^1/_2$ зол.

Вся мѣстность по Джалтѣ составляетъ арендную собственность Верхне-Амурской К°.

Джалонъ. Въ послѣдніе 5 лѣтъ рѣчка Джалонъ пользовалась на Амурѣ громкою извѣстностью, благодаря открытымъ тамъ богатѣйшимъ золотоноснымъ пластамъ. Чтобы оцѣнить богатство Джалона, достаточно сказать, что года три подрядъ на Леоновскомъ пріискѣ Зейской К°, расположенномъ на этой рѣчкѣ, добывался золотоносный пластъ, изъ нѣкоторыхъ разрѣзовъ котораго получался песокъ, содержавшій до 10 зол. золота на 100 пуд. породы.

Въ верховьяхъ Джалона находится «Каменистый» пріискъ Верхне-Амурской К°, а затѣмъ все теченіе, почти до устья, занято Леоно́вскимъ пріискомъ. Кромѣ того по ключамъ, впадающимъ съ правой етороны въ Джалонъ, имѣется много золотоносныхъ площадей.

Въ геологическомъ строеніи Джалонской долины участвуютъ главнѣйшимъ образомъ граниты, а гнейсо-граниты появляются только мѣстами. Въ зависимости отъ этихъ породъ находится составъ послѣ-третичныхъ образованій, какъ заполняющихъ ложе долины, такъ и покрывающихъ ея склоны. Здѣсь и золотоносный пластъ и торфъ представляютъ гранитную дресву съ незначительными по величинѣ обломками гранита, сіенито-гранита и другихъ горныхъ породъ. Золотоносный песокъ, какъ матеріалъ для промывки, является идеальною породой. Золотоносныя розсыпи по всей долинѣ отличаются замѣчательнымъ богатствомъ, какъ по значительному процентному содержанію золота, такъ и по благопріятному отношенію толщины торфовъ къ пласту и мощности этого послѣдняго.

Въ предѣлахъ «Каменистаго» пріиска ширина разрѣза золотоноснаго пласта отъ 33 до 40 саж., при отношеніи торфа къ пласту = $3^1/_2 : 1^1/_2$ и при среднемъ содержаніи отъ 1 зол. 72 дол. до 3 зол. 32 дол.

Въ «Леоновскомъ» пріискѣ условія еще благопріятнѣе. При ширинѣ разрѣза вдвое большей, отношеніе толщины торфа къ пласту = 3 : 2, а среднее содержаніе золота на 100 пуд. песка колебалось отъ $2^1/_2$ зол. до $5^1/_2$ зол. Иногда здѣсь добывалось настолько богатая часть золотоноснаго пласта, что поверхность его, послѣ дождя, смывавшаго песокъ, блестѣла отъ самородковъ, легко различаемыхъ даже непривычнымъ глазомъ [1]). Таково баснословное богатство «Леоновской» розсыпи. Впрочемъ столь благопріятныхъ условій для эксплоатаціи золотыхъ розсыпей на Амурѣ уже болѣе нигдѣ не встрѣчалось.

При такихъ условіяхъ немудрено было Зейской К°, составляя смѣту на 38 пуд. золота, намыть его, не увеличивая расходовъ, въ одну операцію 140 пуд. Между тѣмъ Амурскіе практики-золотоискатели, много разъ бывая въ Джалонской долинѣ, и не подозрѣвали ея богатствъ, а заложили здѣсь шурфы только послѣ того, какъ открыли золото по сосѣдству, въ пади Гораціевскаго ключа. Это объясняется тѣмъ, что они въ поискахъ своихъ руководствуются прежде всего формою долины, а затѣмъ уже присутствіемъ въ наносахъ обломковъ кварцевъ и зеленыхъ сланцевъ. Джалонская же падь, какъ сложенная преимущественно изъ гранитовъ, обусловившихъ болѣе пологіе, болѣе мягкіе контуры долины, не подходила по формѣ подъ ихъ представленіе о возможности нахожденія здѣсь богатыхъ мѣсторожденій золота.

Горныя породы, слагающія мѣстность въ предѣлахъ описываемаго района, по древности ихъ образованія, слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: гранитъ и связанный съ нимъ гнейсо-гранитъ, затѣмъ гнейсы съ амфиболитами и наконецъ, кристаллическіе сланцы. Гнейсы и кристаллическіе сланцы, по мнѣніе Бацевича, принадлежатъ къ самой древней эпохѣ осадочныхъ образованій, а именно, къ азойской. Кварцевыя жилы и кварциты, связанные съ гнейсами и сланцами, равно и кварцевыя жилы, пересѣкающія граниты, являются коренными мѣсторожденіями золота, на счетъ разрушенія которыхъ образовались здѣсь розсыпи. На ряду съ разрушеніемъ кварца и кварцита шло разрушеніе окружающихъ породъ, что въ связи съ рельефомъ мѣстности,

---

[1]) Мы здѣсь всюду почти буквально цитируемъ Бацевича.

а также съ тѣмъ, въ сторону какихъ породъ идетъ уклонъ долины, обусловило характеръ, какъ торфовъ, такъ и золотоносныхъ пластовъ. Этими основаніями объясняется рѣзкая разница въ формѣ долинъ и характерѣ розсыпей по Хухдеру и Джалону, хотя онѣ образовались изъ одинаковыхъ коренныхъ мѣсторожденій, т.-е., изъ золотоносныхъ кварцевыхъ и кварцитовыхъ жилъ и пропластковъ. Въ строеніи Джалонской долины участвуютъ преимущественно граниты, обусловившіе пологіе склоны долины и составъ розсыпей; тогда какъ на Хухдерѣ форма ущелья и характеръ розсыпи обязаны своимъ происхожденіемъ гнейсу; Джалта же и Гораціевскій ключъ представляютъ середину между помянутыми типами распространенія розсыпей, такъ здѣсь онѣ расположены на границѣ гранитовъ и гнейсовъ и въ предѣлахъ тѣхъ и другихъ.

Разработка золотоносныхъ пластовъ на Нюманѣ, начавшаяся здѣсь въ 1876 г. и продолжающаяся и по настоящее время, сосредоточена по рѣчкамъ: Олгѣ (съ ея лѣвыми притоками: Агды и Канакъ) и Учугэй-Элгѣ [1]).

Какъ извѣстно, Нюманъ въ верховьяхъ теченіемъ своимъ образуетъ дугу, обращенную къ сѣверу, и въ той части, гдѣ рѣка струится съ юга на сѣверъ, въ нее справа, почти подъ прямымъ угломъ, впадаютъ рѣчки: Олга и Учугэй-Элга, являющіяся центрами промысловой дѣятельности, которая, главнѣйшимъ образомъ, находится въ рукахъ Нюманской К°.

Въ верховьяхъ Агды расположенъ «Александровскій» пріискъ бр. Бутиныхъ, а въ нижнемъ теченіи «Тимоѳеевскій» Нюманской К°. По Олгѣ находится «Софійскій» пріискъ Нюманской К°, нынѣ не дѣйствующій, гдѣ помѣщается главное управленіе К°. Затѣмъ по р. Конакъ, впадающей въ Олгу, находится «Николаевскій» пріискъ Нюманской К°, разрабатываемый подземными работами; наконецъ, той же К° принадлежатъ Тунгузскій и Якутскій пріиски, расположенные въ долинѣ р. Учугэй-Элга.

Хребетъ, протягивающійся съ С.-В. на Ю.-З. между золотоносными рѣчками Олга и Учугэй-Элга, слагается преимущественно наклонными пластами кристаллическихъ сланцевъ съ подчиненными имъ пластами и пропластками зеленыхъ кварцитовыхъ песчаниковъ и бѣлыхъ кварцевъ, которые во всей своей совокупности представляютъ верхній горизонтъ архейской группы породъ. Строеніе этой мѣстности ближе выясняется изъ описанія двухъ вышеупомянутыхъ долинъ.

---

[1]) Бацевичъ, l. c., стр. 73. Все послѣдующее заимствовано у него же.

Рѣчка Учугэй-Элга, протекая въ широтномъ направленіи, занимаетъ ложе узкаго, глубокаго ущелья, склоны котораго слагаются пластами кристаллическихъ сланцевъ. Въ верховьяхъ ущелья расположенъ «Якутскій» пріискъ, а въ предѣлахъ средняго теченія рѣки—«Тунгузскій». Золотоносный пластъ на послѣднемъ пріискѣ покрываетъ пласты глинистаго сланца, которые обнаруживаютъ здѣсь паденіе на Ю.-В. $3^1/_2$ h. подъ угломъ 35^0. Ущелье образовано путемъ размыва и, такъ какъ простираніе сланцевъ слѣдуетъ поперекъ долины, то головы пластовъ въ почвѣ розсыпи образуютъ пороги.

Послѣ-третичныя образованія, заполняющія ложе долины, состоятъ изъ песчаныхъ глинъ съ обломками различныхъ сланцевъ. Отношеніе толщины торфа къ золотоносному пласту на «Тунгузскомъ» пріискѣ $= 4^1/_2 : 1^1/_2$; ширина пласта до 20—25 саж., при среднемъ содержаніи отъ $1^1/_2$—2 зол. Такимъ образомъ золотоносныя розсыпи по ущелью р. Учугэй-Элга, являясь аллювіальными образованіями, находятся въ предѣлахъ распространенія кристаллическихъ сланцевъ, которыя представляютъ верхній горизонтъ азойской группы породъ.

Рѣчка Олга. Обломки кристаллическихъ сланцевъ, а равно куски и глыбы кварца наблюдаются всюду въ осыпяхъ склоновъ ея долины. Эти же сланцы, наклонные подъ уг. 35^0 съ общимъ паденіемъ на З., обнажаются въ почвѣ розсыпи, въ верховьяхъ р. Конакъ, гдѣ расположенъ пріискъ «Надежный» (бр. Бутиныхъ), и гдѣ ложе долины слѣдуетъ по направленію простиранія пластовъ. Кромѣ того, они обнажаются во многихъ мѣстахъ у самаго русла лѣваго берега р. Олги, между прочимъ, у Золотого Яра и на Софійскомъ пріискѣ, гдѣ круто-падающіе, черные глинистые сланцы съ подчиненною толщею бѣлаго кварца простираются съ С. на Ю.

Сводя въ одно цѣлое всѣ наблюденія о распространеніи сланцевъ, видно, что они въ мѣстности, орошаемой р. р. Олгой и Учугэй-Элгой, образуютъ складки, антиклинальныя оси которыхъ слѣдуютъ меридіанному направленію. Вотъ почему въ долинахъ Олги и Учугэй-Элги, какъ размытыхъ въ широтномъ направленіи, ложа слѣдуютъ среди сланцевъ вкрестъ линіи ихъ простиранія, а въ меридіанныхъ ущельяхъ р. р. Канука и Агды по простиранію пластовъ.

Толщина послѣ-третичныхъ образованій колеблется отъ 2 до 3 саж. въ ущельяхъ рѣчекъ Агды и Конака и до 7—8 саж. въ долинѣ р. Олги, гдѣ на пріискахъ, расположенныхъ у лѣ-

ваго ея берега и примѣняются подземныя работы. Породою послѣтретичныхъ образованій является здѣсь песчаная глина съ округленными или угловатыми обломками породъ, слагающихъ окрестную мѣстность. Въ долинѣ Элги, въ торфахъ лѣваго ея берега, разрѣзами обнаружены пласты зелсноватой, плотной глины, между которыми залегаетъ до аршина толщиною пластъ льда.

Розсыпное золото замѣчательно здѣсь крупностью зерна и весьма часто попадающимися значительными самородками; такъ, въ 1891 г., напримѣръ, былъ найденъ на Тимоѳеевскомъ пр. самородокъ вѣсомъ въ 250 зол.; что же касается до самородковъ золотниковъ въ 40, то они попадаются часто.

Все это показываетъ, что Нюманскія золотыя розсыпи слѣдуетъ отнести къ богатѣйшимъ въ Области.

Очень обстоятельное описаніе Зейскаго золотоноснаго района представляетъ и занимавшійся его изслѣдованіемъ по порученію Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императоторскаго Русскаго Географическаго Общества геологъ Я. Макеровъ [1]).

Въ изслѣдованномъ Макеровымъ золотоносномъ районѣ развиты преимущественно слоистыя кристаллическія породы: красный и сѣрый слюдяные гнейсы, слюдяно-рогово-обманковый гнейсъ, амфиболиты, слюдяные сланцы и кварциты, а изъ массивныхъ породъ біотитовый гранитъ. Изъ горныхъ породъ этихъ гнейсы распространены по всему пространству Зейскаго района, сланцы, амфиболиты и кварциты встрѣчаются въ подчиненномъ видѣ посреди гнейсовъ, а граниты находятся только въ с.-в-номъ углу района.

Гнейсы образуютъ массивъ хребта Тукурингра, встрѣчаются по р. Апкѣ, далѣе переходятъ на вершину р. Хухдера (праваго пр. Дабукита, впадающаго съ правой стороны въ Гилюй), въ видѣ красныхъ гнейсовъ встрѣчаются здѣсь на Сергіевскомъ ключѣ и, перемежаясь съ слюдяными сланцами, развиты какъ въ среднемъ, такъ и въ нижнемъ теченіи р. Хухдера; затѣмъ, къ С. они снова выступаютъ при устьѣ р. Дабукита; да и далѣе внизъ по теченію Гилюя встрѣчаются сначала сѣрые, а потомъ красные гнейсы, идущіе вплоть до рч. Аргоскита. Поднимаясь по этой рѣчкѣ и переваливая въ долину р. Хухдеръ, приходится пересѣкать снова туже гнейсовую толщу.

Далѣе сѣрые и красные гнейсы развиты по лѣвому берегу

---

[1]) Макеровъ, геологическій очеркъ мѣсторожденій золота въ Амурскомъ бассейнѣ «Извѣстія Восточнаго Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». Т. XX, отдѣльный оттискъ 1889, стр. 4—11.

Гилюя, внизъ отъ перевоза черезъ него до устья рч. Камрай, гдѣ они перемежаются съ кварцитами. При перевалѣ съ правой вершины р. Камрай на Гораціевскій пріискъ, Макеровъ пересѣкалъ снова толщу слюдянаго гнейса, образующаго здѣсь массивъ перевала; тутъ гнейсы развиты въ вершинахъ Гораціевскаго ключа и смежной съ нимъ р. Джалона, затѣмъ идутъ внизъ по Гораціевскому ключу до его устья, по Джалтѣ до устья ключа Вѣрнаго, наконецъ, встрѣчаются еще далѣе черезъ 3 версты, по нижнему теченію Джалты, до впаденія ея въ Иликанъ.

Внѣ изслѣдованнаго Макеровымъ района гнейсы простираются еще къ С.-З. и Ю.-В., вверхъ и внизъ по теченію Гилюя, и къ Ю. до ю.-з-ныхъ склоновъ хребта Тукурингра, который уже состоитъ изъ темныхъ плотныхъ глинистыхъ сланцевъ. На С.-В. граница гнейсовъ и гранитовъ опредѣляется линіею, проходящею черезъ вершину Джалона и устье ключа Вѣрнаго.

Въ составъ сѣрыхъ и красныхъ гнейсовъ, развитыхъ въ этомъ районѣ, входятъ: полевой шпатъ, біотитъ, мусковитъ, роговая обманка, обыкновенный кварцъ, гранатъ и магнитный желѣзнякъ, и эти-то составныя части обусловливаютъ различныя разновидности гнейсовъ.

Простираніе послѣднихъ почти исключительно отъ С.-З. 290—330° къ Ю.-В., паденіе къ Ю.-З., подъ угломъ отъ 30 до 70°, а иногда и совсѣмъ вертикальное, причемъ образуются круто-поставленныя большею частью опрокинутыя складки подвергшіяся сдвигамъ и сбросамъ и представляющія иногда чешуйчатое строеніе (Schuppen-Structur Зюсса); какъ напр., на верхнемъ теченіи Хухдера.

Амфиболиты, какъ прослойки среди гнейсовъ, встрѣчаются по верхнему теченію Хухдера, на Сергіевскомъ ключѣ, по среднему теченію Хухдера въ почвѣ средняго и нижняго разрѣзовъ Богоявленскаго пріиска, по Медвѣжьему ключу и, въ особенности, въ вершинѣ и по среднему теченію Гораціевскаго ключа (гранатовые амфиболиты). Прослои амфиболитовъ имѣютъ отъ нѣсколькихъ сантиментровъ до 2 и 3 метровъ толщины. Составныя части амфиболитовъ: главнымъ образомъ роговая обманка, а также актинолитъ, біотитъ, гранатъ, полевой шпатъ, магнитный желѣзнякъ и сѣрный колчеданъ.

На соприкосновеніи гнейсовъ съ амфиболитами, а иногда (какъ напр., по рч. Мокто) и прямо въ гнейсахъ встрѣчаются кварцевыя жилы. Макеровъ встрѣтилъ ихъ по рч. Хухдеру въ разрѣзахъ Богоявленскаго пріиска, на рч. Мокто, на перевалѣ съ

рч. Хухдера на Гилюй, на лѣвомъ берегу Гилюя, у перевоза и пр. Мощность жилъ отъ нѣсколькихъ сантиметровъ до 10 и даже до 15—18 метровъ (на упомянутомъ перевалѣ). Кварцъ кристаллическій, иногда молочно-бѣлый, иногда окрашенный въ буроватый цвѣтъ окисями желѣза. Жилы, эти повидимому, золотоносны и содержатъ, по анализамъ Макерова, до 4 золот. въ 100 пуд. кварца.

Сланцы — темные, плотные (филлиты) или же слюдяные и графитовые встрѣчаются недалеко отъ станціи по р. Апкѣ на южномъ склонѣ Тукурингра, повсюду въ видѣ гальки въ наносахъ, выполняющихъ долины рѣчекъ, вытекающихъ изъ этого хребта, между рѣчками Ирокингрой и Апкой, а также, въ невысокомъ хребтѣ, идущемъ параллельно съ Тукурингра, который дорога на пріиски пересѣкаетъ въ 17 вер. отъ Зейской пристани. Простиранія ихъ С.-З. 295°—300° Ю.-В., паденіе на Ю.-З., подъ угломъ около 30°.

Кварциты въ изслѣдованомъ районѣ встрѣчаются по р. Хухдеру, по р. Аргоскиту, въ обнаженіи по лѣвому берегу Гилюя, немного ниже перевоза, по среднему теченію рч. Камрай и, повидимому, и на Гораціевскомъ ключѣ. Сложеніе ихъ крупно-зернистое, въ нихъ есть иногда примѣсь бѣлой и зеленоватой слюды и полевого шпата. Простираніе ихъ С.-З. 300°—Ю.-В., паденіе на Ю.-З. подъ угломъ въ 45°.

Слюдяной гранитъ встрѣчается на правомъ берегу р. Джалты, въ почвѣ розсыпи «Восточнаго» пріиска, по всему теченію рч. Джалона, съ самой вершины ея до устья; по рч. Санару, въ невысокихъ водораздѣлахъ, между Санаромъ и Джалономъ, Джалономъ и Джалтою и далѣе на С.-В. за р. Иликанъ. Затѣмъ гранитъ выступаетъ отдѣльнымъ островкомъ по рч. Апкѣ, немного ниже впаденія въ нее рч. Хаимкана. Граниты то крупно-зернистые, сѣрые, то порфировидные, съ крупными кристаллами полевого шпата, до 7—8 сант. длиною. Въ составъ гранитовъ входятъ еще обыкновенный кварцъ и біотитъ.

Изъ осадочныхъ породъ въ изслѣдованомъ Макеровомъ районѣ встрѣчаются только послѣ-третичные рѣчные наносы; въ долинахъ рѣчекъ наносы эти состоятъ изъ перемежающихся слоевъ песку и гравія, въ которыхъ встрѣчаются гальки изъ вышеупомянованныхъ породъ, отъ 2—3 сант. до 1 метр. Мощность этихъ наносовъ въ руслѣ рѣчекъ 3—4 метра, а на склонахъ долинъ 4—7 метр:, какъ напримѣръ, въ Восточномъ пріискѣ по Джалтѣ. Золото встрѣчается повсюду въ этихъ наносахъ, но оно болѣе сосредоточивается въ нижнихъ ихъ слояхъ. Работавшіе во время посѣщенія Макерова пріиски содержали въ себѣ: по рч.

Хухдеру—Сергіевскій и Богоявленскій—отъ 60 дол. до 1 зол. въ 100 пуд. песку; по Джалтѣ—Гораціевскій—отъ $2^1/_2$ до $3^3/_4$ зол., Иннокентіевскій, Владимировскій и Вѣрный—отъ 2 зол. 74 дол. до 3 зол. 33 дол.; по Джалону—Каменистый и Леоновскій—отъ 1 зол. 24 д. до 3 з. 36 дол.

Упомянутыя золотоностныя розсыпи представляютъ послѣтретичныя образованія, что и подтверждается нахожденіемъ въ нихъ корней и стволовъ произрастающей здѣсь же лиственницы, какъ напримѣръ, въ Гораціевскомъ и Богоявленскомъ пріискахъ. Тѣмъ не менѣе въ этихъ розсыпяхъ можно различить два типа: *новѣйшій*, занимающій русла и долины теперь текущихъ рѣчекъ и являющійся нерѣдко продуктомъ переработки второго, *древняго* типа розсыпей, расположенныхъ на склонахъ рѣчныхъ долинъ. Розсыпи второго типа носятъ характеръ рифовыхъ розсыпей (reef-wash), часто встрѣчающихся въ Австраліи и Калифорніи, но до изслѣдованій Макерова не описанныхъ ни въ одномъ изъ золотоносныхъ районовъ Восточной Сибири. Примѣромъ этого типа могутъ служить розсыпи по правому и лѣвому склонамъ долины Джалты, небольшія богатыя розсыпи правыхъ ключей Джалона и розсыпь «Вѣрнаго» пріиска.

На мѣстное образованіе розсыпей, черезъ разрушеніе коренныхъ мѣсторожденій, указываетъ полное тождество петрографическаго характера породъ гальки въ наносѣ съ породами коренныхъ выходовъ въ тѣхъ же долинахъ, крупность зеренъ золота въ вершинахъ рѣчекъ и уменьшеніе величины ихъ въ розсыпяхъ, лежащихъ ниже по рѣчкѣ (явленія эти очень замѣтны по Хухлеру, Гораціевскому ключу и Джалону), несомнѣнные слѣды обработки текущею водою на этихъ зернахъ, штрихи на ихъ поверхности. Начало розсыпямъ дало разрушеніе золото-содержащихъ кварцевыхъ жилъ, проходящихъ среди гнейсовъ.

Жилы эти, вѣроятно, шли согласно съ простираніемъ гнейсовъ, т.-е. къ З.-С.-З., что и объясняетъ отсутствіе золотоносныхъ розсыпей въ лѣвыхъ ключахъ Джалона и присутствіе ихъ въ правыхъ его ключахъ, также какъ и на обоихъ склонахъ Джалты.

Вообще Макеровъ приходитъ относительно изслѣдованныхъ имъ розсыпей къ слѣдующимъ выводамъ.

1. Въ геологическомъ строеніи описанной имъ части Зейскаго района принимаютъ участіе главнымъ образомъ кристаллическія слоистыя породы: гнейсы, слюдяные и слюдяно-рогово-обманковые, переслаивающіеся съ амфиболитами.

2. Сланцы и кварциты встрѣчаются въ подчиненномъ видѣ, прикрывая собою гнейсовую толщу.

3. Гнейсовой толщѣ непосредственно подчинены и кварцевыя золотоносныя жилы.

4. Жилы эти относятся къ типу залежей золото-содержащихъ кварцевъ, прослаивающихся въ архейскихъ породахъ.

5. Изъ массивныхъ породъ встрѣчается здѣсь только біотитовый гранитъ.

6. Какъ на черту, характеризующую описываемый районъ, одновременно, какъ въ геологическомъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ оруденѣнія его золотомъ, нужно указать на переходъ слюдяныхъ гнейсовъ въ рогово-обманковые и частую перемежаемость ихъ съ амфиболитами.

7. Золотоносныя розсыпи представляютъ послѣ-третичныя отложенія, мѣстное образованіе которыхъ черезъ разрушеніе коренныхъ мѣсторожденій доказывается самымъ характеромъ этихъ отложеній.

8. Золотоносныя розсыпи относятся, по времени своего отложенія, къ двумъ періодамъ: болѣе древнему представленному здѣсь «рифовыми» розсыпями», и болѣе новому встрѣчающемуся въ руслахъ нынѣ текущихъ рѣчекъ.

Кромѣ розсыпнаго золота въ послѣднее время найдены и коренныя его мѣсторожденія въ системѣ Джалты и Джалона [1]). Послѣднія сходны съ Уральскими, залегая здѣсь, какъ и тамъ, въ березитѣ, т.-е. въ жильномъ мусковитовомъ гранитѣ. Но къ разработкѣ этихъ рудъ приступлено еще не было.

Для того, чтобы покончить съ обзоромъ ископаемыхъ богатствъ Амурской области, мы должны еще познакомиться съ мѣсторожденіями сурьмы, каменнаго угля и мрамора.

Сурьмяный блескъ открытъ былъ въ сравнительно недавнее время горнымъ инженеромъ Бацевичемъ, и вотъ, что сообщаетъ онъ о своемъ открытіи [2]).

Въ восточной окраинѣ обширной низменной равнины, къ С. отъ ст. Сагибовой, находится уединенная, невысокая гора, извѣстная у окрестныхъ жителей подъ именемъ Бакучанъ. При ея осмотрѣ выяснилось, что основаніе ея, въ окружности около двухъ верстъ, имѣетъ форму удлиненно-овальную, вытянутую на С.-С.-З. Если смотрѣть на Бакучанъ съ запада, то въ вертикальномъ его расчлененіи примѣчается ясно выра-

---

[1]) Боголюбскій «Золотопромышленность въ Амурской Области», стр. VI.
[2]) L. c., стр. 24—30.

женный гребень, простирающійся съ С.-С.-З. на Ю.-Ю.-В., на которомъ находятся двѣ куполо-образныя вершины, раздѣленныя сѣдловиною. Верхняя площадка сѣверной, болѣе высокой вершинки, достигаетъ 100 ф. относительной высоты. Западный склонъ крутой, мѣстами даже отвѣсный, восточный пологій къ подошвѣ.

Естественные выходы горныхъ породъ наблюдаются только на западномъ склонѣ, въ отвѣсныхъ скалахъ у вершинъ, да мѣстами въ гребневыхъ частяхъ; подъ остальною же поверхностью горы слагающія ее породы маскируются растительнымъ слоемъ земли, покрытымъ кустарникомъ и рѣдкимъ малорослымъ лѣсомъ. Но и эти немногія обнаженія даютъ ясное представленіе о геологическомъ строеніи Бакучана, который, главнѣйшимъ образомъ, сложенъ изъ массивовъ сильно метаморфизированнаго кварцеваго трахита. При этомъ вдоль гребня горы простираются линейныя жилы плавиковаго шпата и сурьмянаго блеска. Уже самый характеръ породы указываетъ на вулканическое происхожденіе горы Бакучана. Изъ обзора же окружающей мѣстности и изъ изученія тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между трахитами и настилающими ихъ постпліоценовыми отложеніями, къ тому же явствуетъ, что гора Бакучанъ представляетъ еще и древній вулканъ, образованіе коего послѣдовало, по всей вѣроятности, въ пліоценовую эпоху и, во всякомъ случаѣ, ранѣе того времени, когда вся мѣстность между Бѣлыми горами и Буреинскимъ хребтомъ представляла одну водную поверхность, на подобіе современнаго намъ Байкальскаго озера.

Чтобы найти мѣсторожденіе сурьмянаго блеска, Бацевичъ задалъ штольнообразную выработку сѣвернѣе и рядомъ съ болѣе высокою вершинкой. Опредѣливъ въ гребневой части горы, что вертикальныя жилы плавиковаго шпата простирались на С.-С.-З., онъ повелъ развѣдку вкрестъ линіи простиранія послѣднихъ съ тѣмъ, чтобы пересѣчь сурьмяное мѣсторожденіе подъ прямымъ угломъ, такъ какъ не было причинъ допускать, чтобы простираніе трещинъ выполненія сурьмянымъ блескомъ имѣло бы иное направленіе чѣмъ плавиковаго шпата. Расчетъ Бацевича оправдался вполнѣ, и на 4-мъ аршинѣ по длинѣ выработки встрѣчено было мощное мѣсторожденіе сурьмянаго блеска, которое простирается на С.-В. 1h, достигая мощности въ $1\frac{1}{2}$ арш. Центральная часть мѣсторожденія, въ 1 арш. толщиной, представляетъ, совмѣстно съ плавиковымъ шпатомъ, метаморфизованный кварцевый трахитъ, пересѣченный по всѣмъ направленіямъ прожилками сурьмянаго блеска въ палецъ и

болѣе толщиной; съ обоихъ боковъ, въ зальбандахъ породы, въ четверть аршина толщиной, съ каждой стороны прилегаетъ сплошной сурьмяный блескъ, который выдѣляетъ тонкіе прожилки въ трахитѣ и плавиковый шпатъ. Сурьмяный блескъ является здѣсь или въ видѣ сплошныхъ массъ, или въ видѣ прекрасно образованныхъ игольчатыхъ кристалловъ свинцово-сѣраго цвѣта. Плавиковый шпатъ находится въ жилахъ, то въ видѣ красивыхъ зеленыхъ и фіолетовыхъ кристаллическихъ массъ, среди которыхъ, мѣстами, попадаются прекрасныя щетки фіолетовыхъ кубовъ, то въ видѣ плотной породы бѣлаго, сѣраго и зеленаго цвѣтовъ.

Въ научномъ отношеніи мѣсторожденіе это представляетъ интересъ въ томъ смыслѣ, что это единственный случай совмѣстнаго нахожденія жилъ—сурьмянаго блеска и плавиковаго шпата въ метаморфизированномъ кварцевомъ трахитѣ; въ практическомъ отношеніи открытіе сурьмяной руды весьма важно, и именно потому, что до сихъ поръ въ Россіи не было найдено мѣсторожденій послѣдней, годныхъ для разработки, а между тѣмъ ежегодно ввозъ ея въ Россію увеличивается и достигаетъ уже 35000 пудовъ, на сумму свыше 150000 рублей.

Каменный уголь до настоящаго времени не разработывался въ Амурской Области; тѣмъ не менѣе не лишне будетъ упомянуть здѣсь объ извѣстныхъ уже мѣсторожденіяхъ этого драгоцѣннаго минеральнаго топлива.

По рѣкѣ Амуру. Шмидтъ въ своемъ отчетѣ[1]) говоритъ между прочимъ, что въ глинистыхъ сланцахъ, на пространствѣ между р. Олдоемъ и ст. Черняевой, во многихъ мѣстахъ обнажаются прослойки сланцеватаго угля, толщиной не болѣе полуфута. Въ пластахъ глинистаго сланца встрѣчается много отпечатковъ растеній, судя по которымъ, Шмидтъ предполагаетъ присутствіе въ этой части Амура угольнаго бассейна юрской формаціи. Если предположеніе Шмидта справедливо[2]) и если припомнить, что на Кавказѣ, близъ Кутаиса, въ юрской почвѣ открыты мощные пласты весьма доброкачественнаго

---

[1]) «Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». 1860, XXXIII, 4, стр. 199—218.

[2]) Эти строчки писались Кеппеномъ въ 1873 г., когда матеріалы, собранные Шмидтомъ, еще не были опредѣлены окончательно. Только въ 1876 г. появилась въ свѣтъ книга Oswald Heer'a, въ которой эти матеріалы были детально обработаны. (Beiträge zur Jura Ost—Sibirens und des Amurlandes). Въ качествѣ дополненія къ труду Oswald Heer'a явилось въ 1889 сочиненіе, озаглавленное «Fossile Jnsecten aus der Iuraformation Ost-Sibiriens»; эти ископаемыя насѣкомыя, найденныя, впрочемъ, главнѣйшимъ образомъ въ бас. р. Ангары, обработаны были совмѣстно тремя нѣмецкими учеными Friedr. Brauer'омъ, Jos. Redtenbacher'омъ и Ludw. Ganglbauer'омъ. Оба труда печатались въ «Mémoires de l'Acad. Impér. des Sciences éd. St.-Pétersb.»: первый въ t. XXII, № 12, второй t. XXXVI, № 15.

угля, то можно имѣть надежду, что впослѣдствіи, при болѣе тщательныхъ поискахъ на каменный уголь, и въ этой мѣстности будутъ открыты болѣе толстые пласты угля[1]).

Въ 50 верстахъ ниже по Амуру, не доходя поселка Аносова, возвышается разрѣзъ горы Цагаянъ. Въ верхней части обнаженія, среди свѣтлаго песчаника, какъ ленты тянутся другъ надъ другомъ, двѣ темныя полосы, мощностью отъ 3 до 5 фут. Слои эти представляютъ обугленную массу хвойныхъ деревьевъ и мелкихъ частей растеній, составляющихъ массу, подходящую къ торфу, отчасти уже перешедшую въ бурый уголь. Штольнеобразныя выработки, заложенныя здѣсь Бацевичемъ[2]), обнаружили толщину пластовъ ископаемаго угля, отъ $^1/_2$ до $^3/_4$ аршинъ. Въ обнаженіи они кажутся болѣе мощными, но это происходитъ отъ того, что уголь, разрушаясь и осыпаясь, окрашиваетъ подстилающія глины въ черный цвѣтъ. Ископаемый уголь представляетъ здѣсь дурнаго качества лигнитъ, который является то темнымъ и листоватымъ, то болѣе плотнымъ и тогда буроватымъ. Листоватыя разности, полежавъ нѣсколько часовъ на воздухѣ, разсыпаются въ порошокъ. Болѣе плотный лигнитъ при горѣніи выдѣляетъ длинное пламя. По мнѣнію Бацевича мѣсторожденіе это не имѣетъ никакого практическаго значенія, какъ по плохимъ качествамъ угля, такъ и по неблагопріятнымъ условіямъ залеганія его тонкихъ пластовъ между глинами въ почвѣ и песками въ кровлѣ.

Далѣе внизъ по Амуру, ниже устья Кумары, въ большомъ Кривунѣ, т.-е., между поселками Карсакова и Казакевича, снова являются пласты песчаника и глинистаго сланца съ пропластками бураго угля, болѣе мощными сравнительно съ обнажающимися въ верховьяхъ Амура.

Верстахъ въ 30 выше Благовѣщенска обнажается листоватый бурый уголь, принадлежащій къ третичной формаціи.

Еще далѣе внизъ по Амуру, въ 9 верстахъ выше станицы Иннокентьевской, въ обнаженіи, простирающемся на двѣ версты вдоль праваго берега, вверху лежатъ пласты песчаника, подъ ними два пласта бураго угля и затѣмъ внизу твердая глина грязно-сѣраго цвѣта[3]). Пластъ угля достигаетъ толщины отъ 3 до 5 футовъ. Уголь имѣетъ изломъ ровный, незначительную твердость и цвѣтомъ измѣняется отъ бураго до смольно-чернаго. Изслѣдованія Шмидта показали, что уголь этотъ

---

[1]) «Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». 1873 IV, стр. 165.

[2]) Бацевичъ, l. c., стр., 21.

[3]) См. выше, стр. 57—II.

весьма новаго происхожденія и принадлежитъ къ третичной формаціи. По приказанію ген-лейт. Венцеля, въ 1857 г. казаками ближайшей станицы было наломано до 400 пудовъ этого угля и вмѣстѣ съ тѣмъ съ одной стороны изъ Иркутска предписано было командиру парохода «Лена» принять на мѣстѣ этотъ уголь и сдѣлать опытъ употребленія его въ топкахъ паровыхъ котловъ; съ другой же, военнымъ губернаторомъ Приморской Области предложено было всѣмъ командирамъ пароходовъ, идущихъ вверхъ по рѣкѣ, испытывать этотъ уголь. Но для опытовъ, какъ впослѣдствіи донесъ объ этомъ военный губернаторъ Амурской области, изъ всего добытаго количества угля командирами пароходовъ было взято не болѣе трехъ пудовъ; весь же остальной заготовленный уголь унесло водою во время наводненія. Въ 1858 г. военный губернаторъ Забайкальской Области поручилъ горн. инж. Баскину произвести осмотръ этого мѣсторожденія. Пластъ бураго угля на протяженіи 1 версты выходитъ разрѣзомъ отъ $^1/_2$ до 2 сажень мощностью. Уголь на наружной поверхности оказался неудовлетворительныхъ качествъ, но по мѣрѣ углубленія внутрь былъ нѣсколько лучше.

Ниже по теченію Амура до поселка Пашковскаго во многихъ мѣстахъ повторяются разрѣзы пластовъ третичной формаціи, въ составъ коихъ входятъ песчаники, глины, конгломераты и бурый уголь.

По рѣкѣ Зеѣ уголь встрѣчается въ области ея верхняго теченія, на параллели Албазина[1]), а также въ Бѣлыхъ горахъ, противъ устья Селимджы.

Въ верховьяхъ *Буреи* каменный уголь открытъ былъ еще въ 1844 году академикомъ Миддендорфомъ. Пласты его стоятъ здѣсь почти вертикально и заключаютъ въ себѣ уголь хорошихъ качествъ. На протяженіи 150 вер. внизъ по теченію Буреи, ниже перваго обнаженія, во многихъ мѣстахъ, въ берегахъ рѣки попадаются обнаженія, состоящія изъ тѣхъ же пластовъ песчаника и глинистаго сланца съ пропластками угля; съ тою, впрочемъ, разницей, что здѣсь пласты лежатъ уже почти горизонтально. Шмидтъ обнаженія эти относитъ также къ образованіямъ юрской формаціи[2]).

Кромѣ вышеописанныхъ мѣсторожденій мраморовидныхъ

---

[1]) Кеппенъ, l. c, стр., 166.

[2]) См. выше, стр.. 56 и далѣе.

О мѣсторожденіяхъ бураго угля и лигнита пишетъ и Бацевичъ, однако ничего существеннаго по этому поводу не сообщаетъ, находя всѣ почти мѣсторожденія угля по Амуру не пригодными для разработки. Впрочемъ онъ нашелъ, что Буреинскій каменный уголь имѣетъ будущность и залегаетъ въ условіяхъ, дѣлающихъ эксплоатацію его возможною.

кристаллическихъ известняковъ по р. Самарѣ, *мраморъ* встрѣченъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Амурской Области. Укажемъ на слѣдующія его мѣсторожденія.

Мѣсторожденіе по Амуру, у ст. Ермаковой. Въ 3 вер. на Ю.-В. отъ станицы Ермаковой на лѣвомъ берегу Амура, къ самому руслу подступаетъ съ отвѣсными склонами гора, имѣющая широкую площадку на своей вершинѣ. Гора эта почти сплошь состоитъ изъ пластовъ мрамора, толщиной отъ $^1/_2$ до $1^1/_2$ арш., которые обнаруживаютъ общее паденіе на С.-В. 2h подъ угл. 35°. Независимо отъ слоеватости, мѣсторожденіе разбито вертикальными трещинами. Пласты бѣлаго мрамора мѣстами чередуются съ сѣрыми кристаллическими известняками, хотя большая часть ихъ все же состоитъ изъ прекраснаго сахарно-бѣлаго мрамора, представляющаго всѣ переходы отъ тонко къ крупно-зернистому. Онъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, пригоденъ только для мелкихъ подѣлокъ. Выходъ мрамора имѣетъ до 20 саж. мощности и въ глубь былъ прослѣженъ на 150 саж.

Мѣсторожденіе по Зеѣ, ниже р. Чукчукана. Мѣстонахожденіе мрамора но Зеѣ, на которое обыкновенно указываютъ мѣстные жители, это, такъ называемый, «Мраморный утесъ», находящійся неподалеку отъ р. Чукчукана и представляющій самостоятельное мѣсторожденіе. Открытыя же Бацевичемъ залежи мрамора, поражающія, по его словамъ, своею мощностью, находятся въ протокѣ Зеи, на лѣвомъ ея берегу, приблизительно верстахъ въ 4 выше резиденіи Восточно-Амурской К°. Описываемое мѣсторожденіе находится въ утесѣ, представляющемъ антиклинальную складку обнажающихся пластовъ мрамора, сводъ которой состоитъ изъ темныхъ известковыхъ сланцевъ. По обѣ стороны отъ купола сланцевъ располагаются круто-падающіе и отвѣсные пласты различнаго по цвѣту и сложенію мрамора, главнымъ недостаткомъ коего, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, являются слоеватость и трещиноватость, что особенно свойственно темнымъ разностямъ мрамора, отдѣляющимся здѣсь въ видѣ тонкихъ плитъ.

Вообще мраморъ встрѣчается здѣсь по обѣимъ сторонамъ р. Зеи и представляетъ хорошее и значительное мѣсторожденіе, коимъ пользуются теперь исключительно только для выжиганія извести. Мраморный утесъ сдается въ аренду съ платой 30 р. въ годъ.

По отношенію къ другимъ ископаемымъ Амурская Область все еще представляется въ полномъ значеніи этого слова «terra incognita».

ГЛАВА VI.

Климатъ Амурскаго бассейна.

Твердою основою нашихъ сужденій о климатѣ Амурскаго бассейна служатъ намъ метеорологическія наблюденія, производившіяся въ 8 пунктахъ этого бассейна. Географическое расположеніе этихъ пунктовъ слѣдующее: два изъ нихъ находятся въ верховьяхъ рѣкъ Амурской системы, а именно, на Шилкѣ (Нерчинскъ) и близъ Аргуни (Нерчинскій заводъ), одинъ на с-з-ой оконечности обширной дуги образуемой теченіемъ Амура (Албазинъ), три вдоль южной части этой дуги (Благовѣщенскъ, Екатерино-Никольская станица и Хабаровскъ), одинъ на с-в-ой оконечности упомянутой дуги, близъ устья Амура (Николаевскъ) и, наконецъ, одинъ вдали отъ теченія Амура, внутри обширнаго сегмента отекаемаго дугою Амура, въ верховьяхъ р. Нюмана, притока Буреи.

Географическое положеніе этихъ пунктовъ, абсолютная высота ихъ надъ уровнемъ океана и продолжительность производившихся въ нихъ наблюденій видны изъ слѣдующей таблички [1]):

	Географическое положеніе. Сѣв. шир.	В. дол. отъ Гр.	Высота надъ ур. м.	Продолж. наблюд.
Нерчинскъ . . .	51° 58′	116° 35′	1970 ф.	10 л.
Нерчинскій зав. . .	51° 19′	119° 37′	2155 »	53 г.
Албазинъ	53° 21′	124° 4′	830 »	2 »
Благовѣщенскъ . .	50° 15′	127° 38′	390 »	24 »
Екатерино-Никольская стан. . . .	47° 45′	130° 58′	310 »	2 »
Хабаровскъ . . .	48° 28′	135° 4′	350 »	10 л.
Николаевскъ . . .	53° 8′	140° 5′	40 »	34 г.
Софійскій пр. . .	52° 27′	134° 7′	3000 »	6 л.

[1]) Метеорологическія наблюденія въ обозначенныхъ въ табличкѣ пунктахъ сведены до 1875 г. въ сочиненіи Вильда: «О температурѣ воздуха въ Россійской Имперіи» Спб. 1882 г., а за послѣдующіе годы печатались ежегодно въ «Лѣтописяхъ Главной Физической обсерваторіи» за 1876—1892 годы.

Независимо отъ этихъ наблюденій, мы имѣемъ драгоцѣнныя указанія, относящіяся до климата Амурскаго бассейна, въ прекрасныхъ статьяхъ Фритче [1]) и Воейкова [2]), а также въ часто приводимыхъ нами сочиненіяхъ Радде, Максимовича, Шренка, Шперка, Назарова и Коржинскаго.

Самыя общія соображенія о климатѣ Амурскаго бассейна находимъ мы въ статьѣ профессора А. И. Воейкова—«Климатъ области муссоновъ Восточной Азіи». Соображенія эти мы и предпошлемъ спеціальному разбору климатическихъ условій Амурскаго бассейна.

Амурскую Область Воейковъ включаетъ въ число странъ, составляющихъ сѣверную окраину обширной «области муссоновъ», обнимающей Корею, Манджурію, весь Китай до Хуанъ-Хэ и, наконецъ, восточную часть Индо-Китая. Такимъ образомъ сѣверная граница этой области достигаетъ у Охотска 60^0 сѣв. шир.; западная—103^0 вост. долг. отъ Гринвича, южная—10^0 сѣв. шир. въ Кохинхинѣ, и, наконецъ, восточною ея границей являются моря: Китайское, Японское, Желтое и Охотское съ ихъ заливами и проливами.

Температура чрезвычайно различна на этомъ обширномъ пространствѣ, годовая, напримѣръ,—5^0,3 въ Охотскѣ и+27^0 въ Сайгонѣ, январь — 33^0,5 въ Нерчинскѣ и+25^0,5 въ Сайгонѣ, но общій характеръ муссоновъ тотъ же въ полярномъ климатѣ Охотска и тропическомъ Сайгона.

Зимой внутри Восточной Сибири находится наивысшее, какое только извѣстно намъ на земномъ шарѣ, давленіе воздуха, которое, будучи приведено къ уровню моря, равняется 778 миллиметрамъ и выше [3]). Такъ какъ въ это время въ сѣверныхъ частяхъ Тихаго Океана и на моряхъ около экватора давленіе низко, то въ нижнихъ слояхъ воздухъ течетъ изнутри Восточной Сибири къ морямъ, и это теченіе воздуха довольно постоянно въ теченіи всей зимы. Лѣтомъ, напротивъ, степи и пустыни Внутренней Азіи сильно нагрѣваются, давленіе воздуха становится низкимъ, и вѣтеръ поэтому дуетъ съ моря,

---

[1]) Fritsche—das Klima Ost Asien's въ L. Sehrenk Reisen im Amurlande, IV томъ, 2-я часть.

[2]) Климатъ области муссоновъ Восточной Азіи въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1879, V.

[3]) По вычисленіямъ Тилло въ области изобары средняго давленія 775; только мѣстность къ сѣверу (?) отъ Байкала имѣетъ въ январѣ высшее среднее давленіе, достигающее 777, но изобара средняго наибольшаго давленія, выражаясь у Иркутска сомкнутою кривой, имѣетъ уже въ октябрѣ 780 мм., послѣ чего достигаетъ въ январѣ 790 и понижается въ мартѣ снова до 780. («Распредѣленіе атмосфернаго давленія на пространствѣ Россійской Имперіи и Азіатскаго материка» въ «Запискахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1890. XXI, стр. 203).

т.-е. съ востока. Такимъ образомъ муссоны Восточной Азіи являются послѣдствіемъ взаимнаго вліянія величайшаго изъ материковъ—Азіи и величайшаго изъ морей—Тихаго Океана.

Впрочемъ, явленіе муссоновъ было бы далеко не столь правильнымъ, еслибы этому не способствовали другія географическія условія. Высокое давленіе зимой свойственно вообще материкамъ въ среднихъ и высокихъ широтахъ; является оно, какъ извѣстно, вслѣдствіе бо́льшаго охлажденія твердой земли сравнительно съ моремъ. Очевидно, что огромный Азіатскій материкъ еще болѣе подвергается этимъ условіямъ нежели Европа или Сѣверная Америка; однако, можно было бы ожидать, что наивысшее давленіе окажется въ центрѣ материка, вдали отъ окружающихъ морей. Въ Азіи же оно является довольно близко отъ Тихаго Океана, такъ что, напримѣръ, у Байкала и на верховьяхъ Амура оно выше, чѣмъ въ Западной Сибири, не смотря на то, что послѣдняя находится дальше отъ береговъ Атлантическаго Океана, чѣмъ верховья Амура отъ Тихаго. Въ Западной Сибири барометръ стоитъ иногда очень высоко, но это высокое давленіе непродолжительно. Причина ясна: Западная Сибирь преимущественно состоитъ изъ равнинъ. Къ сѣверу отъ нея лежитъ Ледовитый Океанъ, къ западу Европа, къ юго-западу Арало-Каспійскія степи. Въ этихъ странахъ давленіе зимой вообще ниже [1]), чѣмъ въ южной части Западной Сибири и, благодаря ровной мѣстности, воздухъ можетъ свободно стекать туда. Восточная Сибирь имѣетъ, наоборотъ, пересѣченную мѣстность, и горы, плоскогорья и пади наполняютъ почти все ея пространство, кромѣ крайняго сѣвера [2]). Въ этихъ долинахъ и на этихъ плоскогоріяхъ тоже является высокое давленіе зимой [3]), но воздухъ не можетъ свободно вытекать оттуда вслѣдствіе препятствій, представляемыхъ окружающими горами. Въ долинахъ и на плоскогоріяхъ накопляется, поэтому, самый тяжелый и холодный воздухъ и стоитъ, приблизительно, всю зиму. Слѣдовательно, географическія условія Восточной Сибири таковы, что способствуютъ установленію высокаго давленія, ясной и холодной погоды въ теченіе всей зимы. Выше 3.000—5.000 ф. тяжелый, холодный воздухъ Восточной Сибири свободно сте-

---

[1]) Семипалатинскъ въ декабрѣ, январѣ и февралѣ 770 мм.; Арало-Каспійскія степи—въ декабрѣ 765, въ январѣ 766, въ февралѣ 765.

[2]) Повидимому и крайній сѣверъ Восточной Сибири представляетъ чрезвычайно гористую мѣстностность, въ которой хребты достигаютъ 5 тыс. футъ! См. отчетъ Черскаго.

[3]) Тилло того мнѣнія, что этотъ антициклонъ не зарождается въ бассейнѣ Байкала, а проникаетъ въ Сибирь съ сѣверо-запада (I. c., стр. 201).

кает къ Тихому Океану и его заливамъ, и такъ какъ высокое давленіе внутри страны постоянно, то постояненъ и этотъ вѣтеръ—зимній муссонъ Восточной Азіи. Такой вѣтеръ, очевидно, приноситъ ясную, сухую погоду.

Лѣтомъ сухія степи и пустыни Монголіи сильно нагрѣваются, воздухъ разрѣжается и является притокъ со стороны моря. Вслѣдствіе господства влажнаго вѣтра съ Тихаго Океана являются обильные дожди какъ въ Китаѣ, такъ и въ Пріамурьѣ; но такъ какъ Монголія отдѣлена отъ моря значительными массами горъ, то дожди падаютъ преимущественно на восточномъ склонѣ этихъ горъ и рѣдко перепадаютъ въ самой Монголіи, гдѣ жаръ и сухость—причины низкаго давленія—господствуютъ въ теченіе всего лѣта.

Восточныя Азія, и въ частности, Амурская область характеризуются, слѣдовательно, большимъ преобладаніемъ лѣтнихъ осадковъ надъ зимними. Въ Европейской Россіи лѣтніе осадки также преобладаютъ, но гораздо менѣе, такъ что въ самый дожливый мѣсяцъ выпадаетъ втрое, много вчетверо болѣе воды, чѣмъ въ самый сухой. Не то въ Восточной Азіи: здѣсь отношеніе это доходитъ до 50:1 и даже болѣе. Особенности климата муссоновъ въ Востосточной Азіи также рѣзко выступаютъ въ распредѣленіи облачности по временамъ года. Въ Европейской Россіи, несмотря на преобладаніе лѣтнихъ дождей, все таки небо яснѣе лѣтомъ, чѣмъ позднею осенью и зимой, а въ Восточной Азіи наоборотъ.

Въ январѣ мы имѣемъ давленіе въ 777 мм. на сѣверной окраинѣ области муссоновъ, у озера Байкала, 765 въ Кантонѣ и еще ниже, въ Кохинхинѣ, Сѣверной Японіи и низовьяхъ Амура (760)[1]). Холодный, сухой зимній муссонъ находится въ полной силѣ. Весною давленіе воздуха быстро уменьшается надъ равнинами Китая; поэтому на берегахъ являются восточные и южные вѣтры. Хотя направленіе вѣтра такимъ образомъ почти совпадаетъ съ тѣмъ, которое наблюдается лѣтомъ, но весна отличается отъ лѣта меньшимъ постоянствомъ этихъ вѣтровъ и меньшимъ количествомъ дождя. Всѣ явленія, сопровождающія муссоны, на сѣверной окраинѣ области и даже въ Сѣверномъ Китаѣ, являются позже, чѣмъ на югѣ; такъ—даже въ небольшомъ разстояніи отъ моря весной тамъ все еще продолжаютъ дуть чрезвычайно сильные и сухіе, преимущественно западные (С.-З., З., Ю.-З.), вѣтры, несущіе воздухъ изъ сухихъ степей и пустынь Монголіи. Вѣроятно, что

[1]) Цыфры эти заимствованы у Тилло.

еще въ это время года давленіе воздуха тамъ выше, чѣмъ въ равнинахъ Китая, гдѣ весной нужно предполагать центръ циклона, притягивающій воздухъ какъ съ востока, т.-е., съ моря, такъ и съ запада, т.-е., изъ Монголіи.

Рѣшительный перевѣсъ получаетъ здѣсь восточный вѣтеръ только въ іюнѣ. Въ это время центръ низкаго давленія Восточной Азіи находится далеко къ западу отъ Китая. Дѣло въ томъ, что къ этому времени нижнія плоскогорія Монголіи успѣваютъ такъ сильно нагрѣться, что надъ ними образуется мощный, восходящій токъ, вслѣдствіе чего въ нижнихъ слояхъ воздухъ направляется отъ Тихаго Океана въ Монголію. Но гдѣ же слѣдуетъ искать центръ лѣтняго циклона? Воейковъ думаетъ найти его гдѣ-нибудь у Лобъ-Нора [1]). Здѣсь, говоритъ онъ, плоскогоріе относительно невысоко, а между тѣмъ разстояніе отъ морей такъ значительно, что мы должны предполагать чрезвычайно сильное нагрѣваніе лѣтомъ. Къ востоку отъ Лобъ-Нора, въ пустыняхъ Ала-Шаня, все еще преобладаютъ лѣтомъ юго-восточные вѣтры. Въ сентябрѣ давленіе значительно увеличивается въ Монголіи и въ Сѣверномъ Китаѣ, а также въ Пріамурьѣ, вслѣдствіе чего и происходитъ перемѣна муссона, хотя западный вѣтеръ получаетъ рѣшительное преобладаніе не ранѣе октября.

Правильныя, періодическія измѣненія давленія воздуха чрезвычайно велики въ области муссоновъ. Насколько до сихъ поръ извѣстно, они особенно велики въ серединѣ этой области, т.-е., на равнинахъ Сѣвернаго Китая, въ Пекинѣ и его окрестностяхъ. Въ Пекинѣ долголѣтнія наблюденія даютъ разность 19,2 мм. между средними числами января и іюля; на сѣверѣ и на югѣ эта разность уменьшается; такъ, напримѣръ, въ Николаевскѣ она равняется всего 6,6 м., причемъ барометръ стоитъ выше въ февралѣ, чѣмъ въ январѣ. Напротивъ того, неправильныя или неперіодическія колебанія барометра въ Восточной Азіи меньше, чѣмъ въ Европѣ и Сѣверной Америкѣ подъ тѣми же широтами, въ особенности зимой. Нужно замѣтить еще, что самыя большія колебанія въ Восточной Азіи являются не зимой, а въ началѣ весны, въ мартѣ или даже въ апрѣлѣ; напримѣръ, Нерчинскій заводъ: январь 21,2, мартъ 26,1.

Центръ низкаго давленія находится къ югу отъ Забайкалья и Амурской Области во всѣ времена года, зимой на моряхъ, лѣтомъ же внутри материка, приблизительно подъ

---

[1]) У Тилло изобары средняго и наименьшаго давленія за іюнь—іюль приходятся на Тибетъ, бас. Куку-Нора, долину Инда и Ганга. Намъ думается, что Воейковъ болѣе правъ, отыскивая центръ циклона у Лобъ-Нора.

40° с. ш. Впрочемъ, на низовьяхъ Амура еще является правильная смѣна западныхъ вѣтровъ зимой и восточныхъ лѣтомъ вслѣдствіе положенія моря и материка[1]), но уже и здѣсь, т.-е. въ прибрежныхъ странахъ (напримѣръ, въ Николаевскѣ), приходится отмѣтить большое число сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, вызванныхъ довольно высокимъ въ это время давленіемъ въ полярныхъ странахъ. Далѣе же внутри страны (Благовѣщенскъ, Нерчинскій заводъ) затишье рѣшительно преобладаетъ зимой. Когда бываетъ вѣтеръ, онъ почти всегда дуетъ съ сѣверо-запада и вообще слабъ[2]). Лѣтомъ въ Нерчинскомъ заводѣ число и сила вѣтровъ гораздо значительнѣе, чѣмъ зимой, и восточные также дуютъ чаще, но не имѣютъ рѣшительнаго преобладанія. Впрочемъ, въ другихъ явленіяхъ вліяніе муссоновъ проявляется здѣсь очень рѣзко.

Перейдемъ теперь къ осадкамъ. На западномъ побережьи Охотскаго моря въ сентябрѣ выпадаетъ всего болѣе дождей, хотя наибольшая облачность является уже въ іюлѣ. Дѣло въ томъ, что въ Охотскомъ морѣ ледъ держится до конца лѣта. Въ іюлѣ вода еще настолько холодна, что вѣтры, проходящіе надъ моремъ, не могутъ запастись большимъ количествомъ паровъ. Въ августѣ же и сентябрѣ, когда морская вода теплѣе, вѣтры несутъ уже болѣе влаги; да къ тому же и материкъ къ этому времени становится холоднѣе моря,—двѣ причины, совершенно достаточныя для объясненія вышеуказаннаго явленія. Въ Николаевскѣ замѣчается такое же опаздываніе осадковъ: наибольшее количество воды выпадаетъ въ сентябрѣ. Впрочемъ, дожди здѣсь рѣже, чѣмъ на Аянскомъ побережьѣ Охотскаго моря. Происходитъ это потому, что морскіе вѣтры проносятся надъ Николаевскомъ, отдавая избытокъ своей влаги восточнымъ склонамъ Буреинскихъ горъ и Джукдыра. Зимніе осадки здѣсь также далеко не столь незначительны, какъ, напримѣръ, въ Пекинѣ. Извѣстно, что на нижнемъ Амурѣ, обыкновенно, бываютъ глубокіе снѣга. Однако, чѣмъ выше мѣстность въ долинѣ Амура, тѣмъ менѣе выпадаетъ снѣга, такъ что у Благовѣщенска не бываетъ глубокихъ снѣговъ; тѣмъ не менѣе, санный путь стоитъ тамъ мѣсяцевъ пять. Столько же времени держится онъ и въ Нерчинскѣ, но уже далѣе къ западу, въ Читѣ, напримѣръ, ѣздятъ и зимой на колесахъ. Количество снѣга на верхнихъ притокахъ Амура, напримѣръ, на Аргуни и Ононѣ настолько мало, что рѣки не

---

[1]) Это мѣсто цитировано дословно изъ статьи Воейкова.

[2]) Свѣдѣнія Воейкова о вѣтрахъ, господствующихъ въ Благовѣщенскѣ, впрочемъ, не совсѣмъ вѣрны.

имѣютъ даже весенняго половодья, зависящаго отъ таянія снѣговъ. Лѣтомъ же, особенно въ августѣ, вода значительно поднимается, грозя наводненіемъ всему побережью. Русскіе поселенцы на Амурѣ жалуются, что все въ этой странѣ дѣлается не во время: весенняго половодья нѣтъ, а не успѣютъ они скосить и убрать сѣно, какъ вода поднимается и уноситъ его. Такимъ образомъ Амуръ по періоду половодья приближается къ большимъ рѣкамъ Китая, такъ какъ и тамъ, и тутъ лѣтніе разливы зависятъ отъ обильныхъ дождей во время лѣтняго муссона; только на верхнемъ Амурѣ эти дожди не такъ правильны, какъ въ Китаѣ, а потому и разливы рѣки бываютъ не ежегодно.

Такъ какъ Амурская Область, по преимуществу,—гористая мѣстность, то здѣсь на распредѣленіе температуръ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, оказываютъ вліяніе восходящіе и нисходящіе воздушные токи. Кому, напримѣръ, неизвѣстно, что въ тихія и ясныя весеннія и осеннія ночи растенія на днѣ долинъ замерзаютъ, а на горныхъ склонахъ остаются неповрежденными? Это происходитъ оттого, что самые тяжелые и холодные слои, сползая по склонамъ, достигаютъ дна долины, гдѣ и остаются. Это простое дѣйствіе тяжести. Когда солнце опять покажется, оно нагрѣваетъ поверхность земли и вызываетъ восходящіе токи воздуха, такъ что, достигнутое въ теченіе ночи, равновѣсіе слоевъ опять нарушается. Зимой, когда лучеиспусканіе преобладаетъ надъ нагрѣваніемъ, часто случается, что при такой погодѣ долины бываютъ холоднѣе сосѣднихъ высотъ даже и днемъ. Вѣтеръ вообще нарушаетъ эти отношенія, такъ какъ при вѣтрѣ въ гористыхъ странахъ воздухъ то поднимается вдоль склоновъ и приэтомъ охлаждается, то опускается и приэтомъ нагрѣвается.

Внутри Восточной Сибири, гдѣ зимой бываетъ затишье при ясномъ небѣ, условія необыкновенно благопріятны для того, чтобы самый холодный воздухъ накоплялся на днѣ долинъ и чтобы на сосѣднихъ склонахъ и вершинахъ воздухъ былъ теплѣе. Извѣстно, напримѣръ, что на Алиберовскомъ гольцѣ, на абсолютной высотѣ около 7.200 футовъ и въ 300 верстахъ отъ Иркутска температура зимы теплѣе, чѣмъ въ этомъ послѣднемъ. На Вознесенскомъ пріискѣ, въ Олекминскомъ округѣ, на высотѣ 2.900 футовъ температура зимы также значительно выше, чѣмъ это можно было бы ожидать, судя по его близости къ Якутску [1]). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что

[1]) Вотъ среднія мѣсячныя за 11 лѣтъ наблюденій на пріискѣ: октябрь — $7^0,36$, ноябрь—$17^0,38$, декабрь—$24^0,66$, январь—$24^0,77$, февраль—$22^0,49$ и мартъ—$14^0,98$. (Вильдъ «О температурѣ воздуха въ Россійской Имперіи». Табл., стр. CCIX).

тоже встрѣчается и въ Амурской Области. Точныя метеорологическія наблюденія на отдѣльныхъ горныхъ высотахъ и у ихъ подошвъ были бы поэтому здѣсь чрезвычайно важны для науки. Но и безъ нихъ возможно, кажется, уже теперь формулировать слѣдующее положеніе относительно Монголіи и Восточной Сибири: средняя температура зимы на горной вершинѣ будетъ выше, чѣмъ въ долинѣ или на плоскогорьѣ у ея подошвы, если тамъ преобладаетъ затишье или очень слабые вѣтры.

И такъ зимой на Гоби, въ бассейнѣ Верхняго Амура и къ западу отъ Яблоноваго хребта, на плоскогорьяхъ, въ долинахъ и котловинахъ, окруженныхъ горами, скопляется самый тяжелый и холодный воздухъ. Въ нижнихъ слояхъ онъ не можетъ стекать къ Тихому Океану и болѣе теплымъ равнинамъ Китая, такъ какъ этому мѣшаютъ крутыя и высокія горы. Стокъ воздуха къ востоку и къ югу возможенъ лишь съ высотъ въ 3.000 — 5.000 футъ. Но на этой высотѣ надъ долинами и плоскогоріями воздухъ, вѣроятно, теплѣе, чѣмъ на днѣ долинъ и плоскогорій. Къ тому же воздухъ, спускаясь, нагрѣвается на 1^0 на каждые 100 метровъ (328 ф.). Именно то, что воздухъ нагрѣвается, спускаясь съ горъ и плоскогорій, объясняетъ, почему въ самой сѣверной части Китая не такъ холодно зимой, какъ это слѣдовало бы ожидать при господствующихъ тамъ сѣверныхъ вѣтрахъ и чрезвычайно низкой зимней температурѣ на плоскогоріи Гоби. Всего въ ста верстахъ съ небольшимъ отъ Пекина, въ Сиванъ-цзэ, средняя температура въ январѣ — $16^0,7$, въ Пекинѣ же всего — $4^0,6$. Разность высотъ между этими пунктами составляетъ 3.800 футовъ; слѣдовательно, если мы представили бы себѣ нисходящій токъ воздуха отъ Сиванъ-Цзэ къ Пекину, то онъ долженъ былъ-бы нагрѣться на $11^0,7$ при опусканіи, т.-е., долженъ былъ бы имѣть около 5^0 ниже 0. А это ужъ весьма близко къ температурѣ, дѣйствительно наблюдаемой въ Пекинѣ, въ особенности, если принять въ расчетъ и разность широтъ (1^0). Такимъ образомъ, Печелійская долина ограждена окраинными горами отъ крайняго холода; гдѣ подобной защиты нѣтъ, тамъ тотчасъ же сказывается и вліяніе холодныхъ сѣверо-западныхъ и западныхъ вѣтровъ. Классическій примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ Владивостокъ. Какъ извѣстно, онъ построенъ въ мѣстности, отдѣленной отъ долины Уссури невысокимъ водораздѣломъ. Благодаря этому, сѣверные и сѣверо-западные вѣтры очень сильны во Владивостокѣ и наносятъ туда такой холодъ, что средняя температура января достигаетъ въ немъ—

14°,4—холодъ, нигдѣ не встрѣчающійся подъ этою широтой (43°) и у самаго моря въ другихъ мѣстностяхъ земнаго шара. Средняя температура января во Владивостокѣ ниже, чѣмъ гдѣ-бы то ни было въ Западной Европѣ, даже на крайнемъ сѣверѣ и на высокихъ горахъ по крайней мѣрѣ до 10.000 футовъ. Къ сѣверу отъ Владивостока поднимается высокій, побережный хребетъ Сихота-алинь. Онъ имѣетъ значительное вліяніе на температуру зимы; такъ, напримѣръ, въ гавани св. Ольги средняя температура января — 10°,6, т.-е. на 3°,8 теплѣе, чѣмъ во Владивостокѣ. Но для Амурской области значеніе его выростаетъ только въ лѣтнее и отчасти въ осеннее время, когда онъ умѣряетъ силу и влажность восточнаго муссона [1]).

Распредѣленіе температуръ въ ноябрѣ, декабрѣ и февралѣ существенно не отличается отъ январскаго; съ марта же оказывается различіе. Температура значительно возвышается внутри материка (Благовѣщенскъ, Нерчинскій заводъ, Урга), гораздо менѣе на берегахъ Охотскаго моря и Средняго Китая, еще менѣе въ Южномъ Китаѣ и Кохинхинѣ. Далѣе, отъ марта до іюня разность возрастанія температуръ внутри материка и у береговъ въ широтахъ выше 40° еще болѣе увеличивается. Не только сосѣдство моря, но и таяніе льдовъ значительно задерживаетъ возрастаніе температуры у береговъ. Такъ какъ тѣже условія понижаютъ температуру и іюля, то мы прямо перейдемъ къ ней.

Температура береговъ Восточной Азіи находится лѣтомъ подъ вліяніемъ холодныхъ морскихъ теченій и въ этомъ нельзя не видѣть сходства съ восточною частью Сѣверной Америки. Но, замѣчая сходство, нужно указать и на различія. Главное заключается въ томъ, что вдоль береговъ Сѣверной Америки проходитъ настоящее полярное теченіе, несущее огромную массу холодной воды и льдовъ изъ Сѣвернаго Океана. Такъ какъ Гольфстремъ не даетъ водѣ полярныхъ морей выхода

---

[1]) Воейковъ, продолжая свой обзоръ того вліянія, какое оказываетъ западный муссонъ на климатъ побережья Восточной Азіи и объясняя различія, наблюдаемыя въ температурахъ различныхъ точекъ этого побережья, различіемъ въ топографическихъ условіяхъ ближайшихъ окрестностей этихъ мѣстъ, между прочимъ, пишетъ: «Низовье Амура опять даетъ возможность холодному воздуху изнутри Сибири свободно стекать къ морю, вслѣдствіе чего и въ Николаевскѣ январь имѣетъ — 24°,5». Если мы возьмемъ въ соображеніе, что въ Охотскѣ, лежащемъ значительно сѣвернѣе Николаевска, температура января, нѣсколько выше, чѣмъ въ этомъ послѣднемъ, то невольно придемъ къ заключенію, что, помимо вліянія муссоновъ, тамъ существуютъ и другія причины, способствующія образованію такой низкой средней температуры въ теченіе всѣхъ зимнихъ мѣсяцевъ. Не обиліе-ли снѣговъ обязанъ Николаевскъ своею суровою зимой? Съ другой стороны это обиліе снѣговъ, не доказываетъ-ли оно относительно, разумѣется, слабое вліяніе на климатъ Николаевска западныхъ муссоновъ?

къ восточной части Атлантическаго Океана, то она стремится къ берегамъ Сѣверной Америки, принося сюда низкую температуру, которая вліяетъ въ значительной степени не только на береговой климатъ, но и на климатъ областей, лежащихъ далеко отъ прибрежья. Холодныя теченія Восточной Азіи менѣе сильны. Беринговъ проливъ настолько узокъ, что относительно небольшое количество воды можетъ проникать изъ Сѣвернаго въ Тихій Океанъ; поэтому Воейковъ, согласно съ академикомъ Шренкомъ, думаетъ, что холодныя теченія, идущія вдоль береговъ, берутъ начало главнѣйшимъ образомъ у береговъ Чукотской Земли и особенно въ Охотскомъ морѣ. Лишь одно изъ холодныхъ теченій этихъ морей—Лиманное, идущее вдоль Татарскаго берега и восточнаго берега Кореи, имѣетъ значительное вліяніе на температуру материка; другія же два—Сахалинское и Курильское, менѣе важны. Лиманное теченіе не можетъ подлежать сравненію съ холодными американскими теченіями, да и остальныя два незначительны; вотъ почему вліяніе ихъ не заходитъ далеко внутрь материка и ограничивается только неширокою полосой побережья; такъ что, напримѣръ, уже въ Благовѣщенскѣ, подъ 50° с. ш., мы наблюдаемъ весьма высокую среднюю температуру іюля 22°,1, какой въ Сѣверной Америкѣ не имѣютъ мѣстности, лежащія даже много южнѣе (къ югу отъ 43° с. ш.).

Горныя цѣпи не даютъ холодному воздуху надъ Лиманнымъ теченіемъ проникнуть внутрь страны, но онѣ, такъ сказать, сосредотачиваютъ холодный воздухъ у береговъ [1]). Здѣсь лѣто чрезвычайно холодное для этихъ широтъ, и туманы — результатъ встрѣчи холоднаго морскаго воздуха съ болѣе теплымъ на материкѣ—съ своей стороны способствуютъ тому, что растительность здѣсь не роскошна и имѣетъ рѣшительно сѣверный характеръ. Въ томъ случаѣ, когда горы не высоки или, какъ, напримѣръ, въ долинѣ Амура, совершенно отсутствуютъ, вліяніе этихъ вѣтровъ сказывается на большихъ разстояніяхъ. Еще Аносовъ подмѣтилъ вліяніе холодныхъ вѣтровъ Охотскаго моря на флору юго-восточныхъ склоновъ Буреинскихъ горъ, и вотъ, какъ онъ описываетъ свои впечатлѣнія.

«Весьма интересна рѣзкая разница, замѣчаемая въ скатахъ хребта. Такъ, напримѣръ, скаты, обращенные къ Амуру, по-

---

[1]) Максимумъ температуры этихъ теченій слѣдующій: Лиманное между заливомъ де-Кастри и Владивостокомъ достигаетъ 15°—18°; Сахалинское 7° и Курильско е6°; впрочемъ послѣднее такую низкую температуру получаетъ при соединеніи съ полярнымъ теченіемъ, проходящимъ черезъ Беринговъ проливъ, у береговъ же Камчатки оно достигаетъ 12°. (H. Fritsche «Ueber das Klima Ostasien's», стр. 346).

крыты роскошною растительностью, тогда какъ склоны, обращенные къ востоку, открытые сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ, покрыты жалкою растительностью, напоминающею сѣверъ Амурскаго края. Тутъ являются толстые слои мховъ и тощія лиственницы, опушенныя тоже мхомъ. Нигдѣ въ моихъ путешествіяхъ мнѣ не встрѣчалось видѣть столь рѣзкаго контраста въ растительности, какую я встрѣтилъ здѣсь, при перевалѣ Хингана съ вершины р. Помпеевки въ долину р. Жотара, притока р. Биджана. Она поразила меня въ особенности потому, что перевалъ этотъ былъ не далѣе, какъ въ 60 верстахъ отъ самыхъ южныхъ извилинъ Амура. Тѣмъ менѣе могъ я ожидать по другую сторону хребта встрѣтить тундры Якутской Области!» [1]).

На берегахъ Охотскаго моря лѣто холодно, но это слѣдуетъ приписать не морскимъ теченіямъ, а таянію льда, образовавшагося зимой на этомъ морѣ. Отсутствіе большихъ равнинъ у западнаго берега, такъ сказать, сосредотечиваетъ этотъ холодъ у моря, мѣшая распространяться далѣе. Къ западу отъ Станового водораздѣла поэтому лѣто гораздо теплѣе, напримѣръ, въ Якутскѣ іюль на 5,2° теплѣе, чѣмъ въ Аянѣ. Вездѣ, гдѣ холодныя теченія и льды понижаютъ температуру весны и лѣта, замѣчается большое запаздываніе температуры, или, другими словами, въ такихъ странахъ осенніе мѣсяцы гораздо теплѣе соотвѣтствующихъ весеннихъ. Изъ вышесказаннаго ясно, что берега Восточной Азіи отъ 43° до 55°, имѣя чрезвычайно холодную зиму, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ и очень холодную весну и лѣто; иными словами ихъ средняя годовая температура такъ низка, какъ нигдѣ на земномъ шарѣ подъ тѣми же широтами. Амуръ у Николаевска покрытъ льдомъ долѣе, чѣмъ Сѣверная Двина у Архангельска. На среднемъ Амурѣ зима еще холоднѣе, чѣмъ въ Николаевскѣ, но весна и лѣто гораздо теплѣе, растительный періодъ продолжительнѣе. Какъ было уже выше замѣчено, бассейнъ Уссури не отдѣленъ горами отъ моря у Владивостока; поэтому холодный воздухъ стремится вверхъ по Уссури къ морю, а лѣтомъ, напротивъ, холодный воздухъ съ моря идетъ внизъ по Уссури. Максимовичъ первый замѣтилъ, что на Уссури лѣто гораздо холоднѣе и растительность имѣетъ болѣе сѣверный характеръ, чѣмъ подъ той же широтой на Сунгари: послѣдняя находится далѣе отъ Океана и защищена отъ его охлаждающаго вліянія.

---

[1]) «Горный Журналъ», 1865, № 4, стр. 66.

Вышеизложенное хотя и захватываетъ всю сѣверную половину области восточныхъ муссоновъ, тѣмъ не менѣе имѣетъ самое прямое отношеніе къ климатологіи Амурскаго бассейна. Широкія обобщенія явленій, умѣло сгрупированныхъ Воейковымъ, даютъ намъ весьма опредѣленный взглядъ и на климатическія особенности этого края. Освоившись съ ними, мы какъ бы уже вступаемъ въ знакомую намъ страну, и детали, съ которыми мы можемъ еще познакомиться, только пополнятъ пробѣлы, измѣнятъ, можетъ быть, частности, но не поколеблютъ главнаго, — опредѣленнаго взгляда на положеніе Амурскаго бассейна какъ небольшого звена въ ряду другихъ странъ, тѣсно связанныхъ между собою общими климатическими явленіями.

Перейдемъ теперь къ спеціальному обзору двухъ важнѣйшихъ климатическихъ элементовъ разсматриваемаго бассейна, а именно, температурѣ воздуха и осадкамъ.

Температура воздуха.

Вотъ среднія мѣсячныя температуры, выведенныя изъ наблюденій за упомянутое въ приведенной нами уже выше, въ началѣ VI главы, на стр. 262, табличкѣ по каждому пункту число лѣтъ[1]):

	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Авзустъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
Нерчинскъ. . .	—33,5	—28,0	—16,5	—3,1	+ 7,0	+15,9	+18,2	+14,6	+ 7,6	—3,2	—19,3	—28,8
Нерчинскій з.	—29,6	—24,1	—12,9	—0,6	+ 8,1	+15,3	+18,5	+15,6	+ 8,6	—1,6	—15,8	—26,3
Албазинъ. . . .	—29,3	—26,0	—13,0	—2,0	+ 8,3	+14,8	+18,3	+14,8	+ 8,7	—2,2	—20,0	—27,3
Благовѣщенскъ.	—25,5	—19,1	— 9,8	+1,3	+ 9,8	+17,6	+21,4	+18,8	+11,8	+1,2	—12,5	—22,9
Екатерино-Никольская	—21,8	—17,6	— 7,5	+2,1	+10,3	+16,1	+21,1	+19,5	+13,6	+4,0	— 9,0	—18,3
Хабаровскъ. . .	—25,2	—19,1	— 8,2	+2,2	+10,5	+16,9	+20,8	+19,7	+13,4	+3,4	— 9,0	—19,9
Николаевскъ. .	—24,2	—20,2	—12,3	—3,0	+ 3,8	+12,0	+16,9	+16,3	+10,8	+1,7	— 9,3	—20,2
Софійскій пр.	—36,0	—28,2	—16,5	—5,3	+ 3,5	+10,6	+15,3	+13,0	+ 6,3	—5,4	—19,8	—29,7

Въ нижеслѣдующей табличкѣ мы представляемъ: среднія годовыя температуры; среднія температуры временъ года, теплѣйшаго и холоднѣйшаго мѣсяцевъ и, наконецъ, среднія температуры всего того 5-мѣсячнаго періода, который мы называемъ растительнымъ (май—сентябрь).

---

[1]) Въ приводимыхъ таблицахъ температуры показаны въ градусахъ Цельсія, а мѣсяцы вычислены по новому стилю.

	Средн. годовая.	Весны.	Лѣта.	Осени.	Зимы.	Теплѣйшаго мѣс.	Холоднѣйшаго.	Растител. періода.
Нерчинскъ	—5,8	—4,2	+16,2	—5,0	—30,0	+18,2	—33,5	+12,7
Нерчинскій заводъ	—3,7	—1,7	+16,5	—2,9	—26,6	+18,5	—29,6	+13,2
Албазинъ	—4,1	—2,2	+16,0	—4,5	—27,5	+18,3	—29,3	+13,0
Благовѣщенскъ	—0,7	+0,4	+19,3	+0,2	—22,7	+21,4	—25,5	+15,9
Екатерино-Никольская	+0,7	+1,6	+18,9	+2,9	—19,6	+21,1	—21,8	+16,1
Хабаровскъ	+0,5	+1,5	+19,1	+2,6	—21,4	+20,8	—25,2	+16,3
Николаевскъ	—2,4	—3,8	+15,1	+1,1	—21,5	+16,9	—24,2	+12,0
Софійскій пріискъ	—7,7	—6,8	+13,0	—6,3	—31,4	+15,3	—36,0	+10,3

Изъ приведенныхъ таблицъ видно, что мѣстности въ Амурскомъ бассейнѣ, въ коихъ были производимы метеорологическія наблюденія, можно раздѣлить на четыре группы. Къ первой, *Верхне-Амурской*, мы относимъ Нерчинскъ, Нерчинскій заводъ, и Албазинъ. По отношенію къ средней годовой температурѣ климатъ верховыхъ частей Амура представляется суровымъ, несравненно болѣе суровымъ, чѣмъ климатъ Иркутска, гдѣ годовая средняя температура близка къ 0°, между тѣмъ какъ въ Нерчинскомъ заводѣ она составляетъ — 3°,7, въ Албазинѣ—4°,1, а въ Нерчинскѣ—5°,8. Эта послѣдняя температура ниже чѣмъ въ Березовѣ, (—4°,5), чѣмъ и объясняется присутствіе около Нерчинска, а также сѣвернѣе верхняго теченія Амура, вѣчно мерзлой почвы. Суровость зимы (Нерчинскъ —30°,2, Албазинъ —27°,5 Нерчинскій заводъ —26°,6,) не только превосходитъ суровость Иркутскихъ и Томскихъ зимъ, (едва превосходящихъ—17°), но и Березовскихъ (—21°,6), такъ что по различію средней температуры холоднѣйшихъ и теплѣйшихъ мѣсяцевъ (Нерчинскъ 51°,7 Нерчинскій заводъ 48°,1, Албазинъ 47°,6) климатъ верхне-Амурскій представляется совершенно континентальнымъ, т.-е. достигающимъ въ умѣренныхъ широтахъ (между 51° и 54° с. ш.) высшихъ предѣловъ различія среднихъ температуръ теплѣйшаго и холоднѣйшаго мѣсяцевъ. Зато температура лѣта, почти одинаковая во всѣхъ трехъ разсматриваемыхъ пунктахъ (Нерчинскъ 16°,2, Нерчинскій заводъ 16°,5, Албазинъ 16°,0), очень близка къ Иркутской (16°,6). Но всего болѣе значенія имѣетъ для насъ средняя температура 5-мѣсячнаго растительнаго періода (май, іюнь, іюль, августъ, сентябрь), такъ какъ она болѣе всего обуславливаетъ собою культурную способность, т.-е. способность произрастанія и вызрѣзыванія хлѣбовъ. И въ этомъ отношеніи всѣ три разсматриваемые пункта имѣютъ еще температуру достаточную для культуры хлѣбовъ, а именно, Нерчинскій заводъ 13°,2, Албазинъ

13°,1 Нерчинскъ 12°,7. Температура эта нѣсколько ниже, чѣмъ въ Иркутскѣ, Енисейскѣ (13°,8) и Томскѣ (13°,3), но выше, чѣмъ въ Тобольскѣ (12°,6), въ которомъ хлѣбная культура уже достигаетъ своего предѣла.

Вторую климатическую группу можно назвать *Южно-Амурскою*. Сюда относятся Благовѣщенскъ, Екатерино-Никольская станица и Хабаровскъ, обозначающіе собою какъ-разъ южную часть дуги, описываемой Амуромъ. Средняя годовая температура этихъ пунктовъ (—0,7,+0,7 и +0,5) близка къ 0°, и, слѣдовательно, приблизительно одинакова съ годовыми средними температурами Иркутска (0°), Томска (—0°,7) и Барнаула (+0°,8). Замѣчательно, что зимы на южномъ Амурѣ—22°,7, —18°,6 и—21°,4) почти столь же суровы, какъ въ Енисейскѣ (—22°,0) и Березовѣ (—21°,5). По отношенію къ разности температуръ холоднѣйшаго и теплѣйшаго мѣсяцевъ (47°,43° и 47°) климатъ представляется столь же континентальнымъ, какъ и въ Енисейскѣ (до 46°). Зато лѣто въ южно-амурской мѣстности отличается несравненно большею теплотою (19°), чѣмъ во всей Сибири. Что же касается до 5-мѣсячнаго растительнаго періода, то изъ среднихъ температуръ этого періода (Благовѣщенскъ 15,9°, Екатерино-Никольская 17°,2, Хабаровскъ 16°,3) легко придти къ заключенію, что условія температуры въ южной части области представляются въ высшей степени благопріятными для развитія земледѣлія.

Къ третьей категоріи мѣстностей, въ Амурскомъ бассейнѣ относится *нижнее теченіе Амура*, начиная отъ 51° с. ш. Хотя средняя годовая температура въ Николаевскѣ (—2°,4) представляется выше, чѣмъ на верхнемъ Амурѣ, да и зима (—21°,5) гораздо умѣреннѣе, но лѣто холоднѣе (+15°,1), а средняя температура 5-мѣсячнаго растительнаго періода +12°,0 уже ставитъ препятствіе къ развитію земледѣлія, такъ какъ эта температура близка къ таковой же въ Якутскѣ (11°,8). Разность между средними температурами теплѣйшаго и холоднѣйшаго мѣсяца (36°,3) несравненно меньше, чѣмъ въ двухъ предшествовавшихъ мѣстностяхъ, и обличаетъ на нижнемъ теченіи Амура уже морской климатъ.

Къ четвертой категоріи относится *сѣверная часть Амурской области*, простирающаяся южнѣе Станового хребта, между оконечностями обширной дуги, образуемой Амуромъ, и имѣющая своимъ климатическимъ представителемъ Софійскій пріискъ. Здѣсь средняя температура года—7°,7, ниже, чѣмъ во всѣхъ другихъ пунктахъ Амурскаго бассейна, въ которыхъ только производились наблюденія. Она значительно ниже, чѣмъ

въ Березовѣ (—4°,5), и близко къ средней годовой температурѣ Олекминска (—7°,1). Крайне суровыя зимы (—31°,4) уступаютъ развѣ только Якутскимъ (—46°), а лѣто холоднѣе, чѣмъ въ Якутскѣ. По разности между теплѣйшимъ и холоднѣйшимъ мѣсяцами (46°,3) Софійскій пріискъ относится къ одной категоріи съ Енисейскомъ (45°,7). Что же касается до средней температуры 5-мѣсячнаго растительнаго періода +10°, 3, то, конечно, температура эта уже не допускаетъ развитія постояннаго земледѣлія.

Осадки.

Осадки въ 7 пунктахъ, въ коихъ производились метеорологическія надъ ними наблюденія, въ Амурскомъ бассейнѣ распредѣляются помѣсячно слѣдующимъ образомъ:

	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.
Нерчинскій заводъ	1,0	1,7	4,2	20,3	27,7	63,6	88,4	101,5	48,0	15,2	6,1	4,5
Албазинъ.	2,1	0,6	6,2	8,8	8,0	112,4	56,0	55,0	13,6	25,5	8,2	2,0
Благовѣщенскъ.	0,7	1,9	8,4	17,8	49,8	81,2	117,7	113,6	82,7	18,0	4,7	1,2
Екатерино-Никольская	0,0	0,8	1,4	22,4	53,0	98,7	84,3	143,6	81,6	14,4	5,0	1,1
Хабаровскъ	3,6	6,5	7,7	34,1	69,5	80,0	142,5	141,4	59,9	26,6	16,0	14,9
Николаевскъ	17,8	19,1	28,5	40,4	33,4	36,3	68,6	79,3	64,4	45,1	44,6	34,3
Софійскій пріискъ	1,8	2,0	6,8	17,6	24,5	82,7	178,4	140,0	70,5	22,7	9,0	6,9

Въ нижеслѣдующей табличкѣ мы представляемъ среднія осадковъ: годовыхъ, временъ года и всего растительнаго періода и число дней съ осадками въ году.

	Средняя годовая.	Весны.	Лѣта.	Осени.	Зимы.	Растител. пер.	Число дней съ осадк.	Періодъ наблюд.
Нерчинскій заводъ	396,2	52,2	253,5	69,3	7,2	329,2	—	1883—92
Альбазинъ	298,4	23,0	223,4	47,3	4,7	245,0	—	1891—92
Благовѣщенскъ	497,7	76,0	321,8	105,4	3,8	456,3	55,7	1877—90
Екатерино-Никольская.	506,3	76,8	326,6	101,0	1,9	461,2	—	1890—92
Хабаровскъ	602,7	111,3	363,9	102,5	25,0	493,3	147,8	1878—92
Николаевскъ	511,6	102,1	184,2	147,1	71,2	261,8	162,8	1879—92
Софійскій пріискъ	562,9	48,9	401,1	102,2	10,7	496,6	187,8	1888—92

Изъ послѣдней таблицы видно, что общее количество осадковъ представляется наименьшимъ въ верховьяхъ Амурскаго бассейна (Албазинъ 298 мм., Нерчинскій заводъ 396 мм., т.-е. столько же сколько въ Самарѣ), но что, къ счастію, 82% этихъ осадковъ падаютъ на 5-мѣсячный растительный періодъ, и что въ лѣто

выпадаетъ въ Албазинѣ 223,4, а въ Нерчинскомъ зав. 253,3 мм., между тѣмъ какъ зимы предоставляются почти безснѣжными (Албазинъ 4,7 мм., Нерчинскій зав. 7,2 мм.).

Что же касается до распредѣленія осадковъ по мѣсяцамъ, то въ верховьяхъ Амура послѣ почти безснѣжной зимы, количество дождей весною быстро возрастаетъ. Въ мартѣ оно еще ничтожно, въ апрѣлѣ и маѣ хотя уже болѣе значительно, но гораздо ниже, чѣмъ въ Европейской Россіи, въ іюнѣ же достигаетъ размѣровъ одинаковыхъ съ Петербургомъ и Самарою и значительно болѣе, чѣмъ въ Рязанской губерніи и Саратовѣ; въ іюлѣ и августѣ несравненно болѣе, чѣмъ во всей Европейской Россіи, къ концу же осени становится опять ничтожнымъ.

Общее количество осадковъ на южной части Амурской дуги (Благовѣщенскъ 497,7, Екатерино-Никольская 506,3, Хабаровскъ 602,7) уже прямо указываетъ на очень сырой климатъ, несравненно болѣе сырой чѣмъ въ Петербургѣ (гдѣ общее количество осадковъ въ теченіе года не превосходитъ 464 мм.), въ особенности въ 5-мѣсячный періодъ растительности, на который приходится въ Благовѣщенскѣ и Екатерино-Никольской 91% всѣхъ осадковъ, а въ Хабаровскѣ 82%. Въ лѣто выпадаетъ въ Благовѣщенскѣ 391,8 мм., въ Екатерино-Никольской 326,6, а въ Хабаровскѣ 363,9 мм., т.-е. вдвое болѣе, чѣмъ С.-Петербургѣ и на всѣхъ пунктахъ черноземной Россіи, между тѣмъ какъ зимы въ Благовѣщенскѣ и Екатерино-Никольской почти совершенно безснѣжны (3,8 мм. и 1,9 мм.), и только въ Хабаровскѣ выпадаетъ въ теченіе зимы 25 мм.

Что же касается до распредѣленія осадковъ по мѣсяцамъ, то на южной дугѣ Амура послѣ безснѣжной почти зимы въ апрѣлѣ количество осадковъ достигаетъ уже петербургскихъ размѣровъ, въ маѣ же новаго стиля (49,8, 53,0, 69,5 мм.) превосходитъ не только количество осадковъ въ Петербургѣ (41,3), но и на всѣхъ пунктахъ черноземной Россіи (Пенза 48 мм., Лугань 43,7, Гулынки Рязанской губерніи 41,4, Самара 38,8 Саратовъ 31,6 мм.). Іюнь несравненно дождливѣе (81,98 и 80 мм.) чѣмъ въ Петербургѣ (47 мм.) и въ черноземной полосѣ Россіи (Гулынки и Саратовъ 40 мм., Самара 47, Лугань 54, Пенза 59 мм.). Іюль (117, 84, 142 мм.) и августъ (113, 143, 141 мм.) еще болѣе превосходятъ своею дождливостью черноземную Россію (гдѣ въ іюлѣ выпадаетъ отъ 50 до 75, а въ августѣ отъ 40 до 60 мм.). Въ сентябрѣ количество осадковъ еще очень значительно и равняется іюльскому, съ октября же оно сильно уменьшается и къ декабрю достигаетъ своего минимума.

Совершенно иначе распредѣляются осадки въ Николаевскѣ.

Общее количество ихъ въ теченіе года (515,6 мм.) немногимъ превышаетъ количество осадковъ въ Благовѣщенскѣ и Екатерино-Никольской и даже уступаетъ общему количеству осадковъ въ Хабаровскѣ, но на 5-мѣсячный растительный періодъ ихъ приходится только 51%, въ лѣто выпадаетъ только 184,2 мм., а зима представляется уже далеко не безснѣжною, а именно, въ зиму выпадаетъ 71,2 мм.; осенній же періодъ немногимъ менѣе дождливъ чѣмъ лѣтній.

Между мѣсяцами въ Николаевскѣ осадки распредѣляются также совершенно иначе. Послѣ довольно обильной снѣгомъ зимы (71,2 мм.) количество осадковъ возрастаетъ въ мартѣ и апрѣлѣ, но, начиная отъ мая, количество осадковъ до осени уже несравненно менѣе значительно, нежели на южной дугѣ теченія Амура и только съ октября мѣсяца становится несравненно выше, что и продолжается всю зиму и даже въ началѣ весны.

Что же касается до столь интереснаго въ климатическомъ отношеніи Софійскаго пріиска, то общее количество осадковъ въ немъ еще значительнѣе, чѣмъ въ Николаевскѣ (562,9 мм.) и уступаетъ только Хабаровску, но распредѣленіе ихъ по временамъ года почти тоже, что и въ другихъ континентальныхъ частяхъ области, а именно, 88% всѣхъ осадковъ выпадаютъ въ теченіи 5-мѣсячнаго періода растительности, въ теченіи же лѣта выпадаетъ 401 мм., т.-е. болѣе, чѣмъ въ другихъ пунктахъ въ коихъ производились наблюденія въ Амурскомъ бассейнѣ, зима же представляется достаточно безснѣжною (10,7 мм.).

Переходя къ распредѣленію осадковъ по мѣсяцамъ, замѣтимъ, что въ Софійскомъ пріискѣ, послѣ почти безснѣжной зимы, осадки нѣсколько возрастаютъ только въ апрѣлѣ и маѣ, въ іюнѣ выравниваются съ размѣрами осадковъ въ Благовѣщенскѣ и Хабаровскѣ, и въ то время какъ іюль (178 мм.) представляется самымъ дождливымъ между всѣми поименованными пунктами Амурской области, въ августѣ осадки выравнивается съ осадками Хабаровскими и Екатерино-Никольскими; въ сентябрѣ еще очень значительны, а послѣ октября сильно уменьшаются, доходя до ничтожнаго минимума въ январѣ и февралѣ.

О климатѣ Благовѣщенска, единственнаго пункта собственно Амурской области, въ которомъ метеорологическія наблюденія были производимы въ теченіи продолжительнаго ряда лѣтъ, мы считаемъ умѣстнымъ сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что не мало данныхъ объ этомъ климатѣ находимъ мы въ сочиненіи Шперка [1]).

[1]) «Россія дальняго востока», стр. 260—302.

Шперкъ начинаетъ свой очеркъ климата Благовѣщенска общею характеристикой временъ года. Если, говоритъ онъ, принять за время наступленія зимы покрытіе рѣкъ льдомъ, а за ея конецъ—вскрытіе рѣкъ, то въ Благовѣщенскѣ зима обнимаетъ время отъ первыхъ чиселъ ноября до 20 чиселъ апрѣля. Если обратить вниманіе на среднюю мѣсячную температуру всѣхъ этихъ пяти съ половиной мѣсяцевъ, то окажется, что въ теченіе всего этого времени термометръ дѣйствительно стоитъ ниже 0°, а средняя мѣсячная за періодъ съ ноября по мартъ даже ниже—13°Р (16,°25 Ц.). Средняя же суточная температура стоитъ ниже 0 съ первыхъ чиселъ октября до послѣднихъ чиселъ марта и только изрѣдка въ апрѣлѣ она выше 0°. Во все время съ ноября по мартъ мѣсяцъ, т.-е., въ теченіе 173 дней, не бываетъ оттепелей и неразлучныхъ съ ними гололедицъ, погода стоитъ большею частью ясная, тихая и каждый день смѣло можно разсчитывать на 20° мороза; въ особенности холодны бываютъ ночи вслѣдствіе сильнаго лучеиспусканія земли при безоблачномъ небѣ. Нерѣдко среди зимы въ морозные дни съ вечера появляется туманъ, держащійся въ теченіе всей ночи; небо ясно, луна окружена какъ бы кругомъ и сверху сыплются мелкіе, иглистые кристаллы — явленіе, свойственное, какъ кажется, многимъ холоднымъ странамъ. Если въ теченіе октября и ноября снѣгъ не успѣлъ достаточно покрыть землю, то жители Благовѣщенска разсчитываютъ на безснѣжную зиму, такъ какъ изрѣдка падающій въ декабрѣ и январѣ снѣгъ, сухой и мелкій, тотчасъ же сносится первымъ вѣтромъ съ замерзшей земли, дающей глубокія трещины. Глубокій снѣгъ въ Благовѣщенскѣ—большая рѣдкость, а зимнія вьюги тамъ почти неизвѣстны. Конецъ зимы чаще чѣмъ начало ея сопровождается выпадомъ глубокаго снѣга. Морозы болѣе 40° Ц.—вовсе не рѣдкость.

Хотя теплые дни встрѣчаются изрѣдка уже въ концѣ марта, но вообще суточная средняя выше 0° устанавливается не раньше конца апрѣля; теплая же погода—не ранѣе середины мая. Послѣ ясной, тихой зимней погоды наступаетъ вѣтренная весна; число ясныхъ дней значительно уменьшается, и часто среди теплаго дня поднимается вѣтеръ, который приноситъ холодъ, облака, а иногда—и глубокій снѣгъ. Дождь и снѣгъ нерѣдко смѣняютъ другъ друга или идутъ вмѣстѣ, причемъ нерѣдко къ нимъ присоединяется и крупа. Вѣтры, имѣвшіе зимой исключительно направленіе съ В., С.-В. и С., все чаще и чаще являются съ С. и З,, сначала порывами (главное направленіе все еще остается С.-В.), а затѣмъ, пріобрѣтая уже и су-

точную періодичность. Вообще въ это переходное время состояніе погоды представляетъ такую картину: раннимъ утромъ тихо, ясно и холодно, днемъ вѣтрено и небо покрыто или слоистыми, или кучевыми облаками, смѣняющими часто другъ друга. Въ маѣ мѣсяцѣ идетъ иногда еще снѣгъ, хотя рѣдко; иней исчезаетъ только послѣ 15 мая[1]); съ 20-хъ же чиселъ мая погода быстро переходитъ въ очень теплую, начинается поразительно скорое развитіе растительности; достаточно нѣсколькихъ теплыхъ дней для того, чтобы мѣстность сдѣлалась неузнаваемою: все вокругъ цвѣтетъ, зеленѣетъ. Почки на деревьяхъ начинаютъ распускаться еще въ 20-ыхъ числахъ апрѣля (черемуха, боярышникъ), трава появляется почти одновременно; въ началѣ мая распускаются — осокорь, сибирская яблонь, а затѣмъ, наконецъ, и береза, но только къ концу мѣсяца всѣ деревья одѣваются окончательно въ молодую листву. Изрѣдка бывающія весной грозы—непродолжительны[2]).

Теплая, даже жаркая погода стоитъ въ теченіе всѣхъ трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Жары достигаютъ максимума въ концѣ іюня (37°,5 С. въ тѣни), при чемъ одновременно и ночи не приносятъ прохлады—онѣ очень душны. Подобное состояніе погоды продолжается около трехъ недѣль. Дожди въ это время рѣдки и скоропроходящи. Но съ половины іюля погода вдругъ измѣняется — наступаетъ періодъ дождей, которые въ августѣ достигаютъ своего максимума. Число пасмурныхъ дней, не превышающее зимой пяти дней, достигаетъ лѣтомъ 14; иногда же въ одномъ августѣ число дождливыхъ дней достигаетъ 23. Жалобы на сильные лѣтніе дожди начали раздаваться съ первыхъ же временъ заселенія Амура; такъ, напримѣръ, уже въ «Русскомъ Вѣстникѣ» за 1876 г., V, писалось что съ первыхъ чиселъ іюля 1865 г. въ мѣстности близъ Екатерино-Никольской станицы дождь шелъ безъ перерыва въ теченіе двухъ недѣль. Послѣ страшной засухи 1862 г. въ Забайкальѣ, продолжавшейся и въ началѣ лѣта 1863 года, въ іюлѣ и августѣ, при сильныхъ низовыхъ ю.-в-ныхъ

---

[1]) За періодъ времени съ 1867 г. по 1865 г. послѣдніе сильные инеи были: 12 Мая (1867 г. при—2°), 13 мая (1870 г.) 15 мая (1871 г.) и 9 мая (1875 г.).

[2]) Шперкъ разсказываетъ намъ слѣдующее интересное явленіе, наблюдавшееся весной 1872 г. «6 апрѣля, пишетъ онъ, выпалъ грязный дождь. Съ утра день былъ облачный при сильномъ южномъ вѣтрѣ; около 5 ч. пополд. все небо покрылось дождевыми облаками довольно низко и быстро несшимися къ Ю.-В.; началъ накрапывать дождь. Вдругъ облака приняли красно-бурый оттѣнокъ и наступилъ внезапно такой сильный мракъ, что пришлось зажечь лампы. Затѣмъ полилъ сильный дождь, по окончаніи котораго стекла на окнахъ оказались покрытыми слоемъ сѣроватаго налета. Черезъ часъ темень прошла, хотя погода и оставалась облачною. По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что въ этотъ день пожаромъ истреблена была большая часть манджурскаго города Цицикара, лежащаго приблизительно въ четырехстахъ верстахъ къ юго-западу отъ Благовѣщенска.»

вѣтрахъ, пошли сильные дожди, которые на протяженіи всей долины Амура шли не прерываясь въ теченіе трехъ недѣль! 4-го и 5-го августа въ низовьяхъ пронесся ураганъ. Грозы въ иные годы довольно часты и особенно сильны въ ночное время въ іюнѣ и іюлѣ. Къ особенностямъ лѣта въ Благовѣщенскѣ относятся сильныя росы, особенно частыя въ концѣ іюня и началѣ іюля. Довольно обыкновенное также явленіе представляетъ здѣсь «изгарь», т.-е., сухой туманъ, продолжающійся иногда по нѣсколько дней кряду; такъ, напримѣръ, въ 1869 г. изгарь наблюдалась: съ 22 по 25 іюня, съ 3 по 14 іюля и съ 10 по 14 августа. Вообще мгла отъ этого тумана иногда бываетъ на столько сильна, что солнце уже съ 5 час. вечера теряетъ свой блескъ и кажется только краснымъ дискомъ. Съ началомъ дождей жара быстро спадаетъ, въ концѣ августа уже вѣетъ прохлада; листья начинаютъ желтѣть, и въ то же время по утрамъ замѣчаются иногда туманы, которые къ началу осени, т.-е., уже въ сентябрѣ, переходятъ въ иней. Общая продолжительность лѣта можетъ быть принята въ 106 дней.

Осень, если не лучше, то, во всякомъ случаѣ, довольно пріятное время года въ Благовѣщенскѣ. Выдаются иногда даже очень теплые, тихіе дни, хотя вслѣдъ затѣмъ, къ ночи, термометръ и падаетъ до 0^0, а иногда даже и ниже. Утренніе туманы и иней часты. Къ концу сентября деревья теряютъ листву. Въ началѣ же октября холодъ по утрамъ достигаетъ 9^0—$12^0{,}5$, Ц. Вновь начинаютъ дуть южные и юго-восточные вѣтры со свойственною имъ періодичностью. Въ серединѣ октября даже днемъ термометръ уже рѣдко поднимается до 0^0, бо́льшею же частью онъ стоитъ между -6^0 и -19^0 Ц.; по ночамъ температура падаетъ и до -25^0 Ц. Такъ быстро совершается въ Благовѣщенскѣ переходъ отъ достаточно знойнаго лѣта къ очень суровой зимѣ!

Этотъ краткій очеркъ климата Благовѣщенска мы дополнимъ рядомъ таблицъ, цѣль которыхъ заключается въ томъ, чтобы детальнѣе познакомить читателя съ климатическими особеностями, если не Амурской области, то Амурской долины и въ частности Благовѣщенска. Таблицы эти относятся до среднихъ мѣсячныхъ и годовыхъ температуръ, до мѣсячныхъ и годовыхъ суммъ осадковъ, до числа дней въ каждомъ мѣсяцѣ, въ которые выпадали осадки, и наконецъ, до мѣсячнаго и годоваго распредѣленія облачности[1]).

---

[1]) Таблицы эти составлены нами вновь по даннымъ обнародованнымъ въ лѣтописяхъ Главной Метеорологической обсерваторіи съ 1859 по 1890 гг.

Годы.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Год.
1859	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—13,2	—25,9	—
1860	—28,0	—23,9	—15,4	1,3	11,1	18,1	23,3	20,0	13,2	2,1	—14,4	—25,3	—1,5
1861	—29,7	—19,6	— 5,9	4,1	12,2	16,7	21,3	21,0	12,3	2,8	—11,7	—23,4	0,0
1862	—21,8	—18,8	— 6,9	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1867	—26,7	—19,8	— 8,9	0,0	8,9	15,0	21,4	18,6	10,0	1,3	— 8,4	—19,8	—0,7
1868	—24,6	—18,0	—11,9	3,7	8,6	16,6	20,5	18,4	12,2	3,0	—17,6	—22,4	—1,0
1869	—24,4	—17,2	—13,1	0,8	9,8	20,2	21,0	19,1	10,7	1,6	—13,3	—25,4	—0,9
1870	—30,3	—25,2	—13,1	0,1	8,5	17,0	22,6	18,4	10,6	—2,0	—13,0	—25,6	—2,7
1871	—28,9	—22,7	—10,2	—0,5	7,0	16,0	21,0	16,8	10,5	0,8	—13,9	—22,9	—2,3
1872	—30,7	—21,1	—10,9	1,7	9,7	19,4	20,6	19,4	12,6	0,0	—13,4	—27,9	—1,7
1873	—26,1	—20,3	— 9,8	2,6	8,6	19,6	20,1	16,7	7,9	0,8	—11,8	—24,9	—1,4
1877	—	—	—	—	—	—	19,0	17,3	11,9	3,4	—14,3	—22,7	—
1878	—26,2	—17,7	— 6,6	3,6	8,8	21.8	21,3	20,4	12,5	1,7	—15,7	—26,0	—0,2
1879	—24,5	—18,8	— 9,1	—1,9	9,6	18,1	21,8	19,9	12,1	1,7	— 8,6	—20,9	—0,1
1880	—23,9	—19,1	— 6,8	2,1	10,4	18,8	23,4	19,6	14,6	—2,1	—10,3	—21,3	0,4
1881	—23,9	—20,6	— 9,6	3,0	9,5	14,9	19,9	19,1	14,1	1,6	— 9,2	—23,2	—0,4
1882	—22,7	—17,3	—10,4	4,8	12,1	19,0	23,4	20,1	14,9	1,4	—15,5	—26,0	0,3
1883	—24,2	—22,5	—10,7	1,1	13,2	19,4	24,0	20,3	8,8	3,5	—12,9	—21,0	—0,1
1884	—22,9	—15,3	—12,8	—1,8	8,0	16,3	19,9	16,9	13,0	—0,4	—11,5	—19,8	—0,9
1885	—21,9	—16,9	— 7,2	—1,2	8,9	15,3	22,4	17,9	12,2	1,3	—15,7	—22,1	—0,6
1886	—25,9	—17,8	— 9,1	4,9	11,7	18,3	20,4	16,3	12,7	1,9	—10,3	—17,5	0,5
1887	—26,2	—16,7	— 8,1	1,4	10,7	16,0	21,4	18,4	10,7	2,1	—12,1	—21,2	—0,3
1888	—21,9	—22,7	— 9,7	0,3	8,8	15,7	19,9	18,3	10,4	1,2	— 8,5	—20,7	—0,7
1889	—	—	—	—	—	18,5	22,0	20,0	11,0	—1,9	—13,6	—21,4	—
1890	—62,1	—20,2	— 9,1	2,1	10,7	16,9	2,91	19,1	12,4	2,9	—10,0	—22,7	—0,2
Средн.	—25,5	—19,6	— 9,8	1,5	9,8	17,6	21,4	18,8	11,8	1,2	—12,5	—22,9	—0,7

Мѣсячныя и годовыя суммы осадковъ были наблюдаемы въ Благовѣщенскѣ съ 1877 года по 1884 и съ 1889 по 1890 г. и результаты этихъ наблюденій видны изъ слѣдующей таблицы.

Годы.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Год.
1877	—	—	—	—	—	—	110,3	158,6	123,7	62,5	7,2	6,1	—
1878	0,0	0,0	1,0	17.7	64,4	36,6	96,3	71,7	32,3	15,9	0,0	0,0	335,9
1879	0.0	0,7	5,5	3,3	63,3	46,4	86,0	99,6	50,0	20,2	0,0	1,5	376,5
1880	1,0	4,2	5,3	29,0	63,0	56,0	54,9	119,5	119,7	1,5	13,5	0,0	467,6
1881	0,0	4,7	10,8	29,5	31,3	103,0	183,4	147,6	53,6	2,3	18,0	0,0	584,2
1882	2,8	0,8	4,0	—	22,9	104,1	99,8	87,3	41,5	30,5	1,8	0,5	—
1883	0,0	2,2	0,0	7,2	51,2	82,9	86,7	141,4	97,2	0,0	2,2	0,0	471,0
1884	1,5	1,5	40,0	38,0	58,2	114,9	162,7	154,0	90,8	7,5	2,0	1,5	672,6
1889	—	—	—	—	—	53,9	218,8	59,1	75,9	0,0	0,0	2,0	—
1890	0,0	1,2	0,7	0.0	43,9	133,1	77,6	96,8	141,9	39,8	2,3	0,0	537,3
Средн.	0,7	1,9	8,4	17,8	49,8	81,2	117,7	113,6	82,7	18,0	4,7	1,2	497,7

Число дней съ осадками за тотъ же періодъ видно изъ слѣдующей таблицы.

Годы.	Январь.		Февраль.		Мартъ.		Апрѣль.		Май.		Іюнь.		Іюль.		Августъ.		Сентябрь.		Октябрь.		Ноябрь.		Декабрь.		Годъ.	
	осадк.	снѣг.	осадк.	снѣг.	осадк.	снѣг.	осадк.	снѣг.	осадк.	снѣг.	осадк.	снѣг.	осадк.	снѣг.	осадк.	снѣг.	осадк.	снѣг.	осадк.	снѣг.	осадк.	снѣг.	осадк.	снѣг.	осадк.	снѣг.
1877	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	11	0	15	0	7	0	4	1	3	3	2	2	—	—
1878	0	0	0	0	1	1	2	2	9	1	5	0	8	0	11	0	6	0	3	1	0	0	0	0	45	5
1879	0	0	2	2	1	1	1	0	8	1	4	0	8	0	11	0	4	0	2	0	0	0	1	1	42	5
1880	1	1	1	1	1	1	3	2	5	0	4	0	4	0	9	0	5	0	2	2	3	3	0	0	38	10
1881	0	0	2	2	1	1	5	5	5	2	13	0	15	0	10	0	7	0	1	1	3	3	0	0	62	14
1882	2	2	1	1	2	2	—	—	5	1	10	0	6	0	4	0	5	0	3	2	1	1	1	1	—	—
1883	0	0	1	1	0	0	2	2	6	0	7	0	11	0	7	0	7	0	0	0	3	2	0	0	44	5
1884	1	1	1	1	3	3	2	2	5	2	10	0	12	0	13	0	6	0	2	1	1	1	1	1	57	12
1889	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	6	0	11	0	5	0	5	0	0	0	0	0	1	1	—	—
1890	0	0	1	1	1	1	0	0	4	0	11	0	4	0	7	0	8	0	5	0	1	1	0	0	40	3
Средн.	0,5	0,5	1,1	1,1	1,3	1,3	2,1	1,9	5,9	0,9	7,8	0	9,0	0	9,2	0	6,0	0	2,2	0,8	1,5	1,4	0,6	0,6	47,2	8,5

Наконецъ, распредѣленіе облачности по мѣсяцамъ и годамъ за періодъ 1877—90 г. видно изъ слѣдующей таблицы.

Годы.	Январь.	Февраль.	Мартъ.	Апрѣль.	Май.	Іюнь.	Іюль.	Августъ.	Сентябрь.	Октябрь.	Ноябрь.	Декабрь.	Год.
1877	—	—	—	—	—	—	5,8	8,1	6,5	6,7	4,2	3,2	—
1878	1,6	1,9	4,7	4,9	7,4	6,7	5,7	5,7	5,5	4,8	3,7	3,6	4,7
1879	2,2	3,3	3,9	5,1	7,6	6,3	5,7	7,6	4,8	4,9	4,5	3,4	4,9
1880	3,2	2,2	4,0	5,3	6,3	5,7	5,0	7,0	6,5	5,1	4,7	2,5	4,8
1881	2,7	2,7	2,7	6,1	6,6	7,0	7,5	4,9	5,0	5,6	3,5	1,3	4,6
1882	3,0	2,5	3,7	5,1	6 0	6,0	5,8	3,8	3,7	5,3	3,5	3,3	4,3
1883	2,4	2,2	2,5	5,6	7,2	5,4	6,4	5,2	6,6	3,6	4,4	3,8	4,6
1884	2,9	4,9	3,5	5,7	5,4	7,1	6,9	5,4	4,7	4,6	4,3	4,2	5,0
1885	2,3	3,8	3,8	4,9	5,5	6,0	9,6	5,8	4,5	5,9	3,7	2,7	4,9
1886	3,4	2,7	3,6	4,7	6,9	7,0	6,9	6,3	6,1	5,3	4,7	3,1	5,1
1887	2,0	3,7	4,5	7,0	6,6	8,2	5,4	5,7	5,2	4,4	6,8	5,2	5,4
1888	3,2	1,9	4,4	5,2	7,4	6,0	5,8	6,4	5,5	6,0	4,6	3,5	5,0
1889	0,9	1,9	2,4	4,4	7,0	5,3	5,8	4,8	5,0	5,6	4,0	3,9	4,3
1890	2,2	2.9	3,6	5,1	6.8	7,2	4,6	6,2	6,9	5.4	4.5	2,9	4,9
Средн.	2.5	2,8	3,6	5,3	6,7	6,5	6,2	5,9	5,5	5,2	4,1	3,3	4,8

ГЛАВА VII.

Растительный покровъ Амурской области.

Отъ геогностическаго строенія страны зависитъ, конечно, и рельефъ ея, но не одними очертаніями этого рельефа обусловливается ландшафтное впечатлѣніе каждой мѣстности: оно обусловливается, конечно, и растительнымъ ея покровомъ. Разсматривая внимательно этотъ покровъ, тотъ, передъ кѣмъ открыта книга природы, кто знакомъ съ ея письменами, сумѣетъ заключить, чего слѣдуетъ ожидать отъ данной страны, когда культурный человѣкъ займетъ ее и овладѣетъ дикими силами природы, находящими себѣ самое лучшее выраженіе въ органической жизни, произведенной ими еще безъ участія человѣка въ ея развитіи.

Вотъ почему изученіе растительнаго покрова каждой страны имѣетъ не только высокій научный интересъ, но и практическую важность, и мы можемъ только радоваться, что такія крупныя научныя силы какъ Миддендорфъ, Максимовичъ, Маакъ, Радде, Шмидтъ и Коржинскій положили столько труда въ дѣло изученія Амурской флоры.

Руководствуясь превосходными изслѣдованіями этихъ натуралистовъ, мы и постараемся представить картину растительнаго покрова Амурской области, начиная отъ самыхъ высокихъ пунктовъ ея рельефа, нигдѣ не достигающихъ снѣжной линіи и получившихъ названіе *гольцовъ* отъ того, что они представляются совершенно обнаженными отъ лѣсной растительности.

Гольцы эти поднимаются въ Амурской области, какъ мы видѣли выше, уединенными конусами изъ обширнаго волнистаго океана дремучихъ лѣсовъ.

Но издали и не разберешь, потускнѣвшій-ли, но еще не стаявшій, снѣгъ прикрываетъ ихъ обнаженные скаты или сѣдой мохъ и лишайникъ (Cetraria alcicornis Ach.). Взобравшись на кручу, легко убѣдиться однакоже, что, кромѣ ягелей, растутъ здѣсь и кое-какія альпійскія травы; но всѣ онѣ, обыкно-

венно, столь малы и такъ робко скрываются среди неровностей камня, что не сразу ихъ можно замѣтить [1]). Подошва гольца упирается въ осыпь, состоящую либо изъ остро-ребраго щебня, либо изъ мелкаго и скользкаго дресвяника, только мѣстами обросшаго кедровымъ сланцемъ, да отчасти, въ одиночку растущими и нерѣдко очень нѣжными альпійскими травами и кустарниками. Къ травамъ принадлежатъ: Potentilla elegans, Saxifraga dahurica, Crepis burejensis, Senecio frigidus, Nardosmia saxatilis, Mertensia rivularis, Saussurea Tilesii, Tilingia ajanensis, Lasiagrostis alpina, Hierochloa alpina, Trisetum subspicatum, къ кустарникамъ: Potentilla fruticosa, Spiraea Pallasii, Artemisia lagocephala, Arctostaphylos alpina, Cassiope ericoides и C. Redowskiana [2]). Но всѣ эти растенія, несмотря на свое разнообразіе и пестроту, такъ еще умѣло прячутся въ щебнѣ или подъ сѣнью кедроваго сланца, что не нарушаютъ общаго характера безжизненности всѣхъ такихъ осыпей. И вдругъ рядомъ съ этимъ царствомъ смерти и разрушенія высится темный боръ, который безъ всякаго перерыва клиномъ взбирается на эти высоты по какой-нибудь глубокой морщинѣ горы и затѣмъ круто спускается внизъ, одѣвая черною щетиной стѣны узкой и мрачной щели. А выше ея, и вправо, и влѣво, разбѣгаясь покатями вплоть до подножій гольца, ширятся моховыя болота, все разнообразіе коихъ кроется въ переливахъ цвѣтовъ отъ буро-краснаго къ ярко-зеленому да въ тощихъ кустикахъ ерника и немногочисленныхъ травахъ—Pinguicula villosa, Carex pseudocuraica, C. Middendorfii, C. pulla, C. Redowskiana, Eriophorum vaginatum, къ которымъ то тамъ, то здѣсь примѣшиваются кустарники—голубика (Vaccinium uliginosum), клюква (Oxycoccus palustris и Oxycoccus microcarpa) и Cassandra calyculata. Эти покати съ ихъ лужами и безчисленными, извилистыми ручьями, обросшими Carex alpina и Calamagrostis purpurea—родина рѣкъ, со всѣхъ сторонъ стремящихся въ Амуръ или Зею. Почва ихъ—зыбкій, напи-

---

[1]) Характеристики растительныхъ зонъ мы не имѣемъ въ ботанической литературѣ Амурскаго края. Ее пришлось намъ составлять по очень немногимъ источникамъ; о которыхъ и будетъ сказано ниже; что же касается до описаній ландшафтовъ, то они были заимствованы изъ отчетовъ Миддендорфа, Шмидта, Усольцева и др. путешественниковъ.

Прилагаемъ здѣсь списокъ растеній, собранныхъ на гольцахъ Буреинскихъ горъ. Онъ извлеченъ изъ сочиненія Шмидта въ «Трудахъ Сибирской экспедиціи», Физ. Отд., т. II, стр. 33—83): Sieversia selinifolia, Sedum Middendorfianum, S. rhodiola, Saxifraga dahurica, Gomphopetalum Maximowiczii (Conioselinum cenolophioides Turcz., коллекціи Павловскаго изъ Станового хребта, описанной Регелемъ въ Bull. de Moscou, 1859, стр. 20, относится къ этой же группѣ растеній), Senecio frigidus, Saussurea Tilesii, Crepis burejensis, Cr. chrysantha, Arctostaphylos alpina, Phyllodoce taxifolia, Cassiope ericoides, Cass. Redowskiana, Hierochloa alpina и Viola biflora.

[2]) У Шмидта мы находимъ еще: Carex ferruginea, C. saxatilis, C .capillaris var. Ledebourii, Rheum compactum, Saxifraga vaginalis, Patrinia rupestris и Mertensia rivularis.

танный, какъ губка, водою песокъ, среди котораго торчатъ кочки, поросшія упомянутыми мхами и ерникомъ (обыкновенно Betula Middendorfii). Изъ 30 поименованныхъ растеній, характеризующихъ растительную формацію гольцовъ, только 5 видовъ встрѣчается и въ европейской равнинѣ, представляя формы альпійско — арктическія, 10 — формы арктическія, свойственныя только Восточной Сибири (одинъ изъ этихъ видовъ переходитъ и въ полярную Америку), наконецъ, 7—чисто мѣстныя формы. Вообще моховыя болота представляютъ мѣстность безотрадную. Но съ каждымъ шагомъ книзу, почва становится суше. Ручьи перестаютъ разбѣгаться въ кочкарникѣ, вымывая, однако, все еще не по водѣ широкое ложе. Появляются первыя высокоствольныя хвойныя—на западѣ лиственница, а на востокѣ рѣже—лиственница, обыкновенно же—аянская ель. Одновременно, по лощинамъ, все еще попрежнему устланнымъ мохомъ, появляется пятнами яркая зелень рододендровъ (Rhododendron chrysanthum) и вербъ (Salix amygdalina, S. myrsinites var. Jacquiniana). Наконецъ, долина обозначается. Конфигурація мѣстности измѣняется. Болѣе разнообразія въ рельефѣ—болѣе различій и въ условіяхъ существованія растительныхъ типовъ. Кое-гдѣ выступаютъ скалы, по-прежнему обросшія лишаями и мхомъ, среди которыхъ только изрѣдка мелькаютъ, кромѣ нѣкоторыхъ изъ растеній, встрѣчающихся на гольцахъ, еще и Cheiranthus aurantiacus, Dianthus dentosus, Leucanthemum sibiricum, Phyllodoce taxifolia, Pedicularis verticillata, Luzula spadicea, Carex ferruginea, C. saxatilis, Festuca ovina и много другихъ, но уже окаймляющія ихъ осыпи не столь безплодны, какъ выше, и здѣсь уже сплошными насажденіями встрѣчаются: Cassiope Redowskiana, Spiraea Pallasii, Rhododendron dauricum и болѣе рѣдкій Rhododendron Redowskianum. Лощины между скалами, иногда круто спускающіяся къ ручью, покрыты лѣсомъ высокоствольныхъ хвойныхъ породъ — аянской ели (на востокѣ), пихты (Abies sibirica) и лиственницы съ подлѣскомъ изъ кедроваго сланца (Pinus cembra pumila), ерника (Betula Middendorfii и B. Ermani), рододендровъ, таволги (Spiraea betulaefolia), морошки (Rubus chamaemorus) и голубики. Наконецъ, и намывы галекъ въ руслѣ ручья служатъ мѣстами пріютомъ для нѣкоторыхъ растеній: ревеня (Rheum compactum), Erigeron elongatum, Artemisia longepedunculata, Allium Schoenoprasum, Senecio nemorensis, Draba incana, Mertensia rivularis и Epilobium latifolium. Но это разнообразіе растительныхъ типовъ прекращается скоро. По мѣрѣ обогащенія водою все глубже и глубже становится русло рѣки. Это уже ущелье съ оголенными, почти отвѣсными скалами, за

которыя съ трудомъ цѣпляется невзрачный шиповникъ (Rosa acicularis), со щеками, поросшими непроходимыми чащами хвойнаго лѣса. Дорога спускается въ русло рѣки, бѣжитъ извилистымъ плесомъ и, наконецъ, упирается въ загороди, нагроможденныя самою природой изъ бурелома и валуновъ. При первой же возможности она покидаетъ сырую, дикую щель, въ наиболѣе доступныхъ мѣстахъ заросшую таволгой (Spiraea betulaefolia, S. salicifolia и S. sorbifolia), минуетъ поясъ скалъ, подошвы коихъ тонутъ въ мочажинахъ, поросшихъ ерникомъ, багульниковъ (Ledum palustre), Cassandra (dahurica) и голубикой, и вступаетъ подъ своды дремучаго бора, которымъ и пробирается до гребня стѣны. А тамъ либо тянутся луга, покрытые озерками и мелкими водоемами и поросшіе преимущественно болотными травами и рощицами ольхи (Alnus incana, Alnaster fruticosus), либо опять лѣсъ, на этотъ разъ, можетъ быть, на десятки, сотни верстъ протяженіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что лѣса занимающіе внутреннія части Амурской области, могутъ быть названы первобытными, такъ какъ человѣкъ еще никогда ими не пользовался, и только развѣ изрѣдка по нимъ пробираются звѣроловы и золотопромышленники. Типическая черта этихъ лѣсовъ—поразительное однообразіе.

По цѣлымъ днямъ, пишетъ Миддендорфъ [1]), и недѣлямъ ѣдешь въ подобномъ лѣсу, состоящемъ всего изъ одной какой-нибудь породы, которая, повидимому, и подавила всѣ другія деревья и своимъ густымъ покровомъ заглушила проблески иной растительной жизни. Томительное однообразіе! Только мхи устилаютъ здѣсь почву, да въ видѣ бородъ спускаются съ вѣтвей какихъ-нибудь отживающихъ старцевъ [2]). И много-много, если смѣнятся здѣсь на обширныхъ участкахъ двѣ-три породы безъ примѣси какихъ бы то ни было иныхъ древесныхъ породъ.

Это однообразіе дремучихъ хвойныхъ лѣсовъ рѣдко нарушается прогалинами, и только иногда долины рѣкъ и ручьевъ служатъ естественными просѣками, по которымъ съ трудомъ пробирается здѣсь рѣдкій путникъ.

Уже въ верхнихъ горизонтахъ хвойныхъ лѣсовъ встрѣчается изъ лиственныхъ деревьевъ кое-гдѣ березнякъ (Betula alba, B. Ermani). Но ниже, въ особенности въ долинахъ большихъ

---

[1]) L. c., стр. 618.

[2]) Впрочемъ, кромѣ мховъ, въ густыхъ хвойныхъ лѣсахъ встрѣчаются и цвѣтковыя растенія: Cacalia auriculata, Listera cordata, Ephippianthus Schmidtii (можетъ быть только на Сахалинѣ?), Carex globularis и др., но всѣ они растутъ разрозненно, а потому не бросаются вовсе въ глаза.

рѣкъ, рядомъ съ березой негустыми насажденіями появляются кленъ (Acer spicatum), душистый тополь (Populus suaveolens), ива (Salix cardiophylla), рябина (Pyrus aucuparia) и здѣшняя черемуха (Prunus Maackii), лѣса которыхъ хотя все еще имѣютъ мшистую почву, однако, сопровождаются уже и цѣлой свитой кустарниковъ и растеній невстрѣчавшихся выше: Thalictrum flamentosum, Actaea spicata erythrocarpa, Cimicifuga simplex; малиной (Rubus idaeus v. microphylla), Rubus humulifolius, Mitella nuda, Tilingia ajanensis, Cornus suecica, Pyrola rotundifolia incarnata, Pedicularis euphrasioides, Boschniakia glabra (паразитъ на корняхъ ольхи попреимуществу), Kruhsea Tilingii, Asteranthemum trifoliatum и осоками—Carex falcata и sylvatica. Одновременно подмѣчаются и другія видоизмѣненія флоры—Picea ajanensis смѣняется Picea obovata, появляется кедръ (Pinus mandshurica) [1]), сосна (Pinus sylvestris) и можжевельникъ (Juniperus davurica); среди лиственныхъ породъ также больше разнообразія,— сперва рѣдко, потомъ все чаще и чаще появляются черная береза—Betula dahurica; Betula costata [2]), вязъ (Ulmus campestris var. montana), боярышникъ (Crataegus sanguinea), ягодная яблонь (Pyrus baccata), обыкновенная черемуха (Prunus padus), кленъ (Acer mono); липа (Tilia cordata) и дубъ (Quercus mongolica). Всѣ они сопровождаются свитами растеній, гораздо болѣе разнообразными, чѣмъ въ области преимущественно хвойныхъ лѣсовъ. Къ тому же кустарникъ замѣтно разнообразится и видоизмѣняется: полярные ягодники почти совсѣмъ исчезаютъ [3]), зато появляются: крыжовникъ (Ribes burejensis) и породы смородины (Ribes rubrum, R. glabellum, R. atropurpureum, R. nigrum, R. fragrans и R. procumbens); одновременно и ерникъ Миддендорфа появляется рѣже, его смѣняетъ кустарная береза (Betula fruticosa); впервые появляются: жимолость (Lonicera Maximoviczii), дикій жасминъ (Philadelphus tenuifolius), шиповники (Rosa pimpinellifolia, R. cinnamomea), таволги (Spiraea digitata, Sp. Aruncus, Sp. chamaedrifolia), мѣстныя породы лещины (Corylus mandshurica), бересклетъ (Evonymus pauciflorus), обыкновенная бузина (Sambucus racemosa) и другіе. Еще ниже широколиственный лѣсъ начинаетъ преобладать надъ хвой-

---

[1]) Максимовичъ «Primitiae florae amurensis» («Mémoires des savants étrangers» IX, стр. 263). Будищевъ «Описаніе лѣсовъ части Приморской Области» («Записки Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1867, № 9 и 10, стр. 112. Максимовичъ прямо называетъ Буреинскія горы, Будищевъ пишетъ, что онъ встрѣчается по всему краю, за весьма немногими исключеніями; Шмидтъ о немъ не упоминаетъ.

[2]) Будищевъ (l. c., стр. 110) и Максимовичъ (l. c., стр. 253) пишутъ, что это деревцо встрѣчается и въ Буреинскихъ горахъ.

[3]) Однако, именно здѣсь попадаются впервые Rubus arcticus и брусника (Vaccinium vitis idaea). Это, вѣрно, впрочемъ только для Буреинскихъ горъ.

нымъ [1]), захватываетъ обширную область и со всѣхъ сторонъ спускается въ низины Амура и Зеи. Особеннымъ богатствомъ растительныхъ формъ отличаются лѣса Амурской долины между устьемъ Буреи и предгорьями Буреинскаго кряжа. Ихъ описаніе находимъ мы у Радде [2]).

Вдоль берега Амура, окаймленнаго ивнякомъ и таволожникомъ (Spiraea salicifolia) тянутся довольно рѣдкія рощицы ясеня (Fraxinus mandshurica), вяза и дуба (Quercus mongolica), среди которыхъ рѣдкими экземплярами встрѣчаются липы (Tilia parvifolia, т.-е., вѣроятно, T. cordata Mill., и Tilia mandshurica, у Радде, согласно съ Регелемъ [3]), T. argentea), и пробковый дубъ (Phellodendron amurense). Такой составъ лѣсовъ является преобладающимъ и на многіе десятки верстъ внутрь страны. Болѣе возвышенныя мѣста покрыты уже настоящимъ лѣсомъ, поражающимъ своею красотою и величавостью. Коническія темно-зеленыя верхушки исполинскихъ кедровъ, растущихъ здѣсь всегда лишь изолированно, возвышаются надъ куполообразнымъ сводомъ лиственнаго лѣса, и вблизи ихъ осина (Populus tremula) со своимъ сѣровато-бѣлымъ стволомъ и блѣдно-зелеными листьями производитъ удивительные эффекты. Лѣтомъ взоръ не проникаетъ сквозь густую зелень этого лѣса; и что между вѣтвями живетъ, то спасается даже отъ хищныхъ взоровъ коллектирующаго орнитолога. Тоже слѣдуетъ сказать и относительно необыкновенно разнообразнаго здѣсь подлѣска. Природа въ полной дѣвственной силѣ выростила въ этихъ лѣсахъ такую роскошную растительность, что черезъ всѣ эти кусты и кустики можно продраться лишь съ громаднымъ трудомъ, да и тогда, преодолѣвъ преграду, представляемую поясомъ живыхъ растеній, наталкиваешься на трупы умершихъ; такъ что надо благодарить Бога, когда, наконецъ, посчастливится выбраться на медвѣжью тропу. Описать эти заросли очень трудно: прежде всего привлекаютъ здѣсь вниманіе путника сухіе и твердые стволы крушины (Rhamnus davurica), плотно обвитые здѣшнею ліаною—Maximowiczia chinensis [4]), красные плоды которой созрѣваютъ не ранѣе сентября;

---

[1]) Прежде другихъ исчезаетъ лиственница, затѣмъ можжевельникъ и, наконецъ, кажется, ель (Picea obovata).

[2]) «Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1858, XXII т. «Смѣсь», стр. 37.

[3]) «Mélanges biologiques», etc v. II, livr. 5, S.-Petersb. 1857., стр., 482. Tilia mandshurica описана была Рупрехтомъ въ томъ-же выпускѣ «Mélanges biologiques», стр. 413; Регель подвергъ критикѣ это описаніе, но Максимовичъ (l. c., стр. 62) находитъ мнѣніе академика Рупрехта правильнымъ.

[4]) У Радде M. amurensis: подъ этимъ именемъ она и была первоначально описана Рупрехтомъ. Видъ, однако, оказался извѣстнымъ, но помѣщеннымъ въ родъ Kadsura.

тутъ же виднѣется нѣсколько группъ низкорослаго клена (Ac. ginnala), едва достигающаго 10 ф. высоты, и множество вьющихся, главнѣйшимъ образомъ въ ширь, кустовъ Panax sessiliflorum, привлекающихъ вниманіе столько же своими пятипалыми листьями, сколько и черными плодами, приросшими къ стеблямъ по нѣскольку вмѣстѣ; назадъ загнутыя, большія иглы этого растенія самымъ непріятнымъ образомъ цѣпляются за платье и вообще причиняютъ не малое безпокойство. Несдѣлавши и двадцати шаговъ по этой трущобѣ, встрѣчаешь новое препятствіе—лозу дикаго винограда, которая своими сплетеніями образуетъ настоящую стѣну; но что за великолѣпіе эта стѣна! Далѣе — тоже красивое вьющееся растеніе — Aconitum Raddeanum покрыло другія растенія Cacalia, Cimicifuga и Adenophora, запутавши ихъ въ клубни. Тоже иногда дѣлаютъ и другія ліаны: Glossocomia ussuriensis и различные виды Clematis. Эта роскошная растительность, среди которой, кромѣ вьющихся растеній, значительную роль играютъ и папоротники, составляетъ особенность, исключительно свойственную лѣсамъ юго-западныхъ склоновъ Буреинскихъ горъ; потому что, спускаясь внизъ по теченію Амура, хотя мы и продолжаемъ попрежнему всюду встрѣчать пышную растительность, однако вьющіяся растенія уменьшаются въ числѣ довольно замѣтно и только Clematis продолжаетъ еще обвивать стебли такихъ высокорослыхъ злаковъ, какъ Calamagrostis. Кромѣ вышеуказанныхъ растеній—травъ и кустарниковъ, дѣлающихъ не только опушки лѣсовъ, но и пребрежье Амура непроходимымъ [1]) еще остается упомянуть о растеніи, которое далеко заходитъ на западъ—Menispermum dahuricum—и которое повсемѣстно въ Буреинскихъ горахъ—на островахъ, лугахъ и вдоль береговъ, одинаково растетъ въ изобиліи. Только тамъ, гдѣ на болѣе плоскомъ прибрежьѣ Амура мѣстность болотиста, существенно измѣняется и физіономія флоры: рядомъ съ европейскою Andromeda polifolia появляетя простая обыкновенная голубика и даже кусты ольховаго ерника (Alnaster fruticosus). Растенія эти тѣмъ болѣе поражаютъ васъ, что глазъ уже совершенно отвыкъ отъ этихъ сибирскихъ типовъ и привыкъ встрѣчать только виноградную лозу (Vitis amurensis) и болѣе южныя формы.

Внутри лѣсовъ растительность, разумѣется, совершенно иная, чѣмъ вдоль опушекъ и на лугахъ. Тамъ самая почва была непроходима, здѣсь препятствія являются на саженной

[1]) Радде въ этомъ письмѣ описываетъ главнѣйшимъ образомъ окрестности нынѣшней станицы Раддевки. Теперь, вѣроятно, характеръ флоры этого побережья сильно видоизмѣнился.

высотѣ, такъ какъ кустарники съ ихъ густою зеленью не позволяютъ путнику сообразить, гдѣ онъ находится и куда идетъ. Въ то-же время лишь тощія травы скудно прикрываютъ черноземную почву. Лужайки въ этихъ лѣсахъ, обыкновенно, представляютъ по окраинамъ такія же кустарныя дебри, какъ и опушка; но здѣсь попадаются еще новые типы растеній, мѣстные виды сирени (Syringa amurensis), барбариса (Berberis amurensis), жасмина (Philadelphus tenuifolius), плюща (Hedera senticosa), и Actinidia kalomikta [1]), представляющая настоящую середину между вьющимся растеніемъ и свободно растущимъ кустарникомъ, такъ какъ своими длинными вѣтвями она такъ плотно налегаетъ на сосѣдніе деревья или кустарники, что послѣдніе нѣтъ возможности отдѣлить отъ нея.

Если въ предгоріяхъ Буреинскихъ горъ флора травъ выражена нѣсколько слабѣе, чѣмъ на берегахъ Амура, зато деревья достигаютъ здѣсь такой силы, какой никогда не замѣчается по прибрежью. Поразительно, напримѣръ, различіе между экземплярами черной березы (Betula davurica) и монгольскаго дуба (Quercus mongolica), если сличить ихъ въ этихъ мѣстахъ. Тѣже породы, на берегу — узловатыя, малорослыя, нерѣдко даже сухоствольныя, въ какихъ нибудь 6 — 7 верстахъ отъ берега являются уже стройными и крѣпкими деревьями высотой въ 60 — 70 футовъ. Черная береза измѣняетъ здѣсь совершенно наружность: стройный, прямой стволъ раздѣляется въ горахъ большею частью на два ствола, между тѣмъ какъ на берегу, развѣтвляясь на множество кривыхъ и узловатыхъ сучьевъ, принимаетъ вѣнцеобразную форму, напоминающую старую березу далекаго сѣвера. Столь же изумительны по высотѣ и объему ясени и липы (Tilia mandshurica). Ясень достигаетъ 70 футовъ и болѣе двухъ обхватовъ въ отрубѣ. Напротивъ, пробковый дубъ и осина чувствуютъ себя, повидимому, лучше на побережьѣ, такъ какъ здѣсь они только въ рѣдкихъ случаяхъ достигаютъ 40 футовъ. Пробковый дубъ, кора котораго очень крѣпка, представлялъ бы немалую цѣнность, если бы росъ быстрѣе и пробковый его слой былъ бы толще; самое толстое дерево не достигаетъ здѣсь и 10 дюймовъ въ діаметрѣ при толщинѣ коры всего въ 1 дюймъ.

---

[1]) У Радде Trochostigma. Первоначально была описана академикомъ Рупрехтомъ, какъ Prunus? kalomikta («Mélanges biologiques», etc., 1857, II, livr. 5, Радде 424). На это рѣзко возражалъ Регель (l. c., стр. 486), который создалъ для этого растенія родъ Kalomikta (K. mandshurica), помѣстивъ его въ сем. липовыхъ (Tiliaceae). Наконецъ, кажется, академикъ Максимовичъ нашелъ ему болѣе подходящее мѣсто въ классификаціи (l. c., стр., 63), отнеся его къ роду Actinidia, причислявшемуся ботаниками къ тропическому семейству Dilleniaceæ.

Лиственные лѣса, но только восточныхъ склоновъ Буреинскихъ горъ, описываетъ и академикъ Коржинскій [1]). Онъ различаетъ тамъ два типа лѣсовъ, хотя при этомъ и дѣлаетъ оговорку, что различіе это неглубоко. Къ первому типу относятся лѣса собственно Буреинскихъ горъ или, какъ онъ ихъ называетъ—первобытные; ко второму—лѣса отдѣльныхъ грядъ и холмовъ, въ безпорядкѣ поднимающихся среди заливныхъ луговъ и низинъ.

Первобытные лѣса состоятъ изъ различныхъ лиственныхъ породъ, среди которыхъ нельзя указать какой-либо одной, безусловно преобладающей. Почти въ равной мѣрѣ распространены: липа обыкновенная (Tilia cordata, syn. T. parvifolia, microphylla и др., которыя чаще даются европейской липѣ), кленъ (Acer Mono), вязъ, пробковое дерево, осина въ огромныхъ деревьяхъ, ясень (Fraxinus mandshurica, у Коржинскаго—Fr. excelsior), Maackia amurensis и черная береза. Нѣсколько меньшую роль играютъ: серебристая липа (Tilia mandshurica) и два вида клена (Acer spicatum, у Коржинскаго—Ac. Dedyle и Ac. tegmentosum). Дубъ совершенно отсутствуетъ въ этихъ тѣнистыхъ, густыхъ лѣсахъ. Чрезвычайно разнообразны также формы подлѣска; здѣсь встрѣчаются: Dimorphanthus mandshuricus, Eleutherococcus senticosus, Deutzia, Evonymus, Corylus mandshuricus и др. Все это увито и перепутано вьющимися стеблями винограда, Cissus brevipedunculata, Maximowiczia и образуютъ чащу, сквозь которую мѣстами крайне трудно пробраться. Подъ тѣнью этихъ деревьевъ и кустарниковъ расположенъ скудный травянистый покровъ, состоящій изъ отдѣльныхъ разбросанныхъ особей, сидящихъ на почвѣ, то покрытой слоемъ отмершихъ, гніющихъ листьевъ, то почти голой. И замѣчательно, что, несмотря на присутствіе очень многихъ своеобразныхъ видовъ, общій характеръ этихъ лѣсовъ все же поразительно сходенъ съ формаціей лиственныхъ лѣсовъ Европы, что объясняется тѣмъ, что и тѣ и другіе представляютъ почти тождественныя комбинаціи сходственныхъ и одинаковыхъ видовъ какъ древесныхъ, такъ и кустарныхъ породъ. Въ этихъ лѣсахъ встрѣчается повсюду примѣсь и хвойныхъ породъ, именно—манджурскаго кедра, Picea ajanensis и Abies sibirica; онѣ встрѣчаются отдѣльными, иногда крупными экземплярами. Только въ ущельяхъ и падяхъ онѣ начинаютъ преобладать [2])

---

[1]) «Извѣст. Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1892, XXIII, № 4 и 5.

[2]) За исключеніемъ кедра однако? Ср. Радде въ «Beiträge zur Kenntniss d. Russ. Reiches» XXIII, 1861., стр. 577.

надъ лиственными породами, но и въ этомъ случаѣ все-таки травянистый покровъ въ общемъ сохраняетъ свой характеръ. Подобные лѣса, судя по всѣмъ даннымъ, распространены по всей горной странѣ отъ Буреинскихъ горъ до Хабаровска. Такъ называемый городской садъ въ Хабаровскѣ представляетъ клочекъ такого лѣса, во многихъ отношеніяхъ еще сохранившій свои существенныя черты. Лѣса подобнаго же характера покрываютъ и высокій берегъ Уссури у станціи Казакевича.

Гряды и холмы, не находящіеся въ связи съ Буреинскимъ кряжемъ, покрыты лѣсами иного рода. Они состоятъ преимущественно изъ дуба, черной березы, осины и нѣсколько рѣже—липы. Лѣса эти въ общемъ рѣдки. Ихъ травянистый покровъ обиленъ и состоитъ изъ разнообразныхъ лугово-лѣсныхъ формъ. Такимъ образомъ, обликъ ихъ совершенно иной. Такіе же лѣса покрываютъ и предгорія Буреинскаго кряжа около Союзной и Столбового поселка, и первые колонизаторы края—казаки утверждаютъ, что они не измѣнили своей физіономіи современи ихъ переселенія сюда. Однако, во многихъ, болѣе тѣнистыхъ мѣстахъ этихъ лѣсовъ встрѣчаются Maximowiczia, Vitis, Tilia mandshurica, а изрѣдка даже и Eleutherococcus, Maackia, Acer Mono и вообще характерныя формы первобытнаго лиственнаго лѣса. На предгоріяхъ Буреинскаго кряжа къ сѣверу отъ Биджанскаго поселка виднѣются дубовые лѣса всюду, куда заходятъ или заходили весенніе палы, и, основываясь на этомъ, можно думать, что нѣкогда и отдѣльныя гряды имѣли болѣе формъ первобытнаго лиственнаго лѣса, но охватываемыя кругомъ палами, которые съ незапамятныхъ временъ пускались инородцами, онѣ смѣнили свой первоначальный растительный покровъ на лѣса скорѣе растущаго, по свидѣтельству Коржинскаго, дуба.

Интересно было бы прослѣдить, какое вліяніе оказываютъ такіе палы на составъ выростающихъ здѣсь впослѣдствіи снова лѣсовъ? Фактъ, подмѣченный Коржинскимъ, какъ бы намъ говоритъ, что нѣкогда отъ Буреинскихъ горъ до Хабаровска тянулись лѣса, характеризовавшіеся многими своеобразными видами, а также рѣдкостью дуба; съ появленіемъ въ этихъ лѣсахъ человѣка, начались палы, и типическіе представители первобытнаго лѣса значительно сократились въ числѣ, нѣкоторые даже вовсе исчезли, а на ихъ мѣстѣ появился дубъ, совершенно видоизмѣнившій характеръ и физіономію этихъ лѣсовъ.

Припомнимъ однакоже, что Радде, въ своихъ описаніяхъ первобытныхъ лѣсовъ Буреинскихъ горъ, нѣсколько разъ возвращается къ дубу и утверждаетъ даже, что дубъ растетъ

въ нихъ привольнѣе, чѣмъ на побережьѣ Амура. Въ составѣ лиственныхъ лѣсовъ «первобытнаго» типа дубъ играетъ видную роль и во всей Приморской Области [1]). А это до извѣстной степени дѣлаетъ вѣроятнымъ присутствіе его и въ лѣсахъ первобытнаго типа, распространявшихся нѣкогда отъ Хабаровска до Буреинскаго кряжа. Но онъ здѣсь остался, а другія породы исчезли, можетъ быть, потому, что дубъ способенъ сильнѣе противостоять вліянію обжоговъ, чѣмъ, напримѣръ, кленъ, кедръ и вообще хвойныя породы этихъ лѣсовъ. Такой фактъ наблюдался, напримѣръ, на прибрежьяхъ оз. Ханка, по рѣкамъ Лефу, Мо и Тумджи. Съ приходомъ туда китайцевъ, начались палы. Въ лѣсахъ прежде всего гибли хвойныя деревья, оставались же дубы, на которыхъ палы отражались только «ухудшеніемъ ихъ роста»; однако, впослѣдствіи и они изчезали, замѣнялись березой и ольхой плохихъ качествъ. Подобные факты, впрочемъ, извѣстны были и Коржинскому.

Коржинскій высказывается до нѣкоторой степени сторонникомъ паловъ. Вотъ какія контрастныя картины Амурскаго побережья рисуетъ онъ, взявъ для сравненія Амурскую область въ моментъ занятія ее русскими и въ настоящее время [2]).

...«Долина Амура поростала травами, скрывавшими всадника. Осенью и зимой сухіе стебли травы ложились на землю, гнили, задерживали сырость и способствовали заболачиванію почвы. Необозримыя болотистыя пространства разстилались всюду, перемежаясь съ озерами и старицами, и эти болота, озера и мощная луговая растительность давали пріютъ миріадамъ мошекъ, комаровъ, оводовъ и всякаго гнуса, который поднимался тучами и мучилъ, не давалъ дохнуть ни человѣку, ни животнымъ».

Но вотъ, прошло тридцать лѣтъ, и «многое и многое здѣсь измѣнилось. Вырубка лѣсовъ и въ особенности ежегодные палы, которые пускаютъ казаки, существенно повліяли на физіономію страны. Эти весенніе палы уничтожали скопленія отмершихъ стеблей сухихъ травъ; отъ нихъ выгорали кочки, нерѣдко выгоралъ и слой торфа, почва обсыхала и становилась плотною. Измѣнялся и характеръ травянистаго покрова: вмѣсто осокъ и высокорослыхъ злаковъ появлялась низкорослая растительность изъ широколистыхъ травъ. Съ каждымъ годомъ все глубже и глубже проникали палы въ лѣса; очищая почву отъ валежника, уничтожая подлѣсокъ, они расчи-

[1]) «Описаніе лѣсовъ Приморской Области», всѣ восемь главъ.
[2]) L. c., стр. 91.

щали мѣсто для травянистой растительности. Старые дубы не уничтожаются огнемъ сразу [1]), но кора ихъ ежегодно нѣсколько обгараетъ; вотъ почему они сохнутъ, лѣсъ рѣдѣетъ, и со временемъ, надо думать, на этихъ мѣстахъ образуются пространства, поросшія мелкимъ дубнякомъ и орѣшникомъ, а потому прямо пригодныя для пашенъ. Значительно уменьшилось также количество комаровъ и оводовъ. Вся мѣстность сдѣлалась суше: озера частью высохли, болотистыя пространства сократились, и теперь во многихъ мѣстахъ находятся поля тамъ, гдѣ нѣкогда были топкія болота, черезъ которыя нельзя было пробираться верхомъ (напримѣръ, около станицы Екатерино-Никольской)». «Кромѣ того утверждаютъ, что количество дождей значительно уменьшилось». И Коржинскій считаетъ этотъ фактъ вѣроятнымъ, такъ какъ одновременно будто бы и въ сосѣдней Манджуріи происходило истребленіе лѣсовъ на огромныхъ пространствахъ, что, по его мнѣнію, не могло не отозваться на климатѣ; въ заключеніе онъ говоритъ, что «геройскія усилія забайкальскихъ казаковъ ознаменовались полною побѣдой надъ дикою природой».

Нѣсколько иную картину вліянія паловъ рисуетъ намъ другой изслѣдователь Востока.

«Обыкновенно къ выжиганію, пишетъ Миддендорфъ [2]), предназначается малая площадь, но какъ только огонь успѣваетъ вырваться изъ своихъ оковъ, такъ онъ уже становится опаснымъ. Иногда онъ цѣлые годы тлѣетъ въ торфяной почвѣ, подъѣдая корни деревьевъ до тѣхъ поръ, пока стволы повалятся, и по сучьямъ ихъ, покрытымъ бородатыми мхами, начинаютъ разливаться новые огненные потоки, которые пожираютъ все, что ни встрѣчаютъ на пути своемъ. Въ выгорѣвшихъ такимъ образомъ мѣстахъ въ первые годы не встрѣтишь ни малѣйшаго слѣда животнаго, не услышишь и не увидишь ни одной птицы [3]): вся мѣстность превратилась въ совершенную пустыню. Даже годы спустя, нерѣдко приходишь въ отчаянье отъ обуглившихся остатковъ такихъ лѣсовъ. На каждомъ шагу лежатъ груды гніющаго валежника. Подъ ними тянутся всегда наполненныя водою рытвины и ямы, которыя кромѣ того прикрыты еще молодымъ кустарникомъ и высокою травою, въ

---

[1]) Иными словами, на пожарищѣ остаются сѣмянники дуба—прямой отвѣтъ на поставленный выше вопросъ—почему дубъ все болѣе и болѣе вытѣсняетъ на пожарищахъ другія породы деревьевъ.

[2]) L. c., стр. 611.

[3]) На Шантарскихъ островахъ, благодаря паламъ, исчезъ совершенно соболь; исчезъ онъ и въ южныхъ частяхъ Буреинскихъ горъ, а въ верховьяхъ Амура сталъ рѣдкостью.

ростъ человѣческій. Часто по нимъ можно перейти въ бродъ, но мѣстами онѣ прогорѣли такъ глубоко, что лошадь, спокойно пробираясь по нимъ, нерѣдко уходитъ въ нихъ съ головой».

«Въ иныхъ мѣстахъ на сыроватой почвѣ и въ сырую погоду или тамъ, гдѣ бревенчатый лѣсъ самъ освободился отъ сучьевъ и подлѣска, огонь пробирается по лѣсу только всколзь и уничтожаетъ дишь самые сухіе стебельки, самый сухой вереск, совершенно высохшіе мхи и сухой хворостъ, играя вокругъ гладкихъ стволовъ и пытаясь длинными языками пробраться вверхъ по корѣ. Мѣстами ему и удается это на томъ или на другомъ изъ старцевъ, болѣе покрытыхъ мхомъ, и вотъ, то тутъ, то тамъ, пламя, какъ ракета, взвивается вверхъ вдоль бородатыхъ мховъ, висящихъ на сучьяхъ. Въ темную ночь это представляетъ великолѣпное зрѣлище. Лѣса, пострадавшіе такимъ образомъ, не всегда гибнутъ: деревья продолжаютъ жить, но какая-то пустота подъ верхушкою и черный цвѣтъ обуглившейся коры еще цѣлые десятки лѣтъ напоминаютъ о страшномъ бѣдствіи, котораго такъ счастливо избѣгли деревья».

Изо всего изложеннаго мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что нынѣшній растительный, какъ древесный, такъ и травянистый покровъ Амурской области ставитъ ее въ условія, сходныя съ тѣми, въ которыхъ находилась Германія во времена Тацита. Сплошные лѣса и травяныя заросли, съ сохраняющеюся въ нихъ чрезмѣрною сыростью, а также находящаяся, повидимому, въ непосредственной связи съ такимъ состояніемъ растительнаго покрова суровость климата, ставили несомнѣнныя преграды къ развитію на поверхности Германіи осѣдлой культуры. Но человѣчество, въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ, упорною борьбою съ первобытными силами природы, превратила Германію въ то состояніе, въ которомъ она находится нынѣ.

Подобный же процессъ борьбы въ Амурской и Приморской областяхъ открылся со времени ихъ занятія піонерами русской колонизаціи, но само собою разумѣется, что процессъ этотъ производится съ несравненно бо́льшею быстротою, чѣмъ въ Германіи со временъ Тацита. Нѣтъ сомнѣнія, что осѣдлому земледѣльцу въ Амурскомъ бассейнѣ приходится бороться не съ сухостью климата, какъ въ Туркестанѣ и нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ, а съ излишнею влагою и что онъ вынужденъ не создавать посредствомъ искуственнаго орошенія растительный покровъ тамъ, гдѣ его не существуетъ, а напротивъ, расчищать и истреблять избытокъ растительнаго покрова

для образованія и осушенія годныхъ для культуры площадей. Потому палы, уничтожающіе *травянистый* покровъ, не дающій испаряться застаивающейся подъ нимъ водѣ, безусловно благотворны, но необходимость заставляетъ также мѣстное земледѣльческое населеніе выжигать себѣ и посреди лѣсовъ такъ называемыя лядины для земледѣльческой культуры. Но, разумѣется, такія росчисти, производимыя при посредствѣ паловъ, должны имѣть свои предѣлы, обусловливаемые необходимостью, а не распространяться на пространства, не могущія еще быть занятыми культурными площадями. Разумѣется также, что въ той сѣверной части области, къ которой только и относятся показанія Миддендорфа, и гдѣ, какъ мы видѣли изъ нашей климатической главы, осѣдлая культура и колонизація совершенно невозможны, истребленіе лѣсовъ палами и лѣсными пожарами безцѣльно и можетъ только содѣйствовать безсмысленному истребленію и безъ того скудныхъ (такъ какъ они разсѣяны на обширныхъ пространствахъ) даровъ органической природы.

Познакомившись, но, разумѣется, только въ самыхъ общихъ чертахъ, съ постепеннымъ видоизмѣненіемъ флоры по вертикалу, т.-е., отъ гребней къ низинамъ, и въ то же время по направленію съ сѣвера на югъ, перейдемъ теперь къ описанію флоры Амурской долины, которую и прослѣдимъ съ запада на востокъ, т.-е., опять-таки отъ верховій къ низинамъ.

Предѣломъ, такъ называемой, Амурской флоры Максимовичъ [1]) считаетъ на сѣв.-вост. хребетъ Сихота-Алинь, за который не распространяется Acer spicatum, а на сѣв.-зап.—ту полосу, гдѣ прекращаются Betula davurica, Evonymus Maackii, Quercus mongolica и Corylus heterophylla, или, иными словами, западныхъ склоновъ Хинганскихъ горъ включительно. Такимъ образомъ рѣки Ононъ, Ингода, Кэрулэнъ, Аргунь и Шилка должны быть исключены изъ этой флоры, которая распространяется только на самый Амуръ и побочныя его рѣки, но не касается области его притоковъ. Въ этихъ, довольно тѣсныхъ, предѣлахъ область Амурской флоры занимаетъ пространство въ 26° долготы и простирается отъ 47° до 53° сѣв. широты. Земли, лежащія по теченію Амура, распадаются въ отношеніи флоры на нѣсколько областей; но эти области не имѣютъ строго опредѣленныхъ границъ и весьма часто переходятъ другъ въ друга. Часто, какъ мы это уже видѣли выше, посреди пред-

---

1) «Амурскій край», приложенія ко II т. «Записокъ Императорской Академіи Наукъ», № 2, 1862, стр. 52.

ставителей южной флоры попадаются и совершенно сѣверные виды. Естественною границей, за которую уже не переходятъ на западъ нѣкоторыя деревья, свойственныя низовью Амура [1]), служитъ главнымъ образомъ Буреинскій хребетъ.

Отдѣльныя области Амурской флоры въ отношеніи древесныхъ растеній вкратцѣ могутъ быть охарактеризованы слѣдующимъ образомъ: 1) на Амурѣ до Албазина сильно преобладаетъ лѣсъ изъ даурскихъ породъ и сѣверныя лиственныя деревья; 2) отъ Албазина до устья Зеи появляются въ большомъ числѣ липа, ясень и дубъ; 3) въ области, доходящей до Буреинскаго хребта встрѣчаются Maackia, Acer tataricum, A. Ginnala, Phellodendron amurense, а за устьемъ Буреи и Juglans mandshurica; 4) луговая степь до устья Уссури и вверхъ по этой рѣкѣ поросла негустымъ лиственнымъ лѣсомъ, который, большею частью, состоитъ изъ деревьевъ, свойственныхъ только Амуру; 5) пространство отъ устья Уссури до изгиба рѣки между устьями Хунгара и Горина—невысокое нагорье съ очень густымъ лѣсомъ и подлѣскомъ изъ Corylus mandshurica; здѣсь впервые встрѣчается аянская ель (Picea ajanensis) [2]); 6) до Джайскаго хребта, выше оз. Кидзи, т.-е., до сѣверной границы виноградной лозы; 7) область, простирающаяся до Тыра или до сѣверной границы Maximoviczia и Corylus mandshurica; наконецъ, 8) область низовій Амура и бассейна Амгуни, гдѣ господствуетъ исключительно почти хвойный лѣсъ, и вся растительность вполнѣ сѣверная.

Нашему обзору подлежатъ только первыя четыре области.

Первая область — отъ Усть-Стрѣлочнаго караула до Албазина.

Въ какомъ видѣ является растительность на границѣ «амурской флоры» и рѣзко-ли она отдѣляется отъ даурской, этого не рѣшаетъ ни Максимовичъ, ни другіе изслѣдователи Востока. По словамъ Палласа, всѣ горы около Онона и въ Дауріи, а также въ окрестностяхъ Нерчинска, украшаются весною съ южной стороны цвѣтами Prunus sibirica, такъ что кажутся совершенно персиковаго цвѣта, между тѣмъ какъ сѣверная сторона ихъ окрашена пурпуромъ—цвѣтами Rhododendron dauricum. На равнинахъ обыкновеннымъ весеннимъ цвѣтомъ бываетъ Primula farinosa, а на открытыхъ мѣстахъ всюду растетъ

---

[1]) Позднѣйшія ботаническія изслѣдованія, въ особенности изслѣдованія Радде, показали, что роль, приписываемая Максимовичемъ Буреинскимъ горамъ въ значительной мѣрѣ преувеличена.

[2]) Коржинскій, нашелъ аянскую ель и въ четвертой области.

Papaver alpinum. На Амурѣ, какъ Prunus sibirica, такъ и Primula farinosa совершенно неизвѣстны, а Papaver alpinum встрѣчается лишь очень рѣдко[1]).

Лѣсъ состоитъ здѣсь большею частью изъ лиственницъ и обыкновенныхъ березъ, къ которымъ примѣшиваются иногда одинокія сосны. — Ель (Picea obovata) и пихта (Abies sibirica, у Максимовича — Pinus pichta) встрѣчаются очень рѣдко; по сухимъ мѣстамъ растетъ сосна, по равнинамъ—обыкновенная береза, перемѣшанная съ черемухой, осиной, рѣже черной березой[2]), и одиноко разбросанными лиственницами, горы одѣты хвойнымъ лѣсомъ. Деревья вообще тонки, не толще фута; лѣсъ рѣдокъ на столько, что не мѣшаетъ взору проникать вдаль. Замѣчаніе Георги, что деревья даурскихъ лѣсовъ растутъ очень медленно, совершенно примѣнимо и къ мѣстностямъ по верхнему Амуру[3]). Подлѣска почти нѣтъ. Изъ кустарниковъ кое-гдѣ встрѣчаются въ лѣсу: шиповникъ (Rosa cinnamomea и R. acicularis), таволга и деренъ (Cornus alba), на скалахъ и одновременно на сырыхъ покатостяхъ—Rhododendron davuricum. Негустая опушка состоитъ изъ ольхи (Alnus incana и Alnaster fruticosus), черемухи, сибирской яблони (Pyrus baccata), вязовъ (Ulmus campestris var. laevis, у Маака — U. glabra, и U. pumila), нѣкоторыхъ ивъ и шиповника.

Въ лиственныхъ лѣсахъ, на почвахъ вообще сухихъ, растетъ преимущественно: Aster tataricus, Rhaponticum atriplicifolium, Scabiosa Fischeri, Hemerocallis graminea, Sanguisorba tenuifolia, Lilium spectabile, Echinops Gmelini, Güldenstädtia pauciflora, Vicia multicaulis, Majanthemum bifolium, полынь и представители ро-

---

[1]) Хотя и доходитъ, какъ мы это знаемъ, до крайнихъ предѣловъ третьей области и даже за Буреинскія горы.

[2]) Максимовичъ посѣтилъ верховья Амура осенью, не имѣя къ тому же возможности посвятить ихъ изученію достаточно времени. Поэтому его описаніе флоры первой и частью второй областей довольно односторонне и бѣдны; мы по возможности старались восполнить эти пробѣлы по другимъ источникамъ (гл. обр. Маака «Путешествіе на Амуръ»).

[3]) Совершенно къ тому же выводу пришелъ и Миддендорфъ, который въ главѣ «наростаніе древесины и срокъ существованія сибирскихъ деревьевъ» даетъ не мало драгоцѣннѣйшихъ свѣдѣній по этому поводу. Крайности температуръ и влажности, вообще рѣзкія климатическія годовыя перемѣны, столь свойственныя всѣмъ странамъ съ континентальнымъ климатомъ, губительно отзываются на ростѣ деревьевъ. Этотъ выводъ, столь важный именно для Амурской Области, надо имѣть прежде всего въ виду, когда заходитъ рѣчь о палахъ. Вотъ свидѣтельское показаніе энтомолога Грезера о «палахъ», допущенныхъ даже въ такихъ бѣдныхъ лѣсомъ мѣстахъ, какъ станица Покровская... «Der ganze Boden war mit einer dicken, aus verkohlten Holztheilen und Asche bestehenden Schicht bedeckt und kein grünes Hälmchen zu finden; auch hatte sich das Feuer, zu beiden Seiten des Durchhaues, dem Nadelwalde selbst mitgetheilt und diesen, auf weite Strecken hin, gründlich verwüstet; ich habe damals die Telegraphenlinie viele Werst weit stromauf und abwärts verfolgt, doch überall bat sich mir der gleiche trostlose Anblick». (Gräser въ «Berliner entomolog. Zeitschrift» 1888. XXXII, I Heft, стр. 49).

довъ Paeonia, Ligularia, Adenophora и нѣкоторыхъ другихъ, болѣе рѣдкихъ, а потому менѣе характерныхъ. Тамъ, гдѣ къ лиственнымъ породамъ примѣшался и вязъ, вообще на почвахъ болѣе влажныхъ, поросшихъ преимущественно Cornus sibirica, Spiraea chamaedrifolia, Ribes rubrum и тому подобными кустарниками, нѣкоторыя изъ вышеупомянутыхъ травъ вытѣсняются Aquilegia atropurpurea, Calypso borealis, Paris obovata, Viola acuminata, Primula cortusoides и Carex caespitosa. Всѣ упомянутыя травы по преимуществу—восточно-сибирскія формы и только Majanthemum bifolium и Carex caespitosa формы чисто европейскія, а Aster tataricum и Calypso borealis общеполярныя, распространяющіяся на З. до Лапландіи и Финляндіи.

Въ хвойныхъ лѣсахъ, состоящихъ здѣсь преимущественно изъ лиственницъ, рѣдко встрѣчается сухая почва; въ большинствѣ случаевъ она камениста, болотно-ключевая и остается такою иногда до самыхъ горныхъ вершинъ. Ее покрываетъ багульникъ (Ledum palustre), смѣшанный съ Spiraea chamaedryfolia, брусникой, голубикой, Rhododendron davuricum, Betula fruticosa, var. Ruprechtiana, Rosa acicularis и малиной (Rubus idaeus); и травы: Eriophorum vaginatum, Pyrola rotundifolia, P. secunda, Pedicularis sceptrum, Gentiana barbata, G. humilis, Dentaria tenuifolia, Scorzonera austriaca, Carex pediformis var. pedunculata, C. Meyeriana и Ranunculus auricomus; наконецъ, множество бѣлаго мха (Sphagnum). Замѣчательно, что почти всѣ послѣднія формы—обыкновенныя европейскія. Деревья этихъ болотисто-ключевыхъ лѣсовъ очень часто покрыты лишайниками.

Луговъ въ этой первой области очень мало; притомъ они, за исключеніемъ низменныхъ острововъ, скудно покрыты невысокой травою; по расположенію же своему среди скалъ и значительныхъ лѣсистыхъ горъ и по множеству горькихъ, ароматическихъ и благовонныхъ растеній они въ значительной степени напоминаютъ степи Даурiи, да подъ этимъ названіемъ и извѣстны здѣсь у казаковъ. Изъ растеній, имъ свойственныхъ, можно назвать: Artemisia vulgaris, Art. selengensis, Art. laciniata, Art. sacrorum, Clematis angustifolia, Euphorbia Esula, Cerastium arvense, Papaver nudicaule, Vicia multicaulis, Lathyrus humilis, Atragene sibirica, Viola variegata, Taraxacum collinum, Eritrichium obovatum, Thlaspi cochleariforme, Draba lutea, Plecostigma pauciflorum, Iris uniflora, Alyssum Lenense, Myosotis alpestris, Pulsatilla vulgaris, Polygonatum officinale, Melica Gmelini, Adenophora verticillata, Thalictrum trigynum, Lilium tenuifolium, Aster tataricus, Calimeris incisa, Hieracium umbellatum, Polygonum divaricatum, Bupleurum scorzoneraefolium, Paeonia albiflora, Scutellaria macrantha,

нѣкоторыя Stenocoelium, Czernaevia, Spodiopogon, Callisace, Dictamnus и наконецъ—Nepeta lavandulacea, Vicia pallida и V. pseudorobus. Менѣе 20% поименованныхъ видовъ водятся въ Европѣ, остальные сибирскіе и по преимуществу восточно-сибирскіе.

На низменныхъ берегахъ и островахъ луга зеленѣе и покрыты болѣе густою и высокою травой; но зато они бѣднѣе видами. Мы упомянемъ, кромѣ осокъ и Calamagrostis, еще о слѣдующихъ растеніяхъ: Primula cortusoides, Viola mirabilis var. subglabra, Caltha palustris, Adonis davurica, Xylosteum coeruleum, Eriophorum Chamissonii, Artemisia vulgaris, Art. selengensis, Sium cicutaefolium, Stellaria radians, Scutellaria scordiifolia, Vicia cracca, Spiraea digitata, Sp. sericea, Papaver alpinum (fl. luteo), Iris Bloudowii, Senecio campestris, Corydalis remota и Ranunculus auricomus; между этими растеніями пропорція европейскихъ уже превышаетъ 30%.

Кромѣ того заслуживаютъ вниманія и скалистые рѣчные берега Амура, которые и ниже сохраняютъ туже растительность. Изъ древесныхъ и кустарныхъ растеній встрѣчаются чаще другихъ: Rhododendron davuricum и Geblera suffruticosa, коегдѣ Sorbus aucuparia (рябина), ольха (Alnus incana и Alnaster fruticosus), осина, тополь (Populus suaveolens), Crataegus sanguinea, бузина (Sambucus racemosa) Spiraea alpina, Juniperus daurica, наконецъ, малина и смородины (Ribes Dikuscha, Rib. rubrum glandulosa и др.). Наиболѣе распространенными травянистыми растеніями могутъ считаться: Viola discuta, V. dactyloides, Selaginella sanguinolenta, Möhringia lateriflora, Corydalis remota, Aquilegia leptoceras, Aq. atropurpurea, Androsace villosa, Potentilla fragarioides, Chrysosplenium alternifolium, Saxifraga septentrionalis, S. sibirica, S. bronchialis, Woodsia ilvensis, Dianthus dentosus, Patrinia rupestris, Adenophora latifolia, Ad. coronopifolia, Silene repens, Ptarmica mongolica, Galium boreale, G. verum, Vicia Cracca, Chenopodium opulifolium, различныя Umbilici (напримѣръ, spinosus), Thymus, Ixeris и наконецъ—Achillea setacea, которая ниже по рѣкѣ уже не встрѣчается болѣе[1]). Въ тѣни скалъ, на сырыхъ, иногда топкихъ, мѣстахъ, ютятся Ribes procumbens, Cassandra calyculata, Viola acuminata и Primula cortusoides, а на осыпяхъ Erysimum altaicum, Papaver nudicaule и Corydalis remota; на рыхлыхъ почвахъ — Artemisia sacrorum, покрывающая иногда значительныя пространства порослью до 2—3 футовъ высотой, Papaver alpinum (fl. albo), Calystegia dahurica и представители родовъ Amethystea, Platycodon и Picris.

---

[1]) Если вѣрить Мааку, Achillea setacea найдена была имъ и ниже устья Кумары.

Вторая область—отъ Албазина до устья Зеи.

Ниже Албазина мѣстность становится ровнѣе и поэтому хвойный лѣсъ встрѣчается рѣже, а лиственный чаще. Луга дѣлаются болѣе значительными. По опушкамъ примѣшивается ясень; дубъ, появлявшійся на китайскомъ берегу Аргуни и исчезнувшій въ нагорной странѣ, украшаетъ сухіе косогоры своими, красными—осенью и темно-зелеными—лѣтомъ, красивыми листьями; вязъ же впервые принимаетъ видъ рослаго дерева. Вмѣсто густыхъ лиственныхъ и хвойныхъ лѣсовъ чаще всего виднѣются небольшія рощи, въ которыхъ смѣшанно ростутъ черная и бѣлая березы, лиственница, вязъ и черемуха; подъ ихъ же сквозною зеленью нерѣдко показывается красивая Lespedeza bicolor.

Но только за устьемъ Кумары можно замѣтить болѣе значительную разницу въ растительности. Лѣсъ дѣлается свѣтлѣе; Betula davurica составляетъ уже постоянную принадлежность его; чаще попадаются одинокіе вязы. Къ опушкѣ примѣшиваются: бересклетъ (Evonymus Maackii), лещина (Corylus heterophylla), боярокъ (Crataegus pinnatifida). По всѣмъ каменистымъ косогорамъ ростутъ низкіе, тощіе дубы, а въ ущельяхъ виднѣются красивыя, рослыя липы (Tilia cordata). На островахъ тотъ же лѣсъ, что и на материкѣ, но онъ чаще; въ немъ болѣе осинъ, черемухи, ивняка (Salix rosmarinifolia, S. depressa, S. cinerascens), а мѣстами встрѣчаются кленъ и крушина (Rhamnus).

Почва лиственныхъ лѣсовъ, на которой можно найти большинство изъ вышеупомянутыхъ растеній сухихъ луговъ, кромѣ того поросла высокими травами; среди которыхъ особенно выдаются: Lespedeza bicolor, L. juncea и Acarna chinensis; очень обыкновенны также: Orobus lathyroides, Artemisia laciniata, Art. sacrorum, Serratula coronata, Saussurea elongata, и болѣе южныя формы: Plectranthus glaucocalyx, Asparagus Sieboldi, а со стороны Зеи — Syneilesis aconitifolia. Но всѣ эти формы выступаютъ на первый планъ только подъ конецъ лѣта. Въ маѣ же и въ іюнѣ изслѣдователь встрѣчаетъ здѣсь болѣе роскошную и разнообразную флору, которую, среди многихъ другихъ, представляютъ слѣдующіе виды: Cypripedium guttatum, C. macranthum ventricosum, Viola acuminata, Valeriana officinalis, Leontopodium sibiricum, Ixeris versicolor, Iris sibirica, Hemerocallis graminea, Erysimum altaicum и Polemonium coeruleum; ниже Кумары къ нимъ присоединяются: Sedum Aizoon, Platanthera chlorantha, Platycodon grandiflorum, Aquilegia vulgaris oxycephala, Campanula punctata, Alsine laricina; въ то же время, ища тѣни, ютятся въ

лѣсу: Fritillaria Dagana, Paris quadrifolia, ландышъ (Convallaria majalis), Aquilegia parviflora и Trientalis europea; въ самую же чащу, въ сырые уголки лѣса, забираются Majanthemum bifolium, Asteranthemum dauricum и Perularia fuscescens; наконецъ, на опушкахъ по кустарникамъ вьется Atragene platysepala.

Но стоитъ только войти въ одну изъ многочисленныхъ долинъ съ торфяною почвою, и мы рядомъ съ сѣверными формами лиственныхъ деревьевъ: бѣлою березой, ольхой (Alnus incana), Alnaster fruticosus, березовымъ ерникомъ (Betula fruticosa, B. Ruprechtiana) и т. под., увидимъ и сѣверную сочную зелень луговъ: густую массу осокъ (Carex), Sedum fabaria, Aconitum tenuifolium, къ которымъ, на окраинахъ ключевыхъ болотъ, присоединяются Iris laevigata, Myosotis caespitosa (незабудка) и Ranunculus propinquus.

Вслѣдъ за лѣсистыми и безлѣсными горами, скалами и низменными лугами, которые здѣсь очень разнообразно смѣняютъ другъ друга, особенное значеніе получаютъ здѣсь нагорные луга. Обыкновенно приходится подниматься къ нимъ вверхъ по обнаженному, глинистому, размытому косогору, рѣдко гдѣ поросшему Allium angulosum и, въ концѣ концовъ, выводящему на возвышенную равнину, которая дальше дѣлается волнистою и примыкаетъ къ горамъ, покрытымъ негустымъ лѣсомъ. На такихъ равнинахъ нѣтъ ни деревьевъ, ни высокихъ кустовъ. Сухія и скудныя травы и злаки ихъ почти тѣ же, что встрѣчались и выше; они скрываются здѣсь мѣстами подъ низкими кустами лещины и Rosa cinnamomea, мѣстами же ростутъ совершенно открыто. Очень часто встрѣчаются Calimeris integrifolia, Tanacetum sibiricum, Turczaninowia fastigiata [1]), Acarna chinensis и др.; изрѣдка разбросаны Nepeta и различныя Artemisiae. На песчаныхъ грунтахъ, въ особенности по откосамъ, къ нимъ присоединяются: Eritrichium Maackii, Ajuga genevensis, Geranium eriostemon, Lychnis sibirica, Rhaponticum uniflorum, Trifolium lupinaster, Cynoctenum roseum и Asparagus oligoclonos. Если ужъ небольшія сухія поляны предыдущей области слывутъ тамъ у народа степями, то эти нагорные луга безспорно заслуживаютъ такое названіе; болѣе южная растительность ихъ не лишаетъ ихъ сходства со степями Забайкалья. Овраги, промытые дождями въ этихъ степяхъ, поросли обыкновенно группами березъ, осинъ и тополей (Populus suaveolens).

---

[1]) Въ «Primitiae florae amurensis», стр. 145, растеніе это не показано въ числѣ найденныхъ въ верховяхъ Амура.

Въ сырыхъ мѣстахъ, на островахъ и т. д., къ упоминавшимся уже раньше растеніямъ присоединяются еще: Gentiana scabra, Rubia cordifolia, Spiraea digitata, V. tomentosa, Lilium spectabile, Viola discuta, V. irkutiana, V. Gmeliniana, V. Patrini, V. macrantha, Thalictrum angustifolium, Th. aquilegifolium, Clematis angustifolia, Cl. fusca, Trollius asiaticus, Dictamnus albus; на берегахъ же начинаетъ показываться и Lysimachia barystachys.

Одновременно становятся очень рѣдкими или даже совсѣмъ исчезаютъ: Gentiana barbata, G. macrophylla, Ophelia chinensis, Scutellaria macrantha, Stellera chamaejasme, Pardanthus dichotomus, Potentilla flagellaris, P. fragarioides, Vicia multicaulis, Phaca alpina, Thalictrum trigynum, Aconitum tenuifolium, Viola dactyloides, Primula cortusoides, Aconitum Kusnezowii и др., а также нѣкоторыя Salices (S. viminalis, напримѣръ).

Третья область—отъ устья Зеи до Буреинскихъ горъ.

Область, доходящая до Буреинскаго хребта, представляетъ исключительно луговую степь. Лѣсовъ на ней или совсѣмъ нѣтъ, или они рѣдки и тонкоствольны. Постоянную принадлежность ихъ составляютъ лиственныя деревья верхняго уступа, къ которымъ мѣстами примѣшиваются нѣкоторыя болѣе южныя породы (напримѣръ, пробковой дубъ), которыя однако не распространяются далѣе ближайшихъ окрестностей Амура. Луговая степь отличается, во-первыхъ, преобладаніемъ высокихъ злаковъ, растущихъ кустами и покрывающихъ почву сплошнымъ ковромъ растеній, во-вторыхъ, относительнымъ недостаткомъ въ большихъ цвѣтахъ и, наконецъ, болѣе сильнымъ развитіемъ листьевъ, вслѣдствіе котораго рѣже видны разсѣченные, узкіе и сухіе листья.

Уже выше указывалось на ту внезапность, съ которою на лѣвомъ берегу Амура прерываются горы. Такая же внезапность замѣчается и въ измѣненіи характера флоры. У самаго устья Зеи находится сырая, луговая низменность, подверженная частымъ наводненіемъ. Своею густою и высокою травою—Calamagrostis, къ которой присоединяются только Stellaria radians, Mulgedium sibiricum и Artemisia vulgaris, она главнымъ образомъ обуславливаетъ этотъ контрастъ. Оставляя въ сторонѣ обработанную часть земли съ ея многочисленными селеніями и немногія песчаныя гряды, поросшія кое-гдѣ Maackia amurensis, мы видимъ передъ собою совершенно плоскую равнину, которая даже въ самыхъ своихъ тощихъ мѣстахъ напоминаетъ самые роскошные пункты степи, большею же частью покрыта

ковромъ высокихъ, въ человѣческій ростъ злаковъ, изъ которыхъ въ глаза бросаются чаще всего: Imperata sacchariflora, Spodiopogon sibiricus, Panicum mandshuricum, Vicia pallida и V. pseudorobus вьются по всѣмъ направленіямъ, придавая лугу, кромѣ красновато-шелковистаго блеска Imperata, еще глубоватый оттѣнокъ; но болѣе всего преобладаетъ чрезвычайно сочная зелень злаковъ, широкіе листья которыхъ большею частью въ серединѣ имѣютъ бѣлыя или красныя жилки. Подъ травою вездѣ растетъ шиповникъ въ видѣ маленькихъ вѣтвистыхъ кустарниковъ (обыкновенно, это—Rosa cinnamomea), которые вмѣстѣ съ Vicia и другими вьющимися растеніями, затрудняютъ ходьбу по этимъ лугамъ. Изъ другихъ растеній чаще всего встрѣчаются: Polygonum divaricatum, придающій мѣстности во время цвѣтенія бѣловатый оттѣнокъ, Aster tataricus, который своими большими пучками свѣтло-красныхъ плодниковъ чрезвычайно краситъ луговую степь, Galatella dahurica, Biotia discolor, Veronica sibirica, Ver. grandis, Glossocomia ussuriensis, Eupatorium Kirilowii, Serratula coronata, Bupleurum scorzoneraefolium, Gentiana triflora, Paeonia albiflora и мѣстами Asparagus Sieboldii, Asp. davuricus, Metaplexis Stauntoni, Syneilesis aconitifolia, Saussurea pulchella, Lilium spectabile, L. pulchellum, L. tenuifolium, Clematis mandshurica [1]), Stachys baikalensis и др. На болѣе сырыхъ мѣстахъ и островахъ къ нѣкоторымъ изъ заходящихъ сюда лугово-степныхъ растеній присоединяются: обыкновенный ландышъ, Menispermum davuricum, Polygonatum vulgare, Pol. stenophyllum, Sophora flavescens, Calystegia dahurica, Hemerocallis graminea, Saussurea amurensis и Sedum Fabaria (fl. albo).

По Буреѣ вышеописанный характеръ флоры господствуетъ вплоть до южныхъ гранитныхъ горъ; впрочемъ, здѣсь появляются уже нѣкоторыя растенія, которыя, если и встрѣчаютя вдоль Амура, то все же не столь тамъ многочисленны, а потому и замѣтны. Сюда принадлежатъ: Clematis angustifolia, Nasturtium camelinae, Viola variegata, Silene macrostyla, Agrimonia pilosa, Youngia chrysantha, Potentilla viscosa, P. chinensis, Libanotis seseloides, Czernaëvia laevigata, Angelica anomala, Viburnum burejaticum, Scabiosa Fischeri, Acarna chinensis, Hieracium umbellatum, Lysimachia davurica, Corispermum elongatum, Campanula glomerata, Dioscorea quinqueloba, Allium condensatum и нѣкоторыя обыкновенныя Polygonum, встрѣчающіяся впрочемъ, и въ долинѣ Амура. Для того, чтобы уже болѣе не возвращаться къ Нижней Буреѣ, мы замѣтимъ, что лѣса ея со-

[1]) По Мааку, это вьющееся растеніе встрѣчается уже выше устья Кумары, но только здѣсь оно становится многочисленнымъ.

стоятъ изъ тѣхъ же преимущественно южныхъ породъ, которыя встрѣчены были г. Радде и на западныхъ склонахъ Буреинскихъ горъ; нѣтъ только кедра, манджурской липы и, можетъ быть, нѣкоторыхъ кустарниковъ; зато попадаются заросли барбариса (Berberis amurensis) и сирени (Syringa amurensis). Наконецъ, намъ остается еще упомянуть о двухъ растеніяхъ, свойственныхъ нижней Буреѣ и вовсе не найденыхъ въ предѣлахъ трехъ вышеописанныхъ областей: это—Dontostemon dentatus, гнѣздящійся на скалахъ, и Clematis brevicaudata, найденный на горныхъ покатяхъ.

Лѣсъ начинается въ долинѣ Амура лишь за устьемъ Буреи; нѣкоторые холмики поросли здѣсь дубнякомъ, и только дальше начинаютъ попадаться настоящіе лѣса, состоящіе изъ болѣе рослыхъ дубовъ и черной березы; въ мѣстностяхъ возвышенныхъ къ нимъ присоединяются обыкновенная береза и Salix caprea. Въ логахъ растутъ осина и опять-таки бѣлая береза, къ которымъ въ низовьяхъ обыкновенно присоединяются одинокіе вязы, ольха, небольшія пробковыя деревья (Phellodendron), тополь (Populus suaveolens), черемуха (Prunus padus), Maackia и низкорослый кленъ (Acer Ginnala). Травы этихъ лѣсовъ вообще очень мало отличаются отъ травъ южной части предыдущей области.

Въ дубовыхъ и вообще смѣшанныхъ лѣсахъ пріобрѣтаютъ однако особенное значеніе Lespedeza bicolor и Corylus heterophylla, которыя становятся здѣсь многочисленными и образуютъ мѣстами чрезвычайно густой подлѣсокъ, фута въ 4 высотой; по опушкамъ мѣстами растетъ виноградная лоза, которая нерѣдко вьется до высоты 15 фунтовъ и осенью бываетъ увѣшана гроздьями синихъ ягодъ; Acarna и узколистыя Artemisia (laciniata и др.) встрѣчаются очень часто; но наиболѣе характернымъ растеніемъ этихъ рощъ все же слѣдуетъ считать вышеупомянутую Clematis mandshurica, которая въ періодъ цвѣтенія придаетъ особенную прелесть этимъ лѣсамъ. Вообще же лѣсныя травы состоятъ изъ жесткихъ, негибкихъ, полукустарныхъ растеній, и даже вьющіяся между ними Vicia, Glossocomia и нѣкоторыя болѣе сочныя растенія, напримѣръ—Platycodon, мало измѣняютъ общее впечатлѣніе. Въ лѣсахъ Populus и Maackia, растущихъ на песчанной почвѣ, травы вообще бѣдно представлены и принадлежатъ либо къ формаціи луговыхъ травъ (напримѣръ—Aster tataricus), либо—лѣсныхъ (напримѣръ—Smilacina bifolia), либо, наконецъ, къ формаціи растеній, живущихъ исключительно на песчаныхъ почвахъ (напримѣръ—Sophora flavescens). На береговыхъ отмеляхъ, на сырой глинисто-

песчаной почвѣ острововъ встрѣчаются Calamagrostis, Polygonatum stenophyllum и Mulgedium sibiricum; вверхъ по ивовымъ кустамъ тянется здѣсь Metaplexis Stauntoni; иногда же вокругъ куста Cornus вьется Rubia cordifolia var. съ темнозелеными, густыми листьями и безчисленнымъ множествомъ черныхъ, блестящихъ ягодъ, между которыми нерѣдко красуются двѣ-три красныя кисти Solanum persicum.

Съ характеромъ растительности западныхъ подножій Буреинскихъ горъ мы уже познакомились выше. Мы можемъ здѣсь отмѣтить только необыкновенную смѣсь тропическихъ и сѣверныхъ формъ. Это, пожалуй, дѣйствительно, свидѣтельствуетъ о пограничномъ характерѣ, въ смыслѣ Максимовича, этихъ горъ. Acer mono, Actinidia Kalomikta, Tilia mandshurica, Juglans mandshurica, Pyrus ussuriensis, растущая, впрочемъ, и въ долинѣ Нижней Буреи, Panax sessiliflorum, Eleutherococcus senticosus, Dimorphanthus mandshuricus (Aralia mandshurica), Lonicera chrysantha, Syringa amurensis и Deutzia parviflora—все это такія формы, которыя ближе относятся къ оригинальной флорѣ четвертой области, чѣмъ къ флорѣ вышеописанной.

Изъ растеній уже не встрѣчающихся далѣе на В., отмѣчаемъ: Linum perenne, Erodium Stephanianum, Galatella dahurica, Leucanthemum sibiricum, Tanacetum sibiricum, Taraxacum officinale, Sonchus brachyotus, Gentiana scabra, Pedicularis spicata, Pinus sylvestris, Polygonatum stenophylum, Lilium martagon и др. На западъ же отъ Буреинскихъ горъ до сихъ поръ не встрѣчались: Paeonia obovata, Corydalis speciosa, Philadelphus Schrenckii, Inula linariaefolia, Vincetoxicum atratum, Euphorbia lucorum, Betula costata, Pinus mandshurica, Funkia ovata, Phryma leptostachya и нѣкоторыя другія.

Четвертая область — отъ Буреинскихъ горъ до устья Уссури.

Если ужъ въ луговой степи вышележащей области въ сравненіи со степнымъ уступомъ преобладали злаки, а травы вообще отличались болѣе пышнымъ развитіемъ, но меньшимъ разнообразіемъ видовъ, то здѣсь всѣ эти особенности южноамурскихъ луговъ выражаются еще отчетливѣе. Кромѣ того эта луговая степь ниже устья Сунгари отличается еще тѣмъ, что въ ней почти вездѣ попадаются отдѣльныя рослыя деревья.

Въ ближайшихъ окрестностяхъ Буреинскаго хребта, какъ это подмѣтилъ еще Радде, нѣтъ никакой разницы между луговыми степями, лежащими какъ по сю, такъ и по ту его сторону. Изрѣдка только нарушаютъ это сходство небольшія

ильмовыя рощицы, гдѣ, на сырой тѣнистой почвѣ, ростутъ преимущественно Menispermum dahuricum, Patrinia scabiosaefolia, Impatiens noli-tangere, ландышъ, Geranium sibiricum, Anthriscus nemorosa, Silene repens, Solanum persicum, Chelidonium majus и Acarna chinensis. Вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторыя луговыя растенія, какъ напримѣръ: Polygonum divaricatum и Imperata sacchariflora начинаютъ встрѣчаться рѣже, Aster tataricus попадаются въ единичныхъ экземплярахъ, Biotia discolor укрывается въ лѣсахъ. Но за то становятся многочисленными: гигантскія зонтичныя—Callisace dahurica, различныя Clematis (Cl. fusca, Cl. mandshurica и Cl. angustifolia) и другія вьющіяся растенія—Glossocomia ussuriensis, напримѣръ, а затѣмъ: Thalictrum amurense, Adenophora verticillata, Stachys baikalensis, Patrinia scabiosaefolia, Cirsium pendulum и Sanguisorba tenuifolia составляютъ не менѣе постоянную составную часть флоры такихъ луговыхъ степей Къ нимъ мѣстами присоединяются: Dianthus dentosus, Paeonia albiflora, Stellaria radians, Hypericym Ascyron, Spiraea lobata, Galium verum, Achyrophorus grandiflorus, Platycodon grandiflorum, Lysimachia brachystachis dahurica, Vincetoxicum atratum, Veronica tubiflora, Veratrum nigrum, Carex Maackii и за устьемъ Сунгари—Dictamnus albus, Scorzonera macrosperma, Inula linariaefolia, Pedicularis sceptrum, P. resupinatum, Platanthera hologlottis и Lilium callosum. Изъ деревьевъ преимущественно являются дубъ, обыкновенная липа, вязъ (Ulmus campestris v. major и var. suberosa), къ которымъ примѣшиваются: яблоня (Pyrus baccata), боярышникъ (Crataegus pinnatifida), достигающій здѣсь значительной толщины, черная береза, черемуха и рѣже, какъ подлѣсокъ: Rhamnus davurica, Xylosteum Maackii и Panax sessiliflorum.

Прозрачный лиственный лѣсъ, украшающій мѣстами невысокія горы праваго берега Амура, состоитъ преимущественно изъ дуба и черныхъ березъ; къ нимъ однако въ большомъ количествѣ примѣшиваются вязы, липы, кленъ (Acer mono), Maackia, Xylosteum Maackii, Xyl. gibbiflorum, Evonymus gibbiflorus, Eleutherococcus senticosus и Panax sessiliflorum, гораздо рѣже пробковый дубъ и только въ одномъ мѣстѣ, выше устья Сунгари, Celastrus flagellaris; наконецъ, преимущественно на сѣверо-восточныхъ склонахъ, встрѣчается осина; въ полутѣни между стволами деревъ, отстоящихъ другъ отъ друга нерѣдко на сажень и болѣе, почву почти исключительно покрываетъ Lespedeza bicolor, которая въ періодъ цвѣтенія буквально усѣяна красными цвѣтами. Изъ травянистыхъ растеній, достигающихъ здѣсь иногда значительной высоты, въ особенности многочисленны и прекрасны: Vicia pseudorobus, Metaplexis Staun-

toni, цвѣтущая всегда обильно и тогда покрытая то бархатисто-свѣтло-фіолетовыми, то розовыми цвѣтами, Biotia discolor, Sanguisorba tenuifolia, Veronica sibirica, Thalictrum mucronatum, Angelica anomala и хмѣль (Humulus japonicus); но кромѣ этихъ растеній, въ тѣхъ же лѣсахъ попадается и множество другихъ, среди которыхъ особенно бросаются въ глаза: Geranium Vlassovianum, Gallium boreale, Hypericum attenuatum, Trisetum flavescens, Picris japonica, Inula salicina, Melampyrum roseum, Cirsium Maackii и близъ устьевъ Уссури—Circaea lutetiana, Euphorbia lucorum, Schizopepon bryoniaefolius и Hoteia chinensis. Въ тоже время растутъ на опушкахъ: Asparagus Sieboldi, Majanthemum bifolium, Allium anisopodium и вьющаяся повсюду Dioscorea quinqueloba; здѣсь же впервые попадается и Geblera sungariensis. Въ августѣ, когда преломленіе лучей свѣта не столь значительно, лѣсъ представляетъ еще болѣе прекрасную картину самаго роскошнаго и разнообразнаго ковра цвѣтовъ; кромѣ преобладающаго алаго цвѣта Lespedeza въ особенности выступаетъ лазурь Vicia съ бѣлизною цвѣтковъ Biotia и Sanguisorba. Далѣе вглубь лѣсная растительность постепенно переходитъ въ безпредѣльную муравy, лѣсистыя горы къ рѣкѣ обрываются отвѣсными скалами, а вдоль низменнаго берега тянутся ряды ивъ.

На скалахъ встрѣчаются здѣсь болѣе южныя формы растеній. Красивая зеленая Selaginella pulvinata замѣняетъ сѣверныя породы; широколистая и яркая Woodsia subcordata появляется вмѣсто W. ilvensis; часто попадаются кусты Philadelphus (жасминъ) и Deutzia, мѣстами скалы и кустарники покрыты богатыми фестонами блѣдно-желтой Clematis aethusaefolia или вверхъ по нимъ вьеться Dioscorea; здѣсь же растутъ: Gypsophila perfoliata latifolia, Potentilla bifurca, Sedum Aizoon, Veronica grandis, Arabis pendula, Poa nemoralis и папоротники—Aspidium Felix foemina и Onoclea sensibilis interrupta. У подножія скалъ стелется чудный Chylocalyx perfoliatus, а на ключевой почвѣ ростутъ китайская Funkia ovata и камчатская Lobelia sessilifolia.

Береговая ивовая опушка состоитъ то изъ толстыхъ деревьевъ, которыя часто подмыты водою и, наклонившись въ разныя стороны, образуютъ безпорядочно нагроможденныя массы валежника, то изъ густо покрытыхъ листьями кустовъ, бросающихъ на песчаную почву такую тѣнь, какой мы напрасно искали бы даже въ лѣсу. Здѣсь мы находимъ цѣлыя колоніи, высотой съ человѣка, Artemisia vulgaris, обыкновенная и едвали болѣе низкую Mulgedium, растущія группами астровыя (Aster tataricus) и Lespedeza juncea; кое-гдѣ по песку встрѣчаются Scutellaria scordiifolia, Stachys baicalensis, рѣже Lactuca amurensis и

др. Ближе къ водѣ, внѣ тѣни и легкаго слоя чернозема, образовавшагося подъ ивами, тянутся узкою полосою Artemisia scoparia съ паутино-образными листьями и прямыми, тонкими стволиками Setaria и Digitaria.

Увеличьте число ивъ, представьте себѣ, что онѣ стоятъ то отдѣльными группами прекрасно округленныхъ кустовъ, то тѣсно смыкаются въ непроходимо густые разсадники молодыхъ деревьевъ, до 20 футовъ высотой, то опять образуютъ лѣса значительныхъ деревьевъ, частью уже подмытыхъ и упавшихъ другъ на друга, а затѣмъ и всюду лежащія груды валежника —и вы будете имѣть передъ собою картину тѣхъ острововъ, какіе отъ устья Сунгари то и дѣло попадаются въ руслѣ рѣки Въ этомъ царствѣ ивъ только изрѣдка попадаются отдѣльные кустики дерена (Cornus); на болѣе высокихъ островахъ мелькаютъ кромѣ того: яблонь (Pyrus baccata), обыкновенная черемуха, кленъ, тополь; одинъ только кустарникъ иногда одерживаетъ верхъ, это—Spiraea salicifolia, растущій здѣсь сплошными, высокими насажденіями, задерживающими всякую иную растительность. Травяная флора такихъ острововъ очень бѣдна: мѣстами стелется Polygonum hydropiper, P. nodosum, сплошными насажденіями растутъ Chenopodium album, Bidens tripartita и исполинская полынь; въ тѣни болѣе высокихъ ивъ иногда на небозримое пространство видны только Moehringia и рѣже Stellaria longifolia; однако и тутъ можно иногда натолкнуться на интересныя и рѣдкія формы; укажемъ, напримѣръ, на Ranunculus chinensis v. amuricus, Scutellaria dependens, Fimbristylis leiocarpa и Carex cyperoides, которыя только и были найдены что на такихъ островахъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ находятся лагуны, и въ нихъ укрываются тѣ водяныя растенія, которыя при быстромъ теченіи Амура и при частыхъ измѣненіяхъ его уровня не могутъ удержаться въ самой рѣкѣ. Въ такихъ лагунахъ встрѣчаются Salvinia natans, Trapa natans и Nymphaea Wenzelii; самая рѣка терпитъ въ большемъ количествѣ только Limnanthemum nymphoides. Но кромѣ лагунъ на этихъ островахъ можно встрѣтить настолько сырыя низменности, что онѣ вполнѣ подходятъ къ типу займищъ; обыкновенно онѣ представляютъ довольно густыя заросли ситниковыхъ и злаковъ, а именно: Glyceria fluitans, Beckmannia erucaeformis и Isolepis Micheliana. Эти займища обрастаютъ кругомъ чаще всего: Lycopus lucidus и Rumex maritimus. Иногда островъ оканчивается песчаною или илистою отмелью, которая въ продолженіе всего почти лѣта стоитъ подъ водою и лишь въ іюнѣ подвергается палящимъ лучамъ солнца; очень скоро почва эта покрывается

въ этомъ случаѣ мелкою растительностью, въ которой кромѣ сѣменниковъ обыкновенныхъ островныхъ травъ попадаются и нѣкоторыя интересныя растенія, напримѣръ: Veronica peregrina, Mazus rugosus, Lindernia pyxidaria, Limosella aquatica, Elatine triandra и т. д.; онѣ, вѣроятно, прибиваются сюда теченіемъ Сунгари, потому что выше ихъ нѣтъ. Почва, однако, быстро засыхаетъ и трескается; осенью часто вода вторично заливаетъ ее, и вся флора исчезаетъ, а на слѣдующее лѣто, раньше или позже, смотря по водѣ, появляется снова. Вышеописанная картина острововъ присуща только тѣмъ изъ нихъ, которые встрѣчаются ниже устья Сунгари; выше же они имѣютъ нѣсколько иной типъ: ивъ гораздо меньше, деревья и травы много разнообразнѣе.

Въ заключеніе этого, далеко, впрочемъ, не полнаго, ботаническаго очерка Амурской области мы приведемъ нѣкоторыя данныя, какъ о распространеніи, такъ и о качествахъ главныхъ породъ лѣса.

Tilia. Липа.

Tilia cordata Mill. Долина Амура и прибрежныя горы отъ устья р. Кумары до Маріинска, долина Буреи до устья р. Нюмана, Уссурійскій край до горъ Пе-ча, Манджурія и Больш. Хинганъ.

Эта обыкновенная европейская липа достигаетъ мѣстами въ Амурской области высоты 80 футовъ, при діаметрѣ отруба въ 3 фута, а южнѣе—и болѣе. Древесина и кора ея не отличаются отъ древесины и коры европейскихъ экземпляровъ. Цв. VII, пл. VIII. Ея гольдское названіе—кильда, гиляцкое—кильдангъ, китайское—соангъ-мо.

Tilia mandshurica Rupr. Долина Уссури, Зауссурійскій край, юго-западныя отлогости Буреинскихъ горъ.

Эта, свойственная только Амурскому бассейну, липа въ Буреинскихъ горахъ едва достигаетъ 30 — 40 футовъ, при діаметрѣ отруба въ 12—20 дюймовъ; южнѣе она выше (свыше 60 футовъ въ исключительныхъ случаяхъ, 40—60 обыкновенно, при 1—$2^1|_2$ ф. въ діаметрѣ отруба). Цв. VII, пл. VIII.

Инородцы не отличаютъ ее отъ предыдущей.

Acer. Кленъ.

Acer spicatum Lam var. ukurundense Midd. (syn. Acer Dedyle Maxim). Южный берегъ Охотскаго моря до Укурундо

(54° с. ш.), долина Амура отъ Хинганской станціи, западные склоны Буреинскихъ горъ, заливъ де-Кастри, Сахалинъ.

Эта сѣверо-американская порода клена, доходящая тамъ на Сѣв. до озера Виннипегъ (54° с. ш.), имѣетъ рѣдко прямой стволъ и при наивысшемъ ростѣ въ 25 футовъ достигаетъ въ рѣдкихъ случаяхъ 6—8 дюймовъ въ отрубѣ [1]). Древесина его желтоватая, твердая, годная на подѣлки. Цвѣтетъ въ іюнѣ, плоды созрѣваютъ въ сентябрѣ и остаются на деревѣ въ теченіе всей зимы.

Его русское названіе—желтый кленъ, гольдское—дэїїполя, гиляцкое—тэбрхо, орочонское—дэдилэ, китайское—шай-мо.

Acer tegmentosum Maxim. По нижнему Амуру, начиная отъ Хивунда до Долэ, озеро Кизи, горы Хехцыръ, долина Уссури, долина Амура отъ устья послѣдней рѣки вверхъ до устья Сунгари, Буреинскія горы.

Эта порода, исключительно распространенная только въ Амурскомъ бассейнѣ, есть стройное, прямое дерево, достигающее, правда, въ рѣдкихъ случаяхъ, высоты 55 футовъ при 14 дюймахъ въ отрубѣ; обыковенная же его высота 30 футовъ и 8 дюймовъ въ отрубѣ; древесина его бѣлая, сходная по своимъ качествамъ съ древесиной русскаго клена, а потому годная на самыя разнообразныя подѣлки. Цв. V, пл. VIII [2]).

Его русское названіе—кленъ бѣлый, гольдское—мокчалэ, китайское—шай-мо.

Acer Mono Maxim. (Syn. Acer pictum Thbg?). Долина Амура между селомъ Михайловскимъ и западными отрогами Буреинскихъ горъ, долина Уссури, заливъ де-Кастри, южная Манджурія, Хакодате въ Японіи.

Рѣдко прямое, дерево это, распространенное только въ Амурской и Приморской областяхъ, Манджуріи и Японіи, смотря по мѣсту своего нахожденія, достигаетъ весьма различной высоты; на западныхъ склонахъ Буреинскихъ горъ оно не превышаетъ 25 футовъ, при діаметрѣ, равномъ 11—13 дюймамъ въ отрубѣ; въ болѣе южныхъ же странахъ не рѣдки экземпляры и въ 50 футовъ высоты, при 2 футахъ въ діаметрѣ отруба. Древесина его бѣлая, сходная съ древесиной русскаго клена, а потому годная на всевозможныя подѣлки. Цв. V, пл. VIII и IX. Циклъ развитія на Сахалинѣ — короче: цв. въ нач. VI, пл. VII и VIII.

---

[1]) Эти данныя взяты у Радде («Berichte», etc., стр. 606), Будищевъ же (1 с., стр. 435) приводитъ для клёна, растущаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Приморской Области, нѣсколько большіе размѣры: выс.—40 ф,, толщ.—1 ф.

[2]) Ради сокращенія мы приводимъ, вмѣсто названій мѣсяцевъ, римскія цифры: V—май, VI—іюнь и т. д. Цв. значитъ время цвѣтенія, пл.—время созрѣванія плодовъ.

Его русское названіе — мелколистый кленъ, гольдское — моно, гиляцкое—пахъ-тигршъ, китайское—шай-мо.

Acer Ginnala Rupr. Maxim. По всей долинѣ Амура и въ прибрежныхъ горахъ отъ устьевъ р. Кумары до озера Кизи, Уссурійскій край, Манджурія.

Рѣдко—деревцо въ 15 — 18 футовъ наибольшей высоты при четырехъ дюймахъ въ отрубѣ, обыкновенно—кустарникъ, какимъ является всего чаще на островахъ. Древесина бѣлая, твердая. Цв. середина VI, пл. VIII. Красивое деревцо это, также какъ и распространенное въ горахъ Семирѣченскаго края Acer Semenowii Reg., составляютъ собственно только характерныя мѣстныя разновидности Татарскаго клена (Acer tataricum L.).

Его гольдское названіе—гинналя, китайское—шай-мо.

Phellodendron.

Phellodendron amurense Rupr. Долина Амура между деревней Хормольдженгъ и устьемъ Хунгари, Нижняя Бурея, Уссури, Сунгари, Уссурійскій край. Не встрѣчается на морскомъ побережьѣ.

Прямое, красивое дерево, достигающее, впрочемъ, очень рѣдко въ Амурской области и чаще—южнѣе, 50 футовъ высоты, при діаметрѣ отруба въ 15 дюймовъ (у Маака — одинъ случай—2 фута, на югѣ—18 дюймовъ); кора съ пробковымъ слоемъ около $1\frac{1}{2}$ дюймовъ въ Буреинскихъ горахъ, до 3 дюймовъ на югѣ,—толщиной. Древесина блѣдно-желтая, довольно рыхлая и мягкая, въ старости—буро-желтая, годная на мелкія столярныя подѣлки. Цв. VI, пл. IX. Это дерево, свойственное исключительно Амурскому бассейну, принадлежитъ къ рѣдкому семейству Zanthoxyleae.

Его русское названіе — пробковое или бархатное дерево (пробковая часть—бѣлая, серебристая, бархатистая на ощупь, чернѣетъ въ старости), гольдское — кохто, китайское — хуанъ-болэ.

Juglans. Орѣшина.

Juglans mandshurica Maxim. Долина Амура отъ устья Биръара до устья р. Горынъ, долина р. Уссури, Уссурійскій край.

Красивое, высокоствольное дерево на югѣ, гдѣ достигаетъ 80 футовъ высоты, при 3—4 футахъ въ діаметрѣ отруба, оно въ Буреинскихъ горахъ имѣетъ до нельзя скромные размѣры: въ долинахъ — едва 40 футовъ высоты при 10 — 13 дюймахъ въ отрубѣ, въ горахъ — едва 19 футовъ, при 4 только дюй-

махъ въ отрубѣ! На югѣ могучій стволъ его чуть не до половины оголенъ, вершина же обыкновенно широко-вѣтвистая. Древесина его годна даже для различныхъ подѣлокъ на корабляхъ. Цв. V, пл. въ нач. IX. Эта замѣчательная порода грецкаго орѣшника исключительно свойственна Амурскому бассейну.

Его гольдское названіе—кошоа, гиляцкое—тив-алысъ, китайское—шіу-дза.

Maackia.

Maackia amurensis Rupr. Долина Амура отъ Благовѣщенска до Маріинска, Уссури, Зауссурійскій край, побережья Японскаго моря въ Приморской области.

Въ тѣнистыхъ мѣстахъ достигаетъ размѣровъ: 45 футовъ высоты и 10 — 12 дюймовъ толщины; однако подобные размѣры—исключительное явленіе; обыкновенная же высота этого плодоноснаго дерева, свойственнаго только Амурской и Приморской областямъ — по-крайней-мѣрѣ въ Амурской области, 15 футовъ, при діаметрѣ отруба 3—4 дюйма. Древесина грязно-краснаго цвѣта, въ старости — буро-красная, заболонь желтовато-бѣлая; плотность и прочность ея невелики, но дерево годно для столярныхъ подѣлокъ. Цв. VII, пл. IX. Плодъ — бобы грязно-бураго цвѣта.

Ея русское названіе — акація Маака, гольдское — хоттола, китайское—хоай-мо.

Fraxinus. Ясень.

Fraxinus mandshurica. Rupr. На западныхъ склонахъ Буреинскихъ горъ, въ долинѣ Буреи, въ долинѣ Амура отъ устья послѣдней до сел. Михайловскаго, на оз. Кизи, въ долинѣ Уссури и въ Зауссурійскомъ краѣ. Сахалинъ.

Благодаря паламъ не достигаетъ въ долинѣ Буреи значительной высоты и только въ нетронутыхъ огнемъ глухихъ ущельяхъ Буреинскихъ горъ попадаются экземпляры въ 55 футовъ выс. и 12—15 дюймовъ въ отрубѣ; южнѣе же, въ Амурской долинѣ, они достигаютъ 70—80 ф. выс. и 3—4 футовъ въ отрубѣ. Древесина темнѣе, чѣмъ у крымскаго или польскаго ясеня, и по цвѣту походитъ къ древесинѣ орѣховаго дерева; составляетъ отличный подѣлочной матеріалъ. Цв: V, пл. VIII. Дерево водится исключительно въ Амурской, Приморской области и Манджуріи.

Его гольдское названіе—хевагда, буренколя, ивагда, китайское—шуй-чу-лэу, гиляцкое—по́ло.

Quercus. Дубъ.

Quercus mongolica Fisch. По всему Амуру отъ Усть-Стрѣлки до устья[1]), Зейская низменность къ югу отъ Селимджы, долина Нижней Буреи, долина Уссури и Зауссурійскій край, Сахалинъ. Шилка, Аргунь, Большой Хинганъ.

По верхнему и нижнему Амуру дубъ встрѣчается только въ рѣдкой примѣси, дурнаго роста и плохихъ качествъ. По среднему Амуру дубъ составляетъ болѣе значительную примѣсь лиственныхъ и мѣшанныхъ лѣсовъ, преобладающею же породою является по Уссури и въ Зауссурійскомъ краѣ. По среднему Амуру дубъ встрѣчается и частыми насажденіями, но плохого качества; еще хуже поросли дуба въ области нижней Зеи; лучше по Буреѣ и совсѣмъ хороши въ глухихъ ущельяхъ Буреинскихъ горъ, гдѣ дерево достигаетъ 50 ф. выс., при діаметрѣ отруба въ 2 ф.; въ Уссурійскомъ краѣ, въ лѣсахъ, неповрежденныхъ палами, онъ достигаетъ высоты корабельныхъ деревьевъ, т.-е., 70 ф., при отрубѣ 3—4 фута въ діаметрѣ. Единичные экземпляры достигаютъ тамъ еще большихъ размѣровъ. Древесина монгольскаго дуба хорошихъ качествъ, но вообще слѣдуетъ замѣтить, что на десятину сплошного лѣса приходится обыкновенно не болѣе 30 деревьевъ, годныхъ въ качествѣ корабельнаго подѣлочнаго матеріала Цв. кон. V, пл. IX. Эта порода, отдѣленная отъ европейской всею континентальною Азіею, свойственна собственно только Манджуріи и Амурскому бассейну и только едва переходитъ въ Монголію.

Его гольское названіе—хоронколя, мало-мо, гиляцкое—кмый, китайское—дзуамо, манегрское лашаль-кора.

Populus. Тополь.

Populus suaveolens Fisch. Долина Амура отъ Албазина до устья, долина Нижней Буреи, Уссури, Зауссурійскій край. Сахалинъ.

Самый громадный экземпляръ, встрѣченный Радде въ Буреинскихъ горахъ (долина Сальбачи), имѣлъ 120 ф. выс. и 3 ф. въ діаметрѣ отруба; но вообще Амурскіе осокори далеко не достигаютъ такого исполинскаго роста; ихъ обыкновенная высота—30—40 ф., толщина 11—13 д. Качества древесины

---

[1]) Будищевъ (l. c., стр. 460); по даннымъ же Маака, на которыхъ основалъ свои выводы и Максимовичъ, дубъ впервые появляется только ниже Албазина. См. выше «вторую обл.» Амурской флоры.

его тѣже, что и въ Россіи; тамъ, гдѣ недостатокъ въ хвойныхъ деревьяхъ, онъ идетъ какъ строительный матеріалъ. Цв. IV, пл. VI. Это восточно-сибирское дерево распространено культурою и въ Европейской Россіи.

Его русское названіе—осокорь душистый, гольдское—по-ле, китайское—янъ-мо.

Populus tremula L. Долина Амура, ниж. и средн. Зеи, нижн. и средн. Буреи, Уссури, Зауссурійскій край, Сахалинъ.

Эта обыкновенная осина въ Буреинскихъ горахъ достигаетъ 50 ф. выс., при діаметрѣ отруба равномъ 15—19 дюйм., южнѣе 70 ф. выс., при діаметрѣ отруба—3 ф. Употребляется какъ строительный матеріалъ. Качества ея древесины, вѣроятно, тѣже, что и въ Европѣ. Цв. кон. IV, пл. нач. VI.

Ея руское названіе—осина, гольдское—полегда, гиляцкое—кана-тигрисъ, китайское—янь-мо, манегрское—олуча.

Ulmus. Вязъ, Илимъ.

Ulmus montana With. Долина Средняго Амура, Уссури, Зауссурійскій край, Сахалинъ.

Эта обыкновенная порода вяза достигаетъ 40 и болѣе футовъ высоты и до $1\frac{1}{2}$ и болѣе футовъ въ діаметрѣ; имѣетъ широкую, развѣсистую вершину. Древесина хорошихъ качествъ. Цв. IV, пл. кон. V. Дерево ничѣмъ не отличается отъ растущаго въ Россіи Ulmus Campestris.

Его гольдское названіе—хорраха, китайское—ю-мо.

Ulmus campestris Sm. Долина Амура отъ рѣчки Ельничной до Поддалэ (нижн. Амуръ), долина нижней Амгуни, Буреи, Уссури, Зауссурійскай край, Сахалинъ.

Обыкновенная европейская форма. Растетъ преимущественно въ мѣшанныхъ лиственныхъ лѣсахъ, рѣдко сплошными насажденіями, любитъ сухое, но защищенное мѣстоположеніе и жирную почву. Достигаетъ 50—70 ф. вышины и 2—4 футовъ въ діаметрѣ отруба. Имѣетъ всѣ качества корабельнаго и артиллерійскаго лѣса; въ низовьяхъ Буреи на ростъ этого дерева вліяютъ очень пагубно палы, пускаемые Бираръ-тунгусами (Радде). Цв. V, пл. VI.

Его гольдское названіе—мусейгда, хайя (Уссури), гиляцкое—харнги,—китайское—ю-мо, манегрское—мононъ.

Ulmus suberosa. Ehrnb. Распространеніе одинаковое съ предыдущимъ, на Сахалинѣ—нѣтъ.

Достигаетъ 40—50 ф. высоты и $1—1\frac{1}{2}$ ф. въ діаметрѣ отруба. Древесина одинаковыхъ качествъ съ предыдущимъ.

Цв. V, пл. V; также ничѣмъ не отличается отъ европейскихъ формъ.

Его русское названіе — пробковой вязъ, берестъ, гольдское—хыробадзе, китайское—ю-мо.

Betula. Береза.

Betula alba. L. Долины Амура, Зеи, Буреи, Амгуни, Уссури, Зауссурійскій край, Сахалинъ, Шилка, Аргунь и проч., а также всѣ горы до предѣловъ древесной растительности.

Обыкновенная береза. Рѣдко 60 ф. выс., при отрубѣ въ 12—17 дюйм., обыкновенно 40—50 ф. выс. при діаметрѣ отруба въ 10—13 дюймовъ. Цв. V, пл. VIII.

Ея гольдское названіе—пьэ, гиляцкое—пьэгда, китайское—хоа-пи, манегрское—зальбанъ.

Betula dahurica Pall. Долина Амура и нижней Буреи, Уссури, Шилки, Аргуни, Зауссурійскій край.

Эта береза, свойственная Амурскому басейну, растетъ рѣдко сплошными насажденіями, обыкновенно смѣшанно съ другими лиственными породами. Достигаетъ 50 ф. высоты и 1—2 футовъ въ діаметрѣ отруба. Древесина одинаковыхъ качествъ съ обыкновенной березой, бересты нѣтъ. Цв. V, пл. VIII.

Ея русское названіе—черная береза, гольдское—дзивагда, манягрское—тебгора.

Betula Ermani Cham. Долина верхней Буреи, Амгуни, нижняго Амура, Зауссурійскій край, Сахалинъ.

Эта береза, впервые найденная въ Камчаткѣ, имѣетъ размѣры одинаковые съ предыдущею, качества древесины тѣже, что и у обыкновенной березы, бересты,—нѣтъ. Цв. V, пл. VIII.

Ея русское названіе—желтая береза, гольдское—дзювагда, гиляцкое—керассы, китайское—чоо-хоа.

Betula costata Traut. Буреинскія горы, Хехцыръ, долина Уссури (рѣдко), долина нажняго Амура (кое-гдѣ).

Эта мѣстная Амурская порода березы размѣровъ одинаковыхъ съ предыдущею, качества древесины тѣже, что и у обыкновенной березы, бересты нѣтъ. Цв. V, пл. кон. VII.

Ея гольдское названіе—дзювагда.

Alnus. Ольха.

Alnus incana W. Долина Амура, Уссури, Зауссурійскій край, Сахалинъ (var hirsuta Led).

Обыкновенная ольха достигаетъ, хотя и не часто, 30 фу-

товъ высоты и 6 дюймовъ въ діаметрѣ отруба; бо́льшіе экземпляры хотя и встрѣчаются (до 1ф. въ діаметрѣ), но рѣдко. Качествомъ древесины не отличается отъ европейской, впрочемъ, подобныхъ изслѣдованій, кажется, не производилось. Цв. IV, пл. V. Ея гольдское названіе—пуйгда, манягрское—джугда.

Abies. Пихта.

Abies sibirica Led (syn. Pinus sibirica Led, Pinus Pichta Fisch). Вся Амурская область за исключеніемъ ея луговыхъ степей, горы Хехцыръ, низовья Амура, горы Сихота-Алинь, Зауссурійскій край, Шилка, Аргунь.

Эта распространенная по всей Сибири и въ Пріуральѣ порода встрѣчается какъ чистыми насажденіями, такъ и въ смѣси съ другими хвойными и лиственными породами. Сплошные пихтовые лѣса встрѣчаются въ верховьяхъ р.р. Нюмана, Селимджи и, можетъ быть, Зеи. Дерево достигаетъ 80 футовъ и болѣе (Сихота-Алинь) въ высоту и до 2 — 3 и болѣе футовъ въ діаметрѣ. Растущее въ низовьяхъ Амура, въ тундрахъ близъ Николаевска, отличается худыми качествами: ноздреватою древесиной и при этомъ хрупкостью; но по Амуру, въ хребтахъ Хехциръ и Сихота-алинь растетъ прекрасно и даетъ незамѣнимый матеріалъ (сосны здѣсь нѣтъ, кедра мало); идетъ даже на мачты, хотя рѣдко. Цв. V, пл. VIII. Ея гольдское названіе—вайгкта, гиляцкое—нгарни, китайское—куа-сунгъ.

Picea. Ель.

Picea ajanensis Fisch. (syn. Abies ajanensis Rupr, Picea jezoensis Maxim). Долина нижняго Амура, альпійскій поясъ западныхъ склоновъ Буреинскихъ горъ, Хехцыръ, Уссури, Уссурійскій край, де-Кастри, Сахалинъ и Іезо.

Эта порода, распространенная въ Амурской и Приморской областяхъ и сѣверной Японіи, растетъ также, какъ и предъидущій видъ, въ смѣшанныхъ хвойныхъ, рѣже лиственныхъ лѣсахъ, а также сплошными насажденіями. Достигаетъ размѣровъ пихты. Стволъ обыкновенно чрезвычайно прямой и полнодревесный. Прекрасный строевой матеріалъ. Цв. кон. V, пл. кон. VI, (завязь предыдущаго года). Ея русское названіе—аянская ель, гольдское—хассихта, гиляцкое—твиссикъ.

Picea obovata Led. (syn. Pinus orientalis Led., Abies obovata Rupr.). Вся Амурская область, въ Буреинскихъ горахъ ниже Picea ajanensis, горы Хехцыръ, Сихота-алинь, низовья Амура, Уссури, Зауссурійскій край.

Эта порода, распространенная во всей Сибири и въ сѣверо-восточной части Европейской Россіи, есть самое обыкновенное дерево въ Амурской области, растущее смѣшанно и сплошными насажденіями. Размѣровъ достигаетъ одинаковыхъ съ предыдущими, но древесина слабѣе и, какъ строевой матеріалъ, Picea obovata значительно уступаетъ Abies sibirica. Цв. нач. V, пл. VII, (завязь предыдущаго года).

Larix. Лиственница.

Larix dahurica Turcz. (syn. Pinus dahurica Fisch, Larix sibirica Rgl.). Бассейнъ Амура. Сахалинъ.

Эта восточно-сибирская порода есть самое обыкновенное дерево въ Амурской области, но вмѣстѣ съ тѣмъ, по своимъ качествамъ, составляетъ истинное богатство края. Лиственница вообще любитъ влажныя мѣста, на югѣ — предпочитаетъ сѣверные склоны; но одновременно излишекъ почвенной влаги, хотя и не препятствуетъ росту, однако вредно отзывается на качествахъ древесины, которая становится хрупкою (Николаевскъ, зал. де-Кастри). Она достигаетъ высоты 80 — 100 футовъ и въ діаметрѣ 4 фут. и представляетъ прямо-ствольное, полно-древесное дерево съ широкою, развѣсистою вершиною. Употребляется какъ строевой лѣсъ для капитальныхъ сооруженій, какъ-то: подводныхъ частей, береговыхъ укрѣпленій на корабельное дѣло и т. д. Цв. V, пл. нач. VIII, (завязь предыдущаго года). Ея манегрское названіе—ирахта, гольдское—ссіесэ и кой, гиляцкое—кой, китайское—хуанъ-холя-сунгъ, даурское (?)—исси (по р. Сунгари).

Pinus. Сосна.

Pinus sylvestris L. Долина Амура до устья Зеи, долина Зеи, начиная отъ Томи (нѣсколько южнѣе устья этой рѣки) до Селимджы, долина нижней и средней Селимджы, западные склоны Буреинскихъ горъ и хр. Турана, въ истокахъ р. Бикинъ, хр. Сихота-алинь между устьями рѣкъ — Дауби и Суйфунъ, горы Хехциръ (рѣдко), кое-гдѣ въ долинѣ Уссури, близъ поста Турій-Рогъ, по р. Хунь-чунь, Наеми, въ системѣ р. Сіанъ.

Обыкновенная сосна вездѣ ростетъ одинокими экземплярами, обыкновенна только въ бассейнѣ верхняго Амура и Зеи. Достигаетъ мачтовыхъ размѣровъ, то-есть 100 и болѣе футовъ при 3 — 4 футахъ въ діаметрѣ отруба. Стволъ очень прямой,

полнодревесный и почти до самой макушки очищается отъ сучьевъ. Древесина ея качествами своими превосходитъ сосну русскую. Цв. V, пл. нач. IX. Ея манегрское названіе—джагда, гольдское—джамгда, китайское—бынгъ-сунгъ.

Pinus mandshurica Rupr. (syn. Pinus cembra excelsa Maxim). Долина нижняго Амура выше Маріинска, западные склоны Буреинскихъ горъ, южные и частью восточные ихъ склоны, горы Хехцыръ, долина Уссури (рѣдко).

Эта самая восточная, манджурская порода кедра въ сплошныхъ насажденіяхъ не встрѣчается, но растетъ смѣшанно какъ съ хвойными породами (ель и пихта), такъ и въ преимущественно лиственныхъ лѣсахъ (Буреинскія горы, Хехциръ); любитъ защенныя мѣстоположенія и избираетъ особенно охотно западные склоны горъ. Достигаетъ мачтовыхъ и корабельныхъ размѣровъ, то-есть, 100 и даже 120 футовъ (Радде) высоты и $3^1|_2$ футовъ въ діаметрѣ. Качества его древесины превосходны сравнительно съ кедромъ сибирскимъ, однако уступаютъ соснѣ. Шишки больше и орѣхи крупнѣе, чѣмъ у сибирскаго кедра. Цв. V, пл. нач. IX. Его русское названіе—кедръ манджурскій, манегрское—колдонъ, гольдское—кольдонгъ, гиляцкое—музиръ, китайское—сунгъ-сунгъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ деревьевъ, для мелкихъ столярныхъ подѣлокъ имѣютъ значеніе: *Rhamnus davurica*—крушина, достигающая, по даннымъ Радде,—25—35 футовъ высоты и 6 — 10 дюймовъ толщины (?); *Prunus glandulifolia* — черешня, достигающая, по даннымъ Радде, 35 футовъ высоты и 9 — 11 и даже 15 дюймовъ толщины; *Prunus Maackii* — черемуха Маака, достигающаяя 30 футовъ высоты и 7—8 дюймовъ въ діаметрѣ; *Prunus Padus*—черемуха обыкновенная, достигающая 40—50 футовъ высоты и $1-1^1|_2$ фут. въ діаметрѣ; оба вида боярки *(Crataegus sanguinea, G. pinnatifida)*; *Pyrus baccata*—сибирская яблонь, достигающая 30—50 футовъ высоты и $1^1|_2$ фута въ діаметрѣ; *Pyrus ussuriensis*, достигающая 40—60 футовъ высоты и $1^1|_2-2^1|_2$ футовъ въ діаметрѣ; *Pyrus aucuparia*—рябина, достигающая 40—60 высоты и $1^1|_2$ футовъ въ діаметрѣ; *Salix praecox*—верба, достигающая 25—30 футовъ высоты и 4 футовъ толщины; *Salix capraea*—ива, достигающая 15—25 футовъ высоты и 2—3 футовъ въ діаметрѣ; *Alnaster fruticosus*—ольха, плохо растущая въ Амурской области и достигающая мощныхъ размѣровъ южнѣе; наконецъ, ерники, жимолость и другія породы кустарниковъ.

ГЛАВА VIII.

Животный міръ въ Амурской области.

Возвращаясь изъ своего путешествія по Удскому краю и южнымъ склонамъ Становыхъ горъ, Миддендорфъ писалъ въ Академію: «въ зоо-географическомъ отношеніи намъ приходится постоянно вращаться въ той чрезвычайно любопытной полосѣ земли, гдѣ лицомъ къ лицу встрѣчаются гербы сибирскій и бенгальскій—соболь и тигръ, гдѣ эта южная кошка отбиваетъ у рыси сѣвернаго оленя, гдѣ соперница ея—россомаха—въ одномъ и томъ же участкѣ истребляетъ кабана, оленя, лося и козулю, гдѣ медвѣдь насыщается то европейскими ягодами, то кедровыми орѣхами, гдѣ соболь вчера еще гонялся за тетеревами и куропатками, доходящими до предѣловъ Западной Европы (Tetrao urogallus, T. tetrix, T. bonasia), а сегодня уже бѣгаетъ за ближайшимъ родственникомъ тетерева Восточной Америки (Tatrao canadensis) или крадется за чистокровною сибирскою кабаргой...»[1])

Эти немногія слова въ достаточной мѣрѣ рисуютъ намъ тотъ характеръ фауны, который мы должны будемъ встрѣтить въ Амурской области. Послѣдующія прекрасныя изслѣдованія только дополнили вышеприведенную характеристику новыми фактами, показавъ, что наука дѣйствительно пріобрѣтала въ Амурской области ту дѣвственную, незатронутую еще культурой, страну, въ которой экваторіальный предѣлъ распространенія около-полярныхъ формъ растительнаго и животнаго царствъ соприкасается съ полярнымъ тропическихъ странъ.

Если мы обратимся къ фактамъ былого распредѣленія животныхъ типовъ, то прежде всего натолкнемся на явленія подобнаго же порядка, господствовавшія въ диллювіальную эпоху на всемъ пространствѣ Европейскаго материка, сѣверной половины Азіи и Америки.

---

[1]) L. c. т. II, стр. 54., «Bull. phys.—math. de l'Académie des Sciences de St. Petersb.» IV, 16., «Beiträge zur Kennt. d. Russ. Reich» IX, стр. 638.

Три вида медвѣдей, среди которыхъ и современный намъ—Ursus arctos, россомаха, горностай, куница, хорекъ, барсукъ, выдра, волкъ, лисица, корсакъ, пещерная гіена (Hyaena spelaea), которую нѣтъ возможности отличить отъ пятнистой гіены (Hyaena crocuta)[1]), пещерный левъ (Felis spelaea), если не тождество, то сходство котораго съ современнымъ намъ львомъ совершенно доказано, дикая кошка, рысь, сурки, пищухи (Lagomys), заяцъ-бѣлякъ (Lepus variabilis), леммингъ (Lemmus), песецъ (Vulpes lagopus), лось, сѣверный, благородный и исполинскій олени, косуля, мускусный быкъ (Ovibos moschatus), быки—Bos primigenius, вѣроятно, ничто иное, какъ Bos urus Юлія Цезаря, и Bos priscus, потомки котораго доживаютъ свой вѣкъ въ Бѣловѣжской пущѣ и на Кавказѣ, кабанъ, гиппопотамъ, носороги, слоны, мамонтъ, лошади, сайга, наконецъ, даже верблюдъ[2]) и королевскій тигръ, заходившій когда-то на сѣверъ чуть не до полярнаго круга,—вотъ та пестрая фауна, которая нѣкогда населяла всю Сибирь и Европу. И если одновременное существованіе нѣкоторыхъ изъ этихъ животныхъ доказано не вполнѣ, то съ другой стороны, трудно оспаривать и совмѣстное существованіе такихъ гиперборейскихъ животныхъ, какъ сѣверный олень, напримѣръ, или овцебыкъ, съ такими тропическими, какъ левъ и гіена.

Переходя отъ доисторическихъ эпохъ существованія земли къ историческимъ, мы видимъ, что хотя къ этому времени составъ пост-пліоценовой фауны Европы и измѣнился довольно замѣтно, тѣмъ не менѣе характеръ ея остался все тотъ же; такъ, напримѣръ, въ Греціи рядомъ съ оленемъ, россомахой и медвѣдемъ водился левъ[3]) и шакалъ, изъ коихъ первый, если вѣрить преданіямъ, заходилъ даже въ Германію, гдѣ въ то время на привольѣ паслись лоси, сѣверные олени, Bos priscus, Bos primigenius и, можетъ быть, исполинскій олень (Cervus megacerus), если только вѣрно объясненіе Циттеля древне-нѣмецкаго слова Schlech (куплетъ 3752 пѣсни Нибелунговъ). Но оставляя даже въ сторонѣ всѣ эти свидѣтельства старины, мы можемъ указать на фактъ изъ сравнительно недавняго прошлаго, который имѣетъ подобное же значеніе; а именно, на совмѣстное существованіе антилопы-сайги и россомахи въ Литвѣ и

---

[1]) Нѣсколько болѣе высокій теменной гребень и притуплепная поверхность коническихъ зубовъ представляютъ отличія костяка H. spelaea отъ костяка H. crocuta.

[2]) Черскій «Описаніе коллекціи послѣ-третичныхъ млекопитающихъ», etc (приложеніе къ LXV т. «Зап. Импер. Ак. Наукъ», № 1, 1891.), стр. 6.

[3]) Легенда о Геркулесѣ, убившемъ льва на Парнассѣ, извѣстіе Геродота о львахъ, напавшихъ на персидскій обозъ въ Македоніи.

въ южной лѣсной полосѣ Россіи. Съ уничтоженіемъ россомахи въ Саксоніи, Польшѣ, Волыни, Курляндіи и Лифляндіи, гдѣ она встрѣчалась еще въ прошломъ столѣтіи, экваторьяльный предѣлъ ея въ Финляндіи и во всей Европейской Россіи оттѣсненъ къ сѣверу за 63° с. ш. Только на Уралѣ она встрѣчается много южнѣе. Что же касается до сайги, то два-три стада этихъ милыхъ животныхъ удержались еще только въ калмыцкихъ земляхъ Астраханской губерніи; иными словами, периферіи областей распространенія этихъ животныхъ разошлись въ настоящее время въ Россіи слишкомъ на 15° широты.

Для цѣли, которая имѣется въ виду, достаточно остановиться еще на одномъ фактѣ не меньшаго интереса. Извѣстно, что не такъ даже давно рѣчной бобръ пользовался обширнымъ распространеніемъ въ Европѣ, причемъ его экваторіальный предѣлъ проходилъ вдоль Пиренейскихъ горъ, по Средней Италіи и Центральной Арменіи; нынѣ, благодаря охранительнымъ законамъ, онъ сохранился только въ немногихъ захолустьяхъ Западной Европы, въ лѣсахъ Литвы и, кажется, еще Волынской губерніи. Не будь этихъ законовъ, онъ исчезъ бы окончательно въ Средней Европѣ, сохранившись только на полярной периферіи области былого распространенія—въ Сѣв. Финляндіи и Лапландіи. Ясно, что если бы только наука застала бобра въ такомъ фазисѣ его географическаго распространенія, она вынуждена была бы придти къ совершенно ошибочному заключенію о природѣ животнаго, причисливъ его къ группѣ ему совсѣмъ чуждыхъ типовъ, слагающихъ, такъ называемую, арктическую фауну.

Проводники культуры уже многое измѣнили въ Амурскомъ краѣ; съ проведеніемъ желѣзной дороги, развитіе страны вступитъ въ новый фазисъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и искаженіе природы ея пойдетъ ускореннымъ ходомъ. Потому-то изученіе современнаго, еще, такъ сказать, первобытнаго состоянія фауны Амурской области и представляетъ большой научный интересъ, могущій имѣть и практическое значеніе, вызывая своевременныя мѣропріятія противъ всякаго нарушенія равновѣсія естественныхъ условій страны и неразумнаго истребленія полезныхъ животныхъ.

Въ предѣлахъ изучаемой Области въ фаунистическомъ отношеніи, строго говоря, изслѣдована только долина Амура и южные склоны Буреинскихъ горъ; да и то сколько-нибудь удовлетворительно извѣстна отсюда только фауна теплокровныхъ позвоночныхъ животныхъ. Что же касается безпозвоночныхъ животныхъ, то изъ нихъ болѣе другихъ удовлетворительно

извѣстна фауна чешуекрылыхъ и жесткокрылыхъ. Впрочемъ, нѣтъ особенныхъ основаній разсчитывать, чтобы, при изслѣдованіи Становыхъ горъ и бассейна Зеи, имѣющіеся уже у насъ списки пополнились значительнымъ числомъ эндемичныхъ видовъ[1]); зато можно съ нѣкоторою увѣренностью предполагать, что они должны будутъ значительно пополниться видами обще-сибирскими и полярными.

Нашею цѣлью, впрочемъ, не можетъ сдѣлаться обзоръ всего живущаго въ Амурской области; поэтому, ограничивъ его фаунами млекопитающихъ, птицъ и рыбъ, мы только въ общихъ чертахъ коснемся фаунъ остальныхъ группъ животнаго царства.

Млекопитающихъ въ настоящее время въ Амурской области насчитываютъ 53. Изъ нихъ:

Хищныхъ (Carnivora)	20
Насѣкомоядныхъ (Insectivora)	4
Рукокрылыхъ (Chiroptera).	4
Грызуновъ (Glires)	18
Толстокожихъ (Pachydermata)	1
Жвачныхъ (Ruminantia)	6

Приводимая ниже таблица показываетъ отношеніе этой фауны къ фаунамъ сосѣднихъ странъ и Европы. Главнѣйшими источниками для ея составленія служили намъ сочиненія Радде[2]) и Шренка[3]).

---

[1]) Эндемичныхъ видовъ трудно вообще ожидать въ Амурской области; нѣтъ сомнѣнія, что, при болѣе тщательномъ изученіи Амурскаго бассейна, общее число ихъ скорѣе даже сократится, чѣмъ увеличится.

[2]) «Reisen im Süden von Ost-Sibirien» I. 1862.

[3]) «Reisen und Forschungen im Amur-Lande», B. I. Lief 1. Но кромѣ того, и сочиненія Миддендорфа, Маака, Брэма, Пржевальскаго, Бихнера. («Die Säugethiere der Ganssu Expedition» въ «Mélanges biologiques» XIII, livr. 1); Дыбовскаго и Годлевскаго («Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Россійскаго Географическаго Общества». 1872, 2) и др.

Таблица географическаго распространенія млекопитающихъ Амурской области.

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ.		Приморская обл.	Японія и Восточн. Китай.	Нагорья Тибета и альп. зона Гималайскихъ горъ.	Забайкалье и Вост Гоби.	Восточная Сибирь	Полярная область.	Европа.
Русскія названія.	Латинскія названія.							
Хищныя.	**Carnivora.**							
Медвѣдь бурый	Ursus arctos L.	+	[1]	—	[2]	+	+	+
» тибетскій.	» thibetanus Cuv.	—	+	—	—	—	—	—
Барсукъ	Meles taxus Schreb.	+	[3]	+	+	+	—	+
Россомаха	Gulo borealis Nilss.	+	—	—	[2]	+	+	+
Куница	Mustela (Martes) flavigula Bodd	—	+	+	—	—	—	—
Соболь	» Zibellina L.	+	[4]	—	[2]	+	—	—
Хорь, хорёкъ	» putorius L.	—	—	—	+	+	—	—
Колоноқъ(Сиб.хорь)	» sibirica Pall	+	—	—	[2]	+	—	—
	» alpina Gebl	—	+	—	+	—	—	—
Горностай	» erminea L.	+	[1]	+	+	+	+	+
Ласка	» vulgaris Briss.	+	—	—	+	+	+	+
Выдра	Lutra vulgaris Erxl.	+	+	+	[2]	+	+	+
Волкъ	Canis lupus L.	+	+	+	+	+	+	+
Красный волкъ	» alpinus Pall	+	—	+	[2]	+	—	—
Лисица	» vulpes L	+	+	+	+	+	+	+
	» procyonoides Gray	+	+	—	—	—	—	—
Рысь	Felis lynx L.	+	+	+	+	+	+	+
Тигръ	» tigris L.	+	+	+	+	—	—	—
Ирбисъ, барсъ	» Irbis Miill	+	[1]	+	—	—	—	—
	» euptilura Eliott [5]	—	+	-	—	—	-	—
Насѣкомоядныя.	**Insectivora.**							
Кротъ	Talpa wogura Temm? [6]	+	+	—	—	—	—	—
Ежъ	Erinaceus europaeus L.	+	—	—	+	—	—	+
Кутора	Sorex vulgaris L.	+	+	—	+	+	+	+
» малютка.	Sorex pygmaeus Laxm	+	—	—	—	+	—	+
Рукокрылыя.	**Chiroptera.**							
Ушанъ	Plecotus auritus L.	+	+	+	+	+	—	+
Летучая мышь	Vesperugo borealis Nilss.	+	—	+	[2]	+	—	—
» »	» Daubentonii Leisl	+	—	—	+	+	—	—
» »	» mystacinus Leisl.	+	+	+	[2]	+	—	+

[1]) Только въ Манджуріи; бурый же медвѣдь, кромѣ того, въ Кореѣ и Сѣв. Японіи.
[2]) Только въ Забайкальѣ.
[3]) Въ Китаѣ водится нашъ обыкновенный барсукъ; въ Японіи же его замѣщаетъ близкій родственникъ—M. anakuma Temm.
[4]) Соболь очень рѣдокъ въ Манджуріи, но, какъ далеко заходитъ онъ на югъ по Большому Хингану, намъ неизвѣстно.
[5]) У Радде видъ этотъ опредѣленъ былъ невѣрно. Это его F. undata Desm.
[6]) Нерингъ думаетъ, что это не Talpa Wogura Temm., а недавно описанный имъ кротъ изъ Владивостока—Mogera robusta.

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ.		Приморская обл.	Япония и Восточн. Китай.	Нагорья Тибета и альп. зона Гималайских горъ.	Забайкалье и Вост. Гоби.	Восточная Сибирь.	Полярная область.	Европа.
Русскія названія.	Латинскія названія.							
Грызуны.	**Glires.**							
Летяга	Pteromys volans L.	+	—	—	[2]	+	—	—
Бѣлка	Sciurus vulgaris L.	+	[1]	—	[2]	+	—	+
Бурундукъ. . . .	Tamias striatus L.	+	[1]	—	[2]	+	—	+
Сусликъ, овражка .	Spermophilus Eversmanni Brandt.	—	—	—	[2]	—	—	—
Крыса пасюкъ . .	Mus decumanus Pall	+	+	—	+	+	+	+
Мышь домовая . .	» musculus L.	+	+	—	+	+	+	+
	» sylvaticus L.	—	—	—	[2]	+	—	+
Полевая мышь . .	» agrarius Pall	—	—	—	—	+	—	+
Водяная крыса . .	Arvicola amphibius L.	+	—	—	—	+	+	+
Полевка.	» rufocanus Sund. . . .	—	—	—	—	+	—	—
»	» rutilus Pall	+	—	—	—	+	—	—
»	» saxatilis Pall.	—	—	—	+	—	—	—
»	» Maximowiczii Schrenck .	—	—	—	—	—	—	—
Слѣпышъ	Siphneus aspalax Pall. . . .	—	—	—	+	—	—	—
Бѣлякъ, ушканъ. .	Lepus variabilis Pall	+	—	—	[2]	+	+	+
	» mandshuricus Radde . .	—	—	—	—	—	—	—
Пищуха.	Lagomys hyperboreus Pall . .	+	—	—	—	+	+	—
Сѣноставецъ . . .	» alpinus Pall.	—	—	—	[2]	—	—	—
Толстокожія.	**Pachydermata.**							
Кабанъ	Sus scrofa ferus Gm	+	+	—	[2]	+	—	+
Жвачныя.	**Ruminantia.**							
	Nemorhaedus caudatus M.-Edw [3].	—	+	—	—	—	—	—
Кабарга.	Moschus moschiferus L	+	[1]	—	[2]	+	—	—
Косуля	Cervus capreolus L.	+	+	+	[2]	+	—	+
Сѣверный олень. .	» tarandus L.	+	—	—	[2]	+	+	+
Обыкновен. » . .	» elaphus L.	+	—	—	[2]	+	—	+
Лось	» alces L.	+	—	—	[2]	+	+	+
	Всего 53 вида . .	72%	50%	28%	72%	72%	30%	53%

Эта таблица показываетъ намъ, что на 53 вида дико-живущихъ млекопитающихъ Амурской Области приходится:

эндемичныхъ видовъ 2
видовъ, общихъ ей и Восточному Китаю съ Японіей. 27
» » » и Приморской области 38
» » » и Забайкальской области . . . 38

[1]) Только въ Манджуріи.
[2]) Только въ Забайкальѣ.
[3]) Этотъ видъ Радде опредѣлялъ какъ Antilope crispa Temm.

видовъ общихъ ей			и Восточной Гоби	17
»	»	»	и нагорьямъ Тибета съ альпійскою областью Восточныхъ Гималаевъ.	15
»	»	»	и Восточной Сибири	38
»	»	»	и Полярной области	16
»	»	»	и Европѣ	28
»	»	»	и всѣмъ, вышеупомянутымъ областямъ	5

за выключеніемъ которыхъ число видовъ, общихъ Амурской области и глубоко-сѣвернымъ странамъ, сократится до 11, число же видовъ, общихъ ей и южнымъ странамъ, до 22 [1]). Это сравнительно небольшое число видовъ, сталкивающихся въ Амурской области периферіями своего географическаго распространенія, не противорѣчитъ сущности высказанныхъ нами ранѣе мыслей объ оригинальномъ характерѣ этой фауны. Къ тому же, небольшое число полярныхъ видовъ, доходящихъ до Амурской области,—явленіе только кажущееся, такъ какъ изъ крупныхъ сухопутныхъ млекопитающихъ этой фауны мы не встрѣчаемъ въ ней только: Ovis nivicola, Canis lagopus—песца и американскаго Ovibos moschatus, и изъ мелкихъ: песцовой мыши (Myodes torquatus) и лемминга (M. obensis). Что же касается небольшого числа тропическихъ и субтропическихъ видовъ Амурской области, то оно вполнѣ удовлетворительно объясняется двумя причинами: нежеланіемъ съ нашей стороны вводить въ списокъ такіе виды, какъ, напримѣръ, Cervus Dybowskyi, которые, хотя и найдены въ Уссурійской долинѣ, но еще не попадались въ предѣлахъ Амурской области, а затѣмъ—вѣроятными пробѣлами въ фаунѣ этой послѣдней.

Промысловое для края значеніе имѣютъ: медвѣди, соболь, колонокъ, меньше—другіе представители рода Mustela, выдра, рысь, лисица, бѣлка, сѣверные и обыкновенные олени, кабарга, косуля, лось и въ меньшей мѣрѣ вообще довольно рѣдкія—россомаха, тигръ, барсъ, волкъ и кабанъ. Нѣкоторыхъ изъ нихъ мы и коснемся подробнѣе.

Ursus arctos L (у русскихъ—бурый медвѣдь, у гиляковъ—котръ, тшхюфъ, у гольдовъ мафа, мафка, итка, у орочоновъ—конголдой, у манегровъ—ньоньюко).

Истребленіе медвѣдя началось съ юга на Аппенинахъ, съ запада на Великобританскихъ островахъ [2]); съ тѣхъ поръ оно

---

[1]) Число это, однако, должно быть еще болѣе сокращено выключеніемъ изъ него видовъ сѣверныхъ, достигающихъ въ Манджуріи экваторіальнаго предѣла своего распространенія, какови, напримѣръ, соболь, бурундукъ и др.

[2]) Миддендорфъ (l. c., стр. 213).

медленно, но непрерывно подвигалось съ запада на востокъ, такъ что прежній владыка лѣсовъ съ трудомъ могъ удержаться до настоящаго времени только въ лѣсистыхъ ущельяхъ малодоступныхъ горъ Западной и Южной Европы. Западная Европа справедливо можетъ считать Россію страной медвѣдей. Въ густыхъ лѣсахъ сѣверной и средней полосы Россіи ихъ еще много; даже въ окрестностяхъ Петербурга медвѣдь не перевелся окончательно. Но все же количество ихъ уменьшается. Еще вѣкъ прогресса, и медвѣдь будетъ принадлежать къ историческимъ животнымъ нашей столицы, подобно тому, какъ съ 1057 года онъ сталъ историческимъ животнымъ великобританскихъ лѣсовъ. Но если кто въ настоящее время желаетъ своими глазами взглянуть на то, что было въ Европѣ тысячу лѣтъ назадъ, тотъ пусть отправляется на дальній востокъ. Тысяча миль, которую онъ пройдетъ, отодвинетъ его въ исторіи Европы на тысячелѣтіе. Это вдвойнѣ справедливо, такъ какъ черепа теперешнихъ европейскихъ медвѣдей нѣсколько отличаются отъ медвѣжьихъ череповъ древняго періода Европы, которые по временамъ выкапываются изъ торфяныхъ болотъ. Эти ископаемые черепа, поражающіе своею величиной, болѣе всего сходны съ черепами тѣхъ медвѣдей, которые и теперь еще водятся по берегамъ Берингова пролива и Охотскаго моря, потому что они больше [1]), массивнѣе, плотнѣе и крѣпче, чѣмъ черепа медвѣдей, живущихъ нынѣ въ Европѣ. Самое даже изобиліе медвѣдей на дальнемъ востокѣ можно назвать допотопнымъ. Для нѣкоторыхъ мѣстъ Восточной Сибири оно положительно баснословно и едва-ли даже уменьшилось со времени перваго открытія ихъ казаками. Нѣкогда Стеллеръ писалъ: «бурыхъ медвѣдей по всей Камчаткѣ—неописанное множество; они стадами бродятъ по полямъ», а по словамъ Сарычева (1802 г.), на берегахъ Охотскаго моря медвѣди стадами ходили за водорослями. Въ Камчаткѣ, говорятъ, и теперь еще происходитъ тоже самое, что было больше ста лѣтъ назадъ. Такъ, извѣстному путешественнику Вознесенскому случилось въ одинъ день наблюдать свыше 100 медвѣдей! Не только въ Камчаткѣ, но и у береговъ Охотскаго моря во времена Миддендорфа повторялось едва-ли не тоже самое, что было во времена Сарычева. Какъ на его южномъ берегу, такъ и на его островахъ—всюду встрѣчаются протоптанные пути — свидѣтели самой оживленной дѣятельности.

[1]) Наибольшій черепъ, длиной въ 450 mm., доставленъ былъ акад. Шренкомъ. Этотъ исполинскій черепъ только на 1/12 короче самаго громаднаго черепа пещернаго медвѣдя и безусловно больше медвѣжьихъ череповъ, найденныхъ въ торфяныхъ болотахъ. Наибольшій черепъ изъ привезенныхъ Миддендорфомъ имѣлъ въ длину 418 mm.

Но напрасно искать здѣсь людей,—пути эти—слѣды дикихъ звѣрей. Такія тропинки на континентѣ часто, а на Шантарскихъ островахъ—всегда, состоятъ изъ извилистаго ряда слѣдующихъ другъ за другомъ углубленій, похожихъ на человѣскіе слѣды въ снѣгу. Это—медвѣжьи ходы. Они сливаются, превращаются въ сплошную тропинку-жолобъ, тамъ, гдѣ ими пользуются и другія животныя, чаще другихъ олени и лоси. Безъ такихъ тропинокъ едва-ли можно было бы пробраться черезъ нѣкоторыя чащи этого края, и такимъ образомъ, медвѣди служатъ тамъ, до нѣкоторой степени, проводниками культуры, пролагая человѣку дороги. Не тоже-ли встрѣтилъ и Радде въ Амурской области почти 35 лѣтъ назадъ? Между прочемъ, вотъ, что онъ пишетъ[1]): «Чаще встрѣчается бурый медвѣдь въ Буреинскихъ горахъ. На отлогостяхъ береговой полосы этихъ горъ, тамъ, гдѣ мощная травянистая и кустарная растительность, перепутанная Vicia, Glossocomia, Cuscuta и Convolvulus, образуетъ непроходимыя чащи, проложенныя имъ тропинки служатъ единственными путями сообщенія; но на нихъ легко встрѣтиться со звѣремъ, который, впрочемъ, здѣсь отличается замѣчательной кротостью[2]); такъ, напримѣръ, въ теченіе одного дня (5 Октября 1857 г.) намъ встрѣтилось ихъ—пятнадцать».

Вообще замѣчено, что у медвѣдей мѣхъ тѣмъ свѣтлѣе, чѣмъ ближе они находятся къ экваторіальному предѣлу своего распространенія и чѣмъ явственнѣе климатъ, гдѣ они водятся, оказывается береговымъ климатомъ[3]). Чѣмъ рѣзче климатическія противуположности, тѣмъ вообще темнѣе бываетъ и мѣхъ, тѣмъ длиннѣе верхніе[4]), тѣмъ гуще пушистые волоса.

Время, когда медвѣдь покидаетъ свое логовище, зависитъ отъ климата. Онъ спитъ со времени наступленія болѣе суровой зимы до перваго теплаго весенняго дня. Въ Амурской области время спячки, по наблюденіямъ Радде[5]), захватываетъ $4^1/_2$ мѣсяца (съ конца Октября по 12 Марта).

Несмотря на обиліе медвѣдей въ Амурской области, зим-

---

[1]) L. c. стр. 7.
[2]) L. c., стр. 11.
[3]) Миддендорфъ, l. c., стр. 219.
[4]) Это заключеніе Миддендорфа не оправдывается на Саянскихъ медвѣдяхъ, которые, при совершенно свѣтломъ мѣхѣ и чрезвычайно густомъ подшерсткѣ, имѣютъ столь-же длинный покровный волосъ (120 mm.), какъ и камчатскіе уроженцы (Радде, стр. 8). Одинаковымъ образомъ противорѣчатъ ему и Памирскіе медвѣди, у которыхъ покровный волосъ при совершенно свѣтлой окраскѣ достигаетъ мѣстами (на спинѣ, передн. ногахъ) 160 mm. (такой медвѣдь находится у составителя). Впрочемъ надо и то сказать, что Миддендорфъ не признаетъ видовыхъ отличій Ursus isabellinus Horsf.
[5]) L. c.. стр. 10.

нюю его шкуру, по краней мѣрѣ во времена Радде, добыть было у мѣстныхъ инородцевъ совсѣмъ не легко. Ихъ скупали у нихъ для Халхаскихъ монголовъ солонскіе и даурскіе купцы, платя по 6, иногда даже по 8 р. 50 к. за штуку [1]). Другою причиной, безъ сомнѣнія, могло служить незначительное число добываемыхъ инородцами шкуръ этого звѣря, что не покажется страннымъ, если принять въ соображеніе эпическій характеръ охоты на такого богатыря. Тунгусы выходятъ на него почти всегда одинъ на одинъ, вооружившись рогатиной (гырда) или короткимъ копьемъ, состоящимъ изъ ножа (уткаль), прикрѣпленнаго къ крѣпкому древку. При этомъ они никогда не рѣшаются на убійство спящаго медвѣдя, боясь мести послѣдняго (въ загробной жизни?) [2]). Иногда на медвѣдя дѣлаются и загороди (канда), которыя разставляются у солонцовъ, у ключей, въ ущельяхъ и въ тому подобныхъ мѣстахъ; онѣ имѣютъ два или три отверстія, въ которыхъ и укрѣпляются луки. Все искусство состоитъ въ томъ, чтобы дать соотвѣтствующую подвижность волосу и приладить лукъ такъ, чтобы спущенная имъ стрѣла попала подъ лопатку. Съ лѣтнихъ медвѣжьихъ шкуръ волосъ сбривается и въ такомъ видѣ кожи эти поступаютъ въ подѣлку (напримѣръ, на подошвы). Медвѣжьимъ жиромъ, если вѣрить Радде, какъ орочоны, такъ и бирарскіе тунгусы прикармливаютъ грудныхъ дѣтей.

Ursus tibetanus Fr. Cuv. (віогэнэ у бирарскихъ тунгусовъ).

Тибетскій медвѣдь, распространенный по высокимъ горамъ Китая отъ нагорій Тибета до Амура, встрѣчающійся также и въ Японіи, ростомъ меньше предыдущаго и нравомъ кротче; шерсть его значительно короче, мясо вкуснѣе. На Амурѣ онъ достигаетъ полярнаго предѣла своего распространенія и вообще рѣдокъ, даже въ Буреинскихъ горахъ.

Mustella zibellina L. (у русскихъ — соболь, у гиляковъ— лумръ, у гольдовъ—сэфу, сöбу, у бираръ—тунгусовъ, манегровъ и орочоновъ — ника́, у манджуровъ зека, у дауровъ— балха, у китайцевъ—ти-о-пю).

Доходилъ-ли когда-нибудь соболь до Литвы и до Норвегіи, въ точности сказать трудно: соображаясь однако съ характеромъ и образомъ жизни соболя, слѣдуетъ думать, что врядъ-ли онъ могъ быть такъ скоро вытѣсненъ изъ Европы.

---

[1]) L. c., стр. 12. Эта цѣна держится и понынѣ. Ср. «Обзоръ Амурской области», за 1887 г., стр. 10.

[2]) Щишкевичъ («Записки Сиб. Отд. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1856, II, Смѣсь, стр. 8).

Скорѣе можно предположить, что, будучи искони сибирскимъ животнымъ, онъ переходилъ за Уралъ лишь въ немногихъ, особенно для него благопріятныхъ мѣстахъ и потому мало заходилъ въ Европу [1]). Такимъ образомъ, въ теченіи историческаго періода времени первоначальная область его распространенія уменьшилась лишь незначительно. Животное это стало только несравненно рѣже и въ предѣлахъ области своего распространенія исчезло совершенно только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ или лѣса порѣдѣли замѣтно, или поселенія стали сплошными. Такимъ образомъ, соболя слѣдуетъ считать за исключительно азіатское и преимущественно сибирское животное, такъ какъ экваторіальный предѣлъ его только отчасти задѣваетъ Халху, земли урянхайцевъ, Манджурію и Японію (Iессо—Mustela brachyura Temm).

Вслѣдствіе историческихъ событій, истребленіе соболя шло съ сѣверо-запада на юго-востокъ; уже по этому одному, а затѣмъ, конечно, и вслѣдствіе гористаго характера мѣстности и чрезвычайно благопріятнаго для шишко-носныхъ деревьевъ климата [2]), соболь, будучи преимущественно сѣвернымъ животнымъ, всего чаще въ настоящее время встрѣчается въ В. Азіи на экваторіальномъ предѣлѣ своего распространія, южнѣе 44^0 с. ш. (Радде, Шренкъ.)

Достаточно хорошо извѣстно, что соболь принадлежитъ къ числу животныхъ, сильно видоизмѣняющихся въ окраскѣ, какъ шерсти, такъ и подшерстка (воды); варіанты эти настолько устойчивы и при этомъ окраска подшерстка такъ тѣсно связана съ качествомъ мѣха, что каждый, свѣдущій въ своемъ дѣлѣ торговецъ мѣхомъ всегда съ точностью опредѣлитъ по шкуркѣ родину ея бывшаго обладателя. Не входя въ разсмотрѣніе тѣхъ или иныхъ причинъ, обусловливающихъ такія различія, мы замѣтимъ только, что Амурская область и восточная часть Забайкалья считаются родиной однихъ изъ лучшихъ въ мірѣ соболей—густаго, почти чернаго цвѣта. Къ сожалѣнію они здѣсь совершенно выводятся и въ верховьяхъ Амура стали даже настолько рѣдки, что только при счастьи охотнику на бѣлокъ удается въ теченіе зимняго охотничьяго сезона добыть одного—двухъ соболей! Нѣсколько чаще встрѣчаются они въ Буреинскихъ горахъ, гдѣ они все еще очень темны, и еще чаще—въ Приморской области и на Сахалинѣ; но здѣсь соболь уже замѣтно свѣтлѣе, его шерсть много ко-

---

[1]) Миддендорфъ, l. c., стр. 79.
[2]) Соболь вслѣдъ за бѣлкой держится преимущественно въ хвойныхъ лѣсахъ.

роче, подшерстокъ жиже и блѣдно желтаго цвѣта; въ совокупности такія качества мѣха понижаютъ стоимость уссурійскаго и сахалинскаго соболя, приближая его въ тоже время къ самой малоцѣнной американской разновидности соболя. По Тугуру, Уди и Угуру соболь высшаго качества.

О количествѣ добываемаго въ Амурской области соболя намъ ничего неизвѣстно; во всякомъ случаѣ оно не можетъ быть особенно велико.

Mustela sibirica Pall (у русскихъ—колонокъ, сибирскій хорь, у гиляковъ — зонгрскъ, у гольдовъ — чольчи, солой, у бираровъ—жольѐ, соллогэ, у орочоновъ—солонго).

Колонокъ, распространенный довольно равномѣрно въ хвойныхъ лѣсахъ Сибири отъ Алтайскихъ горъ до Чукотской земли, обыкновенъ и въ Амурской области. Охотятся на него, однако, только при случаѣ и бьютъ, какъ и соболя, изъ малокалиберныхъ винтовокъ. Лучшимъ мѣхомъ отличается колонокъ Буреинскихъ горъ. Въ Китаѣ мѣхъ этотъ не въ употребленіи, и туда идутъ только хорьи хвосты, которые подкрашиваются подъ соболь и носятся чиновниками на шляпахъ. Въ Иркутскѣ цѣна его выше 1 р. 20 к. за шкурку не поднималась.

Lutra vulgaris Erxl. (у русскихъ—выдра, у китайцевъ—сюта, у манегровъ, орочоновъ и бираровъ—джукинъ, у гольдовъ—джуку, муду, у гиляковъ—нгю, у манджуровъ—хайлю, кайлю).

Выдра пользуется огромнымъ распространеніемъ и проходитъ черезъ всю Азію и Европу, заходя какъ въ полярныя страны Сибири, такъ и въ суб-тропическія области Индіи и Китая. Въ Амурской области чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ она чаще встрѣчается. Зависитъ это оттого, разумѣется, что въ Амурской долинѣ она преслѣдуется вѣками. Слѣдуетъ отмѣтить здѣсь фактъ, замѣченный у всѣхъ азіатскихъ народовъ, какъ кочевниковъ, такъ и осѣдлыхъ: это то предпочтеніе, какое они оказываютъ мѣху выдры; только соболь у китайцевъ цѣнится выше.

Амурская выдра качествомъ своего мѣха не отличается; хотя штука на штуку и не приходится, тѣмъ не менѣе въ общемъ онѣ много уступаютъ литовскимъ, неговоря уже о камчатскихъ, курильскихъ и сѣверо-японскихъ выдрахъ. Главный сбытъ выдръ — въ Манджурію и Монголію, гдѣ онѣ зачастую продаются по очень высокой цѣнѣ (до 20 р. и болѣе за штуку[1]).

[1]) Радде, l. c., стр. 55.

Felis lynx L. (у русскихъ — рысь, у гиляковъ—тшлюхи, у гольдовъ — тубча, тибчаки, у бираровъ — типтикэ, у манегровъ—нонно, у орочоновъ—бультика́, у манджуровъ—шилю).

Это распространенное въ старомъ и новомъ свѣтѣ (Lynx canadensis Geoffr.) животное довольно обыкновенно въ наиболѣе густыхъ лѣсахъ Амурской области. Оно очень усердно преслѣдуется, хотя, благодаря трудностямъ охоты, и рѣдко становится добычей охотника. Спросъ на него въ Манджуріи и Китаѣ настолько великъ, что обладаніе рысьею шкурой у гольдовъ Амура считается уже признакомъ большого достатка; бѣдняки ихъ не держатъ и при первой же возможности продаютъ китайскимъ или манджурскимъ купцамъ, которые перепродаютъ ихъ, какъ кажется, преимущественно монголамъ Халхи по цѣнѣ около 25—30 рублей за шкуру свѣтлой разновидности рыси (Lynx cervaria Temm.); красная рысь цѣнится много дешевле и ходитъ не свыше 7 р. Мясо рыси считается особенно лакомымъ блюдомъ у народовъ Амура.

Canis vulpes. L. (у русскихъ—лисица, у гиляковъ—кэкшъ, у гольдовъ—соле, у бираровъ—шуляки, у дауровъ—унига, у манджуровъ—тобю, у китайцевъ—ху-ли).

Въ Амурской области, еще чаще въ Приморской, лисица попадается въ самыхъ цѣнныхъ своихъ разновидностяхъ — совершенно черной, сивой, переходной окраски къ красной (сиводушка) и наконецъ, ярко-красной. Блѣдно-красная лисица съ примѣсью черныхъ и сѣдыхъ волосъ, такъ называемая — степная лисица, на амурскихъ рынкахъ цѣнится также низко, какъ и всюду въ Европѣ и Сибири. Современное положеніе цѣнъ на лисьи мѣха намъ неизвѣстно, но во время Радде въ Амурской области.

за красную лисицу платили . .	отъ	3 до	4 р.
» сиводошку	»	10 —	15 »
» чернобурую и за чернобурую съ сѣдиной (Vulpes nigro-argentea).	»	100 —	250 »[1]).

Послѣдная цифра вовсе не подтверждаетъ словъ Шренка, который между прочимъ писалъ: «Es scheint daher jenes Insel- (Сахалинъ, Лисьи острова) und Küstengebiet im Nordosten Asien's der Entwickelung der schwarzen Varietät des Fuchses hauptsächlich günstig zu sein. [2]). Въ самомъ дѣлѣ, въ Центральной Азіи чернобурая лисица, хотя и встрѣчается не часто, все же цѣ-

[1]) L. c., стр. 67. Послѣдняя цифра относится къ совершенно черной?
[2]) L. c., стр. 52.

нится неизмѣримо дешевле; такъ, напримѣръ, извѣстный купецъ Вали-ахунъ-Юлдашевъ предлагалъ составителю въ Джаркендѣ (Семирѣченской области) пять превосходнѣйшихъ шкуръ чернобурыхъ лисицъ всего за 125 руб.; онъ говорилъ, что это обыкновенная тамъ цѣна. Приводимъ этотъ фактъ, не зная, какъ помирить его съ извѣстіемъ Радде. Или, можетъ быть, по длинѣ шерсти и густотѣ подшерстка чернобурыя лисицы Амура стоятъ неизмѣримо выше среднеазіатскихъ, которыя, вѣроятно, составляютъ видоизмѣненіе не красной лисицы, а степной (Vulpes melanotis)? Какъ то ни было, но высокая цѣна, сообщаемая намъ Радде, заставляетъ предполагать, что чернобурая лисица не особенно часто попадаетъ на рынки городовъ Пріамурья.

Красная лисица очень обыкновенна въ Амурской области, но какъ велико число шкуръ, поступающихъ тамъ на рынокъ, намъ неизвѣстно.

Sciurus vulgaris (у русскихъ — бѣлка, у гиляковъ — лякръ, у гольцовъ — хулу, у бираровъ, манегровъ и орочоновъ — улюки, у манджуровъ — улухи, у дауровъ — кырмо, у китайцевъ—хуй-джу).

Уже за Енисеемъ бѣлка постепенно теряетъ свой красный оттѣнокъ, становясь все болѣе и болѣе сѣро-бурою; въ бассейнѣ верхней Лены она получаетъ еще болѣе темную окраску и, наконецъ, въ Становыхъ горахъ становится почти черною. Но самая драгоцѣнная, иными словами — самая черная бѣлка, водится въ низовьяхъ Аргуни [1]). Это, такъ называемая, «низовая аргуньская бѣлка». Немногимъ уступаетъ ей и нерчинская бѣлка, за которой въ послѣдовательномъ порядкѣ слѣдуютъ: олекминская, витимская, верхне-ангарская, баргузинская. Далѣе на западъ уже замѣчается примѣсь красныхъ волосъ, вмѣстѣ съ появленіемъ конхъ падаетъ и стоимость бѣлки. Въ Амурской области, въ особенности въ западной ея части, бѣлка качествомъ мѣха превосходитъ верхне-ленскую и почти не отличается отъ аргуньской. Нѣсколько свѣтлѣе бѣлка въ Удскомъ краѣ и въ долинѣ р. Уссури; но здѣсь она и попадается далеко не столь часто, какъ въ долинѣ верхняго Амура, гдѣ, впрочемъ, казаки охотятся преимущественно на манджурскихъ земляхъ. Стоимость бѣличьихъ шкурокъ ежегодно мѣняется, но вообще, какъ кажется, никогда не превышаетъ 30 к., падая для иныхъ мѣстъ Амурской области иногда до 10 — 15 к. за шкурку; въ Удскомъ краѣ бывали даже при-

[1]) Шренкъ, l. c., стр. 118—124.

мѣры, что бѣлки скупались по 8 к. за штуку, но ниже не падали; при такой ничтожной цѣнѣ только обиліе бѣлокъ въ Сибири, и въ частности—въ Амурской области, можетъ поддержать охотничій промыселъ, и дѣйствительно, рѣдкій охотникъ не добываетъ здѣсь нѣсколько сотенъ этихъ животныхъ въ одинъ зимній сезонъ.

Cervus capreolus L. (у русскихъ—козуля, дикая коза, у гиляковъ—кичу, у гольдовъ—гіуча, гиву, у бираровъ—джибча, у орочоновъ и манегровъ—гивчанъ, у манджуровъ—пугу, у дауровъ—джура, у китайцевъ—лу).

Въ «Приложеніи къ всеподданнѣйшему Отчету военнаго губернатора Амурской области за 1888 г.» сказано: «Въ зиму отчетнаго года былъ неслыханный ранѣе ходъ дикой козы съ сѣверныхъ покатей по направленію къ Манджуріи. Населеніемъ было добыто до 150 тысячъ головъ. Шкурки продавались по 30—40 к. за штуку, мясо по рублю за тушу».

Фактъ этотъ достаточно иллюстрируетъ обиліе козули въ Амурской области. Дѣйствительно, какъ свидѣтельствуютъ это Радде и Шренкъ, мясо ея служитъ мѣстнымъ инородцамъ важнѣйшимъ пищевымъ матеріаломъ. а шкура — одеждой (даха).

Въ верховьяхъ Зеи она попадается рѣдко, еще рѣже въ долинѣ Амгуни. Становой хребетъ служитъ ея полярною границей, южною — степи Монголіи; однако ея экваторіяльный предѣлъ проходитъ по Гималаямъ; она найдена была также составителемъ въ Восточномъ Тянь-Шанѣ и Березовскимъ—въ южной Гань-су.

Cervus tarandus L. (у русскихъ — сѣверный олень, у гиляковъ—тшалангай, у гольдовъ—иру, у бираровъ—оро, у манегровъ и орочоновъ—оронъ).

Въ Амурскомъ краѣ сѣверный олень достигаетъ своего экваторіальнаго предѣла. На островѣ Сахалинѣ онъ не заходитъ на его южную половину, на континентѣ — южнѣе хребта Ванда; отсюда онъ далеко огибаетъ Зейскую низменность и снова появляется въ долинѣ Амура выше сселенія Албазина. Палласъ утверждаетъ, что въ его время сѣверный олень заходилъ и въ Манджурію, что очень правдоподобно, такъ какъ и теперь еще его экваторьяльная граница къ западу отъ бассейна Амура проходитъ южнѣе озера Байкала [1]).

За сѣвернымъ оленемъ туземцы охотятся осенью и весной съ ручнымъ оленемъ. Такой олень долженъ быть наѣзженнымъ

---

[1]) Дыбовскій и Годлевскій («Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». 1872, 2, стр. 98); Радде, l. c., стр. 287.

и шерстью походить на дикаго. Охотникъ, завидѣвъ оленей, отпускаетъ къ нимъ домашняго изъ подъ вѣтра на длинномъ ремнѣ (уси) и самъ осторожно крадется за нимъ слѣдомъ. Чѣмъ лучше обученъ олень, тѣмъ успѣхъ охоты вѣрнѣе. Олень долженъ по волѣ охотника пастись, стоять, ложиться и поворачиваться въ различныя стороны. Ловкій охотникъ съ хорошимъ оленемъ можетъ перебить много звѣря прежде, чѣмъ въ стадѣ догадаются о присутствіи человѣка. Излишне говорить, что подобнаго рота охота съ лукомъ вѣрнѣе, чѣмъ съ винтовкой. На оленя дѣлаютъ также и загороди. Шкуры оленьи, выдѣланныя на подобіе замши (дубленка), идутъ на одежду, полувыдѣланныя—для жилищъ; шкура съ ногъ—для подбоя лыжъ (соукильда). Мясо, если не съѣдается вскорѣ же, готовится впрокъ: его сначала коптятъ, потомъ сушатъ. На лося и обыкновеннаго оленя охотятся безъ помощи домашнихъ оленей, съ лукомъ или винтовкой. Въ обиходѣ туземцевъ ихъ шкуры играютъ ту же роль, что и шкура сѣвернаго оленя. На C. elaphus охотятся также весной, ради роговъ, т.-наз. пантовъ, которые по дорогой цѣнѣ сбываются китайскимъ купцамъ.

Moschus moschiferus L. (у русскихъ—кабарга, у гиляковъ—вонги, у гольдовъ — аккэ, уджа, у бираровъ и манегровъ — миктчанъ, у орочоновъ—мюктчека).

Излюбленныя мѣста кабарги—горныя скалы, поросшія лѣсомъ. Она избѣгаетъ гольцовъ и совершенно не встрѣчается на горахъ, лишенныхъ лѣса; да и въ лѣсистыхъ горахъ она предпочитаетъ участки, поросшіе хвойными. Такимъ образомъ, границы распространенія этого животнаго въ Амурской области намѣчаются ясно: верховья Амура, южныя отлогости Станового хребта, горы верхней Буреи. Въ горахъ нижней Буреи и въ горахъ Ванда она хотя и встрѣчается, но не такъ часто; то же слѣдуетъ сказать и о долинѣ Амгуни, гдѣ горы хотя и поросли сплошнымъ хвойнымъ лѣсомъ, но сами по себѣ очень плоски. Какъ далеко къ сѣверу по Становому хребту забирается кабарга, въ точности намъ неизвѣстно. Въ Азіи же она держится не только въ горахъ южной Сибири, но, какъ показали изслѣдованія русскихъ путешественниковъ (Пржевальскаго, Березовскаго), обыкновенна и въ горахъ пров. Ганьсу, да, кажется, водятся много южнѣе, доходя до Гималаевъ.

Охотятся на нее различно, но всѣ эти: подсидка, западни и подвой самокъ основываются на одной замѣчательной и давно подмѣченной привычкѣ ея — возвращаться на мѣсто лежки вскорѣ же послѣ того, какъ она съ нея была поднята.

Въ Амурской области на нее охотятся ради струи, шкуры же выбрасываются по своей непригодности для какого бы то ни было употребленія. Насколько справедлива такая оцѣнка качествъ кожи кабарги—намъ неизвѣстно; но уже Радде возмущается этимъ обыкновеніемъ, увѣряя, что при хорошей обработкѣ изъ шкуръ кабарги должна получиться прекрасная, тонкая кожа[1]).

Таблица географическаго распространенія птицъ Амурской области[2]).

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ.		Приморская обл.	Японія и Восточн. Китай.	Нагорья Тибета и альп. зона Гималайскихъ горъ.	Забайкалье и Вост. Гоби.	Восточная Сибирь.	Полярная область.	Европа.
Русскія названія.	Латинскія названія.							
Хищныя.	**Rapaces.**							
Бородачъ	Gypaëtos barbatus L.	+	+	+	+	+	—	+
Орелъ-холзанъ . .	Aquila chrysaëtos L.	+	+	+	+	+	—	+
Беркутъ.	» nobilis Pall.	+	+	+	+	+	—	+
»	» amurensis Swinh	+	+	+	+	—	—	+
Орелъ крикунъ . .	» clanga Pall.	+	+	+	+	+	—	+
Орланъ бѣлохвостъ.	Haliaëtos albicilla Briss.	+	+	+	+	+	+	+
Скопа степная . .	Pandion haliaëtos L.	+	+	+	+	+	—	+
Коршунъ	Milvus melanotis Temm	+	+	+	+	+	—	—
Осоѣдъ	Pernis apivorus orientalis Tacz. .	+	+	—	+	—	—	—
Канюкъ-сарычъ . .	Archibuteo hemilasius Temm . .	+	+	+	+	+	—	—
Сарычъ сарнь. . .	Buteo plumipes Hodgs.	+	+	—	+	—	—	—
Сапсанъ.	Falco communis Gm.	+	+	+	[3])	—	—	—
Чеглокъ.	» subbuteo L.[4])	+	+	—	—	+	—	—
Дербникъ	Lithofalco æsalon L.	+	+	+	+	+	—	—
Копчикъ амурскій .	Erythropus amurensis Radde . .	—	[5])	+	+	—	—	—
Пустельга	Cerchneis tinnunculus L. . . .	+	+	+	+	+	+	+
Ястребъ тетеревятн.	Astur palumbarius L.	+	+	+	+	+	—	+

[1]) L. c., стр. 277. «Die Felle der Moschusthiere finden so gut wie keine Verwendung Die Häute aber müssten bei guter Behandlung ein schönes, feines Leder geben; werden darauf hin aber gar nicht benutzt. Die Weibchen werden von den russischen Jägern ohne weiteres fortgeworfen, meistens nicht einmal enthäutet». Миддендорфъ, однако, неоднократно замѣчаетъ, что въ обиходѣ оленныхъ тунгусовъ шкура кабарги играетъ замѣтную роль и даже представляетъ нѣкоторую цѣнность въ глазахъ якутскихъ купцовъ.

[2]) При составленіи этой таблицы мы пользовались трудами Шренка, Радде, Маака, Пжевальскаго, Миддендорфа, Шлеске («Die ornithologische Ausbeute der Expedition der Gebrüder G. u. M. Grum-Grshimailo nach Central-Assien» въ Mélanges biologiques» XIII, 2, 1892), но преимущественно сочиненіемъ Тачановскаго: «Faune ornithologique de la Sibérie Orientale» въ «Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences», VII série, XXXIX, 1891 и 1893 г. (вышелъ въ февр. 1894 г.). Классификація порядковъ (Ordo)—по Клаусу, родовъ—по Тачановскому.

[3]) Въ Забайкальѣ.

[4]) Найденъ повсемѣстно на окраинахъ Амурской обл.; безъ сомнѣнія водится и тамъ.

[5]) Въ Манджуріи, Кореѣ, Японіи.

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ.		Приморская обл.	Японія и Восточн. Китай.	Нагорья Тибета и альп. зона Гималайскихъ горъ.	Забайкалье и Вост. Гоби.	Восточная Сибирь.	Полярная область.	Европа.
Русскія названія.	Латинскія названія.							
Ястребъ перепелятн.	Accipiter nisus L.	+	+	+	+	—	—	+
» »	» virgatus Temm [1]).	+	+	—	+	+	—	+
Лунь полевой.	Strigiceps cyaneus L.	+	+	+	+	—	—	+
?	» melanoleucos Gm.	+	+	+	+	—	—	—
Сиринъ	Surnia ulula L.	+	—	—	+	+	+	+
Сиринъ бѣлый	Nyctea nivea Thunb	+	—	—	+	+	+	+
?	Glaucidium passerinum orientale Tacz	+	—	—	+	—	—	—
Сычъ	Nyctale Tengmalmi Gm.	+	—	—	+	+	?	+
Сова	Syrnium lapponicum Retz.	+	—	—	—	+	+	+
Сова уральская	» uralense Pall.	+	—	—	[2])	+	—	+
Филинъ пугачъ	Bubo ignavus sibiricus Schl.	+	—	+	+	+	+	+
Канюкъ	Scops giu japonicus Temm. [3]).	+	+	—	—	—	—	—
Сова ушастая.	Otus vulgaris Flem.	+	+	+	+	+	—	+
» болотная	» accipitrinus Pall.	+	+	+	+	+	+	+
Ширококлювыя.	**Fissirostres.**							
Козодой	Caprimulgus iotaka Tem.	+	+	+	—	—	—	—
Касатка	Cypselus pacificus Lath	+	+	+	+	—	—	—
»	Chætura caudacuta Lath.	+	+	+	+	+	—	—
Ласточка-касатка	Hirundo rustica gutturalis Scop.	+	+	—	+	+	—	—
» »	Cecropis daurica L.	+	+	+	+	+	+	—
Ласточка-стрижокъ.	Chelidon urbica lagopoda Pall	+	+	—	+	+	—	—
Ласточка	Cotyle riparia Briss	+	+	+	+	+	+	+
Легкоклювыя.	**Levirostres.**							
Зимородокъ	Alcedo ipsida bengalensis Briss	+	+	+	+	—	—	—
Тонкоклювыя.	**Tenuirostres.**							
Удотъ	Upupa epops L.	+	+	+	+	+	—	+
	Zosterops erythropleura Swinh. [4]).	+	+	—	—	—	—	—
Поползень	Sitta europæa amurensis Swinh.	+	+	—	—	—	—	—
Пищуха.	Certhia familiaris L.	+	+	+	+	+	—	+
Зубоклювыя.	**Dentirostres**							
Лазутчикъ	Troglodytes fumigatus dauricusDyb	+	—	+	—	—	—	—
Аляпка	Cinclus leucogaster Bp.	+	—	+	+	+	—	—
»	» Pallasii Temm	+	+	—	—	—	—	—
Завирушка.	Accentor montanellus Pall.	+	+	+	+	+	—	—
»	» collaris erythropygius Sw.	+	+	+	+	—	—	—
	Horornis squamiceps Swinh [5])	+	+	—	—	—	—	—
Камышевка	Arundinax ædon Pall	+	+	—	+	—	—	—

[1]) Найденъ по р. Уссури и въ низовьяхъ Амура.
[2]) Въ Забайкальѣ.
[3]) Устье р. Уссури.
[4]) Въ низовьяхъ Амура.
[5]) Въ долинѣ р. Уссури.

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ.		Приморская обл.	Япония и Восточн. Китай.	Нагорья Тибета и альп. зона Гималайскихъ горъ.	Забайкалье и Вост. Гоби.	Восточная Сибирь.	Полярная область.	Европа.
Русскія названія.	Латинскія названія.							
Камышевка-дроздъ.	Calamoherpe turdoides orientalis. Bp.	+	+	—	+	—	—	—
» »	« Maackii Schr.	+	+	—	+	—	—	—
	Calamodyta certhiola Pall	+	+	+	+	+	—	—
Пѣночка	Phyllopneuste borealis Blasius [1]	+	—	—	+	+	+	—
»	» plumbeitarsusSwinh	+	+	+	+	+	—	—
»	» superciliosa Gm.	+	+	+	+	+	—	—
» зарничка	» proregulus Pall.	+	+	+	+	+	—	+
Соловей.	Lusciniola fuscata Blyth	+	+	—	+	+	—	—
»	» Schwarzi Radde	—	—	—	+	—	—	—
Дроздъ чернозобн.	Turdus fuscatus Pall	+	+	—	[2]	+	+	+
» »	» Naumanni Temm	+	+	—	[2]	+	—	—
» красногорл.	» ruficollis Pall. ?	—	+	—	—	+	—	—
»	» obscurus Gm.	—	+	—	+	+	—	—
»	» pallidus Gm.	+	+	—	—	—	—	—
	Monticola gularis Swinh	+	+	—	—	—	—	—
Горихвостка	Ruticilla aurorea Pall.	+	+	—	+	+	—	—
Красногорл. соловей	Erithacus calliope Pall	+	+	+	—	+	—	+
	Larvivora cyane Swinh	+	+	—	+	+	—	—
	» sibilans Swinh.	+	+	—	+	—	—	—
	Nemura cyanura Pall.	+	+	—	+	+	—	—
Чеккань попутчикъ	Saxicola œnanthe L. [3]	+	+	+	+	+	+	+
Чеккань	Pratincola indica Blyth	+	+	+	+	+	—	—
Трясогузка	Motacilla ocularis Swinh.	+	+	+	+	—	+	—
»	» leucopsis Gould.	+	+	+	—	—	—	—
»	» lugens Kittl.	+	+	+	—	—	—	—
»	Calobates melanope Pall.	+	+	+	+	+	—	+
Коровница.	Budytes flava L.	+	+	—	+	+	—	+
»	» citreola Pall	+	+	+	+	—	+	+
»	Limonidromus indicus Gm.	+	+	—	—	—	—	—
»	Pipastes maculatus Hodgs.	+	+	+	+	+	—	—
Щеврица	Anthus pensilvanicus Lath	+	+	+	—	+	—	—
Жаворонокъ	Alauda arvensis japonica Temm.	+	+	+	+	+	—	—
Горный жаворонокъ	Otocorys alpestris L.	+	+	—	+	+	+	+
Синица-кузнечикъ	Parus major L.	+	—	—	—	+	—	+
» »	» minor Temm.	+	+	+	—	—	—	—
Синица-черная	» ater L.	+	+	—	+	+	—	+
Синица-князёкъ	Cyanistes cyanus Pall.	+	—	—	[2]	+	—	+
» »	Pœcilia affinis Przew. ?	—	—	+	—	—	—	—
Синица камышевка.	» palustris macroura Tacz	—	—	—	+	+	—	—
» долгохвост.	Mecistura caudata L.	+	?	—	—	+	—	+
Ремезъ	Aegithalus consobrinus Swinh.	—	+	—	—	—	—	—
Королекъ	Regulus cristatus himalayensis Jerd [4]	+	—	+	+	—	—	—
Свиристель хохлуш.	Ampelis garrulus L.	+	+	+	+	+	+	+
» »	» japonicus Siebold	+	+	—	—	—	—	—

[1]) Въ долинѣ р. Уссури.
[2]) Въ Забайкальѣ.
[3]) Въ долинѣ р. Уссури и въ прилегающихъ горахъ.
[4]) Въ окрестностяхъ Николаевска и въ Даурiи; замѣчательно, что въ Нань-Шанѣ составителю попадалась Японская разновидность королька.

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ.		Приморская обл.	Японія и Восточн. Китай.	Нагорья Тибета и алып. зона Гималайскихъ горъ.	Забайкалье и Вост. Гоби.	Восточная Сибирь.	Полярная область.	Европа.
Русскія названія.	Латинскія названія.							
Иволга	Oriolus diffusus Sharpe	+	+	—	+	—	—	—
	Pericrocotus cinereus Lafr.	+	+	—	—	—	—	—
Мухоловка	Butalis latirostris Raffl.	+	+	—	+	+	—	—
»	Erythrosterna parva albicilla Pall [1])	+	+	+	+	+	—	—
»	» luteola Pall [2]).	+	+	—	+	+	—	—
»	Hemichelidon sibirica Gm. [3]).	+	+	—	+	+	—	—
»	Xanthopygia tricolor Hartl.	+	+	—	+	—	—	—
Сорокопутъ	Lanius major Pall	+	—	—	+	+	—	?
»	» Seebohmi Gadow.	—	+	—	+	—	—	—
Сорокопутъ	Otomela phœnicura Pall.	+	+	+	+	+	—	—
	Perisoreus infaustus sibiricus Tacz.	+	+	—	+	+	—	—
Сойка	Garrulus Brandti. Ev.	+	+	+	+	+	—	—
Голубая сорока	Cyanopolius cyanus Pall.	+	+	+	+	+	—	[4])
Сорока	Pica caudata sericea Gould.	+	+	—	—	—	—	—
Галка даурская	Lycos dauricus Pall	+	+	+	+	+	—	—
Воронъ	Corvus corax L. (sibiricus Tacz)	+	+	+	+	+	+	+
»	» macrorhynchus japonensis Bp.	+	+	—	—	—	—	—
Ворона	» corone orientalis Ev.	+	—	+	+	+	—	—
Орѣховка	Nucifraga caryocatactes L.	+	+	—	+	+	—	+
Скворецъ	Sturnus cineraceus Temm	+	+	—	+	—	—	—
	Temenuchus dauricus Pall.	+	+	—	+	—	—	—
Снѣжный подорожникъ	Plectrophanes nivalis L.	+	—	—	+	+	+	+
Подорожникъ	Calcarius lapponicus L.	+	+	—	+	+	+	+
Подорожникъ	Emberiza spodocephala Pall.	+	+	+	+	+	—	—
»	» elegans Temm.	+	+	—	—	—	—	—
»	» rustica Pall	+	+	—	+	+	—	+
»	» Tristrami Swinh	+	+	—	—	—	—	—
»	» fucata Pall	+	+	+	+	—	—	—
»	» cioides Brandt	+	+	—	+	+	—	—
»	» leucocephala Gm.	+	+	+	+	+	—	—
»	» pusilla Pallas	+	+	+	+	+	—	+
Стренатка камышев.	Schœnicola schœniclus L.	+	—	+	+	+	+	+
Подорожникъ	Euspiza aureola Pall.	+	+	+	+	+	+	+
»	» rutila Pall.	+	+	—	+	—	—	—
Домашній воробей.	Passer domesticus L. [5])	—	—	—	+	—	—	—
Обыкновен. »	» montanus L.	+	+	—	+	+	+	+
Дубоносъ	Eophona personata Temm.	+	+	—	—	—	—	—
» обыкновен.	Coccothraustes vulgaris japonicus Temm	+	+	—	+	—	—	—
»	Chlorospiza sinica L.	+	+	+	—	—	—	—
Чижъ	Chrysomitris spinus L.	+	+	—	—	—	—	—
Вьюрокъ	Fringilla montifringilla L.	+	+	+	+	+	+	+
Чечетка	Acanthis linaria L.	+	+	—	+	+	+	+
»	» Hornemanni exilipes Coues	+	+	—	+	+	+	+

[1]) Въ долинѣ р. Уссури и въ Даурiи.
[2]) Въ долинѣ Аргуни, Уссури и въ окрестностяхъ Николаевска.
[3]) Въ Даурiи, на Уссури и въ низовьяхъ Амура.
[4]) Въ Испанiи.
[5]) Домашній воробей проникъ на Амуръ одновременно съ первыми русскими. См. Радде «Reisen im Süden von Ost-Sibirien» II, стр. 179.

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ.		Приморская обл.	Японія и Восточн. Китай.	Нагорья Тибета и альп. зона Гималайскихъ горъ.	Забайкалье и Вост. Гоби.	Восточная Сибирь.	Полярная область.	Европа.
Русскія названія.	Латинскія названія.							
	Propasser roseus Pall.	+	+	—	+	+	—	—
Красный воробей	Carpodacus erythrinus Pall.	+	+	+	+	+	+	+
Снигирь долгохв.	Uragus sibiricus Pall ?	+	+	+	+	+	+	+
Клестъ еловикъ.	Loxia curvirostra L.	+	+	+	+	+	+	+
Снигирь	Pyrrhula rubicilla Schäff.	—	—	—	+	+	+	+
» розовый	» rosacea Seeb. [1]).	+	+	—	—	—	—	—
Лазящія.	**Scansores.**							
Кукушка	Cuculus canorus borealis Pall.	+	+	+	+	+	—	—
»	» striatus Drap.	+	+	+	+	+	—	—
	Hierococcyx sparverioides Vig.	+	+	+	—	—	—	—
Сѣрый дятелъ	Gecinus (Picus) canus Gm.	+	+	+	—	+	—	+
Черный »	Dryopicus martius L.	+	+	+	+	+	—	+
Дятелъ бѣлоспинн.	Picus leuconotus Bechst.	+	+	—	—	+	—	+
» малый	» minor Briss	+	—	—	+	+	+	+
» обыкновенн.	» major Briss	+	—	—	+	+	+	+
» трехпалый	Picoides tridactylus crissoleucus Brandt	+	—	—	+	+	—	—
Вертиголовка тикунъ	Yunx torquila L.	+	+	+	+	+	—	+
Голубиныя.	**Columbinæ.**							
Голубь	Columba rupestris Pall.	+	+	+	+	+	—	—
Горлица.	Turtur rupicola Pall.	+	+	—	+	+	—	—
»	» torquatus Bogd. [2]).	+	+	—	—	—	—	—
»	» humilis Temm. [3]).	+	+	—	+	—	—	—
Куриныя.	**Gallinaceæ.**							
Бѣлая куропатка.	Lagopus albus Gm.	+	—	—	+	+	+	+
Глухой тетеревъ.	Totrao urogallus L. ? [4]).	—	—	—	+	+	+	+
» »	» urogalloides Midd.	+	—	—	+	+	—	—
Черный »	Lyrurus tetrix L.	+	—	+	+	+	+	+
	Canace falcipennis Hartl.	+	—	—	+	+	+	+
Рябчикъ	Tetrastes bonasia L.	+	+	—	+	+	+	+
Перепелъ	Coturnix ussuriensis Bogd.	+	—	+	+	—	—	—
Фазанъ	Phasianus torquatus Gould.	+	+	—	+	—	—	—
Голенастыя.	**Grallatores.**							
Сѣрый журавль	Grus cinerea Keys. Blas.	—	—	+	+	+	—	+
» »	» monacha Temm.	+	+	—	+	—	—	—
» »	» leucauchen Temm.	+	+	—	—	—	—	—
» »	» viridirostris Vicill.	+	+	—	—	—	—	—

[1]) Въ долинѣ Уссури, въ окрестностяхъ Николаевска, на берегахъ оз. Кидзи.
[2]) Низовья Амура (Columba risoria у Schrenk'a).
[3]) Долина р. Шилки.
[4]) Если только Маакъ вѣрно опредѣлилъ свою птицу.

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ.		Приморская обл.	Японія и Восточн. Китай.	Нагорья Тибета и альп. зона Гималайскихъ горъ.	Забайкалье и Вост. Гоби.	Восточная Сибирь.	Полярная область.	Европа.
Русскія названія	Латинскія названія.							
Журавль бѣлый . .	Grus leucogeranus Pall	+	+	+	+	+	—	+
Ржанка	Charadrius fulvus L.	+	+	—	+	+	+	+
Зуекъ	Aegialites mongolica Pall . . .	+	+	+	+	+	—	—
» малый . . .	» minor Wolf, Mey. . .	+	+	—	+	+	—	+
Пиголица	Squatarola helvetica Briss . . .	+	+	—	+	+	+	+
Чибисъ	Vanellus cristatus Wolf, Mey . .	+	+	+	+	+	+	+
Кривокъ морской .	Hæmatopus ostralegus osculans Sw.	+	+	—	+	—	—	—
Грязовикъ-сукалень	Terekia cinerea Güld	+	+	+	+	+	+	+
Улитъ большой .	Totanus glottis L.	+	+	—	+	+	+	+
» » . .	» fuscus Briss	+	+	—	+	+	+	+
» травникъ. .	» ochropus L.	+	+	+	+	+	+	+
» болотный .	» glareola L.	+	+	—	+	+	+	+
Береговикъ сѣрый .	Actitis hypoleucos L.	+	+	+	+	+	—	+
Песочникъ. . . .	Tringa alpina pacifica Coues [1]). .	+	+	—	+	+	+	—
»	» subminuta Midd	+	—	—	+	+	+	—
»	» Temminckii Leist. . . .	+	+	+	+	+	+	+
Песочникъ малый .	» minuta orientalis Tacz. .	+	+	—	+	+	+	+
» кривонос.	Pelidna subarquata Güld	+	+	+	+	+	—	—
Сукалень	Limosa melanura brevipes Schl .	+	+	+	+	+	—	—
Куликъ	Numenius cyanopus Vicill . . .	+	+	—	+	+	—	—
Бекасъ слонка . . (вальдшнепъ)	Scolopax rusticola L. [2])	+	+	+	+	+	+	+
Бекасъ отшельникъ	Gallinago hyemalis Ev.	+	+	+	+	+	—	—
» »	» megala Swinh. . . .	+	+	—	+	+	—	—
» »	» stenura Kuhl	+	+	+	+	+	+	—
Болотный бекасъ .	» scolopacina Bp. . . .	+	+	+	+	+	+	+
» » .	Nipponia nippon Temm	+	+	—	—	—	—	—
Колпица	Platalea major Temm.	+	+	—	+	—	—	—
Аистъ	Ciconia boyciana Swinh	+	+	—	—	—	—	—
» черный . .	» nigra Belon	+	+	+	+	+	—	+
Серебристая цапля.	Egretta alba L.	+	+	—	+	—	—	+
Чепура	Ardea cinerea L.	+	+	—	+	+	—	+
	Butorides javanicus amurensis Schr.	+	[3])	—	—	—	—	—
Волчокъ	Ardetta eurythma Swinh. . . .	+	+	—	+	—	—	—
Выпь	Botaurus stellaris L.	+	—	—	+	+	—	+
Водяная курочка .	Rallus aquaticus indicus Blyth .	+	+	+	+	—	—	—
	Rallina mandarina Swinh. . . .	+	+	—	—	—	—	—
Дергачъ	Porzana pusilla Pall.	+	+	—	+	+	—	+
Лысуха	Fulica atra L.	+	+	+	+	+	+	+
Плавающія.	**Natatores.**							
Крачка (мартышка).	Sterna caspia Pall	+	+	—	—	—	—	+
»	» kamtschatica Pall. . . .	+	+	—	+	+	—	—
»	Sternula sinensis Gm.	+	+	—	—	—	—	—
»	Hydrochelidon fissipes Pall. . .	+	+	+	+	—	—	+

[1]) Во всемъ Забайкальѣ, въ долинѣ р. Уссури, въ окр. Николаевска.

[2]) Радде, l. c., стр. 333, упоминаетъ о Scolopax major. Дупеля же нашелъ и Маакъ близъ устья Буреи. Тачановскій пропустилъ его въ своемъ сочиненіи, но намѣренно ли пропустилъ, недовѣряя опредѣленію, или нечаянно?

[3]) Въ Японіи.

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ.		Приморская обл.	Японія и Восточн. Китай.	Нагорья Тибета и альп. зона Гималайскихъ горъ.	Забайкалье и Вост. Гоби.	Восточная Сибирь.	Полярная область.	Европа.
Русскія названія.	Латинскія названія.							
Чайка	Larus cachinnans Pall.	+	+	—	+	+	—	+
» сизая	» canus niveus Pall.	+	+	—	+	+	+	+
» обыкновенная	Chroicocephalus ridibundus L.	+	+	+	+	+	+	+
Бикланъ	Phalocrocorax carbo L.	+	—	+	+	+	—	+
Гусь бѣлолобый	Anser albifrons Gambeli Hartl.	?	+	—	—	+	+	—
» »	« erythropus L.	+	+	—	+	+	+	+
» пашенный	» segetum Gm.	+	+	—	+	+	+	+
» »	» segetum Middendorfii Stejn.	+	—	+	+	+	+	—
	Cygnopsis cygnoides Pall.	+	+	—	+	+	—	—
Лебедь	Cygnus ferus Ray	+	+	—	+	+	+	+
» тундренный (такъ наз. въ Якутской губ.)	» minor Pall.	+	+	?	+	+	+	+
	Aix galericulata L.	+	+	—	—	—	—	—
Кряковая утка	Anas boschas L.	+	+	+	+	+	+	+
» »	» zonorhyncha Swinh	+	+	+	+	—	—	—
Косачка ?	» falcata Georgi	+	+	—	+	+	—	+
»	» formosa Georgi.	+	+	—	+	+	+	—
Чиранка	» crecca L.	+	+	+	+	+	+	+
Чирокъ	» querquedula Briss.	+	+	—	+	+	—	+
Шилохвостъ	Dafila acuta L.	+	+	+	+	+	+	+
Соксунъ	Spatula clypeata Briss.	+	+	+	+	+	+	+
Свищъ	Mareca penelope L.	+	+	+	+	+	+	+
Нырокъ чернеть	Fulix cristata David.	+	+	+	+	+	+	+
» »	» Bæri Radde	+	+	—	+	—	—	—
Гоголь	Glaucion clangula L.	+	+	+	+	+	+	+
Нырокъ-каменушка	Cosmonetta histronica L.	+	—	—	+	+	+	—
» »	Oidemia Stejnegeri Ridgw	+	+	—	+	+	+	—
Крахаль большой	Mergus merganser Briss	+	+	+	+	+	+	+
» длинноносъ	» serrator L.	+	+	+	+	+	+	+
» лутокъ	» albellus L.	+	+	—	+	+	+	+
Нырецъ	Podiceps auritus L.	+	+	—	+	+	+	+
Гагара полосатая	Colymbus arcticus L.	+	+	—	+	+	+	+
» »	» lumme Gunn.	+	+	—	—	+	+	+

Изъ этихъ 244 видовъ птицъ Амурской обл. приходится на долю

Ходящихъ (Passeres.)	Хищныхъ (Rapaces)	31
	Ширококлювыхъ (Fissirostres)	7
	Легкоклювыхъ (Levirostres)	1
	Тонкоклювыхъ (Tenuirostres)	4
	Зубоклювыхъ (Dentirostres)	101
	Лазящихъ (Scansores)	10
	Голубиныхъ (Columbinae)	4
	Куриныхъ (Gallinacei)	8
	Голенастыхъ (Grallatores)	42
	Плавающихъ (Natatores)	34

Изъ нихъ:

эндемичныхъ	видовъ			2
видовъ, общихъ	ей	и	Приморской области	232
»	»	»	» Забайкальской »	195
»	»	»	» Восточной Гоби	190
»	»	»	» Восточному Китаю съ Японіей	204
»	»	»	» нагорьямъ Тибета съ альпійскою областью Гималаевъ	107
»	»	»	» Восточной Сибири	170
»	»	»	» Полярной области	71
»	»	»	» Европѣ	113
»	»	»	» всѣмъ вышеупомянутымъ областямъ	22

за выключеніемъ которыхъ, число видовъ, общихъ Амурской области и глукосѣвернымъ странамъ сократится до 49, число же видовъ, общихъ ей и южнымъ странамъ,—до 182. Послѣднее, однако значительно выше дѣйствительнаго, такъ какъ въ него вошли даже всѣ тѣ circum-полярные виды, которые зимуютъ на югѣ. Вотъ почему, для того, чтобы составить себѣ ясное понятіе объ отношеніи орнитофауны Амурской области къ такой же фаунѣ субтропическихъ странъ, надо взять въ расчетъ только тѣ виды, которые перекочевываютъ лѣтомъ въ Амурскую обдасть, Забайкалье и даже въ юго-вост. часть Восточной Сибири изъ болѣе теплыхъ странъ. Такихъ видовъ насчитываются здѣсь не болѣе 82. Только они, достигая на Амурѣ полярнаго предѣла своего распространенія, и виды сѣверные, достигающіе тамъ же своего экваторіальнаго предѣла[1]), могутъ считаться характерными для области, придавая ея орнитафаунѣ совершенно своеобразный оттѣнокъ. Что же касается до эндемичныхъ видовъ, то со временемъ они должны будутъ совершенно исчезнутъ, примкнувъ къ фаунѣ южныхъ видовъ.

Промысловое значеніе въ краѣ со временемъ могутъ имѣть, а отчасти и теперь уже имѣютъ, слѣдующіе виды: Tetrao urogalloides, Lyrurus tetrix, Phasianus torquatus, гуси и утки.

Въ будущемъ весьма большое промышленное значеніе пріобрѣтутъ, безъ сомнѣнія, рыбныя богатства этого края. Вотъ почему на ихтіологическую фауну Амура слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

---

[1]) Всего 18 видовъ.

Уже въ рѣкахъ Аргуни и Шилкѣ ихтіологическая фауна поражаетъ своимъ своеобразіемъ, которое всего рельефнѣе проявляется при ея сравненіи съ фауною рыбъ ближайшихъ рѣкъ Восточной Сибири[1]). Еще же болѣе отличнымъ отъ сибирской становится характеръ ея ниже, за устьемъ Сунгари. Характерные китайскіе роды и виды, появившіеся уже въ верховьяхъ Амура, получаютъ здѣсь преобладающее значеніе. Но кромѣ нихъ мы находимъ здѣсь и нѣкоторое число родовъ, если и не спеціально китайскихъ, то во всякомъ случаѣ въ другихъ отдѣлахъ палеарктической области являющихся только на мѣстахъ ея соприкосновенія съ областями индійской и африканской ихтіофаунъ (Eleotris, Ophiocephalus, Macrones). Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, какъ въ районѣ, пограничномъ съ областью фауны европейско-сибирскихъ рѣкъ, мы находимъ въ системѣ Амура также и нѣкоторыя формы, свойственныя этимъ послѣднимъ (напримѣръ—Lota vulgaris, Gobio fluviatilis и др.). Наконецъ, нѣкоторые виды, свойственные собственно Европѣ, а въ Азіи—только Туркестану и юго-западу Сибири (Cyprinus carpio L.)[2]), и виды сѣверныхъ странъ (Salmonidae: Salmo, Brachymystax[3]), Oncorrhynchus Thymallus, Coregonus); послѣдній элементъ, можетъ быть, примѣшался сюда черезъ посредство лѣвыхъ притоковъ Амура, всего же вѣроятнѣе — черезъ посредство Охотскаго моря, куда, какъ извѣстно, заходятъ еще Salmo и Oncorrhynchus сѣверной части Тихаго Океана. Сосѣдству же съ Восточною Сибирью слѣдуетъ приписать появленіе здѣсь нѣкотораго числа формъ, которыя, пожалуй, можно назвать восточно-сибирскими; таковы, напримѣръ—Phoxinus Lagowskii Dyb. и др. Но это еще не все. Въ системѣ Амура мы встрѣчаемъ еще небольшое число родовъ и видовъ рыбъ, какъ кажется, исключительно свойственныхъ ему или вообще рѣкамъ т. наз. манджурской подъобласти (subregio), изъ которыхъ мы укажемъ, напримѣръ, хотя бы на Pseudaspius leptocephalus Pall.

Все это въ совокупности заставило Герценштейна и Варпаховскаго выдѣлить бассейнъ Амура въ особый отдѣлъ—амурскій—манджурской подъобласти[4]). Доводомъ въ пользу

---

[1]) Герценштейнъ и Варпаховскій—«Замѣтки по ихтіологіи бассейна р. Амура». («Труды С.-ПБ. Общ. Естествоиспытателей», XVIII 1887).

[2]) Герценштейнъ и Варпаховскій (l. c.). Кесслеръ, однако, въ числѣ рыбъ, привезенныхъ Пржевальскимъ, называетъ и карпа съ р. Хуанъ-хэ (Пржевальскій, «Монголія и страна тангутовъ», II, стр. 10 въ отд. IV).

[3]) Въ нижеслѣдующей таблицѣ Brachymystax coregonoides включенъ въ родъ Salmo.

[4]) Характеристическія особенности манджурской подъобласти изложены у Уоллэса. (См. Wallace «Die geographische Verbreitung der Thiere»—deutsche Ausgabe von Mayer. I, стр. 263).

такого вывода имп приводится, сверхъ перечисленныхъ фактовъ, и то обстоятельство, что въ верховьяхъ большихъ китайскихъ рѣкъ—Янъ-Цзы-Цзяна и Хуанъ-хэ открыты расщепобрюхія Cyprinidae, которыхъ вовсе нѣтъ въ системѣ Амура.

Списокъ рыбъ, найденныхъ въ рѣкахъ бассейна Амура [1]).

Русскія названія.	Латинскія названія.	Мѣстонахожденіе въ предѣлахъ Амурскаго басс.	Мѣстонахожден. внѣ предѣловъ Амурскаго басс.
Колюшкообразныя.	**Gasterosteidæ.**		
Колюшка.	Gasterosteus Bussei Warp.	р. Лефу.	
	» pungitius Lin.	р. Амуръ.	Европа, Сибирь.
Окуневыя.	**Percoidei.**		
	Siniperca chuasti Bas.	р. Уссури, оз. Ханка, р. Сунгари, нижн. и средн. Амуръ.	Китай.
Широколобыя.	**Cottoidei.**		
Бычокъ—худа-рыба	Cottus szanaga Dyb.	р. Шилка, р. Ононъ, р. Ингода.	
	» haitei Dyb.	р. Ононъ, р. Амуръ.	
	Gobioidei.		
	Eleotris Pleskei Warp.	р. Лефу.	
	» Dybowskii Herz. Warp.	р. Амуръ.	
	» Glehni Dyb.	р. Уссури.	
	Ophiocephaloidei.		
	Ophiocephalus pekinensis Bas.	р. Мурень (Уссури).	Китай.
Тресковыя.	**Gadoidei.**		
Налимъ	Lota vulgaris Cuv.	р. Амуръ (весь басс.).	Палеаркт. обл. и Сѣв. Америка.
Сомовыя.	**Siluridæ.**		
Сомъ.	Silurus asotus L.	р. Амуръ.	Китай.
Скрыпунъ-халзанъ.	Macrones fulvi-draco Rich.	р. Ононъ, р. Амуръ, р. Уссури, р. Лефу.	Китай.
» -касатка.	» ussuriensis Dyb.	оз. Ханка, р. Уссури, р. Сунгари.	

[1]) Для составленія этой таблицы мы пользовались описаніями Дыбовскаго—«Рыбы системы водъ Амура» («Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1877, VIII, № 1—2, стр. 1—29) Герценштейна и Варпаховскаго (l. c.) и Кесслера (l. c.), а также личными указаніями С. М. Герценштейна, ученаго хранителя музея Императорской Академіи Наукъ.

Русскія названія.	Латинскія названія.	Мѣстонахожденіе въ предѣлахъ Амурскаго басс.	Мѣстонахожденіе внѣ предѣловъ Амурскаго басс.
Карповыя.	**Cyprinidæ.**		
Сазанъ.	Cyprinus carpio L.	Вѣроятно, весь бассейнъ.	Европа, Туркестанъ, Японія, Китай.
Карась.	Carassius vulgaris Nils.	Озера и курья системы водъ р. Амура.	Палеаркт. обл., Китай.
Конь-рыба.	Barbus labeo Pall.	Вѣроятно, весь бассейнъ.	Китай.
Рыба-укъ, морской пескарь.	» labeo maculatusDyb	р. Уссури, нижн. Амуръ.	
Пескарь.	Gobio fluviatilis Flem.	Верховья Амура и Уссури.	Палеаркт. обл.
	Pseudogobio amurensisDyb.	Средн. и нижній Амуръ, р. Уссури, оз. Ханка.	
Линь.	Sarcochilichthys lacustris Dyb.	Озера и низовья Амура.	
Конёкъ.	LadislaviaTaczanowskiiDyb	р. Ингода, р. Ононъ.	
Чебакъ.	Pseudorasbora parvaSchleg.	озера сист. Онона и эта р.	Японія, Китай.
Язь (на Амурѣ—чебакъ).	Idus Waleckii Dyb.	Вѣроятно, весь басс.	
Красноперка.	Pseudaspius leptocophalus Pall.	Вѣроятно, весь басс.	
Гальянъ.	Phoxinus Lagowskii Dyb.	р. Ингода, р. Ононъ, верховья Амура.	
»	» Czekanowskii Dyb.	въ оз. сист. Онона (р. Или).	Лена.
»	» lævis Agass.	въ мал. рѣчкахъ басс. Амура.	Байкалъ, Вост. Сибирь, Европа.
Гальянъ озерный. (желтопузикъ)	» perenurus Pall.	въ оз. сист. Онона.	
Сорожка, горчакъ.	Rhodeus amarus Bloch.	р. Калго (?).	Европа, Закавказье.
» »	» amarus sericeus Pall.	р. Шилка, оз. сист. Онона.	
Лещикъ.	Acanthorhodeus Asmussii Dyb.	?	
»	Acanthorhodeus chankaensis Dyb.	оз. Ханка.	
Толпыга	Hypophlalmichthys Dybowskii Herz.	средн. и нижн. Амуръ, оз. Ханка, Уссури, Сунгари.	Китай.
Сычъ желтощекій.	Elopichthys bambusa Rich	оз. Ханка, р. Уссури.	Китай.
	Chanodichthys mongolicus Bas.	р. Уссури (р. Дома).	Китай.
Лещъ.	Parabramis bramula Val.	Средн. Амуръ, р. Уссури, р. Сунгари, оз. Ханка.	Китай.
»	» pekinensis Bas.	Средн. Амуръ, р. Уссури, оз. Ханка, р. Сунгари.	Китай.
Бѣлая рыба.	Culter erythropterus Bas.	Средн. Амуръ, р. Уссури, р. Сунгари, оз. Ханка.	Китай.
	» alburnus Bas.	р. Уссури.	Китай.
	» mongolicus Bas.	р. Уссури, оз. Ханка.	
Чехонь.	» abramoides Dyb.	оз. Ханка, р. Уссури.	
	Hemiculter lucidus Dub.	оз. Ханка.	
	Xenocypris argentea Bas.	р. Мурень (Уссури).	Китай.
Рыбчикъ красноперъ.	Xenocypris Jelskii Dyb.	оз. Ханка, р. Уссури.	
Подустъ, красноперъ	Squalius Brandtii Dyb.	оз. Ханка.	
Ельчикъ.	» chankaensis Dyb.	оз. Ханка.	
Лососевыя.	**Salmonoidei.**		
Сигъ.	Coregonus chadary Dyb.	р. Ингода, р. Ононъ, р. Аргунь, р. Амуръ.	

Русскія названія.	Латинскія названія.	Мѣстонахожденіе въ предѣлахъ Амурскаго басс.	Мѣстонахожден. внѣ предѣловъ Амурскаго басс.
Хайрусъ.	Thymallus Grubii Dyb.	Горныя рѣчки сист. Амура.	Байкалъ.
Лосось ленокъ.	Salmo coregonoides Pall.	во всѣхъ горныхъ рѣчкахъ системы Амура.	Сибирь.
» таймень.	» fluviatilis Pall.	вѣроятно, весь бассейнъ.	Сибирь, Кама.
» хунча.	» leucamænis Pall.	низовья Амура.	Рѣки, впад. въ Охотское М.
Морская форель.	» callaris Pall.	низовья Амура.	Рѣки, впад. въ Охотское М., и вост. побереж. Сѣв. Америки.
Кэта	» lagocephalus Pall. (Oncorhynchus lagocephalus Pall).	Амуръ, очень рѣдко Аргунь и Ононъ, Уссури до устья Мурени.	Рѣки, впадающ. въ сѣв. часть Тихаго Океана.
Горбуша	Salmo proteus. Pall. (Oncorhynchus proteus Pall).	Амуръ до р. Кумары, р. Уссури.	
Щуковыя.	**Esocini.**		
Щука.	Esox Richentii Dyb.	Озера сист. Амура.	
Вьюновыя.	**Cobitidæ (Acanthopsides).**		
Вьюнъ-лежень.	Cobitis fossilis mohoity Dyb.	тинистыя озера сист. Онона	Европа (f. typ.).
	» Toni Dyb.	ручьи сист. Онона.	Байкалъ.
Малый вьюнъ.	» tænia L.	р. Ингода, р. Ононъ, р. Лефу.	Европа, Сибирь.
	Octonema Pleskei Herz.	р. Лефу.	
Осетровыя.	**Acipenserini** [1]).		
Калуга (бѣлуга).	Huso orientalis Pall [2]) (Acipenser huso orientalis Pall)	р. Амуръ, рѣдко—р. Аргунь, р. Ононъ, никогда р. Ингода.	
Осетръ.	Sturio Schrenckii Brandt (Acipenser sturio Schrenckii Brandt).	р. Амуръ.	
Миноговыя.	**Petromyzonini.**		
Минога.	Petromyzon Ernstii Dyb.	устье Амура	
Вьюнъ.	» Reissnerii Dyb.	?	

Изъ этихъ 63 видовъ рыбъ бассейна Амура:

видовъ эндемичныхъ 31
» палеарктическихъ 5

---

[1]) У Варпаховскаго («Рыбный промыселъ въ водахъ Сибири», ст. I—«Амурскій край», въ «Вѣстникѣ рыбопромышленности» 1892, № 6 и 7, стр. 229) читаемъ: «стерлядь (Acipenser ruthenus) доходитъ до пуда вѣсомъ, ловится во всякое время года, а преимущественно весной, въ большомъ количествѣ на отмеляхъ рѣкъ». Мы не включили, однако же стерляди въ нашъ списокъ, потому что ни въ спеціальныхъ обзорахъ ихтіологической фауны водъ Амурскаго бассейна, ни въ сочиненіяхъ общаго характера объ Амурѣ, мы не нашли указаній на существованіе стерляди въ этой рѣкѣ.

[2]) У Варпаховскаго, l. c. Ac. amurensis Br.

видовъ рѣкъ, впадающихъ въ сѣверную часть Тихаго океана		3
» общихъ Амуру и Китаю (Японіи) . . .		14
» » » и Восточной Сибири . .		1
» » » и Европѣ		2
» » » и оз. Байкалу		2
» » » и рѣкамъ Охотскаго моря		1
» палеарктическихъ, но ненайденныхъ въ рѣкахъ Западной Сибири		1
» палеарктическихъ, но ненайденныхъ въ рѣкахъ, какъ Западной, такъ и Восточной Сибири		1
» палеарктическихъ, но ненайденныхъ въ рѣкахъ Западной Европы		1
» общесибирскихъ		1

Амуръ изобилуетъ рыбой, и Алябьевъ въ такихъ выраженіяхъ описываетъ свои впечатлѣнія на Уссури[1]). «Кто повѣритъ тому, что большую часть дня, пока пароходъ плыветъ по рѣкѣ, только и слышатся удары рыбы о дно, и на поверхности воды только и виднѣются выскакивающія вверхъ рыбы? Можно-ли повѣрить тому, что бывали случаи, когда рыбы черезъ иллюминаторы проскакивали прямо на пароходъ? А между тѣмъ, это такъ. Гдѣ можно, кромѣ Уссури, однимъ неводомъ вытащить болѣе двухъ тысячъ пудовъ рыбы и захватить ихъ разомъ нѣсколько тысячъ штукъ?»... Но это громадное богатсво бассейна Амура, какъ справедливо замѣчаетъ Варпаховскій, заключается въ рыбахъ проходныхъ, появляющихся въ немъ для метанія икры. Существуетъ не мало разсказовъ, свидѣтельствующихъ, что во время хода рыбы, удается убивать ее даже камнями и палками; къ тому же, во время хода горбуши и кэты, устье Амура бываетъ буквально запружено рыбой, сельдей же у морскихъ береговъ появляется такая масса, что, напримѣръ, на островѣ Сахалинѣ берегъ моря на протяженіи многихъ верстъ бываетъ покрытъ сплошными холмами выброшенной волнами рыбьей икры! «Во время хода кэты, восклицаетъ Алмазовъ, приходится видѣть такія полныя сѣти, какія видѣли развѣ только апостолы![2])» Горбуша идетъ иногда въ такомъ огромномъ количествѣ, что одною тонею вытаскиваютъ ее до 3.000 штукъ; но такъ какъ сравнительно

---

[1]) «Далекая Россія» («Всемірный Путешеств.» 1872, II, стр. 3.) Цит. по Варпаховскому (l. c., стр. 221).

[2]) «Природа и Охота» 1885. IX, стр. 71. См. Варпаховскій, l. c., стр. 221.

съ прочею рыбой она идетъ въ меньшомъ количествѣ въ пищу, то, выбирая изъ невода самую крупную, остальную обыкновенно выбрасываютъ обратно въ рѣку. Рыба эта такъ нѣжна, что отъ кратковременнаго пребыванія въ сѣти и удара по водѣ при выбрасываніи ея обратно въ рѣку почти всегда умираетъ, всплываетъ на поверхность и выбрасывается на берегъ вблизи рыболовныхъ мѣстъ, усугубляя зловоніе, распространяющееся и безъ того отсюда, благодаря сушенію юколы[1]).

Такое раздолье рыбы во всякомъ другомъ мѣстѣ и при другихъ условіяхъ, конечно, могло бы составить неисчерпаемый на долгое время источникъ богатства мѣстныхъ жителей, но Амурскій рыбный промыселъ въ настоящее время ограничивается только предѣлами мѣстной потребности; тѣмъ не менѣе, онъ все же занимаетъ первое мѣсто въ ряду остальныхъ промысловъ жителей низовій Амура и его главныхъ притоковъ.

Для того же, что бы судить, какъ велика эта потребность (она, впрочемъ, далеко не вездѣ одинакова), достаточно сказать, что въ одномъ только Николаевскѣ (округъ) кэты засаливается до 193 тыс. пуд., иначе сказать, до 162.500 шт.[2]), вялится до 3.690.000 шт, и изготовляется въ кормъ собакамъ до 540.000 шт.; всего же приготовляется впрокъ до 4.392.500 шт. Но кэта не единственный предметъ промысла; кромѣ нея, изготовляется впрокъ до 570 тыс. шт. горбуши, до 100 тыс. шт. разной мелкой рыбы, до 7 тыс. шт. осетровыхъ, до 210 пуд. икры, до 10 пуд. вязиги, до 5 пуд. клея и до 500 пуд. бѣлужьяго жира. Обращая все это на деньги, мы получимъ довольно крупную сумму—160 тыс. руб., составляющую значительный доходъ сравнительно ничтожнаго населенія города Николаевска и его ближайшихъ окрестностей[3]).

Въ Амурской области рыбный промыселъ не играетъ, да и не можетъ играть столь видной роли, какую онъ имѣетъ въ низовьяхъ рѣки и на Уссури. Кэта, хотя и заходитъ сюда, но появляется здѣсь уже далеко не въ такихъ несмѣтныхъ количествахъ, какъ въ рѣкахъ и рѣчкахъ Приморской области. Тѣмъ не менѣе, онъ все же и здѣсь имѣетъ настолько большое значеніе, что не можетъ быть обойденъ совершеннымъ молчаніемъ. Но мы удѣлимъ ему болѣе вниманія въ слѣдую-

---

[1]) «Юкола»—вяленая, провѣсная и немного квашеная въ ямахъ рунная рыба («Толковый Словарь» Даля). Юколой кормятся собаки и люди.

[2]) Варпаховскій (l. c.). На стр. 223—1.625.000 шт., на стр. 224—162.500. Если считать вѣрною цыфру 193.000 п., то ни одна изъ вышеприведенныхъ не соотвѣтствуетъ этой послѣдней.

[3]) Варпаховскій (l. c.) стр. 224.

щей главѣ этой книги, теперь же перейдемъ къ болѣе подробному ознакомленію съ проходными и вообще промысловыми рыбами.

Кэта въ значительныхъ массахъ доходитъ только до устья Сунгари, заходя дорогой во всѣ озера и рѣчки; далѣе она поднимается, повидимому, не очень охотно, хотя, какъ мы уже знаемъ, и доходитъ до Аргуни и даже Онона [1]).

Ходъ кэты по наблюденіямъ, производившимся въ Императорской гавани [2]), совершается три раза въ теченіе лѣта. Въ устьяхъ сюда впадающихъ рѣчекъ (Ма, Хадэ и др.) кэта толпится уже въ началѣ іюня, вскорѣ послѣ чего начинается и первый ея валовой ходъ, который продолжается около двухъ недѣль; но далеко вверхъ по рѣкѣ рыба на этотъ разъ не идетъ, предпочитая держаться преимущественно въ низовьяхъ сказанныхъ рѣчекъ. Дней черезъ десять начинается второй ея ходъ, который продолжается до августа. Въ это время, пишетъ Маргаритовъ [3]), кэта появляется въ большомъ количествѣ, причемъ обнаруживаетъ и большее влеченіе къ прѣсной водѣ, иными словами—поднимается выше по рѣчкамъ. И этотъ ходъ прекращается недѣли на двѣ, послѣ чего, во второй уже половинѣ августа, кэта начинаетъ свой настоящій ходъ, въ несмѣтныхъ количествахъ входя по рѣки и поднимаясь по нимъ настолько, насколько только можетъ, не страшась при этомъ ни искуственныхъ, ни естественныхъ преградъ. «Она лѣзетъ въ это время на проломъ, готовая на все, лишь бы только идти вверхъ по рѣкѣ.» Первый ходъ кэты—самый малорыбный, зато третій уступаетъ первому въ достоинствѣ рыбы. Во время перваго хода кэта свѣжа, бодра, посолъ ея даетъ прекрасные результаты, какъ относительно вкуса, такъ и прочности при храненіи, и замѣчательное дѣло—тогда, какъ кэта перваго хода можетъ сохраняться на воздухѣ безъ порчи цѣлыя лѣтнія сутки, кэта второго хода начинаетъ уже портиться по прошествіи 12 часовъ, а третьяго хода—и того менѣе; къ тому же мясо ея дѣлается дряблымъ и конечно,, сравнительно, даже невкуснымъ.

Кэта различнаго хода поднимается и по Амуру на различное разстояніе отъ его устья. Указанія на появленіе кеты выше ущелья Камни-Фынъ въ сентябрѣ и относятся до рыбы третьяго хода, который кое-гдѣ (напримѣръ, на Дауби-хэ)

---

[1]) См. вышеприведенную таблицу.

[2]) Маргаритовъ «Объ орочахъ Императорской гавани» 1888 Цит. по Варпаховскому (l. c.).

[3]) L. c., стр. 226.

продолжается до поздней осени, когда даже на быстрыхъ рѣчкахъ появляются мѣстами ледяные заторы.

Во время перваго появленія кэты, цвѣтъ чешуи ея серебристо-бѣлый, жабры красныя, челюсти прямыя, зубы едва замѣтны, мясо розово-краснаго цвѣта. Во время второго хода серебристо-бѣлый цвѣтъ становится болѣе блеклымъ, жабры темнѣютъ, вмѣстѣ съ тѣмъ близъ плавниковъ появляются темныя пятна неопредѣленной формы; верхняя челюсть вытягивается внизъ, зубы выростаютъ и нѣсколько загибаются къ полости рта, мясо становится краснымъ. Во время же третьяго хода кэты, въ ней на первый взглядъ трудно признать іюньскую кэту. Цвѣтъ чешуи становится темнымъ, пятна отъ плавниковъ распространяются по бокамъ и становятся почти черными, благодаря чему, и вся рыба кажется грязно-пѣгою; жабры еще сильнѣе темнѣютъ, челюсти искривляются, а зубы становятся большими, крючкообразными, «какъ у порядочной собаки, почему она и получила названіе зубатки», замѣчаетъ Алмазовъ [1]).

Кэта перваго хода по величинѣ превосходитъ кэту второго хода, а эта послѣдняя кэту третьяго хода. По мнѣнію орочей, въ іюнѣ идетъ старая кэта, въ іюлѣ—моложе, а въ августѣ—самая молодая, которая мечетъ икру въ первый разъ.

Кэта идетъ всю ночь съ частыми, но недолгими перерывами. Насколько я замѣтилъ, пишетъ Алмазовъ [2]), днемъ она останавливается въ тихихъ, глубокихъ мѣстахъ и тамъ сливается въ громаднѣйшія стада, которыя стоятъ на мѣстѣ, густо сжавшись и шевелясь настолько, сколько надо, чтобы не уносило теченіемъ. Изрѣдка, поочередно, рыбины высовываютъ голову на поверхность, но и это дѣлаютъ какъ-то вяло, нехотя. Чуть займется заря, ходъ рыбы усиливается, и кэта, къ концу наступающаго дня, дѣлаетъ послѣдній и самый бѣшеный напоръ: какъ одурѣвшая мечется она на заѣздокъ (устроенный для лова), испуганная видомъ людей бросается въ разныя стороны, а сзади напираютъ все новыя и новыя толпы... и, въ концѣ-концовъ, рѣка становится похожею на какой-то пѣнящійся и клокочущій котелъ... Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, напримѣръ, въ Хабаровскѣ, въ дни удачнаго лова цѣна кэты доходила иногда до рубля за сотню, иными словами — 2-3 к. за пудъ! Вслѣдствіе такого изобилія, рыба

---

[1]) L. c. вообще вся эта замѣтка о кэтѣ изложена, а мѣстами и дословно цитирована изъ очерка „Рыбный промыселъ въ водахъ Сибири“ Варпаховскаго.

[2]) См. Варпаховскій, (l. c., стр. 222).

появляется вездѣ и во всякихъ видахъ: ее варятъ, жарятъ, солятъ и вялятъ въ громадныхъ количествахъ. Даже медвѣди, кабаны, орлы и вороны ѣдятъ рыбу, но какую ужъ удастся— преимущественно же уснувшую, масса которой всюду валяется по отмелямъ рѣкъ...

Горбуша поднимается по Амуру въ теченіе первой половины лѣта. По Бровцыну, около Николаевска самый сильный ходъ горбуши бываетъ 8—15 іюня [1]), по другимъ указаніямъ, въ іюлѣ [2]). Но Маргаритовъ знакомитъ насъ болѣе подробно съ ходомъ горбуши, начинающимся ранѣе хода кэты, и указываетъ, что ихъ также бываетъ три, изъ которыхъ каждый предшествуетъ соотвѣтствующему ходу кэты, то-есть первый ходъ горбуши предшествуетъ первому же ходу кэты и т. д., такъ что ходъ кэты и горбуши, смѣняя другъ друга, продолжается въ теченіе всего лѣта:

	Кэта.	Горбуша.
1—15 іюня	—	1-й ходъ
15—30 »	1-й ходъ	—
1—15 іюля	—	2-й ходъ
15—31 »	2-й ходъ	—
1—15 августа . . .	—	3-й ходъ
15—31 » . . .	3-й ходъ	— [3]).

При этомъ интересно, что появленіе кэты и горбуши въ Амурѣ не всякій годъ одинаково, и за общее правило принято считать, что, если горбуши идетъ много, то кэты будетъ мало и обратно. Напримѣръ, въ 1858 г. горбуша явилась въ рѣкѣ въ большомъ количествѣ, а уловъ кэты былъ незначительнымъ, въ слѣдующемъ же году, наоборотъ, кэта появилась во множествѣ, а горбуши не было вовсе. Это подтверждается и наблюденіями орочей, по которымъ обиліе горбуши всегда предвѣщаетъ недостатокъ въ кэтѣ и наоборотъ — недостатокъ горбуши предвѣщаетъ обиліе кэты.

Горбуша не только поднимается по Амуру, но и входитъ въ самыя мелководныя рѣчки и въ большомъ количествѣ добирается до самыхъ вершинъ рѣчекъ, гдѣ онѣ обращаются уже въ маленькіе ручьи [4]). Здѣсь рыба эта доставляетъ обиль-

---

[1]) «О рыбномъ промыслѣ около Николаевска» въ «Вост. Помор.» 1865, № 13—15. Цит. по Варпаховскому, стр. 227.

[2]) «Рыболовство на Амурѣ» («Кронштадтскій Вѣстникъ» 1861, № 45). Цитировано по Варпаховскому, стр. 227.

[3]) Варпаховскій, l. c., стр. 231.

[4]) Такъ, напримѣръ, оленные тунгусы ловятъ ее въ рѣчкахъ восточныхъ склоновъ Буреинскихъ горъ.

ную пищу не только людямъ, могущимъ, въ виду ея изобилія, добывать ее одною только заостренною палкой, но и медвѣдямъ, мастерски ее выбрасывающимъ на берегъ рѣки лапою.

Во время хода горбуша измѣняется еще болѣе рѣзко, чѣмъ кэта, и это измѣненіе выражается наиболѣе во время послѣдняго хода. Не говоря уже объ измѣненіи наружныхъ покрововъ и ротовыхъ частей, у горбуши къ третьему ходу образуется на спинѣ горбъ, который, начинаясь около затылка, поднимается вверхъ почти подъ прямымъ угломъ приблизительно на дюймъ и постепенно спускается къ хвосту. Вмѣстѣ съ этимъ измѣненіемъ падаетъ и достоинство мяса горбуши, которое постепенно темнѣетъ и становится дряблымъ. Выше ущелья Буреинскихъ горъ горбуша подымается рѣдко.

Какъ было нами уже замѣчено выше, горбуша и кэта идутъ изъ моря въ рѣки для того, чтобы здѣсь выметать икру. Въ связи съ этимъ процессомъ находятся и наружныя измѣненія рыбъ и ихъ стремленія къ самымъ быстрымъ и мелкимъ мѣстамъ рѣкъ до того неудержимыя, что онѣ часто выскакиваютъ на каменистыя отмели, по которымъ, сгоряча, и проскакиваютъ по нѣсколько саженъ. Въ тоже время рыбы, какъ извѣстно, ничего не ѣдятъ, дѣлаются болѣе пьющими и, истощенныя безкормицей и половыми отправленіями, въ концѣ концовъ погибаютъ. Во время хода этихъ рыбъ, тамъ и сямъ по берегамъ рѣкъ въ большихъ массахъ валяется мертвая рыба, а по мелкимъ мѣстамъ и затонамъ легко наблюдать ее въ различныхъ стадіяхъ истощенія и близкихъ уже къ гибели, такъ что обратнаго хода рыбы, то-есть, внизъ по теченію, здѣсь не бываетъ. Это явленіе хода рыбы въ рѣки для икрометанія и ея гибели здѣсь Миддендорфъ назвалъ—«кочеваніемъ до смерти»[1]).

Осетръ достигаетъ вѣса до 10 пудовъ [2]); ловится въ теченіе цѣлаго года. Весною, съ вскрытіемъ рѣки, большое количество малыхъ осетровъ выходитъ въ море и составляетъ при устьѣ рѣки въ лиманѣ предметъ значительной ловли. Для Амурской области какъ осетръ, такъ и калуга—самый крупный представитель рыбнаго населенія Амура [3])—имѣетъ наибольшее значеніе, какъ промысловыя рыбы. Затѣмъ промысловое значеніе отчасти уже имѣютъ, отчасти могутъ имѣть слѣдующіе виды рыбъ: налимъ, сомъ, толпыга, достигающая метра длины, скрыпунъ такой же длины, сазанъ, достигающій здѣсь

---

[1]) «Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири», II, стр. 349.

[2]) Варпаховскій, l. c., стр. 228.

[3]) «Часто, попадаются, пишетъ Максимовъ, калуги вѣсомъ до 50 пудовъ» («Уссурійскій край» въ «Вѣстникѣ Европы» 1888, VIII, стр. 244). Цит. по Варпаховскому.

огромныхъ размѣровъ, карась, лещъ, краснопёръ, чебакъ, линь, сигъ, хайрусъ, лосось-ленокъ, таймень, лосось-кунджа, морская форель, щука, сычъ, и др.

Обзоръ остальныхъ группъ животнаго царства не входитъ въ нашу программу, частью потому, что нѣкоторыя изъ нихъ изучены еще очень мало (Reptilia, почти всѣ Arthropoda, Vermes), частью же потому, что значеніе ихъ для края пока еще вовсе не выяснилось; послѣднее замѣчаніе относится, разумѣется, ближе всего къ насѣкомымъ. Поэтому все, что мы можемъ сказать о всѣхъ этихъ фаунахъ, это: что общій характеръ ихъ вполнѣ согласуется съ тѣмъ, что мы уже видѣли на Амурѣ, въ этой своеобразной странѣ, гдѣ виноградная лоза обвиваетъ ель, гдѣ орѣховое и пробковое дерево растутъ рядомъ съ березой или сосной, гдѣ соболь и тигръ занимаютъ однѣ и тѣже мѣстности, гдѣ зачастую сохатый и сѣверный олени встрѣчаются съ пятнистымъ оленемъ (Cerv. Dybowskii), а бѣлая полярная сова уступаетъ мѣсто японскому ибису.

Особенно рѣзко такой смѣшанный типъ фауны выражается, напримѣръ, у бабочекъ, гдѣ на ряду съ такими несомнѣнно глубоко-сѣверными видами, какъ Parnassius Eversmanni Mén., Anthocharis cardamines L., Colias Palaeno L., Polyommatus virgaureae L., v. Hippothoë L., Lycaena optilete Knoch., Melitaea Maturna L., Argynnis Ossianus Hbst., Arg. Freija Thnb., Arg. Thore borealis Stgr., Erebia Medusa F. (v. Rossii Curt?), Er. Embla Thnb., Er. Edda Mén, Er. discoidalis Kirby, Oeneis Jutta Hb., Smerinthus tremulae Tr., Nemeophila plantaginis L., Arctia Quenselii Payk. (v. liturata Mén?) и др., встрѣчаются и такіе представители южной фауны, какъ Papilio Xuthus L., P. Maackii Mén., Sericinus Telamon Don *, Luchdorfia Puziloi Ersch. *, Thecla japonica Murray, Th. lutea Hew., Th. Jonasi Jans., Th. enthea Jans., Lycaena Pryeri Murr., Apatura Schrenckii Mén, Neptis Philyroides Stgr, Pyrameis indica Hrbst, Vanessa Charonia Dr. *, Argynnis Childreni Gray *, Yphthima Baldus F., Cyclopides unicolor Bram., Ismene aquilina Speyer *, Tagiades nymphalis Speyer *, Daimio Thetys Mén., Pseudosphinx inexacta Walk., Smerinthus Gaschkewitschii Brem., Northia ulmivora Graes., Calligenia venata Butl., Atossa nelcymna Moore, Phassus exerascens Butl., Miresa flavescens Walk., Neaera hilarata Stgr., N. hilarula Stgr., Cifuna confusa Brem., Pyrosis idiota Graeser, Saturnia Jankowskii Oberth *, Sat. fugax Diana Oberth *, Antheraea Pernyi Guér., Tropaea Artemis Brem., Oreta pulchripes Butl., Urodonta viridimixta Brem и мн. др. [1]).

---

[1]) Звѣздочками указаны виды, еще не найденные въ Амурской области, но обыкновенные въ южной части Приморской. Литература по фаунѣ чешуекрылыхъ Амурской области

Въ фаунѣ жесткокрылыхъ Амурскаго края замѣчается тотъ же характеръ; здѣсь также на ряду со множествомъ полярныхъ формъ найдены и представители не только вообще южной, но также и тропической фауны. Такъ Амурскія жужелицы Coptolabrus smaragdinus Fisch, Copt. Schrenckii Motsch, Copt. monilifer Tat., принадлежатъ къ одному типу съ японскими и китайскими жужелицами; не менѣе интересны: Hydrophilus ganssuensis Sem., Cupes clathratus Solsk. и Pseudonosoderma amurense Heyden; послѣдній потому, что принадлежитъ къ такой группѣ изъ семейства Tenebrionidae (родъ Nosoderma), которая вовсе не имѣетъ представителей въ Старомъ Свѣтѣ, если не считать недавно описаннаго А. Семеновымъ Ps. chinense изъ пров. Гань-су. Амурская Ithone hexaspilota Hope водится и въ Непалѣ. Наконецъ, заслуживаютъ также вниманія: Metopodontus dauricus Motsch. Prismognathus subaeneus Motsch. Encyalesthus subviolaceus Motsch., Luperodes nigripennis Motsch., L. quadriguttatus Motsch., Colasposoma aurata Motsch., Nodostoma fulvipes Motsch. и Languria Menetriesii Motsch., какъ представители тропическихъ родовъ, а Dichelotarsus recticollis Motsch., Dich. flavipes Motsch., Cephalaon pallens Motsch., Ceph. variabilis Motsch. и Leposoma variegata Motsch., какъ представители сѣверо-американскихъ[1]).

Безъ сомнѣнія, фауна другихъ порядковъ насѣкомыхъ (Diptera, Hemiptera, Hymenoptera, Neuroptera, Orthoptera и Aptera), а также — пауковъ, многоножекъ, рако-образныхъ и плоскотѣлыхъ и кольчатыхъ червей, должна носить тотъ же характеръ; но мы по вышеприведеннымъ причинамъ принуждены обойти ихъ молчаніемъ, отославъ интересующагося читателя къ имѣющейся уже по нѣкоторымъ изъ этихъ фаунъ, впрочемъ еще довольно скудной, литературѣ [2]). Одинаковымъ образомъ

довольно значительна; мы ограничиваемся слѣдующими указаніями: Ménétriés—«Lépidoptères de la Sibérie Orientale et en particulier des rives de l'Amour» (въ «Reisen und Forschungen im Amur-Lande» Шренка, т. II). Bremer—«Lepidopteren Ost-Sibirien's, in besondere des Amur-Landes») «Mémoires de l'Académie Imp. des sciences» VIII, № 1, 1864). Christoph—«Neue Lepidopteren des Amurgebicts» (въ «Bulletin de la Société Impér. des Natur. de Moscou» 1880, III, 1881, II и IV, 1882, I); Oberthür—«Etudes d'Entomologie», livr. 5, 9 и 10; Graeser—«Beiträge zur Kenntnis S. der Lepidopteren Fauna des Amurlandes» (въ «Berliner Entom. Zeits hrift», 1888, 1889 и 1890); Staudinger — «Die Macrolepidopteren des Amurgebiets» (въ «Mémoires sur les lépidoptères», VI, 1892, изд. Его Имп. Выс. Вел. Княземъ Николаемъ Михаиловичемъ) и много другихъ.

[1]) Литература: Motschulsky — «Coléopterés de la Sibérie Orient. et en particulier des rives de l'Amour» (въ «Reisen und Forschungen im Amur-Lande» Шренка II, Lief 2); Моравицъ (Morawitz)—«Vorläufige Diagnosen neuer Coleopt. aus S. O Sibirien» («Bull. de l'Académie Imp. des sciences» V, 1862, p. 231—265); Heyden—«Catalog d. Coleopteren von Sibirien», Berlin 1881—1882; Id. «Erster Nachtrag z. Catalog», etc 1893; статьи Kraatz'a, Kiesenwetter'a, Harold'a и Heyden'a въ «Deutsche (раньше Berliner) Ent. Zeitschrift» 1870—1894.

[2]) Gerstfeldt—«Ueber einige Platoden, Anneliden, Myriapoden und Crustaceen Sibirien's,

мы поступимъ и съ фаунами Amphibia и Reptilia, которыя, повидимому, вообще здѣсь очень бѣдны представителями [1]) и заключимъ настоящую главу обзоромъ прѣсноводныхъ и сухопутныхъ моллюсковъ, общее число коихъ въ краѣ 55; изъ нихъ Gasteropoda (Брюхоногихъ)—44 и Conchifera (Двустворчатыхъ)—11.

Gasteropoda. Изъ нихъ: Paludina ussuriensis Gerstf, P. praerosa Gerstf., P. limnaeoides Schr., Melonia amurensis Gerstf., Helix amurensis Gerstf., H. ravida Bens., H. Selskii Gerstf., H. Maackii Gerstf., H. Arcosiana Crosse Deb., H. Middendorfii Gerstf. и Incilaria bilineata Bens., хотя большею частью и виды эндемичные, тѣмъ не менѣе, по своему типу могутъ быть безошибочно включены въ фауну китайско-японскую; къ нимъ примыкаетъ и Bithinia striatula Bens., распространенная вдоль побережья Тихаго океана нѣсколько далѣе къ сѣверу; Valvata cristata Müll., Planorbis albus Müll., Limnaeus stagnalis L., Physa fontinalis L., Pupa muscorum L., Helix pulchella Müll. и H. ruderata Stud.—формы circum-полярыя; Bithinia ventricosa Leach, Valvata piscinalis Müll., Planorbis contortus L., Pl. nitidus Müll., Limnaeus palustris Müll., L. truncatulus Müll., L. ovatus Drap., L. auricularius L., Carychium minimum Müll., Pupa edentula Drap., Achatina lubrica Müll., Helix Schrenckii Midd., H. rufescens Penn., H. sericea Drap., H. hispida L., H. pura Adler, Succinea putris L., Vitrina pellucida Müll., Limax agrestis L. и Arion hortensis Fér.—формы палеарктическія, распространенныя въ Европѣ и въ большей части Сибири; нѣкоторыя изъ нихъ, Helix pura, напримѣръ, переходятъ вѣроятно и въ Сѣверную Америку, но фактъ этотъ спорный; къ палеарктическимъ видамъ слѣдуетъ отнести также и Limnaeus pereger Drap., заходящую далеко на югъ и найденную, между прочимъ въ Тибетѣ; наконецъ, Planorbis carinatus Müll. является формой общею для Амура и Европы, а Pupa Shuttleworthiana Charp. и Helix fulva Müll. Амуру и полярной области Европы и Азіи.

Conchifera. Изъ нихъ: Unio Grayanus Lea, Anodonta plicata Sol., A. magnifica Lea — принадлежатъ китайской фаунѣ; Margaritana dahurica Midd.—кромѣ того и Забайкалью; Margaritana margaritifer L. и Anodonta cellensis Gm. — формы circum-поляр-

namentlich seines östl. Th. u. d. Amur-Gebiets» (въ Mémoires des savants étrangers, VIII, 1858); Tosquinet Documents pour servir à la monographie des ichneumonides de la Russie d'Asie (въ «Annales de la Société entomol. de Belgique XXXIII, 1889).

[1]) Маакъ—«Путешествіе на Амуръ» (Пресмыкающіяся); Штраухъ—«Die Schlangen des russischen Reiches» (въ Mémoires de l'Académie Imp. des Sciences» VII Série XXI, № 4, 1873). Его же—«Revision der Salamandriden Gattungen» (въ «Mémoires» VII sér. XVI, № 4); Boulenger—«A List. of the Reptiles and Batrachians of Amoorland» (въ «Annals and Magazine of Natural History» 6 ser., V, стр. 137—144).

ныя; и наконецъ—Unio pictorum L., Anodonta anatina L., Cyclos calyculata Drap. и Pisidium fontinale Drap.—палеарктическія [1]).

Изъ всѣхъ этихъ моллюсковъ заслуживаетъ особеннаго вниманія жемчужная раковина — Anodonta plicata Sol., которая когда-то очень и очень искалась не только на Амурѣ, но и въ верховьяхъ его, въ Забайкальѣ. Вотъ, что объ этомъ пишетъ от. Іакинфъ [2]): «Въ Манджуріи добываютъ жемчугъ по всѣмъ рѣкамъ, впадающимъ въ Сунгари-улу. Самый крупный имѣетъ около полудюйма въ поперечникѣ, а мелкій съ просяное зерно. Добываніемъ его занимаются 59 артелей для Пекинскаго двора и 39 артелей для князей манджурскаго происхожденія. Каждая артель, состоящая изъ 30 солдатъ, должна представить въ продолженіе лѣта, считая съ мая до сентября, 16 жемчужинъ. Симъ образомъ Пекинскій дворъ ежегодно получаетъ 954 обыкновыхъ жемчужинъ» [3]).

Во времена Витсена и Палласа жемчугъ добывался еще въ рѣкахъ Аргуни и Шилкѣ (Ононъ), но съ тѣхъ поръ промыселъ этотъ палъ [4]), и въ настоящее время о немъ уже ничего болѣе не слышно въ Забайкальѣ. Но въ Амурской Области въ послѣднее время жемчугъ найденъ и, повидимому въ нѣкоторыхъ притокахъ Селимджы ловля его обѣщаетъ даже хорошіе результаты [5]).

---

[1]) Литература: Schrenk — «Reisen und Forschungen im Amur-Lande» II, Lief. III. («Mollusken des Amur-Landes», etc., 2 Abt.—Süsswasser u. Land-Mollusken», стр. 605—726); Герстфельдъ—«О сухопутныхъ и прѣсноводныхъ мягкотѣлыхъ Сибири и бассейна Амура» (въ соч. Маака «Путешествіе на Амуръ»).

[2]) «Статистическое описаніе Китайской Имперіи» 1842. Ч. II, стр. 224.

[3]) Въ китайской исторіи существуетъ указаніе, что уже въ древнемъ Фу-юй (Даурія) производилась ловля жемчуга. Сравни стр. 3 первой главы настоящаго сочиненія.

[4]) Обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ вопросѣ можно найти у Шренка—(«Reisen und Forschungen im Amr-Lande» II, стр. 714—718).

[5]) «Статистика Росс. Имперіи», XXVII, 1893, вып. 2, (Амурская область), стр 6.

ГЛАВА. IX.

Инородческое населеніе Амурской области.

Поярковъ доносилъ, что первыя поселенія дауровъ онъ встрѣтилъ уже въ устьѣ р. Умлекана[1]), а выше, на Бряндѣ и въ долинѣ Ура, ему попадались только бродячіе оленьи тунгусы. За Умлеканомъ даурскіе поселки шли до устья р. Зеи и даже нѣкоторое время внизъ по Амуру, но затѣмъ дауровъ смѣнили дучеры, хотя ненадолго, такъ какъ уже за устьемъ Сунгари появились новыя племена—натки и гиляки, ясака никому не платившіе и жившіе исключительно почти рыболовствомъ. Хабаровъ же сообщалъ, что дауры жили въ верховьяхъ Амура, что ниже ихъ, между устьемъ Буреи и Сунгари, жили гогулы, ниже Сунгари—дучеры, а тамъ—ачаны (натки?) и гиляки, т.-е., иными словами, таже «пѣгая орда», что и нынѣ населяетъ часть Амурской и Приморскую область.

Изъ селеній инородцевъ, носившихъ у казаковъ названіе то городковъ, то улусовъ, упоминаются слѣдующія[2]):

Лавкаевъ, даурскій городокъ—при устьѣ Уркана (Урки), нынѣ станица Игнашина;

Чапинъ, ниже предыдущаго на $1\frac{1}{2}$ дня пути, т.-е., въ мѣстности близъ станицы Свербѣева;

Якса, иначе—Албазинъ;

*Дасаулов*ъ городокъ,—въ $1\frac{1}{2}$ дняхъ пути отъ Албазина внизъ по Амуру, вѣроятно находившійся на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ расположена станица Бэйтона;

Гоударовъ городокъ—на одинъ день пути ниже предъидущаго;

Банбулаевъ городокъ—на два дня ѣзды выше устья р. Зеи;

Дадува—близъ устья этой рѣки;

Кокореевъ улусъ, въ 24 юрты,—ниже предыдущаго, почти противъ устья Зеи; въ настоящее время—манджурская деревня Малый Сахалянъ;

---

[1]) На картѣ Шварца Умлеканъ значится лѣвымъ притокомъ Зеи, между Уромъ и Дэпомъ.

[2]) Шперкъ, l. c.. стр. 369—370.

Толинъ городокъ — въ разстояніи одного дня пути отъ устья р. Зеи, около нынѣшняго г. Айгуна;

Ачанъ — на лѣвомъ берегу Амура, ниже устья Уссури, но какъ далеко ниже — сказать трудно;

Балдачинъ городокъ — на р. Зеѣ, вѣроятно, гдѣ-нибудь близъ нынѣшней китайской деревни Будинды;

Острогъ (городокъ) *Гоули* — при устьѣ р. Гугулъ-Кургу, впадающей въ Зею на одинъ день пути ниже Селимджы. Въ этомъ острогѣ жило до 200 душъ, да кромѣ того на противуположномъ берегу свыше 100 человѣкъ дауровъ составляли крупный поселокъ, названія котораго не сохранилось;

Молдикичитъ — при впаденіи р. Селимджы въ Зею; и наконецъ,

Даурскій поселокъ — при устьѣ р. Умлекана, о которомъ уже упоминалось.

Изъ этого перечня населенныхъ мѣстъ, далеко неполнаго, разумѣется, мы вправѣ тѣмъ не менѣе заключить, что лѣтъ двѣсти назадъ, хотя берега Амура и Зеи и были относительно гуще заселены, но значительнаго населенія все-жъ-таки не имѣли. Къ тому же, все это населеніе раздѣлено было на мелкія владѣнія и не составляло политически сплоченнаго цѣлаго. Каждый городокъ имѣлъ своего владѣтельнаго князька, какъ ихъ величали казаки, власть котораго рѣдко распространялась на вблизи лежащія селенія; а нѣкоторые даурскіе городки имѣли даже по нѣсколько такихъ князьковъ или, точнѣе — старшинъ. Но вообще, кромѣ этихъ указаній, относящихся только къ даурамъ, мы рѣшительно ничего не знаемъ какъ о внутреннемъ бытѣ этихъ городковъ, такъ и объ обычаяхъ остальныхъ туземныхъ племенъ: дучеровъ, гогуловъ, ачановъ и гиляковъ. Казачьи отписи объ этомъ умалчиваютъ, а китайскимъ лѣтописцамъ амурскіе дикари были, повидимому, совсѣмъ незнакомы.

Казачьи набѣги заставили, какъ извѣстно, осѣдлое населеніе Амура искать защиты у манджурскихъ властей. Защита эта выразилась двоякимъ путемъ: высылкой войскъ и переселеніемъ дауровъ и дучеровъ на югъ, на берега р. Нонни. Послѣ Нерчинскаго договора долина Верхняго Амура опустѣла надолго, и только манегры и орочоны, спустившіеся сюда съ Станового водораздѣла, бродили кое-гдѣ вдоль береговъ покинутой всѣми рѣки; но дальше, за Зеей, поселенія стали возобновляться уже въ XVII вѣкѣ; такъ, въ 1683 г. основанъ былъ городъ Айгунъ, а столѣтіемъ позже на берегахъ Амура насчитывалось уже до 35 тыс. жителей.

При вторичномъ занятіи нами края, первое, встрѣченное

нами селеніе, было Амба-Сахалянъ (по-китайски—Даш-гэ), расположенное на правомъ берегу Амура, верстахъ въ пяти выше Зеи. Отсюда верстъ на 80, т.-е., до деревни Хормольджентъ, шло по обоимъ берегамъ рѣки почти сплошное манджуро-китайское населеніе. Но далѣе и справа и слѣва опять тянулись пустынные берега, только изрѣдка оживленные коническими юртами бираровъ или крошечными селеніями гольдовъ... И такъ—до Уссури.

По Айгунскому и Пекинскому договорамъ хотя граница наша и прошла по Амуру, но лѣвобережное китайско-манджурское населеніе фактически осталось подъ управленіемъ Айгунскихъ властей. Эти клочки китайской земли въ предѣлахъ Амурской области въ экономическомъ отношеніи такъ тѣсно однако же связаны съ русскимъ населеніемъ края, что оставить ихъ безъ вниманія, значило бы вводить пробѣлъ въ наше описаніе области. Вотъ почему въ настоящей главѣ намъ предстоитъ познакомиться не только съ туземнымъ охотничьимъ населеніемъ края (такъ наз. оленьими тунгусами, орочонами, манеграми, бирарами и гольдами), но и съ туземнымъ земледѣльческимъ населеніемъ—китайцами и окитаившимися манджурами и даурами, а также съ переселившимися сюда корейцами.

Тунгусы. Кастренъ выразился однажды, что тунгусовъ, можно назвать «дворянами среди инородцевъ Сибири» [1]), и Миддендорфъ вполнѣ согласился съ вѣрностью подобного заключенія. Онъ не можетъ достаточно нахвалится ихъ ловкостью и увѣренностью въ движеніяхъ, ихъ стройностью, ихъ, наконецъ, рыцарскими особенностями характера. Впрочемъ, подобное же впечатлѣніе производили они на всѣхъ путешественниковъ безъ исключенія. «Мужествомъ и человѣчествомъ и смысломъ, писалъ около 170 лѣтъ назадъ Ганстенъ [2]), тунгусы всѣхъ кочующихъ и въ юртахъ живущихъ превосходятъ».

Тунгусы, пишетъ Миддендорфъ [3]), это положительно горный народъ, пробуждающій въ насъ воспоминанія объ особенностяхъ обитателей нашихъ европейскихъ альповъ. Они обладаютъ извѣстною выправкой, исполнены приличія, ловки, предпріимчивы до отваги, живы, откровенны, самолюбивы, охотники наряжаться, но вмѣстѣ съ тѣмъ закалены физически.

Если мы хотимъ продолжать свое сравненіе съ европей-

---

[1]) Castren «Reiseberichte und Briefe aus den Jahren 1845—1849»., стр. 250 Цит. по Миддендорфу, l. c., стр. 702.

[2]) «Записки Гидрографическаго Департамента» IX, стр. 56. Цит. по Миддендорфу, стр. 702.

[3]) L. c., стр. 704.

скимъ населеніемъ горъ, то мы должны будемъ передвинуться дальше на западъ; только тамъ, пожалуй, можно еще встрѣтиться съ беззаботною удалью тунгуса, который, въ своей первобытности, главнымъ образомъ—хлѣбосолъ, любитель удовольствій и вѣтреникъ.

«А между тѣмъ», пишетъ далѣе Миддендорфъ, «я не знаю другого народа, у котораго большую часть года жизнь проходила бы такъ уединенно. Каждый чумъ самъ по себѣ отправляется въ лѣсную глушь самыхъ скрытыхъ горныхъ долинъ, предаваясь охотѣ и рыбной ловлѣ. Изъ этого обстоятельства у нихъ развилось и первобытнѣйшаго рода письмо, состоящее изъ знаковъ. Такъ, напримѣръ, въ первобытномъ лѣсу вы встрѣчаете срубленное деревцо, въ зарубкѣ котораго торчитъ стрѣла концомъ внизъ. Это значитъ: «я разставляю луки по близости». Если стрѣла смотритъ вкось кверху, то охотникъ ушелъ далеко. Вѣтка отъ куста, втиснутая одинаковымъ образомъ, указываетъ на присутствіе лица въ самомъ близкомъ разстояніи. Положенный черезъ слѣдъ сучокъ запрещаетъ идти дальше по этому направленію; чурбанъ, положенный на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде находился входъ въ чумъ, не позволяетъ или не совѣтуетъ ставить здѣсь чума. Лошадиная голова, нарисованная на снятой съ дерева корѣ, предлагаетъ искать лошадь, пропавшую на мѣстѣ привала, и т. д.»

Въ случаѣ болѣзни или погибели кормильца, иное семейство безпомощно погибаетъ отъ голода. Тунгусы свыклись съ этимъ и на подобнаго рода факты обращаютъ мало вниманія. Миддендорфъ набрелъ однажды на пустой тунгусскій шалашъ. Онъ узналъ, что незадолго предъ тѣмъ взрослые умерли отъ какой-то болѣзни, оставшіяся же послѣ нихъ дѣти, изъ коихъ старшему было не болѣе семи лѣтъ, исчезли безслѣдно...

Какъ ни уединенно, однако, тунгусъ живетъ въ своей горной глуши, онъ очень подвиженъ. Не повезетъ ему въ одномъ мѣстѣ, онъ отправляется въ другое и подвигается все дальше и дальше, такъ что постепенно забирается иногда весьма далеко, сходясь съ самыми различными племенами. Жизнь тунгуса представляетъ вообще поразительную смѣсь кочеванія съ осѣдлостью. Онъ не упускаетъ случая въ теченіе года побывать въ мѣстахъ, отстоящихъ одно отъ другого болѣе, чѣмъ на тысячу, иногда на двѣ тысячи верстъ, тутъ занимаясь ловлей рыбы, тамъ охотясь на соболя; но съ другой стороны онъ любитъ возвращаться также на зиму въ тѣ же нагорныя долины, гдѣ онъ не разъ зимовалъ; здѣсь онъ на нѣсколько

дней пути ведетъ свои засѣки, разставляетъ ловушки и устраиваетъ ямы; здѣсь же ему уже издавна знакомы и всѣ обычные ходы кабарги, служащей ему главною пищей. Такимъ образомъ жизнь тунгуса слагается совершенно иначе, чѣмъ жизнь такого кочевника, какъ самоѣдъ, напримѣръ, кочеванье котораго изъ года въ годъ ограничивается однимъ только шахматнымъ ходомъ: на лѣто—къ сѣверу, а на долгую зиму опять—назадъ, къ предѣлу криворослаго лѣса. Въ обоихъ случаяхъ у него одно только житье—его чумъ. У тунгуса иначе. Лѣтомъ онъ довольствуется шалашомъ изъ бересты, въ болѣе суровое время года—изъ шкуръ; нерѣдко также строитъ онъ себѣ небольшой постоянный срубъ (ютэнь), на якутскій ладъ, изъ отвѣсно поставленныхъ бревенъ; но онъ никогда не привязывается къ этому дому и, если нужно, тотчасъ же покидаетъ его на нѣсколько лѣтъ, а иногда—навсегда; это его охотничій замокъ, а не жилье съ домашнимъ очагомъ.

Какъ у всякаго охотничьяго народа, у тунгуса немало предразсудковъ и суевѣрій. Въ періодъ охоты онъ ни за что не согласится продать вамъ кабаргу съ головой, соболя съ мясомъ; при сдираніи шкуры съ животнаго не слѣдуетъ въ чумъ вносить свѣжаго снѣга или шагать черезъ разложенный въ немъ огонь—это одинаковымъ образомъ вредитъ успѣху охоты. Не хорошо также класть палку поперекъ сѣдла, валить дерево поперекъ тропинки и т. д. Тунгусъ никому не подаетъ огня изъ своего чума и ни за что не станетъ взращивать телятъ дикаго сѣвернаго оленя или лося. Съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ якутъ, онъ на опасныхъ переходахъ совершаетъ возліянія въ честь злыхъ духовъ и при этомъ выливаетъ иногда даже послѣдній запасъ своей водки.

Вотъ какъ описываетъ Миддендофъ свое прибытіе въ становище тунгусовъ у Буруканской часовни:

«Караванъ нашъ былъ встрѣченъ пальбой изъ винтовокъ. Собравшіеся тунгусы салютовали, не смотря на дороговизну и рѣдкость пороха. Это было своего рода покушеніе на мои тщательно сберегавшіеся пороховые запасы. Noblesse oblige! Желая положить конецъ безцѣльной, дѣтской пальбѣ, я назначилъ преміи за стрѣльбу въ цѣль. Лучшіе тунгусскіе стрѣлки на сто шаговъ попадали въ четвертушку бумаги довольно мѣтко, но клали при этомъ ружья на подставку. За стрѣльбою въ цѣль послѣдовалъ балъ, причемъ въ средѣ тунгусовъ разразилось кокое-то плясовое бѣшенство энтузіастовъ. Сначала образовался маленькій кружокъ, въ перемежку изъ мущинъ и женщинъ, въ томъ числѣ и совершенныхъ старухъ.

Схватившись за руки, они начали довольно не хитрую пляску, заключавшуюся въ передвиженіи ногъ въ стороны. Вскорѣ однако, круговая пляска оживилась, движенія обратились въ скачки и припрыгиванья, все тѣло заходило ходуномъ, лица разгорѣлись, восклицанія стали шумнѣе, восторженнѣе. Вскорѣ сбросили сначали полушубки, а потомъ и набедренники (мѣховые штаны). Въ заключеніе всѣхъ обуяло бѣшенство. Зрители то и дѣло срывались съ мѣста и изчезали въ вихрѣ пляшущихъ. «Хурья, хурья! хюгой, хюгой! хёгюй, хёгюй! хумгой, хумгой! хакэ, хакэ! эханьдё, эханьдё! хэрга, хэрга!» и т. под. восклицанія становились все громче... И пляска кончилась только тогда, когда голоса у танцоровъ осипли, а члены перестали двигаться отъ изнеможенія. За этою демонскою пляской послѣдовалъ чай съ пуншемъ; къ стыду нашего общества я долженъ замѣтить, что тѣже самые тунгусы, какъ бы преобразились, соблюдали самое сдержанное приличіе: ни малѣйшей необузданности, никто не хваталъ раньше другого, всѣ пили умѣренно, соображаясь съ тѣмъ, чтобы никто не остался въ накладѣ. Затѣмъ настала очередь и рѣчамъ, напомнившимъ мнѣ опять наши европейскія краснорѣчивыя націи и теперешнія многорѣчивыя времена. Рѣчи приняли высокій полетъ. И когда я съ своей стороны въ прощальной рѣчи указалъ на то, что ихъ страна несмѣтно богата всѣмъ необходимымъ для нихъ и что только по собственной винѣ они могутъ впасть въ долги, а затѣмъ терпѣть и нужду или даже умирать съ голоду, то всѣ громогласно одобрили мою рѣчь. Tout comme chez nous.

У беззаботныхъ тунгусовъ торговля сложилась совершенно своеобразно. Благодаря содѣйствію чрезвычайно ловкихъ якутовъ, охотниковъ поторговать, въ горахъ, въ разныхъ мѣстахъ, образовались регулярно повторяющіеся въ извѣстныя времена съѣзды, обращающіе иногда самые дикіе пустыри въ торговые пункты. Такъ какъ «въ лѣсахъ» не можетъ быть и рѣчи объ опредѣленныхъ дняхъ съѣзда, то торговцы, собираясь сюда, запасаются юртами, въ которыхъ и раскладываютъ свой немногосложный товаръ: масло, сало, желѣзо, желѣзныя издѣлія, свинецъ, порохъ, табакъ, буду (пшено) и нѣкоторые предметы роскоши. Не смотря на всю ихъ незатѣйливость, такія ярмарки торгуютъ иногда на 80 и болѣе тысячъ рублей [1]).

Отсюда-то проистекаетъ пріятная привычка вѣтрениковъ въ теченіе послѣдней трети года странствовать сообща отъ одного торговаго пункта до другого, расходясь кое-гдѣ на

---

[1]) «Обзоръ Амурской области» за 1887 г., стр. 10

пути, чтобы мимоходомъ заняться ловомъ. Такое странствованіе представляетъ непрерывные легкомысленные кутежи, на которые всякій, у кого есть что-нибудь, долженъ вносить свою долю до тѣхъ поръ, пока у него ничего уже болѣе не останется. Но и тогда онъ еще не оставляетъ компаніи и веселится на счетъ тѣхъ, у кого сохранилось хоть что-нибудь.

Гостепріимство у тунгусовъ развито въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Прошенный или не прошенный, тунгусъ входитъ подъ кровъ незнакомаго или знакомаго—безразлично, садится къ огню, беретъ изъ рукъ или изо рта у хозяина трубку и затѣмъ уже ведетъ себя въ высшей степени скромно. Обычай и приличіе однако требуютъ, чтобы гостю предложили отвѣдать какой-нибудь пищи, и только тогда уже послѣдній принимается за ѣду. Къ счастью въ ѣдѣ они очень умѣренны.

Тунгуса лучше нельзя угостить какъ жиромъ и затѣмъ мукою; поэтому мука, поджаренная на салѣ или на маслѣ, т.-е. такъ называемый всюду въ Сибири, «саламатъ» кажется ему такою божественною пищею, съ которой ничто не можетъ сравниться.

Главною пищей тунгусовъ служатъ ломти вяленаго мяса: кабарги, лося и сѣвернаго оленя. Въ видѣ дессерта подаются иногда лепешки, сдѣланныя изъ высушенной и толчоной брусники пополамъ съ рыбьею икрой. Иногда бруснику замѣняетъ черемуха, но тогда послѣднюю сдабриваютъ масломъ, сплющиваютъ въ тарелкообразныя лепешки и сушатъ передъ огнемъ на жесткихъ, сложенныхъ въ рѣшетку, травахъ. Черемуховую кашу, смоченную въ молокѣ лани[1]), иногда также замораживаютъ и въ такомъ видѣ употребляютъ въ пищу. Но вообще послѣдняя проста и крайне однообразна.

Тунгусы, хотя женами своими и обшиваются въ обтяжку и шегольски, но далеко не бываютъ такъ нарядны, какъ тунгусы на Нижн. Тунгускѣ которые, очевидно, самые большіе щеголи. На сборища женщины, въ особенности же дѣвушки, являются всегда сильно разряженными. Ихъ красныя суконныя юбки обшиваются широкою синею каймой, которая сзади охватываетъ большую прорѣху, служащую отличительнымъ признакомъ народа, ѣздящаго верхомъ[2]). Если юбка дѣлается изъ другого матеріала, то и тогда она обшивается суконною каймой, обыкновенно краснаго цвѣта; иногда, впрочемъ, такая кайма замѣняется

---

[1]) Ланью называется самка сѣверн. оленя. См. «Словарь Великорусск. языка» Даля.

[2]) У такихъ народовъ, какъ монголы, киргизы, ничего подобнаго, однако, не существуетъ.

и выпушкой, шитою шелками. Вообще же, вслѣдствіе различныхъ соприкосновеній съ сосѣдними народами, тунгусы, очевидно успѣли уже потерять свой первоначальный національный костюмъ и усвоили себѣ все, что имъ казалось красивымъ. Ихъ рысьи шапки, отороченныя мѣхомъ россомахи, иногда также кроются краснымъ сукномъ. Наконецъ, замѣчательны также боа, которыя носятъ тунгуски. На полное боа идетъ сотня бѣличьихъ хвостовъ и обходится рублей въ 5. Въ качествѣ украшеній особенную роль играютъ у мужчинъ кисеты, изукрашенные разноцвѣтными бусами, у женщинъ серьги и серебряныя украшенія для косы въ видѣ, напримѣръ, ажурныхъ футляровъ. Кромѣ того женщина обыкновенно обвѣшана кистями, мѣховыми украшеніями и разными предметами убранства и обихода, какъ, напримѣръ, игольникомъ, коробкой для сѣрныхъ спичекъ, серебряною цѣпочкой отъ трубки и т. д. Вообще, надо сказать, что страсть тунгусокъ по этой части доходитъ до того, что онѣ даже сѣвернымъ оленямъ продѣваютъ въ уши нитки, на которыя навѣшиваютъ шелковыя кисти[1]). Монеты играютъ также не послѣднюю роль въ украшеніяхъ: ими обшиваются края юбки и другихъ частей одежды. Полушубки мужчинъ, имѣющіе весьма странный покрой[2]), также, нелишены украшеній и нерѣдко обшиваются въ видѣ красиваго узора цвѣтными бусами и шелками.

Въ характерѣ тунгузки слѣдуетъ подозрѣвать болѣе эгоизма, чѣмъ, напримѣръ, хотя бы у самоѣдки, которая очень внимательно относится къ костюму своего мужа. Эти же вѣтреницы заботятся только о себѣ и освоихъ любимцахъ—оленяхъ. Дѣтей своихъ онѣ также не окружаютъ черезъ чуръ нѣжными попеченіями; ихъ одѣваютъ въ обноски, благодаря чему послѣдніе не выходятъ изъ дыръ.

У изголовья тунгусской люльки вѣшается для успокоенія ребенка погремушка изъ зубовъ сѣверныхъ оленей, соболиныхъ челюстей, да козульихъ копытъ. Ребенокъ лежитъ въ люлькѣ на хорошо всегда высушенныхъ древесныхъ опилкахъ, на которыя только зимою кладется мѣховая подстилка. Люльку иногда качаютъ. При кормленіи дѣтей тунгуски сначала набираютъ кипяченное молоко себѣ въ ротъ, а затѣмъ уже вливаютъ его въ ротъ ребенка. Впрочемъ, обыкновенно матери кормятъ дѣтей своихъ грудью до трехлѣтняго возраста; такъ

---

[1]) Одинаковымъ образомъ киргизки поступаютъ со своими верблюдами, а китайцы съ лошадьми и мулами. Ихъ украшиваютъ кистями, лентами и бубенчиками.

[2]) Они состоятъ изъ двухъ частей: задней, скроенной въ видѣ фрака, и передней нагрудника, который привязывается вплотную къ фраку, шитому безъ обозначенія таліи.

что нерѣдко сверхъ новорожденнаго являются сосать еще двое старшихъ. Случается даже, что десятилѣтній мальчуганъ, нисколько не конфузясь, высасываетъ у матери остатокъ молока, оставленный младшимъ братомъ. Однолѣткамъ для облегченія прорѣзанія зубовъ привязывается къ рукѣ кость сѣвернаго оленя.

Во время самыхъ сильныхъ морозовъ, при которыхъ ртуть замерзаетъ, тунгусы не кочуютъ ради самыхъ маленькихъ дѣтей. Въ случаѣ же крайней необходимости идутъ короткими переходами, причемъ встрѣча покинутаго сруба рѣшаетъ остановку на болѣе продолжительное время. Дѣйствительно, трудно понять, какимъ образомъ крошечныя существа въ состояніи въ этихъ случаяхъ сохранять собственное тепло. Миддендорфу приходилось, напримѣръ, видѣть[1]), какъ во время сильнѣйшей стужи, въ шатрѣ, сквозившемъ какъ рѣшето, брали иногда изъ люльки голаго ребенка, чтобы согрѣть его передъ огнемъ. При этомъ спина бѣднаго ребенка подвергалась охлажденію до — 5°! И несмотря на это, онъ все же не хотѣлъ возвращаться обратно на свое ложе, умоляюще протягивая оттуда свои голыя рученки. Иногда ему случалось видѣть, что грудныхъ дѣтей, босыхъ, безъ штанишекъ, въ одной только коротенькой юбкѣ, сажали на холодный полъ передъ огнемъ... И при такихъ-то условіяхъ климата и шалашной жизни ребенку приходится выносить корь!

Въ сравненіи съ суммами, расточаемыми тунгусами на пирушки, цѣны, платимыя ими за женъ, очень умѣренны. При этомъ надо имѣть также въ виду, что жена входитъ въ домъ мужа не безприданницей. Кромѣ сѣверныхъ оленей, всякаго домашняго скарба въ видѣ различныхъ издѣлій изъ бересты, она приноситъ въ домъ также и нѣкоторыя цѣнныя вещи, напримѣръ, т. наз. «инъ-юканъ», т.-е. шалашный верхъ изъ замшевыхъ кожъ, который слѣдуетъ цѣнить не ниже 35 — 40 рублей, а затѣмъ, нерѣдко, и верхнюю одежду будущему супругу. Приданое жены служитъ обыкновенно основнымъ фондомъ, на которомъ строится благосостояніе будущихъ супруговъ, такъ какъ у тунгусовъ не въ обычаѣ надѣлять сыновей послѣ женитьбы. Исключенія рѣдки и касаются только самыхъ богатыхъ семей.

За круглую сироту выкупъ (калымъ) получаетъ братъ, ближайшіе родственники или же, наконецъ, воспитатель.

Почти все свое время тунгусъ посвящаетъ охотѣ; это

---

[1]) L. c., стр. 718.

трудное и опасное ремесло. Въ самомъ дѣлѣ осмотръ засѣчныхъ проходовъ, ходьба съ горы на гору, въ разъединенныхъ глубокими логами лѣсахъ, нерѣдко по глубокому снѣгу — тяжелая работа. Вотъ почему, несмотря на сильную стужу, доходящую до—40°, тунгусъ нерѣдко бродитъ въ горахъ въ замшевомъ лѣтнемъ кафтанѣ, причемъ, при каждомъ его движеніи, легко видѣть подъ нагрудникомъ совершенно обнаженную грудь. Миддендорфъ думаетъ, что тунгусъ самый закаленный изъ кочевниковъ.

Благодаря своему дѣятельному образу жизни, тунгусы доживаютъ до глубокой старости. Здѣсь нерѣдко встрѣтишь 70-ти лѣтнихъ стариковъ въ роли отцовъ грудныхъ дѣтей.

Для пищевого довольствія тунгусъ принужденъ охотиться круглый годъ, но промыселъ пушнаго звѣря начинается не ранѣе октября, когда звѣрь успѣетъ вполнѣ опушиться [1]).

Орудія охоты у тунгуса очень просты, большею частью изготовляются ими самими, но требуютъ большого навыка и умѣнья. Древній лукъ уступилъ теперь мѣсто малопульной винтовкѣ (поктыранъ), но онъ и до сихъ поръ еще употребляется при засѣкахъ и другихъ ловушкахъ, изъ коихъ наиболѣе употребительная—«быркань», отъ слова »быръ», что значитъ—лукъ. Лукъ этотъ, натянутый на дощечку (нотагай), на которой лежитъ стрѣла (нульги), упираясь однимъ концомъ въ тетиву, а другимъ обращенная на тропу, ставится въ сторонѣ отъ послѣдней: а черезъ нее отъ дощечки, удерживающей тетиву, протягивается лошадиный волосокъ (сираль), при малѣйшемъ прикосновеніи къ которому дошечка спадаетъ, а лукъ выбрасываетъ стрѣлу. Стрѣла бываетъ, разумѣется, различной величины, смотря по роду звѣря, на тропѣ котораго поставленъ быркань.

На лося, оленя и медвѣдя дѣлаются загороди (конда), описанныя нами въ предыдущей главѣ; наконецъ, на сѣвернаго оленя охотятся при содѣйствіи пріученныхъ къ этому домашнихъ олешей [2]). Собака въ охотничьемъ промыслѣ тунгуса играетъ видную роль; оттого она и цѣнится дорого, въ сто и болѣе рублей [3]). Она ведетъ охотника молча, но лаемъ даетъ знать о найденномъ звѣрѣ. Впрочемъ, по свѣжему снѣгу тунгусъ всегда одинъ слѣдитъ звѣря—бѣлку, соболя, горностая, лисицу, и убиваетъ первыхъ, загнавши предварительно

---

[1]) Шишкевичъ, («Записки Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», 1856, II, стр. 8).

[2]) См. гл. 8., стр.

[3]) Миддендорфъ, l. c., стр. 725.

ихъ на дерево. На медвѣдя тунгусъ зачастую выходитъ или съ рогатиной (гырда), или съ ножомъ (уткаль), такъ называемой «пальмой», состоящей изъ длиннаго лезвія, насаженнаго на рукоятку въ $^3/_4$ аршина длины. Рогатина въ рукахъ тунгуса—орудіе универсальное: оно служитъ ему топоромъ для проложенія пути черезъ первобытную чащу и для срубки лѣса на топливо, ножомъ для изготовленія самострѣловъ, верховою палкою, когда онъ садится на сѣвернаго оленя, пѣшнею для испытанія и проламыванія льда и т. д. Она для него — самое надежное оружіе, съ которымъ онъ всегда готовъ пойти на встрѣчу любой опасности. Миддендорфъ кое-гдѣ засталъ еще и кольчуги, но уже и тогда онѣ хранились въ семьяхъ болѣе какъ реликвіи, напоминавшія молодому поколѣнію о геройскихъ подвигахъ дѣдовъ, чѣмъ для употребленія [1]).

Во время хода кэты и горбуши тунгусы перебираются на верховья рѣкъ и рѣчекъ, впадающихъ въ Нижній Амуръ; но такъ какъ снаряды для ловли и способъ ихъ употребленія у нихъ тѣ же, что и у жителей Амурской долины, то здѣсь мы и не станемъ касаться особенностей ихъ рыбнаго промысла.

Иногда феноменальное счастье на охотѣ, дѣлающее тунгуса вдругъ богачомъ, значительныя для дикаря суммы денегъ, разомъ попадающія ему въ руки при реализаціи полугодовой добычи, все это воспитало въ народѣ легкомысленное отношеніе къ деньгамъ: какъ искатель на какихъ-нибудь золотыхъ пріискахъ, тунгусъ соритъ ими, когда онѣ у него еще есть, занимаетъ, когда ихъ уже нѣтъ. Къ тому же и въ заимодавцахъ никогда нѣтъ недостатка: ими являются всѣ якутскіе прасолы. Результатомъ же подобнаго отношенія къ деньгамъ является крайняя задолженность всѣхъ тунгусовъ. Притомъ, что знаменательно, но не столь безсмысленно, какъ на первыхъ порахъ это можетъ казаться, долги тунгусовъ возрастаютъ съ богатствомъ. Такъ что здѣсь выраженіе: «у него 100, 200, 300 рублей долга» равносильно словамъ—«это бѣднякъ!» У состоятельныхъ тунгусовъ до 2-хъ, до 3-хъ тысячъ долга [2]). Послѣдніе считаются уже богатыми, потому что кредитъ ихъ простирается до исключительной суммы.

Мефистофели-якуты, какъ нельзя болѣе пользуются своимъ положеніемъ. Они доставляютъ въ кредитъ все, что дѣтская душа первобытнаго человѣка проситъ, а затѣмъ подсчитываютъ и, взимая проценты соболями, затягиваютъ кутилъ

---

[1]) L. c., стр. 738.
[2]) Миддендорфъ. l. c., стр. 740.

въ неоплатные долги, которые вскорѣ и обращаютъ вольнаго тунгуса въ батрака якутскаго прасола. Тунгусъ утопаетъ въ раздольѣ, наслаждаясь жирною рыбою и жирною дичью; но всего этого ему недостаточно—якутъ долженъ приводить ему на убой лошадей, даурецъ привозить свиные окорока, масло и сало. «Еще теперь, пишетъ Миддендорфъ, я вижу передъ собой сладкую физіономію, моргавшіе отъ восторга глаза моего караваннаго вожака, который какъ бы тающимъ отъ удовольствія голосомъ оправдывалъ тунгусовъ, когда меня почти возмутили лакомки, платившіе даурцамъ большія деньги за сметану. «Безцѣнно! вовсе не жаль дать соболя!» говорилъ онъ, причмокивая [1]). Якуты, давая въ долгъ, ничѣмъ не рискуютъ: сынъ отвѣчаетъ за долги своего отца; поэтому долги переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, а съ ними вмѣстѣ и кабала [2]). Къ тому же, по установившемуся обычаю, тунгусъ, разъ задолжавшій у какого-нибудь купца, не имѣетъ права покупать что-либо у другого купца. И заимодавецъ распоряжается имъ, назначаетъ цѣны, кормится его запасами, но съ своей стороны заставляетъ его платить за все, что тотъ возьметъ у него. При такихъ порядкахъ правительственные недоборы—понятны; а такъ какъ они въ общемъ очень значительны, то на это приходится обратить особенное вниманіе мѣстной администраціи. Въ чужѣ жаль такихъ энергичныхъ и развитыхъ людей, какъ тунгусы, которые въ ближайшемъ будущемъ обречены на банкротство, деморализацію и вымираніе! И если они своевременно не будутъ направлены на единственный для нихъ путь спасенія — на занятіе скотоводствомъ, въ особенности же на разведеніе сѣверныхъ оленей, то послѣднее совершится, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ думаютъ [3])

Отзывы новѣйшихъ изслѣдователей, какъ напр. кн. Дадешкаліани, посвящающаго описанію быта тунгусовъ болѣе 16 страницъ своего сочиненія, подтверждаетъ вполнѣ отзывы Миддендорфа о тунгусахъ. «Едва-ли можно найти у кого

---

[1]) L. c., стр. 740.

[2]) Миддендорфъ, l. c., стр. 741.

[3]) Для того, чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о доходѣ тунгуса-охотника, мы располагаемъ слѣдующими цифрами: Всего инородцевъ въ Амурской области, занимающихся звѣринымъ промысломъ, по губернаторскимъ отчетамъ, 2.800 душъ обоего пола. Считая на долю взрослыхъ охотниковъ 1/4 этого числа, получимъ 700. Взявъ это максимальное число (потому что отсюда не исключены гольды) «ружей», убѣдимся, что на каждаго изъ нихъ приходится около 300 р. въ годъ по слѣдующему расчету; ярмарокъ въ краѣ значительныхъ—4; изъ нихъ на одной Буреинской инородцы продаютъ пушнины на сумму отъ 50 до 65 тыс. руб.; помноживъ мѣньшую изъ этихъ суммъ на 4, получимъ 200 тыс. или нѣсколько менѣе 300 на ружье. Изъ этого расчета исключены однако суммы, выручаемыя за свои мѣха прибрежнымъ инородческимъ населеніемъ Амура (Ср. «Обзоры Амурской области» 1889 и др. год.).

другого, не исключая и болѣе цивилизованныхъ народовъ», говоритъ кн. Дадешкаліани, «такую любовь къ ближнему, такую склонность къ прощенію обидъ и безропотность. Эти качества составляютъ основныя черты характера тунгуса и объясняютъ, почему всѣ неблагопріятныя условія жизни развили у него довольство малымъ и духъ взаимной помощи».

Воровство и грабежъ совершенно чужды тунгусамъ. Въ глухой тайгѣ, обитаемой ими никогда не нарушается миръ и согласіе между ея обитателями. Тунгусы издавна исповѣдуютъ православную вѣру и если они и мало знакомы съ обрядовою ея стороной, то духъ христіанскаго ученія какъ нельзя болѣе пришелся имъ по характеру и привился къ нимъ. И утромъ, и вечеромъ, и въ радости, и въ горѣ тунгусъ совершаетъ свою молитву, относится съ величайшимъ вниманіемъ и глубокимъ благоговѣніемъ ко всему тому, что считаетъ христіанскимъ долгомъ [1]) и преодолѣваетъ всѣ трудности и препятствія для того, чтобы достигнутъ изъ своей глуши до храма, гдѣ онъ, хотя разъ въ годъ, исповѣдуется и причащается или крститъ своего ребенка.

Въ нравахъ тунгусовъ много патріархальнаго. Въ семействѣ отецъ—глава и полный хозяинъ. Но въ отношеніяхъ къ нему жены и дѣтей не замѣчается той рабской зависимости, какая проявляется у орочонъ и гольдовъ. Напротивъ, отношенія отца къ дѣтямъ самыя гуманныя. Многоженство или сожитіе съ наложницами неизвѣстны тунгусамъ. Супружеская вѣрность принадлежитъ къ отличительнымъ чертамъ тунгузской народности. Отецъ является распорядителемъ всего имущества и дохода семьи, но у женатаго сына онъ беретъ только половину его заработка, оставляя другую въ его распоряженіи. Браки заключаются въ возрастѣ отъ 15 до 17 лѣтъ. Размѣръ калыма нынѣ колеблется отъ 15 до 30 оленей, что въ переводѣ на деньги составитъ отъ 380 до 750 руб. и уплата эта производится постепенно. Давленія на выборъ дочери, впрочемъ, отецъ не оказываетъ и предоставляетъ ей свободу принимать

---

1) Кн. Дадешкаліани въ Сборн. геогр., топогр. и статист. матер. по Азіи Вып. XXXII, 1888, стр. 270—286. Авторъ приводитъ (стр. 274) переводъ слѣдующей пѣсни тунгусовъ, въ которой выражается весь ихъ нравственный обликъ: «Если мнѣ будетъ счастье и завтра выпадетъ здѣсь снѣгъ, то я иду на промыселъ, чтобы добыть средства уплатить царю ясакъ. У меня также есть мать, которая меня родила и бѣлый свѣтъ мнѣ показала: молю тебя, Боже, дай мнѣ возможность прокормить ее, а также пещись о женѣ вѣнчанной и о сынѣ крещенномъ. Молю тебя, Господь, дай мнѣ средства услужить всѣмъ роднымъ, сосѣдямъ, знакомымъ и незнакомымъ соотчичамъ и всѣмъ тѣмъ, кто осчастливитъ мою юрту своимъ посѣщеніемъ. Боже, дай мнѣ звѣря, чтобы я могъ накормить на славу всѣхъ товарищей по охотѣ, а если еще и соболя дастъ мнѣ Богъ, то я употреблю его на нужды честныя, а не пропью даромъ».

или не принимать предложенія. По смерти отца сыновья всегда дѣлятся и тогда уже живутъ порознь; при раздѣлахъ дочери ничего не получаютъ, но, если онѣ незамужнія, то остаются на попеченіи одного изъ братьевъ.

Экономическое положеніе тунгусовъ за 45 лѣтъ, протекшихъ со временъ Миддендорфа до временъ Дадешкаліани (1887 г.), конечно, не улучшилось, и хотя они не дошли еще до полнаго банкрутства и деморализаціи, но болѣе чѣмъ прежде находятся въ кабалѣ у якутскихъ торговцевъ. Долги, и притомъ неоплатные, лежатъ на каждой тунгуской юртѣ: размѣръ этихъ долговъ колеблется отъ 100 до 600 р. на юрту. Подъ тягостью этого долга тунгусъ не можетъ перейти изъ состоянія звѣролова ни къ какому другому экономическому строю, такъ какъ неплатежъ долга, при перемѣнѣ занятій, вызвалъ бы прекращеніе кредита со стороны торговцевъ. Постепенное же погашеніе долга невозможно уже потому, что оцѣнка предметовъ тунгузской добычи и привозимыхъ торговцами предметовъ первой необходимости исключительно зависитъ отъ торговца, смѣло приписывающаго цифру долга, которая, конечно, представляется неоплатною, закабаляя весь трудъ тунгусовъ якутскимъ куццамъ. Для означенія вѣрности расчета у тунгусовъ вошла въ употребленіе дощечка, замѣняющая вексель. На этой дощечкѣ вырѣзываются условные знаки, обозначающіе сумму долга. Послѣ записи такихъ знаковъ, дощечка разрѣзается пополамъ по длинѣ, и одна половина хранится у кредитора, другая у должника. Подлогъ невозможенъ, такъ какъ сложеніе дощечекъ его обнаруживаетъ.

Оправдывается ли предсказаніе Миддендорфа о постепенномъ вымираніи тунгусовъ, мы не знаемъ, потому что о численности ихъ ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ никакихъ свѣдѣній не имѣемъ и только предстоящая во всей Имперіи перепись можетъ опредѣлить съ достовѣрностью цифру инородцевъ, звѣролововъ Амурской области. Но что при нынѣшнемъ экономическомъ положеніи тунгусовъ постепенное вымираніе ихъ возможно, въ томъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе. При полной нищетѣ тунгуса долги у каждаго изъ нихъ превышаютъ стоимость скуднаго имущества, а возможность существованія тунгузской семьи, обусловлимая исключительно звѣриною и рыбною ловлею, находится въ прямой зависимости отъ двухъ факторовъ: присутствія въ семьѣ достаточной рабочей силы и успѣшнаго годового улова звѣря и рыбы. Очевидно, что смерть или даже продолжительная болѣзнь единственнаго работника юрты (а въ большинствѣ юртъ работники единственные), есть смертный

приговоръ для цѣлой семьи. Очевидно также, что неуспѣшный уловъ звѣря въ данномъ году, также лишаетъ семью возможности существованія, а еще пагубнѣе неуспѣшный ловъ кэты, поднимающейся въ неисчислимомъ количествѣ по Амуру и его притокамъ. Между тѣмъ бываютъ годы, въ которые такая неуспѣшность обусловливается какими-либо общими, напримѣръ, климатическими причинами. На звѣря и рыбу бываютъ неурожаи, и въ такомъ случаѣ большой процентъ звѣролововъ-инородцевъ обреченъ на гибель. Но и вообще несомнѣно, что количество звѣря въ лѣсахъ Амурской области, съ распространеніемъ русской колонизаціи, должно уменьшаться; что же касается до рыбныхъ богатствъ, то и они при безпорядочной, хищнической ловлѣ въ низовьяхъ рѣки могутъ оскудѣвать, если не будетъ принято мѣръ къ урегулированію рыболовства на Амурѣ, подобныхъ тѣмъ, которыя уже приняты на низовьяхъ Волги. Ко всему этому присоединяется еще и ясакъ, который, по свидѣтельству князя Дадешкаліани, и абсолютно высокъ, да притомъ и взимается безпорядочно. Ясакъ этотъ, отъ 1 до 2 соболей съ юрты, составляетъ, по приблизительному расчету, отъ 15 до 40 р. съ юрты, слѣдовательно, отъ 7 р. до 16 р. съ души м. п., или отъ 18 до 40 р. съ взрослаго работника.

Все изложенное убѣждаетъ насъ въ томъ, что тунгузское населеніе, да и вообще инородческое, звѣроловное населеніе области, при нынѣшнихъ неблагопріятныхъ его экономическихъ условіяхъ, правильнаго прироста имѣть не можетъ и что поэтому измѣненіе къ лучшему этихъ условій, составитъ въ будущемъ высокую, гуманную задачу для администраціи края.

Орочоны. Орочонами называется небольшое отдѣленіе оленьихъ бродячихъ тунгусовъ, живущее въ верховьяхъ Амура, внизъ до устья Невира. Многіе даже вовсе не отличаютъ орочонъ отъ тунгусовъ верховій Буреи и Зеи [1]), поэтому все сказанное выше объ этихъ послѣднихъ приложимо и къ орочонамъ.

Амурскіе орочоны раздѣляются на три рода: 1) *Булѣтскій* кочуетъ по Амуру и его притокамъ выше и нѣсколько ниже Албазинской станицы, какъ на лѣвой, такъ и на правой, манджурской, сторонѣ Амура. Орочоны этого рода, кочующіе въ китайскихъ предѣлахъ, все-таки считаются русскими подданными и платятъ ясакъ русскому правительству въ Албазинской станицѣ. 2) *Кындышрскій* кочуетъ по лѣвой сторонѣ верховьевъ Амура и по притокамъ его: Амазару, Уркѣ и Уричи,

[1]) Миддендорфъ, Маакъ и др.

въ мѣстностяхъ около селенія Покровскаго, гдѣ и платитъ свой ясакъ. Часть этого рода, извѣстная подъ именемъ *Кипрцевъ*, кочуетъ по правой сторонѣ Амура, въ китайскихъ предѣлахъ, и вноситъ свой ясакъ въ Албазинской станицѣ. 3) *Нинагайскій* родъ кочуетъ въ тѣхъ же мѣстахъ, какъ и Булётскій родъ, но только по одной лѣвой сторонѣ Амура и платитъ свой ясакъ въ Албазинской станицѣ [1]).

Орочоны по свидѣтельству Орлова [2]), были раньше Якутскаго вѣдомства, но перешли въ двадцатыхъ годахъ самовольно на Амуръ и потѣснили съ его правыхъ притоковъ кочевавшихъ здѣсь ранѣе китайскихъ манегровъ. Нинагайцы кочуютъ по притокамъ лѣваго Амура отъ Усть-Стрѣлочнаго караула до р. Невиръ, отъ которой по хребту вверхъ до Янканскаго гольца идетъ грань, отдѣляющая съ востока ихъ земли и звѣроловныя мѣста отъ земель манегровъ.

Орочонъ, какъ и оленій тунгусъ, отличается отъ соплеменниковъ своихъ въ особенности сухимъ тѣлосложеніемъ. Лицо у него смугло, плоско, скулы выдаются замѣтно, подбородокъ выступаетъ впередъ и имѣетъ клинообразную форму, густые волосы на головѣ черные, жесткіе, и носятся различно: мужчины либо отпускаютъ ихъ до плечъ, либо подстригаютъ довольно коротко, въ скобку. Причесываютъ они волосы съ проборомъ на боку или по срединѣ. Дѣвушки и женщины волосъ не стригутъ и причесываютъ ихъ съ проборами по срединѣ, при чемъ дѣвушки заплетаютъ ихъ въ одну косу, спущенную внизъ, а женщины заплетаютъ сзади въ двѣ косы, которыя и свертываютъ вмѣстѣ. Брови рѣдкія. Глаза невелики и прорѣзаны наклонно отъ виска къ носу, темно-каріе, почти черные. Лобъ широкій, низкій, носъ большею частью короткій и плоскій, ротъ средней величины, губы толстыя, рѣзко очерченныя съ нѣсколько опущенными внизъ углами. Мужчины или вовсе не имѣютъ бороды, или послѣдняя у нихъ очень рѣдка. Голова у орочонъ сравнительно велика, руки длиннѣе обыкновеннаго, ноги короче, искривлены въ бедрахъ нѣсколько кнаружи. Плечи узки, бедра и ступни хорошо развиты. Орочоны

---

[1]) См. Пасвикъ, записка о Тунгусахъ въ Сборникѣ главныхъ оффиціальныхъ документовъ по упр. Вост.-Сибирью, изд. по распоряженію ген. губ. Вост.-Сибири Д. Г. Анучина. Т. IV. Инород. насел. Пріамурскаго края вып. I Инородцы Амурской области, стр 106—126.

[2]) «Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1857. XXI, стр. 196. Іакинфъ («Стат. опис. Китайской Имперіи», II, стр. 217) говоритъ, однако, что орочоны («э-лунъ-чунь») извѣстны были китайцамъ давно. Но орочоны-ли это съ верховьевъ Уссури или, можетъ быть, подъ этимъ именемъ фигурировали у китайцевъ манегры? Ср. Шренкъ «Инородцы Амурскаго края», стр. 185.

не отличаются ростомъ; зато обладаютъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ; особенно же бросаются въ глаза ихъ тонкія конечности [1]).

Одежда у женщинъ и мужчинъ почти одинакова; она состоитъ изъ верхняго платья, доходящаго до колѣнъ, но у женщинъ спускающагося нѣсколько ниже, короткихъ штановъ, доходящихъ до ляжекъ, и штиблетъ, привязывающихся ремешками къ штанамъ. Все это для лѣтней одежды дѣлается изъ замши, выдѣланной изъ шкуръ оленя или косули; для зимней изъ выдѣланныхъ шкуръ тѣхъ же животныхъ, мѣхомъ внутрь или наружу. Лѣтняя обувь состоитъ изъ короткихъ полусапожекъ, стянутыхъ немного выше лодыжки ремнями; зимняя—изъ высокихъ сапоговъ, сшитыхъ изъ кожи ногъ обыкновеннаго или сѣвернаго оленя [2]), Теперь не рѣдкость однако встрѣтить орочона въ русской рубашкѣ и шапкѣ.

Орочоны живутъ въ юртахъ лѣтнихъ и зимнихъ. Юрты ихъ строятся изъ тонкихъ жердей (серенги), которыя укрѣпляются въ землю кругообразно, а сверху сходятся конусомъ и скрѣпляются. Нижній кругъ юрты имѣетъ величину сообразную съ числительностью семейства. Лѣтнія юрты прикрываются берестяными полосами (тыга). Полосы эти приготовляются въ іюлѣ, когда кора деревьевъ еще не бываетъ отсочившеюся. Кору эту вываривaютъ до тѣхъ поръ, пока она не приметъ мягкости кожи, а затѣмъ уже сшиваютъ въ полосы. Зимою юрты прикрываются полотнищами, сшитыми изъ выдѣланной кожи лося (уль-люнъ) [3]).

Главное занятіе орочоновъ заключается въ охотѣ за бѣлками, которая даетъ имъ средства запасаться на цѣлый годъ порохомъ и свинцомъ, удовлетворять другимъ незатѣйливымъ потребностямъ и уплачивать ежегодный ясакъ.

Такъ какъ они имѣютъ по немногу оленей и пользуются ими болѣе какъ вьючными животными, то употребляютъ ихъ въ пищу только въ крайнихъ случаяхъ: во время голода, при празднествахъ, похоронахъ и тому подобныхъ случаяхъ. Главною же ихъ пищею являются: лоси, олени, кабарга и косуля. Медвѣдей, которые попадаются имъ въ руки, они ѣдятъ также охотно, хотя и совершаютъ передъ тѣмъ странные обряды [4]). Они также стараются оставить въ цѣлости черепъ этого жи-

---

[1]) Маакъ, l. c., стр. 46.

[2]) Маакъ, l. c., стр. 50.

[3]) См. Пасвикъ l. c. стр. 108. Пасвикъ, врачъ Верхне Амурской компаніи, сообщаетъ очень обстоятельныя свѣдѣнія объ орочонахъ и особенно тщательно описываетъ всѣ предметы изъ домашняго быта.

[4]) Маакъ, l. c., стр. 50.

вотнаго, который послѣ трапезы тщательно обвязываютъ берестой и вѣшаютъ на какомъ-нибудь деревѣ въ жертву злому духу [1]). Послѣдній обычай распространенъ и среди тунгусовъ Буреи, Зеи и Амгуни, гдѣ Миддендорфу не разъ приходилось встрѣчать медвѣжьи черепа въ тѣхъ же условіяхъ. Въ выборѣ пищи орочоны вообще не брезгливы и часто употребляютъ мясо павшихъ отъ различныхъ болѣзней животныхъ; но, кажется, они вовсе не употребляютъ въ пищу мясо хорька, лисицы или волка, какъ это въ обычаѣ у ихъ сосѣдей — манегровъ. Лѣтомъ орочоны большею частью питаются рыбой, среди которой осетровыя занимаютъ первое мѣсто. Подспорьемъ являются ягоды: смородина, брусника, рябина, земляника, въ особенности же, черемуха, которую сушатъ и заготовляютъ впрокъ на зиму вышеописаннымъ способомъ. Приправой служитъ дико-растущій лукъ—«сонгина». Грибовъ же они не ѣдятъ.

Хотя настоящая охота у орочоновъ начинается только тогда, когда замерзнетъ Амуръ, но нѣкоторые начинаютъ ее и нѣсколько ранѣе для того, чтобы успѣть поохотиться на кабаргу и козулю, которыя въ это время легко идутъ на подвой, такъ какъ августъ и сентябрь для нихъ—время течки. Снарядъ, употребляемый для этого (печавунъ), совершенно одинаковъ для козули и кабарги. Онъ состоитъ изъ трехъ-угольнаго, перегнутаго пополамъ кусочка бересты. Положивъ его подъ языкъ, охотникъ очень искусно подражаетъ то голосу самца, то голосу самки. Одновременно приступаютъ и къ устройству засѣкъ (тумбукъ), для которыхъ здѣсь обыкновенно избираютъ пространства, заключенныя между двумя параллельно и близко текущими рѣчками [2]).

Покуда рѣка не покрылась льдомъ, рыбная ловля составляетъ главное занятіе орочона. При этой ловлѣ они употребляютъ между прочимъ снарядъ умыка́, сходный съ тѣмъ, который на Волгѣ носитъ названіе «шашковой снасти». Она состоитъ изъ веревки до 30 саженей длины, сплетенной изъ конскаго волоса (крипкина). Къ этой веревкѣ на разстояніи $1\frac{1}{2}$ аршина одна отъ другой прикрѣплены на веревочкахъ крючья, снабженные поплавками изъ кусковъ сосновой коры. Къ одному изъ концовъ этого снаряда прикрѣпляются двѣ бичевы: на одну изъ нихъ привязываютъ камень, на другую—

[1]) Маакъ, l. c., стр. 50. Но правильно-ли объясняетъ уважаемый путешественникъ этотъ фактъ? Не остатокъ-ли это культа этого животнаго, господствовавшаго, какъ кажется, въ Манджуріи въ доисторическія времена?

[2]) Маакъ, l. c., стр. 49.

значительныхъ размѣровъ поплавокъ, служащій для указанія мѣста, куда опущенъ снарядъ. На глубокихъ мѣстахъ конецъ этотъ бросается въ воду, послѣ чего весь снарядъ, увлеченный теченіемъ, принимаетъ положеніе, параллельное поверхности воды, а прикрѣпленные къ нему крючки получаютъ слегка наклонное положеніе, отчего крупная рыба на своемъ ходу противъ теченія легко на нихъ натыкается [1]). При этомъ способѣ ловли, такъ какъ крючья у всѣхъ инородцевъ Амура — плохіе, на каждую зацѣпившуюся и пойманную рыбу приходится нѣсколько, а вѣрнѣе цѣлыя сотни такихъ, которыя уходятъ израненными и издыхаютъ отъ поврежденій [2]). Чтобы вытащить пойманную рыбу, часто очень большую, употребляютъ багоръ (дыгà). «Умыкой» ловятъ осетровыхъ рыбъ только до конца іюня. На калугу же есть еще и другой способъ охоты — острогой; но у орочонъ верховій Амура онъ не въ особенномъ употребленіи, а потому здѣсь мы его касаться не будемъ. Прочіе виды рыбъ: таймени, чебаки, сиги, сазаны, красноперы (Pseudaspius leptocephalus Pall.) и гальяны (Phoxinus) ловятся сѣтями, которыя или покупаются у казаковъ или плетутся изъ конскаго волоса, и неводами. Ловля мордами также извѣстна, но этотъ способъ примѣняется только въ небольшихъ рѣчкахъ.

Орочоны чаще другихъ лодокъ употребляютъ, такъ называемыя, «берестянки» (джау). Такая лодка состоитъ изъ легкаго деревяннаго остова, покрытаго снаружи сшитыми одинъ съ другимъ кусками бересты. Швы засмоливаются. На этихъ легкихъ и поворотливыхъ лодкахъ ловкіе орочоны съ большою легкостью подвигаются впередъ противъ сильнѣйшаго теченія, гребя однимъ весломъ, которое представляетъ длинный шестъ съ лопатообразными концами. Въ этой лодкѣ, въ которой рѣдко помѣщается болѣе одного человѣка, орочонъ сидитъ посрединѣ съ поджатыми подъ себя ногами, при чемъ подстилкой ему служитъ кусокъ коры, положенной на дно. Иногда у орочонъ встрѣчаются и однодеревки—«баты», на мѣстномъ русскомъ нарѣчіи. Пріобрѣтаются онѣ у казаковъ.

Въ прежнее время орочоны управлялись князьями, а нынѣ управляются старостами, избираемыми общимъ сходомъ (суглa-

---

[1]) Маакъ, l. c., стр. 48. Орловъ говоритъ, что канаты у орочоновъ имѣютъ въ длину отъ 40 до 80 саж. и что камни привязываются на обоихъ концахъ снасти, благодаря чему только середина каната, приподнятая поплавками, находится въ водѣ на глубинѣ около аршина (l. c., стр. 194).

[2]) Алябьевъ «Далекая Россія» («Всемірный Путешественникъ» 1872). Цитировано изъ очерка Варпаховскаго: «Рыбный промыселъ въ водахъ Сибири» («Вѣстникъ рыбопромышленности» 1892, № 6 и 7), стр. 234.

номъ) каждаго рода на три года. Старосты эти подчинены станичному управленію того округа, въ предѣлахъ котораго родъ кочуетъ. Кромѣ общихъ административныхъ обязанностей и сбора ясака, на старостахъ лежитъ еще и разборъ мелкихъ споровъ и ссоръ между орочонами, между тѣмъ какъ нѣсколько болѣе важныя дѣла, характера гражданскаго (неисполненіе обязательствъ, несоблюденіе условій товарищеской охоты, раздѣлъ наслѣдства, неисполненіе обязательствъ по уплатѣ калымовъ) и даже уголовнаго (мелкія кряжи), разбираются сходомъ (сугланомъ), руководствующимся обычнымъ правомъ.

Главныя черты обычнаго права орочоновъ заключаются въ слѣдующемъ. Отецъ семейства признается его полновластнымъ господиномъ, но власть дѣтей распространяется до выдѣла сыновей и выхода дочерей въ замужество. Замужняя женщина есть главная работница въ хозяйствѣ мужа. Она ходитъ не только за дѣтьми, но и за скотомъ, устраиваетъ юрты при перекочевкахъ, осенью, въ отсутствіи мужчинъ, уходящихъ на охотничьи промыслы, рубитъ дрова и справляетъ всѣ мужскія работы. Имущество, полученное ею отъ родителей по калымнымъ договорамъ, поступаетъ въ полное владѣніе мужа. Мужчина же заботится о средствахъ существованія семьи, добывая ихъ охотничьимъ промысломъ, рыболовствомъ и перевозомъ небольшихъ грузовъ по тайгѣ на своихъ оленяхъ, наконецъ, участіемъ въ развѣдкахъ золотопромышленниковъ. Всѣ орочоны православной вѣры, а потому степени родства признаются у нихъ, какъ и у русскихъ, какъ по отношенію къ браку такъ и къ наслѣдству. По смерти орочона опека надъ малолѣтними дѣтьми и роль главы семейства переходитъ на мать, до совершеннолѣтія дѣтей или вступленія ея во второй бракъ. Въ послѣднемъ случаѣ опека надъ дѣтьми переходитъ къ ближайшимъ родственникамъ перваго мужа, а вдовѣ не выдѣляется уже никакой части изъ его имущества.

Возрастъ вступленія орочонъ въ бракъ опредѣляется въ 15 лѣтъ, но опредѣлить возрастъ орочонъ по метрическимъ записямъ очень трудно, такъ какъ ихъ крестятъ иногда черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ рожденія. Калымъ за невѣсту родители жениха начинаютъ уплачивать, когда будущимъ супругамъ отъ 8 до 9 лѣтъ. Бракосочетаніе въ православныхъ церквахъ совершается обыкновенно уже послѣ фактическаго сожительства жениха и невѣсты, но родившіяся до брака дѣти признаются законными. Фактически же сожительство жениха и невѣсты начинается по уплатѣ калыма и привозѣ невѣсты ея родными въ жилище жениха. Обрядовъ при этомъ ника-

кихъ не бываетъ и пиршество ограничивается угощеніемъ чаемъ, мясомъ, а иногда и водкою. Самый бракъ совершается послѣ того въ православной церкви, при первой возможности, которая иногда приходитъ нескоро. Новобрачные или остаются въ юртѣ радителей мужа и въ такомъ случаѣ въ полной зависимости отъ домохозяина, или, при возможности, выдѣляются въ особую юрту и тогда уже образуютъ самостоятельное хозяйство. Случается на оборотъ, что и женихъ вступаетъ въ семью родителей своей невѣсты. Хоронятъ орочоны своихъ умершихъ по правиламъ православной церкви, но если священника по отдаленности пригласить нельзя, то умершихъ кладутъ въ гробы изъ выдолбленнаго дерева и зарываютъ безъ всякихъ обрядовъ, кромѣ развѣ троекратнаго обхода близкими родными могилы, на которую ставится крестъ или срубъ.

Уголовныя преступленія между орочонами крайне рѣдки. Воровство находится во всеобщемъ презрѣніи и наказывается, по приговору общества, розгами или изгнаніемъ изъ кочевьевъ; только воровства, совершенныя у русскихъ, вѣдаются обыкновенными судами. Убійства случаются крайне рѣдко и происходятъ только при распряхъ являющихся послѣдствіемъ похищенія женщинъ (невѣстъ) однимъ орочонскимъ родомъ у другого. Убійства судятся, конечно, по русскимъ уголовнымъ законамъ. Родовой мести у орочоновъ, впрочемъ, не существутъ. Гражданскія тяжбы очень несложны, споры по охотничьему промыслу разбираются старостами, при участіи нѣсколькихъ сосѣдей, тяжбы же по наслѣдству или неисполненію калымныхъ условій разбираются родовымъ сходомъ [1]).

Манегры (Манегры сами себя называютъ — маняхыръ, у манджуръ — аваньки, въ китайской государственной географіи—э-лунь-чунь). Манегрскія юрты разсѣяны по обоимъ берегамъ Амура на всемъ протяженіи его отъ Невира до устья р. Кумары. Манегры живутъ кромѣ того въ долинахъ Зеи и Кумары, и здѣсь, какъ кажется, ихъ населеніе даже гуще, чѣмъ на Амурѣ. Языкъ ихъ представляетъ мало отличій отъ языка орочонъ. Онъ характеризуется богатствомъ словъ, служащихъ для обозначенія различныхъ видоизмѣненій поверхности суши, что, конечно, происходитъ отъ тѣснаго соприкосновенія съ природой, которое составляетъ необходимое послѣдствіе кочевой жизни этого племени, и въ то же время бѣденъ словами, относящимися къ духовной жизни человѣка. Находясь въ частыхъ

[1]) См. Пасвикъ l. c. стр. 11—6126, гдѣ описано обстоятельно управленіе и юридическіе обычаи орочонъ.

сношеніяхъ съ манджурами и даурами, они заимствовали не мало словъ у тѣхъ и другихъ; изъ словъ этого происхожденія особенно многочисленны въ языкѣ манегровъ слова, означающія различныя принадлежности одежды и обихода, предметы роскоши и, наконецъ, нѣкоторые обычаи и обряды, перешедшія къ нимъ равнымъ образомъ отъ этихъ двухъ племенъ [1]).

Въ формѣ лица манегры представляютъ замѣчательныя противуположности: у иныхъ лицо широкое, чисто монгольское; при этомъ маленькій носъ и выдающіяся скулы; у другихъ — и такіе попадаются нерѣдко — лицо овальное, черты благородныя, скулы весьма пропорціональныя, носъ длинный, прямой или немного горбатый. Манегры малорослые, съ тонкими, какъ у орочоновъ, конечностями, составляютъ исключеніе; напротивъ, въ большинствѣ случаевъ это люди крѣпкаго, сильнаго сложенія и средняго или даже высокаго роста.

Зимнія и лѣтнія жилища манегровъ совершенно одинаковы, съ тою только разницею, что послѣднія строятся не такъ плотно, какъ первыя. Эти жилища такія же юрты (джу), въ какихъ живутъ и орочоны. Остовъ каждой юрты состоитъ, смотря по величинѣ семьи, изъ 20 — 40 жердей, расположенныхъ конусомъ. Основу этого остова составляютъ 6 главныхъ жердей, изъ коихъ 4 расположены попарно, при чемъ одна такая пара приходится какъ разъ противъ другой. Между жердями одной изъ паръ устраивается дверь. Остальныя жерди располагаются между 6 главными, которыя, ради устойчивости, сцѣпляются между собою своими развилинами. Внутри юрты имѣются еще двѣ перекладины, на которыя вѣшается котелъ; онѣ держатся на четырехъ парныхъ жердяхъ. Впрочемъ, иногда, такія перекладины замѣняются треногой. Юрта обшивается снаружи берестой, играющею вообще очень видную роль въ хозяйствѣ тунгуса; на зиму къ берестѣ присоединяютъ еще и полувыдѣланныя лосиныя кожи, которыми укутывается преимущественно нижняя часть такой юрты. Дверь завѣшивается полостью, сдѣланною изъ лосиной шкуры или сшитою изъ рыбьихъ кожъ. По серединѣ юрты находится очагъ; отступая аршинъ отъ него, полукружіемъ располагаются лежанки изъ сѣна, прикрытаго мѣховыми ковриками. Каждый изъ членовъ семьи имѣетъ свою собственную лежанку; тѣ изъ нихъ, которыя находятся налѣво отъ входа принадлежатъ старшимъ въ семьѣ; мѣсто, находящееся противъ двери, въ самой глубинѣ

[1]) Маакъ, l. c., стр. 69 и слѣд.

юрты, считается почетнымъ и назначено для гостей надъ нимъ обыкновенно вѣшается кумиръ; его могутъ занимать только мужчины, женщины же, какъ существа нечистыя, на него не пускаются.

Для сбереженія зимнихъ запасовъ, а также и другого имущества, напримѣръ, одежды, манегры устраиваютъ въ лѣсахъ около юртъ особенныя подставки (ёвланъ, дёлканъ). Дёлканъ состоитъ изъ нѣсколькихъ, врытыхъ въ землю кольевъ, 5—7 фут. высотой, на которыхъ и утверждена жердяная настилка; крышей служитъ береста.

Въ одеждѣ манегровъ много позаимствованнаго отъ манджуровъ; и хотя нѣкоторыя ея части все еще продолжаютъ сохранять тунгусскій покрой, но въ общемъ манджурскій элементъ въ ней все же преобладаетъ. Различныя части одежды нерѣдко пріобрѣтаются даже готовыми у торговцевъ или шьются изъ китайскихъ матерій.

Одежда мужчинъ состоитъ изъ спускающагося ниже колѣнъ халата (чамча), который надѣвается прямо на тѣло. Лѣтомъ иногда кромѣ этого платья не носятъ никакого другого, иногда же поверхъ чамчи одѣваютъ еще: дёкёли—безрукавку и короткій кафтанъ—голами. Зимнею верхнею одеждою служитъ манджурскаго покроя шуба — сюпъ, сшитая изъ обращенныхъ мѣхомъ наружу косульихъ шкуръ. Какъ шуба, такъ и чамча, подпоясываются жгутомъ изъ тонкихъ ремешковъ или поясомъ изъ конскихъ волосъ. Нижняя часть одежды состоитъ изъ тунгузскаго покроя короткихъ штановъ и штиблетъ. Обувь состоитъ изъ лосиной кожи сапоговъ, одѣваемыхъ лѣтомъ и при томъ только въ сухую погоду, и сапоговъ съ высокими голенищами, сшитыхъ изъ шкуръ, содранныхъ съ лосиныхъ или лошадиныхъ ногъ; послѣдніе предназначаются для холоднаго времени года. Впрочемъ, у богатыхъ манегровъ появились въ послѣднее время и китайскіе сапоги. Излюбленнымъ головнымъ убором манегровъ являются поярковыя манджурскія шапочки; бѣдные манегры шьютъ себѣ подобныя шапочки изъ подходящаго мѣха. Зимой этотъ головной уборъ замѣняетъ высокая и широкая шапка, подбитая всегда мѣхомъ и крытая либо сукномъ, либо плисомъ; на вершинѣ ея находится пуговка, отъ которой назадъ спускаются двѣ шелковыя или суконныя ленты.

Волосы свои манегры заплетаютъ въ косу, въ которую тѣ, кто побогаче, вплетаютъ еще черные шелковые шнурки для того, чтобы она казалась длиннѣе.

Каждый манегръ, согласно установившемуся среди всѣхъ

кочевыхъ и бродячихъ азіатскихъ народовъ обычаю, носитъ на поясѣ кисетъ, мѣшокъ для трубки, огниво, ножъ и проч. Нѣкоторые изъ нихъ носятъ кольца, но почти всѣ имѣютъ браслеты.

Нарядъ женщинъ отличается отъ мужского только тѣмъ, что халаты у нихъ нѣсколько длиннѣе и обшиты украшеніями, которыя или вовсе отсутствуютъ на мужскихъ, или, если и встрѣчаются, то въ исполненіи менѣе тщательномъ. Тоже самое можно сказать, какъ объ обуви, такъ и о головныхъ уборахъ женщинъ и дѣвушекъ. Послѣднія отличаются отъ замужнихъ особаго рода шапочкой и повязкой дёрбёки, представляющей довольно широкую ленту, вышитую разноцвѣтными бусами и металлическими украшеніями; она идетъ по лбу, охватываетъ косы и закалывается на затылкѣ.

Для защиты отъ жара нѣкоторые манегры пользуются вѣеромъ; другіе съ тою же цѣлью, а также и для защиты отъ мошекъ и комаровъ, носятъ остроконечныя шляпы изъ легкой матеріи, спускающіяся до плечъ и такимъ образомъ прикрывающія какъ голову, такъ и шею.

Очень часто манегры женятся на малолѣтнихъ дѣвочкахъ. Въ этихъ случаяхъ жена и въ томъ возрастѣ, въ которомъ еще неспособна къ отправленію супружескихъ обязанностей, живетъ въ юртѣ своего мужа, но въ качествѣ служанки, исполняя всѣ домашнія работы. Такая супруга, покуда не сдѣлается настоящею женою, носитъ на головѣ, служащую знакомъ дѣвичества, повязку—дёрбёки.

Отъ постоянныхъ сношеній съ китайцами и манджурами манегры утратили уже нѣкоторыя изъ тѣхъ качествъ, которыя дѣлаютъ столь привлекательнымъ характеръ ихъ соплеменниковъ — тунгусовъ верховій Буреи и Зеи. Они лживы и лицемѣрны. Но воровство и у нихъ до сихъ поръ еще—явленіе рѣдкое.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ одной очень странной чертѣ ихъ нравовъ—чертѣ, служащей поводомъ къ многочисленнымъ недоразумѣніямъ. Манегръ никогда не скажетъ, какъ зовутъ того или другого изъ взрослыхъ его соплеменниковъ. Если къ нему обратиться съ такимъ вопросомъ, «какъ зовутъ твоего сосѣда?», то въ отвѣтъ всегда получишь: «тотъ, о комъ ты спрашиваешь, сынъ или отецъ такого-то». Собственнаго своего имени онъ также не назоветъ, если же на этомъ станутъ настаивать, то непремѣнно солжетъ. Обычай этотъ не соблюдается только по отношенію къ малолѣтнимъ.

Главное занятіе мужчинъ составляютъ рыбная ловля и охота. Какъ только ледъ на Амурѣ тронется, они тотчасъ же приступаютъ къ ловлѣ осетра и калуги. Эта ловля производится или переметами или, и это чаще, съ помощью остроги (гидда). Она состоитъ изъ тонкой до 4 саж. жердины, къ нижнему концу которой привязанъ короткимъ, но толстымъ шнуромъ большой желѣзный крючекъ съ обращенною назадъ зазубриною около острія. Весьма часто такихъ крючковъ бываетъ два, каждый на особой веревкѣ. Каждый крючокъ имѣетъ на концѣ, противуположномъ острію, небольшой выступающій зубчикъ; этимъ концомъ крючокъ вставляется въ прикрытое сверху жолобкообразное утлубленіе, находящееся на нижнемъ концѣ жердины, и зубчикомъ укрѣпляется въ этомъ углубленіи такъ однако-же, что держится въ немъ очень слабо. Къ нижнему же концу жердины прикрѣплена длинная бичева съ поплавкомъ. Употребляется эта острога различно, смотря по высотѣ воды. Когда она высока, манегры отправляются на ловлю обыкновенно вдвоемъ въ берестянкѣ: одинъ управляетъ лодкой, другой бросаетъ острогу. По легкому волненію на поверхности, они угадываютъ направленіе, взятое рыбой, и гарпунщикъ пускаетъ острогу. Палка, ударившись въ рыбу нижнимъ концомъ, сотрясается, отчего крючки выскакиваютъ изъ углубленій, въ которыхъ лежали, и глубоко впиваются въ рыбу. Рыба будучи ранена, иногда только легко, начинаетъ метаться во всѣ стороны и рыбаки пускаются за нею въ погоню. При этой погонѣ они подвергаются иногда немалой опасности, потому что огромная, иногда до двухъ саженей рыба, раздраженная ранами, сильно бьетъ хвостомъ и легко можетъ потопить берестянку. Поплавокъ дастъ возможность слѣдить за всѣми движеніями рыбы, которыя постепенно становятся все медленнѣе и медленнѣе. Наконецъ, рыбаки отваживаются подъѣхать къ ней на близкое разстояніе и добить ее окончательно.

При малой водѣ способъ охоты видоизмѣняется. На отмели, если возможно, гдѣ-нибудь на серединѣ рѣки, устраивается «обсерваторія»—дѣлкёнъ, состоящая изъ трехъ всаженныхъ въ песокъ кольевъ и настилки. На нее взбирается одинъ изъ рыбаковъ въ то время, какъ другой находится по близости, въ берестянкѣ, и держитъ на готовѣ острогу. «Гиддала калъ!», что значитъ — «бей острогой!» кричитъ первый изъ нихъ, завидя рябъ на водѣ, и берестянка несется въ указанномъ направленіи, острога бросается, и рыба дѣлается добычей охотника. При этомъ нельзя не изумляться, замѣчаетъ

Орловъ [1]), той ловкости и быстротѣ, съ какою манегръ или орочонъ гонятся за рыбою. Но еще поразительнѣе это зрѣлище, когда ему удается ударить рыбу и она начинаетъ бросаться во всѣ стороны, а легкій орочонъ успѣваетъ за нею вертѣться на своей омурочи (т.-е., берестянкѣ).

Хотя, безъ сомнѣнія, охота съ острогой возможна только тамъ, гдѣ водится множество рыбы; но съ другой стороны надо отдать и полную справедливость туземцамъ Амура: долговременная и постоянная практика развила въ нихъ замѣчательную быстроту работы безъ промаха; къ тому же и зоркость ихъ имъ значительно помогаетъ. Утверждаютъ, что уссурійскій орочонъ видитъ рыбу на глубинѣ аршина и на разстояніи саженей трехъ отъ лодки [2]). Почти на такомъ же разстояніи онъ бросаетъ свою остроту и почти всегда съ совершеннымъ успѣхомъ.

У манегровъ также въ обычаѣ лучить рыбу, но лучатъ только кэту, заходящую въ Кумару [3]).

Зимою рыболовствомъ занимаются только богатые манегры, которые имѣютъ возможность ставить на Амурѣ заколы. Каждый такой заколъ состоитъ изъ ряда жердей съ переплетомъ изъ ивовыхъ вѣтвей между нами. Онъ опускается на дно поперекъ рѣки черезъ узкую прорубь и имѣетъ своимъ назначеніемъ задержать ходъ рыбы. Въ немъ оставляютъ одно или два отверстія и надъ каждымъ изъ послѣднихъ устраивается на льду небольшая коническая юрта, закрытая со всѣхъ сторонъ шкурами и древесными вѣтвями. По серединѣ юрты надъ отверстіемъ закола вырубается прорубь. Надъ этою-то прорубью и сидитъ рыболовъ, выжидая добычи. Благодаря совершенной темнотѣ въ юртѣ и освѣщенію воды черезъ окружающій ледъ, каждая выходящая изъ отверстія рыба ясно видна и онъ безъ промаха бьетъ ее своею острогой на выборъ [4]).

Кромѣ берестянокъ манегры имѣютъ еще большія, до 4 саж. длиною, лодки (катука), служащія преимущественно для переселеній съ одного мѣста жительства на другое, а также въ нѣкорыхъ случаяхъ и для ловли.

Охота послѣ рыбной ловли составляетъ важнѣйшее занятіе манегра. При охотѣ на лося и оленя (Cervus elaphus) въ періодъ течки манегры употребляютъ тонкій, не круто изог-

---

[1]) L. c., стр. 194.

[2]) Варпаховскій, l. c., стр. 235.

[3]) Этотъ способъ ловли распространенъ и среди другихъ инородцевъ Амура. Ср. Варпаховскаго—«Рыбный промыселъ въ водахъ Сибири», стр. 235.

[4]) Маакъ, l. c.

нутый деревянный рогъ около $1^1/_2$ арш. длиною: играя на этомъ рогѣ охотники весьма искусно подражаютъ призывному крику самца и такимъ образомъ подманиваютъ къ себѣ животныхъ.

Засѣки (охоръ) на тѣхъ же животныхъ устраиваются такимъ же образомъ, какъ и у орочоновъ и прочихъ тунгусовъ. Разница заключается только въ томъ, что стрѣлы приложенныхъ въ проходахъ самострѣловъ принято у нихъ отравлять гнилымъ жиромъ. Отъ этого все мясо убитаго животнаго получаетъ гнилостный запахъ, зато раненое животное падаетъ близко; къ тому же этотъ запахъ не кажется манеграмъ противнымъ.

Работы, приходящіяся на долю женщинъ, у манегровъ гораздо многочисленнѣе, чѣмъ лежащія на мужчинахъ. Мужчины не знаютъ никакихъ домашнихъ работъ; они только ловятъ рыбу, охотятся, да ѣздятъ, и то недалеко, по торговымъ дѣламъ [1]). Женщины же рубятъ и носятъ дрова, устанавливаютъ юрту, изготовляютъ различныя части одежды и конской сбруи и плетутъ сѣти; на ихъ же обязанности лежитъ выдѣлка кожъ и приготовленіе берестяныхъ листовъ. Лошади также всецѣло находятся на ихъ попеченіи. Когда манегры отправляются въ какую-нибудь поѣздку, ихъ жены должны поймать, осѣдлать и навьючить лошадей, а когда они воротятся—разсѣдлать, стреножить и поставить на пастбище.

Изъ домашнихъ животныхъ манегры держатъ только лошадей и собакъ.

Орочоны и оленные тунгусы, хотя и шаманятъ, но все же числятся православными [2]); манегры же даже наружно остаются язычниками, и шаманы по-прежнему играютъ въ ихъ жизни довольно видную роль.

Только по сохранившемуся у манегровъ преданію, пишетъ Маакъ [3]), знаемъ мы, что въ прежнія времена мѣсто лошадей у нихъ заступали сѣверные олени и что, слѣдовательно, это племя вело когда то другой образъ жизни. Академику Шренку удалось съ извѣстною точностью опредѣлить это время. Первое извѣстіе о манегирцахъ, пишетъ онъ [4]) относится къ XVII ст. Въ 1647 г. промышленникъ Вижевцовъ показалъ, что, занимаясь промысломъ, онъ провелъ оба предшествовавшіе года

---

[1]) Маакъ очевидно, не признаетъ охоту на звѣря дѣломъ особенно труднымъ, потому что, перечисляя женскія работы, называетъ трудъ ихъ болѣе тягостнымъ, чѣмъ повседневныя мужскія занятія.

[2]) См. у Миддендорфа, Орлова и др. объ этомъ предметѣ.

[3]) L. c., стр. 77.

[4]) «Объ инородцахъ Амурскаго Края» 1883, стр. 183

на Тунгирѣ (прит. Олекмы), куда, между прочимъ, приходили къ нему три тунгуса «Манагири», ходящіе ежегодно на оленяхъ до Шилки (Амура) по маршруту: Тугиръ, Нюкжа, Уръ, т.-е., Урканъ. Нѣтъ сомнѣнія, что за Амуръ, на Кумару, они переселились уже послѣ заключенія Нерчинскаго договора и тогда же перешли отъ оленя къ лошади, въ чемъ косвенно убѣждаетъ насъ и государственная географія Китая, смѣшивающая орочоновъ и манегровъ подъ общимъ названіемъ «оленный народъ» т.-е., «го-лунчунъ» (Pauthier, «Chine moderne» I, p. 168) или «э-лун-чунъ» (Іакинфъ, l. c.). Нѣсколько ранѣе манегровъ на Амуръ переселились бирары, къ которымъ мы и переходимъ теперь.

Бирары. Древнѣйшія извѣстія о бирарахъ относятся ко времени перваго похода русскихъ на Амуръ подъ начальствомъ Пояркова. По своемъ возвращеніи, онъ въ 1646 г. доносилъ, что на Бряндѣ онъ встрѣтилъ оленныхъ тунгусовъ—Уллагири и въ устьѣ Ура оленныхъ же тунгусовъ—Баягири; но что, кромѣ этихъ тунгусовъ, по собраннымъ свѣдѣніямъ, въ верховьяхъ р. Силимбы (т.-е., Селимджы) живетъ еще одно многочисленное тунгусское племя—«Биралы». 35 лѣтъ спустя, былъ посланъ изъ Нерчинска на Зею и Селимджу Игнатій Миловановъ, который донесъ: съ малыми силами брать ясакъ съ тунгусовъ-бираровъ нельзя, да къ тому же за ясакомъ къ нимъ уже наѣзжаютъ даурскіе люди.

Поярковъ называлъ бираровъ «оленными» тунгусами, Миловановъ описываетъ ихъ уже «конными». Сопоставляя эти извѣстія, Шренкъ приходитъ къ тому заключенію, что въ 35-лѣтній періодъ бирары успѣли превратиться изъ оленныхъ въ конныхъ кочевниковъ, но выводъ этотъ намъ кажется сомнительнымъ.

Свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ о бирарахъ, очень скудны. Радде, который въ теченіе многихъ мѣсяцевъ былъ въ сношеніяхъ съ ними, ограничился только замѣчаніемъ, что «die Birar-Tungusen auf einer sehr viel niedrigeren Stufe der Entwickelung stehen, als die Orotschonen und andere Tungus-stämme, welche die Quellzuflüsse des Amurs und der Lena bewohnen» [1]).

Въ нижеслѣдующемъ мы постараемся свести все то, что намъ извѣстно объ этомъ народцѣ.

Границы ихъ перекочевокъ въ точности указаны быть не могутъ; вообще же слѣдуетъ сказать, что они живутъ по

---

[1]) «Beiträge zur Kenutniss des Russischen Reiches» etc. XXIII. 1861., стр. 706.

Буреѣ и на Амурѣ, гдѣ ихъ коническія тростниковыя юрты [1]) уже не стоятъ одиноко, но образуютъ селенія, окруженныя огородами. Впрочемъ, ихъ главными занятіями все же остаются рыбная ловля и охотничій промыселъ. По языку они стоятъ очень близко къ манеграмъ [2]), по тѣлосложенію напоминаютъ болѣе манджуровъ, чѣмъ орочоновъ [3]). Равнымъ образомъ въ нравахъ, въ обычаяхъ и въ одеждѣ бирары представляютъ много общаго со своими западными сосѣдями, т.-е. окитаившимися даурами и манджурами [4]). Что же касается охоты и и рыбной ловли, то въ этомъ отношеніи они нисколько не отступили отъ правилъ, общепринятыхъ у тунгусскихъ племенъ.

Гольды. Къ В. отъ Буреинскихъ горъ, по Амуру и его притокамъ, живетъ тунгусское племя, извѣстное у насъ подъ именемъ «гольдовъ», отождествляемыхъ Шренкомъ [5]) съ «натками» и «ачанами» русскихъ казаковъ, «кеченгами», «хедженами» и «хейдзинами» китайскихъ писателей. Разбирая происхожденіе слова «гольдъ», которымъ ни одно изъ отдѣленій этого племени себя не называетъ [6]), Шренкъ приходитъ къ такому заключенію, что русскіе передѣлали его изъ гиляцкаго Tscholdok, Tscholdoch (чольдокъ, чольдохъ). Въ настоящее время гольды распадаются на три отдѣленія: «киленовъ» или «кыленовъ», живущихъ по Сунгари и Амуру выше Хабаровска, «ходзовъ» или «ходзеновъ» по Амуру ниже этого города и «мангу» по Уссури [7]). Между этими тремя отдѣлами существуетъ небольшая разница въ одеждѣ и нравахъ, и очень большая въ языкѣ, что, по мнѣнію Шренка [8]), объясняется историческими судьбами этого племени. Во времена Хабарова по Амуру, между устьями Сунгари и Уссури, гольдовъ не было. Здѣсь жили дучеры, остатки нѣкогда могущественнаго народа чжурчженей, царствовавшаго въ Сѣверномъ Китаѣ подъ именемъ династіи Гинь. Послѣ паденія царства Гинь, дучеры удалились на сѣверъ и поселились въ земляхъ гольдовъ — по Амуру, между Буреей и Уссури. Съ появленіемъ же здѣсь казаковъ, они, повинуясь приказаніямъ

---

[1]) Шренкъ замѣчаетъ однако, что ему приходилось видѣть юрты бираровъ, крытыя и берестой. («Reisen und Forschungen im Amur-Lande» III, Lief. 2, 1891., стр. 381).

[2]) Шренкъ («Объ инородцахъ Амурскаго края,» стр. 294).

[3]) Маакъ, l. c., стр. 110, Шренкъ, l. c., стр. 302.

[4]) Маакъ ib., Шренкъ—«Reisen u. Forsch», стр. 409 и 415.

[5]) «Reisen und Forschungen», III, Lief. I, 1881., стр. 146.

[6]) Маакъ и Шренкъ. «Въ сношеніяхъ съ русскими гольды иззываютъ себя—Уссури-гольди, Сунгари-гольди, Амуръ-гольди. (Надаровъ «Очеркъ современнаго состоянія Сѣверно-Уссурійскаго края» Владивостокъ. 1884., стр. 13).

[7]) Надаровъ, ib.

[8]) L. c., стр. 149—150.

изъ Пекина, оставили свою новую родину и ушли на Сунгари. Такимъ образомъ, гольды, послѣ продолжительнаго разъединенія въ концѣ XVII в. снова получили возможность перебраться на излюбленные ими берега южной Амурской дуги; но они явились сюда уже не тѣми, какими были, когда вышли отсюда: вліяніе съ одной стороны манджуровъ, съ другой — гиляковъ сказалось прежде всего на ихъ языкѣ, и въ настоящее время мамгу или киленъ съ трудомъ понимаетъ ходзена [1]).

Гольды скорѣе могутъ быть отнесены къ осѣдлому, чѣмъ бродячему населенію, хотя они мало привязаны къ мѣсту своего жительства. Пока всѣ условія избранной мѣстности хороши, гольды не покидаютъ ее, но чуть измѣнились послѣднія въ худшую сторону, они перебираются на новыя мѣста, безъ сожалѣнія бросая на произволъ судьбы свои фанзы.

О гольдахъ Амурской области, живущихъ нынѣ по Кильмену и Тунгускѣ, мы не встрѣчаемъ въ литературѣ почти никакихъ указаній [2]); но такъ какъ они едва ли существенно отличаются отъ гольдовъ, живущихъ при устьяхъ Уссури, то мы и рѣшимся описывать ихъ, пользуясь прекраснымъ трудомъ Надарова «Сѣверно-Уссурійскій край» и не разъ уже цитированными сочиненіями Маака и Шренка.

Гольды ниже средняго роста, съ широкою, плоскою физіономіей и приплюснутымъ носомъ, толстыми губами, монгольскимъ разрѣзомъ глазъ и выдающимися скулами; волосы у нихъ на головѣ жесткіе, черные, на лицѣ часто русые и въ то же время очень рѣдкіе. Всѣ гольды худощавы, но мускулисты. Кисти ихъ рукъ и ступни ногъ малыя. Мужчины заплетаютъ волосы въ косу; женщины носятъ обыкновенно двѣ косы, а дѣвушки нерѣдко распускаютъ волосы по плечамъ.

Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ на пальцахъ рукъ серебряныя или костяныя кольца, а на рукахъ серебряные или желѣзные браслеты. Женщины сверхъ того носятъ въ ушахъ серьги съ нѣсколько подвѣсками, состоящими преимущественно изъ разноцвѣтныхъ стеклянныхъ и изрѣдка каменныхъ колецъ. Нерѣдко встрѣчаются также франтихи съ одною или нѣсколькими серебряными сережками, продѣтыми черезъ ноздри.

Одежду гольдовъ, какъ мужскую, такъ и женскую, составляютъ: бумажная нижняя рубаха китайскаго покроя, на-

---

[1]) Надаровъ «Сѣверо-Уссурійскій край» («Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». XVII, № 1, стр. 66).

[2]) См. выше, стр. 174, гдѣ упоминается о гольдскихъ юртахъ.

зываемая «кахара»; штаны китайскаго покроя («фуру»), подвязываемыя на ногахъ широкою тесьмой («туйба»); длинная верхняя рубаха («покто») изъ цвѣтной китайской дабы, украшенная шитьемъ или обшивкой; куртка изъ сыромяти или рыбной кожи, взамѣнъ которой иногда одѣвается и подбитая ватой курма; ватные китайскіе наколѣнники («каро»); такіе же кожанные наколѣнники («уика»)[1]; теплая изъ косульяго мѣха куртка, шерстью вверхъ; гольдская шапочка («аго») и обувь («ута»). Послѣдняя представлятъ родъ туфель безъ подошвъ; ее носитъ почти все казачье населеніе на Уссури подъ названіемъ «олочъ». Для зимы эти олочи шьются изъ рыбьей кожи, а для лѣта—изъ кожи дикаго кабана. Въ лѣтнее время для предохраненія себя отъ такъ называемаго гнуса (мошка, комары, слѣпни, оводы и проч.) гольды одѣваютъ на голову особаго покроя капюшонъ, совершенно сходный съ капюшономъ нашихъ монахинь, причемъ незакрытыми остаются только носъ, ротъ и глаза.

Обыкновенно гольды живутъ въ глинобитныхъ постройкахъ, въ миніатюрѣ напоминающихъ китайскую фанзу, рѣже, какъ напримѣръ, по Тунгуру,—въ китайскихъ юртахъ, выстроенныхъ, повидимому, по образцу, сходному съ общепринятымъ у народовъ тунгузскаго племени.

Жизнь гольда обыкновенно протекаетъ такъ: весною, если рѣка уже вскрылась отъ льда, мужчины встаютъ раньше женщинъ, съ разсвѣтомъ садятся въ свои оморочи и отправляются бить рыбу острогой, ловить ее сѣтями или осматривать переметы со снастями для лова осетровъ или калуги. Женщины, вставши, въ свою очередь принимаются за работу—варятъ пищу (рыбу) одновременно, но въ разныхъ котлахъ, себѣ и собакамъ.

Гольды питаются преимущественно мясомъ дикихъ звѣрей, козуль, изюбрей, лосей, медвѣдей, дикихъ кабановъ и пр., а также—рыбой. Мучной пищи употребляютъ очень мало; напримѣръ, семейство гольда, состоящее изъ шести лицъ, потребляетъ въ теченіе года около 20 пуд. буды (проса) и 20 п. майцзы (пшеничной муки); да и это количество нельзя принимать за норму, такъ какъ далеко не всѣ гольды въ состояніи пріобрѣтать покупкой подобное количество хлѣба. Соли употребляютъ очень мало; зато овощей ѣдятъ много. При каждой почти фанзѣ имѣется огородъ, въ которомъ разводятъ кукурузу, тыквы, китайскую капусту, рѣдьку, лукъ, перецъ, чеснокъ и

[1] Въ другомъ мѣстѣ Надаровъ называетъ ихъ «цики» (l. c., стр. 68).

бобы. Лѣтомъ и въ особенности осенью, когда созрѣваетъ виноградъ, дикіе яблоки и голубица, гольды ѣдятъ эти ягоды въ большомъ количествѣ, а виноградъ варятъ до тѣхъ поръ, пока не получится густая, кисло-сладая масса, хорошо сохраняющаяся въ прокъ. Виноградъ въ мѣстностяхъ, занятыхъ гольдами Амурской области, не растетъ, но зато здѣсь взамѣнъ его гольды въ изобиліи находятъ клюкву, морошку, рябину и другія произведенія сѣверныхъ странъ.

Осмотрѣвъ рыболовныя снасти и наловивъ рыбы, гольды возвращаются домой и вмѣстѣ съ семьей принимаются за ѣду. Ѣдятъ палочками изъ деревянныхъ чашекъ. Каждый членъ семьи имѣетъ свою отдѣльную чашку. Послѣ ѣды мужчины снова отправляются на добычу рыбы или занимаются работами по исправленію лодокъ и рыболовныхъ принадлежностей, въ чемъ имъ помогаютъ и женщины, на долю которыхъ выпадаетъ обыкновенно немало работы; такъ, онѣ обязаны: чистить и приготовлять въ прокъ рыбу (юкола), выдѣлывать звѣриныя и рыбьи кожи, шить одежду и обувь, украшать узорами и всевозможнаго рода вышивками какъ первую, такъ и такіе предметы, какъ кисеты для табака, напримѣръ, и проч. Во второй разъ въ теченіе дня ѣдятъ около полудня, въ третій—вечеромъ.

Если по близости жилища много звѣря, то мужчины ходятъ и на охоту. Гольды охотятся съ ружьями; на такого-же звѣря, какъ тигръ или медвѣдь, кромѣ того берутъ еще и копье. У всѣхъ гольдовъ имѣются сибирскія малокалиберныя винтовки; китайскихъ же фитильныхъ ружей они вовсе не держатъ.

Лѣтомъ большая часть гольдовъ оставляетъ свои фанзы и перебирается на мѣста, изобилующія рыбой и звѣремъ, гдѣ и располагается въ юртахъ, сдѣланныхъ изъ камыша и бересты. Съ наступленіемъ осени, когда по Амуру и его притокамъ начинается ходъ кэты, для гольдовъ наступаетъ время самой напряженной дѣятельности; тѣмъ болѣе, что одновременно съ ловлей красной рыбы и изготовленіемъ изъ нея юколы для себя и собакъ, ведется обыкновенно и охота на изюбря, лося и сѣвернаго оленя, если, разумѣется, таковые водятся по сосѣдству. По окончаніи лова красной рыбы большинство мужчинъ отправляется на енотовый и соболиный промыслы, продолжающіеся съ поздней осени до конца зимы. Какъ енотовый, такъ и соболиный промыслы производятся главнѣйшимъ образомъ при помощи собакъ, составляющихъ главную основу хозяйства гольдовъ.

Гольды усиленно курятъ табакъ, и этимъ занимаются не только мужчины и женщины, но даже и дѣти.

Появленіе на свѣтъ ребенка, женитьба и похороны сопровождаются у нихъ празднествами, выражающимися главнымъ образомъ въ пьянствѣ.

Когда родится ребенокъ, то на другой день послѣ родовъ собираются родственники и знакомые, ѣдятъ, что успѣли въ ихъ ожиданіи наготовить, и пьютъ хан-шинъ, т.-е., китайскую водку. Если рождается мальчикъ, то хан-шина пьютъ больше: родители испытываютъ большую радость и угощаютъ щедрѣе. При выдачѣ дочери замужъ обыкновенно выкупа не берутъ, ограничиваясь взаимными небольшими подарками. Послѣ родовъ женщина лежитъ день или два, а на третій встаетъ, хотя и увольняется отъ всякихъ работъ по дому и по хозяйству на срокъ около недѣли. Впрочемъ, гольды считаютъ, что та женщина хороша, которая на 3-ій, на 4-ый день послѣ родовъ можетъ уже исполнять всѣ работы.

Всякая женщина считается нечистою послѣ родовъ въ теніе $1^1/_2$ мѣсяца. Въ продолженіе этого періода она ѣстъ и пьетъ изъ отдѣльной чашки, и никто другой, даже мужъ ея, не только не ѣстъ изъ послѣдней, но даже и не прикасается къ ней. Чашка эта, а вмѣстѣ съ ней и вся одежда, которую женщина носитъ въ это время, считаются нечистыми и выбрасываются вонъ по окончаніи періода очищенія.

Обрядъ сватовства происходитъ такъ. Когда мальчику исполнится 14 — 15 лѣтъ, для него подыскиваютъ невѣсту, если таковая не была назначена ему въ дѣтствѣ. Когда невѣста намѣчена, отецъ жениха посылаетъ кого-нибудь изъ родственниковъ или знакомыхъ къ отцу невѣсты сказать, что у такого-то есть сынъ такой-то—не отдадутъ-ли поэтому тѣ за него свою дочь такую-то. Въ случаѣ согласія отецъ жениха идетъ въ домъ невѣсты для переговоровъ. Назначается день, созывается родня и знакомые, которымъ и устраиваютъ пиръ въ домѣ родителей невѣсты. Послѣ пиршества новобрачныхъ уводятъ въ фанзу родителей жениха, гдѣ празднество продолжается и длится иногда болѣе недѣли. Отецъ жениха обязательно даритъ матери невѣсты серьги, а молодой—новую одежду; кромѣ того происходитъ взаимный обмѣнъ подарковъ.

Гольды могутъ имѣть произвольное число женъ, но въ рѣдкихъ случаяхъ пользуются подобнымъ правомъ. Первая жена считается старшею. Случаевъ, когда бы гольды брали себѣ женъ не гольдячекъ, Надарову извѣстно не было.

Когда гольдъ умираетъ, то трупъ его кладутъ въ гробъ, сколоченный изъ кедровыхъ досокъ, на ложе изъ стружекъ, затѣмъ послѣдній зарываютъ въ землю на глубину около 2-хъ четвертей. Поминки заключаются въ слѣдующемъ: въ фанзѣ на почетномъ мѣстѣ стелется цыновка, на которую и укладываются всѣ вещи покойнаго до шапки и трубки включительно; ежедневно на это мѣсто ставится пища и нѣсколько разъ въ день набивается табакомъ и зажигается трубка. Подобныя поминки продолжаются въ теченіе одного года. У зажиточныхъ гольдовъ собирается на похороны до 50 и болѣе душъ, пьянствуютъ по цѣлымъ недѣлямъ и выпиваютъ иногда 2 — 3 ящика хан-шина, т.-е., отъ 10 до 15 ведеръ.

Гольды живутъ семействами. Отецъ есть глава семьи. Сыновья живутъ при немъ; только въ рѣдкихъ случаяхъ сынъ отдѣляется отъ отца при жизни послѣдняго. Послѣ же его смерти, если братья не раздѣлятся, то старшій становится главою семейства. Обыкновенно, однако, они раздѣляются. Старшій въ семьѣ пользуется неограниченною властью.

О числѣ живущихъ въ Амурской области гольдовъ мы не имѣемъ свѣдѣній.

Какъ сообщаетъ Шренкъ, въ долинѣ р. Куры живетъ тунгусское племя Кили. Кили—испорченное въ китайскомъ произношеніи названіе народа, который, вѣроятно, называетъ себя Курагиръ или Бурагиръ. Килійцевъ не посѣщалъ еще никто изъ европейцевъ, хотя съ однимъ изъ нихъ и повстрѣчался на своемъ пути Миддендорфъ [1]).

Осѣдлое инородческое населеніе Амурской области. Въ предѣлахъ изучаемаго края осѣдлое инородческое населеніе разселено въ двухъ мѣстностяхъ: къ востоку отъ Благовѣщенска до станицы Низменной и въ селѣ Благословенномъ, къ востоку отъ Буреинскаго кряжа.

Въ окрестностяхъ Благовѣщенска живутъ неподвѣдомственные нашему управленію китайцы, дауры и манджуры, въ селеніи Благословенномъ—принявшіе подданство, а съ нимъ вмѣстѣ и православіе, корейцы.

Дауры и манджуры, которыхъ меньшинство, до такой степени окитаились, что ни по языку, ни по обычаямъ, ни по костюму, наконецъ, они существенно не разнятся отъ природныхъ

---

[1]) Ср. Шренкъ—«Объ инородцахъ Амурскаго края», обѣ замѣтки о «киляхъ», Но, можетъ быть, кили—тѣже гольды? Амурскіе гольды, и гольды живущіе по Сунгари, называютъ себя «киленами». См. Надаровъ «Сѣверно-Уссурійскій край» («Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» XVII, 1, 1887, стр. 66).

китайцевъ; поэтому мы предполагаемъ знакомиться съ этимъ инородческимъ элементомъ во всей его совокупности, дробя имѣющіяся у насъ о немъ данныя только въ тѣхъ случаяхъ, когда они являются особенно важными и интересными.

По первой статьѣ Айгунскаго договора вопросъ о томъ, въ чьемъ подданствѣ должны оставаться лѣвобережные манджуры, разрѣшенъ былъ въ томъ смыслѣ, что они должны оставаться китайскими подданными [1]). Графу Муравьеву безъ сомнѣнія было важно добиться у китайскаго правительства главнаго—укрѣпленія за Россіей Амура; подобный же частный вопросъ—ничтожный по сравненію съ грандіозною задачей, положенною въ основу всѣхъ дѣйствій этого государственнаго человѣка, былъ совершенно основательно оставленъ имъ временно безъ вниманія. Онъ твердо вѣрилъ, что, съ разрѣшеніемъ главнаго вопроса, частности такъ или иначе будутъ легче улажены. При заключеніи Пекинскаго договора графъ Игнатьевъ, говоря въ ст. I о новой границѣ Россіи, въ такихъ выраженіяхъ редакторовалъ ея заключительныя строки: «Если бы въ вышеозначенныхъ мѣстахъ оказались поселенія китайскихъ подданныхъ, то Русское Правительство обязуется оставить ихъ на тѣхъ же мѣстахъ и дозволить попрежнему заниматься рыбными и звѣриными промыслами». Такимъ образомъ Пекинскій договоръ «разъяснилъ» I ст. Айгунскаго договора въ благопріятномъ для Россіи смыслѣ, т. е. въ смыслѣ признанія земель, занятыхъ манджуро-китайскимъ населеніемъ на лѣвомъ берегу Амура, русскою государственною территоріею, съ обязательствомъ только не препятствовать китайскимъ подданнымъ, поселившимся на этой территоріи до заключенія трактата, пользоваться тѣми угодьями, которыми они пользовались до этого заключенія.

Переходимъ къ обзору современнаго положенія этого автономнаго населенія области.

Оно занимаетъ пространство по берегу Амура протяженіемъ въ 66 верстъ, а въ глубину страны распространяется населенными пунктами и разработанными землями не далѣе 20 верстъ [2]); въ общей же сложности занимаетъ площадь, равную приблизительно 1.400 кв. верстамъ.

---

[1]) «Находящихся по лѣвому берегу р. Амура, отъ р. Зеи на югъ, до деревни Хормольдзинъ, манджурскихъ жителей оставить вѣчно на прежнихъ мѣстахъ ихъ жительства подъ вѣдѣніемъ Манджурскаго Правительства».

[2]) Назаровъ—«Манджуры, дауры и китайцы въ Амурской области». (Приложеніе къ «Извѣстіямъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». 1883 XIV № 1 и 2, стр. 1).

Изъ 63 манджурскихъ поселковъ въ 1883 году только 37 имѣли характеръ селеній, остальные поселки были фанзы, то-есть заимки, стоящія или сгруппированными въ количествѣ отъ 2-хъ до 4-хъ, или обособленно. Къ первой категоріи относятся:

1) *Будинда*. Поселокъ этотъ расположенъ на р. Зеѣ въ 17 вер. выше ея устья и въ 9 вер. выше русской деревни Владимировки. Дворовъ въ немъ 71, жителей об. п. 674, манджуровъ, рабочихъ лошадей 213, рабочихъ быковъ 142.

2) *Малый Алинъ (Бинъ-шань)*, расположенъ на подгорьѣ вер. въ 8 отъ Будинды къ Ю.-Ю.-В. Дворовъ 41, жителей об. п. 533, китайцевъ; рабочаго скота: лошадей 205, быковъ 164.

3) *Большой Алинъ (Дань-шань)* на томъ же подгорьѣ, вер. въ 4 къ Ю. отъ Малаго Алина, состоитъ изъ 129 дворовъ, имѣетъ 1677 жителей об. п., китайцевъ. У нихъ рабочаго скота: 645 лошадей и 520 быковъ. Это второе по величинѣ изъ разсматриваемыхъ селеній. У нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ китайцевъ, какъ напримѣръ, у Маучира, имѣются большія и благоустроенныя хозяйства.

4) *Тундунъ-Алинъ*, на томъ же подгорьѣ, вер. въ 4 къ Ю.-З. отъ Большого Алина, состоитъ изъ 40 дворовъ, имѣетъ 380 жителей, манджуровъ. У нихъ рабочаго скота: лошадей 120, быковъ 80.

5) *Тушхулу*, на томъ же подгорьѣ, вер. въ 4 къ Ю. отъ Тугдунъ-Алина, изъ 27 дворовъ, 257 жителей, манджуровъ, имѣющихъ рабочаго скота: 81 лошадь и 56 быковъ.

6) *Худунь-шань* на томъ же подгорьѣ, вер. въ 4 къ Ю.-З. отъ Тушхулу, состоитъ изъ 33 дворовъ, 429 жителей об. п., китайцевъ, имѣющихъ рабочаго скота: 155 лошадей и 132 быка.

7) *Эльгуза* въ 4 вер. къ В. отъ Худунъ-шаня по дорогѣ во Владимировку, съ 19 двор., 167 жителей об. п., дауровъ. Лошадей 76, быковъ 66.

8) *Хеди-шанъ*, въ $1\frac{1}{2}$ вер. къ Ю.-З. отъ Эльгузы, изъ 370 дворовъ, имѣетъ 481 жителей, китайцевъ, а рабочаго скота: 185 лошадей и 141 быковъ.

9) *Чинъ-дунъ-шань* послѣднее китайское селеніе подгорья, въ $3\frac{1}{2}$ вер. къ Ю.-Ю.-З. отъ Худунъ-шаня. Дворовъ въ немъ 54, жителей 702 об. п., китайцевъ; у нихъ рабочаго скота: 270 лошадей и 216 быковъ.

10), 11) и 12) Одну группу селеній приамурскихъ составляютъ три поселка *Хони-хорху*: *малый*, *большой* и *нижній*. Первый изъ нихъ расположенъ вер. въ 4 ниже устья Зеи, на рукавѣ Амура, при впаденіи въ него, служащей стокомъ об-

ширныхъ болотъ, рѣчки Хони-хорху, и въ 10 вер. къ З. отъ вышеупомянутаго подгорнаго селенія Большого Алина. Второй на томъ же рукавѣ, въ $1\frac{1}{2}$ вер. ниже; третій, наконецъ, $\frac{1}{2}$ вер. ниже, уже на главномъ рукавѣ Амура. Во всѣхъ трехъ селеніяхъ 47 дворовъ, 438 жителей об. п., манджуровъ; у нихъ рабочаго скота: 136 лошадей и 104 быка.

13) *Тундунъ* и 14) *Лахири* въ 1 вер. отъ него. Первое селеніе расположено въ 4 вер. ниже Нижняго Хони-хорху по Амуру, и въ 9 вер. къ З. отъ вышеупомянутаго подгорнаго селенія Тугдунъ-Алинъ. Дворовъ въ обоихъ селеніяхъ 42, жителей об. п. 400, манджуровъ; рабочаго скота: лошадей 124, быковъ 20.

15) *Бордо*, на Амурѣ, въ 4 вер. ниже Тугдуна, съ 24 дворами, 192 жителями об. п., даурами, у которыхъ рабочаго скота: лошадей 72 и быковъ 72.

16), 17), 18) и 19) Одну группу составляютъ приамурскія селенія, которыя можно назвать *противу—Айгунскими*, такъ какъ они расположены противъ китайскаго города Айгуна. Верхнее изъ нихъ, *Манга*, расположено на Амурѣ при впаденіи рч. Айгунъ (иначе Манга), истокомъ которой служатъ ложбины подгорья, у которыхъ находятся селенія Малый и Большой Алины. Манга расположена менѣе 4 вер. ниже Бордо. Верстахъ въ 2 ниже по Амуру расположено селеніе *Сепчи*, на версту далѣе—селеніе *Джо-Айгунъ* (Старый Айгунъ), а еще двѣ версты далѣе — *Серганчи*, на рукавѣ Амура, впадающимъ за селеніемъ въ главное русло Амура, противъ расположенаго на правомъ берегу рѣки китайскаго города Айгуна. Въ группѣ противу-Айгунскихъ селеній 62 двора, 660 жителей, (184 дауровъ, составляющихъ населеніе Манга и Сепчи, 390 китайцевъ обитающихъ въ Джо-Айгунѣ и 155 манджуровъ въ Серганчи). У всѣхъ рабочаго скота: 165 лошадей и 224 быка.

20) и 21) Деревни *Мале* и *Бира* образуютъ еще одну группу селеній: первое въ 3, и второе въ 4 вер. ниже Айгуна. Въ обѣихъ 39 дворовъ, 370 жителей об. п., манджуровъ, рабочаго скота: 117 лошадей и 78 быковъ.

22) и 23) *Донъ-чи-фа* и *Була-манга* образуютъ третью группу приамурскихъ селеній: первое изъ нихъ, небольшое, въ 4 вер. ниже Биры, а второе, значительное, въ $1\frac{1}{2}$ вер. ниже перваго. Въ *Донъ-чи-фа* 10 дворовъ, 85 жителей об. п., дауровъ, а рабочаго скота: 30 лошадей и 20 быковъ. Въ *Була-манга* 63 двора, 593 жителя об. п., манджуровъ, 189 рабочихъ лошадей и 126 быковъ.

24) Послѣднее китайское поселеніе на лѣвомъ берегу Амура

есть *Тулхада*, въ 16 вер. ниже Була-манга. Оно состоитъ изъ 46 дворовъ, 530 жителей об. п., дауровъ, имѣющихъ рабочаго скота: 164 лошади и 138 быковъ.

Остальныя манджуро-китайскія селенія расположены уже не на берегу Амура и не на подгорьѣ, а на разстилающейся между Амуромъ и подгорьемъ низменности. Селенія эти слѣдующія.

25) *Голинфа*, на полпути между подгорнымъ селеніемъ Тугдунъ Алинъ и приамурскимъ селеніемъ Тугдунъ, на рч. Айгунъ. Оно состоитъ изъ 12 дворовъ, 114 жителей, манджуровъ; у нихъ рабочаго скота: 36 лошадей и 24 быка.

26) *Шань-шань*, маленькая деревенька на полпути изъ Худунъ-шаня въ Манга, съ 6 дворами, 78 жителями, китайцами, имѣющими рабочаго скота: 36 лошадей и 24 быка.

27) *Сыдъ-чаза*, деревня въ 5 вер. къ Ю.-В. отъ Чинъ-дунь-шаня, по дорогѣ къ Айгунскому перевозу, состоитъ изъ 12 дворовъ, имѣетъ 155 жителей об. п., китайцевъ, у которыхъ рабочаго скота: лошадей 72, быковъ 60. У одного изъ здѣшнихъ китайцевъ, Санье, имѣется большое и благоустроенное хозяйство.

28), 29), 30) и 31) *Норъ-Токсо*, въ 6 вер. къ Ю. отъ Чинъ-дунь-шаня, составляетъ одну группу съ сосѣдними маленькими деревушками: *Фе-Токсо* (ее не слѣдуетъ смѣшивать съ одноименною значительною деревнею, о которой будетъ упомянуто ниже подъ № 32) и *Тугдунъ*, расположенными въ 3 и $2^1/_2$ вер. къ З. и Ю. отъ Норъ-Токсо и деревенькою *Хету Биргань*, отстоящею отъ послѣдней вер. въ $3^1/_2$ къ Ю.-З. Во всѣхъ четырехъ деревняхъ дворовъ 30, жителей 231 об. п., въ томъ числѣ 109 дауровъ (всѣ жители Норъ-Токсо), остальные манджуры. У нихъ рабочихъ лошадей 90, быковъ 62.

32) и 33) Еще одну группу составляютъ деревни: *Фе-Токсо (Лантунъ)*, вер. въ 6 къ Ю.-З. отъ *Норъ-Токсо*, состоящая изъ 27 дворовъ, 276 жителей об. п., манджуровъ (у нихъ рабочаго скота: лошадей 81, быковъ 70) и лежащая въ 2 вер. къ В., отъ Фе-Токсо—*Тай-Пингу*, состоящая изъ 18 дворовъ, 172 жителей об. п., манджуровъ, имѣющихъ рабочаго скота: 540 лошадей и 40 быковъ.

34) *Алинъ Токсо (Санiади-Алевуда)*, вер. въ $3^1/_2$ южнѣе Фе-Токсо, состоитъ изъ 37 дворовъ и имѣетъ 350 жителей об. п., дауровъ, у которыхъ рабочаго скота: лошадей 111, быковъ 80.

36) *Большой Гильчинъ* самое большое изъ всѣхъ манджуро-китайскихъ селеній лѣваго прибрежья Амура, находится вер. въ 7 къ Ю. отъ Алинъ-Токсо и вер. въ 9 ниже расположеннаго на подгорьѣ русскаго волостного селенія Гильчинъ на

берегу р. Гильчина. Большой Гильчинъ, самое людное изъ китайскихъ селеній, состоитъ изъ 205 дворовъ, имѣетъ 2490 жителей об. п., китайцевъ, у которыхъ рабочаго скота: 1020 лошадей и 800 быковъ. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ китайцевъ, какъ напримѣръ, Ландзи, славятся хорошими и благоустроенными хозяйствами.

34) *Малый Гильчинъ*, менѣе 3 вер. къ Ю. отъ предшествовавшаго,—также большое селеніе, имѣющее 50 дворовъ, 650 жителей об. п., китайцевъ, у которыхъ рабочаго скота: 250 лошадей и 200 быковъ.

35), 36) и 37) Къ Гильчинской группѣ селеній относятся еще деревушки: *Чунъ-ди-вопунъ*, въ 3 вер. къ С.-В. отъ Малаго Гильчина, въ 3 двора, съ 29 жителей об. п., китайцевъ, (рабочихъ лошадей 18, быковъ 12). *Шито-пауза*, въ 4 вер. къ З.-Ю.-З., отъ Большого Гильчина, съ 16 двор. и 152 жителями, об. п., манджурами, (рабочихъ лошадей 48, быковъ 32). *Дайре*, въ 5 вер. отъ послѣдней и уже въ $1^1/_2$ отъ Амура, нѣсколько выше впаденія въ него р. Гильчина, съ 4 двор. и 40 жителями об. п., манджурами, (рабочихъ лошадей 12, быковъ 12).

Остальные 26 поселковъ не болѣе, какъ отдѣльныя фанзы.

Во всѣхъ перечисленныхъ 37 селеніяхъ и 26 хуторахъ, по обстоятельному исчисленію Назарова [1]) было въ 1883 году 1266 дворовъ съ 13923 жителями об. п.; и у нихъ рабочаго скота, 5390 лошадей и 4008 быковъ. Послѣ этого исчисленія манджуро-китайскаго населенія, насколько намъ извѣстно другого не производилось, а потому губернаторскіе отчеты за 1884—91 повторяютъ туже цифру 14000. Исчислять, сколько изъ этого населенія принадлежитъ даурской, манджурской и никанской (китайской) народностямъ, очень трудно потому, что всѣ три племени, при своемъ смѣшеніи, вообще сильно окитаились, а потому и цифры приводимыя разными авторами въ разное время для каждой изъ трехъ народностей не имѣютъ значенія и судить по нимъ о томъ, что какая-либо изъ этихъ народностей (напримѣръ, даурская) убываетъ, было бы неправильно. Но такъ какъ Назаровъ тщательно обозначаетъ, какой изъ поселко́въ заселенъ даурами, манджурами и китайцами, то мы можемъ съ достовѣрностью сказать, что въ даурскихъ поселкахъ

---

[1]) Обстоятельный трудъ подполковника ген. штаба Назарова: «Записка о китайскихъ поддапныхъ Амурской области» съ его рисунками и картою обнародованъ въ драгоцѣнномъ изданіи генералъ-губернатора Анучина: «Сборникъ главнѣйшихъ оффиціальныхъ документовъ по упр. Восточной Сибири», сдѣлавшемся библіографическою рѣдкостью, такъ какъ оно выходило въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. См. т. IV, Инородческое населеніе Приамурскаго края. Выпускъ 1-й Инородцы Амурской области. Иркутскъ, 1883, стр. 17—47.

живетъ 1700 об. п., въ манджурскихъ 4400, а въ китайскихъ остальные 7900.

Манджуро-дауро-китайскіе поселки расположены, какъ мы видѣли при исчисленіи отдѣльныхъ селеній, въ трехъ типахъ мѣстностей а) на подгорной террасѣ, ограничивающей Амурскую низменность и своею окраиною простирающейся отъ Будинды по Зеѣ до русскаго поселка Низменнаго на Амурѣ, гдѣ эта окраина подходитъ непосредственно къ руслу рѣки; б) на берегу Амура и в) на низменности, разстилающейся между этою террасою и Амуромъ. На подгорной террасѣ расположены первыя 9 изъ вышепоименованныхъ селеній, въ которыхъ считается 460 дворовъ и около 5000 жителей. Селенія эти владѣли на террасѣ пространствомъ земли въ 160 кв. верстъ, вдающихся трехъугольникомъ въ земли русской Гильчинской волости и частію захваченныхъ ими въ недавнее время. На террасѣ, имѣющей прекрасную, черноземную почву, пахатныя земли манджуро-китайцевъ занимаютъ, при ихъ многопольной системѣ хозяйства, сплошныя пространства. На берегу Амура расположены перечисленныя далѣе въ приведенномъ выше перечнѣ (подъ № 10—24), 15 селеній, заключающія въ себѣ 330 дворовъ и до 4100 жителей. Остальныя 13 селеній расположены на низменности, между окраиною подгорной террасы и русломъ Амура. Въ нихъ 416 дворовъ и до 4900 жителей, если присоединить сюда и множество фанзъ, разбросанныхъ въ этой низменности. На низменности манджуро-китайскія поля располагаются только на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ, незатопляемыхъ водою, причемъ мѣста низменныя, неудобныя для землепашества вообще избѣгаются. Вотъ почему сѣвернѣе параллели Айгуна манджуро-китайскіе поселки между окраиною террасы и прибрежьемъ Амура рѣдки, и на оборотъ, около Гильчина, гдѣ есть сколько-нибудь возвышенныя площадки, сосредоточилось большое манджуро-китайское населеніе, обладающее и обширными пашнями.

Вообще, низменность между нагорною террасою и Амуромъ, отъ устья Зеи до поселка Низменнаго, находилась до 1885 г. въ ненарушимомъ пользованіи обитателей исчисленныхъ выше манджуро-китайскихъ поселковъ, (№№ 10—37), и только въ свободныхъ между китайскими селеніями промежуткахъ, жители Благовѣщенска и нѣкоторыхъ селеній русской Гильчинской волости пользовались безпрепятственно покосами; причемъ никогда, собственно на этой площади, не возникало споровъ между китайскими подданными и русскими. Другое дѣло на подгорной террасѣ. Здѣсь манджуро-китайцы

постоянно стремились къ захватамъ и старались распространить свою территорію вглубь страны, чему способствовало расположеніе 9 китайскихъ селеній на окраинѣ подгорной террасы. Конецъ этимъ захватамъ положилъ рядъ разумныхъ и энергичныхъ мѣръ, принятыхъ въ 1884 году генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири Анучинымъ. Мѣры эти заключались, во-первыхъ въ правильномъ обмежеваніи земель, предоставленныхъ русскимъ Правительствомъ въ пользованіе китайскихъ подданныхъ на лѣвомъ берегу Амура. Количество ограниченныхъ такимъ образомъ земель, вмѣсто предполагавшихся прежде 145800 дес., составило всего только 108,000 дес., на которыя собственно и признаны были права манджуро-китайцевъ [1]). Межи пройдены плугами въ двѣ глубокія борозды, мѣстами устроены межевыя ямы, но межевыхъ столбовъ нельзя было поставить по полному отсутствію въ этихъ мѣстахъ лѣса. Практическія затрудненія встрѣтились только на пади Алинь, то-есть тамъ, гдѣ манджурскіе захваты глубже всего вторглись въ простирающуюся по нагорной террасѣ русскую территорію. Тутъ пришлось отрѣзать у манджуръ нѣкоторыя пашни ихъ недавняго захвата. Граница прошла вблизи проведенной генералъ-губернаторомъ на подгорной террасѣ дороги и телеграфной линіи, причемъ и всѣ станціи были, конечно, выстроены на русской территоріи и предписано было избѣгать постановки телеграфныхъ столбовъ на манджуро-китайскихъ пашняхъ. Съ другой стороны и на самомъ берегу Амура, на 66-верстномъ протяженіи описываемой территоріи, были кое-гдѣ поставлены казачьи посты и устроены переправы черезъ рѣку.

Наконецъ, для надежнаго охраненія земель, навсегда изъятыхъ изъ владѣнія манджуро-китайцевъ, участки этихъ земель были розданы желавшимъ поселиться въ заимкахъ на своихъ земляхъ приписавшимся къ Благовѣщенскимъ мѣщанамъ, молоканамъ, выходцамъ изъ Воронежской губерніи, гдѣ они исключительно занимались земледѣліемъ. Рядъ такихъ заимокъ и новыхъ поселковъ русской Гильчинской волости послужилъ твердымъ оплотомъ противъ распространенія, вглубь страны, манджуро-китайцевъ Амурской области. Хотя намъ достовѣрно неизвѣстно были-ли какія приселенія манджуро-китайцевъ на лѣвый берегъ Амура, со времени занятія его русскими, но

---

[1]) Распоряженія генералъ-губернатора особенно обстоятельно изложены въ постановленіи его отъ 9 декабря 1883 г., по вопросу о прекращеніи возможности китайскому населенію, оставленному по Айгунскому договору на лѣвомъ берегу Амура, распространять захваты внутрь Амурской области. См. Сборн. глав. оффиц. докум. по упр. Восточной Сибирью, изд. по распоряж. генер.-губер. Анучина. Т. VIII, ч. 2-я, 1884, стр. 93—109.

едва-ли такія приселенія уже могли совершиться послѣ принятыхъ съ 1884 года мѣръ. Очевидно, что договоръ, обязывающій насъ сохранять за манджуро-китайцами, которыхъ уже застало на лѣвомъ берегу Амура занятіе русскими Амурской области, состоявшія въ ихъ пользованіи земли и угодья, отнюдь не обязываетъ насъ принимать новыхъ выходцевъ изъ Китая на русскую государственную территорію.

Кореннымъ, давнимъ населеніемъ всего этого пространства считаются манджуры и дауры. Къ этимъ двумъ народностямъ приселялись впослѣдствіи китайцы, высланные за преступленія изъ Внутренняго Китая. Въ настоящее же время эти народности различаются между собою только по языку и нѣсколько по типу лица; впрочемъ, онѣ свободно понимаютъ другъ друга и почти всѣ говорятъ по-китайски или со включеніемъ въ свою рѣчь множества китайскихъ словъ.

Жилища—фанзы—строятся у всѣхъ по одному и тому же шаблону, выработавшемуся тысячелѣтіями въ Китаѣ. Обыкновенно онѣ строятся такъ. Въ мѣстѣ расположенія лицевой, боковыхъ и задней стѣнъ врываются въ землю 10 вертикально поставленныхъ четыреугольныхъ опорныхъ брусьевъ, причемъ, кромѣ угловыхъ, на лицевую и заднюю стѣны приходятся по два бруса, а на боковыя—по одному. На эти опорные брусья кладутся поперечныя, стесанныя съ четырехъ стронъ, балки; поперечныя балки опираются на вертикальные брусья лицевой и задней стѣнъ и вмѣстѣ съ тѣмъ попарно ихъ связываютъ; каждая крайняя поперечная балка лежитъ на трехъ брусьяхъ. На поперечныя балки кладутся три продольныя. На средней изъ нихъ утверждаются два вертикальныхъ бруса, служащихъ опорою конька крыши. Для образованія основанія крыши на коньковую и каждую изъ крайнихъ продольныхъ балокъ кладутся жерди, приблизительно на полъ аршина одна отъ другой. На эти жерди, образующія скаты крыши, кладется поперегъ ихъ и параллельно продольнымъ балкамъ еще по три жерди для образованія переплета крыши. Этотъ переплетъ укрывается тщательно и чрезвычайно аккуратно соломою [1]), сверху которой, для обезпеченія крыши отъ поврежденія вѣтромъ, кладутся снова жерди. Промежутки между вертикальными столбами забираются досками, жердями или хворостомъ, смотря по состоятельности строющаго [2]), стѣны затѣмъ вымазываются глиной. Въ лицевомъ фасѣ, между средними вертикальными

---

[1]) Назаровъ, l. c., стр. 3. Въ Китаѣ двускатныя крыши кроются черепицей.
[2]) Въ Китаѣ стѣны фанзы глинобитныя.

столбами устраивается дверь, а между средними и каждымъ изъ крайнихъ столбовъ этого фаса—широкія окна, занимающія почти весь промежутокъ между столбами. Такія же окна устраиваются между среднимъ и крайними столбами боковой стѣны той части фанзы, которая предназначается быть жилою. Внутри фанзы, при самомъ входѣ, влѣво отъ двери, устраивается очагъ, въ который вмазывается большой котелъ для согрѣванія воды и варки пищи; въ котлѣ же пекутъ хлѣбъ [1]). Котелъ этотъ—чугунный и чаще всего съ деревянною крышкой. Одна половина фанзы, обыкновенно—лѣвая, дѣлается жилою; если же въ одной и той же фанзѣ помѣщаются двѣ семьи—отца и сына, то нерѣдко и правая сторона обращается въ жилое помѣщеніе. Въ жилой части фанзы устраиваются широкія нары—«канжинъ», которыя тянутся вдоль одной или двухъ стѣнъ и зачастую примыкаютъ къ очагу, если прихожая не отдѣлена перегородкой отъ спальни. Канжинъ покрывается цыновками. На немъ сидятъ, ѣдятъ, работаютъ, спятъ. Для ѣды на него ставится квадратный, гладко отполированный низенькій столикъ, вокругъ котораго вся семья и размѣщается, кто какъ вздумаетъ. Канжинъ сбивается изъ глины и снабженъ трубами, которыя или сообщаются съ очагомъ или имѣютъ самостоятельный выходъ внутрь жилого помѣщенія, откуда въ холодное время нары уже и подтапливаются. Трубы въ китайскихъ домахъ устраиваются въ высшей степени первобытно и состоятъ изъ вертикально поставленнаго просверленнаго бревна [2]). Благодаря плохой тягѣ, каждая топка сопровождается дымомъ, отъ котораго обыкновенно вся внутренность фанзы закопчена и имѣетъ въ высшей степи грязный и непривлекательный видъ. Въ окна вставляются мелкорѣшетчатыя рамы, состоящія изъ тонкаго деревяннаго переплета. Съ внутренней стороны рама оклеивается тонкою, пропускающей свѣтъ, китайскою бумагой. Нежилая часть фанзы служитъ складочнымъ мѣстомъ для разныхъ хозяйственныхъ принадлежностей.

Въ селеніяхъ по Амуру такія фанзы, занимающія центральное положеніе между дворомъ и огородомъ, вытянуты въ одну линію; въ селеніяхъ же, расположенныхъ внутри страны, онѣ сгруппированы кварталами, раздѣленными довольно широкими улицами, которыя имѣютъ ту особенность, что съ одной ихъ стороны тянутся дома, обращенные къ нимъ лицевою стороной, съ другой — сады и огороды. Дворы обыкновенно

---

[1]) Хлѣбцы, сваренные на парѣ, называются мянь-тау.

[2]) Въ Китаѣ ихъ сбиваютъ изъ глины, прислоняя къ стѣнѣ зданія.

очень просторны и нерѣдко раздѣлены переулками или даже рощами искусственно разсаженныхъ всюду тополей, вязовъ и другихъ древесныхъ породъ. Благодаря всему этому, китайская деревня кажется всегда очень разбросанною и дѣйствительно занимаетъ нерѣдко обширную площадь. Фанза располагается всегда въ глубинѣ двора, серединою своею противъ воротъ. По боковымъ сторонамъ двора располагаются обыкновенно хозяйственныя пристройки, позади—огородъ. Необходимою, кажется, принадлежностью послѣднихъ является небольшая божница, весьма напоминающая сказочную избушку на курьихъ ножкахъ, которыя замѣняютъ здѣсь четыре столбика; въ божницѣ красуется картина, изображающая либо миѳическаго героя, либо святого, либо, наконецъ, какое-нибудь уродливое божество, а передъ нею всегда разставлены въ рядъ чашечки, въ одной изъ которыхъ непремѣнно утверждена курительная свѣча. Между воротами и дверьми фанзы у богатыхъ китайцевъ возвышаются стѣнки, украшенныя изображеніями драконовъ, вырѣзанныхъ изъ досокъ. Вѣроятное назначеніе этихъ стѣнокъ—маскировать со стороны улицы входъ въ фанзу. Разумѣется, такимъ благоустройствомъ домовъ отличаются только лица зажиточныя; у бѣдняковъ же не только нѣтъ хозяйственныхъ пристроекъ, но часто и изгородь-то, окружающая дворъ, находится въ полуразрушенномъ состояніи, а то ея и совсѣмъ нѣтъ.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ (Будинда, напримѣръ), выстроены общественные загоны. Они располагаются посреди деревни и огорожены прясламі. Сюда загоняется скотъ на ночь.

Почти въ каждомъ поселкѣ есть лавка; въ нѣкоторыхъ селеніяхъ ихъ даже нѣсколько. Въ нихъ продаются: даба бѣлая и синяя [1]), шелковый тюль и другія шелковыя китайскія ткани, шелковыя нитки разныхъ цвѣтовъ для вышиванія, тушь, кисточки для письма, палочки для ѣды, свѣчи, бумага, орѣхи, пряники, сахаръ китайскій и русскій, чай, табакъ, зеркала китайскаго издѣлія съ картиной посерединѣ, трубки, китайскіе ликеры, русскія наливки, опій, веревки, спички, одеколонъ, низкіе сорта помады, рисъ, мука, китайскія издѣлія изъ фарфора, наконецъ, китайскія ракеты, хлопушки и мно-

---

[1]) Такъ называется китайская бумажная ткань, похожая на бухарскую бязь (мату). Этотъ бумажный холстъ очень грубъ, но дешевъ и относительно проченъ, а потому охотно носится и покупается инородцами. Китайцы окрашиваютъ его въ свой излюбленный индиговый цвѣтъ. Преимущественно онъ идетъ на штаны, но бѣдная часть населенія шьетъ себѣ изъ него и верхнія блузы.

жество мелочей, необходимыхъ китайцу въ его обиходѣ [1]). Торговцы — всѣ китайцы и къ тому же уроженцы Внутренняго Китая. Ходячая монета—чохи, которыхъ даютъ 700 на нашъ серебряный рубль; но кромѣ нея, ходятъ какъ наши кредитные билеты, такъ и мелкая серебряная и мѣдная монета.

Описаніе китайскаго селенія было бы неполно, если бы мы не упомянули о кумирняхъ, которыя находятся рѣшительно при каждомъ селеніи и о древесныхъ насажденіяхъ, которыя придаютъ столь своеобразный оттѣнокъ каждому изъ нихъ. Около каждаго селенія, около каждой одиночной фанзы непремѣнно находится небольшая роща или хоть группа деревьевъ. Имѣть при селеніи рощу составляетъ здѣсь прочно укоренившійся обычай: въ нихъ хоронятъ умершихъ, въ нихъ же часто встрѣчаются и божницы. Что же касается до кумирень, то обыкновенно онѣ невелики, стоятъ въ сторонѣ отъ дороги и далеко не всегда обнесены оградой [2]).

О костюмѣ китайца мы распространяться не будемъ: если не въ натурѣ, то по картинкамъ, безъ сомнѣнія, каждый изъ читателей этой книги съ нимъ уже въ достаточной мѣрѣ знакомъ.

Главное занятіе описываемаго населенія—земледѣліе. Манджуръ, дауръ или китаецъ въ теченіе лѣта находятся въ полѣ чуть не каждый день и при этомъ—съ ранняго утра до сумерокъ. У всѣхъ манджуро-китайцевъ описываемой мѣстности принятъ слѣдующій семипольный сѣвооборотъ: на пашню, унавоженную или удобренную посѣвомъ бобовъ, сѣется буда [3]), на другой годъ—пшеница, на третій—овесъ, на четвертый—гречиха, на пятый—опять овесъ, на шестой—бобы и затѣмъ снова буда. Такая система была принята китайцами не вслѣдствіе недостатка свободныхъ земель, а вслѣдствіе особеннаго затрудненія, встрѣчаемаго ими при поднятіи цѣлины первобытными земледѣльческими орудіями [4]). Употребленіе плуга до прибытія русскихъ земледѣльцевъ китайцамъ было неизвѣстно. Поле подъ посѣвы пахалось сохою, которою новина распахи-

---

[1]) Всѣ эти свѣдѣнія заимствованы у Назарова, статьей котораго мы преимущественно пользовались при составленіи этого очерка.

[2]) Судя по тому описанію, которое даетъ имъ Назаровъ, мѣстныя кумирни отличаются отъ тѣхъ, которыя составителю довелось видѣть всюду въ Зап. Китаѣ, только тѣмъ, что онѣ не имѣютъ театральной сцены. Впрочемъ, и въ окрестностяхъ Ганьчжоу составителю довелось однажды встрѣтить значительную и когда-то, вѣроятно, богатую кумирню безъ театральныхъ подмостковъ.

[3]) Panicum italicum (Setaria italica).

[4]) «См. Выписка изъ записки, приложенной къ представленію Ген.-м. Баранова отъ 6 марта 1881 г.» въ Сборникѣ главн. официальн. документовъ, изд. по распор. ген.-губ. Анучина. Т IV, вып. 1-й, 1893. Инор. Амурск. обл., стр. 12—16.

вается настолько неудовлетворительно, что китайцы то и дѣло прибѣгаютъ къ помощи русскихъ крестьянъ. Нынѣ многіе состоятельные китайцы уже завели у себя плуги и усиленно распахиваютъ нивы. Передъ посѣвомъ сѣмянъ пашня разработывается совершенно своеобразно и въ окончательномъ видѣ представляетъ изъ себя рядъ мелкихъ грядокъ. Сѣмена сѣются только по этимъ грядкамъ, въ углубленіяхъ же между ними почва остается незасѣянною. Эти промежутки, скажемъ—не глубокія канавки, прочищаются не разъ въ теченіе лѣта сапомъ. Передъ посѣвомъ верхи грядокъ уравниваются легкимъ деревяннымъ валомъ. Это таже рядовая культура, которая распространена въ Приморской области и Манджуріи и обусловливается лѣтнею сыростью климата, вызывающею необходимость притока свѣжаго воздуха между грядами засѣянными хлѣбомъ, такъ какъ безъ этого притока хлѣбъ загниваетъ. На грядкахъ хлѣбъ сильно кустится и достигаетъ по отношенію къ количеству посѣяннаго зерна замѣчательной урожайности. Въ послѣднее время стали также разводить и плантаціи мака, которыя, по свидѣтельству Коржинскаго, приносятъ баснословный доходъ [1]). Хлѣбъ жнутъ исключительно мужчины. Молотятъ его на дворахъ при помощи каменнаго вала, въ который впрягается лошадь. Зерно мелютъ ручными мельницами.

Манджуро-дауро-китайцы живущіе въ нашихъ предѣлахъ засѣваютъ, по свидѣтельству бывшаго Амурскаго губернатора Баранова [2]), всего 30 т. дес. Если вѣрить этой цифрѣ то оказывается, что у манджуро-китайскаго населенія на каждаго взрослаго работника засѣваютъ 9 дес., между тѣмъ, какъ русскіе крестьяне засѣваютъ на взрослаго работника 5 дес., казаки—$2^1/_2$, а корейцы менѣе 2. Это дѣлаетъ цифру 30 тыс. дес. мало вѣроятною, но во всякомъ случаѣ манджуро-китайское населеніе Амурской области имѣетъ громадный избытокъ овса и пшеницы, который, въ случаѣ спроса, сбываютъ съ большою выгодою русскому населенію, въ количествѣ, какъ полагаетъ Назаровъ, до 300 тыс. пудовъ [3]).

Огородничество у манджуро-китайцевъ Амурской области развито въ значительныхъ размѣрахъ; производятъ преимущественно коноплю, табакъ, кукурузу, канжутное сѣмя, картофель, разныя огородныя овощи, а также арбузы и дыни, впрочемъ, плохого качества.

---

[1]) 750 р. съ десятины. См. «Извѣстія восточно-сибирскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества». 1892, XXIII, № 4 и 5, стр. 109.)

[2]) Барановъ, выписка изъ зап. въ Сборн. глав. офиц. докум. и т. д. IV. 1883, стр. 12.

[3]) Назаровъ, въ Сборн. главн. оф. док., l. c., IV, стр. 51.

Женщины въ полѣ не работаютъ и ихъ занятія ограничиваются только работою по дому и на огородѣ; даже носка дровъ и воды, нужныхъ для дневнаго хозяйства, лежитъ на обязанности мужчинъ.

На огородахъ сѣютъ лукъ, огурцы, картофель, бобы, табакъ, китайскую капусту, стручковый перецъ, чеснокъ, коноплю и кукурузу. Лукъ разводятъ только зеленый, перистый. Его сохраняютъ и на зиму, соля въ кадкахъ. Этимъ занимаются женщины. На ихъ же обязанности лежитъ: уходъ за дѣтьми, приготовленіе пищи, поддержаніе чистоты въ фанзѣ, шитье и починка одежды и уходъ за домашними животными—крупнымъ рогатымъ скотомъ, лошадьми и свиньями [1]), а также птицей — утками, гусями и курами, которыхъ китайцы держатъ въ большомъ количествѣ.

Маленькихъ дѣтей укачиваютъ въ люлькѣ, причемъ люльку сильно раскачиваютъ. Положеніе ребенка въ люлькѣ почти сидячее. Кормленіе грудью продолжается до 3 и 4 лѣтъ. Впрочемъ, къ этому времени ребенокъ ѣстъ уже почти все то, что ѣдятъ и взрослые. А послѣдніе не ѣдятъ только молочнаго. Зато все то, отъ чего съ отвращеніемъ отворачивается европеецъ, китайцами употребляется въ пищу. Впрочемъ, въ сельскомъ населеніи вкусы не настолько извращены, чтобы ѣсть безъ нужды крысъ, собакъ, ужей и тому подобныхъ представителей животнаго царства. Ихъ меню поэтому не столь разнообразно, какъ у жителя южныхъ городовъ Китая, зато болѣе нормально съ обще-человѣческой точки зрѣнія: вареная капуста въ видѣ пустыхъ щей, капуста съ лукомъ, чеснокъ, стручковый перецъ—какъ приправа, но подаваемый отдѣльно, хлѣбъ изъ буды съ бобами, въ видѣ четырехъ-угольныхъ лепешекъ, пшеничный хлѣбъ, преимущественно вареный на парѣ (мянь-тау), вареная кукуруза, стручковый горохъ, картофель, клецки изъ гречневой муки, яйца [2]) и проч. Ѣдятъ также съ большимъ удовольствіемъ и грибы и при этомъ даже такіе, которые считаются нами негодными къ пищѣ—«поганками».

Пища готовится неопрятно. Фанза также содержится грязно. Вообще чувство чистоплотности развито въ населеніи слабо. Ни мужчины, ни женщины регулярно не моются; что же касается до нижней одежды, то она, въ особенности зимой, снимается только тогда, когда истлѣетъ на тѣлѣ. Кор-

---

[1]) Овецъ рѣдко кто держитъ въ Амурской области. Онѣ подвержены здѣсь эпидеміямъ.

[2]) Ихъ варятъ не въ скорлупѣ, какъ у насъ, но, разбивъ, прямо выпускаютъ въ кипятокъ, причемъ содержимое яйца тотчасъ же сваривается, не распускаясь въ водѣ.

жинскій находитъ даже, что манджуро-китайцы производятъ впечатлѣніе расы менѣе культурной, чѣмъ ихъ сосѣди — корейцы [1]).

Въ заключеніе мы позволимъ себѣ привести нѣкоторыя данныя, имѣющія значеніе при оцѣнкѣ взаимныхъ отношеній этихъ трехъ элементовъ инородческаго населенія края.

Далеко не рѣшенъ еще вопросъ о томъ, кто такіе-дауры. Архим. Палладій [2]) считаетъ ихъ происхожденіе смѣшаннымъ и, на основаніи китайскихъ данныхъ утверждаетъ, что народъ этотъ образовался изъ смѣшенія монгольскаго элемента съ китайскимъ въ тѣхъ пограничныхъ селеніяхъ, которыя у монгольскихъ императоровъ было въ обычаѣ заводить на окраинахъ своего государства. Но Шренкъ [3]) противупоставляетъ этой гипотезѣ рядъ фактовъ, приводящихъ его къ тому заключенію, что дауры—народъ тунгусскаго племени, который, благодаря историческимъ событіямъ, подпалъ сначала вліянію монголовъ, а затѣмъ—и китайцевъ. Вотъ почему, по его мнѣнію, въ ихъ языкѣ замѣчается такая значительная примѣсь словъ монгольскихъ съ одной стороны и китайскихъ съ другой. Противъ этого возразить было бы нечего, если бы Шренкъ, кромѣ заключеній ученыхъ прошлаго вѣка [4]), очевидно бывшихъ также хорошо извѣстными и арх. Палладію, потрудился найти новыя доказательства высказанной гипотезѣ.

Гораздо бо́льшее, въ нашихъ глазахъ, значеніе имѣетъ та часть труда академика Шренка, гдѣ онъ доказываетъ, что дауры не могли быть тѣмъ народомъ, который оставилъ послѣ себя Шилкинскіе серебряные рудники (Чудскія копи). Этимъ народомъ могли быть только чжурчжени, нюй-чжени, или иначе — дучеры, властвовавшіе надъ Сѣвернымъ Китаемъ подъ именемъ династіи Гинь. Только послѣ разгрома послѣднихъ монголами, дауры мало-по-малу заселили Аргунь и Шилку, гдѣ однако выплавкой рудъ вовсе не занимались [5]). Но дучеры Пояркова и Хабарова, продолжаетъ далѣе Шренкъ [6]), могли быть только манджуры; изъ чего слѣдуетъ, что нѣкогда манджуры жили много далѣе къ западу, чѣмъ въ настоящее время.

Шренкъ замѣчаетъ, что торговыя наклонности у дауровъ развиты настолько сильно, что въ этомъ отношеніи они вы-

---

[1]) L. c., стр. 108.

[2]) «Дорожныя замѣтки на пути отъ Пекина до Благовѣщенска («Записки Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1871. IV, стр. 444.)

[3]) «Объ инородцахъ Амурскаго края», стр. 288 и слѣд.

[4]) Витсена, Миллера, Фишера и др.

[5]) L. c., стр. 172.

[6]) Стр. 194.

ступаютъ даже явными конкурентами шаньсійцамъ, которыхъ арх. Палладій аттестуетъ «евреями Серединной Имперіи» [1]). Выводъ же тотъ, что на Амурѣ, гдѣ китайцы живутъ совмѣстно съ даурами и манджурами, они не имѣютъ такого «всепоглощающаго вліянія», какъ на Сунгари и вообще не могутъ считаться, въ извѣстныхъ, разумѣется, предѣлахъ, господствующею народностью [2]). Мы видѣли однако же выше, что въ настоящее время въ средѣ манджуро-дауро-китайскаго населенія Области нѣтъ уже болѣе ни одного торговца—даура; что всѣ они—китайцы и притомъ—выходцы изъ Внутренняго Китая (пров. Шань-си). Такимъ образомъ дауры на торговомъ поприщѣ были вытѣснены китайцами; но они же были вытѣснены послѣдними и съ издавна имъ принадлежащихъ земель, что ясно показываютъ даже тѣ скудныя статистическія данныя, которыми мы въ настоящее время располагаемъ. Дѣйствительно, Шренкъ нашелъ, что дауры, манджуры, и китайцы приблизительно въ равныхъ количествахъ заселяютъ культурныя земли Амурской Области; но по Буссе [3]) уже въ 1870 г. здѣсь считалось манджуровъ . . . 3.286
китайцевъ . . . . 5.400 и
дауровъ . . . . . 1.960 д. об. п.; 14 же

лѣтъ спустя, т.-е. въ 1884 г., составъ этого населенія представлялъ такія цыфры: манджуровъ . . . 4.400
китайцевъ 7.900
дауровъ 1.700

Эти послѣднія цифры основаны на показаніяхъ Назарова о принадлежности жителей отдѣльныхъ манджуро-дауро-китайскихъ поселковъ той или другой народности (см. выше, стр., 397). Считая дауровъ народомъ, пришлымъ въ Амурскую область [4]), а не аборигенами ея, Шренкъ проводитъ ту мысль, что даурское племя разбрасывается все шире и шире въ земляхъ басс. Амура, т.-е., иными словами, обладаетъ такими внутренними качествами, которыя позволяютъ ему бороться и побѣждать даже тамъ, гдѣ конкурентами являются всячески покровительствуемые Пекинскимъ Правительствомъ выходцы изъ Китая.

Насколько происхожденіе манджуровъ запутано и неясно,

---

[1]) L. c., 396. Подобный отзывъ о шаньсійцахъ даетъ и Скачковъ («Русскій Вѣстникъ» 1875, II, стр. 479) «Они по своему торговому складу, если не хитрѣе, то по крайней мѣрѣ столь же хитры, какъ евреи и столь же способны ко всѣмъ коммерческимъ операціямъ, начиная съ банковъ и кончая распродажей старыхъ гвоздей на уличной рогожѣ».

[2]) Шренкъ l. c., стр. 65.

[3]) «Сельское хозяйство и Лѣсоводство», 1871, II, стр. 90.

[4]) L. c., стр. 53.

настолько дальнѣйшая ихъ судьба очевидна: ихъ ожидаетъ поглощеніе тѣмъ народомъ, надъ которомъ они неограниченно нѣкогда властвовали [1]).

Корейцы переселены были въ Амурскую область въ 1871 г. съ береговъ залива Посьета, на границѣ Кореи, и поселены въ селѣ Благословенномъ. Село это находится при впаденіи р. Самары въ Амуръ, на открытой равнинѣ, въ 328 вер. выше Хабаровска и подчинено Екатерино-Никольскому окружному станичному управленію. Дворовъ хозяйственныхъ въ немъ 158, строеній 368, православная церковь, школа съ 39 учащимися, сельское правленіе, хлѣбный магазинъ и 35 конныхъ мельницъ. Принявъ православіе, корейцы сохранили однако языкъ, обычаи, способы культуры и всѣ особенности домашняго быта своей родины [2]). Село это въ общемъ представляетъ отрадное впечатлѣніе въ особенности тѣмъ отпечаткомъ старательности и любви къ труду и порядку, который виденъ и въ устройствѣ ихъ жилищъ и въ расположеніи и обработкѣ полей.

Уже по своему внѣшнему виду это селеніе сильно отличается отъ русскихъ деревень. Оно состоитъ изъ отдѣльныхъ фанзъ, раздѣленныхъ участками полей. Между этими полями, большею частью огороженными, проходятъ улицы и проулки. Всѣ фанзы имѣютъ болѣе или менѣе одинаковое устройство. Онѣ построены изъ сплетенныхъ вѣтвей и обмазаны снаружи и внутри толстымъ слоемъ глины. Пологая крыша изъ соломы или прутьевъ, также обмазанная глиной, служитъ одновременно и потолкомъ. Внутри каждая фанза дѣлится на три части: средняя, самая большая, служитъ кухней и одновременно — помѣщеніемъ для семьи; бо́льшая половина этой части занята низкими нарами, которыя согрѣваются особыми дымоходами, проведенными изъ очага. Сверху эти нары покрыты циновками; здѣсь сидятъ женщины съ шитьемъ, играютъ дѣти и т. под. У одного края наръ подъ топкою—два котла для варки пищи, на другомъ концѣ, у противуположной стѣны—очагъ для чайника. Нары проходятъ и во второе отдѣленіе, гдѣ онѣ занимаютъ весь полъ; это—парадная комната. Нары постоянно бываютъ теплыя, такъ какъ даже лѣтомъ раза по два въ день разводится огонь въ очагѣ для варки пищи или чая. Третье отдѣленіе дѣлится вновь на двѣ половны. Въ одной находится особая ступа для толченія крупы [3]) лотки

---

[1]) Шренкъ, Гюкъ и др.

[2]) Коржинскій, l. c., стр. 98. Послѣдующее заимствовано изъ его же статьи.

[3]) Пестъ приводится въ движеніе посредствомъ особаго рычага ногой. Прим. Коржинскаго.

для вѣянія и т. под.; другая назначена собственно для скота, который въ Кореѣ запирается на ночь для безопасности отъ тигровъ; въ Амурской области въ этомъ, разумѣется, нѣтъ ни малѣйшей необходимости, на особое отдѣленіе для скота при фанзѣ дѣлается тѣмъ не менѣе постоянно. Въ него складываются также разныя хозяйственныя принадлежности, внизу же, подъ нимъ, устраивается подвалъ для храненія овощей. Первое и второе отдѣленіе фанзы сообщаются съ наружною средой нѣсколькими крупными окнами, запирающимися одностворчатою рѣшетчатою рамой, заклеенною бумагой. Эти окна служатъ одновременно и дверями. Впрочемъ, здѣсь наблюдается большое разнообразіе: можно встрѣтить и маленькія окна со стекольными рамами и такія широкія двери, что одновременно онѣ играютъ роль и отсутствующихъ въ этихъ случаяхъ рѣшетчатыхъ оконъ. Каждая фанза окружена небольшимъ дворикомъ съ небольшими пристройками, обыкновенно миніатюрными, но содержимыми въ большомъ порядкѣ и чистотѣ.

Вокругъ каждой фанзы располагаются поля ея владѣльца, на которыхъ сѣются хлѣбные злаки и сажаются разныя овощи. Культура всѣхъ полей чрезвычайно тщательная, можно сказать огородная. Корейцы пашутъ сохами, напоминающими китайскія. Посѣвъ производится въ грядки или разбрасываніемъ или посредствомъ особой сѣялки довольно первобытнаго устройства [1]), назначенной почти исключительно для буды. Всѣ поля старательно пропалываются нѣсколько разъ въ лѣто; такъ что на нихъ почти совершенно отсутствуютъ какія бы то ни было сорныя травы. При этомъ близость полей доставляетъ земледѣльцу неоспоримое преимущество, такъ какъ онъ со своею семьей можетъ каждую свободную минуту посвятить наблюденію и уходу за растеніями. Впрочемъ, у нихъ нѣкоторыя поля расположены вдали отъ деревни. Изъ культурныхъ растеній корейцы воздѣлываютъ болѣе всего буды; затѣмъ слѣдуютъ пшеница, ячмень, овесъ, кукуруза, картофель, горохъ, фасоль, китайская капуста, лукъ, чеснокъ, рѣдисъ, огурцы, тыква, баклажаны и мн. др.; коноплю, скай (кунджутъ— Sesamum indicum) и сорго, хотя и сѣютъ, но мало. Первое мѣсто изъ перечисленныхъ растеній занимаетъ буда, которая куль-

---

[1]) Она состоитъ изъ палки аршина 1½ длиной съ желобкомъ, на которую надѣвается пустая круглая тыква. Въ эту послѣднюю кладутъ зерно, которое затѣмъ высыпается по жолобу. Желобокъ этотъ сверху обернутъ тряпкой, а внутри и у окончанія въ него вставляются прутики, чтобы сѣмена не сыпались слишкомъ быстро и нѣсколько разсѣевались по грядкѣ. При посѣвѣ такую сѣялку ведутъ вдоль грядки, приводя въ сотрясеніе легкими ударами прутика по желобу для высыпанія сѣмянъ. Прим. Коржинскаго.

тивируется въ нѣсколькихъ сортахъ и играетъ такую же роль, какъ у русскихъ ярица и пшеница. Въ видѣ особой каши она служитъ ежедневною пищей корейцамъ. Буды сѣется на десятину 18—20 фунтовъ, а собирается 150—200 пуд., такъ что урожай одной десятины обезпечиваетъ семью на годъ или полтора [1]). Въ большомъ количествѣ воздѣлываются также разнообразныя овощи, потому что корейцы преимущественно кормятся растительною пищей. Мясо они ѣдятъ рѣдко, молока же, какъ и китайцы, совсѣмъ не употребляютъ въ пищу и не доятъ коровъ; впрочемъ, какъ замѣчаетъ Коржинскій у русскихъ они охотно пьютъ молоко.

Жителей въ Благословенномъ было въ 1893 г. 1090 об. п. (583 м. п.). На 1000 мужчинъ приходилось 866 женщинъ; одно изъ невыгодныхъ отношеній по сравненію съ встрѣчающимися въ разныхъ волостяхъ и казачьихъ округахъ Амурской области, гдѣ въ среднемъ приходится на 1000 мужчинъ 915 женщинъ. Замѣчательно, что по переписи, произведенной въ 1879 г. надв. сов. Висленевымъ, корейцевъ было въ Благословенномъ 624 д. об. п. (349 м. п.), а такъ какъ никакихъ приселеній съ тѣхъ поръ въ Благословенное не было, то корейское населеніе дало приростъ въ 14 лѣтъ на 74%— приростъ неимовѣрный — 5% въ годъ, не смотря на то что пропорція женщинъ въ 1879 г. была еще невыгоднѣе, а именно на 1000 мужчинъ приходилось только 786 женщинъ, такъ что съ тѣхъ поръ пропорція женщинъ уже значительно улучшилась. Переписи Висленева трудно не вѣрить, такъ какъ она поименная [2]). Въ 1893 г. въ рабочемъ возрастѣ корейцевъ въ Благословенномъ было 251 м. п. и 223 ж. п., такъ что пропорція рабочаго возраста ко всему населенію 43%, значительно ниже, чѣмъ у русскихъ Амурской области (47%), что и объясняется необыкновенною силою прироста корейскаго населенія со времени его переселенія въ Амурскую область, способствовавшею повышенію пропорціи дѣтей къ взрослымъ. Брачныхъ паръ въ Благословенномъ 226, изъ нихъ въ рабочемъ возрастѣ 196, такъ что на тягло приходится 3 д. м. п., немного болѣе, чѣмъ у русскаго населенія (2,9), а на хозяйственный дворъ душъ об. п. около 7, то-есть составъ хозяйственнаго двора немного слабѣе, чѣмъ у русскаго населенія области.

---

[1]) Коржинскій, l. c., стр. 100.

[2]) Поименный списокъ этой переписи напечатанъ въ приведенномъ уже нами выше изданіи: Сборникъ главн. оффиц. документовъ по упр. Восточной Сибирью, изд. по распоряженію ген.-губ. Анучина, IV, вып. 1-й, 1883, стр. 57—74. Прекрасными свѣдѣніями 1893 г. обязаны мы Амурскому генералъ-губернатору Духовскому, по распоряженію котораго свѣдѣнія эти собраны для настоящаго изданія.

Земель въ пользованіи селенія около 1300 дес., въ томъ числѣ усадебной съ огородами и выгонами 520 дес., покосовъ болѣе 300 дес. и пашни 472½ дес. Такимъ образомъ на душу мужского пола у корейцевъ приходится всего только менѣе 2¼ дес. Посѣвовъ же приходится на работника 1,9 дес., на тягло 2,4, на дворъ 3 дес., между тѣмъ какъ у русскихъ казаковъ приходится посѣва на работника 2,5, у крестьянъ 5 дес. Приведенныя цифры указываютъ, между прочимъ, на то, что корейцы привыкли довольствоваться малыми надѣлами. Посмотримъ, что они производятъ на этихъ надѣлахъ. Ржи и пшеницы корейцы совсѣмъ не сѣютъ. Пищевой ихъ хлѣбъ—разные виды проса. Подъ посѣвомъ мелкой буды (безъ сомнѣнія Setaria italica) у нихъ 124 дес. Въ 1893 г. буда эта дала 8870 пуд. и такъ, они высѣваютъ ея на одну десятину по ½ пуда, то урожай былъ самъ 140. Средній же урожай 7560 пуд., то-есть самъ 120. Крупной буды было въ посѣвѣ 77½ дес. Она дала въ 1893 г. 9260 пуд., то-есть почти самъ 240, при среднемъ урожаѣ дала бы нѣсколько болѣе 7000 пуд., то-есть самое 170. Наконецъ, яръ-буды (это метельчатое, т.-е. обыкновенное просо) въ посѣвѣ немного болѣе 6 дес., давшихъ въ 1893 г. 430 пуд., а обыкновенно дающихъ 400 пуд. Такъ какъ яръ-буды высѣвается на десятину ¾ пуд., то она дала самъ—92, а обыкновенно даетъ самъ 88. Одна буда, (такъ какъ обыкновенный ея урожай 14600 пуд. составляетъ 13,4 пуд. на душу об. п.) уже обезпечиваетъ продовольствіе корейцевъ. Затѣмъ у нихъ было въ посѣвѣ: 6 дес. гречи, давшей въ 1893 г. 216 пуд., (самъ-6, а дающей обыкновенно 150 пуд., (самъ-4); 15 дес. кукурузы, давшей въ 1893 г. 990 пуд., (самъ 44), а обыкновенно дающей 1245 пуд., (самъ 54); ячменя 27 дес., давшихъ въ 1893 г. 970 пуд., (самъ 9), а обыкновенно дающихъ 1100 пудовъ, (самъ 10); бобовъ въ посѣвѣ 32½ дес., давшихъ въ 1893 г. 1120 (самъ 23), а обыкновенно дающихъ до 1500 пуд. (самъ 30). Всѣ эти хлѣба идутъ по преимуществу на собственное потребленіе корейцевъ, между тѣмъ какъ предметомъ сбыта имъ служитъ по преимуществу овесъ. Его въ посѣвѣ 184 дес., давшихъ въ 1893 г. 14350 пуд., а обыкновенно дающихъ 14540 пуд., (самъ 14), такъ что у корейцевъ Благословеннаго остается нынѣ ежегодно на продажу отъ 10 до 12/т. пуд. овса.

Изъ всѣхъ предметовъ посѣва только овесъ и играетъ роль предмета отпуска въ Хабаровскъ [1]); впрочемъ, корейцы нажи-

[1]) Въ 1885 г. продано овса 742 п., въ 1886 г. снято всего 7.218 овса, сколько же продано—неизвѣстно; въ 1887 г.—7.500 п.; въ 1888 г. — 10.840 п.; въ 1889 г.—10.205 п. въ 1890 г.—8.180 п.; въ 1891 г. — 11.925 п.

ваютъ деньгу и на оборотахъ съ казачьимъ овсомъ, который скупаютъ заблаговременно.

Скота корейцы держатъ: лошадей 343, (266 рабочихъ), такъ что на работника приходится рабочихъ лошадей не много болѣе 1-й, а на дворъ всѣхъ лошадей немного болѣе 2-хъ. Это втрое менѣе, чѣмъ у русскаго населенія. Недостатокъ лошадей пополняется, впрочемъ, отчасти рабочими быками. Крупнаго рогатаго скота у корейцевъ 292, (въ томъ числѣ 67 коровъ и 133 быковъ). Свиноводство очень развито. Въ селеніи содержится 514 свиней.

Указанныя черты сельскаго хозяйства, замѣчаетъ Коржинскій, не составляютъ какихъ-либо частныхъ отличій отъ хозяйства казаковъ, но имѣютъ основу, глубоко гнѣздящуюся въ характерѣ корейцевъ и придающую своеобразный колоритъ всему строю ихъ жизни.

Въ то время, какъ во всѣхъ чертахъ хозяйства и быта казаковъ, какъ мы ниже увидимъ, выражается прежде всего стремленіе къ широтѣ и простору и пренебреженіе всѣмъ мелкимъ, вообще же стремленіе къ экстензивности, у корейцевъ мы видимъ совершенно иныя тенденціи, именно, стремленіе къ интензивности, любовь къ кропотливому труду, порядку и аккуратности. Эти тенденціи присущи ихъ натурѣ, ихъ духу и опредѣляютъ всѣ ихъ поступки, весь характеръ ихъ дѣятельности. Въ силу ихъ кореецъ и не заботится о постоянномъ расширеніи своихъ запашекъ, но старается возможно лучше обработать свои небольшіе участки, вознаграждающіе его труды. И въ устройствѣ его жилищъ и во всемъ быту тѣже черты его скрупулезной, кропотливой натуры всюду кладутъ печать какого-то благоустройства, порядка, опрятности и извѣстнаго комфорта. Во всемъ видны культурныя привычки, выработанныя вѣками и органически сросшіяся съ его природой.

Съ нѣсколько другой точки зрѣнія смотритъ на корейцевъ Гребницкій [1]).

Чуть не всѣ писавшіе о корейцахъ [2]), говоритъ онъ, прежде всего выставляютъ ихъ нравственныя качества: семейную строгонравственную жизнь, склонность къ христіанству и т. д. под. На этихъ ихъ качествахъ основываютъ выводъ, что кореецъ самый лучшій элементъ въ дѣлѣ колонизаціи края. Гребницкій не соглашается съ этимъ мнѣніемъ. Для развитія края, гово-

---

[1]) «Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1877, № 5 и 6, стр. 155—162.

[2]) Пржевальскій, Васильевъ, Пуцилло, свящ. Пьянковъ и др.

ритъ онъ, важно энергичное, промышленное населеніе, способное разработывать всѣ естественныя богатства края. Корейцы же по свойству своего характера, выработаннаго вѣками, не могутъ быть таковыми, а измѣнить характеръ народа, перевоспитать его, едва-ли выполнимое дѣло.

Подвижность корейцевъ, порывистость въ движеніяхъ, сильно бросаются въ глаза самому даже поверхностному наблюдателю. Стоитъ только посмотрѣть, когда кореецъ говоритъ: возбужденная физіономія, особенный блескъ глазъ и жесты сопровождаютъ самый обыкновенный разговоръ у корейцевъ. Кореецъ весь отдается разсказу, будучи имъ увлеченъ самъ, и долго еще послѣ разговора онъ не можетъ вполнѣ успокоиться. Взгляните на него, когда онъ на пашнѣ: весело, съ энергіей принимается онъ за дѣло, но это ненадолго. Подождите конца: движенія его дѣлаются все медленнѣе и черезъ короткій промежутокъ времени онъ бросаетъ работу. Если есть близко сосѣдъ, онъ идетъ къ нему и оба, усѣвшихъ на корточки, начинаютъ разговаривать; наговорившись вдоволь, онъ хочетъ снова приняться за работу, но она у него не клеится, онъ бросаетъ поле и идетъ домой. Тоже и на рыбной ловлѣ: если она удачна онъ, веселъ; малѣйшая неудача и онъ бросаетъ ловъ. Трудъ корейца, даже по сравненію съ трудомъ китайца, цѣнится гораздо дешевле. Чернорабочій китаецъ во Владивостокѣ получаетъ рубль въ день, а корейцу не даютъ и 80 коп. «Плохой работникъ—кауль»—вотъ единогласный отзывъ русскихъ крестьянъ. Отсутствіе между корейцами ремеслъ служитъ подтвержденіемъ высказаннаго мнѣнія. Буссе также высказывался въ томъ смыслѣ, что корейцы въ качествѣ производителей не имѣютъ особаго значенія для края.

Но на корейцевъ и не слѣдуетъ смотрѣть ни какъ на піонеровъ колонизаціи края, ни какъ на мощную рабочую силу, руками которой можно эксплоатировать его естественныя богатства. Амурскій край всецѣло долженъ быть предоставленъ русской колонизаціи, и наша сила въ немъ заключается именно въ томъ, что въ недавно пріобрѣтенной Россіею Амурской области три четверти ея населенія принадлежатъ уже къ русской народности, для усиленія и экономическаго развитія которой еще есть достаточно простора. Но, если корейскому поселку въ 1000 жителей, получившему въ надѣлъ только 1300 дес. земли и не стремящемуся ни къ захватамъ, ни къ территоріальнымъ расширеніямъ и не суждено играть значительной роли въ общей производительности края, то нѣтъ сомнѣнія, что присутствіе

одного такого поселка на Амурѣ можетъ быть только полезно для края: съ одной стороны потому, что обратившіеся въ православіе корейцы, мирные и кроткіе, черезъ нѣсколько поколѣній будутъ вполнѣ ассимилированы русскимъ населеніемъ, а съ другой—потому что они надолго сохранятъ весь свой хозяйственный бытъ, который служитъ поучительнымъ образцомъ того какъ даже физически малосильная народность можетъ имѣть, благодаря своей интенсивной сосредоточенности, вполнѣ обезпеченное существованіе на сравнительно ничтожномъ земельномъ надѣлѣ, и это въ странѣ, гдѣ еще много простора для экстенсивнаго хозяйства. Вѣроятно также, что и пріемы земледѣльческаго хозяйства, выработанные издавна культурнымъ народомъ, хотя бы и дальняго Востока, въ климатическихъ и почвенныхъ условіяхъ болѣе близкихъ къ условіямъ Амурской области, чѣмъ тѣ, къ которымъ привыкли амурскіе переселенцы въ своей далекой родинѣ, не останутся безъ вліянія сначала на ближайшихъ сосѣдей села Благословеннаго, а затѣмъ и на всѣхъ русскихъ поселенцевъ Амурской области.

ГЛАВА X.

Русское населеніе, его распредѣленіе по населеннымъ мѣстамъ области и экономическое положеніе послѣднихъ.

Первая попытка земледѣльческой колонизаціи на Амурѣ была сдѣлана только въ 1855 г., послѣ того, какъ первымъ сплавомъ внизъ по Амуру въ 1854 г. были перевезены забайкальскіе козаки и 15 линейный батальонъ для занятія и защиты устья Амура и залива де-Кастри[1]). Вторымъ сплавомъ, въ 1855 г., были перевезены первыя крестьянскія семейства изъ губерніи Иркутской и области Забайкальской. Переселенцы эти, первые русскіе крестьяне на Амурѣ въ XIX вѣкѣ, отправились туда добровольно и поселены между городами Маріинскомъ и Николаевскомъ въ селеніяхъ: Иркутскомъ, Богородскомъ и Михайловскомъ. Позднѣе выселенцами изъ Михайловска были основаны селенія Ново-Михайловское и Сергіевское, а выселенцами Иркутскаго — селеніе Воскресенское; всѣ эти поселенія возникли, слѣдовательно, въ нынѣшней Приморской области. Этимъ первымъ переселенцамъ дарованы были большія льготы: земля была отдана имъ въ полное и вѣчное владѣніе и всѣ они со своими семьями (см. ниже 15) освобождены были отъ повинностей: рекрутской, земской и подушной; сверхъ того имъ было выдано пособіе отъ казны[2]). Одновременно съ ними, близъ Маріинскаго поста, въ станицѣ Сучи, поселена была и сотня казаковъ.

Въ 1856 г. выставлены были посты при устьяхъ Кутомангды, Кумары, Зеи, Сунгари и одинъ въ щекахъ Хангана (Буреинскихъ горъ).

27 Октября 1856 г. Высочайше утвержденъ журналъ Особаго Комитета подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича о заселеніи лѣваго берега Амура. Въ томъ же году открытъ былъ

---

[1]) Бартоломей, l. c., стр. 11.
[2]) Бартоломей, ib.

между городами Маріинскомъ и Николаевскомъ почтовый трактъ и получены изъ Америки два желѣзные парохода Амуръ и Лена [1]).

Въ 1857 году сплавлены внизъ по Амуру въ Николаевскъ и Маріинскъ 62 женщины изъ ссыльно-каторжныхъ — единственное примѣненіе той системы заселенія Амура ссыльными, которыми хотѣли сначала замѣнить медленный приливъ добровольныхъ переселенцевъ [2]). Весной этого же года были двинуты внизъ по Амуру, въ качествѣ переселенцевъ, первыя три сотни вновь сформированнаго изъ Забайкальскаго казачьяго войска Амурскаго коннаго казачьяго полка, которыя, подъ личнымъ наблюденіемъ Н. Н. Муравьева, и заняли лѣвый берегъ Амура отъ Усть-Стрѣлки до Малаго Хингана (Буреинскихъ горъ) [3]). Въ то же время стали лагеремъ при устьѣ р. Зеи 14 линейный батальонъ и дивизіонъ конно-горной батареи, чѣмъ и было положено основаніе Усть-Зейскому посту, впослѣдствіи—городу Благовѣщенску. Въ томъ же 1857 г. въ первый разъ производился сплавъ съѣстныхъ припасовъ внизъ по Амуру подрядами иркутскихъ купцовъ. Подобные же сплавы были и въ 1858 и 1859 гг. Но это снабженіе казною переселенцевъ на Амурѣ провіантомъ и мукою далеко не составляло единственнаго затрудненія для успѣшнаго хода заселенія вновь пріобрѣтенныхъ земель. Полное безлюдіе, лишавшее возможности вести дѣло колонизаціи при пособіи мѣстныхъ средствъ, представляло огромныя затрудненія и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Приходилось везти изъ Забайкалья, Иркутска или даже Россіи не только сухари и муку, но и все остальное, какъ то: домашній скотъ, земледѣльческія орудія, одежду, строительные матеріалы, посуду и множество другихъ мелочей, безъ которыхъ немыслимо существованіе даже такихъ неприхотливыхъ людей, какъ русскій казакъ или крестьянинъ; и все это доставлять населенію съ тѣмъ большею поспѣшностью, что сообщеніе по Амуру могло производиться только въ теченіе теплаго времени года. Къ тому же въ первые годы громадное движеніе по этой рѣкѣ поддерживалось при помощи рабочей силы не свыше двухъ батальоновъ солдатъ [4]),

---

[1]) Шперкъ, l. c., стр. 386; Назимовъ—«Вѣстникъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» 1857. XXI.

[2]) Бартоломей, ib.

[3]) См. Венюковъ въ «Русской Старинѣ» 1879. XII; Шперкъ, l. c., стр. 386. Эти три сотни составляли передовой отрядъ изъ назначенныхъ къ выселенію въ Амурскую область 23.000 д. об. пола.

[4]) Венюковъ—«Матеріалы для обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи» (въ «Военномъ Сборникѣ» 1872, LXXXV., стр. 284,).

которые тѣмъ труднѣе справлялись съ возложенною на нихъ задачей, что имъ приходилось работать на совершенно незнакомой рѣкѣ. Благодаря этому, всѣ эти неуклюжія баржи, плоты и пароходы то и дѣло натыкались на отмели или попадали въ несудоходные рукава [1]). Бури разбивали и затопляли суда. И такъ какъ въ распоряженіи русскихъ властей никогда не могло быть болѣе полугода времени, то объ исправленіи ошибокъ и упущеній, сдѣланныхъ либо ими, либо самими переселенцами, въ томъ же году не могло быть и рѣчи, а приходилось ждать навигаціи слѣдующаго года. Непривычный климатъ, наконецъ, дѣлалъ то, что даже водворившіеся колонисты терпѣли отъ неурожаевъ и падежей скота, который было тѣмъ труднѣе достать, что и Забайкальская область, служившая базисомъ для колонизаціи Амура, не отличалась избыткомъ послѣдняго. Тоже слѣдуетъ сказать и о хлѣбѣ, который при увеличеніи на него спроса, поднялся тамъ до небывалой цѣны. Но энергія Муравьева и его ближайшихъ сотрудниковъ сумѣла преодолѣть всѣ эти препятствія, хотя, конечно, не безъ нѣкоторыхъ неудачъ и даже не безъ нѣкоторыхъ общихъ неблагопріятныхъ для колонизаціи результатовъ. Послѣдніе не могли, однако, уже существенно повліять на общій ходъ дѣла, и оно шло своимъ чередомъ. Грустныя же картины, встрѣченныя и, можетъ быть, нѣсколько тенденціозно описанныя С. В. Максимовымъ [2]), очень скоро перешли въ область преданій; такъ что уже въ 1865 г. Носковъ писалъ [3]): «благодаря Бога вся эта бѣда миновала, люди обжились и вездѣ почти устроились; землянки остались только въ воспоминаніяхъ, а раззорительные слѣды неумѣлыхъ распоряженій сглаживаются мало-по-малу, благодаря пособіямъ и отеческимъ попеченіямъ о поселенцахъ такихъ лицъ, какъ А. К. Бабстъ, князь Дадешкаліани, графъ Стенбокъ и нѣк. др., которые дѣлаютъ все, что въ ихъ средствахъ дѣлать можно».

Въ 1857—58 г., въ нынѣшней Амурской области, вдоль Амура, возникло выше Благовѣщенска 14 селеній: Покровское, Амазаръ, Игнашинская ст., Свербѣевское, Орловское (Игнашинскій окр.), Рейновское, Албазинская ст., Бейтоновское, Пермикинское (Албазинскій округъ), Толбузинское, Ольгинское, Кузнецовское (Черняевскій окр.), Кумарская ст., Екатерининская ст. и 14 селеній ниже Благовѣщенска: Купріянов-

---

[1]) Венюковъ, ib.

[2]) «Заселеніе рѣки Амура» (въ «Морскомъ Сборникѣ», 1861, 10, стр. 221 и слѣд.).

[3]) «Амурскій край въ коммерческомъ, промышленномъ и хозяйственномъ отношеніяхъ». 1865., стр. 14.

ское, Никольское, Сгибнево, Иннокентьевская ст., Михайловское, Касаткино, Сагибово, Пашково (Иннокентьевскій окр.), Раддевская ст. (Раддевскій окр.), Екатерино-Никольская ст., Пузино (Екат.-Ник. окр.), Михайло-Семеновская ст., Воскресенское и Петровское (Мих.-Семеновскій окр.).

Въ послѣдующіе годы колонизація продолжалась, да не прекратилась она и въ настоящее время. Особенно же усилилась послѣ того, какъ крестьяне Европейской Россіи получили официальное предложеніе переселяться на свободныя земли Амура.

Предложеніе это вызвано было Н. Н. Муравьевымъ, который 20 сентября 1858 г. писалъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Константину Николаевичу: «Одно уже развитіе нашихъ военныхъ морскихъ силъ на устьяхъ Амура, помимо всѣхъ другихъ соображеній, требуетъ настоятельно быстраго заселенія приамурскаго края. Современная доставка продовольствія для сухопутныхъ и морскихъ командъ, снабженіе флота всѣми необходимыми сырыми матеріалами будутъ вполнѣ обезпечены только тогда, когда разовьется мѣстная производительность края, чего безъ усиленія народонаселенія достигнуть невозможно»[1]).

Н. Н. Муравьевъ полагалъ, что переселенія въ обширныхъ размѣрахъ можно было бы достигнуть, дозволивъ его «лицамъ всѣхъ свободныхъ состояній, по желанію, на собственномъ иждивеніи и безъ правительственныхъ расходовъ». При этомъ, однако предполагалось освободить переселенцевъ отъ всякихъ формальностей, затрудняющихъ переходъ, напримѣръ, рекрутской очереди, отъ которой, ради Амура, можно было бы освободить всѣхъ женатыхъ и семейныхъ. Эта мѣра, по мнѣнію гр. Муравьева, представляла бы надежное ручательство къ скорѣйшему заселенію края уже потому только, что уничтожала многія препятствія къ переходу на р. Амуръ. Онъ полагалъ также полезнымъ упростить и все дѣлопроизводство, практиковавшееся во всѣхъ такихъ случаяхъ, «ибо, писалъ онъ далѣе, прохожденіе всѣхъ этихъ инстанцій[2]) влечетъ за собою—потерю времени и темные расходы, которые въ простомъ народѣ въ значительной степени отбиваютъ охоту къ переселенію». Единственный расходъ, къ которому по этому проэкту вызывалась казна, долженъ былъ заключаться въ субсидіяхъ на пріобрѣтеніе поселенцами въ должномъ количествѣ скота и

---

[1]) «Морской сборникъ» 1861, № 10, стр. 209.

[2]) Волостное правленіе, окружный начальникъ и палата Министерства Государственныхъ Имуществъ.

земледѣльческихъ орудій; да и то, какъ на источникъ для такихъ временныхъ позаимствованій, указывался, такъ называемый, «хозяйственный капиталъ Восточной Сибири», въ то время равнявшійся 300/ т. при 17/ т. ежегоднаго приращенія. Тотъ же капиталъ, по соображеніямъ Муравьева, могъ служить и для образованія временныхъ запасныхъ магазиновъ на Амурѣ, безъ которыхъ своевременное снабженіе поселенцевъ какъ сѣменами для посѣва, такъ по ихъ прибытіи—провіантомъ, было бы затруднительно.

Проэктъ этотъ не остался однако безъ возраженій. Министерство Государственныхъ Имуществъ находило, что «во всякомъ дѣлѣ, а въ особенности въ подобномъ настоящему, нужны послѣдовательность и система; безъ этого не можетъ быть порядка, и самая цѣль заселенія—развитіе промышленности—не будетъ достигнута» [1]). Для достиженія же этой цѣли Министерство съ своей стороны полагало всего болѣе цѣлесообразнымъ примѣнить къ Амуру тотъ же способъ переселенія, какой уже практиковался по отношенію къ заселенію Камчатки, а именно—пригласить къ этому заселенію старожиловъ Западной и Восточной Сибири и затѣмъ усилить переселеніе изъ внутреннихъ губерній въ сибирскія [2]). Всѣ же чрезвычайныя мѣры способствовали бы только развитію бродяжничества и создали бы не мало затрудненій правительству, отъ котораго требовалось предварительное обезпеченіе переселенцевъ въ столь дальнемъ пути [3]). Не соглашалось Министерство Государственныхъ Имуществъ и съ тою частью проэкта Н. Н. Муравьева, въ которой обсуждался вопросъ о сложеніи рекрутской повинности съ переселенцевъ на Амуръ, такъ какъ въ подобномъ случаѣ эта повинность должна была бы обреме-

1) «Морской Сборникъ» 1861, № 10, стр. 210.

2) Операціи эти произведены были вслѣдствіе Высочайшихъ повелѣній, послѣдовавшихъ въ 1850 и въ 1852 годахъ относительно водворенія переселенцевъ на почтовомъ трактѣ между Якутскомъ и Аяномъ. Переселенцы освобождены были отъ увольнительныхъ отъ общества приговоровъ. Предполагалось обезпечить ихъ продовольствіемъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ со дня выхода изъ Иркутска, снабдить необходимымъ пособіемъ для постройки домовъ и для пріобрѣтенія скота и земледѣльческихъ орудій и хлѣбными и овощными сѣменами. Переселенцы избавлены были отъ платежа податей и отъ денежныхъ и натуральныхъ повинностей на 20 лѣтъ и отъ рекрутства навсегда. Въ теченіе 1852 же и 1853 гг. переселено было въ Камчатку 25 семей, но въ послѣдующіе годы, по случаю войны, дальнѣйшее переселеніе оказалось невозможнымъ. Въ замѣнъ слѣдующихъ къ переселенію въ Камчатку отправлено 51 сем. къ водворенію около устья р. Амура (Селенія: Иркутское—5 сем., Богородское—8 сем., Михайловское—26 и Сергіевское—12 семействъ). Переселенцамъ этимъ предоставлены были тѣже права и преимущества, какія обѣщаны были и камчатскимъ переселенцамъ. Для переселенія же на мѣста убылыхъ изъ Сибири Министерство Государственныхъ Имуществъ въ 1857 г. предписало выпустить по 200 сем. изъ губерній Пермской и Вятской («Морск. Сб.», l. c., стр. 211).

3) Чего именно и не желалъ Н. Н. Муравьевъ.

нительно лечь на семейства, оставшіяся на мѣстѣ. Во всякомъ случаѣ къ переселенію на Амуръ имѣлось Министерствомъ въ виду назначить только тѣ семейства крестьянъ, въ которыхъ приходилось менѣе 5 десятинъ на душу [1]). При этомъ Министерство желало бы, чтобы въ одинъ годъ шло на Амуръ не болѣе 500 семействъ или 3.500 душъ обоего пола, «ибо по приблизительному расчету содержаніе каждаго семейства не могло обойтись правительству ниже 150 р.—суммы значительной и обременительной для государства».

Съ своей стороны Сибирскій Комитетъ, разсмотрѣвъ и обсудивъ подробно всѣ вообще обстоятельства поднятаго Н. Н. Муравьевымъ вопроса, нашелъ, что «вопросъ о заселеніи Амурскаго края есть вопросъ первостепенной важности; что усиленіе тамъ населенія существенно необходимо для развитія огромныхъ матеріальныхъ силъ края, безъ чего вновь присоединенный богатый край не могъ бы принести той пользы, которую отъ него вправѣ и ожидать и требовать Россія». Соглашаясь съ тѣмъ, что русскій элементъ въ краѣ долженъ быть въ значительной мѣрѣ усиленъ, Комитетъ признавалъ, однако, полезнымъ и разрѣшеніе «селиться тамъ иностранцамъ, преимущественно нѣмцамъ, извѣстнымъ своимъ трудолюбіемъ». Для привлеченія же на Амуръ такихъ переселенцевъ предлагалъ твердое обезпеченіе поземельной ихъ собственности: «было бы справедливо, сказано въ отношеніи къ министру государственныхъ имуществъ, постановить условіемъ, что всякій переселенецъ, отправляющійся въ приамурскій край на собственный счетъ, имѣлъ бы право пріобрѣтать тамъ участокъ земли въ собственность» [2]).

По соглашенію съ министромъ финансовъ Комитетъ рѣшился отпускать ежегодно изъ суммъ Государственнаго Казначейства по 100/т. рублей на дѣло колонизаціи Амура и для той же цѣли по соглашенію съ министромъ государственныхъ имуществъ по 50/т. рублей изъ хозяйственнаго капитала Восточной Сибири. На это рѣшеніе Комитета 8 декабря 1858 г. послѣдовало Высочайшее соизволеніе. [3]).

Министерство Государственныхъ Имуществъ предположило переселить на Амуръ въ 1859 г., 300 семействъ изъ Вятской губ., 200 изъ Пермской и по 50 изъ Тамбовской и Воронежской, всего же 600 семействъ. Сверхъ того 400 се-

---

[1]) Во всѣхъ случаяхъ здѣсь идетъ рѣчь только о государственныхъ крестьянахъ.

[2]) Переселявшіеся на Амуръ крестьяне получали землю только въ безсрочное пользованіе въ томъ случаѣ, если переселеніе совершилось при правительственной поддержкѣ.

[3]) «Морской Сборникъ», l. c., стр. 213.

мействъ изъ Пермской и Вятской губерній, предназначенныя Министерствомъ къ переселенію въ Енисейскую губ., направлены были по Высочайшему повелѣнію отъ 25 декабря 1858 г. въ Амурскій край. Переселеніе это обусловливалось слѣдующими правилами: 1) желающіе переселиться избавляются отъ увольнительныхъ общественныхъ приговоровъ, если на нихъ не числится мірскихъ или иныхъ недоимокъ; 2) переселеніе можетъ быть разрѣшено крестьянамъ и тѣхъ селеній, при коихъ состоитъ земли болѣе 5 десят. на душу, если переселеніе изъ этихъ селеній, по другимъ уваженіямъ, будетъ признано полезнымъ; 3) прошенія могутъ быть подаваемы на простой бумагѣ; 4) независимо отъ установленныхъ пособій на путевые расходы и на устройство домообзаведенія, переселенцамъ предоставляется льгота отъ податей и повинностей на 16 лѣтъ и отъ рекрутской повинности въ продолженіе шести наборовъ; и 5) по прибытіи на мѣсто новаго водворенія, переселенцамъ будетъ отведено такое количество земли, которое каждый домохозяинъ въ состояніи будетъ обработать. Одновременно Палатамъ Государственныхъ Имуществъ предписывалось наблюдать, чтобы семейства переселенцевъ были въ состояніи перенести трудности пути, и не допускать къ переселенію одинокихъ, «а равно семействъ, обремененныхъ значительнымъ числомъ малолѣтнихъ или пожилыхъ, и держаться правила, чтобы въ каждомъ семействѣ было не менѣе двухъ работниковъ».

Эти правила, выработанныя Сибирскимъ Комитетомъ совмѣстно съ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири собственною властью почелъ нужнымъ пополнить и видоизмѣнить: губернаторамъ Амурской и Приморскойобластей [1]) онъ предписалъ: 1) «при занятіи мѣстъ для жительства не упускать изъ вида условія, чтобы удобныхъ земель приходилось никакъ не менѣе 21 дес. на каждую мужскаго пола душу, дабы съ умноженіемъ впослѣдствіи населенія не было недостатка у нихъ въ землѣ и значительнаго скопленія въ одномъ пунктѣ; 2) не дозволять селиться въ тѣхъ мѣстахъ, которыя назначаются для казачьихъ станицъ и гдѣ въ настоящее время находятся селенія манджуровъ и другихъ туземцевъ; 3) въ городахъ и селеніяхъ мѣста подъ усадебное устройство вдоль р. Амура и другихъ отводить для каждаго отдѣльно живущаго семейства не болѣе 50 саж., дабы такимъ

---

1) Раздѣленіе Приамурскаго края на двѣ области: Приморскую и Амурскую состоялось вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія въ 1858 г.

образомъ не лишить и имѣющихъ прибыть впослѣдствіи поселенцевъ возможности пользоваться выгодною близостью рѣки. Въ глубь же страны переселенцы могутъ занимать столько земли, сколько будутъ въ состояніи обработать».

Въ началѣ весны 1859 г., переселенцы вышли на Амуръ съ мѣстъ свой родины; но уже очень скоро обнаружилось, что ассигнованныя на это переселеніе суммы были недостаточны. Оно вызвало между прочимъ и такіе расходы (ремонтъ одежды, напримѣръ), которые, по сознанію генералъ-губернатора Восточной Сибири, «при исчисленіи издержекъ въ виду не имѣлись». Все это потребовало новыхъ ассигновокъ, которыя хотя и были отпущены [1]), но въ то же время способствовали въ значительной мѣрѣ измѣненію взглядовъ правительства на вопросъ о заселеніи Амура выходцами изъ внутреннихъ губерній Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время, когда уже желаемая начальствомъ Восточной Сибири цифра — тысяча семей для Амура — находилась въ движеніи, отъ генералъ-губернатора было получено извѣщеніе, что предположенныхъ первоначально къ отпуску суммъ едва хватитъ на передвиженіе до Амура 300 семействъ. «Изъ чего слѣдуетъ, говорилось въ этомъ извѣщеніи дальше, что 400 семействъ вятскихъ и пермскихъ крестьянъ, имѣющихъ быть переселенными въ Енисейскую губ., не могутъ быть обращены на переселеніе въ Приамурскій край». Вслѣдствіе этого представленія министръ Государственныхъ Имуществъ опредѣлилъ: Изъ 500 семействъ отправить на Амуръ половину; остальныхъ же, по личному вызову генералъ-губернатора Западной Сибири, водворить на земляхъ этой послѣдней.

Одновременно и Сибирскій комитетъ поспѣшилъ выразиться въ томъ смыслѣ, что «свободное переселеніе на Амуръ можетъ заключаться въ крестьянахъ, которые не имѣютъ достаточно земель для обработки въ настоящихъ мѣстахъ ихъ жительства, и въ предпріимчивыхъ людяхъ другихъ сословій, которые большею частью желаютъ пріобрѣсть земли въ полную собственность». Причемъ, однако же, Комитетъ находилъ, что нѣтъ никакой побудительной причины желать особенно поспѣшнаго заселенія Амурскаго края, «который долженъ, такъ сказать, составлять поземельный запасъ для Россіи въ будущемъ. И нѣтъ никакой нужды Правительству дарить принадлежащія ему земли въ собственность частнымъ лицамъ или

---

[1]) Всего отпущено было вновь 70/т. рублей, изъ коихъ около 10/т. пало на долю Государственнаго Казначейства, а остальныя 60/т. были выданы изъ хозяйственнаго капитала Министерства Государственныхъ Имуществъ.

даже продавать ихъ за безцѣнокъ, когда, безъ малѣйшаго сомнѣнія, страны, прилегающія къ Амуру, будутъ съ каждымъ годомъ пріобрѣтать и бо́льшое значеніе и бо́льшую цѣнность, по мѣрѣ развитія европейской и американской промышленности и торговли въ водахъ Восточнаго океана».

Вслѣдствіе такого мнѣнія Комитета подесятинная плата для земель Амурской области опредѣлена была въ 10 рублей, а переселеніе государственныхъ крестьянъ на казенный счетъ прекращено. Ассигнованная же на этотъ предметъ сумма поступала въ распоряженіе главнаго управленія Восточной Сибирью для оказанія пособій заимообразно поселенцамъ на Амуръ и для составленія съ этою цѣлью особеннаго запаснаго капитала. Что же касается до денегъ, которыя могли быть выручены отъ продажи свободныхъ земель въ Амурской области, то ихъ, по проэкту генералъ-губернатора Восточной Сибири, предполагалось въ теченіе первыхъ 20 лѣтъ частью вносить въ Государственное Казначейство, частью употреблять «на различныя полезныя устройства въ новомъ краѣ и преимущественно путей сообщенія и телеграфныхъ линій».

Относительно иностранныхъ колонистовъ предполагалось неизбѣжнымъ правиломъ, чтобы они вступали въ русское подданство и поселялись внутри приамурскихъ областей; всѣ же стратегическіе пункты могли быть заняты или коренными русскими или славянами—чехами, сербами и др.

Въ 1859 г. прибыла на Амуръ первая партія переселенцевъ, всего 240 д. об. пола, изъ которыхъ въ селеніи Астраханкѣ на р. Зеѣ поселились переселенцы изъ Таврической губ. Одновременно продолжалось и переселеніе забайкальскихъ казаковъ въ Амурскую область. Основаны были: поселки Бекетовскій (въ Албазинскомъ округѣ), Черняевская станица и Ермаковскій поселокъ (въ Черняевскомъ округѣ), Бибиковскій и Верхне-Благовѣщенскій (въ Екатерининскомъ округѣ), Константиновскій и Поярковская станица (въ Поярковскомъ округѣ). Въ прежде же выстроенныхъ станицахъ открыто 8 школъ [1]).

Въ 1860 г. прибыло въ Амурскую область 524 д. об. пола крестьянъ, которые и разселены были въ новыхъ селеніяхъ: Старо-Воскресенскомъ въ предѣлахъ Албазинскаго казачьяго округа; Бѣлогорскомъ и дер. Егорьевкѣ въ Амурско-Зейской вол. и селѣ Александровскомъ Томской волости. Переселенцы эти были изъ сибирскихъ губерній Енисейской и Забайкальской

---

1) Шперкъ, l. c., стр. 387.

области, а отчасти изъ Полтавской губерніи [1]). Казаковъ въ этомъ году переселено было изъ Забайкалья для укомплектованія казачьяго войска 3411 д. об. пола; они образовали на Амурѣ новые поселки: Игнатьевскій (Екатеринискаго округа), Чесноковскій (въ Поярковскомъ), Сторожевскій (въ Раддевскомъ), Союзовскій (въ Екатерино-Никольскомъ), Степановскій и Головинскій (въ Михаило-Семеновскомъ). Къ нимъ вторично присселено было 586 человѣкъ штрафныхъ солдатъ — мѣра, хотя и имѣвшая въ виду увеличить контингентъ рабочихъ въ области, на самомъ же дѣлѣ приведшая къ весьма грустнымъ результатамъ, такъ какъ безсемейное, развратное, тунеядное населеніе это, прославленное на Амурѣ подъ именемъ «сынковъ», «бузуевъ» и «гольтипаковъ», не только не послужило въ помощь окрестному населенію, но, наоборотъ, легло бременемъ, какъ на него, такъ и на правительство, вынужденное кормить его въ теченіе многихъ лѣтъ и въ такое время, когда каждый пудъ хлѣба цѣнился чуть не на вѣсъ золота [2]).

Въ 1861 г. прибыла на Амуръ послѣдняя изъ первоначально образованныхъ для переселенія на Амуръ партій государственныхъ крестьянъ, также изъ Енисейской и Полтавской губерніи, всего—249 д. об. п., которая и образовала два новыхъ селенія Высокое и Никольское Томской волости. Въ станицахъ открыто 17 школъ. Наводненіемъ смыты были пашни въ Амурскомъ пѣшемъ баталіонѣ, впрочемъ только тѣ, что́ расположены были въ низинахъ [3]).

Съ 1861 г., согласно съ мнѣніемъ, выраженнымъ Сибирскимъ Комитетомъ, водвореніе государственныхъ крестьянъ въ Амурской Области на казенный счетъ должно было прекратиться; и, безъ сомнѣнія, это распоряженіе должно было бы ознаменоваться, если не полнымъ застоемъ эмиграціи, то во всякомъ случаѣ значительнымъ уменьшеніемъ прилива крестьянскаго земледѣльческаго населенія въ край, если бы незабвенный манифестъ 19 февраля 1861 г., уничтожавшій крѣпостную зависимость на всемъ необъятномъ пространствѣ Россіи не далъ бы новый толчокъ, на этотъ разъ свободной эмиграціи крестьянъ на Амуръ, гдѣ ихъ попрежнему ожидали различныя

---

[1]) Всего же въ этомъ году въ Амурскій край изъ внутреннихъ губерній Россіи прибыло 2330 д. об. пола (Шперкъ, ib.).

[2]) Вешюковъ—«Матеріалы для военнаго обозрѣнія русскихъ границъ въ Азіи», l. c., стр. 288.

[3]) Шперкъ, l. c., стр. 388. О бѣдствіяхъ, выпавшихъ на долю земледѣлія въ Амурской области, мы, впрочемъ, будемъ имѣть еще случай говорить ниже.

льготы. Такъ, по Высочайше утвержденнымъ: положенію 26 марта 1861 г. и мнѣніямъ Государственнаго Совѣта 28 апрѣля 1881 г. и 26 января 1882 г. жители Амурской области освобождались отъ платежа: 1) податей—подушной навсегда, оброчной и поземельной по 27 апрѣля 1891 г., и 2) всѣхъ земскихъ повинностей на три года со дня водворенія; жители же городовъ кромѣ того отъ государственныхъ повинностей и пошлинъ по 1 января 1886 года[1]).

Уже въ 1862 г. прибыли въ Амурскую область добровольные переселенцы изъ губерній Полтавской, Орловской, Тамбовской, Воронежской и основали два, нынѣ большія, села: Павловку на Томи, въ Томской волости (она выросла, впрочемъ только впослѣдствіи отъ значительнаго числа позднѣйшихъ приселеній) и Михайловское на р. Завитой, нынѣ волостное селеніе Завитинской волости, сразу заселенное въ обширныхъ размѣрахъ. Въ томъ же году образовались и два новыя казачьи поселка: Квашнинскій и Дежневскій Михайло-Семеновскаго округа.

Въ 1863 году прибыло уже до 1260 переселенцевъ изъ Забайкальской области, губерній Енисейской, Воронежской и Полтавской. Основали они село Новую Покровку на Амурѣ и дер. Прядченку на р. Чалой въ Амурско-Зейской волости, деревни Томскую и Ключевскую на р. Томи въ Томской вол., село Троицкое на р. Бѣлой, Богородское и Черемховское на р. Будиндѣ, Черемховской вол., Дмитріевку на р. Будиндѣ Ивановской вол., Петропавловку на р. Завитой, Завитинской вол. Въ томъ же году поселены еще и казачьи поселки: Венцелевскій, Кукелевскій и Бабстовскій въ Михайло-Семеновской вол., и тѣмъ закончено обязательное переселеніе казаковъ изъ Забайкалья. Всего казаковъ переселено въ Амурскую область 11850 д. об. п., живущихъ нынѣ въ 65 поселкахъ, въ количествѣ до 19500 д. об. п.

Въ 1864 г. прибыло переселенцевъ крестьянъ болѣе 1220 изъ Забайкальской обл., губерніи Томской, Самарской, Астраханской, Воронежской и Полтавской. Основали они селеніе Сапсаль на Амурѣ въ предѣлахъ казачьяго Кумарскаго станичнаго округа, Сергіевку на Амурѣ, Новотроицкое и Москвитино

---

[1]) «Обзоръ Амурской области за 1885 г.»

«Съ 1887 г. впервые введено обложеніе: 1) недвижимыхъ имуществъ г. Благовѣщенска въ размѣрѣ 1/4 % съ цѣнности сихъ имуществъ, 2) фабричныхъ, заводскихъ и торговыхъ помѣщеній по 1/2% съ оцѣнки и 3) земель, отведенныхъ, какъ крестьянскимъ обществамъ, такъ и частнымъ лицамъ, по 2,8 коп. съ десятины». («Обзоръ Амурской области» за 1887 г.).

въ Амурско-Зейской волости, Заливную и Васильевку на р. Томи, въ Томской вол., Среднебѣлую на Бѣлой, въ Черемховской волости, село Ивановское, нынѣ волостное селеніе Ивановской волости и самое крупное въ области, а также Красный яръ на р. Завитой, Завитинской волости.

Въ 1865 годахъ прибыло въ область болѣе 2400 переселенцевъ изъ Забайкальской обл., губерній: Енисейской, Томской, Самарской, Астраханской, Тамбовской, Харьковской, Полтавской и даже Архангельской, но значительная часть ихъ выселилась въ то же время въ Южно-Уссурійскій край. Оставшіеся образовали въ 1865 г. селенія Марковское на Амурѣ въ Амурско-Зейской вол., Семи-озерное на Малой Бѣлой въ Черемховской вол., Андреевку на р. Манджуркѣ въ Ивановской вол., и Платову на р. Завитой, Завитинской вол., а въ 1866 г. Новую на р. Чирчѣ и Круглую на р. Томи, въ Томской волости.

Въ 1867 и 1868 г. прибыло на Амуръ 1540 переселенцевъ изъ губерній Енисейской, Пермской, Оренбургской, Самарской и Саратовской, но двѣ трети ихъ не удержались на Амурѣ и перешли далѣе, въ Южно-Уссурійскій край. Оставшіеся образовали въ 1867 г.: дер. Бѣлоногову въ Томской вол., Владиміровку на Зеѣ и Николаевку на р. Бѣлой, въ Ивановской волости. Въ томъ же году добровольные переселенцы изъ Забайкальскихъ казаковъ образовали Димскій поселокъ въ Поярковскомъ округѣ. Въ 1868 году никакихъ новыхъ поселеній въ Амурской области не возникло.

Съ 1869 по 1882 г., включительно переселенческое движеніе въ Амурскую область вообще ослабѣло, но всетаки продолжалась непрерывно изъ года въ годъ до 1881 г. включительно. Въ 1869 г., переселенцы изъ Енисейской, Томской и Пермской губерній основали селенія Михайловку и Грязнушку въ Амурско-Зейской вол., а переселившіеся добровольно забайкальскіе казаки новый поселокъ въ Михайло-Семеновскомъ округѣ. Въ 1870 г. переселившіеся изъ Тобольской, Томской, Самарской, Астраханской, Воронежской и Тамбовской губерній крестьяне основали сел. Ново-Воскресенское близъ Амура, въ предѣлахъ Кумарскаго станичнаго округа, дер. Гильчинъ въ нынѣшней Гильчинской вол., и Вознесеновку на р. Завитой, Завитинской вол. Въ 1871 г. переселенцы крестьяне Томской и Самарской губерній, основали селеніе Бахирево на Буреѣ въ Завитинской вол., а переселенцы изъ предѣловъ Кореи, съ прибрежій залива Посьета, основали на Амурѣ село Благословенное. Въ 1872 г. новыхъ крестьянскихъ селеній не возникало,

но образовались новые казачьи поселки: Ушаковскій, Симоновскій, Карсакова и Буссе въ Кумарскомъ станичномъ юртѣ и Самарскій въ Екатерино-Никольскомъ. За 1873 и 1874 г. раскольники безпоповцы, прибывшіе изъ Томской, Пермской и Самарской губерній, основали селеніе Домиканъ на Буреѣ, въ Завитинской вол., а въ казачьихъ округахъ образовались новые поселки Аносовскій и Новокумарскій въ Кумарскомъ станичномъ округѣ, Ключевской и Коврижка въ Поярковскомъ, переселившимися на новыя мѣста изъ затопляемой наводненіями станицы Низменной; Марьинскій и Башуровскій изъ Раддевской станицы и совершенно оставленнаго вслѣдствіе наводненій Помпеевскаго поселка на Амурѣ. Въ 1875 г. переселенцы изъ Тамбовской и отчасти Самарской губерніи основали очень крупное селеніе Тамбовку въ Гильчинской вол. Въ 1876 г., переселенцы изъ губерній Воронежской, Харьковской и Полтавской основали дер. Петропавловку на р. Самаркѣ, въ Черемховской вол., и Коршуновку на р. Завитой, въ Завитинской вол. Въ томъ же году возникъ новый казачій поселокъ Биджанскій въ Михайло-Семеновскомъ округѣ. Въ 1877 г. переселенцы изъ Енисейской и Астраханской губерній и Донской обл. основали дер. Вознесенскую на р. Бѣлой въ Томской в. Въ 1878 г. переселенцы изъ губерній Тамбовской, Воронежской и Харьковской основали Петровское на Зеѣ, въ Амурско-Зейской в., Левченковъ выселокъ въ Томской вол. и дер. Кутилову на р. Димѣ, въ Завитинской вол. Въ 1879 г. новыхъ крестьянскихъ селеній совсѣмъ не возникало, но образовались новые казачьи поселки: Петропавловскій въ Кумарскомъ округѣ и Асташинскій въ Иннокентьевскомъ. Въ 1880 г. переселенцы изъ губерній Самарской, Тамбовской, Воронежской, Полтавской и Донской области образовали селеніе Мал. Сазанку на Зеѣ, въ Амурско-Зейской вол., Березовку на Зейскомъ лугу въ Черемховской вол. и большое село Ильинское на р. Димѣ въ Завитинской вол. Въ 1881 году переселенцы изъ губерній: Томской, Тамбовской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской и Астраханской основали селенія Лазаревку на р. Манджуркѣ въ Ивановской вол., Нижне-Полтавку въ Гильчинской вол., Иннокентьевское на р. Половинкѣ, Малиновку и Киселевку на р. Буреѣ, въ Завитинской вол. Въ 1882 году не возникало ни одного новаго крестьянскаго селенія въ области, но съ 1883 года переселенческое движеніе опять оживилось.

Въ 1883 г. прибыло болѣе 200 семей изъ губерній: Полтавской, Тамбовской, Пензенской, Донской обл. и Томской губ. и образовали селеніе Гуранъ на р. Гуранѣ и Бордогонъ

на Зеѣ, въ Амурско-Зейской вол., Больш. Сазанку на Зеѣ и Паруновку въ Томской вол., и кромѣ того большое количество семей приселилось къ Средне-Бѣлой Черемховской вол.

Въ 1884 г. прибыло болѣе до 420 семей изъ губерній Полтавской, Тамбовской, Донской обл., губерній Воронежской, Харьковской, изъ Забайкальской обл., Томской губ. и съ Сахалина. Они основали селенія: Красный Яръ на Зеѣ Томской вол., Анновку и Песчаное озеро—одно изъ самыхъ людныхъ селеній области—на р. Будиндѣ и Константиноградовку въ Ивановской вол., Толстовку и Верхне-Полтавку въ Гильчинской вол.

Въ 1885 г. прибыло болѣе 200 семей изъ губерній Тамбовской, Полтавской, Донской обл., Екатеринославской, Воронежской, Черниговской, изъ области Забайкальской, и губ. Томской. Они основали селенія: Берьминское на р. Берьмѣ и Климовку на р. Бѣлой, Томской вол., Кулусутай и Каменку на Буреѣ, Завитинской вол.; незначительная же часть переселенцевъ размѣстились и по существующимъ селеніямъ.

Въ 1886 году прибыло переселенцевъ немного болѣе 60 семействъ изъ губерній Астраханской, Донской обл., Полтавской, Екатеринославской, Томской и Тобольской. Они, при помощи переселенцевъ предшедшаго года, образовали вновь селенія: Натальино на Зеѣ, Амурско-Зейской вол., Андреевку и Комисаровку на Зеѣ, Черемховской вол., и Варваровку на Будиндѣ, Ивановской волости.

Въ 1887 г. прибыло 215 семей изъ Донской области (126 семей), губерній: Тамбовской, Полтавской, Екатеринославской, Астраханской, а также изъ Томской губерніи. Они основали Тарбагатай на р. Чирчѣ, Тамбовскій волости, Ново-Покровку и Ново-Алексѣевку Черемховской вол., Жаркову и Космодемьяновку на р. Гильчинѣ, Гильчинской вол., Борисоглѣбовку на р. Димѣ и Куликовку по р. Буреѣ, Завитинской вол. Въ одномъ изъ казачьихъ округовъ, Иннокентьевскомъ, возникъ новый поселокъ Винниковскій, выселившійся изъ Раддевскаго окр.

Въ 1888 г. прибыло 270 семей переселенцевъ изъ губерніи Тамбовской, Донской области, Полтавской, Воронежской, Екатеринославской, Харьковской, а также изъ Забайкальской обл. и Томской губерніи (безпоповцы). Переселенцы эти основали селенія: Листьвянское въ Томской вол., Зорино на Будиндѣ, въ Ивановской вол., Чуевку на Гильчинѣ, Гильчинской вол., но большинство ихъ размѣстилось по существующимъ деревнямъ.

Въ 1889 г. прибыло уже болѣе 500 семей изъ губерніи Тамбовской (185 семей), Донской обл., губ. Полтавской, Моги-

левской, Воронежской, Харьковской, Екатеринославской, а также изъ Забайкальской обл. Переселенцы образовали вновь селеніе Молчановское на Зеѣ, Верхнебѣлое и заимку Позднѣевку на Бѣлой, въ Томской вол., Преображеновку въ Ивановской вол., но большая часть ихъ приселилась къ существовавшимъ уже селеніямъ. Сверхъ того, въ томъ же году образовалось въ Томской вол. новое селеніе Бѣлояровское изъ переселившихся изъ Амурско-Зейской вол.

Въ 1890 г. прибыли въ числѣ 200 семей переселенцы изъ губерній: Полтавской, Томской, Самарской и Могилевской, и отчасти изъ Томской губ. и Забайкальской обл. Они основали селенія: Успеновку въ Черемховской вол., Верхне-Уртуй въ Гильчинской, Бѣлый Яръ и Райчиху въ Завитинской вол. Сверхъ того, возникло также въ Томской вол. селеніе Казанка, заселенное переселенцами изъ Амурско-Зейской вол.

Въ 1891 г. переселеніе было слабо. Прибыло до 50 семей изъ Саратовской губ. и Забайкальской области и образовало селеніе Загорную Селитьбу въ Амурско-Зейской волости и Введенское на Зеѣ, въ Томской.

Въ 1892 г. образовалось вновь только два селенія: Паруново Гильчинской вол. и Аркади-Семеновское на р. Харѣ (Бирарѣ), Завитинской вол., изъ выселенцовъ разныхъ другихъ селеній Амурской области.

Наконецъ, въ 1893 прибыло до 40 семей переселенцевъ изъ Полтавской и Тамбовской губерній и образовали дер. Благовѣщенскую на Зеѣ, Томской вол.[1]).

Изъ изложеннаго обзора всего хода русскаго переселенія на Амуръ видно, что собственно долина Амура была заселена съ 1857 по 1863 годъ обязательнымъ правительственнымъ переселеніемъ на Амуръ Забайкальскихъ казаковъ, но что съ 1862 года уже шло безостановочно добровольное переселеніе на Амуръ крестьянъ различныхъ губерній Европейской Россіи и отчасти Сибири. Переселенцы шли въ Амурскую область на собственный счетъ, безъ правительственной помощи. О положеніи края, льготахъ, путяхъ и способахъ передвиженія они узнавали изъ писемъ своихъ земляковъ или родственниковъ. Средства переселенія переселенцы получали изъ ликвидаціи на родинѣ свего хозяйства и продажи своего имущества. Тро-

---

[1]) Указанія о времени основанія поселковъ и мѣстностей, откуда переселились основавшіе ихъ переселенцы заимствованы нами изъ свѣдѣній, собранныхъ въ 1893 г. по распоряженію ген. губ. Духовскаго, а свѣдѣнія о численности переселенцевъ изъ губернаторскихъ обзоровъ и отчасти изъ труда Крюкова «Сельское хоз. въ Амурской области», въ Журналѣ Мин. Гос. Им., 1892, іюнь, стр. 175.

гались они въ путь раннею весною и прибывали въ Благовѣщенскъ черезъ четыре или пять мѣсяцевъ, если двигались безостановочно. Каждая семья, приблизительно изъ 6 душъ, затрачивала на переселеніе отъ 400 до 500 руб., или по 80 руб. на душу. Конечно не всѣ переселенцы имѣли эти средства; болѣе зажиточные—вожаки переселенія—своими ссудами вытягивали другихъ, которые впослѣдствіи выплачивали постепенно свой долгъ, уже на мѣстахъ совмѣстнаго поселенія—деньгами или заработкомъ. Всѣ переселенцы двигались въ полномъ составѣ семьи, съ малымъ дѣтьми и грудными младенцами. У тѣхъ, кто совершалъ свой путь съ полною опредѣленностью его конечной цѣли, безъ остановокъ и колебаній, убыли въ семьѣ были ничтожны; семьи доходили до Благовѣщенска почти безъ потерь.

Всѣ переселенцы перечислялись только по личной ихъ явкѣ въ область. При явкѣ малыми партіями каждая семья зачислялась въ сельское общество старожиловъ, что было обязательно для обществъ, имѣющихъ земельные запасы, и не иначе какъ по мірскому приговору, для тѣхъ обществъ, которыя значились уже не имѣющими запасовъ. При явкѣ же партіи переселенцевъ въ 15 семей и болѣе, и при желаніи ихъ образовать новое поселеніе, тотчасъ же образовывалось новое общество и названіе новому поселенію давалось согласно желаніямъ самихъ переселенцевъ.

Весьма немногіе изъ крестьянъ переселенцовъ могли образовать поселки въ самой долинѣ Амура, такъ какъ земли по Амуру при ихъ приходѣ уже были заняты правительственнымъ переселеніемъ казаковъ. Зато тѣмъ шире и свободнѣе могли они распространиться по обширной равнинѣ, разстилающейся между западнымъ звеномъ Амурской дуги и Буреинскимъ хребтомъ и орошаемой нижними теченіями Буреи и Зеи и меньшими притоками Амура, какъ напримѣръ, Завитой и Бираромъ. Здѣсь переселенцы, въ теченіе 42 лѣтъ, фактически заняли до 650 тысячъ десятинъ, владѣя такимъ образомъ 125 десятинами на дворъ или 114 десятинами на тягло (брачную пару въ рабочемъ вобрастѣ), причемъ обширныя пространства земли остаются еще свободными, какъ для будущихъ приселеній, такъ и для поселеній новыхъ.

Пользуясь спокойно своими громадными надѣлами и хозяйничая на нихъ экстенсивно, безъ платежа поземельной и оброчной подати, а до 1877 г. даже и безъ земскихъ сборовъ, крестьянскія общества, конечно, не имѣли повода приступать къ выкупу своихъ надѣловъ; поэтому за весь 30-лѣтній

періодъ со времени ихъ переселенія не было ни одного случая выкупа общественнаго надѣла, и льготная цѣна 3 руб. за десятину, назначенная правилами 27 апр. 1861 и продолженная до 1891 г. не имѣла по отношенію къ обществамъ никакого практическаго примѣненія. Да и продажа земли цѣлымъ обществамъ была бы, по-нашему мнѣнію, весьма нежелательною, государственною ошибкою. Она изъяла бы изъ собственности государства обширные земельные запасы удобныхъ для колонизаціи земель, которыя въ другихъ мѣстностяхъ Россіи, не исключая и сибирскихъ губерній, начинаютъ истощаться.

Только отдѣльные домохозяева изъ крестьянъ, также какъ и изъ другихъ сословій (благовѣщенскіе мѣщане изъ молоканъ), воспользовались упомянутою трехрублевою оцѣнкой для покупки въ собственность земельныхъ участковъ, на которыхъ они устраиваютъ свои заимки (хутора). Такія земельныя пріобрѣтенія начались уже съ 1866 года. За первое 10-лѣтіе куплено 1918 дес., за второе уже 11416 дес., а въ 1888 и въ 1889 г. еще 11416 дес. Изъ общаго числа проданныхъ до 1890 г. 25 тыс. дес. крестьяне купили 5780 дес., благовѣщенскіе мѣщане (изъ молоканъ) 13200 дес., остальныя, болѣе 6 тыс., куплены разночинцами. Всѣхъ такихъ мелкихъ собственниковъ было въ 1890 г. 240, слѣдовательно на долю каждаго приходилось среднимъ числомъ немного болѣе 110 дес. Изъ собственниковъ этихъ было 135 мѣщанъ, 85 крестьянъ, 13 дворянъ и чиновниковъ, 7 золотопромышленныхъ компаній. Размѣръ участковъ, находящихся нынѣ въ личной собственности въ Амурской области слѣдующій: 1 участокъ въ 1006 дес., 13 отъ 400 до 1000, 82 отъ 100 дес. до 400 и 168 менѣе 100 дес.

Какъ крестьяне, такъ и владѣльцы заимокъ въ обширномъ Зейско-Буреинскомъ районѣ живутъ въ довольствѣ. На вопросъ нашей программы, не встрѣчали-ли переселенцы какихъ неудобствъ на мѣстахъ своего водворенія, изъ 170 листковъ, полученныхъ изъ крестьянскихъ селеній и заимокъ почти всѣ отвѣчаютъ, что никакихъ неудобствъ не встрѣчали и только весьма немногіе вспоминаютъ о неурожаѣ 1885 г., о нѣкоторыхъ скотскихъ падежахъ или жалуются на безденежье. Очевидно, что въ самыхъ естественныхъ условіяхъ страны неудобствъ для колонизаціи никакихъ не встрѣчается.

Все сказанное имѣетъ примѣненіе къ занятому крестьянской колонизаціею и раздѣленному нынѣ на 6 волостей, обширному Зейско-Буреинскому району, но въ иныхъ нѣсколько условіяхъ находятся приамурскіе казачьи станичные округа.

Забайкальскіе казаки не по своей доброй волѣ, какъ из-

вѣстно, заселили долину Амура. Они прибывали сюда партіями, которыя и распредѣлялись по станицамъ, не только заранѣе намѣченнымъ, но даже и выстроеннымъ солдатами линейныхъ батальоновъ.

При выборѣ мѣстъ для станицъ, безъ сомнѣнія, обращалось большое вниманіе и на пригодность окрестныхъ земель къ обработкѣ; однако, не всегда удавалось удачно скомбинировать всѣ требованія, которыя предъявлялись къ подобнаго рода военнымъ поселеніямъ, а потому легко объяснимы и тѣ нарѣканія, которымъ зачастую подвергались первые ихъ устроители.

Академикъ Коржинскій довольно обстоятельно знакомитъ насъ съ современнымъ экономическимъ положеніемъ населенія станичныхъ, округовъ расположенныхъ по Амуру ниже Буреинскаго хребта.

Вся мѣстность между Куромъ и Буреинскими горами, говоритъ онъ, [1]) не предназначена самою природой для густого земледѣльческаго населенія [2]), ибо ни заливная долина, подверженная наводненіямъ, ни прежняя рѣчная терраса, покрытая на огромнѣйшія пространства болотами, ни тѣмъ болѣе предгорія Буреинскихъ горъ не представляютъ, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, значительной культурной площади. Этотъ край питаетъ, правда, въ настоящее время свое немногочисленное казачье населеніе, но и то немногое, что онъ даетъ, добыто цѣной самыхъ тяжкихъ лишеній и трудовъ первыхъ піонеровъ.

Вся полоса между Хабаровскомъ и Союзной заселена казаками, водворенными сюда изъ Забайкалья по жребію. Неохотно, нерѣдко съ плачемъ и стонами [3]), разставались вынувшіе жребій съ берегами Шилки, берегами благословенной Унды и вообще хлѣбороднымъ степнымъ краемъ Забайкалья, пускаясь въ невѣдомыя страны. Богатые часто нанимали за себя охотниковъ, предпочитая оставаться на насиженныхъ мѣстахъ. Самое переселеніе совершалось на казенный счетъ, причемъ однако переселенцы были стѣснены и въ количествѣ скота и въ количествѣ хлѣба, которое можно было взять съ собою. Поэтому болѣе зажиточные предпочитали отправляться на собственныхъ плотахъ, забирая съ собою весь скотъ, инвентарь и

---

[1]) «Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Геотрафическаго Общества». 1892 г., XXIII, № 4 и 5, стр. 88.

[2]) Описаніе ея см. въ главѣ 4. Мы напомнимъ только, что почва здѣсь въ лучшихъ случаяхъ состоитъ изъ весьма вязкой глины, перемѣшанной съ пескомъ и прикрытой темною перегнойною почвою незначительной толщины.

[3]) Коржинскій, l. c., стр. 89.

большой запасъ хлѣба. Такіе хозяева сразу стали въ лучшее положеніе. Но всѣ, и богатые и бѣдные, были совершенно одинаково неподготовлены къ колонизаціи края, столь отличнаго отъ мѣста ихъ родины, и не имѣли никакого понятія ни о томъ, что ихъ ожидастъ, ни объ условіяхъ своего новаго мѣстожительства.

Вполнѣ понятно, что всѣ они были поселены по берегамъ Амура. Амуръ былъ въ то время единственнымъ средствомъ сообщенія, его рыбныя богатства могли служить предспорьемъ въ хозяйствѣ. Притомъ же только по берегамъ его первые переселенцы нашли обширныя луговыя равнины, представлявшія и богатыя сѣнокосныя угодья и прямо пригодныя для пахоты, тогда какъ дальше отъ берега начинались или сплошные лѣса или болота.

Но здѣсь-то и начались мытарства колонизаторовъ. Они, разумѣется, и не подозрѣвали, что поселились на заливной долинѣ Амура. Ихъ обмануло то обстоятельство, что весной она не была покрыта водой. Но весенніе разливы Амура вообще незначительны, между тѣмъ среди лѣта нерѣдко происходятъ, въ зависимости отъ количества дождей, сильныя повышенія уровня воды; причемъ временами, хотя далеко и не каждый годъ, эта долина вся или отчасти затопляется. И вотъ такія наводненія происходили неоднократно въ первые же годы русской колонизаціи. Неожиданные разливы Амура затопляли поля и деревни переселенцевъ, сносили избы, только что поставленные стога сѣна, портили хлѣбъ и вообще производили полное раззореніе или, по крайней мѣрѣ, наносили большой ущербъ неустановившемуся хозяйству. Приходилось переносить поселки и пашни на болѣе или менѣе возвышенные пункты, сѣно только что скошенное свозить на бугорки и жить такъ въ вѣчномъ страхѣ, что новое, еще большее наводненіе, заставитъ ихъ снова искать болѣе удобнаго мѣста. Изъ многихъ, первоначально основанныхъ поселковъ жители по мѣстному выраженію—«раскочевались», т.-е., разошлись въ разныя стороны[1]), другіе поселки были переносимы съ мѣста на мѣсто и только очень немногія селенія остались тамъ, гдѣ они были первоначально основаны.

Между Хабаровскомъ и стан. Союзной въ отрогахъ Хингана, т.-е., на протяженіи около 400 верстъ, слѣдующіе поселки заброшены совсѣмъ: Новгородскій, Нижне и Верхне—

---

[1]) Изъ 22 станицъ перестали существовать или принуждены были перемѣнить свои первоначальныя мѣста 10 станицъ.

Спасскій, Петровскій, Добрая и Нагибова. Послѣднія двѣ станицы заброшены были послѣ наводненія 1872 года. Теперь только заросли чернобыльника указываютъ здѣсь на мѣста прежнихъ пашенъ. Впрочемъ, въ Нагибовой сохранился еще одинъ дворъ — заимка казака Лунина; въ остальныхъ же, кромѣ смотрителей почтовыхъ станцій, въ настоящее время нѣтъ никого.

Другія станицы, хотя и продолжаютъ существовать, но были вынуждены перебираться на другія мѣста. Такъ Степановскій выселокъ перенесенъ на 4 версты отъ Амура, часть Михайло-Семеновской станицы перенесена пониже на песчаныя гривы, Квашнина на восемь верстъ отъ Амура, Пузино на 5 верстъ выше. Такъ что число береговыхъ селеній, которыя остались на своихъ прежнихъ мѣстахъ и не терпятъ отъ наводненій въ общемъ очень невелико (Союзная, Екатерино-Никольская). Вслѣдствіе желанія уйти дальше отъ наводненій и были основаны поселки, удаленные отъ Амура, какъ Бабстовскій, напримѣръ, (25 в.) или Биджанскій (35 в.).

Легко понять, какъ тяжело отзывались эти наводненія и необходимость вновь переходить съ мѣста на мѣсто на подневольныхъ колонизаторовъ края. Главное же бѣдствіе для переселенцевъ состояло въ полномъ несоотвѣтствіи мѣстной природы съ привычными для нихъ условіями Забайкальской обл. Привыкшіе къ сухому лѣту, казаки съ ужасомъ смотрѣли на проливные дожди, которые длились по 18 дней подрядъ и сразу уничтожали надежду на урожай [1]). Скотъ, выросшій на степныхъ, сухихъ пастбищахъ, ходилъ цѣлые дни среди высокой, сочной травы болотистыхъ луговъ и возвращался домой еще болѣе отощавшимъ [2]). Много скота перемерло, и лишь постепенно, черезъ нѣсколько поколѣній, выработалась раса, приспособленная къ мѣстнымъ условіямъ.

Таковы условія, въ которыя попали забайкальцы; нечего поэтому ихъ и винить въ томъ, что хозяйство ихъ идетъ здѣсь не особенно то успѣшно. Постоянныя неудачи могли

---

[1]) Нѣтъ сомнѣнія, что количество дождей, выпадающихъ къ востоку отъ Буреинскихъ горъ, очень значительно въ лѣтніе мѣсяцы; однако изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы даже относительно можно было назвать лѣто на Шилкѣ сухимъ. Въ самомъ дѣлѣ уже помимо всѣхъ другихъ соображеній, изложенныхъ въ главѣ о «климатѣ», достаточно принять во вниманіе тотъ общеизвѣстный фактъ, что самыя сильныя наводненія на Амурѣ, и въ ихъ числѣ наводненіе 1872 г. обязаны были всецѣло огромному подъему воды въ Аргуни и Шилкѣ, т.-е. иными словами, обильнымъ дождямъ, выпавшимъ въ Забайкальѣ.

[2]) Фактъ этотъ безусловно вѣренъ. Пышная луговая растительность вредитъ, дѣйствительно, животнымъ, выросшимъ на степномъ кормѣ. Личный опытъ и свѣдѣнія, отобранныя у кочевниковъ Средней Азіи, убѣдили насъ въ этомъ давно.

ослабить энергію самыхъ сильныхъ, слабые же весьма естественно пали духомъ и стали апатично относиться къ себѣ и къ своему будущему, не предвидя возможности измѣнить его къ лучшему. Вотъ почему большинство ихъ станицъ производитъ на путника столь грустное впечатлѣніе. Вотъ, какъ описываетъ ихъ, напримѣръ, Шперкъ [1]).

Всѣ онѣ имѣютъ сходную физіономію: надъ обрывистымъ, нерѣдко крутымъ берегомъ Амура, у подошвы горы или по ея скату, или же вдоль ровнаго берега рѣки вытянуты въ линію бревенчатые небольшіе дома, въ два или три окна, одинаковой наружности. Впереди домовъ, у берега, расположены огороды и бани; сзади дома едва огороженное балясникомъ мѣсто представляетъ дворъ, на которомъ стоитъ небольшой амбаръ, да и то не у каждаго хозяина. Навѣсовъ для скота или сараевъ никто почти не имѣетъ, а потому и станицы не представляютъ вида зажиточности и домовитости обитателей. У многихъ домовъ въ небольшихъ оконныхъ рамахъ стёкла, состоящія изъ множества мелкихъ кусковъ, оправленныхъ въ березовую кору, представляютъ изъ себя причудливой формы узоры, но вообще даютъ мало свѣта. Часто встрѣчаются дома, крытые древесною корой, мѣстами съ недостроенными крылечками. Въ нѣкоторыхъ станицахъ начальство велѣло передъ домами насадить деревья, но такъ какъ у казаковъ къ этому нѣтъ ни малѣйшей любви и охоты, то деревья повысохли, а палисадники развалились. Въ большихъ станицахъ дома тянутся въ двѣ или три улицы. Въ центрѣ станицы или на одномъ изъ ея концовъ, на болѣе возвышенномъ мѣстѣ, среди поляны, густо поросшей травой и лещиной, стоитъ небольшая деревянная церковь, у которой иногда увидишь два-три случайно уцѣлѣвшихъ дерева—березы или дуба. Вблизи церкви нѣсколько домовъ болѣе обширныхъ, предназначенныхъ для помѣщенія священника, сотеннаго командира, училища, правленія и проч. Дома внутри содержатся вообще чисто, стѣны и печь въ большинствѣ случаевъ выбѣлены известью; но какая то пустота и бездомность вѣютъ въ этихъ домахъ и наводятъ на васъ тяжелое чувство. Вообще проѣзжающаго по Амуру поражаетъ необычайная безжизненность его станицъ и бѣдность населенія. Лѣтомъ зелень, да изрѣдка проплывающій пароходъ, казачьи боты, оморочи туземцевъ или манджурскія лодки, бороздящіе рѣку, разнообразятъ этотъ пустынный видъ и умѣряютъ грустное впечатлѣніе; но зимой скованная морозами рѣка, представляющая

[1]) L. c., стр. 401.

съ окружающею мѣстностью сплошную снѣжную пустыню, еще увеличиваетъ тягостное чувство, овладѣвающее путникомъ при въѣздѣ въ точно вымершее селеніе.

Послѣ этого общаго очерка русской колонизаціи Амурской области мы перейдемъ къ частному обзору положенія каждаго изъ станичныхъ округовъ и каждой изъ волостей, входящихъ въ составъ Амурской области, и къ исчисленію всѣхъ населенныхъ мѣстъ области [1]).

1) *Игнашинскій станичный округъ.*

Первою группою русскихъ поселеній на Амурѣ, начиная отъ сліянія Шилки съ Аргунью, представляется *Игнашинскій* станичный округъ, заключающій въ себѣ 6 казачьихъ селеній и одну заимку, разбросанныхъ вдоль теченія Амура отъ Усть-Стрѣлочнаго поста на протяженіи около 170 верстъ. Селенія расположены вдоль лѣваго берега Амура въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Село *Покровское*, въ 4 вер. ниже сліянія Шилки съ Аргунью и въ 817 вер. выше Благовѣщенска. Оно состоитъ изъ 58 дворовъ и имѣетъ 365 жителей (185 м. п.), изъ коихъ 7 (4 м. п.) оленныхъ тунгусовъ (Орочонъ), 12 мѣщанъ (7 м. п.), остальные казаки. Въ селѣ 2 деревянныхъ церкви (одна старая), школа съ 29 учащимися, почтово-телеграфная станція, запасный хлѣбный магазинъ, 5 лавокъ, оптовый складъ, питейное заведеніе, 5 водяныхъ и 5 конныхъ мельницъ. Станица построена скученно, но при всемъ томъ, при единственномъ бывшемъ въ ней въ послѣднюю четверть вѣка, пожарѣ (зимнемъ), въ 1892 г. сгорѣлъ только одинъ дворъ. Жители занимаются, какъ и во всемъ станичномъ округѣ, преимущественно земледѣліемъ и скотоводствомъ, но отчасти охотою и рыбною ловлею. Въ ихъ владѣніе отмежевано всего 5500 дес. земли, но въ непосредственномъ ихъ пользованіи кромѣ лѣса состоитъ: усадьбы съ выгономъ 230 дес., покосовъ 300 дес., пахатной болѣе 310 дес., а всего 840 дес. каз. мѣры. Изъ пахатной подъ дѣйствительными посѣвами было въ 1893 г.: озимой ржи 1 дес., яровой (ярицы) 25 дес., пшеницы 69 дес. овса 70 дес., ячменя до 4 дес., а всего было засѣяно 169 дес. каз. мѣры, несчитая огородовъ. Изъ показаннаго количества земли 36 дес. орошаются искуственно. Лошадей жители содержатъ болѣе 400 головъ, въ

---

[1]) Эта часть нашего труда основана почти исключительно на произведенномъ, по распоряженію Генералъ-Губернатора Духовскаго, обслѣдованію всѣхъ населенныхъ мѣстъ области, согласно съ составленною редакторомъ настоящей книги программою.

томъ числѣ рабочихъ 324, рогатаго скота 330 (въ томъ числѣ коровъ 200, быковъ 18). Ремесленниковъ въ селеніи только 1 плотникъ и 2 кузнеца.

2) Выселокъ *Амазаръ* на Амурѣ, 37 вер. ниже Покровскаго, состоитъ изъ 8 дворовъ, и имѣетъ 61 жит. (31 м. п.), исключительно казаковъ. Въ селеніи есть часовня, почтовая станція и 1 конная мельница. Выселокъ построенъ просторно. Амазаръ не могъ развиться въ болѣе крупное селеніе, вслѣдствіе нерѣдкихъ здѣсь наводненій. Жителямъ отведена дача въ 5660 дес., но въ дѣйствительности они пользуются усадьбою и выгономъ въ 46 дес., покосомъ до 200 дес., пахатною землею до 35 дес., а всего 280 дес. каз. мѣры. Изъ нихъ дѣйстительно засѣвается: ярицею 5 дес., яровою пшеницею 4 дес., овсомъ 14 дес., гречей $2^1/_2$ дес., картофелемъ $1^1/_2$ дес., а всего 27 дес. каз. мѣры. Лошадей жители держатъ 80, (70 рабочихъ), рогатаго скота 25 штукъ (14 коровъ).

3) Станица *Игнашина*, въ 35 вер. ниже Амазара, по вьючному пути, на Амурѣ, состоитъ изъ 34 дворовъ и имѣетъ 237 жителей (116 м. п.), изъ коихъ 17 (9 м. п.) не принадлежатъ къ казачьему сословію (дворяне, мѣщане, крестьяне и ссыльно-поселенцы). Въ станицѣ есть церковь, школа съ 21 учащимися, станичное правленіе Игнашинскаго округа, почтово-телеграфная станція, 4 лавки, винный складъ, питейное заведеніе, оружейный складъ, соляная стойка, запасный хлѣбный магазинъ, 4 водяныя мельницы. Селеніе построено скученно, но на единственномъ бывшемъ здѣсь въ послѣднее 25-лѣтіе пожарѣ (зимнемъ) выгорѣлъ въ 1885 г. только одинъ дворъ. Во владѣніе станицы отведено 2500 дес. земли, но въ дѣйствительномъ пользованіи жителей, кромѣ лѣса, состоитъ: подъ усадьбой и выгономъ 125 дес., подъ покосомъ 500 дес., пахатной земли 153 дес., всего же до 780 дес. Подъ дѣйствительнымъ посѣвомъ находится: озимой ржи 13 дес., ярицы 15 дес., яровой пшеницы 24 дес., овса 35 дес., ячменя менѣе 1 дес., гречи 15 дес., картофеля 4 дес., а всего 107 дес. Изъ этого количества 18 дес. орошались искуственно. Лошадей въ станицѣ 284 (211 рабочихъ), рогатаго скота 210 (128 коровъ, 5 быковъ). Въ 12 вер. ниже станицы на Амурѣ находится *заимка* дворянина Астольфа *Квинто*, состоящая изъ 3 строеній, одного хозяйства и 2 жителей (кромѣ временныхъ работниковъ). Жители заимки, арендуя казенный участокъ земли, пашни не имѣютъ, а занимаются огородничествомъ, скотоводствомъ и рыбною ловлею. Скота содержатъ 5 штукъ крупнаго рогатаго и 8 рабочихъ лошадей.

4) Выселокъ *Сибневскій* выстроенъ не на Амурѣ, какъ всѣ остальные поселки юрта, а въ $1^1/_4$ вер. отъ рѣки, на берегу длиннаго и паралельнаго теченію Амура озера, въ 28 вер. отъ Игнашиной. Выселокъ состоитъ изъ 11 дворовъ и имѣетъ 75 жителей (40 м. п.), исключительно казаковъ. Въ селеніи есть часовня и почтово-телеграфная станція. Выселокъ былъ прежде станицею, на самомъ Амурѣ, у устья р. Уричи, но наводненія не дали развиться этой станицѣ, замѣнившейся нынѣ выселкомъ, который построенъ просторно. Во владѣніи его жителей состоитъ 930 дес. Изъ нихъ въ дѣйствительномъ пользованіи, кромѣ лѣсовъ: усадебной съ выгономъ 56 дес., покосовъ 100 дес., пахатной до 55 дес., а всего болѣе 210 дес. Изъ пахатной земли подъ посѣвомъ: озимой ржи болѣе 1 дес., ярицы $9^1/_2$ дес., яровой пшеницы 8 дес., овса 12 дес., ячменя 1 дес., гречи $4^1/_2$ дес., картофеля менѣе 1 дес., а всего подъ посѣвомъ 37 дес. каз. мѣры. Скота казаки содержатъ: лошадей 75 (65 рабочихъ), рогатаго скота 76 (48 коровъ, 3 быка).

5) Поселокъ *Свербѣевскій*, въ 31 вер. ниже Сгибнева по Амуру, построенъ не на прибрежной Амуру равнинѣ, какъ всѣ остальные поселки округа, а на подгорьѣ. Дворовъ въ немъ 34; онъ имѣетъ, жителей 207 (111 м. п.), въ томъ числѣ крестьянъ 6 (2 м. п.), остальные казаки. Школа вольно-наемная съ 15 учащимися, почтовая станція, лавка, питейное заведеніе, хлѣбный магазинъ, 1 водяная и 1 конная мельницы. Поселокъ построенъ просторно. Во владѣніи его состоитъ 3540 дес. Въ дѣйствительномъ же пользованіи: усадебной съ выгономъ 315 дес., покосовъ до 1000 дес., пахатной земли 143 дес., а всего до 1460 дес. Изъ пахатной земли было подъ посѣвами: озимой ржи 6 дес., ярицы до 21 дес., яровой пшеницы 12 дес., овса 36 дес., ячменя болѣе 1 дес., гречи 20 дес., картофеля 8 дес., а всего 104 дес. Скота казаки содержатъ: лошадей 208 (183 рабочихъ), рогатаго скота 200 головъ (117 коровъ, 43 быка).

6) Послѣднее селеніе Игнашинскаго станичнаго округа по Амуру, выселокъ *Орловскій*, находится въ 33 вер. отъ предшедшаго по вьючному пути. Поселокъ состоитъ изъ 20 дворовъ и имѣетъ 156 жит. (69 м. п.). Въ немъ есть часовня, школа (вольно-наемная) съ 10 учащимися, почтовая станція, хлѣбный магазинъ, 1 конная мельница. Постройки селенія скучены, но при единственномъ (зимнемъ) въ послѣднюю четверть вѣка пожарѣ 1890 года — сгорѣлъ здѣсь только одинъ дворъ. Во владѣніи селенія состоитъ 2180 дес., а въ дѣйствительномъ пользованіи кромѣ лѣса: усадебной съ выгономъ до

20, покоса 80 дес., пахатной 94 дес., и всего 194 дес. Изъ пахатной земли дѣйствительно засѣвалось: ярицею $28^1/_2$ дес., яровою пшеницею $13^1/_2$ дес., овсомъ 30 дес., ячменемъ менѣе 3 дес., гречею $9^1/_2$, картофелемъ 5, а всего до 90 дес. Изъ этого количества посѣва 6 дес. искуственно орошалось. Скота казаки содержатъ: 180 лошадей (150 рабочихъ), рогатаго скота 125 головъ (84 коровы).

Земли, отведенныя округу, въ количествѣ 20300 дес., тянутся узкою, мѣстами прерывающеюся полосою вдоль Амура, между его русломъ и сопровождающими теченіе Амура съ лѣвой стороны горами, 76% отведенной казакамъ площади покрыто лѣсомъ. Лѣсъ состоитъ изъ обыкновенной березы и лиственницы, къ которымъ мѣстами примѣшиваются сосны; рѣдко встрѣчаются ели и пихты. Хвойный лѣсъ преобладаетъ на возвышенностяхъ, а береза съ осиною, черемухою и отдѣльно разбросанными лиственницами покрываютъ равнины. Здѣшнія деревья не очень толсты да и самый лѣсъ не густъ. Въ 6 поселкахъ округа дворовъ 166, жилыхъ строеній 263; всѣ они выстроены изъ сосноваго лѣса, крыты тесомъ и дранью и отапливаются дровами. Дрова и строевой лѣсь рубятся очень близко отъ селеній. Кирпичъ выдѣлывается отдѣльными лицами изъ мѣстной глины и идетъ только на печи. Поселки, кромѣ самыхъ мелкихъ (Амазарскаго и Сгибневскаго), построены скученно, но пожары въ нихъ рѣдки, а въ бывшихъ пожарахъ сгорало не болѣе одного двора. Жителей въ округѣ 1102 (553 м. п.). За исключеніемъ 42 (24 м. п.)[1]), всѣ жители казаки коннаго Амурскаго полка. Въ прежнее время эти казаки жили въ Забайкальской области, по берегамъ Шилки и Аргуни, но переселены на Амуръ въ 1857 и 58 годахъ. Къ этимъ годамъ и относится основаніе всѣхъ поселковъ области, кромѣ Сгибневскаго, возникшаго въ 1881 г. и образованнаго казаками, выселившимися изъ станицы Игнашиной, и кромѣ заимки дворянина Квинто, построенной въ 1885 г. на земляхъ, заарендованныхъ у казны. Иновѣрцевъ въ округѣ нѣтъ. Въ населеніи Игнашинскаго округа пропорція женщинъ вполнѣ достаточна (на 1000 мужчинъ приходится 993 женщинъ), т.-е. пропорція гораздо болѣе сильная, чѣмъ обыкновенно бываетъ у переселенцевъ, инородцевъ и въ особенности у ссыльно-поселенцевъ. Въ числѣ жителей округа въ рабочемъ возрастѣ состоитъ 251 мужч. и 283 женщины. Такая разность находитъ свое объясненія въ служебномъ отсутствіи многихъ казаковъ рабочаго возраста. Въ общемъ же рабочій

[1]) Дворяне, мѣщане, крестьяне, ссыльно-поселенцы и инородцы.

возрастъ составляетъ 48% всего населенія, число брачныхъ паръ 229, изъ коихъ брачныхъ паръ въ рабочемъ возрастѣ 197, такъ что въ тяглѣ 2,8 д. м. п. Составъ дворовъ въ округѣ представляется также достаточно сильнымъ, а именно на дворъ приходится 7 жит. об. п. и среднимъ числомъ на дворъ болѣе $1^{1}/_{2}$ работниковъ, не считая вышедшихъ изъ рабочаго возраста и недостигшихъ этого возраста полуработниковъ, численность которыхъ можетъ увеличить среднюю рабочую силу двора до 2 работниковъ на дворъ.

О количествѣ земли, отведенной всему округу, было уже говорено выше; ее приходится до 37 дес. на душу м. п., но въ дѣйствительномъ пользованіи казаковъ округа состоитъ, кромѣ лѣсовъ, 4600 дес., земли, т.-е., $8^{2}/_{3}$ на душу м. п., 23 дес. на тягло, 28 дес., на дворъ. Въ числѣ этой земли усадебныя земли съ выгонами занимаютъ 800 дес., пахатныя земли столько же, а покосы до 3000 десятинъ. Изъ пахатной земли подъ посѣвами состоитъ: 565 десятинъ, изъ которыхъ 120 дес. орошаются искуственно. Такимъ образомъ посѣвовъ приходится болѣе 1 дес. на душу м. п., по 2,8 дес. на тягло, 3,4 на дворъ. Озимые хлѣба почти совсѣмъ не сѣются. Подъ посѣвами озимой ржи во всемъ округѣ было только 20 десятинъ, давшихъ въ 1893 г. 1800 пудовъ, а обыкновенно дающихъ 1500 пудовъ. Изъ пищевыхъ хлѣбовъ большіе посѣвы принадлежатъ яринѣ и яровой пшеницѣ. Подъ посѣвомъ первой было 105 дес., и она дала въ 1893 г. 7400 пуд., а обыкновенно даетъ 6300 пудовъ. Яровой пшеницы высѣвалось 130 дес.; въ 1893 г. онѣ дали 11400 пуд., а обыкновенно даютъ 10000 пуд. Такимъ образомъ округъ производитъ ржи и пшеницы, за сѣмянами, болѣе 14 тыс. пуд., т.-е. около 13 пуд. на душу об. п., такъ что мѣстное продовольствіе при среднемъ урожаѣ почти обезпечено. На помощь пищевому хлѣбу приходитъ еще греча, которой высѣвается 70 дес., давшихъ въ 1893 г. до 4000 пуд., а обыкновенно дающихъ 2700 пуд. Овса высѣваютъ до 200 десятинъ, давшихъ въ 1893 г. 13200 пуд., а обыкновенно дающихъ свыше 10800 пуд. Ячменя высѣвается только 10 дес. Въ 1893 г. онъ далъ 520 пуд.., обыкновенно 450. Наконецъ картофеля высѣвается 30 дес., давшихъ въ 1893 г. 17 тыс. пуд., а обыкновенно 13. Огородничество въ округѣ достаточно развито. Въ огородахъ разводятъ съ успѣхомъ капусту, огурцы, морковь, брюкву, свеклу и картофель, который сажается и на поляхъ. Предметы огородничества не только идутъ на собственное потребленіе, но и въ продажу. Бахчеводство и садоводство совсѣмъ не развиты.

Замѣчательно, что казаки округа мелкаго скота совсѣмъ не содержатъ, безъ сомнѣнія по климатическимъ условіямъ, но лошадей и крупнаго рогатаго скота имѣютъ достаточное количество, а именно лошадей 1230, въ томъ числѣ рабочихъ 830, рогатаго скота 1170 головъ, въ томъ числѣ 600 коровъ, 70 быковъ, остальное—телята. Такимъ образомъ приходится рабочихъ лошадей на взрослаго работника болѣе 3-хъ, всѣхъ лошадей на дворъ болѣе 7, а рогатаго скота по 7 штукъ на дворъ.

Изъ промысловъ жителей большое развитіе имѣютъ только охота и рыбная ловля. Предметами охоты изъ звѣрей служатъ: изюбрь, дикая коза, кабарга, кабанъ, волкъ, лисица, заяцъ, хорекъ и бѣлка. Изъ птицъ: глухарь, рябчикъ, дикій гусь и утка. Развитію рыболовства способствуетъ богатство рыбою рѣки Амура. Ловъ производится не только въ Амурѣ, но и въ рѣкахъ Амазарѣ, Мутной, Уркѣ, Уричѣ, Ольдоѣ, Албазинкѣ. Предметомъ лова служатъ: осетръ, калуга, таймень, ленокъ, щука, сигъ, хайрюзъ, налимъ, сомъ, чебакъ и карась. Ловъ казаки большею частью производятъ или одиночно или семейно, такъ какъ при близости рѣки въ большихъ отхожихъ артеляхъ не представляется надобности.

2) Албазинскій станичный округъ.

Вторую группу русскихъ поселеній на Амурѣ составляетъ *Албазинскій* станичный округъ, заключающій въ себѣ 5 казачьихъ и 1 крестьянское селеніе, разбросанныхъ на протяженіи до 120 верстъ вдоль Амура. Селенія эти расположены вдоль лѣваго берега Амура въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Поселокъ *Рейновскій*, въ 6 вер. ниже крайняго поселка Игнашинскаго юрта—Орловскаго и въ 20 вер. выше Албазина, расположенъ на подгорьѣ лѣваго берега рѣки. Онъ состоитъ изъ 22 дворовъ, имѣетъ 100 жит. (62 м. п.) казаковъ. Въ поселкѣ есть церковь, три лавки, питейное заведеніе, хлѣбный запасный магазинъ, почтово-телеграфная станція. Поселокъ построенъ просторно. Во владѣніе жителей отведено 16675 десятинъ земли, но въ непосредственномъ ихъ пользованіи, кромѣ лѣса, находится не болѣе 270 дес., а именно: усадебной съ выгономъ 115 дес., покосной 110 и пахатной 41. Послѣдняя, впрочемъ, лежитъ въ залежахъ, такъ какъ здѣшніе казаки хлѣба совсѣмъ не сѣютъ и только имѣютъ огороды. Лошадей они содержатъ 138 (124 рабочихъ), рогатаго скота 70 головъ, (42 коровы, остальное—телята), а изъ

мелкаго 1 овцу и 5 свиней. Въ Рейновѣ находится резиденція, т.-е. мѣстное управленіе и склады Верхне Амурской золотопромышленной компаніи, на которыхъ жители селенія и находятъ себѣ заработки.

2) Станица *Албазинъ*, въ 33 вер. ниже Рейнова, по Амуру и въ 600 вер. выше Благовѣщенска, на прибрежной равнинѣ. Станица состоитъ изъ 111 дворовъ и имѣетъ 616 жителей (312 м. п.) казаковъ. Она имѣетъ 2 церкви, школу съ 40 учащимися, станичное правленіе, пороховой погребъ, соляную стойку, запасный хлѣбный магазинъ, 5 лавокъ, 3 винныхъ склада, питейное заведеніе, 6 конныхъ мельницъ, почтовое отдѣленіе и телеграфную станцію. Во владѣніе Албазинской станицы отведено 16654 дес., но въ непосредственномъ пользованіи казаковъ станицы, кромѣ лѣса, находится 522 дес. усадебной земли съ выгономъ, 1500 дес. покоса и 406 дес. пахатной земли, т.-е., всего 2428 дес. Изъ числа пахатной земли состоитъ подъ посѣвами: ярицы 71 дес., яровой пшеницы 99 дес., овса 74 дес., ячменя 10 дес., конопли 1 дес., а всего засѣвается 255 дес. Лошадей казаки станицы держатъ 606, (рабочихъ лошадей 488), рогатаго скота 495 (290 коровъ и быковъ, остальное—телята) и мелкаго скота—3 овцы и 80 свиней.

3) Крестьянское селеніе *Старо-Воскресенское*, въ 17 верстахъ ниже Албазина, по Амуру, на прибрежной равнинѣ. Оно состоитъ изъ 19 дворовъ и имѣетъ 91 жит. (50 м. п.), крестьянъ, переселившихся сюда въ 1860 г. изъ Верхо-Ленской волости Иркутской губерніи. Въ селеніи есть часовня, почтовая станція и 3 конныя мельницы. Въ непосредственномъ пользованіи крестьянъ селенія земли: усадебной съ выгономъ 135 дес., покосной 144 пахатной 57 а всего 336 дес. Изъ числа пахатной земли подъ посѣвами: ярицы 12 дес., яровой пшеницы 17 дес., овса 22 дес., ячменя 2 дес., а всего 53 дес. кромѣ огородовъ. Скота крестьяне держатъ: лошадей 93 (78 рабочихъ), рогатаго скота 117 (коровъ 60, быковъ 10, остальное—телята) мелкаго скота: овецъ 1, свиней 16.

4) Поселокъ *Бейтоновъ*, въ 17 вер. по вьючному пути ниже селенія Воскресенскаго, по Амурской прибрежной равнинѣ, состоитъ изъ 31 двора, 213 жит. (108 м. п.) казаковъ, имѣетъ часовню, школу съ 23 учащимися, 2 лавки, питейное заведеніе, 8 конныхъ мельницъ, хлѣбный магазинъ, почтовую станцію. Во владѣніе казаковъ поселка отмежевано 16600 дес. Изъ нихъ, кромѣ лѣса, въ непосредственномъ пользованіи: усадебной съ выгономъ 115 дес., покосной 322, пахатной съ

залежами 224, а всего 660 дес. Въ числѣ послѣдней подъ посѣвами: ярицы 43 дес., яровой пшеницы 94 дес., овса 35 дес.; ячменя 8 дес., а всего 180 дес. Лошадей казаки содержатъ 280 (220 рабочихъ), рогатаго скота 340 (коровъ 156), мелкаго скота: овецъ 2, свиней 46. Въ 2 вер. выше Бейтонова расположенъ былъ складъ золотопромышленниковъ братьевъ Бутиныхъ и ихъ мѣстное пріисковое управленіе.

5) Поселокъ *Пермикинскій*, въ 26 вер. ниже Бейтоновскаго (вьючнымъ лѣтнимъ путемъ), состоитъ изъ 28 дворовъ, 146 жит. (79 м. п.), казаковъ, имѣетъ часовню, хлѣбный магазинъ, почтовую станцію, 1 лавку, 4 конныхъ мельницы. Во владѣніе казаковъ поселка отмежевано 16490 дес. Изъ нихъ кромѣ лѣса въ дѣйствительномъ пользованіи казаковъ состоитъ: усадебной съ выгономъ 190 дес., покосной около 180 дес., пахатной съ залежами 154 дес., а всего 524 дес. Въ числѣ послѣдней подъ посѣвами ярицы до 18 дес., яровой пшеницы 27 дес., овса $36^1/_2$ дес., ячменя $2^1/_2$ дес., конопли $^1/_2$ дес., а всего 84 дес. Лошадей казаки содержатъ 215 (163 рабочихъ), рогатаго скота 163 (коровъ 95), мелкаго: свиней 11.

6) Поселокъ *Бекетовскій*, въ 24 вер. ниже Пермикинскаго, считая по лѣтнему вьючному пути, построенъ на подгорьѣ лѣваго берега Амура. Онъ заключаетъ въ себѣ 12 дворовъ, 84 жит. об. п. (39 м. п.), казаковъ. Въ поселкѣ есть часовня, хлѣбный магазинъ, почтовая и телеграфная станціи, конная мельница. Во владѣніе выселка отведено 16670 дес. земли. Въ дѣйствительномъ же пользованіи: усадебной съ выгономъ 70 дес., покосной 150 дес., пахатной 82 дес., а всего болѣе 300 дес. Изъ пахатной земли было подъ посѣвами: ярицы 23 дес., яровой пшеницы 22 дес., овса 15 дес., ячменя 6 дес., а всего 66 дес. Скота казаки содержали: лошадей 103 (85 рабочихъ, рогатаго 98 (54 коровъ и быковъ), свиней 7.

Земли, отведенныя всему населенію 6 поселковъ округа тянутся вдоль Амура мѣстами широкою полосою, до 90% которой покрыто лѣсомъ. Лѣсъ этотъ имѣетъ такой же характеръ, какъ и на земляхъ Игнашинскаго округа, и состоитъ преимущественно изъ березы, лиственницы и сосны. Въ 6 поселкахъ округа дворовъ 217. Поселки построены просторно. Пожаровъ въ нихъ не бывало. Дома выстроены также какъ и церкви, изъ сосноваго и отчасти лиственнаго лѣса, крыты отчасти тесомъ, но болѣе сосновою и лиственичною дранью, отапливаются березовыми и лиственичными дровами. Дрова и строевой лѣсъ рубятся въ казачьихъ дачахъ, вер. отъ 5 до 8 отъ селеній. Кирпичъ, выдѣлываемый отдѣльными лицами изъ мѣ-

стной глины, идетъ только на печи. Жителей 1250 об. п. (650 м. п.), коннаго Амурскаго полка, переселенныхъ на Амуръ изъ Забайкалья въ 1857—1859 г. Изъ жителей—крестьянъ 91 об. п. (50 м. п.), остальные казаки. Крестьяне переселены изъ Верхо-Ленской волости Иркутской губ. въ 1860 г. Пропорція женщинъ въ Албазинскомъ округѣ несравненно невыгоднѣе, чѣмъ въ Игнашинскомъ, а именно на 1000 мужчинъ здѣсь приходится 923 женщины. Въ числѣ жителей округа въ рабочемъ возрастѣ состоитъ 293 мужчинъ и 297 женщинъ такъ что въ рабочемъ возрастѣ число мужчинъ и женщинъ уравновѣшено, что объясняется служебнымъ отсутствіемъ многихъ казаковъ. Въ общемъ рабочій возрастъ составляетъ 47% всего населенія. Брачныхъ паръ 226, изъ нихъ 210 въ рабочемъ возрастѣ; на тягло приходится 3,1 д. м. п. На дворъ приходится менѣе 6 д. об. п. и 1, 4 работника, слѣдовательно, составъ двора нѣсколько слабѣе, чѣмъ въ Игнашинскомъ округѣ.

Земли отведено всему округу болѣе 83 тыс. дес., ее приходится слѣдовательно на душу м. п. по 127 дес., но въ дѣйствительномъ пользованіи казаковъ и крестьянъ округа состоитъ до 4400 дес. т.-е., по 6,7 дес. на душу м. п., на взрослаго работника по 15 дес., на дворъ по 20 дес. Въ числѣ этой земли: усадебной съ выгономъ 1176 дес., пахатной съ залежами 850 дес., покосной 2370 дес. Пахатной земли подъ посѣвами состоитъ 73%, а именно 620 дес. Такимъ образомъ посѣвовъ приходится менѣе 1 дес. на душу м. п., почти по 3 дес. на тягло и на дворъ. Озимые хлѣба совсѣмъ не сѣются. Подъ посѣвами ярицы было 160 дес. и она дала, въ 1893 г. 9600 пудовъ, что и составляетъ средній ея урожай. Яровой пшеницы высѣвалось 253 дес., и она дала въ 1893 г. 16400 пудовъ, что и соотвѣтствуетъ среднему урожаю. Овса высѣвалось 178 дес., и получилось въ 1893 г. 13500 пуд., что соотвѣтствуетъ среднему урожаю. Ячменя высѣвается до 26 дес., съ которыхъ въ 1893 г. получено 1600 пудовъ. Такимъ образомъ округъ производитъ ржи и пшеницы за сѣменами, 21000 пуд., что составитъ на душу об. п. 17 пудовъ, такъ что мѣстное потребленіе при среднетъ урожаѣ обезпечено. Кромѣ хлѣба въ округѣ разводится еще немного конопли, а именно получается до 20 пуд. волокна и 40 пуд. сѣмени. Огородничество существуетъ только для собственнаго потребленія. Разводятъ въ огородахъ картофель, огурцы, капусту, морковь, рѣдьку, рѣпу, брюкву, и пр.

Лошадей жители округа содержатъ 1434 (1164 рабочихъ), крупнаго рогатаго скота 1180 (до 700 коровъ). На взрослаго

работника приходится рабочихъ лошадей 4, а на дворъ всѣхъ лошадей около 7, и еще нѣсколько болѣе крупнаго рогатаго скота. Свиноводство также достаточно развито; свиней въ округѣ 165. Жители поселковъ Пермикинскаго, Бекетовскаго и Бейтоновскаго занимаются охотою: предметами добычи служатъ коза, изюбрь, сохатый, кабанъ, бѣлка, хорекъ, лисица, а изъ птицъ гусь, утка, рябчикъ, глухарь. Рыболовствомъ, въ видѣ промысла, жители округа не занимаются, но ловятъ рыбу только для своихъ потребностей. Ремеслами жители округа совсѣмъ не занимаются.

3) Черняевскій станичный округъ.

Третью группу казачьихъ поселковъ образуетъ 8 селеній *Черняевскаго* станичнаго округа, растянутыхъ вдоль теченія Амура на 150 верстъ.

1) Пос. *Толбузинскій* расположенъ на подгорьѣ, въ 30 вер. ниже Бекетовскаго поселка и въ 2 вер. отъ Амура, состоитъ изъ 27 двор.и 161 жит. (83 м. п.) казаковъ. Въ поселкѣ есть деревянная часовня и школа съ 22 учащимися, 2 мелочныя лавки, 5 конно-канатныхъ мельницъ, хлѣбный магазинъ и почтовая станція.

Во владѣніе жителей Толбузинскаго и Ольгинскаго поселковъ отрѣзано болѣе 1700 дес. земли, но въ дѣйствительномъ пользованіи Толбузина состоитъ 652 дес., изъ коихъ 20 заняты усадебною осѣдлостью и выгономъ, 232 дес. пашнею и залежами и 400 покосами. Лѣсъ находится близко отъ селенія и состоитъ изъ сосны, лиственницы, березы и дуба. Изъ пахатной земли засѣвается: ярицею 30 дес., яровою пшеницею 31, овсомъ 42, ячменемъ 7, а всего 110 дес. Лошадей жители содержатъ до 250 головъ (190 рабочихъ), рогатаго скота до 180 (95 коровъ), свиней 145. Между Толбузинымъ и Ольгинымъ, верстахъ въ 30 отъ первого и 19 отъ второго, находится почтовая станція *Ваганова*, бывшая когда-то станицею, а впослѣдствіи раскочевавшаяся.

2) Поселокъ *Ольгинскій* находится на Амурѣ верстахъ въ 49 отъ Толбузина. Онъ состоитъ изъ 17 двор. и содержитъ 133 жит. (77 м. п.), казаковъ. Въ немъ есть часовня, экономическій магазинъ, 4 конно-канатныя мельницы, почтовая станція. Въ пользованіи жителей состоитъ 340 дес. земли, въ томъ числѣ усадебной съ выгономъ 11 дес., пахатной съ залежами 130 дес., покосной 200 дес. Подъ посѣвами: ярицы состоитъ 25 дес., яровой пшеницы 30, овса 10, ячменя до 4, а всего 69 дес. Лошадей жители держатъ до 230 (173 рабочихъ), рогатаго скота 130 (80 коровъ), свиней 72.

3) Заимка *Дроздова* расположена на Амурѣ при устьѣ рч. Ольги, въ 13 вер. выше станицы Черняевской. Она состоитъ изъ 5 дворовъ и 18 жителей (12 м. п.), мѣщанъ Благовѣщенска и Верхнеудинска, поселившихся здѣсь въ 1889 году. Жители заимки земледѣліемъ не занимаются и промышляютъ рубкою и сплавомъ лѣса. Содержатъ 18 лошадей.

4) Станица *Черняева* расположена вблизи Амура на подгорьѣ, въ 28 вер. отъ Ольгина и въ 423 вер. выше Благовѣщенска. Она состоитъ изъ 54 дворовъ и имѣетъ жителей 344 (184 м. п.). Жители, кромѣ 3-хъ мѣщанъ, всѣ казаки. Въ селеніи деревянная церковь, школа съ 42 учащимися, станичное управленіе, экономическій магазинъ, питейное заведеніе, мелочная лавка и 10 конно-конатныхъ мельницъ, телеграфная и почтовая станціи. Земли отведено жителямъ станицы свыше 2100 дес., но въ дѣйствительномъ пользованіи до 700 дес., въ томъ числѣ пахатной 276 дес. Подъ посѣвами: ярицы 58 дес., яровой пшеницы 52, овса 48, ячменя до 7, а всего 165 дес. Лошадей казаки держатъ 470 (336 рабочихъ), рогатагоскота 340 (184 коровы), свиней 145.

5) Заимка *Веселая* расположена въ 14 вер. отъ станицы внизъ по Амуру. Она состоитъ изъ 4 дворовъ, имѣетъ 11 жителей (6. м. п.) Благовѣщенскихъ мѣщанъ, поселившихся здѣсь въ 1886 г. Земледѣліемъ они не занимаются, а промышляютъ сплавкою лѣса. Содержатъ 17 лошадей, двѣ штуки рогатаго скота и 4 свиньи. Ниже Веселой почти на полупути между Черняевой и слѣдующимъ поселкомъ Кузнецовскимъ расположена почтовая станція *Торой*.

6) Поселокъ *Кузнецовскій* расположенъ въ 35 вер. отъ Черняевой внизъ по Амуру, выше устья рч. Анганъ. Онъ состоитъ изъ 14 дворовъ, имѣетъ 82 жит. (45 м. п.), казаковъ, часовню, экономическій магазинъ и почтовую станцію. Казакамъ поселка отведено до 160 дес. земли, въ томъ числѣ усадебной 20 дес., пахатной 73 дес., да лугу 20 дес. Засѣвается ярицею 27 дес., яровой пшеницею 14, овсомъ до 11, ячменемъ до 4, а всего 56 дес. Скота казаки содержатъ: лошадей 160 (рабочихъ до 130), рогатаго скота 110 (80 коровъ), свиней 66.

7) Выселокъ *Ермаковскій* расположенъ на Амурскомъ подгорьѣ, въ 25 вер. ниже Кузнецовскаго; передъ впаденіемъ въ Амуръ рч. Онона. Въ немъ 7 дворовъ, 35 жителей (14 м. п.) казаковъ, часовня, экономическій магазинъ, конно-канатная мельница и почтовая станція. Въ пользованіи казаковъ 142 дес., въ томъ числѣ подъ усадьбою и выгономъ 55 дес., пахатной съ залежами 37 дес., покосовъ 50 дес. Посѣвы: подъ ярицею

10 дес., яровою пшеницею 6, ячменемъ 1 и овсомъ $^1/_4$ дес., а всего 17 дес. Скота казаки содержатъ: лошадей 57 (40 рабочихъ), рогатаго скота 67 (коровъ 30), свиней 7.

8) Заимка *Нижне-Ермаковская* расположена отъ поселка въ 13 вер. ниже по Амуру. Въ ней 6 дворовъ, 30 жителей об. п. (17 м. п.), въ томъ числѣ 4 иркутскихъ мѣщанъ, остальные крестьяне. Заимка возникла въ 1885 г. Жители занимаются не земледѣліемъ, а рубкою и сплавомъ лѣса, содержатъ 34 лошади и 31 штуку рогатаго скота. Вблизи заимки находится почтовая станція *Цагаянъ*.

Земель Черняевскому округу отведено только 4100 дес. Въ 8 поселкахъ округа: дворовъ 134. Селенія построены просторно; пожаровъ въ нихъ не бывало. Дома всѣ выстроены отчасти изъ сосноваго, отчасти изъ лиственичнаго лѣса, крыты дранью и тесомъ. Жителей 814 (438 м. п.). За исключеніемъ 20 мѣщанъ (11 м. п.), всѣ жители казаки коннаго Амурскаго полка, жившіе прежде въ Забайкальской области, по берегамъ Шилки и Аргуни и переселенные сюда въ 1857, 1858 и 1860 г. Заимки же, населенныя мѣщанами, основаны въ 1885—1889 г. Пропорція женщинъ въ Черняевскомъ округѣ еще невыгоднѣе, чѣмъ въ Албазинскомъ, а именно, на 1000 мужчинъ приходится только 858 женщинъ. Въ числѣ жителей округа въ рабочемъ возрастѣ 190 мужчинъ и 159 женщинъ. Въ общемъ рабочій возрастъ составляетъ 43% всего населенія. Брачныхъ паръ 131. На тягло приходится 3,1 д. м. п. На дворъ приходится 6 д. об. п. и 1,4 работника, то-есть ровно столько же, какъ и въ сосѣднемъ Албазинскомъ округѣ.

Въ непосредственномъ пользованіи жителей округа состоитъ (кромѣ лѣсовъ) до 1950 дес., то-есть $4^1/_2$ дес. на душу м. п., на взрослаго работника 12 дес., на дворъ 14,4 дес., то-есть относительно земельнаго довольства Черняевскій округъ находится въ въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ въ области, безъ сомнѣнія вслѣдствіе неимѣнія удобныхъ для земледѣлія земель въ сосѣдствѣ Амура. Изъ упомянутаго количества земли 130 дес. занято усадьбами и выгономъ, 1070 дес. покосами и 750 пашнями. Изъ пахатной земли состоитъ подъ посѣвами 423 дес., то-есть 57% всей пахатной земли. Посѣвовъ приходится менѣе 1 дес. на душу м. п., 3,2 на тягло и на дворъ. Озимые хлѣба совсѣмъ не сѣются. Подъ посѣвами ярицы было 150 дес. и они дали въ неурожайный для округа 1893 годъ 2800 пудовъ, между тѣмъ какъ обыкновенный урожай составляетъ не менѣе 8600 пудовъ. Яровая пшеница со 140 дес. посѣва дала 4430 пудовъ, вмѣсто обычнаго урожая свыше

7260 пудовъ, а вообще пищевыхъ хлѣбовъ, за сѣменами родилось только 4300 пудовъ, вмѣсто обыкновенныхъ 13000 пудовъ. Въ обыкновенные годы, слѣдовательно, на душу об. п. приходится за сѣмянами пищеваго хлѣба почти по 16 пудовъ, что вполнѣ обезпечиваетъ мѣстное потребленіе, между тѣмъ какъ въ 1893 г. хлѣба для этого потребленія оказалось недостаточно. Овса въ 1893 г. на 111 дес. родилось 3330 пуд., вмѣсто обычнаго урожая, превышающаго 5200 пуд. Наконецъ, 22 дес. ячменя дали только 450 пуд., вмѣсто обычныхъ 900. Другихъ хлѣбовъ, льна и конопли въ округѣ не разводится. Огородничество имѣетъ достаточное развитіе. Сажаютъ въ огородахъ картофель, огурцы, морковь, свеклу, брюкву, рѣдьку и капусту.

Лошадей жители округа держатъ: 2080 (770 рабочихъ), рогатаго скота 860 (460 коровъ). На взрослаго работника приходится рабочихъ лошадей около 4, а на дворъ всѣхъ лошадей по 15. Свиноводство также достаточно развито: свиней держатъ 440 шт., овецъ вовсе не водятъ. Жители округа занимаются охотою на медвѣдя, волка, лисицу, сохатаго, кабана, бѣлку, хорька и на птицъ: гусей, утокъ, глухарей, рябчиковъ и тетеревовъ. Рыболовство также развито, но одиночное. Добываютъ осетровъ, калугу, севрюгу, тальменей, щукъ, налимовъ и мелкую рыбу. Ремесла въ округѣ совсѣмъ не развиты.

4) Кумарскій станичный округъ.

За Черняевскимъ округомъ расположенъ *Кумарскій*, растянутый вдоль Амура на 165 вер. и состоящій изъ 10 поселковъ:

1) *Аносовскій* поселокъ находится верстахъ въ 23 ниже послѣдняго поселка Черняевскаго округа по Амуру и въ 280 вер. выше Благовѣщенска, на открытой равнинѣ, на рч. Ульмынъ. Онъ состоитъ изъ 56 дворовъ, имѣетъ 378 жит. (187 м. п.), казаковъ. Въ немъ есть церковь, школа съ 26 учащимися, запасный хлѣбный магазинъ, общественное питейное заведеніе, 3 водяныхъ и 7 конныхъ мельницъ, почтовая и телеграфная станціи. Поселокъ возникъ въ 1873 г. Мѣстность имъ занятая, никогда не подвергается наводненіямъ. Въ непосредственномъ пользованіи поселка 1806 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгономъ 1056 дес., пахатной съ залежами 350 дес., покосной 400 дес. Посѣвы: подъ ярицею 86 дес., яровою пшеницею 86, овсомъ 77, ячменемъ 10 и гречихою 3, а всего 262 дес. Жители содержатъ 553 лошадей (390 ра-

бочихъ), рогатаго скота 362 (204 коровъ, 28 воловъ), свиней 150.

2) *Нововоскресенское* селеніе, въ 7 вер. ниже Аносовскаго поселка. Одна половина его расположена на озерѣ, въ $1^1/_4$ вер. отъ Амура, другая на рч. Грязнушкѣ, въ $2^1/_4$ вер. отъ Амура. Селеніе состоитъ изъ 48 дворовъ, 350 жит. (193 м. п.), переселившихся сюда въ 1870 г. изъ губерній Астраханской, Воронежской, Томской, Иркутской и изъ Забайкальской обл. Оно имѣетъ часовню, хлѣбный запасный магазинъ, общественное питейное заведеніе, мелочную лавку, 5 конныхъ мельницъ. Мѣстность подвержена наводненіямъ, которыя были здѣсь въ 1872, 1876 и 1879 годахъ. Въ непосредственномъ пользованіи жителей 1008 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгономъ 350 дес., пахатной 408 дес., покосной 250 дес. Посѣвовъ: подъ ярицею 43 дес.. яровою пшеницею 110 дес., овсомъ 52 дес., ячменемъ 2 дес., коноплею $^3/_4$ дес., гречею $^1/_2$ дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 304 (217 рабочихъ), рогатаго 490 (140 коровъ и 120 воловъ), свиней 91. Между Аносовымъ и Ушаковскимъ поселками, на берегу Амура, въ 28 вер. ниже перваго и 14 вер. выше втораго, расположена почтовая станція *Кольцова.*

3) *Ушаковскій* поселокъ, въ 72 вер. ниже Аносова по Амуру, состоитъ изъ двухъ половинъ, одна на берегу Амура и другая въ 1 в. оттуда—на озерѣ. Мѣстность иногда заливается водою; наводненія были въ 1872 и 1879 г. Въ поселкѣ 42 двора, 260 жит. (145 м. п.). Кромѣ 4 мѣщанъ и солдатъ жители казаки, поселившіеся здѣсь въ 1872 и 1881 годахъ. Поселокъ имѣетъ часовню, общественный хлѣбный магазинъ, питейное заведеніе, 5 конныхъ мельницъ и почтовую станцію. Въ непосредственномъ пользованіи казаковъ находится земли 1790 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгономъ 1053 дес., пахатной съ залежами 292 дес,, покосовъ 446. Въ посѣвѣ: подъ ярицею 51 дес., яровою пшеницею 68, овсомъ 57, ячменемъ до 6, гречихою 5 дес. Скота казаки содержатъ: лошадей 484 (323 рабочихъ), рогатаго скота 445 (230 коровъ и 15 воловъ), свиней 108. Почти на полупути между Ушаковскимъ поселкомъ и Кумарскою станицею находится почтовая станція *Александровка.*

4). Станица *Кумарская*, расположена верстъ 50 ниже Ушаковскаго поселка, на берегу Амура. Мѣстность заливается водою. Наводненія были въ 1872, 1876, 1879 и 1884 годахъ. Дворовъ 26, жителей до 200 (111 м. п.). Кромѣ 18 мѣщанъ (изъ которыхъ 3 поляковъ) всѣ жители казаки, поселившіеся здѣсь еще въ 1857 г. Въ станицѣ есть церковь, станичное управленіе, школа съ 23 учащимися, хлѣбный магазинъ, питей-

ный домъ, 2 лавки, 6 конныхъ мельницъ, почтовая и телеграфная станціи. Земель въ непосредственномъ пользованіи казаковъ 1196 дес., въ томъ числѣ: 312 усадебной съ выгономъ, пахатной 182 дес., покосной 700. Въ посѣвѣ находится: ярицы 51, яровой пшеницы 52, овса 36, ячменя 3, гречихи до 16 дес. Лошадей казаки содержатъ 260 (164 рабочихъ), рогатаго скота 320 (104 коровы и 86 воловъ), свиней 106.

5) Поселокъ *Ново-Кумарскій*, въ 19 вер. ниже станицы, на уступѣ горъ, спускающихся къ р. Береѣ. Дворовъ 17, общественный магазинъ, 9 конныхъ мельницъ, жителей 131 (75 м. п.), казаковъ, поселившихся здѣсь въ 1873 г. Земель въ непосредственномъ пользованіи казаковъ 620 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгономъ 400 дес., пахатной 160 дес., покосной 60 дес., Подъ посѣвами: ярицею 34 дес., яровою пшеницею 42 дес., овсомъ 25 дес., ячменемъ 2 дес. Скота казаки содержатъ: лошадей 135 (72 рабочихъ), рогатаго 230 (коровъ 61, воловъ 87), свиней 32.

6) селеніе *Сапсаль*, верстахъ въ 16 выше Ново-Кумарскаго, на р. Береѣ. Дворовъ 20, строеній 25, 162 жит. (84 м. п.), крестьянъ, переселившихся сюда изъ Астраханской губерніи въ 1864—66 годахъ. Въ селеніи есть часовня, хлѣбный магазинъ, 5 конныхъ мельницъ. Земель въ непосредственномъ пользованіи крестьянъ 815 дес., въ томъ числѣ усадебной и выгона 215 дес., пахатной 280 дес. и покосной 360 дес. Подъ посѣвами: ярицы 32 дес., яровой пшеницы 53 дес., овса 40 дес., гречихи до 4 дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 124 (58 рабочихъ), рогатаго скота 345 штукъ (91 коровъ и 94 воловъ), свиней 96.

7) Поселокъ *Симоновскій*, въ 33 вер. по вьючному пути ниже Кумарской станицы, по Амуру, на подгорьѣ, при р. Бѣлой, въ мѣстности совершенно безопасной отъ наводненія. Дворовъ 38, жителей 280 (128 м. п.), казаковъ, поселившихся здѣсь въ 1872 и 1873 г. Въ поселкѣ есть часовня, хлѣбный магазинъ, 2 конныхъ мельницы и почтовая станція. Земель въ непосредственномъ пользованіи казаковъ состоитъ всего 1640 дес., изъ нихъ усадебной съ выгономъ 812 дес., пахатной 397, покосной 431 дес. Подъ посѣвами: ярицей 67, яровой пшеницою 61, овсомъ 46, ячменемъ 10, гречею до 5 дес. Скота казаки содержатъ: лошадей 333 (236 рабочихъ), рогатаго скота 315 (134 коровы, 55 воловъ), свиней 150.

8) Поселокъ *Карсаковскій*, въ 22 вер. по вьючному пути, ниже по Амуру, на открытой равнинѣ, но въ мѣстности совершенно безопасной отъ наводненій. Дворовъ 32, жит. 264

(144 м. п.), казаковъ, поселившихся здѣсь въ 1872 г. Въ поселкѣ есть часовня, хлѣбный магазинъ, питейное заведеніе, мельницъ водяныхъ 3 и конныхъ 2, почтовая станція. Земли въ непосредственномъ пользованіи жителей 905 дес., въ томъ числѣ: усадебной съ выгономъ 313, пахатной 292, покосной 300 дес. Подъ посѣвами: ярицы 60 дес., яровой пшеницы 59, овса 52, ячменя 2, гречи 16 дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 260 (180 рабочихъ), рогатаго 240 (100 коровъ и 45 воловъ), свиней 81.

9) Поселокъ *Буссевскій* въ 16 вер. ниже Карсаковскаго, по Амуру, въ такой же мѣстности, т.-е. совершенно безопасной отъ наводненія. Дворовъ 45, зданій 61, жителей 332 (172 м. п.), казаковъ, поселившихся здѣсь въ 1872 и 1873 г. Въ поселкѣ есть церковь, школа съ 20 учащимися, хлѣбный магазинъ, питейное заведеніе, 15 конныхъ мельницъ и почтово-телеграфная станція. Земли въ пользованіи казаковъ 1730 дес., въ томъ числѣ: усадебной съ выгономъ 516 дес., пахатной 380 дес., покосной 700 дес. Подъ посѣвами: ярицы 61 дес., яровой пшеницы 60 дес., овса 78 дес., ячменя $2^1/_2$ дес., гречи $16^1/_2$ дес. Скота казаки содержатъ: лошадей 460 (340 рабочихъ), рогатаго 370 (коровъ 223, воловъ 9), свиней 98.

10) Поселокъ *Петропавловскій*, въ 11 вер. ниже Буссевскаго и въ 115 выше Благовѣщенска, на открытой равнинѣ, при озерѣ, въ мѣстности очень удобной для хлѣбопашества. Дворовъ 6, строеній 7, жителей 34 (18 м. п.). Изъ нихъ 22 крестьянъ изъ Саратовской, Енисейской и Томской губ., поселившихся въ 1879 г., остальные 12—мѣщане и между ними есть и евреи. Въ поселкѣ есть хлѣбный магазинъ и 1 конная мельница. Земель 418 дес., въ томъ числѣ усадебной и подъ выгономъ 300 дес., пахатной 34 дес., покосной 84 дес. Подъ посѣвами: ярицы 6 дес., яровой пшеницы 15 дес., овса до 9 д. Скота жители содержатъ лошадей 43 (27 рабочихъ), рогатаго 41 (15 коровъ), овецъ 7.

Земель у Кумарскаго станичнаго округа болѣе 12000 дес. въ отводѣ. Дворовъ въ 10 поселкахъ округа 330, строеній 429. Поселки построены просторно. Пожаровъ въ нихъ не было, за исключеніемъ Ушаковскаго поселка, въ которомъ въ 1892 г. сгорѣлъ 1 дворъ. Дома выстроены изъ сосноваго лѣса, который рубится на общественныхъ, а также и государственныхъ дачахъ. Поселокъ Аносовскій, Кумарская станица, селеніе Сапсаль, поселки Ново-Кумарскій, Симоновскій и Карсаковскій, имѣютъ въ своемъ владѣніи лѣсные участки, отстоящіе отъ 3 до 12 верстъ отъ селенія; остальные покупаютъ строевой лѣсъ

въ казенныхъ дачахъ. Крыши селеній сдѣланы изъ теса и драни. Кирпичъ, выдѣлываемый изъ мѣстной глины, идетъ только на печи. Жителей въ округѣ 2383 (1257 м. п.), въ томъ числѣ казаковъ (Амурскаго коннаго полка) 1809 (944 м. п.), крестьянъ 529 (287 м. п.), мѣщанъ и разночинцевъ 45 (26 м. п.). Только казаки Кумарской станицы поселены здѣсь съ 1857 г., казаки же всѣхъ остальныхъ поселковъ приселены сюда изъ Забайкальской области въ 1872 и 1873 г., крестьяне деревни Сапсаль въ 1864 г., селенія Ново-Воскресенскаго въ 1870 г., а выселка Петропавловскаго въ 1879 году. Въ населеніи округа на 1000 мужчинъ приходится 896 женщинъ—пропорція нѣсколько болѣе выгодная, чѣмъ въ Черняевскомъ округѣ. У казаковъ же она (на 1000 мужчинъ—916 жен.) почти такая же, какъ въ Албазинскомъ округѣ. Въ числѣ жителей округа въ рабочемъ возрастѣ 580 мужчинъ и 566 женщинъ, такъ что въ общемъ рабочій возрастъ составляетъ около 44% всего населенія, т.-е. пропорція, близкая къ существующей въ сосѣднемъ Черняевскомъ округѣ. Брачныхъ паръ 456, изъ нихъ 430 въ рабочемъ возрастѣ. На тягло приходится 2,9 д. м. п.; на дворъ приходится болѣе 7 д. об. п., а работниковъ мужскаго пола почти 1,8, слѣдовательно составъ дворовъ сильнѣе, чѣмъ въ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ округахъ.

Въ дѣйствительномъ пользованіи жителей округа состоитъ земель (кромѣ лѣсовъ) около 12000 дес., что составитъ на душу м. п. 9,4 дес., на взрослаго работника 20 дес., на дворъ 36 дес., а слѣдовательно относительно земле-пользованія жители Кумарскаго округа находятся въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ во всѣхъ предшедшихъ округахъ. Изъ числа земель 5330 дес. находятся подъ усадебною осѣдлостью и выгонами, 3730 подъ покосами и до 2750 подъ пашнею. Изъ пахатной земли посѣвами занято 1730 дес., т.-е., 63%. На душу м. п. приходится посѣвовъ 1,8 дес., на тягло 4 дес., на дворъ 5,2 дес. Подъ посѣвами ярицы было въ 1893 г. 487 дес., и онѣ дали 21 тыс. пуд., т.-е. немного менѣе средняго урожая, простирающагося до 23 тыс. пуд. Подъ посѣвами яровой пшеницы было 607 дес., и онѣ дали до 30000 пуд., т.-е. почти средній урожай. Подъ посѣвами овса было 473 дес., и они дали средній урожай, а именно, болѣе 36 тыс. пуд. Ячменя было въ посѣвѣ 109 дес., и онѣ дали урожай, соотвѣтствующій среднему, а именно, 4 тыс. пуд. Наконецъ, въ посѣвѣ гречи было 53 дес. При обыкновенномъ урожаѣ греча дастъ 40 пуд. съ десятины. Этому урожаю и соотвѣтствовалъ въ 1893 г. урожай двухъ поселковъ, но въ остальныхъ греча вымерзла; очевидно, что культура

гречи достигаетъ своего сѣвернаго предѣла въ Кумарскомъ округѣ. Пищевого хлѣба, ржи и пшеницы, за сѣмянами, родится, слѣдовательно, до 40 тыс. пуд., на душу об. п. 18 пудовъ, т.-е. мѣстное продовольствіе является вполнѣ обезпеченнымъ. Канопли въ округѣ сѣютъ чрезвычайно мало. Огородничество удовлетворяетъ мѣстнымъ нуждамъ; сажаютъ: капусту, картофель, огурцы, брюкву, морковь, рѣдьку, свеклу, лукъ. Впервые являются въ культурѣ въ этомъ округѣ дыни, подсолнечникъ и макъ, разводимый съ достаточнымъ успѣхомъ.

Лошадей жители держатъ 2955 (2010 рабочихъ), такъ что рабочихъ лошадей приходится на взрослаго работника по 3,4, а всѣхъ лошадей на дворъ по 9. Крупнаго рогатаго скота у жителей всего 3090, т.-е. по 8 штукъ на дворъ, въ томъ числѣ коровъ болѣе 1400 и воловъ, не встрѣчавшихся въ выше лежащихъ округахъ, 540. Такимъ образомъ волы въ этомъ округѣ употребляются какъ рабочая сила въ полевыхъ работахъ. Свиноводство также имѣетъ большое развитіе, а именно, жители содержатъ 910 свиней, т.-е., около 3-хъ на дворъ. Овцеводство, какъ и на всемъ верхнемъ Амурѣ, совсѣмъ не развито.

Охотою жители округа занимаются для собственнаго потребленія. Предметами охоты служатъ дикія козы и птицы. Вообще же охотою здѣсь менѣе занимаются чѣмъ въ выше лежащихъ округахъ. Рыболовство болѣе развито. Многіе поселки для рыбныхъ промысловъ образуютъ артели: добываютъ осетровъ, калугу, кету.

5) *Екатерининскій станичный округъ.*

Округъ этотъ состоитъ всего только изъ 4 поселковъ[1]), расположенныхъ вдоль Амура на протяженіи 60 вер., а именно:

1) *Бибиковскій* поселокъ находится въ 67 вер. выше Благовѣщенска и расположенъ на нѣсколько возвышенномъ берегу Амура, несмотря на что нѣсколько пострадалъ отъ наводненія 1872 г. Дворовъ хозяйственныхъ здѣсь 65. Поселокъ имѣетъ часовню, питейное заведеніе, мелочную лавку и почтовую

---

[1]) Въ числѣ поселковъ Екатерининскаго окр. не поименованъ поселокъ *Сухотинскій*, находящійся на Амурѣ между *Петропавловскимъ* выселкомъ, послѣднимъ Кумарскаго округа и *Бибиковскимъ*, первымъ поселкомъ Екатерининскаго округа, между которыми 48 вер разстоянія. Между тѣмъ о Сухотинскомъ поселкѣ имѣется свѣдѣнія въ изданіи Цент. Статист. Комитета—Волости и насел. мѣст. Амурской области. Изд. 1893 г., сел. табл. стр. 4. По этимъ свѣдѣніямъ, Сухотинскій поселокъ состоитъ изъ 3-хъ дворовъ, имѣетъ 20 жителей. об. п. (8 м. п.). Жители его содержатъ 46 лошадей и 26 головъ рогатаго скота. Поселокъ этотъ не упомянутъ въ свѣдѣніяхъ, доставленныхъ намъ г. генералъ губернаторомъ потому что онъ представляетъ нынѣ только почтовую станцію, на которой живутъ казаки Екатерининской станицы.

станцію. Жителей въ немъ 427 об. пола (212 м. п.). Кромѣ 16 крестьянъ (13 м. п.), переселившихся сюда изъ разныхъ мѣстностей Сибири, всѣ остальные—казаки коннаго Амурскаго полка. Въ непосредственномъ пользованіи жителей земли 3000 дес., въ томъ числѣ усадебной и выгоновъ 1000 дес., покосовъ 1200 дес., пахатной 800 дес. Въ посѣвѣ: ярицы 71 дес., яровой пшеницы 94 дес., овса 77 дес., ячменя 4 дес., гречи немного болѣе 2 дес., конопли $3^1/_2$ и ничтожный посѣвъ гороха. Скота крестьяне держатъ: лошадей 644 (440 рабочихъ), рогатаго скота 574 (въ томъ числѣ 226 коровъ и 13 воловъ), мелкаго скота 246 головъ, преимущественно свиней и немного овецъ.

2) Станица *Екатерининская* расположена близъ Амура, на возвышенномъ мѣстѣ, при рѣч. Грязнушкѣ, въ 41 вер. выше Благовѣщенска. Несмотря на такое расположеніе, станица пострадала отъ наводненія 1872г. Дворовъ 66. Станица построена не особенно скученно, но пожары иногда бывали и при одномъ изъ нихъ сгорѣла въ 1892 г. церковь. Въ станицѣ имѣется новая церковь, школа съ 35 учащимся, хлѣбный магазинъ, питейное заведеніе, водяная и 3 конныя мельницы и почтовая станція. Жителей 414 (185 м. п.). Кромѣ 20 крестьянъ (13 м. п.), пришедшихъ сюда изъ разныхъ мѣстъ Сибири, всѣ остальные казаки коннаго Амурскаго полка. Въ непосредственномъ пользованіи жителей 2330 дес., въ томъ числѣ усадебной и выгона 850, покосной 810 дес., пахатной 680 дес. Подъ посѣвами: ярицы 30 дес., яровой пшеницы 77 дес., овса 46 дес., ячменя $7^1/_2$ дес., гречи $3^1/_2$ дес., конопли $1^1/_4$ дес. Скота жители содержатъ: лошадей 334 (рабочихъ лошадей 246 головъ), крупнаго рогатаго скота 310 (150 коровъ и 40 воловъ), мелкаго скота 300, преимущественно свиней.

3) Поселокъ *Игнатьевскій*, въ 22 вер. выше Благовѣщенска, расположенъ на возвышенной площади при р. Симоновкѣ. При всемъ томъ и этотъ поселокъ пострадалъ во время наводненія 1872 г. Дворовъ 95. Въ поселкѣ имѣются: часовня, школа съ 50 учащимися, питейное заведеніе, мелочная лавка, водяная и 2 конныя мельницы, почтовая станція. Жителей 768 (372 м. п.). Кромѣ 13 крестьянъ изъ разныхъ мѣстъ Сибири (11 м. п.), между которыми есть 7 католиковъ, остальные жители казаки Амурскаго коннаго полка. Въ непосредственномъ пользованіи жителей до 2550 дес. земли, въ томъ числѣ усадебной и выгоновъ 1100 дес., покосной 650 дес., пахатной 760 дес. Подъ посѣвами: ярицы 89 дес., яровой пшеницы 150 дес., овса 105 дес., ячменя $3^1/_2$, гречи $2^1/_2$ и конопли $^1/_2$ дес. Скота жи-

тели держатъ: лошадей 830 (520 рабочихъ), рогатаго скота 536 (коровъ 330, воловъ 23), мелкаго скота 246, преимущественно свиней.

4) *Верхне-Благовѣщенскій* поселокъ находится уже только въ 7 вер. выше Благовѣщенска, на возвышенномъ берегу Амура, несмотря на что пострадалъ отъ наводненія 1872 г. Въ поселкѣ 88 дворовъ, часовня, школа съ 30 учащимися, питейное заведеніе и 2 конныя мельницы. Поселокъ построенъ скученно. Жителей 491 (219 м. п.); изъ нихъ 12 крестьянъ (6 м. п.), изъ разныхъ мѣстъ Сибири, остальные казаки коннаго Амурскаго полка. Земли въ непосредственномъ пользованіи жителей 1380 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгономъ 550 дес., покосной 500 дес., пахатной 330 дес. Подъ посѣвами: ярицы 32 дес., яровой пшеницы 81 дес., овса 61 д. Скота жители держатъ: лошадей 380 (рабочихъ 250), крупнаго рогатаго 210 (130 коровъ и 8 воловъ), мелкаго скота 73, исключительно свиней.

Земель у Екатерининскаго округа въ отводѣ до 39000 д. Дворовъ въ 4 поселкахъ округа 314. Всѣ строенія выстроены изъ лѣса, преимущественно сосноваго, доставленнаго съ верхняго теченія Амура (за 250 до 550 верстъ), такъ какъ въ ближайшихъ мѣстностяхъ строевого лѣса уже нѣтъ, а есть только мелкій дубнякъ и березнякъ. Крыши здѣсь преимущественно тесовыя, но отчасти и соломенныя. Разселеніе поселковъ не особенно просторно, пожары рѣдки, но однакоже въ 1892 г. въ Екатерининской станицѣ сгорѣла церковь, что причинило убытка 12 т. руб. Жителей въ округѣ 2040 (988 м. п.), изъ нихъ 61 (43 м. п.) крестьянъ и поселянъ изъ различныхъ мѣстностей Сибири, остальные казаки Амурскаго линейнаго полка, переселенные сюда изъ Забайкалья въ 1858, 1859 и 1860 годахъ. Въ населеніи округа на 1000 мужчинъ приходится 1065 женщинъ. Такое численное преобладаніе женщинъ надъ мужчинами можетъ быть только объяснено близостью города Благовѣщенска, притягивающаго къ себѣ часть мужского населенія округа. Въ числѣ жителей округа въ рабочемъ возрастѣ 464 мужчины и 465 женщинъ, такъ что въ общемъ рабочій возрастъ составляетъ болѣе 45% всего населенія, т.-е., пропорцію, близкую къ пропорціи сосѣднихъ округовъ. Брачныхъ паръ 348, на тягло приходится около 3 душъ м. п. На дворъ 6,5 об. п., а работниковъ м. п. 1,5, слѣдовательно составъ двора нѣсколько слабѣе, чѣмъ въ сосѣднемъ округѣ.

Въ дѣйствительномъ пользованіи жителей округа состоитъ земель (кромѣ лѣсовъ) болѣе 8600 дес., что составитъ на

душу м. п. 8,7 дес., на взрослаго работника 19 дес., на дворъ 27 дес., а слѣдовательно относительно землепользованія жители Екатерининской волости находятся почти въ столь же выгодномъ положеніи, какъ и въ сосѣднемъ округѣ. Изъ числа земель 3500 находятся подъ усадьбами и выгономъ, 3150 дес., подъ покосами и 1960 дес. подъ пашнями съ залежами. Посѣвами занято 940 дес., т.-е. 48%. На душу м. п. приходится посѣвовъ менѣе 1 дес., на тягло менѣе 3 дес., на дворъ 3 дес. Подъ посѣвомъ ярицы было: 222 дес., съ которыхъ въ 1893 г., собрано 12 тыс. пуд., между тѣмъ какъ средній сборъ составляетъ 13 тыс. пуд. Яровой пшеницы въ посѣвѣ было 402 дес. и съ нихъ собрано въ 1893 г. 24 тыс. пуд., между тѣмъ какъ средній урожай составляетъ 28000 пуд. Въ посѣвѣ овса было 290 дес. и съ нихъ собрано въ 1893 г. 21 тыс. пуд., между тѣмъ какъ средній урожай составляетъ 20 тыс. пуд. Ячменя было всего только 15 дес., давшихъ 840 пуд., какъ разъ среднее количество урожая. Урожаи гречи (въ посѣвѣ до 8 дес.) такіе же, какъ въ сосѣднемъ округѣ, но гречиха уже не вымерзала въ 1893 г. Пищевого хлѣба—ярицы и пшеницы, за сѣмянами, родится, слѣдовательно, среднимъ числомъ 35000 пуд., т.-е., 17,5 пуд. на душу об. п., что вполнѣ обезпечиваетъ населеніе округа. Конопли въ округѣ сѣется до 6 дес.; получается 320 пуд. волокна и 80 пуд. сѣмени. Огородничество достаточно развито: разводятъ капусту, картофель, лукъ, рѣдьку, свеклу, морковь, рѣпу, брюкву, горохъ, огурцы, арбузы и дыни, даже табакъ.

Лошадей въ округѣ 2290 (1456 рабочихъ), слѣдовательно, на взрослаго работника приходится болѣе 3 рабочихъ лошадей, а всѣхъ лошадей на дворъ по 7. Рогатаго скота 1630 (изъ нихъ 836 коровъ и 84 вола), слѣдовательно, всего на дворъ болѣе 5 головъ. Наконецъ, мелкаго скота 865, по преимуществу свиней. Охотою жители занимаются для собственнаго потребленія. Предметами охоты служатъ изъ звѣрей: волки, лисицы, зайцы и козы, а изъ птицъ: утки, гуси, тетерева, глухари и отчасти фазаны. Рыболовство существуетъ только для мѣстнаго потребленія и одиночное: ловится всего болѣе кета и зубатка, а также налимъ, сазанъ и рѣже осетръ и калуга.

6) *Городъ Благовѣщенскъ.*

Въ 1856 г., при впаденіи р. Зеи въ Амуръ, былъ поставленъ Усть-Зейскій постъ. Въ 1857 г. прибылъ сюда отрядъ войскъ, состоявшій изъ 6 ротъ 14 Восточно-Сибирскаго линейнаго батальона, дивизіона легкой конной батареи и сотни ка-

заковъ. Отрядъ размѣстился въ землянкахъ и мазанкахъ, а самое мѣсто получило названіе Усть-Зейской станицы. Въ 1858 г. отсюда была послана команда солдатъ, состоявшая изъ 400 человѣкъ, вверхъ по Амуру для рубки и сплава лѣса, который и доставленъ былъ сюда въ количествѣ 1300 бревенъ; четвертая часть лѣса ушла для мѣстныхъ построекъ, а остальная часть сплавлена на достройку казачьихъ поселковъ, лежавшихъ ниже станицы[1]). За неимѣніемъ домовъ солдаты и офицеры провели 1858 и 1859 гг. въ тѣхъ же мазанкахъ и землянкахъ. Въ 1859 году состоялось переименованіе Усть-Зейской станицы въ городъ Благовѣщенскъ и въ маѣ мѣсяцѣ сюда прибылъ первый губернаторъ вновь образованной Амурской Области — генералъ-майоръ Буссе. Къ осени были выстроены 24 казенныхъ дома, 5 частныхъ и деревянная церковь св. Николая. Въ этомъ же году положено основаніе общественной библіотекѣ, которая со временемъ пришла, однако, въ большой упадокъ[2]). Къ осени 1860 г. городъ имѣлъ уже 59 казенныхъ зданій, 24 частныхъ дома, 4 лавки и 2 магазина, причемъ въ немъ насчитывалось 975 чел. войска и 494 д. об. пола разночинцевъ (289 м. п.). Въ 1861 г. казенныхъ построекъ произведено было мало; зато прежде выстроенныя зданія приведены были въ болѣе приличный видъ и нѣкоторыя изъ нихъ обнесены оградами. Въ 1864 г. окончена была постройкой вторая деревянная церковь, въ тоже время считалось въ Бл. казенныхъ зданій 76, частныхъ 124; заведена была типографія, состоявшая изъ 17 русскихъ и 1 манджурскаго шрифтовъ; пріобрѣтены 3 пожарныя трубы; построены 1 водяная и 3 конныя мельницы. Открыты народное училище и школа для коноваловъ (ветеринарныхъ фельдшеровъ). Въ 1867 г. построена паровая мукомольная мельница. Въ 1868 г. выстроены были новые торговые ряды на томъ мѣстѣ, гдѣ до того лѣпились китайскіе лари; посреди этихъ рядовъ выстроено помѣщеніе для городского Управленія, которое и было открыто въ томъ же году. Въ 1870 г. выстроена была кладбищенская церковь. Въ 1873 г. городъ уже насчитывалъ безъ войска 3.385 обывателей об. пола. Въ 1877 г. въ Благовѣщенскѣ считалось: 3 церкви, 500 частныхъ домовъ, 75 казенныхъ, 19 магазиновъ, 62 лавки, 13 питейныхъ заведеній, два склада для спирта, 5 торговыхъ бань, 6 гостинницъ и трактировъ, 12 кузницъ, пивоваренный заводъ и 14 мельницъ

---

[1]) Шперкъ, l. c., стр. 395.
[2]) Шперкъ, ibid.

(1 паровая, 1 водяная, 3 вѣтряныхъ и 9 конныхъ). Народная школа имѣла 121 учащагося, женское Алексѣевское училище 69; кромѣ того въ городѣ были открыты бригадная школа и семинарія (при ней духовное училище). Въ 1878 г. открыта была и классическая прогимназія. Городской Общественный Банкъ, утвержденный еще 19 апрѣля 1873 г., но начавшій свою дѣятельность при основномъ капиталѣ въ 10.000 рублей только два года спустя, уже въ 1876 г. представилъ такіе итоги:

основной капиталъ.	11.694 р.
запасный	1.270 »
благотворительныхъ суммъ. . .	3.388 »
вкладовъ на вѣчное время . . .	16.662 »
» безсрочныхъ	17.788 »
» срочныхъ	16.926 »
оборотъ приходо-расхода . . .	199.743 р.
прибыли	5.331 р.

Въ 1880 г. основной капиталъ банка равнялся уже 18.160 р. оборотъ 488.800 р., прибыль 13.300 р., въ 1892 г. оборотъ банка простирался до 690 тыс., а прибыль составляла 33.623 р.

Все зто показываетъ, что бывшая Усть-Зейская станица не только въ оффиціальныхъ бумагахъ, но и фактически выросла въ городъ, жизнь котораго потекла порядкомъ, обычнымъ для всѣхъ городовъ Россійской Имперіи.

Городъ Благовѣщенскъ расположенъ на открытомъ и ровномъ мѣстѣ, при сліяніи Амура и Зеи, въ бывшемъ, вѣроятно, руслѣ одной изъ этихъ двухъ рѣкъ. Почва песчаная. Имѣющіяся еще кое-гдѣ топкія мѣста будутъ, безъ сомнѣнія, осушены въ ближайшемъ будущемъ. Берегъ Амура вдоль котораго растянулся городъ, обрывистъ, крутъ, въ большую воду подмывается и обваливаетея, а потому вскорѣ потребуетъ искусственныхъ сооруженій для своего закрѣпленія. На сѣверо-западъ отъ него поднимаются горы, которыя и огибаютъ его полукружіемъ.

Городъ распланированъ правильно; улицы широки, прямы и всѣ перекрещиваются подъ прямыми углами. Вдоль рѣки тянутся параллельно четыре улицы, разсѣченныя на правильные кварталы 17-ью поперечными. Разбитый вдоль набережной бульваръ и значительное число частныхъ садовъ придаютъ городу красивый видъ. Городъ владѣетъ 11887 дес. земли [1]).

---

[1]) Волости и поселки Амурской области, изд. Центр. Статистическаго комитета, таблицы, стр. 3.

Вообще гигіеническія условія города удовлетворительны, такъ какъ онъ имѣетъ: съ обѣихъ сторонъ проточную воду огромныхъ рѣкъ, глубокій песчаный грунтъ, вбирающій въ себя воду даже въ періодъ самыхъ сильныхъ дождей, и, наконецъ, избытокъ колодезной воды, единственный недостатокъ которой— значительное содержаніе желѣза. Все, что можно поставить въ упрекъ городу это обычай поднимать почву болотистыхъ пространствъ и вообще всѣхъ естественныхъ углубленій не пескомъ и щебнемъ, котораго въ окрестностяхъ сколько угодно, а мусоромъ и навозомъ [1]).

Число строеній въ городѣ въ 1892 г. было [2]):

	Казенныхъ и общественныхъ.		Частныхъ.	
	камен.	дерев.	камен.	дерев.
Церквей	2	5	—	—
Часовенъ	—	—	1	—
Домовъ.	8	35	12	1310
Флигелей	—	—	4	598
Амбаровъ.	3	6	10	546
Конюшенъ	1	6	2	195
Бань	—	—	2	290
Пакгаузовъ	1	2	7	5
Мельницъ	—	—	3	17
Подваловъ	—	—	3	7
Сѣноваловъ и сараевъ .	—	5	1	396
Торговыхъ лавокъ. . .	—	—	11	145
Итого . .	15	59	56	3509

Городскимъ обществомъ начата на базарной площади постройка одного ряда каменныхъ лавокъ.

Въ городѣ были въ 1892 г. слѣдующія учебныя заведенія Благовѣщенская мужская гимназія съ 229 учащимися, женская гимназія съ 320 учащимися, духовная семинарія съ 44 учащимися, духовное училище съ приготовительнымъ классомъ съ 116 учащимися, образцовая школа съ 45 учащимися и 2 городскихъ училища для мальчиковъ съ 357 учащимися. Въ городѣ есть пріютъ для престарѣлыхъ и увѣчныхъ, содержимый на средства лечебно-благотворительнаго общества. Въ немъ въ 1892 году призрѣвались 20 мужч. и 12 женщинъ. Каждый

---

[1]) Шперкъ, l. c., стр. 396.

[2]) См. Обзоръ Амурской обл. за 1892 г. (приложеніе къ губернаторскому отчету) и за предшедшіе годы.

призрѣваемый обходится по 110 р. годъ. Кромѣ того въ 1889 открыта богадѣльня для лицъ духовнаго званія и составляется изъ частныхъ пожертвованій фондъ для пріюта малолѣтнихъ всѣхъ сословій. Фондъ этотъ въ 1893 году достигъ 8076 руб.

Въ Благовѣщенскѣ тѣмъ же лечебно-благотворительнымъ обществомъ устроена больница на 18 кроватей, въ которой въ 1892 г. пользовалось 194 человѣка, на содержаніе коихъ израсходовано 5384 р., причемъ содержаніе каждой кровати обошлось въ 444 руб. Амбулаторныхъ больныхъ лечилось въ помѣщеніи больницы въ теченіе года 4175 чел. За неимѣніемъ мѣста общество сверхъ того помѣщало больныхъ въ Благовѣщенскомъ лазаретѣ 2-го Восточно-Сибирскаго линейнаго батальона. Такихъ больныхъ въ 1892 г. было 118, за которыхъ уплачено обществомъ лазарету 2492. Лазаретъ этотъ устроенъ на 100 кроватей, и въ немъ, кромѣ военныхъ, лечилось въ теченіе 1892 г. 536 лицъ гражданскаго вѣдомства (со включеніемъ больныхъ, помѣщенныхъ благотворительнымъ обществомъ) Есть еще больница при Духовной семинаріи на 12 кроватей, для воспитанниковъ послѣдней. Аптека въ городѣ одна—вольная, принадлежащая лечебно-благотворительному обществу. Въ ней въ 1892 г. было оборота по 21104 рецептамъ на сумму 12396 р., по ручной продажѣ на 17342 р., а всего на 29738 р., да кромѣ отпущено безплатно лекарствъ для больницы на 2119 р., и для бѣдныхъ на 413 р. О численности населенія города и его составѣ мы можемъ получить понятіе изъ слѣдующихъ данныхъ.

Въ	1885 г.	1886 г.	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.	1891 г.
Об. пола:	13.549	17.660	17.660	20.212	20.242	20.475	21.096

Населеніе это распредѣлялось по сословіямъ:

	въ 1886 г.			въ 1891 г.		
	м. п.	ж. п.	всего.	м. п.	ж. п.	всего.
Дворянъ потомственныхъ	21	7	28	39	27	66
» личныхъ.	198	121	319	91	102	193
Духовенства чернаго	1	—	1	2	—	2
» бѣлаго	38	37	75	14	11	25

	въ 1836 г.			въ 1891 г.		
	м. п.	ж. п.	всего.	м. п.	ж. п.	всего.
Почетныхъ гражданъ потомственныхъ	—	—	—	31	34	65
» » личныхъ	218	7	28	27	2	29
Купцовъ	383	240	628	301	317	618
Мѣщанъ	3464	2327	5790	3549	3084	6633
Крестьянъ	101	49	153	2819	1322	4141
Поселенцевъ	108	148	1229	411	214	625
Пріисковаго населенія	—	—	—	458	200	658
Переселенцевъ	—	—	—	417	131	548
Войскъ: солдатъ	1557	255	1812	1255	624	1879
» казаковъ	242	—	242	378	—	378
Отставныхъ и запасныхъ нижнихъ чиновъ.	1553	109	1662	1371	305	1676
Отставныхъ казаковъ	83	31	114	44	8	52
	13312	4348	17660	14606	6490	21096

Неправославныхъ въ городѣ было въ 1891 г.: раскольниковъ 3000 (1636 м. п.), католиковъ 118 (70 м. п.), протестантовъ 59 (41 м. п.), евреевъ 66 (35 м. п.), магометанъ 109 (69 м. п.), язычниковъ 960 м. п.

О промысловыхъ занятіяхъ жителей города и его фабрикахъ и заводахъ мы будемъ говорить въ XII главѣ; здѣсь упомянемъ только, что въ 1892 году въ городѣ было всѣхъ ремесленниковъ 1395 человѣкъ (1310 мужч. и 85 женщинъ), въ томъ числѣ мастеровъ 467, рабочихъ 816, учениковъ 112. Фабрикъ, заводовъ и промышленныхъ заведеній было: чугунолитейный заводъ 1, пивоваренныхъ 2, кожевенныхъ 4, кирпичныхъ 66, паровыхъ мельницъ 2, кузницъ 42, торговыхъ бань 12. Во всѣхъ этихъ заведеніяхъ было 388 рабочихъ, а сумма ихъ производства составляла свыше 350 тыс. рублей.

Въ Благовѣщенскѣ содержится скота: лошадей 2214, рогатаго 1837, овецъ 102, свиней 850, верблюдовъ 136,ословъ и муловъ 20.

Городскіе доходы Благовѣщенска въ 1892 г. составляли:

Сборъ съ городскихъ имуществъ и оброчныхъ статей	44.538 р.
Приходъ и проѣздъ по городскимъ сооруженіямъ, и стоянка судовъ въ гавани	5.262 »
Оцѣночный сборъ съ недвиж. имуществъ.	21.040 »
За производство торговли и промысловъ	6.915 »
Съ мѣстъ стоянки извощиковъ.	3 786 »
Нотаріальнаго сбора.	8.078 »
Случайныхъ и мелочныхъ доходовъ	6.407 »
	96.026 р.

Расходы города въ томъ же году слагались изъ слѣдующихъ статей.

Городское общественное управленіе	13.505 р.
Сиротскій судъ	1.937 »
Содержаніе городскихъ зданій и памятниковъ . .	4.142 »
Уплата суммъ по городскимъ займамъ и обязательствамъ	4.487 »
Содержаніе учебныхъ заведеній	19.151 »
Отопленіе и освѣщеніе тюрьмы	3.041 »
Содержаніе медицинскаго персонала	4.604 »
Благотворительныя заведенія.	662 »
Городская полиція	4.869 »
Пожарная часть.	6.529 »
Помѣщеніе городскаго общественнаго и полицейскаго управленій	3.370 »
Содержаніе улицъ и мостовъ	3.496 »
Освѣщеніе города.	1.108 »
Содержаніе библіотеки.	900 »
Содержаніе кладбища	1.341 »
Постройки (2-го народн. училища, кладовой для казначейства и караульнаго дома)	3.569 »
Уплата земскаго сбора съ недвижимыхъ имуществъ.	5.473 »
Разные расходы.	6.944 »
	87.136 »

Наконецъ, въ городѣ имѣется тюремный замокъ, въ которомъ съ 1 января 1892 г. было 155 чел., въ теченіе 1892 г. прибыло 302, а къ 1 января 1893 г. оставалось 186 (174 мужч. и 12 женщинъ).

7) *Амурско-зейская волость.*

Амурско-Зейская волость занимаетъ обширную территорію по правую сторону р. Зеи, книзу отъ устья Селимджы, выходящую и на Амуръ между Бибиковскимъ поселкомъ и Екатерининскою станицею Екатерининскаго станичнаго округа и немного ниже ея. Къ Амурско-Зейской волости относятся 17 селеній и 15 заимокъ, изъ коихъ первыя группируются слѣдующимъ образомъ. Въ Амурской долинѣ расположены 4 селенія: три выше Екатерининской станицы (Сергіевка, Ново-Покровка и Михайловка) и одно ниже (Марковское); три селенія въ сторонѣ отъ Амурской долины на небольшихъ притокахъ Амура: Гуранѣ (Гуранъ), Грязнушкѣ (Грязнушка) и Симоновкѣ (Ново-Троицкое); остальныя 10 въ долинѣ Зеи (въ слѣдующемъ по-

рядкѣ снизу вверхъ: Астраханка, Бѣлогорье, Егорьевка, Петровское, Прядченка, Натальина, Москвитина, Загорная Селитьба, Малая Сазанка, Бордогонъ).

Въ указанномъ порядкѣ мы и разсмотримъ исчисленныя селенія, а заимки сгруппируемъ около тѣхъ селеній, которымъ онѣ обязаны своимъ существованіемъ.

1) *Сергіевка* расположена на Амурѣ, въ открытой мѣстности, въ 66 вер. выше Благовѣщенска, а слѣдовательно, немного ниже Бибиковскаго поселка Екатерининскаго округа. Селеніе основано переселенцами изъ Томской губерніи въ 1864 году. Въ немъ 37 дворовъ и 244 жителей (127 м. п.), крестьянъ, сельская школа съ 46 учащимися, хлѣбный запасный магазинъ и двѣ водяныя мельницы. Земли въ непосредственномъ пользованіи крестьянъ селенія 5350 дес., въ томъ числѣ подъ усадьбой и выгономъ 1730 дес., подъ покосами 2000, пахатной и залежной 1620 дес. Въ посѣвѣ: ярицы 102 дес., яровой пшеницы 130, овса 148 дес., ячменя 3 дес., и конопли 3 дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 334 (270 рабочихъ), рогатаго скота 366 (188 коровъ), овецъ 374. Крестьяне Сергіевки владѣютъ 4-мя заимками: а) одна изъ нихъ (Ив. Матвѣева) находится въ 13 вер. къ В. отъ Сергіевки, на рѣкѣ Манджуркѣ; она состоитъ изъ 1 двора и 9 жит. (5 м. п.), основана въ 1885 г.; и б) три остальныя находятся въ 25 вер. къ С. отъ Сергіевки, на р. Денкосѣ. Въ каждой по 1 двору, въ двухъ по 11 жит. (6 м. п.), въ одной 4 жит. (1 м. п.). Всѣ три основаны въ 1878. Жители всѣхъ трехъ заимокъ занимаются хлѣбопашествомъ.

2) *Новая Покровка*, также на Амурѣ, въ открытой равнинѣ, состоитъ изъ 47 дворовъ, имѣетъ 257 жит. (138 м. п.), крестьянъ, хлѣбный запасный магазинъ, питейное заведеніе и мелочную лавку. Основана переселенцами изъ Енисейской губерніи въ 1863 г. Въ непосредственномъ пользованіи крестьянъ селенія 6760 дес., въ томъ числѣ подъ усадьбою и выгономъ 2400 дес., подъ покосами 2000 дес., пахатной съ залежами 2360 дес. Въ посѣвѣ: ярицы 88 дес., яровой пшеницы 152 дес., овса 162 дес., конопли 4 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 484 (348 рабочихъ), рогатаго скота 420 (232 коровы), овецъ 34.

3) *Михайловка* находится вблизи станицы Екатерининской, на той же рч. Грязнушкѣ. Селеніе основано въ 1869 г. переселенцами изъ Воронежской губерніи. Дворовъ въ немъ 51, жителей 376 об. п. (193 м. п.), крестьянъ, хлѣбный запасный магазинъ, питейное заведеніе, 2 водяныхъ и 1 паро-

вая мельница. Въ непосредственномъ пользованіи крестьянъ 2480 дес., въ томъ числѣ усадебной и выгона 1330 дес., покосовъ 270 дес., пахатной съ залежной 880 дес. Подъ посѣвами: ярицы 96 дес. яровой пшеницы 180 дес., овса 150 дес., ячменя 5 дес., конопли 3 дес., и льна 1 дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 350 (200 рабочихъ), рогатаго скота 310 (190 коровъ) и свиней 150. Крестьяне селенія имѣютъ 3 заимки: одну, основанную въ 1879 г., въ 6 вер. къ С. отъ селенія, на ключѣ, другую, основанную 1883 г., въ 8 вер. въ томъ же направленіи въ пади, на подгорьѣ, третью, основанную въ 1880 г., въ 70 вер. въ томъ же направленіи, также на подгорьѣ, при ключѣ. Въ каждой изъ заимокъ по одному двору; въ первой 20 ж. (9 м. п.), во второй 9 (5 м. п.), въ третьей 12 (9 м. п.) Жители всѣхъ заимокъ занимаются хлѣбопашествомъ.

4) Волостное село *Марковское* находится на Амурѣ уже въ 1 вер. ниже Екатерининской, на открытой равнинѣ. Основано въ 1865 г. переселенцами изъ Астраханской и Архангельской губерній. Дворовъ 104, церковь деревянная, сельско-хозяйственная школа съ 2 учителями, мастерскою и 80 учащимися, волостное правленіе, оружейный складъ, запасный хлѣбный магазинъ, питейное заведеніе, 3 торговыя лавки и 2 конныхъ мукомольныя мельницы. Селеніе построено просторно, но въ немъ въ 1867 и въ 1869 г. были пожары, впрочемъ, незначительные. Жителей 872 (446 м. п.), крестьянъ. Въ пользованіи ихъ 7800 дес. земли, въ томъ числѣ усадебной и выгона 2400 дес., покоса 2670 дес., пахатной съ залежами 2730 дес. Въ посѣвѣ было: ярицы 216 дес., яровой пшеницы 500 дес., овса 450, ячменя 6, конопли 5 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 856 (600 рабочихъ), рогатаго скота 790 (510 коровъ), 455 овецъ и 430 свиней. Крестьяне селенія имѣютъ 6 заимокъ. Одна изъ нихъ, основанная въ 1878 г., расположена въ 7 вер. къ В. отъ селенія, три въ 8 верстахъ въ томъ же направленіи, одна на открытой долинѣ, одна надъ падью и одна на подгорьѣ, на ключѣ, наконецъ, двѣ въ 9 верстахъ въ туже сторону (одна въ пади и другая на увалѣ, на ключѣ). Каждая изъ этихъ заимокъ состоитъ изъ одного двора и имѣетъ отъ 7 до 15 жителей об. п., занимающихся хлѣбопашествомъ.

5) Селеніе *Гуранъ* на р. Гуранѣ, притокѣ Амура, въ 96 вер. отъ Благовѣщенска. Селеніе это основано въ 1883 году переселенцами изъ Забайкальской области. Дворовъ здѣсь 14, жителей 80 (43 м. п.), крестьянъ, хлѣбный запасный магазинъ. Земли въ пользованіи крестьянъ 2080 дес., въ томъ числѣ усадебной и выгонной 800 дес., покосной 800 дес., пахатной

съ залежами 480 дес. Подъ посѣвами: ярицы 23 дес., яровой пшеницы 45 дес., овса 24 дес., конопли 5 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 90 (53 рабочихъ), рогатаго скота 82 (коровъ 60), свиней 54.

6) Селеніе *Грязнушка*, въ верховьяхъ рч. Грязнушки, впадающей въ Амуръ, и въ 58 вер. отъ Благовѣщенска, основано въ 1869 г. переселенцами изъ Пермской и Енисейской губерній. Дворовъ 23, жителей 160 (90 м. п.), крестьянъ, запасный хлѣбный магазинъ. Въ непосредственномъ пользованіи крестьянъ земли 4850 дес., въ томъ числѣ 670 усадебной, покосной 2670, пахатной съ залежами 1510. Въ посѣвѣ: ярицы 37 дес., яровой пшеницы 45, овса 36, ячменя 2, конопли 1, льна $1^1/_2$ дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 130 (рабочихъ 85), рогатаго 170 (коровъ 60, быковъ 49), свиней 36.

7) *Ново-Троицкое* селеніе, на подгорьѣ, на рч. Симоновкѣ, притокѣ Амура, въ 25 вер. отъ Благовѣщенска. Селеніе основано въ 1864 г. переселенцами изъ разныхъ губерній. Дворовъ 11, жителей 125 (72 м. п.), крестьянъ, запасный хлѣбный магазинъ. Земли въ непосредственномъ пользованіи крестьянъ состоитъ 2370 дес., въ томъ числѣ 920 усадебной и выгонной, 800 покосной и 650 пахатной съ залежами. Подъ посѣвами: ярицы 23 дес., яровой пшеницы 30, овса 27 дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 85 (55 рабочихъ), рогатаго скота 111 (52 коровы, 12 быковъ).

8) *Астраханка*, на р. Зеѣ, въ 10 вер. выше Благовѣщенска, на открытой равнинѣ. Основана въ 1859 г. переселенцами изъ Таврической губерніи. Дворовъ 33, жителей 115 (64 м. п.) крестьянъ, запасный хлѣбный магазинъ. Крестьяне селенія имѣютъ въ непосредственномъ пользованіи 4840 дес., въ томъ числѣ усадебной и выгоновъ 2000 дес., покосовъ 2400 дес., пахатной съ залежами 480 дес. Подъ посѣвами: ярицы нѣтъ, яровой пшеницы 70 дес., овса 142 дес., проса 1 дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 220 (167 рабочихъ), рогатаго 127 (65 коровъ, быковъ 5).

9) *Бѣлогорье* на сосѣднемъ съ Зеею подгорьѣ, въ 35 вер. выше Благовѣщенска, на рч. Безъимянной, въ 6 вер. выше впаденія ея въ Зею. Селеніе основано въ 1860 г. переселенцами изъ разныхъ сибирскихъ губерній. Дворовъ 30, жителей 214 (113 м. п.), крестьянъ, часовня, запасный хлѣбный магазинъ, 2 водяныя мельницы. Селеніе построено просторно, но въ 1891 г. въ немъ былъ пожаръ, при которомъ сгорѣло 4 двора. Въ непосредственномъ пользованіи крестьянъ 4786 дес., въ томъ числѣ подъ усадьбою и выгономъ 1330 дес., покосами 2370 дес.,

пашнею и залежами 1086 дес. Подъ посѣвами: ярицы 36 дес., яровой пшеницы 70 дес., овса 52 дес., ячменя 1 дес., конопли 1 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 155 (106 рабочихъ), рогатаго 152 (73 коровы, 17 быковъ), свиней 29. Близъ Бѣлогорья 2 заимки: одна—благовѣщенскаго мѣщанина Селина на р. Зеѣ, въ 6 вер. сѣвернѣе и выше Бѣлогорья, основана въ 1873 г. и состоитъ изъ 2 дворовъ и 16 жит. (10 м. п.), занимающихся хлѣбопашествомъ. Другая, также въ 6 вер. отъ Бѣлогорья, при устьѣ рч. Безымянной, принадлежитъ дворянину Бирштету и состоитъ изъ одного двора и 2 жит. (1 м. п.). Заведенная съ земледѣльческими цѣлями, при 70 дес. пашни и хорошихъ земледѣльческихъ орудіяхъ, она временно заброшена, такъ какъ владѣлецъ ея, вслѣдствіе нападеній китайскихъ разбойниковъ вынужденъ былъ прекратить запашку и удалиться въ Благовѣщенскъ. Обѣ эти заимки имѣютъ земли 670 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгономъ 400, покосовъ 60 и пахатной 210. Въ посѣвѣ въ 1893 въ первой заимкѣ: было ярицы 3 дес., яровой пшеницы 4, овса 3 дес. Во второй заимкѣ посѣва нѣтъ. Скота на заимкахъ содержалось: лошадей 20 (16 рабочихъ), рогатаго 44 (8 коровъ и 26 воловъ) и 8 свиней.

10) *Егорьевка* находится на сосѣднемъ съ Зеею подгорьѣ, въ 60 вер. выше Благовѣщенска, при озерѣ Луговомъ. Поселокъ основанъ въ 1860 г. переселенцами изъ Забайкальской области. Дворовъ въ немъ 10, жителей 98 (53 м. п.), крестьянъ. Земель въ ихъ непосредственномъ пользованіи 1690 дес., въ томъ числѣ усадебной и выгоновъ 800, покосовъ 700 и пахатной съ залежами до 190 дес. Въ посѣвѣ было: ярицы 9 дес., яровой пшеницы 16, овса 12 дес. Скота у крестьянъ: лошадей 45 (36 рабоч.), рогатаго 80 (33 коровы, 9 быковъ) и 11 свиней.

11) *Петровское* находится на берегу Зеи, на подгорьѣ, въ 72 вер. выше Благовѣщенска. Поселокъ основанъ въ 1878 г. поселенцами изъ разныхъ сибирскихъ губерній. Дворовъ въ немъ 22, жителей 165 (89 м. п.) крестьянъ. Въ ихъ пользованіи 2445 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгонами 665, покосовъ 1130, пахатной съ залежами 650 дес. Подъ посѣвами: ярицы 27 дес., яровой пшеницы 30, овса 19, ячменя 3, конопли и льна по 1 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 80 (52 рабочихъ), рогатаго 170 (63 коровы, 58 быковъ), свиней 11.

12) Деревня *Прядченка* находится въ 3 вер. отъ предшедшей, на подгорьѣ, при рч. Чалой, притокѣ Зеи. Основана въ 1863 г. переселенцами изъ Забайкальской области и разныхъ губерній Россіи. Дворовъ въ ней 12, жителей 80 (43 м. п.), кре-

стьянъ. Въ непосредственномъ пользованіи крестьянъ земли 2250 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгономъ 530 дес., покосовъ 1300 дес., пахатной съ залежами 420 дес. Въ посѣвѣ только 1 дес. ярицы и 7 яровой пшеницы, овса $^1/_4$ дес. Скота крестьяне держатъ: 17 лошадей (12 рабочихъ), 67 рогатаго (21 корову) и 11 свиней.

13) Деревня *Натальина*, на берегу Зеи, на подгорьѣ, въ 85 вер. выше Благовѣщенска. Основана въ 1886 г. переселенцами изъ Забайкальской области. Дворовъ 90, жителей 130 (66 м. п.), крестьянъ, запасный хлѣбный магазинъ. Земли въ пользованіи крестьянъ 2110 дес., въ томъ числѣ 930 усадебной съ выгонами, 1070 покосовъ и 110 пахатной съ залежами. Въ посѣвѣ было: ярицы 13 дес., яровой пшеницы 36 дес., овса 9 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 67 (48 рабочихъ), рогатаго 71 (41 коровы), свиней 28.

14) Деревня *Москвитина*, на Зейскомъ подгорьѣ, въ 115 вер. выше Благовѣщенска, при рч. Голубой, притокѣ Зеи. Основана въ 1864 г. переселенцами изъ Забайкальской области. Дворовъ 28, жителей 211 (110 м. п.), крестьянъ, запасный хлѣбный магазинъ. Въ непосредственномъ пользованіи крестьянъ 3960 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгономъ 2400 дес., покосовъ 1330, пахатной съ залежами 230 дес. Въ посѣвѣ: ярицы 22 дес., яровой пшеницы 96, овса 34 дес., ячменя 1 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 120 (84 рабочихъ), рогатаго 167 (100 коровъ), свиней 99.

15) Деревня *Загорная Селитьба* расположена на Зейскомъ подгорьѣ, въ 126 вер. выше Благовѣщенска, при озерѣ. Основана въ 1891 г. переселенцами изъ Саратовской губерніи. Дворовъ 21, жителей 123 (62 м. п.), крестьянъ. Въ пользованіи крестьянъ 920 дес., въ томъ числѣ подъ усадьбою съ выгонами 270 дес., покосами 560, пахатной съ залежами 90 дес. Въ посѣвѣ: ярицы 4 дес., яровой пшеницы 30, овса 12 дес. Скота крестьяне держатъ: 32 лошади (26 рабочихъ), рогатаго 26 (17 коровъ) и 11 свиней.

16) Деревня *Малая-Сазанка* на подгорьѣ, на берегу Зеи, въ 133 вер. выше Благовѣщенска. Основана въ 1880 г. переселенцами изъ разныхъ губерній Сибири. Дворовъ 7, жителей 45 (29 м. п.) крестьянъ, хлѣбный запасный магазинъ. Въ пользованіи крестьянъ 1048 дес., въ томъ числѣ: подъ усадьбами и выгонами 530 дес., покосами 470, пахатной съ залежами 48 дес. Подъ посѣвами: ярицы 9 дес., яровой пшеницы 15, овса 10 дес., и ячменя 1 дес. Скота крестьяне содержатъ: 31 лошадей (24 рабочихъ), 53 рогатаго (22 коровы), свиней 9.

17) Деревня *Бордогонъ*, на р. Зеѣ, въ 143 вер. выше Благовѣщенска. Основана въ 1883 переселенцами изъ Забайкальской области. Дворовъ 18, жителей 108 (58 м. п.), крестьянъ, хлѣбный магазинъ. Въ непосредственномъ пользованіи крестьянъ 848 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгонами 270 дес., покосовъ 530 дес., пахатной съ залежами 48 дес. Въ посѣвѣ: ярицы 4 дес., яровой пшеницы 18, овса 10 дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 45 (31 рабочихъ), рогатаго 67 (37 коровъ) и 11 свиней.

Обширная площадь, занятая Амурско-Зейскою волостью, тянется широкою полосою по правую сторону Зеи, начиная отъ сліянія ея съ Селимджою до окрестностей Благовѣщенска и предѣловъ Екатерининскаго станичнаго округа, прорывая надѣльную полосу котораго, она достигаетъ, какъ мы уже видѣли выше, до прибрежьевъ Амура.

Въ 17 селеніяхъ и 15 заимкахъ волости 491 дворъ (хозяйственный). Всѣ строенія, не исключая церкви и часовенъ, деревянныя, построены изъ сосноваго лѣса, крыты тёсомъ, а иногда дранью и даже соломою; строевой лѣсъ рубится въ казенныхъ дачахъ. Лѣсныхъ дачъ во владѣніи крестьянъ нѣтъ, а дровяной лѣсъ произрастаетъ на залежахъ. Камень и кирпичъ въ постройкахъ совсѣмъ не употребляются. Селенія построены просторно; пожары въ нихъ случаются крайне рѣдко. Жителей въ волости 3420 (1807 м. п.). Всѣ жители крестьяне, переселенцы изъ разныхъ губерній Сибири и Европейской Россіи, и только владѣльцы 2-хъ изъ 15 заимокъ принадлежатъ къ некрестьянскому сословію. Въ населеніи волости на 1000 мужчинъ приходится почти 900 женщинъ. Пропорція это немного лучше чѣмъ въ Черняевскомъ и Кумарскомъ округахъ. Изъ крестьянъ волости въ рабочемъ возрастѣ 844 м. п. и 813 ж., слѣдовательно вообще рабочій возрастъ оставляетъ 48% всего населенія—пропорція столь-же выгодная, какъ у казаковъ Игнашинскаго округа и болѣе выгодная чѣмъ въ другихъ казачьихъ округахъ верхнеамурскаго района. Брачныхъ паръ 678, изъ нихъ 631 въ рабочемъ возрастѣ. На тягло приходится почти 2,9 м. п.—наиболѣе распространенная въ области пропорція. На дворъ же приходится около 7 д. об. п., работниковъ 1,7.

Въ дѣйствительномъ пользованіи крестьянъ волости состоитъ земель 57.400 дес., слѣдовательно 32 дес. на душу м. п., что представляетъ тѣмъ болѣе громадный надѣлъ, что лѣса въ составъ этихъ земель не входятъ. Изъ числа этихъ земель 20370 дес. состоятъ подъ усадьбами и выгонами, 23130 подъ покосами и до 13900—земли пахатныя съ залежами. Та-

кимъ образомъ однѣхъ земель пахатныхъ приходится почти по 8 дес. на душу м. п. Но подъ дѣйствительными посѣвами, при залежной системѣ хозяйства, находится 3554 дес., т.-е. почти по 2 дес. на душу м. п., по 5,6 на тягло и по 7,2 на дворъ. Сѣютъ крестьяне волости: ярицы 710 дес., которыя въ 1893 г. дали имъ болѣе 38 тыс. пуд., а въ средніе годы даютъ болѣе 70 тыс. пуд.; яровой пшеницы 1475 дес., которыя въ 1893 году дали до 180 тыс., а въ средніе даютъ до 200 тыс. пуд. Овса крестьяне засѣвали 1320 дес. и въ 1893 г. получили 62 тыс. пуд., но въ средніе годы получаютъ 87 тыс. пуд. Посѣвы остальныхъ хлѣбовъ ничтожны. Ячменя засѣваютъ 22 дес., съ которыхъ получаютъ до 800 пуд. но въ 1893 г., имѣли менѣе половины. Конопли 23 десятины, съ которой получили въ 1893 г. волокна болѣе 385 пуд., да сѣмени, до 292 пуд. Льна въ посѣвѣ было въ 1893 г. только $3^1/_2$ дес., да проса 2 дес. Очевидно, что это только опыты, пока ничего еще не опредѣлившіе. Пищевого хлѣба (ржи и пшеницы) за сѣменами остается обыкновенно до 248 тыс. пуд., что составитъ на душу об. п. по 72 пуд.; цифра эта обнаруживаетъ громадный избытокъ въ производствѣ пищевого хлѣба.

Огородничество для мѣстнаго потребленія достаточно развито. Сажаютъ картофель, капусту, морковь, свеклу, огурцы. Бахчеводство въ волости также развито: подъ бахчами 44 д.; разводятся арбузы и дыни. Садоводства не существуетъ.

Скотоводство въ волости вообще менѣе развито, чѣмъ въ казачьихъ округахъ. Лошадей крестьяне держатъ 3170 (2210 рабочихъ), такъ что рабочихъ лошадей на работника приходится по 2, 6, а всѣхъ лошадей на дворъ болѣе 6. Рогатаго скота 3280 головъ (1760 коровъ) слѣдовательно на дворъ рогатаго скота приходится еще болѣе чѣмъ лошадей. Только въ одномъ селеніи есть 26 воловъ употребляемыхъ на работы. Свиноводство весьма развито, также какъ и въ казачьихъ округахъ области; свиней крестьяне содержатъ до 900 штукъ. Овцеводство здѣсь болѣе развито чѣмъ въ казачьихъ округахъ, а именно три селенія волости (Сергіевка, Новопокровка и Марковское) держатъ овецъ, общее количество которыхъ превосходитъ 860. Охотою, какъ промысломъ, жители волости совсѣмъ не занимаются, а рыбною ловлей занимаются только жители приамурскихъ и призейскихъ селеній.

8) *Томская волость.*

Томская волость занимаетъ обширную территорію на лѣвой сторонѣ Зеи, преимущественно по р. Томи, большому притоку

Зеи, распространяясь по Зеѣ верхъ до устья Селимджы, а по лѣвую сторону Томи до р. Бѣлой, доходя до этого притока Зеи только въ его верховьяхъ. Изъ 26 (несчитая 2 заимокъ) селеній волости первыя 9 расположены по Зеѣ и небольшимъ ея притокамъ, впадающимъ въ нее слѣва между Селимджой и Томью, слѣдующія по р. Томи и ея притокамъ, а послѣдніе 4 по рѣкѣ Бѣлой.

1) Деревня *Благовѣщенская* есть самое дальнее русское крестьянское селеніе на р. Зеѣ, отстоящее отъ города Благовѣщенска въ 221 верстѣ. Селеніе это возникло только въ 1893 г. и основано переселенцами изъ Тамбовской и Полтавской губерній. Въ немъ 33 двора, деревянныхъ, смазанныхъ глиною, 206 жит. (108 м. п.), крестьянъ; усадебной земли 33 дес., остальная еще не принята во владѣніе крестьянами. У нихъ 84 лошади, (80 рабочихъ), 24 рогатаго скота (13 коровъ) и 11 свиней. Хлѣба крестьяне еще не сѣяли. Между жителями: насчитывается: 4 портныхъ, 4 сапожника, 6 плотниковъ, 2 столяра и 13 ткачей.

2) Деревня *Бѣлоярская*, расположена на Зеѣ, въ 211 вер. выше города и основана въ 1889—1892 г. переселенцами, вышедшими изъ Амурско-Зейской волости вслѣдствіе того, что всѣ жители этого селенія (кромѣ 4 мѣщанъ, здѣсь проживающихъ) принадлежатъ къ молоканской сектѣ. Дворовъ 16, конная мельница, жителей 208 (101 м. п.), крестьянъ (кромѣ 1 м. п. и 3 ж. п. мѣщанъ). Земли въ непосредственномъ владѣніи крестьянъ селенія 9900 дес., въ томъ числѣ усадебной 15, покосовъ 2000 дес., пахатной съ залежами 2000 дес., остальная поросла лѣсомъ и отчасти покрыта болотами. Въ посѣвѣ: ярицы 24 дес., яровой пшеницы 76, овса 58, ячменя до 7, гречи $1^1/_2$, проса $^3/_4$ дес., льна $^1/_2$ дес., конопли 2 дес. Скота у крестьянъ: лошадей 135 (115 рабочихъ), рогатаго 170 (98 коровъ и 22 быковъ), овецъ 200. Между жителями имѣется 4 плотника, 4 сапожника, 2 кузнеца и 4 ткача.

3) Село *Красноярское* на Зеѣ, вер. съ 190 выше Благовѣщенска, заселялось съ 1884 г. до 1892 г. переселенцами, сначала изъ Забайкальской области, а потомъ изъ Тамбовской и Харьковской губерній. Дворовъ 44, церковь, лавка, питейное заведеніе, 2 конныя мельницы, жителей 249 (129 м. п.), крестьянъ, кромѣ 1 м. п. и 2 ж. п. мѣщанъ. Земли въ непосредственномъ владѣніи крестьянъ до 15.500 дес., въ томъ числѣ усадебной 35 дес., покосовъ 810 дес., пахатной съ залежами 3000 дес., остальная подъ лѣсами и болотами. Подъ посѣвами: ярицы 18 дес., яровой пшеницы 93, овса 51, ячменя до 9,

гречи 1 дес., проса $^1/_2$ и конопли 1 д. Скота крестьяне держатъ: лошадей 122 (109 рабочихъ), рогатаго 122 (72 коровъ и 8 воловъ и 12 быковъ), 80 свиней и 10 овецъ. Между жителями имѣется 3 кузнеца и 18 ткачей.

4) Деревня *Берьминская* на р. Берьмѣ, впадающей въ Зею, въ 179 вер. отъ города. Заселялась съ 1885 по 1889 г. переселенцами изъ Забайкальской области. Дворовъ 21, 2 водяныя мельницы, жителей 145 (79 м. п.), крестьянъ безпоповской секты (кромѣ 9 м. п. и 7 ж. п. православныхъ). Земли у нихъ 9020 дес., а именно: 17 усадебной, 110 покосовъ, 800 дес. пахатной и залежной, а остальная подъ лѣсомъ. Подъ посѣвами состоитъ: ярицы 14, яров. пшеницы 74, овса 33, ячменя 2, гречи 2 дес., проса болѣе 1 дес., льну $^1/_4$, пеньки 1 дес. Лошадей крестьяне держатъ 105 (78 рабочихъ), рогатаго скота 103 (56 коровъ, 22 быковъ), свиней 102. Въ селеніи 8 ткачей и 2 кузнеца.

5) Деревня *Введенская*, на р. Зеѣ, въ 178 вер. отъ города, основана въ 1891 г. переселенцами изъ Забайкальской области. Дворовъ 23, жителей 108 (59 м. п.), крестьянъ безпоповской секты. Земли у нихъ 4100 дес., а именно: 15 усадебной, 500 покоса, 1500 пашни и залежей, остальное лѣсъ. Въ посѣвѣ $1^1/_2$ дес. ярицы, 32 яровой пшеницы, $7^1/_2$ овса, 1 ячменя и менѣе 1 дес. подъ просомъ, льномъ и коноплей. Скота крестьяне держатъ: лошадей 32 (31 рабочихъ), рогатаго 47 (32 коровы, 10 быковъ), 32 свиньи.

6) Деревня *Молчановка*, на р. Зеѣ, въ 177 вер. отъ города. Заселена въ 1889, 1890 и 1892 г. переселенцами изъ Забайкальской области и Тамбовской губерніи. Дворовъ 20, жителей 65 (37 м. п.) крестьянъ, изъ нихъ 2 м. п. и 1 ж. п. безпоповцы, остальные православные. Земель у крестьянъ 2470 дес., изъ нихъ 14 усадебной, 400 покосовъ, 700 пахатной и залежей, остальное лѣсъ. Въ посѣвѣ ярицы $1^1/_2$ дес., яровой пшеницы 14, овса 3, подъ ячменемъ, гречею и просомъ $1^1/_4$ дес. Лошадей 47 (30 рабочихъ), рогатаго скота 60 (18 коровъ и 28 быковъ), 22 свиньи.

7) Деревня *Большая Сазанка*, на Зеѣ, въ 162 вер. отъ города. Заселена въ 1883, 1885, 1888 и 1890 г. переселенцами изъ губерній Енисейской, Полтавской и Донской области. Дворовъ 42, 2 лавки, питейный домъ, 207 жителей (107 м. п.), крестьянъ. Земель у нихъ 11600 дес., въ томъ числѣ 25 усадебной, 3000 покосовъ, 3000 пахатной и залежей, остальное лѣсъ. Въ посѣвѣ было: ярицы 21, яровой пшеницы 50, овса 35, ячменя 4, проса 1 дес., льна $^3/_4$ дес., конопли $^1/_2$ дес. Лоша-

дей 57 (46 рабочихъ), рогатаго скота 176 (70 коровъ, 42 вола и 17 быковъ), свиней 32, овецъ 4. Въ числѣ жителей 1 кузнецъ, 2 плотника и 6 ткачей.

8) Деревня *Казанская*, на рч. Бѣлоноговой, впадающей въ Зею, въ 152 вер. отъ города. Заселена въ 1890 г. переселенцами изъ Амурско-Зейской волости. Дворовъ 7, жителей 55 (31 м. п.), крестьянъ. Земли у нихъ 43 дес., изъ нихъ 8 усадебной, 20 покоса, 15 пашни. Посѣвовъ: $1^1/_2$ дес. ярицы, 9 яровой пшеницы, 3 овса и немного болѣе $^1/_2$ дес. подъ ячменемъ, льномъ и коноплей. Лошадей 18 (13 рабочихъ), рогатаго скота 30 (20 коровъ, 2 быка), свиней 16.

9) Деревня *Бѣлоногова*, при озеркѣ, на равнинѣ, склоняющейся къ Зеѣ, въ 146 вер. отъ города. Заселена въ 1867 г. переселенцами изъ Енисейской и Полтавской губерній. Дворовъ 19, водяная и конная мельницы, жителей 149 (69 м. п.) крестьянъ. Земли у нихъ 4000 дес., въ томъ числѣ усадебной 15, покосной 1000, пахатной 2020, остальная подъ лѣсомъ и болотами. Подъ посѣвами: ярицы 23 дес., яровой пшеницы 59, овса 59, ячменя 6, льна 1, конопли 1 дес. Лошадей 105 (82 рабочихъ), рогатаго скота 180 (120 коровъ, 6 воловъ и 12 быковъ), свиней 56, овецъ 4. Между крестьянами есть ремесленники: 1 кузнецъ и 7 ткачей.

10) Выселокъ *Левченковыхъ* находится на р. Сорокошинкѣ по всей вѣроятности, системы р. Томи, въ 186 вер. отъ города. Въ выселкѣ 2 двора, водяная мельница, жителей 14 (4 м. п.), переселившихся въ 1878 г. изъ Харьковской губерніи. Во владѣніи крестьянъ 17 дес., въ томъ числѣ усадебной 3 дес., покоса 8 дес., пахатной 6 дес. Подъ посѣвами: яровой пшеницы $3^1/_2$ дес., овса 2 дес., конопли $^1/_2$ дес. Лошадей 4 рабочихъ, рогатаго скота 23 (коровъ 6, воловъ 9, быковъ 3).

11) Деревня *Листвянская* расположена на рч. Горбылѣ, въ 182 вер. отъ города. Основана въ 1888 г. переселенцами изъ Томской губерніи. Дворовъ 25, жителей 36 (25 м. п.), крестьянъ безпоповской секты. Земли у нихъ до 80 дес., въ томъ числѣ усадебной 7 дес., покосовъ 30, пашни 42. Подъ посѣвами: ярицы $2^1/_2$ дес., яровой пшеницы 17 дес., овса 18, ячменя 2, проса $^3/_4$ дес., конопли $^1/_2$ дес. Лошадей 33 (23 рабочихъ), рогатаго скота 38 (15 коровъ, 3 быка), свиней 22.

12) Селеніе *Тарбагатай* на р. Чиргѣ, вѣроятно, системы Томи, въ 161 вер. отъ города Заселено въ 1887, 1888, 1889 и 1891 г.г. крестьянами Забайкальской области безпоповской секты. Дворовъ 87, 1 водяная мельница, жителей 465 (231 м. п.) крестьянъ. Земли у нихъ до 11600 дес., въ томъ числѣ

усадебной 70, покосовъ 400, пахатныхъ земель съ залежами 8000 дес., остальная лѣсъ и болота. Подъ посѣвами: ярицы 11 дес., яровой пшеницы 144, овса 53, ячменя 26 дес., льна 2, конопли $1^1/_2$. Лошадей 204 (161 рабочихъ), рогатаго скота 226 (130 коровъ, 26 быковъ), свиней 264. Между крестьянами ремесленниковъ: 2 кузнеца и 30 ткачей.

13) Деревня *Новая* на той же рч. Чиргѣ, ниже по ея теченію, въ 159 вер. отъ города, заселена въ 1866, 1877, 1884 и 1889 г. пересенцами изъ Забайкальской области, Енисейской, Харьковской и Полтавской губерній. Дворовъ 30, водяная мельница, жителей 136 (71 м. п.), крестьянъ. Изъ нихъ 22 (11 м. п.) безпоповцевъ, остальные православные. Земли 2990 д., въ томъ числѣ усадебной 22, покосной 300, пахатной 1806 дес., остальная подъ лѣсомъ и болотами. Подъ посѣвами: ярицы 6 дес., яровой пшеницы 44, овса 16, ячменя 9. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 86 (66 рабочихъ), рогатаго 145 головъ (98 коровъ 14 быковъ), свиней 80.

14) Деревня *Круглая* находится на берегу р. Томи, въ 144 вер. отъ города и заселена въ 1866, 1880 и 1889 г. переселенцами изъ Забайкальской области и Енисейской губерніи. Дворовъ 35, водяная мельница, жителей 206 (108 м. п.), крестьянъ, большею частью безпоповской секты (89 м. п. и 81 ж. п.). У нихъ земли 5930 дес., въ томъ числѣ усадебной 20, покосной 150, пахатной 2980, остальная подъ лѣсомъ и болотами. Подъ посѣвами: ярицы 94 дес., яровой пшеницы 99, овса 86, ячменя 16 дес., гречи 1, проса 2, льна 2, дес., конопли 1. Скота крестьяне держатъ: 228 лошадей (168 рабочихъ), рогатаго скота 330 (210 коровъ, 35 быковъ), 182 свиньи. Изъ крестьянъ селенія 2 кузнеца и 20 ткачей.

15) Деревня *Заливная*, на Томи, въ 141 вер. отъ города. Заселена въ 1864, 1867, 1870 и 1880 г. переселенцами изъ Забайкальской области и Енисейской губерніи. Дворовъ 38, конная мельница. Селеніе построено просторно, пожаръ былъ въ 1886 г.; сгорѣлъ одинъ домъ. Жителей 215 (100 м. п.), крестьянъ безпоповской секты. Земли у нихъ 5540 дес., въ томъ числѣ усадебной 23, покосовъ 680, пахатныхъ съ залежами 3000, остальная подъ лѣсомъ и болотами. Подъ посѣвами: ярицы 29, яровой пшеницы 65, овса 93, ячменя 11, льна 2, конопли $1^1/_2$ дес., Скота крестьяне держатъ: лошадей 212 (137 рабочихъ), рогатаго 277 головъ (141 коровъ, 49 быковъ), свиней 70. Между крестьянами есть ремесленники: 2 кузнеца и 10 ткачей.

16) Село *Павловское* на Томи въ 137 вер. отъ города. Заселялось въ 1862, 1863, 1868, 1872, 1873, 1881 и 1885 г.

переселенцами изъ Забайкальской области, Енисейской, Астраханской, Воронежской и Полтавской губерній. Дворовъ 57, церковь, лавка, питейное заведеніе, паровая мельница о 2-хъ поставахъ, вырабатывающая въ годъ до 15 тыс. пуд. муки и 3 конныя мельницы. Селеніе построено просторно. Пожары были въ 1876, 1886 и 1893 г., но каждый годъ сгорѣло только по одному дому. Жителей 420 (220 м. п.), крестьянъ, изъ нихъ 23 (13 м. п.) безпоповцевъ, остальные православные. Земли у крестьянъ 7044 дес., въ томъ числѣ усадебной 50, покосовъ 500, пахатной съ залежами 2700, остальная подъ лѣсомъ и болотами. Подъ посѣвами: ярицы 28 дес., яровой пшеницы 62, овса 46, ячменя 10, гречи 1, проса 1, льна 1, конопли 1. Скота крестьяне держатъ: лошадей 126 (103 рабочихъ), рогатаго скота 104 (48 коровъ, 14 воловъ, 20 быковъ), свиней 96. Между крестьянами нѣсколько ремесленниковъ: сапожниковъ 2, плотниковъ 2, столяровъ 2, кузнецовъ 2, ткачей 20. Изъ села выселилась въ 1887 г. заимка *Одинцовыхъ*, находящаяся въ 15 вер. отъ Павловскаго. Въ ней 1 дворъ, 19 жителей (10 м. п.), безпоповцевъ; земли 400 дес., въ томъ числѣ усадебной 3, покосовъ 47, пахатной 350 дес. Подъ посѣвами: ярицею 6 дес., яровою пшеницею 8 дес., овсомъ 7 д., ячменемъ 1 дес., гречихою 1 дес. Лошадей 19 (11 рабочихъ), рогатаго скота 24 (8 коровъ, 2 быка, 6 воловъ), козъ 11, свиней 5.

17) Выселокъ *Паруновскій*, на р. Сѣркиной, на подгорьѣ, находится близь села Павловскаго, въ 134 вер. отъ города. Онъ заселенъ въ 1883 г. переселенцами изъ Пензенской губерніи. Двора 3, жителей 29 (13 м. п.), крестьянъ. Настоящаго надѣла они еще не получили, но заняли подъ усадьбы 3 дес., подъ покосъ 20 дес. и пахатной 65. Въ посѣвѣ: ярицы 4 д., яровой пшеницы 10 дес., овса 10 дес., ячменя 1 дес., гречихи 2 дес., конопли $^1/_2$ дес. Скота у крестьянъ: лошадей 28 (15 рабочихъ), рогатаго скота 61 (30 коровъ, 16 быковъ), свиней 19. Въ числѣ жителей ремесленниковъ: кузнецовъ 1, ткачей 3.

18) Деревня *Васильевка*, на Томи, въ 130 вер. отъ города, заселена въ 1864, 77, 78, и 84 г. переселенцами изъ губерній Тобольской, Енисейской, Полтавской и изъ Приморской обл. Дворовъ 66, лавка, конная мельница. Жителей 474 (231 м. п.), крестьянъ. Земли у нихъ 6425 дес., въ томъ числѣ 40 усадебной, 1000 дес. покосовъ, пахатной 4525, а остальное лѣсъ и болото. Въ посѣвѣ: ярицы 87 дес., яровой пшеницы 147, овса 212, ячменя 32, гречи 5, льна 2, конопли 1 дес. Скота кре-

стьяне держатъ: лошадей 444 (345 рабочихъ), рогатаго скота 576 (380 коровъ, 110 воловъ, 61 быковъ), 332 свиньи. Между крестьянами ремесленниковъ: портной 1, сапожниковъ 2, плотниковъ 2, кузнецовъ 5, ткачей 15.

19) Деревня *Томская*, на Томи, на подгорьѣ, въ 127 вер. отъ города. Заселена въ 1863, 65, 70 и 84 г. переселенцами изъ губерній Енисейской и Полтавской. Дворовъ 35, 2 конныя мельницы. Жителей 240 (133 м. п.), крестьянъ. Земель у нихъ 3700 дес., въ томъ числѣ подъ усадьбами 25 дес., подъ покосами 500 дес., подъ пашнями 1600 дес., остальныя подъ лѣсомъ и болотомъ. Подъ посѣвами: ярицы 39 дес., яровой пшеницы 69, овса 95, ячменя 10, гречи 5, льна $^1/_2$, конопли 2 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 180 (132 рабочихъ), 323 рогатаго (143 коровъ, 16 воловъ, 64 быковъ), 91 свинью, 60 овецъ. Въ селеніи ремесленниковъ: портной 1, сапожникъ 1, кузнецовъ 3, ткачей 30.

20) Деревня *Высокая*, на Томи, въ 124 вер. отъ города, заселена въ 1861, 63, 70, 77, 84 и 86 переселенцами изъ Енисейской и Полтавской губерній. Дворовъ 52, мельницъ конныхъ двѣ. Селеніе построено просторно, пожаръ—былъ въ маѣ 1885 г.; сгорѣло 13 дворовъ. Жителей 307 (150 м. п.), крестьянъ. У нихъ земель 3700 дес., въ томъ числѣ усадебной 33, покосовъ 1400, пахатной съ залежами 2289, остальная лѣсъ и болота. Подъ посѣвами: озимой ржи $^1/_4$ дес., ярицы 9, яровой пшеницы 88, овса 133, ячменя 18, гречи 2, проса $1^1/_2$, льна 2, конопли 2. Лошадей 292 (195 рабочихъ), рогатаго скота 270 (173 коровъ и 37 быковъ), свиней 170, овецъ 20. Между крестьянами ремесленниковъ: портныхъ 2, плотниковъ 3, печникъ 1, ткачей 15.

21) Село *Александровское*, на р. Томи, на подгорьѣ, въ 120 вер. отъ города. Заселено въ 1860, 64, 70, 71 и 85 г. переселенцами изъ Енисейской и Полтавской губерній. Дворовъ 61, церковь, Волостное Правленіе, школа съ 24 учащимися, питейное заведеніе, 2 лавки, паровая мельница, переработывающая до 2 тыс. пуд. муки, 1 водяная, 2 конотопныхъ и 2 гужевыхъ мельницы. Жителей 368 (182 м. п.), въ томъ числѣ 14 мѣщанъ (6. м. п.), остальные крестьяне. Земель у нихъ 5132 д., въ томъ числѣ усадебной 32, покосной 1700, пахатной съ залежами 3000, остальная лѣсная. Въ посѣвѣ: озимой ржи 1 д. ярицы 36 дес., яровой пшеницы 103, овса 188, ячменя 12, гречи 20, льна $2^1/_2$, конопли $2^1/_2$ дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 360 (200 рабочихъ), рогатаго скота 500 (коровъ 300, быковъ 50) свиней 200, овецъ 200. Въ числѣ жи-

телей ремесленниковъ: портныхъ 4, плотниковъ 2, столяровъ 2, ткачей 30.

22) Село *Никольское*, на р. Томи, въ 108 вер. отъ города, Заселена въ 1861, 65, и 85 г. переселенцами изъ Енисейской и Полтавской губерній. Дворовъ 26, церковь, конотопная мельница. Жителей 183 (97 м. п.), крестьянъ. Земли они имѣютъ 1690 дес., въ томъ числѣ усадебной 17 дес., покосной 150 д., пахатной 1400 дес. Подъ посѣвами: озимой рожью 2 дес., ярицей 34 дес., яровою пшеницей 52, овсомъ 74, ячменемъ 8, гречихой болѣе 1 дес., льномъ 1, коноплей 2 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 145 (111 рабочихъ), рогатаго 224 (112 коровъ и 51 быковъ), свиней 129, овецъ 6. Между жителями селенія ремесленниковъ: столяровъ 1, кузнецовъ 2 ткачей 10.

23) Деревня *Ключевская*, на р. Томи, въ 98 отъ города, заселена въ 1863, 85 и 89 г. переселенцами изъ Енисейской губ., и Забайкальской области. Дворовъ 31, жителей 167 (86 м. п.), въ томъ числѣ австрійскаго толка 43 (25 м. п.), остальные безпоповцы, всѣ крестьяне. Во владѣніи ихъ 4945 дес., въ томъ числѣ усадебной 22 дес., покосовъ 170 дес., пахатной съ залежами 4580 дес., остальныя лѣсъ и болото. Въ посѣвѣ: ярицы 12 дес., яровой пшеницы 77 дес., овса 41 дес., ячменя 6 дес., льна 1 дес., конопли 3 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 95 (75 рабочихъ), рогатаго 155 (94 коровъ и 26 быковъ), свиней 101. Въ числѣ жителей селенія ремесленниковъ: плотниковъ 3, ткачей 7.

24) Деревня *Верхне-Бѣльская*, на р. Бѣлой, въ 118 вер. отъ города. Заселена въ 1889 и 1890 г. переселенцами изъ Томской губерніи. Дворовъ 12. Жителей 29 (16 м. п.), всѣ крестьяне, безпоповцы. Земли у нихъ 122 дес., въ томъ числѣ усадебной 15, покосовъ 30, пахатной 77. Въ посѣвѣ: ярицы 6 дес., яровой пшеницы 33 дес., овса 31, ячменя 7. Скота крестьяне имѣютъ: лошадей 48 (40 рабочихъ), рогатаго скота 75 (35 коровъ, 8 воловъ, 10 быковъ), свиней 31. Изъ жителей селенія 3 занимаются ткачествомъ. Въ 2 вер. отъ селенія заимка, *Поздѣевская*, состоящая изъ 1 двора съ 16 жителями, (9 м. п.). Во владѣніи ихъ 400 дес., въ томъ числѣ усадебной 2, покосовъ 36, остальныя пахатныя съ залежью. Въ посѣвѣ подъ ярицею 1 дес., яровою пшеницею 7 дес., овсомъ 15, ячменемъ $2^1/_2$, гречихою $2^1/_2$, просомъ $^1/_2$ дес. и $^1/_4$ дес. подъ льномъ и коноплей. Скота: лошадей 14 (8 рабочихъ), рогатаго 26 (8 коровъ, 4 вола 38 быковъ) 4 свиньи и 17 овецъ.

25) Деревня *Вознесенская*, на р. Бѣлой, въ 100 вер. отъ города.

Заселилась въ 1877, 84, 88 и 89 г. переселенцами изъ Енисейской и Астраханской губерній и Донской области. Дворовъ 42, 1 конная мельница. Жителей 286 (151 м. п.), крестьянъ. Земли у нихъ 4485 дес., въ томъ числѣ 45 усадебной, 360 покосовъ 3800 пахатной, остальная подъ лѣсомъ. Подъ посѣвами: ярицы 42, яровой пшеницы 96, овса 76, ячменя 16, гречи 2, проса $3^1/_2$, льна 1 и конопли 1 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 154 (110 рабочихъ), рогатаго 188 (81 корова, 36 воловъ, 22 быка), свиней 163, овецъ 7. Изъ жителей селенія 6 занимаются ткачествомъ.

26) Деревня *Климовка* на р. Бѣлой, въ 93 вер. отъ города заселилась въ 1885, 89, 91 и 92 годахъ переселенцами изъ Полтавской и Тамбовской губерній. Дворовъ 42, жителей 260 (140 м. п.), крестьянъ. Земель у нихъ 4220 дес., въ томъ числѣ 35 усадебной, 250 покосовъ, 3200 пахатной съ залежами. Въ посѣвѣ: ярицы 28, яровой пшеницы 62, овса 46, ячменя 10, гречи, проса, льна и конопли по 1 дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 116 (103 рабочихъ), рогатаго 104 (48 коровъ, 14 воловъ, 20 быковъ), свиней 96. Изъ жителей 3 занимаются плотничествомъ и 8 ткачествомъ.

Въ 26 селеніяхъ и 2 заимкахъ волости дворовъ 870. Выстроены они изъ лѣса, преимущественно сосноваго, и тамъ, гдѣ есть малороссійское населеніе, смазаны глиной; крыты тесомъ и дранью, а иногда и соломою. Строевой лѣсъ рубится въ своихъ лѣсныхъ дачахъ, которыхъ въ отводѣ у волости до 54500 десятинъ. Лѣсъ сосновый, березовый, лиственичный, осиновый. Камень и кирпичъ въ постройкахъ не употребляются; церкви также деревянныя. Всѣ селенія волости построены просторно, пожары очень рѣдки и неопустошительны; единственное исключеніе составлялъ пожаръ въ 1885 г. въ деревнѣ Высокой, при которомъ выгорѣло 13 дворовъ, то-есть четверть селенія. Жителей въ волости 5270 (2688 м. п.), въ томъ числѣ 21 мѣщанъ (8 м. п.), остальные крестьяне, переселенцы изъ разныхъ губерній и областей Сибири и Европейской Россіи. Изъ числа жителей 43 (25 м. п.) принадлежатъ къ раскольникамъ австрійскаго толка, 204 (100 м. п.) молоканъ и 1365 (688 м. п.) безпоповцевъ. Въ населеніи волости на 1000 мужчинъ приходится 965 женщинъ, то-есть пропорція болѣе благопріятная, чѣмъ въ сосѣдней Амурско-Зейской волости. Въ рабочемъ возрастѣ состоитъ 1300 м. п. и 1243 ж. п., что въ общемъ составляетъ 48% всего населенія, то-есть одинаковую пропорцію съ сосѣдней Амурско-Зейскою волостью и болѣе выгодную, чѣмъ въ большинствѣ казачьихъ округовъ. Брач-

ныхъ паръ 1096, изъ коихъ 1015 въ рабочемъ возрастѣ, на тягло приходится 2,6 д. м. п., то-есть пропорція, близкая къ той, которая существовала при отмѣнѣ крѣпостнаго права въ Европейской Россіи. На дворъ же приходится 6 жителей об. п.

Въ пользованіи крестьянъ волости состоитъ земель до 127000 дес., а не считая лѣсовъ 72510 дес., что составитъ съ лѣсами 47 дес. на душу м. п., а безъ лѣсовъ 28 дес.—надѣлъ столь же громадный, какъ и въ сосѣдней волости. Въ числѣ этихъ земель собственно подъ усадьбами (безъ выгоновъ) состоитъ 644 дес., подъ покосами 15000 дес., пахатной съ залежами и выгонами до 57010 дес. Такимъ образомъ однѣхъ годныхъ для пашней земель приходится по 21 дес. на душу м. п. Но подъ дѣйствительными посѣвами, при залежной системѣ хозяйства, приходится здѣсь 4110 дес., то-есть немного болѣе $1^1/_2$ дес. на душу, 4 дес. на тягло, 4,7 на дворъ. Сѣютъ крестьяне: озимой ржи только 3 дес., иными словами она почти вовсе не сѣется. Ярицы 534 дес., съ которыхъ въ 1893 г. собрано 18 тыс. пуд., а обыкновенно собирается 32 тыс. пуд. Яровой пшеницы 1640 дес., съ которой собрано въ 1893 г. 96000 пуд., а обыкновенно собирается 142000 пуд. Такимъ образомъ пищевого хлѣба собирается за сѣменами 150000 пуд., то-есть около 29 пуд. на душу об. п., что составляетъ значительный избытокъ противъ потребности населенія, да и въ 1893 году, несмотря на недородъ, все-таки мѣстное потребленіе было вполнѣ обезпечено. Овса посѣяно 1584 дес., съ которыхъ въ 1893 г. собрано 100 тыс. пуд., а обыкновенно собирается 144 тыс. пуд. Ячменя 244 дес., съ которыхъ собрано въ 1893 г. 8 тыс. пуд., а обыкновенно собирается 12500 пуд. Гречихи 37 дес., съ которой обыкновенно собирается до 2900 пуд., но въ 1893 г. родилась только половина. Проса 16 дес., съ которыхъ въ среднемъ собирается до 1000 пуд. Льна сѣется десятины 23, дающихъ обыкновенно 430 пуд. волокна и 320 сѣмени. Конопли сѣется 28 дес., съ которыхъ получается при среднемъ урожаѣ до 500 пуд. волокна и 380 пуд. сѣмени. Вообще жители волости съ самаго начала своего переселенія указываютъ только на одинъ *неурожайный годъ*, а именно 1885.

Огородничество для мѣстнаго потребленія достаточно развито—сажается: картофель, капуста, свекла, морковь, огурцы, лукъ. Садоводства не существуетъ. Скотоводство въ волости имѣетъ посредственное развитіе. Лошадей содержатъ 3620 (2690 рабочихъ), такъ что рабочихъ лошадей на взрослаго работника приходится по 2, а всѣхъ лошадей на дворъ болѣе 4-хъ. рогатаго скота содержатъ 5045 головъ (2770 коровъ, 250

воловъ и 685 быковъ), такимъ образомъ на дворъ приходится болѣе 3 коровъ, да и волы составляютъ подспорье рабочей силѣ. Свиней содержатъ 2580, то-есть около 3 на дворъ. Овцеводство очень мало развито. Овцы содержатся въ немногихъ селеніяхъ и общее количество ихъ въ волости не превосходитъ 530. Охотою жители занимаются для своего потребленія. Предметами ихъ добычи служатъ дикія козы, а изъ птицъ гуси, утки и тетерева. Призейскія и притомскія селенія ловятъ и рыбу: осетровъ, калугу, карасей, щукъ, сиговъ и чебаковъ.

9) *Черемховская волость.*

Волость эта расположена на лѣвой сторонѣ р. Зеи, южнѣе Томской волости. Селенія волости расположены въ четырехъ группахъ: два на Зеѣ и вблизи нея, выше р. Бѣлой, 4 вдоль нижняго теченія р. Бѣлой, 4 и одна заимка въ равнинѣ къ В. отъ Зеи, между Бѣлой и Будиндою, 2 и одна заимка на р. Будиндѣ.

1) Деревня *Новоандреевка* находится на Зеѣ, верстахъ въ 90 выше Благовѣщенска. Заселена въ 1886 г. переселенцами изъ Забайкальской области. Дворовъ 17, хлѣбный магазинъ, жителей 164 (96 м. п.) крестьянъ-старообрядцевъ. Земли у нихъ: усадебной 400 дес., покосовъ 330 дес., пахатной съ залежами 2400. Въ посѣвѣ: ярицы 19 дес., яровой пшеницы 60 дес., овса 30 дес., ячменя 1 дес., подъ бахчею $^1/_2$ дес. Крестьяне содержатъ скота: лошадей 48 (40 рабочихъ), рогатаго 61 (коровъ 29, быковъ 14), свиней 55. Между жителями имѣются ремесленники: портной 1, плотниковъ 2. Многіе изъ жителей ходятъ вверхъ по Зеѣ для рубки и сплава дровъ въ Благовѣщенскъ.

2) Деревня *Коммисаровка*, расположена въ луговой равнинѣ, при рч. Колягиной, въ 87 вер. отъ города. Деревня эта первоначально была основана на самой Зеѣ переселенцами изъ Полтавской губерніи, но перебралась на нынѣшнее мѣсто въ 1888 и 1889 г., пополнивъ себя новыми переселенцами изъ Полтавской и Херсонской губерній. Дворовъ 43, хлѣбный магазинъ. Жителей 284 (139 м. п.), въ томъ числѣ 5 старовѣровъ (3 м. п.). У жителей земли: усадебной 1330, покосовъ 530, пахатной съ залежами 4470 дес. Въ посѣвѣ: ярицы 115 дес., яровой пшеницы 115, овса 93, ячменя 4, гречи 1 дес., проса 4 дес., льна 1 дес., конопли 5 дес. Жители занимаются и бахчеводствомъ: подъ бахчами 4 дес. Въ Коммиссаровкѣ почти каждая хата обсажена деревьями: березами и дикими яблонями

(Pyrus baccata). Скота крестьяне содержатъ: лошадей 98 (80 рабочихъ), рогатаго скота 370 (коровъ 98, быковъ 65, воловъ 144), свиней 117. Изъ жителей ремесленниковъ: портной 1, сапожникъ 1, плотникъ 1, ткачей 3.

3) Село *Троицкое*, на лѣвомъ берегу р. Бѣлой, въ 75 вер. отъ Благовѣщенска, основано еще въ 1863 г. переселенцами изъ Минусинскаго округа Енисейской губерніи. Съ 1883 г. село пополнилось переселенцами изъ Верхнеудинскаго округа и даже изъ Сахалина. Нынѣ дворовъ 60, церковь, церковно-приходская школа съ 20 учащимися, хлѣбный магазинъ, питейное заведеніе и мелочная лавка. Жителей 483 (216 м. п.), крестьянъ. Земли у нихъ: усадебной съ выгономъ 2660 дес., покосной 630, пахатной съ залежами 5000 дес. Подъ посѣвами: ярицы 76 дес., яровой пшеницы 120 дес., овса 110 дес., ячменя 8 дес., гречи 7 дес., проса 7 дес., льна 2 дес., конопли 2 1/2 дес. Жители занимаются и бахчеводствомъ: подъ бахчами 8 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 184 (130 рабочихъ), рогатаго скота 334 (коровъ 163, быковъ 51, воловъ 43), свиней 188, овецъ 25. Въ числѣ жителей ремесленниковъ: портной 1, сапожникъ 1, столяръ 1, печникъ 1, кузнецовъ 3, ткачихъ 3. Одинъ крестьянинъ обжигаетъ кирпичъ.

4) Деревня *Успеновка*, расположена на луговой возвышенности, на берегу довольно большого озера, въ 75 вер. отъ города. Заселена въ 1890 г. выходцами изъ Полтавской губерніи. Дворовъ 16, жителей 107 (63 м. п.), крестьянъ. У нихъ земли: усадебной 400, покосовъ 400 дес., пахатной съ залежами 5330 дес. Подъ посѣвами: ярицы 36 дес., яровой пшеницы 40 дес., овса 24, ячменя 4, гречи 3, проса 1, льна 4, конопли 1 дес. Жители занимаются и бахчеводствомъ: подъ бахчами 2 дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 19 (15 рабочихъ), рогатаго скота 82 (10 коровъ, 6 быковъ, 57 воловъ), свиней 49. Въ числѣ жителей ремесленниковъ: портной 1, сапожниковъ 2, плотниковъ 2, печникъ 1, ткачихъ 4.

5) *Село Средне-Бѣлое*, на лѣв. сторонѣ р. Бѣлой, въ 70 вер. отъ города. Основано первоначально въ 1864 г. старообрядцами, выселившимся впослѣдствіи въ дер. Николаевку, а нынѣ состоитъ почти исключительно изъ полтавскихъ переселенцевъ 1883 и 1884 гг. Дворовъ 97, церковь, хлѣбный магазинъ, 3 водяныя мельницы, 2 конныхъ и мелочная лавка. Селеніе построено просторно. Пожаръ былъ въ одномъ случаѣ и ограничился однимъ дворомъ. Жителей 650 (354 м. п.), крестьянъ, между которыми только 9 старообрядцевъ (4 м. п.). Земли у нихъ: усадебной и выгонной 4670 дес., покосной 670 и па-

хатной съ залежами 10660. Подъ посѣвами: ярицы 256 дес., яровой пшеницы 266, овса 307, ячменя 41, гречи 42, проса 17, льна 2, конопли 8. Жители занимаются и бахчеводствомъ: подъ бахчами 12 дес., арбузы сбываются въ Благовѣщенскъ. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 400 (276 рабочихъ), рогатаго скота 574 (коровъ 198, быковъ 77, воловъ 166), свиней 387, овецъ 2. Въ числѣ жителей—ремесленниковъ: портныхъ 2, сапожникъ 1, бондарь 1, кузнецовъ 2, плотникъ 1, столяръ 1, печникъ 1, ткачихъ 6.

6) *Новопокровка*, въ $1^1/_2$ вер. отъ р. Бѣлой, при озерѣ, въ 70 вер. отъ города. Заселена въ 1887 г. переселенцами изъ Полтавской губерніи. Дворовъ 34, хлѣбный магазинъ, жителей 145 (78 м. п.), крестьянъ. У нихъ земли усадебной съ выгономъ 530 дес., покосной 530, пахатной съ залежами 3060 дес. Подъ посѣвами: ярицы 48 дес., яровой пшеницы 56, овса 29, ячменя 8, гречи 11, проса 10, льна 1, конопли 3. Жители занимаются и бахчеводствомъ: подъ бахчами 7 дес. Крестьяне содержатъ скота: лошадей 53 (44 рабочихъ), рогатаго скота 100 (30, коровъ 11 быковъ, 41 воловъ), свиней 94. Въ селеніи занимаются ремеслами: портныхъ 3, сапожниковъ 2, плотниковъ 1, столяровъ 1, ткачествомъ женщинъ 8.

7) Село *Семиозерное*, расположено на равнинѣ, разстилающейся между рѣками Бѣлой и Будиндою, на низменномъ лугу, при рч. Малой Бѣлой, въ 57 вер. къ С.-З. отъ Благовѣщенска. Заселено въ 1865 г. переселенцами изъ Астраханской губерніи, пополнилось еще переселенцами въ 1883—4 г. и въ 1889 г. Жители жалуются и донынѣ на слишкомъ болотистую мѣстность, затхлую воду въ рѣкѣ, отдаленность пашенъ и заливы покосовъ водою изъ Зеи, но, несмотря на это, Семиозерная сдѣлалась однимъ изъ крупнѣйшимъ селеній въ волости. Дворовъ 86, церковь, училище съ 20 учениками, хлѣбный магазинъ, питейное заведеніе, хорошая лавка, 2 конныя мельницы (топчаки). Селеніе построено просторно, но весною 1890 г. въ немъ былъ пожаръ, при которомъ сгорѣло 5 дворовъ. Жителей 640 (336 м. п.); не изъ крестьянскаго сословія 8 (3 м. п.), остальные крестьяне и поселенцы. Между послѣдними 6 католиковъ (3 м. п.). Земель у крестьянъ: усадебной съ выгономъ 4000, покосовъ 2600, пахатной съ залежами 11300 дес. Подъ посѣвами: ярицы 168 дес., яровой пшеницы 220 дес., овса 200, дес., ячменя 24 дес., гречи 13 дес., проса 8 дес., льна 1, конопли 12 дес. Жители занимаются и бахчеводствомъ, подъ бахчами 10 дес.; арбузы, при урожаѣ, сбываются въ городъ. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 388 (250 рабочихъ), рогатаго скота

660 (коровъ 250, быковъ 100, воловъ 176), свиней 342. Изъ жителей села ремеслами занимаются: портныхъ 3, сапожниковъ 2, столяръ 1, каменьщиковъ 1, кузнецъ 1, ткачествомъ 5 женщинъ. Въ 5 вер. отъ селенія, на подгорьѣ, расположена заимка Благовѣщенскаго купца *Дымченко* (переселенецъ изъ Воронежской губерніи), устроенная въ 1889. Въ ней 1 дворъ, 5 жителей (3 м. п.). Земли при заимкѣ 102 дес., въ томъ числѣ усадебной 2 дес., покосной 5, пахатной 50. Подъ посѣвами: яровой пшеницы 4 дес., овса 8 дес. Лошадей 11 (рабочихъ 8), рогатаго скота 19 (коровъ 8 и быковъ 1).

8) Деревня *Ново-Алексѣевка*, на луговой возвышенности, при озерѣ, въ 55 вер. отъ города, заселена въ 1887 г. переселенцами изъ Полтавской губерніи. Дворовъ 37, запасный магазинъ конная мельница. Селеніе построено просторно, пожаръ былъ одинъ, при чемъ сгорѣло только одна крыша. Жителей 271 (140 м. п.), крестьянъ. Земли у нихъ: усадебной съ выгонами 1060, покосовъ 400 дес., пахатной съ залежами 3070 дес. Подъ посѣвами: ярицы 50 дес., яровой пшеницы 105, овса 78, ячменя 13, гречи 15 дес., проса 3 дес., льна 1 дес., конопли 3 дес. Жители занимаются и бахчеводствомъ: подъ бахчами 5 дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 146 (103 рабочихъ), рогатаго скота 105 (48 коровъ, 20 быковъ, 10 воловъ), свиней 178 Изъ жителей селенія занимаются ремеслами: плотниковъ 2, сапожниковъ 3, кузнецовъ 2, столяръ 1 и ткачихъ 3.

9) Деревня *Березовка*, на Зейскомъ лугу, близъ озера, въ 50 верстахъ отъ города. Деревня первоначально въ 1880 г. заселена была молоканами, но когда, въ 1888 г., пришли новые переселенцы изъ Полтавской губерніи, всѣ молокане выселились въ Гильчинскую волость. Нынѣ въ селеніи 41 дворъ, запасный магазинъ. Селеніе построено просторно, но были единичные пожарные случаи, при чемъ болѣе одного двора не горѣло. Жителей 382 (202 м. п.), крестьяне. У нихъ земли: усадебной съ выгонами 830, покосовъ 1330, пахатной съ залежами болѣе 5000 дес. Подъ посѣвами: ярицею 114 дес., пшеницею 135, овсомъ 122 дес., ячменемъ 19 дес., гречей 3 дес., просомъ 5 дес., льномъ 1, коноплею 7 дес. Крестьяне занимаются и бахчеводствомъ: подъ бахчами у нихъ 5 дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 180 (132 рабочихъ), рогатаго скота 112 (коровъ 41, быковъ 14, воловъ 23), свиней 200. Ремеслами въ селеніи занимаются: портныхъ 2, сапожникъ 1, плотниковъ 5, ткачествомъ 10 женщинъ.

10) Село *Петропавловка*, расположено на подгорьѣ, на лѣвой сторонѣ рч. Самарки, въ мѣстности болотистой, заливаемой

р. Зеею, въ 40 вер. къ С.-З. отъ города. Основано въ 1876 г. переселенцами изъ Харьковской губерніи, но приселенія были еще и въ 1889 году. Дворовъ 60, церковь, хлѣбный магазинъ, мелочная лавка. Жителей 505 (272 м. п.), изъ нихъ мѣщанъ 15 (10 м. п.), остальные крестьяне. Земель у нихъ: усадебныхъ и выгоновъ 2660 дес., покосовъ 1330, пахатныхъ съ залежами 5330 дес. Подъ посѣвами: ярицею 107 дес., яровою пшеницею 152, овсомъ 187, ячменемъ 28, гречею 8, просомъ 7 дес., горохомъ 1 дес., льномъ 3 дес., коноплею 5 дес. Крестьяне занимаются и бахчеводствомъ: подъ бахчами у нихъ 10 дес. Арбузы родятся не всегда хорошо, но при урожаѣ имѣютъ хорошій сбытъ въ городѣ. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 2580 (1777 рабочихъ), рогатаго скота 460 (коровъ 170, быковъ 167, воловъ 88), свиней 300, овецъ до 200. Ремеслами занимаются въ селеніи: 3 портныхъ, 2 сапожника, 4 плотника, 1 столяръ, 2 кузнеца, ткачествомъ 10 женщинъ.

11) Деревня *Богородская*, на р. Будиндѣ, въ 33 вер. къ С.-З. отъ города, заселена въ 1863 г. переселенцами изъ Енисейской губерніи. Двѣ семьи приселены были еще въ 1883 г. Дворовъ 42, одна водяная мельница при селеніи, другая въ $2^1/_2$ вер., о 3 поставахъ. Жителей 313 (179 м. п.), крестьянъ и поселенцевъ; между ними иновѣрцевъ: католиковъ 3 (2 м. п.), магометанъ 5 м. п.. У крестьянъ селенія земли: усадебной съ выгонами 1600 дес., покосной 1010, пахатной съ залежами болѣе 6000 дес. Подъ посѣвами: ярицы 68 дес., яровой пшеницы 110, овса 172, ячменя 10, гречи 9, проса 1, льна 1, конопли 4. Крестьяне занимаются и бахчеводствомъ: подъ бахчами 8 дес.. Арбузы и дыни сбываются въ Благовѣщенскъ. Скота крестьяне держатъ: лошадей 260 (170 рабочихъ), рогатаго скота 207, (коровъ 117, быковъ 30), свиней 150. Четыре двора начали заниматься и пчеловодствомъ, у нихъ 62 улья. Ремеслами занимаются: портныхъ 2, сапожника 2, столяръ 1, кузнецъ 1, ткачествомъ 3 женщины. Въ 4 вер. отъ деревни находится на р. Будиндѣ заимка мѣщанина *Кабанова*. Она состоитъ изъ 1 двора и имѣетъ 12 жит. (7 м. п.), основана въ 1883 г. выходцемъ изъ Астрахани. Всего въ его владѣніи немного болѣе 10 дес., въ томъ числѣ подъ ярицею 3 дес., яровою пшеницею 3 дес., овсомъ 6 и просомъ 1 дес., да бахчей $^1/_2$ дес. При заимкѣ мельница о 2-хъ поставахъ. Скота: лошадей 13 (8 рабочихъ), рогатаго 11 (5 коровъ и 3 быка), свиней 5.

12) Село *Черемховское* на подгорьѣ, у р. Будинды, въ 30 вер. отъ города. Основано въ 1863 г. переселенцами изъ Воронежской губерніи. Дворовъ 56, церковь, волостное правле-

ніе, церковно-приходская школа съ 15 учащимися, хлѣбный и оружейный запасные магазины, питейное заведеніе и мелочная лавка. Жителей 400 (220 м. п.), крестьянъ; въ томъ числѣ иновѣрцевъ: католиковъ 3 (2 м. п.). Земель: усадебныхъ съ выгономъ 2000, покосныхъ 930, пахатныхъ съ залежами 4675 дес. Подъ посѣвами: ярицы 76 дес., яровой пшеницы 185, овса 225, ячменя 14, гречихи 5, проса 8, льна 1, конопли 4. Бахчеводствомъ крестьяне занимаются: подъ бахчами 7 дес., дыни и арбузы продаются въ Благовѣщенскѣ. Крестьяне начинаютъ разводить садики, но сажаютъ въ нихъ не плодовыя, а только лѣсныя деревья: березу, тополь и черемуху. Такіе садики имѣются при $^{2}/_{3}$ всѣхъ дворовъ. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 337 (230 рабочихъ), рогатаго скота 290 (155 коровъ и 40 быковъ), свиней 192. Ремеслами занимаются въ селеніи: портной 1, кузнецъ 1, плотниковъ 2.

Въ 12 селеніяхъ и 2 заимкахъ волости дворовъ 591. Выстроены они изъ лѣса сосноваго и лиственнаго, сплавляемаго сюда по Зеѣ, такъ какъ въ предѣлахъ волости строевого лѣса уже нѣтъ, а есть только дровяной, преимущественно березовый. У малороссійскихъ переселенцевъ деревянныя избы часто смазаны глиной. Крыты строенія тесомъ, дранью и соломою, которою иногда бываютъ покрыты цѣлыя селенія. Камень и кирпичъ на постройки употребляютъ очень рѣдко, а для печей же большею частью приготовляютъ изъ глины сырецъ. Всѣ селенія построены просторно, пожары случаются въ нихъ крайне рѣдко и обыкновенно обусловливаются дурнымъ устройствомъ печей. Большею частью сгораетъ не болѣе одного двора; исключеніемъ служитъ пожаръ въ 1890 г. въ сел. Семиозерномъ, въ которомъ сгорѣло 5 дворовъ. Жителей въ волости 4333 об. п. (2365 м. п.); кромѣ 8 купцовъ, 15 мѣщанъ и немногихъ духовныхъ, всѣ—крестьяне, переселившіеся изъ разныхъ губерній и областей Сибири и Европейской Россіи. Между ними много малороссіянъ. Въ волости есть и иновѣрцы: 178 старовѣровъ семейской секты (103 м. п.), 12 католиковъ (7 м. п.) и 5 магометанъ м. п. Въ населеніи волости на 1010 мужчинъ приходится 827 женщинъ, то-есть самая невыгодная пропорція изъ до сихъ поръ разсмотрѣнныхъ волостей и казачьихъ округовъ. Въ рабочемъ возрастѣ 1071 м. п. и 995 ж. п., такъ что послѣдній составляетъ $48^{0}/_{0}$, то-есть наиболѣе распространенную въ области пропорцію. Брачныхъ паръ 967, изъ коихъ въ рабочемъ возрастѣ 860. На тягло приходится 2,7 д. м. п., то-есть почти такая же пропорція, какъ и въ сосѣдней Томской волости. На дворъ же приходится болѣе 7 д. об. п.

Въ дѣйствительномъ пользованіи крестьянъ волости состоитъ болѣе 100 тыс. дес., въ томъ числѣ болѣе 22 тыс. усадебной съ выгонами, 10700 покосовъ и 67600 пахатныхъ съ залежами. Особыхъ лѣсныхъ дачъ нѣтъ. Строевого лѣса въ волости уже совсѣмъ нѣтъ, но дровянаго на земляхъ волости (залежахъ, выгонахъ и т. п.) еще достаточно. Такимъ образомъ земель на душу м. п. приходится въ волости по 42 дес., да и способныхъ къ хлѣбопашеству по 29 дес. на душу м. п., а потому крестьяне вполнѣ довольны обиліемъ угодій имъ предоставленныхъ и жалуются только на вымочки хлѣба, иногда заливаемаго водою отъ избытка дождей, какъ то было въ Новоандреевкѣ въ 1887 г. На заливы сѣнокосовъ крестьяне также жалуются (напр. въ селѣ Троицкомъ, д. Успеновкѣ, д. Ново-Покровкѣ, с. Семиозерномъ, д. Петропавловкѣ, д. Березовой, д. Богородской и с. Черемховскомъ). Вообще порча сѣнокосовъ заливами уже прямо указываетъ на то, что переселенцамъ въ этой волости приходится бороться съ излишнею влагою, а не съ сухостью. Подъ дѣйствительными посѣвами 4900 дес. земли, то-есть на душу м. п. 2,1 дес., на тягло 4,6 дес., на дворъ 8,3 дес.

Озимой ржи крестьяне не сѣютъ, но культура въ волости разнообразнѣе, чѣмъ въ болѣе сѣверныхъ волостяхъ. Ярицы въ посѣвѣ 1136 дес., на которыхъ въ 1893 г. родилось 39400, а обыкновенно родится 66 тыс. пуд.; яровой пшеницы въ посѣвѣ 1670 дес., на которыхъ въ 1893 г. родилось 75000 пуд., а обыкновенно родится 120000 пуд. Овса въ посѣвѣ 1580 дес., на которыхъ въ 1893 г. родилось 80 тыс. пуд., а обыкновенно родится 85 тыс. пудовъ. Ячменя въ посѣвѣ 174 дес., на которыхъ въ 1893 г., родилось 6 тыс. пуд., а обыкновенно родится до 8 тыс. пудовъ. Гречихи въ посѣвѣ 117 дес., на которыхъ родилось въ 1893 г. 3200 п., тогда какъ въ прежніе годы обычный урожай не превышалъ 1400 пудовъ. Проса въ посѣвѣ 72 дес. Въ 1893 г. оно дало 2400, т. е. немного выше обыкновеннаго урожая. Несмотря на общій недородъ пищевого хлѣба на душу об. п. въ 1893 г. приходилось за сѣмянами немного менѣе 20 пуд., количество, съ избыткомъ обезпечивающее мѣстное потребленіе; при обыкновенномъ же урожаѣ пищевого хлѣба за сѣменами 160 тыс. пуд., что составитъ на душу об. п. болѣе 36 пуд., слѣдовательно вообще волость производитъ большой хлѣбный избытокъ. Горохъ разводится въ поляхъ съ успѣхомъ въ небольшомъ количествѣ для своего потребленія, но опыты разведенія кукурузы пока не увѣнчались особымъ успѣхомъ. Посѣвами льна занято 12 дес. Онѣ дали въ 1893 г. 100 пуд. во-

локна и 200 пуд. сѣмени. Подъ коноплею 54 дес. Онѣ дали въ 1893 г., 380 пуд. волокна и 584 пуд. сѣмени. Огородничество развивается, крестьяне сажаютъ въ огородахъ картофель, капусту, и морковь, рѣпу, свеклу, подсолнечники. Въ волости развито бахчеводство; бахчами занято до 80 дес. При благополучномъ урожаѣ арбузы и дыни находятъ себѣ сбытъ въ Благовѣщенскѣ. Садоводство существуетъ только въ зародышѣ: по двумъ селеніямъ волости только имѣются свѣдѣнія, что около большихъ дворовъ имѣются садики изъ лѣсныхъ деревьевъ: березы, тополя, черемухи и дикой яблони (Pyrus baccata).

Скотоводство не имѣетъ большого развитія. Жители волости содержатъ 2580 лошадей (1780 рабочихъ), такъ что на взрослаго работника приходится 1,7 рабочей лошади, а на дворъ всѣхъ лошадей болѣе 4-хъ. Впрочемъ, рабочая сила домашнихъ животныхъ волости увеличивается 750 волами. Вообще же крупнаго рогатаго скота до 3400 головъ, въ томъ числѣ коровъ 1323 и быковъ 544. Свиноводство очень развито; въ волости болѣе 2260 свиней. Только условія для овцеводства очень неблагопріятны и причины того нужно искать въ сырости климата и отсутствіи сухихъ луговъ. Всѣхъ овецъ въ волости 224, и большая ихъ часть находится въ с. Петропавловскомъ. Начало пчеловодства существуетъ только въ деревнѣ Богородской. Замѣчательно, что охотою жители волости совсѣмъ не занимаются, да и рыболовствомъ занимаются для собственнаго потребленія только жители одного при-зейскаго селенія (Новоандреевки). Что же касается до ремеслъ, то между жителями волости считается: портныхъ 20, сапожниковъ 17, плотниковъ 18, столяровъ 7, бондарь 1, печниковъ 4, кузнецовъ 12, да ткачествомъ занимаются 55 женщинъ.

10) *Ивановская волость.*

Волость эта расположена на лѣвой сторонѣ Зеи, южнѣе Черемховской волости. Земли ея тянутся широкою полосою, начинаясь у Зеи всего только въ 7 вер. отъ города, оттуда на В. къ мѣсту впаденія въ р. Будинду рѣчки Манджурки и далѣе вверхъ по этимъ рѣчкамъ, а оттуда къ верховьямъ р. Бѣлой.

Волость состоитъ изъ 12 крестьянскихъ селеній и 12 заимокъ, въ которыхъ живутъ переселившіеся изъ Воронежской губерніи молокане, приписавшіеся въ мѣщане города Благовѣщенска.

Селенія эти:

1) Деревня *Владиміровка*, на протокѣ р. Зеи, на лѣвомъ ея берегу, въ 7 вер. отъ города. Заселена въ 1867 г. переселенцами изъ разныхъ губерній Россіи и Сибири. Дворовъ 41, хлѣбный магазинъ и вѣтряная мельница. Жителей 600 об. п. (219 м. п.), крестьянъ. Между ними есть иновѣрцы: католиковъ 20 (9 м. п.) и лютеранъ 1 (ж. п.). Земли во владѣніи жителей 3040 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгономъ 250, покосной 954, пахатной съ залежами 1180, остальныя земли болотистыя и неудобныя. Лѣсного участка нѣтъ. Подъ посѣвами: ярицы 46 дес., яровой пшеницы 63, овса 61 дес., ячменя 2 дес., проса 8, гороха 6, льна 1 и конопли 1. Подъ бахчами 7 дес. Въ 4 дворахъ имѣются садики изъ дикой яблони и черемухи. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 84 (80 рабочихъ), рогатаго 140 (65 коровъ и 15 быковъ), свиней 64.

2) Село *Ивановское*, при впаденіи рч. Манджурки въ р. Будинду, въ 34 вер. отъ города. Основано поселенцами изъ разныхъ губерній Европейской Россіи, преимущественно же Воронежской и Астраханской, въ 1864 году, но въ 1883 сюда присслилось еще 40 семей. Единственное неудобство, на которое переселенцы указываютъ, это кочковатость ихъ луговъ. Дворовъ 280, деревянная церковь, волостное правленіе, волостная школа съ 70 учащимися, 2 запасныхъ хлѣбныхъ магазина, амбаръ для храненія ружей, питейный домъ, 6 лавокъ, мельницъ 4 водяныхъ, 1 вѣтряная и 1 конная. Селеніе построено довольно просторно, но пожары въ немъ были, а именно: въ 1892 г. два пожара, при которыхъ выгорѣло 6 дворовъ и въ 1893 г., когда сгорѣлъ отъ молніи одинъ анбаръ. Жителей 2377 об. п. (1247 м. п.), въ томъ числѣ духовенства 11 (4 м. п.), остальные крестьяне. Между жителями старообрядцевъ 3 (2 м. п.), католиковъ 1 (ж. п.), магометанинъ 1 (м. п.). Земли во владѣніи у жителей 47600 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгономъ 2500 дес., покосной 3000 дес., пахатной съ залежами 22000 дес. Подъ посѣвами: ярицей 309 дес., яровою пшеницей 907 дес., овсомъ 802, ячменемъ 57, просомъ 46, гречихой 32, льномъ 2 и коноплею 7 дес. Подъ бахчами до 10 дес. При 40 дворахъ имѣются сады и садики. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 992 (811 рабочихъ), рогатаго скота 575 (213 коровъ и 168 быковъ и воловъ), свиней 1480, овецъ 112. Изъ жителей ремеслами занимаются: портной 1, сапожникъ 1, плотниковъ 2.

3) Деревня *Дмитріевка* на р. Будиндѣ, верстахъ въ 40 отъ города, заселена въ 1863 году переселенцами изъ Енисейской и Орловской губерній. Дворовъ 28, хлѣбный мага-

зинъ и водяная мельница. Селеніе построено просторно. Въ 1885 году въ немъ былъ пожаръ, при которомъ сгорѣло 2 двора. Жителей 183 (100 м. п.), крестьянъ. Во владѣніи ихъ 6100 дес., въ томъ числѣ усадебной 1000, покосовъ 50, пахатной съ залежами 2000 дес. Подъ посѣвами: ярицы 26 дес., яровой пшеницы 42, овса 50, ячменя 3, проса 1, гречи 1, льна 1, конопли 1 дес. Подъ бахчами 1 дес. Крестьяне содержатъ скота: лошадей 130 (88 рабочихъ), рогатаго 144 (83 коровы и 18 быковъ), свиней 50.

4) Деревня *Анновка*, на р. Будиндѣ, въ 58 вер. отъ города. Заселена въ 1884 г. и въ 1893 г. переселенцами изъ губерній Полтавской, Харьковской, Тамбовской, области Донской и съ острова Сахалина. Дворовъ 59, часовня, хлѣбный магазинъ и 2 водяныя мельницы. Деревня построена просторно. Въ 1892 г. былъ пожаръ, въ которомъ сгорѣлъ 1 дворъ. Жителей 456 (241 м. п.), крестьянъ. Между ними: магометанъ 3 (2 м. п.). Во владѣніи селенія 16300 дес., въ томъ числѣ усадебной 500 дес., покосной 1200 дес., пахатной съ залежами 10000 дес. Подъ посѣвами: ярицы 57 дес., яровой пшеницы 159, овса 86, ячменя 22, проса 4, гречихи $5^1/_2$, льна, конопли 4 дес. Подъ бахчами 3 дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 108 (84 рабочихъ), рогатаго 250 (коровъ 116, быковъ и воловъ 72), свиней 119. У одного изъ крестьянъ есть пчельникъ изъ 19 ульевъ.

5) Деревня *Варваровка*, на р. Будиндѣ, въ 72 вер. отъ города. Заселена въ 1886 году переселенцами изъ губерній, Полтавской и Екатеринославской. Дворовъ 53, запасный хлѣбный магазинъ, вѣтряная и конная мельницы. Жителей 295 (163 м. п.) крестьянъ. Земли у нихъ 8100 десят., въ томъ числѣ усадебной 100, покосной 200, пахатной съ залежами 4260 дес. Подъ посѣвами: ярицы 63, яровой пшеницы 108, овса 62, ячменя 20, проса 3, гречи 5, льна 1, конопли $2^1/_2$ дес. Подъ бахчами 1 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 67 (57 рабочихъ), рогатаго 193 (75 коровъ, 60 быковъ и воловъ), свиней 144.

6) Село *Песчаное озеро*, на р. Будиндѣ, въ 81 вер. отъ города, заселено въ 1884 г., съ значительнымъ приселеніями въ 1892 и 1893 г., переселенцами изъ губерній Полтавской, Екатеринославской, Саратовской и Донской области. Дворовъ 255, деревянная церковь, школа съ 50 учащимися, запасный хлѣбный магазинъ, питейное заведеніе, 3 лавки, мельницъ: 3 водяныхъ, 1 вѣтряная, 1 конная. Селеніе построено просторно, пожаръ былъ только однажды, въ 1892 г., причемъ сгорѣлъ 1

дворъ. Жителей 1646 (855 м. п.), крестьянъ. Земли у нихъ 33700 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгономъ 2250 дес., покосной 1300, пахатной 11790 дес. Подъ посѣвами: ярицы 280, яровой пшеницы 547, овса 336, ячменя 75, проса 36, гречи 41, гороха 5, льна $2^1/_2$, конопли 5 дес. Подъ бахчами 7 дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 593 (470 рабочихъ), рогатаго скота 660 (309 коровъ, 305 быковъ и воловъ), свиней 1300, овецъ 136.

7) Деревня *Зорина*, на р. Будиндѣ, въ 93 вер. отъ города. Заселена въ 1888 году переселенцами изъ трехъ малороссійскихъ губерній, а именно: Полтавской, Черниговской и Харьковской. Дворовъ 33. Деревня построена просторно. Въ 1892 г. въ ней было 3 пожара, въ которыхъ сгорѣло всего только 3 двора. Жителей 237 (124 м. п.), крестьянъ. Земли у нихъ 6100 дес., въ томъ числѣ усадебной 100 дес., покосовъ 200, пахатной съ залежами 3270. Подъ посѣвами: ярицы 33 дес., яровой пшеницы 43, овса 108, ячменя 15, проса 1, гречи $1^1/_2$, льна 1, конопли 1. Подъ бахчами 2 дес. Садикъ есть только при одномъ дворѣ. Скота крестьяне держатъ: лошадей 120 (105 рабочихъ), рогатаго 175, (75 коровъ, 81 быковъ и воловъ), свиней 160, овецъ 17.

8) Деревня *Андреевка*, на р. Манджуркѣ, впад. въ Будинду въ 53 вер. отъ города. Заселена въ 1865, 1892 и 1893 годахъ переселенцами изъ Томской, Тамбовской и Самарской губерній. Дворовъ 43, запасный хлѣбный магазинъ, водяная и конная мельницы. Жителей 292 (150 м. п.), въ томъ числѣ мѣщанъ 11 (6 м. п.), остальные крестьяне, всѣ молоканской секты. Земли у нихъ 9850 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгонами 1700, покосной 820, пахатной 7080 дес. Подъ посѣвами: ярицы 15, яровой пшеницы 185, овса 209, ячменя 4, проса 6, гороха 1, льна 1, конопли 1. Подъ бахчами 12 дес. Садики имѣются при 14 дворахъ изъ дикихъ яблонь и черемухи. Скота: лошадей 257 (192 рабочихъ), рогатаго 238 (134 коровы и 14 быковъ), свиней 108. У одного крестьянина есть пчельникъ изъ 14 ульевъ.

9) Деревня *Лазаревка*, при р. Манджуркѣ, въ 63 верстахъ отъ города. Заселена въ 1881 году переселенцами изъ губерній Полтавской, Томской и Астраханской. Дворовъ 59, конная мельница. Жителей 243 (121 м. п.), крестьянъ. Земли у нихъ 5110 дес., въ томъ числѣ усадебной 150 дес., покосной 130, пахатной 435. Подъ посѣвами: ярицы 274 дес., яровой пшеницы 78, овса 14, ячменя 11, проса 1, гречихи $5^1/_2$, льна 2, конопли 1. Подъ бахчами 2 дес. Скота крестьяне держатъ:

лошадей 157 (102 рабочихъ), рогатаго 191, (коровъ 55, быковъ и воловъ 50), свиней 143.

10) Деревня *Константиноградовка*, на рч. Козловкѣ, въ 59 верстахъ отъ города заселена въ 1884 году переселенцами изъ Полтавской и Тамбовской губерній. Дворовъ 74, часовня, запасный хлѣбный магазинъ и три мельницы: водяная, вѣтряная и конная. Деревня построена скученно. Въ 1892 г. былъ пожаръ, въ которомъ сгорѣлъ 1 дворъ. Жителей 484 (262 м. п.) крестьянъ. Земли у нихъ 10330 дес., въ томъ числѣ усадебной 200 дес., покосовъ 250, пахатной 4290. Подъ посѣвами: ярицы 65 дес., яровой пшеницы 124, овса 75, ячменя 15, проса 8, гречи 1, конопли 3. Подъ бахчами 10 дес. Около всѣхъ дворовъ имѣются древесныя насажденія лѣсныхъ деревьевъ. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 120 (91 рабочихъ), рогатаго 214 (100 коровъ, 57 быковъ и воловъ), свиней 120.

11) Деревня *Преображеновка*, на рч. Козловкѣ, въ 96 вер., отъ города. Заселена въ 1889 году переселенцами изъ Донской области. Дворовъ 23, строенія преимущественно землянки, запасный хлѣбный магазинъ. Жителей 131 (70 м. п.) крестьянъ, въ томъ числѣ 6 магометанъ (4 м. п.). Земли у жителей 6840 дес., въ томъ числѣ усадебной 100, покосовъ 700, пахатной 4110. Подъ посѣвами: ярицы 21 дес., яровой пшеницы 50, овса 30, ячменя 6, проса 1, гречи, льна и конопли по $^1/_2$ дес. Садики имѣются почти при каждомъ дворѣ. Скота крестьяне держатъ: лошадей 58 (54 рабочихъ), рогатаго 85 (31 коровъ, 19 быковъ и воловъ), свиней 57, овецъ 10.

12) Деревня *Николаевка*, на р. Бѣлой, въ 69 вер. отъ города. Заселена въ 1867 г. переселенцами изъ губерній Самарской, Саратовской, Оренбургской и Пермской. Въ 1888 г. переселилось сюда еще 18 семействъ. Дворовъ 65, запасный хлѣбный магазинъ, мелочная лавка, паровая мельница, 4 водяныхъ и 2 конныя. Селеніе построено скученно. Въ 1892 г. былъ пожаръ: сгорѣлъ только верхъ одной избы. Жителей 515 (268 м. п.). Кромѣ 7 забайкальскихъ казаковъ (5 м. п.) и 7 мѣщанъ (6 м. п.), всѣ крестьяне. Между ними раскольниковъ австрійской секты 13 (8 м. п.), семейской 19 (9 м. п.) и молоканъ 6 (5 м. п.). Земли у крестьянъ 10650 дес., въ томъ числѣ 500 усадебной, 200 покосовъ и 2740 пахатной и залежей. Подъ посѣвами: ярицы 134, яровой пшеницы 271, овса 301, ячменя 13, проса 21, гречихи 1, льна 1, конопли 3 дес. Подъ бахчами 6 дес. При каждомъ дворѣ имѣются садики, въ которыхъ насажены: ликая яблоня, черемуха, малина и калина. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 417 (290 рабочихъ) рогатаго 592

(въ томъ числѣ 290 коровъ и 100 быковъ и воловъ), свиней 270, овецъ 284.

Независимо отъ 12 описанныхъ селеній къ волости относятся еще 12 заимокъ, устроенныхъ молоканами, переселившимися изъ Воронежской губерніи и приписавшимися въ благовѣщенскіе мѣщане. Одна изъ этихъ заимокъ (*Косицына*) въ 2 двора и 15 жит. находится въ 6 вер. отъ дер. Чуевки Гильчинской волости, семь отъ 3 до 6 верстъ отъ дер. Толстовки той-же волости (*Дружина* 1 дв. и 7 жит., *Косицына* и *Разуваева* 2 дв. и 6 жит., *Смирновыхъ* въ 4 дв. и 32 жит., *Копылова* въ 1 дв. и 5 жит., *Барышева* въ 1 дв. и 7 жит., *Жарикова* въ 1 дв. и 6 жит., *Ланкина* въ 1 дв. и 2 жит.), двѣ отъ 10 до 12 вер. отъ с. Ивановскаго (*Соколова* въ 1 дв. и 6 жит., *Исаевская* заимка въ 12 двор. и 73 жителя), одна въ 1 вер. отъ деревни Лазаревки на р. Манджуркѣ (*Ефремовыхъ* въ 7 дворовъ и 61 жит.) и одна въ 5 вер. отъ деревни Александровки, также на Манджуркѣ (*Буяновыхъ* въ 4 двора и 36 жителей).

Во всѣхъ этихъ молоканскихъ заимкахъ 34 двора, жителей 256 (140 м. п.). Земли въ ихъ владѣніи 7620 дес., въ томъ числѣ усадебной 150 дес., покосной 550, пахатной 2560. Подъ посѣвами: ярицы 68 дес., яровой пшеницы 514, овса 617 дес., ячменя 4, проса 23, гречи 1 дес. Подъ бахчами до 18 дес. Въ 4 изъ этихъ заимокъ имѣются и садики, въ которыхъ разводятся дикія яблони, грушевыя деревья, черемуха, смородина и калина. Скота на заимкахъ содержится: 550 лошадей (400 рабочихъ) рогатаго 490 (223 коровъ и 113 быковъ и воловъ), овецъ 170. Свиней молокане, живущіе на заимкахъ, совсѣмъ не разводятъ. На одной заимкѣ (Буяновыхъ) содержатъ 46 верблюдовъ, а на другой (Исаевской) есть пчелиныя пасѣки (120 колодъ).

Во всѣхъ 12 селеніяхъ и 12 заимкахъ волости числится 1027 дворовъ. Строенія построены по преимуществу изъ сосноваго и березоваго лѣса, сплавляемаго по Зеѣ, но многія селенія (Анновка, Варваровка, Николаевка) состоятъ изъ мазанокъ, а въ одномъ—Преображеновкѣ даже много землянокъ. Крыши преимущественно соломенныя, но частью тесовыя даже и берестовыя, въ Ивановскомъ есть и желѣзныя, а въ дер. Николаевкѣ и глиняныя. Въ лѣсныхъ дачахъ, состоящихъ во владѣніи многихъ селеній волости, есть дровяной лѣсъ, но строевого мало. Селенія вообще построены просторно (за исключеніемъ 2) пожары въ нихъ бываютъ рѣдко и не опустошительны.

Жителей въ волости 7815 (3960 м. п.); на 1000 мужчинъ приходится 973 женщинъ. Изъ числа жителей: казаковъ 7,

(5 м. п.), мѣщанъ 254 (151 м. п.), духовенства 11, остальные крестьяне. Въ числѣ жителей: старовѣровъ—семейскихъ 22 (11 м. п.), австрійскаго толка 13 (8 м. п.), молоканъ 554 (252 м. п.); католиковъ 21, (9 м. п.), лютеранъ 1 (ж. п.), магометанъ 11 (8 м. п.). Въ рабочемъ возрастѣ 3441 (1746 м. п.), слѣдовательно вообще рабочій возрастъ составляетъ 44% всего населенія. Брачныхъ паръ 1408, изъ нихъ въ рабочемъ возрастѣ 1305. На тягло приходится слѣдовательно 3 души м. п., на дворъ болѣе 7 д. об. п., а работниковъ м. п. 1,7.

Въ крестьянскомъ владѣніи 171300 дес., по 48 дес. на д. м. п., но въ дѣйствительномъ пользованіи (кромѣ лѣсовъ) 95000 дес., слѣдовательно на душ. м. п. 24 дес. Въ числѣ этихъ земель: усадебныхъ съ выгонами 10100, покосныхъ 9550, пахатныхъ съ залежами 75500; слѣдовательно, земель удобныхъ для пашень приходится на душу м. п. почти по 19 дес. Но подъ дѣйствительнымъ посѣвомъ всей земли приходится 7700 дес., т.-е., менѣе 2 д. на душу м. п., менѣе 6 дес., на тягло и болѣе 7 на дворъ. Сѣютъ жители волости: ярицы 1144 дес., которыя въ 1893 г. дали 51600 пуд., а обыкновенно даютъ 72 тыс. пуд., яровой пшеницы 3150 дес., которыя въ 1893 г. дали 168800 п., а обыкновенно даютъ 240000. Такимъ образомъ въ волости собирается обыкновенно за посѣвомъ пищевого хлѣба до 265 тыс. пуд., т.-е., нѣсколько менѣе 34 пуд. на душу об. п., что представляетъ большой хлѣбный избытокъ, такъ что и при недородѣ 1893 г. хлѣба приходилось до 22 пуд. на д. об. п., слѣдовательно, всетаки нѣкоторый избытокъ. Овса въ волости сѣется 2750 дес., съ которыхъ въ 1893 г., снято 170 т. п., а обыкновенно снимается 220 т. пуд., ячменя засѣвалось 250 д. и онѣ дали 13500 пуд., между тѣмъ какъ обыкновенно онѣ даютъ 20 тыс. п. Проса въ посѣвѣ было 157 дес., которыя дали 5000 пуд. а обыкновенно даютъ 9000. Гречи въ посѣвѣ было 108 дес. и онѣ дали 2400 пуд., а обыкновенно даютъ 5 тыс пуд. Гороха было въ посѣвѣ десятинъ 8 и онъ далъ 400 пуд. Льна въ посѣвѣ 14 дес., давшихъ волокна 350 и сѣмени 200 пуд. Конопли было въ посѣвѣ 30 дес., которыя дали волокна 720 пуд., а сѣмяни 600. Огородничество для домашняго обихода достаточно развито. Сажаютъ картофель, капусту, свеклу, морковь. Бахчеводство также развито: подъ бахчами въ волости 82 дес. Арбузы и дыни отчасти идутъ для собственнаго употребленія, отчасти сбываются въ Благовѣщенскъ. Садоводство находится еще въ самомъ началѣ своего развитія. Садики имѣются во многихъ селеніяхъ; сажаютъ дикую яблоню, грушу, черемуху и ягоды: малину, калину, сморо-

дину, а также устраиваютъ садики изъ мѣстныхъ лѣсныхъ деревьевъ.

Скотоводство не имѣетъ большого развитія. Лошадей содержатъ 3652 (2824 рабоч.), что составитъ 1,7 рабоч. лошадей на взрослаго работника и $3^1/_2$ всѣхъ лошадей на дворъ. Крупнаго рогатаго скота 3950; изъ нихъ 1690 коровъ и до 900 воловъ, что значительно увеличиваетъ рабочую силу волости. Свиноводство очень развилось; свиней болѣе 4000. Овцеводство мало развито: овецъ всего только 720. Въ одной заимкѣ содержатъ 46 верблюдовъ, преимущественно для перевоза тяжестей на пріиски. Наконецъ есть попытки ввести пчеловодство въ трехъ селеніяхъ гдѣ крестьяне содержатъ болѣе 150 колодъ ульевъ.

Охотою жители волости занимаются вообще мало, да и то только для собственнаго потребленія. Охотятся на козъ и птицъ (гусей и утокъ). Рыболовствомъ занимаются еще менѣе, но 2 семьи ѣздятъ изъ дер. Николаевки на Амуръ, гдѣ и производятъ ловлю рыбы (зубатки), какъ для своего потребленія, такъ и для продажи. Занятіе ремеслами имѣетъ ничтожное развитіе въ волости.

11) *Гильчинская волость.*

Территорія этой волости расположена къ В.-Ю.-В. отъ Благовѣщенска и уже не примыкаетъ ни къ Зеѣ, ни къ Амуру, отдѣлясь отъ послѣдняго землями, занятыми манджурскими селеніями, расположенными на лѣвомъ берегу Амура. Волость состоитъ изъ 11 крестьянскихъ селеній, расположенныхъ по рѣчкамъ Алиму (1), Гильчину (5), Уртую (2) и Топкочу (3); и изъ заимокъ молоканъ, приписанныхъ мѣщанами къ городу Благовѣщенску. Независимо отъ этого, въ предѣлахъ волости находится еще 7 заимокъ, принадлежащихъ крестьянамъ, приписаннымъ къ Амурско-Зейской волости.

Крестьянскія селенія волости слѣдующія:

1) Деревня *Толстовка*, ближайшее къ Благовѣщенску изъ селеній волости и отстоитъ отъ него въ 28 вер. Расположено на подгорьѣ, на р. Алимѣ, и заселено въ 1884 г. переселенцами преимущественно изъ Тамбовской губерніи, принадлежащими къ молоканской сектѣ. Дворовъ 73, запасный хлѣбный магазинъ и 3 конныя мельницы (топчака). Жителей 468 (235 м. п.), всѣ крестьяне. Земли въ ихъ владѣніи 7700 дес., въ томъ числѣ усадебной 50, покосовъ 1000, пашни и залежей 6500 дес. Подъ посѣвами: ярицы 98 дес., яровой пше-

ницы 710, овса 720, проса 60 дес. При 3 дворахъ селенія имѣется садики; въ нихъ разводятъ дикія яблони и грушевыя деревья, черемуху, калину и виноградъ. Бахчеводствомъ жители также занимаются: подъ бахчами у нихъ 8 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 440 (326 рабочихъ), рогатаго 334 (190 коровъ, 50 быковъ), овецъ 135.

Около дер. Толстовки есть 6 молоканскихъ заимокъ: а) *Невьровская*, въ 4 вер., при озерѣ, между приманджурскими участками, изъ 4 двор. и 20 жит. (14 м. п.); б) *Иванова и Лештаева*, въ 5 верстахъ, на пустоши Миролюбивой, изъ 2 дворовъ съ 14 жит. (8 м. п.); в) *Забродина*, въ $5^1/_2$ вер. отъ пустоши Сиротино, изъ 3 двор. и 18 жит. (8 м. п.); г) *Алатарцова*, въ 6 вер., на озерѣ, изъ 2 двор. и 15 жит. (7 м. п.); д) *Кононенковыхъ*, въ 8 вер. при озерѣ, между манджурскими участками, изъ 2 двор. и 18 жит. (8 м. п.); е) *Ивана Кононенко* въ 9 вер., также между манджурскими участками изъ 1 двора и 17 жит. (10 м. п.); ж) *Мищенко*, въ 10 вер., также среди приманджурскихъ участковъ изъ 3 двор. и 21 жит. (10 м. п.). Въ 4 вер. отъ Толстовки, на р. Алимѣ, находится еще одна заимка крестьянина Амурско-Зейской волости *Ив. Попова* изъ 1 двора и 5 жит. (3 м. п.).

2) Деревня *Тамбовка* на р. Гильчинѣ, въ 40 вер. отъ города, расположена на покатой равнинѣ. Заселена въ 1875 г. молоканами, преимущественно изъ Тамбовской и отчасти изъ Самарской губерніи. Построено скученно. Дворовъ 119, школа со 100 учащимися, 2 хлѣбныхъ магазина, 3 лавки, мельницъ водяныхъ 2, конныхъ 6, вѣтряныхъ 3 (одна о 2-хъ поставахъ). Жителей 970 (474 м. п.), всѣ крестьяне. Земли въ ихъ владѣніи до 16500 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгонами 5600, покосовъ 6600, пахатной съ залежами 5300. Подъ посѣвами: ярицы 474, яровой пшеницы 1094, овса 1200 дес., ячменя 16, проса 66 дес., гречи 1 дес. Садовъ и бахчей нѣтъ. Скота крестьяне держатъ: лошадей 700 (400 рабочихъ), рогатаго 600 (400 коровъ и 8 быковъ), овецъ 600. Одинъ крестьянинъ занимается пчеловодствомъ: у него 20 ульевъ.

Около Тамбовки находятся 4 молоканскихъ заимки: а) *Косицыныхъ* въ 4 вер., на Гильчинѣ изъ 5 дворовъ и 63 жит. (31 м. п.); б) *Сапунцова*, въ 4 вер., на собственномъ участкѣ изъ 1 двора и 6 жит. (3 м. п.); в) *Коноплева*, въ 8 вер., въ вершинѣ Аргузинской пади, изъ 1 двора и 6 жит. (3 м. п.); г) *Семерова* въ 10 вер., на границѣ манджурскихъ участковъ, изъ 1 двора и 11 жит. (7 м. п.). Кромѣ того, близъ Тамбовки, находится еще 6 заимокъ, принадлежащихъ крестьянамъ, приписаннымъ къ

Амурской области, а именно: а) заимка *Резанова*, въ 7 вер. къ В., изъ одного двора и 7 жит. (3 м. п.); б) *Горьлкина*, въ 7 вер. въ туже сторону, изъ 1 двора и 9 жит. (3 м. п.); в) *Лисова* въ 7 вер. въ туже сторону изъ 1 двора и 8 жит. (4 м. п.); г) *Сапунцова*, въ 7 вер. въ туже сторону, изъ 1 двора и 17 жит. (10 м. п.); д) *Долова*, въ 7 вер. къ С., изъ 1 двора и 11 жит. (11 м. п.), е) *Попова*, въ 7 вер. въ туже сторону, изъ 1 двора и 10 жит. (7 м. п.).

3) Деревня *Гильчинъ*, въ 45 вер. отъ города, на р. Гильчинъ, отчасти въ пади, отчасти на подгорьѣ. Основана въ 1870 г. молоканами изъ Тамбовской, Самарской, Воронежской и Тобольской губерній. Небольшое приселеніе было въ 1892 г. Дворовъ 66, 3 хлѣбныхъ магазина, волостное правленіе, одна мелочная лавка, мельницы: 3 водяныя и 3 конныя. Жителей 502 (246 м. п.); кромѣ 7 мѣщанъ (4 м. п.), всѣ крестьяне молоканской секты. Земли въ ихъ владѣніи: 12350 дес., въ томъ числѣ 1350 усадебной съ выгонами, 1700 покосной, 9300 пахатной съ залежами. Подъ посѣвомъ: ярицы 330, яровой пшеницы 480, овса 746 дес., ячменя 1, проса 90 дес. Въ селеніи имѣются садики при 10 дворахъ. Подъ бахчами 3 дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 920 (540 рабочихъ), рогатаго скота 805 (328 коровъ, 113 быковъ, 53 вола), овецъ 530. Одинъ крестьянинъ разводитъ пчелъ; у него 4 улья.

Близъ Гильчина находится 9 молоканскихъ заимокъ, а именно: а) *Саяпиныхъ*, на подгорьѣ, при р. Гильчинѣ, въ 5 вер. состоитъ изъ 3 дворовъ и 24 жителей (12 м. п.); б) *Триф. Болотина*, въ 6 вер. на р. Гильчинѣ, изъ 1 двора и 18 жит. (10 м. п.); в) *Прох. Болотина*, при р. Гильчинѣ, въ 6 вер., состоитъ изъ 2 дворовъ и 15 жителей (7 м. п.); г) *Дружинская* на подгорьѣ, при р. Гильчинъ, въ 9 вер., состоитъ изъ 6 дворовъ и 95 житилей (52 м. п.); д) *Лавр. Дружина*, при Гильчинѣ, въ 10 вер., двора 3, жителей 26 (14 м. п.); е) *Пановская* въ 12 вер., при пади Пановской; дворовъ 4, жителей 38 (об. п); ж) *Жарикова*, въ 13 вер. отъ Гильчина, возлѣ самой манджурской канавы, дворъ 1, жителей 9 (5 м. п.); ж) *Лештаева* въ 15 вер. отъ города, около манджурской канавы, изъ 1 дв. и 4 жителей (2 м. п.); з) *Ант. Семерова*, въ 15 вер. отъ Гильчина, при озерѣ и при отпадѣ отъ Аргузинской пади, состоитъ изъ 1 двора и 4 жителей (2 м. п.).

4) Деревня *Жарикова*; на р. Гильчинѣ, въ 50 вер. отъ города. Заселена въ 1887 г. молоканами изъ Тамбовской губерніи. Дворовъ 55, 2 конныхъ и 1 водяная мельница. Жителей 360 (181 м. п.). Кромѣ 39 мѣщанъ (22 м. п.), всѣ кресть-

яне и всѣ жители молокане. Земли у нихъ 10550 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгонами 1300 дес., покосной 350, подъ пашнями и залежами 8600 дес. Подъ посѣвами: ярицы 60 дес., яровой пшеницы 460, овса 410 дес., ячменя 16, проса 90 дес. Скота крестьяне имѣютъ: лошадей 270 (212 рабочихъ), рогатаго 250 (150 коровъ, 5 быковъ, 25 воловъ).

Близъ Жариковой расположено 6 молоканскихъ заимокъ, а именно: а) *бр. Ланкиныхъ*, прямо противъ Жарикова, на другой сторонѣ Гильчина изъ 1 двора и 10 жителей (7 м. п.); б) *Епиф. Ланкина*, тамъ же, изъ 9 дворовъ и 14 жителей (45 м. п.); в) *Косицына*, въ 3 вер. отъ деревни, при мелкомъ озерѣ, изъ 1 двора и 14 жителей (7 м. п.); г) *Ф. Дружина*, въ 4 вер. отъ деревни, на р. Гильчинѣ, изъ 1 двора и 12 жителей (8 м. п.); д) *Вобликова*, въ 8 вер. отъ деревни, на подгорьѣ, при Аргузинской пади съ 1 дв. и 2 жит. (1 м. п.) и е) *Шокола*, тамъ же, изъ 1 дв. и 14 жит. (10 м. п.).

5) Деревня *Чуевка*, на р. Гильчинѣ, въ 50 вер. отъ города, на подгорьѣ. Заселена въ 1888 г. молоканами преимущественно изъ Тамбовской губерніи; приселенія были еще въ 1891 г. Дворовъ 28, хлѣбный запасный магазинъ и 1 конная мельница. Жителей 130 (62 м. п.). Кромѣ 8 мѣщанъ (4 м. п.), всѣ жители крестьяне молоканской секты. Земли у нихъ 5570 дес., въ томъ числѣ 35 дес. усадебной, остальная пахатная съ залежами. Подъ посѣвами: ярицею 76 дес., яровою пшеницею 125, овсомъ 130, просомъ 10 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 95 (70 рабочихъ), рогатаго 114, (80 коровъ).

Близъ Чуевки расположены 3 молоканскія заимки: а) *Вас. Метелкина*, на р. Гильчинѣ, въ $^1/_2$ вер. отъ деревни, изъ 1 дв. и 8 жителей (4 м. п.); б) *Вик. Метелкина*, тамъ же, изъ 1 дв. и 15 жителей (8 м. п.); в) *Яковлева*, въ $2^1/_2$ вер. отъ деревни, изъ 1 дв. и 7 жителей (3 м. п.).

6) Деревня *Космодемьяновка* на Гильчинѣ, въ 52 вер. отъ города, на подгорьѣ. Заселена въ 1887 г. переселенцами изъ Полтавской и Тамбовской губерній и изъ Донской области. Дворовъ 60, хлѣбный магазинъ и 3 конныхъ мельницы. Жителей 374 (190 м. п.), крестьянъ, православныхъ. У нихъ земли до 21000 дес., въ томъ числѣ усадебной 50, покосовъ 350, остальныя пахатныя съ залежами. Подъ посѣвами: ярицы 175, яровой пшеницы 212, овса 210, ячменя 2 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 180 (150 рабочихъ), рогатаго 130, (70 коровъ, 15 быковъ, 20 воловъ), овецъ 60, свиней 75.

7) Деревня *Верхне-Уртуй*, въ верховьяхъ пади Уртуй, въ 59 вер. отъ города. Заселено въ 1890 г. молоканами изъ Самарской

губерніи. Дворовъ 10, 2 конныя мельницы. Жителей 75 (44м. п.), крестьянъ молоканской секты. У нихъ земли 1730 дес., въ томъ числѣ подъ усадьбами 10 дес., подъ покосами 15 дес., остальная подъ пашнями и залежами. Подъ посѣвами: ярицею 66 дес., яровою пшеницею 60, овсомъ 150, просомъ 10, гречихою 2 дес. Садики имѣются при 3-хъ дворахъ селенія. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 184 (114 рабочихъ), рогатаго 170 (80 коровъ, 40 быковъ, 12 воловъ), овецъ 380. Одинъ крестьянинъ занимается пчеловодствомъ и имѣетъ 15 ульевъ.

8) Село *Крестовоздвиженское*, на р. Уртуѣ, по обѣимъ сторонамъ пади, на подгорьѣ, въ 64 вер. отъ города. Заселено въ 1873 г. переселенцами изъ Полтавской губерніи и Донской области. Дворовъ 100, церковь, школа съ 50 учащимися, хлѣбный магазинъ, питейный домъ, мелочная лавка, 2 конныя мельницы. Жителей 690 (373 м. п.), кромѣ 5 чел. духовенства остальные крестьяне. У нихъ земли 10460 дес., въ томъ числѣ 1080 усадебной, 190 покосной, остальная подъ пашнями и залежами. Подъ посѣвами: ярицы 240, яровой пшеницы 420, овса 470, ячменя 6, проса 7 дес. Садики въ селеніи имѣются при 5 дворахъ. Подъ бахчами 5 дес., но въ 1893 г. онѣ вымокли отъ дождей. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 520 (380 рабочихъ), рогатаго 560 (190 коровъ, 8 быковъ, 90 воловъ). Овецъ 90, свиней до 300. Два крестьянина занимаются пчеловодствомъ и имѣютъ 16 ульевъ.

Близъ Крестовоздвиженскаго, рядомъ съ селомъ, находится заимка дворянъ Кулебакиныхъ изъ 2 дворовъ и 14 жителей (5 м. п.).

9) Деревня *Верхне-Полтавка*, на р. Топкочѣ, на подгорьѣ, въ 62 вер. отъ города. Заселена въ 1884 г. переселенцами преимущественно изъ Полтавской губерніи. Дворовъ 33, большею частію мазанокъ, хлѣбный магазинъ. Жителей 248 (131 м. п.), крестьянъ.У нихъ земли 7800 дес., въ томъ числѣ усадебной 40, покосовъ 30, остальная пахатная и залежи. Подъ посѣвами: ярицы 66 дес., яровой пшеницы 120, овса 126, ячменя 2, проса 14, гречи $1^1/_2$. При одномъ дворѣ имѣется садикъ. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 128 (82 рабочихъ), рогатаго 202, (87 коровъ, 38 быковъ, 26 воловъ), свиней 71.

10) Деревня *Парунова*, на р. Топкочѣ, на подгорьѣ, въ 62 вер. отъ города. Заселена вновь въ 1892 г. молоканами, мѣщанами изъ Благовѣщенска. Дворовъ 12 (9 деревянныхъ и 3 изъ сырцеваго кирпича), конная мельница. Жителей 86 об. п. (47 м. п.), мѣщанъ. Земли до 1300 дес., въ томъ числѣ усадебной 10, покосовъ 80 дес., остальная пахатная и залежи. Подъ посѣвами: ярицы 20, яровой пшеницы 60, овса 66, ячменя $1^1/_2$,

проса 5, гречи $1^1/_2$ дес. Скота въ селеніи: лошадей 55 (44 рабочихъ), рогатаго 109 (46 коровъ, 11 быковъ, 11 воловъ), овецъ 45.

11) Деревня *Нижне-Полтавка*, на р. Топкочѣ, на подгорьѣ, въ 80 вер. отъ города. Заселена въ 1881 году переселенцами изъ Полтавской губерніи; приселенія были въ 1892 г. Дворовъ 22, всѣ мазанки, деревянный хлѣбный магазинъ. Жителей 141 (70 м. п.), крестьянъ. У нихъ земли 2860 дес., въ томъ числѣ усадебной 16 дес., покосовъ 240 дес., остальныя пахатныя съ залежами. Подъ посѣвами было: ярицы 82, яровой пшеницы 95, овса 106, ячменя 5, проса 8, гречи 2 дес. Скота въ селеніи: лошадей 134 (93 рабочихъ), рогатаго 123 (45 коровъ 27 быковъ, 29 воловъ), свиней 86, овецъ 26.

Въ 30 вышеперечисленныхъ заимкахъ волости, основанныхъ почти исключительно молоканами, приписанными въ качествѣ мѣщанъ къ Благовѣщенску, но первоначально вышедшими изъ Тамбовской и Воронежской губерніи, состоитъ 66 дворовъ. Жителей 534 об. п. (331 м. п.). Земли у нихъ 17440 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгонами 2284, покосовъ 512, остальная пахатная съ залежами. Подъ посѣвами: ярицы 270 дес., яровой пшеницы 1200, овса 1490, ячменя 28, проса 46. Подъ бахчами до 30 дес., но въ 1893 г. всѣ бахчи вымокли и ничего не дали. Скота жители заимокъ держатъ: лошадей 1130, (764 рабочихъ), рогатаго болѣе 1150 (600 коровъ, 160 быковъ, 67 воловъ), верблюдовъ 75. Свиней почти не держатъ, овецъ 270.

Наконецъ, въ 7 вышеисчисленныхъ заимкахъ, принадлежащихъ крестьянамъ Амурско-Зейской волости, состоитъ 7 дворовъ. Въ нихъ жителей 77 об. п. (34 м. п.). У нихъ земли 1030 дес., въ томъ числѣ усадебной 10, покосовъ 20, остальная пахатная и залежная. Подъ посѣвами: 64 яровой пшеницы и 75 овса. Скота крестьяне держатъ: 66 лошадей, (60 рабочихъ), рогатаго 52 (26 коровъ, 6 быковъ и 3 вола).

Во всей волости, а именно въ 11 селеніяхъ и 37 заимкахъ, изъ коихъ она состоитъ, находится 651 дворъ. Большинство строеній построено изъ лѣса, доставляемаго нынѣ изъ Благовѣщенска, такъ какъ строевого лѣса въ собственныхъ дачахъ крестьяне не имѣютъ. Селенія, заселенныя малороссіянами, состоятъ преимущественно изъ мазанокъ, т.-е., строеній построенныхъ изъ хвороста и смазанныхъ глиною (105 двор). Нѣкоторые крестьяне строятъ дома изъ сырцоваго кирпича, другіе (всего 40) живутъ въ землянкахъ. Лѣсныхъ дачъ во владѣніи крестьянъ нѣтъ, но дровяной лѣсъ произрастаетъ на залежахъ. Камень въ постройки не употребляется, кирпичъ же только сырцовый. Большинство селеній построено просторно; исключеніе

составляетъ деревня Тамбовка. Пожаровъ жители не припомнятъ. Жителей въ волости 4635 (2418 м. п.). Изъ нихъ: мѣщанъ 665 (402 м. п.), остальные, кромѣ еще малочисленнаго духовенства, крестьяне, переселенцы изъ разныхъ губерній, преимущественно Европейской Россіи. Большинство населенія, около 70%, а именно 3120 об. п. (1627 м. п.) принадлежатъ къ молоканской сектѣ. Въ населеніи волости на 1000 мужчинъ приходится 928 женщинъ, слѣдовательно, пропорція не особенно благопріятная. Изъ крестьянъ волости въ рабочемъ возрастѣ 1100 м. п. и 1071 ж. п., такъ что вообще рабочій возрастъ составляетъ около 47% всего населенія—пропорція близкая къ обычной. Брачныхъ паръ 982, изъ нихъ 926 въ рабочемъ возрастѣ. На тягло приходится слѣдовательно 2,6 д. м. п., цифра близкая къ обыкновенной пропорціи въ Европейской Россіи. На дворъ же приходится болѣе 7 д. об. п. и 1,7 работниковъ м. п.

Въ дѣйствительномъ владѣніи жителей волости состоитъ 116 тыс. десятинъ, что составляетъ 48 дес. на душу м. п., надѣлъ тѣмъ болѣе громадный, что лѣса въ составъ этихъ земель не входятъ. Изъ числа этихъ земель 11.140 дес. состоятъ подъ усадьбами и выгонами, 11080 подъ покосами, 93780 подъ пашнями и залежами. И этихъ послѣднихъ земель приходится на душу м. п. 38 дес. Дѣйствительными же посѣвами, при залежной системѣ хозяйства, занято 13500 дес., т.-е. 5,6 дес. на душу м. п. Такой значительной пропорціи посѣвовъ нѣтъ ни въ одной волости Амурской области. На тягло приходится 14,6 дес., на дворъ 20,7 дес. Сѣютъ жители волости: ярицы 1960 дес., которыя въ 1893 г. дали 39500 пудовъ, а обыкновенно даютъ 110 тыс. пуд., яровой пшеницы 5100 дес., которыя дали въ 1893 г. 152 тыс. пуд., а при среднемъ урожаѣ даютъ 300 тыс. пуд.; овса 5900 дес., которыя въ 1893 г. дали 260 тыс. пуд., а обыкновенно даютъ 360 тыс. пуд.; ячменя 80 дес., давшихъ въ 1893 г. 2540 пуд., а при среднемъ урожаѣ дающихъ 3800 пуд., проса 410 дес., давшихъ въ 1893 году, 10 тыс. пудовъ, что приблизительно соотвѣтствуетъ среднему урожаю. Гречи въ посѣвѣ всего только 8 дес.; дала она въ 1893 г. 240 пуд., а обыкновенно даетъ 400. Такимъ образомъ волость даетъ одного пищевого хлѣба (ярицы и яровой пшеницы), за сѣменами, среднимъ числомъ 350 тыс. пуд., т.-е., болѣе 75 пуд. на душу об. п., слѣдовательно огромный избытокъ, да и при недородѣ 1893 г. пищеваго хлѣба получилось около 26 пуд. на душу об. п. При такихъ условіяхъ земледѣлія, даже и въ наиболѣе неурожайные со времени поселе-

нія русскихъ въ этомъ краѣ годы, въ Гильчинской волости мѣстное продовольствіе было обезпечено, и на вопросъ, не встрѣтили ли поселенцы какія неудобства со времени своего поселенія, всеобщимъ отвѣтомъ было: «никакихъ», и только нѣкоторыя селенія упомянули о мѣстныхъ падежахъ скота, бывшихъ только въ первые годы ихъ поселенія. Льна и конопли въ волости совсѣмъ не сѣютъ. Бахчеводствомъ занимаются: подъ бахчами въ волости состоитъ 48 дес., но въ 1893 г. всѣ бахчи вымокли и не дали никакого урожая. Огородничество распространено для собственнаго потребленія. Сажаютъ въ огородахъ капусту, картофель, морковь, рѣдьку, огурцы. Садоводство существуетъ еще только въ зачаткѣ; въ садахъ сажаютъ дикія яблони (Pyrus baccata), дикія груши (Pyrus ussuriensis), черемуху, калину, малину, смородину, виноградъ, а также лѣсныя деревья.

Скотоводство имѣетъ достаточное развитіе. Лошадей въ волости 4830 (рабочихъ 3230). На взрослаго работника приходится рабочихъ лошадей почти 3, на дворъ всѣхъ лошадей 7. Рогатаго скота болѣе 4800 головъ, въ томъ числѣ 2490 коровъ, 67 быковъ и 435 воловъ; на дворъ приходится слѣдовательно болѣе 7 штукъ. Овцеводство, какъ и вездѣ въ Амурской области, мало развито, но всетаки по количеству овецъ Гильчинская волость занимаетъ первое мѣсто въ области, а именно здѣсь 2200 овецъ. Наоборотъ, свиноводство здѣсь менѣе развито, чѣмъ въ другихъ крестьянскихъ волостяхъ области. Свиней жители волости держатъ 540. На нѣкоторыхъ заимкахъ благовѣщенскіе мѣщане держатъ верблюдовъ, которыхъ во всей волости считается 75. Пчеловодство начинаетъ развиваться: въ волости насчитываютъ 52 улья. Ремеслами жители волости занимаются весьма мало. Тоже слѣдуетъ сказать объ охотѣ и рыболовствѣ.

12) *Завитинская волость.*

Къ В. отъ Гильчинской и двухъ южныхъ волостей Зейскаго бассейна Ивановской и Черемховской и къ С. отъ казачьихъ округовъ Поярковскаго и Иннокентьевскаго простирается обширная территорія крестьянской Завитинской волости. Изъ 20 поселковъ этой волости 3 находятся на р. Димѣ, 7 на р. Завитой, 1 на р. Половинкѣ, 1 на р. Райчихѣ, 7 на р. Буреѣ и 1 на р. Харѣ или Бирарѣ. Вотъ перечень этихъ поселковъ.

1) Деревня *Борисоглѣбовка*, на р. Димѣ, верстахъ въ 80 отъ Благовѣщенска, расположена на подгорьѣ. Заселена въ 1887 г. переселенцами изъ Тамбовской и Екатеринославской гу-

берній и Донской области. Дворовъ 112, молитвенный домъ и 2 мельницы: одна вѣтряная и 1 конная. Жителей 825 об. п. (447 м. п.), въ томъ числѣ молоканской секты 23 (12 м. п.). Всѣ крестьяне. Во владѣніи ихъ 14900 дес. земли, въ томъ числѣ усадебной съ выгонами показано 600 дес., покосной 100 дес., а 12250 показаны пахатною и залежною. Подъ дѣйствительными посѣвами 857 дес., а именно: ярицы 176 дес., яровой пшеницы 348 дес., овса 268, ячменя 11, проса 43, льна 5, конопли 6 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 365 (255 рабочихъ), рогатаго 200 (110 коровъ и 14 быковъ и воловъ), овецъ 50, свиней 230. Между жителями селенія есть и ремесленники: 2 портныхъ, 2 сапожника, кузнецъ, 2 столяра и 20 плотниковъ.

2) Село *Ильиновское*, на р. Димѣ, около 80 верстъ отъ Благовѣщенска, въ недальнемъ разстояніи отъ Борисоглѣбовки. Заселено въ 1880 г. переселенцами изъ губерній Тамбовской, Воронежской, Самарской и области Донской. Дворовъ 81, церковь, хлѣбный магазинъ, 2 мелочныя лавки, водяная и 3 конныя мельницы. Жителей 774 об. п. (444 м. п.), крестьянъ. Земли у нихъ 9550 дес., въ томъ числѣ показано: усадебной съ выгонами 800, покосной 350 и пахатной съ залежами до 8000 дес. Подъ дѣйствительными же посѣвами 630 дес., а именно: подъ ярицею 70 дес., яровою пшеницей 261, овсомъ 250, ячменемъ 7, просомъ 8, гречихой 4, льномъ 17 и коноплей 13. Скота крестьяне держатъ: лошадей 414 (318 рабочихъ), рогатаго 411 (230 коровъ, 72 быковъ и воловъ), овецъ 11, свиней 206. Въ селеніи есть нѣсколько ремесленниковъ: сапожникъ 1, трубочистовъ 2, колесникъ 1, кузнецовъ 2, столяровъ 2 и плотниковъ 4.

3) Деревня *Кутилова*, на подгорьѣ, въ верховьяхъ р. Дима, вер. въ 20 отъ предшедшихъ селеній. Заселена въ 1878 г. переселенцами изъ Тамбовской и Воронежской губерній. Дворовъ 35, хлѣбный магазинъ и конная мельница. Жителей 360 (175 м. п.), крестьянъ. Земли у нихъ 4865 дес.; изъ нихъ показано усадебной съ выгонами 600, покосной 100, пахатной съ залежами около 4000. Подъ дѣйствительными посѣвами 328 дес., а именно: ярицы 35, яровой пшеницы 115, овса 170, проса 6, гречи 1, льна $^1/_2$, конопли 1 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 277 (190 рабочихъ), рогатаго 200 (140 коровъ, 13 быковъ и воловъ), овецъ 115, свиней 156.

4) Деревня *Коршуновка*, на р. Завитой, подъ горою, верстахъ въ 20 выше устья этой рѣки и верстахъ въ 100 отъ Благовѣщенска. Заселена въ 1876 г. переселенцами изъ Воро-

нежской и Полтавской губерній. Дворовъ 13, 1 конная мельница. Жителей 93 (54 м. п.), крестьянъ. Земли у нихъ 1020 дес., въ томъ числѣ показано: подъ усадьбами и выгонами 200, подъ покосами 20 дес., остальныя подъ пашнею и залежами. Дѣйствительныхъ посѣвовъ 114 дес., а именно: ярицы 24, яровой пшеницы 33, овса 42, ячменя 4, гречихи 8, льна 1, конопли 1, проса $^1/_2$ дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 55 (39 рабочихъ), рогатаго скота 123 (36 коровъ, 60 быковъ и воловъ), свиней 30.

5) Деревня *Красный яръ*, на р. Завитой, верстахъ въ 12 выше предшедшей. Заселена въ 1864 г. переселенцами изъ Воронежской и Самарской губерній. Дворовъ 44, часовня, хлѣбный магазинъ, и 2 водяныя мельницы. Жителей 381 (198 м. п.), крестьянъ. Земли у нихъ 6220 дес.; изъ нихъ подъ усадьбами и выгонами показано 600 дес., покосной 100, а остальная подъ пашнями и залежами. Подъ дѣйствительными посѣвами состоитъ 308 дес., а именно: ярицы 87 дес., яровой пшеницы 95, овса 120 дес., ячменя 2, льна $1^1/_2$, конопли 2 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 310 (230 рабочихъ), рогатаго скота 450 (205 коровъ, 140 быковъ и воловъ), овецъ 63, свиней 173.

6) Село *Михайловское*, на р. Завитой, верстахъ въ 10 выше Краснаго яра. Заселено въ 1862 г. переселенцами изъ губерній Тамбовской, Орловской, Воронежской и Самарской. Дворовъ 57, церковь, школа съ 50 учащимися, волостное правленіе, два хлѣбные и 1 оружейный запасные магазины, питейное заведеніе, 4 мелочныя лавки, 3 конныя мельницы. Жителей 456 (239 м. п.); кромѣ 7 лицъ духовнаго званія (2 м. п.) всѣ крестьяне. Земли у нихъ 14020 дес., изъ нихъ 2000 дес. показано подъ усадьбами и выгонами, 10 подъ покосами и 8700 подъ пашнями и залежами. Подъ дѣйствительными посѣвами 554 дес., изъ нихъ подъ ярицею 86, яровой пшеницею 182, овсомъ 232, ячменемъ 3, просомъ 15, гречихою 22, льномъ 5, коноплею 8 дес., горохомъ 1 дес. Скота у крестьянъ: лошадей 470 (343 рабочихъ), рогатаго 500 (253 коровъ, 106 быковъ и воловъ), овецъ 106, свиней 158. Въ селѣ есть ремесленники: 1 портной, 2 сапожника, 1 печникъ, 2 каменьщика, кузнецъ, 2 столяра и 3 плотника.

7) Деревня *Петропавловка*, на р. Завитой, на подгорьѣ, верстъ 8 выше волостного селенія. Заселена въ 1863 г. переселенцами изъ Воронежской и Полтавской губерній. Дворовъ 29, 4 конныя мельницы. Жителей 293 (145 м. п.), крестьянъ. Земли у нихъ 4400 десятинъ, изъ коихъ 600 показано подъ усадь-

бою и выгонами, 200 подъ покосами и 1800 подъ пашнями и залежами. Подъ дѣйствительными посѣвами 207 дес., въ томъ числѣ ярицы 36 дес., яровой пшеницы 71, овса 82, ячменя 13, проса 3 и конопли 2 дес. Скота у крестьянъ: лошадей 150 (100 рабочихъ), рогатаго 280 (160 коровъ и 40 быковъ и воловъ) овецъ 35, свиней 60. Въ селеніи есть ремесленники: сапожникъ, кузнецъ, столяръ и 2 плотника.

8) Деревня *Вознесеновка*, на р. Завитой, въ 8 вер. выше Петропавловки. Заселена въ 1870 г. переселенцами изъ Томской, Тамбовской и Воронежской губерній. Дворовъ 27, часовня, 1 водяная и 1 конная мельницы. Жителей 212 (109 м. п.), крестьянъ. У нихъ земли 4000 дес., изъ нихъ показано подъ усадьбами и выгонами 500 дес., покосами 125, подъ пашнями и залежами 1300 дес. Подъ дѣйствительными посѣвами: 190 д., а именно: ярицею 30, яровой пшеницею 60, овсомъ 92, ячменемъ 1, гречихою 4, льномъ 1 и коноплею 1 дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 200 (140 рабочихъ), рогатаго скота 254 (146 коровъ, 44 воловъ и быковъ), овецъ 6, свиней 79. Въ селеніи есть нѣсколько ремесленниковъ: сапожникъ, кузнецъ и 2 плотника.

9) Деревня *Платова*, на р. Завитой, вер. 15 выше предшедшей. Заселена въ 1865 г. переселенцами изъ Томской губерніи и Забайкальской обл. Дворовъ 39, старообрядческая молельня, хлѣбный магазинъ, 3 водяныя и 3 конныя мельницы. Жителей 352 (180 м. п.), крестьянъ: всѣ старовѣры, австрійской секты. Земли у нихъ 6400 дес., изъ нихъ 700 дес. показано подъ усадьбами и выгонами, 200 подъ покосами, 4600 дес., подъ пашнями и залежами. Подъ дѣйствительными посѣвами 191 дес., а именно ярицы 9 дес., яровой пшеницы 90, овса 83, ячменя 7, конопли $1^1/_2$ дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 155 (120 рабочихъ), рогатаго 230 (140 коровъ, 40 быковъ и воловъ), свиней 300. Въ селеніи есть и ремесленники: кузнецъ и 5 плотниковъ.

10) Деревня *Бѣлый яръ*, на р. Завитой, вер. въ 14 еще выше предшедшей. Заселена въ 1890 г. переселенцами изъ Томской губерніи и Забайкальской обл. Двора 4, жителей 33 (16 м. п.), всѣ крестьяне, старовѣры, австрійской секты. Земля имъ еще не отведена, но они заняли кромѣ усадьбы 30 дес. покосовъ и 30 запашки. Въ запашкѣ: ярицы 10 дес., яровой пшеницы 8, овса 12 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 12 (10 рабочихъ), рогатаго скота 11 (6 коровъ и 3 быковъ), свиней 6.

11) Деревня *Иннокентьевка*, на р. Половинкѣ, на подгорьѣ,

вер. въ 25 отъ Благовѣщенска. Заселена въ 1881 г. переселенцами изъ Томской и Екатеринославской губерній. Дворовъ 28, хлѣбный магазинъ и конная мельница. Жителей 209 (111 м. п.), крестьянъ. У нихъ земли 2800 дес., въ томъ числѣ показано усадебной и выгоновъ 400 дес., покосовъ 130, пахатной и залежной 1000 дес. Подъ посѣвами 193 дес., именно: ярицы 32, яр. пшеницы 65, овса 85, ячменя $2^1/_2$, проса $1^1/_2$, гречихи $4^1/_2$, льна $1^1/_2$, конопли 1 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 180 (132 рабочихъ), рогатаго 100 (76 коровъ, 20 воловъ и быковъ), свиней 95.

12) Деревня *Райчиха*, на р. Райчихѣ, на подгорьѣ. Заселена въ 1890 г. крестьянами изъ Тамбовской и Могилевской губерній. Дворовъ 110, молитвенный домъ, водяная мельница. Жителей 887 (490 м. п.), крестьянъ; вѣроятно, они старовѣры, хотя такими себя не показали. Земли имъ еще не нарѣзано, но они имѣютъ въ дѣйствительномъ пользованіи подъ усадьбами и выгонами 1500 дес., подъ покосами 600 дес. и подъ посѣвами 242 дес., а именно ярицы 26 дес., яровой пшеницы 133, овса 76, проса $1^1/_2$, гречихи 1, льна $2^1/_2$, конопли $1^1/_2$ дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 380 (300 рабочихъ), рогатаго 310 (коровъ 150, быковъ и воловъ 70) овецъ 50, свиней 200. Въ селеніи есть ремесленники: сапожникъ, 2 печника и 5 плотниковъ.

13) Деревня *Кумусутай*, на р. Буреѣ, подъ горою, въ 208 в. отъ Благовѣщенска. Заселена въ 1885 г. переселенцами изъ Томской губерніи и Забайкальской обл. Дворовъ 13, хлѣбный магазинъ, 2 водяныя и 1 конная мельницы. Жителей 80 (47 м. п.), крестьянъ, всѣ безпоповцы. Земли у нихъ 1300 д., въ этомъ числѣ показано: усадебной съ выгономъ 300, покосовъ 50, пахатной и залежей 700 дес. Подъ посѣвами 124 д., а именно: ярицы 3 дес., яровой пшеницы 40, овса 80, гречи, льна и конопли по 1 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 110 (70 рабочихъ), рогатаго 107 (68 коровъ, 14 быковъ и воловъ), свиней 67.

14) Деревня *Куликовка*, также на р. Буреѣ, подъ горою. Заселена въ 1887 г. переселенцами изъ Томской губерніи. Дворовъ 15, водяная мельница. Жителей 97 (49 м. п.), крестьянъ; всѣ безпоповцы. У нихъ земли 1500 дес., въ томъ числѣ показано усадебной съ выгонами 150 дес., покосовъ 50 дес., пахатной съ залежами 450 дес. Подъ дѣйствительными посѣвами 114 дес. а именно: ярицы 4 дес., яровой пшеницы 37, овса 60, ячменя 6, гречихи 3 дес., льна и конопли по $1^1/_2$ дес., гороха 1 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 143 (92 рабочихъ).

рогатаго скота 132 (57 коровъ, 38 быковъ и воловъ), свиней 49.

15) Деревня *Домиканъ*, на Буреѣ, при впаденіи въ нее р. Домикана. Заселена въ 1874 г. переселенцами изъ Томской, Пермской и Самарской губерній. Дворовъ 20, хлѣбный магазинъ, 1 водяная и 2 конныя мельницы. Жителей 127 (67 м. п.), крестьянъ; всѣ безпоповцы. У нихъ земли 2000 дес., въ числѣ коихъ показано 400 усадебной и выгонной, 50 покосной и 500 пахатной съ залежами. Въ дѣйствительномъ посѣвѣ 148 дес., а именно: 20 ярицы, 59 яровой пшеницы, 57 овса, 2 проса, $8^1/_2$ гречихи, льна и конопли по 1 дес., гороха $^1/_2$ дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 183 (128 рабочихъ), рогатаго 240 (100 коровъ и 90 быковъ и воловъ), свиней 79.

16) Деревня *Малиновка*, на р. Буреѣ, подъ горою; заселена въ 1881 г. переселенцами изъ Томской губерніи. Дворовъ 15, водяная мельница. Жителей 100 (53 м. п.), крестьянъ; всѣ безпоповцы. Земли у нихъ 1500 дес., въ числѣ ихъ значится усадебной съ выгонами 200, покосной 100, пахатной съ залежами 500 дес. Подъ посѣвами всего 115 дес., а именно: ярицы 4, яровой пшеницы 46, овса 52, ячменя 2, гречихи 9, льна и конопли по 1 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 115 (91 рабочихъ), рогатаго скота 132 (68 коровъ, 19 быковъ), свиней 27.

17) Деревня *Каменка*, на р. Буреѣ, при впаденіи въ нее рч. Дикана. Основана въ 1885 г. переселенцами изъ Томской губерніи. Дворовъ 10, жителей 61 (31 м. п.), крестьянъ, всѣ безпоповцы; у нихъ земли 1200 дес., въ томъ числѣ значится: усадебной съ выгонами 200 дес., покосовъ 50, пахатной съ залежами 600 дес. Подъ посѣвами 65 дес., а именно: ярицы 1 дес., яровой пшеницы 23 дес., овса 38, ячменя $1^1/_2$ дес., гороха, льна и конопли по $^1/_2$ дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 102 (64 рабочихъ), рогатаго 94 (42 коровъ, 25 быковъ и воловъ), свиней 51.

18) Деревня *Бахирева*, на Буреѣ. Заселена переселенцами изъ Томской и Самарской губерній. Дворовъ 16, хлѣбный магазинъ и 2 водяныя мельницы. Жителей 109 (60 м. п.), крестьянъ, изъ коихъ одна половина (8 дворовъ) безпоповцевъ, а другая (8 дворовъ) старовѣровъ австрійской секты. Земли у нихъ 2500 д., въ числѣ которыхъ показано усадебной съ выгонами 300 д., покосной 100 дес., пахатной съ залежами 1000 дес. подъ дѣйствительными посѣвами 86 дес., а именно: яр. пшеницы 39 дес., овса 46 дес., проса 1 дес. Скота крестьяне держатъ: лошадей 116 (80 рабочихъ), рогатаго 142 (114 коровъ, 11 воловъ и бы-

ковъ), свиней 63. Въ селеніи есть ремесленники: кузнецъ, столяръ и 3 плотника.

19) Выселокъ *Киселева*, заселенъ въ 1881 г. переселенцами изъ Забайкалья. Дворовъ 10, часовня и водяная мельница. Жителей 56 (26 м. п.), крестьянъ. Земли у нихъ 1200 дес., изъ нихъ показано усадебной съ выгонами 250, покоса 100, пахатной съ залежами 800 дес. Подъ дѣйствительными посѣвами 18 дес., а именно: ярицы $1^1/_2$ дес., яровой пшеницы 10, овса 6 дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 61 (45 рабочихъ), рогатаго 84 (коровъ 59, быковъ 4), свиней 30.

20) Поселокъ *Аркади-Семеновскій* на р. Харѣ или Бирарѣ, въ 278 вер. отъ Благовѣщенска, подъ горою. Заселенъ въ 1892 г. переселенцами изъ другихъ селеній Амурской области. Дворовъ 7, жителей 36 (19 м. п.), крестьянъ. Земли еще не отведены, но крестьяне уже пользуются: усадебной съ выгонами 60 дес. и запашки 24 дес., на которыхъ сѣютъ: ярицы 5 дес., яровой пшеницы 13, овса 6 дес. Скота они держатъ: лошадей 10 (всѣ рабочія), рогатаго скота 19 (8 коровъ, 8 быковъ и воловъ).

Во всѣхъ 20 поселкахъ волости 686 дворовъ. Строенія всѣ построены изъ дерева. Лѣсъ строевой сплавляется по Буреѣ и другимъ рѣкамъ, такъ какъ въ дачахъ, отведенныхъ крестьянамъ, есть только дровяной лѣсъ березовый, осиновый и дубовый. Кирпичъ выдѣлывается только сырцовый изъ мѣстной глины и идетъ на печи. Крыты строенія тесомъ, берестою и дранью. Селенія построены просторно; пожаровъ въ нихъ не бывало.

Жителей во всей волости 5540 (2960 м. п.), почти исключительно крестьянъ, переселенцевъ преимущественно изъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи, но отчасти и изъ Сибирскихъ. Между ними старовѣровъ австрійскаго толка 440 (226 об. п.), а безпоповцевъ 540 (286 м. п.). Въ числѣ жителей волости на 1000 мужчинъ приходится только 878 женщинъ — одна изъ невыгоднѣйшихъ пропорцій въ области. Въ рабочемъ возрастѣ 1314 и 1306 женщинъ, такъ что невыгодная пропорція женскаго пола очевидно падаетъ на стариковъ и еще болѣе на дѣтей. Рабочій возрастъ составляетъ около $47^1/_2$ всего населенія — пропорція наиболѣе распространенная въ Амурской области. Брачныхъ паръ 1067, изъ нихъ въ рабочемъ возрастѣ 955, такъ что на тягло приходится немного болѣе 3 д. м. п. Во дворѣ 8 д. об. п., работниковъ приходится 1,9.

Земли у крестьянъ волости въ отводѣ до 80000 десятинъ, что составитъ на душу м. п. до 27 дес. Изъ общаго ко-

личества земли показано: подъ усадьбами и выгонами до 10400 д., подъ покосами до 2400, подъ пашнями и залежами до 53000 д. Подъ дѣйствительными же посѣвами у крестьянъ волости до 4530 дес., что составитъ на душу м. п. 1,5 дес., на тягло 4,8, на дворъ 6,7 десятинъ. Подъ ярицею 656 дес., съ которыхъ въ 1893 г. получено 22 тыс. пуд., а обыкновенно получается 42 тыс. пуд. Подъ яровою пшеницею 1730 д., съ которыхъ въ 1893 г. получено до 76400 пуд., а обыкновенно получается 123 тыс. пуд. Подъ овсомъ 1856 дес., на которыхъ въ 1893 г. родилось 92800 пуд., а обыкновенно родится до 154 тыс. пуд. Подъ ячменемъ 58 дес., съ которыхъ въ 1893 г. собрано 2800 пуд., а обыкновенно собирается 4400 пуд. Подъ просомъ до 80 дес., съ которыхъ собрано до 4 тыс. пуд., а обыкновенно собирается до 5200 пуд. Подъ гречихою 65 дес., на которыхъ въ 1893 г. родилось 3560 пуд., что приблизительно соотвѣтствуетъ среднему урожаю этого хлѣба. Пищевыхъ хлѣбовъ (ярицы и пшеницы) за сѣмянами оказывается 153 тыс. пуд., по 28 пуд. на душу об. п., т.-е. значительный избытокъ противъ мѣстнаго потребленія и даже при недородѣ 1893 г. на душу м. п. приходилось за сѣмянами 14 пуд. на душу об. п., что было почти достаточно для обезпеченія населенія. Посѣвы льна и конопли въ волости значительны. По посѣву и сбору льна Завитинская волость занимаетъ первое мѣсто въ губерніи. Льна было въ посѣвѣ 40 дес., съ коихъ въ 1893 г. собрано 1850 пуд. волокна и 1250 пуд. сѣмени. Конопли 42 дес., съ коихъ въ томъ же году собрано 1730 пуд. волокна и 1000 пуд. сѣмени. Бахчеводство въ волости почти совсѣмъ не развито. Огородничествомъ крестьяне занимаются только для домашняго обихода: сажаютъ преимущественно картофель, огурцы, капусту. Садоводство совсѣмъ не развито.

Скотоводство находится въ достаточномъ развитіи. Лошадей крестьяне волости содержатъ 3800, въ томъ числѣ 2760 рабочихъ, такъ что на взрослаго работника приходится немного болѣе 2 рабочихъ лошадей; всѣхъ же лошадей на дворъ $5^1/_2$. Рогатаго скота 4100 головъ, то-есть по 6 на дворъ. Въ числѣ ихъ коровъ 2170, а быковъ и воловъ 830, что представляетъ весьма значительную рабочую силу въ дополненіе къ лошадямъ. Свиноводство имѣетъ большое развитіе; свиней у крестьянъ волости 2050. Овцеводство имѣетъ слабое развитіе; всего въ волости до 440 головъ овецъ. Пчеловодства вовсе не существуетъ. Охотою и рыболовствомъ, какъ промыслами, крестьяне волости совсѣмъ не занимаются. Ремесленность слабо развита.

13) *Поярковскій станичный округъ.*

На всемъ пространствѣ отъ Благовѣщенска внизъ по Амуру, на 70 верстъ, совсѣмъ нѣтъ русскихъ селеній. Это происходитъ отъ того, что на этомъ пространствѣ на лѣвомъ берегу Амура обитали, уже до присоединенія къ Россіи нынѣшнихъ Амурской и Приморской областей, манджуры. Поярковскій округъ состоитъ изъ расположенныхъ вдоль Амура на протяженіи 90 вер. ниже манджурскихъ селеній 5 поселковъ и одного выселка; всѣ они заселены казаками Амурскаго коннаго полка. Земли отведенныя казакамъ округа, въ количествѣ свыше 76 тыс. дес., тянутся довольно широкою полосою вдоль Амура. Поселки расположены въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) *Ключевской* поселокъ, въ 70 вер. отъ Благовѣщенска, на подгорьѣ возвышающемся надъ р. Ключи, отстоитъ отъ Амура въ 12 вер. Заселенъ въ 1873—77 г. переселенцами изъ станицы Низменной. Дворовъ 27, часовня, хлѣбный магазинъ. Жителей 165 (91 м. п.), казаковъ. Земли у нихъ въ непосредственномъ пользованіи до 8670 дес.: усадебной съ выгонами 1320 дес., покосовъ 600, пахатной съ залежами 6750 дес. Подъ посѣвами: ярицы 78, яровой пшеницы 81, овса 85, ячменя 4, проса 7, гречи 2 дес. Скота казаки содержатъ: лошадей 203 (161 рабочихъ), рогатаго 284 (191 корова), свиней 160.

2) *Константиновскій* поселокъ находится уже на самомъ Амурѣ, въ 100 вер. ниже Благовѣщенска. Заселенъ въ 1859 г. переселенцами изъ Забайкальской области. Дворовъ въ немъ 124, церковь, школа съ 50 учащимися, хлѣбный магазинъ, питейное заведеніе, 2 лавки, водяная и конная мельницы. Жителей 881 (478 м. п.), казаковъ. Земли у нихъ 23250 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгонами 5750, покосовъ 5500 дес. и пахатной съ залежами 12000 дес. Подъ посѣвами: ярицы 204, яровой пшеницы 231, овса 198, ячменя 3, проса 13, гречи 3 дес. Скота казаки держатъ: лошадей 568 (416 рабочихъ), рогатаго 722 (344 коровъ, 155 быковъ), свиней 408.

3) *Димскій* поселокъ, на рч. Димѣ, на открытой равнинѣ, въ 185 вер. отъ Благовѣщенска. Заселенъ въ 1867 г. переселенцами изъ Минусинскаго округа Енисейской губерніи. Дворовъ 65, часовня, хлѣбный магазинъ, 2 водяныя мельницы. Жителей 592 (310 м. п.), казаковъ. Земли у нихъ 13100 дес., въ томъ числѣ усадебной и выгоновъ 2600 дес., покосной 2500 и пахатной съ залежами 8000 дес. Подъ посѣвами: ярицы 175, яровой пшеницы 221, овса 223, ячменя 6, проса 8, гречи 4 д. Скота казаки держатъ: лошадей 627 (534 рабочихъ), рогатаго

скота 657 (332 коровы, 42 быка, 158 воловъ), свиней 365, овецъ 74.

4) Станица *Пояркова* на р. Амурѣ, на подгорьѣ, въ 150 вер. ниже Благовѣщенска. Основана въ 1858 г. казаками изъ Забайкальской области, вошедшими въ составъ Амурскаго полка. Дворовъ 86, деревянная церковь, крытая желѣзомъ, школа съ 2 учителями и 60 учащимися, хлѣбный магазинъ, соляная стойка, оружейный складъ, питейное заведеніе, 3 лавки, водяная мельница. Станица построена просторно; пожаръ здѣсь былъ въ 1888 г., при чемъ сгорѣла церковь, скоро послѣ того возобновленная. Жителей 720 (365 м. п.), казаковъ. У нихъ земли 4700 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгонами 700, покосовъ 1000, пахатной съ залежами 3000 дес. Подъ посѣвами: ярицы 133 дес., яровой пшеницы 170, овса 145, ячменя 4, проса 4, гречи 6 дес. Скота казаки держатъ: лошадей 682 (514 рабочихъ), рогатаго 986 (395 коровъ, 408 быковъ и воловъ), свиней 357.

5) *Чесноковскій* поселокъ, на холмистой мѣстности при Амурѣ, въ 165 вер. ниже Благовѣщенска. Основанъ въ 1860 г. переселенцами изъ Забайкалья. Дворовъ 83, часовня, хлѣбный магазинъ. Жителей 567 (286 м. п.), казаковъ. Земли у нихъ 5360 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгонами 1680 дес., покосовъ 1800 дес., пахатной съ залежами 3180 дес. Подъ посѣвами: ярицы 87, яровой пшеницы 112, овса 140 дес., ячменя 6, гречи 4. Скота казаки содержатъ: лошадей 458 (410 рабочихъ), рогатаго 470 (252 коровъ, 90 быковъ), свиней 217.

6) Наконецъ, выселокъ *Ковришки* находится въ сторонѣ отъ Амура, на рч. Филиповкѣ, на возвышенности, имѣющей форму «ковришки», въ 15 вер. отъ Константиновскаго поселка. Заселенъ въ 1873—1875 г. переселенцами изъ бывшей станицы Низменной. Дворовъ 7, жителей 47 (24 м. п.) казаковъ. Земли у нихъ 4830 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгонами 1230 дес., покосной 300 дес., пахатной съ залежами 3250 дес. Подъ посѣвами: ярицы 21 дес., яровой пшеницы 19, овса 15, ячменя 1 дес. Скота казаки содержатъ: лошадей 35 (32 рабрчихъ), рогатаго 66 (53 коровы), свиней 19.

Въ 6 селеніяхъ составляющихъ Поярковскій станичный округъ, дворовъ 392. Всѣ они выстроены изъ сосноваго лѣса, покупаемаго въ Благовѣщенскѣ (куда онъ сплавляется по Зеѣ), такъ какъ участковъ собственнаго строевого лѣса въ Поярковскомъ станичномъ округѣ нѣтъ. Крыты строенія тесомъ, берестою, а отчасти желѣзомъ. Поселки построены просторно; пожары въ нихъ очень рѣдки; объ одномъ пожарѣ, бывшемъ

въ станицѣ Поярковской въ 1888 г. было упомянуто выше. Жителей въ округѣ 2972 (1554 м. п.) казаковъ коннаго Амурскаго полка. Въ населеніи округа на 1000 мужч. приходится 919 женщ., одна изъ тѣхъ невыгодныхъ пропорцій которыя встрѣчаются въ станичныхъ округахъ на Амурѣ. Въ рабочемъ возрастѣ 715 м. п. и 642 ж. п., то-есть менѣе 40% всего населенія. Брачныхъ паръ 561, изъ нихъ 491 въ рабочемъ возрастѣ. На тягло приходится нѣсколько болѣе 3 д. м. п., на дворъ около 8 жит. об. п.

Въ отводѣ у казаковъ округа 76 тыс. дес., т.-е. по 49 дес. на д. м. п. Въ непосредственномъ пользованіи: усадебной съ выгонами 13330 дес., покосной 11400, пахатной съ залежами 29930 дес. Слѣдовательно земель, способныхъ къ земледѣлію 18 д. на д. м. п. Подъ дѣйствительными посѣвами, впрочемъ, состоитъ только 2434 дес., то-есть около 1,6 дес. на д. м. п., до 5 на тягло, по 6 на дворъ. Сѣютъ казаки ярицы до 700 дес., съ которыхъ въ 1893 г. получено 23600 пуд., а обыкновенно получается 35 тыс. пуд.; яровой пшеницы 834 дес., съ которыхъ получено въ 1893 г. 33600 пуд., а обыковенно получается около 50 тыс. пуд.; овса 805 дес., съ которыхъ получено въ 1893 г. 44 т. п., а обыкновенно получается 48 т. п.; ячменя 24 дес., съ которыхъ въ 1893 г. получено 1000 пуд., т.-е. приблизительно средній урожай; проса до 40 дес., съ которыхъ получено въ 1893 г. до 2 тыс. пуд., а обыкновенный урожай 1300 пуд., наконецъ, гречи 21 дес., съ которыхъ получено 500 пуд. Всего пищевого хлѣба (ржи и пшеницы), за сѣмянами, получено въ 1893 г. около 52 тыс. пуд., а обыкновенно получается болѣе 70 тыс. пуд., что составитъ на душу об. п. болѣе 23 пуд., такъ что продовольствіе обезпечивается съ достаточнымъ избыткомъ, да и при недородѣ 1893 г. продовольствіе было обезпечено. Льна и конопли въ полевомъ посѣвѣ не было. Огородничество достаточно развито, но только для собственнаго потребленія. Сажаютъ въ огородахъ картофель, капусту, огурцы, арбузы, дыни, морковь, рѣпчатый лукъ. Садовъ нѣтъ.

Скота казаки держатъ: лошадей 2570 (2070 рабочихъ), слѣдовательно рабочихъ лошадей приходится на взрослаго работника 2,9, а всѣхъ лошадей на дворъ 6,5. Крупнаго рогатаго скота въ округѣ 3185, въ томъ числѣ 1570 коровъ, 850 быковъ и воловъ; на дворъ всего рогатаго скота по 8 штукъ. Свиней держатъ 1476, болѣе 3 на дворъ. Овцеводство почти совсѣмъ не развито; овецъ держатъ 74. Охотою, какъ промысломъ, жители округа совсѣмъ не занимаются., за то

занимаются рыболовствомъ, при чемъ главнымъ предметомъ ихъ лова служитъ такъ называемая зубатка на Амурѣ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Выходятъ на ловъ цѣлыми артелями.

14) *Иннокентьевской станичный округъ.*

Округъ этотъ, начинаясь непосредственно за Поярковскимъ, растянутъ вдоль теченія Амура на 160 вер. и состоитъ изъ 10 селеній, а именно.

1) *Куприяновскій* поселокъ, на ровномъ берегу Амура, близъ устья рч. Куприяновки, въ 18 вер. ниже послѣдняго поселка Поярковаго округа—Чесноковскаго; заселенъ въ 1858 г. переселенцами изъ Забайкальской области. Дворовъ въ немъ 47, часовня, хлѣбный запасный магазинъ, почтовая станція и 3 конныхъ мельницы. Жителей 430 об. п. (214 м. п.), казаковъ. У нихъ во владѣніи 6740 дес., въ томъ числѣ подъ дѣйствительными посѣвами 236 дес., а именно: подъ ярицею 62 дес., яровою пшеницею 89, овсомъ 85. Скота казаки содержатъ: лошадей 330, (247 рабочихъ) рогатаго 357, (136 коровъ и 70 быковъ и воловъ), свиней 169.

2) *Никольскій* поселокъ, также на ровномъ берегу Амура, въ мѣстности нѣсколько лѣсистой, вер. 24 ниже предшедшаго. Зеселенъ въ 1858 г. переселенцами изъ Забайкалья. Дворовъ 29, часовня, хлѣбный магазинъ, почтовая станція и 8 конныхъ мельницъ. Жителей 211 (116 м. п.), казаковъ. Земли у нихъ 2730 дес., въ томъ числѣ подъ дѣйствительными посѣвами 180 дес., а именно: подъ ярицею 51 дес., яровою пшеницею 67 и овсомъ 62 дес. Скота казаки содержатъ: лошадей 270 (198 рабочихъ), рогатаго 160, (82 коровы, 11 быковъ), свиней 50.

3) *Винниковкій* поселокъ, на рч. Райчихѣ, недалеко отъ ея впаденія въ Амуръ, на открытой равнинѣ, заселенъ въ 1887 г. переселенцами изъ Раддевскаго станичнаго округа. Дворовъ 6, жителей 43 (26 м. п.), казаковъ. Особаго земельнаго отвода поселокъ не имѣетъ; подъ дѣйствительнымъ посѣвомъ у него 40 дес., въ томъ числѣ подъ ярицей 14 дес., яровою пшеницей 13, овсомъ 12, ячменемъ 1. Скота крестьяне держатъ: лошадей 32, (26 рабочихъ), рогатаго скота 32 (14 коровъ, 6 быковъ), свиней 14.

4) *Асташинской* выселокъ, на правомъ берегу р. Буреи, въ мѣстности холмистой, вер. въ 18 отъ Никольскаго поселка, заселенъ въ 1879 г. переселенцами изъ ближайшихъ поселковъ. Дворовъ 27, часовня, хлѣбный магазинъ и 5 конныхъ мельницъ. Жителей 235 (124 м. п.), казаковъ. Земли въ ихъ владѣ-

ніи до 9200 дес. Подъ дѣйствительными посѣвами до 160 дес., а именно: ярицы 40, яровой пшеницы 56, овса 50, ячменя 2 и гречи 11 дес. Скота казаки содержатъ: лошадей 184 (129 рабочихъ), рогатаго 242 (79 коровъ, 74 быковъ и воловъ), свиней 64.

5) *Скобельцынский* поселокъ на Амурѣ, при сліяніи съ нимъ Буреи, въ мѣстности лѣсистой, въ 25 вер. отъ Никольскаго поселка. Основанъ въ 1858 г. переселенцами изъ Забайкалья. Дворовъ 16, хлѣбный магазинъ, почтовая станція и мельница. Жителей 102 (54 м. п.), казаковъ. Земли у нихъ въ отводѣ 2800 дес. Изъ нихъ подъ дѣйствительными посѣвами 56 дес., въ томъ числѣ подъ ярицею 17 дес., яровою пшеницею 16, овсомъ 21, ячменемъ до 2 дес. Скота крестьяне содержатъ: лошадей 90 (65 рабочихъ), рогатаго 150, (49 коровъ, 41 быкъ и волъ), свиней 21.

6) *Иннокентьевская* станица, на Амурѣ, въ лѣсистой мѣстности, въ 222 вер. отъ Благовѣщенска и вер. въ 20 отъ Скобельцина. Основана въ 1858 г. переселенцами изъ Забайкалья. Дворовъ 51, церковь, станичное правленіе, школа съ 50 учащимися, хлѣбный, оружейный и соляной магазины, питейное заведеніе, 2 лавки, почтовая и телеграфная станція. Жителей 304 (164 м. п.), казаковъ. Земель у нихъ въ отводѣ 16200 дес. Подъ дѣйствительными посѣвами 132 дес., въ томъ числѣ подъ ярицею 53 дес., яровою пшеницею 42, овсомъ 37 дес. Садикъ имѣется только при одномъ дворѣ. Скота крестьяне держатъ: лошадей 182 (141 рабочихъ), рогатаго 270 (121 корова, 54 быковъ и воловъ), свиней 22.

7) *Михайловскій* поселокъ на Амурѣ, немного ниже впаденія въ него Хара (Бирара), въ 18 вер. отъ станицы, въ лѣсистой мѣстности. Основанъ еще въ 1858 г. переселенцами изъ Забайкалья. Дворовъ 19, часовня, хлѣбн. магазинъ, почтовая станція и конная мельница. Жителей 174 (87 м. п.), казаковъ. Земель у нихъ въ отводѣ 12530 дес. Подъ дѣйствительными посѣвами 86 дес., въ томъ числѣ подъ ярицею 30 дес., яровою пшеницею 31 дес., овсомъ 25. Скота казаки содержатъ: лошадей 158 (111 рабоч.), рогатаго скота 161 (78 коровъ, 11 быковъ и воловъ), свиней 2.

8) *Касаткинскій* поселокъ, на Амурѣ, близъ устья р. Ганукана, въ 31 вер. ниже предшедшаго. Основанъ еще въ 1858 г. переселенцами изъ Забайкалья. Дворовъ 13, часовня, хлѣбный магазинъ, почтовая станція и 3 мельницы. Жителей 112 (61 м. п.), казаковъ. У нихъ земли въ отводѣ 16100 дес., изъ коихъ подъ дѣйствительными посѣвами 76 дес., въ томъ числѣ ярицы

28, яровой пшеницы 24, овса 24 дес. Скота казаки содержатъ: лошадей 148 (103 рабочихъ), рогатаго 164 (73 коровы, 5 быковъ), свиней 12.

9) *Сагибовскій* поселокъ, на Амурѣ, 27 вер. ниже Касаткинскаго, въ мѣстности лѣсистой. Основанъ еще въ 1858 г. переселенцами изъ Забайкалья. Дворовъ 10, часовня, школа съ 5 учен., хлѣбный магазинъ, почтовая станція и 2 конныя мельницы. Жителей 81 (43 м. п.), казаковъ. Земли у нихъ 1850 дес. Изъ нихъ въ дѣйствительномъ посѣвѣ 53 дес., а именно: подъ ярицей 17 дес., яровою пшеницей 22 дес., овсомъ 14 дес. Казаки держатъ скота: лошадей 40 (17 рабочихъ), рогатаго 61, (23 коровы, 18 быковъ и воловъ), свиней 6.

10) *Пашковскій* поселокъ, на Амурѣ, при устьѣ р. Хингана, въ гористой мѣстности, вер. въ 20 ниже Сагибовскаго. Основанъ въ 1858 г. переселенцами изъ Забайкалья. Дворовъ 23, часовня, хлѣбный магазинъ, почт. станція, питейное заведеніе, торговая лавка, 1 водяная и 2 конныя мельницы. Жителей 198 (86 м. п.), казаковъ. Земли у нихъ 3910 дес., изъ нихъ подъ дѣйствительными посѣвами 103 дес., въ томъ числѣ: ярицы 32, яровой пшеницы 33 и овса 38 дес. Скота казаки содержатъ: 195 лошадей (144 рабочихъ), рогатаго 196 (60 коровъ и 56 быковъ и воловъ), свиней 51.

Во всѣхъ 10 поселкахъ округа дворовъ 241. Построены они изъ строевого лѣса: сосноваго, и отчасти лиственичнаго и осиноваго. Сосновый и лиственичный лѣсъ рубится въ казенныхъ дачахъ по Зеѣ, Буреѣ, Бирару и Хингану и сплавляется оттуда, осиновый въ отведенныхъ казакамъ округа обширныхъ лѣсныхъ дачахъ, откуда получаются и дрова сосновыя и березовыя. Крыши дѣлаются изъ теса и драни. Кирпичъ выдѣлывается изъ мѣстной глины, но идетъ только на печи. Всѣ селенія округа построены просторно, пожаровъ въ нихъ не бывало. Жителей въ округѣ 1890 (975 м. п.), исключительно казаковъ Амурскаго коннаго полка. На 1000 мужчинъ въ округѣ приходится 938 женщинъ, пропорція довольно близкая къ средней между казаками области. Въ рабочемъ возрастѣ 501 м. и 485 ж., такъ что рабочій возрастъ составляетъ 59% всего населенія, высшій процентъ во всей области. Всѣхъ брачныхъ паръ въ округѣ 331, изъ нихъ въ рабочемъ возрастѣ 277. На тягло приходится $3^1/_2$ м. п.—также самая высшая пропорція въ области. На дворъ д. об. п. 7,8, а работниковъ болѣе 2-хъ.

Земли въ отводѣ у казаковъ округа свыше 70000 дес., что составитъ на д. м. п. по 72 дес., надѣлъ громадный, но состоящій большею частью изъ лѣсовъ, въ которыхъ мѣста

для пашни и покосовъ могутъ быть образуемы только путемъ росчистей. Подъ дѣйствительными посѣвами у казаковъ округа только 1100 дес., то-есть 1,1 дес. на душу м. п., на тягло 4 дес., на дворъ 4,7 дес. Подъ ярицею 323 дес., съ которыхъ получено въ 1893 г. 23 тыс. пуд.; урожай этотъ соотвѣтствуетъ среднему. Подъ яровою пшеницею 393 дес., давшихъ въ 1893 г. 30 тыс. пуд.—урожай средній. Подъ овсомъ 370 дес., давшихъ въ 1893 г. до 30 тыс. пуд.—урожай также соотвѣтствующій среднему. Подъ ячменемъ было до 5 дес., давшихъ 450 пуд. Подъ гречею 11 дес., давшихъ 60 четв. Пищевого хлѣба (ржи и пшеницы), за сѣмянами, остается болѣе 45000 пуд., по 24 пуд. на душу об. п., слѣдовательно есть избытокъ. Посѣвовъ льна и конопли нѣтъ, бахчеводство неразвито. Огородничество не превосходитъ размѣровъ домашняго потребленія: разводится картофель, капуста, огурцы, рѣдька, брюква. Садоводство совсѣмъ неразвито.

Скотоводство находится въ достаточномъ развитіи. Лошадей содержатъ до 1630 (рабочихъ 1180). Такимъ образомъ рабочихъ лошадей на взрослаго работника приходится 2,4, всѣхъ лошадей на дворъ около 7. Рогатаго скота 1880, въ томъ числѣ коровъ 715, а быковъ и воловъ 347; они употребляются и какъ рабочая сила; на дворъ всего рогатаго скота приходится около 8 головъ. Свиней въ округѣ содержатъ 350, овцеводства совсѣмъ не существуетъ.

Охотою на разныхъ дикихъ звѣрей казаки занимаются вслѣдствіе близости лѣсовъ, но большею частью лишь для своего употребленія. Рыболовство же для казаковъ служитъ промысломъ: осенью неводами, а весною снастями, при чемъ организуются и артели. Ремесла мало развиты; ремесленники (печники, столяры и кузнецы) имѣются только въ окружной станицѣ.

15) *Раддевскій станичный округъ.*

Округъ этотъ, начинаясь за устьемъ р. Хингана, занимаетъ всю русскую сторону долины или ущелья, по которому Амуръ пробивается черезъ Буреинскій хребетъ или Малый Хинганъ на протяженіи 130 верстъ. При узкости этой долины на ней могло пріютится только 4 поселка, которые и составляютъ Раддевскій станичный округъ, а именно:

1) *Сторожевской* поселокъ, на Амурѣ, находится всего только въ 15 вер. ниже послѣдняго поселка Иннокентьевскаго станичнаго округа—Пашковскаго. Заселенъ въ 1860 г. пересе-

ленцами изъ Забайкалья. Дворовъ 41, часовня, хлѣбн. магазинъ, почт. станція, 3 водяныя мельницы. Жителей 261 (143 м. п.), казаковъ. Земли у нихъ 742 дес., въ томъ числѣ усадебной 26, покосной 500 дес., пахатной съ залежами 216. Подъ дѣйствительными посѣвами 156 дес., а именно: ярицы 49 дес., яровой пшеницы 40, овса 42, ячменя 2, гречихи 23 дес. Скота казаки содержатъ: лошадей 223 (171 рабочихъ), рогатаго 210 (110 коровъ, 62 быковъ и воловъ), свиней 48, овецъ 3.

2) *Башуровскій* поселокъ, въ 8 вер. отъ предшедшаго, на рч. Волчьей, въ 1 вер. отъ ея впаденія въ Амуръ, на ровномъ мѣстѣ. Заселенъ въ 1874 г. переселенцами изъ упраздненной станицы Помпеевки и отчасти изъ Раддевки. Дворовъ 20, хлѣбный магазинъ и 2 водяныя мельницы. Жителей 167 (92 м. п.), казаковъ. У нихъ земли 604 дес., изъ нихъ подъ усадьбами и выгонами показано 368 дес., покосами 108, пашнями 128 дес. Въ дѣйствительномъ посѣвѣ 108 дес., а именно ярицы 39 дес., яровой пшеницы 30, овса 24, ячменя 2 и гречихи 13 дес. Скота казаки содержатъ: лошадей 170 (рабочихъ 128), рогатаго 168 (97 коровъ, 21 быковъ и воловъ), свиней 42.

3) Станица *Раддевка*, на Амурѣ, въ 21 вер. отъ Сторожевской, у подошвы горы. Заселена въ 1857 и 1888 г. переселенцами изъ Забайкальской области и названа въ честь извѣстнаго путешественника Г. И. Радде, избравшаго это мѣсто для поселка. Станица подвергается иногда наводненіямъ, затопляющимъ не только ея покосы и поля, но и часть станицы. Дворовъ 65, церковь, школа съ 52 учащимися, станичное правленіе, хлѣбный магазинъ, арсеналъ, соляная стойка, питейное заведеніе съ ренсковымъ погребомъ, 4 лавки, 11 водяныхъ и 2 конныхъ мельницъ, почтовая и телеграфная станціи. Жителей 498 (289 м. п.), казаковъ. Земли у нихъ 1906 дес., изъ коихъ показано подъ усадьбами и выгонами 78, подъ покосами 1400 дес., подъ пашнями и залежами 428 дес. Въ дѣйствительномъ посѣвѣ: 312 дес., а именно: ярицы 87, яровой пшеницы 82, овса 108, ячменя 7 и гречихи 28. Скота у казаковъ: лошадей 440 (338 рабочихъ), рогатаго 438 (236 коровъ и 53 быковъ и воловъ), свиней 161, овецъ 4.

4) *Маріинскій* выселокъ, на Амурѣ, въ 12 вер. ниже станицы. Заселенъ въ 1873 переселенцами изъ Раддевки. Дворовъ 6, водяная мельница. Жителей 41 (22 м. п.), казаковъ. Земли у нихъ въ непосредственномъ пользованіи 165 дес., изъ коихъ показано подъ усадьбами и выгонами 86 дес., покосами 50, пашнями 29 дес. Подъ посѣвами 30 дес., а именно: ярицы 8, яровой пшеницы 7, овса 9, ячменя 1 и гречихи 4 дес. Скота ка-

заки содержатъ: лошадей 34 (26 рабочихъ), рогатаго (10 коровъ, 1 быкъ), свиней 4.

Ниже по Амуру, въ предѣлахъ станичнаго округа, находятся еще двѣ почтовыя станціи, принадлежащія къ Раддевскому округу, а именно: *Дичунъ*, въ 20 вер. ниже станицы и *Помпеевка*, въ 25 вер. вьючнымъ и 22 зимнимъ путемъ отъ Дичуна. Въ этихъ двухъ станціяхъ живутъ только лица, занимающіяся почтовою гоньбою и числящіяся въ населеніи Раддевской станицы.

Въ 4 поселкахъ округа дворовъ 131. Постройки выстроены изъ прекраснаго кедроваго, лиственичнаго и еловаго лѣса, церковь и часовня изъ кедроваго лѣса. Крыты строенія тесомъ, берестою и дранью. Селенія построены просторно, съ разстояніемъ между домами въ 20 саж. Пожаровъ не бывало.

Жителей 962 (514 м. п.), казаковъ, пѣшаго Амурскаго батальона. На 1000 мужчинъ приходится 938 женщинъ. Въ рабочемъ возрастѣ 219 мужчинъ и 208 женщинъ, такъ что рабочій возрастъ составляетъ болѣе 44% всего населенія—пропорція изъ меньшихъ въ области. Брачныхъ паръ 173. На тягло приходится по 2,9 д. м. п. На дворъ немного болѣе 7 д. об. п., работниковъ 1,7

Земли въ пользованіи у казаковъ округа 3436 дес., что составляетъ менѣе 7 дес. на душу м. п. Такой сравнительно малый надѣлъ объясняется тѣснотою Амурской долины. Въ числѣ земли показано: усадебной съ выгонами до 560 дес., покосной 2060, пахатной къ залежами 800 дес. Подъ посѣвами 607 д., что составитъ на душу м. п. 1,2 дес., на тягло 3,6, на дворъ 4,8 дес., т.-е. не менѣе, чѣмъ во многихъ другихъ казачьихъ округахъ. Подъ ярицею было 183 дес., давшихъ въ 1893 г., 4600 пуд., дающихъ же обыкновенно 3700 пуд. Подъ яровою пшеницею 160 десят., давшихъ въ 1893 г. 4800, а обыкновенно дающихъ 4000 пуд. Подъ овсомъ 183 дес., давшихъ въ 1893 г. до 6600 пудовъ, что соотвѣтствуетъ среднему урожаю. Такимъ образомъ пищевого хлѣба за сѣмянами остается до 4200 пуд., что составитъ только по $4^1/_2$ пуд. на жителя, т.-е. хлѣба не достаетъ на мѣстное потребленіе. Ячменя въ посѣвѣ было 12 дес., давшихъ въ 1891 г. 600 пуд., а обыкновенно дающихъ еще менѣе. Гречихи было въ посѣвѣ 68 дес., давшихъ болѣе 2700 пуд., что и соотвѣтствуетъ среднему урожаю. Бахчеводства не существуетъ. Огородничествомъ занимаются для собственнаго потребленія. Разводятъ картофель, огурцы, капусту, рѣдьку, рѣпу и марковь. Садоводства также нѣтъ.

Скота казаки держатъ: лошадей 865 (863 рабочихъ). Рабочихъ лошадей приходится на взрослаго работника болѣе 3. Всѣхъ лошадей на дворъ $6^1/_2$. Рогатаго скота 853 головы, т.-е. также по $6^1/_2$ на дворъ. Изъ нихъ коровъ 470, да быковъ и воловъ 140, увеличивающихъ рабочую силу населенія. Свиноводство развито. Свиней въ округѣ 255. Овцеводства почти совсѣмъ не существуетъ; въ 1893 г. въ округѣ было только 7 овецъ. Охотою многіе казаки Раддевскаго округа занимаются въ сосѣднихъ горахъ: добываютъ дикихъ козъ, изюбрей и кабановъ; мясо ихъ идетъ въ пищу, а кожи на мѣстное употребленіе. Рыболовствомъ занимаются цѣлыми артелями въ сентябрѣ мѣсяцѣ во время хода кэты. Рыба идетъ на собственное потребленіе, такъ что охотою и рыболовствомъ населеніе округа отчасти дополняетъ недостатокъ хлѣбнаго производства.

16) *Екатерино-Никольскій станичный округъ.*

Округъ этотъ занимаетъ земли по Амуру, непосредственно за его прорывомъ черезъ Буреинскій хребетъ. Изъ 5 поселковъ, составляющихъ округъ, три расположены на р. Амурѣ, а два въ бассейнѣ р. Самары, впадающей въ Амуръ. Тамъ же находится и еще одна заимка, входящая въ составъ округа, а на Амурѣ три, принадлежащія къ нему, почтовыя станціи. Наконецъ, къ округу причисляется еще и селеніе Благословенное на Амурѣ, населенное корейцами, переселившимися сюда изъ Кореи (съ береговъ залива Посьета).

Поселки округа слѣдующіе:

1) Поселокъ *Союзный*, расположенъ какъ-разъ при выходѣ Амура изъ ущелья Буреинскаго хребта, въ 18 вер. отъ второй станціи Екатерино-Никольскаго округа (Поликарповки) и 18 вер. въ 18 выше окружной станицы Екатерино-Никольской. Поселокъ заселенъ въ 1860 г. переселенцами изъ Забайкалья. Дворовъ въ немъ 46, часовня, 2 хлѣбныхъ магазина и 5 водяныхъ мельницъ. Жителей 415 (210 м. п.), казаковъ. Земли у нихъ 9600 дес., изъ коихъ показано усадебной и выгоновъ 8750 дес., покосовъ 470, пашни 380 дес. Подъ посѣвами 276 дес., а именно: ярицы 102 дес., яровой пшеницы 70 дес., овса 57 дес., ячменя 4, гречихи 44. Садики имѣются при 10 дворахъ. Скота у казаковъ: лошадей 462 (350 рабочихъ), рогатаго 390 (203 коровы, 37 быковъ и воловъ), свиней 178.

2) Станица *Екатерино-Никольская*, на Амурѣ, ниже Союзнаго въ 18 вер., отъ Хабаровки въ 362 вер. Заселена въ

1858 г. переселенцами изъ Забайкалья и названа въ честь супруги генералъ-губернатора, впослѣдствіи графа Муравьева-Амурскаго. Дворовъ въ станицѣ 383, церковь, двѣ школы съ 20 учащимися, станичное правленіе, 2 хлѣбныхъ магазина, 2 соляныя стойки, оружейный складъ, питейное заведеніе, три лавки. Жителей 1193 (605 м. п.), казаковъ. Земли у нихъ до 5800 дес., въ томъ числѣ показано: усадебной и выгоновъ 3440 дес., покосовъ 1000, пахатной съ залежами 1350 дес. Подъ посѣвами 900 дес., въ томъ числѣ: ярицы 255, яровой пшеницы 252, овса 260, ячменя 11 дес., гречихи 125 дес. Въ станицѣ имѣются три сада (при церкви и двухъ дворахъ), но и почти у всѣхъ остальныхъ дворовъ имѣются небольшіе садики. Скота у казаковъ: лошадей 1130 (840 рабочихъ), рогатаго 1510 (493 коровъ и 346 быковъ и воловъ), свиней 560.

3) *Пузиновскій* поселокъ, на ровномъ берегу Амура, въ 18 вер. ниже окружной станицы. Заселенъ въ 1858 г. переселенцами изъ Забайкалья. Дворовъ 72, часовня, школа съ 29 учащимися. Жителей 547 (287 м. п.), казаковъ. У нихъ земли 2070 дес., въ томъ числѣ значится: усадебной съ выгономъ 1406, покосной 145, полевой съ залежами 520 дес. Подъ посѣвами 420 дес., а именно: ярицы 140 дес., яровой пшеницы 98, овса 116, ячменя 11, гречихи 52, конопли 2 дес. Садъ имѣется при одномъ дворѣ, а при остальныхъ уже разводятся молодые садики. Скота казаки держатъ: лошадей 660 (455 рабочихъ), рогатаго скота 735 (437 коровъ, 4 быка), свиней 195, овецъ 53.

4) Поселокъ *Самарскій*, на ровномъ берегу р. Самары. Заселенъ въ 1872 г. изъ уничтоженныхъ селеній: Нагибовскаго и Добринскаго и отчасти изъ Пузиновскаго поселка. Дворовъ 28, часовня, хлѣбный магазинъ и 2 конныя мельницы. Жителей 241 (120 м. п.), казаковъ. У нихъ земли 640 дес., изъ коихъ показано: усадебной съ выгонами 310 дес., покосной 200, пахатной съ залежами 230 дес. Подъ посѣвами 200 дес., а именно: ярицы 70, яровой пшеницы 38, овса 50, ячменя 3, гречихи 37. Молодые садики имѣются при каждомъ дворѣ. Скота у казаковъ 280 (200 рабочихъ), рогатаго 276 (150 коровъ и 12 быковъ и воловъ), 60 свиней и 7 овецъ.

5) Выселокъ *Столбовскій*, на рч. Столбовой, впадающей въ Самару, основанъ въ 1872 г. выходцами изъ станицъ Раддевской, Екатерино-Никольской и поселка Союзнаго. Дворовъ 23, хлѣбный магазинъ и 3 водяныя мельницы. Жителей 198 (107 м. п.), казаковъ. У нихъ земли до 630 дес., изъ коихъ значится: усадебной съ выгономъ 235 дес., покосовъ 185, пашни съ залежами 216 дес. Подъ посѣвами 175 дес., а именно:

ярицы 60, яровой пшеницы 48, овса 43, ячменя 4, гречихи 19, конопли 1 дес. При всѣхъ дворахъ имѣются садики. Скота у казаковъ: лошадей 200 (160 рабочихъ), рогатаго 236 (80 коровъ, 56 быковъ и воловъ) свиней 50.

При ключѣ, впадающемъ въ Самару въ 12 вер. отъ станицы, при мельницѣ, находится заимка Благовѣщенскаго мѣщанина *Чернявскаго*. Она состоитъ изъ 1 двора и 11 жит. (7 м. п.). При заимкѣ 20 дес. земли, заарендованной у Войскового Правленія.

Къ округу принадлежатъ еще и 3 почтовыя станціи. Двѣ изъ нихъ находятся въ Хинганскомъ ущельѣ: *Хинганская* въ 40 вер. выше Союзовскаго поселка и *Поликарповская* въ 18 вер. выше того же поселка. Третья станція, *Добринская*, обозначаетъ предѣлъ округа внизъ по Амуру, такъ какъ она находится уже только въ 21 вер. выше Венцелевскаго поселка Михайло-Семеновскаго станичнаго округа.

Наконецъ, въ вѣдѣніи Екатерино-Никольскаго станичнаго управленія состоитъ и расположенное при впаденіи р. Самары въ Амуръ обширное корейское селеніе *Благословенное* (съ 368 двор. и 1088 жит.), которое уже было разсмотрѣно нами выше, при обзорѣ инородческаго населенія области.

Во всемъ станичномъ округѣ, за исключеніемъ селенія Благословеннаго, не относящагося до настоящей главы, дворовъ 386. Выстроены они изъ кедроваго, пихтоваго и еловаго лѣса, который рубится въ Хинганѣ, такъ какъ округу лѣсныхъ дачъ не отмежевано. Только 5 строеній въ Екатерино-Никольской станицѣ построены на каменныхъ фундаментахъ. Камень ломается въ станичныхъ ломкахъ. Печи дѣлаются изъ кирпича, изготовленнаго самими жителями изъ мѣстной глины, крыши изъ теса, драни и бересты. Поселки вообще построены просторно, кромѣ окружной станицы. Пожары очень рѣдки; въ 1893 г. былъ однакоже пожаръ въ станицѣ Екатерино-Никольской, отъ котораго сгорѣлъ амбаръ и сарай.

Жителей въ округѣ 2605 (1342 м. п.), казаковъ пѣшаго полубатальона, сформированнаго при занятіи Амура изъ бывшихъ заводскихъ крестьянъ Нерчинскаго горнаго округа, переселенныхъ изъ Забайкалья. На 1000 мужчинъ въ округѣ приходится 942 женщины. Въ рабочемъ возрастѣ 636 мужчинъ и 585 женщинъ, такъ что рабочій возрастъ составляетъ 47% всего населенія. Брачныхъ паръ 495, изъ нихъ 462 въ рабочемъ возрастѣ. На тягло приходится немного менѣе 3 д. м. п.; на дворъ менѣе 7 жит. об. п., а работниковъ 1,7.

Земель въ пользованіи казаковъ округа 18850 дес., на душу

м. п. по 14 дес. Впрочемъ настоящихъ нарѣзокъ земли казакамъ этого округа еще не обмежевано, вслѣдствіе чего лѣсныхъ площадей въ отводѣ у казаковъ округа совсѣмъ нѣтъ. Въ числѣ упомянутыхъ земель значится: усадебныхъ земель съ выгонами 14150 дес., покосовъ до 2000, пахатной съ залежами до 2700 дес. Подъ посѣвами 1976 дес., слѣдовательно, приходится на душу м. п. около $1^1/_2$ дес., на тягло 4,3, на дворъ 5,1 дес. Подъ посѣвами: ярицы 627 дес., давшихъ въ 1893 г. 14 тыс. пуд., а обыкновенно дающихъ 23400 пуд. Яровой пшеницы 505 дес., давшихъ въ 1893 г. 5 тыс. пуд., но дающихъ обыкновенно до 21000 пуд. Овса 526 дес., давшихъ въ 1893 г. 19600 пуд., что соотвѣтствуетъ среднему урожаю. Ячменя 34 дес., давшихъ въ 1893 г. 850 пуд., а обыкновенно дающихъ 1120 пуд. Гречихи 276 десятинъ, давшихъ въ 1893 г. 8350 пуд., а обыкновенно дающихъ 4500 пуд. Пищевого хлѣба (ржи и пшеницы) округъ обыкновенно производитъ, за сѣмянами, 34 тыс. пуд., что составитъ на душу об. п. 13 пуд., т.-е. количество, невполнѣ обезпечивающее мѣстное продовольствіе. Бахчеводства не существуетъ. Льна въ округѣ совсѣмъ не разводится. Конопли немного, а именно: въ 1893 г. было 8 дес., давшихъ 33 пуд. волокна и 220 пуд. сѣмяни. Огородничество существуетъ только для мѣстнаго потребленія. Сажаютъ огурцы, капусту, рѣдьку, морковь и картофель. Садоводство находится только начинаетъ еще развиваться.

Скотоводство идетъ успѣшно. Лошадей казаки округа держатъ 2750 (2000 рабочихъ), слѣдовательно рабочихъ лошадей на взрослаго работника болѣе 3; всѣхъ лошадей на дворъ 7. Рогатаго скота 3140, т.-е. по 8 штукъ на дворъ, изъ нихъ коровъ 1370, быковъ и воловъ 460. Свиноводство очень развито: свиней въ округѣ 1050. Овцеводства почти не существуетъ; во всемъ округѣ только 60 овецъ. Жители округа косятъ много сѣна на правомъ, китайскомъ, берегу Амура.

Охотою казаки занимаются: добываютъ дикую козу, изюбра, кабана, даже медвѣдя и тигра, а изъ птицъ бьютъ гусей, утокъ, фазановъ и тигровъ. Шкуры медвѣдя и тигра служатъ предметомъ сбыта. Для рыбной ловли казаки округа снаряжаютъ свои артели, добываютъ осетра, калугу и красную рыбу. Рыба ловится преимущественно на правомъ берегу Амура.

16) *Михайло-Семеновскій станичный округъ.*

Округъ этотъ занимаетъ земли по Амуру ниже Екатерино-Никольскаго округа отъ Венцелевскаго поселка до предѣловъ

области. 11 поселковъ округа тянутся вдоль Амура верстъ на 120, а далѣе замѣняются почтовыми станціями, такъ какъ ниже Головинскаго поселка разливы рѣки не позволяютъ селиться на Амурскомъ прибрежьи. Вотъ перечень поселковъ Михайло-Семеновскаго округа.

1) *Венцелевскій* поселокъ расположенъ въ Амурской долинѣ, у подножья горы, на рч. Венцелевкѣ, впадающей въ Биджанъ. Поселокъ основанъ въ 1858 г. переселенцами изъ Забайкалья и стоялъ прежде на самомъ берегу Амура, но, пострадавъ сильно отъ наводненія въ 1863 г., перенесенъ на нынѣшнее мѣсто, болѣе высокое и вполнѣ безопасное. Дворовъ 94, церковь, школа съ 62 учащимися, 2 хлѣбн. магазина, мелочная лавка, 1 водяная, 2 конныя мельницы почт. станція. Жителей 758 (390 м. п.), казаковъ. Земли у нихъ въ отводѣ до 10000 дес., а въ дѣйствительномъ пользованіи 3075 дес., въ томъ числѣ усадебной и выгоновъ 614, сѣнокосной 1540, пахатной 670 дес. Подъ посѣвами: ярицы 182 дес., пшеницы яровой 157, овса 193, ячменя 6 и гречихи 132. Сады есть при 6 дворахъ. Скота казаки держатъ: лошадей 700 (554 рабочихъ), рогатаго 1020 (700 коровъ), свиней 317, овецъ до 80.

2) *Квашнинскій* поселокъ, на р. Биджанѣ, впадающей въ Амуръ въ 18 вер. ниже предшедшаго. Въ 1858 г. основанъ переселенцами изъ Забайкалья на берегу Амура, но въ 1862 г., вслѣдствіе бѣдственныхъ наводненій, перенесенъ на нынѣшнее мѣсто. Дворовъ 66, часовня, хлѣбн. магазинъ, 2 конныя мельницы, почт. станція. Жителей 473 (255 м. п.), казаковъ; изъ нихъ 2 семейства старовѣровъ. Земли въ отводѣ Квашнинскаго и слѣдующаго Дежневскаго до 6600 дес., а въ дѣйствительномъ пользованіи Квашнинскаго 750, а именно: подъ усадьбой и выселкомъ 160, покосами 270, пахшнями 320. Подъ посѣвами: ярицы 108, пшеницы яровой 53, овса 91, ячменя 10, гречихи 55. Садики имѣются при 3 дворахъ. Скота казаки содержатъ: лошадей 460 (325 рабочихъ), рогатаго 380 (180 коровъ), свиней 220.

3) *Дежневскій* поселокъ, въ Амурской долинѣ, на ровномъ мѣстѣ, вер. въ 4 отъ предшедшаго. Выселился въ 1862 году изъ прежняго Квашнинскаго селенія, бывшаго на Амурѣ. Дворовъ 22; жителей 157 (90 м. п.), казаковъ; изъ нихъ 2 семейства старовѣровъ. Земли въ отводѣ Дежневскому поселку показаны выше съ Квашнинскимъ, въ дѣйствительномъ же его пользованіи находится 230 дес., въ томъ числѣ усадебной съ выгономъ 60, а полевой 170. Въ посѣвѣ: ярицы 70 дес., пшеницы яровой 22, овса 46, ячменя 3, гречихи 28. Скота у

жителей: лошадей 175 (112 рабочихъ), рогатаго 240 (160 коровъ), свиней 111.

4) *Биджанскій* поселокъ, по р. Биджанкѣ, вверхъ въ 30 вер. отъ Амура. Заселенъ въ 1873 г. изъ бывшихъ приамурскихъ станицъ Венцелевой и Доброй. Дворовъ 42, часовня, 2 хлѣбныхъ магазина, 3 конныхъ мельницы. Жителей 366 (204 м. п.), казаковъ. Земли въ отводѣ 4230, а въ дѣйствительномъ пользованіи 950 дес., изъ коихъ показано усадебной съ выгономъ 360, покосовъ 380 и пахатной 290. Подъ посѣвами: ярицы 73, пшеницы яровой 85, овса 92, ячменя 10, гречихи 55 дес. Садики имѣются при 4 дворахъ. Скота у казаковъ: лошадей 360 (270 рабочихъ), рогатаго 580 (въ томъ числѣ коровъ 390 дес.), свиней 224, овецъ 150.

5) *Новый* поселокъ, на протокѣ Амура, въ 3 вер. отъ Амура, въ 26 вер. ниже Квашнинскаго поселка. Заселенъ въ 1869 г. переселенцами изъ Забайкалья, къ которымъ приселялись въ 1870—77 гг. переселенцы изъ другихъ поселковъ. Дворовъ 25, часовня, хлѣб. магазинъ, почт. станція и конная мельница. Жителей 210 (107 м. п.), казаковъ. У нихъ въ отводѣ 2830 дес., а въ дѣйствительномъ пользованіи 930, изъ коихъ считается подъ усадьбами и выгонами 150, покосами 336, пашнями 146. Подъ посѣвами: ярицы 53, пшеницы яровой 21, овса 37, ячменя 7 и гречихи 28 дес. Скота казаки держатъ: лошадей 140 (100 рабочихъ), рогатаго 340 (127 коровъ), свиней 224, овецъ 150.

6) *Кукелевскій* поселокъ, на разливѣ, въ Амурской долинѣ, вер. въ 16 ниже предшедшаго. Былъ основанъ Забайкальскими переселенцами въ 1858 г. на берегу Амура, но послѣ разрушительныхъ наводненій былъ перенесенъ на нынѣшнее свое мѣсто, удержавъ свое названіе въ честь ген. Кукеля, бывшаго начальникомъ штаба при двухъ генералъ-губернаторахъ (Муравьевѣ и Карсаковѣ). Дворовъ 41, часовня, хлѣбный магазинъ, водяная и 4 конныя мельницы. Жителей 335 (189 м. п.), казаковъ. Земли въ отводѣ 4720 дес., въ дѣйств. пользованіи 1840, въ томъ числѣ усадебной и выгоновъ 684, покосной 670, пахатной 363. Подъ посѣвами: ярицы 164, пшеницы яровой 84, овса 149, ячменя 4, гречихи 111. Сады имѣются при 4 дворахъ. Скота казаки содержатъ: лошадей 350 (266 рабочихъ), рогатаго 535 (коровъ 360), свиней 197, овецъ 84, козъ 12.

7) *Михайло-Семеновская* станица, на Амурѣ, вер. въ 12 ниже предшедшаго поселка, на открытой равнинѣ. Заселена еще въ 1858 г. переселенцами изъ Забайкалья и названа въ честь начальника тогдашняго сплава и основателя станицы, впослѣдствіи генералъ-губернатора Восточной Сибири Михаила Семе-

меновича Карсакова. Дворовъ въ станицѣ 86, церковь, школа съ 2 учителями и 56 учащимися, станичное правленіе, хлѣбный магазинъ, питейное заведеніе, 4 мелочныя лавки, водяная и 4 конныя мельницы, почтово-телеграфное управленіе. Жителей 655 (331 м. п.). Кромѣ 69 (32 м. п.) лицъ: духовенства, почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и мѣщанъ, всѣ остальные—казаки. Земли у нихъ въ отводѣ 8380 дес., а въ дѣйствительномъ пользованіи 1930, изъ коихъ усадебной и выгонной значится 624, покосной 990, пахатной 316. Подъ посѣвами: ярицы 93 дес., яровой пшеницы 56, овса 99, ячменя 3 и гречихи 63. Во всей станицѣ есть только 1 садикъ. Скота казаки содержатъ: лошадей 480 (367 рабочихъ), рогатаго 705 (382 коровы), свиней 161, овецъ 11.

8) Поселокъ *Воскресенскій*, на протокѣ Амура, у подножья горы, вер. въ 24 ниже станицы. Заселенъ еще въ 1858 году переселенцами изъ Забайкалья. Дворовъ 25, часовня, хлѣбн. магазинъ, почт. станція 3 конныя мельницы. Жителей 196 (106 м. п.) казаковъ. Земли у нихъ въ отводѣ 2320. Изъ нихъ числятся подъ усадьбою и выгонами 316, покосами 1720, пахатной 110. Подъ посѣвами: ярицы 40, яровой пшеницы 8, овса 29, гречихи 33. Скота жители содержатъ: лошадей 180 (126 рабочихъ), рогатаго 340 (155 коровъ), свиней 38, козъ 2.

9) *Степановскій* поселокъ, вер. въ 13 дальше внизъ по Амуру, на рч. Мариловчинѣ, на открытой равнинѣ. Заселенъ въ 1860 г. переселенцами изъ Забайкалья. Дворовъ 57, часовня, школа съ 30 учащимися, хлѣбный магазинъ, мелочная лавка, 2 водян. и 2 вѣтрян. мельницы, почтовая станція. Жителей 402 (198 м. п.), казаковъ. Земли у нихъ въ отводѣ 5120 дес., въ дѣйствительномъ пользованіи 1740. Въ числѣ ихъ усадебной съ выгонами 696 дес., покосовъ 716, пахатной 308. Подъ посѣвами: ярицы 94, яровой пшеницы 21, овса 121, ячменя 4, гречихи 68. Скота казаки держатъ: лошадей 345 (236 рабочихъ), рогатаго 465 (290 коровъ), свиней 75, овецъ 29.

10) *Головинскій* поселокъ, въ 18 вер. отъ предшедшаго, есть послѣднее сколько-нибудь, значительное казачье селеніе Амурской области на Амурѣ, такъ какъ ниже его, по дорогѣ въ Хабаровку, встрѣчаются уже только почтовыя станціи. Къ поселку этому принадлежатъ выселки *Луговской* и *Забѣловскій* и станція *Петровская*, составляющая съ ними одну общину. Заселенъ въ 1860 г. переселенцами изъ Забайкалья. Къ нимъ въ 1877 г. приселилось еще 5 семей. Дворовъ съ выселками Луговскимъ и Забѣловскимъ 60, церковь, школа съ 30 учащимися, 2 хлѣбн. магазина, 2 конныя мельницы, почтовая станція. Жителей съ

выселками Луговскимъ и Забѣловскимъ 541 (311 м. п.), казаковъ. Земли у нихъ въ отводѣ 5520 дес., въ дѣйствительномъ пользованіи 2860 дес., изъ нихъ усадебной съ выгонами 396, покосовъ 1020, пахатной 408. Подъ посѣвами было: ярицы 135, пшеницы яровой 7, овса 158, ячменя 1, гречихи 106. Скота казаки держатъ: лошадей 680, (510 рабочихъ), рогатаго 810 (540 коровъ), свиней 90, овецъ 111. Въ поселкѣ Луговскомъ всего только 9 дворовъ, а въ Забѣловскомъ 8, въ Петровской станціи 1 дворъ. При первоначальномъ поселеніи это были крупные поселки (отъ 30 до 40 дворовъ на берегу Амура), но наводненія заставили жителей разбрестись по разнымъ другимъ населеннымъ мѣстностямъ области, а нынѣ въ этихъ поселкахъ остались казаки, не занимающіеся земледѣліемъ, а только рыболовствомъ и поставкою дровъ для пристаней.

11) *Бабстовскій* поселокъ расположенъ совершенно въ сторонѣ отъ Амура, въ 23 вер. отъ окружной станицы, у подошвы горы. Заселенъ въ 1863 г. переселенцами изъ станицы Михайло-Семеновской и Кукелевскаго поселка. Дворовъ въ немъ 55, часовня, школа съ 28 учащимися, водяная и конная мельницы. Жителей 382 (199 м. п.), казаковъ. Земли у нихъ въ отводѣ 5600 дес., въ дѣйствительномъ пользованіи 1550. Изъ нихъ: усадебной съ выгонами 543, покосовъ 704, пахатной 400. Подъ посѣвами: ярицы 94, яровой пшеницы 90, овса 149, ячменя 5, гречихи 64. Скота казаки держатъ: лошадей 410 (275 рабочихъ), рогатаго 710 (350 коровъ, 60 быковъ), свиней 254, овецъ 158, козъ 14. На Бабстовской рѣчкѣ есть заимка *Вертопрахова* изъ 1 двора и 3 д. м. п. Она только что возникла въ 1893 г.

Остальные поселки округа, заимки и почтовыя станціи, находятся въ Амурской долинѣ гораздо ниже Головинскаго поселка. Изъ нихъ *Верхне-Спасская* состоитъ изъ 2 дворовъ, и имѣетъ 11 жителей (6 м. п.), а *Нижне-Спасская* 3 двора и 13 жителей (5 м. п.). Послѣдняя уже находится отъ Хабаровска въ 48 вер.

Во всѣхъ поселкахъ станичнаго округа дворовъ 597. Выстроены они изъ кедроваго, лиственичнаго и еловаго лѣса, сплавляемаго изъ буреинскихъ горъ по рѣкамъ Хингану и Биджану. Крыши дѣлаютъ изъ теса и бересты, печи изъ сырцеваго кирпича. Селенія построены просторно; пожаровъ въ нихъ не было.

Жителей въ округѣ 4612 об. п. (2400 м. п.); за исключеніемъ почтово-телеграфныхъ чиновниковъ и нѣсколькихъ мѣщанъ, почти всѣ казаки Амурскаго пѣшаго батальона, сформированнаго изъ бывшихъ горнозаводскихъ крестьянъ Нерчин-

скаго округа, переселенныхъ изъ Забайкалья. На 1000 мужчинъ приходится 880 женщ. Въ рабочемъ возрастѣ 1260 мужчинъ и и 1025 женщинъ, такъ что рабочій возрастъ составляетъ почти 50% всего населенія. Брачныхъ паръ въ рабочимъ возрастѣ 874, такъ что на тягло приходится $2^{3}/_{4}$ д. м. п. На дворъ около 8 д. об. п., а работниковъ 2,1.

Земель въ отводѣ у казаковъ округа 56940 дес., что составитъ на душу м. п. около 24 дес., но изъ нихъ въ дѣйствительномъ пользованіи не болѣе 18000 дес., то-есть 7,5 д. на душу м. п. Въ числѣ этихъ земель показано: подъ усадьбами и выгонами 4510 дес., подъ покосами 8370, подъ пашнями и залежами 4500 дес. Подъ посѣвами всего 3500 дес., на душу м. п. 1,5, на тягло 4,1, на дворъ болѣе 6 дес. Подъ ярицею 1047 дес., давшей въ 1893 г. 50000 пуд., что соотвѣтствовало среднему урожаю. Подъ яровою пшеницею 705 дес., давшей въ 1893 г. 33 тыс. пуд., что соотвѣтствовало среднему урожаю. Оба пищевые хлѣба (ярица и пшеница) даютъ за исключеніемъ сѣмянъ 68 тыс. пуд., слѣдовательно по 15 пуд. на душу об. п., количество, обезпечивающее народное продовольствіе. Овса въ посѣвѣ въ округѣ 1070 дес., давшихъ въ 1893 г. до 36 тыс. пуд., что составляетъ обыкновенный урожай. Подъ ячменемъ было 55 дес., давшихъ въ 1893 г. до 2 тыс. пуд., что приблизительно соотвѣтствуетъ среднему урожаю. Гречихи въ посѣвѣ 742 десят., давшихъ въ 1893 г. 28 тыс. пуд., что и соотвѣтствуетъ среднему урожаю. Бахчеводства въ округѣ совсѣмъ нѣтъ, огородничество существуетъ только для мѣстнаго потребленія. Сажаютъ картофель, огурцы, капусту, рѣпу, рѣдьку, морковь. Льна и конопли не разводятъ. Садоводство начинаетъ только развиваться. Въ возникающихъ садахъ сажаютъ: дикія груши (Pyrus ussuriensis), яблони, черемуху, виноградъ и крупную смородину.

Скотоводство имѣетъ достаточное развитіе. Лошадей казаки округа содержатъ 4340 (3180 рабочихъ). Такимъ образомъ на взрослаго работника приходится почти $3^{1}/_{2}$ рабочей лошади, а всѣхъ лошадей на дворъ болѣе 7. Рогатаго скота 6200, то-есть болѣе 10 штукъ на дворъ, въ томъ числѣ коровъ 3640; быками и волами, какъ рабочею силою, пользуются въ немногихъ селеніяхъ. Свиноводство очень развито; свиней содержатъ 1720, козъ нѣсколько десятковъ. Овцеводство слабо развито, но все-таки болѣе, чѣмъ въ другихъ казачьихъ округахъ ниже Благовѣщенска, а именно: овецъ содержатъ 734.

Охотою жители округа занимаются; охотятся на дикихъ козъ, кабановъ, изюбрей, лосей и медвѣдей, а также на

птицъ, преимущественно водяныхъ (гусей и утокъ), отчасти для собственнаго потребленія, отчасти для сбыта въ Хабаровскъ. Рыболовствомъ занимаются артелями, семейно и одиночно на Амурѣ, его протокахъ и на р. Биджанѣ. Рыбная ловля производится посредствомъ засѣкъ и неводовъ преимущественно осенью. Въ это время ловятъ идущую кверху кэту, а также осетра, калугу, тайменя и вообще красную рыбу. Въ обыкновенное же время ловятъ карася, леща и щуку для собственнаго потребленія.

Станичные округа и волости Амурской области, по мѣсту своего нахожденія и отчасти по составу своего населенія, могутъ быть соединены въ три главныя группы. Къ первой изъ нихъ, *Верхне-Амурской*, относимъ мы пять станичныхъ округовъ, расположенныхъ вдоль Амура отъ сліянія Шилки съ Аргунью до окрестностей Благовѣщенска. Сюда относятся казачьи станичные округа: Игнашинскій, Албазинскій, Черняевскій, Кумарскій и Екатерининскій. Населеніе ихъ состоитъ, кромѣ 680 крестьянъ (380 м. п.), изъ казаковъ коннаго Амурскаго полка, переселенныхъ сюда изъ Забайкалья, гдѣ они издавна были казаками Забайкальскаго войска. Ко второй группѣ, *Южно-Амурской*, относимъ мы пять станичныхъ округовъ, начинающихся за манджуро-китайскими землями лѣваго берега Амура, ниже Айгуна, и растянутыхъ вдоль Амура до восточной границы области. Сюда относятся станичные округа: Поярковскій, Иннокентьевскій, Раддевскій, Екатерино-Никольскій и Михайло-Семеновскій. Жители двухъ первыхъ округовъ Южно-Амурской группы также казаки коннаго Амурскаго полка, а трехъ послѣднихъ казаки пѣшаго Амурскаго баталіона—переселенцы изъ Забайкалья, бывшіе тамъ прежде горно-заводскими крестьянами Нерчинскаго округа, но, незадолго до занятія Амура, переименованные въ казаковъ. Къ третьей группѣ, *Зейско-Буреинской*, относимъ мы шесть волостей, занявшихъ обширныя площади въ пространной и удобной для заселенія Зейско-Буреинской равнинѣ. Волости эти: Амурско-Зейская, Томская, Черемховская, Ивановская, Гильчинская и Завитинская. Жители этихъ волостей почти исключительно крестьяне, переселенцы по преимуществу изъ разныхъ губерній Европейской Россіи, а отчасти и Сибири, гдѣ, впрочемъ, большинство этихъ переселенцевъ было еще новоселами.

Численность всего русскаго сельскаго населенія Амурской области составляетъ 51320 д. об. п. (26792 м. п.), изъ которыхъ на долю округовъ первой группы приходится 7590 (3886 м. п.); на долю округовъ второй группы—12722 (6716 м. п.) и на

долю волостей третьей группы 31008 (16191 м. п.). Между этими жителями: казаковъ 19523 (10191 м. п.), крестьянъ 30596 (15991 м. п.), остальные мѣщане и разночинцы. Почти все населеніе казачьихъ округовъ принадлежитъ къ православному вѣроисповѣданію; среди него есть только 5 католиковъ (4 м. п.), 6 евреевъ (м. п.) и не болѣе 18 человѣкъ старовѣровъ. Въ предѣлахъ крестьянскихъ волостей проживаетъ 32 католика (15 м. п.), 1 протестантъ, 16 магометанъ (13 м. п.), но пропорція раскольниковъ чрезвычайно велика во всѣхъ волостяхъ, кромѣ Амурско-Зейской. Общее ихъ количество простирается до 6010 (3085 м. п.); изъ нихъ пріемлющихъ священство австрійскаго толка 506 (256 м. п.), семейской секты 200 (114 м. п.), безпоповцевъ 1882 (972 м. п.) и молоканъ 3422 (1743 м. п.). Въ рабочемъ возрастѣ изъ русскаго сельского населенія области 12484 мужчинъ и 11838 женщинъ, такъ что все сельское рабочее населеніе области составляетъ 47% всего населенія, но въ Южно-Амурскихъ округахъ пропорція эта поднимается до 49%, а въ Зейско-Буреинскихъ волостяхъ опускается до 46,7%. Общая пропорція женщинъ къ мущинамъ въ сельскомъ населеніи не особенно выгодна, а именно: на 1000 мужчинъ приходится женщинъ 915. Пропорція эта въ Верхне-Амурскихъ округахъ гораздо выше (953), въ Южно-Амурскихъ значительно ниже (894), а въ Зейско-Буреинскихъ волостяхъ близка къ средней (917). Между рабочимъ возрастомъ сельского населенія пропорція эта выгоднѣе, а именно: на 1000 мужчинъ приходится 950 женщинъ. У крестьянъ послѣдняя пропорція доходитъ до 965, у казаковъ Верхне-Амурскихъ округовъ численность женщинъ въ рабочимъ возрастѣ даже равна численности мужчинъ, но въ Южно-Амурскихъ казачьихъ округахъ пропорція опускается до 880 женщинъ на 1000 мужчинъ. Вообще говоря, недостаточная пропорція женщинъ къ числу мужчинъ существуетъ у насъ во всѣхъ новоколонизованныхъ странахъ и можетъ быть объяснена тѣмъ, что, при измѣненіи климатическихъ условій и тягостяхъ, выпадающихъ на долю первыхъ переселенцевъ въ новомъ краѣ, женщины гибнутъ въ большей пропорціи, чѣмъ мужчины, но трудно объяснить, почему именно пропорція женщинъ въ рабочемъ возрастѣ въ русскомъ населеніи области составляетъ 950 на 1000 мужчинъ, а въ нерабочемъ только 887 на 1000, такъ какъ огромное большинство рабочаго возраста принадлежитъ дѣтскому возрасту, откуда можно заключить, что и между дѣтьми Амурской области болѣе дѣвочекъ, чѣмъ мальчиковъ. Предстоящая перепись, послѣ которой можно будетъ исчислить возрастной составъ населенія

безъ сомнѣнія, выяснитъ этотъ, во всякомъ случаѣ интересный, вопросъ, по поводу котораго мы не рѣшаемся вдаваться въ догадокъ.

Брачныхъ паръ въ сельскомъ населеніи области 10100; изъ нихъ въ рабочемъ возрастѣ (то-есть тяголъ) 9208. На тягло приходится душъ м. п. 2,9 и пропорція эта мало разнится по округамъ и волостямъ области, опускаясь въ исключительныхъ случаяхъ до 2,6 и поднимаясь до 3,5, но вообще же число душъ на тягло у казаковъ нѣсколькое болѣе, чѣмъ у крестьянъ.

Такъ какъ русское населеніе Амурской области составляетъ 7244 хозяйственныхъ дворовъ, то на дворъ приходится по 7,1 душъ об. п.; у крестьянъ ровно 7 на дворъ, у Верхне-Амурскихъ казаковъ 6,5, у Нижне-Амурскихъ 7,2. Взрослыхъ работниковъ м. п. на дворъ приходится 1,7, а тяголъ 1,27, то-есть въ большинствѣ дворовъ существуетъ только одна брачная пара и только развѣ въ трети дворовъ ихъ по двѣ (такъ какъ есть, конечно, вдовыи дворы, въ которыхъ нѣтъ ни одной брачной пары).

Для полученія полнаго итога населенія Амурской области мы должны присоединить къ цифрѣ сельскаго (казачьяго и крестьянскаго) населенія области еще слѣдующія:

1) Приведенную уже нами выше (стр. 461) цифру населенія города Благовѣщенска—21096 жит. (14606 м. п.).

2) Цифру населенія, обитающаго внѣ предѣловъ казачьихъ округовъ и крестьянскихъ волостей, а именно: въ раіонахъ горныхъ исправниковъ, составляющую по губернаторскому отчету за 1891 годъ 8009 д. об. п. (6488 м. п.) [1]).

---

[1]) См. обзоръ Амурской области за 1891 г. Вѣдом. лит. б. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, какъ распредѣляется эта цифра по отдѣльнымъ пріисковымъ и другимъ поселкамъ, находящимся въ раіонѣ горныхъ исправниковъ. Въ матеріалахъ, сообщенныхъ генералъ-губернаторомъ Духовскимъ, оказались свѣдѣнія только о 4 призейскихъ поселкахъ, расположенныхъ далеко за предѣлами призейскихъ волостей, а именно: 1) *Овсянка* на р. Зеѣ, въ 575 вер. отъ Благовѣщенска и 35 вер. ниже Зейской пристани. Поселокъ этотъ утвержденъ генералъ-губернаторомъ въ 1888 году и состоитъ изъ 15 дворовъ и 53 жит. (25 м. п.). Въ числѣ жителей есть 13 бурятъ, 5 мѣщанъ, 5 амурскихъ инородцевъ, 1 поселенецъ, остальные крестьяне. Во владѣніе поселку отведено 20 дес., да въ арендѣ у жителей поселка 50 дес. казенной земли. Хлѣба жители не сѣютъ, имѣютъ огороды и держатъ лошадей 83 (72 рабочихъ), да рогатаго скота 39 (коровъ 21, быковъ 2). Жители поселка занимаются поставкою сѣна на пріиски Верхне-Амурской компаніи. 2) Ферма *Гуликъ* при впаденіи рѣчки этого имени въ Зею, въ 600 вер. отъ Благовѣщенска и въ 10 вер. ниже Зейской пристани. Ферма эта основана въ 1882 году умершимъ нынѣ купцомъ Саврушинымъ и состоитъ изъ 2 домовъ, въ которыхъ 6 жит. (3 м п.). Земли отведено фермѣ 50 дес.; изъ нихъ 2 дес. усадебной, 4 пахатной, до 20 д. покосовъ и 24 залежей и болотъ. Запашки овса было 2 дес., съ которыхъ въ 1893 г. получено 2 30 пудовъ; имѣется и огородъ. Скота въ фермѣ: лошадей 21 (17 рабочихъ), рогатаго 9 (4 коровы, 1 быкъ и 2 вола), свиней 4. 3) *Нерпинскій* поселокъ, на правомъ берегу Зеи, въ открытой равнинѣ. Основанъ въ 1890 г. у самой Зейской пристани. Дворовъ 21, жителей

3) Цифру населенія корейскаго села Благословеннаго, выше уже упомянутую (стр. 410), а именно: 1090 ж. об. п. (583 м. п.).

4) Цифру населенія Манджуро-дауро-китайскаго населенія на лѣвомъ берегу Амура, уже приведенную выше (стр. 407), а именно 14000 об. п.

5) Цифру инородческаго населенія области. Цифра эта какимъ-то приблизительнымъ исчисленіемъ, относящимся къ 1887 году, была опредѣлена въ губернаторскомъ отчетѣ въ 3000 человѣкъ, но такъ какъ при этомъ показано было мужчинъ 2156, а женщинъ 844, а такой непропорціанальности числа мужчинъ и женщинъ въ инородческомъ населеніи предполагать невозможно, то мы смѣло можемъ увеличить число женщинъ до пропорціи, существующей въ области, и довести цифру инородцевъ до 4000 человѣкъ.

Если дополнить еще приведенныя цифры не включеннымъ въ нихъ большинствомъ состава, блуждающихъ по области и занимающихся въ значительной мѣрѣ хищничествомъ, поисковыхъ партій, въ составѣ которыхъ есть множество лицъ, не пустившихъ корней ни въ одномъ изъ поселковъ области и никуда не приписанныхъ, то получится, что въ 1893 году населеніе Амурской области уже превосходило 100 т. душъ об. п., изъ коихъ 80% принаднадлежало русской народности.

Но не однимъ путемъ колонизаціи растетъ русское населеніе въ Амурской области. Растетъ оно и путемъ естественнаго прироста, какъ это можно видѣть изъ православныхъ метрическихъ записей, дающихъ намъ за послѣднее 8-лѣтіе слѣдующіе результаты:

	Число браковъ:	Родившихся: м. п.	Родившихся: ж. п.	Умершихъ: м. п.	Умершихъ: ж. п.	Приростъ населенія: м. п.	Приростъ населенія: ж. п.	Итого.
1885	303	1004	899	709	613	295	286	581
1886	421	1352	1231	705	567	647	664	1311
1887	468	1340	1297	613	514	727	783	1510

---

103 (53 м. п.). Въ числѣ жителей: почетныхъ гражданъ 2, купцовъ 3, мѣщанъ 4, татаръ 8, остальные крестьяне. Въ поселкѣ есть деревянная церковь и 2-хъ классная сельская школа съ 60 учащимися (все это содержится Верхне-Амурскою компаніей), 2 магазина—торговаго дома Чурина и Опарина. Подъ посѣвы отведено 27 дес. земли. Хлѣба жители не сѣютъ а имѣютъ только огороды. Лошадей содержатъ 450 (407 рабочихъ), рогатаго скота 60 (32 коровы и 3 быка), свиней 15. Между жителями 1 колесникъ и 2 санника. 4) *Зарѣчная* слобода, прямо противъ только что поименованнаго поселка, на лѣвомъ берегу Зеи. Основана также въ 1890 году, состоитъ изъ 50 дворовъ и имѣетъ 200 жит. (96 м. п.). Четверть населенія не принадлежитъ къ крестьянскому сословію: между ними 4 казака, мѣщанъ 14, поселенецъ 1, корейцевъ 3, остальные крестьяне. Между жителями: 1 колесникъ, 1 санникъ и 2 кузнеца. Въ слободѣ есть лавка купца Немѣрова. Жители содержатъ лошадей 357 (301 рабочихъ), рогатаго скота 100 шт. (56 коровъ, 3 быка), свиней 25. Занятія жителей обоихъ поселковъ состоятъ главнымъ образомъ въ перевозѣ кладей съ пристаней на золотые пріиски.

	Число браковъ:	Родившихся: м. п.	Родившихся: ж. п.	Умершихъ: м. п.	Умершихъ: ж. п.	Приростъ населенія: м. п.	Приростъ населенія: ж. п.	Итого.
1888	462	1333	1351	698	520	635	831	1466
1889	584	1581	1599	978	782	603	817	1420
1890	523	1675	1616	986	806	689	810	1499
1891	678	2038	1854	1048	853	990	1001	1991
1892	660	2142	2017	1106	958	1036	1059	2095
Итого	4099	12455	11864	6842	5613	5622	6251	11873

Изъ приведенныхъ цифръ мы ясно видимъ, что естественный приростъ населенія въ Амурской области весьма значителенъ и представляется пропорціонально выше, чѣмъ въ большинствѣ губерній Европейской Россіи.

Общая площадь отведенныхъ русскому сельскому населенію земель составляетъ 980500 дес., громадный отводъ—болѣе 36 дес. на душу м. п., причемъ верхне-Амурскіе казаки имѣютъ 40 дес. на душу м. п., крестьяне 37 дес., а южно-Амурскіе 33 дес. Земель, вполнѣ удобныхъ для хлѣбопашества, въ томъ числѣ сами жители насчитываютъ 405000 дес., т.-е. по 15 дес. на душу, причемъ такихъ земель особенно много въ волостяхъ Зейско-Буреинской равнины, а именно: около 22 дес. на душу м. п. Понятно, что при такихъ условіяхъ на площади, уже отведенныя нынѣшнимъ жителямъ округовъ и волостей, есть возможность приселить еще не менѣе жителей, чѣмъ ихъ заселено въ настоящее время, не стѣсняя на долгое время будущаго естественнаго прироста населенія. Изъ силы прироста этого населенія прямо можно заключить, что, несмотря на различіе естественныхъ условій Амурской области отъ такихъ же условій Европейской Россіи и даже Сибири и на всегда тяжелый процессъ приспособленія поселенцевъ къ новымъ условіямъ жизни, условія эти настолько благопріятны въ Амурской области, что она представляетъ весьма удобную для избытка населенія нѣкоторыхъ частей Европейской Россіи колонизаціонную площадь. Только, разумѣется, предѣлы этой колонизаціонной площади очерчены самою природою: не особенно широкая полоса вдоль верхняго теченія Амура, занятая нынѣ Игнашинскимъ, Албазинскимъ и Черняевскимъ округами, громадная равнина, разстилающаяся отъ Амура черезъ Зею, ниже сліянія съ нею Селимджы и Бурею до Буреинскаго хребта, и, наконецъ, широкая полоса вдоль Амура, ниже прорыва его черезъ Хинганскій хребетъ, съ бассейнами Большой Биры и Тунгузки. Въ этой части области много земель можетъ быть еще отведено переселенцамъ и много новыхъ русскихъ поселковъ основано, въ особенности если будущая желѣзная дорога, начиная отъ Чер-

няевой или Кумарской станицы, покинувъ долину Амура, пойдетъ на перерѣзъ, самой удобной для колонизаціи, Зейско-Буреинской равнины, захватывая территоріи развивающихся Амурско-Зейской, Томской и Завитинской волостей. Но за предѣлами этой равнины и ея подгорной окраины, вся сѣверная часть области, а именно: опускающееся къ верхнему теченію Амура (до Черняевской станицы) нагорье верхняго бассейна Зеи съ Гилюемъ и Селимджою выше ихъ сліянія, верхній бассейнъ Буреи, начиная отъ устья Тырмы и все нагорье Буреинскаго и Станового хребтовъ, навсегда останутся страною, по своимъ климатическимъ условіямъ недоступною для осѣдлой земледѣльческой колонизаціи и могущею быть только предметомъ эксплоатаціи ея естественныхъ богатствъ какъ минеральныхъ, такъ и органическихъ, которыя, при разумно, а не хищнически организованномъ хозяйствѣ, могутъ еще надолго служить могучимъ подспорьемъ для экономическаго развитія этой безспорно богато одаренной страны. Этимъ мы и заканчиваемъ нашу X главу, посвящая двѣ послѣдующія общему обзору промышленной (въ широкомъ значеніи этого слова) дѣятельности населенія Амурской области.

ГЛАВА XI.

Сельское хозяйство русскаго населенія области.

Главное занятіе русскихъ жителей Амурской области, на которомъ зиждется все ихъ благосостояніе, есть, конечно, земледѣліе, въ обширномъ смыслѣ этого слова (т.-е. хлѣбопашество и скотоводство), и, въ отношеніи къ его развитію, три раіона области, въ которыхъ сосредоточено ея населеніе, а именно, Верхне-Амурскій, Южно-Амурскій и Зейско-Буреинскій, поставлены въ нѣсколько отличныя условія, не только благодаря различію ихъ природы, но и вслѣдствіе различія самаго характера ихъ населенія.

Верхне-Амурскій раіонъ заселенъ преимущественно казаками, образующими вдоль теченія Амура, отъ сліянія Шилки съ Аргунью до окрестностей Благовѣщенска, пять вышеописанныхъ станичныхъ округовъ, заключающихъ въ себѣ,какъ уже было упомянуто выше, 1160 дворовъ, 1316 тяголъ (брачныхъ паръ въ рабочемъ возрастѣ), 1780 работниковъ м. п. и 7590 жителей об. п. (3886 м. п.), имѣющихъ у себя въ посѣвѣ 4280 десятинъ, что составитъ на душу м. п. по 1,1 дес., на тягло 3,4 дес., а на дворъ 3,7 дес.

Верхне-Амурскій раіонъ, за исключеніемъ, впрочемъ, двухъ южныхъ его станичныхъ округовъ (Кумарскаго и Екатерининскаго), ближе подходящихъ по своимъ условіямъ къ Зейско-Буреинскому, не представляетъ особыхъ удобствъ для развитія земледѣлія. По своему каменистому грунту и способности къ заболачиванію, вершины его плоскогорій, повидимому, совершенно недоступны культурѣ [1]); что же касается долины Амура, которая вообще не широка, то нижняя ея терраса подвергается наводненіямъ, почему точно также непригодна для хлѣбопашества. Нѣкогда на ней были расположены и поля, и поселки, но послѣ наводненія 1872 года поля были оставлены, поселки перенесены подальше отъ берега, а нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Ваганова и вовсе заброшены.

Только вторая рѣчная терраса, нѣкогда покрытая сплош-

---

[1]) Коржинскій, l. c. стр. 124.

ными лѣсами, представляетъ болѣе удобныя мѣста для полей, скудная, блѣдная супесчаная почва которыхъ, однако, плохо вознаграждаетъ труды земледѣльца по ихъ расчисткѣ и обработкѣ. Лишь изрѣдка встрѣчаются среди горъ, въ падяхъ, участки съ темною почвой болотнаго происхожденія, годные къ обработкѣ. Къ тому же въ верховьяхъ Амура климатъ гораздо суровѣе, чѣмъ въ средней его части. Весна наступаетъ здѣсь позже, лѣто короче. Уже въ началѣ августа нерѣдко гречиха вымерзаетъ сплошь, какъ это, напримѣръ, было въ 1891 г. Въ концѣ же августа бываютъ и болѣе сильные утренники, отъ которыхъ погибаетъ большая часть растительности. Все это, вмѣстѣ взятое, создаетъ невыгодныя условія для земледѣлія.

Мы уже сказали выше, что количество дѣйствительныхъ посѣвовъ въ всемъ Верхне-Амурскомъ раіонѣ составляетъ на дворъ по 3,7 дес., но само собою разумѣется, что это относительное количество въ разныхъ поселкахъ раіона весьма различно. Такъ, изъ поселковъ трехъ сѣверныхъ округовъ въ Бейтоновскомъ оно возвышается до 5,1 дес. на дворъ, въ Албазинской станицѣ падаетъ до 2,3 дес., а въ Рейновскомъ поселкѣ казаки, живущіе тамъ въ числѣ 22 дворовъ, хлѣба совсѣмъ не сѣютъ. Въ Кумарскомъ округѣ, гдѣ уже и самыя условія земледѣлія измѣняются къ лучшему, въ большинствѣ поселковъ посѣвы составляютъ болѣе 5 дес. на дворъ, а въ нѣкоторыхъ, какъ, напримѣръ, Буссевскомъ, достигаютъ даже 6,3 на дворъ. Наоборотъ, въ поселкахъ Екатерининскаго округа, ближайшихъ къ городу Благовѣщенску, количество это падаетъ ниже средняго и въ Екатерининской станицѣ уже составляетъ только 2,5 на дворъ, а въ подгородномъ Верхне-Благовѣщенскомъ поселкѣ только 2 дес. Очевидно также, что между жителями одного и того же поселка количество это распредѣляется еще неравномѣрнѣе; такъ, въ ст. Черняевой, напримѣръ, гдѣ въ среднемъ приходится 3,2 посѣва на дворъ, многіе домохозяева засѣваютъ десятинъ по 15, а въ Толбузинѣ даже по 25. Но здѣсь эта неравномѣрность основана на справедливомъ началѣ. Дѣло въ томъ, что расчистка пашни изъ подъ лѣсовъ требуетъ очень большой затраты труда[1]), а потому расчищенный участокъ остается навсегда въ пользованіи впервые обработавшаго его земледѣльца.

---

[1]) Для этой расчистки нѣкоторые казаки послѣ вырубки или выжиганія лѣса запрягаютъ въ плугъ до 12 паръ воловъ. При этомъ молодыя березки и небольшіе пни прямо выкорчевываются плугомъ. Старыя поля пашутся большею частью на трехъ лошадяхъ (Коржинскій, l. c., стр. 125).

Вновь расчищенныя поля обрабатываются подрядъ среднимъ числомъ въ теченіе 4—6 лѣтъ, самые лучшіе участки даютъ даже 8—9 урожаевъ, худшіе же только 2 или 3. Затѣмъ поле истощается, но недостатокъ въ землѣ не всегда позволяетъ забрасывать его и приводитъ къ выработкѣ нѣсколько болѣе сложной системы хозяйства. Именно, истощенныя поля начинаютъ обрабатывать черезъ годъ, оставляя ихъ послѣ каждой жатвы годъ подъ паромъ. При этомъ практикуется такъ называемое зеленое удобреніе, т.-е. полямъ даютъ заростать травой, а затѣмъ запахиваютъ эту траву. Поля, находящіяся подъ паромъ, во многихъ мѣстахъ по крайней мѣрѣ, заботливые хозяева пропахиваютъ 2 раза въ лѣто, въ іюнѣ и началѣ августа, причемъ въ промежутокъ нерѣдко выпускаютъ въ поле скотъ. Въ другихъ же поселкахъ пашутъ одинъ только разъ или даже вовсе не пашутъ, а просто оставляютъ поля черезъ годъ подъ паромъ.

Главную роль въ посѣвахъ Верхне-Амурскаго раіона играютъ: яровая пшеница, овесъ и яровая рожь; на долю первой приходится 36% всѣхъ посѣвовъ (1530 дес.), втораго до 29% (1250 дес.), третьей 26% (1124 дес.), остальные 9% распредѣляются между прочими посѣвами, изъ которыхъ ячменя высѣваютъ во всемъ раіонѣ 180 дес., гречихи 130 дес., картофеля 30 дес., конопли 8 дес., льну 3 дес. Озимые хлѣба вообще въ Амурской области не сѣются, но въ Верхне-Амурскомъ раіонѣ начинаютъ вводить, въ видѣ опыта, посѣвы озимой ржи, и именно въ Игнашинскомъ округѣ ее высѣвается 23 дес. Далѣе этого округа внизъ по Амуру посѣвовъ озимаго хлѣба не существуетъ. Огородничество удовлетворяетъ только потребности каждой семьи. Бахчеводства и садоводства въ Верхне-Амурскомъ раіонѣ вовсе нѣтъ.

Развитію скотоводства въ обширныхъ размѣрахъ препятствуетъ на верхнемъ Амурѣ недостатокъ луговъ, хотя казаки Верхне-Амурскаго раіона насчитываютъ ихъ въ своемъ владѣніи 12300 дес. При всемъ томъ большую часть сѣна они косятъ на китайской сторонѣ Амура. Лошадей, однако же, казаки содержатъ много: однихъ рабочихъ на дворъ въ раіонѣ приходится 5,6, а всѣхъ 8,5. Такое количество лошадей казакамъ Верхне-Амурскаго раіона необходимо не только для полевыхъ работъ, но и для почтовой гоньбы, а также для дальнихъ извозовъ на пріиски. Рогатаго скота приходится вообще на дворъ около 7 головъ, а взрослаго по 4 штуки. Рогатый скотъ, какъ рабочая сила, не употребляется. Свиноводство также развито; на дворъ приходится по 2 свиньи. Развитіе овцеводства

находитъ себѣ неодолимые препятствія въ отсутствіи сухихъ луговъ; овецъ во всемъ раіонѣ вовсе не разводятъ.

Пищевого хлѣба (ржи и пшеницы), при среднихъ урожаяхъ, за сѣмянами, производится 123 тыс. дес., по 16,2 четв. на душу об. п. Это было бы достаточно на продовольствіе населенія, если-бъ золотые пріиски не оттягивали къ себѣ значительное количество хлѣба, да переселенцы и пріисковые рабочіе, ежегодно проходящіе партіями вдоль всего Верхне-Амурскаго раіона, не потребляли значительное количество хлѣба на своемъ пути, вслѣдствіе чего, и въ особенности въ недородные годы, недостающее количество хлѣба пополняется привозомъ его изъ Забайкальской области. При такихъ условіяхъ хлѣбъ въ раіонѣ довольно дорогъ. Коржинскій въ 1891 г. нашелъ здѣсь цѣну за пудъ муки отъ 1 р. до 1 р. 30 к., что не считалось еще дорогою цѣною.

Овса Верхне-Амурскій раіонъ, за сѣмянами, производитъ при среднихъ урожаяхъ до 70 тыс. пуд., что составляетъ немного болѣе 10 пуд. на рабочую лошадь; понятно, что при гоньбѣ и извозахъ все это количество расходуется безъ остатка самими казаками. Остальные посѣвы, а именно: ячменя, гречихи и картофеля, едва удовлетворяютъ собственнымъ нуждамъ ихъ производителей.

Вообщее сельское хозяйство въ Верхне-Амурскомъ округѣ, по мнѣнію Коржинскаго, не вполнѣ обезпечиваетъ населеніе, и крупную роль въ жизни этого послѣдняго играютъ посторонніе заработки. Заработки эти довольно разнообразны: поставка дровъ на пароходы, ловля рыбы, а главное, возка тяжестей на пріиски и другія занятія, сопряженныя съ близостью этихъ послѣднихъ.

Пріиски играютъ значительную роль въ жизни прирѣчнаго казачьяго населенія Верхне-Амурскаго раіона; къ сожалѣнію, роль эта, согласно съ тѣмъ, что рисуетъ намъ Коржинскій, скорѣе пагубная, чѣмъ полезная. Въ самомъ дѣлѣ, пріиски этого раіона недолговѣчны. Они быстро возникаютъ, но скоро вырабатываются и закрываются, между тѣмъ какъ на другихъ мѣстахъ возникаютъ новые. Въ силу этого происходитъ то, что заработки по перевозкѣ тяжестей не представляютъ чего-нибудь опредѣленнаго, правильнаго, а нѣчто случайное, даже непредвидимое, причемъ наиболѣе выигрываетъ тотъ, кто во время съумѣетъ оцѣнить выгоды своего положенія и воспользоваться имъ съ наименьшей совѣстливостью. Кромѣ того, близкое соприкосновеніе съ пріисковымъ людомъ, распущеннымъ и разгульнымъ, всегда богатымъ и деньгами

и золотомъ, оказываетъ въ высшей степени развращающее вліяніе на населеніе, создавая для ловкихъ и оборотливыхъ людей такіе источники доходовъ, какъ тайная продажа водки, скупка воровского золота и тому подобныя занятія, передъ которыми честный трудъ кажется и слишкомъ утомительнымъ и слишкомъ неблагодарнымъ.

Наиболѣе рельефный примѣръ представляетъ въ этомъ отношеніи станица Игнашина, еще недавно бывшая бѣднымъ поселкомъ. Когда были открыты извѣстные желтугинскіе пріиски, то всѣми овладѣла золотая лихорадка. Люди разнаго званія и разныхъ профессій хлынули отовсюду. Игнашина сдѣлалась резиденціей по отношенію къ этимъ пріискамъ. Въ ней скопилась масса народа. Цѣна муки поднялась до 3 р. 50 к. за пудъ; за перевозку грузовъ въ Желтугу казаки брали за 30 верстъ по 3 рубля съ пуда и въ одинъ день зарабатывали сотни рублей. Въ Игнашиной было непрерывное ликованье, непрерывный праздникъ: день и ночь гремѣла музыка, лилось рѣкой шампанское и сивуха, велась азартная игра, царствовалъ разгулъ и развратъ. Въ 1886 г. былъ положенъ конецъ хищнической добычѣ золота на Желтугѣ, и теперь разбогатѣвшіе жители Игнашиной мирно проживаютъ свои добытые всякими правдами и неправдами капиталы. Точно также знаменитая Джилинда, доставлявшая нѣкогда огромное количество золота, давала большіе доходы и даже богатства жителямъ Рейновой и Албазина. Теперь она утратила свое значеніе и окрестные жители живутъ надеждами на новыя открытія золота. И эта возможность легкой наживы вмѣстѣ съ крайнею эфемерностью, ненадежностью заработковъ, эта близость золота, обиліе всякаго ради хищниковъ и авантюристовъ—все это создаетъ въ концѣ-концовъ атмосферу, отбивающую у жителей охоту къ правильному, непрерывному труду, къ постояннымъ заботамъ о своемъ хозяйствѣ и заставляетъ лишь надѣяться на удачу, на случай — разбогатѣть безъ особеннаго труда.

Поистинѣ печальную картину, пишетъ далѣе Коржинскій, раскрываетъ намъ этотъ край съ его суровымъ климатомъ, угрюмою, бѣдною природой, деморализованнымъ населеніемъ. Нигдѣ такъ ярко не выступаетъ лѣнь и обезпеченность жителей, нигдѣ не бросаются такъ въ глаза какія-то городскія замашки и претензіи вмѣстѣ съ крайнею нищетой и бездомовностью. Здѣсь вы увидите праздныхъ казаковъ, вѣчно слоняющихся безъ всякаго дѣла по улицѣ; бабы и дѣвки ихъ въ обтрепанныхъ юбкахъ и грязныхъ кофтахъ городского фа-

сона неизмѣнно съ папиросами въ зубахъ похожи скорѣе на обитательницъ извѣстныхъ притоновъ въ городскихъ трущобахъ, чѣмъ на крестьянокъ. Здѣсь въ каждой лавчонкѣ вы найдете сардинки, сигары и различныя «иностранныя вина», но въ цѣлой станицѣ иногда невозможно найти крынки молока, десятка яицъ и фунта масла.

Впрочемъ, эта печальная картина, представляемая заслуживающимъ полнаго довѣрія изслѣдователемъ, не должна удивлять насъ, если мы припомнимъ еще болѣе безотрадныя явленія, представлявшіяся на нашей памяти въ С.-Франциско и Новой Калифорніи въ то время, когда тамъ, по открытіи золота быстро получившихъ всемірную извѣстность калифорнскихъ пріисковъ, развилась такъ называемая «золотая горячка», дошедшая до того, что лица высшаго судебнаго персонала бросали свои должности и стремились собственноручно добывать золото на пріискахъ. Къ счастію такія острыя психическія болѣзни цѣлаго населенія могутъ быть только временными.

Въ нѣсколько иныхъ условіяхъ находится, состоящій также изъ 5 казачьихъ округовъ, *Южно-Амурскій раіонъ*. Въ округахъ этихъ заключается до 1750 дворовъ, 12720 жит. (6716 м. п.), 2200 тяголъ (брачныхъпаръ въ рабочемъ возрастѣ), 3330 работниковъ (м. п.). Они имѣютъ у себя въ посѣвѣ 9600 дес., что составитъ на душу м. п. до 1,4 дес., на тягло 4,4, на дворъ 5,4, слѣдовательно значительно болѣе, чѣмъ въ ВерхнеАмурскомъ раіонѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Южно-Амурскій раіонъ и по своимъ климатическимъ, и по своимъ почвеннымъ условіямъ представляетъ несравненно болѣе удобства для развитія земледѣлія, т.-е. хлѣбопашества и скотоводства, чѣмъ Верхне-Амурскій.

Озимыхъ хлѣбовъ въ Южно-Амурскомъ раіонѣ совсѣмъ не сѣютъ, но посѣвы яровыхъ здѣсь нѣсколько разнообразнѣе, чѣмъ въ Верхне-Амурскомъ раіонѣ. На овесъ здѣсь приходится болѣе 30% всѣхъ посѣвовъ (2934 дес.), на ярицу 30% (2880 дес.), на пшеницу 26% (2496 дес.), такъ что на остальные хлѣба приходится 14%, т.-е. относительно вдвое болѣе, чѣмъ въ Верхне-Амурскомъ бассейнѣ. Особенно видную роль играютъ здѣсь посѣвы гречихи, составляющіе болѣе 11% всѣхъ посѣвовъ (1110 дес.). Сѣется также ячмень (130 дес.), просо (40 дес.) и немного конопли (8 дес.) и гороха, но льна совсѣмъ не сѣютъ. Огородничество здѣсь болѣе развито, чѣмъ въ Верхне-Амурскомъ раіонѣ, но не превосходитъ размѣровъ домашнихъ нуждъ. Развитію бахчеводства препятствуетъ слишкомъ сырой кли-

матъ и влажная почва; садоводство находится еще только въ зародышѣ.

Пищевого хлѣба, при среднихъ урожаяхъ, за сѣмянами, производится, 220 тыс. пуд., по 17,3 пуд. на д. об. п., т.-е. количество, достаточное для обезпеченія продовольствія всего населенія раіона, въ особенности если имѣть въ виду, что подспорьемъ къ этому хлѣбу служатъ еще производимыя раіономъ (за исключеніемъ сѣмянъ) 4 тыс. пуд. ячменя и 30 тыс. пуд. гречихи.

Овса Южно-Амурскій раіонъ, за сѣмянами, при среднемъ урожаѣ производитъ до 105 тыс. пуд., что составитъ нѣсколько менѣе 12 пуд. на рабочую лошадь. По всей вѣроятности количество это при большой почтовой гоньбѣ и дальнихъ извозахъ потребляется на мѣстѣ безъ остатка.

Во всѣхъ казачьихъ станицахъ порядокъ пользованія землею и система хозяйства совершенно одинаковы [1]). Земля нигдѣ не раздѣлена, и всякій распахиваетъ тотъ или другой изъ свободныхъ участковъ, гдѣ ему вздумается. При этомъ, разумѣется, въ руки людей болѣе зажиточныхъ попадаютъ лучшіе участки и въ большемъ количествѣ, а люди бѣдные довольствуются худшими кусками. Но такъ какъ свободныхъ земель вообще еще много, то этотъ порядокъ не возбуждаетъ пока особенныхъ недоразумѣній. Залоги поднимаютъ осенью, причемъ болѣе «справные» на слѣдующій годъ не сѣютъ, но еще пропахиваютъ дважды, а на третій годъ уже засѣваютъ и затѣмъ сѣютъ безъ перерыва, безъ пара и удобренія, каждый годъ, пока земля не истощится. Первые четыре года сѣютъ ярицу и пшеницу, затѣмъ начинаютъ сѣять овесъ, а потомъ гречиху. Послѣ гречихи плодородіе земли вновь нѣсколько возстановляется и поэтому вновь начинаютъ сѣять ярицу или пшеницу. Въ этомъ и состоитъ всѣ немногосложная система хозяйства. Такимъ образомъ, земля обрабатывается среднимъ числомъ лѣтъ десять. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи наблюдаются большіе уклоненія, въ зависимости отъ качества почвы и зажиточности домохозяевъ. Песчаныя почвы заливныхъ долинъ нерѣдко выпахиваются уже лѣтъ черезъ восемь, почвы глинистыя могутъ служить гораздо дольше — лѣтъ 15 — 20. Такъ какъ урожаи съ теченіемъ времени все уменьшаются, то люди зажиточные предпочитаютъ поднимать залоги, чтобы получить лучшій урожай; люди же недостаточные держатся болѣе старыхъ полей, потому что ихъ легче пахать, и такимъ

---

1) Коржинскій, l. c., стр. 23.

образомъ нѣкоторыя поля обрабатываются чуть не съ самаго начала заселенія Амура, т.-е. болѣе 30 лѣтъ. Разъ заброшенное поле рѣдко уже поднимается вновь и опять таки въ силу того, что еще нѣтъ недостатка въ свѣжихъ земляхъ.

Такъ какъ Южно-Амурскій раіонъ отличается отъ Верхне-Амурскаго большимъ просторомъ и обиліемъ луговъ, хотя бы зачастую и болотныхъ, то можно было бы ожидать въ немъ бо́льшаго развитія скотоводства, но ожиданіе это не вполнѣ справдывается. Хотя казаки обращаютъ вниманіе на коневодство, а богатые изъ нихъ держатъ цѣлые табуны лошадей, но общее количество рабочихъ лошадей на дворъ составляетъ 5,2 головъ, менѣе чѣмъ въ Верхне-Амурскомъ раіонѣ, а всѣхъ лошадей приходится на дворъ менѣе 7, значительно менѣе чѣмъ въ Верхне-Амурскомъ раіонѣ. Наоборотъ, рогатаго скота приходится на дворъ всего 8,7 а взрослаго 4,7—слѣдовательно значительно болѣе, чѣмъ въ Верхне-Амурскомъ раіонѣ. Въ общемъ же количество лошадей и рогатаго скота почти то же —отъ 14 до $15^1/_2$ головъ на дворъ. Различіе же въ пропорціи лошадей и рогатаго скота находитъ себѣ весьма простое объясненіе въ томъ, что въ Верхне-Амурскомъ раіонѣ запросъ на лошадь гораздо значительнѣе, такъ какъ лошадь употребляется на почтовую гоньбу и на перевозъ тяжестей на пріиски и на полевыя работы, а въ Южно-Амурскомъ раіонѣ дальнихъ извозовъ менѣе, чѣмъ въ Верхне-Амурскомъ, а въ полевыя работы употребляются по преимуществу волы, лошади же отправляютъ главнымъ образомъ только почтовую гоньбу, да перевозы сѣна и хлѣба съ полей. При всемъ томъ количество скота въ Южно-Амурскомъ раіонѣ такъ непропорціонально велико, что здѣсь, какъ и въ Верхне-Амурскомъ раіонѣ, казакамъ приходится косить много сѣна на китайской сторонѣ Амура, изъ чего айгунскіе чиновники уже начинаютъ извлекать себѣ нѣкоторую пользу. Развитію свиноводства очень способствуютъ мѣстныя условія; свиней на дворъ приходится 2,7, т.-е. значительно болѣе, чѣмъ въ Верхне-Амурскомъ раіонѣ. Овцеводство, хотя и существуетъ, но очень слабо развито вслѣдствіе слишкомъ большой сырости климата и почвы; одна овца приходится на два двора.

Если, пишетъ Коржинскій, мы теперь бросимъ общій взглядъ на весь строй хозяйства казаковъ, то увидимъ, что оно стоитъ на весьма низкой ступени, и надо признаться, кромѣ того, что у населенія не замѣчается ни малѣйшей склонности и старанія къ его улучшенію. Никто рѣшительно не заботится о болѣе тщательной обработкѣ земли, культурѣ какихъ-либо

иныхъ сортовъ злаковъ, о разведеніи болѣе рослаго и сильнаго скота, объ улучшеніи своего продовольствія и т. д. Одно лишь стремленіе господствуетъ надъ всѣмъ, проявляется и въ большомъ и маломъ—расширить свое хозяйство. Каждый казакъ старается захватить подъ посѣвы какъ можно болѣе земли, распахать какъ можно болѣе залоговъ, причемъ нерѣдко его пашни разбросаны клочками верстъ на 10—15 отъ станицы. Онъ старается завести какъ можно болѣе лошадей, хотя мелкихъ и слабосильныхъ [1]), возможно болѣе рогатаго скота, хотя плохого и малоудойнаго, отгородить паскотину верстъ на 15, накосить тысячи копенъ сѣна и т. п. Малая населенность края, окружающій просторъ, даютъ пищу этимъ инстинктамъ, но нельзя сказать, чтобы казакъ много выигривалъ отъ этого. Запахиваніе большихъ участковъ требуетъ много труда, много лошадей и большого количества овса для ихъ прокормленія; ѣзда на отдаленныя пашни и обратно отнимаетъ много времени. А между тѣмъ, вслѣдствіе плохой обработки земли и небрежнаго посѣва урожаи получаются въ большинствѣ случаевъ не блестящіе. Чтобы обезпечить кормъ скоту, нужно косить почти все лѣто до самой уборки хлѣба. Самая уборка часто затягивается и производится несвоевременно; сжатый хлѣбъ нерѣдко перерастаетъ въ снопахъ отъ дождей и т. д. Вслѣдствіе этого происходитъ то, что, несмотря на постоянный упорный трудъ, несмотря на окружающій просторъ и видимое изобиліе, нельзя сказать, чтобы населеніе жило въ довольствѣ. Его питаніе въ общемъ весьма плохо. Даже болѣе или менѣе зажиточные люди, имѣющіе много скота, питаются щами изъ солоной свинины, одинъ запахъ которыхъ производитъ тошноту даже у неприхотливаго человѣка, потому что они не умѣютъ или не стараются приготовить хорошую солонину. Здѣшній климатъ, влажный и теплый, благопріятствуетъ разведенію самыхъ разнообразныхъ овощей, но культура ихъ развита все-таки очень слабо, потому что огородъ слишкомъ тѣсенъ и

---

[1]) Считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь однако же не вполнѣ согласное съ этимъ воззрѣніемъ мнѣніе самаго знаменитаго русскаго ипполога и перваго русскаго научнаго путешественника въ Амурскомъ бассейнѣ академика Миддендорфа о якутской лошади, по свойствамъ стоящей весьма близко къ Забайкальской и Амурской: «Якутская лошадь, подобно всѣмъ первобытнымъ конямъ во всѣхъ частяхъ свѣта, отработываетъ чудеса. Въ сравненіи съ тѣмъ, что могутъ дѣлать такія первобытныя лошади въ первобытныхъ мѣстахъ, намъ, европейскимъ заводчикамъ, нужно откровенно сознаться, что мы, со всѣми своими ухищреніями и нововведеніями, успѣли лишь или ослабить организмъ лошади или развѣ только односторонне и съ такими расходами закалить ее, что выгоды, которыхъ мы думаемъ добиться при этомъ, въ сущности заслуживаютъ понесенныхъ жертвъ лишь въ томъ отношеніи, что необыкновенная польза, которую лошадь доставляетъ первобытному человѣку, сравительно умаляется культурою и приводится въ рабскую зависимость отъ цѣлаго ряда разныхъ предварительныхъ условій» (Миддендорфъ, l. c., II, вып. 6, стр. 538).

мелокъ для широкаго размаха здѣшняго земледѣльца. Поэтому пища населенія въ общемъ однообразна и скудна. И во всѣхъ остальныхъ сторонахъ его быта замѣчаются слѣды того же отсутствія хозяйственности, заботливости и довольства. Правда, и здѣсь, какъ въ другихъ районахъ Амурской области, во многихъ избахъ мы найдемъ нерѣдко и швейную машину, и и вѣнскія стулья, и висячую лампу и т. д. Но всѣ эти предметы, столь чуждые крестьянину Европейской Россіи, еще болѣе оттѣняютъ окружающую грязь и неряшливость, потому что они появились не какъ слѣдствіе дѣйствительной потребности и общаго довольства жизни, но скорѣе какъ результатъ относительной дешевизны денегъ съ одной стороны, а съ другой нѣкотораго стремленія къ роскоши и городскимъ потребностямъ, стремленія, вообще свойственнаго крестьянину Восточной Сибири.

Можетъ быть этотъ приговоръ почтеннаго изслѣдователя слишкомъ строгъ по отношенію къ населенію, большая часть котораго, будучи, незадолго до своего переселенія, обращена изъ заводскихъ крестьянъ въ военное сословіе, вынесла на своихъ плечахъ тяжелую роль піонеровъ занятія обширнаго и безлюднаго края, столь различнаго по своимъ естественнымъ условіямъ отъ родины переселенцевъ, отдавая 11% своихъ взрослыхъ работниковъ на военную службу, отъ которой были освобождены всѣ крестьяне—переселенцы, да и теперь еще несетъ противъ нихъ двойное количество общественныхъ повинностей. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что бывшіе заводскіе крестьяне Нерчинскаго округа никогда не были исключительно земледѣльцами.

Наиболѣе производительнымъ въ земледѣльческомъ отношеніи представляется третій раіонъ области, который мы назвали *Зейско-Буреинскимъ* и который занятъ почти исключительно крестьянскимъ населеніемъ, образующимъ шесть уже вышеописанныхъ волостей.

Раіонъ этотъ занимаетъ громадную равнину, разстилающуюся, какъ мы уже говорили выше, между территоріею приамурскихъ казачьихъ округовъ, Кумарскаго и Екатерининскаго, и Буреинскимъ хребтомъ, и захватывающую нижнія теченія Зеи и Буреи, также какъ и бассейны другихъ, меньшихъ притоковъ Амура, какъ, напр., р. Завитой.

Вся эта площадь, пишетъ Коржинскій [1]), сложена изъ песчаныхъ глинъ, довольно вязкихъ въ верхнемъ горизонтѣ.

---

[1]) Коржинскій, l. c. стр. 104.

Онѣ покрыты слоемъ темной перегнойной почвы, имѣющей на пологихъ увалахъ 46 вершковъ, а въ низинахъ до $1^1/_2$ аршина мощности. Мѣстные жители называютъ эту почву черноземомъ, На сухихъ, возвышенныхъ мѣстахъ она дѣйствительно по своимъ физическимъ свойствамъ и структурѣ напоминаетъ черноземъ, въ болѣе же низкихъ мѣстахъ она явно полуболотнаго происхожденія. Скорѣе всего можно сравнить эти почвы съ подобными же перегнойными почвами Барабинской низменности; онѣ точно также подобны черноземy и носятъ его имя, хотя ни по своему происхожденію, ни по экономическому значенію ни въ какомъ случаѣ не могутъ равняться съ настоящимъ черноземомъ Европейской Россіи.

Ея растительный покровъ, за исключеніемъ, впрочемъ, обросшихъ лещиной и луговолѣсными травами увaловъ и гривъ, составляется изъ причудливой, странной смѣси формъ степныхъ (даурской степи) съ растеніями, свойственными болотистымъ лугамъ или даже просто болотамъ, такъ что, сопоставляя всѣ данныя рельефа, характера почвъ и растительности, нельзя не придти къ тому заключенію, что данная котловина была некогда воднымъ бассейномъ, получившимъ стокъ и осушившимся сравнительно въ недавнее время, такъ что растительныя формы, нахлынувшія со всѣхъ сторонъ на освобожденную поверхность, еще не успѣли раздѣлить территоріи и сложиться въ опредѣленные типы растительнаго покрова [1]).

Въ описанныхъ нами выше 6 крестьянскихъ волостяхъ этого раіона заключается 4336 дворовъ, 5690 тяголъ (брачныхъ паръ въ рабочемъ возрастѣ), 7375 работниковъ м. п. и 31000 жителей (16200 м. п.), имѣющихъ у себя въ посѣвѣ 38730 десятинъ, что составитъ на душу м. п. 2,4 дес., на тягло 6,7 дес., на дворъ 8,9 дес., т.-е. вдвое болѣе, чѣмъ въ казачьихъ приамурскихъ округахъ.

Порядокъ пользованія землею у всѣхъ крестьянъ точно такой же, какъ и у казаковъ, т.-е. каждый можетъ пахать, гдѣ хочетъ и въ какомъ угодно количествѣ, а кромѣ того можетъ еще оставить за собой извѣстное количество залоговъ, т.-е. нераспаханныхъ участковъ и на будущее время. При необузданныхъ аппетитахъ богачей, этотъ порядокъ, несмотря на обиліе земли, ведетъ къ большимъ стѣсненіямъ и возбуждаетъ сильный ропотъ менѣе достаточныхъ людей; но, какъ кажется, крестьяне еще нигдѣ не подумали выйти изъ захват-

[1]) Къ подобному же выводу, на основаніи геологическихъ данныхъ, пришли уже ранѣе Аносовъ, Боголюбскій и Шмидтъ (см. выше, глава V).

наго пользованія землею, подѣлить послѣднюю или какимъ-нибудь образомъ ограничить произволъ отдѣльныхъ лицъ.

Изобиліе удобной, готовой для обработки земли, плодородіе почвы и обезпеченность сбыта хлѣба благопріятствовали развитію большихъ запашекъ въ этомъ краѣ. Въ этомъ отношеніи особенно отличаются предпріимчивые и энергичные молокане, эти своего рода американцы Амурской области. Въ ихъ деревняхъ (Тамбовка, Толстовка, Гильчинъ) очень многіе запахиваютъ 100—120 и даже нерѣдко 180 дес. и притомъ десятинъ молоканскихъ (100×40); сверхъ того, нѣкоторые хозяева заводятъ еще особыя заимки (хутора) для расширенія своего хозяйства. Разумѣется, все это совершается наемнымъ трудомъ, и крупные хозяева содержатъ помногу рабочихъ изъ манджуръ, пропившихся пріисковыхъ рабочихъ, безсрочно-отпускныхъ солдатъ, а отчасти вновь прибывшихъ переселенцевъ. Огромныя запашки вызвали также сильное распространеніе сельско-хозяйственныхъ машинъ, въ особенности жатвенныхъ, которые въ большомъ количествѣ и самыхъ усовершенствованныхъ системъ можно встрѣтить въ каждой молоканской деревнѣ [1]).

Судя по этому обилію распаханной земли и распространенію сельско-хозяйственныхъ машинъ, можно думать, говоритъ далѣе Коржинскій, что земледѣліе въ этомъ раіонѣ развивается и прогрессируетъ. Однако, если присмотрѣться, то окажется, что и здѣсь оно находится на той же первобытной ступени и что всѣ эти жатвенныя машины не служатъ еще выраженіемъ прогресса и болѣе раціональнаго хозяйства, а составляютъ просто орудіе усовершенствованнаго хищничества. Отношеніе къ землѣ и система хозяйства тѣ-же самыя, какъ и у казаковъ, разница только та, что тамъ земледѣлецъ стремится къ расширенію полей и переходитъ съ мѣста на мѣсто изъ-за нужды, а здѣсь изъ-за стремленія къ обогащенію. Тамъ казакъ все-таки покоряетъ природу и расчищаетъ почву для будущихъ поколѣній; здѣсь же молоканинъ оставляетъ послѣ себя лишь бурьяны и просто обкрадываетъ настоящее и будущее поколѣнія изъ-за цѣлей личной наживы. Слѣдуетъ замѣтить еще, что выигрываютъ во всей этой хищнической системѣ въ концѣ-концовъ только благовѣщенскіе ростовщики, ссужающіе для такихъ операцій деньги подъ большіе проценты. Къ нимъ переходитъ большая часть барышей, а иногда, при невыгодной продажѣ или неурожаѣ, и весь инвентарь.

---

[1]) Въ 1888 г. американской фирмой «Эмери» открытъ былъ въ г. Благовѣщенскѣ складъ земледѣльческихъ машинъ. Ежегодно пріобрѣтается населеніемъ такихъ машинъ на сумму около 10 тыс. рублей.

Вообще система хозяйства, по мнѣнію Коржинскаго, здѣсь весьма примитивна; распахиваютъ тотъ или иной участокъ земли и затѣмъ каждый годъ засѣваютъ его, пока онъ истощится и не перестанетъ давать удовлетворительные урожаи. Это случается лѣтъ черезъ 6—8 или 10, смотря по плодородію почвы, а также и требованіямъ земледѣльца, потому что зажиточный человѣкъ, въ случаѣ возможности, всегда предпочтетъ поднять залогъ, тогда какъ бѣднякъ, имѣющій мало лошадей или быковъ, дольше держится старыхъ полей, требующихъ менѣе труда для своей обработки. Истощенная пашня бросается лѣтъ на 8—10, послѣ чего она вновь можетъ дать нѣсколько жатвъ. Впрочемъ, старыя поля уже неохотно поднимаются вновь. Всѣ ищутъ новыхъ залоговъ, и поэтому всякое село, существующее болѣе или менѣе долгое время, всегда окружено обширными пространствами пустырей. Поля отодвигаются всѣ дальше и дальше и, наконецъ, наступаетъ моментъ, когда оказывается болѣе выгоднымъ перебираться на заимки или основывать другія деревни, чтобы быть поближе къ своимъ полямъ. Тогда старое село начинаетъ пустѣть. Вообще и въ этомъ районѣ очень часто слышатся еще выраженія: «откочевать», «раскочеваться».

Другой основательный изслѣдователь Амурской области свидѣтельствуетъ также о необыкновенной склонности переселенцевъ изъ крестьянъ къ частому передвиженію, съ мѣста на мѣсто. Обсѣвшій и уже устроившійся переселенецъ, говоритъ Крюковъ [1]), провѣдавъ о лучшемъ мѣстѣ, чѣмъ его собственное жительство, безъ сожалѣнія бросаетъ его и стремится устроиться на новомъ мѣстѣ, хотя часто впослѣдствіи въ томъ и раскаивается. Постоянное перемѣщеніе крестьянъ происходитъ во множествѣ деревень; иногда цѣлыя деревни исчезали или образовывались вновь, чего не случается у казаковъ, которые не могутъ переселяться безъ разрѣшенія на то своего начальства и во всякомъ случаѣ не имѣютъ права выходить изъ предѣловъ отведенной имъ территоріи.

Но всѣ недостатки хозяйственнаго строя крестьянъ-переселенцевъ Амурской области находятъ себѣ оправданіе въ трудности борьбы съ природою въ дѣвственномъ еще краѣ, котораго естественныя условія такъ различны отъ условій, посреди которыхъ жили на своей родинѣ недавніе русскіе насельники края. Много энергіи нужно, чтобы выйти побѣдителемъ изъ этой тяжелой и не для всѣхъ посильной борьбы. Старики, переселившіеся уже 25 лѣтъ тому, свидѣтельствуютъ,

---

[1]) См. Крюковъ, сельс. хоз. Амурс. обл. въ Ж. Мин. Г. И. Сельск. хоз. 1892, стр. 176.

что на Амурѣ нужно усердно работать, чтобы обезпечить свое существованіе и сберечь копѣйку. Едва откроется весна, нужно торопиться съ посѣвами, а если опоздать—можно и безъ хлѣба остаться. Не успѣешь еще отсѣяться, какъ уже наступаетъ сѣнокосъ, а на 7 мѣсяцевъ здѣшней зимы нужно много сѣна. Поэтому трудно управиться съ косовицею до созрѣванія хлѣбовъ; кромѣ того, нужно распахать залоги и пары, такъ какъ пахать во время уборки уже некогда. Затѣмъ наступаетъ возка хлѣбовъ на гумно, съ которою тоже нужно торопиться, чтобы хлѣбъ не былъ захваченъ палами. Потомъ наступаетъ молотьба, съ которою едва управиться до Рождества. Уже во время молотьбы приходится возить дрова и сѣно изъ отдаленныхъ лѣсовъ и луговъ. За дровами жители многихъ селеній ѣздятъ верстъ за 20, такъ какъ ближе хорошихъ дровъ нѣтъ, а сѣнокосы, гдѣ стоятъ кормовые запасы, удалены часто отъ 10 до 20 вер. отъ селеній. Кромѣ того, приходится въ безснѣжныя зимы везти хлѣбъ на продажу въ городъ, запасти лѣсу на починку построекъ, привести въ исправность ограды, сани, повозки, плуги и упряжь; не успѣешь со всѣмъ этимъ управиться, какъ уже наступаетъ весна, а съ нею и вся суетливость полевыхъ работъ. Если въ одномъ дѣлѣ запоздаешь—наверстать трудно: во всемъ пойдетъ неуправка и того и гляди, хозяйство пойдетъ на убыль. Кто здѣсь думаетъ разжиться легкимъ трудомъ, тотъ сильно ошибается.

Вотъ оправданіе здѣшняго крестьянскаго хозяйственнаго строя, почерпнутое изъ устъ самихъ крестьянъ [1]).

Хозяйство на заимкахъ замѣтно лучше. Владѣльцы заимокъ, частью зажиточные крестьяне, частью Благовѣщенскіе мѣщане, по преимуществу молоканской секты, выходцы изъ Тамбовской губерніи, устраиваются болѣе прочнымъ образомъ, дѣлаютъ разныя хозяйственныя улучшенія на купленной ими у казны землѣ, въ видѣ прорытія канавъ, срытія кочекъ, возведенія хорошихъ построекъ, однимъ словомъ прилагаютъ къ земледѣлію и болѣе капиталовъ и болѣе труда. Большія препятствія къ развитію заимочнаго (хуторского) хозяйства представляетъ, однако, чрезвычайная дороговизна рабочихъ рукъ и предметовъ первой необходимости.

Главный контингентъ рабочихъ доставляютъ вновь прибывающіе переселенцы. Многіе изъ нихъ въ первые годы своего водворенія живутъ въ работникахъ у зажиточныхъ староселовъ; въ счетъ заработной платы наниматели предоставляютъ

---

[1]) См. Крюковъ, l. c., стр. 120.

въ ихъ пользу одну или двѣ десятины посѣва; въ собственность работника, въ счетъ предназначенной ему платы предоставляется иногда лошадь или корова. Годовой рабочій обходится на хозяйскихъ харчахъ отъ 100 до 150 р., мѣсячный отъ 10 до 15 р. Въ Томской волости платили въ 1891 г. за уборку зерномъ десятины пшеницы 15 р., ярицы и овса 10 р. Въ Гильчинской же волости манджуры нанимались вязать снопы за жатвенной машиной и класть въ суслоны по 5 р. съ хозяйственной десятины (въ 4000 кв. саж.). Стоимость всѣхъ земледѣльческихъ работъ въ переводѣ на казенную десятину въ той же волости составляетъ:

Вспахать залогъ въ Петровки.	10 р. — к.
Боронить послѣ Ильи въ 10 боронъ	4 » 50 »
Вторично вспахать поперекъ осенью	7 » 50 »
Боронить передъ покосомъ и послѣ покоса въ 10 бор.	5 » 50 »
9 пуд. ярицы на посѣвъ	9 » — »
Уборка	15 » — »
Молотьба и вѣяніе.	6 » 50 »
	56 р. — к.

При этомъ не принято въ расчетъ возка сноповъ, зависящая отъ разстоянія.

Что же касается до цѣнъ на главные предметы крестьянскаго обихода, то они нынѣ слѣдующія:

Телѣга съ окованными колесами	35 р. — к.		
Станъ колесъ безъ шинъ . . .	8 » — »		
Пудъ желѣза	4 » — »	до	4 р. 50 к.
» гвоздей	7 » — »		
Топоръ американскій	4 » — »		
Серпъ	1 » — »		
Коса листовая	1 » 50 »		
Борона деревянная съ желѣзными зубьями.	5 » — »		
Плугъ съ лемехомъ въ 10 верш. ширины	20 » — »		
Лемехъ отдѣльно съ желѣзными частями.	12 » — »		
Бухарскій плугъ съ желѣзнымъ отваломъ	65 » — »		
Сбруя на лошадь простая. . .	20 » — »		
Керосина банка въ 38 ф. . .	3 » — »		
Пудъ дегтя	4 » — »		

Соль поваренная за пудъ . . .	1 р.	60 к.			
Пара воловъ	120 »	— »			
Лошадь Забайкальская	80 »	— »	до	100 р.	— к.
» Томская	150 »	— »	»	200 »	— »

Въ Зейско-Буреинскомъ раіонѣ, также какъ и вообще въ Амурской области, озимые хлѣба не сѣются. Переселенцы изъ Европейской Россіи не разъ пробовали сѣять озимую рожь, но попытки ихъ не увѣнчались успѣхомъ. Главныя причины этого неуспѣха тѣже совершенно безснѣжныя зимы и жестокіе зимніе холода. Въ тѣхъ же мѣстностяхъ области, гдѣ зимою выпадаетъ нѣсколько болѣе снѣга, озимая рожь для своего созрѣванія и уборки встрѣчала почти непреодолимое препятствіе въ іюльскихъ дождяхъ.

Посѣвы въ Зейско-Буреинскомъ раіонѣ распредѣляются такъ: 39% посѣвовъ падаетъ на овесъ (до 15000 дес.), 38% на пшеницу (до 14770 дес.,) и 16% на ярицу (6140 дес.). Производство остальныхъ хлѣбовъ составляетъ въ совокупности только 7% всѣхъ посѣвовъ, а именно: ячменя высѣвается 1330 дес., проса 736 дес., гречихи 335 дес., остальное приходится на нехлѣбные посѣвы: ленъ (93 дес.), коноплю (177 дес.) и бахчи (200 дес.).

Пищевого хлѣба, за сѣмянами, раіонъ производитъ при среднихъ урожаяхъ 1310000 пуд. (330 тыс. пуд. ярицы и 980 тыс. пшеницы), такъ что на душу об. п. приходится 42,3 пуд.; слѣдовательно, огромный избытокъ пищевого хлѣба, который будучи опредѣленъ въ 750 тыс. пуд., можетъ покрыть продовольствіе города (до 400 т. пуд.), пріисковъ (200 т. п.) и войска всего Амурскаго края. На помощь этому хлѣбу приходятъ еще производимые раіономъ сверхъ сѣмянъ: 32 т. пуд. ячменя, 27 тыс. пуд. проса и 9500 пуд. гречихи.

Овса раіонъ производитъ, сверхъ сѣмянъ, болѣе 800 тыс. пуд., что составитъ на рабочую лошадь по 53 пуд., количество, въ 5 разъ превышающее ту же пропорцію въ казачьихъ округахъ. Очевидно, что такимъ количествомъ овса покрываются не только нужды мѣстнаго населенія, но и потребности всей области.

Здѣшняя ярица мельче и легковѣснѣе озимой ржи, оболочка ея зеренъ толще. Переселенцы утверждаютъ, что здѣшній яричный хлѣбъ далеко не имѣетъ той силы и питательности, какъ русскій ржаной хлѣбъ. Пшеница здѣсь двухъ сортовъ: красная, принесенная изъ Россіи, и бѣлая изъ Манджуріи; послѣдняя лучше приспособлена къ здѣшнимъ климатическимъ

условіямъ, но легче высыпается, если ее перепустить. Овесъ здѣсь разнаго происхожденія: средне-русскій, забайкальскій и манджурскій, но теперь ихъ уже различить невозможно, настолько они перемѣшались. Переселенцы утверждаютъ, что и здѣшній овесъ не имѣетъ той питательности, какъ русскій.

Просо, здѣсь высѣваемое, двухъ родовъ: мелкое, сѣрое, головчатое—буда (Setaria italica), растущее колосьями, и яръ-буда, болѣе крупное и метельчатое, т.-е. настоящее просо. Просо между Зеей и Буреей родится вездѣ хорошо; посѣвы его ограничены только малымъ распространеніемъ просорушенъ, а отчасти непривычкою переселенцевъ къ потребленію проса въ томъ количествѣ, въ какомъ его потребляютъ манджуры, китайцы и корейцы.

Техническіе пріемы земледѣлія между крестьянами въ Амурской области слѣдующіе [1]). При распашкѣ цѣлинныхъ мѣстъ и залежей употребляется повсемѣстно плугъ. Онъ имѣетъ желѣзный лемехъ шир. отъ 6 до 12 верш.; лемехъ прикрѣпляется желѣзнымъ шкворнемъ къ грядилю, сдѣланному изъ деревяннаго бруса. Отвалъ изъ доски, поставленной вертикально къ лемеху, упирается въ грядиль. Около 2 верш. впереди лемеха прикрѣпляется къ грядилю ножъ, а отъ лемеха къ грядилю, позади отвала, идетъ желѣзный шкворень. При обработкѣ цѣлины въ такой плугъ впрягаютъ 3 и 4 пары воловъ, при распашкѣ залежей достаточно 2 паръ. При пахотѣ стараются борозды дѣлать какъ можно шире; обыкновенная ширина отваливаемаго пласта отъ 8 до 12 верш., такъ что на сажени выходитъ отъ 4 до 6 бороздъ. Глубина пашни на цѣлинѣ рѣдко болѣе 2 верш., вслѣдствіе чего отваливаемый пластъ получается слишкомъ широкій по отношенію къ своей толщинѣ и не можетъ быть правильно отваливаемъ, а ложится плашмя дерномъ внизъ, вслѣдствіе чего плохо перегниваетъ.

У зажиточныхъ крестьянъ, напримѣръ, гильчинскихъ молоканъ, есть болѣе усовершенствованные плуги; а именно: однолемешный, безпередковый, съ желѣзнымъ отваломъ и ножомъ, называемымъ бухарскимъ; американскій Дира; двухлемешный, желѣзный, Эккерта. Но пока эти усовершенствованные плуги еще не имѣютъ большого распространенія. При перепахиваніи жнивья употребляются сабаны и сохи, принесенныя изъ Россіи.

---

[1]) Эти и послѣдующія свѣдѣнія заимствованы по преимуществу изъ прекраснаго труда Крюкова: «Сельское хозяйство въ Амурской области», напечатаннаго въ журналѣ «Сельское хозяйство и лѣсоводство», іюнь 1892 г., стр. 143—182.

Цѣлину начинаютъ поднимать обыкновенно съ 1-го іюня. Выпаханное поле (залогъ) оставляютъ въ покоѣ, пока оно не зарастетъ сорными травами, но хорошіе хозяева боронятъ залоги въ концѣ іюня или началѣ августа. Распространенная здѣсь борона состоитъ изъ деревянной рамы съ желѣзными, въ видѣ гвоздей, зубьями; на дернистой и очень плотной цѣлинѣ эта борона работаетъ плохо, раздробляя пластъ только по верху, и работа остается несовершенною, хотя боронятъ въ 10 и даже до 30 слѣдовъ.

Въ сентябрѣ хорошіе хозяева перепахиваютъ свои залоги поперекъ, но большинство оставляетъ ихъ до весны, а весною никогда не успѣваетъ перепахивать и ограничивается одною бороньбою. При весенней перепашкѣ посѣвъ неизбѣжно оттягивается до 20 мая, тогда какъ при осенней обработкѣ посѣвъ можетъ быть уже произведенъ въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая.

Вспашка жнивья производится болѣе легкимъ орудіемъ, чѣмъ поднятіе поля, а именно, сабаномъ, сохой, американскимъ плугомъ Дира и двухлемешнымъ плугомъ Эккерта, гдѣ послѣдній имѣется. Если же почему-либо осенью не удалось вспахать поля, такъ пахать приступаютъ раннею весной, какъ только земля оттаетъ на 2—3 вершка. Паханіе возможно для мѣстностей по Гильчину уже съ 1-го по 15-е апрѣля, а для болѣе суровыхъ мѣстностей съ 23 апрѣля.

Всѣ посѣвы по времени производятся съ половины апрѣля до половины іюня. Посѣвы производятся въ разбросъ руками, но у отдѣльныхъ хозяевъ есть разбросныя сѣялки Эккерта. Прежде всего высѣвается ярица, затѣмъ слѣдуютъ хлѣба въ слѣдующемъ порядкѣ: пшеница, ячмень, овесъ, ленъ, просо (въ первыхъ числахъ іюня) и, наконецъ, гречиха, высѣваемая въ серединѣ іюня.

При громадномъ избыткѣ свободной земли, въ правильномъ сѣвооборотѣ не обнаруживается потребности; на одномъ и томъ же участкѣ высѣваютъ хлѣбные растенія пока онъ родитъ, затѣмъ забрасываютъ участокъ въ залежь на неопредѣленное число лѣтъ.

Вотъ примѣры чередованія посѣвовъ въ разныхъ селеніяхъ раіона:

	С Е Л Е Н І Я.			
Годы.	Гильчинъ.	Ключи.	Бахирево.	Новотроицкое.
1-й	ярица.	пшеница.	ярица или пшеница.	ярица.
2-й	пшеница.	ярица или буда.	овесъ или ярица.	ярица или пшеница.

Годы.	СЕЛЕНІЯ. Гильчинъ.	Ключи.	Бахирево.	Новотроицкій.
3-й	овесъ.	пшеница.	гречиха или буда.	овесъ.
4-й	гречиха.	гречиха.	ярица.	гречиха.
5-й	ярица.	ярица.	овесъ или паръ.	ярица.
6-й	овесъ.	овесъ.	гречиха.	паръ.
7-й	овесъ.		ярица или овесъ.	ярица.
8-й		залежъ.		гречиха.
9-й	залежъ.		залежъ.	овесъ.
10-й				овесъ.

Гречиха, какъ замѣчаютъ крестьяне-переселенцы, дѣйствуетъ очень хорошо на послѣдующій хлѣбъ. Послѣ нея поле остается рыхлымъ и чистымъ отъ сорныхъ травъ, такъ что во многихъ мѣстахъ гречишное жнивье совсѣмъ и не пашутъ, а сѣютъ прямо наволокомъ подъ борону.

Залежи оставляются на семь до десяти лѣтъ. На брошеныхъ поляхъ въ первый годъ растительности почти не бываетъ, затѣмъ является полынь и другія сложно-цвѣтныя (напр. Erigeron), затѣмъ колокольчатыя (Campanulaceae), губоцвѣтныя (напр. Glechoma и Scutellaria), иванъ-чай (Epilobium angustifolium), а наконецъ и злаки (пырей и пр.), послѣ чего обыкновенно залежъ уже обращается въ покосъ.

Жатва начинается не ранѣе 15 іюля въ наиболѣе южныхъ мѣстностяхъ Зейско-Буреинскаго раіона (напр., на Гильчинѣ), но болѣе общимъ временемъ жатвы нужно считать отъ 1 августа до 1 октября. Прежде всего поспѣваетъ ярица, затѣмъ пшеница и ячмень, наконецъ, овесъ, буда и гречиха. Уборка производится преимущественно серпомъ, потому что хлѣбъ, при обиліи лѣтней влаги, вырастаетъ очень высокимъ. Косьба хлѣбовъ встрѣчается очень рѣдко. У зажиточныхъ хозяевъ имѣются и жатвенныя машины системы Адріанса, получившія особенное распространеніе въ Гильчинской волости. Въ послѣднее время стали появлятся сноповязалки Диринга. Малороссіяне складываютъ хлѣбъ въ копы по 60 сноповъ, ставя двѣ полукопны; великоруссы въ копны изъ крестцовъ по 13 сноповъ, сибиряки въ суслоны по 10 изъ сухого хлѣба и по 8 или даже 6 изъ сыроватаго.

Ярица и пшеница на хорошо обработанной землѣ, при достаточно раннихъ посѣвахъ, всегда дозрѣваютъ; овесъ и гречиха не всегда доходятъ. Если пашня заготовляется съ осени, то

ярица и пшеница, высѣваемыя раннею весною, пользуются почвенною влагою, происходящею отъ глубокаго зимняго промерзанія почвы, проникнутой обильными осенними дождями, и даютъ съ весны хорошіе всходы. Овесъ же и гречиха, высѣваемые поздно, находятся уже въ зависимости отъ времени наступленія періода лѣтнихъ дождей, и если наступленіе этого періода запаздываетъ, то хлѣба эти не успѣваютъ дозрѣвать. Такъ это было въ 1885 г., единственный годъ—оставшійся въ народной памяти переселенцевъ, какъ неурожайный, со времени ихъ переселенія въ раіонъ. Въ этомъ году дождливый періодъ начинающійся обыкновенно задолго до Петрова дня, наступилъ только около Ильина дня, такъ что ни овесъ, ни гречиха не успѣли созрѣть до осеннихъ утренниковъ, особенно губительно дѣйствующихъ на гречиху, раннимъ посѣвамъ которой мѣшаютъ весенніе утренники. Въ томъ же году запозданіе дождливаго періода подѣйствовало губительно и на посѣвы ярицы и пшеницы, такъ какъ промежутокъ между оттаиваніемъ почвы и наступленіемъ дождливаго періода былъ слишкомъ продолжителенъ.

Снопы хлѣба изъ копенъ и суслоновъ чаще всего свозятъ на токъ и складываютъ здѣсь въ зароды (скирды). Зародъ дѣлается такимъ образомъ: кладутъ два ряда сноповъ колосьями другъ къ другу на 4 или 5 саж. длины; посединѣ образовавшагося такимъ образомъ яруса кладутъ точно такимъ же образомъ 2-й, 3-й и т. д., до высоты 2 и $2^1/_2$ саж. Выходитъ очень плотная куча съ коническимъ верхомъ. Кучу вершатъ снопами, поставленными комлемъ кверху, а колосья направляютъ по обоимъ скатамъ. Подъ зародъ подстилаютъ солому, а у зажиточныхъ хозяевъ дѣлается даже родъ фундамента изъ бревенъ, высотою около $^1/_2$ аршина отъ земли. Въ такихъ зародахъ хлѣбъ остается до самой молотьбы.

Для тока выбирается ровное мѣсто, которое очищается отъ травы и утаптывается. Въ началѣ ноября, когда устанавливаются постоянные морозы, токъ поливаютъ нѣсколько разъ водою, образуя ледяную кору въ $^1/_2$ вершка толщины. Если имѣется по близости селенія озеро или рѣка, то токи устраиваются прямо на льду.

Новоселы молотятъ обыкновенно цѣпами, но старожилы, пришедшіе изъ Сибири, по примѣру казаковъ, молотятъ лошадьми. Для этого разстилаютъ на току снопы и гоняютъ безпрерывно отъ 5 до 8 лошадей, одна за другою, причемъ снопы часто переворачиваютъ. Молотьба лошадью требуетъ меньшаго физическаго напряженія со стороны работника и

идетъ скорѣе, но много уступаетъ молотьбѣ цѣпами. Во многихъ мѣстахъ молотятъ и китайскими катками. Катки эти каменные, отъ 1 до $1^1/_2$ аршина длины, въ поперечникѣ отъ 8 до 9 верш., гладкіе и имѣющіе нѣсколько форму усѣченнаго конуса. Катокъ запрягается въ одну лошадь и пускается по разбросанному въ кругъ хлѣбу. По чистотѣ работы молотьба катками лучше молотьбы лошадьми, но все-таки уступаетъ ручной. Молотилки еще мало распространены, но уже начинаютъ появляться у нѣкоторыхъ хозяевъ [1]).

Молотьба продолжается обыкновенно всю зиму, затягиваясь до февраля. Вѣяніе хлѣба, вслѣдствіе отсутствія вѣтровъ зимою, часто затрудняется; приходится ловить удобные для того моменты и ими пользоваться. Вѣялки встрѣчаются пока еще рѣдко.

Очистка сѣмени представляетъ больное мѣсто здѣшнихъ хозяйствъ. Сортировокъ нѣтъ; нѣтъ даже хорошихъ цинковыхъ рѣшетъ для подсѣванія. Сѣмяна очищаются на самодѣльныхъ рѣшетахъ изъ кожи или волоса. Дырочки въ кожѣ пробиваются желѣзными трубочками. При такихъ несовершенныхъ инструментахъ зерно получается очень сорное.

Сушка хлѣба въ снопахъ (т.-е. въ овинахъ) встрѣчается у переселенцевъ изъ сѣверныхъ губерній Россіи. Но большинство хозяевъ сушитъ хлѣбъ въ зернѣ передъ отвозомъ на мельницу: зимою на печи, лѣтомъ на солнцѣ.

До самаго послѣдняго времени главный способъ выработки муки былъ чисто домашній, т.-е., зерновой хлѣбъ, по мѣрѣ надобности, молотили ручными жерновами, привезенными первоначально казаками изъ Забайкалья. Затѣмъ жернова постоянно приплавляли съ солью и другими товарами на баржахъ и продавали отъ 3 до 7 руб. за пару. Желѣза для установки такихъ жернововъ вовсе не требуется. Мелятъ обыкновенно женщины и въ день ловкая намалываетъ 2 пуда муки. Ручныя мельницы отъ казаковъ распространились и среди крестьянскаго населенія. Въ послѣднее 10-лѣтіе стали распространяться въ области водяныя и конныя мельницы, но вѣтрянки мало, потому что въ самое нужное время, зимою, вѣтры очень рѣдки.

Конныя мельницы устраиваются или съ топчаками или съ веревочными приводами. Стоимость ихъ устройства отъ 100 до 200 руб. изъ хозяйскаго матеріала. Жерновые камни пріі-

---

[1]) На Гильчинѣ въ 1891 г. у молокана Лапкина уже была паровая сложная молотилка, съ локомобилемъ въ 10 силъ. См. Крюковъ, «Сельское хозяйство въ Амур. обл.», l. c., стр. 155.

обрѣтаются въ Бѣлогорьѣ, на правомъ берегу Зеи; пара хорошихъ жернововъ (въ 6 четв., 2 верш. въ діам.) стоитъ отъ 120 до 130 руб. на мѣстѣ. Маленькія водяныя мельницы устраиваются иногда на быстрыхъ рѣчкахъ, воду поднимаютъ маленькою плотиной на $^1/_2$ арш. или на 1 арш. и пускаютъ по жолобу такъ, чтобы она била въ пальчатое колесо, вращающееся на вертикальной оси; на другомъ концѣ этой оси прикрѣпленъ жерновъ ручного размѣра. Большія водяныя мельницы имѣютъ обыкновенное устройство. Въ Благовѣщенскѣ въ недавнее время устроены паровыя крупчатыя мельницы. Стоимость помола отъ 8 до 6 коп. съ пуда, или берутъ за помолъ 11-й или 12-й пудъ: просо сушатъ по 9 коп. съ пуда, или за 9-й пудъ.

Посѣвы картофеля весьма ограничены въ Зейско-Буреинскомъ раіонѣ и рѣдко заходятъ за предѣлы огорода. Между тѣмъ, на суглинистыхъ и супесчаныхъ почвахъ картофель даетъ обильные урожаи. Онъ заходитъ даже далеко въ горную страну и съ успѣхомъ разводится по всей Зеѣ, вплоть до резиденціи Верхне - Амурской К°, а по Буреѣ выше Пайкана. Картофель въ Амурской обл. бываетъ 3-хъ сортовъ: круглый, съ желтою, нѣжною сердцевиной, очень вкусный, но мало распространенный; продолговатый, розоваго цвѣта, съ бѣлою сердцевиной—наиболѣе распространенный и, наконецъ, продолговатый, съ синею кожей и бѣловатою водянистою сердцевиной. Послѣдній сортъ очень выносливъ, даетъ хорошіе урожаи, но дуренъ на вкусъ и годится только для скота. Картофель даетъ урожаи до 1000 пуд. съ десятины.

Изъ нехлѣбныхъ растеній значеніе имѣютъ посѣвы льна, конопли и табака.

Льна высѣвается во всемъ раіонѣ 93 дес., повсюду родится хорошо и даетъ до 3000 пуд. волокна и до 2200 п. сѣмени, но посѣвы его не развиваются достаточно потому, что маслобоенъ въ селеніяхъ раіона нѣтъ и что только въ немногихъ селеніяхъ женщины умѣютъ ткать. Конопли высѣвается въ раіонѣ до 180 дес.; она выростаетъ даже въ неудобренныхъ мѣстахъ въ сажень выс. и даетъ во всѣмъ раіонѣ до 7000 пуд. волокна и до 6000 пуд. сѣмяни. Волокно идетъ преимущественно на веревки и рыболовныя снасти, но тканье изъ пеньки встрѣчается рѣдко. Табакъ растетъ хорошо, но разводится только для собственнаго потребленія, у крестьянъ гораздо менѣе, чѣмъ у казаковъ. Табакъ этотъ очень грубая махорка, разводимая безъ всякаго ухода и сушимая безъ надлежащихъ пріемовъ.

Подъ бахчами 210 дес.; арбузы и дыни идутъ на мѣстное

потребленіе, а отчасти сбываются въ Благовѣщенскъ; они не высокаго качества, такъ какъ постоянно дождливое лѣто не дѣйствуетъ на нихъ благопріятно.

Огородничество, при своихъ очень скромныхъ размѣрахъ, находится въ очень плохомъ состояніи; грядки дѣлаютъ кое какъ, совсѣмъ не поливаютъ, а сѣютъ очень рѣдко вслѣдствіе чего онѣ заростаютъ бурьянами, имѣющими до сажени высоты. Садоводство находится въ зародышѣ своего развитія.

Коневодство и скотоводство въ количественномъ отношеніи имѣетъ въ Зейско-Буреинскомъ раіонѣ достаточное развитіе. Рабочихъ лошадей въ раіонѣ приходится на дворъ 3,6, а всѣхъ лошадей по 5 на дворъ. Это, конечно, значительно менѣе чѣмъ у казаковъ, но все же еще очень достаточно. Рогатаго скота приходится вообще на дворъ 5,7, въ томъ числѣ взрослаго 3,5 на дворъ. Это также нѣсколько менѣе, чѣмъ у казаковъ, но все же рогатый скотъ, употребляемый здѣсь и на полѣ, дополнятъ рабочую силу раіона въ земледѣльческихъ работахъ. Свиноводство, которому очень благопріятствуютъ мѣстныя условія, развито еще болѣе, чѣмъ у казаковъ; на дворъ приходится 2,8 свиньи. Развитіе овцеводства слабое, но все-таки овецъ въ раіонѣ до 5000, слѣдовательно болѣе одной овцы на дворъ и слѣдовательно гораздо болѣе, чѣмъ въ казачьихъ округахъ.

Лошади въ Амурской области двухъ породъ: *Забайкальскія* и *томскія*. Забайкальская лошадь ростомъ около 2 арш. имѣетъ довольно плотное туловище, но узковатую грудь; преобладающія ея цвѣта—сѣрый, соловой, буланый и гнѣдой. Томская лошадь крупнѣе, до 2 арш. 6 верш., и сильнѣе; цвѣта преимущественно темно-гнѣдого, караковаго и бураго. Томская лошадь идетъ съ мѣста шагомъ, но постепенно прибавляя ходу, бѣжитъ подъ конецъ рысью, не изнемогая. Забайкальская рвется съ мѣста вскачь но впослѣдствіи убавляетъ ходу, а съ 20-й версты уже требуетъ побужденія, но она довольствуется меньшимъ количествомъ овса и даже совсѣмъ безъ него обходится и вообще выносливѣе и долговѣчнѣе томской. Забайкальская лошадь очень хороша для малыхъ разстояній, но для полевыхъ работъ и дальнихъ извозовъ томская пригоднѣе, хотя требуетъ большаго количества корма. Помѣсь между обѣими породами даетъ крѣпкое потомство съ средними между ними качествами. Томскія лошади особенно распространены въ окрестностяхъ Благовѣщенска и въ Гильчинской волости.

Лѣтомъ всѣ лошади содержатся въ табунахъ на пастбищѣ,

сначала на поскотинахъ (выгонахъ), а потомъ въ тайгѣ. Тамъ онѣ пребываютъ все лѣто и только глубокою осенью возвращаются домой. Въ тайгѣ лошади сильно дичаютъ, дѣлаются пугливыми и непослушными. По возвращеніи домой лошадей кормятъ сѣномъ или мякиной, облитою соленою водой; овесъ дается имъ только въ работѣ или въ извозѣ. Вотъ почему, при продолжительности зимы, крестьянамъ приходится заготовлять много сѣна. Между тѣмъ хорошіе покосы очень рѣдки и бываютъ расположены обыкновенно на небольшихъ возвышенностяхъ (еланяхъ). Если хорошіе сѣнокосы находятся вдали отъ селеній (верстъ за 15 до 20), то доставка скошеннаго сѣна производится зимою и крайне затрудняется безснѣжностью зимы. Въ низменностяхъ сѣно жестко, грубо, малопитательно и состоитъ изъ болотныхъ травъ. Впрочемъ, сами поселенцы замѣчаютъ, что съ расчисткою значительныхъ площадей для земледѣльческихъ цѣлей и съ развитіемъ самаго земледѣлія, луга мало-по-малу улучшаются, скотъ постепенно вытаптываетъ все большія пространства, покрытыхъ мѣстъ становится меньше и вообще съ развитіемъ земледѣлія край утрачиваетъ свою прежнюю дикость [1]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Зейско-Буреинскаго раіона дѣлали опыты травосѣянія. Тимофѣевка даетъ прекрасные результаты, а клеверъ пропадаетъ.

Рогатый скотъ въ Амурской области очень смѣшаннаго происхожденія. Первоначально въ области былъ только рогатый скотъ, пригнанный казаками изъ Забайкалья. Затѣмъ хохлы приводили съ собою своихъ малороссійскихъ быковъ, пермяки пригоняли своихъ небольшихъ коровокъ, воронежцы свои породы. Наконецъ послѣ частыхъ скотскихъ падежей на укомплектованіе скота здѣшнихъ областей покупали его въ Манджуріи. Всѣ эти животныя дали помѣсь, утратившую всякую типичность. Вліяніе помѣси манджурскаго скота сильно испортило породу. Такъ какъ манджуры не доятъ скота, то вымя и соски у ихъ коровъ крайне неразвиты, а потому и молочность Амурскихъ коровъ поразительно мала.

Помѣщенія для скота всюду очень плохи. Навѣсъ, коекакъ прикрытый прутьями, служитъ единственнымъ прибѣжищемъ скота во время жестокихъ морозовъ. Хорошо устроенные загоны очень рѣдки.

Пастьба скота большею частію вольная, т.-е. безъ пасту-

---

[1]) См. Крюковъ, l. c., стр. 163. Показаніе это вполнѣ сходится съ показаніемъ Коржинскаго. По нашему сравненію Амурская область, съ развитіемъ въ ней культуры, теряетъ постепенно суровый и дикій характеръ Германіи временъ Тацита.

ховъ. Выгоны или выпуски, на которыхъ пасется скотъ, начинаются у самыхъ усадебъ и идутъ во всѣ стороны, примыкая гдѣ-нибудь къ водопоямъ, рѣкамъ или озерамъ. Эти обширные выпуски отдѣляются отъ полей и тайги изгородью изъ жердей, называемою поскотиною; отъ этихъ изгородей и всѣ обширные выгоны, ими окружаемые, получаютъ названіе поскотины. Тамъ, гдѣ дорога пересѣкаетъ поскотину, устраиваютъ ворота, которые проѣзжающіе обязаны запирать, чтобы скотъ не могъ выйти изъ своей поскотины. Но случается, что изгородь разламывается и скотъ уходитъ въ тайгу, гдѣ и пропадаетъ на все лѣто, возвращаясь домой, когда въ тайгѣ уже нѣтъ корма. Понятно, что скотъ этотъ дѣлается нерѣдко добычею дикихъ звѣрей. Скотъ же, остающійся на поскотинѣ, самъ возвращается съ закатомъ солнца по дворамъ; здѣсь крестьянки подпускаютъ остающихся все время во дворахъ телятъ къ коровамъ и доятъ сихъ послѣднихъ. Въ полдень остающіеся дома телята получаютъ пойло изъ отрубей.

Нетели и бычки полугодового возраста уже пускаются въ стадо. При общей пастьбѣ телки забеременіваютъ въ раннемъ возрастѣ и эта слишкомъ ранняя случка оказываетъ громадное ухудшающее вліяніе на качество скота. Вотъ почему рогатый скотъ въ Амурской области до нельзя мелокъ и худосоченъ. Ни крестьяне, ни казаки не заботятся объ улучшеніи своего скота и обращаютъ вниманіе только на его количество. Случается, что при пяти дойныхъ коровахъ во дворѣ хозяйка съ трудомъ можетъ достать отъ нихъ двѣ бутылки молока, а фунтъ коровьяго масла стоитъ въ деревняхъ 50 коп., да и не вездѣ его можно достать [1]). Сами хозяева соглашаются, что выгоднѣе было бы имѣть вмѣсто пяти плохихъ коровъ одну или двухъ хорошихъ, тщательно присматривая за ними, но при этомъ говорятъ, что нынѣ это невозможно, такъ какъ пять коровъ не стоютъ имъ никакихъ хлопотъ, а за одною или двумя надо смотрѣть и хлопотать, а дѣлать этого некому, такъ какъ бабы ихъ не особенно домовиты, да и въ полѣ имъ дѣла много. Очевидно, что при слишкомъ широкомъ размахѣ экстенсивнаго хозяйства на правильное, раціональное веденіе хозяйства не хватаетъ силъ.

Такъ какъ пастьба скота въ Зейско-Буреинскомъ раіонѣ продолжается только мѣсяцевъ 5, то въ остальные 7 скоту приходится давать сухой кормъ. Основу этого корма состав-

---

[1]) См. Крюковъ, l. c., стр. 59. Эти показанія Крюкова какъ нельзя болѣе сходятся съ показаніями Коржинскаго.

ляетъ сѣно, такъ какъ здѣшній скотъ не ѣстъ соломы иначе, какъ въ видѣ сѣчки, облитой соленою водой. Мякину и остатки колосьевъ скотъ любитъ. Тельнымъ коровамъ и телятамъ приготовляютъ болтушку изъ мякины или крупяной полухи съ прибавкою муки, варенаго картофеля и соли. Рабочій скотъ, замѣняющій лошадей, введенъ въ Зейско-Буреинскомъ районѣ въ 1876 г. малороссійскими переселенцами. Рабочій скотъ повсемѣстно кормится сѣномъ.

Сильнымъ препятствіемъ къ развитію коневодства и скотоводства служили частыя эпизоотіи: сибирская язва на лошадяхъ и чума на рогатомъ скотѣ. Въ 1887 г. въ селеніяхъ Зейско-Буреинскаго раіона эпизоотія истребила 13% рогатаго скота, въ 1869 г. 8% лошадей. Убытки отъ падежей громадные, такъ какъ средняя цѣна хорошей рабочей лошади здѣсь 100 р., а пара воловъ 120 руб. Низменныя сырыя пастбища и масса стоячихъ водъ по рр. Томи, Будундѣ и Бѣлой служатъ постояннымъ очагомъ сибирской язвы, а гдѣ пастбища сухія и болота отсутствуютъ, напримѣръ, около Екатерино-Никольской, тамъ сибирская язва появляется очень рѣдко и выхватываетъ только единичныхъ животныхъ. Чума, какъ утверждаютъ, заносится изъ Манджуріи. При условіяхъ здѣшняго скотоводства пріостановить или прикратить эпизоотію невозможно, такъ какъ главный распространитель эпизоотіи — свободная, ничѣмъ не стѣсняемая пастьба, гдѣ заболѣвшая лошадь или корова быстро и безпрепятственно заражаетъ другихъ.

Другимъ бичемъ для скота въ Амурской области является несмѣтное количество нападающихъ на него насѣкомыхъ, которыхъ мѣстное населеніе охарактеризовало именемъ «гнуса». Съ ранней весны уже появляются комары и мошка, а затѣмъ мухи и овода, достигающіе огромныхъ для такихъ насѣкомыхъ размѣровъ (до 1 верш. длины). Въ іюлѣ коровы и лошади не въ силахъ отмахиваться отъ назойливыхъ насѣкомыхъ; облѣпленные ими съ головы до ногъ и искусанные до крови, они бѣгутъ домой и скрываются между строеніями, находя себѣ отдыхъ только ночью. При этомъ пауты (овода) нерѣдко переносятъ сибирскую язву и заразительныя болѣзни съ больныхъ животныхъ на здоровыхъ. Даже люди спасаются отъ нихъ только закрывая голову и шею платками и устраивая такъ называемые «дымокуры». Впрочемъ, старожилы единогласно утверждаютъ, что теперь «совсѣмъ стало легче» и противъ прежняго на половину нѣтъ гнуса. Увеличеніе пространства распашекъ, уменьшеніе числа мочажинъ и болотъ и уничтоженіе части лѣсовъ сильно уменьшило количество насѣкомыхъ.

Развитію овцеводства представляются и донынѣ въ Амурской области трудно одолимыя препятствія, а именно: 1) низкія и мокрыя пастбища для овецъ непригодны, такъ какъ отъ такихъ пастбищъ, какъ показываетъ опытъ, овцы болѣютъ и умираютъ, а возвышенныхъ и сухихъ пастбищъ, какъ на прибрежьяхъ Амура, такъ и въ Зейско-Буреинской равнинѣ очень мало; 2) удобныя для пастбищъ сухія поскотины, тамъ, гдѣ онѣ есть, густо заростаютъ орѣшникомъ, боярышникомъ и другими высокими кустарниками, представляющими превосходное пристанище для волковъ, нещадно истребляющихъ овецъ, и 3) овцы требуютъ присмотра пастуха, а такой способъ пастьбы еще не развился. При всемъ томъ овцеводство постепенно расширяется во всемъ Зейско-Буреинскомъ раіонѣ. Здѣшнія овцы Забайкальскаго происхожденія; шерсть на нихъ сѣрая, даютъ онѣ отъ 2 до $3^1/_2$ ф. грязной шерсти на голову. Мяса отъ овцы выходитъ около пуда, а изъ барана отъ $1^1/_2$ до 2 пуд.; сала бываетъ очень мало.

Разведеніе свиней очень распространено во всей области, но не въ видѣ правильнаго свиноводства, т.-е. откармливанія свиней и ухода за ними. Чѣмъ живутъ и питаются онѣ—никто не знаетъ; большую часть года онѣ сами себѣ добываютъ кормъ. Только въ глухую зиму ихъ кормятъ, т.-е. даютъ разъ или два въ день пойло изъ помоевъ, съ приправой мякины или гречишной шелухи.

Обширное распространеніе эпизоотій въ Зейско-Буреинскомъ раіонѣ навело крестьянъ на мысль замѣнять лошадей и воловъ верблюдами. Послѣдніе впервые заведены были молоканами на Гильчинѣ; въ настоящее же время ихъ въ Ивановской и Гильчинской волостяхъ имѣется тамъ 120 головъ. Верблюды покупаются по 150—180 р. въ Забайкальѣ, куда они приводятся изъ Монголіи. Первоначально они употреблялись исключительно для перевозки грузовъ зимою на пріиски; теперь же ихъ стали употреблять и для земледѣльческихъ работъ: въ жатвенныя машины, бороны и проч.[1]) Несмотря на довольно значительную стоимость, верблюды въ послѣднее время распространяются все больше и больше, такъ какъ они не подвергаются такимъ повальнымъ падежамъ, какъ лошади. Кромѣ того, верблюдъ при транспортахъ выгоднѣе лошади. Верблюду нужно только 7—10 фунтовъ овса, а лошади надо 20 ф.

---

[1]) Употребленіе верблюдовъ для полевыхъ работъ въ Средней Азіи—явленіе довольно обычное; съ недавнихъ поръ съ тою же цѣлью ихъ стали также употреблять въ Саратовской и Астраханской губерніяхъ и въ землѣ Войска Донского.

въ сутки; сѣна верблюдъ съѣдаетъ 10 ф., а лошади нужно $^1/_2$ пуда. При такомъ кормѣ верблюдъ везетъ на саняхъ 35 пуд. клади, а лучшая лошадь 25—27 пуд. Кромѣ названнаго корма верблюду даютъ черезъ каждыя три дня $^1/_4$ ф. соли [1]). Ихъ кормятъ такимъ образомъ: утромъ даютъ суточную порцію овса [2]), а вечеромъ—полную порцію сѣна [3]).

При описаніи волостей Зейско-Буреинскаго раіона мы видѣли, что кое гдѣ въ области уже есть зачатки пчеловодства. Во многихъ мѣстностяхъ раіона условія для развитія этой отрасли сельскаго хозяйства весьма благопріятны. Съ ранней весны почва покрывается разнообразными цвѣтами, смѣняющими другъ друга до осеннихъ морозовъ. Въ лѣсахъ много липы. Пчелы привезены въ область изъ Томской губерніи. Медъ получается превосходнаго качества и продается въ Благовѣщенскѣ отъ 18 до 20 р. за пудъ.

Въ заключеніе настоящей главы считаемъ полезнымъ привести нижеслѣдующую таблицу цѣнъ на хлѣбныя произведенія въ Благовѣщенскѣ за пудъ въ копѣйкахъ.

Года.	Мука. Ржаная яричная.	Мука. Пшенич-ная.	Крупа гречневая.	Пшено.	Овесъ.	Горохъ.	Карто-фель.
1860	125	237	58	80	38	50	48
1861	150	235	63	100	43	55	50
1862	120	130	—	—	36	90	65
1863	125	150	130	95	32	60	40
1864	—	150	120	65	30	60	45
1865	135	120	140	120	55	70	45
1866	115	250	115	110	50	90	40
1867	120	210	125	110	60	90	50
1868	115	160	125	125	55	105	45
1869	110	140	120	120	40	110	30
1870	90	240	100	85	50	100	30
1871	100	115	105	95	60	80	35

[1]) Считаемъ это количество весьма недостаточнымъ. Хотя анализовъ Амурскихъ почвъ и не производилось, но изъ того факта, что мѣстный скотъ съ необыкновенной жадностью бросается на все соленое, можно вывести безошибочное заключеніе, что соль въ составъ этихъ почвъ почти вовсе не входитъ, а потому нѣтъ ея и въ сѣнѣ, которое скармливается животному. Проходомъ черезъ нагорья сѣверо-восточной Тибетской окраины мы скармливали верблюду ежедневно горстъ соли и все же количество это считалось еще недостаточнымъ.

[2]) Скармливать фуражъ слѣдуетъ не въ одинъ разъ, а по меньшей мѣрѣ въ два. Обыкновенно зарзъ верблюду не даютъ болѣе трехъ фунтовъ фуража, какъ бы жалобно онъ его ни выпрашивалъ; да и вообще монголы и киргизы въ исключительныхъ случаяхъ выдаютъ ему зерновой кормъ (только ячмень), предпочитая давать ему хлѣбъ, когда въ пути нѣтъ подножнаго корма (напр., въ пескахъ Кара-кумы).

[3]) Крюковъ, l. c., стр. 164. Къ сожалѣнію Крюковъ не сообщаетъ намъ, какъ переносятъ верблюды столь имъ несвойственный климатъ.

Года.	Мука. Ржаная и ячичная.	Мука. Пшеничная.	Крупа гречневая.	Пшено.	Овесъ.	Горохъ.	Картофель.
1872	100	110	110	120	50	80	50
1873	125	115	110	125	75	95	60
1874	125	135	130	185	70	90	55
1875	110	125	110	130	55	80	40
1876	130	130	120	125	70	110	50
1877	180	200	325	160	100	—	85
1878	195	210	200	220	115	—	100
1879	195	220	185	220	115	—	100
1880	190	300	170	—	110	150	65
1881	130	130	130	140	65	135	60
1882	125	125	105	135	70	140	50
1883	105	120	145	165	85	155	65
1884	126	250	175	—	100	180	50
1885	210	250	175	—	100	180	50
1886	160	115	135	—	75	125	55
1887	100	107	134	144	78	131	49
1888	108	134	150	153	73	154	50
Ср. за 29 л.	131	166	136	127	67	166	53

ГЛАВА XII.

Неземледѣльческіе промыслы русскаго населенія, торговые пути и торговля.

Во всѣхъ трехъ раіонахъ области, занятыхъ русскимъ осѣдлымъ, какъ казачьимъ, такъ и крестьянскимъ, населеніемъ, земледѣліе или, лучше сказать, сельское хозяйство составляетъ главное занятіе жителей и почти во всѣхъ населенныхъ сельскихъ пунктахъ области обезпечиваетъ существованіе ея русскаго населенія. Тѣмъ не менѣе, въ экономической жизни сего послѣдняго, подспорьемъ сельскому хозяйству являются также и неземледѣльческіе промыслы, которые вмѣстѣ съ торговлею и составятъ предметъ нашей заключительной главы.

1) *Почтовая гоньба* служитъ хорошимъ источникомъ доходовъ для многихъ казаковъ всѣхъ 10 приамурскихъ казачьихъ округовъ. Казаки большею частію являются содержателями многочисленныхъ (72) почтовыхъ станцій вдоль всего Амура и почтовыми ямщиками, на что имъ даетъ возможность большое количество содержимыхъ ими рабочихъ лошадей, которыхъ приходится у казаковъ Верхне-Амурскаго раіона по 5,6 среднимъ числомъ на дворъ, а у казаковъ Южно-Амурскаго раіона по 5,2 между тѣмъ, какъ у крестьянъ Зейско-Буреинскаго раіона, количество это не превосходитъ среднимъ числомъ 3,5 рабочихъ лошадей на дворъ. По отчету губернатора за 1886 годъ заработокъ отъ содержанія станцій и почтовой гоньбы далъ казакамъ 155826 руб., а крестьянамъ 6500 руб. По отчету за 1892 г. заработокъ этотъ доставилъ казачьему населенію 133530 руб.[1]).

2) *Дальніе извозы.* Этотъ видъ промысла даютъ сельскому населенію области главнымъ образомъ золотопромышленныя компаніи. Большинство золотыхъ пріисковъ расположено въ верховьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ Амуръ, въ глухихъ и бездорожныхъ мѣстахъ, и доставка къ нимъ грузовъ производится

[1]) См. обзоръ Амурской обл. за 1886 г., стр. 14 и 1892 г., стр. 10.

преимущественно зимнимъ путемъ на лошадяхъ, хотя, конечно, пароходы, поднимающіеся по Зеѣ и Буреѣ, и доставляютъ часть грузовъ до пристаней и складовъ компаній. Такъ какъ золотые пріиски расположены въ мѣстностяхъ не только не населенныхъ, но и совершенно безплодныхъ, то всѣ произведенія сельскаго хозяйства, начиная съ хлѣба и кончая картофелемъ и лукомъ, привозятся на пріиски съ мѣстъ производства этихъ произведеній, т.-е. верстъ за 800 или 600, и только сѣно для своихъ лошадей компаніи имѣютъ возможность получить ближе, такъ какъ присутствіе луговъ на среднемъ теченіи Зеи и Буреи позволяетъ дѣлать здѣсь большіе запасы его. Общее количество грузовъ, доставляемое *на лошадяхъ* золотопромышленнымъ компаніямъ, Крюковъ опредѣляетъ отъ 500 до 700 тыс. пудовъ ежегодно [1]).

Всѣ эти грузы перевозятся на пріиски отчасти крестьянами, отчасти казаками. Крестьяне окрестностей Благовѣщенска, доставляя грузы на пріиски Верхне-Амурской и Зейской компаній, дѣлаютъ конецъ туда и обратно зимою въ одинъ мѣсяцъ. Одинъ извозчикъ гонитъ отъ 4 до 6 лошадей, идущихъ запряженными въ саняхъ другъ за другомъ. Груза на каждую лошадь кладется не болѣе 25 пуд., кромѣ овса для ея корма, что составляетъ въ началѣ пути еще отъ 10 до 12 пуд. на лошадь. Сѣно же отпускается компаніями на лежащихъ по дорогѣ зимовьяхъ по стоимости заготовки, которая тоже даетъ заработокъ крестьянамъ, косящимъ сѣно по близости зимовьевъ и доставляющимъ его къ нимъ. Зароботокъ этотъ оцѣнивается въ губернаторскомъ отчетѣ 1892 г. въ 75 тыс. руб. ежегодно [2]). Компаніи платятъ отъ 1 руб. 75 коп. до 2 руб. съ пуда. Примѣрный заработокъ извозчика слѣдующій: при 4 лошадяхъ онъ получитъ за 100 пудовъ клади 175 руб. Расходы же его составляютъ: за 40 пудовъ сѣна по 60 коп.—24 руб., за 120 пудовъ сѣна по 48 коп.—48 руб., на харчи 20 руб., на поправку саней, сбруи и мелкіе расходы 12 руб., всего 104 руб. Слѣдовательно, извозчику останется пользы 70 руб., а при 3 до 4 оборотахъ въ зиму онъ съ 4 лошадьми можетъ заработать отъ 210 до 280 руб. По отчету губернатора за 1886 годъ казаки заработали въ этомъ году извозами 50 тыс. руб., а крестьяне 8 тыс. руб. Послѣдняя цыфра съ развитіемъ колони-

---

[1]) См. въ журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, Хозяйство и Лѣсоводство, 1892 г., іюнь, стр. 181, гдѣ Крюковъ приводитъ точныя свѣдѣнія о закупкахъ Зейской и Нюманской компаній. Первая въ 1891 г. заполучила однихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, кромѣ сѣна, 142856 пуд., вторая 145090 пуд.

[2]) См. Обзоръ Амурской области за 1892 г., стр. 10.

зации въ Зейско-Буреинскомъ раіонѣ, безъ сомнѣнія, увеличилась во много разъ.

3) *Рыболовство* имѣетъ большое значеніе не только для инородческаго, но и для русскаго населенія края. Въ *Верхне-Амурскомъ раіонѣ* имъ занимаются казаки почти всѣхъ приамурскихъ и близкихъ къ Амуру поселковъ, какъ на Амурѣ, такъ и его притокахъ: Амазарѣ, Омутной, Уркѣ, Уручи, Олдоѣ Албазинѣ, Буриндѣ и Ононѣ, причемъ ловимая рыба составляетъ важное пищевое подспорье въ раіонѣ, гдѣ хлѣба не всегда достаточно на мѣстное продовольствіе. Ловъ производится какъ одиночно, такъ и семейно, а въ Кумарскомъ округѣ образуются и рыболовныя артели.

Въ Верхне-Амурскомъ раіонѣ области въ 1891 году было выловлено слѣдующее количество рыбы въ пудахъ [1]):

	Въ округахъ:						Приблизит.
	Игнашин.	Албаз.	Черняев.	Кумарск.	Екатерин.	Всего.	на сумму.
Кета . . .	—	75	—	5450	6650	12075	12000 р.
Калуга . . .	198	205	330	325	115	1173	4060 »
Осетеръ . .	142	230	900	285	230	1790	10500 »
Тальмень .	550	490	213	66	10	1429	5700 »
Сазанъ . .	—	—	170	145	30	345	1400 »
Щука . . .	785	225	200	155	240	1605	3200 »
Ленокъ . .	910	2240	805	250	85	4290	17000 »
Сигъ . . .	215	260	—	—	5	480	2500 »
Сомъ . . .	—	10	34	17	5	66	130 »
Хайрюзъ . .	605	195	—	—	50	850	2000 »
Лещь . . .	—	—	—	15	—	15	90 »
Налимъ . .	610	—	—	8	10	628	2500 »
Конекъ . .	—	—	—	495	—	495	500 »
Верхоглядъ .	—	—	—	—	20	20	30 »
Красноперъ .	—	—	—	—	30	30	60 »
Касатка . .	—	—	—	—	30	30	60 »
Чубакъ . .	245	—	—	465	100	810	1600 »
Карась . .	—	20	30	215	2	267	400 »
	4260	3960	2682	7891	7612	26405	63670 р.

Значеніе рыболовства для Верхне-Амурскаго раіона достаточно опредѣляется приведенными цифрами, хотя, конечно, боль-

---

[1]) Таблица эта и двѣ слѣдующія составлены по даннымъ, заключающимся въ прекрасномъ трудѣ Крюкова, полученномъ П. П. Семеновымъ въ концѣ мая нынѣшняго года отъ генералъ-губернатора Духовского. Трудъ Крюкова обнимаетъ весь Амурскій бассейнъ и будетъ изданъ въ I томѣ запис. Амурс. Отд. Импер. Рус. Геогр. Общ.

шая часть оцѣненной здѣсь примѣрно рыбы идетъ на потребленіе самихъ жителей, дополняя нѣкоторый недостатокъ въ производимомъ раіономъ хлѣбѣ.

Еще бо́льшее значеніе имѣетъ рыболовство въ Южно-Амурскомъ раіонѣ, гдѣ оно уже принимаетъ характеръ настоящаго промысла, производимаго казачьими артелями во времена періодическаго хода кэты вверхъ по Амуру. Мы не распространяемся здѣсь о технической сторонѣ рыболовства, такъ какъ предметъ этотъ былъ уже исчерпанъ въ VIII и IX главахъ, а здѣсь приводимъ только свѣдѣнія, подобныя тѣмъ, которыя приведены нами выше относительно Верхне-Амурскаго раіона. Нѣтъ сомнѣнія, что рыбные промыслы, именно въ Южно-Амурскомъ раіонѣ, могли бы получить еще болышее значеніе, если бы они были упорядочены, а именно: строго опредѣлены періоды лова рыбы и, вообще, съ одной стороны выработано законодательство, ограждающее рыбу отъ хищническаго истребленія, къ сожалѣнію уже подѣйствовавшаго на уменьшенія рыбныхъ богатствъ края, а съ другой организованы были удобныя мѣста для закола рыбы, отдаваемыя въ долгосрочныя аренды[1]).

Въ Южно-Амурскомъ раіонѣ области въ 1891 году было выловлено слѣдующее количество рыбы въ пудахъ:

	Въ округахъ:						На сумму
	Поярков.	Иннокен.	Раддев.	Ек.-Ник.	Мих.-Сем.	Всего.	рубл.
Кета . . .	15600	13700	7350	8200	8200	53050	53000
Калуга . .	1000	1185	70	135	—	2490	8000
Осетеръ . .	170	775	50	130	—	1125	6600
Таймень . .	25	—	—	—	—	25	100
Сазанъ . .	250	—	—	—	350	600	2400
Щука . . .	—	80	—	—	360	440	900
Ленокъ . .	—	300	—	40	200	540	1100
Сигъ . . .	—	14	—	—	—	14	90
Сомъ . . .	—	—	—	—	232	232	460
Карась . .	75	145	—	—	845	565	850
	17120	16199	7470	8505	9587	58831	73500

Несравненно меньшее развитіе имѣетъ рыболовство между крестьянскимъ населеніемъ Зейско-Буреинскаго раіона. Имъ занимаются крестьяне въ приамурскихъ селеніяхъ Амурско-Зейской волости, да въ призейскихъ и притомскихъ селеніяхъ

---

[1]) См. Труды III Хабаровскаго съѣзда, 1893 г., стр. 45 и Обзоры Амурской обл. за 1886 г., стр. 13 и 1892 г., стр. 10.

Томской и Черемховской волостей, между тѣмъ, какъ въ остальныхъ селеніяхъ и волостяхъ рыболовствомъ почти совершенно не занимаются.

Приведемъ здѣсь подобныя вышеприведеннымъ данныя, относительно улова въ Зейско-Буреинскомъ крестьянскомъ раіонѣ, а также въ городѣ Благовѣщенскѣ.

Въ 1891 году было выловлено въ пудахъ:

	Въ волостяхъ:					
	Въ Амурѣ	Въ Зеѣ.	Итого.	На сумму.	Въ Благов.	На сумму.
Кета . . .	6700	—	6700	6700	8900	8000
Калуга . .	—	420	420	1300	500	1500
Осетеръ . .	35	635	670	4000	60	360
Таймень . .	10	287	297	1200	14	50
Сазанъ . .	10	—	10	40	25	100
Щука. . .	10	296	306	600	20	40
Ленокъ . .	10	1103	1113	4400	15	60
Сигъ . . .	—	20	20	100	10	60
Сомъ . . .	—	200	200	400	20	40
Хайрюзъ. .	—	40	40	400	—	—
Лещь . . .	—	—	—	—	25	150
Налимъ . .	—	—	—	—	15	30
Плотва . .	25	—	25	35	—	—
Конекъ . .	—	—	—	—	35	70
Верхоглядъ .	—	—	—	—	60	90
Муксунъ. .	—	—	—	—	10	40
Краснопер.	—	—	—	—	30	60
Чебакъ . .	—	105	105	200	—	—
Карась . .	4	1040	1040	2000	36	70
	6864	4146	11010	21070	8849	70720

Въ 1892 г. крестьяне и мѣщане сняли по Зеѣ, ея притокамъ и Амуру 13 казенныхъ оброчныхъ статей для рыболовства.

Изъ приведенныхъ таблицъ видно, что русское населеніе области добываетъ ежегодно рыбы не менѣе 105 тыс. пудовъ на сумму до 170 тыс. рублей. Добыча эта составляетъ немного болѣе 8% всей громадной добычи рыбы въ цѣломъ Амурскомъ бассейнѣ, гдѣ ее добывается 1260000 пудовъ, причемъ 86% этого количества падаетъ на кэту, которая выше Хабаровска уже не поднимается въ такихъ несмѣтныхъ количествахъ, въ какихъ появляется на низовьяхъ Амура и Уссури.

Кэта—рыба сѣверной половины Тихаго океана, поднимающаяся по Амуру, какъ самой значительной изъ рѣкъ, впадающихъ въ бассейнъ этой части Тихаго океана, для

метанія икры, и можетъ играть впослѣдствіи крупную роль въ народномъ хозяйствѣ всего нашего Амурскаго бассейна, но для этого необходимы два условія, а именно: съ одной стороны упорядоченіе всего амурскаго рыбного промысла, а съ другой— усовершенствованіе способовъ приготовленія рыбы въ прокъ, такъ какъ нынѣшнее ея приготовленіе, по своей первобытности значительно портило кэту, которая, по своему вкусу, выше бѣломорской семги.

Соль для соленія рыбы выписывается не изъ Гамбурга и Америки, какъ на нижнемъ Амурѣ, а доставляется изъ Забайкальской области. Для засола употребляютъ на каждый пудъ кэты 8 фунт. соли. Бочки для соленія рыбы дѣлаются изъ лиственичнаго лѣса, вышиною въ 5 четв. и шириною въ днѣ 1 арш.; такія бочки обходятся отъ 3 р. 25 к. до 3 р. 60 к. При соленіи кэты икра не приготовляется и жиръ не вытапливается.

Впрочемъ, въ казачьихъ станицахъ изъ осетровой и бѣлужьей икры уже приготовляется хорошая паюсная икра, поступающая въ продажу черезъ посредство лучшихъ торговыхъ фирмъ и начинающая вытѣснять икру, привозимую съ Волги.

4) *Охота* также служитъ немаловажнымъ подспорьемъ для казаковъ всѣхъ округовъ Верхне-Амурскаго и Южно-Амурскаго раіона и для крестьянъ многихъ селеній одной изъ волостей Зейско-Буреинскаго раіона, а именно—Томской.

Конечно охота для русскихъ жителей области не имѣетъ того значенія, какое она имѣетъ для инородцевъ Амурскаго края, но все же она доставляетъ казачьимъ округамъ нѣкоторыя пищевыя средства, идущія на пополненіе хлѣбныхъ ихъ запасовъ. Изъ звѣрей, мясо которыхъ употребляется въ пищу, казаки охотятся на изюбря или благороднаго оленя (Cervus elaphus), лося или сохатаго (Cervus alces), дикую козу (Cervus capreolus), кабаргу (Moschus moschiferus), кабана и зайца. На изюбря охотятся съ успѣхомъ казаки Игнашинскаго и Албазинскаго округовъ на верхнемъ Амурѣ и Раддевскаго, Екатерино-Никольскаго и Михайло-Семеновскаго на Южномъ Амурѣ Мясо изюбря необыкновенно вкусно, а его панты (молодые весенніе рога), конечно, не часто достающіеся охотникамъ, продаются ими въ Китай отъ 50 до 200 руб. за пару. На сохатаго охотятся казаки Албазинскаго и Черняевскаго округовъ Верхняго Амура и Михайло-Семеновскаго Южнаго. Мясо его грубѣе мяса изюбря, но все-таки охотно потребляется казаками, шкура же его несравненно лучше шкуры изюбря. На дикую мѣстную козу охотятся въ Игнашинскомъ округѣ, а на ходовую въ Кумарскомъ и Екатерининскомъ округахъ

Верхняго Амура, въ Раддевскомъ, Екатерино-Никольскомъ и Михайло-Семеновскомъ Южнаго, а также въ Томской волости Зейско-Буреинскаго раіона, т. е. тамъ, гдѣ дважды въ году ходовая коза проходитъ громадными массами. Такъ какъ коза добывается въ большомъ количествѣ при такихъ переходахъ, то мясо ея запасается въ прокъ, а шкура идетъ на выдѣлку превосходной замши. Въ 1888 г. былъ неслыханный ходъ дикой козы изъ сѣверной горной части области по направленію къ Манджуріи. При этомъ русскими селеніями области добыто было 150 т. головъ. Шкура козы продавалась отъ 30 до 40 к. и сбывалась черезъ комиссіонеровъ за-границу, мясо же по 1 руб. за тушку и шло, какъ обыкновенно, для мѣстнаго потребленія [1]). Кабаргу (Moschus moschiferus) добываютъ только казаки Игнашинскаго и Албазинскаго округовъ. Нѣжная и теплая шерсть этого животнаго, также какъ идущая въ Китай кабарговая «струя» дѣлаетъ добычу его пою. За кабанами охотятся какъ въ трехъ самыхъ верхнихъ, такъ и въ трехъ самыхъ нижнихъ казачьихъ округахъ области, гдѣ кабаны водятся въ большомъ количествѣ и благодаря своей громадной величинѣ доставляютъ казакамъ значительное количество мяса. Охота за зайцами не особенно распространена между казаками, а тѣмъ менѣе между крестьянами области, которые ѣдятъ зайцевъ не охотно. Только въ окрестностяхъ Благовѣщенска охотятся за зайцами для снабженія ими городского рынка. Медвѣдь служитъ предметомъ добычи въ казачьихъ округахъ Черняевскомъ, Екатерино-Никольскомъ и Михайло-Семеновскомъ, а тигръ въ Екатерино-Никольскомъ. Разумѣется, шкура этихъ звѣрей сбывается въ Благовѣщенскъ и Хабаровскъ за хорошую цѣну. Волковъ добываютъ казаки Игнашинскаго, Черняевскаго и Екатерининскаго округовъ; лисицъ казаки тѣхъ же округовъ и Албазинскаго; хорьковъ и бѣлокъ казаки Игнашинскаго, Албазинскаго и Черняевскаго округовъ. Шкурки этихъ животныхъ служатъ отчасти предметомъ сбыта, отчасти удовлетворяютъ собственнымъ потребностямъ. Охота на другихъ пушныхъ звѣрей находится въ области всецѣло въ рукахъ инородцевъ. Зато охота на птицъ преимущественно принадлежитъ русскому населенію, такъ какъ инородцы находятъ, что птица не окупаетъ выстрѣла, а потому они не стрѣляютъ, а ловятъ только нѣкоторыхъ изъ нихъ какъ, напримѣръ: караки (крупныхъ рябчиковъ), длинными палками съ петлями на концѣ, въ которыя птицы сами, сидя на деревѣ,

---

[1]) Обзоръ Амурской области за 1886 г. стр. 5.

просовываютъ голову. Предметами же охоты для казаковъ изъ птицъ служатъ гуси и утки во всѣхъ казачьихъ округахъ и въ Томкой волости; глухари въ округахъ Верхне-Амурскаго раіона, рябчики въ округахъ Игнашинскомъ, Албазинскомъ и Черняевскомъ, тетерева въ Черняевскомъ, Екатерининскомъ и Екатерино-Никольскомъ и въ Томской волости, фазаны въ Екатерининскомъ и Екатерино-Никольскомъ округахъ. По отчету губернатора за 1886 г. охотою казаки зарабатывали въ теченіи года до 23700 руб., а крестьяне 5000 руб.

Но и по отношенію къ охотѣ опасность уменьшенія количества звѣря, и даже совершеннаго истребленія нѣкоторыхъ животныхъ породъ, предвидится въ недалекомъ будущемъ и медлить съ введеніемъ законовъ, упорядочивающихъ охоту и звѣриные промыслы въ Амурскомъ краѣ не слѣдуетъ.

5) *Лѣсные промыслы* доставляютъ также значительныя выгоды, хотя и небольшой части сельского населенія области, такъ какъ большинство послѣдняго ограничивается, при заготовкѣ лѣсныхъ матеріаловъ, только собственными потребностями. Въ отношеніи къ пользованію лѣсными матеріалами округа и волости Амурской области поставлены въ весьма различныя условія[1]).

Находятся въ лучшихъ условіяхъ по отношеній къ лѣсному довольству три верхніе станичные округа Верхне-Амурскаго раіона (Игнашинскій, Албазинскій и Черняевскій). Хотя имъ и не отведено особыхъ лѣсныхъ дачъ, но на обширныхъ ихъ надѣлахъ еще очень много какъ дровяного, такъ и строевого лѣса—сосны, лиственницы, березы, къ которымъ, начиная отъ Черняевской станицы, присоединяются осина и дубъ. За полосою, отведенною казачьему населенію трехъ округовъ, простираются обширныя казенныя дачи состоящіе изъ сплошныхъ лѣсовъ въ которыхъ казаки и благовѣщенскіе мѣщане рубятъ строевой лѣсъ за ничтожную плату, сплавляя его по Амуру и снабжая имъ Благовѣщенскъ и мѣстности уже нуждающіяся въ строевомъ лѣсѣ, а также нуждающіеся въ топливѣ пароходы.

Въ Кумарскомъ станичномъ округѣ, на надѣльныхъ земляхъ казаковъ, уже мало строевого лѣса, но дровяного достаточно, вслѣдствіе чего казачьимъ поселкамъ округа отведены особые лѣсные участки. Но, напримѣръ, самому нижнему изъ поселковъ округа, Буссевскому, уже не было возможности

---

[1]) Свѣдѣнія, приводимыя здѣсь, заимствованы отчасти изъ отвѣтовъ, данныхъ по каждому селенію области на программу П. П. Семенова, разосланную ген.-губ. Духовскимъ, а также изъ губернаторскихъ отчетовъ.

произвести такого отвода. Въ Екатерининскомъ округѣ совсѣмъ нѣтъ лѣсныхъ отводовъ, да и на казачьихъ надѣлахъ произрастаетъ только мелкій дровяной лѣсъ—березнякъ и дубнякъ, а строевой лѣсъ сплавляется по Амуру изъ вышеприведенныхъ округовъ, верстъ за 250—550.

Изъ Южно-Амурскихъ станичныхъ округовъ въ Поярковскомъ лѣсныхъ участковъ нѣтъ, да и дровяного лѣса на надѣльной землѣ почти нѣтъ, такъ что лѣсное довольство округовъ обезпечивается сплавомъ по Зеѣ. Въ Иннокентьевскомъ округѣ есть достаточное количества дровянаго лѣса на своихъ дачахъ, а строевой сплавляется изъ казенныхъ дачъ по рѣкамъ Зеѣ, Буреѣ и Бирару. Въ Раддевскомъ округѣ имѣются прекрасные лѣсные отводы въ сосѣднемъ Буреинскомъ хребтѣ. Въ Екатерино-Никольскомъ округѣ, кромѣ Столбовскаго поселка, казачьи селенія не имѣютъ лѣсныхъ отводовъ, а лѣсъ доставляется изъ казенныхъ дачъ Буреинскаго хребта. Въ Михаило-Семеновскомъ станичномъ округѣ дровяной лѣсъ произрастаетъ въ достаточномъ количествѣ на земляхъ собственнаго надѣла, а строевой сплавляется изъ казенныхъ дачъ по рѣкамъ Биджану и Большой Бирѣ. Только Михайло-Семеновская станица и Бабстовскій поселокъ имѣютъ лѣсные отводы въ Бабстовскихъ горахъ.

Во всѣхъ 6-ти волостяхъ Зейско-Буреинскаго раіона особыхъ лѣсныхъ участковъ крестьянамъ не отведено, но на обширныхъ надѣлахъ волостей Амурско-Зейской, Томской и Черемховской не только нѣтъ недостатка въ дровяномъ лѣсѣ, но мѣстами попадается даже и строевой. Большая же часть строевого лѣса должна быть все-таки добываема изъ казенныхъ лѣсныхъ дачъ и сплавляема по Зеѣ и Томи. Въ Ивановской волости, селенія, расположенныя по р. Будиндѣ, находятся въ одинаковыхъ условіяхъ съ тремя предшедшими волостями, но уже въ призейскихъ селеніяхъ, гдѣ дровяного лѣса на крестьянскихъ земляхъ очень мало, жители этихъ послѣднихъ отапливаютъ свои избы отчасти пнями, отчасти хворостомъ и даже соломою. Въ Гильчинской волости почти никакого лѣса на крестьянскихъ надѣлахъ нѣтъ, избы отапливаются соломою, а весь строевой матеріалъ доставляется изъ города Благовѣщенска. Въ Завитинской волости на крестьянскихъ надѣлахъ лѣса еще достаточно, но онъ по преимуществу дровяной, а строевой сплавляется изъ казенныхъ дачъ по пересѣкающимъ волость рѣкамъ: Буреѣ и Бирару.

Что же касается до казенныхъ дачъ, расположенныхъ внѣ площади, занятой русскою колонизаціею, то тамъ лѣсные запасы еще очень велики; нельзя, однако, сказать, чтобы

лѣсное хозяйство области велось здѣсь вполнѣ удовлетворительно. Съ самаго начала русской колонизаціи богатые, дѣвственные лѣса Амурской области сильно пострадали. Русскіе насельники Амурскаго края вынуждены бываютъ для занятія подъ свои пашни и покосы земель, покрытыхъ непроницаемо густою растительностью, препятствующею испаренію влаги, высушивать почву и дѣлать ее доступною для эксплуатаціи, при помощи паловъ, пускаемыхъ и весною и осенью. Но палы эти, пробираясь въ лѣсныя чащи, производятъ иногда лѣсные пожары, принимающіе грандіозные размѣры и истребляющіе огромныя лѣсныя насажденія. Съ другой стороны въ области лѣсовъ, до послѣдняго времени, шла самая безпорядочная рубка цѣнныхъ породъ для построекъ и топлива, кедровниковъ для сборѣ шишекъ, наконецъ лучшихъ дубовъ манджуро-китайцами для собиранія, впослѣдствіи, на ихъ истлѣвающихъ стволахъ, грибовидныхъ наростовъ, считающихся лакомымъ блюдомъ въ Китаѣ.

Уже съ 1881 г. распоряженіями генералъ-губернатора Анучина были введены первыя мѣры для ограниченія самовольныхъ порубокъ лѣса и введены временныя таксы за его рубку. а именно: за вырубку сажени однополѣнныхъ дровъ по р. Амуру и правому берегу Зеи 15 к., по лвому берегу Зеи, Будиндѣ, Бѣлой и Томи 10 коп., по рѣкамъ Диму, Завитой и Буреѣ 5 коп., а за вырубку каждой штуки строевого лѣса: по Амуру, правому берегу Зеи и по рр. Димо Завитой 10, коп., по лѣвому берегу Зеи и рѣкамъ Будиндѣ, Бѣлой и Томи 5 коп., а по Буреѣ 3 коп. [1]).

Нынѣ же пользованіе лѣсами еще болѣе урегулировано приамурскими генералъ - губернаторами слѣдующими правилами [2]). Эксплоатація мѣстныхъ лѣсовъ дозволяется въ настоящее время жителямъ области, постороннимъ лицамъ, учрежденіямъ и частямъ войскъ не иначе, какъ по полученіи на то подлежащаго разрѣшенія, хотя бы даже лѣсъ и предназначался для казенныхъ надобностей. При этомъ нѣкоторыя лѣсныя дачи признаны заповѣдными, а именно: 1) государственная дача, расположенная по направленію р. Зеи отъ Благовѣщенска до с. Егорьевки на 7 верстъ вверхъ отъ винокуреннаго завода купца Макѣевскаго и по направленію Амура отъ г. Благовѣщенска до станціи Игнашинской; 2) государственный лѣсной участокъ при Михайловскомъ винокуренномъ заводѣ отъ завода во всѣ

---

1) См. Сборн. гл. оффиц. докум. по упр. Восточною Сибирью, изд. по распор. ген.-губ. Анучина, т. V, 1883 г., вып. 2-й, стр. 85.

2) См. статист. Росс. Имп. XXXVII. Волости и нас. мѣста. 1893. Изд. Центр. Стат. Ком. Вып. 2, Амурск. обл, стр. 50.

стороны вглубь верстъ на 7; 3) лѣсная дача: островъ «Купецъ» на р. Зеѣ, въ 350 вер. отъ Благовѣщенска и 4) лѣсная дача «Зеленый боръ» на лѣвомъ берегу Зеи, примѣрно въ 50-ти вер. ниже склада Верхне-Амурской золотопромышленной компаніи. Дача эта тянется по берегу Зеи на 10 верстъ.

Каждый, желающій пользоваться лѣсными матеріалами, обязанъ запастись билетомъ, на которомъ означено мѣсто и количество подлежащаго вырубкѣ лѣса и время, въ теченіе котораго вырубка должна быть произведена. Новая такса, замѣнившая прежнюю, временную, построена на слѣдующихъ основаніяхъ: а) по длинѣ: за каждый аршинъ до 3 саж. по 1 коп., до 4 саж. по 2, до 5 по 3, до 6 по 4 коп. и т. д.; б) по толщинѣ: за каждый вершокъ отъ 3 до 6 верш. по 1 коп., отъ 6 до 10 по 2, отъ 10 до 15 по 3, отъ 15 до 20 по 4 и т. д. Бревна изъ сухостоя и валежника и бревна осиновыя оплачиваются половинною таксою. Сотня накатника отъ 2 до 4 саж. дл. и отъ 2 до 4 верш. въ отрубѣ—3 руб., сотня жердей такой же длины отъ 1 до 2 верш. въ отрубѣ 1 р.; однополѣнная сажень всѣхъ дровъ 20 коп., а осиновыхъ и тальниковыхъ 10 коп. Съ кубической сажени хвороста и прутьевъ 10 коп., съ пуда смолы 5 коп., дегтя 8 коп., бересты 5 коп., корья и мочалы по 10 коп. и съ четверти угля 3 коп.

Въ 1893 г. вырублено на государственныхъ земляхъ по билетамъ разными лицами платныхъ бревенъ: сырыхъ 73959, сухихъ 4777 и безплатныхъ (для церквей и на помощь погорѣльцамъ) 5895, а всего 84631, жердей и кольевъ 1302 шт., дровъ 6429 куб. саж. Всѣхъ лѣсорубочныхъ билетовъ было выдано 1100. Въ теченіи навигаціи 1892 г. на пристани Благовѣщенска было 850 паромовъ съ строевымъ и дровянымъ лѣсомъ. Заготовка дровъ для пароходовъ товарищества Амурскаго пароходства доставила казакамъ въ 1892 г. свыше 40 тыс. рублей. Выгоняемые въ казенныхъ лѣсахъ деготь и смола поставляются на склады золотопромышленныхъ компаній, а отчасти сплавляются въ Благовѣщенскъ. Въ Верхне-Амурскомъ казачьемъ раіонѣ существуютъ нынѣ два дегтярные завода, производящіе дегтю на сумму до 2000 р. [1]). Въ 1886 г. крестьяне области заработали себѣ сидкою смолы и дегтя въ теченіи года 3000 руб., а казаки 500 р. Къ лѣснымъ промысламъ относится и сборъ кедровыхъ орѣховъ, которыхъ казаки продали въ 1886 году на сумму до 2000 руб.

Воѣъ свѣдѣнія о доходахъ, которые казна извлекала изъ

---

[1]) Обзоръ Амурской области 1892 г., стр. 10 и 11 вѣдом. 2-я.

лѣсного и другихъ пользованій въ своихъ обширныхъ дачахъ по введеніи таксы [4]).

	Доходы.		
	отъ лѣсовъ.	другихъ пользованій.	Расходы.
1885	261	3941	—
1886	7178	3349	—
1887	11193	5862	—
1888	20057	8184	—
1889	21599	5978	5671
1890	23800	6751	7159
1891	18449	6820	11795
1892	23151	5822	10189

Нѣтъ сомнѣнія, что, при низкихъ таксахъ на пользованіе лѣсными матеріалами и при постепенномъ возвышеніи на нихъ цѣнъ на Амурѣ, лѣсопромышленность является прибыльнымъ промысломъ для многихъ жителей края. Въ особенности этимъ промысломъ занимаются предпріимчивые молокане — благовѣщенскіе мѣщане, которые завели даже, напр. въ Черняевскомъ округѣ, нѣсколько заимокъ (Дроздово, Весслая, Нижне-Егорьевская), и въ которыхъ они исключительно занимаются этимъ дѣломъ. Въ 1886 г. сплавъ лѣса далъказакамъ 50 т. р., а крестьянамъ 26 т. р. Сверхъ того, крестьяне выдѣлали лѣсныхъ издѣлій на 1000 рублей.

Рядомъ съ вышеприведеннымъ урегулированіемъ лѣсныхъ промысловъ установлены и нѣкоторыя правила для предупрежденія лѣсныхъ пожаровъ. Выжиганіе луговъ разрѣшено производить только съ 15 марта по 1 мая, причемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда выжигаемыя полосы подходятъ къ лѣсу на $^1/_2$ вер. и ближе, выжигающій обязанъ дать знать о томъ своему поселковому атаману или сельскому старостѣ, которые и обязаны наблюдать за соблюденіемъ указанныхъ мѣръ предосторожности, напр., чтобы, въ случаѣ вѣтра въ сторону лѣса, выжиганіе не производилось. За нарушеніе правилъ предосторожности и разведеніе костровъ близъ лѣса, виновные подвергаются штрафу отъ 3 до 5 руб., а въ случаѣ несостоятельности отработкѣ этой суммы на общественныхъ работахъ.

6) *Ремесленность* между сельскимъ неселеніемъ области имѣетъ еще весьма слабое развитіе. Во всѣхъ поселкахъ Верхне-Амурскаго раіона, кромѣ нѣкотораго количества кузнецовъ и плотниковъ, почти нѣтъ лицъ, спеціально посвятившихъ

[4]) См. труды Хабаровск. съѣзда 1883 г. Прилож. XVI.

себя какимъ нибудь ремесламъ. Въ станичныхъ округахъ Южно-Амурскаго раіона ремесла также почти не развиты и только въ Михайло-Семеновскомъ округѣ, въ отвѣтъ на вопросные листки, 19 человѣкъ показали себя кузнецами, 6 плотниками, 4 портными, 2 печниками и т. д. Несравненно болѣе развиты ремесла между крестьянскимъ населеніемъ волостей Томской, Черемховской и Завитинской. Въ Томской волости показали себя ремесленниками 337 человѣкъ, а именно: портныхъ 13, сапожниковъ 13, плотниковъ 28, столяровъ 7, кузнецовъ 24, печникъ 1, ткачей 251. Въ Черемховской волости 137 человѣкъ, въ томъ числѣ портныхъ 20, сапожниковъ 15, плотниковъ 24, столяровъ 7, кузнецовъ 10, печниковъ и каменьщиковъ 4, бондарь 1, ткачихъ (женщинъ) 53. Въ Завитинской волости 79 человѣкъ, въ томъ числѣ: портныхъ 4, сапожниковъ 8, плотниковъ 42, столяровъ 8, кузнецовъ 9, каменьщиковъ и печниковъ 5, шерстобитовъ 2, колесниковъ 1.

Въ 1886 году крестьяне Зейско-Буреинскаго раіона изготовили льняныхъ тканей на 3000 р., валенаго производства на 500 р.; шорнаго на 500 р., гончарнаго на 2000 р.; кромѣ того наломали точильнаго и жерноваго камня на 2000 р. Выдѣлка точильнаго и жерноваго камня происходитъ на Зеѣ. Онъ продается для мельницъ отъ 25 до 100 р. за штуку.

Ремесленность въ Благовѣщенскѣ, какъ единственномъ городскомъ поселеніи области, чрезвычайно развита. Такъ, изъ приготовляющихъ предметы пищи въ городѣ находится: хлѣбниковъ, булочниковъ, калачниковъ и крендельщиковъ 64 (39 хозяевъ), кондитеровъ и пряничниковъ 20 (7 хоз.), мясниковъ 35 (23 хоз.), колбасниковъ 17 (6 хоз.). Занимающихся предметами, относящимися къ одеждѣ: портныхъ 30 (8 хоз.), модистокъ 25 (8 хозяевъ), сапожниковъ 7, шапошниковъ и шляпниковъ 17 (5 хоз.), шубниковъ, овчинниковъ и мѣховщиковъ 20 (9 хоз.), валенщиковъ 18 (5 хоз.), кожевниковъ 31 (6 хоз.), красильщиковъ 14 (9 хоз.), золотыхъ дѣлъ мастеровъ и ювелировъ 8 (5 хоз.), мыловаровъ 13 (2 хоз.), парикмахеровъ и цирюльниковъ 10 (8 хоз.). Занимающихся производствомъ предметовъ, относящихся до жилищъ и домоводства: каменьщиковъ и камнетесовъ 75 (30 хоз.), кирпичниковъ 23, печниковъ 55 (20 хоз.), штукатуровъ 18 (6 хоз.), плотниковъ и пильщиковъ 69, столяровъ 48 (11 хозяевъ), токарей 5, бондарей 2, маляровъ, обойщиковъ и драпировщиковъ 44 (17 хоз.), стекольщиковъ 7 (5 хоз.), мѣдниковъ и лудильщиковъ 6 (3 хоз.), горшечниковъ 3, трубочистовъ 6 (2 хоз.), часовщиковъ 8 (4 хоз.), позолотчиковъ 2,

живописцевъ, иконописцевъ и иконостасниковъ 5, слесарей и механиковъ 16 (7 хоз.), рѣзчиковъ 7 (5 хоз.), гармонщиковъ 3, переплетчиковъ 4, дѣлающихъ гильзы 20 (5 хозяевъ). Работающихъ по передвиженію: телѣжниковъ 18 (8 хоз.), дѣлающихъ сани и дровни 26, колесниковъ 13 (5 хоз.), каретниковъ 6 (1 хоз.), шорниковъ и сѣдельщиковъ 6 (3 хоз.), кузнецовъ 96 (3 хоз.), коноваловъ 4, извозчиковъ легковыхъ 212 и ломовыхъ 241.

Многія изъ ремеслъ Благовѣщенска имѣютъ до нѣкоторой степени кустарный характеръ. Сюда, напримѣръ, относятся производства мыловаренное, кожевенное, шубное, канатное, колесное и экипажное. Работы въ такихъ производствахъ раздѣляются или между всѣми членами семьи (производства шубное и канатное), или только между членами мужского пола. Оборотный капиталъ этихъ производствъ, за исключеніемъ одного мыловара, имѣющаго до 3000 р. капитала, совершенно незначителенъ и едва достаточенъ на комплектованіе орудій производства и самаго малаго запаса сырья. Такъ какъ цѣны на сырые матеріалы подвержены сильнымъ колебаніямъ, то, конечно, производители съ большими капиталами, дѣлая запасы сырья заблаговременно, черезъ то имѣютъ большую премію надъ тѣми, кто не имѣетъ достаточнаго оборотнаго капитала. Такъ, уже упомянутый мыловаръ (Стругалинъ съ 3000 капитала), покупая матеріалы въ то время, когда они дешевы, выдѣлываетъ болѣе 2000 пуд. мыла, а продаетъ его не дешевле 5 р. 50 коп. за пудъ, получая барыша отъ 1 р. 50 к. на пудъ, между тѣмъ какъ не имѣющіе средствъ дѣлать запасы, переплачивая по 50 коп. на каждый пудъ сала, продаютъ мыло, ради необходимаго для нихъ ускоренія его сбыта, рублей по 5 за пудъ, ограничиваясь очень небольшимъ барышомъ. Кожевня Тулупова существуетъ уже лѣтъ 8. Производство развилось настолько, что кожевникъ открылъ свою лавку для продажи производимыхъ имъ кожъ и сбруй. Но недавно открылся кожевенный заводъ купца Яновскаго и съ лучшими приспособленіями и съ большимъ оборотнымъ капиталомъ.

Рядомъ съ производствомъ колесъ и экипажей нѣсколькими мастерами въ Благовѣщенскѣ выдѣлываются вѣялки и сортировки, фабрикація которыхъ вызвана тѣмъ, что, при безвѣтренныхъ зимахъ, вѣяніе хлѣба представляетъ большія затрудненія въ области. Это производство будетъ, вѣроятно, началомъ къ изготовленію и другихъ несложныхъ земледѣльческихъ машинъ. Но это будетъ возможно только въ томъ случаѣ, если уже существующій въ Благовѣщенскѣ чугунно-

литейный заводъ[1]) будетъ имѣть постоянный запасъ отлитыхъ по привознымъ образцамъ чугунныхъ приборовъ для снабженія ими кустарей по возможно дешевой цѣнѣ; между тѣмъ какъ нынѣ за мелкія принадлежности одной вѣялки (нѣсколько шестерней, кривошипы и другія мелочи) вѣсомъ 20 фут. заводъ беретъ 25 руб.

Переходя затѣмъ къ *промышленности заводской*, мы должны замѣтить, что, при слабомъ ея развитіи вообще въ области, большая ея половина, не принимая въ расчетъ золотопромышленности, сосредоточена въ Благовѣщенскѣ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе уже упомянутый выше чугунно-литейный заводъ Горшечникова и Ко. Онъ основанъ въ 1888 году въ Благовѣщенскѣ. Общая стоимость заводскихъ построекъ, съ углеобжигательными печами, не превзошла 48 тыс. руб. Заводская вагранка имѣетъ снопъ 120 пуд., но дѣйствуетъ пока половиною его. Воздуходувная машина приводится въ движеніе 20 сильными локомобилями, приводящими въ движеніе и станки механической мастерской. Станковъ же имѣется: 2 токарныхъ, сверлильный, болторѣзный, шлифовальный, дыропробивательный и однѣ ножницы. Попостоянный комплектъ рабочихъ, включая сюда должностныхъ лицъ, простирается до 25[2]).

Производство завода выражалось со времени его основанія въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Отлито: чугуна	мѣди	Общій оборотъ завода.
1888	3000 пуд.	250 пуд.	18600 руб.
1889	4200 »	160 »	23500 »
1890	4600 »	140 »	29100 »
1891	6200 »	210 »	37400 »
1892	5700 »	180 »	36200 »
5-лѣтіе	23700 »	940 »	144850 »

Въ Благовѣщенскѣ есть два пивоваренныхъ завода. Удовлетворяя мѣстнымъ потребностямъ, пивоваренные заводы Благовѣщенска подвергались съ 1885 г. слѣдующимъ колебаніямъ:

	Число заводовъ.	Число рабочихъ.	Число заторовъ.	Колич. ведеръ.	Сумма производства.	Акцизъ.
1885	1	3	141	—	3600	1650
1886	1	6	88	—	21000	1760

[1]) См. ниже.
[2]) Объ этомъ заводѣ см. «Труды Хабаровскаго съѣзда» прилож. XII.

	Число заводовъ.	Число рабочихъ.	Число заторовъ.	Колич. ведеръ.	Сумма производства.	Акцизъ.
1887	3	11	—	—	28700	2417
1888	3	13	—	—	25930	2965
1889	2	15	—	—	32000	2956
1890	3	23	—	—	35600	4136
1891	2	15	99	16500	32000	3588
1892	2	23	—	16450	34000	5023

Очевидно, что потребленіе пива въ Амурской области не особенно растетъ съ тѣхъ поръ, какъ пивоваренное производство къ 1887 году достигло обусловленнаго мѣстною потребностью развитія.

Что же касается до винокуренія, то единственный винокуренный заводъ въ области, Михайловскій, находится въ раіонѣ крестьянскихъ волостей въ 50 вер. отъ Благовѣщенска, на р. Зеѣ, и состоитъ въ арендѣ у Амурскаго торгово-промышленнаго товарищества.

Дѣятельность этого завода съ 1885 года выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Число работъ.	Сумма производ.	Кол. безвод. спирта въ гр.	Акцизъ.	Употреблено припасовъ: Яричной муки.	Солоду.
1885	20	66112 р.	1104877	17987	—	—
1886	25	69825 »	1162841	34708	—	—
1887	40	58015 »	1256944	30463	—	—
1888	42	57325 »	1746744	88421	—	—
1889	42	57325 »	1723563	82594	—	—
1890	43	57325 »	1599010	93924	—	—
1891	37	187496 »	997090	59540	23700	59540
1892	40	217799 »	1584901	88387	36288	3959

До 1889 года было въ Благовѣщенскѣ сначала 2, а потомъ только 1 водочный заводъ, занимавшійся очищеніемъ спирта, но въ 1889 году и послѣдній изъ этихъ заводовъ закрылся.

Мы уже говорили выше о кустарномъ характерѣ шубнаго и кожевеннаго производствъ. По отчетамъ губернатора за 1890 и 1891 гг. уже значится 1 кожевенный заводъ, производившій на 3000 руб. въ годъ. Въ 1892 году ихъ уже въ Благовѣщенскѣ было 2 съ 16 рабочими и суммою производства на 10 т. руб. Очевидно, что кожевенное и шубное производство развиваются.

Кирпичное производство развивается медленно, такъ какъ

при обиліи лѣса постройки въ области по преимуществу деревянныя и только въ Благовѣщенскѣ 2% кирпичныхъ зданій, а именно 71, а во всѣхъ селеніяхъ области было въ 1892 году, только одно каменное зданіе.

Дѣятельность кирпичныхъ заводовъ въ области выражается въ слѣдующихъ цифрахъ.

	Въ Благовѣщенскѣ			Въ Верх.-Амурск. раіонѣ.			Въ Юж.-Амур. раіонѣ.		
	Число заводовъ.	Число рабоч.	Сумма произв	Число заводовъ.	Число рабоч.	Сумма произв	Число заводовъ.	Число рабоч.	Сумма произв.
1885	60	220	27500	—	—	—	—	—	—
1886	66	198	66000	—	—	—	—	—	—
1887	60	120	100000	—	—	—	—	—	—
1888	62	124	60000	—	—	—	—	—	—
1889	70	136	64880	—	—	—	—	—	—
1890	60	120	12000	1	1	100	1	10	400
1891	70	140	14000	1	1	100	1	10	400
1892	66	135	13500	3	5	525	—	—	—

Мельничное дѣло, какъ и должно ожидать при обиліи хлѣба въ Амурской области, очень развито. Однѣхъ паровыхъ мельницъ въ области нынѣ 9, а именно: 3 въ Благовѣщенскѣ и 6 въ Зейско-Буреинскомъ крестьянскомъ раіонѣ. Производство паровыхъ мельницъ выражалось въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Въ Благовѣщенскѣ:			Въ Зейско-Буреинскомъ раіонѣ.		
	Число мельницъ.	Число рабочихъ.	Сумма производства.	Число мельницъ.	Число рабочихъ.	Сумма производства.
1885	2	45	130000 р.	—	—	—
1886	2	50	192800 »	—	—	—
1887	4	75	348482 »	—	—	—
1888	4	68	348472 »	—	—	—
1889	5	71	82257 »	3	9	неизв.
1890	5	71	223834 »	2	8	1100
1891	3	80	178755 »	4	12	1240
1892	3	63	216920 »	6	21	2470

На помощь паровымъ мельницамъ приходитъ въ селеніяхъ области дѣятельность мельницъ водяныхъ, конныхъ и вѣтряныхъ, которая въ періодъ 1886—92 гг. выражалась въ слѣдующихъ цифрахъ. Для водяныхъ мельницъ:

	Верхне-Амурскій раіонъ.			Южно-Амурскій раіонъ.			Зейско-Буреинскій раіонъ.		
	Число мельницъ.	Рабочихъ.	Сумма произв.	Число мельницъ.	Рабочихъ.	Сумма произв.	Число мельницъ.	Рабочихъ.	Сумма произв.
1886	27	27	2980	32	38	1090	32	41	6440
1887	16	20	2690	39	42	1750	45	64	7823

	Верхне-Амурскій раіонъ.			Южно-Амурскій раіонъ.			Зейско-Буреинскій раіонъ.		
	Число мельницъ.	Рабочихъ.	Сумма произв.	Число мельницъ.	Рабочихъ.	Сумма произв.	Число мельницъ.	Рабочихъ.	Сумма произв.
1888	21	25	1150	39	42	1750	39	51	39190
1889	23	32	2784	33	33	1750	41	49	37490
1890	26	48	5700	36	36	1600	46	49	30625
1891	31	35	8800	31	36	1606	45	45	12040
1892	25	28	5500	29	29	1911	51	78	11075
Для конныхъ и вѣтряныхъ:									
1886	133	151	3874	12	13	264	71	71	4645
1887	135	151	3800	12	12	262	71	71	4741
1888	129	129	2705	12	12	262	74	70	8194
1889	133	109	3002	16	13	763	83	83	19150
1890	118	215	3058	38	40	1772	76	75	7063
1891	165	173	3680	30	38	1732	74	75	3209
1892	167	167	3410	23	23	1511	82	85	4790

Общая сумма мукомольного производства въ области:

	Благовѣщенскъ.		Верхне-Амурск.		Южно-Амурск.		Зейско-Буреин.		Во всей области.	
	Число рабоч.	Сумма произв.	Число рабоч.	Сумма произв.	Число рабоч.	Сумма произв.	Число рабоч.	Сумма произв.	Число рабоч.	Сумма произв.
1885	68	145200	164	6495	43	2516	110	10883	365	165094
1886	69	208300	178	6854	51	1354	112	11185	410	227693
1887	94	362472	171	6800	54	2012	135	12564	454	383848
1888	75	349972	157	3855	56	2012	121	47301	406	403143
1889	80	88857	141	5836	46	2513	127	56680	394	153886
1890	74	225334	263	8758	76	3372	132	38778	545	276242
1891	99	185055	208	12480	76	3378	390	16389	773	217302
1892	63	216920	195	8910	54	3422	386	19335	598	248627

Въ губернаторскихъ отчетахъ встрѣчаются еще и ежегодныя свѣдѣнія о кузнечномъ производствѣ области. Производство это удовлетворяетъ, насколько возможно, мѣстнымъ потребностямъ, а потому развито не только въ Благовѣщенскѣ, но и въ обоихъ казачьихъ и крестьянскомъ раіонахъ волости. Такъ какъ въ области существуетъ до 176 кузницъ, то, разумѣется, свѣдѣнія, собираемыя ежегодно для губернаторскихъ отчетовъ, какъ о числѣ лицъ, занимающихся кузнечнымъ промысломъ, такъ и о суммахъ ихъ производства, не могутъ имѣть строгой точности, и мы довольствуемся приведеніемъ здѣсь среднихъ цифръ по этому производству за 8-лѣтіе 1885—1892 года, тѣмъ болѣе, что погодныя цифры, представляя случайныя колебанія изъ года въ годъ, не даютъ повода заключить, чтобы кузнечный промыселъ въ области замѣтно развивался.

Въ среднихъ годовыхъ цифрахъ дѣятельность кузницъ Амурской области представлялась въ слѣдующемъ видѣ:

	Число кузницъ.	Число рабочихъ.	Сумма произв.
Въ Благовѣщенскѣ.	37	80	20400 р.
Въ Верхне-Амурскомъ казачьемъ раіонѣ	45	66	4900 »
Въ Южно-Амурскомъ.	27	30	2200 »
Въ Зейско-Буреинск. крестьянск. раіонѣ	67	70	3200 »
Въ области	176	246	30700 р.

Этимъ исчерпываются всѣ наши свѣдѣнія о заводской промышленности и намъ остается теперь перейти къ промысловой дѣятельности лицъ, работающихъ на золотыхъ пріискахъ. Мы начнемъ съ исторіи развитія этого дѣла.

Графъ Муравьевъ-Амурскій, вполнѣ сознавая важность золотопромышленности [1]), а равно немногосложность операцій добычи золота изъ розсыпей, обратилъ особенное вниманіе на развитіе этой отрасли горнаго дѣла на Амурѣ. Уже въ 1857 г. была выслана поисковая партія подъ начальствомъ Аносова, которая въ теченіе конца 1857 г. и всего 1858 г. изслѣдовала вершины рр. Уди, Половинной (Маи), Купури и Нугу. Результатомъ изслѣдованія этой партіи было открытіе золотоносныхъ розсыпей по р. Канлянджакъ, впадающей въ Купури, причемъ наиболѣе богатые шурфы заключали $1^1/_2$ зол. на 100 пуд. породы. Аносовъ и помощникъ его, Баснинъ, продолжали изысканія свои и въ слѣдующихъ годахъ; ихъ поиски, однако, по Селимджѣ не увѣнчались успѣхомъ, и только по Олдою, наконецъ, отысканы были, дѣйствительно, благонадежныя розсыпи. Этимъ открытіемъ закончились, въ 1860 г., поиски золота на счетъ казны.

Въ виду того, что всѣми этими работами было удостовѣрено нахожденіе золотыхъ мѣсторожденій въ краѣ, правительство, содѣйствуя развитію въ немъ золотопромышленности, разрѣшило, съ 1865 г., частный золотой промыселъ въ обѣихъ областяхъ Амурскаго края (за исключеніемъ небольшого участка, пограничнаго съ Нерчинскимъ округомъ), а также наемъ для такихъ работъ подданныхъ Китайской Имперіи.

---

[1]) Основаніемъ этому очерку послужила книга Бацевича—«Матерьялы для изученія Амурскаго края въ геолог. и горнопром. отношеніяхъ». СПБ. 1894, стр. 141 и слѣд.; дополненіями же служили: «Обзоры Амурской области» за періодъ времени съ 1885 по 1891 г.; вышеупомянутыя брошюры Боголюбскаго и «Труды третьяго хабаровскаго съѣзда» (1893, Хабаровка) и др.

Впрочемъ, какъ извѣстно, казна нигдѣ теперь не эксплоатируетъ золотыхъ мѣсторожденій, а всюду предоставляетъ это дѣло частной предпріимчивости на различныхъ условіяхъ, которыя выражаются размѣромъ горной подати, взимаемой въ пользу государства; такъ, пріиски Якутской области облагаются 10% сборомъ, Амурская и Приморская области платятъ всего 5%, а остальная территорія Россіи—3%. Исключеніе составляютъ земли Кабинета Его Величества, на которыхъ, за право эксплоатаціи золотыхъ мѣсторожденій, промышленники уплачиваютъ арендную плату по особому каждый разъ соглашенію.

Неутомимая дѣятельность горн. инж. Аносова на поприщѣ поисковъ золотыхъ мѣсторожденій только въ 1866 г. увѣнчалась блестящимъ успѣхомъ: имъ были открыты богатѣйшія розсыпи по двумъ смежнымъ рѣчкамъ: по р. Янкану, притоку Олдоя, и по р. Джилиндѣ, притоку Уркана.

Такимъ образомъ, черезъ 14 лѣтъ послѣ занятія края, началась первая разработка золотосодержащихъ пластовъ въ Амурской области на Васильевскомъ пріискѣ по р. Джилиндѣ, и тѣмъ положено основаніе Амурской золотопромышленности.

Въ настоящее время Амурскій край представляетъ мѣстность съ громаднымъ преобладаніемъ крупныхъ золотопромышленныхъ предпріятій. До сихъ поръ по крайней мѣрѣ около 90% добываемаго золота приходилось на долю пріисковъ, принадлежащихъ тремъ главнымъ компаніямъ: Верхне-Амурской, Зейской и Нюманской, и только 10% извлекали мелкія золотопромышленныя компаніи (Средне-Амурская, товарищества Срѣтенское и Селимджинское, отдѣльные золотопромышленники и арендаторы) Такое преобладаніе крупныхъ предпріятій вытекаетъ прямо изъ естественныхъ условій страны. Амурскій край еще и теперь едва вступилъ въ стадію своего культурнаго развитія, а при возникновеніи золотого дѣла страна эта только что начинала заселяться и, конечно, какъ рабочій трудъ, такъ и всѣ предметы первой необходимости были тамъ тогда еще очень дороги, а потому, чтобы создать пути, доставить рабочихъ и продовольствіе въ глухую, безлюдную тайгу, за сотни верстъ отъ Амура, нуженъ былъ крупный капиталъ, которому только и доступны были такія большія затраты на постановку золотого дѣла. Болѣе мелкія золотопромышленныя компаніи, отдѣльные золотопромышленники и арендаторы пріисковъ—это уже явленіе послѣдующее, новое на Амурѣ, да и контингентъ этихъ лицъ въ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ бывшихъ служащихъ, управляющихъ, подрядчиковъ крупныхъ компаній, на службѣ у которыхъ они выучились дѣлу

и пріобрѣли средства для развѣдокъ и обстановки золотыхъ пріисковъ на свой рискъ и страхъ.

Какъ извѣстно, частная золотопромышленность въ Россіи много обязана своимъ развитіемъ высокому лажу на золото, чѣмъ и объясняется чувствительность интересовъ нашихъ золотопромышленниковъ къ колебаніямъ курса. При возвышеніи лажа выгоды предпринимателей увеличиваются; при его пониженіи промышленники терпятъ убытки, а тѣ, у которыхъ постановка дѣла основана исключительно на высокомъ лажѣ, даже разоряются. Къ сожалѣнію это ненормальное явленіе замѣчается также и на Амурѣ, несмотря на то, что здѣсь разработываются богатѣйшія розсыпныя мѣсторожденія. Казалось бы, что на Амурѣ, гдѣ на одного рабочаго приходится отъ 5 до 7 фунт. шлиховаго золота, должна была бы быть и иная постановка дѣла; между тѣмъ и здѣсь мѣстные руководители составляютъ такимъ образомъ смѣты расходовъ по предпріятію, что чистымъ барышомъ на оборотный капиталъ является только лажъ на золото, да намываемое сверхъ смѣты количество драгоцѣннаго металла.

Составляя, напримѣръ, смѣту расходамъ, необходимымъ для того, чтобы намыть 140 пуд. золота, компанія разсчитываетъ этимъ количествомъ металла по номинальной стоимости (полуимперіалъ=5 рубл. кред.) покрыть всѣ затраты по предпріятію со всѣми накладными расходами, считая и содержаніе петербургскаго правленія; иначе говоря, ведя расчеты въ круглыхъ цифрахъ, предполагаемые къ добычѣ 140 пудовъ шлиховаго золота, соотвѣтствующіе 126 пуд. чистаго металлическаго золота, стоимость котораго за пудъ равна 14/т. руб. мет., а всего на сумму 1.764/т. мет. руб., каковые, только въ кредитныхъ рубляхъ, и составляютъ необходимый оборотный капиталъ для веденія дѣла. Такимъ образомъ, чистымъ барышомъ на оборотный капиталъ является лажъ на золото, плюсъ сверхъ смѣты намытое количество металла. Если же добудутъ только по смѣтѣ назначенное количество золота, то прибылью будетъ уже только одинъ лажъ. Ясно, что смѣты расчетовъ Амурскихъ золотопромышленниковъ поставлены неправильно, и что если и получались до сихъ поръ баснословные барыши на оборотный капиталъ, то это не было результатомъ раціональной постановки дѣла, какъ въ экономическомъ, такъ и техническомъ отношеніи, а являлось слѣдствіемъ только плохого курса рубля и того обстоятельства, что эксплоатировались богатѣйшія золотоносныя розсыпи. Не говоря уже о томъ, что за послѣднія 5 — 6 лѣтъ одна разница на курсѣ давала

Амурскимъ золотопромышленникамъ отъ 40 до 50% [1]) прибыли ежегодно на оборотный капиталъ, но барыши еще увеличивались сверхъ смѣты намываемымъ золотомъ, количество котораго у нѣкоторыхъ компаній достигало баснословныхъ размѣровъ. Года три—четыре подъ рядъ Верхне-Амурская К°, составляя смѣту на 140 пуд., не увеличивая расходовъ, намывала 180—200 пуд.; Нюманская К°, при смѣтѣ на 60 пуд., извлекала до 100 пуд., а Зейская, при смѣтѣ всего на 40 пуд., добывала 140 пуд., иными словами—получала около 500% на оборотный капиталъ.

Такая доходность золотого дѣла на Амурѣ, переживающаго теперь вообще свой блестящій періодъ, позволяетъ золотопромышленникамъ вести работы весьма примитивно и неразсчетливо. Въ самомъ дѣлѣ, такъ какъ здѣсь въ среднемъ на годового рабочаго приходится отъ 5 до 7 ф. шлиховаго золота, то-есть на сумму отъ 2.300 до 3.300 р. кред., то не трудно понять, что какъ ни составляй смѣту расходовъ, предпріятіе все равно дастъ громадный доходъ, несмотря даже и на тяжелыя условія страны, на которыя, сказать кстати, такъ много жалуются руководители дѣла.

Только этимъ обстоятельствомъ и можно объяснить то странное явленіе, что въ Амурскомъ краѣ, гдѣ въ періодъ времени съ 1887 по 1892 г., напримѣръ, добывалось ежегодно отъ 450—500 пуд. золота, не только не было на службѣ у золотопромышленниковъ горныхъ инженеровъ и вообще образованныхъ техниковъ, но даже и лицъ съ высшимъ образованіемъ. Очевидно, что роль первыхъ на Амурѣ еще впереди, хотя и теперь пора объ этомъ подумать, такъ какъ о новыхъ открытіяхъ богатыхъ залотоносныхъ розсыпей пока не слышно [2]); добыча же золота на разработываемыхъ мѣсторожденіяхъ можетъ еще продержаться нѣсколько лѣтъ, а затѣмъ неминуемо начнетъ падать, если не будутъ открыты новыя богатыя мѣсторожденія или если не приступятъ къ промывкѣ песковъ съ болѣе бѣднымъ содержаніемъ золота, примѣняя для извлеченія его болѣе усовершенствованныя техническія приспособленія.

Еще лѣтъ 10 назадъ спросъ на рабочихъ для золотыхъ пріисковъ настолько превышалъ предложеніе, что золотопромышленныя компаніи для найма рабочихъ должны были посылать своихъ агентовъ въ Забайкалье или даже въ Западную Си-

---

[1]) Намъ неизвѣстно то время, когда разница на курсѣ составляла болѣе 50%.

[2]) Какъ кажется, богатѣйшія розсыпи открыты въ 1892 г. въ бассейнѣ р. Амгуни Львовъ: «Золотопромышленность въ Амурской области» въ Трудахъ Хаб. съѣзда.

бирь. При законтрактованіи людей на лѣтнюю операцію задатки въ 150—200 рублей на человѣка были обыкновенны. Чтобы обезпечить пріиски, приходилось нерѣдко нанимать людей завѣдомо сомнительной нравственности, иногда даже бѣглыхъ и безпаспортныхъ.

Такое значительное превышеніе спроса надъ предложеніемъ обусловливало высокую заработную плату, которая еще въ 1890 г. не падала ниже 2 р. въ сутки, на полномъ содержаніи работодателя и не считая подъемнаго золота [1]), за которое промысловыя конторы платятъ по 2 р. 50 к. за золотникъ.

Разсказы о высокой заработной платѣ на Амурѣ и связанной съ нею привольной жизни пріискателей разнеслись далеко на западъ и распространились даже за Уралъ, результатомъ чего явилось то, что теперь на Амурскихъ пріискахъ самое обычное явленіе—встрѣтить рабочаго даже изъ Нижегородской губерніи.

Лѣтъ 5 тому назадъ отношеніе между спросомъ и предложеніемъ стало на Амурѣ измѣнятся не въ пользу рабочихъ, и нынѣ только еще Верхне-Амурская К°, по традиціи, посылаетъ своихъ агентовъ въ Забайкалье; Зейская К° производитъ эту операцію въ Благовѣщенскѣ; на пріиски же Нюманской К° рабочіе идутъ сами, привлекаемые туда крупно-зернистымъ, «подъемнымъ», золотомъ.

Съ точки зрѣнія предпринимателей, нѣтъ, разумѣется, ничего естественнѣе желанія избавиться отъ непроизводительныхъ затратъ на доставку рабочихъ на пріиски; между тѣмъ, какъ справедливо замѣчаетъ Бацевичъ, слѣдовало бы обязать золотопромышленниковъ производить наемъ рабочихъ исключительно въ населенныхъ пунктахъ и принимать вслѣдъ затѣмъ на себя заботу какъ о доставкѣ послѣднихъ на пріиски, такъ и объ ихъ обратной отправкѣ [2]). Свое предложеніе Бацевичъ мотивируетъ нажеслѣдующимъ образомъ.

Пріиски Нюманской К°, напримѣръ, находятся отъ населенной части Амура въ разстояніи 650 в. На нихъ требуется приблизительно около 800 чел.; а приходитъ разновременно наниматься до полуторы тысячи; слѣдовательно, половинѣ при-

---

[1]) «Подъемнымъ» золотомъ называются самородки, находимые рабочими при добычѣ золотоносныхъ песковъ и въ отвалахъ у промывальной машины.

[2]) Нѣсколько раньше подобное же мнѣніе высказали печатно горн. инж. Оранскій, горн. исправникъ Марцевичъ, управл. Амгуньской К°, Першинъ и золотопромышленникъ Доснинъ. Бацевичъ, повидимому пользовался для составленія своего очерка приложеніями XXVI, XXVII, XXVIII, XXIX и XXX. «Трудовъ 3-го Хаб. съѣзда». Мы отдали предпочтеніе «очерку» Бацевича ради его обстоятельности и краткости; къ тому же въ немъ не мало данныхъ, составляющихъ плодъ личныхъ наблюденій автора.

шедшихъ отказывается въ работѣ. Большинство людей является въ тайгу безъ гроша денегъ въ недеждѣ пристроиться. Можно себѣ представить критическое положеніе рабочихъ безъ денегъ, безъ пищи, въ тайгѣ, отдѣленной отъ населенной части края разстояніемъ въ 650 верстъ! Нѣтъ ничего удивительнаго, что многіе изъ нихъ пополняютъ контингентъ хищниковъ [1]), къ услугамъ которыхъ по части доставки припасовъ и спирта подъ воровское золото всегда въ тайгѣ находятся своего рода промышленники. Нельзя, конечно, винить рабочихъ за то только, что они прибываютъ на пріиски въ количествѣ, значительно превышающемъ спросъ на нихъ. Понятно, что такъ называемые пріискатели обыкновенно направляются туда, гдѣ производится наемъ, въ данномъ случаѣ въ Нюманскую тайгу. Между тѣмъ, громадная разница въ положеніи рабочаго, предлагающаго свои услуги на рынкѣ, въ населенной части страны, или въ глухой, отдаленной части тайги, гдѣ порой сухаря негдѣ достать. Въ первомъ случаѣ, не удалось попасть на пріиски, онъ берется за другую, хотя, можетъ быть, и менѣе прибыльную работу, а въ послѣднемъ ему уже ничего болѣе не остается, какъ возвращаться съ пустыми руками, рискуя умереть съ голода, или же хищничать.

Въ Амурской области хищничество—явленіе относительно еще новое. По весьма распространенному мнѣнію начало ему положено было на «Желтугѣ». Подъ именемъ «Желтуги» разумѣлись богатые золотые пріиски, находящіеся на правой, китайской, сторонѣ Амура, противъ станицы Игнашиной; слѣдовательно, въ мѣстности пустынной, не занятой осѣдлымъ манджуро-китайскимъ населеніемъ и посѣщавшейся до открытія пріисковъ только перекочевывающими на правую сторону Амура русскими подданными орочонами. Слухъ объ открытіи богатыхъ и никому не принадлежащихъ золотыхъ пріисковъ, въ такой близости отъ русской границы, быстро распространился по всей Сибири и привлекъ на Желтугу массу сибирскихъ бродягъ—бездомниковъ, преимущественно изъ высылаемыхъ въ Сибирь изъ Европейской Россіи людей, которыхъ, по ихъ неисправимой порочности, сельскія и городскія общества исключаютъ по приговорамъ изъ своей среды. Большинство этихъ людей, по прибытіи своемъ въ Сибирь, хотя и причисляется къ сибирскимъ сельскимъ обществамъ, но не пускаетъ тамъ корней, не обзаводится своимъ хозяйствомъ,

[1]) Хищниками называются люди, тайно промышляющіе золото. Къ нимъ мы ниже вернемся.

а обращается въ бродячій, подвижный элементъ населенія, ищущій себѣ повсюду хотя бы временныхъ, но прибыльныхъ заработковъ и легкой наживы. Другой бродячій элементъ Сибири составляютъ безпаспортные и ссыльно-поселенцы, а также крестьяне, которыхъ хозяйства пришли, по разнымъ причинамъ, въ окончательный упадокъ. Эти-то элементы, устремившись на Желтугу, усилились еще подобными себѣ и съ китайской стороны, такъ что число работавшихъ на Желтугѣ русскихъ и китайскихъ подданныхъ доросло до 8000 человѣкъ.

Эта «Желтугинская республика», какъ ее называли въ насмѣшку на Амурѣ, окончила свое существованіе тѣмъ, что Китайское правительство разгромило ее вооруженною силою, расправившись очень сурово съ своими подданными, которыхъ казнили безъ разбора и милосердія; изъ нихъ спасли свою жизнь только тѣ, кто успѣлъ перебраться на русскій берегъ Амура. Что же касается до русскихъ подданныхъ, то одни изъ нихъ направились черезъ Забайкалье въ Сибирь, другіе остались на Амурѣ и ушли въ ближайшую тайгу отыскивать золото на ближайшей къ Желтугѣ системѣ Олдоя, разумѣется, примѣняя къ своимъ поискамъ хищническіе пріемы.

Мѣстныя условія Амурской области какъ нельзя болѣе способствовали быстрому развитію хищничества въ области амурской золотопромышленности. Время существованія Желтуги и безъ того совпадало со временемъ измѣненія на Амурскихъ пріискахъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ. Съ развитіемъ здѣшней золотопромышленности, съ распространеніемъ о ней свѣдѣній въ Сибири и даже въ Европейской Россіи, на амурскіе пріиски сталъ стекаться пришлый издалека людъ съ предложеніемъ услугъ все въ большемъ и большемъ количествѣ; когда же предложеніе стало превышать спросъ, то многимъ изъ пришельцевъ пришлось отказывать въ работѣ или, принимая ихъ, увольнять худшихъ изъ прежнихъ рабочихъ, вслѣдствіе чего въ странѣ образовался избытокъ блуждающихъ бездомниковъ, неспособныхъ къ осѣдлому, земледѣльческому труду. Сначала Желтуга отвлекла эти бродячіе элементы на правую сторону Амура, но послѣ ея разгрома элементамъ этимъ, усиливающимся еще приливомъ тѣхъ промысловыхъ рабочихъ, которыхъ, при достаточности предложенія, администраціи пріисковъ увольняла за воровство, пьянство и другіе проступки, не оставалось ничего иного, какъ обратиться на хищничество. Самая простая и первобытная форма хищничества проявляется въ тайной добычѣ золота, на чужихъ, то-есть

казенныхъ и частныхъ земляхъ, безъ всякаго на то разрѣшенія ихъ владѣльцевъ. Подобному хищничеству на земляхъ казенныхъ способствуетъ совершенная безлюдность этихъ земель, находящихся внѣ предѣловъ распространенія русской осѣдлой колонизаціи и заросшихъ едва проницаемою тайгою, а на земляхъ, уже поступившихъ въ отводы компаній, главнѣйшимъ образомъ ихъ обширность, благодаря которой не только нѣтъ возможности ихъ разработывать, но и охранять. При этомъ многія изъ амурскихъ золотосодержащихъ площадей характеризуются нѣкоторыми свойствами, весьма способствующими хищнической ихъ разработкѣ, а именно: при полномъ иногда отсутствіи торфа мѣсторожденія эти характеризуются чрезвычайно крупнымъ золотомъ, которое, въ буквальномъ смыслѣ, собирается руками; по мѣстному выраженію рабочихъ: «мохъ дери и золото бери» [1]). Такія площади пригодны только для разработки артелями и отдѣльными рабочими и попытки крупныхъ золотопромышленныхъ компаній примѣнять къ нимъ обычную систему добычи золота, то-есть такъ называемыя общія работы, не увѣнчались успѣхомъ.

Во всякомъ случаѣ, если въ такой малолюдной странѣ, какою представляется вся незанятая осѣдлою колонизаціею и неспособная къ ней часть Амурской области, нельзя совершенно прекратить отдѣльные случаи хищничества, то противъ него съ нѣкоторымъ успѣхомъ можно бороться мѣрами, указанными отчасти Хабаровскимъ съѣздомъ, отчасти инженеромъ Бацевичемъ, какъ, напримѣръ, пресѣченіемъ подвоза хищникамъ жизненныхъ продуктовъ и припасовъ, учрежденіемъ кордоновъ и разъѣздовъ, и, наконецъ, прекращеніемъ отводовъ компаніямъ на продолжительные сроки такихъ площадей, которыя ими нерѣдко захватываются на чужое имя и не только не разрабатываются, но даже и не охраняются.

Но, къ сожалѣнію, въ настоящее время хищничество приняло постепенно въ Амурской области уже болѣе организованныя и легальныя формы и проявляется въ слѣдующемъ видѣ: хищники находятъ себѣ мѣсто въ организующихся, такъ называемыхъ, поисковыхъ партіяхъ. Изъ числа лицъ, вошедшихъ въ составъ 812 такихъ партій, отправлявшихся на развѣдку золота въ 3-хъ-лѣтіе 1890—1892 г. (по 3 янв. 1891 г.), по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ [2]), по крайней мѣрѣ двѣ трети были самые отчаянные хищники, что подтверждается и самымъ составомъ

---

[1]) См. Обзоръ Амурской области, за 1892 г., стр. 17.
[2]) См. труды Хабаровскаго съѣзда. Хабаровка. 1893 г. Прилож. XXXII.

партій, въ числѣ коихъ изъ 2440 человѣкъ, ихъ составлявшихъ, было:

1)	Амурскихъ крестьянъ. . . .	17
2)	» казаковъ	38
3)	Благовѣщенскихъ мѣщанъ . .	234
4)	Китайскихъ подданныхъ . .	13
5)	Крестьянъ разныхъ губерній .	1564
6)	Мѣщанъ разныхъ городовъ .	389
7)	Ссыльныхъ	22
8)	Разночинцевъ	93

Въ первыхъ четырехъ категоріяхъ, принадлежащихъ къ мѣстному населенію области и составляющихъ только 12% развѣдочныхъ партій, хищниковъ совсѣмъ не было. По свидѣтельству горнаго исправника Верхне-Амурскихъ пріисковъ не только амурскіе крестьяне и казаки, но и благовѣщенскіе мѣщане не были замѣчаемы въ хищничествѣ. Даже и китайскіе подданные были не хищниками, а только скупщиками похищеннаго золота. Зато огромное большинство послѣднихъ четырехъ категорій принадлежало къ населенію пришлому, не пустившему во время продолжительнаго своего блужданія по Сибири нигдѣ корней, въ силу тѣхъ самыхъ свойствъ, за которыя многіе изъ нихъ были удалены въ Сибирь по приговорамъ, не потерпѣвшихъ ихъ въ своей средѣ, сельскихъ и городскихъ обществъ, къ коимъ они прежде принадлежали, или сосланы по судебнымъ приговорамъ. Въ поисковыя же партіи поступаютъ и уволенные за кражи рабочіе съ пріисковъ и такъ называемые спиртоносы, т.-е. продавцы корчемнаго вина на золотые пріиски за краденое золото и, наконецъ, скупщики этого золота, хищнически добываемаго такъ легально организованными партіями. Само собою разумѣется, что множество поисковыхъ партій были организованы наиболѣе предпріимчивыми изъ хищниковъ или лицами, ими подставленными. Задачами такой поисковой партіи является не розысканіе благонадежныхъ золотоносныхъ площадей, а организація хищническихъ гнѣздъ, которыя обыкновенно и располагаются по сосѣдству съ заявленными уже площадями, удобными для хищнической эксплоатаціи и всегда извѣстными бывшимъ пріисковымъ рабочимъ; иногда же она устроиваются даже въ сосѣдствѣ успѣшно дѣйствующихъ пріисковъ. Не говоря уже о томъ, что во время своихъ блужданій партія, подъ видомъ развѣдокъ, занимается хищеніемъ золота на

казенныхъ и частныхъ земляхъ, вообще плохо оберегаемыхъ, партія эта заявкою и отводомъ себѣ площади создаетъ легально организованное гнѣздо для своей дѣятельности. Разработка на отведенной площади, если она даже достаточно золотоносна, производится безъ всякой установленной системы, хищническимъ образомъ или по преимуществу, если такъ можно выразиться, только для отвода глазъ. Заключаются фиктивныя условія съ рабочими-хищниками, которые изъ организовавшагося гнѣзда дѣлаютъ вылазки далеко за предѣлы отвода на хищническіе промыслы. А такъ какъ, договоры даютъ предпринимателямъ право и на провозъ спирта, то послѣдній входящими въ составъ партій спиртоносами и обмѣнивается у рабочихъ сосѣднихъ компанейскихъ или частныхъ пріисковъ на краденое золото. Часть полученнаго такимъ образомъ золота записывается въ установленныя золотыя книги, по которомъ фунты сдаются на почту по адресу Иркутской лабораторіи, а пуды черезъ китайскихъ скупщиковъ сбываются въ Айгунъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что противъ такого хищничества, скрывающагося подъ фирмою легальной организаціи развѣдочныхъ партій или золотопромышленныхъ предпріятій, можно бороться только такими мѣрами, которыя способствовали бы уничтоженію устраиваемыхъ обходомъ закона хищническихъ гнѣздъ или даже предупреждали бы возможность ихъ развитія; но возможность такой борьбы можетъ быть только достигнута путемъ пересмотра самыхъ законовъ о добычѣ золота и введеніи въ нихъ или черезъ ихъ посредство такихъ правилъ, которыя развязывали бы руки мѣстной власти въ мѣрахъ, предпринимаемыхъ ею противъ зла, грозящаго принять еще болѣе обширное развитіе.

Вредъ, наносимый хищниками государству и золотопромышленности, не ограничивается только тѣмъ, что добываемое ими золото уходитъ, при посредствѣ разныхъ темныхъ личностей, въ Китай [1]), но также выражается и въ порчѣ мѣсторожденій. По большей части хищники сосредоточиваютъ свою дѣятельность или на тѣхъ площадяхъ, которыя уже заявлены, но еще не отведены, или же на развѣданныхъ мѣстахъ, но на которыхъ еще не было приступлено къ добычнымъ работамъ. Облюбовавъ мѣстность, хищники, обыкновенно, закладываютъ шурфы и сосредоточиваютъ работы на самой бо-

---

[1]) Полагаютъ, что общее количество золота, скупаемаго на Амурѣ китайцами, достигаетъ 150 п. (Львовъ, l. c.). По собраннымъ г. Андрущенко частнымъ свѣдѣніямъ, кромѣ золота, идущаго черезъ Айгунъ, проходитъ въ Китай свыше 190 пуд. воровскаго золота и черезъ Кяхту.

гатой части золотоносной розсыпи, не заботясь, конечно, объ отвозкѣ торфовъ, которыми, ровно какъ и отвалами, загромождаются невыработанныя золотоносныя площади. Такая порча мѣсторожденій бываетъ настолько значительна, что впослѣдствіи исключаетъ возможность постановки правильной разработки.

Кромѣ хищниковъ не мало портятъ мѣсторожденія и такъ называемые золотничники и старатели.

Издавна укоренился на золотыхъ промыслахъ обычай разрѣшать рабочимъ въ свободное время промывать («стараться») пески на лоткахъ изъ почвы золотоноснаго пласта, изъ бортовъ разрѣза, а также изъ отваловъ гальки и эфеля. Намытое этимъ путемъ золото рабочіе должны сдавать въ пріисковую контору, откуда и получаютъ деньги по установленной заранѣе для золотника цѣнѣ (отъ 2 р. 50 к. до 2 р. 80 к. на Нюманскихъ пріискахъ, напримѣръ). Такія работы называются старательскими. Золотничники же представляютъ небольшія артели, которыя работаютъ на своемъ содержаніи и на свой страхъ на тѣхъ площадяхъ, владѣльцы которыхъ или не желаютъ, или не могутъ обставить пріискъ. Добытое золото артели также должны представлять въ промысловыя конторы, получая оттуда отъ золотника условленную плату; отсюда и названіе—золотничникъ.

Выше уже указывалось на то, что амурская золотопромышленность представляется крупнымъ предпріятіемъ, а потому золотничныя работы практикуются здѣсь, какъ исключенія, только на арендуемыхъ пріискахъ; старатели же допускаются почти вездѣ.

Безпорядочно разбросанныя ямы и кучи эфеля на невыработанныхъ мѣстахъ всегда свидѣтельствуютъ о работахъ золотничниковъ. Къ тому же слѣдуетъ не упускать изъ вида и того обстоятельства, что половина, если не всѣ три четверти, добытаго такимъ образомъ золота уносится спиртоносами и утаивается рабочими, къ чему существуетъ полный соблазнъ. Конторы за доставленный золотникъ шлихового золота уплачиваютъ рабочему около 2 р. 50 к. до 2 р. 70 к., тогда какъ на Амурѣ китайцы, тайные скупщики золота, платятъ отъ 4 р. до 4 р. 75 к. за зол.

Громадное большинство пріисковъ на Амурѣ не настолько еще выработано, чтобы ихъ предоставлять на расхищеніе старателямъ. Съ проведеніемъ Сибирской жел. дороги наступитъ очень скоро то время, когда будутъ охотно мыть пески, оставляемые теперь въ бортахъ и цѣликахъ, такъ какъ въ

Амурскомъ краѣ существуютъ пріиски, гдѣ въ бортахъ оставляются пески даже съ золотниковымъ содержаніемъ золота; между тѣмъ, какъ въ Забайкальѣ находятъ не безвыгоднымъ разработывать мѣсторожденія даже съ содержаніемъ 26—40 долей въ 100 пудахъ породы.

Мѣстные руководители и эксплоататоры розсыпей, преслѣдующіе выгоды, такъ сказать, минуты, охотно разрѣшаютъ старательскія работы, такъ какъ за полученное такимъ образомъ золото они наживаютъ громадный процентъ. Къ тому же при этомъ они ничѣмъ не рискуютъ и ничего не затрачиваютъ, а попутно наживаются еще и инымъ путемъ— доставляя рабочему все необходимое изъ своихъ складовъ и магазиновъ. Теряетъ, безъ сомнѣнія, государство, но едва-ли золотопромышленники сами придутъ къ подобному выводу и доброю волей перейдутъ на болѣе правильную разработку арендуемыхъ у правительства золотоносныхъ участковъ.

Переходя затѣмъ отъ этихъ отрицательныхъ и темныхъ сторонъ золотопромышленности къ положительнымъ, мы должны замѣтить, что въ общемъ положеніе рабочихъ на всѣхъ Амурскихъ пріискахъ удовлетворительно; и хотя бывали у нихъ здѣсь серьезныя недоразумѣнія съ мѣстными управленіями компаній, какъ, напримѣръ, Зейской К°, изъ-за качества пищевыхъ продуктовъ, но случаи эти отошли уже въ область преданій. Лучше, однако, чѣмъ гдѣ-либо рабочіе обставлены на пріискахъ Верхне-Амурской К°, гдѣ имѣются довольно свободныя помѣщенія, хорошо устроенныя больницы, школы и даже церкви. Пріиски соединены съ резиденціею на Зеѣ хорошими грунтовыми дорогами со станціями для перемѣны лошадей и телефономъ. Зейская же резиденція соединена телеграфною проволокой и съ правительственною телеграфною станціей Черняево. Во время навигаціи три парохода компаніи поддерживаютъ постоянное сообщеніе по р. Зеѣ между резиденціей и Благовѣщенскомъ. Все необходимое для пріисковъ доставляется на пароходахъ къ двумъ складамъ по р. Зеѣ: къ такъ называемому Зейскому и Дамбукинскому, откуда уже, частью лѣтомъ, главнѣйшимъ же образомъ зимой и доставляется все это по мѣрѣ надобности на пріиски.

Подобнымъ же образомъ организована доставка какъ жизненныхъ припасовъ, такъ и предметовъ, необходимыхъ для пріисковъ, и у другихъ двухъ крупныхъ Амурскихъ К°: Зейской и Нюманской.

Оффиціальныя цифры добычи золота со времени открытія золотопромышленности на Амурѣ были приведены уже

нами въ V главѣ этой книги, но, разумѣется, въ нихъ не могли войти даже въ процентныхъ отношеніяхъ цифры добычи хищническаго золота, уходящаго въ большомъ количествѣ въ Китай, такъ какъ о цифрахъ этихъ нельзя себѣ составить и приблизительнаго понятія.

Здѣсь же мы находимъ умѣстнымъ привести слѣдующую табличку, заимствованную нами изъ матеріаловъ, представляемыхъ губернаторскими отчетами и наглядно показывающую, какое громадное значеніе въ экономической дѣятельности населенія Амурской области играла золотопромышленность въ послѣднее 8-лѣтіе [1]).

	Число пріисковъ.	Число рабочихъ.	Количество золота. пуд.	фунт.	золотн.	Сумма произв. въ рубляхъ.
1885	25	6563	248	4	48	—
1886	20	6157	356	38	66	—
1887	24	5272	362	16	45	—
1888	24	6134	385	16	73	7400050
1889	33	5949	458	13	23	9200000
1890	44	5957	486	10	25	9725000
1891	45	6540	426	31	33	7682108
1892	54	6296	418	3	40	7525538

Въ отчетахъ за 1885 и 1886 годы мы находимъ еще любопытныя данныя, изъ которыхъ мы можемъ судить о той части этихъ суммъ которыя выпали на долю собственно пріисковыхъ рабочихъ, коихъ, численность, не считая должностныхъ лицъ и ихъ семействъ въ 1885 г. составляла 5500, а въ 1886 г. 4712.

	Сумма заработковъ. 1885	1886	На рабочаго пришлось. 1885	1886
Общая сумма заработка рабочихъ	1346000	1097400	245	237
Въ томъ числѣ:				
Выдано имъ въ видѣ задатковъ	204030	250860	37	53
Послано въ подати и ихъ семействамъ	124364	126336	23	27
Забрано товарами . .	474440	428314	86	91
Выдано деньгами при расчетѣ	543760	290790	99	66

---

[1]) См. Обзоръ Амурск. обл. за 1892 г. стр. 12, а также обзоры за 1885, 1886 и 1887 годы, изъ которыхъ эта табличка нами дополнена.

Въ этотъ расчетъ не вошло еще пищевое довольствіе рабочихъ, получаемое ими отъ компаній въ слѣдующемъ размѣрѣ ежемѣсячно: муки ржаной 2 пуд. 10 ф., мяса свѣжаго или соленаго 1 п. 5 ф., крупы до 10 ф., соли 3 ф., сала топленаго $1^1/_2$ ф., или масла 1 ф., и чаю кирпичнаго по 1 кирпичу.

Къ сожалѣнію, мы не находимъ матеріаловъ для подобныхъ исчисленій въ губернаторскихъ отчетахъ за послѣдующіе годы. Мы полагаемъ, что измѣненіе отношенія спроса къ предложенію могло нѣсколько понизить заработки рабочихъ на золотыхъ пріискахъ. Но приведенныя цифры обрисовываютъ положеніе рабочихъ на пріискахъ въ самомъ удовлетворительномъ видѣ. При удовлетворительныхъ помѣщеніяхъ и такомъ пищевомъ довольствіи, какимъ не пользуется большинство сельскаго населенія Европейской Россіи, пріисковый рабочій заработываетъ сверхъ этого довольствія 240 р. въ годъ, изъ которыхъ, конечно, болѣе трети забирается рабочимъ въ видѣ товаровъ, по дорогой цѣнѣ, но все еще много денегъ остается и на уплату повинностей и на отсутствующую семью, которая пользуется и крупными задатками при наймѣ на пріиски и отсылками непосредственно изъ конторъ компаній. Во всякомъ случаѣ значительная доля заработанныхъ промысловымъ рабочимъ денегъ расходится по Амурской области и не остается безъ вліянія на развитіе экономическаго благосостоянія ея русскаго населенія.

Заключая приведенными данными обзоръ положенія неземледѣльческихъ промысловъ русскаго населенія Амурской области, мы переходимъ, затѣмъ, къ обзору современнаго положенія торговли въ Амурскомъ краѣ, начиная обзоръ этотъ съ очерка *торговыхъ* въ немъ *путей*.

Само собою разумѣется что, главными путями сообщенія въ области были до сихъ поръ его судоходныя рѣки: Амуръ на всемъ томъ протяженіи, на которомъ онъ, отъ сліянія Шилки съ Аргунью до устья Уссури, служитъ границею области, Зея, доступная для пароходства до устья Брянды, и Бурея, по которой пароходы поднимаются обыкновенно до Чинкундантскаго склада, расположеннаго при впаденіи въ Бурею р. Дульянкана, а иногда и до устья рѣки Нюмана.

Несомнѣнно, что удобства всѣхъ рѣчныхъ сообщеній обусловливаются двумя главными факторами: колебаніями уровня водъ въ рѣкахъ и общею продолжительностью періода навигаціи, т.-е. того періода, въ теченіи котораго воды рѣки не скованы льдомъ или не наполнены ледоходами.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ всѣ наблюденія надъ колебаніемъ уровня водъ въ Амурѣ и его притокахъ велись недостаточно систематически, не отличались совершенствомъ метода и къ тому же обнимаютъ слишкомъ ничтожный періодъ времени, такъ: на Шилкѣ неполныя наблюденія производились въ 1887, 1889, 1891 и 1892 годахъ, на Амурѣ въ 1889, 1890, 1891 и 1892 годахъ и на Уссури неполныя же наблюденія въ 1889 и 1891 годахъ [1]), поэтому, на основаніи столь отрывочныхъ данныхъ, трудно сказать что-либо положительное о колебаніи уровня разсматриваемыхъ рѣкъ, но въ повтореніи извѣстныхъ явленій можно уже и теперь подмѣтить извѣстную періодичность.

Вскрытіе Шилки происходитъ въ концѣ апрѣля [2]), послѣ чего уровень воды, постепенно повышаясь, сильно колеблется. Наиболѣе высокая вода бываетъ въ промежуткѣ между 20-ми числами мая и 10 іюня, когда высота уровня достигаетъ своего максимума: въ 1889 г. этотъ максимумъ равнялся 9 ф. 3 д., въ 1891 г.—10 ф. 3,5 д., въ 1892 г.—10 ф. 2,5 д., выше нуля Срѣтенскаго футштока. Въ серединѣ іюня уровень снова начинаетъ повышаться и въ концѣ іюня достигаетъ втораго максимума, въ среднемъ около 5 ф. по тому же футштоку. Между прочимъ замѣчается, что достиженіе максимумовъ идетъ медленно, спадаетъ же вода очень быстро, по футу и болѣе въ сутки. Навигація окончательно прекращается въ началѣ октября, когда высота уровня падаетъ до минимума (въ среднемъ около 1 ф.); но почти ежегодно, вслѣдствіе обмелѣнія, сообщеніе прерывается иногда и въ навигаціонное время. Изъ шканечныхъ журналовъ почтовыхъ пароходовъ Амурскаго Товарищества, за періодъ времени съ 1880 по 1890 г., видно, что исключеній въ этомъ отношеніи было всего два, это—1881 и 1883 гг.; въ каждомъ же изъ остальныхъ навигація прерывалась въ среднемъ на 29 дней, въ частностяхъ же самое большее на 55 дней (1882 г.) и наименьшее на 6 дней (1885 г.).

	Навигація прерывалась:					
годы	съ	по	число дней	съ	по	число дней
1880	17 мая	2 іюня	16			
1881		Перерыва не было.				
1882	15 іюля	8 сент.	55			
1883		Перерыва не было.				
1884	7 мая	14 іюня	38			

[1]) См. Записку шт.-кап. Соковнина въ «Трудахъ Хабаровскаго съѣзда». Хаб. 1893 г.
[2]) Соковнинъ, l. c.

годы	Навигація прерывалась: съ	по	число дней	съ	по	число дней
1885	3 іюля	9 іюля	6			
1886	11 мая	30 іюня	50			
1887	1 іюня	6 іюня	5	23 іюня	20 іюля	27
1888	29 іюня	30 іюля	31			
1889	9 іюля	20 іюля	11	31 іюля	8 авг.	8
1890	22 іюня	3 іюля	11			

Изъ приведенной таблицы видно, что наибольшая доля перерывовъ относится къ серединѣ лѣта, т. е. къ іюню и іюлю мѣсяцамъ, и что эти перерывы бываютъ одинъ разъ въ лѣто и только въ 1887 и 1889 гг. повторялись дважды.

Вскрытіе Амура по наблюденіямъ, произведеннымъ въ г. Благовѣщенскѣ Кириловымъ, происходитъ между 10 и 20 апрѣля, послѣ чего уровень воды быстро повышается, но, достигнувъ 13—14 фут., также быстро и падаетъ. Около середины мая вода снова начинаетъ прибывать, къ серединѣ же іюня убываетъ, доходя иногда до 8 фут. по хабаровскому футштоку. Затѣмъ уровень вторично повышается и въ первыхъ числахъ іюля достигаетъ своего максимума, который въ Благовѣщенскѣ равняется 13 фут. и въ г. Хабаровскѣ 15—17 ф. Послѣ максимума начинается убыль воды, но въ августѣ вода иногда въ третій разъ прибываетъ, только подъемъ уровня въ этомъ случаѣ всегда незначителенъ и въ началѣ октября хабаровскій футштокъ показываетъ уже только 1, много 2 фута. Временныхъ перерывовъ навигаціи на Амурѣ, вслѣдствіе обмеленій, не бываетъ[1]). Замерзаетъ Амуръ въ послѣднихъ числахъ октября или первыхъ ноября, шуга же появляется въ началѣ октября (въ 1889 г. 1 Октября[2]).

Уссури вскрывается около середины апрѣля, послѣ чего вода прибываетъ и въ 20-хъ числахъ мая уровень рѣки достигаетъ своего максимума (у Венюковой 8—9 фут., въ Куссовской и Графской 10—12 фут.), затѣмъ вода убываетъ и уже до конца навигаціи и повышенія уровня бываютъ рѣдки и незначительны; въ то же время очень часто, вслѣдствіе обмеленія, пароходное сообщеніе совсѣмъ прекращается въ началѣ августа.

---

[1]) Вотъ что, однако, читаемъ у Коржинскаго: «доѣхавъ до Черняевой, мнѣ пришлось, всѣдствіе мелководья, оставить пароходъ и продолжать путь на лодкѣ. Пароходъ нагналъ меня только въ Албазинѣ» (l. c., стр. 77).

[2]) См. выше, стр. 165.

годы	Навигація прерывалась: съ	по	число дней	съ	по	число дней
1880	1 іюля	8 августа	38			
1881		перерыва не было.				
1882	27 іюля	10 августа	14	3 сентяб.	16 сентяб.	13
1883	28 іюля	30 сентября	67			
1884	3 авг.	до кон. навиг.	60			
1885	11 авг.	до кон. навиг.	52			
1886	18 іюня	24 іюня	6			
1887		перерыва не было.				
1888	3 іюля	20 сентября	81			

Изъ приведенной таблицы видно, что вслѣдствіе мелководья навигація въ среднемъ ежегодно прерывается на 45 дней, въ частности же самое большое на 81 день (1888 г.) и наименьшее 6 дней (1886 г.); исключеніе составляетъ 1881 и 1887 гг, когда перерыва вовсе не было.

Разбирая причины прибыли воды въ вышеупомянутыхъ рѣкахъ, приходится остановиться на слѣдующемъ заключеніи: значительная прибыль, повторяющаяся ежегодно, зависитъ отъ двухъ причинъ — таянія снѣговъ въ горахъ и дождей, выпадающихъ въ изобиліи во второй половинѣ лѣта; замѣчательно, что дожди эти мало способствуютъ поднятію уровня воды въ р. Уссури.

До 1871 г. сообщеніе по Амуру поддерживалось 6 казенными пароходами, 11 судами различныхъ вѣдомствъ (морского, почтоваго и инженернаго [1]), и, наконецъ, немногими частными пароходами, изъ коихъ пароходы золотопромышленной компаніи ходили не только по Амуру, но и по Зеѣ.

Въ 1871 г. Высочайше утвержденнымъ 18 сентября положеніемъ Комитета Министровъ содержаніе срочнаго пароходнаго сообщенія по рѣкамъ Амурскаго бассейна было предоставлено Товариществу на паяхъ подъ наименованіемъ: Товарищество для устройства срочнаго пароходства по рѣкамъ Амурскаго бассейна.

Главнѣйшія основанія Высочайше утвержденнаго 18 того же сентября Устава этого Товарищества заключались въ слѣдующемъ:

Товарищество обязалось содержать пароходное сообщеніе по слѣдующимъ линіямъ: а) почтово-пассажирское, срочное, отъ Срѣтенска до Николаевска (2.956 в.) и обратно, съ отхо-

---

[1]) Журналъ Коммисіи, составленной для обсужденія вопроса относительно учрежденія частнаго срочнаго пароходства по Амуру.

домъ черезъ каждые 15 дней; б) почтово-буксирное, несрочное: 1) отъ Хабаровска до поста № 4 близь озера Ханка (630 в.) и обратно, съ отходомъ черезъ каждые 7 дней; 2) отъ поста № 4 по озеру Ханка до п. Камень-Рыболовъ съ заходомъ въ Турій-Рогъ (135 в.) и обратно, по два раза въ недѣлю; и в) буксирное, несрочное, отъ Срѣтенска до Николаевска по мѣрѣ надобности.

Для поддержанія сообщенія по Амуру и Уссури Товарищество обязалось имѣть не менѣе 12 пароходовъ, какъ почтовыхъ (не менѣе 40 силъ), такъ и буксирныхъ (не менѣ 50 силъ), и при нихъ 15 баржъ съ общею грузоподъемностью не менѣе 80/тыс. пудовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно обязалось: а) перевозить всякаго рода почтовую корреспонденцію безплатно, съ соблюденіемъ установленныхъ правилъ; б) казенные грузы по тарифу 0,017 к. съ пудо-версты внизъ по теченію и по тарифу 0,035 к. вверхъ по рѣкѣ, а по озеру Ханка по всѣмъ направленіямъ по 5 к. съ пуда за все разстояніе; и по тому же тарифу всѣ грузы, принадлежащіе переселенцамъ; в) нижнихъ чиновъ по тарифу 0,3 к. съ версты. Для частныхъ грузовъ и пассажировъ установлена была при этомъ такая поверстная плата: I кл.—3 к., II—$1^3/_4$ к. и III—$^1/_2$ к.; для грузовъ 0,1 к. съ пуда; съ рогатаго скота и лошадей: крупнаго—$^1/_2$ к., мелкаго—$^1/_4$ к.

Правительственная поддержка товариществу выражалась въ поверстной платѣ въ размѣрѣ 2 р. 15 к. [1]) и въ обезпеченіи ежегоднаго казеннаго груза на сумму до 135/т. рублей. Кромѣ того, Правительство неоднократно приходило Товариществу на помощь выдачею ссудъ и разсрочкою лежавшихъ на немъ долговыхъ обязательствъ. Тѣмъ не менѣе, Товарищество вело такъ безпорядочно свои дѣла, что уже въ 1891 г. Правительство сочло нужнымъ отказать ему въ дальнѣйшихъ субсидіяхъ и поддержкѣ. Впрочемъ, впослѣдствіи оно еще два года субсидировало Общество на условіяхъ, принятыхъ Сибиряковымъ и Шевелевымъ.

Въ маѣ 1892 г. [2]) Департаментъ Торговли и Мануфактуръ заключилъ съ А. М. Сибиряковымъ и М. Г. Шевелевымъ контрактъ на содержаніе въ теченіе 15 лѣтъ, начиная съ 1894 г., срочныхъ пароходныхъ сообщеній по рѣкамъ Амурскаго бассейна, по которому предприниматели обязывались производить

[1]) Высочайше утвержденнымъ 13 іюля 1879 г. положеніемъ Комитета Министровъ дозволено Товариществу установить буксирное несрочное движеніе по р. Зеѣ съ производствомъ и за это сообщеніе порейсовой платы.

[2]) Собственно контрактъ былъ заключенъ раньше, а именно: 16 апрѣля 1891 г.

срочное почтово-пассажирское пароходное сообщеніе отъ Срѣтенска до Николаевска и обратно, по крайней мѣрѣ по одному разу черезъ каждые десять дней, и по р. Уссури и оз. Ханка, отъ Хабаровска до Камня-Рыболова и обратно, не менѣе одного раза въ недѣлю. До 1894 же года была продолжена выдача субсидіи Товариществу Амурскаго пароходства.

Согласно § 33 упомянутаго контракта, предприниматели, войдя въ соглашеніе съ Н. П. Макѣевымъ, рѣшились учредить общество подъ наименованіемъ «Амурскаго Общества Пароходства и Торговли», уставъ коего и представили 12 іюля 1892 г. на утвержденіе правительства. Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 27 декабря 1893 г. уставъ этотъ былъ утвержденъ, и въ настоящее время Общество открыло свои дѣйствія.

По имѣющимся въ Министерствѣ Финансовъ свѣдѣніямъ по Амуру и его притокамъ въ 1893 г. плавало пароходовъ:

Товарищества Амурскаго пароходства .	23	пар.
Верхне-Амурской золотопром. К°. . .	4	»
Зейской » » . .	1	»
Амгуньской » » . .	2	»
Нюманской » » . .	1	»
Частныхъ владѣльцевъ	14	»
Инженернаго вѣдомства	1	»
А всего	46 въ 2.880 силъ.	

Самою важною изъ сухопутныхъ дорогъ въ Амурской области представляется дорога, проходящая по прибрежью Амура отъ перваго на Амурѣ поселка области Покровскаго, на протяженіи 1638 верстъ въ предѣлахъ области до переправы черезъ Амуръ противъ города Хабаровска: она сопровождается повсюду телеграфною линіею. Лѣтомъ дорога эта на половину вьючная, на половину колесная, зимою санный путь мѣстами короче, мѣстами длиннѣе лѣтняго, но въ общемъ протяженіи очень мало отъ него разнится.

Вьючная дорога простирается отъ Покровскаго (Игнашинскаго округа) до станицы Буссе (Кумарскаго округа) на 652 вер.[1]). Отъ Буссе до Благовѣщенска, на протяженіи 124 верстъ, устроенъ уже колесный путь[2]). За Благовѣщенскомъ

---

[1]) Станціи по вьючному пути начиная отъ Покровскаго, находятся въ слѣдующихъ разстояніяхъ: Амазаръ 37 в., Игнашино 35, Сгибнево 28, Свербѣево 37, Орлово 33, Албазинъ 33, Старо-Воскресенское 17, Бейтоново 17, Пермикино 26, Бекетова 24, Толбузино 29, Ваганово 30, Ольгино 19, Черняево 28, Торой 17, Кузнецово 18, Ермакова 25, Цагаянъ 13, Аносово 23, Кольцово 28, Ушаковка 15, Александровка 28, Кумарская 21, Симоново 33, Карсакова 22, Буссе 16.

[2]) Станціи этого пути: Сухотина 27, Бибикова 29, Екатерининская 26, Игнатьевская 21 и Благовѣщенскъ 23.

путь шелъ прежде по Амуру, но со времени ген.-губ. Анучина путь этотъ сведенъ съ берега Амура, затопляемаго наводненіями, и проведенъ такъ, что онъ не захватываетъ манджуро-китайскихъ земель. А именно отъ переправы черезъ Зею дорога идетъ поперегъ Амурской долины, объѣзжая много болотистыхъ и затопляемыхъ мѣстъ долинъ, и послѣ 40 вер. извилистаго и очень неудобнаго пути, восходитъ на террасу, на которой и построена первая станція Озерки. Дальнѣйшія станціи—Гильчинъ и Ключи—расположены на террасѣ, а въ Димѣ дорога уже послѣ 118 верстъ выходитъ снова на Амуръ, вдоль котораго тотъ же колесный путь проходитъ на протяженіи 216 верстъ до Пашковой [1]). За Пашковой, на всемъ протяженіи прорыва Амура черезъ Буреинскій хребетъ (Малый Хинганъ), дорога вьючная, на протяженіи 166 вер. до Екатерино-Никольской станицы [2]). Отъ Екатерино-Никольской снова начинается колесный путь, простираясь на 362 вер. до Хабаровска [3]). На всемъ своемъ протяженіи колесный путь очень плохъ, потому что мѣстность, по которой онъ проходитъ, очень низменна и болотиста. Зимою дорога слѣдуетъ только частью берегомъ, а частью по льду Амура. Вообще говоря и на всемъ своемъ протяженіи въ лѣтнее время вся сопровождающая теченіе Амура сухопутная дорога, пересѣкающая 117 рѣкъ и рѣчекъ, изъ которыхъ только на двухъ (Зеѣ и Буреѣ) находятся хорошо устроенныя переправы, до крайности неудобна и потому ею и пользуются только въ то время, когда навигація по Амуру прекращается.

Что же касается до остальныхъ сухопутныхъ дорогъ, служащихъ для сообщеній внутри страны, то за исключеніемъ шоссейной дороги отъ поселка Рейнова въ долину Джилинды, никакихъ дорожныхъ сооруженій въ области не имѣется. Всѣ дороги грунтовыя. Изъ нихъ доступны для колесной ѣзды не только тѣ, которые ведутъ отъ Зейскихъ и Буреинскихъ прирѣчныхъ складовъ на главные золотые пріиски и гдѣ содержатся почтовыя станціи и лошади, но и многія проселочныя грунтовыя дороги Зейско-Буреинскаго раіона, соеди-

---

[1]) Станціи колеснаго пути отъ Благовѣщенска до Пашковой слѣдующія: Озерки 40 вер., Гильчинъ 27, Ключи 24, Димъ 27, Поярково 17, Чесноково 15, Куприяново 18, Никольская 24, Скобельцино 25, Иннокентьевская 20, Михайловская 19, Касаткина 31, Сагибова 27, Пашкова 20.

[2]) Станціи ея: Сторожевая 15 вер., Раддевская станица 21, Дичунъ 20, Помпеевка 25, Хинганъ 27, Поликарпово 22, Союзная 18, Екатерино-Никольская 18.

[3]) Станціи этого пути: Пузино 20 вер., Нагибово 25, Добрая 13, Венцелева 21, Квашнина 18, Новая 18, Михаило-Семеновская 28, Воскресенская 24, Степанова 13, Головина 18, Вознесенская 26, Петровская 20, Луговая 22, Забѣлова 13, В. Спасская 17, Н. Спасская 20, Новгородская 26, Хабаровскъ 20.

няющія крестьянскіе поселки, какъ между собою такъ и съ волостными селеніями.

Другихъ колесныхъ путей въ области пока не имѣется и приходится лѣтомъ пробираться по необъятнымъ протяженіямъ области водными путями, въ лодкахъ, и вьючными путями, черезъ волоки, то-есть тѣмъ же способомъ, какимъ двигались въ былыя времена варяги и наши предки славяне по Европейской Россіи. Образцомъ такого пути можетъ служить прямой трактъ изъ Николаевска въ Благовѣщенскъ, кокорый вдвое короче сообщенія Николаевска съ Благовѣщенскомъ по Амуру (1200 вмѣсто 2400 верстъ). Путь этотъ отъ устья Амгуни идетъ вверхъ по этой рѣкѣ до тѣхъ поръ, пока возможно судоходство по ней, то-есть почти до границы Амурской области; затѣмъ по многимъ изъ притоковъ Амгуни не трудно перевалить черезъ Буреинскій хребетъ (Доуссе-Алинь) и выйти вьючнымъ путемъ на верховье Буреи, а съ того мѣста, гдѣ она начинаетъ быть судоходною, спуститься по ней до ея пересѣченія Амурскимъ трактомъ, по которому и добраться до Благовѣщенска.

Но несравненно легче и доступнѣе представляются подобные пути зимою. Скованныя льдомъ рѣки, не сильно засыпанныя снѣгомъ, представляютъ удобные санные пути; перевалы же или волоки между системами Амгуни и Буреи, гдѣ болотистыя мѣста прекрасно промерзаютъ, не представляютъ, при пологихъ скатахъ Буреинскихъ горъ, никакихъ препятствій къ саннымъ переѣздамъ. Почти на половинѣ зимняго пути изъ Николаевска въ Благовѣщенскъ, нѣсколько въ сторонѣ, къ сѣверу отъ лѣтняго пути, на системѣ Нюмана, праваго притока Буреи, находится очень важный торговый пунктъ для с.-в. части Амурской области, извѣстный подъ именемъ *Нюманскаго* купеческаго *собранія*. Это мѣсто не только служитъ важнымъ рынкомъ для снабженія предметами необходимости всѣхъ пріисковъ, расположенныхъ въ верховыхъ частяхъ системы Буреи и Селимджи (лѣв. пр. Зеи), но и представляетъ важнѣйшій узелъ зимнихъ путей въ краѣ, одинаково легко сообщающійся въ это время года съ Николаевскомъ, Хабаровскомъ, Благовѣщенскомъ и даже Якутскомъ.

О прямомъ пути изъ Николаевска въ Благовѣщенскъ, сворачивающимъ зимою въ Нюманское собраніе мы только что упоминали. Изъ Хабаровска обычный путь въ Нюманское собраніе идетъ слѣдующимъ образомъ: по р. Тунгузкѣ достигаютъ сліянія Кура съ Урмой и направляются по послѣдней. По Урмѣ поднимаются до впаденія въ нее р. Лахи. По Лахѣ, слѣдуя до

истока этой послѣдней, поднимаются на водораздѣлъ Тунгузки и Амгуни. Водораздѣлъ этотъ такъ невысокъ и спускъ его такъ пологъ, что черезъ него переправляются, можно сказать, незамѣтно, не сходя съ оленя. На Амгуньскомъ спускѣ выходятъ на верховье другой рч. Лахи, притока Амгуни. Достигнувъ Амгуни переходятъ съ нее на притокъ ея, р. Эльгу, а затѣмъ достигаютъ устья рч. Ургамакита, поднимаются по ней до ея истока и, переваливъ черезъ незначительную возвышенность, выходятъ къ верховьемъ р. Ургала, притока Буреи. Съ небольшого притока Ургала выходятъ къ истоку рч. Либкукана, а по ней до Буреи. Переправившись черезъ эту послѣднюю и держась праваго ея притока, Умальтина, поднимаются до его истока, и оттуда уже легко доѣзжаютъ, черезъ волнистую равнину, до Нюманскаго собранія, отстоящаго отъ Хабаровска почти въ такомъ же разстояніи, какъ и отъ Николаевска (верстъ 650). Инородцы проѣзжаютъ этотъ путь не болѣе, какъ, въ 20 дней.

Изъ Якутска купцы ѣздятъ въ Нюманское собраніе слѣдующимъ путемъ: 200 верстъ по Аянскому тракту на колесахъ до Амгинской слободы. Отсюда 220 верстахъ на лошадяхъ по вьючному тракту на Алданъ. Отъ Алдана также по вьючному тракту 370 вер. до Учурскаго собранія. Отсюда на оленяхъ по прямой линіи 150 вер. до Ходонжинскаго собранія. Далѣе, также на оленяхъ, 400 вер. до р. Уды, которую пересѣкаютъ въ 60 вер. выше Удскаго. Отъ переѣзда черезъ р. Уду до Нюманскаго собранія остается еще около 600 верстъ. Съ мѣста переправы черезъ нее направляются теченію р. Топсума, переходятъ эту рѣку, пересѣкаютъ р. Селитканъ, притокъ Селимджы, а затѣмъ и Селимджу, лѣвымъ ея притокомъ Харкою поднимаются до истоковъ этого послѣдняго и черезъ перевалъ выходятъ на Акишму. притокъ Нюмана, по которому и выходятъ къ Нюманскому собранію, сдѣлавъ отъ Якутска 1940 вер. пути. Этимъ путемъ якутскіе купцы пригоняли въ Нюманъ даже лошадей изъ Якутска. Выходили изъ Якутска въ концѣ апрѣля, достигали Уды въ концѣ мая, пасли здѣсь лошадей все лѣто, около 10 октября выходили съ Уды, а 20—25 Ноября прибывали съ лошадьми въ Нюманъ.

Не слѣдуетъ, однако-жъ, представлять себѣ, что всѣ эти пути, ведущіе отъ Нюманскаго собранія въ Якутскъ, Удской, Николаевскъ, Хабаровскъ и Благовѣщенскъ, состояли бы изъ сколько-нибудь проторенныхъ, хотя бы грунтовыхъ дорогъ, подобныхъ той, которая сопровождаетъ теченіе Амура; всѣ эти пути не болѣе, какъ направленія, по которымъ переѣзды

производятся съ уклонами, зависящими отъ обстоятельствъ проѣзжающихъ, орудій передвиженія и времени года, причемъ, по климатическимъ, орографическимъ и почвеннымъ условіямъ страны, зимніе переѣзды представляются особенно благопріятными и, можно сказать, безпрепятственными, разумѣется, при помощи оленей.

Всѣмъ изложеннымъ исчерпываются наши свѣдѣнія о путяхъ сообщенія внутри области и намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о важнѣйшихъ торговыхъ путяхъ на правомъ берегу Амура, связывающихъ Амурскую область съ Манджуріей.

Если принять въ соображеніе, что, находящійся на Амурѣ всего только въ 30 вер. (по сухопутной дорогѣ) ниже Благовѣщенска, китайскій городъ Айгунъ расположенъ какъ-разъ подъ 50° с. ш. и что въ той же почти параллели на рѣкѣ Аргуни находится одинъ изъ самыхъ южныхъ нашихъ пограничныхъ постовъ, Старый Цурухайту, отъ котораго теченіе Аргуни и Амура до Айгуна образуетъ громадную дугу въ 1400 вер. длины, достигающую въ самой сѣверной части, при устьѣ Олдоя, 53,5° с. ш., то понятно, какое значеніе можетъ имѣть для насъ прямой торговый путь изъ Цурухайту въ Айгунъ по хордѣ Аргунско-Амурской дуги сокращающей путь отъ Цурухайту до Благовѣщенска *на половину*. Такой путь изъ Цурухайту черезъ сѣверо-западную Манджурію и въ дѣйствительности не только существуетъ, но и постепенно сдѣлался доступнымъ для русскихъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ пройденъ впервые въ 1864 г. Крапоткинымъ. Съ тѣхъ поръ каждогодно отправляются по этому пути караваны со скотомъ и лошадьми изъ Цурухайту въ Благовѣщенскъ и маршруты, составленные Кропоткинымъ въ 1864 г. и караваномъ Бутиныхъ въ 1881 г., представляютъ лучшія описанія этого пути [1]). Путь этотъ, послѣ переправы черезъ Аргунь, на протяженіи 120 верстъ проходитъ по южной сторонѣ р. Танъ, праваго притока Аргуни, отчасти вдоль древняго вала, постройка котораго приписывается Чингисъ-хану. Затѣмъ, послѣ переправы вбродъ черезъ р. Икенъ, притокъ Тана, дорога уклоняется отъ этого послѣдняго, переходитъ черезъ перевалъ на систему р. Кулдура, прав. притока Хайлара, одного изъ верховьевъ Аргуни, и пройдя 110 вер. отъ икенскаго брода, достигаетъ до деревяннаго *обо*, обозначающаго высшую точку перевала черезъ Большой Хинганскій хре-

---

[1]) См. Описаніе къ машрутамъ-Старо Цурухайтуйско-Айгунскаго пути, составленнымъ въ 1881 караваномъ братьевъ Бутиныхъ въ Сборн. матер. по Азіи, вып. VII, 1884 г., стр. 212—228.

бетъ. По спускѣ съ Хинганскаго хребта дорога слѣдуетъ, на протяженіи 120 вер., вдоль рѣки Номина, лѣваго притока большой р. Нонни, одной изъ двухъ главныхъ вѣтвей системы Сунгари. Какъ разъ подъ 50° с. ш. дорога, слѣдовавшая верстъ 120 вдоль Номина, уклоняется отъ этой рѣки и, пройдя, на протяженіи 140 вер., пространство между Номиномъ и Нонью, выходитъ на р. Нонни, прямо противъ города Мергена. Весь 490-верстный путь отъ Цурухайту до Мергена, конечно грунтовый, но торный, доступенъ для колесной ѣзды и обилуетъ превосходными кормами. Затрудненія представляетъ только второй участокъ отъ Икенскаго брода черезъ Хинганское нагорье, но не по крутизнѣ или затруднительности подъемовъ и спусковъ которые нигдѣ никакихъ неудобствъ не представляютъ, а по нахожденію въ этой части пути обширныхъ болотъ и топей. Весьма затруднительными представляются также, при отсутствіи мостовъ, переправы черезъ рѣки. На третьемъ участкѣ пути (по р. Нонни) дороги торныя и твердыя, а на четвертомъ участкѣ, только за 70 вер. не доходя до Мергена, начинаются первыя обитаемыя части Манджуріи, такъ какъ до этихъ мѣстъ, на всемъ пройденномъ пути, кромѣ китайскихъ пограничныхъ карауловъ на Аргуни, а также и на всемъ пространствѣ между описываемымъ путемъ и Аргунско-Амурскою дугою нѣтъ осѣдлаго населенія и блуждаетъ только небольшое количество орочоновъ. Мергенъ—опрятный и чистый манджурскій городъ съ населеніемъ въ 3000 жит., не имѣетъ торговаго значенія. Дорога отъ него до Айгуна, имѣющая 156 вер. протяженія, колесная и почтовая, очень хороша для грунтовой и вездѣ сопровождается превосходными кормами. Отъ Айгуна, вверхъ по правому берегу Амура, проходитъ также очень удобная дорога до китайскаго селенія Сахалинъ, въ которомъ устроена переправа черезъ Амуръ въ Благовѣщенскъ.

Весь путь отъ Цурухайту въ Благовѣщенскъ въ 670 верстъ караванъ Бутиныхъ совершилъ въ 32 дня, включая сюда и 3 дня дневокъ, обусловленныхъ ожиданіемъ возможности переправъ черезъ рѣки или проливными дождями, которые, начиная съ конца мая, особенно часты, начиная отъ Хингана къ востоку. Мѣстное манджурское населеніе очень миролюбиво и добродушно и чрезвычайно снисходительно относится къ русскимъ проѣзжимъ караванамъ, на прохожденіе которыхъ неохотно смотрятъ только китайскіе чиновники. Послѣдній участокъ Цурухайту-Айгунской дороги (отъ Мергена до Айгуна) имѣетъ для насъ еще и независимое отъ этой дороги значеніе,

такъ какъ онъ составляетъ часть самаго значительнаго торговаго пути, ведущаго съ Амура во внутреннюю Манджурію, изъ Мергена на Цицикаръ и Гирінь. И если путь отъ Мергена до Цурухайту можетъ имѣть для насъ значеніе транзитнаго пути изъ южнаго Забайкалья въ Благовѣщенскъ, то путь отъ Мергена на Цицикаръ къ Гирину, при усиленіи нашихъ торговыхъ сношеній съ Манджуріею, можетъ получить впослѣдствіи еще большее значеніе.

Но, конечно, для тѣхъ же сношеній едва-ли не большую важность можетъ имѣть водный путь по р. Сунгари, пока неимѣющій большого практическаго значенія для Амурской области, такъ какъ доступность этой рѣки для русскаго пароходства еще не достаточно выяснена, хотя прямо вытекаетъ изъ трактата. Объясненіе же китайскихъ властей,что въ трактатѣ подъ Сунгари разумѣлось только нижнее теченіе Амура, начиная отъ сліянія его вѣтвей, есть не болѣе, какъ уловка; несомнѣнно однако что если мы будемъ настаивать на доступѣ нашихъ торговыхъ судовъ въ Сунгари, то должны будемъ допустить и свободное плаваніе китайскихъ судовъ во всѣхъ водахъ Амурскаго бассейна. Независимо отъ воднаго пути, вдоль Сунгари, по правому его берегу, отъ значительнаго манджурско-китайскаго города Санъ-сина проходитъ грунтовая дорога, выходящая на Амуръ противъ Михайло Семеновской станицы, а отъ Екатерино-Никольской есть довольно удобный путь верстъ въ 107, ведущій къ Сунгари и проходящій мимо сліянія Гатки съ Утуномъ, притокомъ Сунгари.

Но безъ сомнѣнія, самый важный для Амурской области изъ путей, ведущихъ съ юга къ правому берегу Амура, есть путь Усурійскій, выходящій на Амуръ противъ Хабаровска. Путь этотъ получитъ, конечно, громадное значеніе для Амурскаго края лишь тогда, когда будетъ окончена постройка Владивостоко-Хабаровскаго участка великаго сибирскаго желѣзнаго пути, который замѣнитъ нынѣшніе, далеко не удобные, водоусурійскій и гужевой пути, соединяющіе Амуръ съ южною частью Приморской области и о которыхъ мы здѣсь не распространяемся не только потому, что они лежатъ всецѣло внѣ предѣловъ Амурской области, но и потому, что они скоро замѣнятся большимъ сибирскимъ путемъ.

Торговля въ Амурскомъ краѣ началась тотчасъ же, какъ только осуществились первые сплавы по Амуру. Административныя власти тогда же пригласили сюда купцовъ, предоставивъ имъ не только «всевозможные способы для личнаго прослѣдованія но и для доставки обратно тяжестей на казенныхъ парохо-

дахъ, вскорѣ потомъ заведенныхъ» [1]). Первымъ коммерческимъ дѣятелемъ на Амурѣ былъ П. И. Кузнецовъ; но, получивъ за свою предпріимчивость довольно лестную награду, онъ тотчасъ же прекратилъ Амурское дѣло [2]). Что побудило его къ этому — сказать трудно, но во всякомъ случаѣ не конкурренція иностранцевъ, которой тогда еще не было: въ 1854 и 1855 гг. приходило только по два иностранныхъ корабля въ Николаевскій портъ [3]). Одновременно съ Кузнецовымъ на Амуръ двинулись и болѣе мелкіе купцы изъ Нерчинска и даже Иркутска [4]); вскорѣ, однако, нѣкоторые изъ нихъ раззорились, чему причинъ было много, но главными нужно считать: не всегда добросовѣстное и неумѣлое веденіе дѣла, а затѣмъ отчасти и слишкомъ формальное отношеніе къ живому дѣлу торговли мѣстной администраціи. Вотъ примѣръ: «въ Николаевскѣ было поставлено за правило, что каждая приплывшая туда купеческая баржа или лодка обязана была прежде всего представить въ полицію подробную съ цѣнами фактуру на привезенный грузъ; полиція представляла эту фактуру въ канцелярію губернатора, а послѣдняя уже давала дозволеніе на распродажу и выгрузку привезеннаго товара. Процедура эта продолжалась иногда недѣлю и болѣе, и торговецъ не имѣлъ въ это время права продавать ни на грошъ изъ своего товара, хотя жители въ немъ и нуждались. Выше цѣнъ, поставленныхъ во фактурѣ, купцы тоже не имѣли права продавать, хотя обстоятельства и заставляли ихъ часно отдавать иной товаръ за безцѣнокъ, а за другой и можно было бы взять соотвѣтственно дороже, да ранѣе поданная фактура не дозволяла уже этого сдѣлать» [5]).

Какъ бы то ни было, но русскіе купцы не сумѣли, а можетъ быть и не могли утвердиться въ Николаевскѣ, хотя и на первыхъ порахъ многое, въ особенности же первобытное состояніе гольдовъ и гиляковъ, дававшихъ за мѣдную, хорошо очищенную пуговицу по соболю [6]), и позволяло имъ иногда срывать колоссальные барыши.

Не конкурренція иностранцевъ, а повидимому, именно эта погоня за быстрымъ обогащеніемъ, нѣсколько хищническій способъ веденія дѣла, желаніе сбыть залежавшійся и гнилой

---

[1]) Носковъ, «Амурскій край», 1865, стр. 52.
[2]) «Отечественныя Записки», 1870, VIII, «Съ Амура», стр. 139.
[3]) Бартоломей «Описаніе Амурскаго края» въ «Военномъ Сборникѣ» 1860 г., № 9, стр. 17).
[4]) «Отечественныя Записки», ibid.
[5]) «Отечественныя Записки», ib. Распоряженіе это относится, какъ кажется, къ 1858 г.
[6]) Носковъ, l. c., стр. 55.

товаръ съ наивозможно большими притомъ барышами [1]), вотъ что погубило въ зародышѣ русскую торговлю въ устьѣ Амура, а вмѣстѣ съ тѣмъ побудило и мѣстную администрацію съ одной стороны ввести строгій контроль въ торговыя операціи нашихъ купцовъ, съ другой широко распахнуть двери предъ иностранцами, которымъ, въ ущербъ русскимъ купцамъ, и дарованы были нижеслѣдующія льготы: безакцизная продажа спиртныхъ напитковъ [2]) и торговля безъ оплаты гильдейскихъ пошлинъ. Эти льготы очень скоро передали въ руки иностранныхъ купцовъ всю оптовую торговлю города Николаевска. Впрочемъ, уже раньше вотъ что, между прочимъ, писалось въ «Тріестской Газетѣ» (27 ноября 1857 г.): «Изъ г. Николаевска, при устьѣ Амура, увѣдомляютъ, что, съ открытіемъ навигаціи, въ прошломъ году прибыли туда 6 американскихъ кораблей,со всевозможными товарами, цѣною до 500 т. рублей, между которыми были не только жизненные припасы, но и предметы роскоши; а такъ какъ дешевизной они превосходили товары русскіе, то и вытѣснили вскорѣ послѣдніе. При появленіи торговаго судна на устьѣ Амура, отправляется пароходъ для буксированія этого судна черезъ лиманъ въ Николаевскъ; отряжаютъ людей для выгрузки, и закупленные товары отправляются безплатно на пароходахъ правительства [3]) до Усть-Стрѣлки. За исключеніемъ нѣкоторыхъ предметовъ, привозъ и вывозъ всѣхъ товаровъ дозволенъ безплатно. Николаевскъ есть porto-franco въ полномъ значеніи этого слова. Число торгующихъ на Амурѣ увеличивается съ каждымъ днемъ» [4]). Въ дополненіе этой корреспонденціи мы приводимъ слѣдующее описаніе Николаевска этого времени, вылившееся изъ подъ пера г. Романова: «Николаевская пристань вся завалена боченками, ящиками, тюками и съ американскими надписями, и съ японскими и китайскими іероглифами. Шумъ, суета, стукъ топоровъ въ адмиралтействѣ и городѣ, и крики и пѣсни нашихъ матросовъ—вездѣ видна жизнь и движеніе. Непривычное ухо поражается звуками гиляцкаго и китайскаго языковъ; въ общемъ ходу—англійскій, и всѣ живущіе въ Николаевскѣ ему скоро выучиваются. Взоръ съ любопытствомъ останавливается на берестяныхъ, въ видѣ зонтиковъ, шляпахъ гиляковъ, на узко-глазой физіономіи ки-

---

[1]) Объ этомъ говорятъ всѣ, писавшіе о торговлѣ Амурскаго края въ эту эпоху.

[2]) Привиллегія эта отмѣнена была лишь послѣ навигаціи 1867 г. Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 3 іюля сего года.

[3]) Это совершенно вѣрно. Но эта льгота допущена была только въ пользу русскихъ купцовъ.

[4]) Бартоломей, l. c., стр. 15.

тайца—pur-sang, служащаго матросомъ на кораблѣ изъ Хонконга. Какъ-то странно слышать въ здѣшнемъ обществѣ разсказы о новостяхъ въ С.Франциско, Хонконгѣ, Хакодатэ, подобно тому, какъ въ Петербургѣ говорится о Москвѣ, Варшавѣ и Казани».

И такъ, главная цѣль правительства была достигнута: такъ или иначе, но край оживился, и вся область перестала зависѣть отъ сплавовъ внизъ по Амуру. Теперь уже не только доставлялись сюда предметы первой необходимости съ запада, изъ Восточной Сибири и Забайкалья, но и съ востока — моремъ [1]). Нѣкоторые купцы сократили, правда, свои операціи; оптовая русская торговля всецѣло перешла въ руки иностранцевъ, но край, безъ сомнѣнія, выигралъ, а это и имѣлось прежде всего въ виду при открытіи porto-franco.

Легко понять мотивы, которыми руководствовались при объявленіи Николаевска «вольною гаванью».

Расположенный при устьѣ громадной рѣки, замерзающей на 6 мѣсяцевъ, въ дикой тайгѣ, Николаевскъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все населеніе низовій Амура, могли существовать исключительно только на счетъ подвоза съ моря или сверху изъ Забайкалья. Но можно-ли было разсчитывать на Забайкалье и вообще Восточную Сибирь при недостаточности средствъ сообщенія по Амуру и въ виду постоянно усиливающагося прилива переселенцевъ въ Амурскую область, ближайшую сосѣдку поименованныхъ странъ? Очевидно, что нѣтъ. Вотъ почему городъ всегда тяготѣлъ къ морю, гдѣ издавна господствовали иностранцы и гдѣ русскій торговый человѣкъ былъ, въ особенности въ то время, совершенно случайнымъ явленіемъ. До какой степени слабо было наше торговое движеніе моремъ даже въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, видно изъ тѣхъ усилій, какія въ то время употреблялись правительствомъ для своевременной доставки продовольствія и провіанта въ Петропавловскій портъ Камчатки [2]).

Если же на морскую доставку товаровъ и жизненныхъ припасовъ русскимъ купечествомъ нельзя былъ расчитывать, то не логично-ли было обратиться къ помощи иностранцевъ?

---

[1]) Еще и въ настоящее время не прекратился ввозъ калифорнской муки въ Николаевскій портъ. Такъ въ «Deutsches Handels Archiv» 1893, IX, 2, на стр. 476, мы читаемъ: «Am bemerkenswerthesten ist der Rückgang der Einfuhr aus San-Francisco von 1200 auf 700 Tonnen, eine Folge der von Jahr zu Jahr geringer werdenden Nachfrage nach amerikanischen Mehl».

[2]) Въ это время онъ доставлялся еще на казенныхъ судахъ; и нельзя сказать, чтобы доставка эта отличалась особенною правильностью. Къ тому же съ казенными судами нерѣдки были несчастія, которыя тяжело отзывались на населеніи Петропавловска. Укажемъ на случаи съ судами: «Сахалинъ», «Манджуръ» и «Японецъ».

А если такъ, то что же могло привлечь на Амуръ этихъ послѣднихъ, какъ не черезвычайныя льготы, которыя хотя частью уравновѣшивали невыгодныя условія такого бѣднаго рынка, какимъ въ то время могъ считаться Амуръ [1])?

Привиллегіи, полученныя иностранцами, не замедлили тотчасъ же сказаться: пшеничная мука, напримѣръ, продававшаяся въ Николаевскѣ по 6 — 10 р. за пудъ, спустилась до $2^1/_2$ р.; то же слѣдуетъ сказать и относительно другихъ продуктовъ, каковы: солонина, консервы, колоніальные товары и проч., хотя точныхъ цифръ по этимъ и однороднымъ статьямъ мы, къ сожалѣнію, подыскать не могли.

По точному смыслу первой статьи Айгунскаго договора, гласящей: «По рѣкамъ Амуру, Сунгари и Уссури могутъ плавать только суда Дайцинскаго и Россійскаго государствъ; всѣхъ же прочихъ иностранныхъ государствъ судамъ по симъ рѣкамъ плавать не должно»—судоходство по Амуру должно было бы всецѣло находиться въ русскихъ рукахъ, служа преимущественно интересамъ ихъ собственниковъ—русскихъ купцовъ. Между тѣмъ, первые частные пароходы, явившіеся на Амуръ, принадлежали гамбуржцу Дикману, приписавшемуся въ Николаевскіе купцы (1863 г. [2]).

Въ 1858 г. организовалось акціонерное общество—«Амурская Компанія» съ цѣлью эксплуатаціи Амурскаго края въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Сперва Компанія эта владѣла капиталомъ въ 1 мил. руб., составившимся изъ 4.000 акцій; затѣмъ онъ доведенъ былъ до 3 мил. выпускомъ новыхъ 8.000 акцій. Несмотря, однако, на такой значительный капиталъ и на то, что во главѣ дѣла стояли такіе энергичные люди, какъ Бернардаки и Рукавишниковъ, эта компанія разорилась и уже въ 1868 г. ликвидировала свои дѣла.

Разореніе компаніи приписывалось конкуренціи иностранцевъ; но едва-ли эта конкуренція была единственною причиною банкротства Компаніи.

Великолѣпно обставивъ правленіе въ Петербургѣ и главную контору въ Иркутскѣ, компанія вслѣдъ затѣмъ завела свои конторы чуть не въ каждой станицѣ по Амуру. Но назначивъ своимъ управляющимъ огромныя содержанія [3]), она въ

---

[1]) Иностранные купцы и пароходовладѣльцы не могли разсчитывать на обратные грузы.

[2]) Изъ частныхъ пароходовъ, которые работали въ 1885 г., только одинъ буксирный («Гражданинъ») оказался постройки 1860 г., но намъ неизвѣстно, кто былъ его строителемъ. Не казна-ли? Или, можетъ быть, это одинъ изъ бывшихъ пароходовъ Амурской К°, которая, дѣйствительно, намѣревалась было завести пароходство свое по Амуру.

[3]) Такъ, напримѣръ, Иркутскій управляющій со своими двумя сыновьями получалъ 25/тыс. рублей, другой главноуправляющій 18/тыс. и т. д.

то же время непосредственнымъ дѣятелямъ: довѣреннымъ, подручнымъ и конторщикамъ выдавала не свыше 300 р. годового оклада, предоставивъ имъ, однако, взамѣнъ того право производить небольшую торговлю и отъ своего имени. Можно легко представить себѣ, что изъ всего этого вышло! Пользуясь правомъ торговли и отъ своего имени, эти второстепенные дѣятели пеклись прежде всего о своихъ личныхъ выгодахъ, а не объ интересахъ Компаніи, именемъ которой прикрывали, однако, всѣ свои продѣлки. Указываютъ, напримѣръ, на слѣдующее: «Они, бывало, какъ замѣтятъ требованіе на какой-либо предметъ, особенно первой потребности, то и вывозятъ его тотчасъ же въ продажу по счетамъ компаніи съ назначенною, разумѣется, пользою, но сами продаютъ эти предметы по баснословно дорогой цѣнѣ, отъ чего терпѣли потребители и Компанія, репутація которой сильно пострадала отъ этихъ продѣлокъ» [1]).

Въ первый же годъ своего существованія Компанія купила три рѣчныхъ парохода и отправила на Амуръ громаднѣйшій грузъ разнообразныхъ товаровъ на трехъ большихъ судахъ. Отправила и китоловое судно, которое тотчасъ же разбилось; завела бѣлужій промыселъ и рыболовство, но рыболовство не удалось [2]), а бѣлужій жиръ, плохо очищенный, такъ и остался въ складахъ Компаніи. Изъ трехъ отправленныхъ судовъ пришло въ Николаевскъ только одно; другое разбилось въ заливѣ де-Кастри, а третье въ лиманѣ Амура [3]). Съ послѣднихъ двухъ судовъ только небольшая часть товаровъ попала въ Николаевскъ, будучи снята на казенныя суда прежде крушенія. Но и того, что было доставлено въ этотъ годъ въ склады Компаніи, оказалось такъ много, что часть товаровъ пришлось отправить далѣе, въ Читу и Иркутскъ, гдѣ, сказать кстати, часть ихъ пролежала до ликвидаціи дѣла, то-есть до 1868 г. [4]).

---

[1]) Носковъ, l. c., стр. 53.

[2]) Компанія заняла для своихъ промысловъ лучшее мѣсто, выписала мастеровъ и засольщиковъ за дорогую плату и отправила ихъ къ мѣсту занятій, но невода и прочія снасти какъ-то пріотстали или, можетъ быть, о нихъ вовсе забыли... Наконецъ, изъ Архангельска прибыли какіе-то мудреные аппараты, и дѣло это не пошло». (Носковъ, l. c., стр. 54.)

[3]) «Когда большое судно «Орусъ» разбило въ лиманѣ и его положено было продать съ аукціона, то довѣренный К°, вмѣсто того, чтобы осмотрѣть предварительно, въ какомъ положеніи судно, сталъ торопить его продажей; вслѣдствіе чего судно со всѣмъ грузомъ продано было за 7/т. р. Покупщики его такъ удачно, между тѣмъ, распорядились, что, прорубивъ бокъ у судна, достали изъ него почти весь грузъ, котораго было болѣе чѣмъ на 400/тыс. руб., и успѣли продать даже подмоченные товары довольно выгодно; сама же Компанія купила послѣ того у нихъ свой же собственный пароходъ, перевозившійся на этомъ суднѣ, за 30 или 40/тыс. руб. При этомъ впрочемъ довѣренный К° самъ ничѣмъ не попользовался» (Носковъ, l. c., стр. 54).

[4]) «Отечественныя Записки», ibid. Частью по дороговизнѣ своей, частью же благо-

Амурская К° обыкновенно разцѣнивала свои товары: купленные въ Россіи и за-границей — въ Петербургѣ, купленные въ Сибири—въ Иркутскѣ. А такъ какъ довѣренные и прочіе второстепенные служащіе К° не имѣли права самовольно ни возвысить, ни уменьшить цѣны какого нибудь товара, не испросивъ на это разрѣшенія правленія, то обыкновенно случалось такъ, что разцѣненные дешево продавались тотчасъ же, а разцѣненные дорого залеживались въ складахъ годами и не были частью распроданы даже къ 1868 г.

Крушенія 1859 г. до такой степени напугали К°, что она уже не рѣшалась въ послѣдующіе годы предпринимать что бы то ни было. Въ 1860 и 1861 годахъ были на Амурѣ получены еще три небольшія партіи товаровъ, но затѣмъ уже рѣшительно ничего болѣе не предпринималось.

Дальнѣйшій обзоръ положенія торговаго дѣла въ Амурскомъ краѣ становится затруднительнымъ. Съ одной стороны недостаточность имѣющихся данныхъ по ввозу и вывозу товаровъ не даетъ намъ возможности составить себѣ хоть сколько нибудь вѣрное представленіе о постепенности развитія этого дѣла; съ другой — цѣлый рядъ такихъ крупныхъ событій, какъ перенесеніе въ 1872—73 годахъ военнаго порта изъ Николаевска во Владивостокъ, учрежденіе въ 1872 г. «Товарищества Амурскаго Пароходства», перенесеніе въ 1880 г. въ Хабаровскъ изъ Николаевска областного управленія, появленіе въ 1880 г. въ водахъ Владивостока и Николаевска судовъ «Добровольнаго флота» и проч. до такой степени усложняетъ характеръ торговыхъ операцій въ краѣ, что разобраться въ нихъ, при отрывочности имѣющихся въ нашемъ распоряженіи матеріаловъ, представляется дѣломъ крайне труднымъ.

Казалось бы, напримѣръ, что перенесеніе порта изъ Николаевска во Владивостокъ, а управленія краемъ въ Хабаровскъ, а затѣмъ утрата Николаевскомъ даже того значенія, какое онъ имѣлъ въ качествѣ главнаго этапнаго пункта, съ тѣхъ поръ, какъ каторжныхъ стали отправлять на Сахалинъ моремъ, что эти три причины, сократившія число жителей города на $^4/_5$, должны были бы значительно повліять и на тор-

---

даря отсутствію на нихъ спроса. Чтобы судить о родѣ товаровъ, доставлявшихся К° на Амуръ, достаточно привести слѣдующій разсказъ: «на аукціонѣ съ судна «Орусъ» одинъ только я купилъ сережекъ и сувениріковъ на 400 р., да другіе втрое больше; суздальскіе образа, недозволеные николаевскимъ духовенствомъ въ продажу по ихъ безобразію, были всѣ уничтожены. Лубочныхъ картинъ продано на аукціонѣ на 200 р.» («От. Зап.» ib.). И это все везлось въ край, нуждавшійся еще въ то время въ хлѣбѣ и мясѣ!

говыя его операціи; между тѣмъ, этого вовсе не наблюдается, что видно изъ слѣдующей таблицы:

Морскихъ судовъ пришло въ Николаевскій портъ [1]):

въ	1864 г.	9	въ	1874	16	въ	1882	18
»	1865 г.	15	»	1875	23	»	1883	18
»	1866 г.	25	»	1876	16	»	1884	23
»	1869 г.	12	»	1877	22	»	1890	29
»	1870 г.	10	»	1878	15	»	1891	30
»	1871 г.	14	»	1879	16	»	1892	34 (33) [2])
»	1872 г.	25	»	1880	20			
»	1873 г.	14	»	1881	26			

Значеніе этой таблицы получитъ особенный смыслъ, если мы присовокупимъ, что цѣнность доставленныхъ ими товаровъ изъ года въ годъ возрастала; такъ:

Съ половины 60-хъ г. въ среднемъ она опредѣлялась въ	800.000 р.	
въ 1875 г. она была уже выше	1.150.000 » [3])	
въ 1877 г. она почти равнялась	1.900.000 »	
въ 1878 г. она равнялась.	1.240.569 »	
» 1879 г. » »	2.074.227 »	
» 1880 г. » »	4.392.818 »	
» 1881 г. » »	6.063.214 »	
» 1882 г. » »	4.856.230 »	
» 1883 г. » »	3.148.944 »	
» 1884 г. » »	5.279.557 » [4])	
» 1890 г. » »	3.420.000 »	только частн. груз. [5])
» 1891 г. » »	3.720.000 »	
» 1892 г. » »	3.407.000 »	

Объясняется явленіе это тѣмъ, что, первоначально будучи преимущественно потребителемъ привозныхъ товаровъ [6]), Ни-

---

[1]) До 1877 г. цифры взяты изъ соч. К. Скальковскаго: «Русская торговля въ Тихомъ Океанѣ» (1883 г.), стр. 70; съ 1878 по 1884 г. изъ «Дѣла объ установленіи пошлинъ на нѣкоторые, привозимые въ порты Приморской области, товары», стр. 15; за 1892 г. изъ «Обзора Приморской Области» за 1892 г.; за 1891 и 1892 г. изъ «Deutsches Handels Archiv» 1893, IX, 2, стр. 475. 1892, IX, 2, стр. 472.

[2]) Deutsch. Hand. Arch» 1893, IX, 2, стр. 475.

[3]) Скальковскій, ib.

[4]) «Дѣло объ установленіи пошлинъ на нѣкотор., привоз. въ порты Прим. Обл., товары», стр. 10.

[5]) «Deutsches Handels—Archiv» 1892, IX, стр. 473. 1893, XI, стр. 476.

[6]) Какъ извѣстно, Приамурскій край сталъ заселяться съ С. В., съ устьевъ Амура.

колаевскъ, съ развитіемъ на Амурѣ пароходнаго дѣла, превращался мало-по-малу въ портъ въ самомъ тѣсномъ значеніи этого слова, служа для товаровъ, шедшихъ въ постепенно, но быстро развивавшуюся тогда Амурскую область, единственнымъ передаточнымъ пунктомъ съ морскихъ судовъ на рѣчныя. Эта роль его сохранилась за нимъ и до настоящаго времени и падетъ развѣ только тогда, когда рельсовый путь будетъ доведенъ до Хабаровска.

Однако, было-бы неправильно приписывать увеличеніе ввоза товаровъ черезъ Николаевскъ за 20-ти-лѣтній періодъ (1864 — 1884) съ 800/т. до 5.000/т. всецѣло развитію жизни въ долинѣ Амура, такъ какъ нѣкоторые товары, и въ томъ числѣ — чай, проходятъ ее только транзитомъ [1]). Притомъ же часть товаровъ, привозимыхъ въ Николаевскъ, находитъ себѣ помѣщеніе въ Приморской области и особливо въ Хабаровскѣ, а съ другой стороны ввозъ черезъ Николаевскъ еще не исчерпываетъ потребности въ привозныхъ товарахъ, предъявляемой населеніемъ Амурской области. Какъ извѣстно, послѣдняя получаетъ ихъ также какъ сверху, т.-е. черезъ Забайкалье, изъ Восточной Сибири, такъ и съ юга, по Сунгари, сухопутьемъ черезъ Айгунъ изъ Манджуріи и по Уссури изъ Владивостока.

Для уясненія же положенія торговли собственно въ Амурской обл., мы обращаемся къ единственному источнику, изъ котораго можемъ хотя нѣсколько ознакомиться съ этимъ положеніемъ, а именно, къ губернаторскимъ отчетамъ за послѣднее 8-лѣтіе (1885 — 1892). Въ нихъ мы находимъ двѣ категоріи постоянно (изъ года въ годъ) сообщаемыхъ цифровыхъ данныхъ, а именно: 1) о числѣ взятыхъ въ теченіе года торговыхъ свидѣтельствъ и 2) о цѣнности товаровъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, ввозимыхъ всѣми главными торговыми фирмами единственнаго города области—Благовѣщенска.

Въ 8-лѣтіе 1885—1892 г.г. торговыхъ свидѣтельствъ и билетовъ было выдано:

	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892
а) Свидѣтельствъ:								
1-й гильдіи . . .	14	12	12	12	11	13	13	10
2-й » . . .	185	172	194	199	172	221	248	276
	199	184	206	211	183	234	261	286

[1]) Вывозъ байховыхъ чаевъ въ Николаевскъ подверженъ значительнымъ колебаніямъ: maximum его приходится на 1862 г., когда было вывезено 46750 пуд., на сумму 387/тыс. р. мет., minimum же падаетъ на 1881 г., когда было вывезено этимъ путемъ только 16000 пуд., на сумму 131/тыс. р. мет.

На мелочн. торг.	216	229	255	176	221	272	273	254
Развозную . . .	18	36	31	27	36	43	40	46
Разносную . . .	5	9	17	22	24	49	64	49
	239	274	303	225	281	364	377	349
Приказчичьихъ:								
1-го класса . . .	166	160	154	127	132	156	139	122
2-го » . . .	185	179	190	193	162	178	247	212
	341	339	344	320	294	334	386	334
Промысловыхъ. .	183	143	124	135	153	104	15	5
б) Билетовъ.								
1-й гильдіи. . .	49	50	56	48	59	41	59	57
2-й » . . .	296	228	245	262	224	299	330	364
Мелочной торг. .	34	55	46	38	56	126	65	145
	379	333	347	348	339	466	454	566

Свѣдѣнія эти указываютъ на значительное увеличеніе, какъ лицъ, занимающихся торговлею самостоятельно (свидѣтельства купеческія и на мелочные виды торговли), такъ и мѣстъ продажи (билеты) товаровъ за послѣднее 3-хъ-лѣтіе (1890—1892 г.г.).

Но несравненно важнѣе слѣдующія свѣдѣнія о цѣнности ввозимыхъ въ Амурскую область товаровъ тѣми торговыми фирмами Благовѣщенска, которыя преимущественно занимаются этимъ ввозомъ. Такихъ фирмъ въ Благовѣщенскѣ было въ 1885 г. 15, въ 1886 г. 16, а въ послѣдующіе годы число ихъ колебалось отъ 20 до 22. Въ числѣ этихъ 22 фирмъ 16 принадлежало русскимъ именамъ, да и оборотъ ихъ составлялъ 60% всего оборота, такъ что нѣтъ сомнѣнія, что нынѣ торговля Амурской области находится уже преимущественно въ русскихъ рукахъ.

Въ 8-лѣтіе 1885—1892 г.г. фирмами Благовѣщенска ввезено въ Амурскую область товаровъ:

	На сумму въ рубляхъ.			Проц. отнош.
	Русскихъ.	Иностранныхъ.	Всего.	русск. тов.
1885 г.	1.432.145	833.166	2.265.311	63
1886 »	1.580.096	747.184	2.327.280	68
1887 »	1.980.946	960.019	2.940.965	67
1888 »	2.381.108	1.063.735	3.444.843	69
1889 »	2.534.383	1.076.707	3.611.090	70
1890 »	3.128.395	1.622.493	4.750.888	69
1891 »	3.683.057	2.004.324	5.687.381	65
1892 »	3.899.999	2.127.364	6.027.353	65
Итого	20.620.129	10.434.992	31.055.111	66,6

Таблица эта показываетъ необыкновенно быстрое возрастаніе привозной торговли въ Амурскую область, которая съ 1885 г. почти *утроилась*. Двѣ трети товаровъ, потребляемыхъ населеніемъ Амурской области — русскіе товары. Съ 1885 по 1889 г., процентное отношеніе русскихъ товаровъ нѣсколько возрастало и многіе изъ прежде привозимыхъ въ Амурскую область иностранныхъ товаровъ, какъ напримѣръ, бумажныя и даже шерстяныя ткани, желѣзный товаръ, мыло, стеариновыя свѣчи и сахаръ, повидимому, постепенно были вытѣснены русскими. Небольшое пропорціональное усиленіе привоза иностранныхъ товаровъ въ послѣднее 3-хъ-лѣтіе объясняется усиленіемъ спроса на земледѣльческія орудія и машины.

Приведенныя цифры ввоза товаровъ главными благовѣщенскими торговыми фирмами хотя и имѣютъ преобладающее значеніе для оцѣнки размѣровъ ввозной торговли въ Амурскую область, но далеко еще ихъ не исчерпываютъ, такъ какъ въ цифры эти не вошли:

1) Второстепенные торговые обороты болѣе мелкихъ купеческихъ фирмъ, отчасти берущихъ свой товаръ у главныхъ фирмъ, но отчасти выписывающихъ его самостоятельно.

2) Обороты иркутскихъ и забайкальскихъ купцовъ, привозящихъ русскіе товары, а также и сырые произведенія изъ Сибири и продающіе ихъ прямо съ баржъ, причемъ Албазинъ и Черняевская станица служатъ имъ главными рынками. Количество привозимыхъ этими торговцами фабричныхъ и колоніальныхъ товаровъ не велико, но они привозятъ въ значительномъ количествѣ и довозятъ даже до Благовѣщенска: соленое мясо, коровье масло, сало, шерсть изъ Забайкалья, соль изъ Монголіи, желѣзо Бутинскихъ и Петровскаго заводовъ, которое лучше заграничнаго.

3) Непосредственная выписка, помимо торговыхъ фирмъ, главными золотопромышленными компаніями товаровъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ. Отчетъ 1886 г. опредѣляетъ цифру полученнаго такимъ образомъ въ теченіе отчетнаго года товара въ 400 т. р. Въ отчетахъ за слѣдующіе годы подобныхъ свѣдѣній однако уже не имѣется.

4) Торговля съ сосѣднею Манджуріею. Въ неурожайный 1885 г. было привезено изъ Манджуріи до 366 тыс. пуд. пшеницы и болѣе 197 тыс. пуд. овса; въ 1886 г. все еще до 135 тыс. пуд. пшеницы и 119 пуд. овса; ввозъ хлѣба изъ Манджуріи продолжался еще и въ послѣдующіе годы до 1889 и оцѣнивался, примѣрно, въ 200 тыс. руб. ежегодно, но въ послѣднее время ввозъ хлѣба изъ Манджуріи совершенно

прекратился, такъ какъ быстро возрастающіе хлѣбные избытки крестьянъ волостей Зейско-Буреинскаго раіона стали вполнѣ удовлетворять всѣмъ потребностямъ, не только сельскаго и городского населенія области, но и пріисковаго и войскового довольствія. Поэтому главнымъ предметомъ ввозной въ Амурскую область изъ Манджуріи торговли остались произведенія манджурскаго скотоводства — мясо и живой скотъ. Въ 1885 г. было пригнано изъ Манджуріи скота до 6600 головъ, да ввезено мяса до 80 тыс. пуд.; съ 1886 по 1888 г. скота пригонялось изъ Манджуріи ежегодно на сумму отъ 450 до 500 тыс. руб.; съ 1889 по 1891 г. пригонъ этотъ простирался отъ 10 до 12 тыс. головъ ежегодно, на сумму до 650 тыс. руб., а обороты всей манджурской торговли, оцѣнивавшіеся до прекращенія ввоза хлѣба на сумму 1 мил. руб. ежегодно, съ 1890 г. оцѣниваются до 800 тыс. руб. въ годъ, включая въ это число и небольшое количество товаровъ, идущихъ изъ Амурской области въ Манджурію, а именно: кожъ и пушнины, желѣза, мануфактурныхъ и колоніальныхъ товаровъ. Въ расчетъ оборотовъ манджурской торговли не входятъ, конечно, товары и скотъ, идущіе черезъ Манджурію транзитомъ изъ Забайкалья по упомянутой выше Цурухайту-Мергень-Айгунской дорогѣ. Не уменьшающееся количество пригона скота въ Амурскую область объясняется тѣмъ, что развитіе скотоводства въ Амурской области замедляется страшными скотскими падежами отъ чумы и сибирской язвы, съ которыми русское населеніе еще не научилось бороться.

6) Наконецъ, не вошла еще въ приведенныя цифры торговля преимущественно ярмарочная и притомъ мѣновая съ инородцами. Всѣхъ ярмарочныхъ пунктовъ внутри области собственно три: одинъ на среднемъ теченіи Большой Биры, другой при впаденіи въ Зею рѣки Депа, третьимъ и самымъ важнымъ является упомянутое уже выше Нюманское собраніе. Обороты торговли на всѣхъ этихъ ярмаркахъ оцѣниваются губернаторскими отчетами въ 100 тыс. руб. ежегодно. Продавцами на торгахъ являются туземцы: тунгусы, орочоны и манегры; покупателями—русскіе приамурскіе купцы, торговцы изъ Якутска и даже китайцы изъ Манджуріи, пріѣзжающіе сюда на лодкахъ (на Зею, Бурею и Биру)—единственное осуществленіе той ст. договора, которая допускаетъ свободное плаваніе китайскихъ судовъ по рѣчной системѣ Амура[1]). Предметы продажи

[1]) Въ такомъ появленіи манджуро-китайцевъ на лодкахъ въ нашихъ предѣлахъ не было бы ничего нежелательнаго (такъ какъ оно дало бы намъ поводъ подниматься по

туземцевъ: пушнина—бѣлка, козуля, лисица, олень, кабарга, соболь, выдра, изюбрь и медвѣдь, и сушеное мясо.

Обороты одной Нюманской ярмарки оцѣниваются отъ 70 до 82 тысячъ рублей и она не падаетъ. Свѣдѣнія о количествѣ и цѣнности проданной на ней пушнины мы имѣемъ только за 1887 и 1889 годы, а именно, въ эти годы было продано:

	Въ 1887 г.		Въ 1889 г.	
Соболей . . .	2627 шт.	на 45047 р.	3000 шт.	на 60000 р.
Бѣлокъ . . .	2958 »	» 444 р.	Неизвѣстно.	
Лисицъ красн.	29 »	» 87 р.	20 шт.	» 80 р.
Хорьковъ . . .	157 »	» 78 р.	Не показано.	
Выдръ	3 »	» 24 р.	20 шт.	» 180 р.
Рысей. . . .	Не показано.		10 »	» 80 р.
Медвѣдей . . .	15 шкур.	126 р.	50 »	» 600 р.
Кабарговой струи.	1316 мѣшк.	на 4482 р.	1500 мѣшк.	на 5250 р.

Обыкновенныя цѣны на соболь буреинскій отъ 17 р. 50 к. до 20 р. и болѣе, между тѣмъ, какъ хинганскій соболь (съ Большого Хингана) стоитъ только 9 руб. Бѣлка отъ 12 до 15 коп., хорекъ по 50 коп., лисица рубля по 4, выдра отъ 6 до 8 р., рысь по 8 р., медвѣдь отъ 8 до 12 р.

Изъ приведенной выше, на стр. 612, таблицы видно, что ввозъ въ Амурскую область товаровъ главными торговыми фирмами Благовѣщенска достигъ по стоимости до размѣра 6 мил. руб.; если же присоединить къ этому незарегистрованный ввозъ мелкими фирмами, прямую выписку товаровъ золотопромышленными компаніями, ввозъ иркутскихъ и забайкальскихъ товаровъ для станицъ верховій Амура, транзитъ черезъ Манджурію и ввозъ предметовъ скотоводства изъ послѣдней, то минимальная цифра ввоза въ Амурскую область достигнетъ до 8 мил. руб. ежегодно. Въ перечнѣ ввозимыхъ предметовъ видную роль играютъ: скотъ и даже мясо, соль, желѣзо, металлическія издѣлія, всѣ мануфактурныя издѣлія, вина и всѣ колоніальные товары, не говоря уже о самомъ важномъ, неоцѣнимомъ предметѣ ввоза въ Амурскою область—ввозѣ людей въ видѣ переселенческихъ партій. Наоборотъ, вывозной торговли еще почти вовсе не существуетъ, такъ какъ изъ произведеній страны вывозится пока только небольшое количество кожъ и

Сунгари), если-бъ китайцы не привозили туземцамъ, въ обмѣнъ на ихъ мѣха, ханшинъ (кит. водка), ввозъ котораго администрація, разумѣется, вынуждена была запретить.

пушнины, и единственнымъ произведеніемъ Амурской области, съ избыткомъ покрывающимъ всю стоимость уже нынѣ обширнаго и быстро развивающагося ввоза въ Амурскую область—служитъ, добываемое въ ней въ вышеуказанныхъ и еще не оскудѣвающихъ количествахъ, *золото*.

Насколько отношенія между привозомъ русскихъ и иностранныхъ товаровъ сложились въ Амурской области болѣе благопріятно для первыхъ, чѣмъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, можно видѣть изъ слѣдующихъ данныхъ Зензинова. За періодъ времени съ 1885 по 1887 г. существовали въ этомъ краѣ такія отношенія [1]):

	Русскихъ ввезено	Иностранныхъ на сумму.
1885 г.	994.000	4.233.000
1886 »	1.587.000	4.119.000
1887 »	1.419.000	4.322.000

иными словами, что къ 1887 г. русскіе товары составляли по цѣнности своей едва $^1/_4$ всего привоза во Владивостокъ.

Впрочемъ, и здѣсь къ 1890 г. отношенія эти измѣнились значительно въ пользу русской торговли, такъ что уже въ 1889 г. русскихъ товаровъ ввезено было въ край на 14.345.000 р., то-есть въ 10 разъ болѣе, чѣмъ въ 1887 г. [2]).

Постепенно увеличивавшійся ввозъ русскихъ товаровъ въ порты Приморской области сталъ замѣчаться, однако, давно; особенно же благопріятно отозвались на немъ:

I. Высочайшее повелѣніе отъ 3 іюля 1867 г. о взиманіи пошлинъ съ привозимыхъ въ Амурскую, Приморскую и Забайкальскую области иностранныхъ спиртныхъ напитковъ въ размѣрѣ 20 к. съ бут. и 4 р. съ ведра.

Въ 1872 г., Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 26 мая, эта пошлина была возвышена до 30 к. съ бут. и 6 р. съ ведра.

Въ 1873 г., Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 15 мая, она была вновь возвышена до 68 к. съ бут. и 7 р. съ ведра.

---

[1]) См. «Нижегородская почта», 1891 г., августа 14.

[2]) По даннымъ, сообщеннымъ Приамурскимъ генералъ-губернаторомъ, барономъ Корфомъ. Цифра эта, однако, должна относиться ко всему ввозу въ Приамурскую область а не въ одинъ только Владивостокъ. Въ «Кратком Очеркѣ Приамурскаго Края», составленномъ по оффиціальнымъ даннымъ, Спб., 1892, стр. 32, весь ввозъ, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ товаровъ, по обоимъ портамъ, опредѣленъ въ 9.982.000 р., причемъ изъ этой цифры исключался, однако, транзитомъ прошедшій черезъ нихъ чай. По свѣдѣніямъ Приморскаго губернатора всѣхъ товаровъ въ привозѣ состояло на сумму 10.300.000 р., а по свѣдѣніямъ Министерства Финансовъ въ Приморскую область было вывезено въ этомъ году однихъ только русскихъ товаровъ на сумму 13.870.000 р.

Въ 1882 г., Высочайше утвержденнымъ 4 мая мнѣніемъ Государственнаго Совѣта пошлины съ напитковъ и нѣкоторыхъ спиртъ содержащихъ товаровъ опредѣлены были въ нижеслѣдующемъ размѣрѣ: а) съ вина и спирта по 7 р. 70 к. кред. съ ведра; б) съ арака, рома, водки французской и сливовицы, привозимыхъ въ бочкахъ или боченкахъ, по 10 р. 92 к. съ пуда брутто; в) съ хлѣбныхъ спиртныхъ напитковъ, привозимыхъ въ бут., съ ликеровъ, киршвассера, джина, виски, наливокъ, настоекъ и проч., съ рома, арака, водки французской и сливовицы въ бут. по 75 к. съ бут.; съ фруктовыхъ соковъ съ примѣсью алкоголя 10 коп. за градусъ; д) съ лаковъ спиртовыхъ и масляныхъ по 8 р. 47 к. съ пуда, и е) съ портера и пива всѣхъ сортовъ, въ бочкахъ и боченкахъ, по 1 р. 10 к. съ пуда брутто, а въ бутылкахъ $16^1/_2$ к. съ бутылки.

Въ 1886 г., Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 3 іюня пошлины на вино и спиртъ увеличены съ 7 р. 10 к. до 10 р. кред. съ ведра.

II. Организація съ 1880 г. правильныхъ рейсовъ судовъ Добровольнаго Флота между портами Приморской области и Европейской Россіи.

III. Высочайшее повелѣніе 26 мая 1887 г. объ обложеніи пошлиной табачныхъ издѣлій иностраннаго происхожденія на основаніи общаго тарифа по европейской торговлѣ.

IV. Высочайшее повелѣніе 25 мая 1888 г. объ обложеніи пошлинами какъ сахара, такъ и всевозможныхъ сахарныхъ издѣлій, а также сухихъ ягодъ и фруктовъ иностраннаго происхожденія, на основаніи общаго тарифа по европейской торговлѣ.

Одновременно съ этимъ послѣдовало и нѣкоторое возвышеніе пошлинъ на спиртные напитки и спиртъ содержащіе товары въ такихъ размѣрахъ: а) съ арака, рома, водки французской и сливовицы, привозимыхъ въ бочкахъ или боченкахъ, съ пуда брутто до 11 руб.; б) съ хлѣбныхъ спиртныхъ напитковъ, привозимыхъ въ бутылкахъ, ликеровъ, киршвассера, джина, виски, наливокъ и проч., а также рома и водки французской въ бут., пошлина не возвышалась; въ то же время, однако, ввозъ всякихъ хлѣбныхъ спиртныхъ на-

питковъ въ бочкахъ и другихъ большихъ сосудахъ безусловно воспрещался; в) вина виноградныя, привозимыя въ бочкахъ или боченкахъ, впервые облагались пошлиной въ 3 р. 50 к. съ пуда брутто, въ бут. по 40 к., шипучія по 1 р. 25 к. съ бут.; г) съ меда, липца и вишняка, портера и пива всякаго пошлина возвышалась до 11 р. 30 к. съ пуда брутто въ томъ случаѣ, если они привозились въ бочкахъ или боченкахъ, и до 20 к., если привозились въ бутылкахъ; д) сокъ фруктовый облагался пошлиной по 60 к. съ пуда и сверхъ того, если онъ содержалъ алкоголь, по 12 к. за каждый градусъ послѣдняго; соки съ содержаніемъ спирта выше чѣмъ 16 градусовъ вовсе къ ввозу не допускались; и, наконецъ, е) съ лаковъ масляныхъ и спиртовыхъ пошлина возвышалась до 10 р. 20 к. съ пуда. При этомъ надо замѣтить, что пошлина, взимавшаяся прежде кредитными, съ 1888 г. стала взиматься золотомъ, что вынудило иностранцевъ совершенно прекратить ввозъ большинства изъ упомянутыхъ предметовъ [1]).

Во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ правительства нельзя не видѣть чрезвычайной послѣдовательности и большой осторожности. Объявивъ въ 1854 г. единственный тогда портъ въ Приморской области, городъ Николаевскъ, свободною гаванью, что, въ виду молодости края и совершеннаго въ то время отсутствія русской торговли въ восточныхъ водахъ, являлось дѣломъ крайней необходимости, правительство уже съ 1867 г., какъ мы это видѣли, рѣшилось вступить на путь ограниченій свободнаго ввоза иностранныхъ товаровъ и съ тѣхъ поръ шло имъ неуклонно, постепенно приготовляя почву къ закрытію порто-франко. Нынѣ, съ проведеніемъ рельсоваго пути до Графской и далѣе до Хабаровска, время это, надо думать, настало, что и доказывается, между прочимъ, нижеслѣдующими цифрами ввоза русскихъ товаровъ:

въ	1888 г.	4.307.000 руб.	
»	1889 »	13.870.000 »	
»	1890 »	11.567.000 »	
»	1891 »	14.096.000 »	
»	1892 »	13.110.000 »	[2])

---

[1]) Меньшее значеніе для края имѣло Высочайшее повелѣніе 9 іюля 1888 г. объ обложеніи акцизомъ и сверхъ того пошлиной иностранныхъ освѣтительныхъ маслъ; русскій керосинъ, ввозившійся въ Приморскую область, былъ освобожденъ при этомъ отъ уплаты акциза до 1 января 1891 г. Сверхъ того, таможенный тарифъ по европейской торговлѣ былъ тогда же распространенъ и на зажигательныя спички.

[2]) По свѣдѣніямъ Министерства Финансовъ.

включая сюда, впрочемъ, и всѣ казенные грузы, общую стоимость коихъ мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ возможности точно опредѣлить; если же судить о привозѣ товаровъ по переводамъ черезъ государственное казначейство во Владивостокѣ, то оказывается, что

въ	1890	г.	всѣхъ	товаровъ	ввезено	было	на 4.811.113 р.
»	1891	»	»	»	»	»	» 6.257.780 »
»	1892	»	»	»	»	»	» 8.997.540 »

Кромѣ того, въ «Обзорѣ Приморской Области» за 1889 г. мы находимъ для этого года цифру, равную 5.705.234 р., каковою опредѣляется ввозъ русскихъ и нерусскихъ товаровъ, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, только во Владивостокъ.

Изъ этихъ суммъ на долю *нерусскихъ* произведеній приходилось:

въ	1889 г.	4.189.083 руб.	(73,4%)
»	1890 »	свѣдѣній нѣтъ.	
»	1891 »	2.761.265 руб.	(43%[1]).
»	1892 »	свѣдѣній нѣтъ.	

Эти цифры, вслѣдствіе временныхъ нуждъ края, вызванныхъ постройкой восточнаго участка Сибирской желѣзной дороги, хотя и не выражаютъ правильнаго отношенія между ввозомъ русскихъ и иностранныхъ товаровъ, тѣмъ не менѣе даютъ возможность предполагать, что торговля русскими произведеніями въ краѣ уже настолько окрѣпла, что нѣтъ болѣе повода опасаться, что закрытіе порто-франко можетъ хотя бы даже временно вызвать въ немъ торговый кризисъ; тѣмъ болѣе, что иностранцы уже давно стали переходить на торговлю русскими произведеніями[2]).

---

[1]) «Deutsch. Hand Archiv» 1892. IX, 2, стр. 472 и 1893 г. XI, 2, стр. 475. За предыдущіе годы свѣдѣній о ходѣ торговли въ Приамурскомъ краѣ въ Архивѣ мы не находимъ.

[2]) Такъ, изъ данныхъ, представляемыхъ «Обзорами Приморской Области», видно, что въ 1885 г. иностранцами ввезено русскихъ товаровъ на сумму 135 т. р., что составляетъ около 16% на весь привезенный иностранный товаръ, въ 1886 т. на 252 т. р. (33%), въ 1887 г. на 268 т. р. (28%), въ 1888 г. на 296 т. р. (28%), въ 1889 г. на 511 т. р. (50%) въ 1890 г. на 516 т. р. (30%), въ 1891 г. на 761 т. р. (26%).

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ заключеніе нашего описанія Амурской области, исчерпавшаго, по возможности, всѣ многочисленные матеріалы, найденные нами, какъ въ нашей обширной и богатой географической литературѣ, такъ и въ многочисленныхъ оффиціальныхъ отчетахъ, и вполнѣ выясняющіе естественныя условія страны и нынѣшнюю экономическую жизнь ея населенія, мы считаемъ долгомъ представить нѣсколько общихъ выводовъ, къ которымъ приводитъ насъ внимательное изученіе указанныхъ источниковъ.

Амурская область занимаетъ обширное пространство (395000 кв. верстъ), какъ разъ равное пространству Швеціи (около 396000 кв. вер., безъ Норвегіи). Если провести прямую линію между Черняевскою станицею и Хабаровскомъ, въ видѣ хорды обширной дуги, описываемой Амуромъ между этими двумя пунктами, то получится къ Ю.-З. отъ этой линіи тотъ сегментовидный отрѣзокъ области, который уже занятъ *кадрами* русской колонизаціи и который по своему пространству не превосходитъ четвертой части области. Къ С.-В. отъ этой линіи разстилается пустынная, почти безлюдная тайга, въ которую осѣдлая колонизація можетъ вторгнуться только въ немногихъ мѣстахъ, а именно: по Зеѣ и Селимджѣ, нѣсколько вверхъ отъ ихъ соединенія, по Томи, до ея верховьевъ, по Буреѣ, не выше устья Нюмани, и по всему бассейну р. Тунгузки. Но и при всемъ томъ нѣтъ сомнѣнія, что *двѣ трети* пространства области, по своимъ климатическимъ условіямъ, останутся *навсегда* недоступными для осѣдлой колонизаціи, и могутъ служить, подобно сѣверо-американскимъ владѣніямъ Англіи (кромѣ Канады), только предметомъ эксплоатаціи ихъ естественныхъ богатствъ [1]).

[1]) Недоступность эта объясняется суровостью климата двухъ сѣверныхъ третей об-

Все нынѣшнее населеніе Амурской области (до 100.000 об. п.) едва превосходитъ населеніе одной изъ центральныхъ частей города Петербурга, именно Спасской (98000 жит.)[1]), но такъ какъ въ населеніи области русскій элементъ составляетъ уже 80% и оно обняло почти всю ту площадь, которая представляется странѣ удобною для земледѣльческой колонизаціи, то населеніе это пріобрѣло государственное для Россіи значеніе, какъ *прочный кадръ будущей колонизаціи края.*

Русское сельское населеніе области (крестьяне и казаки) составляетъ только половину всей цифры ея населенія[2]). Въ отводѣ или пользованіи этого пятидесяти-тысячнаго сельскаго населенія состоитъ 980000 дес. земли, т.-е. около 36 дес. на душу м. п.—надѣлъ, который, по его громадности, нельзя считать иначе, какъ *кадровымъ*, т.-е. допускающимъ значительныя приселенія на отведенныя уже площади. Внѣ этого надѣла, разумѣется, остаются еще обширныя площади, принадлежащія государству, но, исходя изъ высказанной нами точки зрѣнія, что не болѣе одной трети пространства области, по своимъ климатическимъ условіямъ, способна для осѣдлой колонизаціи, несомнѣнно, что въ распоряженіи государства осталась для такой колонизаціи площадь не болѣе, какъ въ 12 милл. десятинъ[3]), а если принять въ соображеніе, что для обезпеченія будущности края необходимо по крайней мѣрѣ половину этого пространства оставить подъ охраняемыми правильнымъ лѣснымъ хозяйствомъ лѣсными зарослями, то, для отвода вновь колонизаціонныхъ площадей, государство едва-ли можетъ располагать болѣе, чѣмъ 6 милл. десятинъ.

При обиліи надѣльныхъ земель, хозяйство переселенцевъ имѣетъ, конечно, пока въ высшей степени *экстенсивный* и, можно сказать, даже до нѣкоторой степени хищническій характеръ. Но едва-ли можно поставить такой характеръ въ

ласти, а быстрота перехода отъ умѣреннаго и столь доступнаго для земледѣльческой культуры климата Амурской долины къ субарктическому климату нагорья Становаго хребта, а также смѣшеніе въ Амурской области субполярныхъ и субарктическихъ растительныхъ и животныхъ формъ зависитъ отъ относительной близости, находящагося въ одномъ меридіанѣ съ Амурскою областью, въ глубинѣ сибирскаго материка, одного изъ полюсовъ холода.

[1]) Мы приводимъ здѣсь для сравненія Спасскую часть Петербурга потому, что для 100-тысячнаго населенія, это самая густо населенная мѣстность Россійской Имперіи.

[2]) Остальная половина падаетъ на населеніе города (21 тыс.), манджуро-китайцевъ (14000), корейцевъ (1000), инородцевъ (4000), населеніе золотыхъ промысловъ (8000) и на поисковыя партіи.

[3]) Треть пространства области составляетъ болѣе 13.699.000 дес. Вычитая 980.000 дес, уже занятыхъ переселенцами, и 100.000, принадлежащихъ манджуро-китайцамъ, и отбрасывая еще 600.000 дес. на земли совершенно неудобныя, мы получаемъ круглую цифру въ 12.000.000 дес.

упрекъ переселенцамъ. До тѣхъ поръ, пока земельные отводы не будутъ соразмѣрены съ дѣйствительными потребностями населенія, земледѣльческая колонизація не можетъ быть вполнѣ осѣдлою, а будетъ имѣть характеръ полукочевой земледѣльческой эксплоатаціи пространствъ, пользованіе которыми предоставлено переселенцамъ. Но нельзя не поставить въ крупную заслугу переселенцамъ изъ крестьянъ разныхъ губерній Европейской Россіи и Сибири, заселяющимъ нынѣ, въ количествѣ 31000 д. об. п., Зейско-Буреинскій раіонъ области, что они въ короткое время стали производить столько пищевого хлѣба, (за сѣмянами болѣе 1.300.000 пуд.), что окончательно вытѣснили привозный манджурскій и избыткомъ своего производства обезпечили довольствіе всего городского населенія области, рабочаго населенія ея золотыхъ пріисковъ и даже войскъ Амурскаго края. Если принять во вниманіе, что піонерамъ русской земледѣльческой колонизаціи пришлось вести тяжелую борьбу съ трудно-подчиняющимися человѣку силами природы и примѣняться къ условіямъ, имѣющимъ весьма мало сходства съ тѣми, съ которыми они свыклись на своей родинѣ, то результатъ *кадровой* русской земледѣльческой колонизаціи въ Амурской области можно считать въ высшей степени *благопріятнымъ*. Лучшимъ выраженіемъ успѣха этой колонизаціи служитъ, между прочимъ, и то обстоятельство, что естественный приростъ населенія Амурской области, несмотря на неблагопріятно на него дѣйствующія численныя отношенія между полами (всегда невыгодныя въ ново-колонизованныхъ странахъ), значительно превосходитъ неимовѣрно возросшій послѣ упраздненія крѣпостного права естественный приростъ населенія въ земледѣльческомъ пространствѣ Европейской Россіи.

Но послѣ того, какъ въ теченіе 35 лѣтъ Россія исполнила по отношенію къ Амурскому краю не легкую задачу той первоначальной земледѣльческой колонизаціи, которую мы назвали *кадровою* и при посредствѣ которой мы уже стали твердою ногою на прибрежьи Тихаго океана, Россіи остается еще не менѣе трудная задача *наполненія кадровъ этой колонизаціи*, и эта задача едва-ли можетъ быть достигнута иначе, какъ не только соединеніемъ Амурской области съ одной стороны съ Сибирью и Россіей, а съ другой съ Владивостокомъ желѣзнымъ путемъ, но и пересѣченіемъ такимъ же путемъ всего способнаго къ осѣдлой земледѣльческой колонизаціи, упомянутаго выше сегмента Амурской области.

Нынѣшнее экономическое положеніе области уже достаточно подробно выяснено въ предшедствовавшихъ главахъ. Здѣсь

намъ остается повторить только, что область своею хлѣбною производительностью обезпечиваетъ вполнѣ свое продовольствіе, потребляетъ же *привозныхъ* товаровъ не менѣе, какъ на 8 милліоновъ рублей (изъ которыхъ $^2/_3$ русскихъ и только $^1/_3$ иностранныхъ), но сама не даетъ почти ничего для вывоза, кромѣ *золота*, покрывающаго своею стоимостью, конечно, съ большимъ избыткомъ всю привозную торговлю, такъ какъ производство золота въ Амурской области оцѣнивалось за 5 лѣтъ 1887—92 г. по оффиціальнымъ даннымъ ежегодно среднимъ числомъ въ 8.300.000 р., да сверхъ того уходило нелегальнымъ путемъ въ Китай, по приблизительной оцѣнкѣ частныхъ показаній, опубликованныхъ въ оффиціальныхъ источникахъ, на 2850000 руб.

Постараемся теперь высказать нашъ взглядъ на то, чего можно ожидать въ будущемъ отъ Амурской области.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ постепеннымъ пополненіемъ кадровъ земледѣльческой колонизаціи, хлѣбное производство можетъ возрасти еще въ большой степени въ области и что, при сгущеніи ея населенія и даже при развитіи въ ней другихъ промышленныхъ и торговыхъ пунктовъ, кромѣ Благовѣщенска и золотыхъ пріисковъ, страна навсегда будетъ съ избыткомъ обезпечена хлѣбомъ, но едва-ли можно ожидать въ недалекомъ будущемъ хлѣбнаго вывоза изъ Амурской области за ея предѣлы. Причины, которыя надолго будутъ препятствовать этому вывозу, заключаются въ томъ, что ближайшія къ Амурской области страны—Забайкальская область, Манджурія и Уссурійской край, обладаютъ сами большими хлѣбными избытками, а на всемірномъ рынкѣ амурскій хлѣбъ, производимый уже на сѣверной окраинѣ возможной хлѣбной культуры и пока не обладающій высокими качествами, еще не можетъ имѣть большого значенія.

Скотоводство, несмотря на обиліе земель, поставлено еще нынѣ въ области въ такія невыгодныя условія, что оно даже не удовлетворяетъ мѣстнымъ нуждамъ населенія и требуетъ пока непрерывнаго пополненія извнѣ. Сплошная тайга и густыя камышевыя заросли, препятствующія испаренію воды, накопляемой неимовѣрнымъ обиліемъ лѣтнихъ дождей, не даютъ простора развитію пастбищъ и покосовъ, а недостаточность рабочихъ рукъ для ухода за скотомъ дѣлаетъ еще невозможнымъ для населенія области борьбу съ страшными врагами скотоводства: чумой, сибирской язвою и хищными животными, которыя безпощадно истребляютъ блуждающій безъ присмотра скотъ. Нѣтъ сомнѣнія, что постепенное попол-

неніе пока еще кадроваго состава населенія можетъ способствовать устраненію препятствій къ развитію скотоводства, и сельскому населенію области, въ неслишкомъ отдаленномъ будущемъ, удастся сначала довести это развитіе до обезпеченія собственныхъ своихъ нуждъ, а затѣмъ даже и до вывоза за предѣлы области нѣкоторыхъ животныхъ продуктовъ, но во всякомъ случаѣ Амурская область въ этомъ отношеніи останется навсегда поставленною въ условія, менѣе благопріятныя съ сосѣдними съ нею Забайкальскою областью, Монголіею и Манджуріею, характеризуемыми обиліемъ и высокимъ качествомъ своихъ пастбищъ.

Лѣсныя богатства области пока еще очень велики и могли бы и въ настоящее время, кромѣ удовлетворенія собственныхъ нуждъ населенія, представить предметъ нѣкотораго вывоза за предѣлы области, но мѣстная администрація совершенно справедливо относится съ крайнею осторожностью къ лѣсной эксплоатаціи, стараясь сберечь и охранить лѣса, какъ запасы, обезпечивающіе будущность края. Уже одно проведеніе желѣзной дороги черезъ Амурскую область и пополненіе колонизаціонныхъ кадровъ потребуютъ такую массу строевыхъ матеріаловъ, что обращеніе съ лѣсными богатствами края должно быть самое осмотрительное, а затѣмъ часть лѣсныхъ площадей будетъ неминуемо истреблена, выжжена и выкорчевана для водворенія земледѣльческой колонизаціи. Пока не открыто въ странѣ благонадежныхъ каменноугольныхъ мѣсторожденій, хорошо охраняемые и правильно эксплоатируемые запасы древеснаго топлива обезпечиваютъ будущность страны, въ которой зимы крайне суровы и гдѣ желѣзная дорога, пароходство и могущая развиться въ будущемъ заводская промышленность потребуютъ большихъ лѣсныхъ запасовъ. Потому-то и не желательно стремиться къ вывозу лѣсныхъ матеріаловъ за предѣлы Амурской области.

Звѣриные промыслы доставляютъ и нынѣ, безъ сомнѣнія, могутъ доставлять и въ будущемъ, предметы для вывоза за предѣлы области, а именно, пушнину, тѣмъ болѣе, что двѣ трети области, въ которыхъ развитіе земледѣльческой колонизаціи невозможно, будутъ всегда представлять достаточно обширное поле для эксплоатаціи именно животнаго міра, обитающаго на этомъ пространствѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что увеличеніе населенія въ сосѣдней съ тайгою и способной для земледѣльческой культуры части области легко можетъ вызвать развитіе хищнической эксплоатаціи звѣриныхъ богатствъ края, которыя, какъ показываютъ намъ историческіе примѣры, такъ легко могутъ быть

неразумно и навсегда истощены даже небольшимъ количествомъ охотничьихъ партій. Поэтому введеніе приспособленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ законовъ, регулирующихъ охоту и звѣриные промыслы русскихъ жителей области не терпятъ отлагательства.

Рыбные промыслы имѣютъ очень большое значеніе въ области, хотя мы указали уже выше, что рыболовство въ Амурской области не превышаетъ и не можетъ превышать $^1/_{10}$ рыболовства во всемъ Амурскомъ бассейнѣ, да и эта доля не умалится лишь въ томъ случаѣ, если рыболовство въ краѣ будетъ упорядочено введеніемъ хорошо обдуманныхъ и приспособленныхъ къ мѣстнымъ условіямъ правилъ, ограждающихъ рыбное богатство Амурскаго бассейна отъ хищническаго истребленія. Вообще же, нѣтъ сомнѣнія, что рыбный промыселъ всего Амурскаго бассейна можетъ, при усовершенствованіи способовъ заготовленія рыбы и доставки въ область болѣе дешевой соли, дать не мало цѣнностей для вывоза изъ Амурскаго края, не говоря уже о покрытіи всѣхъ нуждъ мѣстнаго населенія, какъ бы онѣ ни умножились.

Что касается до минеральныхъ богатствъ края, несомнѣнно въ немъ обильныхъ, то правильная и прибыльная ихъ разработка можетъ дать не мало предметовъ для вывоза, но разработка эта получитъ надлежащее развитіе лишь при удешевленіи рабочей силы, а слѣдовательно можетъ быть результатомъ не кадровой, а только окончательной русской колонизаціи края.

Единственное исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ однако же золотопромышленность. Изъ приведенныхъ выше данныхъ мы видѣли, что *золото* окупаетъ и громадныя издержки на его добычу и, давая заработокъ не только десятку тысячъ людей, занимающихся непосредственно его добычею, но и всему 100-тысячному населенію области, оплачиваетъ съ избыткомъ 8-милліонный привозъ товаровъ, потребляемыхъ всѣмъ населеніемъ Амурской области. Мы ознакомились также и съ характеромъ эксплоатаціи золотоносныхъ розсыпей, который нельзя не признать хищническимъ и приносящимъ двойной вредъ государству: съ одной стороны порчею розсыпей, изъ которыхъ владѣльцы выхватываютъ самую лучшую полосу, а болѣе бѣдную заваливаютъ пустыми и перемытыми уже породами, а съ другой — уходомъ бо́льшей части добытаго не работающими на своихъ отводахъ, а блуждающими хищническими партіями, золота безъ оплаты его податью и притомъ же за дешевую цѣну въ Китай.

Нѣтъ сомнѣнія, что найдутся средства борьбы съ этимъ зломъ, но время правильной разработки Амурскихъ золотыхъ пріисковъ наступитъ только тогда, когда доведеніе желѣзнаго пути до предѣловъ Амурской области обезпечитъ ей подвозъ самаго драгоцѣннаго для нея, въ настоящемъ ея экономическомъ положеніи, товара—живой рабочей силы, въ видѣ-ли окончательно прибывающихъ въ страну переселенцевъ, или въ видѣ контингента временныхъ рабочихъ на золотые пріиски. Съ удешевленіемъ рабочихъ рукъ, вслѣдъ за правильною эксплоатаціею золотыхъ пріисковъ и за развитіемъ эксплоатаціи остальныхъ минеральныхъ богатствъ области, откроется можетъ быть даже и возможность нѣкотораго развитія въ области и заводской промышленности.

По этому послѣднему вопросу мы не рѣшаемся предсказывать что бы то ни было по отношенію къ Амурской области. Для развитія промышленности обработывающей нужно такое соединеніе разныхъ условій, какого въ настоящее время еще не имѣется въ наличности въ Амурской области. Первая категорія этихъ условій заключается въ присутствіи въ странѣ достаточнаго количества топлива, по преимуществу минеральнаго, а также желѣза. Желѣза въ области, повидимому, достаточно, древеснаго топлива пока также, но благонадежныхъ мѣсторожденій каменнаго угля еще не найдено, а возможность подвоза сюда Сахалинскаго, Суйфунскаго и Японскаго угля еще недостаточно выяснена. Вторая категорія условій—дешевизна сырья, переработываемаго въ заводскія или фабричныя издѣлія. Въ настоящее время и этого условія еще не существуетъ. Его нужно ожидать только въ будущемъ отъ развитія воздѣлыванія служащихъ для обработывающей промышленности растеній (льна, конопли, маслянистыхъ растеній, табаку и пр.), скотоводства (дающаго шерсть, кожи, сало и пр.), и добычи ископаемыхъ, служащихъ предметомъ металлическихъ и химическихъ производствъ. Третья категорія условій—дешевизна рабочихъ рукъ, присутствіе знаній и капиталовъ. Всѣ эти условія можетъ создать для Амурской области только великій сибирскій желѣзный путь. Наконецъ, четвертую категорію условій составляетъ близость людныхъ рынковъ для сбыта произведеній обработывающей промышленности, безъ которыхъ эта послѣдняя не можетъ превзойти размѣровъ удовлетворенія только мѣстнымъ потребностямъ внутренняго спроса.

При проведеніи впервые желѣзнаго пути изъ Атлантическихъ штатовъ Америки въ Новую Калифорнію смѣлые пред-

приниматели постройки этого пути, пересѣкающаго сѣверо-американскій материкъ по всей его ширинѣ, находили, что соединеніе 40-милліоннаго населенія атлантическихъ штатовъ съ трехъ-милліоннымъ въ то время населеніемъ тихоокеанической стороны сѣверо-американскаго государства не можетъ быть невыгоднымъ и не ошиблись въ своихъ расчетахъ.

Протяженіе азіатскаго материка втрое шире противъ Американскаго, но на одной сторонѣ желѣзно-дорожнаго пути расположено 300-милліонное населеніе Европы, а на другой — 40-милліонное населеніе Японіи и по крайней мѣрѣ 300-милліонное населеніе Китая. Къ Китаю, конечно, сибирскій желѣзный путь непосредственно не приводитъ, но къ Японіи приводитъ онъ почти непосредственно. Впослѣдствіи можно также ожидать и устройства вѣтви Сибирскаго пути въ Китай. Но и въ такомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что укороченное проведеніемъ Суэцкаго канала морское сообщеніе Европы съ Китаемъ и Японіею останется навсегда дешевле желѣзнодорожнаго, а потому вопросъ о томъ, могутъ-ли произведенія русской промышленности, подвезенныя въ Китай желѣзнымъ путемъ, конкурироватъ съ перевозимыми моремъ иностранными товарами, остается открытымъ. Мы видимъ, однако же, что нѣкоторые русскіе товары, перевозимые сухимъ путемъ на внутренніе рынки Китая, находили себѣ тамъ хорошій сбытъ. Проведеніе желѣзнаго пути, облегчивъ провозъ ихъ черезъ Сибирь, уже само собою отброситъ внутри Китайской Имперіи къ В. ту линію, за предѣлами которой наши сухопутные товары не могутъ конкурировать съ привозимыми моремъ, а слѣдовательно можетъ привлечь къ намъ милліоны новыхъ потребителей. Но есть и еще средство содѣйствовать этому дѣлу. Сибирскій желѣзный путь поможетъ намъ выдвинуть аванпосты нашего заводского и мануфактурнаго производства изъ Московско-Владимірской промышленной области въ тѣ мѣстности Сибири, гдѣ, при необыкновенной дешевизнѣ сырья и обиліи желѣза и каменнаго угля (какъ, напр., въ Кузнецкомъ каменно-угольномъ бассейнѣ Алтайскаго горнаго округа), развитіе обрабатывающей промышленности такъ возможно и такъ желательно. Къ этимъ-то мѣстностямъ сибирскій желѣзный путь можетъ привлечь и знанія, и капиталы, и недостающую имъ рабочую силу, и въ такомъ случаѣ откроется возможность для Россіи завоевать себѣ, посреди многочисленнаго населенія внутреннихъ китайскихъ провинцій, новые рынки. Но можетъ-ли когда-либо сдѣлаться одною изъ такихъ мѣстностей Амурская область, мы рѣшить въ утвердительномъ смыслѣ не беремся и во всякомъ

случаѣ не думаемъ, чтобы таковою она могла сдѣлаться въ настоящее время.

Но въ такомъ случаѣ, какое же значеніе можетъ имѣть для насъ Амурская область въ ближайшемъ будущемъ?

Мы можемъ съ полнымъ убѣжденіемъ отвѣтить на этотъ вопросъ слѣдующими пунктами:

1) Способная къ обитанію часть Амурской области, до пополненія уже занявшихъ ее переселенческихъ кадровъ, можетъ служить именно для избытка земледѣльческаго населенія Имперіи одною изъ лучшихъ въ Азіатской Россіи колонизаціонныхъ площадей.

2) При постепенномъ увеличеніи въ удобныхъ для постояннаго обитанія частяхъ области земледѣльческаго населенія и при приливѣ вообще рабочихъ рукъ въ область, неспособная къ обитанію часть ея можетъ сдѣлаться лучшею въ Россіи золотоносною площадью для такой правильной эксплоатаціи золотыхъ пріисковъ, при которой ихъ существованіе можетъ быть надолго обезпечено.

3) Наконецъ, Амурская область, съ сосѣднимъ съ нею Хабаровскомъ, по постепенномъ завершеніи ея колонизаціи и пересѣченіи желѣзнымъ путемъ, можетъ играть видную роль въ установленіи нашихъ торговыхъ сношеній съ Японіею и въ открытіи правильнаго сухопутнаго транзита для нашей торговли съ этимъ государствомъ.

Выставляя на первый планъ колонизаціонное значеніе Амурской области, считаемъ также долгомъ отвѣтить, насколько это возможно, на вопросъ, возникающій невольно при осуществленіи на практикѣ всякой колонизаціи, а именно: какъ велика можетъ быть ёмкость изученной нами въ этой книгѣ страны для такой колонизаціи?

Разумѣется, отвѣты на подобные вопросы могутъ быть только весьма приблизительные и притомъ же имѣютъ большую эластичность. Мы уже указали выше, что подъ колонизацію области едва-ли возможно отвести вновь, кромѣ занятаго уже переселенцами милліона десятинъ, еще 6 милліоновъ. Если расчитывать отводы по нынѣшнимъ ихъ масштабамъ (36 дес. на душу м. п.), то окажется, что въ Амурской области, кромѣ 100 тыс. нынѣшняго населенія, можно помѣстить еще только триста тысячъ переселенцевъ. Но если смотрѣть на нынѣшнее заселеніе милліона десятинъ (50-ти тыс. населеніемъ) какъ на кадровое, и допустить возможность приселенія къ нимъ еще такого же числа жителей, а при новомъ отводѣ площадей, расчитывать по 18 дес. на душу м. п., тогда къ 100-ты-

сячному населенію области возможно приселить еще 650 тыс., что и составило бы 750 тыс. населенія для всей области. Большей ёмкости для населенія по сибирскому, да и вообще по нашему, русскому, колонизаціонному масштабу область не имѣетъ. Но у насъ на глазахъ, въ самой Амурской области, есть еще и другой масштабъ, который мы можемъ назвать *корейскимъ* и который можетъ дать намъ отвѣтъ на интересный вопросъ о томъ, сколько можетъ въ дѣйствительности прокормить Амурская область при интенсивномъ способѣ хозяйства, даже довольно примитивномъ, если на него смотрѣть съ точки зрѣнія несовершенства употребляемыхъ корейцами сельско-хозяйственныхъ орудій и машинъ. На это дастъ намъ отвѣтъ корейское село Благословенное, постоянно прокармливающее свое населеніе и даже вывозящее на рынокъ нѣкоторый избытокъ, конечно, не пищевого хлѣба (которымъ служитъ для корейцевъ исключительно пшено), но овса. Въ Благословенномъ 1000 дес. земли, повидимому, нисколько не лучшей, чѣмъ другія, способныя для хлѣбопашества, земли области, прокармливаютъ 1000 д. об. п. Слѣдовательно, согласно съ приведенными расчетами земельныхъ угодій области, она можетъ прокормить 7 милл. жителей и если бы, напримѣръ, Воронежская губернія, нынѣ имѣющая 2540000 жителей, была населена корейцами, то она могла бы прокормить ихъ въ числѣ 6 милліоновъ.

Но къ такимъ масштабамъ вмѣстимости страны для населенія мы, конечно, придти скоро не можемъ. Пока ближайшею задачею для государства можетъ быть доведеніе цифры населенія Амурской области до минимальнаго боевого, въ экономическомъ смыслѣ, его состава, то-есть до 400 тысячъ. Пока эта цифра не будетъ пополнена, трудно достигнуть раціональнаго сельскаго хозяйства, раціональной эксплоатаціи золотыхъ пріисковъ, и до тѣхъ поръ что бы мы ни предпринимали для восточнаго нашего океаническаго побережья, будетъ непрочно: оно, выражаясь наглядно, будетъ висѣть на волоскѣ, представляемомъ теченіемъ р. Амура.

Но такой не кадровой, а дѣйствительной колонизаціи Амурской области и вообще нашего дальняго Востока можно достигнуть не иначе, какъ при помощи *великаго сибирскаго желѣзнаго пути*, единственнаго, могущаго обезпечить безпрепятственный ввозъ въ Амурскую область, какъ мы уже выразились, самаго дорогого для нашего дальняго Востока товара— рабочей силы человѣка и капитала его умственной силы— знанія.

Проведеніе послѣдняго изъ звѣньевъ великаго сибирскаго пути, долженствующаго пройти вдоль всего упомянутаго выше и уже занятаго кадромъ русской колонизаціи сегмента Амурской области, останется для поколѣній грядущихъ однимъ изъ лучшихъ памятниковъ послѣдняго знаменательнаго событія въ исторіи нашего дальняго Востока—посѣщенія этого края Наслѣдникомъ Русскаго Престола въ концѣ уже отживающей свое время эпохи безлюдья и бездорожья нашей отдаленнѣйшей окраины.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ НАЗВАНІЙ.

Агда, рч., золотон. пр. Олги, 240, 250.
Агимунъ, горн. группа, 136.
Адунъ-Гиринъ, уроч., 207.
Айгунъ или Манга, р., пр. Амура, 119, 120, 395.
Айгунъ, манч. гор., 21, 32, 121, 395.
Аикта, р., пр. пр. Олдоя, 90.
Аимка, Большая и Малая, р.р., пр. пр. Нимана, 131.
Аимканъ, р., сист. Гилюя, 54.
Актаръ, рядъ высотъ на Амурѣ, 220.
Алатарцева, заимка, Гильчинской вол., 494.
Албазинскій станичный округъ, 441—445.
Албазинъ, прежн. казачій городъ, нынѣ окружная станица, 16—21, 417, 442.
Албазинка, или Албазиха, у туземцевъ Эмыръ или Умуръ, р., пр. Амура, 72.
Алга, рч., золотон. пр. Нимана, 241.
Алгаканъ,, или Алгаконъ р., пр. Амура, 65, 188, 195.
Александровка, почт. станц. Кумарскаго окр., 83, 449.
Александровскій зол. пр., на р. Агдѣ, 240.
Александровское вол. село, Томской вол., 423, 475.
Александро-Невскій зол. пр., на р. Бургали, 231.
Алексѣевскій зол. пр., на р. Джалопѣ, 233.
Алексѣевскій, зол. пр., на р. Ульдикитѣ, 234.
Алинъ, р., см. Алынъ.
Алинъ, Большой и Мал., манджур.-кит. деревни, 119, 394.
Алинъ-Токсо, мандж.-кит. дер., 119, 396.
Алынъ или Алинъ, Больш. и Мал., лѣв. пр. Буреи, 129, 133, 137, 180.
Алэ гора, 174, 221.
Амазаркапъ, р., лѣв. пр. Амазара, 94.
Амазаръ, р., пр. Амура, 55, 64, 89, 94, 98.
Амазаръ, выселокъ каз., Игнашинскій окр., 64, 417, 437.
Амаканъ, см. Исякапъ.
Амгунь, р., пр. Амура, 128.
Амгуньскій, горн. узелъ, 128.
Амнундакта, р., лѣв. пр. Танды, 125, 126.
Амурская область, 41.
Амурско-Зейская волость, 462—469.
Амуръ, р., 64—89, 118—125, 144—169.
Анамунганъ, р., пр. Гилюя, 56.
Анатольевскій, зол. пр. на р. Хухдерѣ 236.
Анганъ, р., пр. Амура, 79.
Ангачанъ, р., пр. Амура, 79.
Ангойскій перекатъ, на Амурѣ, 72.
Ангра, протока Амура, 158.
Андреевка, деревня Ивановской вол., 489.
Аннинскій, зол. пр. на р. Джалиндѣ, 238.
Аннинскій, зол. пр. на р. Больш. Мынѣ, 240.
Анновка, деревня Ивановской вол., 488.
Аносовскій, посел. каз., Кумарскаго округа, 81, 427, 448.
Апка, р., сист. Зеи, 252.
Аполлинаріевскій, зол. пр., на р. Моготѣ, 235.
Арги, р., пр. Зеи, 108, 115.
Аргоскитъ, р., пр. Гилюя, 254.
Аргыбчунъ, плоскогоріе, 101.
Аркади-Семеновскій поселокъ, Завитинской вол., 429, 506.
Арта, р., пр. Керби, 132, 180.
Асиничи, см. Ельничный ключъ.
Ассыни, горн. вершина, 117.
Асташинскій выселокъ, каз., Иннокентьевск. окр., 427, 511.
Астраханка, сел. Амур.-Зейск. вол., 423, 465
Асыгинъ, голецъ, 101.
Атычанъ, горн. группа, 56—58, 97, 125, 184.
Ауканъ, р., см. Омутная.
Ашикта-Богочанъ, ос. на Амурѣ, 147.
Аякитъ, р., пр. Амгуни, 138.
Аянъ, р., лѣв. пр. Олдоя, 90, 91, 190, 230.
Аянъ, р., пр. Амура, 146.

Бабстовскій посел., каз., Михайло-Семеновскаго окр., 425, 524.
Бабстовы высоты, 178.
Баджалъ или Баджанъ, р., пр. пр. Амгуни, 139, 175.

Байджинъ или Гайджинъ, рч., пр. Амура, 58, 219.
Бакаджа, см. Мынъ верхній.
Бакучанъ, гора, 256, 257.
Балганахъ, рч., лѣв. пр. Буреи, 130.
Бальдыжанъ, р., золотон. пр. Янкана, 230.
Барамаконъ, р., пр. пр. Зеи, 110.
Барышева, заимка Ивановск. вол., 491.
Бахирева, дер., Завитинской вол., 426, 505.
Башуровскій поселокъ, казач., Раддевскаго окр., 427, 515
Бебяки, озеро, 101.
Безыменная, р., пр. Амура, 81.
Безымянка, рч., спст. Зеи, 126.
Безымянный руч. золотон., пр., Бургали, 232.
Бейтоновскій, перекатъ на Амурѣ, 73.
Бейтоновъ, посел., каз., Албазин.окр., 72, 442,
Бекетовскій, посел. каз., Албазинск. окр., 74, 423, 443.
Бекетовскій перекатъ на Амурѣ, 73.
Березовка, дер. Черемховск. вол., 427, 482.
Берея, р., пр. Амура, 84.
Берьмпнская, дер. Томской вол., 428, 471.
Бибиковскій посел., каз., Екатеринпнскаго окр., 86, 423, 453.
Биджанская гряда, 178.
Биджанскій пос., каз., Михайло-Семеновск. окр., 427, 522.
Биджанъ, р., пр. Амура, 155.
Бира, Большая, см. Кильменъ
Бира Малая, р., пр. Амура, 160, 172.
Бира, мандж.-кит. дер., 395.
Бираиджи, р., пр. пр. Уньмы, 175.
Бираръ или Биръ-аръ, р. пр. Амура, 136, 145, 171.
Бирары, племя, 386.
Бирганъ, р., пр. Амура, 120.
Битки, рч., золотон., спст. Зеи, 235.
Благовѣщенская, дер. Томск. вол., 429, 470.
Благовѣщенскъ, городъ, 456—462.
Благодатный, пріискъ, зол., на р. Джалтѣ, 233, 247, 248.
Благословенное, корейское село на Амурѣ, 154, 408, 410, 426.
Богдойка, рч., пр. Амура, 62.
Богородская, дер. Черемховск. вол., 425, 483.
Богоявленскій, золотой пр. на р. Хухдеръ, 236, 246.
Боланъ, озеро, 139.
Болотина, Прох., заимка Гильчинской волости, 495.
Болотина, Трпф., заимка Гильчинской волости, 495.
Бомъ, р., пр. Дугды, 101.
Бордо, мандж.-кит. дер., 119, 395.
Бордогонъ, дер. Амурско-Зейской вол., 468.
Борпсоглѣбовка, дер. Завитинской вол , 500.
Бору-кая, горный кряжъ, 104, выноска.
Боруль, горная группа, 136.
Брусяной, утесъ на Амурѣ, 68.
Брянда, р., пр. пр. Зеи, 58, 97, 115, 125, 186, 232.
Бугули, р., пр. Амура, 76.
Будинда, мандж.-кит. дер. 394.
Будинда, р., лѣв. пр. Зеи, 115.
Буйвуликанъ, рч., пр. Амура, 78.
Букачъ, р., пр. Амура, 220.
Була-Манга или Була-Мунге, мандж.-кит дер., 119, 395.
Булетскій, родъ Орочонъ, 373.
Бургали, двѣ рѣчки золотон. пр. Амура, 71, 79, 80, 92, 231.
Буреинскій или Бурейскій, хребетъ, или Малый Хинганъ, 51, 52, 127 — 144, 147 — 154, 180, 209, 291.
Бурея, р., одинъ изъ главн. пр. Амура, 124—145, 169, 170, 209.
Бурпнда, р., лѣв. пр. Амура, 74.
Бурпала, рч., пр. Танды, 125.
Бурпала, рч., пр. Геткана, 125.
Бурпала, кряжъ, 98.
Бурунда, р., лѣв. пр. Нары, 239.
Буссевскій, посел. каз., Кумарскаго округа, 85, 427, 451.
Бусули, рч., пр. Амура, 198.
Бутули, рч., пр. Амура, 147.
Бухочпнъ, протока Амура, 157.
Буяновыхъ, заимка Ивановск. вол., 491.
Быки, горы, см. Кехъ-Кая.
Быри, утесъ па Амурѣ, 163.
Бысп, р., лѣв. пр. Селимджы, 104, выноска.
Бѣлая Больш., р., лѣв. пр. Зеи, 107, 108, 113, 121.
Бѣлая Мал., р., лѣв. пр. Зеи, 112.
Бѣлогорье, сел. Амур.-Зейск. вол., 423, 465.
Бѣлоногова, дер. Томской вол., 426, 472.
Бѣлоярская, дер. Томской вол., 428, 476.
Бѣлый яръ, дер. Завитинской вол. 429, 503.
Бѣлыя горы, на Зеѣ, 100, 110—113, 192, 193.

Вагапова, почт. ст. Черняевск. окр., 445.
Ванганъ, мысъ, см. Карсакова.
Ванда, плоскогоріе или хребетъ, 52, 128, 139, 175.
Варваровка, дер. Ивановск. вол., 428, 488.
Васплпсинскій, зол. пр. па р. Хухдерѣ, 237.
Васпльевка, дер. Томск. вол., 426, 474.
Васпльевскіе, зол. пріиски, 91.
Васпльевскій, зол. пр. на р. Битки, 235.
Васпльевскій, зол. пр на р. Джилиндѣ, 237.
Васпльевскій, зол. пр. Лаптева, 243.
Введенская, дер. Томской вол., 429, 471.
Венцелевскій, посел. каз. Михайло-Семеновскаго окр., 155, 425, 521.
Вертопрахова, заимка Михапло-Семеновск. окр., 524.
Верхне-Амурскій, раіонъ или группа поселеній, 526.
Верхне-Благовѣщенскій, посел. каз., Екатеринпнск. окр., 88, 423, 455.
Верхне-Бѣльская, дер. Томской вол., 476.
Верхне-Дмитревскій, зол. пр. па рч. Джилиндѣ, 237.
Верхне-Ивановскій золотой пр. на рч. Джилиндѣ, 237.
Верхне-Полтавка, дер. Гильчинск. вол., 497.
Верхне-Спасская почт. станція Михайло-Семеновскаго окр., 161, 524.
Верхне-Уртуй, пер. Гильчинск. вол., 496.
Веселая, заимка Черняевск. окр., 446,

Вечерній, зол. пр. на р. Ингагли, 239.
Виниковскій, посел. казач. Инпокентьевск. окр., 511.
Владиміровка, дер. Ивановск. вол., 426, 487.
Владиміровскій или Владимірскій, зол. пр. на р. Джалтѣ, 233, 248.
Вобликова, заимка Гильчинской вол., 496.
Водоворотный, утесъ на Амурѣ, 80.
Вознаграждающій, зол. пр., 243.
Вознесеновка, дер. Завитинск. вол. 426, 503.
Вознесенская, дер. Томской вол., 427, 476.
Вознесенская, почт. ст. Михайло-Семеновскаго окр., 160.
Вознесенскій, зол. пр. на р. Перевальн., 231.
Вознесенскій, зол. пр. на р. Селимджѣ, 243.
Вознесенскій, пр. Лаптевой, 243.
Воскресенскій, поселокъ Михайло-Семеновскаго окр., 72, 418, 523.
Воскресенскій, зол. пр. на р. Уричи, 229, 246.
Восточный, пр. на р. Джалтѣ, 234, 247.
Высокая, дер. Томской вол., 424, 475.
Вѣрный, зол. пр. на р. Уругучи, 234, 247.

Гайджинъ, см. Байджинъ.
Галиджанъ, р., пр. пр. Амгуни, 139.
Гануканъ Горный, р., пр. Амура, 145, 171.
Гаюмкомъ, рч., спст. Зеи, 58.
Генриховскій зол. пр. на р. Нюмани, 242.
Гетканъ, р., пр. пр. Гилюя, 125, 126, 198.
Гильчинская волость, 493—500.
Гильчинъ, дер. Гильчинск. вол., 120, 426, 495.
Гильчинъ, Больш. и Мал., манджуро-кит. дер., 119, 396, 397.
Гильчинъ, Больш. и Малый, рѣки, пр. Амура, 104, 107, 120.
Гилюй, р., большой пр. пр. Зеи, 53, 54, 115, 119, 236.
Гилюйскій хребетъ, 186.
Гирбалянъ или Горбалянъ, р. пр. Амура, 78.
Гоканъ, рч., пр. Амура, 187, выноска.
Голинфа, мандж.-кит. дер., 396.
Головинскій, посел. казач., Михайло-Семеновскаго окр., 169, 424, 523.
Гольды, племя, 387—392.
Гонанъ, изгибъ Амура, 71.
Гораціевскій, ключъ, 277.
Гораціевскій, зол. пр. на р. Джалтѣ, 232—247.
Горбалянъ, см. Гирбалянъ.
Горбица Больш., р., 24, 64, примѣч.
Горинъ, р., пр. Амура, 139, 210.
Горный Ганканъ, см. Гануканъ.
Горо-благодатскій, зол. пр. на р., Джалтъ, 233.
Горпихина, заимка Гильчинс. вол., 495.
Громотуха, рч., пр. Амура, 85.
Грязная или Преображенская, рч., пр. Амура, 158.
Грязнуха, см. Димъ.
Грязнушка, сел. Амурско-Зейской вол., 465.
Грязнушка или Грязнуха, рч., пр. Амура, 87, 465.
Гуджалъ, р., пр. пр. Тырты, 128.
Гуланъ-Бпреканъ, рч., 149.
Гулигилянъ, озеро, 101.
Гуликъ, рч. спст. Зея, 192, выпос.
Гуранъ, селен. Амурско-Зейск. вол., 427, 464.

Дабкуръ, Дабкиръ или Дабукиръ, р., лѣв. пр. Зеи, 186, 192, 193.
Дабталь, гора, 141.
Дайре, мандж.-кит. селен., 119, 397.
Дамбукитъ, или Дабукитъ, р., пр. пр. Гилюя, 236.
Дауръ-Аулъ, см. Солонечная.
Дауръ-Аулъ сопка, 143.
Дауры, племя, 392, 406, 407.
Даусаманъ, р., пр. Амура, 163.
Дачыга, мандж.-кит. селен., 207.
Дашихада, см. Карсакова мысъ.
Дежневскій, посел. каз., 155, 425, 521.
Деркн, скала на Амурѣ, 219.
Джагда или Туксн, р., 101, 117.
Джагда-Улагиръ, рч., золотонос. спст. Зеи, 235.
Джагду, хреб., 95, 100, 101, 117, 186.
Джай хреб., 180.
Джалинда, см. Джилинда.
Джало, протока Амура, 155.
Джало, р., спст. Зеи, 192.
Джалонъ, р., зол., пр. Иликапа, 232, 248, 252.
Джалта Больш. и Мал., рѣч., золотонос. пр. пр. Ульдикпта 232, 233, 246.
Джалтула Больш. и Мал., пр. пр. Гилюя, 58.
Джараханъ, горн. возвышенность, 53, 104.
Джарма, гольдс., деревушка, 174.
Дженкосъ, рч., пр. Буреи, 131.
Дже-юрэкъ, якутск. названіе р. Зеи.
Джилинда р., золотон. пр. Ура, 91, 92, 111, 116, 141, 237.
Джо-айгунъ, мандж. кит. дер., 395.
Джубкохинъ, р., пр. Гилюя, 56.
Джукджуръ, хреб., 49, 96, 127.
Джукдыръ, хреб., 52, 97, 102.
Дзинъ-дзили и Дзинъ-пли, кит. назв. Зеи.
Дикаго-Оленя, р., см. Сокже.
Димскій, поселокъ каз. Поярковс. окр., 508.
Димъ р., пр. Амура, 107, 122.
Дичунъ Верхн. Средн. и Нижн., лѣв. пр. Амура, 142, 146.
Дичунъ, почт. станц. Раддевск. окр., 516.
Дмитріевка, дер. Ивановс. вол., 424, 487.
Добрая, пок. каз. пос., 434
Добринская, почт. ст. Екат.-Ник. окр., 519.
Долгое озеро, 495.
Долова, заимка Гильчин. вол., 495.
Домбуко, хребетъ, 58, 115.
Домиканъ, дер. Завитинс. вол., 427, 505.
Домиканъ, рч., 170, 505.
Допъ-чи-фа, мандж.-кит. сел., 395.
Доуссэ-алинъ, хребетъ, 52, 128.
Дроздова, заимка Черняевс. окр., 446.
Дружина, заимка Ивановской вол., 491.
Дружинскія, заимки Гильчинск. вол., 495, 498.
Дугда или Дукда, р., впад. въ Нару, 53, 101, 186.
Дукель, р., одна изъ вѣтвей Кура, 175.
Дульянканъ, р., лѣв. пр. Буреи, 170.
Дулясама, рч., спст. Зеи, 58.
Дункань, р., лѣв. пр. Зеи, 101.
Дунонъ, излучина Амура, 70.
Дымченко, заимка Черемховс. вол., 482.
Дымъ, р., пр. Зеи, 193.
Дэпъ, р., пр. Зеи, 101, 105, 112, 117, 192,

Евграфовскій, зол. пр. 243.
Егорьвскій, зол. пр. на р. Джалтѣ, 234.
Егорьевка, сел. Амур.-Зейск. вол., 423, 466.
Екатерининская, окруж. казач. станица, 86, 417, 454.
Екатерининскій, станичный округъ, 453—456.
Екатерининскій Ильиканскій, зол. пр. на р. Джалонѣ, 233.
Екатеринопикольская, казачья окружная станица, 151, 153, 418, 517.
Екатеринопикольскій, станичный окр., 517—520.
Еланъ-бира, р., пр. Нюмана, 240.
Еленинскій, зол. пр. на р. В. Мынѣ, 240.
Еленинскій, зол. пр. на р. Уганъ, 236.
Ельничная, рч., пр. Амура, 67.
Ельничный ключъ, или Асиничи, пр. Амура, 70.
Ермаковскій, выселокъ казач. Черняевс. окр., 79, 261, 423, 446.
Ефремовская, заимка, Ивановск. вол., 491.

Жарикова, заимка Гильчинск. вол., 495.
Жарикова, заимка Ивановской вол., 491.
Жарикова, дер. Гильчин. вол., 428, 495.
Желтуланъ, р., золотон. пр. Гилюя, 236.
Желтый утесъ, на Зеѣ, 192.
Жотаръ, или Сутаръ, верховье Кильмена или Б. Биры, 128, 142, 143, 173.

Забродина, заимка Гильчинск. вол., 494.
Забѣловскій, выселокъ Михайло-Семеновс. окр., 161, 523.
Завитая, р., пр. Амура, 106, 107, 122.
Завитинская, волость, 500—507.
Загорская селитьба, дер. Амурско-Зейс. вол., 429, 467.
Заливная, дер. Томской вол., 426, 473.
Заносная, протока Амура, 122.
Зейско-Буреинскій, районъ или группа поселеній, 526.
Зея, р., значительнѣйшій прит. Амура, 53, 54, 88, 95, 186, 193.
Змѣиный лугъ, 74.
Зорина, дер. Ивановской вол., 428, 489.

Иванова и Лаштаева, заимка Гильчинс. вол., 494.
Ивановская вол., 486—493.
Ивановскій, зол. пр. на р. Джагда-Улагирѣ, 235.
Ивановское, село Ивановскій вол., 426, 487.
Иверъ, р., лѣв., пр. Зеи, 186, 193.
Игакъ, ключъ, золот., впад. въ Джалту, 248.
Игнатьевскій., посел. каз. Екатеринінск. окр., 87, 424, 454.
Игнашина, окр. стан. каз., 66, 417, 437.
Игнашинскій, станичн. окр. 436—441.
Изинкири, манджурс. назв. Зеи.
Ики, р., сист. Зеи, 58.
Илакчи, ключъ, впад. въ Амуръ, 148.
Илачумру, р., пр. Зеи, 110, 112.
Илга, р., пр. Бирара, 171.
Ильиканскій, зол. пр. на Ильиканѣ, 234.
Ильиканъ, р., зол. пр. Брянды, 58, 115, 125, 234.
Ильиканъ, гора, 187, 203.
Ильиканъ, мысъ, см. Казакевича.
Ильинское, село Завитинск. вол., 427, 501.
Ильтивусъ, гора, 100.
Ингагли, р., золотон. пр. Ура, 237, 239.
Ингрячи, р., лѣв. пр. Амура, 63.
Инканская часовня, 117.
Инканъ, р., золотон. пр. Селимджы, 52, 239.
Инноканъ, р., пр. Амура, 82.
Иннокентьевка, дер. Завитинс. вол., 427, 503.
Иннокентьевская, окр. казач. станица, 144, 145, 418, 512.
Иннокентьевскій, станичный округъ, 511—514.
Иннокентьевскій, золот. пр. на р. Безыменной, 232.
Иннокентьевскій зол. пр. на р. Бургали, 232.
„ „ „ „ „ Джалтѣ, 233, 247.
„ „ „ „ „ Уганѣ, 236.
„ „ „ „ „ Янканѣ, 231.
Инягли, р., пр. Амгуни, 138.
Ирканъ, или Иряканъ, Болш. и Мал., рч., сист. Зеи, 191.
Ирикей, р., пр. Амура, 66.
Исаевская заимка, Иванов. вол., 491.
Иссе, р., сист. Уньмы, 104.
Исяканъ, рч., пр. Амура, 76.

Іоанно-Крестительскій, зол. пр. на р. Агдѣ, 241.
Іорахъ, р., пр. Буреи, 131.

Кабанова, заимка Черемховс. вол., 483.
Кадовля, рч., пр. Амура, 78.
Казакевича, или Ильиканъ, мысъ на Амурѣ, 72, 201.
Казанская, дерев. Томской вол., 429, 472.
Казанскій, зол. пр., 243.
Кайджы, см. Гайджинъ.
Кайлакчи, рч., лѣв. пр. Амура, 147.
Каку, протока Амура, 158.
Калэ, протока Амура, 158.
Кама, первая и вторая, р. р., пр. Буреи, 170.
Каменистый, зол. пр. на р. Джалонѣ, 333, 249.
Каменка, дер. Завитинской вол., 428, 505.
Камни—такъ называется Буреинскій хр., 142 вынос.
Камни-фынъ, ущелье прорыва Амура черезъ Буреинск. хр., 52, 141, 146.
Камрай, рч., сист. Гилюя, 253.
Канакъ, рч., золотон., сист. Буреи, 241.
Капитолинскій, зол. пр. на р. Бургали, 231.
Кармысъ-Хонгкони, утесъ на Амурѣ, 163.
Карповка, рч. пр. Амура, 142.
Карсакова или Вангапъ, мысъ на Амурѣ, 83, 203.
Карсаковскій, посел. казач. Кумарскаго окр., 85, 427, 450.
Касаткинскій, поселокъ, казач. Иннокентьевс. окр., 145, 418, 512.
Квашнинскій, посел. каз. Михайло-Семеновс. окр., 155, 425, 521.
Квинто, заимка Игнашинс. окр., 437.
Кебели или Кевели, пр. Нюмана, 103, 104, 131.

Кему или Кеменгъ, скала на Амурѣ, 159, 219.
Керакъ, р., пр. Ура, 54.
Керби, р., пр. Немилена, 129, 132, 137, 180.
Керби, ущелье, 209.
Керленгъ, р., пр. Амура, 187, 206.
Кёхъ-кая, горн. группа, 95, 98, 100, 102, 105, 188.
Кильменскій, горн. узелъ, 128.
Кильменъ или Кирма, то же, что Больш. Бира, р., лѣв. пр. Амура, 128, 161, 172.
Кинлянжанъ, р., золотон. пр. Конури, 239.
Киноли, гора, 160.
Кирбичи, р., пр. Уньмы, 175.
Кирми, см. Кильменъ.
Киселева, высел. Завитинской вол., 427, 506.
Климовка, дер. Томской вол. 428, 477.
Ключевская, дер. Томск. вол., 425, 476.
Ключевской, посел. казач. Поярковс. окр., 427, 508.
Коврижки, высел., Поярковс. окр. 427.
Койкуканъ, или Кокуйкенъ, р., пр. Амура, 198.
Колбачи, рч., зол., пр. пр. Ульдикита, 232.
Кольта, болотист. долина, 76.
Кольцова, почт. станц. Кумарс. окр., 82, 449.
Комиссаровка, дер. Черемховс. вол., 479.
Конакъ, р., золотон. пр. Нюмана, 240, 250.
Конгамуни, рч., золотон. сист. Зеи, 235.
Кононенковыхъ, заимки, Гильчинс. вол., 494.
Коноплева, заимка Гильчинс. вол., 494.
Константиновскій, посел., казач. Поярковс. окр., 122, 423, 508.
Константиноградовка, дер. Ивановской вол., 428, 490.
Конури, р., золотопос. пр. Зеи, 97, 98, 108 126, 191, 239.
Копылова, заимка Ивановс. вол., 491.
Корейцы, 408—414.
Коршуновка, дер. Завитинс. вол., 427, 501.
Косицына, заимка, Ивановс. вол., 491.
Косицыныхъ, заимка, Гильчинс. вол., 494, 496.
Космодемьяновка, дер. Гильчинс. вол., 496.
Космунъ, р., пр. пр. Уньмы, 175.
Котомангды, р., пр. Амура, 69, 196.
Котю, р., пр. Керби, 137.
Коханъ, р., пр. Гилюя, 54.
Кочахинъ, или Кочулынъ, р., пр. Кудули, 103, 125.
Красноярское, село Томс. вол., 428, 470.
Красный яръ, дер., Завитинс. вол., 426, 502.
Красный яръ, см. Халаринъ-экше.
Крестовоздвиженское, село Гильчинс. вол., 497.
Круглая, дер. Томской вол., 426, 473.
Куджана, р., пр. Тырмы, 140.
Кудиканъ, р., пр. Амура, 62, 68.
Кудули, р., лѣв., пр. Гилюя, 58, 125.
Кузнецовскій, посел. каз. Черняевс. окр., 78, 417, 446.
Кукелевскій, пос. каз. Михайло-Семеновс. окр., 425, 522.
Кулебакина, заимка Гильчинс. вол., 497.
Куликовка, дер. Завитинс. вол., 428, 504.
Кулусутай, дер. Завитинс. вол., 428, 504.
Кульдуръ, р., см. Мутная.
Кумара, р., пр. Амура, 83.
Кумарская, окр. станица каз., 84, 93, 449.
Кумарскій, станичн. окр., 448—453.
Кумача, см. Тумача.
Кунгуракъ, р., золотопос. пр. Уричи, 229.
Купэли, берег. откосъ на Амурѣ, 220.
Купецъ, остр. на Зеѣ, 193.
Куприяновка, рч., пр. Амура, 123.
Куприяновскій, пос. каз. Иннокентьевскаго окр., 123, 417, 511.
Купури, см. Конури.
Курхайту р., пр. Амгуни, 139.
Куръ, р., одна изъ вѣтвей Тунгузки, 139, 163, 174—178, 221.
Кутилова, дер. Завитинской вол., 427, 501.
Кутумангда или Кутумангра, р., пр. Амура, 71.
Кхалори, скала на Амурѣ, 220.
Кхалфи, мысъ на Амурѣ, 163.
Кындыгирскій, родъ Орочонъ, 373.
Кырма, мысъ на Амурѣ, 161.
Кырымупъ, р., пр. Амура, 86.
Кэутыръ, гора, 175, 222.
Кюджаль, р., пр. Тырмы, 140.

Лагаръ, р., пр. Амура, 142, 148.
Лагаръ-аулъ, горы, 128, 141, 147.
Лазаревка, дер. Ивановской вол., 427, 489.
Лака, см. Лаха.
Лама-хадаръ, скала на Амурѣ, 80, 200.
Ланкиныхъ, заимки Гильчинской вол., 496.
Лантунъ, мандж.-кит. сел., 396.
Лаха, р., пр. Амгуни, 138, 175, 600.
Лаха, р., пр. Уньмы, 599.
Лахири, мандж.-кит. дер., 395.
Лсвченковыхъ, выселокъ Томской вол., 472.
Леоновскій, зол. пр. на р. Джалонѣ, 232, 249.
Лештаева, заимка Гильчинской вол., 495.
Либкуканъ, р., пр. Буреи, 600.
Лисова, заимка Гильчинской вол., 495.
Лиственная, рч., пр. Самары, 143, 214.
Листвянская, дер., Томской вол., 428, 472.
Луговской, высел. каз. Михайло-Семеновскаго окр., 161, 523.
Лѣсная, рч., пр. Амура, 122.
Любавинскій, зол. пр. въ Буреинскихъ горахъ, 243.
Людиканъ, р., пр. Буреи, 130.
Люнгинъ, озеро, 101.

Маготъ, р., пр. пр. Гилюя, 190.
Малэ, мандж.-кит. дер., 395.
Малиновка, дер. Завитенс. вол., 505.
Мама, протока Амура, 157, 158.
Манга, р., см. Айгунъ,
Манга, мандж.-кит. дер., 395.
Мангалей верхн., средн. и нижн., р.р., пр. Амура, 55, 63, 195.
Мангалейскій лугъ, 63.
Мангалейскій перекатъ, 64.
Манготи скала, на Амурѣ, 159.
Манго, мандж.-кит. дер., 119.
Манджуры, 407.
Манегры, 379—386.

Маріинскій, выс. каз. Радд. окр., 427, 515.
Марковское, волостное село Амурско-Зейской вол., 426, 464.
Масличная, гора на Амурѣ, 83.
Маэргинъ, р., золотон. пр. Селимджы, 240.
Меванджа, хреб., 138.
Медвѣжій, ключъ, 253.
Медвѣжья сопка, гора на Амурѣ, 67, 68.
Метелкиныхъ, заимки Гильчинс. вол., 496.
Мингати, скала на Амурѣ, 219.
Михаило-Архангельскій, зол. пр. въ Буренскихъ горахъ, 243.
Михайловка, селеніе Амурско-Зейской волости, 463.
Михайловскій, пос. каз. Иннокентьевс. окр., 145, 418, 512.
Михайловскій, зол. пр. на р. Моготѣ, 235.
Михайловское, село Завит. вол., 425, 502.
Михайло-Константиновскій, зол. пр. на р. Уругучи, 234.
Михайло-Семеновская, окр. станица казач., 157, 418, 434, 522.
Михайло-Семеновскій, станичный округъ, 520—526.
Мищенко, заимка Гильчин. вол., 494.
Мовшекъ, протокъ Амура, 156.
Моготъ, рч., золотон., басс. Зеи, 235.
Могочу, рч., пр. Амазара, 89, 94.
Модоланъ, р., золотонос. пр. Олдоя, 90, 230.
Модоланъ, рч., золотон. пр. Модолана, 230.
Мокто, рч., сист. Зеи, 253.
Мокчо, р., пр. Зеи, 112.
Молчановка, дер. Томской вол., 429, 471.
Монастырка, р., пр. Амура, 67, 195.
Монголи или Монголъ, рч., золотонос. пр. Олдоя, 229.
Монголокчи, рч., пр. Амура, 149.
Монеди или Монгди, р., пр. Зеи, 109.
Монмалту, рч., 103.
Монмалтуканъ, рч., пр. пр. Монмалту, 103.
Морату, р., пр. Амура, 79.
Москвитина, дер. Ам.-Зейск. вол., 425, 467.
Мо-хада, рч., обрывы на Амурѣ, 142.
Мукунда первая и вторая, пр. Амура, 62.
Мургиль горы, 141.
Мутная или Кульдуръ, рч., пр. Удира (Хингана), 141.
Моэлэ или Моулэ, см. Кильменъ.
Мынъ Верх. и Ниж., зол. пр. Селимджы, 239, 292.

Нагибова, покин. каз. пос., 434.
Надежный, зол. пр. на Нюмани, 242.
Надежный, зол. пр. на Ингагли, 239.
Надежный, зол. пр. Родственнаго, 243.
Надьянъ Кадала, рч., 142.
Нальда, рч., пр. Амазара, 89.
Нара, рч., пр. Селимджы, 52, 101, 117, 186.
Нарагда, рч., 186.
Натальина, дер., Амурс.-Зейс. вол., 428, 467.
Наукапитъ, р., пр. Буреи, 130.
Неверъ или Невиръ, р., золот. пр. Амура, 57, 71, 93, 191, 231.
Неверъ Мал., р., 92.
Невѣровская, заимка Гильчинс. вол., 494.
Немиленъ, р., лѣв. пр. Амгуни, 129.
Неожиданный, зол. пр. на р. Ульдикитѣ, 234.
Нижне-Дмитріевскій, золот. пр. на Джалиндѣ, 238.
Нижне-Ермолаевская, заимка Черняевскаго окр., 447.
Нижне-Ивановскій, зол. пр. на р. Джалиндѣ.
Нижне-Полтавка, дер. Гильчинс. вол., 498.
Нижне-Спасская, почт. ст. Михайло-Семеновс. окр., 162, 524.
Низменный, упразд. каз. поселокъ, 118—120.
Николаевка дер., Ивановс. вол., 426, 490.
Николаевскій, зол. пр. на р. Джалиндѣ, 238.
„ „ „ „ „ Ингагли, 239.
„ „ „ „ „ Канакѣ, 241, 250.
„ „ „ „ „ Купгуранѣ, 229.
„ „ „ „ „ Моготѣ, 235.
„ „ „ Аристархова, 243.
„ „ „ Мыльник., 243.
Николаевское, село Томской вол., 424, 476.
Никольскій, пос. каз. Иннокентьевс. окр., 123, 418, 511.
Никольскій, зол. пр. на р. Урумульчи, 229.
Нилянъ, р., пр. Амгуни, 133.
Нипагайскій, родъ Орочонъ, 374.
Новая, дер., Томской вол., 426, 473.
Новая Покровка, сел. Ам.-Зейск. вол., 425, 463.
Новгородскій, покин. каз. пос., 162, 433.
Новлинъ, протока Амура, 157.
Ново-Алексѣевка, дер. Черемх. вол., 482.
Ново-Андреевка, дер. Черемх. вол., 479.
Ново-Воскресенское, сел. крест. Кумарс. окр., 449.
Ново-Кумарскій, пос., каз. Кумарс. окр., 84, 427, 450.
Новопокровка, сел. Черемх. вол., 428, 481.
Ново-Троицкое, сел. Ам.-Зейск. вол., 425, 465.
Новый, пос. каз. Михайло-Семен. окр., 522.
Ноку-бирекаиъ, логъ, 149.
Норъ-токсо, мандж.-кит. сел., 119, 396.
Нугу, рч., зол. пр. Зеи, 239.
Нюкжа, хреб., 76, 78, 84, 88, 100.
Нюманакъ, р., пр. Нюмана, 131.
Нюманское, купеческ. собр., 131, 599, 618.
Нюманъ, р., зол. пр. Буреи, 131, 240, 242.

Обкань, р., см. Омутная.
Оёръ, р., пр. Зеи, 193.
Озерная, р., пр. Самары, 143, 214, 227.
Ойхопъ, р., одна изъ вѣтвей Куры, 175.
Олга, р., зол. пр. Нюмана, 240, 251.
Олгаканъ, р., зол. пр. Нюмана, 240.
Олгонгро или Олонгро, р., запад. верш. Гилюя, 56, 116.
Олдой, р., зол. пр. Амура, 55—56, 66, 90—94, 195, 229.
Олопку, р., пр. Нюмана, 131.
Ольга, р., пр. Амура, 76, 77, 188.
Ольгинскій, пос. каз. Черняевс. окр., 76, 445.
Омогунъ, р., пр. Амгуни, 139.
Омудичи, рч., пр. Урки, 229.
Омутная, иначе Аукапъ, р., зол. пр. Амура, 55, 66, 89, 90, 188, 195, 229.
Опкондже, р., пр. Буреи, 130.

Оно, р., сист. Зеи, 193.
Опонъ, р., пр. Амура, 79, 187, 193.
Орловскій, высел. казач. Игнашинс. окр., 71, 417, 438.
Орокотъ, р., пр. Амура, 138.
Орочи, р., сист. Зеи, 193 выноска.
Орочоны, 373.
Осинда, гора, 136, 145.
Осколконъ, гора, 91.
Отрадный, зол. пр. на Омутной, 229.

Павловское, село, Томск. вол., 425, 473.
Пано, р., пр. Амура, 72.
Пановская, заимка Гильчинс. вол., 495.
Пантелеймоновскій, золот. пр. на р. Сивагли, 229.
Парунова, дер., Гильчинс. вол., 429, 497.
Паруновскій, высел. Томс. вол., 428, 471.
Пашковскій, пос. каз. Иннокентьевс. окр., 141, 148, 418, 513.
Первый, зол. пр. на р. Мынѣ, 240.
Перевальная, рч., зол. пр. Янкана, 231.
Пермикинскій, пос., каз. Албаз. окр., 73, 413.
„ перекатъ, 73.
Пермикинскія, протоки, 73.
Песковскій, зол. пр., 243.
Песчаное озеро, село Ивановс. вол., 428, 488.
Петровская, почт. станц. Михайло-Семеновскаго окр., 161, 434, 523.
Петровскій, зол. пр. на р. Джалону, 233.
Петровское, сел. Амурско-Зейской вол., 466.
Петропавловка, дер. Завитинс. вол., 425, 502.
Петропавловка, село Черемховс. вол., 483.
Петропавловскій, посел. казач. Кумарскаго окр., 427, 451.
Платова, дер. Завитинской вол., 426, 503.
Плевна, утесъ, 192.
Плотинскій, ключъ золот., 246.
Поздѣевская, заимка Томской вол., 476.
Покровское, село Игнашин. окр., 63, 417, 436.
Полезный, зол. пр. на Джалиндѣ, 239.
Поликарповская почт. станц. Екатер.-Никольскаго окр., 519.
Половинная, р., сист. Зеи, 98, 102.
Полосатики, руч., впад. въ Амуръ, 63.
Полосатикъ, мысъ, 187.
Полосатый, утесъ, 192.
Полуденный, зол. пр. на Хухдерѣ, 236.
Помпеевка, рч., пр. Амура, 213.
„ почт. ст. Раддевс. окр. 516.
Поповыхъ, заимки Гильчинск. вол., 494, 495.
Пояркова, окруж. станица казач., 119, 122, 423, 509.
Поярковскій, станичн. округъ, 508—511.
Преображеновка, дер. Ивапов. вол., 429, 490.
Преображенская или Грязная, пр. Амура, 158.
Преображенскій, зол. пр. 229.
Преображенскій Титова, зол. пр., 243.
Прядченка, дер. Амур.-Зейск. вол., 425, 466.
Пузиновскій, пос. каз. Екатерино-Никольс. окр., 154, 418, 434, 518.
Путаки, двѣ рѣчки, 92.

Раддевка, окр. ст. каз., 141, 418, 515.
Раддевскій, станич. окр., 514—517.
Разуваева, заимка, Иванов. вол., 491.
Райчиха, дер., Завитинской вол., 429, 504.
Резанова, заимка, Гильчинс. вол., 495.
Рейновскій, пос. каз. Албазинскаго окр., 72, 417, 441.
Рождественскій, зол. пр. на р. Манголи, 235.
Рудная, гора, 227.

Саванъ, р., пр. Зеи, 193, выноска.
Сагибовскій, посел. каз. Иннокент. окр., 146, 418, 513.
Сазанка Большая, дер. Амурс.-Зейс. вол., 428, 471.
Саманка Малая, дер. Амурс.-Зейс. вол., 467.
Салары, р., золотон. пр. Нюмана, 240.
Самара, р., пр. Амура, 143, 212.
Самарскій, посел. каз. Екатер.-Ник. окр., 518.
Сангади-Алевугда, см. Алинь-Токсо.
Саножка Больш. и Мал., р. р., пр. Амура, 64, 195.
Сапсаль, сел., Кумарс. окр. 425, 450.
Сапунцовы, заимки Гильчинс. окр., 494, 495.
Саяпиныхъ, заимка Гильчинс. вол., 495.
Свербѣевскій, пос. каз. Игнашинс. окр., 66, 69, 417, 438.
Свербѣевскій, перекатъ, 69.
Сгибневскій, поселокъ каз. Игнашинс. окр., 67, 418, 438.
Севангра, р., пр. Буреи, 130.
Севанда, р., пр. Уньмы, 175.
Секеке, р., 101.
Сектагли, р., пр. пр. Буреи, 170.
Селимджа, р., пр. Буреи, 52, 53, 103, 110, 114, 117, 239, 358, 600.
Селимджинскій, хребетъ, 102.
Селиткапъ, р., пр. Селимджы, 600.
Семеровыхъ, заимки, 494, 495.
Семпозерное, сел. Черемховс. вол., 426, 481.
Сепчи, мандж. кит. дер. 395.
Серафимовскій, зол. пр. на р. Джагда-Улагиръ, 235.
Серганчи, мандж.-кит. дер., 395.
Сергіевка, селен. Амурс. Зейс. вол., 86, 463.
Сергіевскій, ключъ золотопосн., 246.
Сергіевскій, зол. пр. на р. Олгѣ, 241.
„ „ „ „ „ Селимджѣ 243.
„ „ „ „ „ Хухдерѣ, 236.
Сестрянки, двѣ рѣчк., пр. Амура, 67.
Сивагли, рч. золотон. пр. Олдоя, 230.
„ „ „ „ Омутной, 229.
Сигикта, р., пр. пр. Гилюя, 126, 190.
Сикся-Хада гора, 148.
Силимджа, р., см. Селимджа.
Сильба, протока Амура, 157.
Силярка, р., пр. Амура, 74.
Симоновскій, пос. казач. Кумарс. окр., 84, 427, 450.
Скобельцына, пос. каз. Иннокент. окр., 124, 144, 512.
Смирновыхъ, заимка, Ивановской вол., 491.
Снѣжный, зол. пр. на р. Джальтѣ, 234.
Собяки, гора, 104, примѣч.
Сокже или Дикаго Оленя, р., пр. Буреи, 170.
Соколова, заимка Ивановс. вол., 491.

Солтоконъ, гора, 193.
Солончная, или Дауръ-аулъ, рч., пр. Амура, 158.
Сомнительный, зол. пр. пор. Битки, 235.
„ „ „ „ Янкану, 230.
Софійскій, зол. пріискъ на р. Алгѣ, 241.
Союзный, пос. каз. Екатер.-Никольс. окр., 151, 424, 517.
Спасскій, зол. пр. на р. Джагда-Улагиръ, 235.
Спасскій Верхн. и Ниж., пок. пос., 434.
Справедливый, зол. пр. на р. Нюмани, 242.
Средне-Бѣлое, село Черемх. вол., 426, 480.
Становой, хребетъ, 48—51, 59, 60, 96.
Старо-Воскресенское, село кр. Албазинс. окр., 423, 442.
Степановскій, пос., каз. Михайло-Семеновс. окр., 424, 434, 523.
Столбовая, рч., пр. Самары, 143.
Столбовской, выс. каз. Ек.-Ник. окр., 518.
Сторожевской, пос., каз. Раддевс. окр., 147 424, 514.
Сунгари, р., 156.
Суркинъ-аулъ, сопка, 143.
Сутаръ, р., см. Жотаръ.
Сутуръ или Сутаръ, пр. пр. Тырмы, 128, 140.
Сухотинскій, почт. ст., 453.
Сыдъ-чаза, мандж. кит. дер., 119, 396.
Сюльга, протока Амура, 157.
Сякся-хада, скалы, 216.

Табицаръ, горн. вершина, 117.
Табыярханъ, голецъ, 101, 117.
Табыяръ, голецъ, 101.
Тай-пингу, мандж.-кит. дер., 119, 396.
Тамбовка, дер., Гильчинс. вол., 427, 494.
Танда или Танды, р., пр. Гилюя, 56, 94, 116, 236.
Тарбагатай, селен. Томской вол., 428, 472.
Тастахъ, р., пр. Буреи, 130.
Тасъ-хандавынъ, р., пр. Буреи, 130, 137.
Теллахъ, горн. скатъ, 130.
Тельма, протока Амура, 156.
Тенди, р., пр. Ура, 116.
Тимофѣевскій, зол. пр. на р. Олгѣ, 241.
Тоенъ-Олга, р., золотон. пр. Нюмани, 240.
Токаланъ, р., пр. Керби, 137.
Токориканъ, озеро, 98.
Токъ или Токо, р., пр. Зеи, 17, 108, 115, 186, 191, 192.
Толбузинскій, посел. каз. Черняевск. окр., 74, 417, 445.
Толстовка, дер. Гильчинс. вол., 428, 493.
Томская, волость, 469—479.
Томская, дер. Томской вол., 425, 475.
Томь, р., лѣв. пр. Зеи, 105—106, 108, 110—113, 118.
Топко-бпра, р., золотон. пр. Нюмани, 240.
Торей, р., пр. Амура, 78, 199.
Торой, почт. станц. Черняевс. окр., 446.
Троицкій, зол. пр. на р. Конгамуни, 235.
Троицкое, село Черемховс. вол., 425, 480.
Ту, р., Зейской системы, 193.
Тугдунъ, мандж.-кит. дер., 395, 396.
Тугдунъ-алинъ, мандж. дер., 119, 394.
Тугурингра, хребетъ, см. Тукурингра.
Тупиъ, р., пр. Буреи, 104, 212.
Тукориндо, голецъ, 58.
Тукси, см. Джагда.
Тукурикапъ, гора, 104, выноска.
Тукурингра, хребетъ, 95, 98, 99, 105, 188, 190.
Тулхада, мандж.-кит. дер., 119, 396.
Тумачскій посъ, скала на Амурѣ, 65.
Тумачъ, р., пр. Амура, 65.
Тунгильгинъ, р., 192.
Тунгузка, р., пр. Амура, 139, 163, 173, 221, 599.
Тунгузскій, зол. пр. на р. Учугей-Елга, 242.
Тунгусы, 361—373.
Тупси, рч., сист. Зеи, 53.
Тунтуръ, гора, 104, выпос.
Турана, хребетъ, 95, 103, 127.
Тусихулу, манд.-кит. дер., 119, 394.
Тыгда, р., сист. Зеи, 192.
Тыксянъ, р., золотон. пр. Мына, 239.
Тымга, рч. сис. Зеи, 53.
Тымъ-тапиръ, сист. Зеи, 193.
Тырма, р., пр. Буреи, 128, 135—140, 180.
Тэну, р., сист. Зеи, 193.

Убкаканъ, р. пр. Амгуни, 139.
Уганъ, рч., золотон. пр. Зеи, 186, 235, 236.
Удаганъ, р., пр. Амура, 207.
Удпръ, р., пр. Амура, 141.
Уй, р., пр. Амура, 147, 148, 216.
Улангру, р., пр. Буреи, 131.
Улангэ, р., пр. Зеи, 112, 192.
Улекча, р., пр. Амура, 79.
Уленкитъ, озеро, 101.
Уленкитъ-Улагиръ р., золотон. пр. Зеи, 231.
Улики, рч., пр. пр. Куро, 174, 221.
Улусу-модонъ, петля на Амурѣ, 85, 204.
Улу-спссъ горы, 97.
Ульгидича, р., золотн. пр. Невпра, 231.
Ульдикитъ, р., зол. пр. Илпкана, 232, 234.
Ульдикитъ, рч., золотон. пр. Модолана, 230.
Умалкитъ, р., пр. Буреи, 136.
Умальтинъ, р., пр., Буреи, 131, 135.
Умлеканъ, р., сист. Зеи, 192.
Умнынъ, р., пр. Амура, 81.
Умыръ, см. Албазиха.
Упаха, р., пр. Брянды, 125.
Упьма, р., одна изъ вѣтвей Тунгузки, 139, 163, 174, 221, 599.
Уньма, р., пр. Селимджы, 104.
Ургалъ, р., пр. Буреи, 600.
Ургамакитъ, рч., сист. Амгуни, 600.
Урекча, протока Амура, 159.
Урекча или Урекчэ, горн. кряжъ, 158, 180.
Урикъ, р., пр. Бпрара, 171.
Урилъ, р., пр. Амура, 171.
Урпчи, р., золот. пр. Амура, 55, 67, 89, 94, 190, 229.
Урка или Уркапъ, Больш. и Малая, р.р., прит. Амура, 55, 65, 66, 229.
Урма, см. р. Уньма.
Уртуй, р., то же, что Малый Гильчинъ.
Уругучи, рч., золотон. пр. Джалты, 234.
Урульмути, рч., золотон. пр. Урки, 229.
Уръ, р., пр. Зеи, 54, 105, 112, 116, 192.
Усманъ, р., пр. Танды, 125.

Усо-урдыръ, руч. сист. Зеи, 53.
Успеновка, дер. Черемховской вол., 429,480.
Успенскій, зол. пр. по р. Уричи, 229.
Успунъ, рч., лѣв. пр. Буреи, 135, 210.
Уссури, р., 162.
Усть-Стрѣлочный, караулъ, 93.
Утянь, рч., пр. Амазара, 89.
Учугей-Елга, р. золотон. пр. Июмана, 240, 242, 251.
Ушаковскій, посел. каз. Кумарскаго окр., 83, 449.
Ушакта—улагиръ, рч., зол. сист. Зеи, 235.
Уюнъ-холдонги, потухшій вулканъ, 202.
Уяки, см. Аякитъ.

Фейеркапъ, утесъ на Амурѣ, 163.
Фе-токсо, мандж.-кит. сел. 119, 396.

Хабайканъ, р., пр. Зеи, 110.
Хабаровскъ, 163.
Хадабпреканъ, рч., пр. Амура, 149.
Хадаси, рч., пр. Амура, 199.
Халаринъ-экша, обрывъ на Амурѣ, 71.
Хамыханъ, уроч., 138.
Харка, р. пр., Селимджы, 600.
Харъ, см. Бираръ.
Хашихта, площадка, 174, 221.
Хеди-шань, мандж.-кит. дер., 394.
Хету-бирганъ, мандж.-кит. дер., 396.
Хехциръ, горы, 220.
Хинганъ Большой, хребетъ, 194.
Хинганъ Малый, см. Буреинск. хреб.
Хинганъ, р., см. Удиръ.
Хинганъ, станц. Екатер. Ник. окр., 519.
Ходучая, р., пр. Амура, 70.
Хойняръ, см. Самара.
Холяльки, мысъ, 163, 220.
Хопи-хорху, Больш. и Мал., мандж.-китайск. дер., 394.
Хопи-хорху, рч., 120.
Хорроxо, утесъ на Амурѣ, 161, 220.
Хочіо, горн. отрогъ, 149.
Хуапъ-хэ, одно изъ кит. названій Зеи.
Худунь-шань, мандж.-кит. дер., 119, 394.
Хулху, гольдск. деревушка, 174.
Хунгари, горы, 159.
Хурха, рч., пр. Амура, 193.
Хухдеръ, р., золотон. сист. Зеи, 236, 246, 252.
Хухчиръ-хурпнъ, хреб., 162.
Хэта, протока, Амура, 156, 157.

Цагаянъ, почт. ст. Черняевск. окр., 447.
Цагаянъ, горы на Буреѣ, 192, 212.
Цагаянъ, скала на Амурѣ, 80, 81, 183, 201, 259.

Чалбуитъ, р., пр. Амура, 198.
Чалбукчи или Чалбучи, рч., пр. Амура, 141, 145, 147, 217.
Чарпэлъ, бер. откосъ на Амурѣ, 70.
Чарпэльскій кривунъ, излучина Амура, 70.
Черемховская волость, 479—486.
Черемховское, волостное село, 425, 483.
Черный кривунъ, мысъ на Амурѣ, 70
Черняевская, заимка Екатер. Никольскаго окр., 519.
Чернлева, окр. станиц. каз., 77, 423, 446.
Черняевскій, станичн. окр., 445—448.
Черпельскій, см. Чарпэльскій.
Чесноковскій, пос. каз. Поярк. окр., 424 509.
Чжи-бира, орочонское назв. Зеи.
Чжо-опиканъ, тунгуз. назв. Зеи.
Чикири, мандж. назв. Зеи.
Чипкундинскій, складъ, 170.
Чинъ-дунь-шань, мандж.-кит. д., 119, 120, 194.
Чи-по-чанъ, утесы, 142.
Чичатка, рч., пр. Амазара, 89.
Чоза, протока Амура, 158, 159.
Чочохоръ или Чочогаръ, горн. группа, 104, выноска, 191.
Чуевка, дер. Гильчинск. вол., 428, 496.
Чукчуканъ, р. сист. Зеи, 193, 261.
Чунъ-ди-вопунъ, мандж.-кит. сел., 397.
Чурка, кряжъ, 158.

Шань-шань, мандж.-кит. дер., 397.
Шахша-хада, гора, 147.
Шеваки, утесъ, 103.
Шекшаумъ, рч., золотон. пр. Олдоя, 230.
Шинка, утесъ, 192.
Шира, гора, 174, 222.
Широкая, верхн. и нижн., пр. Амура, 62.
Шито-пауза, мандж.-кит. сел., 397.
Шокола, заимка Гильчинск. вол., 496.

Ымгапахъ, р., пр. Буреи, 130.

Эвета, горн. цѣпь, 98.
Эламбоканъ гора, 174, 222.
Эльга, р., пр. Амгуни, 600.
Эльгуза, мандж.-кит. дер., 394.
Эмагальясъ гора, 191.
Эмыръ, см. Албазиха.
Эньи-хадаръ, уроч., 207.
Эракингра, рч., пр. Анмкапа, 54.
Эту, утесъ, 159, 219.

Южно-Амурскій, раіонъ или группа поселеній, 526.

Яблоновый хребетъ, 49—51.
Яковлева, заимка Гильчинск. вол, 496.
Якутскій, зол. пр. на р. Учугей-элгѣ, 242.
Ямъ-Алинь, хребетъ, 95, 102, 127.
Янгирчи, рч., пр. Амура, 147.
Янканскій голецъ, 100, 116, 191.
Янканъ, рч., золотон., 230.
Янъ, большой голецъ, 139.
Японскій лугъ, 63.
Ярафъ, р., сист. Кура, 175.
Яръ, рч., пр. Амура, 69.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано.	*Стр.*	*Строка.*	*Слѣдуетъ читать.*
1)	11	9 снизу	1)
5)	11	4 »	2)
Сѣвѣръ	42	15 »	Сѣверъ
встѣчи	50	14 »	встрѣчи
устье	54	17 »	русло
выдлѣяются	56	10 сверху	выдѣляются
Орловомъ	90	5 снизу	Орловымъ
Свербееваго	91	19 »	Свербеевскаго
сліяніе	93	6 сверху	сліянія
южный	95	3 снизу	общій
по исковой	96	3 »	поисковой
мемного	98	10 сверху	немного
приведенъ	102	22 »	проведенъ
за то	103	12 »	зато
Гальчинъ	104	4 »	Гильчинъ
»	107	13 »	»
дѣса	107	3 снизу	лѣса
Хонирха	119	19 »	Хонихорха
обѣимъ	119	19 »	обоимъ
Манго	119	15 »	Манга
экспдиціи	141	15 сверху	экспедиціи
длинными	142	8 снизу	скалистыми
Kentn	147	1 »	Kennt.
называемую	152	4 »	называемой
Муэлэ	161	12 сверху	Моулэ
Сѣвѣро-востоку	163	9 снизу	Сѣверо-востоку
замѣчательными	166	15 »	значительными
теченіе	169	9 »	теченія
Пря	170	13 сверху	При
вытягивась	170	19 »	вытягиваясь
Биръ-аръ	171	13 »	Биръ-Аръ
»	171	19 »	»
теченія	171	21 »	по теченію
показанія	173	7 »	въ показаніяхъ
Тнгузки..	173	9 »	Тунгузки.
5—и—6^0	175	9 »	—5^0 и—6^0
на другой	175	21 »	съ другой
Буреинскихъ	179	19 »	Буреинскихъ
однихъ	179	20 снизу	однѣхъ
Нмаъ	192	32 »	Намъ
обралованія	193	1 »	образованія
новѣшихъ	194	18 сверху	новѣйшихъ
полево-шпатаго	204	19 снизу	полево-шпатоваго
верхнейя	210	2 сверху	верхней
крупные	216	6 снизу	крутые
представлающій	219	7 »	представляющій

Напечатано.	*Стр.*	*Строка.*	*Слѣдуетъ читать.*
непоминающаго	222	1 сверху	напоминающаго
тунележащими	228	21 снизу	втуне—лежащими
которые	245	17 »	которыя
такъ	250	13 сверху	такъ какъ
которыя	251	18 »	которые
вышеупоимянованныхъ	254	7 снизу	вышеупомянутыхъ
См. выше, стр. 57—II	259	1 »	См. выше, стр. 215
См. выше, стр. 56 и далѣе	260	5 »	См. выше, стр. 210 и далѣе
Съ 1867, по 1865 г.	280	11 »	Съ 1867 г. по 1885 г.
дишь	296	8 сверху	лишь
западныхъ склоновъ	297	14 снизу	западные склоны
наводненіемъ	304	9 »	наводненіямъ
Panicum mandshuricum, Vicia pallida	305	3 сверху	Panicum mandshuricum; Vicia pallida
встрѣчаютя	305	13 снизу	встрѣчаются
обыкновенная	309	4 »	обыкновенную
по рѣки	351	22 сверху	въ рѣки
v. Hippothoë	355	22 »	Pol. Hippothoë
Kenntnis S	356	11 снизу	Kenntniss
нахвалится	361	19 »	нахвалиться
жатье	363	9 сверху	жилье
См. гл. 8, стр.	368	2 снизу	См. глава VIII, стр. 335.
достигнутъ	371	17 сверху	достигнуть
банкрутства	372	8 »	банкротства
куццамъ	372	21 »	купцамъ
кряжи	378	9 »	кражи
власть дѣтей	378	13 »	власть на дѣтей
перешедшія	380	6 »	перешедшіе
жара	382	15 »	жары
нами	384	23 снизу	ними
китайскихъ	389	20 сверху	коническихъ
впадающимъ	395	21 снизу	впадающемъ
расположенаго	395	20 »	расположеннаго
сбываютъ	404	12 »	сбываетъ
на	409	4 сверху	но
распоряжеіню	410	2 снизу	распоряженію
и т. д. под.	412	7 »	и т. под.
Тамбовскій	428	15 »	Тамбовской
Жарковy	428	14 »	Жарикову
свего	429	6 »	своего
обслѣдованію	436	2 »	обслѣдованіи
среднетъ	444	8 »	среднемъ
они	452	7 »	онѣ
линейнаго	455	15 »	коннаго
кэта и зубатка	456	6 »	кэта (зубатка)
да кромѣ	460	24 сверху	да кромѣ того
въ 70 вер.	464	10 »	въ 10 вер.
верхъ	470	1 »	вверхъ
послѣдніе	470	6 »	послѣднія
2289	475	21 снизу	2259.
(8 коровъ, 4 вола 38 быковъ)	476	2 »	(8 коровъ, 4 вола, 8 быковъ)
крупнѣйшимъ	481	14 »	крупнѣйшихъ
сгорѣло	482	15 сверху	сгорѣла
анбаръ	487	16 снизу	амбаръ
имѣется	494	1 сверху	имѣются
построено	494	19 снизу	построена
16.500 дес.	494	15 »	17.500 дес.
1.800 дес.	509	21 »	1.500 дес.
30 дес.	515	2 »	29 дес.
Садоводство находится только начинаетъ еще	520	23 сверху	Садоводство только начинаетъ еще
тигровъ	520	7 снизу	тетеревовъ
пахшнями	521	14 »	пашнями

Напечатано.	*Стр.*		*Строка.*	*Слѣдуетъ читать.*
вдаваться въ догадокъ	528		2 сверху	вдаваться въ область догадокъ
123 тыс. дес.	535		4 »	123 тыс. пуд.
120 пуд.	562		13 снизу	100 пуд.
уменьшенія	564		18 сверху	уменьшеніе
70.720	565	(итогъ)	14 снизу	10.720
ною	567		16 сверху	выгодною
состоящіе	568		13 снизу	состоящія
сплошныхъ	568		13 »	сплошныхъ
количества	569		10 сверху	количество
эксплуатаціи	570		7 »	эксплоатаціи
сборѣ	570		13 »	сбора
лвому	570		21 »	лѣвому
рр. Димо Завитой	570		24 »	рр. Диму и Завитой
403143	578		19 снизу	403140
248627	578		15 »	248587
Досниnъ	583		4 »	Доенинъ
ледоходами	592		1 »	шугой
навигаціи и повышенія	594		8 »	навигаціи повышенія
которые	598		16 »	которыя
и приходится	599		3 сверху	и здѣсь приходится
направляются теченію	603		17 снизу	направляются по теченію
Приамурскую область	616		8 »	Приморскую область

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . I—V

ГЛАВА I.

Историческій очеркъ судебъ Амурскаго края . . . . . 1—40

Амурскій бассейнъ—колыбель народовъ тунгузскаго племени, стр. 1.—Характеристика древняго манджура, 2.—Бохай, Кидань, Нюй-Чжень, 4.—Образованіе Манджурскаго Государства, 6.—Появленіе на Амурѣ «лоча», т. е. русскихъ, 6.—Поярковъ, 8.—Хабаровъ, 9.—Выселеніе дауровъ и дучеровъ въ долину р. Нонни, 13.—Критическое положеніе русскихъ на Амурѣ, 15.—Остатки Степановскаго отряда покидаютъ его, 16.—Никифоръ Черниговскій, 16.—Осколковъ, 16.—Осада Албазина, 19.—Сдача его и вторичное возстановленіе, 20.—Вторая осада Албазина, смерть Толбузина, Бэйтонъ, 20.—Снятіе осады, 20.—Нерчинскій договоръ, 21.—Послѣдующія дипломатическія сношенія Россіи съ Китаемъ, 22.—Научныя изслѣдованія и труды, послужившіе основаніемъ къ болѣе точному ознакомленію съ Амуромъ, 23.—Мѣропріятія графа Муравьева-Амурскаго, 27.—Первый сплавъ по Амуру, 32.—Второй сплавъ по Амуру, 34.—Айгунскій договоръ, 38.—Тянъ-цзинскій трактатъ, 38.—Пекинскій трактатъ, 40.

ГЛАВА II.

Амурская долина отъ сліянія Шилки съ Аргунью до устья Зеи и горная страна къ сѣверу отъ нея . . . . . 41—94

Недостаточность нашихъ свѣдѣній о сѣверной части Амурской области, 41.—Историческій обзоръ изслѣдованій Амурскаго бассейна, 42.—Неточность географической номенклатуры для горъ Амурской области, 48.—Маршрутъ Миддендорфа по сѣверной окраинѣ Амурской области, 52.—Путь Усольцева, 55.—Характеръ природы горной страны, составляющей сѣверную окраину области, 59.—Характеристика Становыхъ горъ, 59.—Горы Нюкжа, 61.—Амуръ отъ Усть-Стрѣлки до устья Олдоя, 64.—Отъ устья Олдоя до Албазина, 69.—Отъ Албазина до устья Кумары, 72.—Отъ устья Кумары до устья Зеи, 83.—Притоки до Зейскаго участка Амура: Амазаръ, 89, Олдой, 90.— Высоты главнѣйшихъ пунктовъ разсмотрѣннаго участка Амурской области, 93.

ГЛАВА III.

Бассейнъ р. Зеи съ его горною окраиной и низменностью и рѣчная долина Амура между устьями Зеи и Буреи 95—126

Общій очеркъ орографіи Зейскаго бассейна, 95.—Становой хребетъ, 97.—Тукурингра, 99.—Янканскій голецъ, 105.—Джагду, 100.—Джугдыръ, 102.—Водораздѣлъ между Ниманомъ и Селимджой, 103.—Хребетъ Турана, 103.—Зейская низменность, 105.—Зея, 108.—Притоки Зеи: Брянда, 115; Гилюй, 115; Уръ, 116; Селимджа, 117; Томь, 118.—Долина Амура между устьемъ Зеи и Низменной, 118.—Между Низменной и устьемъ Буреи, 121.—Высоты нѣкоторыхъ пунктовъ разсмотрѣннаго участка Амурской области, 125

ГЛАВА IV.

Буреинскій хребетъ, Буреинская рѣчная область и пространство между Буреей и восточною границею Амурской области . . . . . стр. 127—180

Буреинскій хребетъ, 128.—Бассейнъ верхней Буреи и Нимана, 131.—Бурея ниже устья Нимана, 135.—Характеръ склоновъ перваго звена Буреинскихъ горъ, 136.—Второе звено этихъ горъ, 138.—Тырма, 140.—Третье, южное, ихъ звено, 140.—Долина Амура между устьемъ Буреи и сел. Пашковскимъ, 144.—Ущелье Камни-фынъ, 146.—Различіе въ воззрѣніяхъ на происхожденіе этого ущелья, 152.—Амуръ между ст. Екатерино-Никольской и устьемъ Сунгари, 153.—Между устьемъ этой рѣки и администр. границей области, 157.—Характеръ теченія Амура, 164.—Время замерзанія и вскрытія Амура, 165.—Наводненія, 166.—Нижнее теченіе Буреи, 169.—Р. Биръ-Аръ, 171.—Большая Бира, 172.—Тунгузка, 173.—Характеристика прибрежной полосы Амура между Буреинскими горами и устьемъ Тунгузки 176.—Высоты нѣкоторыхъ пунктовъ разсмотрѣннаго участка Амурской области, 180.

ГЛАВА V.

Геологическое строеніе Амурской области и ея минеральныя богатства . . . . . 181—261

Недостаточность нашихъ свѣдѣній о геологическомъ строеніи Амурской области, 181.—Схема распространенія геологическихъ формацій по Шмидту, 182.—Область распространенія кристаллическихъ породъ въ горахъ Становой системы, 184.—Область распространенія известняковъ, 188.—Область распространенія другихъ осадочныхъ породъ, 189.—Сланцы верховій Гилюя и Янканскаго гольца, 189.—Осадочныя образованія Зейской долины, 191.—Геогностическое строеніе Амурской долины отъ Усть-Стрѣлочнаго караула до Албазина, 194.—Отъ Албазина до Илиқана, 196.—Отъ Илиқана до Улусу-Модонской излучины, 201.—Отъ Улусу-Модона до устья Зеи, 204.—Отъ устья Зеи до устья Буреи, 207.—Буреинскихъ горъ, 209.—Долины Буреи и восточныхъ склоновъ хребта въ ущельѣ Керби, 209.—Долины р. Самары, 212.—Долины Амура отъ устья Буреи до пос. Пашковскаго, 214.—Отъ пос. Пашковскаго до ст. Екатерино-Никольской (ущелье Камни-фынъ), 216.—Отъ Екатерино-Никольска до устья Тунгуски, 219.—Долины Тунгуски, 221.—Нѣкоторые общіе выводы, какъ результатъ совмѣстнаго изученія орографіи и геогностическаго строенія области, 222.—Металлоносность Амурской области, 225.—Желѣзныя руды, 226.—Розсыпное золото, 228.—Коренное мѣсторожденіе золота, 256.—Мѣсторожденіе сурьмянаго блеска, 256.—Мѣсторожденія каменнаго угля, 258.—Мѣсторожденіе мрамора, 260.

ГЛАВА VI.

Климатъ Амурскаго бассейна . . . . . 262—283

Пункты на Амурѣ, въ которыхъ производились метеорологическія наблюденія, 262.—По климатическимъ особенностямъ своимъ Амурская область входитъ въ число странъ, составляющихъ сѣверную окраину обширной области муссоновъ, 263.—Характерныя особенности климата области муссоновъ и въ частности Амурской области, 263.—Температура воздуха, 273.—Осадки, 276.—Климатъ Благовѣщенска, 278.—Таблицы, 282.

ГЛАВА VII.

Растительный покровъ Амурской области . . . . . 284—320

Характеристика растительнаго покрова по вертикалу, отъ гребня къ низинамъ, и въ то же время по направленію съ сѣвера на югъ, 284.—Амурскій лѣсъ, 289.—Палы, 294.—Характеристика флоры Амурской долины, 297.—Первая область—отъ Усть-Стрѣлки до Албазина, 298.—Вторая область—отъ Албазина

до устья р. Зеи, 302.—Третья область—отъ устья Зеи до Буреискаго нагорья, стр. 304.—Четвертая область—отъ западныхъ склоновъ Буреинскихъ горъ до устья Уссури, 307.—Описаніе отдѣльныхъ породъ амурскаго лѣса: липа, 311; кленъ, 311, пробковое дерево, 313; орѣшина, 313; Maackia amurensis, 314; ясень, 314; дубъ, 315; тополь, 315; вязъ, 316; береза, 317; ольха, 317; пихта, 318; ель, 318; лиственница, 319; сосна, 319; кедръ, 319; прочія породы деревьевъ, 320.

ГЛАВА VIII.

Животный міръ Амурской области . . . . . 321—358

Первобытный составъ амурской фауны, 321.—Географическое распространеніе млекопитающихъ Амурской области, 325.—Промысловыя животныя: бурый медвѣдь, 327; тибетскій медвѣдь, 330; соболь, 330; колоноқъ, 332; выдра, 332; рысь, 333; лисица, 333; бѣлка, 334; косуля, 335; сѣв. олень, 335; лось, 336; олень, 336; кабарга, 336.—Географическое распространеніе птицъ Амурской области, 337.—Промысловыя птицы, 344.—Своеобразіе ихтіологической фауны Амурскаго бассейна, 344.—Рыбы рѣкъ бассейна Амура, 346.—Рыбныя богатства, 349.—Промысловыя рыбы Амура: кэта, 351; горбуша, 353; осетръ, 354; калуга, 354; прочіе виды рыбъ, 354.—Фауны другихъ порядковъ животныхъ, 355.—Жемчугъ, 358.

ГЛАВА IX.

Инородческое населеніе Амурской области . . . . . 359—414

Инородческое населеніе Амурскаго края въ XVII вѣкѣ, 359.—Охотничьи племена, живущія нынѣ въ области: тунгусы, 361; орочоны, 373; манегры, 379; бирары, 386; гольды, 387; гили, 392.—Осѣдлое населеніе области: манджуры, китайцы, дауры окрестностей Благовѣщенска, 392; корейцы села Благословеннаго, 408.

ГЛАВА X.

Русское населеніе, распредѣленіе его по населеннымъ мѣстамъ области и экономическое положеніе послѣднихъ 415—531

Историческій ходъ заселенія Амурской области, 415.—Приволье въ земельныхъ угодьяхъ породило благосостояніе въ средѣ поселенцевъ изъ крестьянъ, 431.—Казачьи поселенія съ момента возникновенія своего поставлены были въ худшія условія существованія, 432.—Внѣшній видъ казачьей станицы, 435.—Частный обзоръ станичныхъ округовъ, входящихъ въ составъ дозейскаго участка Амурской области: Игнашинскій станичный округъ, 436; Албазинскій, 441; Черняевскій, 445; Кумарскій, 448; Екатерининскій, 453.—Благовѣщенскъ, 456.—Частный обзоръ волостей Зейско-Буреискаго земледѣльческаго раіона: Амурско-Зейская волость, 462; Томская, 469; Черемховская, 479; Ивановская, 486; Гильчинская, 493; Завитинская, 500.—Частный обзоръ станичныхъ округовъ, расположенныхъ по Амуру отъ устья Зеи до Хабаровска: Поярковскій станичный округъ, 508; Иннокентьевскій, 511; Раддевскій, 514; Екатерино-Никольскій 517; Михайло-Семеновскій, 520.—Группировка селеній Амурской области, 526.—Численность сельскаго населенія Амурской области, 526.—Раздѣленіе его по вѣроисповѣданіямъ, 527.—Отношеніе числа женщинъ къ числу мужчинъ, 527.—Число брачныхъ паръ, 528.—Число душъ обоего пола на дворъ, 528.—Общая цифра населенія Амурской области, 528.—Естественный приростъ русскаго населенія области, 529.—Общее количество земельнаго надѣла въ области, 530.—Заключеніе, 530.

ГЛАВА XI.

Сельское хозяйство русскаго населенія области . . . . . 532—560

Общая характеристика сельско-хозяйственныхъ раіоновъ области: Верхне-Амурскаго, 532; Южно-Амурскаго, 537; Зейско-Буреискаго, 541.—Полевыя работы въ Зейско-Буреискомъ земледѣльческомъ раіонѣ, 548.—Коневодство, 554.—Скотоводство, 555.—Эпизоотіи, 557.—Овцеводство, 558.—Свиневодство, 558.—

Пчеловодство, 559.—Таблицы цѣнъ на хлѣбные продукты въ г. Благовѣщенскѣ за періодъ съ 1860 по 1888 г., 559. стр.

ГЛАВА XII.

Неземледѣльческая промышленность русскаго населенія, торговые пути и торговля . . . . . 516—619

Почтовая гоньба, 561.—Дальніе извозы, 561.—Рыболовство, 563.—Охота, 566.—Лѣсные промыслы, 568.—Ремесленность, 572.—Заводская промышленность, 575.—Золотопромышленность, 579.—Торговые пути: рѣчные, 592; продолжительность времени навигаціи и колебаніе уровня водъ Шилки, Амура и Уссури, 593; пароходство, 595; сухопутные пути, 597.—Торговля, 603.

Заключеніе . . . . . 620—630

Алфавитный указатель географическихъ названій . . . . 631—639

Замѣченныя опечатки . . . . . I—III

КАРТА АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

Въ масштабѣ 100 верстъ въ дюймѣ.

10b